4° P.o.russ.
1/1

Chvoščinskaja-
Zaiončkovskaja

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. КРЕСТОВСКАГО

[= Nad. Dmitr. Chosčinskaja Zaiončkovskaja, N. P.]

(ПСЕВДОНИМЪ)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Біографія. — Анна Михайловна. — ПРОВИНЦІЯ ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ: I. Свободное время. — II. Кто-жъ остался доволенъ? — III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. — Дневникъ сельскаго учителя. — Искушеніе. — Утренній визитъ.

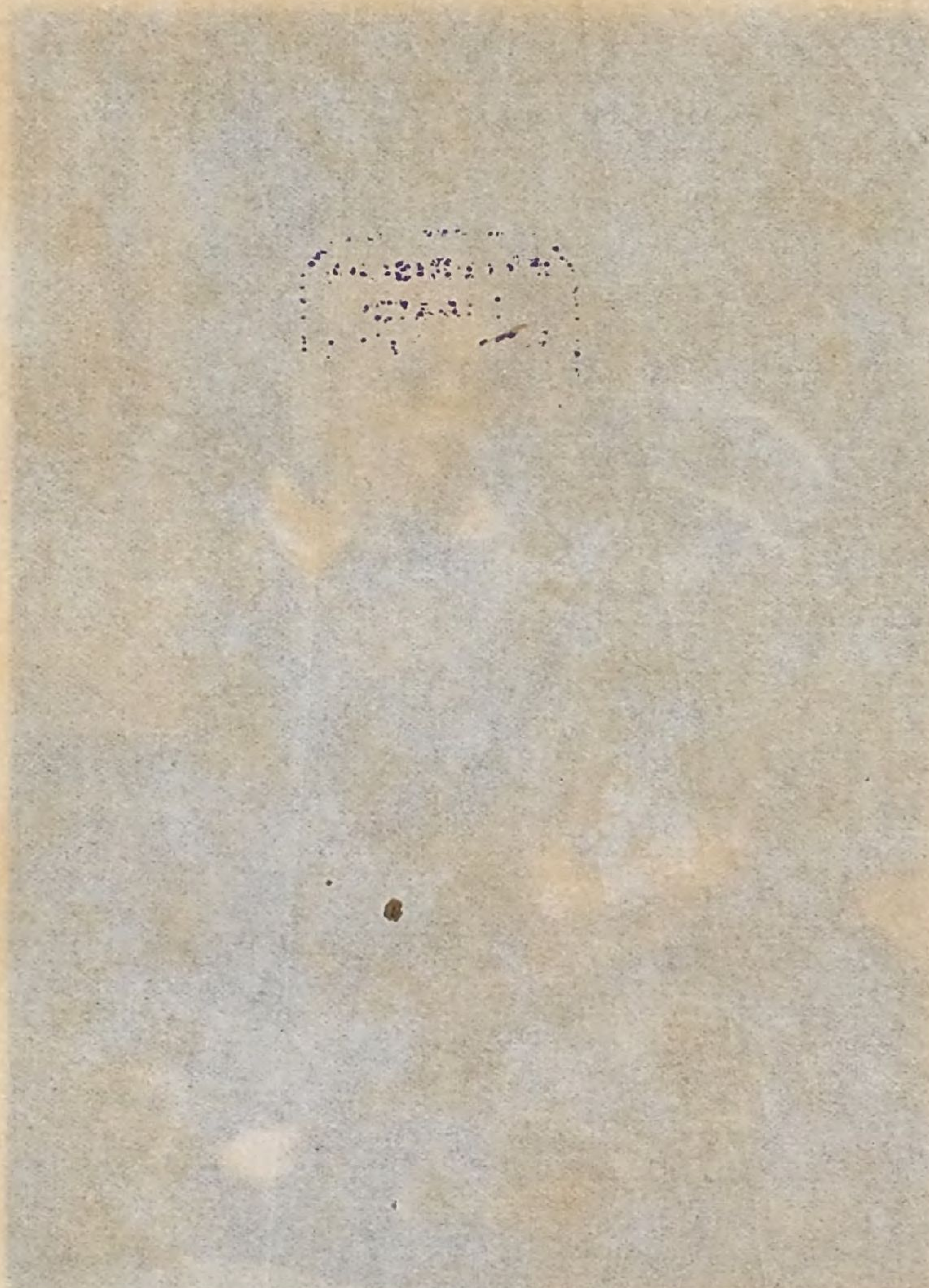
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1892

Y. n. 5176

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Художеств. Фототипія А. И. Вильборгъ С.-Петербургъ, Мѣщанска

...ографія ... Суворина. Эртелевъ ...

Художеств. фототипія А. И. Вильборгъ С.-Петербургъ. Мѣщанская

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Прошло два года со дня кончины сестры моей Надежды Дмитріевны Заіончковской— В. Крестовскій псевдонимъ. О ней были и газетные отзывы, и воспоминанія, и даже— большая статья въ журналѣ «Русская Мысль». Казалось бы, что ничего не остается сказать, но, къ сожалѣнію, не смотря на то, что нарушаю слово, данное покойной сестрѣ — ничего не говорить о ней послѣ ея смерти, я вынуждена, если не говорить всего, то, по крайней мѣрѣ, попытаться высказать въ настоящемъ свѣтѣ многое и собрать въ одно общее эти печальные наброски.

Всѣ появившіеся за послѣдніе два года въ литературѣ отзывы, воспоминанія, письма, выхваченныя наудачу, безъ объясненія обстоятельствъ, безъ малѣйшей подготовки къ нимъ читателя, рисуютъ такую мрачную картину жизни Н. Д., что я считаю своимъ долгомъ дать болѣе вѣрное понятіе о ней, но для этого мнѣ приходится писать не біографію сестры, а краткую хронику нашей семьи; писать же біографію Н. Д., какъ отдѣльнаго лица, я не могу: каждое мое слово, каждое воспоминаніе о ней тѣсно связано съ воспоминаніемъ о всей семьѣ. Въ моемъ мертвомъ домѣ нѣтъ мѣста для отдѣльныхъ воспоминаній. Каждая комната напоминаетъ своего дорогого покойника. Говоря о сестрѣ, я вновь переживаю все наше общее былое.

Отецъ нашъ, Дмитрій Кесаревичъ Хвощинскій, былъ членомъ очень многолюдной старинной дворянской семьи: ихъ было восемь сестеръ и четыре брата. Въ то время, когда всѣ условія жизни были не требовательны, когда жилось проще, не роскошно, но въ довольствѣ, когда всѣ необходимыя житейскія потребности были баснословно дешевы, когда бабушка наша ѣздила изъ Рязанской губерніи въ Харьковскую въ каретѣ шестерней съ форейторомъ, горничною, лакеемъ и кучеромъ за четыре рубля ассигнаціями,—тогда дѣдъ нашъ считался зажиточнымъ помѣщикомъ.

Не смотря на то, что онъ пользовался въ своемъ кругу всеобщимъ уваженіемъ, такъ что сосѣди шли къ нему за разумнымъ совѣтомъ, а крестьяне, кромѣ совѣта, и за медицинскою помощью, онъ, по обычаю того времени, мало обратилъ вниманія на образованіе дочерей своихъ: онѣ едва знали грамоту, но были извѣстныя рукодѣльницы и работали все, начиная съ простого суконнаго чулка до самой тонкой вышивки золотомъ. Все вниманіе было обращено на сыновей, а потому отецъ нашъ, чрезвычайно даровитый и талантливый, семнадцати лѣтъ былъ уже артиллерійскимъ офицеромъ, а въ 22 года женился на матери нашей, Юліи Викентьевнѣ Дробышевской-Рубецъ. Женившись и выйдя въ отставку, онъ никогда и нигдѣ не былъ предводителемъ дворянства, а еще менѣе — провіантскимъ чиновникомъ, какъ это гдѣ-то и когда-то говорилось. Съ помощью всей своей семьи и хорошихъ друзей отецъ купилъ имѣніе съ виннымъ заводомъ, дѣлалъ поставку вина и служилъ по коннозаводству. Но недолго пользовался онъ благосостояніемъ: оклеветанный, отданный подъ судъ, онъ 14 лѣтъ томился неизвѣстностью своей судьбы. Имѣніе было продано съ аукціона, въѣздъ въ столицу ему запрещенъ; пришлось переѣхать въ городъ, жить было нечѣмъ. Тутъ опять пришли на помощь друзья, которыхъ у отца было много: ему дали частное занятіе, именно поставку камня на строившееся тогда шоссе отъ Рязани до Москвы. Время шло, семья прибавлялась и жизнь становилась все труднѣе. Наконецъ, благодаря хлопотамъ родного его брата, генералъ-лейтенанта Павла Кесаревича Хвощинскаго, бывшаго директоромъ Полоцкаго кадетскаго корпуса, отцу дозволено было пріѣхать въ Петербургъ. До кон-

ца своей жизни онъ безъ волненія не могъ говорить объ этомъ событіи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и явившись въ департаментъ, въ которомъ со дня его несчастія измѣнился почти весь составъ служащихъ, отецъ объяснилъ свое дѣло, но былъ такъ взволнованъ разсказомъ всего имъ пережитого, что ему сдѣлалось дурно. Очнувшись и видя, какъ сочувственно отнеслись къ нему, онъ, какъ говорилъ впослѣдствіи, въ первый разъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ вздохнулъ свободно. Дѣло его было тутъ же и окончено. Онъ возвратился домой, назначенный на должность уполномоченнаго отъ казны по размежеванію земель въ 1845 г., но состояніе было потеряно и 14 лѣтъ жизни пропали даромъ.

Имѣя въ виду необезпеченность своей семьи и желая поэтому возвратить себѣ что-либо изъ утраченнаго, отецъ поѣхалъ въ октябрѣ 1856 г. въ Москву, гдѣ видѣлся съ покойнымъ княземъ А. М. Горчаковымъ и, переговоривъ съ нимъ, подалъ докладную записку на высочайшее имя нынѣ въ Бозѣ почивающаго императора Александра II съ просьбою о пересмотрѣ его дѣла. Но 1-го ноября того же года, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ своего возвращенія изъ Москвы, онъ умеръ отъ истощенія силъ. Вотъ краткая біографія нашего отца.

О матери нашей почти не упоминается авторомъ статьи въ «Русской Мысли», а гдѣ и говорится о ней, тамъ она рисуется совершенно равнодушной и даже противодѣйствующей литературнымъ занятіямъ моей сестры. Этого никогда не было, да и не могло быть. Источникъ, изъ котораго почерпнуты эти свѣдѣнія, такъ же несправедливъ, какъ и враждебенъ.

Мать наша, Юлія Викентьевна, была рѣдкая женщина. Она воспитывалась съ семилѣтняго возраста въ домѣ своего родного дяди, со стороны матери, Ив. Ив. Рубца. Въ то время, какъ большинство нашихъ русскихъ женщинъ едва знало грамоту, мать наша говорила на иностранныхъ языкахъ, много читала, прекрасно играла на фортепіано, будучи ученицей Штебельта, извѣстности своего времени. Всегда занятая, кроткая, терпѣливая, она, не смотря на то, что выросла въ роскоши и довольствѣ (такъ какъ дядя былъ богачъ), мужественно и безропотно переносила вмѣстѣ съ мужемъ бѣдность, чтобы не сказать, — нищету. Будучи еще молодой женщиной, она отказалась отъ всѣхъ удовольствій; продавая свои роскошныя вещи, данныя ей въ приданое, она кормила семью и собственноручно обшивала всѣхъ своихъ пятерыхъ дѣтей. Такъ возможно ли, вѣроятно ли, чтобы такая мать, при ея умѣ и развитіи, смотрѣла на талантъ и литературную способность своей дочери, какъ на «нѣчто такое, что у нея можетъ пройти...»

Мать очень хорошо понимала, что таилось въ головѣ и душѣ нашей сестры, которую она боготворила, и если она не поощряла ея первыхъ писательскихъ попытокъ, то вовсе не потому, что не сочувствовала имъ, а потому, что въ то время не только въ провинціи, гдѣ каждый шагъ, каждое слово осуждались, но и въ столицѣ женщины-писательницы были наперечетъ, таились подъ псевдонимами и трудъ ихъ считался неприличнымъ, не женскимъ. Въ провинціи же это представлялось даже не безопаснымъ: всякій искалъ въ написанномъ или себя, или знакомыхъ, черезъ что наживались недоброжелатели, которыхъ, благодаря талантамъ моихъ сестеръ, у нихъ было немало.

Личность нашей матери настолько безукоризненно чиста, что сказать о ней, что она примирилась съ литературною дѣятельностью сестры только съ увеличеніемъ гонорара—жестокая клевета. Мать наша только одинъ разъ въ жизни позволила себѣ лично для себя воспользоваться небольшою частью заработковъ моей сестры. Ей, невыѣзжавшей десятки лѣтъ изъ дома, захотѣлось съѣздить въ Кіевъ (въ складчину съ знакомыми ей монахинями). Поѣздка эта стоила 100 рублей и до самой ея смерти составляла ея отраднѣйшее воспоминаніе.

Авторъ статьи въ «Русской Мысли», затронувъ этотъ вопросъ, забылъ, что не всѣ еще въ семьѣ Н. Д. вымерли, и что слова его, слышанныя отъ кого-то и брошенныя на судъ читающей публики, рисуютъ ей лица не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ; а для близкихъ, оставшихся въ живыхъ, слова эти не забудутся никогда, потому что легли тяжелымъ камнемъ на душу. Я смѣло пишу это, потому что есть еще не мало свидѣтелей, которые подтвердятъ справедливость моихъ словъ, есть еще люди, хорошо знавшіе нашу мать. Она умерла 26-го мая 1881 года въ той же бѣдности, въ какой и жила до 83 лѣтъ, причемъ послѣднія 9 лѣтъ своей жизни была слѣпа.

О днѣ и годѣ рожденія сестры моей, Н. Д. Хвощинской-Заіончковской, В. Крестовскій псевдонимъ, уже было сказано. Она ро-

дилась 20-го мая 1824 г. при хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ и долгое время была единственнымъ ребенкомъ, впослѣдствіи большой семьи. Не говорю уже о томъ, какъ любили ее отецъ и мать; ее лелѣяла вся семья, начиная съ бабушки, въ честь которой она была названа Надеждой.

Разсказывая о ея дѣтствѣ, мать говорила: «читаешь ей, бывало, вслухъ, а она глядитъ мнѣ въ глаза и видно, что мысленно повторяетъ каждое слово. Вниманіе ея могла только отвлечь моя ручная бѣлка, принесенная мнѣ изъ гнѣзда и которую я воспитала». Надя и бѣлка были неразлучны и большіе друзья: ребенокъ забавлялся ею, помимо книгъ и куколъ — всегда героинь Байрона. Трехлѣтней дѣвочкой она уже читала.

Не учивши никогда азбуки, даже въ ея примитивномъ употребленіи, не имѣя никакихъ нынѣшнихъ приспособленій, которыя тогда и во снѣ никому не снились, она читала и писала и даже сочиняла поэмы на разные домашніе случаи. Вотъ почему Н. Д., никогда не признававшая въ себѣ исключительныхъ, изъ ряда вонъ выходящихъ способностей, всегда возставала противъ нынѣшняго способа обученія дѣтей; она говорила: «дѣтямъ даютъ все готовое... умъ ихъ не работаетъ, воображеніе притупляется».

Забившись въ маленькій библіотечный шкафъ, до сихъ поръ сохранившійся у насъ въ домѣ, она читала все безъ разбору. Ей попадались и мистическія книги, и Дантъ, и Мильтонъ; эта послѣдняя книга была съ картиной—«падшій ангелъ, гонимый сонмомъ ангеловъ»,—старинная гравюра. Наглядѣвшись и начитавшись всего этого, она безпокойно спала ночь, бредила. Мать или тетка, живущая постоянно съ нами, уносили ее къ себѣ въ постель, успокоивали и запирали шкафъ.

Когда мать бывала отвлечена хозяйственными заботами при пріемѣ гостей, которыхъ наѣзжало не мало и которые, по старинному деревенскому обычаю, гостили по нѣсколько дней, Н.Д. въ отсутствіи ея занимала всѣхъ; она всегда находила разговоры, подходившіе къ возрасту и интересамъ каждаго. Ее не стѣснилъ даже пріемъ архіерея, пріѣхавшаго разъ ревизовать сельскую церковь въ имѣніи отца: старикъ, слушая и благословляя ее, былъ пораженъ ея недѣтскимъ умомъ.

Черезъ четыре года послѣ рожденія Н. Д., и тоже 20-го мая, родилась сестра Софія Дмитріевна. Н. Д., говорятъ, отнеслась очень серьезно къ появленію на свѣтъ сестры. Разсказывали, что когда ее привели посмотрѣть на новорожденную, она съ жалостью и любопытствомъ глядѣла на это безпомощное существо, потомъ тихо и озабоченно ушла и, засѣвъ въ уголкѣ гостиной, вынула изъ ридикюля большой носовой платокъ матери, акуратно разрѣзала его и важно отдала эти лоскутья нянѣ, сказавъ: «возьмите, вотъ пеленки сестрѣ». Послѣ того она часто ходила любоваться ребенкомъ и, дѣйствительно, полюбила сестру съ самаго момента ея рожденія всею страстью своей пылкой души.

Несчастіе, постигшее отца, принудило его, какъ я уже говорила, перевезти въ городъ всю свою семью. Н. Д., жившая уже въ это время въ городѣ у бабушки и учившаяся въ частномъ пансіонѣ, должна была его оставить, такъ какъ платить за нее было нечѣмъ и, кромѣ того, выростая, она сдѣлалась болѣзненной: постоянная опухоль губъ и всего лица, а также и головная боль ясно свидѣтельствовали о худосочіи, необходимо требовавшемъ чистаго воздуха и леченія. Воспользоваться всѣмъ этимъ въ скоромъ времени представился очень хорошій случай. Хорошій знакомый и даже другъ нашего отца, д-ръ Адольфъ Фердинандовичъ Магиръ, впослѣдствіи лейбъ-медикъ великой княгини Маріи Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, только что пріѣхавшій изъ-за границы и женившійся на пріятельницѣ нашей матери, В. П. Муратовой, поселился въ имѣніи своей жены, въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Онъ славился своимъ искусствомъ: къ нему стекались больные со всей губерніи. Мать отвезла Н. Д. къ нему. Тамъ она была принята, какъ родное дитя, и, находясь подъ постояннымъ надзоромъ доктора, прожила болѣе года на свободѣ, на чистомъ воздухѣ, въ обществѣ замѣчательно образованныхъ людей, читая, занимаясь безъ утомленія, рѣзвясь какъ дитя. Она возвратилась здоровою и съ помощью сестры С. Д. (Весеньевъ — псевдонимъ) принялась за обученіе брата и двухъ малолѣтнихъ сестеръ.

Въ отрочествѣ своемъ Н. Д. не имѣла другихъ подругъ, кромѣ сестры С. Д., развлеченій также у нея не было никакихъ.

Живя въ душномъ городѣ, ей негдѣ было наслаждаться природой, которую она такъ любила; единственнымъ мѣстомъ отдохновенія, которымъ почти каждое воскресенье пользовалась вся семья, былъ домъ нашихъ тетокъ, при которомъ былъ большой старый запущенный садъ съ маленькимъ прудомъ. Семейные эти походы были для всѣхъ насъ

большою радостью. Тетки насъ очень любили, особенно баловала насъ тетка Анна, больше всѣхъ любившая Надю; всѣ мы ходили за ней хвостомъ: она была хозяйкой въ домѣ и у нея всегда находилось для насъ что нибудь въ запасѣ. Здѣсь, переходя отъ одной тетки рукодѣльницы къ другой, Н. Д. научилась многимъ работамъ, которыя очень любила; здѣсь съ сестрою Софьей, всегда неразлучной съ нею, въ то время, когда меньшая братья ловила въ пруду мнимую рыбу—головастиковъ, онѣ составляли книжку еженедѣльнаго журнала «Звѣздочка». Редакторомъ была Н. Д., сотрудниками — всѣ мы, ловимые почти всегда врасплохъ. Этотъ еженедѣльный журналъ отдавался отцу: онъ, какъ и всѣ учебныя тетради сестры, сохраняется и теперь.

Такъ шла жизнь Н. Д. до отъѣзда С. Д. въ московскій Екатерининскій институтъ, гдѣ она воспитывалась на счетъ дяди А.П. Хвощинскаго. Домъ нашъ сразу опустѣлъ, такъ какъ одновременно съ сестрою Софьей мать повезла и брата въ Полоцкій кадетскій корпусъ. Н. Д. страшно затосковала. Кромѣ того, намъ пришлось переѣхать изъ своей квартиры въ домъ тетокъ, такъ какъ въ это время заболѣлъ скарлатиной нашъ крестный братъ и товарищъ нашего родного брата; это былъ сынъ друга нашего отца, сирота, жившій у насъ и воспитывавшійся вмѣстѣ съ нами. Н. Д. занималась со всѣми нами и, кромѣ того, къ намъ ходилъ еще учитель-семинаристъ, получавшій за занятія съ нами три рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ; училъ онъ насъ русскому языку, а мальчиковъ—и латыни. Н. Д. тоже занималась латинскимъ языкомъ и проходила съ учителемъ словесность. Переѣхавъ къ теткамъ на все время нашего карантина, она занялась исключительно рисованіемъ подъ руководствомъ инженера Лебедева, принятаго въ нашей семьѣ по родственному; онъ еще до отъѣзда С. Д. давалъ имъ обѣимъ уроки. Переѣздъ этотъ изъ одного дома въ другой, если не вполнѣ развлекалъ Н. Д., все-таки немного ослаблялъ тоску. Мы, обѣ младшія сестры, еще совсѣмъ дѣти, забавляли всю семью. Для насъ Н. Д. вмѣстѣ съ Лебедевымъ, чрезвычайно веселымъ и остроумнымъ, сочиняла драматическія сцены; въ памяти моей особенно осталась одна—«Тарпея», въ которой я всегда съ большимъ удовольствіемъ бросалась со стола на диванъ, изображавшій Тибръ.

Мать вернулась и, найдя Н. Д. скучающей, отвезла ее черезъ нѣсколько времени въ Москву къ дядѣ, А. П. Хвощинскому, гдѣ она и осталась.

Живя въ семьѣ дяди, съ дочерью котораго она была почти ровесница, любимая и обласканная всѣми, она занималась французскимъ языкомъ съ француженкой, жившей у нихъ, итальянскимъ — съ кузиной, только что возвратившейся изъ-заграницы, а также и музыкой, которую страстно любила, но которая, къ сожалѣнію, при глубокомъ пониманіи ея красотъ и вѣрномъ критическомъ взглядѣ, не давалась ей въ техническомъ отношеніи.

Послѣ своего возвращенія изъ Москвы, гдѣ она прожила болѣе года, Н. Д. заболѣла довольно опасно, но, благодаря молодости, скоро оправилась. Ее стали вывозить въ свѣтъ: одна изъ нашихъ тетокъ, всегда жившая съ нами и имѣвшая свои небольшія деньги, дѣлала ей бальныя платья. Сестра танцовала, но не веселилась, хотя и любила веселье: она терялась среди блестящаго шумнаго общества. Умъ ея не годился для бальной залы. Она смотрѣла слишкомъ серьезной и молодежь того времени находила ее «слишкомъ умной».

Лишенная сверстницъ въ своей семьѣ, Н. Д. ужасно обрадовалась пріѣзду подруги, Н. Е. фонъ-Винклеръ, единственной дочери бывшаго сосѣда по имѣнію моихъ тетокъ. Молодыя дѣвушки были ровесницы, обѣ—пылкія, восторженныя; онѣ сразу сошлись, искренно полюбили другъ друга и сдѣлались почти неразлучны. Работая за общими пяльцами, онѣ задумывали планы разсказовъ и повѣстей и въ то же время изощряли память, заучивая въ нѣсколько минутъ цѣлыя страницы стихотвореній. У Н. Д. была необыкновенная способность импровизировать; ея импровизаціи были почти всѣ юмористическаго характера. Подруга ея, живая, веселая и увлекающаяся, давала ей безконечныя для нихъ темы; ими слагались цѣлыя пѣсни, которыя пѣлись хоромъ. Сама Винклеръ неизобразимо фальшивымъ голосомъ воспѣвала свои похожденія. Это была безобидная забава, еще болѣе скрѣплявшая ихъ дружбу. Такъ, напримѣръ, на вражду отца Винклеръ съ его сосѣдомъ Рандорфомъ, ссорившихся между собою буквально изъ-за всякаго пустяка, Н. Д. импровизировала цѣлую поэму въ подражаніе Александроидѣ Свѣчина; называлась она «Рандорфоида» и начиналась такъ:

«Пою брань грозну, брань ужасну,
Отъ вѣкъ неслыханную брань
И двухъ бароновъ ежечасну

Къ отмщенію подъяту длань...
Баронъ Рандорфъ, сосѣдъ кичливый,
Вассаловъ снарядивши рать,
Отдалъ приказъ... Невыносимый
Для чести Винклера сказать» и. т. д.

Вотъ въ этотъ періодъ жизни Надежды Дмитріевны началась ея литературная дѣятельность. Обѣ подруги одновременно стали писать романы по ночамъ, пугаясь своего собственнаго шороха и пряча отъ всѣхъ свои произведенія подъ тюфякъ. Такихъ романовъ Н. Д. написала три, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ печати. Два изъ нихъ носили характеръ романовъ Вальтеръ-Скотта, третій написанъ подъ впечатлѣніемъ прочитанной и переведенной драмы Delavigne «Марино Фальеро».

Тайная дѣятельность подругъ прекратилась на время, по случаю печальнаго событія въ семьѣ нашей. Одна изъ меньшихъ сестеръ Н. Д., одиннадцатилѣтняя дѣвочка, умерла отъ скоротечной чахотки, а подруга, г-жа Винклеръ, заболѣла горячкой. Въ домѣ было грустно: боялись за жизнь молодой дѣвушки. Н. Д., оплакивая сестру, ухаживала за подругой. Наконецъ, поправившись, Н. Е. уѣхала со всей нашей семьей въ деревню къ отцу выросшаго вмѣстѣ съ нами мальчика, Петрова, о которомъ я уже говорила. Тутъ онѣ съ новымъ жаромъ принялись за писательство.

Въ теченіе этого времени въ жизни Н. Д. не было никакихъ выдающихся случаевъ: она шла тихо и ровно. Съ выходомъ же С. Д. изъ института она оживилась, но событіями тоже богата не была: она вся заключалась во внутреннемъ содержаніи.

Институты прежняго времени были совсѣмъ замкнутыя заведенія и С. Д., прожившая тамъ 8 лѣтъ, рѣдко видавшая родныхъ, неимѣвшихъ возможности часто ѣздить въ Москву, пріѣхала совершенно незнакомая съ нашею домашнею жизнью. Н. Д. ждала сестру со страхомъ: найдетъ ли она въ ней свою прежнюю Соню? Не наложитъ ли на нее институтъ тѣхъ особенностей, какія онъ налагалъ на многихъ?..

Ожиданіе сильно волновало ее; волновался и отецъ: выпускъ былъ въ мартѣ; полная ростопель, рѣка и переправа черезъ нее пугали его.

Наконецъ мы дождались мать; она привезла сестру, худенькую, усталую, но чудесную. Это была прежняя Соня: умница, сердечная, сразу понявшая всѣ радости и семейныя невзгоды.

Институтъ ее только выучилъ, но не отучилъ отъ семьи. При выпускѣ она получила первый шифръ.

Не смотря на всю недостаточность средствъ, на бѣдную обстановку, на буквально одну свѣчу, горѣвшую въ залѣ, домъ нашъ никогда не былъ пустъ; онъ имѣлъ свой особенный складъ, что могутъ подтвердить многіе. Отецъ нашъ былъ любимъ молодежью: ее привлекалъ его живой, веселый характеръ; мать наша,—далекая отъ всякихъ сплетенъ и пересудовъ, держалась просто и съ необыкновеннымъ тактомъ. У насъ чувствовали себя свободно. Пріѣздъ въ домъ молодой хорошенькой дѣвушки, какой была тогда сестра С. Д., вызвалъ еще новыя знакомства, новое оживленіе. Сестры довольно часто выѣзжали; отецъ любилъ видѣть шифръ на плечѣ С. Д. и всегда требовалъ, чтобы она надѣвала его на балы и въ торжественные дни, что очень ее конфузило. Домашняя же жизнь, видимая для постороннихъ, шла тогда для всѣхъ общимъ порядкомъ: сестры работали, рисовали; время тянулось однообразно. Такой складъ жизни, конечно, не могъ удовлетворить пылкую натуру Н. Д. Подруга ея, Винклеръ, бывавшая уже не такъ часто, завела свой собственный романъ, кончившійся замужествомъ, очень несчастнымъ. Настроеніе отца дѣлалось все тревожнѣе: онъ ждалъ разрѣшенія на свою поѣздку въ Петербургъ; неизвѣстность того, чѣмъ все это кончится, волновала его. Вмѣстѣ съ этимъ совпалъ выпускъ въ офицеры единственнаго нашего брата, Кесаря Дмитріевича, заявившаго желаніе служить на Кавказѣ. Отцу и матери тяжело было отпустить сына такъ далеко, но они не противорѣчили его желанію и мы всѣ, скрѣпя сердце, готовили ему его выпускное приданое: шили бѣлье, вышивали разныя мелочи.

Отъ грустно и печально проведенныхъ дней сестры находили отдохновеніе ночью въ своей комнатѣ. Тутъ невольно молодость брала свое: болтались пустяки, придумывались цѣлыя исторіи, народы, для которыхъ смерть представлялась въ видѣ старости и т. п.: здѣсь у нихъ сложился свой особый языкъ, своя поэзія...

Такъ прошло два безцвѣтныхъ года, наступилъ 1845, который, какъ я уже говорила, измѣнилъ положеніе отца. Съ этого года Н. Д. сдѣлалась его секретаремъ: она копировала ему планы и вела его канцелярію до конца его жизни.

Въ этомъ же году отецъ, возвратясь изъ Петербурга, привезъ брата. Мы не видали его съ того дня, какъ мать отвезла его въ

корпусъ. Онъ провелъ съ нами свой трехмѣсячный отпускъ и мы вновь разстались до 1852 года. Въ 1852 году онъ пріѣхалъ раненый; это было его послѣднее свиданіе съ отцомъ. Оставивъ Кавказъ въ 1856 г., онъ вернулся къ намъ уже женатый, но отца онъ не засталъ въ живыхъ: его только что въ этотъ день похоронили.

Н. Д., занимаясь дѣлами отца, продолжала писать стихи. Намъ, сестрамъ ея, очень хотѣлось видѣть хотя одно изъ нихъ въ печати. Я говорю **намъ**, потому что я всегда была съ ними неразлучна. Всѣ мы всегда занимали одну комнату; я, не смотря на разницу лѣтъ, никогда не была для нихъ лишнею и своимъ живымъ характеромъ вносила свою долю развлеченія. М. М. Андреева, дававшая свѣдѣнія о сестрѣ моей и жившая по цѣлымъ недѣлямъ въ нашемъ домѣ, была нашей общей подругой и участницей всѣхъ нашихъ невинныхъ забавъ. Ея указанія, какъ посторонняго лица, могли бы быть гораздо полнѣе и личности наши обрисовались бы яснѣе читателю; мнѣ же, какъ близкому лицу, родному, сдѣлать это гораздо труднѣе: я могу быть заподозрѣна въ пристрастіи или холодности. Возвращаюсь къ тому, что всѣмъ намъ хотѣлось видѣть хотя одно стихотвореніе сестры въ печати. Н. Д., написавъ небольшое стихотвореніе, рѣшила послать его въ «Иллюстрацію», но такъ какъ въ то время въ нашемъ домѣ не получалось никакихъ журналовъ, то представлялся немалый трудъ достать хотя какой нибудь номеръ, чтобы узнать адресъ редакціи. Не помню уже какими путями, но мы достали его. Сестра отослала стихи съ подписью «Dans l'espace», прося сказать о нихъ мнѣніе. Таинственность эта насъ очень занимала. Намъ пришлось дожидаться довольно долго, мы теряли уже надежду; наконецъ, дождались и узнали отвѣтъ, которымъ были вполнѣ утѣшены. Однажды отецъ привезъ откуда-то нѣсколько нумеровъ «Иллюстраціи», прося сестеръ срисовать изъ нихъ нѣсколько рисунковъ и портретовъ. Улегшись, по обыкновенію, на диванъ, онъ проглядывалъ и перелистывалъ журналъ.—«А вотъ кому-то сказали спасибо», проговорилъ онъ: «Dans l'espace» благодарятъ и просятъ продолжать». Мы переглянулись, но тайны своей не открыли; кажется, это и навсегда осталось тайной, чѣмъ-то такимъ особенно дорогимъ, сбереженнымъ только для себя.

Въ 1847 году, до появленія стихотворенія Н. Д. въ «Литературной Газетѣ» г. Зотова, настроеніе ея дѣлалось, вслѣдствіе однообразной, ничѣмъ не освѣщенной жизни, все печальнѣе. Когда никто изъ окружавшихъ ее, при всей своей любви къ ней, не могъ дать ей ничего новаго, хорошая ея знакомая, Е. П. Головлева, посвященная въ тайну ея литературныхъ занятій, любившая читать ея стихи и всегда возмущавшаяся тѣмъ, что они не видятъ свѣта, предложила сестрѣ послать нѣкоторые изъ нихъ въ Петербургъ ея брату для помѣщенія ихъ въ какомъ нибудь журналѣ. Такъ и сдѣлали, а о томъ, какимъ образомъ ея стихотворенія попали въ печать, Н. Д. разсказывала намъ слѣдующее. Когда братъ г-жи Головлевой получилъ стихи, то, положивъ тетрадь въ пакетъ съ надписью: «Стихотворенія Надѣжды Хвощинской», отнесъ ихъ въ редакцію «Литературной Газеты». Г-нъ Зотовъ положилъ пакетъ въ число другихъ накопившихся матеріаловъ, а когда ему пришлось составлять № газеты, въ которомъ въ графѣ стиховъ оставалось пустое мѣсто, то ему попался подъ руку пакетъ съ именемъ сестры. Г-нъ Зотовъ, по всей вѣроятности, самъ разсказавшій это Н. Д., взялъ пакетъ и, глядя на него, сказалъ: «посмотримъ, что это за **Надѣжда съ ѣ**»... Результатомъ этого чтенія были, какъ извѣстно, напечатанные стихи и любезный отзывъ редактора, съ которымъ впослѣдствіи сестра моя вела продолжительную переписку.

1848 годъ, французская республика, ея дѣятели,—все это чрезвычайно интересовало Н. Д. Она особенно любила французовъ, и Викторъ Гюго былъ ея идеаломъ. «Journal pour rire», переполненный портретами дѣятелей того времени и каррикатурами на Наполеона III, весь почти былъ перерисованъ моими сестрами. Вся наша семья дѣлилась на партіи: отецъ подзадоривалъ сестру, защищая Наполеона. Завязывались продолжительные споры, въ которыхъ принимали участіе всѣ, а гостившая у насъ въ то время вдова генерала, бывшаго начальника нашего отца, своими неистощимыми разсказами о невѣроятныхъ событіяхъ, въ которыхъ она всегда бывала героиней, послужила впослѣдствіи Н. Д. типомъ въ романѣ: «**Кто-жъ остался доволенъ**».

Годъ этотъ, тяжелый для всѣхъ, былъ особенно печаленъ для насъ. Въ городѣ свирѣпствовала страшная холера: домъ, въ которомъ мы жили, былъ угловой и главныя окна его выходили къ полю, ведущему на кладбище. Мимо насъ почти цѣлый день проносились гроба, то съ мертвецами, то готовые для мертвецовъ: впечатлѣніе было

ужасное, страшно дѣйствовавшее на отца, очень мнительнаго отъ природы. Окна въ домѣ были постоянно закрыты; отъ жара нечѣмъ было дышать; ни одного дождя, ни одной освѣжающей грозы, напротивъ — горячія, сухія, съ страшными вихрями, онѣ усиливали эпидемію. Можно себѣ представить, какъ все это отзывалось на впечатлительной душѣ Н. Д. Только къ осени миновалъ весь этотъ ужасъ.

Послѣ столькихъ тяжкихъ дней моимъ сестрамъ, вмѣсто отдыха, пришлось вынести не мало непріятностей за ихъ скромное занятіе рисованіемъ, и вотъ по какому поводу. Въ Рязани былъ губернаторомъ П. С. К....., человѣкъ суровый и мстительный. Смѣняя служащихъ, отдавая ихъ подъ судъ, дѣйствуя по влеченію своихъ инстинктовъ, онъ нажилъ себѣ массу враговъ; его ненавидѣли, на него писались памфлеты, рисовались каррикатуры, которыя подбрасывались ему въ экипажъ, появлялись на его столовомъ приборѣ... Раздраженный, онъ началъ искать виновныхъ. Услужливые друзья, не заглядывая далеко, указали ему на нашу семью. Домъ нашъ вдругъ опустѣлъ: за исключеніемъ очень немногихъ знакомыхъ, насъ почти всѣ оставили; сестеръ, выѣзжавшихъ съ матерью и отцомъ въ собраніе, встрѣчали какъ-то холодно, осторожные даже сторонились; семья губернатора, прежде хорошо знакомая, едва кланялась, самъ губернаторъ хмурился. Отецъ, страшно самолюбивый и горячій, не могъ объяснить себѣ причину такой перемѣны. Помимо крайне неловкаго положенія въ обществѣ, страшно было и за едва начавшуюся службу; это ужасно мучило отца. Нервный, нетерпѣливый, онъ постоянно раздражался; тогда старый его пріятель, знавшій всю эту исторію и молчавшій, потому что боялся вспыльчиваго характера нашего отца и того, что въ пылу онъ могъ повредить себѣ, рѣшился наконецъ осторожно сказать ему, въ чемъ дѣло. Отецъ глубоко оскорбился за сестеръ, и, какъ человѣкъ прямой, просилъ у губернатора объясненія. Чувствуя, что исторія зашла слишкомъ далеко и что поддерживать клевету, взведенную на дочерей, прямо въ глаза отцу—даже опасно, губернаторъ постарался успокоить отца, объясняя все это разными недоразумѣніями и, въ виду всѣхъ, ожидавшихъ у него аудіенціи, онъ, провожая отца до дверей, простился съ нимъ очень любезно.

Конецъ этой исторіи положила Н. Д. Не менѣе горячо оскорбленная, чѣмъ отецъ, она пріѣхала къ своей пріятельницѣ, Головлевой, жившей гувернанткой въ домѣ, близко знакомомъ съ семьей губернатора, впослѣдствіи даже породнившимся съ ней, и случайно застала тамъ жену губернатора. Н. Д., не входя въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣла г-жа К....., спокойно разговаривала съ Головлевой и на замѣчаніе, сдѣланное ей другомъ дома хозяйки, что нужно войти и поклониться губернаторшѣ, громко во всеуслышаніе отвѣчала: «Для меня все равно, кто бы она ни была. Я не пойду кланяться женщинѣ, которая вѣритъ всякой грязной клеветѣ». Г-жа К....., по свойству добрая и запуганная, слышавшая эти слова и, вѣроятно, въ душѣ не раздѣлявшая злобы своего супруга, вскорѣ же пріѣхала къ намъ съ своими дочерьми... и все пошло попрежнему.

Понятно, что послѣ этого мать боялась грядущихъ гоненій на Н. Д. и за ея литературные труды.

Въ 1850-мъ году имя Н. Д., какъ беллетристки, въ первый разъ появилось въ печати: повѣсть ея «Анна Михайловна» была напечатана въ «Отечествен. Запискахъ», подъ псевдонимомъ В. Крестовскій. Псевдонимъ этотъ, взятый случайно, пришелся сестрѣ по душѣ: то была фамилія маленькаго красиваго мальчика, зачѣмъ-то приходившаго къ намъ въ домъ. Этотъ младенецъ, выросши, превратился въ крупнаго управляющаго имѣніемъ и былъ впослѣдствіи очень несимпатиченъ сестрѣ: «онъ прежде агнцемъ былъ и loupix'омъ вдругъ сталъ», говаривала она о немъ. Loupix (волкъ) было названіе, которое давала сестра моя всѣмъ, кто ей не нравился.

Н. Д. не только въ молодости, но и въ старости было непріятно, что псевдонимъ ея былъ открытъ. Она сохраняла его вовсе не потому, чтобы боялась — «что скажутъ объ этомъ дяди-генералы и кузины-фрейлины!» какъ это говорится въ статьѣ, о ней напечатанной въ «Русской Мысли». Она, какъ и всѣ, пишущіе подъ псевдонимами, чувствовала себя свободнѣе и никакъ уже не скрывалась въ угоду фамильному родству.

О томъ, какъ была встрѣчена въ литературномъ мірѣ повѣсть Н. Д., я говорить не стану: оцѣнка ея произведеній была не разъ сдѣлана, какъ людьми компетентными, такъ и общественнымъ мнѣніемъ. Я скажу, какъ это первое произведеніе и всѣ послѣдующія были встрѣчены семьей.

Книгу разрѣзала мать. Она, какъ и всѣ мы, принимала въ этомъ сердечное участіе,

что свидѣтельствуетъ надпись отца, сдѣланная на черновой тетради: «прочтена матерью и сдана въ архивъ»; подъ этой подписью набросана чернилами виньетка такого содержанія: мать и мы, сестры, простираемъ руки къ собачкѣ, которая большими глазами самодовольно посматриваетъ на насъ. Собачкой (Boldog) назвалъ отецъ Надю; это сдѣлалось ея ласкательнымъ именемъ, она съ удовольствіемъ откликалась на него и, переписываясь съ нами, никогда не подписывалась иначе. Въ поэмахъ, писанныхъ на нашемъ языкѣ, Boldog былъ всегда героемъ. Девизомъ его было: «бѣденъ, но честенъ!» Онъ воспѣвался Н. Д. съ большою любовью.

Итакъ, продолжаю: мы собирались всѣ въ кружокъ, мать читала вслухъ. Только она одна не могла смотрѣть въ лицо Н. Д., мы же всѣ не спускали съ нее глазъ: у кого навертывались слезы, кто улыбался; отецъ покашливалъ — всегдашній признакъ его душевнаго волненія. Н. Д., смущенная, счастливая, оглядывала всѣхъ, какъ виноватая. Перелистывая книгу, пересматривая печатанныя строки, она точно не вѣрила своимъ глазамъ.

Явился гонораръ, очень скромный—25 р. за листъ. Н. Д. получила первый свой заработокъ и неотъемлемое право располагать своею собственностью. Отправившись на почту за полученіемъ денегъ, она долго не возвращалась, что начинало уже возбуждать и любопытство, и безпокойство. Наконецъ громкій звонокъ возвѣстилъ ея пріѣздъ; бросились отворять дверь: Н. Д., усталая, явилась со множествомъ свертковъ въ рукахъ, и съ какимъ-то блаженствомъ въ глазахъ дарила всѣхъ, не забывая никого, до послѣдняго ребенка. Такъ бывало и всегда; она не помнила только о себѣ.

Съ тѣхъ поръ она горячо принялась за свое литературное дѣло; оно занимало ее и не было для нея тяжелымъ трудомъ. Въ домахъ, въ которыхъ намъ приходилось жить, для насъ всегда была отдѣльная комната, иногда, правда, очень тѣсная, но все-таки былъ уголокъ, гдѣ никто не мѣшалъ Н. Д. Всякій, кто видѣлъ объемъ ея черновыхъ тетрадей, можетъ судить о томъ, какъ мало требовалось для нихъ мѣста. Ея маленькій письменный столикъ, очень простой, оклеенный черной клеенкой, тотъ самый, за которымъ я пишу эти строки, былъ подаренъ ей отцомъ; онъ помѣщался всегда у окна; подарокъ матери — чернильница, которую сестра особенно любила и никогда не разставалась съ ней, и которая, къ сожалѣнію, не находится въ моихъ рукахъ, какъ и очень многое, оставшееся послѣ моей сестры, священное и дорогое мнѣ по воспоминанію. Обстановка была не блестяща, но она была такая же, какъ и во всемъ домѣ: у насъ никогда не бывало, да и теперь нѣтъ никакой роскоши. Вся семья все дѣлила вмѣстѣ, и невзгоды, и неудобства, и недостатки. Н. Д. всегда имѣла право голоса въ домѣ, у нея бывали горячіе споры съ отцомъ, она смѣло отстаивала свое мнѣніе и взгляды, чего мы себѣ не позволяли; споры эти не поселяли раздоровъ, жаръ остывалъ, и отецъ появлялся на порогѣ нашей комнаты съ трубкой или сигарой, спрашивая сестру: «готово что нибудь?» Это повторялось не одинъ разъ въ день: ему скучно было безъ сестры и хотѣлось отъ нея новенькаго.

Сестра Н. Д. писала явно, сестра же Софія—потихоньку. Работа эта шла особенно усердно въ одномъ изъ нанимаемыхъ нами домовъ, гдѣ у насъ было два помѣщенія: одно темное, гдѣ мы спали, отдѣленное аркой отъ другой небольшой, но свѣтлой комнаты. Мы очень любили нашу темную башню. Наши кровати стояли такъ близко одна къ другой, что мы шопотомъ могли говорить, не безпокоя никого по сосѣдству. Чего тутъ только не переговорилось и не передумалось!

Въ началѣ 1852 г. господинъ Зотовъ первый посѣтилъ Н. Д. въ Рязани и познакомился со всей нашей семьей, о которой сочувственно вспоминаетъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Онъ былъ у насъ въ то время, когда мы не теряли еще никого изъ близкихъ, слѣдовательно—видѣлъ весь нашъ семейный складъ, нашу непринужденность и нашу тѣсную родственную связь.

Въ концѣ этого же года, Н. Д. въ первый разъ поѣхала съ отцомъ въ Петербургъ. Поѣздка эта была самая пріятная: знакомство съ Краевскимъ, съ которымъ съ этого времени установились и никогда не измѣнялись ея хорошія отношенія, кружокъ литераторовъ, собиравшійся у него по назначеннымъ днямъ, дружно принявшій Н. Д. въ свою среду,—все это навсегда оставило въ ней самыя лучшія воспоминанія.

Поживъ въ Петербугѣ совершенно новою незнакомою ей до того времени жизнью, сойдясь съ людьми однихъ съ нею интересовъ, повидавъ чудныя произведенія искусства, Эрмитажъ, Академію, наслушавшись пѣвцовъ, славу которыхъ до сихъ поръ за-

тмить не можетъ никто, она, возвратясь въ Рязань, не могла уже найти удовольствія въ обществѣ, живущемъ своимъ обыденнымъ будничнымъ порядкомъ, и потому, отставая отъ него и прежде, она кончила тѣмъ, что почти перестала бывать гдѣ бы то ни было, заскучала, принялась писать, не отрываясь, ходила только къ теткамъ и въ церковь.

Дома у насъ своего тогда еще не было, мы вели кочующую жизнь, переѣзжая съ одной квартиры на другую: едва мы обживались, какъ домъ или продавался, или оказывался настолько неудобнымъ или холоднымъ, что жить въ немъ не было возможности. Такъ продолжалось до 1854 года, когда зимой пріѣхалъ къ намъ изъ Москвы дядя, А. П. Хвощинскій. Онъ засталъ отца въ тревогѣ: куда переѣзжать среди зимы, гдѣ искать квартиры, такъ какъ домъ, въ которомъ мы жили, продавался. Дядя, замѣчательно добрый, всегда готовый помочь, разомъ рѣшилъ этотъ вопросъ. Онъ купилъ домъ, тотъ самый, въ которомъ мы всѣ жили вмѣстѣ и въ которомъ мнѣ пришлось теперь доживать одной.

Время было тяжелое—Крымская война. Ополчалась вся Россія. Ополченскія рати проходили одна за другою. Отецъ, служа по тремъ уѣздамъ, имѣлъ много знакомыхъ, поступившихъ на службу; всѣ они заходили къ намъ, прощались со всѣми на смерть. Трудно повѣрить, какъ тяжело переносила это Н. Д.: она горько плакала, представляя себѣ всѣ ужасы войны. Нужно было видѣть, какъ она была счастлива, когда былъ заключенъ миръ. Такъ какъ тогда въ Рязани не было ни телеграфа, ни желѣзной дороги и всякое извѣстіе получалось частными людьми поздно, а зналъ его прежде всѣхъ губернаторъ, то мы, хорошо знакомые съ семьей бывшаго тогда рязанскаго губернатора Н..... Богъ знаетъ, какъ обрадовались, когда жена его, бывавшая у насъ чуть ли не каждый день, пріѣхала къ намъ и съ порога прихожей закричала: «Нàдюшка! Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!» Надя бросилась ей на шею и со слезами обнимала ее.

Стали дожидаться войскъ, ополченцевъ. Изъ родныхъ нашихъ никого не было на войнѣ, такъ какъ братъ служилъ на Кавказѣ, но знакомыхъ и мы много недосчитывались. въ домѣ же у насъ былъ замѣчательный случай; Н. Д. хорошо его помнила и не могла говорить о немъ равнодушно.

Ждали возвращенія рязанскаго ополченія; оно особенно потерпѣло: изъ него не возвратилось и половины. Надя, часто ходившая къ теткамъ, которыя продали свой домъ и жили у насъ во флигелѣ, была однажды у нихъ. Куря свою сигару, она ходила вдоль комнаты, по обыкновенію, что-то имъ разсказывая; замѣтивъ, что что-то заслонило ей свѣтъ изъ открытаго окна, она оглянулась и увидѣла старуху, крестьянскую бабу, худую, блѣдную, которая съ улицы, облокотившись на окно, пристально смотрѣла во внутрь комнаты. Сестра остановилась, къ ней подошла тетка Анна.

Старуха, молча и не перемѣняя положенія, смотрѣла на нихъ потухшими глазами.

— Тебѣ что нужно, бабушка? спросила тетка.

— Я избу заперла: Аѳоню взяли, а другой утонулъ... Что мнѣ въ избѣ-то дѣлать? Она-тось себѣ стоитъ, да стоитъ одна... Аѳоня далеко—далеко, на войнѣ въ ополченіи... Зачѣмъ мнѣ теперь изба?

Она говорила скоро, задыхаясь, какъ безумная. Надя схватила ее за руки и, возбужденная ея волненіемъ, вскричала.

— Какъ же, бабушка, зачѣмъ изба: вѣдь ополченцевъ-то ждутъ, вѣдь и Аѳоня придетъ...

— Придетъ?!..

Старуха оживилась, глаза ея загорѣлись, она всплеснула руками.

— Чернобровка! сказала она, глядя на сестру,—ты говоришь,—онъ придетъ?

Сестра испугалась этого безумнаго оживленія, но было уже поздно отнимать у нея надежду. Тетки собрались къ окну; всѣ онѣ были очень набожны, а потому тронуты до слезъ.

— Тебя какъ зовутъ?

— Авдотья.

— Молись Богу, Авдотьюшка, говорила одна изъ нихъ, особенно всѣми уважаемая, — Богъ материнскую молитву услышитъ; въ тоску не впадай: это великій грѣхъ; надѣйся на милосердіе Божіе.

Старуха молчала, глаза ея потухли, голова тряслась.

— А въ избу я не пойду, не пойду, сказала она, покачавъ головой, и, отвернувшись отъ окна, глядѣла вдоль улицы. Видно было, что ей все равно, куда бы не идти, только не въ родной уголъ, гдѣ у ней никого не осталось.

— Бабушка, иди къ намъ! сказала тетка Анна, мѣсто есть, отдохнешь, поѣшь и Аѳоню дождешься.

Старуха безпрекословно повиновалась: вошла въ комнату молча, перецѣловала всѣхъ тетокъ, взяла Надю обѣими руками за голову, поцѣловала ее въ глаза, поглади-

ла по головѣ и, улыбнувшись своими сухими горячими губами, сказала:

— Чернобровка! и правду ты говоришь, Аѳоня придетъ?.. О ты, моя родименькая! прибавила она, лаская сестру.

Сестра горячо обняла ее, всѣ всплакнули, у всѣхъ явилась надежда, что такая скорбь, такое непритворное горе найдетъ утѣшеніе у Бога.

Старуха освоилась у насъ, часто ходила изъ флигеля къ намъ въ домъ, каждый день отправлялась къ ранней обѣднѣ и подолгу не возвращалась: гдѣ она бывала и куда ходила изъ церкви, она никому не говорила; она то волновалась, то впадала въ уныніе и тоску. Тетки наблюдали за ней и, не отнимая у нея надежды, твердили объ упованіи на Бога и покорности волѣ Его.

Однажды, наконецъ, пропадавъ цѣлый день неизвѣстно гдѣ и возвратясь поздно вечеромъ домой, она, входя въ комнату, сказала съ полною увѣренностью:

— Чернобровка! Аѳоня-то вѣдь завтра придетъ... Мнѣ солдатики сказали, къ полднямъ всѣ придутъ... имъ недалече отдыхъ былъ. Ты, родимая Анна, въ махоточку (чашку) мнѣ творожку положи, да лепешечекъ испеки... я завтра пойду на каменку (шоссе), пораньше сяду тамъ, да и дождусь его.

Всѣмъ сдѣлалось какъ-то страшно за эту увѣренность, никто не зналъ, что сказать ей, всякій изъ насъ невольно подумалъ: «а что, если она его не встрѣтитъ?!..» Всѣ какъ-то примолкли. Старуха не замѣтила общаго смущенія; а такъ какъ она была очень утомлена, то, положивъ три глубокихъ земныхъ поклона, молясь своими словами и поминая имя сына, она легла и спокойно заснула.

Вставъ рано утромъ, она торопила тетку Анну готовить гостинцы сыну. Тетка наша, всегда словоохотливая и шутливая, какъ-то оробѣла передъ этимъ спокойствіемъ и увѣренностью. Старуха бодро и весело собиралась; она шла на встрѣчу сыну, какъ на праздникъ, не думая, что вмѣсто радости ее могло бы встрѣтить горе, котораго она не перенесла бы. Всѣ мы, конечно, были въ напряженномъ состояніи.

Городъ былъ весь на ногахъ, толпы народа валили къ заставѣ встрѣчать ратниковъ; въ домѣ у насъ и у тетокъ не осталось ни одной прислуги: всѣ побѣжали узнать, что съ Авдотьей... Никакое занятіе, никакая работа никому не шла на умъ. День былъ вмѣстѣ и радостный, и печальный: такія же слезы лились при встрѣчѣ, какъ и на проводахъ.

Насъ, слава Богу, не ждало горе: наша Авдотья, окруженная всею нашею прислугою, вела своего Аѳоню. Она помолодѣла на цѣлые десятки лѣтъ; горячо обнимая всѣхъ и любуясь сыномъ, она не забывала и свою любимицу Надю, чернобровку-пророчицу.

Водворившись опять у себя и женивъ сына, она часто навѣщала насъ. Фотографическій ея портретъ, снятый въ счастливые дни ея жизни, и теперь въ альбомѣ моей покойной тетки.

До 1856 г., т. е. до смерти нашего отца, жизнь наша и Н. Д. шла вышеописаннымъ уже мною порядкомъ: Н. Д. занималась дѣлами отца, писала, рисовала, работала и скучала отъ недостатка необходимаго ей общества. «Мы всѣ звонимъ въ одни колокола», говаривала она, «но кто мнѣ скажетъ, насколько хорошо то, что я пишу?» Сама она никогда не бывала довольна написаннымъ и изъ всѣхъ своихъ произведеній выше всего цѣнила «Встрѣчу».

Семейство наше въ это время увеличилось еще однимъ членомъ. Братъ нашъ, женившись на Кавказѣ въ 1853-мъ году, въ 1854-мъ, боясь всякихъ смутъ и необходимости идти въ экспедицію, отправилъ жену свою съ ребенкомъ къ намъ въ Рязань. Но пріѣздъ новаго лица не оживилъ жизни Н. Д. Невѣстка была очень милая молодая женщина, но совершенно чуждая ея интересамъ, а присутствіе ребенка въ домѣ, въ которомъ такъ давно отвыкли отъ дѣтей, нарушало заведенный порядокъ, что дѣлало сестру еще нетерпѣливѣе.

Ребенокъ едва ползалъ, дѣдъ не спускалъ его съ рукъ, бабушка, взявши его въ свою комнату, не спала почти цѣлыя ночи, забавляя его. Все это дѣлалось неумѣло и вызывало неудовольствіе. Все это непріятно отзывалось на Н. Д., и то, что намъ казалось подчасъ только скучнымъ, было для нея, горячей, нетерпѣливой, стремящейся вырваться изъ этой общеобыденной жизни — просто невыносимо. Только одна сестра С. Д., имѣвшая на нее громадное вліяніе, сдерживала ея порывы, успокоивала ея тоску; при ней П л а м е н ь — f l a m m e, какъ впослѣдствіи названа была Н. Д. въ своей семьѣ, утихалъ и благодушно принимался за работу.

Перваго ноября 1856 года умеръ отецъ. Вся наша семья была въ раздумьи: остаться ли въ Рязани, или переселиться въ Петербургъ? С. Д., какъ первая шиферница, имѣла право на полученіе казеннаго мѣста, а также и на открытіе частнаго пансіона; не будучи

увѣрена въ успѣхѣ своихъ литературныхъ трудовъ, нигдѣ еще не появлявшихся въ печати, сомнѣваясь въ томъ, могутъ ли они быть прочнымъ обезпеченіемъ будущаго, она колебалась и почти рѣшалась принять предлагаемое ей мѣсто начальницы Самарской гимназіи. Н. Д., всегда имѣвшая право перваго голоса въ семьѣ, не смотря на полную готовность матери и всѣхъ насъ уѣхать изъ Рязани, къ которой насъ ничто особенно не привязывало, рѣшила иначе. Сестру Софью она убѣдила заняться исключительно литературой, дома своего не оставлять и жить въ Рязани. Такое устройство жизни оказалось впослѣдствіи страшной, непоправимой ошибкой: взявъ на себя все бремя труда, Н. Д. связала себя и лишила другихъ возможности помогать ей. Рязань даже и теперь даетъ очень мало поприща для какой либо общественной дѣятельности, а 35 лѣтъ тому назадъ о ней и не говорилось и для женскаго труда не было мѣста. Въ то время всѣ мы были молоды и, начиная съ матери, пятидесятилѣтней здоровой, трудолюбивой женщины,— не лишены способности приложить руки къ какому либо дѣлу. Это была первая ошибка и, къ сожалѣнію, не послѣдняя. Въ то время она не чувствовалась и не отражалась такъ сильно, потому что въ общественной жизни подготовлялось много новаго: до провинціи доходили слухи о предстоящихъ реформахъ, слѣдовательно жизнь была не такъ пуста и однообразна, былъ интересъ, волновавшій общество.

Послѣ смерти отца сестры почти ежегодно ѣздили въ Петербургъ. Живя по нѣскольку мѣсяцевъ въ Знаменской гостиницѣ, онѣ принимали у себя весь свой знакомый кружокъ литераторовъ и другихъ лицъ; не одинъ только литературный міръ завлекалъ моихъ сестеръ, для нихъ не былъ чуждъ и міръ искусствъ. Президентъ Академіи, графъ Толстой, и семья его дружески относились къ нимъ: двери Академіи и Эрмитажа были имъ открыты; онѣ много рисовали. Прекрасныя ихъ копіи акварелью и теперь висятъ на стѣнахъ нашего дома. Въ 1858 году, когда покойный А. А. Ивановъ привезъ свою картину «Явленіе Христа народу», сестры мои постоянно бывали съ нимъ въ Академіи, гдѣ она была выставлена. Въ этотъ короткій промежутокъ его жизни въ Петербургѣ онъ часто бывалъ у нихъ, а онѣ во время его скоротечной болѣзни ежедневно навѣщали его въ домѣ Боткина, гдѣ онъ и скончался. Сестра С. Д. уже послѣ его смерти написала на память его портретъ, купленный Кокоревымъ, а потомъ пріобрѣтенный М. П. Погодинымъ.

Частыя поѣздки сестеръ въ Петербургъ все болѣе и болѣе скрѣпляли ихъ дружбу съ редакціей «Отечественныхъ Записокъ». Переписка съ Краевскимъ и Дудышкинымъ сдѣлалась почти постоянной и въ ней были не одни только денежные счеты; если бы она стояла только на одной этой почвѣ, то, конечно, Н. Д. и не поддерживала бы ее: всѣмъ извѣстно, какъ мало придавала она значенія деньгамъ и какъ безспорно принимала всѣ условія, предлагаемыя ей. О разсчетливости Краевскаго говорилось уже съ давнихъ временъ и сестра моя не составляла исключенія изъ общаго его правила въ этомъ отношеніи. Н. Д. любила «Отеч. Зап.», ихъ направленіе, любила Краевскаго, его всегда живой и интересный разговоръ, его семью, въ которой чувствовала себя своей. Она всегда горячо вступалась за Краевскаго и не любила, когда касались его счетовъ съ нею. Тутъ, какъ и во всѣхъ ея привязанностяхъ, главную роль игралъ ея личный взглядъ.

Въ 1859 году Н. Д. оставалась до осени въ Рязани одна съ матерью. Я была въ Симбирской губерніи, а Н. Д., проводивъ весною С. Д. изъ Петербурга заграницу, пробыла въ немъ недолго одна и, возвратившись въ Рязань, начала писать «Встрѣчу». Типомъ для веселой, милой дѣвочки, младшей сестры поэтессы, въ этомъ романѣ послужила наша дальняя родственница, только что вышедшая изъ пансіона, сирота, жившая у нашихъ тетокъ и которую Н. Д. особенно любила. Умная и развитая не по годамъ, она съ своей стороны безгранично привязалась къ Н. Д. Она была ея совѣстью: ни одной мысли, ни одного впечатлѣнія, сомнѣнія, котораго бы она не передавала ей и слово Н. Д. было для нея свято... И теперь, не смотря на горечь многихъ разочарованій, привязанность эта не остыла и теперь для этой уже состарѣвшейся женщины, пережившей много семейныхъ заботъ и тревогъ, Н. Д. не умирала. Отрѣшаясь отъ житейскихъ мелочей, она глядитъ на ея портретъ, мысленно говоритъ съ ней и въ мертвомъ полотнѣ видитъ ея живой образъ... Эта-то, тогда молодая дѣвочка, почти ребенокъ, строила вмѣстѣ съ Н. Д. планъ «Встрѣчи»: многія сцены проходили у нихъ даже въ лицахъ; сестра не скучала, была здорова и бодра. Оторвавшись отъ «Встрѣчи», она садилась за рояль и все съ той же своей любимицей играла Моцарта, котораго особенно любила.

Многіе теперь еще помнятъ и могутъ раз-

сказать о жизни моихъ сестеръ въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ и о томъ впечатлѣніи, которое онѣ производили. Вотъ почему, читая въ газетѣ «Новости» воспоминанія г-на Б...... о моихъ сестрахъ, относящіяся именно къ этому періоду времени, я, признаюсь откровенно, не узнала ихъ въ этомъ разсказѣ, тѣмъ болѣе, что объ этой встрѣчѣ господина Б...... съ ними я знала тогда же и очень подробно.

Позволяю себѣ замѣтить, что г-нъ Б......, передавая свое воспоминаніе о нихъ, положилъ на него свой присущій ему колоритъ. Тому прошло 27 лѣтъ и, можетъ быть, память измѣнила г-ну Б......, бывшему тогда редакторомъ журнала «Библіотеки для Чтенія».

Петербургъ въ 1863 г. былъ не новостью для моихъ сестеръ: онѣ уже не разъ бывали въ немъ и всякій разъ живали подолгу. Въ своемъ тѣсненькомъ и маленькомъ номеркѣ Знаменской гостиницы онѣ принимали весь свой большой кругъ знакомыхъ, искренно ихъ любившихъ и дорожившихъ ихъ расположеніемъ. Онѣ не давали вечеровъ, потому что для этого нужны были средства, которыхъ онѣ не имѣли, но у нихъ собирались по вечерамъ и за дружнымъ простымъ чайнымъ столомъ не замѣчалась бѣдность обстановки. Бесѣды длились за полночь и о нихъ и теперь еще помнятъ. Среди этого разнообразнаго кружка Тургеневъ былъ имъ менѣе всѣхъ симпатиченъ, что Н. Д. и высказывала, нисколько не стѣсняясь, зная, что многіе считали ея мнѣніе о Т. за затаенную зависть. Что же касается Щербины, то взглядъ г-на Б...... на его отношенія къ моимъ сестрамъ положительно невѣренъ. Щербина глубоко уважалъ моихъ сестеръ и я навѣрное могу сказать, судя по его письмамъ и тому дружескому и короткому знакомству, которое онъ поддерживалъ и внѣ Петербурга, бывая у насъ въ Рязани, что онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы считать ихъ ниже себя, а ихъ разговоры—за бабьи толки. Мои сестры были, быть можетъ, единственными, которыхъ не коснулась злая насмѣшка Щербины.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ нашемъ домѣ бывало много учащейся молодежи; всѣ они очень любили и уважали Н. Д., не смотря на то, что она не всегда гладила ихъ по головкѣ: въ пылу ихъ жаркихъ споровъ съ ней ей приходилось, какъ она говорила, задвигаться отъ нихъ стуломъ, и все-таки это никогда не мѣшало ей высказывать свое мнѣніе. Вотъ эта-то правдивость вмѣстѣ съ замѣчательною способностью выражаться ясно и краснорѣчиво, и отсутствіе педантизма и всего неестественнаго и ложнаго привязывали къ Н. Д. неотразимой силой. Чуждая всякой лжи и притворства, она вѣрила всѣмъ безусловно. Поймать ее, какъ существо, крайне довѣрчивое и деликатное, было легко; но, слава Богу, никто изъ ея друзей не пользовался тогда этою ея слабостью. Всѣмъ была дорога ея дружба; къ ней шли поговорить, послушать и поучиться; знакомства съ ней искали, и друзья ея, любившіе ее искренно, гордились ея извѣстностью. Она жила для всѣхъ; ея любящее сердце дѣлилось со всѣми.

Шестидесятые года и крестьянская реформа внесли въ провинцію новое вѣяніе. Борьба старыхъ началъ съ новыми выражалась въ рѣзкихъ и забавныхъ формахъ. Въ нашемъ домѣ бывали почти всѣ члены Комитета. Н. Д. была постоянно на слуху всего, что дѣлалось. Краевскій, издававшій «Голосъ» и просившій какъ ея участія въ газетѣ, такъ и сотрудничества знакомыхъ ей лицъ, имѣлъ корреспондентовъ и изъ Рязани. Ему были доставлены очень интересныя статьи, которыми онъ, однако, не могъ воспользоваться. Каждый вечеръ собирался у насъ кружокъ близкихъ знакомыхъ дѣятелей по крестьянскому вопросу: шли очень оживленныя бесѣды очень серьезнаго содержанія, слышался иногда и заразительный смѣхъ.

Къ концу 1863 года все общество наше разъѣхалось: всѣ члены его послѣдовали за Н. А. Милютинымъ въ Царство Польское. Конечно, въ домѣ настала тишина и пустота, обусловившія грустныя и тоскливыя письма сестеръ, приведенныя въ статьѣ, напечатанной въ «Русской Мысли». Пріятельницы моихъ сестеръ, вѣроятно, имѣли въ рукахъ не одни только эти душу раздирающія строки и, разъ нарушивъ волю покойной Н. Д. не давать послѣ ея смерти никому въ руки ея писемъ, могли бы передать автору статьи свѣдѣнія, изъ которыхъ читатель могъ бы видѣть, что не вся жизнь Н. Д. слагалась изъ однѣхъ печалей и скорбей. Интимность этихъ писемъ доказываетъ близость ея съ особами, которыхъ именъ я не знаю, но я вполнѣ увѣрена, что на долю ихъ выпадало и веселье, которымъ въ былыя времена Н. Д. умѣла оживлять всѣхъ окружающихъ. Письма ея были, какъ и разговоръ ея, такъ же живы и интересны. Настоящіе же печальные годы дѣйствительно приближались. Весною 1864 г. братъ нашъ овдовѣлъ и привезъ къ намъ своихъ двоихъ

дѣтей, а осенью того же года женился вторично. Дѣти остались у насъ; старшій, 10-тилѣтній, отданъ былъ на казенный счетъ въ пансіонъ при гимназіи, меньшому было только 5 лѣтъ. Пріѣздъ ихъ не вызвалъ усиленнаго труда сестеръ: старшій ни въ чемъ не нуждался, а если и получалъ въ субботу копѣекъ по 30 или 40 на булки, въ дополненіе къ очень скудному казенному обѣду, то расходы эти покрывались деньгами, присылаемыми братомъ. Не эти заботы и печали, присущія всѣмъ семейнымъ людямъ, тревожили насъ: пугало здоровье С. Д., сильно разстроенное. Заболѣвъ катарромъ желудка, на который вначалѣ не обратила должнаго вниманія, она правильно не лечилась, а между тѣмъ болѣзнь все усиливалась. Употребляя всевозможныя домашнія средства, не помогавшія, а еще болѣе усложнявшія болѣзнь, она постепенно, чтобы не вызывать болей въ желудкѣ, лишала себя то той, то другой пищи. Бывали дни страшныхъ страданій, которыя она переносила съ ангельскимъ терпѣніемъ. Наконецъ наступилъ роковой 1865-й годъ. С. Д. согласилась лечиться только за мѣсяцъ до своей смерти, когда было уже поздно: 5-го августа она умерла.

Съ ея смертью распалась и наша семейная жизнь: она была связующимъ звеномъ. Съ ея смертью стало ясно, насколько Н. Д. нуждалась въ такой нравственной поддержкѣ. Сила воли и характера Н. Д. оказались гораздо слабѣе, чѣмъ того можно было ожидать. Потерявъ сестру, самаго дорогого для нея человѣка въ свѣтѣ, она не могла примириться съ своимъ нравственнымъ одиночествомъ: она стала искать новыхъ привязанностей, думая передать имъ все, чѣмъ жила ея душа; на избранныхъ своихъ она глядѣла сквозь свою собственную призму и видѣла въ нихъ то, чего ей хотѣлось: она жила самообманомъ. Невѣроятно, чтобы при ея знаніи человѣческаго сердца и при замѣчательномъ анализѣ, она внутренно не сознавала, что всѣ поиски ея и старанія замѣнить потерянное—тщетны. Она была глубоко несчастна.

Въ сентябрѣ того же 1865 года она вышла замужъ за Заіончковскаго. Изъ числа молодежи-студентовъ, бывавшихъ у насъ въ то время, Ив. Ив. Заіончковскій былъ менѣе всѣхъ знакомъ Н. Д.: я не ошибусь, если скажу, что онъ и десяти разъ не былъ у насъ въ домѣ. Господинъ Зотовъ, говоря въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», о томъ, что Н. Д. вышла замужъ по просьбѣ умирающей сестры, очень ошибается. Покойная сестра моя Софья знала Заіончковскаго еще менѣе, чѣмъ кто либо. Во время ея предсмертныхъ мукъ, продолжавшихся три дня, его совершенно случайно привелъ къ намъ, какъ медика, нашъ хорошій другъ, въ надеждѣ, что онъ найдетъ средство облегчить ея страданія. Въ томъ состояніи, въ которомъ находилась тогда С. Д., она уже ничего не могла завѣщать. Похоронивъ сестру, Н. Д. заболѣла сама; Заіончковкій лечилъ ее и цѣлые дни проводилъ съ нею. У него тоже было не мало горя въ жизни: оно сблизило ихъ, и они повѣнчались.

Авторъ статьи о Н. Д., напечатанной въ «Русской Мысли», очень свободно коснулся этой печальной стороны ея жизни. Воспользовавшись интимными ея письмами къ мужу, неизвѣстно какимъ образомъ очутившимися въ рукахъ посторонняго лица, онъ напечаталъ ихъ, позабывъ еще разъ, что есть еще живой человѣкъ, близкій Н. Д., для котораго не легко оглашеніе ея сердечныхъ мукъ, которыя она таила ото всѣхъ. Эти вырванныя письма для постороннихъ лицъ ничего не объясняютъ: всякій можетъ коментировать ихъ, какъ ему вздумается, а для близкихъ, повторяю, подобная нескромность не можетъ не быть крайне непріятной.

Если литераторъ дѣлается послѣ смерти своей достояніемъ общества и говорить о немъ запретить никто не имѣетъ права, все-таки я думаю, что онъ имѣетъ право унести съ собою въ могилу то, что лично касалось его, какъ человѣка. Уважая память моей сестры и зная, какъ она была всегда противъ всякой посмертной гласности, я по необходимости пишу только то, что она сама дозволила бы мнѣ. Завѣщая всѣмъ своимъ близкимъ и знакомымъ не выдавать ея переписки и ничего не говорить о ней, она очень хорошо знала, какъ невыгодно для нея могутъ всѣмъ этимъ воспользоваться.

Въ октябрѣ 1865 года Н. Д. уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ. Насколько счастливо жилось ей тамъ,—судить оченъ трудно по тѣмъ разнообразнымъ свѣдѣніямъ, которыя дошли до меня. Проводивъ мужа на кумысъ въ Самару, она въ августѣ 1867 года съ радостью вернулась въ Рязань, гдѣ мы прожили съ нею по старому до возвращенія Ивана Ивановича.

Не считая себя въ правѣ и находя излишнимъ объяснять или прибавлять что-либо къ статьѣ г-на С....... о взаимныхъ супруже-

скихъ отношеніяхъ моей сестры съ ея мужемъ, я заканчиваю этотъ періодъ ея жизни, не прикасаясь къ тому, «что спитъ въ сырыхъ могилахъ, чего мы воротить не въ силахъ».

Съ 1865 по 1868 годъ Н. Д. написала только одну повѣсть: «Два памятные дня» Черновую тетрадь этой повѣсти я буквально выхватила изъ огня. Н. Д. настолько была измучена нравственно и физически, что работать положительно не могла. Въ теченіе этого времени мнѣ два раза представлялась возможность занять очень хорошія мѣста, которыя вполнѣ могли бы обезпечить меня и мать, но сестра была противъ этого и я уступила ея просьбамъ.

Въ 1867 году Н. Д. перенесла тяжелую болѣзнь — пятнистый тифъ; мужъ ея объявилъ мнѣ, что онъ не надѣется на ея выздоровленіе. Пригласивъ другого доктора, день и ночь не оставляя ее, я, можно сказать, выходила ее. Переломъ болѣзни совершился только на 21-й день. Во время бреда она диктовала мнѣ письма, которыя я, тоже въ не нормальномъ состояніи, писала и отсылала по адресу къ Краевскому и другимъ. Эти письма были настолько логичны, что нельзя было предполагать, чтобы они писались въ горячечномъ бреду.

Въ 1868 году, проводивъ мужа въ маѣ заграницу, Н. Д. задумала планъ, о которомъ писала пріятельницѣ; письмо это помѣщено въ статьѣ г-на С. Чтобы объяснить всю трудность и спѣшность трудовъ сестры за это время, мнѣ приходится сказать, въ чемъ состоялъ ея планъ, который она поручила мнѣ исполнить. Дѣло было вотъ въ чемъ: домъ нашъ былъ старъ, а мы не имѣли возможности поправить его; онъ весь приходилъ въ упадокъ: крыша текла, потолки обваливались. Н. Д. поручила мнѣ поѣхать въ Москву къ роднымъ просить ихъ помочь намъ.

Родные дали намъ денегъ, но такъ какъ эта сумма была взята изъ капитала, процентами съ котораго пользовались наши тетки, то и мы, взявши половину изъ него, должны были уплачивать имъ тоже половину процентовъ; кромѣ того, деньги были въ билетахъ, такъ что при размѣнѣ мы много потеряли. Начавъ капитальную постройку флигеля и надворныхъ строеній, мы увидали, что денегъ этихъ не хватало: они шли и на жизнь, и на покупку матеріала. Такъ какъ съ 1865 года сестра ничего не работала, то пришлось жить за это время займомъ, а впослѣдствіи — уплачивать долги. Пока сестра съ мужемъ жила въ Петербургѣ, мы съ матерью занимали только двѣ комнаты въ домѣ, отдавая остальныя въ наймы; когда же Н. Д. возвратилась, то такъ жить было уже невозможно. Вотъ причина, почему она такъ усиленно работала: приходилось платить во всѣ концы и кромѣ того посылать заграницу. Весь этотъ непосильный трудъ она, конечно, несла, имѣя въ виду наше спокойствіе, но спокойствіе это было фиктивное. Какъ мать, такъ и я, мы говорили о продажѣ дома, для которой тогда представлялся очень выгодный случай. Я же съ своей стороны настолько всегда хотѣла этого, въ виду срочныхъ платежей, вызывавшихъ массу заботъ и безполезныхъ затратъ, что возбуждала тѣмъ неудовольствіе сестры. Считая этотъ домъ своей святыней, она между тѣмъ съ 1881 года не жила уже въ немъ, а бывала только гостьей.

Въ 1872 году Н. Д. овдовѣла. Проживши въ теченіе своего семилѣтняго замужества всего два года вмѣстѣ съ мужемъ, она довольно спокойно перенесла его потерю; замѣнить ей ее было легче, чѣмъ потерю сестры. Разбитая, надорванная жизнью, она строго не разбирала при выборѣ людей и печальную дѣйствительность дополняла своимъ воображеніемъ; такъ это было и съ этимъ бѣднымъ полуграмотнымъ ребенкомъ—Соней, которую она идеализировала. Дѣвочка, прежде никогда не замѣчаемая, сдѣлалась вдругъ любимицей; на нее, какъ на новую почву, Н. Д. сѣяла сѣмена, развивала ее, разсказывала ей и вполнѣ была убѣждена, что понята. Никто не выводилъ ее изъ этого заблужденія.

Въ 1873 году совершенно неожиданно умеръ братъ нашъ отъ разрыва сердца; онъ служилъ тогда въ гор. Тулѣ, старшій сынъ былъ съ нимъ, а младшій—учился въ Москвѣ. Это новое горе и по своей неожиданности, и по семейнымъ обстоятельствамъ, было чуть ли не самое тяжелое, при томъ же сыновья остались безъ мужского надзора въ такомъ возрастѣ, когда онъ былъ имъ болѣе всего необходимъ. Племянники пріѣхали къ намъ въ 1878 году. Въ это время жизнь въ нашемъ домѣ, наполненномъ больными нрввственно и физически, представляла мало развлеченій: не было ни одного молодого существа, кромѣ этихъ двухъ мальчиковъ, привыкшихъ вращаться въ простомъ обществѣ, не разборчивомъ въ своихъ удовольствіяхъ, что было причиной многихъ непріятныхъ столкновеній. Смерть брата настолько сильно поразила мать, что она въ нѣсколько недѣль окончательно ослѣпла. Въ январѣ 1874 г. Н. Д. поѣхала съ нею въ Москву дѣлать операцію, которая была неудачна, и мать 10 лѣтъ про-

жила слѣпая. Нашъ когда-то живой домъ сдѣлался пустыней. Полуслѣпая тетка, оставивъ службу начальницы Дома трудолюбія, переѣхала жить къ намъ и, само собою разумѣется, что 75-ти лѣтняя старуха не внесла съ собою развлеченія. Н. Д. было скучно въ оставшейся семьѣ, тѣмъ болѣе, что и любимица ея, Соня, умерла. Все тяготило ее. Невозможно описать цѣлый рядъ этихъ годовъ, прожитыхъ всѣми нами не легко. Въ теченіе ихъ, Н. Д. ѣздила въ Петербургъ, но не надолго. Въ 1881 году она уѣхала осенью, прожила тамъ до весны и возвратилась уже съ г-жею М.

Знакомство сестры моей съ г-жею М., завязавшееся еще въ Рязани, по своему началу никогда не обѣщало сдѣлаться такимъ близкимъ. Г-жа М., оставивъ мужа, жила съ отцомъ—генераломъ, занимавшимъ въ городѣ видное мѣсто, и отзывалась о себѣ, какъ о высокопоставленной особѣ. Живши, точно не могу опредѣлить, пять или шесть лѣтъ въ одномъ городѣ съ моею сестрой, она до смерти своего отца не была въ нашемъ домѣ и шести разъ. Въ то время сестра моя была и здорова, и писала лучшія свои вещи, но тогда ея литературная дѣятельность и успѣхъ не привлекали г-жи М.: ея интересы были совсѣмъ другіе, болѣе мелкіе, свѣтскіе; это подтвердятъ и теперь многіе въ Рязани, знавшіе ее въ то время. Но когда неожиданная смерть отца г-жи М. измѣнила ея общественное положеніе и сестра моя, по свойственной ей добротѣ и жалостливости, предложила ей свою дружбу, отъ которой, конечно, никто не отказался бы, г-жа М. приняла ее и воспользовалась ею неограниченно.

Съ 1881 по 1884 г. Н. Д. постоянно уѣзжала осенью въ Петербургъ и весной возвращалась съ г-жею М. Эти три мѣсяца, которые онѣ проводили съ нами, не имѣли уже своего прежняго семейнаго характера: у нихъ, т. е. у сестры моей съ ея пріятельницей, были свои петербургскіе интересы, совершенно чуждые намъ. Сравнивая бывалое возвращеніе Н. Д. изъ Петербурга, съ массою интересныхъ разговоровъ и новостей, съ этими, ясно было, что ее окружила другая сфера и что она не жила уже той самостоятельной жизнью, о которой говорилось прежде. Интересуясь ея пребываніемъ въ Петербургѣ, я подробно разспрашивала о немъ заѣзжавшихъ къ ней знакомыхъ изъ Рязани. Оказалось, что роль хозяйки дома, принадлежавшая ей по всѣмъ правамъ, была не ея; старые знакомые, посѣщавшіе ее еще, уже не находили въ ней того, что было прежде. Говорили, правда, что она бывала и весела, и оживлена, но это веселье и оживленіе наводили подчасъ грусть на ея старыхъ друзей—такъ отъ него вѣяло чѣмъ-то новымъ, непривычнымъ для нихъ. Такъ продолжалось до 1884 года, унесшаго съ собою послѣднюю связь Н. Д. съ роднымъ домомъ. 11-го мая, вернувшись въ Рязань за двѣ недѣли до смерти матери, она, похоронивъ мать и проведя здѣсь лѣто, уѣхала 8-го сентября въ Петербургъ вмѣстѣ съ М. и болѣе не возвращалась.

Смерть матери слагала теперь съ Н. Д. ея обязательный тяжелый трудъ. Въ страшные дни страданій матери, когда еще разъ возбуждался вопросъ объ устройствѣ нашей жизни, я просила сестру предоставить меня моей собственной волѣ и откинуть всякую матеріальную заботу обо мнѣ, продать домъ и не тратиться на него понапрасну. Сестра положительно потребовала, чтобы я оставалась въ немъ и тѣмъ связала она себя еще разъ трудомъ, на который впослѣдствіи горько жаловалась, такъ какъ силы уже измѣняли ей. Та «львиная доля», о которой говоритъ г-нъ С..... въ своей статьѣ, достававшаяся семьѣ, а семья была только я одна, уходила на непроизводительную уплату процентовъ и повинностей по дому: съ 1884 по 1889 г. включительно за него ежегодно вносилось 500 рублей. Домъ заложенъ уже 13 лѣтъ. Сколько же на него ушло изъ заработковъ Н. Д. и сколько, помимо этого, на него затрачивалось и затрачивается, чтобы какъ нибудь сохранить его?

Начиная съ 1884 года, т. е. со времени окончательнаго переѣзда Н. Д. въ Петербургъ, всѣмъ заработкомъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», всѣми итальянскими и французскими переводами она исключительно пользовалась сама, а также и частью оригинальнаго заработка. О денежномъ сборѣ московскаго общества въ пользу ея, о которомъ говорится въ статьѣ г-на С........, я не знала до послѣдняго ея пріѣзда въ Рязань, т. е. до 1884 года, когда она передала мнѣ эту записную книжку, сказавъ, что въ ней было.

Какое нелестное мнѣніе выноситъ читатель о семьѣ Н. Д., для которой она трудилась всю свою жизнь! Ее не цѣнятъ, не берегутъ! Какъ возмутилась бы честная душа моей покойной сестры, если бы она могла знать то, что сказано о насъ, знавшихъ и любившихъ ее, конечно, уже больше чѣмъ кто либо другой!

Такъ какъ въ статьѣ г-на С..... Н. Д. является существомъ измученнымъ, потому что семья ее эксплоатируетъ, она бьется безвыходно, всѣ живутъ, а у нея нѣтъ даже кровати, то я считаю необходимымъ познакомить читателя съ обстановкой Н. Д. въ Рязани и съ послѣдними ея годами въ Петербургѣ.

Въ рязанскомъ нашемъ домѣ сестра имѣла двѣ комнаты, въ которыхъ никто не смѣлъ безъ ея позволенія взять положеннаго ею окурка сигары и вообще тронуть что либо съ мѣста. Все стояло такъ, какъ она находила нужнымъ и удобнымъ для себя; врагъ кроватей и сундуковъ, она всегда спала на диванѣ у стѣны, противъ которой въ теченіе 25-ти лѣтъ не трогалась съ мѣста кровать покойной сестры С. Д.: она умерла на этой кровати и на нее въ теченіе всего этого времени никому не позволялось ложиться. Посторонніе люди не входили къ ней въ комнату безъ ея позволенія. Всѣ пріѣзжавшіе знакомые Н. Д., незнакомые намъ, встрѣчались радушно. Н. Д .была увѣрена, что вниманіе, которымъ она пользовалась, было дорого ея семьѣ, гдѣ ею гордились и много ее любили. Псевдонимъ Крестовскаго давалъ поводъ для нашего семейнаго праздника: ко дню его именинъ, т. е къ 15-му іюля, готовился ему какой нибудь сюрпризъ и день этотъ былъ торжественный; не только праздновался самъ Крестовскій, чествовались нѣкоторые любимые герои и героини ея романовъ.

Не только при жизни отца, но и послѣ его смерти, когда, бывало, Н. Д. оканчивала какое либо свое произведеніе, то она приносила переписанную тетрадь въ комнату матери, гдѣ она прочитывалась вслухъ. Мать, всегда заготовлявшая для этихъ случаевъ хорошенькую сигарочку Надѣ, ощупью доставала ее изъ своей шифоньерки и угощала Надю, которая усаживалась въ кресло, закуривала сигару и, съ наслажденіемъ отдыхая, слушала свое произведеніе, какъ самый строгій критикъ. Она почти всегда говаривала:

— Ахъ! какъ бы я это обругала!.. Сколько здѣсь промаховъ, Богъ мой!.. Вотъ вы ихъ не видите, да я вамъ ихъ и не покажу... доискивайся кто хочетъ.

Всѣхъ сердечныхъ дорогихъ воспоминаній пережитаго нами не перечтешь, да и трогать ихъ и горько, и больно.

Не думаю, чтобы съ 1881 года Н. Д. жилось въ Петербургѣ удобнѣе, чѣмъ въ своемъ собственномъ домѣ. Мнѣ говорили, что квартиры ея были такъ холодны, что долго оставаться въ нихъ было невозможно... Вѣроятно, та кровать, что стояла за кухонною дверью, на которой скончалась Н. Д., была не покойнѣе дивана, на которомъ она спала дома.

Послѣднія пять лѣтъ жизни Н. Д., проведенныя въ Петербугѣ на глазахъ всѣхъ знавшихъ ее прежде, судя по разсказамъ ихъ, можно назвать самыми печальными. Старые друзья съ грустью и со слезами говорятъ о нихъ. Нѣжная дружба г-жи М. не оцѣнила и не сплотила вокругъ Н. Д. тѣхъ, кто четверть вѣка неизмѣнно любилъ и уважалъ ее. Многіе, скрѣпя сердце, вынося оскорбительную холодность пріема, все-таки бывали еще, потому что не могли не видѣть Н. Д. Ихъ сдержанная вѣжливость и холодное равнодушіе, вѣроятно, были не по душѣ г-жѣ М., всегда стремившейся первенствовать, вслѣдствіе чего, относясь къ нимъ недоброжелательно, она перетолковывала многое не въ пользу ихъ и вредила имъ въ глазахъ Н. Д., уже совсѣмъ больной. Весь знакомый литературный кружокъ Н. Д., при полномъ уваженіи къ ней, пересталъ посѣщать ее. Сестра горько жаловалась на это въ своихъ письмахъ ко мнѣ, да и не мнѣ одной, какъ это видно изъ ея письма къ пріятельницѣ, помѣщеннаго въ статьѣ г-на С...., письма, полнаго отчаянія, какого еще не бывало,—печальное доказательство сердечнаго спокойствія Н. Д., согрѣтаго теплой дружбой! Отвѣчая на ея письмо, я замѣтила ей, что люди, прожившіе столько лѣтъ въ полномъ единогласіи съ ней, цѣнившіе и уважавшіе ее, не могутъ безъ причины оставить ее; говорила, чтобы она обратила вниманіе и вглядѣлась бы поближе, нѣтъ ли чего, что мѣшаетъ этимъ прежнимъ отношеніямъ. А причина была все та же. Нѣкоторые говорили мнѣ о ней сами, а о другихъ я слышала черезъ людей, которымъ тоже говорилось прямо.

Многіе обвиняли знакомыхъ Н. Д., находя, что причина слишкомъ ничтожна, чтобы ради ее оставлять Н. Д. Но такъ какъ справедливость должна быть для всѣхъ одинакова, то нельзя не сказать, что люди одной профессіи съ Н. Д., занятые и трудящіеся, отрывая свободное время и приходя къ ней, желали быть и говорить съ ней, а не спокойно и терпѣливо выслушивать самоувѣренные чужіе толки, и видѣть Н. Д. не тѣмъ, чѣмъ они столько лѣтъ привыкли ее видѣть. Они ушли, все также любя ее, видя, какъ она физически разрушается и теряетъ

всю свою прежнюю энергію, поддаваясь чуждому вліянію, ничего общаго съ ней неимѣющему. Мнѣ лично говорилъ г-нъ К., московскій издатель, что, пріѣхавъ въ Петербургъ съ цѣлью предложить Н. Д. переводы Ж.-Занда, онъ уѣхалъ отъ нея отуманенный, не сказавши съ ней почти ни слова, потому что находившаяся тамъ дама перебивала и говорила за Н. Д., употребляя постоянно слово «мы». Упомянутая дама испортила все дѣло: К. уѣхалъ, не предложивши работы.

Вмѣшательство г-жи М. въ литературныя дѣла моей сестры, которыя она, за болѣзнью, поручала ей, къ сожалѣнію, много повредило Н. Д. Если бы я лично была свидѣтельницей всего написаннаго въ этихъ строкахъ, то меня могли бы заподозрить въ преувеличеніи, пожалуй даже и въ неправдѣ, но все это сказано со словъ людей, достаточно претерпѣвшихъ изъ-за любви къ Н. Д. и непріятнаго, и несправедливаго. Все изложенное они подтвердятъ не стѣсняясь.

Очень понятно, при такихъ отношеніяхъ г-жи М. къ старымъ испытаннымъ друзьямъ моей сестры, что мое-то присутствіе было уже немыслимо; это и доказывалось тѣмъ, что на желаніе мое пріѣхать повидать сестру, о чемъ я не разъ писала, мнѣ всегда отвѣчали, что въ квартирѣ, нанимаемой г-жей М., для меня не было мѣста; а на то, чтобы, пріѣхать и остановиться у знакомыхъ, говорилось, что это будетъ оскорбленіемъ сестры. Наконецъ въ маѣ 1889 г. я положительно написала, что ѣду, и просила только сказать, гдѣ мнѣ найти сестру: въ городѣ или на дачѣ. Письмо мое произвело страшную тревогу, какъ разсказывалъ мнѣ очевидецъ. Сестра моя, которой уже такъ недолго оставалось жить, видя г-жу М. сильно взволнованной и недовольной, говорившей громко и повелительно, тономъ полнѣйшаго безпрекословія, какимъ она почти постоянно выражалась, окончательно потерялась и написала мнѣ: «я вовсе не такъ больна, какъ говорятъ; это все вздоръ. Не ѣзди до зимы; мы теперь въ хлопотахъ, уѣзжаемъ съ квартиры, везутъ меня на дачу—курникъ какой-то (буквальное выраженіе ея письма); говорятъ—есть поле»...

О томъ, что Н. Д. везутъ на дачу, знакомые ея знали, но что это за дача—никто не имѣлъ понятія и какъ перевезли туда ее никто изъ нихъ не видалъ. Мнѣ говорила г-жа Ш...., мать племянника И. И. Заіончковскаго, студента-медика, что за недѣлю, или болѣе, можетъ быть, до ея отъѣзда, она съ сыномъ пришла провѣдать Н. Д. Она ихъ обоихъ очень любила: его, маленькаго, чуть ли не носила на рукахъ и вообще была очень дружна съ ними. Они застали ее у окна, едва дышащую и едва держащуюся на ногахъ. Увидавъ ихъ, она очень обрадовалась, оживилась и разговорилась; нѣсколько разъ удерживала ихъ, чтобы они не уходили, нокогда они стали прощаться съ ней, она сказала:

— Николай, милый! Пожалуйста, приходи, проводи меня... меня везутъ... дача эта—моя могила.

Племянникъ успокоивалъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. говорила она,—приходи: я буду покойнѣе, когда ты будешь при мнѣ, ты мнѣ поможешь, ты меня сведешь.

Онъ обѣщалъ ей и, уходя, просилъ г-жу М. телеграфировать имъ о днѣ ихъ выѣзда. Прошло нѣсколько дней. Не получая никакого извѣстія о Н. Д., г-жа Ш., безпокоясь о ней и думая, что она еще въ городѣ, пошла опять съ сыномъ къ ней, но домъ былъ уже пустъ: г-жа М. не извѣстила ихъ. Такъ было и со всѣми.

6-го іюня я получила послѣднее письмо сестры, писанное 3-го числа. Она писала, что больна, и звала меня пріѣхать къ 1-му іюля. Я тотчасъ же отвѣчала, что пріѣду. Видя по почерку, что срокъ мнѣ назначенъ слишкомъ долгій, я хотѣла пріѣхать раньше его. Но 8-го числа была получена телеграмма о смерти сестры на имя доктора Мартынова, бывшаго, къ счастью, на этотъ разъ въ городѣ, который и передалъ ее мнѣ. Г-жа М. на этотъ разъ, вѣроятно, желала деликатно поступить со мною, предупредить, не испугать и... даже похоронить ее безъ меня. Но этого ей уже не удалось сдѣлать.

О томъ, какъ похоронена была Н. Д.,—уже извѣстно. Только наивные провинціалы, печатая пригласительные билеты на панихиду по Н. Д., думали, что въ Петербургѣ смерть ея всѣмъ извѣстна, а на самомъ дѣлѣ о ней даже и въ Петергофѣ не знали. Это—фактъ. Если бѣдность похоронной обстановки вызывала сожалѣнія, то, что бы сказали лица, писавшія о ней, если бы они видѣли комнату, въ которой умерла Н. Д. Нужно думать, что дача нанималась съ цѣлью доставить больной чистый воздухъ, удобное помѣщеніе и покой, котораго требовало ея умирающее тѣло, но ничего этого не было. Дача, нанятая за 50 руб. на все лѣто, тогда какъ Н. Д. не прожила на ней и двухъ недѣль, была, дѣйствительно, курникъ, какъ она назвала ее въ своемъ пись-

мѣ ко мнѣ. Въ какомъ-то длинномъ полутемномъ, скорѣе корридорчикѣ, чѣмъ комнатѣ, съ грязными полуоборванными обоями, за кухонной дверью стояла кровать ея, на которой она умерла. Не только больному, задыхающемуся человѣку, но и здоровому тамъ нечѣмъ было дышать. Не знаю, видѣла ли она обѣщанное ей поле, но, кажется, что его и видѣть-то было неоткуда. Взявши на себя исключительно попеченіе о больной, не допуская къ ней ни родныхъ, ни знакомыхъ, г-жа М. должна была бы отнестись къ Н. Д. внимательнѣе, человѣчнѣе.

Дача, нанятая на все лѣто, послужила мѣстомъ отдохновенія только одной г-жѣ М. Взятая за ту же цѣну, чистая, просторная изба съ окнами въ поле, которое сестра моя такъ любила (такія избы были: я сама была въ одной), дала бы ей, по крайней мѣрѣ, возможность и дышать свободнѣе, да и полюбоваться въ послѣдніе дни своей жизни не одной только стѣной большого дома владѣльца дачи и жалкимъ деревцомъ передъ ея окномъ съ не менѣе жалкимъ палисадникомъ. Изъ-за такого удобства не стоило, право, ломать костей умирающаго человѣка, тѣмъ болѣе, что городская квартира сдана не была и оставалась за г-жею М.

Когда, похоронивъ сестру и на другой день пріѣхавъ къ ней на могилу, я пришла опять поклониться тому углу, въ которомъ она скончалась, я спросила г-жу М. какая у нея была цѣль разъединить насъ съ сестрой и не допустить меня быть хотя при послѣднихъ ея минутахъ, тогда какъ я хотѣла пріѣхать еще въ маѣ, чтобы хотя немного пожить съ нею, то получила отъ нея отвѣтъ, замѣчательный во всякое время, а тѣмъ болѣе въ такое—н е г д ѣ б ы л о м е н я п о м ѣ с т и т ь.

Родной сестрѣ не было мѣста у постели умирающей! Я была помѣхой во всякое время. Конечно, находись я подлѣ нея, не было бы того, что случилось. Я бы взяла себѣ, по праву, все, чѣмъ безнаказанно завладѣла г-жа М. Послѣднее произведеніе сестры, черновую тетрадь, которую я держала въ рукахъ и которую еще не считала себя въ правѣ взять, потому что законной наслѣдницей послѣ сестры была не я, а мои племянники, впослѣдствіи отказавшіеся отъ этого наслѣдства въ мою пользу,—такъ это-то произведеніе такъ и осталось въ рукахъ г-жи М. Не смотря на всѣ мои просьбы и хлопоты постороннихъ людей, г-жа М. не возвратила мнѣ этой тетради, отговариваясь тѣмъ, что затеряла ее, когда была о б я з а н а о б е р е г а т ь чужую собственность, тѣмъ болѣе такую, которая должна сдѣлаться достояніемъ всего общества.

Вся библіотека сестры, пріобрѣтенная въ Петербургѣ, всѣ книги, вывезенныя изъ Рязани, остались въ рукахъ г-жи М., равно какъ и портретъ покойной сестры С. Д., которую г-жа М. даже не знала, и главнымъ образомъ—ея произведенія.

Сочиненія сестры С. Д., напечатанныя въ разныхъ журналахъ и неизданныя отдѣльно, были выбраны изъ книгъ и переплетены въ два тома, съ ея портретами. Это была драгоцѣнность, съ которою Н. Д. не разставалась никогда и, уѣзжая изъ Рязани, взяла ее съ собою. Она многимъ давала ихъ читать, слѣдовательно ясно, что они были въ числѣ ея книгъ. Требуя ихъ не разъ отъ г-жи М., я получала въ отвѣтъ, что она не знаетъ, гдѣ эти книги; послѣднее же ея показаніе превзошло всякія ожиданія: она сказала, что сестра Н. Д. за два дня до своей смерти с о ж г л а э т и д в а т о м а.

Могло ли это быть, когда въ Петергофѣ, куда перевезли Н. Д., у нея, кромѣ ея стараго платья, сшитаго на трудовыя деньги пріятельницы ея Л....., въ которомъ ее и похоронили,—ровно ничего не было? Все оставалось въ Петербургѣ. Какъ въ Петергофѣ, такъ и въ Петербургѣ имущество Н. Д. не было описано. Все сдѣлалось домашнимъ порядкомъ. Не знаю, какими гражданскими и нравственными законами мотивировала г-жа М. свои поступки.

Впрочемъ, нашелся человѣкъ сказать, что у г-жи М. все это будетъ сохраннѣе... Это могъ сказать только тотъ, кто вѣритъ ей на-слово...

Если г-жа М. забыла, что я говорила ей въ ноябрѣ 1888 года, когда она, неизвѣстно зачѣмъ, пріѣзжала на сутки въ Рязань, то я ей напомню:

«Овладѣвъ моей сестрой, вы взяли на себя слишкомъ большую отвѣтственность, за которую отвѣтите не мнѣ одной... Я же никогда не прощу вамъ всего зла, которое вы внесли въ нашу жизнь... Придетъ время, и васъ узнаютъ!»

Время сказать правду настало!

АННА МИХАЙЛОВНА.

ПОВѢСТЬ.

1849 г.

I.

Если вы не жили въ губернскихъ городахъ, читатель, и если вы знаете о нихъ только по разсказамъ и нѣкоторымъ повѣстямъ, то вы не повѣрите, что въ губернскомъ городѣ балъ не эпоха и вечера часто очень блистательны, очень оживлены, всегда нарядны, по крайней мѣрѣ таковы бываютъ они въ губернскомъ городѣ N*, гдѣ я имѣю счастіе жить со дня моего рожденія. Столицъ я не знаю, стало быть, вы можете положиться на мои слова: мнѣ не съ чѣмъ сравнить, слѣдовательно нельзя сдѣлать ошибочнаго сравненія; а наглядѣвшись на свое, мнѣ вздумалось попробовать разсказать хотя незанимательно, но вѣрно то̀, что̀ мнѣ удалось видѣть, нѣсколько сценъ, которыя прошли предъ моими глазами и заняли меня, потому что въ нихъ дѣйствовала особа, къ которой я былъ привязанъ...

У Марьи Николаевны Л. былъ вечеръ. Это было въ концѣ октября, когда вечера еще въ рѣдкость. Жители города N* не разъѣзжаются на лѣто, это почти всѣ люди служащіе, а потому общество всегда въ полномъ своемъ составѣ, и три пріемныя комнаты г-жи Л. были полны гостей. Г-жа Л. была милая, чрезвычайно любезная и привѣтливая дама, и въ этотъ вечеръ старалась еще болѣе выказать всѣ эти достоинства: это былъ ея первый вечеръ. Она ужъ года два какъ пріѣхала въ N*, съ своимъ супругомъ, который служилъ чѣмъ-то... но только въ первый разъ они давали вечеръ. Надо было убѣдить всѣхъ въ своемъ умѣньи принимать и доказать, что возможность дѣлать вечера нисколько не затруднительна, хотя и не скоро явилась, доказать, что у г-жи Л. въ домѣ все можетъ быть такъ же хорошо, какъ у другихъ. Дѣйствительно, все было хорошо; правда, мебель стояла немножко слишкомъ симметрически, немножко слишкомъ были гладки полгода ненавѣшенныя портьеры и драпировки, немножко ярко сіяли подсвѣчники и бра на стѣнахъ... Молодые люди увѣряли даже, что видѣли на многихъ этихъ бра газетную бумагу, въ которой они сохранялись—все какъ-то напоминало о старинныхъ сундукахъ, гдѣ бережется разное добро и изъ которыхъ пахнетъ сыростью... но отчего-жъ и не поберечь своего добра? Супругъ г-жи Л. считался человѣкомъ очень аккуратнымъ какъ въ дѣлахъ, такъ и въ семейной жизни; на вечерѣ его почти никто не видѣлъ, кажется о немъ никто и не спрашивалъ.

Только г-жа Д., «другъ истинный» г-жи Л., пріѣхавъ раньше другихъ и оглядывая убранство комнатъ, спросила тихонько:

— А какъ же твой-то?

На что̀ г-жа Л. выразительно махнула своей пухлой ручкой, желая сказать этимъ, что не стоитъ безпокоиться...

Вечеръ былъ очень пріятный; хозяйка была вездѣ; для дамъ нашлось у нея много не-

принужденной любезности, для дѣвицъ много кавалеровъ, что было довольно трудно достать: нынѣшніе молодые люди, какъ-то невеселы, важны и несговорчивы, а замѣнить ихъ веселенькими и сговорчивыми старичками не значитъ доставить удовольствіе дѣвицамъ. У г-жи Л. танцовали и старъ, и младъ, и статскій, и военный, хотя послѣднее сближеніе было довольно трудно сдѣлать. Статскіе N-скіе молодые люди не сходились съ обществомъ офицеровъ стоявшаго въ N* пѣхотнаго полка; фракъ и мундиръ никогда не становились vis-à-vis и не садились рядомъ въ мазуркѣ или за ужиномъ; это дѣлалось безъ всякой причины, безъ всякой вины съ той или съ другой стороны, безъ всякой ссоры; ссорились и пикировались только дамы, которыя вдругъ почему-то раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна предпочитала военныхъ, а другая поддерживала статскихъ. Дамы увлекались, ссорясь, какъ это всегда бываетъ съ дамами; но на своемъ вечерѣ милая г-жа Л. умѣла по крайней мѣрѣ устроить, что не случилось ни недоразумѣній, ни непріятныхъ сценъ. Она усадила, кого слѣдовало, за карточные столы, обошла ихъ, поцѣловала ручку у мужа, который въ эту минуту выглянулъ изъ своего кабинета, велѣла принести въ уборную стклянočку гофманскихъ капель и пачку папиросъ, и возвратилась въ свою свѣтлую залу.

Было около полночи; составлялась шестая кадриль. Полковые музыканты, помѣщенные въ буфетѣ такъ же тѣсно, какъ прежде помѣщалась тамъ всякая домашняя утварь, въ третій разъ проиграли ритурнель, который, за говоромъ и шарканьемъ, долго никто не слышалъ. Потомъ дамы долго заставляли ждать своихъ кавалеровъ, пришедшихъ за ними; ни одна не хотѣла пройти первая по пустому пространству, оставленному для кадрили, и первою стать въ кадриль. Наконецъ, всѣ размѣстились.

Особенность баловъ въ губернскомъ городѣ состоитъ въ томъ, что танцовальная зала всегда тѣсна, слѣдовательно, и душна, что доставляетъ неистощимый предметъ для разговора. Зала г-жи Л., гдѣ на трехъ квадратныхъ саженяхъ танцовали тридцать паръ, въ минуту начала шестой кадрили представляла странное зрѣлище. Смятые локоны, смятыя платья, лица раскраснѣвшіяся, или особенно блѣдныя—все это двигалось среди шарканья, говора, шума; музыка, какъ ни была хороша, становилась невыносима. Многія маменьки не выдержали и ушли, другія порывались уѣхать и увезти дочекъ, но хозяйка просила такъ убѣдительно, нашла такой милый, прохладный пріютъ въ своей уборной, куда явилось мороженое, что все кончилось благополучно

Въ минуту начала кадрили двѣ дѣвицы, Надина Грашкова и Лиза Топилина, возвращались въ залу изъ другихъ комнатъ; онѣ, казалось, очень спѣшили. Въ дверяхъ онѣ размѣнялись словами:

— Ангажирована ты?

— Да. А ты?

— Да... нѣтъ...

Увѣряю васъ, если вы услышите подобный отвѣтъ, онъ значитъ: «можетъ быть, я найду кавалера», и потому, ангажируйте скорѣе или берегитесь: на васъ разсердятся.

Но Лиза осталась не ангажированною: подруга ея ушла съ какимъ-то офицеромъ, который улыбнулся ей, указывая пальцемъ на два стула, стоящіе подлѣ страшно натопленной печи; онъ торжествовалъ, онъ нашелъ другой стулъ и мѣсто, гдѣ его поставить, тогда какъ рядомъ съ нимъ его товарищъ принужденъ былъ прислониться къ той же печкѣ, чтобъ укрыться отъ толчковъ другихъ паръ.

— Здѣсь намъ будетъ хорошо-съ, говорилъ танцоръ, наклоняясь съ сладкой улыбкой къ дѣвушкѣ:—такъ уединенно и музыка близко... такое очарованіе! Знаете ли...

Дальше слышать было нельзя, да врядъ ли и дѣвушка что нибудь слышала: четыре скрипки завизжали надъ ними.

Не найдя кавалера, Лиза Топилина искала по крайней мѣрѣ мѣста, гдѣ усѣсться, но и то найдти было нелегко. Чрезъ треволненіе кадрили проскользнула она къ окну, гдѣ сидѣла какая-то дремлющая старушка—лицо, казалось, отверженное, потому что подлѣ нея оставался пустой стулъ, котораго никто не хотѣлъ занять. Дѣвушка сѣла (ей, кажется, было суждено весь вечеръ безполезно искать чего нибудь) и принялась искать, съ кѣмъ бы завести рѣчь по-сосѣдству. Не танцовать и не говорить—положеніе ужасное. Сзади ея, въ углубленіи окна, мелькнуло что-то розовое; она подняла глаза и опустила ихъ опять: видно, это сосѣдство было непріятнѣе сосѣдства старухи; на лицѣ ея выразилась сильная досада и, съ горя, она рѣшилась молчать, не сводя утомленныхъ глазъ съ танцовавшихъ.

Но розовая тѣнь, испугавшая дѣвицу Топилину, была нисколько не ужасна, напротивъ, это была дѣвушка стройная, высокая, съ лицомъ, правда, блѣднымъ отъ утомленія,

немного строгимъ и важнымъ, въ которомъ прекрасны были одни глаза, но выраженіе ихъ придавало жизнь и пріятность всему остальному. Она стояла прислонясь головой къ простѣнку окна, видимо не заботясь о томъ, что мяла свою черную косу, которая, отъ тяжести, и безъ того съ трудомъ удерживалась на гребнѣ. Бѣлая драпировка еще рѣзче обрисовывала эти черные волосы, блѣдное лицо и розовое платье. По движенію, съ которымъ дѣвушка подняла руку къ глазамъ, легко можно было замѣтить, что она была не только утомлена, но и скучала.

— Лиза, сказала она, замѣтивъ Топилину:—ты не танцуешь, не пора ли ѣхать? Ты сказала бы тетушкѣ.

— Вѣрно ты хочешь ѣхать, потому что сама не танцуешь, отвѣчала Лиза, не оборачиваясь.—Мнѣ не скучно.

И обѣ остались въ прежнемъ положеніи.

Въ эту минуту въ дверяхъ залы сдѣлалось маленькое замѣшательство. Хозяйка встрѣчала молодого человѣка, которому войдти было не легко, потому что три сидящія пары загораживали дверь. Выйдя, наконецъ, изъ этого затруднительнаго положенія, молодой человѣкъ откланялся довольно неловко. Казалось, онъ хотѣлъ выразить этимъ привычку чувствовать вокругъ себя болѣе простора.

— Наконецъ-то вы пріѣхали! вскричала хозяйка, и ея привѣтствіе слышалось во всѣхъ концахъ залы:—я думала, что вы не будете. Вы привыкли къ столичнымъ удовольствіямъ, вамъ все равно... Но я вамъ прощаю, на первый разъ не хочу сердиться, только съ условіемъ: танцуйте; я хочу, чтобы у меня всѣмъ было весело—слышите ли? непремѣнно танцуйте!...

— Я боюсь, тихо отвѣчалъ молодой человѣкъ:—кадриль уже началась, я не найду дамы, но обѣщаю вамъ, потомъ!

Это было сказано въ промежуткахъ возгласовъ хозяйки.

— Ничего! найдете! нѣтъ vis-à-vis? Я вамъ найду!... Неужели вы станете церемониться... Постойте...

И она улетѣла въ гостиную, оставивъ молодого человѣка совершенно оглушеннаго. Онъ оглядѣлся, прижалъ къ себѣ шляпу и старался пройдти, не задѣвая танцующихъ и нетанцующихъ, чтобъ добраться до толпы мужчинъ, которые чернѣли въ другихъ дверяхъ. Онъ не казался ни страненъ, ни неловокъ въ этомъ обществѣ, куда попалъ въ первый разъ. Дамы смотрѣли на него съ любопытствомъ, мужчины съ какимъ-то насмѣшливымъ выраженіемъ, но всѣ сторонились, когда проходилъ онъ.

— Извините... сказалъ онъ Лизѣ, нечаянно наступивъ ей на платье.

— Ce n'est rien, monsieur, отвѣчала она громко, поправляя платье.

Взглянувъ на ту, которая ему отвѣчала, молодой человѣкъ увидѣлъ стоявшую подлѣ нея подругу; учтивость Лизы, отодвинувшей свой стулъ, дала ему возможность подойти къ ней.

— Анна Михайловна, сказалъ онъ тихо.

Она оглянулась.

— Вы ли это? почти вскричала она, и все лицо ея оживилось:—вотъ неожиданность!... Давно ли здѣсь, откуда? и, наконецъ, зачѣмъ?

— Благодарю васъ, я вижу, что вы мнѣ рады, и я счастливъ, что васъ встрѣтилъ... я не надѣялся...

— Вы въ нашемъ городѣ, знаете, что мы здѣсь живемъ, а не были еще въ домѣ моего дяди?

— Виноватъ! я вѣчно виноватъ передъ вами! Но... повѣрьте, не помню, что говорю отъ удовольствія...

— По крайней мѣрѣ, вы помните, о чемъ я васъ спрашивала?

— Давно ли здѣсь?—Съ нынѣшняго утра; откуда?—изъ Петербурга...

— А не изъ-за границы? Вы, кажется, собирались...

— Да; но случились обстоятельства... я долженъ былъ остаться и спѣшить сюда. Я получилъ здѣсь наслѣдство... впрочемъ, не обо мнѣ рѣчь. Три года я не видѣлъ васъ! Это ужасно!

Глазки Анны Михайловны приняли какое-то странное выраженіе.

— Вы не перемѣнились... продолжалъ онъ:—вы должны, однакожъ, скучать здѣсь...

— Напротивъ, отвѣчала она спокойно:—здѣсь очень весело.

— Вѣрю, если вы это говорите... впрочемъ, почему-жъ и не такъ? Здѣсь такое большое общество.

Онъ оглянулся на залу, потомъ опять на Анну Михайловну. Она слегка покраснѣла.

— Вы разскажете мнѣ, какъ вы примирились съ этимъ обществомъ... Помните, прежде вы жестоко нападали на провинцію... Признайтесь мнѣ откровенно, попрежнему...

— Попрежнему?...

— Да. Неужели послѣ вашей радушной встрѣчи я долженъ увѣрить себя, что вы забыли все прежнее?

Анна Михайловна опять покраснѣла.

— Я вамъ скажу попрежнему откро-

венно, отвѣчала она тихо:—что вы, кажется, хотите поссорить меня съ здѣшнимъ обществомъ.

— Отчего это?

— Вспомните, о чемъ вы спросили меня?

— О вашемъ прежнемъ мнѣніи: перемѣнилось ли оно или утвердилось.

— Здѣсь не прощаютъ прежнихъ мнѣній.

— А позволено ли имѣть ихъ?

— Развѣ это можно запретить?

— Такъ по крайней мѣрѣ обязаны скрывать ихъ?

— Да. Но это не моя привычка.

— Вотъ это откровенно попрежнему. Но для чего-жъ не хотите вы теперь сказать мнѣ ваше мнѣніе?

— Не вижу надобности, отвѣчала она тихо.

— Это одна отговорка! вы боитесь, что васъ услышатъ.

— Я могу говорить тихо, если не хочу, чтобъ меня слышали.

— Вы боитесь разсердить общество?

— Я не боюсь ничего.

— Почему же вы не соглашаетесь отвѣчать мнѣ?

— Потому что вы не раздѣлите моего мнѣнія.

— Развѣ вы не хотите заставить меня убѣдиться?

— Убѣждать?.. васъ?

Она засмѣялась немного принужденно.

— Право, Анна Михайловна, вы забыли много прежняго.

— Что-жъ?

— То, напримѣръ, что вы можете убѣдить меня въ чемъ хотите.

— Я не знала этого и прежде!

— Это обыкновенная дамская привычка пользоваться властью и говорить, что о ней не знаешь.

— Право, я не подозрѣвала за собой этой власти.

— Какъ! четыре мѣсяца знакомства не могли убѣдить васъ, что я готовъ понимать, думать, чувствовать, какъ вы прикажете?

— Повѣрьте, еслибъ я это знала, я приказала бы вамъ имѣть ваши собственныя понятія, мысли и чувства.

— Для чего это?

— Я люблю самостоятельность.

— Неужели вы скажете, что я не самостоятеленъ?

— Право, не знаю...

Анна Михайловна немного смутилась.

— Мы были знакомы четыре мѣсяца, и потомъ я не видала васъ три года, продолжала она.

— Вы видите, какъ я самостоятеленъ. Я остаюсь здѣсь всю зиму... у меня дѣла, вводъ во владѣніе. Какая у меня деревня, Анна Михайловна — вы знаете, Хмѣлевое... сады тамъ, говорятъ, оранжереи... Смерть постигла дядюшку; старикъ, отъ своей скупости, говорятъ, умеръ... и богатство его—прахъ... Кстати, вотъ вамъ еще доказательство, какъ я самостоятеленъ. Марья Николаевна меня просила танцовать, а я не буду.

— Вы обѣщали ей, что будете?

— Обѣщалъ и не буду. Помилуйте, я здѣсь никого не знаю...

— Вы были прежде знакомы съ Марьей Николаевной?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы здѣсь?

— Это преудивительная исторія. Вы знаете К...? вотъ этого молодого человѣка, что̀ танцуетъ, видите?

— Онъ довольно часто бываетъ у моего дяди. Что̀-жъ дальше?

— Дальше вотъ что̀-съ. Я пріѣхалъ сегодня на зарѣ. Отдыхаю у себя въ нумерѣ; часовъ въ одиннадцать утра ко мнѣ является К. Мы съ нимъ старые знакомые, еще по Петербургу. Облобызались; онъ меня поздравилъ съ наслѣдствомъ, заставилъ напоить его шампанскимъ, а потомъ и говоритъ: «Сегодня вечеръ у Марьи Николаевны Л., ея рожденіе, ѣдемъ съ визитомъ, я тебя представлю, а вечеромъ вмѣстѣ потанцуемъ... Что̀-жъ прикажете дѣлать? радъ не радъ, а поѣхалъ...

— Не хотѣли, а поѣхали?

— Какъ же для стариннаго друга не сдѣлать? Это было неловко...

— И даже странно...

— И даже странно...

— И даже смѣшно, тихо сказала Анна Михайловна.

Молодой человѣкъ не повторилъ этой фразы, а продолжалъ:

— Но для сердечнаго дружка, какъ говорится, сережка изъ ушка. Да, вы не любите поговорокъ... Итакъ, я здѣсь, но ни за что̀ не танцую... Однако, познакомьте же меня съ вашимъ обществомъ...

— Нѣтъ, вы это лучше сдѣлаете сами... видите ли, знакомство само бѣжитъ къ вамъ навстрѣчу...

— Однако, хоть немного, хоть кого нибудь назовите. Кто эта дама въ васильковомъ платьѣ?

— Я вамъ сказала, что не назову никого... Orientez-vous vous-même.

— Для чего вы не хотите быть моей путеводной звѣздой?..

Анна Михайловна опять покраснѣла и принужденно засмѣялась; въ эту минуту въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ показалась хозяйка.

Разговаривая, Анна Михайловна и ея собесѣдникъ не замѣтили, какъ кончилась кадриль; начиналась другая: на вечерѣ г-жи Л. промежутки были не болѣе десяти минутъ.

Госпожа Л. распорядилась составленіемъ кадрили и вела за собой офицера, который, не найдя vis-à-vis, спрятался съ горя въ гостиной.

— Вотъ вамъ vis-à-vis, m-r Окольскій — m-r Горностаевъ, здѣшняго полка; надѣюсь, вы будете такъ любезны, такъ обязательны... вы не станете церемониться. Я хочу, чтобъ у меня было всѣмъ весело, но вы, какъ столичный гость...

— Ваша правда, Марья Николаевна, я немного усталъ съ дороги.

— Полноте, какъ можно! вы мнѣ обѣщали. Вы просто не хотите, а это не хорошо; нѣтъ, ужъ если вы пріѣхали къ намъ, то веселитесь по-нашему... Есть ли у васъ дама?

— Хотите танцовать со мной эту кадриль, Анна Михайловна? тихо спросилъ ее Окольскій.

— Ни этой, ни слѣдующей.

— Вы устали?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не танцовала сегодня.

— Отчего это? вы наложили на себя обѣщаніе не танцовать?

— Да, я обѣщала.

— Кому?

— Самой себѣ, пріѣзжая сюда, что я не буду танцовать и не танцовала.

— Но для меня сдѣлайте исключеніе, ради стариннаго знакомства.

— Это будетъ смѣшно!

— Ради первой встрѣчи... спасите меня!

— Перестаньте просить, Петръ Николаевичъ, я отвѣчаю всегда одинъ разъ... Два раза отказывать ужъ неучтиво.

— Вы не хотите танцовать со мною?

— М-r Окольскій, повторила хозяйка: — есть у васъ дама?

Окольскій, еще разъ обратился къ Аннѣ Михайловнѣ. Она не смотрѣла на него.

— Что-жъ? спросила хозяйка.

— Мнѣ отказали.

— Да вотъ вамъ дама... Lise, ma chère... Не откажите ему, онъ здѣсь никого не знаетъ...

Послѣднія слова были сказаны тихо.

Лиза поднялась гордо и торжественно и подала руку Окольскому, который раскланивался передъ нею. Они сѣли, и Анна Михайловна могла слышать, какъ онъ разсказывалъ Лизѣ о желѣзной дорогѣ, о Віардо и о прочемъ.

Недалеко отъ Анны Михайловны танцовала молодая дама и съ нею хорошенькій К. Дама говорила:

— Мнѣ сказала Марья Николаевна, что она вамъ обязана этимъ новымъ гостемъ.

— О, нѣтъ, много чести! онъ самъ просилъ меня свезти его на вечеръ; надо же было представить его утромъ.

— Такъ онъ охотникъ веселиться?

— Богъ его знаетъ!

— Но и вы его знаете. Кто онъ?

— Окольскій, служитъ въ какомъ-то департаментѣ, въ Петербургѣ; я его въ корпусѣ встрѣчалъ, когда ѣзжалъ къ братьямъ, и больше ничего о немъ не знаю.

— Но, наконецъ, что о немъ можно сказать?

— Ничего.

— Какъ ничего?

— Стоитъ ли о чемъ нибудь говорить?

— Но можно хоть думать?

— Я о немъ ничего не думаю... Онъ получилъ 300 душъ наслѣдства... Намъ начинать.

II.

На другой день поздно отворились ставни большого деревяннаго дома въ переулкѣ между Большой и Дворянской улицей. Семенъ Сергѣевичъ Топилинъ, хозяинъ дома, давно уже прохаживался по прибранной залѣ и гостиной въ ожиданіи чая; супруга его и дочки еще не вставали.

Семенъ Сергѣевичъ былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, отецъ трехъ дочерей; служилъ онъ совѣтникомъ въ какой-то палатѣ. Хотя и принято думать, что служба улучшаетъ состоянія, но состояніе Семена Сергѣевича нисколько не улучшалось. Домъ, въ которомъ жилъ онъ, принадлежалъ еще его отцу; очень давно, къ какому-то новому году Семенъ Сергѣевичъ купилъ для залы двѣ дюжины плетёныхъ стульевъ, а въ гостиной обилъ диваны и кресла красной бомбой; и напрасно сосѣдніе дома мѣняли свою внѣшнюю и внутреннюю физіономію: домъ Семена Сергѣевича не измѣнялся ни внутри,

ни снаружи; напрасно жена его жаловалась на боль въ глазахъ отъ слишкомъ яркаго солнца: драпри не являлись на окнахъ; напрасно дочери, галопируя другъ съ другомъ въ залѣ, находили, что старый крашеный полъ неудобенъ для танцевъ: Семенъ Сергѣевичъ былъ глухъ и къ жалобамъ и къ замѣчаніямъ; впрочемъ, никогда не отказывалъ онъ дочерямъ въ удовольствіяхъ сколько могъ, какъ говорилъ онъ; онъ наряжалъ ихъ на лѣтнихъ гуляньяхъ и на балахъ зимою; но, несмотря на всѣ убѣжденія Марьи Ивановны, Семенъ Сергѣевичъ никогда не хотѣлъ купить кареты; съ начала зимы и до распутицы нанимали извозчичій возокъ — ковчегъ, какъ называли дочери, рѣшавшіяся выѣзжать въ немъ только вечеромъ. Отецъ рѣдко ѣздилъ самъ куда нибудь, кромѣ своей палаты и важныхъ лицъ, къ которымъ являлся по праздникамъ. У себя дома принималъ онъ охотно, всегда весело, радушно и умно, но никто не зналъ, какъ накрываютъ у него на столъ; одинъ молодой человѣкъ, охотникъ до чужихъ обѣдовъ, утверждалъ даже, что въ домѣ Семена Сергѣевича никогда не обѣдаютъ, и весь городъ говорилъ единогласно, что старикъ скупъ и прижимается. Иногда, даже сама Марья Ивановна, выходя изъ его крошечнаго кабинета, послѣ довольно жаркихъ, но безплодныхъ споровъ о необходимости какой нибудь мантильи или камаля, шептала сквозь зубы что-то въ родѣ avare или Harpagon. Марья Ивановна имѣла привычку никогда не выражать по-русски своихъ тайныхъ мыслей... Потомъ, утѣшая дочь въ отказѣ, она много говорила противъ такого tyranisme, такой despotie, и Лизанька или Сашенька являлись къ столу съ красными глазами. Отецъ видѣлъ это и молчалъ.

Можно было бы заключить изъ этого, что въ домѣ все зависѣло отъ Семена Сергѣевича; можно было удивиться, что въ это утро, онъ ходилъ одинъ по комнатамъ, дожидаясь чая, но заключеніе будетъ несправедливо. За то, что онъ отказывалъ иногда въ излишкахъ, у него совершенно отнята была власть надъ тѣмъ, что ему нравилось. Если онъ говорилъ, что къ его бѣленькой Лизѣ идетъ голубое, Лиза по цѣлымъ недѣлямъ не надѣвала ничего, кромѣ розоваго; если онъ находилъ, что такой-то пустой малый, Марья Ивановна не забывала напомнить той или другой дочери, что онъ приглашалъ ее танцовать на какомъ нибудь предстоящемъ балѣ; ему нравилась книга — ее отсылали въ книжную лавку не прочитавъ, и некому было и похвалить ее; онъ любилъ вставать рано — и въ домѣ всѣ спали до полудня; онъ любилъ цвѣты — они завядали неполитые; онъ ненавидѣлъ новости и вѣсти — жена и дочери съ утра до ночи перебирали жизнь и дѣянія цѣлаго города... Но кто исчислитъ, сколько мелкихъ неудовольствій, этихъ булавочныхъ уколовъ можетъ нанести женская досада, женская изобрѣтательность, женское невниманіе?..

Супруга Семена Сергѣевича, Марья Ивановна, была годами десятью его моложе, довольно полна, когда-то недурна собой и теперь еще, когда надѣвала чепецъ съ цвѣтами и принаряжалась, ее находили весьма интересной. Претензій у ней было очень много; она считалась визитами и съ большой осторожностью выбирала для себя партію въ преферансъ. Дочерей она баловала, по ея выраженію, но, въ дѣйствительности, ни одна не выступала изъ ея повиновенія, и всѣ три были глубоко проникнуты идеею матери — что дѣвушки рождены на свѣтъ, чтобъ выѣзжать, для того, чтобъ выйти замужъ.

Лизанька, Сашенька и Катенька были премилыя созданія... Не думайте, что я шучу. Не милы ли существа, довольныя собою, слѣдовательно, внутренно счастливыя кромѣ нѣкоторыхъ постороннихъ огорченій, безъ которыхъ не проходитъ ничья жизнь, но которыя не оставляютъ слѣда на душѣ; существа, которыя не стремятся далеко, для которыхъ въ мірѣ, тѣсномъ для другихъ, еще слишкомъ просторно, которыя не только не отъискиваютъ ощущенія или чувства, но нашли, что есть чувства совершенно излишнія... и не нашли даже, а такъ уже созданы онѣ, что имъ покойно на свѣтѣ и довольно тѣхъ крошекъ, которыя упали на ихъ долю... Всѣ три сестры учились въ одномъ пансіонѣ. Оттуда принесли онѣ совершенное незнаніе всѣхъ наукъ земныхъ и совершенное убѣжденіе въ ихъ безполезности; оттуда принесли онѣ ловкость и развязность, которыхъ не дастъ ни одно домашнее воспитаніе; умѣнье нарядиться къ лицу, безъ разбора времени года, умѣнье вскружить голову... натурально въ губерніи. Я люблю такихъ дѣвицъ: съ ними танцовать всегда пріятно; онѣ не станутъ разбирать каждое слово ваше, не заставятъ васъ подумать, что вы сидите не въ кадрили, а на школьной скамейкѣ, не вложатъ вамъ въ голову ни одной грустной мысли ни о себѣ, ни о другихъ, ни о васъ самихъ... а это очень пріятно.

Переборка старыхъ нарядовъ и шитье новыхъ занимали моихъ барышень все утро;

надо было успѣть одѣться и бѣжать въ гостиную, если пріѣзжалъ кто нибудь... Гостиная была нежилая комната, въ которой симметрія креселъ нарушалась какимъ нибудь визитомъ и возстановлялась опять, вслѣдствіе грознаго приказа Марьи Ивановны, тотчасъ по отъѣздѣ гостя. Гость никогда не заставалъ никого въ гостиной, потому, предполагать можно, что дочери Семена Сергѣевича умѣли входить очень ловко; но это будетъ одно только предположеніе. За затворенной дверью внутренной комнаты, Лизанька, Сашенька и Катенька уговаривались очень долго, кому идти впередъ; наконецъ рѣшались идти всѣ вдругъ и тутъ старшая сестрица рѣшала, что это неприлично и выходила маленькая сцена, и онѣ входили вмѣстѣ или порознь, но всегда въ великомъ смущеніи. Потомъ все обходилось благополучно. Пріѣздъ и отъѣздъ гостей занималъ остатокъ утра; потомъ обѣдали; дѣвицы занимались своими нарядами, какъ поутру, или шили въ крошечныхъ пяльцахъ какую нибудь нескончаемую работу, или которая нибудь изъ нихъ, зѣвая, раскрывала французскій романъ, читаемый мѣсяца три сряду съ помощью лексикона. Это было величайшимъ умственнымъ трудомъ. Потомъ надо было подумать о вечерѣ и чаѣ, а къ чаю пріѣдетъ кто нибудь, или сами онѣ ѣдутъ куда нибудь — и жизнь идетъ незамѣтно.

Было, однакожъ, существо, которому такая жизнь казалась очень замѣтною — это Анна Михайловна, племянница Семена Сергѣевича. Анна Михайловна была сирота; матери она не помнила; отецъ, обожавшій ее, какъ только можно обожать свое единственное дитя, воспиталъ ее у себя на глазахъ въ отдаленномъ городѣ. Анночка училась дома у отца, или вмѣстѣ съ дѣтьми его знакомыхъ, и успѣла образоваться гораздо болѣе, нежели можно было ожидать отъ такого совсѣмъ не методическаго ученья. Живая, веселая, она была утѣхой въ домѣ; понятливая и впечатлительная, она скоро стала, какъ большая, необходима отцу, и отъ этихъ ли всегдашнихъ сношеній, отъ этой ли откровенности, которую дочери обыкновенно отдаютъ матери и подругамъ, а Анночка отдавала отцу, характеръ ея принялъ направленіе болѣе строгое и развился сильнѣе, нежели развивается у другихъ дѣвушекъ. Она стала лучше понимать вещи, стала чужда женскихъ мелочей, которыя вмѣстѣ такъ милы и такъ несносны; стала довѣрчивѣе, потому что довѣрчивость не женская добродѣтель; женщины вполнѣ, съ своими мелочами, притязаніями, тайнами, поневолѣ становятся скрытны отъ подобныхъ себѣ. Рѣдко найдете вы двухъ дѣвицъ, истинныхъ друзей, между которыми не оставалось бы чего нибудь завѣтнаго, что̀ одна бережетъ отъ другой, иногда сама не зная почему. У Анночки не было тайнъ и избраннаго друга; всякая мысль ея высказывалась прямо въ словахъ, отражалась во всякомъ поступкѣ, въ каждомъ взорѣ. Отъ откровенности мысли до откровенности дѣйствій недалеко. Защитить отсутствующаго, высказать прямо, если что не нравилось, опровергнуть то, что̀ казалось несправедливымъ или недостойнымъ — было дѣломъ легкимъ и отраднымъ для дѣвушки-сироты, вдвойнѣ слабаго созданія. Но она вполнѣ понимала свое положеніе по тѣмъ строгимъ сужденіямъ, которыя сама произносила надъ другими, и, краснѣя при одной мысли о стыдѣ, давала себѣ обѣщаніе, что ни одинъ поступокъ, ни одно слово не поставятъ ее на судъ тѣхъ, кого она судила, быть можетъ, слишкомъ гордо, но справедливо; она придавала своему обѣщанію торжественность клятвы. Въ шестнадцать лѣтъ она судила и была восторженна, какъ юноша — увы! уже не нашего поколѣнія. Не думайте, однако, чтобъ съ этой свободой мысли она желала найти болѣе просторный кругъ дѣятельности — нѣтъ, ей было довольно мѣста, гдѣ Богъ ее поставилъ. Правда, часто хотѣлось ей развлеченій, менѣе однообразныхъ, болѣе изящныхъ, нежели обыкновенныя удовольствія дальняго губернскаго города; ей мечтался театръ со всѣми обманами, со всѣмъ упоеніемъ чувства; возможность чтенія, что въ ея глуши удавалось ей такъ рѣдко; искусства, которыя воображались ей, какъ что-то недостижимое; хотѣлось бесѣды, гдѣ бы ея чувства повѣрялись чувствами другихъ, гдѣ бы услышала она не вседневныя слова, и эти слова заставили бы ее подумать и научиться. Иногда — но это желаніе было еще смутно — ей хотѣлось бала, гдѣ бы не повторялись тѣ же пискливыя кадрили, а среди залы тѣ же праздничныя, чопорныя лица, съ ихъ вѣчной рѣчью объ одномъ и томъ же... Ей хотѣлось и подруги... но такой, которая хоть въ теченіе двухъ часовъ могла бы говорить, не помянувъ о нарядахъ и сплетняхъ...

Вы представите себѣ послѣ того Анночку (какъ называлъ ее отецъ). Довольная и недовольная баломъ, она охотно уѣзжала, когда, бывало, отецъ подходилъ сказать ей на ухо, что ему спать хочется. Она возвращалась веселая, рѣзвая, шутила и смѣшила старика, и

у изголовья его постели забывались всѣ ея желанія—такъ была полна любовь ея. Отецъ, шутя, грозилъ отдать ее замужъ, и любовался ею: въ его глазахъ не было на свѣтѣ красавицы лучше Анночки.

Но Анночку никто не находилъ даже хорошенькой; говорили, что съ нею скучно, хотя къ ней и женихи уже навертывались; всѣ были твердо увѣрены, что Михаилъ Сергѣевичъ накопилъ деньгу... Кажется, въ столицѣ объ этомъ выражаются какъ-то нѣжнѣе, но въ губерніи покуда русская рѣчь сохранила всю свою энергію, и если я повторяю слова, какъ они были сказаны, то именно для того, чтобы придать моему разсказу мѣстный колоритъ.

Анночкѣ было семнадцать лѣтъ, когда въ домѣ ея отца случилась большая перемѣна. Къ нимъ пріѣхалъ дядя, Семенъ Сергѣевичъ. Анночка его не знала, но отецъ встрѣтилъ его такъ дружно, дядя такъ обласкалъ ее, что она полюбила его съ перваго дня. Дядя былъ озабоченъ; что-то долго толковали братья вдвоемъ въ кабинетѣ, и на этотъ разъ дверь была заперта даже для Анночки; только проходя мимо по узенькому корридору, она услышала, что дядя говорилъ, какъ ей показалось, со слезами: «Клянусь тебѣ матушкой-покойницей, что я ея не обижу... я дамъ ей обязательство»...

Потомъ отецъ ея заспорилъ, а Анночка, покраснѣвъ отъ того, что нечаянно услышала и чего не должна была слышать, убѣжала къ себѣ.

Но, кажется, братья о чемъ-то условились; дня три ѣздили они по судамъ и палатамъ, въ домъ приходили никогда невиданные Анночкой господа, которые толковали и писали. Прошло еще дня три, кажется все было кончено: въ домѣ нѣсколько успокоились, потомъ Сергѣй Семеновичъ собрался и уѣхалъ гораздо спокойнѣе, нежели пріѣхалъ.

Зато отецъ Анночки сталъ не такъ веселъ, какъ прежде. Глядя на свою милую дочку, онъ уже не улыбался ей, и будто слезы набѣгали ему на глаза. Какъ ни старался онъ скрывать свое безпокойство, оно проглядывало часто среди самаго веселаго разговора: Анночка не привыкла видѣть печаль отца, она не смѣла спросить о причинѣ ея; но одинъ разъ, когда ни одна ея шутка, ни одно ея милое слово не могли его разсѣять, она не вытерпѣла и заплакала.

— Папа, душечка, проговорила она сквозь слезы:—что это съ вами?

— Старъ я сталъ, отвѣчалъ онъ:—капризничаю...

Но Анночка видѣла, что послѣднее слово было тоже своего рода шутка, чтобъ отвлечь ея мысли отъ перваго. Она не отставала съ своими ласками.

— О тебѣ надо думать, отвѣчалъ отецъ:—тебѣ девятнадцатый годъ... ни съ чѣмъ останешься...

Больше она ничего не узнала. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, наступила весна; старикъ въ одно утро получилъ нѣсколько писемъ, потомъ ѣздилъ на почту самъ—можно вообразить себѣ волненіе Анночки: ей уже во всемъ начинала мерещиться печаль; каково было ея удивленіе, когда отецъ воротился веселый, радостный, какимъ она его давно не видала, и кричалъ ей еще на порогѣ прихожей:

— Ну, Анна Михайловна, извольте сбираться, я вамъ покажу Петербургъ.

Видѣть Петербургъ было давнишнимъ желаніемъ Анночки; ея радость, ея сборы и отъѣздъ вы можете себѣ вообразить.

Дальняя линія Васильевскаго Острова, гдѣ жила какая-то старая тетушка, представлялась Анночкѣ земнымъ раемъ, и, пріѣхавъ, она не разочаровалась нисколько.

У тетушки были полторы лишнія комнаты: она нанимала квартиру прежде пополамъ съ какой-то старой дѣвой, учительницей музыки; но дѣва нашла себѣ спутника жизни, то есть вышла замужъ, и у тетушки остались пустыя полторы комнаты; въ нихъ помѣстились Анночка особо и отецъ ея, на бивакахъ.

Жила она весело; впечатлѣній разсказывать нечего, это были общія впечатлѣнія всякой провинціалки въ Петербургѣ. Лѣто было прелестное: Анночка каталась въ омнибусѣ къ знакомымъ, на дачи, съ тетушкой или другими знакомыми. Петербургъ богатъ молодыми людьми; эти прогулки не обходились безъ нихъ. На одной прогулкѣ, на Черной рѣчкѣ, встрѣтилась она съ Петромъ Николаевичемъ Окольскимъ.

Окольскій служилъ въ какомъ-то департаментѣ; его состояніе было порядочное для провинціи—капля въ морѣ для Петербурга. Но привычка считать себя богатымъ помѣщикомъ у себя дома сдѣлала то, что и тамъ, гдѣ подобныхъ ему были сотни, онъ смотрѣлъ свысока, гдѣ настоящей высоты не доставало, становился на ходули. На дальней дачѣ, въ крошечномъ палисадникѣ, передъ дамой, въ простомъ кисейномъ платьѣ, онъ хвалился своими побѣдами надъ тѣми, чьи коляски обдавали пылью его, скромнаго пѣшехода; юнымъ поэтамъ—будущей и никогда невѣдомой славѣ Россіи—разсказывалъ онъ, какъ

принималъ его такой-то и такой-то изъ нашихъ знаменитостей. Онъ писалъ стихи дамамъ въ альбомы, импровизировалъ, когда приходилось, въ фантахъ; вообще во всякомъ обществѣ былъ сносенъ и удобенъ, игралъ много и проигрывалъ еще больше; говорилъ свободно и живо; и если чувствовалъ себя на просторѣ и на довольно надежной высотѣ передъ слушателями, былъ иногда остроуменъ и насмѣшливъ, часто умѣлъ прикидываться во-время веселымъ и печальнымъ, наконецъ имѣлъ 26 лѣтъ, славный ростъ, недурное, немного блѣдное лицо, длинные бѣлокурые волосы и большіе голубые глаза.

Ему хорошо жилось на свѣтѣ. Онъ не ссорился напрасно, но всегда и очень громко разсуждалъ о чести или, точнѣе, о point d'honneur. Неизвѣстно, былъ ли онъ когда нибудь поставленъ въ необходимость изъясниться не на словахъ, а на дѣлѣ, и кàкъ онъ вышелъ изъ этого затрудненія. Съ женщинами онъ былъ постоянно учтивъ и любезенъ. Вообще, раздумывалъ онъ мало. Поэтому Анночка не бросилась ему въ глаза своей оригинальностью предъ другими. Но Окольскій подумалъ, что если онъ займется провинціалкою, то покажется самъ оригиналомъ и удивитъ кого нибудь, кого—неизвѣстно, но Окольскому иногда казалось, что онъ можетъ удивить и удивляетъ.

Дѣйствительно, онъ занялся Анночкой, познакомился у нихъ въ домѣ, и недѣлю знакомства не могъ отъ нея оторваться. Было ли это чѣмъ-то въ родѣ привычки (а Окольскій былъ рабъ своихъ привычекъ) или въ самомъ дѣлѣ любовь, или что нибудь похожее на это—неизвѣстно. Анночка была оригинальна, но не на столько, чтобъ казаться странной; у нея было много милыхъ талантовъ: живость, остроуміе; ея разговоръ былъ всегда полонъ чувства, одушевленъ, потому что она всегда принимала близко къ сердцу то, чтò говорила, всегда непринужденъ, потому что ей скрывать было нѣчего; но именно это достоинство было недоступно понятію Окольскаго; онъ не замѣчалъ за собою чувства, не имѣлъ твердаго мнѣнія ни о чемъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ являлся каждый день въ домѣ ея тетки, просиживалъ вечера до поздней ночи, слушалъ какъ играла Анночка, читалъ ей, когда она работала, гулялъ съ нею, спорилъ часто и жарко...

Кто-то сказалъ, что человѣкъ исполненъ противорѣчій. Кромѣ всегдашней наклонности противорѣчить другимъ въ словахъ, въ мнѣніяхъ, въ поступкахъ, отъ желанія покричать, отъ упрямства, отъ самолюбія, въ человѣкѣ, неизвѣстно отчего происшедшее, таится даже противорѣчіе самому себѣ. Онъ убѣжденъ, что такая-то вещь ясна, какъ день, а поступаетъ, будто совсѣмъ ея не понялъ; онъ знаетъ, что тò-то дурно, и плачетъ, а дѣлаетъ дурное... Я говорю, разумѣется, о такихъ случаяхъ, когда разсчетъ не берется въ соображеніе.

Анночка читала много и безъ разбора; отъ дурныхъ впечатлѣній Богъ ее поберегъ; мечтала она столько, сколько могла вынести ея голова; жила совершенно свободно, какъ дитя избалованное, и жила съ отцомъ, который, вѣрнѣе, нежели мать, могъ дать ей понятіе о жизни. Какъ же могло случиться, что Анночка, которая создала себѣ высокій идеалъ совершенства человѣческаго и такъ насмѣшливо и вѣрно замѣчала людскіе недостатки, какъ могла она полюбить Окольскаго?..

Объясните это противорѣчіе.

Но она полюбила его со всѣмъ жаромъ, со всѣмъ счастьемъ первой любви... Кажется, столько ужъ говорено объ этомъ чувствѣ, но все хочется еще говорить о немъ, забывая, что ужъ и не къ лицу и не по лѣтамъ, говорить если не о своей прошлой любви, такъ хотя о томъ, какъ любили другіе. Анночка вытерпѣла эту болѣзнь, какъ слѣдовало ея живой натурѣ, въ сильной степени. Бывало, въ ожиданіи или желаніи скорѣе увидѣть предметъ любви своей, она плакала у оконъ, цѣловала свои цвѣты, молилась на всякое облачко... Приходилъ ли онъ—она съ счастьемъ слушала каждое его слово и терзалась всякой разочаровывающей мелочью, всѣмъ, чтò выказывало невыгодную сторону этого человѣка, всякимъ, даже маленькимъ движеніемъ эгоизма, разсчета, хвастовства или холодности къ прекрасному полу, всякой неловкостью; она терзалась сравненіемъ Окольскаго съ другими, терзалась своимъ собственнымъ превосходствомъ, котораго не могла не сознавать, терзалась, споря съ нимъ, и выносила отъ этихъ споровъ тяжкую досаду человѣка, который узнаетъ, что его обманули, тяжкую усталость послѣ безплоднаго труда...

Но Окольскій уходилъ—и она его опять любила; онъ возвращался—и та же любовь встрѣчала его.

Онъ, повидимому, не подозрѣвалъ этого, а, можетъ быть, и подозрѣвалъ—навѣрно не знаю. Но Окольскій не могъ понять, чтобъ женщина могла любить такой разборчивой,

покровительственной любовью. Ему было, однако, очень пріятно видѣть, что такое милое существо всегда ловко и остроумно прикрывало его промахи, извиняло его въ разныхъ житейскихъ мелочахъ предъ другими и давало ему косвенно, а иногда и со всей откровенностью, совѣты совершенно братскіе.

Такъ шло лѣто отъ мая до сентября, а Окольскій еще не спросилъ себя: чѣмъ все это кончится.

Это кончилось очень просто. Наступила осень и отецъ Анночки разсудилъ, что пора домой. Онъ оставлялъ Петербургъ безъ разочарованія, какъ многіе отцы, оставляющіе столицу; онъ пріѣхалъ не затѣмъ, чтобъ выдать дочь замужъ, напротивъ, онъ былъ радъ, что везетъ назадъ свое сокровище: иначе, кто освѣтитъ и согрѣетъ его уголъ?

Анночка съ тайнымъ горемъ замѣчала, что печаль отца возвратилась.

День отъѣзда былъ назначенъ.

Моя героиня не совершенство; правда, она не приходила въ отчаяніе, какъ другія, при одной мысли о томъ обычномъ однообразіи, которое ждало ее опять въ глуши, но невольно и крѣпко задумывалась она надъ чемоданомъ и сундукомъ, куда укладывала свои свѣженькіе наряды, свои ноты, рисунки; всякая вещь напоминала ей какое нибудь удовольствіе... Ей стало скучно и досадно на себя за свою скуку. Въ первый разъ въ жизни она горевала безъ причины, потому что, по ея понятіямъ, не стоило горевать о такомъ вздорѣ.

Сборы были кончены; Анночкѣ казалось, что все недостаетъ чего-то...

Тогда она поняла, что хитрила сама съ собою, что хотѣла не думать о чемъ-то—и неотвязная мысль, не называясь по имени, примѣшивалась ко всѣмъ ея мыслямъ... Анночка усѣлась надъ своими сундуками и заплакала горько, горько, потому что тутъ только въ первый разъ поняла она, какъ обидна для нея эта непонятливость, неповоротливость Окольскаго, какъ пустъ Окольскій, когда не видитъ, не цѣнитъ ея любви!..

Наплакавшись, Анночка рѣшила, что когда она уѣдетъ, тѣмъ хуже будетъ для Окольскаго.

Въ послѣдній разъ у тетушки собралось много гостей на прощанье. Анночка была чрезвычайно весела, шутила, смѣялась болѣе обыкновеннаго; Окольскій, напротивъ, былъ необычайно скученъ; на вопросъ тетушки, которая не могла не замѣтить такой перемѣны, онъ сказалъ, что боленъ.

Анночка это услышала и задумалась. Отвѣтъ ей очень не понравился: онъ былъ видимою ложью. Если ему бывало весело у насъ, подумала она, онъ долженъ жалѣть, что я ѣду, и почему не сказать этого прямо? Кажется, это ни къ чему не обязываетъ; зачѣмъ онъ скрытничаетъ?..

Составилась какая-то игра. Уговаривая играть то того, то другого, Анночка обратилась къ нему:

— Я не смѣю васъ звать, Окольскій; у кого болитъ голова, тому, можетъ быть, еще хуже отъ шума.

— Это значитъ, вы не принимаете меня въ игру... Какое я бѣдное дитя! сказалъ онъ.

— Капризное, отвѣчала она, и прибавила тихо:—на кого вы сердитесь весь вечеръ?

— На цѣлый свѣтъ, начиная съ себя.

— Такъ я хорошо дѣлаю, что васъ не зову играть?

— Сдѣлайте милость, сказалъ онъ, вдругъ перемѣнивъ рѣзкій тонъ на умоляющій и печальный:—не объясняйте никакъ ни моихъ, ни вашихъ словъ; я принимаю вашъ отказъ за большое счастье: мнѣ игра на умъ нейдетъ.

Анночка хотѣла отойти, но чувствовала, что не можетъ, и спросила невольно:

— Почему это?

— Потому что вы необыкновенно веселы.

Анночка взглянула на него съ удивленіемъ и удивилась еще больше его странному взгляду. Она ушла не отвѣчая, хотя ей сильно хотѣлось говорить съ нимъ; она говорила сама себѣ, что ничего нѣтъ дурного спросить Окольскаго, что̀ значили его слова, и между тѣмъ въ первый разъ это показалось ей трудно и неловко, больше нежели неловко. Она припомнила сотни разсказовъ, и даже разсказы самого Окольскаго, какъ тотъ или другой были вызваны на объясненіе въ любви, и потомъ не знали, какъ отдѣлаться.

«Сохрани меня, Господи», подумала она, «я ни за что не подойду къ нему. Если онъ меня любитъ, если жалѣетъ, что я ѣду, пусть самъ заговоритъ».

Вечеръ прошелъ; Окольскій уѣхалъ, не сказавъ ни слова, а на другой день уѣхала и Анночка.

Казалось, что съ этой поѣздки въ Петербургъ должна была начаться для Анны Михайловны настоящая жизнь: она не знала ее до тѣхъ поръ, бѣдное, веселое дитя!

Зимой отецъ ея занемогъ опасно, чрезъ силу написалъ къ Семену Сергѣевичу и тотъ поспѣшилъ пріѣхать. Тутъ слѣдовалъ для

Анночки рядъ печальныхъ дней, ночей безъ сна, въ слезахъ, покуда печаль кончилась еще большей печалью—отецъ ея умеръ.

И для Анночки все перемѣнилось. Надо было ѣхать съ дядей, жить въ его семьѣ, которой Анночка совсѣмъ не знала; кромѣ того, что надо было пріучить и даже переломить свое сердце, должно было измѣнить и характеръ, и образъ мыслей, и самыя привычки... Ей было очень тяжело.

Но въ то время, какъ начинается нашъ разсказъ, Аннѣ Михайловнѣ было ужъ двадцать три года; изъ веселой, беззаботной, любящей дѣвочки, она стала осторожной,задумчивой, какъ говорили, въ городѣ N—холодной дѣвой! и если не перемѣнился ея образъ мыслей и привычки, по крайней мѣрѣ три года жизни въ чужомъ домѣ сдѣлали, что не все въ этомъ домѣ казалось ей такъ страннымъ и дикимъ, какъ сначала.

Тетка рѣшительно ея не полюбила; можетъ быть вслѣдствіе того и ни одна изъ дочерей ея не сошлась съ кузиночкой, какъ онѣ ее называли. Сверхъ того, Анночка мало говорила, постоянно была занята, совсѣмъ не думала о своихъ нарядахъ и охотнѣе ходила гулять въ свой запущенный огородъ, нежели въ городской садъ, украшенный фонтаномъ безъ воды и двумя алебастровыми купидонами, изъ которыхъ одному, неизвѣстно когда, кто и за что̀ обломалъ ручки и ножки. Анночка смѣялась надъ этимъ садомъ, не замѣчая, что крѣпко огорчала самолюбіе гуляющихъ, и проводила дни, читая очень много, работая еще прилежнѣе. Одинъ дядя иногда напоминалъ ей прежніе дни, и то рѣдко; но онъ искренно любилъ ее, баловалъ, какъ находила Марья Ивановна, которой это очень не нравилось.

— Къ чему эти книги, рояль? говорила она мужу, когда ихъ привезли изъ Москвы и поставили въ комнатѣ Анночки, и не заботясь, что Анночка ее слушала: — развѣ наше фортепьяно не годится? Да хоть бы вы его въ залу поставили. Въ домѣ скоро не на чемъ сѣсть будетъ, а мы накупаемъ тысячные инструменты... Библіотеку! гдѣ прикажете все это помѣстить? кто это читать будетъ?

Въ этотъ памятный день Семенъ Сергѣевичъ выдержалъ характеръ и посовѣтовалъ женѣ замолчать.

— Анночка не дитя, сказалъ онъ: — это не я ей дарю, это ея собственное.

— Правда, правда, сказала Марья Ивановна. — Une millionaire — это не удивительно... Ce n'est pas comme vous, mesdames...

Послѣднія слова произнесла она, обращаясь къ дочерямъ, свидѣтельницамъ сцены, и медленными шагами удалилась въ свою комнату.

Чтобъ понять, какъ эти слова могли оскорбить Анночку, нужно знать, что все наслѣдство, оста̀вленное ей отцомъ, заключалось въ деревенькѣ въ двадцать душъ крестьянъ и въ векселѣ въ семьдесятъ тысячъ на имя Марьи Ивановны.

Анночка нѣсколько минутъ простояла молча и блѣднѣя, но потомъ характеръ ея и сознаніе своей справедливости заставили ее ободриться и утѣшиться: она помогла уставить свой рояль, расцѣловала Семена Сергѣевича, вытащила новую тетрадь изъ привезенной кипы нотъ и принялась разъигрывать.

Это происходило недѣли за двѣ до описаннаго вечера.

А въ то утро, когда Семенъ Сергѣевичъ всталъ такъ некстати рано, ему давно слышались звуки рояля изъ комнаты Анночки, отдаленной отъ всего дома. Семенъ Сергѣевичъ сначала не хотѣлъ ее тревожить, наконецъ рѣшился идти къ ней.

— Рано поднялась, моя милочка, сказалъ онъ, цѣлуя ее. — Ну, весело ли вчера было?

— Весело, дядюшка... Ахъ, простите, я вамъ готовлю новое знакомство: тамъ былъ пріѣзжій, знакомый батюшки, изъ Петербурга—Окольскій. Онъ просилъ позволенія быть у васъ, онъ меня знаетъ...

— Что-жъ, Богъ съ нимъ, пусть пріѣдетъ. Что̀ онъ, молодой человѣкъ?

— Да...

— Что-жъ ты играла, душа моя, садись, я послушаю.

Онъ усѣлся сзади ея табурета, слушалъ внимательно, ласкалъ ее и шутилъ надъ нею, когда она ошибалась, спѣша отвѣчать на его ласку. Время шло для нихъ незамѣтно. Анночка разсказала ему всѣ такъ называемыя «политическія» новости города, которыя необходимо было знать Семену Сергѣевичу, какъ человѣку служащему...

— Ну, а ваши новости, дамскія, что-жъ ты ничего о нихъ не разскажешь?

— О, дядя! пренесносныя! Вы меня простите...

— Что̀ еще?

— Я вчера поспорила и горячо.

— Съ кѣмъ?

— Съ Грашковой.

— Матушка!.. За что̀? Помилуй, она тебя съѣстъ!

— Я это предчувствую, да нельзя было

молчать. Она стала разсказывать, что Александръ Николаичъ К...

— Хорошенькій К...

— Да, что онъ перезаложилъ имѣніе своего меньшого брата и вчера проигралъ всѣ деньги въ карты. Я говорю, что это неправда, что онъ не только не перезаложилъ имѣнія, но еще внесъ всю сумму, капиталъ съ процентами, и что имѣніе теперь чисто отъ долговъ. Она спрашиваетъ: «почему вы все это знаете?» Я отвѣчала, что очень просто: стоило спросить у дядюшки, это по его палатѣ. «Странно», говорила она, «что дѣвицы занимаются такими вещами — какъ-то нейдетъ». Я отвѣчала: «Не знаю, что̀ тутъ нейдетъ, а по-моему гораздо лучше знать и говорить навѣрное, что братъ выкупилъ имѣніе брата, нежели, не зная дѣла, утверждать, что онъ промоталъ его...»

— Другъ ты мой, она на тебя Богъ знаетъ что̀ сплететъ!

— Что-жъ? Что я влюблена въ К...? Кто этому повѣритъ? Всѣ видятъ, какъ я держу себя съ нимъ, да и со всѣми...

— Все равно, моя душечка, у здѣшнихъ барынь языки такіе...

— Богъ съ ними!.. Вѣдь вы не повѣрите, если на меня сплетутъ дурное?

— Что̀ ты, Анночка? Да пусть она только посмѣетъ!

— Такъ оставимъ ихъ въ покоѣ. Поцѣлуйте меня и послушайте еще вотъ это... чудо, что̀ за новый вальсъ Штрауса...

— Сыграй... Только ты объ этой исторіи не говори теткѣ. Она не слыхала?

— Нѣтъ, дядюшка.

— Ну, и хорошо. Играй.

Въ это время по троттуару прогремѣли дрожки, подъѣздъ хлопнулъ и чей-то звучный голосъ проговорилъ въ прихожей:

— Принимаютъ?.. Доложи, Петръ Николаичъ Окольскій.

Старинные стѣнные часы, bête noire Марьи Ивановны, въ эту минуту пробили двѣнадцать. Окна въ залѣ и гостиной были открыты.

III.

Пріѣздъ Окольскаго произвелъ переворотъ въ домѣ Семена Сергѣевича. Марья Ивановна пробудилась очень гнѣвная; но когда горничная доложила ей, что это гость изъ Петербурга, и что Семенъ Сергѣевичъ и Анна Михайловна занимаютъ его въ гостиной, Марья Ивановна еще съ бо̀льшимъ гнѣвомъ отправилась поднимать дочерей.

Но она встрѣтила ихъ ужъ на полпути въ гостиную у завѣтной двери, гдѣ обыкновенно устроивался церемоніалъ выхода.

Наканунѣ, на вечерѣ, Окольскій не разсудилъ представиться Марьѣ Ивановнѣ; Лизѣ сказалъ только, что знакомъ съ ея кузиной, и никто не думалъ, что онъ завтра же къ нимъ явится. Три сестры съ вечера порядочно посмѣялись и надъ нимъ, и надъ Анночкой, но, войдя въ гостиную и видя, какъ она непринужденно сидѣла подлѣ него и весело разговаривала, онѣ поняли, что теперь настала ихъ очередь молчать.

Это непріятно, но чаще всего непріятнѣе тому, кто приводитъ другихъ въ подобное положеніе. Если у него хоть немного доброе сердце, ему становится неловко, и хотѣлось бы какъ нибудь завлечь другихъ въ разговоръ, досадно на свою веселость, на свой умъ, зачѣмъ онъ внушаетъ слова, которыя другіе только слушаютъ; человѣку дѣлается какъ-то совѣстно.

У Анночки сердце было очень доброе, но она не долго мучилась: Окольскій завелъ продолжительную рѣчь съ Марьей Ивановной; разсказалъ, какъ онъ жилъ въ Петербургѣ, какъ собирался ѣхать заграницу, но получилъ извѣстіе о смерти какого-то дяди, который оставилъ ему триста душъ наслѣдства—деревню въ N-ской губерніи—и пріѣхалъ посмотрѣть на свое новое помѣстье.

Марья Ивановна замѣтила, что скоро зима и, слѣдовательно, смотрѣть нечего, и что въ N скучно. Окольскій увѣрялъ, что городъ такъ ему понравился, что онъ рѣшается остаться здѣсь на всю зиму...

— И если позволите, я буду наскучать вамъ моими посѣщеніями, прибавилъ онъ, слегка кланяясь.

Марья Ивановна была въ восхищеніи. Очаровавъ ее, Окольскій обратился къ дочерямъ.

— Замѣтили вы вчера, m-lle, сказалъ онъ Лизѣ:—нашего vis-a-vis: удивительный танцоръ! Не танцовалъ ли онъ когда нибудь въ въ труппѣ акробатовъ?

— Oh, mais c'est que vous êtes... проговорила Лиза сквозь смѣхъ:—вы все шутите... Впрочемъ, еще многое покажется у насъ такъ странно...

— Напротивъ! je n'en reviens pas, мнѣ все кажется гораздо лучше того, что я ожидалъ... Судьба заботится обо мнѣ, чтобъ не испугать меня вдругъ.

Лиза премило улыбнулась на этотъ милый комплиментъ, сказанный тоже съ улыбкой, которая не заставляля сомнѣваться въ значеніи словъ. Три сестры разговорились,

очень довольны тѣмъ, что Анночка совершенно уступила имъ своего знакомаго.

Анночка молчала. Ей было такъ весело до прихода тетки и кузинъ, ей такъ легко вспоминались самые веселые, оживленные часы ея молодости. Окольскій былъ точно на другой день послѣ прощальнаго вечера въ Петербургѣ; въ радости, что увидѣла его, она прощала ему его мелочные недостатки, даже была благодарна ему, что онъ не исправился; она была рада, что нашла все попрежнему. Но пришла Марья Ивановна съ дочерьми— и какая перемѣна! Анночка слушала эту болтовню и не вѣрила ушамъ своимъ. «Неужели это дѣйствіе всесильнаго времени? Тотъ ли это человѣкъ, или она его никогда не знала? Таковъ ли онъ всегда? Что̀ онъ, притворяется или высказывается на свободѣ, въ провинціи, и за кого считаетъ онъ этихъ людей?...»

И она просидѣла, задумавшись, до конца этого страннаго и, подъ конецъ, довольно шумнаго визита.

Окольскій поднялся, чтобы ѣхать. Анна Михайловна отвѣчала ему молчаливымъ поклономъ.

Когда подъѣздъ стукнулъ за нимъ, Марья Ивановна воскликнула вполголоса:

— Ну вотъ, mesdames, поздравляю!

— Да это прелесть, душечка! кричали дочери.—Annette, какъ же ты ничего прежде о немъ не говорила?

И онѣ осыпали вопросами Анну Михайловну, которая отвѣчала не́хотя.

— Завтра ты отдай ему визитъ, душа моя, сказала Марья Ивановна мужу.

— Другъ мой, скоро часъ, кажется; дашь ли ты мнѣ чаю сегодня?

Марья Ивановна пожала плечами и, подавая племянницѣ крошечный ключикъ, сказала:

— Напой дядю, Annette.

Потомъ она вышла величественно. Дочерей не было ни одной въ гостиной; онѣ въ разныхъ концахъ дома шумно восхищались Окольскимъ.

Мальчикъ, въ сѣромъ казакинѣ, пришелъ уставить кресла въ гостиной въ прежній порядокъ.

Покуда тетушка и кузины восхищались, Анна Михайловна принялась готовить чай; дядя сѣлъ подлѣ нея къ столу. Оставаясь одинъ съ нею, Семенъ Сергѣевичъ бывалъ всегда разговорчивъ и веселъ; тутъ онъ, однако, молчалъ и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему, Богъ-знаетъ отчего, казалось неловко разговаривать съ Анночкой о гостѣ.

Она задумалась тоже. Надо признаться, что въ эту ночь она много думала объ Окольскомъ и много плакала. Увидѣть Окольскаго—значило вспомнить прежнее Петербургъ, веселье, молодость, жизнь, которая ей, хотя не ясно, но улыбалась: ласки несравненнаго, незабвеннаго отца... И это счастье прошло, а Окольскій былъ единственный свидѣтель этого счастья, единственный человѣкъ, которому она могла сказать: «помните ли?...»

Къ тому-жъ, она его любила прежде. Кому угодно смѣяться надъ властью первой любви, а я не смѣюсь и вѣрю въ эту власть. Увидя Окольскаго, Анна Михайловна почувствовала, что все еще любитъ его. Но годы сдѣлали свое: ей стали виднѣе его недостатки, а сердце, настроенное скукой однообразія и мелкихъ житейскихъ непріятностей, скорѣе было готово досадовать. Но вслѣдъ за досадой и волненіемъ приходила мысль: пріѣдетъ ли онъ къ нимъ? Онъ пробудетъ здѣсь всю зиму: часто ли будетъ у нихъ? Зима будетъ веселая, шумная: кѣмъ займется Окольскій?... Анна Михайловна, прежде нежели сняла свое розовое платье и распустила свою черную косу, внимательно посмотрѣлась въ зеркало.

Потомъ ее измучила мысль: «неужели только одно хорошенькое личико можетъ привязать этого человѣка?»

Вотъ онъ и пріѣхалъ, тотчасъ же, на другой день. Это прекрасно! Но онъ такъ много говорилъ обо всемъ и о себѣ болѣе всего, что Аннѣ Михайловнѣ тоже стало неловко заговорить о немъ съ дядей.

Однако она рѣшилась и покраснѣла, сказавъ:

— Каковъ вамъ показался Окольскій, дядюшка?

— Онъ любезенъ. Говорунъ большой.

Анна Михайловна поняла, что мудрено сказать что нибудь больше, однако еще спросила:

— Нѣтъ, дядя, душа моя, вы скажите, какъ его находите? Вы знаете, я вижу всегда вашими глазами.

— Да, вѣдь, ты сама его давно знаешь.

— Давно... Но я тогда была дитя.

— А теперь ты у меня умница: разсуди сама.

— Нѣтъ, скажите вы.

— Развѣ онъ тебя занимаетъ?

— Какъ же, вѣдь я виновата въ томъ, что онъ къ намъ пріѣхалъ.

— И я завтра натягивай фракъ и тащись къ нему съ визитомъ.

— Нѣтъ, дядя, не безпокойтесь, пусть онъ подождетъ.

— Да, это ты говоришь! тихо сказалъ Семенъ Сергѣевичъ:—дай-ка мнѣ сигару.

Покуда Анна Михайловна подавала ему сигару и свѣчку, онъ, казалось, надумался.

— Знаешь что? Окольскій теперь человѣкъ незнакомый и о немъ мнѣ сказать нечего, а кажется, съ нимъ сто лѣтъ проживешь и все-таки ничего не скажешь... Вотъ онъ мнѣ каковъ показался...

Тутъ Семенъ Сергѣевичъ замолчалъ, потомъ заговорилъ о другомъ: вскорѣ пришли Марья Ивановна и ея дочери, и оказалось, что объ Обольскомъ, о которомъ ни хорошенькій К., ни Семенъ Сергѣевичъ не могли ничего сказать, можно было говорить очень много.

Анна Михайловна молчала и досадовала. Молчаніе съ одной стороны, восхищеніе съ другой терзали ее; она была недовольна чѣмъ-то—Окольскимъ, собою, другими: сама не знала. Но объясните же это противорѣчіе: она все-таки любила Окольскаго.

Семенъ Сергѣевичъ отговорился дѣлами и помѣшкался, такъ-что прежде нежели съѣздилъ съ визитомъ, Окольскій явился въ другой разъ.

Это понравилось Аннѣ Михайловнѣ. У Окольскаго въ это посѣщеніе болѣла голова и онъ говорилъ мало. Онъ нашелъ нѣсколько минутъ, чтобъ сказать Аннѣ Михайловнѣ слова два о ея отцѣ—только два слова, конечно, но и этого было довольно. Прощаясь, онъ спросилъ, гдѣ они будутъ вечеромъ, помогъ Марьѣ Ивановнѣ устроить поѣздку въ театръ и опять тихо спросилъ Анну Михайловну:

— Найду ли я васъ въ театрѣ?

Театръ города N* былъ для всякаго, сколько нибудь развитого вкуса, наказаніе Божіе. Устроить поѣздку въ театръ, значило надѣлать много шума, чтобъ заставить Семена Сергѣевича взять ложу. Я не говорю, чтобъ Семенъ Сергѣевичъ когда нибудь въ жизнь свою неохотно дѣлалъ удовольствіе дочерямъ; но Марья Ивановна давно рѣшила, что «у насъ въ домѣ ничто безъ непріятности не обходится»; и дѣйствительно, всегда такъ устроивала, что безъ непріятностей не обходилось. Анна Михайловна никогда не ѣздила въ театръ, и оттого, что онъ ей не нравился, и оттого, что ложа не могла вмѣстить въ себѣ пяти человѣкъ. Въ этотъ разъ, однако-жъ, ей сильно захотѣлось ѣхать.

— Mesdames, сказала она тремъ сестрамъ: я не видѣла еще здѣшняго театра; кто изъ васъ сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе и уступитъ свое мѣсто? Я прошу васъ объ этомъ заранѣе, а если нельзя, то нельзя.

— Почему-жъ нельзя, сказалъ Семенъ Сергѣевичъ: — онѣ сколько разъ были всѣ; поѣзжай ты теперь, Анночка.

Сестры молчали. Аннѣ Михайловнѣ было совѣстно и жаль отказаться.

— Ну, выньте билеты, кому не ѣхать, продолжалъ отецъ:—а будущее воскресенье даютъ Чернаго Латника, я васъ опять повезу.

— Ну, Анночка тогда и поѣдетъ, сказала Марья Ивановна.

— Отчего-жъ не теперь, когда ей хочется?

— Имъ всѣмъ тремъ ужъ и платья выглажены.

— Резонъ! А развѣ нельзя одному платью опять въ шкапъ воротиться?

— Да Анна Михайловна позаботилась ли о своемъ платьѣ?

— Я могу надѣть шерстяное, сказала Анна Михайловна, которую противорѣчія всегда подстрекали и для которой, съ приближеніемъ семи часовъ, театръ становился каждую минуту все заманчивѣе.

— Какое это?

— Шерстяное зеленое.

— Съ закрытымъ лифомъ?

— Э, матушка! возразилъ Семенъ Сергѣевичъ: — да что нашъ театръ, Большая-Опера, что ли? Въ шубахъ сидятъ, и то мерзнутъ! Поди, Анночка, собирайся.

— Да въ который разъ она надѣнетъ это платье?

— Оно премиленькое, и она въ немъ такая хорошенькая.

— Пожалуй, если кому нравится тряпка.

— Ты лучше скажи, жена: хорошему все хорошо — такъ ли? Охъ ты, хлопотунья! Не безпокойся, она будетъ очень хорошо одѣта... Поди, Анночка.

— Такъ вы непремѣнно хотите ѣхать?

— Да, тетушка, мнѣ хочется.

— Да и я хочу, чтобъ она ѣхала, прибавилъ дядя.

— И въ этомъ платьѣ?

— Да, въ этомъ платьѣ, тетушка.

— Несмотря ни на какія приличія?

— Помилуй, матушка, какія тутъ приличія? Не всякій день шить новыя платья...

— Прекрасно! кто-жъ это ихъ всякій день шьетъ? не я ли? не онѣ ли? У Анны Михайловны ихъ цѣлый шкапъ набитъ.

— Ну, матушка, я объ этихъ вещахъ не говорю, это другая статья...

— Другая, конечно, нисколько незанимательная... для васъ особенно.

Семенъ Сергѣевичъ всталъ съ мѣста.

— Развѣ необходимость какая непремѣнно сегодня ѣхать?

— Необходимость! Она одинъ разъ въ жизнь попросила, а онѣ сидятъ, молчатъ; имъ диковина, что ли, сказать слово...

— Не безпокойтесь, дядюшка, сказала Анна Михайловна:—я не поѣду...

— Нѣтъ, вы поѣдете, сказала Марья Ивановна:—вы довели меня и дочерей моихъ до сцены, и теперь вамъ вдругъ неугодно! Вы поѣдете...

— Я не хочу ѣхать.

— Такъ никто не поѣдетъ. Не нужно этой ложи, отослать ее!...

— Вотъ, Анночка, это ты всегда такъ, сказали въ одинъ голосъ сестры.

— Я не поѣду безъ васъ, Анна Михайловна, сказала тетка.—Угодно вамъ одѣваться?

— Иди, Анночка, вскричали дѣвицы: — что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, седьмой часъ... Вотъ твоя всегдашняя манера; по твоей милости...

Часы били шесть. Несмотря на всѣ эти скучныя дрязги, у Анны Михайловны въ головѣ вертѣлась мысль объ Окольскомъ.

— Поди, одѣвайся, Анночка, сказалъ ей дядя:—сдѣлай мнѣ это удовольствіе.

Она ушла.

Марья Ивановна тоже поднялась съ мѣста.

— Катенька, сказала она: — vous resterez. У тебя нѣтъ необходимости куда нибудь ѣхать; идеи эти внезапно не являются.. Оставайся дома.

Анна Михайловна одѣвалась и слышала за стѣной своей комнаты жалобы Катеньки и сожалѣнія двухъ другихъ сестеръ. Къ нимъ пришла Марья Ивановна и много говорила объ упрямыхъ характерахъ, о капризахъ, о кокетствѣ и неизвѣстно еще о какихъ-то странныхъ чувствахъ.

Въ семь часовъ онѣ сидѣли ужъ въ ложѣ.

На дрожащихъ доскахъ, при свѣтѣ сальныхъ свѣчъ, въ плохихъ костюмахъ, провинціальные артисты терзали Гамлета. Спектакль продлился до часа ночи. Ни въ ложахъ, ни въ партерѣ, ни въ креслахъ, ни за креслами, ни въ райкѣ не было Окольскаго.

Воротясь домой, Анна Михайловна была не въ духѣ, чтобъ не сказать больше. Отсутствіе Окольскаго было ей больно, обидно. Но, спрашивала она сама себя: «что-жъ обязывало его быть непремѣнно? Развѣ онъ зналъ, что я изъ этой глупости захочу вынести непріятности и зѣвать цѣлый вечеръ?»

На другой день она гуляла съ теткой и кузинами; имъ встрѣтился Окольскій. Онъ спросилъ: были ли онѣ въ театрѣ?

— Какъ жаль, что васъ не было! сказала Марья Ивановна:—какъ играли!

— Недурно, въ самомъ дѣлѣ?

— Прекрасно, для провинціи даже очень?..

— Да, m-r Окольскій, не однѣ столицы наслаждаются, прибавила Лиза: — у насъ славные актеры.

— Вчера даже Annette была въ театрѣ, продолжала Марья Ивановна: — хоть и никогда не ѣздитъ.

— Я вчера пролежалъ весь вечеръ, сказалъ Окольскій, взглянувъ на Анну Михайловну, которая смутилась, какъ будто была въ чемъ-нибудь виновата.

— Въ самомъ дѣлѣ? вы шутите! сказала Лиза.

— Нисколько. Страшно болѣла голова и грудь... Я умру скоро, продолжалъ Окольскій, исключительно обращаясь къ Лизѣ.

— Что̀ вы? Богъ съ вами!

— Право, я это чувствую.

— Что за черныя мысли?

— Помилуйте, что̀ утѣшительнѣе могилы? Въ какія бы лѣта ни было, а въ молодости еще лучше... Heureux celui qui meurt jeune, сказалъ Беранже.—Хотите, я вамъ пришлю его, Анна Михайловна?

Анна Михайловна не отвѣчала; тетка показала на нее дочерямъ глазами и плечами.

— Что̀-жъ за цѣль ваша, умереть? спросила Лиза, переходя между нимъ и Анной Михайловной.

— О, сколько печалей, разочарованій въ жизни! сколько утратъ и самыхъ скорбныхъ?.. Помилуйте, изъ чего жить?

— Вы боитесь разочароваться?

— Я и такъ ничѣмъ не очарованъ... чѣмъ прикажете? Судьба меня баловала, но люди... о! люди... Нѣтъ, лучше умереть, покуда не совсѣмъ еще разсорился съ ними, покуда еще въ душѣ тепло, покуда еще вѣришь чему нибудь...

— А чему вы еще вѣрите, m-r Окольскій?

— Я-съ?.. покуда такъ... но это моя тайна, во что я вѣрую, надѣюсь, что люблю...

— Вы поэтъ, m-r Окольскій?

— О, нѣтъ, помилуйте, сегодня на меня черный день, и я фантазирую... Впрочемъ, я боленъ жестоко...

Въ этомъ тонѣ разговоръ продолжался больше часа, покуда они завидѣли издали домъ Семена Сергѣевича. Тутъ Окольскій нашелъ минуту сказать Аннѣ Михайловнѣ:

— Анна Михайловна, вамъ неугодно обратить на меня вниманіе?

— Напротивъ, я все слышала, что̀ вы говорили.

— Что я говорилъ? вздоръ какой-то.

— Утѣшительное признаніе для тѣхъ, съ кѣмъ вы говорили.

— То есть, собственно не вздоръ, но мои чувства такъ сбиты, разстроены...

— Послушайте, къ чему эти фарсы? Неужели вы сами не чувствуете, что они смѣшны? Неужели для того, чтобъ занять мою кузину, вы не найдете ничего остроумнѣе?

Окольскій посмотрѣлъ на нее удивленный. Хоть онъ зналъ, что Анна Михайловна была нѣсколько эксцентрична, но не ожидалъ подобнаго выговора. Ему стало досадно, что она не приняла участія въ его нездоровьи и печали, что онъ не показался ей интереснымъ; но, посмотрѣвъ на нее еще разъ, онъ, кажется, нашелъ, что досада его будетъ неумѣстна, а главное, неравна, потому что ему никогда не прогнѣваться такъ картинно и великолѣпно, какъ Анна Михайловна.

Онъ обратился къ шуткѣ, этой неизмѣнной защитѣ въ минуты смущенія.

— Простите мнѣ, если я въ провинціи осмѣлился съиграть Чайльдъ-Гарольда: вы можете вообразить, какая это веселая роль!

Анна Михайловна не отвѣчала. Окольскій замѣтилъ, что она надула губки подъ своимъ чернымъ кружевнымъ вуалемъ.

— Неужели вы такъ привязаны къ вашему городу N*, что не позволите мнѣ даже пошутить надъ его обитателями?

— Если вы немножко помните мой характеръ, отвѣчала она тихо, но съ замѣтнымъ волненіемъ:—то должны знать, что я вспыльчива... и, согласитесь, нельзя позволить вамъ шутить надъ тѣмъ, кто мнѣ близокъ.

Она оглянулась на Окольскаго.

— Какъ бы я хотѣлъ быть дѣвицей! сказалъ онъ.

Анна Михайловна посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Что̀ это за желаніе?

— Да...потому что я тоже страшно вспыльчивъ; а вспыльчивость такъ идетъ къ женщинѣ, особенно, когда она прекрасна.

Анна Михайловна улыбнулась презрительно, но Окольскій замѣтилъ только улыбку. Она отвернулась, но Окольскій принялъ это за смущеніе; она продолжала, однакожъ, идти молча, и Окольскій почувствовалъ, что нерасположенъ продолжать разговоръ съ другими дамами, хотя Катенька начинала что-то говорить, кажется о томъ, какъ встрѣтился хорошенькій К... верхомъ на своей гнѣдой лошадкѣ.

Такъ дошли они до крыльца своего дома.

— Мы будемъ вмѣстѣ пить чай, m-r Окольскій, сказала ему Марья Ивановна и прошла въ подъѣздъ вслѣдъ за Анной Михайловной.

Въ залѣ, оглянувшись, Марья Ивановна увидѣла только своихъ дочерей и ни тѣни гостя.

— Гдѣ-жъ Окольскій?

— Ушелъ.

— Да вы звали его?

— Какъ же, звали.

— Что-жъ онъ?

— Раскланялся и ушелъ.

— Онъ говоритъ,—боленъ...

— Неправда, онъ сказалъ, что въ пальто...

— Нѣтъ, Сашенька, онъ къ Грашковымъ ѣдетъ.

— Вотъ еще, когда онъ сказалъ, что не одѣтъ!

— Да кто ему велитъ въ третій разъ приходить, когда ему папенька не отдалъ визита?

— Развѣ не отдалъ?

— Конечно, не отдалъ; когда-жъ было отдать? папенька до четырехъ часовъ сидѣлъ въ своей палатѣ.

Анна Михайловна вышла изъ своей комнаты.

— Напрасно безпокоились перевивать ваши локоны, замѣтила Марья Ивановна.

— Они очень смялись подъ шляпкой.

— То-то, я говорю, напрасно безпокоились: вашъ кавалеръ не заблагоразсудилъ зайдти.

— Кто это?

— Окольскій. Да̀-съ, *вашъ* Окольскій; вѣрно вы его не очень убѣдительно приглашали.

— Я его вовсе не приглашала.

— Въ самомъ дѣлѣ, я-то о чемъ спрашиваю! Зачѣмъ вамъ его приглашать? вы съ нимъ наговорились довольно, а здѣсь кто его займетъ, все такъ низко...

Долго и трудно разсказывать такія сцены: ничего нѣтъ томительнѣе этихъ ежедневныхъ драмъ безъ конца, потому что конецъ всегда далекъ и запутанъ; а если драма разрѣшается мгновенно, то мы никакъ не хотимъ видѣть, что̀ привело ее къ такой развязкѣ, и принимаемъ катастрофу за *комедію*, которую люди сыграли, чтобъ показаться интереснѣе...

По нѣсколькимъ разсказаннымъ сценамъ можно представить жизнь Анны Михайловны въ семьѣ дяди. Сначала эта жизнь ее мучила, потомъ она на столько укрѣпила свое серд-

це, что плакала только въ крайнихъ случаяхъ когда ея терпѣніе было ужъ до конца истощено.

Какъ существо дѣятельное, она любила выѣзды, несмотря на то, что ей не нравилось общество, которое ее окружало. Она любила повѣрять на дѣлѣ свои мысли, и притомъ шумъ и пустая болтовня гостиныхъ развлекали ее послѣ занятій дома. День ея былъ полонъ дѣла, начиная съ восьми часовъ утра и далеко за̀-полночь.

У трехъ сестеръ былъ крѣпкій сонъ, и рояль Анны Михайловны не будилъ ихъ поутру. Отецъ ихъ уѣзжалъ рано въ свое присутствіе и никому не было дѣла, еслибъ Анна Михайловна хоть до поздняго обѣда читала и работала у себя въ комнатѣ, что̀ она и дѣлала, если пріѣхавшіе гости не занимали ея. Дѣла дяди по имѣнію, денежныя и по службѣ были знакомы ей. Онъ часто совѣтовался и работалъ съ своей Анночкой. Вечеромъ, когда у нихъ не было никого и сестры скучали, ходя по залѣ въ ожиданіи сна, у Анны Михайловны всегда находилось шитье или книга, или она же веселила ихъ тысячью шутокъ и шалостей, играла имъ вальсы и галопы, заставляла пѣть Сашеньку и Катеньку. Если, наконецъ, и это наскучало и имъ, и ей, она готова была играть въ куклы съ ними, клеила, вырѣзывала разныя бездѣлицы. Марья Ивановна важно пожимала плечами, но это очень забавляло Семена Сергѣевича.

Чѣмъ больше утѣшался Семенъ Сергѣевичъ, тѣмъ невыносимѣе становились сарказмы Марьи Ивановны. Видя, что мужъ всегда готовъ защищать Анночку, она выбирала для своихъ нападеній время, когда его не было дома, и тутъ бѣдной дѣвушкѣ надо было призвать на помощь все свое терпѣніе, всю гордость и любовь къ дядѣ, чтобъ не выходить изъ себя.

Въ одно прекрасное утро эти гоненія начались съ зари, по поводу какого-то воротничка; не былъ виноватъ никто, но Марья Ивановна нашла виновною горничную Анны Михайловны. Анна Михайловна не могла слышать несправедливости, и когда увидѣла слезы своей бѣдной дѣвушки, поспорила съ Марьей Ивановной. Дядя уѣхалъ еще до чая, Марья Ивановна перенесла брань изъ дѣвичьей въ залу, гдѣ Анна Михайловна сидѣла за своими пяльцами. Три сестры безмолвно перешивали какое-то платье. Анна Михайловна знала, что отвѣчать значитъ только разжигать досаду тетки, но молчать она не могла. Конечно, споръ ея, какъ и каждое ея слово, никогда не выходилъ изъ границъ учтивости, но ея учтивыя слова понимались такъ, что, по объясненію Марьи Ивановны, невозможно было сказать ничего грубѣе. Анна Михайловна была обижена, не выдержала и заплакала.

Марья Ивановна воспользовалась этой слабостью, чтобъ наговорить ей еще больше всевозможныхъ любезностей и напасть на предметъ ея защиты—бѣдную горничную; на нее посыпались такія обвиненія, что слушать было страшно. Марья Ивановна строго берегла нравственность своихъ дочерей, даже понижала голосъ, говоря о бѣльѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ забывала свои предосторожности, и теперь въ залѣ говорила такъ громко, что Анна Михайловна встала и затворила двери въ прихожую. Это еще болѣе взбѣсило Марью Ивановну.

— Вы, кажется, хотите мнѣ уроки давать, сударыня, вскричала она:—вы меня сами вызвали на этотъ разговоръ и хотите заставить теперь замолчать, когда я поневолѣ при дочеряхъ моихъ принуждена говорить такія вещи.

— Мы всѣ довольно понимаемъ эти вещи, сказала Анна Михайловна:—право, вы можете спросить даже вашихъ дочерей и онѣ вамъ скажутъ то же, что̀ я говорю...

— Пожалуйста, ихъ-то не путайте! Чтобъ завтра же не было вашей Машки!

— Извините, я прежде спрошу: захочетъ ли этого дядюшка.

— Вы спросите дядюшку? вы дядюшкѣ пойдете на меня жаловаться? Идите, сударыня, идите!

— Я васъ прошу, ради Бога, не говорите мнѣ такихъ вещей! Повѣрьте мнѣ хоть разъ въ жизни... Лиза, Катенька, скажите хоть слово: не стыдно ли вамъ, при васъ говорятъ Богъ знаетъ что̀, а вы слова не промолвите!

— Сдѣлайте милость, сударыня, не учите ихъ! Довольно и васъ однѣхъ; еще по вашей милости и онѣ станутъ съ матерью браниться... да это хоть со двора бѣги!

Къ счастью, въ эту минуту хлопнулъ подъѣздъ. Лизанька, Сашенька и Катенька спаслись бѣгствомъ со всѣми лоскутьями, Марья Ивановна закричала пажу, чтобъ приняли, а сама ретировалась въ корридоръ, восклицая:

— Извольте принимать, сударыня, извольте любезничать: вы такая чудесная актриса, тотчасъ оправитесь, а я, конечно, не выйду, Боже меня сохрани!

Еслибъ Анна Михайловна была способна на дерзости, она ушла бы изъ залы и оставила однихъ гостей своей тетушки. Сказать

правду, эта мысль была у нея въ головѣ, но она вспомнила о дядѣ и осталась.

Пріѣхавшій былъ какой-то дѣловой человѣкъ, а дѣло не терпѣло отлагательства, и Анна Михайловна переговорила съ нимъ обо всемъ и очень обстоятельно. Несмотря на свое грозное заклятіе, Марья Ивановна вышла, и—право есть за что возненавидѣть весь родъ людской, если онъ способенъ на такія ласки и нѣжности, какими осыпа̀ла Марья Ивановна племянницу, когда та хлопотала о ея интересахъ.

За дѣловымъ гостемъ пріѣхалъ и другой, котораго Марья Ивановна попросила въ гостиную. Пришли сестры, пріѣхали двѣ дамы, двое молодыхъ людей. Анна Михайловна осталась возиться за своей работой, твердо рѣшившись молчать цѣлый день.

Около часа она исполняла это благое намѣреніе, не обращая вниманія на говоръ въ гостиной; если покажется удивительнымъ, что о ней позабыли гости, то должно замѣтить, что Марья Ивановна умѣла заставить забыть кого ей угодно. Кузины любезничая съ молодыми людьми, не заглядывали въ залу, какъ будто тамъ было что нибудь страшное. Размышленія Анны Михайловны прерывались только звономъ ножницъ и шелестомъ бумаги на ея пяльцахъ.

Она шила, и шила все молча,такъ что даже вздрогнула, когда за ея стуломъ сказали тихо:

— Ка̀къ вы прилежно работаете, Анна Михайловна!

Она оглянулась; это былъ Окольскій. Въ первый разъ еще она встрѣчала его одна, и была такъ не приготовлена къ этой встрѣчѣ, что покраснѣла.

— Ка̀къ вы давно не были у насъ! сказала она невольно, и вдругъ, одумавшись, прибавила:—милости просимъ, тетушка принимаетъ.

— Да̀, я видѣлъ у вашего подъѣзда и сани, и карету... Кто у васъ?

— Наталья Семеновна Деревская и съ ней ея племянница, пріѣзжая изъ Москвы.

— Молодая дама?

— Обѣ не молоды.

— Такъ что̀-жъ я, сдѣлайте милость, буду дѣлать въ гостиной? Я не пойду туда...

— Какъ вамъ угодно. Тетушка принимаетъ, но я не принимаю.

— Значитъ, мнѣ надо идти туда?

— Какъ хотите.

— Или уѣхать?

— Какъ знаете. Но я думаю, уже всѣ слышали, какъ вы сюда вошли.

Анна Михайловна шила, не поднимая головы. Окольскій изъ-за стула видѣлъ въ пяльцахъ одну ея маленькую ручку, которая трудилась очень скоро.

— Я пойду только раскланяться, а потомъ позвольте возвратиться къ вамъ... я даже себѣ стулъ поставлю, вотъ здѣсь...

Окольскій дѣйствительно распорядился своими приготовленіями, и хотя эта свобода немного удивила Анну Михайловну, но, Богъ знаетъ почему, она ей понравилась, оттого ли, что она скучала и не въ состояніи была вести разговора со всѣми утонченностями, какъ оно всегда водится: въ скукѣ душѣ хочется сказать простое слово; оттого ли, что когда любишь, встрѣча безъ свидѣтелей и смущаетъ, и пріятна.

Окольскій повертѣлся въ гостиной и нашелъ средство увести оттуда Катеньку; онъ завелъ рѣчь о какомъ-то новомъ романсѣ; а какъ одинъ изъ молодыхъ людей, бывшихъ въ гостиной страдалъ по всѣмъ романсамъ вообще, а по тѣмъ, что пѣла Катенька, въ особенности, то онъ вышелъ вслѣдъ за Катенькой и Окольскимъ. Окольскій довелъ ихъ до фортепьяно и оставилъ въ покоѣ.

Анна Михайловна глядѣла на эту продѣлку и разсмѣялась поневолѣ; однако у нея забилось сердце, когда Окольскій подошелъ къ ней, сѣлъ на приготовленный стулъ и сказалъ тихо:

— Вотъ и я на мѣстѣ.

Катенька запѣла въ это время милліонъ сто тысячъ первую Красную дѣвицу. Анна Михайловна не начинала разговора. Окольскій перебиралъ ея шелкъ и шерсти, покуда, наконецъ, она попросила отдать ей тѣ, которые ей были нужны

Онъ подалъ молча, но наклонилъ голову на пяльцы и спросилъ тихо:

— Отчего вы сегодня такъ печальны, Анна Михайловна?

— Я печальна? нисколько, увѣряю васъ.

— Вамъ даже не угодно говорить со мной.

— Помилуйте, я не хочу только мѣшать вамъ слушать, что̀ поетъ Катенька.

Окольскій помолчалъ съ минуту.

— Я не зналъ, что вы иногда любите посмѣяться.

— Надъ кѣмъ же?

— Не знаю... надъ кѣмъ вамъ угодно.

— Увѣряю васъ, я не смѣюсь нисколько. Вы просили пѣть Катеньку, она поетъ очень мило, и вы должны ее слушать.

— Долженъ—вотъ какъ!

— Конечно, отвѣчала она не смущаясь;—я говорю, что думаю — вы знаете, это моя привычка, хоть и, говорятъ, очень дурная.

— Напротивъ, еслибъ вы мнѣ позволили попросить васъ всегда говорить мнѣ прямо, что вы думаете...

— Совершенно напрасная просьба, я и такъ это дѣлаю. Я думала, что вы со всей откровенностью посовѣтуете мнѣ скорѣе молчать.

— Нѣтъ, я попросилъ бы васъ говорить правду обо мнѣ, какъ будто я посторонній...

— Какъ вы высоко цѣните мое мнѣніе! отвѣчала она, смѣясь принужденно.

— Неужели вы этого до сихъ поръ не поняли, не замѣтили? Наконецъ, послѣ трехъ лѣтъ мы опять говоримъ свободно, въ первый разъ... Неужели вы не оцѣнили себя и не можете предположить, что... знакомство съ такой особой, какъ вы, не забывается? Позвольте мнѣ быть тоже откровеннымъ...

Онъ говорилъ все это тихо, наклонясь къ ея пяльцамъ; одинъ разъ даже, тревожно работая, Анна Михайловна нечаянно задѣла рукой его волосы.

— Я пріѣхалъ сюда, какъ въ лѣсъ... Что мнѣ мое наслѣдство? подписалъ разныя бумаги и уѣхалъ. Но я зналъ, что вы здѣсь, и счелъ бы за грѣхъ пропустить случай провести хоть нѣсколько времени въ одномъ городѣ съ вами. Вѣрите ли, что только у васъ я говорю, у васъ я душой отдыхаю. Что такое здѣшнее общество: сплетни, пересуды, карты, ловля жениховъ— и больше ничего! Мнѣ скучно, и вамъ скучно: будемте-жъ скучать вмѣстѣ.

— Я нахожу, что вы сегодня необыкновенно свободно всѣмъ распоряжаетесь, отвѣчала, смѣясь, Анна Михайловна.— Хорошо, давайте, только не скучать, а спорить, по-прежнему. Кто вамъ сказалъ, что мнѣ скучно?

— Кто? Анна Михайловна!...

Она смутилась.

— Увѣряю васъ, мнѣ не скучно!

— Да, сегодня. За то еще хуже: вамъ тяжело... Оставьте-жъ мнѣ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — хоть маленькую способность понимать васъ... Могу я говорить откровенно?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Когда я вошелъ, вы плакали...

Катенька допѣла девятый и послѣдній куплетъ Красной дѣвицы; юный меломанъ чуть не плакалъ отъ восторга. Окольскій вскочилъ.

— Бѣгу благодарить Катерину Семеновну... Нѣтъ, позвольте, Катерина Семеновна, повторите только вотъ этотъ куплетецъ: «Расчешу-ль я свои кудри русыя...»

Онъ цѣлый часъ не отходилъ отъ фортепьяно и восхищался, покуда всѣ остальные гости сошлись на его восторги.

Анна Михайловна продолжала работать очень прилежно.

IV.

Скука бываетъ вездѣ, но нигдѣ такъ спокойно не поселяется она, какъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ всѣ и все присматриваются другъ къ другу очень скоро и, слѣдовательно, скоро успѣваютъ надоѣсть. Не вѣрьте, читатель, чтобъ толки, пересуды — по убѣжденію вашему необходимая принадлежность провинціи — происходили отъ того, что все занимаетъ провинціала — нѣтъ; это послѣдствіе скуки и нечего дѣлать. У него нѣтъ возможности бѣжать отъ своей несовсѣмъ чистой улицы и избавиться отъ сѣраго кривого дома, который вѣчно у него передъ глазами, и онъ толкуетъ объ этой улицѣ и этомъ домѣ. Поговоривъ объ архитектурѣ, онъ принимается за жильцовъ дома, и сколько ни говоритъ объ однихъ и тѣхъ же людяхъ, невольно къ ихъ истинной исторіи прибавится нѣсколько сказаній, сначала правдоподобныхъ, а потомъ, какъ всѣ сказанія, уже переходящихъ въ область поэзіи.. Повѣрьте мнѣ, это работа скуки, этого гнома, который пролѣзаетъ вездѣ, этого Протея, который ломается передъ вами на дрожащей сценѣ лубочнаго театра, присѣдаетъ въ видѣ перетянутой пансіонерки, которая отъ васъ въ восхищеніи, зѣваетъ въ видѣ тузовъ и двоекъ на карточномъ столѣ, киваетъ вамъ изъ-за чепчика важной тетушки—все скука и скука!

Въ губернскомъ городѣ N* скука нашла себѣ теплое, пріятное мѣстечко въ домѣ господъ Хлоповыхъ. Тамъ было всегда особенно скучно, а казалось бы нѣ-отчего. Хлоповъ былъ помѣщикъ съ порядочнымъ состояніемъ; и если угощалъ рѣдко, за-то угощалъ славно и принималъ весь городъ. Супруга его была очень почтенная женщина, постоянно всякое воскресенье послѣ обѣдни объѣзжала своихъ знакомыхъ, оченьобязательно и ласково принимала участіе въ ихъ радостяхъ и печаляхъ, лечила ихъ дѣтей домашними средствами, цѣловала дѣвицъ и подростковъ, которые, по обычаю, еще незабытому въ провинціи, подавали ей скамеечки подъ ноги, и всякій разъ обѣщала потанцовать на ихъ свадьбѣ, говорила ты всѣмъ молодымъ людямъ и была особенно благочестива.

У господъ Хлоповыхъ была когда-то большая семья, но теперь остались только сынъ и дочь, которая съ ними жила. Другая дочь вышла замужъ за рисовальнаго учителя, и глубоко огорченные родители никогда не могли простить ей этого; они даже никогда не говорили о ней, и знакомые, уважая эту скорбь, старались въ разговорѣ избѣгать малѣйшаго намека на это событіе. Знали только, что учитель рисованья служитъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ, и что прежде часто Дарья Григорьевна писала къ батюшкѣ и матушкѣ, но, видно, соскучилась, что не отвѣчаютъ, и теперь очень рѣдко пишетъ только къ сестрѣ; да что̀ барышня можетъ сдѣлать? Лакеи и горничныя, всегда все знающіе, говорили еще, будто Дарья Григорьевна, не оправясь послѣ своего послѣдняго ребенка, носила сама себѣ воду на кухню, простудилась и зачахла; но это кухонныя исторіи, которыми благовоспитанные N-скіе жители не занимались. Сынъ служилъ въ военной службѣ; и когда случилось, что отецъ говорилъ кому нибудь, что онъ ихъ разоряетъ, мать возражала всегда:—«Какъ тебѣ не стыдно, Григорій Иванычъ, вѣдь это кровь наша; конечно, мы заплатили за него десять тысячъ долгу, кромѣ петербургской исторіи»...

Сказывалъ какой-то товарищъ молодого Хлопова, пріѣзжавшій въ отпускъ, что Хлоповъ дѣйствительно дѣлаетъ долги, но что у нихъ и не слыхали о долгахъ, заплаченныхъ родителями, однакожъ въ городѣ N* не вѣрили бѣднымъ армейскимъ офицерамъ.

Вы, читатель, конечно, встрѣчали m-lle Anastasie Хлопову, или, по крайней мѣрѣ, двойникъ ея; такихъ двойниковъ вездѣ много. Она была высока ростомъ и нескладна такъ, что когда одѣвалась, то приводила въ отчаяніе свою горничную, оскорбляла нѣжное чувство любви своей маменьки, а когда маменька уходила, огорченная и ропща на судьбу, Anastasie приходилось выносить порывы оскорбленнаго эстетическаго чувства горничной, которая часто не выбирала выраженій. Anastasie была кротка, молчала и отвертывалась, но, отвернувшись, встрѣчала въ зеркалѣ свое отраженіе — и ей становилось чрезвычайно горько. Вполнѣ проникнутая сознаніемъ своего безобразія, своего безсилія, трепеща при мысли о томъ, что даже мать ея оскорблена этимъ, шла она въ гостиную. Зная свой недостатокъ, она не смѣла входить развязно; по чувству приличія не разговаривала съ молодыми людьми; по патріархальному понятію гостепріимства, внушенному ей съ пеленокъ, занимала разговоромъ дремлющихъ старушекъ и тѣхъ гостей, которые имѣютъ привычку, войдя, усѣсться у самой двери... Подъ предлогомъ, что она еще молода (Anastasie былъ двадцать шестой годъ), ей не поручали никакого занятія въ домѣ; подъ тѣмъ же предлогомъ мать сама заботилась о ея туалетѣ, такъ что Anastasie не знала не только, что̀ она имѣетъ, даже что̀ надѣнетъ поутру; ей оставалось съ утра до вечера вышивать подушки и коврики, которыми были покрыты всѣ столы и всѣ диваны: въ то время, какъ происходитъ наша исторія, Anastasie убирала стѣны пріемной своей маменьки: ея вышиванье отдѣлывалось подъ стекло въ вызолоченныя рамки.

Госпожа Хлопова была женщина образованная и при лакеяхъ и въ лавкахъ говорила не иначе, какъ по-французски. Она понимала, что для ея дочери нужно какое нибудь чтеніе, и Anastasie была окружена классиками и тѣми романами, гдѣ наказуется порокъ и вѣнчается добродѣтель. Для нея выписывали «Journal des Demoiselles»; и если въ немъ она встрѣчала новѣйшее прославленное имя, если произносила его при матери, мать восклицала:

— Прошу тебя и не поминать о немъ и его произведеніяхъ: это стыдъ для дѣвицы!

— Но, маменька, возражала Anastasie:— я не читала его произведеній...

— Не читала? не знаешь? такъ я ихъ знаю!..

Anastasie знала тоже, что эти произведенія не проникали въ стѣны ихъ дома, но, убѣжденная въ непогрѣшимости своей маменьки, молчала и вѣрила ей на̀-слово.

Проживъ лѣтъ двадцать пять на свѣтѣ, Anastasie оглянулась на свою жизнь, и какимъ-то инстинктомъ поняла, что она не то, что̀ жизнь другихъ. Правда, у нея были знакомыя, подруги, друзья, но она не имѣла съ ними ничего общаго.— «Кажется, думала бѣдная дѣвушка,—я говорю имъ все, что̀ думаю, что̀ могу сказать, а онѣ все будто что-то скрываютъ. И притомъ, какія онѣ всѣ вѣтреныя!»

Anastasie начинала находить, что рѣзвый лепетъ дѣвочки и страстная рѣчь дѣвушки безпокойны, и бывала рада, когда цѣлый день никто не мѣшалъ ей сидѣть за пяльцами.

Однажды она рѣшилась выразить эту мысль въ откровенномъ разговорѣ съ матерью. Мать обняла ее, говоря:

— Благодари Бога и твоихъ родителей, которые дали тебѣ такое воспитаніе, поставили тебя на такой путь, что ты никогда не сдѣлаешь глупости. Ты рождена не для свѣта, а для мирной семейной жизни — ты будешь счастлива...

И тутъ, какъ будто для того, чтобъ показать Anastasie, каково можетъ быть это счастье, мать ласкала ее, обнимала, позвала отца и оба ее ласкали. Anastasie такъ давно хотѣлось ласки и поцѣлуевъ, сердце просило чего-то такъ пламенно, что ей показалось, что эта жажда утолена, и что ей больше ничего не нужно.

На другой день она проснулась раньше всѣхъ, все думала о своемъ счастьи, подслушала, что мать проснулась, и побѣжала къ ней.

— Что это ты встала, Anastasie?

— Маменька, мнѣ захотѣлось васъ обнять.

— Что это, чѣмъ-свѣтъ? На все есть время. Твоя мать еще Богу не молилась...

— Маменька, я буду такъ счастлива...

— Да что̀ это за счастье такое? чтобъ потомъ дремать цѣлый день!.. Ни съ кѣмъ слова не скажешь, глаза опухнутъ, уродъ-уродомъ...

— Ахъ, маменька! какое мнѣ дѣло до постороннихъ, лишь бы только вы...

— Что̀ я? Какъ нѣтъ дѣла до постороннихъ? Отецъ и мать доставляютъ вамъ развлеченія, удовольствія, знакомства, для васъ убиваютъ свою жизнь, а вамъ нѣтъ ни до чего дѣла? Хорошо у васъ сердце, матушка, хорошо!.. Вотъ благодарность! О, Ты, мой Создатель!..

Г-жа Хлопова лежала въ постели и плакала; Anastasie стояла, какъ окаменѣлая.

— А я думала доставить ей удовольствіе, а я для нея готовила... Сегодня балъ въ собраніи, сударыня; твоя мать, больная, готова была ѣхать, а ты... О мой Боже!

— Маменька, я не думала, я не знала... если прикажете, я поѣду...

— «Если прикажете!» Что̀ мнѣ приказывать? ты «не думала», тебѣ «нѣтъ дѣла», ты ненавидишь все, что̀ твоя мать для тебя дѣлаетъ. Поди, будь покойна, ты не поѣдешь.

Цѣлый день исторія. Г-жа Хлопова не выходитъ къ обѣду.

Вечеромъ она сидитъ въ большомъ креслѣ и вздыхаетъ.

— Ужъ восемь часовъ. Что-жъ, Anastasie, вы не намѣрены одѣваться?

Anastasie встаетъ, не спрашивая, зачѣмъ и куда ѣдутъ: она знаетъ, что ее одѣнутъ и повезутъ куда слѣдуетъ.

— Сейчасъ, маменька.

Въ девять часовъ она одѣта. Г-жа Хлопова еще не поднималась съ креселъ.

Anastasie входитъ.

— Господи!!!

Долгое молчаніе; каждый бантикъ, каждая букля осмотрѣны и переверчены; часто некрасивое, заплаканное лицо Anastasie дѣлается еще некрасивѣе отъ этого осмотра. Г-жа Хлопова тяжко вздыхаетъ и отправляется въ свою уборную; она одѣвается часа два и, постоянно о̀хая, разговариваетъ съ своей почтенной горничной:

— Грѣхъ тяжкій, такъ ужъ, для нея... Богъ ей судья!

И все въ этомъ тонѣ.

Въ одиннадцать часовъ выѣзжаютъ. Случается, что г-жа Хлопова дергаетъ снурокъ и приказываетъ кучеру ѣхать назадъ; но всегда они доѣзжаютъ до собранія.

Въ половинѣ перваго г-жа Хлопова ужъ дома, читаетъ на колѣняхъ у своей постели и прерываетъ чтеніе, приказывая поправить лампу или сказать повару, чтобъ онъ не смѣлъ «по-намеднишнему пережарить жаркое».

— Григорій Иванычъ такъ сердился, Богъ его прости!

Anastasie тоже лежитъ на своей постели, закутавъ голову въ одѣяло отъ монологовъ горничной, которая перебираетъ ея платье; къ ней долетаетъ только чаще и громче повторяемое:

«Было зачѣмъ ѣздить! За огнемъ, что ли?»

Иногда Anastasie плачетъ въ постели, но чаще всего она находитъ, что благоразумнѣе выспаться, чтобъ вынести завтрашній день...

У Хлоповыхъ готовился балъ; они ежегодно давали по одному, для того, какъ говорила г-жа Хлопова, что нельзя-жъ не дать бала тѣмъ, у кого дочь выѣзжаетъ. Нѣсколько предшествующихъ и послѣдующихъ дней были посвящены ею собственно на то, чтобъ убѣдить Anastasie въ безразсудности такого поступка. Anastasie первая отказалась бы навѣкъ отъ этого, но не смѣла обнаружить своего похвальнаго намѣренія и надписывала печатные билеты, которые приносились сырые изъ типографіи. Въ числѣ этихъ билетовъ бывалъ всегда одинъ для Семена Сергѣевича Топилина съ фамиліею.

V.

Въ гостиной Семена Сергѣевича, за чайнымъ столомъ, сидѣла его жена, дочери, Наталья Семеновна Деревская и одинъ молодой чиновникъ. Общество было очень оживлено.

Немножко въ отдаленьи, у маленькаго столика, на которомъ свѣча страшно нагорѣла (никакія слезы Марьи Ивановны не могли завести стеариновыхъ), тихо разговаривала Анна Михайловна съ Окольскимъ.

Съ пріѣзда Окольскаго прошло уже два мѣсяца; наступили святки. Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ не проходило сряду трехъ дней, чтобъ Окольскій не былъ у Топилиныхъ, или не встрѣтился съ Анной Михайловной въ другихъ домахъ.

Взглянувъ на Анну Михайловну, вы сказали бы, что она похорошѣла. Въ этотъ вечеръ въ ея нарядѣ было еще что-то изящнѣе обыкновеннаго; волосы ея казались еще чернѣе, глаза еще ярче; голосъ слегка дрожалъ, когда она говорила. Окольскій разсказывалъ свое житье-бытье въ Петербургѣ.

— Эти два года какъ сонъ прошли, говорилъ онъ, играя ключикомъ своихъ крошечныхъ часовъ:—зимой не видишь дня — все удовольствія; лѣтомъ я жилъ на дачѣ— это рай земной...

— Вы прежде смѣялись надъ дачами, замѣтила Анна Михайловна.

— Я? когда-жъ это? помилуйте! Мы всегда еще спорили о вашей страсти къ идилліи... Къ тому-жъ я жилъ на дачѣ... Вы знаете дачу княгини Нелли?

— Нелли?

— Да, Елены А...ой. Мы всѣ ее зовемъ Нелли; чудесная блондинка! я жилъ на ея дачѣ... маленькій домикъ надъ рѣчкою, весь въ зелени и цвѣтахъ...

— Да, помню, сказалъ Анна Михайловна, у которой невольно забилось сердце: — мы разъ были тамъ съ тетенькой и вы были съ нами.

— Развѣ вы были тамъ? Я долго жилъ въ этомъ домикѣ. Утромъ глядишь изъ своего окна, а Нелли гуляетъ въ своихъ цвѣтникахъ, всегда такъ мило и изящно накинувъ на голову мантилью à l'espagnole — къ ней это очень шло... Выйдешь къ ней, бывало, навстрѣчу, гуляешь вмѣстѣ, тамъ завтракъ, прогулка верхомъ, съѣдутся гости, не видишь, какъ идетъ время; вечеромъ танцуемъ... Да вы не видали, вѣрно, ея паркъ былъ всегда запертъ; у нея въ паркѣ маленькая танцовальная зала — прелесть!

Окольскій задумался; вѣрно, онъ мечталъ о красотѣ княгини Нелли.

— Жаль только, что это кончилось такъ непріятно, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Непріятно? невольно повторила Анна Михайловна.

— Да... этотъ конецъ отравитъ всякое воспоминаніе.

Окольскій опять замолчалъ.

— Это научило меня впередъ не вѣрить людямъ, началъ онъ опять, видя, что Анна Михайловна не спрашивала его, что было особенно непріятнаго въ этой исторіи.—Я жертвовалъ многимъ, и мнѣ дурно заплатили— обыкновенная исторія; ужъ эти мнѣ друзья, друзья!.. Это случилось нынѣшнимъ лѣтомъ, и, какъ нарочно, наканунѣ дня рожденія Нелли, мы готовили ей сюрпризъ. Написана была комедія... нѣтъ, водевиль; увѣряю васъ, удивительный... тутъ были многія знакомыя лица, но до смѣха похожія...

— Вы написали? спросила Анна Михайловна съ едва замѣтной насмѣшкой.

Ей всегда не нравилось, когда Окольскій говорилъ о своемъ авторствѣ.

— Я... но не одинъ, некогда было бы одному, это требовало бы отдѣлки; а тутъ все вышло чудесно, въ складчину, куплеты написаны К... помните его? а музыку... постойте, кто написалъ музыку...

— Но за что-жъ вы разстались съ княгиней... съ вашей дачей? нетерпѣливо спросила Анна Михайловна.

— Я убѣдился, что она любитъ другого, отвѣчалъ Окольскій послѣ минутнаго молчанія.

— Но развѣ вы любили ее? спросила Анна Михайловна съ удивленіемъ.

— Я?.. нѣтъ... у меня среди другихъ моихъ довольно завялыхъ чувствъ есть одно живое, это—гордость; я не хочу быть послѣднимъ, или по крайней мѣрѣ вторымъ... и притомъ видѣть, что мнѣ предпочли существо недостойное...

— Вамъ предпочли? повторила машинально Анна Михайловна.

— Да, и кого-жъ? Тамъ былъ какой-то господинъ... Хлоповъ, кажется...

— Хлоповъ?

— Да, такая дрянь!... И вдругъ узнать, что эта прелестная женщина... Я не вынесъ этого, я написалъ ей: «Madame, j'apprends que j'ai un rival» ... и на другой день оставилъ свою дачу!... А какъ я чудесно отдѣлалъ ее!..

— А вашъ водевиль? спросила Анна Ми-

хайловна, неумолимо глядя на него своими черными глазами.

— Такъ и остался, отвѣчалъ Окольскій:— или нѣтъ, его играли... точно. К. непремѣнно хотѣлъ, чтобъ всѣ слышали его куплеты; я говорилъ ему, что этого вовсе не нужно...

— Хлоповъ былъ тоже въ числѣ лицъ вашего водевиля?

— О, да; онъ былъ уморителенъ! Вообразите себѣ, онъ мнѣ по плечо, этотъ Хлоповъ...

— Вы, кажется, сказали «Хлоповъ»? прервала гостья, которая давно вслушивалась въ разговоръ.—Развѣ вы знали Хлопова?

— Окольскій всталъ; во всей его физіономіи выражалась какая-то сладость отдохновенія.

— Да-съ, я видѣлъ одного Хлопова въ Петербургѣ, такъ, мелькомъ. Что вамъ угодно знать про него?

— Ничего-съ. Я въ Петербургѣ никого не знаю. Слышали вы, Марья Ивановна, къ Хлоповымъ вчера сынъ пріѣхалъ?

— Неужто?

— Какъ же, Митинька. Вотъ была радость! Не правда ли, Марья Ивановна, есть такія семейства, надъ которыми видимо благословеніе Божіе. Какъ они всѣ счастливы!

— Вы бываете у Хлоповыхъ, Петръ Николаичъ?

— Я былъ съ визитомъ; меня не приняли, а потомъ я не разсудилъ еще разъ съѣздить.

— Настасья Григорьевна чудесная дѣвушка, сказала Марья Ивановна.

— Умная дѣвица, прибавила Наталья Семеновна.

Лизанька, Сашенька и Катенька тихонько смѣялись.

— Несчастное созданіе! тихо сказала Анна Михайловна Окольскому.

Гостья посмотрѣла на нее проницательно.

— Умная дѣвица, повторила она:—безъ всякихъ идей этихъ, безъ чопорности, чванства, какъ ее Богъ создалъ, безъ коклюшекъ.

— Счастливъ тотъ, чья она будетъ жена, сказала Марья Ивановна со вздохомъ:—Mais finissez donc de rire, mesdemoiselles, проговорила она, обратясь къ дочерямъ.

— Съ талантами дѣвица, продолжала Наталья Семеновна:—какъ она вышиваетъ! Я видѣла, она готовитъ сюрпризъ своему батюшкѣ... знаете Марья Ивановна, по алому бархату...

Анна Михайловна говорила съ тремя сестрами и смотрѣла на Окольскаго: онъ былъ весь вниманіе.

— Они богатые люди? спросилъ онъ.

Гостья принялась разсчитывать, сколько доходовъ у Григорья Ивановича, сколько десятинъ земли ему добавляется по полюбовному размежеванію, и сколько отъ этихъ благъ земныхъ можно думать, что онъ отдастъ дочери.

— Ну, это еще не вѣрно, замѣтила Марья Ивановна:—старшей они ничего не дали.

— Ахъ, Боже мой! но кто-жъ въ состояніи простить то, что она сдѣлала? И все это романическія идеи! Ужъ Богъ съ ней!

Разговоръ завязался общій. Дѣвушки оставили маменьку и гостью разсуждать о замужествѣ старшей Хлоповой и о полюбовномъ размежеваніи. Окольскій подсѣлъ и слушалъ ихъ; это, казалось, его очень занимало.

Молодой чиновникъ всталъ и отправился курить въ залу. Марья Ивановна безпокойно проводила его глазами.

Анна Михайловна молчала и безъ цѣли бродила отъ окна къ окну, какъ настоящая провинціалка. Она очень обрадовалась, услышавъ въ залѣ шаги дяди.

— Добрый вечеръ, дядюшка.

— Ну, вотъ вамъ и балъ, дѣти, сказалъ Семенъ Сергѣевичъ, входя и показывая дѣвицамъ пригласительный билетъ Хлоповыхъ.

Послышалось нѣчто въ родѣ радостнаго восклицанія; но Марья Ивановна взглядомъ остановила дочерей.

— Вотъ какъ они празднуютъ пріѣздъ сына! сказала гостья.

— Да это ихъ обыкновенный балъ, замѣтила Лизанька:—всякій годъ въ это время бываетъ.

— Да, это очень обыкновенно, сказала Марья Ивановна:—и, вѣрно, ничего особеннаго не будетъ; какъ въ прошломъ году, вовсе незанимательно; нечего и думать.

— Какъ нечего думать? сказалъ Семенъ Сергѣевичъ.

— Помилуй, mon ami... Марья Ивановна понизила голосъ:—нельзя же мнѣ объяснять при постороннихъ: у Сашеньки только два креповыхъ платья—ты знаешь.

— И, полно, матушка!.. Вотъ, Петръ Николаичъ, всѣ матери таковы; по-моему было бы только весело.

Анна Михайловна увидѣла грозу на челѣ тетки, и позвала Окольскаго.

— Вы будете у Хлоповыхъ, Петръ Николаичъ?

— Если вы будете, и... если меня позовутъ.

— Васъ позовутъ непремѣнно.

— Почему это?

Гостья смотрѣла на нихъ очень внима-

тельно, между тѣмъ какъ Марья Ивановна спорила вполголоса съ супругомъ.

Молодой чиновникъ соскучился въ залѣ одинъ и, усѣвшись за фортепьяно, запѣлъ Солому, романсъ, когда-то знаменитый.

VI.

Я знаю жизнь однихъ губернскихъ городовъ. Можетъ быть, въ столицахъ живутъ изящнѣе, въ уѣздахъ проще, но, я думаю, говорятъ, сравнительно, столько же. Городъ славился неутомимостью своихъ разсказчицъ. Извѣстно, что прелесть умѣнья разсказывать дана природою въ особенности прелестному полу. Дамы города N* были непоколебимы въ своихъ убѣжденіяхъ, не упускали изъ вида малѣйшихъ неловкостей, вступались равно и за себя и за своихъ, и ничего не прощали, или, какъ выражалась госпожа Л., не дарили виноватымъ. Потомъ торжественно разсказывали онѣ торжествующимъ друзьямъ, какъ имъ удалось однимъ словомъ побѣдить такую-то, или того-то; разсказывали прелестно, увлекательно и, увлекая, вспомнили, что еще бы можно было много прибавить, но онѣ «удержались, или послѣ пришло въ голову...»

— Довольно съ него, говорила на это которая нибудь изъ умѣренныхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я не подарю ему, я передамъ все его женѣ... и прочее...

Передать—было также выраженіе техническое въ этомъ городѣ; оно мнѣ до-смерти надоѣло; не подарю и передамъ, бывало, стучатъ мнѣ въ уши во время безсонницы, когда блестящія N-скія дамы проходятъ передо мною въ смутномъ видѣніи.

Какія онѣ всегда бывали нарядныя! Бывало, смотря на пустыню залы собранія, на кавалеровъ, которыхъ нельзя было бы назвать пальмами пустыни, я спрашивалъ себя: «для чего, въ самомъ дѣлѣ, эта роскошь нарядовъ?» Но на другой день, являясь съ утреннимъ визитомъ, заставая часто врасплохъ этихъ дамъ, я слышалъ сужденія о всякомъ бантикѣ, всякомъ перышкѣ, приколотомъ кстати или некстати, и убѣждался, что необходимо было каждой изъ нихъ выказать весь свой вкусъ, чтобъ избѣжать страшнаго приговора... И какъ произносился, какъ повторялся этотъ приговоръ! Дамы не сидѣли на мѣстѣ, когда говорили о нарядахъ, разрушали свою собственную прическу, чтобъ представить въ натурѣ прическу другой... сколько было хлопотъ изъ-за чужого безобразія! Кончивъ о нарядахъ, начинали толковать, изъ чего и на что это дѣлается; каждая могла перечесть по пальцамъ состояніе финансовъ другой; доставалось и мужьямъ, служащимъ и неслужащимъ... Но тутъ я обыкновенно уходилъ, не дождавшись конца разговора.

Дамы города N* всѣ безъ исключенія имѣли претензію на хорошій тонъ, и совсѣмъ тѣмъ, не было темной исторіи,

«На чердакѣ вралемъ рожденной»,

которой бы онѣ не знали и не повторяли— увы! даже и не ошибкой, даже о задушевныхъ друзьяхъ своихъ... Я удивлялся ихъ способности говорить много и такъ ярко развивать мысль и самое дѣло; въ устахъ ихъ дѣло росло и выростало до ужасающихъ размѣровъ. Онѣ знали все, каждая о другой и о всѣхъ; нисколько не воздерживаясь, называли онѣ вещи по имени, и, со всѣмъ тѣмъ, были знакомы между собою, видѣлись часто; даже были дружны. Были примѣры, что эта дружба составляла какой-то твердый оплотъ противъ враговъ внѣшнихъ и домашнихъ. Случалось, что эти друзья жестоко ссорились, падали въ обморокъ, разставались навсегда; изъ-за пустой вещи, изъ-за пустого слова, наговаривали другъ другу Богъ знаетъ что̀, пересказывали все это постороннимъ—и сходились опять, какъ ни въ чемъ не бывало, и такъ сходились, что вамъ было бы неловко глядѣть на нихъ, если-бъ вы вспомнили, что̀ было между ними, и вы сами стали бы лавировать въ разговорѣ, чтобъ какъ нибудь не напомнить имъ того времени, когда произошла ихъ исторія...

Если друзья еще не перессорились и живутъ другъ противъ друга, то опасно, бывало, ѣздить по улицѣ: домашніе дамъ-пріятельницъ или сами онѣ безпрестанно переходятъ изъ дома въ домъ: то навѣстить друга, то сдѣлать ему сюрпризъ своимъ посѣщеніемъ, и это, не разбирая времени дня, отъ ранняго утра до полуночи. Тутъ случаются иногда недоразумѣнія. «Другъ», напримѣръ, пришелъ и сидитъ, ждетъ обѣда; «другъ» этотъ явился незваный и нежеланный; мужъ другого «друга» ворчитъ и безпрестанно выходитъ, возвращаясь съ видомъ все болѣе и болѣе озабоченнымъ. Наконецъ, обѣдаютъ, «другъ» уходитъ, мужъ ложится почивать въ сильной досадѣ, а «другъ» — хозяйка, выдержавъ досаду мужа, тоже ворчитъ, глядя въ окно:

«Богатые люди, а ищутъ чужихъ обѣдовъ...»

Эти слова услышаны и перенесены черезъ улицу, гдѣ пересказаны съ прикрасами; су-

пругъ-ворчунъ получаетъ названіе скареда на друга дуются и дня два проѣздъ по улицѣ свободенъ. Но другу понадобился какой нибудь уборъ, à la juive или à la polka, и онъ летитъ узнавать, не больны ли, не случилось ли чего нибудь такого...

— Я вѣдь знаю твое положеніе въ семьѣ, знаю, что тебѣ приходится выносить... какъ до сихъ поръ ты еще не умерла!

Потомъ отъ своей семьи перейдутъ въ семью ближняго.

Я боюсь, вы скажете, что примѣръ заразителенъ, что и я сплетничаю.

Въ кругу этихъ дамъ жизнь молодыхъ людей города N* представляла двѣ крайности: или молодого человѣка угощали, хвалили до небесъ, представляли въ другіе дома, даже защищали, когда случалось, находя это необходимо нужнымъ, защищали вкривь и вкось, такъ что бѣдный молодой человѣкъ иногда бывалъ и самъ не радъ; или, конечно за глаза, находили, что въ немъ и на немъ все смѣшно и нелѣпо; не хотѣли вѣрить его уму, хотя бы онъ былъ очевиденъ; не могли предположить въ немъ ни одного добраго качества, хоть и говорили, что чужая душа — потемки, и всегда лучше предполагать лучшее.

Конечно, такая странная любовь и странная ненависть не могли быть безъ причинъ; но причины эти неисчислимы, а потому мы оставимъ ихъ въ покоѣ, такъ же какъ и весьма занимательный балъ Хлоповыхъ; послѣдствія его гораздо занимательнѣе.

Приподнявъ, будто занавѣсъ театра, голубую драпировку будуара госпожи Л., вамъ открылась бы очень милая и оживленная сцена.

Одна изъ друзей госпожи Л., небывшая на балѣ, заѣхала изъ города (такъ называются лавки) разспросить, что тамъ такое было. Замѣчу, тоже въ скобкахъ, что заѣхать называлось прокатиться отъ одной заставы до другой — о краткости и пріятности пути могли бы разсказать подробнѣе лошади, которыя, повѣся головы, едва переводили дыханіе; но онѣ молчали по привычкѣ, а кучеръ спалъ на козлахъ, потому что экипажъ, лошади и онъ самъ были одолжены на всю прошедшую ночь до-бѣла свѣта какой-то дамѣ, бывшей у Хлоповыхъ, у которой:

— Мужъ!... о, не говорите, что это за человѣкъ!... онъ ее губитъ, онъ убиваетъ ея молодость! миленькая женщина и не имѣть своего экипажа...

Госпожа Д. сидѣла на диванѣ, гдѣ рядомъ съ нею лежала ея шляпка, и госпожа Л. еще въ совершенномъ утреннемъ неглиже.

Описать это неглиже значило бы разочаровать васъ. Кажется, это слово означаетъ самый милый, самый обольстительный изъ нарядовъ женщины, но въ городѣ N. не было женщинъ; были и есть дамы, которыя бываютъ одѣты и неодѣты. О первомъ хлопочутъ жестоко, изъ чего не слѣдуетъ, чтобъ хлопоты всегда удавались; часто онѣ кончаются страшными уборками, молніеобразными зигзагами красныхъ лентъ, брошками изъ подозрительнаго золота, самыми пастушескими расшнуровками на корсажѣ. Вы увидите дамъ одѣтыхъ на обѣдѣ, вечерѣ, балѣ, даже дома, если вы приглашены заранѣе, или если, кромѣ васъ, еще ждутъ кого нибудь.

Чаще вы находите ихъ неодѣтыхъ... Кацавейка, на которой мѣхъ исчезъ, и вы можете предполагать, что онъ принадлежалъ, пожалуй, допотопному животному, потому что не осталось признаковъ, по которымъ можно было бы разъяснить это дѣло; блуза, которая нѣсколько разъ мѣняла свой цвѣтъ отъ воды и утюга, а теперь уже давно не касалось къ ней ни то, ни другое... Я не говорю объ обуви: она меня всегда пугала...

Послушайте, напримѣръ, разговоръ двухъ друзей-дѣвицъ.

— Вообрази, Соня, я была въ неглиже; заѣхалъ К. Не знаю, какъ я бѣжала, а онъ глядитъ въ двери. Тетенька тоже, какъ я... ну, ей ничего.

Тетенька съ своей стороны разсказываетъ.

— Что мнѣ! я ужъ старуха. Я говорю ему: «Молодой человѣкъ, вамъ за мной ухаживать нечего, я знаю, что я нехороша. Садитесь здѣсь, безъ церемоній».

Тетенька наканунѣ сама звала на кадриль хорошенькаго К., который теперь сидитъ передъ нею во всемъ блескѣ своего изящнаго наряда и своей презрительной красоты...

У госпожи Л. была молоденькая кузина, которая, чтобъ казаться еще моложе, звала ее тетенькой. При поднятіи занавѣса, она стояла передъ диваномъ и разсказывала въ лицахъ балъ Хлоповыхъ.

— Вообразите, я сижу вотъ такъ, они здѣсь, и все шепчутся, все шепчутся... я только разслышала...

— Что у нея за странная манера говорить — шептаться! прервала госпожа Д.

— Петербургская, другъ мой, отвѣчала госпожа Л., протягиваясь на диванѣ: — не то что мы съ тобой... Я это ненавижу. Я, если говорю, громко говорю; у меня нѣтъ секретовъ... Я и тебѣ сто разъ говорила, На-

таша: у тебя есть эта глупая манера... вотъ, тоже...

— Ахъ, тетенька, когда-жъ я...

— Ужъ я знаю! На той недѣлѣ, у Гра̀шковыхъ, ко мнѣ подходитъ Александра Петровна Хлопова, говоритъ: «увидите вашу Natalie, я знаю по опыту, какъ это опасно...» И притомъ, молодые люди сами смѣются, тотчасъ смѣются... Что ты этимъ выиграешь?..

— Но, Маша, что-жъ Окольскій? прервала гостья.

— Нѣтъ, ты замѣть, Саша... Александра Петровна такая достойная женщина, ужъ и она говоритъ—опасно; мать семейства—ей для чего говорить? у нея дочь: другая бы ни слова не сказала, пусть надъ тобой смѣются.

— Ну ужъ, тетенька, сказала Наташа, которая обидѣлась этимъ сближеніемъ съ Anastasie Хлоповой: — ужъ хороша ея Настенька! Что на ней вчера были за локоны!

— Ты всегда готова смѣяться, у тебя есть эта привычка; ты никого не пощадишь... Я тебѣ сто разъ говорила... Ты этимъ ничего не выиграешь, у тебя нѣтъ ни состоянія, нѣтъ ни красоты, ни любезности, ни ума, ни образованія...

— Полно, душечка, что ты ее конфузишь! Конечно, покуда она при тебѣ, она въ тѣни, но она все такая миленькая; это я скажу всегда, въ глаза и за глаза. Не краснѣйте, mademoiselle Natalie, мы съ вами были и будемъ друзья.

Молоденькая кузина бросилась цѣловать ее въ плечи.

— Ахъ, душка, Александра Ивановна! да не зовите же меня mademoiselle, вы меня обижаете...

Послѣдовала маленькая мимическая сцена, глаза дѣйствующихъ лицъ увлажнивались, и руки были нажаты до-красна. Потомъ, когда волненіе поутихло, госпожа Д. вскричала:

— Да что-жъ Окольскій?

— Ахъ, Саша, я такъ удивилась этой выходкѣ!.. и это все она, она! Еслибъ не она, никогда бы ему въ голову не пришло. Ну, ты знаешь — Окольскій, молодой человѣкъ, скромный, милый...

— Да какъ же она могла заставить его это сдѣлать... то есть сказать?

— О, она на все способна! Это такія идеи! Она ему голову вскружила... Недаромъ она кокетничаетъ съ нимъ цѣлые два мѣсяца... Теперь, вѣрно, молодой Хлоповъ сказалъ ей что нибудь... Я предсказывала всегда, что она назовется на непріятность! Хлоповъ ей сказалъ, а она заставила Окольскаго вступиться за себя и поссориться...

— Какъ онъ сказалъ, Наташа?

— Кто? Окольскій?

— Нѣтъ, Хлоповъ.

— Я не слыхала. Хлоповъ подошелъ, сказалъ что-то очень тихо, и Аннета не захотѣла больше танцовать мазурки.

— И ушла?

— Ушла и сѣла.

— Ну, а Окольскій?

— Онъ къ ней... Я вамъ говорю, они такъ сидятъ, я такъ. Я слушаю. Она говоритъ... Вотъ, тетенька, слово въ слово: «Если Хлоповъ не имѣлъ права сказать вамъ эту дерзость, я удивляюсь, какъ вы не отвѣчали; а если имѣлъ, то удивляюсь, какъ вы въ ихъ домѣ...»

— Ну, душка, а онъ?

— Онъ тихо говорилъ. Ее вы знаете; если что ее взволнуетъ, она говоритъ громко.

— Кажется, Наташа, сказала г-жа Л.,— она потомъ говоритъ: «Такъ вы не ждали этого сюрприза?» и засмѣялась. Я просто не могу ее видѣть. Я танцую съ К., онъ смотритъ на нихъ и говоритъ мнѣ: «Какая хорошенькая Annette Топилина!» Я вижу, что онъ насмѣшничаетъ, а ужъ этого я не позволю, хоть бы надъ врагомъ моимъ смѣялись; я говорю: «Вѣрно вамъ нравятся выразительныя лица?..» Ты знаешь, душка, онъ былъ влюбленъ въ Софью, въ эту сахарную куколку...

— Чѣмъ же кончилось? спросила г-жа Д., которую, казалось, больше занимала исторія Окольскаго, нежели мнѣніе К. о выразительныхъ или невыразительныхъ лицахъ.

— О! чѣмъ кончилось — это я сама слышала, вскричала госпожа Л.—Я ее видѣть не могу, эту Топилину. Вообрази, мазурка кончилась, Окольскій почти до конца мазурки все сидѣлъ подлѣ нея, потомъ пошелъ въ другія комнаты... Что онъ тамъ дѣлалъ, Наташа?

— Въ карты игралъ, тетенька.

— Да, въ карты игралъ. Ну, вотъ, мазурка кончилась. Всѣ мы идемъ ужинать, кавалеръ съ дамой... я иду съ К., а онъ зѣваетъ, зѣваетъ; я говорю ему: «Что вы, Богъ съ вами», а онъ: «Не бойтесь, я люстры не проглочу...»

— Ну, что-жъ Окольскій?

— Она-таки дождалась, что онъ вышелъ въ залу. Я это все слышала. Онъ говоритъ: «Я вашъ кавалеръ на ужинъ». А она: «Если у меня не было кавалера для мазурки, то

нѣтъ и для ужина». И это я видѣла. Она такъ на него поглядѣла, такъ поглядѣла... Ты знаешь ея глаза, Саша.

— Какъ же, молніи, стрѣлы, сказала гостья съ сладкой улыбкой, глядя на голубые глазки Наташи.

Та бросилась опять цѣловать ее въ плечи.

— Ужъ должно быть между ними электричество; право, Саша, я такъ понимаю. Онъ будто постигъ ея мысль, тотчасъ постигъ, и пошелъ, догоняетъ Хлопова. Хлоповъ ведетъ свою даму, Лизу Топилину... Ахъ, милочка-дѣвочка, какъ она мнѣ нравится! На ней вчера было бѣлое креповое платье... знаешь, Саша, рюши...

— Тотъ же крепъ bouillоné, тетенька, съ тюникомъ...

— Ну, вотъ еще, я сама трогала! Еще говорю Марьѣ Ивановнѣ: «Скажите, говорю,— Марья Ивановна, кто шьетъ на вашихъ — такъ всегда мило...» Вообрази, Саша, все сами. Я своей не договорюсь, простой оборочки не зашьетъ. Вчера, я смотрю, рукавъ выпоролся; надо бѣжать въ уборную, раздѣваться, зашивать... Хорошо, что Anastasie такъ добра, все сама съ иголкой... На Лизанькѣ тутъ рюши и въ нихъ мелкія, мелкія розочки — прелесть... Ну, она идетъ съ Хлоповымъ... Мнѣ такъ было жаль дѣвочку, она вся сгорѣла... Окольскій подходитъ къ Хлопову...

— И какъ подошелъ, Александра Ивановна, знаете...

— И говоритъ... «да», говоритъ: «по вашей милости моя дама не танцовала». Тотъ ему очень спокойно: «Ей самой было угодно не танцовать». — «Нѣтъ, вы обидѣли мою даму».—«И намѣренія не имѣлъ...»

— Да это и легко объяснить... подсказала кузина.

— Не мѣшай же... Ну, изволь разсказывать. Ты слышала?

— Ахъ, тетенька!..

— «Я, говоритъ, — не имѣлъ намѣренія обидѣть вашу даму».—«Нѣтъ, сударь, вы ее обидѣли; и еслибъ это было не въ домѣ вашего отца, котораго я уважаю, я бы вамъ бросилъ эту перчатку въ лицо... да вы можете зачесть, что она ужъ и брошена...»

— Ахъ, Боже мой!.. вскричала госпожа Д.

— Да вы представьте, вы представьте, Александра Ивановна...

— Ты вообрази только, Саша, что вѣдь кто былъ близко, тѣ слышали, я слышала, Ветлина слышала, Гра́шкова слышала... я оглянулась—Анна Михайловна какъ тутъ. Натурально, мы всѣ ушли: что за охота слушать, сама ты вообрази, такая скандалезная исторія... Я немного остановила К., говорю, чтобъ онъ воротился въ залу и взялъ мой вѣеръ съ окна, какъ будто я забыла — уморительный этотъ К..., а знаешь, Саша, я его люблю: онъ добрый мальчикъ—зѣвнулъ, потянулся, а все пошелъ, пришелъ съ пустыми руками и кричитъ: «Кто его отыщетъ, вашъ вѣеръ?..» Уморительный!.. Покуда онъ выходилъ, я вижу, Окольскій уходитъ. Анна Михайловна, будто ненарочно, проходитъ мимо и говоритъ: «Покуда это только выходка цѣликомъ изъ Монте-Кристо; мнѣ любопытно знать, чѣмъ вы кончите».

— Ну, героиня! сказала, пожимая плечами, госпожа Д.

— Отвратительная! Ей такъ и хочется сцены, исторіи, чтобъ быть интереснѣе!... Знаешь, Саша, я говорю, такія женщины— язва общества; онѣ, какъ наша Анна Михайловна, губятъ молодыхъ людей, стариковъ съ ума сводятъ... а могутъ ли онѣ быть порядочными матерями? Помилуйте, каковы должны быть ихъ дѣти? Я ее видѣть не могу!...

Послѣдовала минутная пауза.

Госпожа Л. потянулась еще разъ на диванѣ и сказала:

— Наташа, ты бы насъ хоть кофеемъ напоила. Что ты замечталась...

— Ахъ, тетенька, я смотрю въ окно... глядите, вѣдь это она, она...

— Кто она?

— Annette Топилина.

— Быть не можетъ!

— Да она-жъ, безъ человѣка, пѣшкомъ, одна...

— Откуда это она? вскричали обѣ дамы и бросились къ окну.

Анна Михайловна дѣйствительно переходила на ближній тротуаръ одна; мальчикъ въ сѣромъ казакинѣ, исполнявшій должность пажа въ домѣ Семена Сергѣевича, былъ такъ малъ, что Анна Михайловна всегда отказывалась отъ его услугъ, говоря, что не хочетъ охранять своего тѣлохранителя.

— Позовемъ ее къ себѣ, Саша?

— Да, да, это любопытно...

— Ахъ, тетенька, проказница!...

И всѣ трое принялись стучать въ окна. Къ счастью, эти звуки не коснулись ушей супруга госпожи Л.: они бы непріятно затронули его, напомнивъ ему о разбитомъ стеклѣ и призывѣ новаго гостя—двѣ вещи, которыя онъ равно ненавидѣлъ.

Анна Михайловна сначала просто кланялась на всѣ улыбки, посланныя ей въ окно,

потомъ отрицательно покачала головой въ отвѣтъ на приглашеніе войти, наконецъ, уступая поцѣлуямъ и усиленному стуку, возвратилась назадъ къ подъѣзду и вошла.

— Душечка, Annette, кричала Наташа, выбѣгая на встрѣчу къ ней въ прихожую:— что это тебя не дозовешься! Иди скорѣе, снимай шляпку.

— Анна Михайловна, такъ добрые друзья не дѣлаютъ, не дѣлаютъ, говорила госпожа Л. съ своего дивана:—мимо изволите проходить, сударыня, и нѣтъ, чтобъ вспомнить, зайти...

Анна Михайловна бросила на диванъ свою муфту и раскланивалась, удерживая ленты своей шляпки, которыя Наташа усильно старалась развязать.

— Извините, Марья Николаевна, сказала она:—я шла изъ лавокъ и спѣшила домой, за работу, у меня цѣлую недѣлю не тронуто шитье.

— Какое шитье, Annette, спросила немного сухо гостья.

— Портфель.

— Вѣрно сюрпризъ Семену Сергѣичу къ новому году?

— Нѣтъ, это для меня.

— Портфель-то? Куда-жъ вы, сударыня, сбираетесь? вѣрно въ министры?...

— Можетъ быть и въ министры, сказала, смѣясь, Анна Михайловна.

— Не вѣрю я что-то, чтобъ вы это для себя шили, сказала госпожа Л.—Садитесь, милости просимъ, и покайтесь—кому этотъ портфель.

— Увѣряю васъ, для себя, отвѣчала Анна Михайловна, садясь нехотя.—Почему-жъ мнѣ не имѣть портфеля, у меня столько нотъ, узоровъ...

— Конечно, конечно... Былъ у васъ сегодня Окольскій?

У Анны Михайловны горѣло лицо отъ мороза и госпожа Л. напрасно старалась разобрать, покраснѣла ли она, или нѣтъ. Анна Михайловна засмѣялась.

— И вы это спрашиваете, Марья Николавна! Вы сами до второго часа не одѣты... Кто-жъ такъ рано встаетъ послѣ бала? У насъ едва ли еще теперь вышли къ чаю.

— Ну, да вы-то давно встали...

— Такъ, вѣроятно, самъ Окольскій еще не просыпался, возразила Анна Михайловна, съ немного замѣтной досадой.

— Почему знать, сказала госпожа Д. съ разстановкой и сжимая губы:—можетъ быть онъ давно ужъ за заставой съ молодымъ Хлоповымъ.

Анна Михайловна взглянула на нее съ удивленіемъ. Хозяйка засмѣялась.

— Душка моя, сядьте сюда поближе. Неужели вы думаете, что такія вещи дѣлаются тихо? Вотъ Саша сейчасъ только пріѣхала ко мнѣ, а ужъ все знаетъ... Люди говорятъ, въ городѣ говорятъ... Ужъ этого не скроешь, никакъ не скроешь...

— Да, эти вещи такъ не проходятъ, сказала серьезно госпожа Д.:—хорошо еще, если не узнаетъ губернаторъ...

— Ахъ, Саша, лучше если узнаетъ: тогда что-жъ? Хлопова только арестуютъ... домашнимъ арестомъ арестуютъ, или обяжутъ подпиской не выѣзжать изъ дома—я это знаю. Но если у нихъ состоится... О, это ужасно, это ужасно! я вообразить себѣ не могу!... Анна Михайловна, есть ли семейство у Окольскаго?

— Не знаю; есть, кажется, отвѣчала Анна Михайловна.—Но извините меня, если я васъ спрошу: что вы такъ о нихъ безпокоитесь?

— А?... Саша!?...

— Ну!...

— Каково это тебѣ кажется? Не правду ли я говорила?... Она герой у насъ, великая женщина!

— Этого я не знаю, отвѣчала Анна Михайловна:—но, право, мнѣ хотѣлось бы знать, что вы такъ тревожитесь о Хлоповѣ?

— То, что его могутъ ранить, убить, сказала госпожа Д.

— Да и Окольскаго тоже, подхватила госпожа Л.

Вѣроятно, это предположеніе было не новость для Анны Михайловны, но тутъ оно какъ-то непріятно тронуло ея сердце. Она спросила, однако, съ совершеннымъ самообладаніемъ:

— Такъ у нихъ дуэль?

— Да, вѣроятно, отвѣчала госпожа Д.

— Она героиня у насъ, героиня! повторяла госпожа Л.—Она еще спрашиваетъ! Посмотри, Саша, какъ спокойно!... Да вѣдь они за васъ поссорились?

Анна Михайловна встала.

— За меня?

— Ну, да, конечно. А то за кого же?

— Я думаю, Марья Николавна, отвѣчала Анна Михайловна:—что еслибъ за меня вышла ссора у двухъ молодыхъ людей, я бы ни минуты не осталась на балѣ или заставила ихъ помириться.

— Ха-ха-ха! душечка, какія у нея милыя идеи!..

— За что-жъ они поссорились?

— Почемъ же я знаю? отвѣчала Анна Михайловна, пожавъ плечами.

— Но Хлоповъ сказалъ вамъ что нибудь?

— Что такое?

— Что нибудь... непріятное...

— Послушайте, сказала Анна Михайловна:—Хлоповъ видитъ меня въ жизнь свою первый разъ; я довольно коротко знакома съ его сестрой и, наконецъ, въ этой же залѣ былъ мой дядя.

— Ну, душа моя, это не резонъ. Молодые люди не разбираютъ, кого видятъ въ первый или въ десятый разъ, или кто съ сестрой знакомъ... И очень возможно... что вы подумали прежде объ Окольскомъ, нежели о Семенѣ Сергѣичѣ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала, вспыхнувъ, Анна Михайловна:—и всѣ эти толки изъ того, что Окольскій началъ мазурку, когда хотѣлось начинать Хлопову!..

— Только-то?..

— Не больше.

— Что-жъ вы ихъ не помирили? Вы сказали сейчасъ, что не позволили бы молодымъ людямъ ссориться...

— За меня... а не за мазурку...

— Отчего же вы не хотѣли танцовать?

— Зачѣмъ мнѣ было обижать Окольскаго? Мнѣ все равно танцовать, что въ первой, что въ сто-первой парѣ, но ему вѣрно было бы непріятно...

— И вѣрно онъ сказалъ вамъ, что ему это непріятно.

— По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— И для него вы не стали танцовать?.. Госпожа Л. погрозила ей пальцемъ.— Мы и это понимаемъ... о, скрытница!..

— Значитъ, онъ былъ въ правѣ вступиться за васъ...

— Боже мой, да если не за что было вступаться!..

— Полноте, полноте! перебила г-жа Л.:— они не за мазурку поссорились; за ужиномъ, мы сидѣли рядомъ, Окольскій самъ далъ мнѣ понять...

— Что я была обижена? Окольскій это сказалъ? вскричала Анна Михайловна.

Госпожа Д. сдѣлала своему другу знакъ, что та сказала лишнее.

— Если вы не были обижены, возразила она, — за что-жъ вы обидѣли Хлопова, и не его одного, а все ихъ семейство: не захотѣли танцовать, ушли?..

— Да, да, подхватила госпожа Л.: — для чего вы это сдѣлали? Не показали ли вы этимъ явно, что отдаете преферансъ Окольскому?

Голубая драпировка поднялась, лакей доложилъ:

— Петръ Николаичъ Окольскій.

— Ахъ, ахъ, мы не одѣты! раздались восклицанія госпожи Л. и Наташи... и Анна Михайловна, оглянувшись, увидѣла себя наединѣ съ Окольскимъ, потому что госпожа Д. скрылась въ спальню вслѣдъ за хозяйками...

VII.

Окольскій, казалось, былъ удивленъ пустотой будуара, а главное, присутствіемъ единственной особы, которую онъ нашелъ тамъ. Онъ смутился—это было замѣтно; отъ зоркихъ глазъ Анны Михайловны не укрылось, что на лицѣ Окольскаго было какое-то заранѣе приготовленное выраженіе, которое онъ поспѣшилъ спрятать.

Смущеніе прикрывается всего легче или озабоченностью, или смѣхомъ. Вѣроятно, Окольскій хорошо понималъ Анну Михайловну, потому что не вздумалъ разыгрывать озабоченную роль и подошелъ къ ней съ самымъ веселымъ видомъ.

— Вы здѣсь однѣ, спросилъ онъ:—какими это судьбами?

— Марья Николаевна проситъ васъ подождать, отвѣчала она, взявъ свою муфту.— Вы вѣрно дѣлаете визиты?

— Да, какъ докторъ; я имѣю привычку навѣщать моихъ знакомыхъ всегда тотчасъ послѣ бала.

— Всѣ ли здоровы?

— Да... кромѣ самого доктора, отвѣчалъ Окольскій, усаживаясь подлѣ нея: — я разстроенъ жестоко... Всю ночь не спалъ.

Анна Михайловна молчала. Три года, проведенные ею въ благополучномъ городѣ N*, научили ее вещамъ, которыхъ прежде она не подозрѣвала, и она невольно оглянулась на замокъ двери въ видѣ шкапчика, въ которую скрылись дамы.

— Вы знаете, продолжалъ Окольскій вполголоса и наклонясь къ ней: — я дерусь съ Хлоповымъ.

Ея рука слегка дрогнула. Окольскій взглянулъ ей въ лицо: она поблѣднѣла.

— Пожалѣйте обо мнѣ... plaignez-moi, перевелъ онъ шопотомъ, стараясь поймать ея руку.

— О чемъ же мнѣ жалѣть? сказала она громко и съ немного раздраженнымъ смѣхомъ. — Полноте, будто я не знаю, что въ нашъ вѣкъ не можетъ быть дуэли... если только у васъ предположена дуэль.

— Неужели вы сомнѣваетесь? вскричалъ

Окольскій:—какъ, чтобъ я не выдержалъ до конца исторію, въ которую замѣшано ваше имя...

— Мое имя? это по какому праву?

— Какъ, Анна Михайловна...

— Да, по какому праву, какъ вы смѣете мѣшать мое имя въ исторію, которая собственно до васъ однихъ касается.

Окольскій, казалось, былъ пораженъ; онъ понизилъ голосъ.

— Простите мнѣ, Анна Михайловна... но я такъ много васъ... уважаю... Всѣ видѣли, что вчера, послѣ этой глупости Хлопова, вы были принуждены оставить танцы...

Анна Михайловна опять взглянула на дверь. «Нѣтъ, подумала она, это было бы низко: подозрѣвать грѣшно!..»

— Вы оставили танцы, ушли... это всѣ видѣли, продолжалъ Окольскій.

— Послушайте, сказала она вполголоса, серьезно, хотя и съ прежнимъ раздраженіемъ: — такъ вы рѣшительно хотите увѣрить меня, что вы за меня сражаетесь?

— Но когда всѣ видѣли...

— Но когда я знаю, что это неправда, когда никто не осмѣлился оскорбить меня, никто не принуждалъ меня оставить танцы, когда я одна изъ всѣхъ слышала, что васъ, только васъ оскорбили, когда не вы для меня, а я для васъ сдѣлала рыцарскую выходку и отказалась танцовать, чтобъ не поставить васъ въ необходимость прыгать на однѣхъ доскахъ съ человѣкомъ, который при вашей дамѣ сказалъ вамъ такія слова...

Окольскій завертѣлся на мѣстѣ.

— Вы меня принуждаете говорить это, Петръ Николаичъ! За что̀-жъ вы хотите передъ цѣлымъ свѣтомъ выставить, что обижена я, а не вы сами!.. Какое прекрасное доказательство уваженія!

— Анна Михайловна, зашепталъ Окольскій: — но вѣдь вамъ было угодно, чтобъ я вступился...

Она громко засмѣялась и встала.

— Такъ еслибъ мнѣ не было угодно, чтобъ вы вступились за вашу обиду, вы бы ее проглотили? Еслибъ губернская барышня, старая дѣва — потому что мнѣ 24 года—не вложила вамъ въ голову романической идеи, вы бы спокойно почивали эту ночь? Вы бы сегодня навѣстили Хлопова и вспомнили бы вмѣстѣ вашу княгиню Нелли и прочее?

Она опять засмѣялась.

— Но согласитесь, Анна Михайловна, говорилъ Окольскій, вертя ключикомъ отъ часовъ и крѣпче усаживаясь въ кресла; — согласитесь... есть вещи, которыя нельзя не пропустить мимо ушей... Право, люди такъ странны, что надо имѣть съ ними терпѣніе...

— О, этой добродѣтели у васъ слишкомъ много!

— Анна Михайловна, вы меня извините... вы еще дитя... но вамъ самимъ этого хотѣлось...

— Какое же я глупое дитя, если изъ каприза посылаю васъ драться!

— Но вы не понимаете вещей, Анна Михайловна. Послушайте, что̀ я вамъ скажу... Хлоповъ молчалъ весь вечеръ и вдругъ къ концу... Ну, что̀ смотрѣть на его слова?

— Какія бы они ни были?

— Ну... да̀... Что̀ онъ сказалъ? ничего!.. Онъ вздоръ сказалъ.

— Онъ вамъ вотъ что̀ сказалъ, господинъ Окольскій, возразила Анна Михайловна, остановясь передъ нимъ:—«что онъ не только не позволитъ вамъ начинать танца прежде него, но за то, что на дачѣ княгини Нелли вы его въ три дня обыграли до копѣйки, онъ выброситъ васъ въ окно!»

— Ну, да вѣдь онъ этого не сдѣлаетъ, отвѣчалъ Окольскій; — никогда не сдѣлаетъ; онъ отца боится.

Анна Михайловна остолбенѣла.

— Вѣдь мы не навѣрное играли, продолжалъ Окольскій, пользуясь ея онѣмѣніемъ:— мы какъ должно играли... Это ему такъ въ голову вошло, знаете, подъ конецъ бала. У Хлоповыхъ буфетъ чудесный; ему же въ жизнь довелось первый разъ распоряжаться... Un homme sans éducation...

Анна Михайловна ходила по комнатѣ въ сильномъ смущеніи.

— Такъ сдѣлайте же одолженіе, сказала она, вдругъ останавливаясь опять передъ Окольскимъ: — поступайте ка̀къ хотите, но не смѣйте мѣшать моего имени въ исторію между этимъ homme sans éducation и... вами. У меня есть дядя: я дорожу его уваженіемъ и не хочу, чтобъ онъ слышалъ, ка̀къ, благодаря вашему долготерпѣнію, будутъ клеветать на меня.

— За что̀-жъ это, Анна Михайловна? помилуйте! Дѣвица дѣлается еще интереснѣе, если изъ-за нея выходитъ исторія.

— Ужъ объ этомъ предоставьте мнѣ судить.

— Знаете, что̀ я сдѣлаю: я поѣду, привезу къ вамъ Хлопова и заставлю передъ вами извиниться. Это будетъ потѣха! Въ которомъ часу вы дома?

— Для извиненій Хлопова ни въ которомъ.

Оба они замолчали: Анна Михайловна какъ особа, которая все сказала; Окольскій, какъ человѣкъ, который не знаетъ что̀ говоритъ.

Она не могла уйти, не простясь съ хозяйкой, и внутренно проклинала этотъ долгій туалетъ; непосвященная въ его таинства, не истинный другъ госпожи Л., она не могла войти въ спальню. Хотя безъ замѣшательства, но съ видимой досадой, она пересмотрѣла всѣ заглавія романовъ д'Абрантесъ и Ансло̀, лежавшихъ на столикѣ, раскрыла пыльныя пяльцы, не обративъ вниманія на Окольскаго, который бросился подбирать покатившіеся клубки шерстей, и, наконецъ, стала спиною къ Окольскому у пылавшаго камина.

Ей сдѣлалось невыносимо тяжело и скучно. Она очень помнила, что была не одна, но Окольскій, который еще недавно значилъ для нея такъ много, теперь ужъ не значилъ ровно ничего. Она чувствовала, что столько же тревожило ее присутствіе мебели, сколько присутствіе этого человѣка, и это-то чувство ее убивало. Онъ вспомнила, что Богъ знаетъ ка̀къ, почему и за что̀ давно его полюбила, что разлука, пустота и скука жизни не выгнали этой привязанности изъ ея сердца, а напротивъ, усилили ее... И со дня первой встрѣчи, здѣсь, въ этомъ губернскомъ далекомъ городѣ, она переходила отъ разочарованія къ разочарованію и все не могла, къ стыду своему, оторваться отъ этой странной привязанности; часто это приводило ее въ отчаяніе. Теперь разочарованіе дошло до такого уничтоженія этого человѣка, что Анна Михайловна сама не почувствовала, ка̀къ слезы покатились на ея черный бархатный pardessus—слезы о пустотѣ своего сердца, своей молодой жизни...

— Анна Михайловна, что̀ съ вами, ради Бога, вскричалъ Окольскій, увидя эти слезы и озадаченный какъ нельзя болѣе.

Видя, что ему неловко оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ, онъ всталъ и подошелъ къ ней...

— Что можетъ васъ такъ огорчить? спросилъ онъ тихо: — неужели какое нибудь мое слово, я самъ? я былъ бы въ отчаяніи... Растолкуйте мнѣ... Кажется, наши отношенія...

— Наши отношенія очень странны, Петръ Николаичъ, отвѣчала она спокойно, освобождая отъ него свою руку, которую онъ было взялъ;—я чувствую, что сама виновата и сдѣлала глупость... я позволяла себѣ давать вамъ совѣты, выговаривать вамъ за то, что вы игрокъ, наконецъ я позволила себѣ вмѣшаться въ дѣло, совершенно до меня не касающееся, въ дѣло вашей чести...

— О, на этотъ счетъ будьте покойны; я столько васъ уважаю, что никогда никому не скажу...

— Благодарю васъ. Здѣшній свѣтъ обойдется и безъ вашей нескромности и самъ сочинитъ что нибудь. Впрочемъ, я не цѣню такъ дорого мнѣніе этого свѣта; мнѣ все равно. Надѣюсь, вы убѣдились, что Хлоповъ виноватъ не передо мной, а передъ вами; а такъ какъ вы ему прощаете...

— Конечно! что намъ съ нимъ ссориться? помилуйте, дуэль—это такая непріятность... У меня былъ пріятель, Борновскій, у него была дуэль за актрису... Бѣдный, умеръ на третій день отъ воспаленія...

— Конечно, не драться безопаснѣе, отвѣчала спокойно Анна Михайловна.

— Да какое воспаленіе! вы вообразите: три доктора ничего не могли сдѣлать. О! вы не знаете, какъ дорога жизнь, когда есть милые сердцу!.. Конечно, меня никто не любитъ — я это чувствую... Хотя знаю, что могъ бы отвѣчать на любовь, но я увѣренъ, я твердо убѣжденъ, что меня никто не любитъ...

Анна Михайловна не смотрѣла на него, но Окольскій услышалъ стукъ въ замкѣ и воспользовался этой минутой, чтобъ схватить ея руку и поцѣловать ее громко.

Дверь отворилась въ эту минуту и явились госпожа Д., госпожа Л. и Наташа, совершенно одѣтыя.

— А, молодой человѣкъ! сказала госпожа Л., протягивая Окольскому свою пухлую ручку:—я васъ заставила подождать, да подѣломъ вамъ: вы рѣдко бываете. Что, какъ поживаете, живы ли вы еще?

— Какъ видите, живъ и здоровъ, отвѣчалъ Окольскій очень развязно.

— А каково ночь провели—а? Ужъ вѣрно вамъ не спалось: признайтесь, признайтесь!

— Напротивъ, чудесно спалъ. Отчего-жъ мнѣ не спать?

— Какъ, отчего? а приготовиться написать завѣщаніе?

Обѣ дамы захохотали.

— Однако, въ самомъ дѣлѣ, m-r Окольскій, сказала госпожа Д.:—что ваша дуэль? Надѣюсь, послѣдствій не будетъ?

— Ахъ, Боже мой, все моя дуэль! куда ни пріѣду, всѣ только объ одномъ спрашиваютъ; вотъ сейчасъ тоже Nadine Грашкова говоритъ мнѣ: «А васъ еще не убили?» Я говорю: «Какъ видите! кажется нѣтъ».

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ. Помилуйте, мы съ Хлоповымъ старые друзья, давно другъ друга знаемъ, что намъ ссориться?

Въ это время Наташа, наливая кофе у маленькаго столика, что-то жарко приставала къ Аннѣ Михайловнѣ.

— Ахъ, Annette, и ты отпираешься! да какъ же, душка, Александра Ивановна сейчасъ видѣла и говоритъ мнѣ: «Смотри, смотри...»

— Такъ вы видѣли ночью золотые сны, m-r Окольскій?

— О, чудесные! а на яву еще лучше.

— Я думаю... сказала съ тихой улыбкой госпожа Д.

— О!.. вскричала госпожа Л., грозя ему пальцемъ: — вотъ ваша нынѣшняя молодежь!

— Я думаю, Марья Николавна, сказалъ Окольскій, самодовольно улыбаясь и принимая папиросу изъ ея ручки:—что и въ ваше время то же было.

Если-бъ госпожа Л. предвидѣла такое заключеніе фразы, она не протянула бы ему ручки съ папиросой.

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, возразила она материнскимъ, докторальнымъ тономъ: — нѣтъ, въ наше время этого не бывало. Конечно, нынче и дѣвушки ужъ не тѣ...

— Да̀, это правда, сказала госпожа Д., обмакивая сухарь въ свою чашку.

— Такъ не обвиняйте же насъ за то, что судьба къ намъ милостива, прибавилъ вполголоса Окольскій.

И дамы, и онъ засмѣялись.

— Annette, душечка, милочка, если ты меня любишь, скажи правду, шептала между тѣмъ Наташа, сгибая свою талью та̀къ, чтобъ Окольскій могъ видѣть всѣ ея граціозныя движенія, и наклоняясь къ плечу Анны Михайловны со всѣмъ кошачьи-женскимъ жеманствомъ, какое только можно придумать, чтобъ окончательно сразить человѣка:—что̀ тебѣ стоитъ признаться? значитъ, ты неоткровенна, ты меня не любишь...

— Право, Natalie, я не знаю о чемъ ты меня допрашиваешь.

— Ну, признайся, душечка, вѣдь онъ поцѣловалъ у тебя ручку?

— За Анной Михайловной сани пріѣхали, раздался голосъ лакея подъ голубой драпировкой.

Анна Михайловна поспѣшно встала; была ли она ужъ такъ настроена, или по предчувствію, но она спросила почти съ испугомъ:

— Что̀ случилось?

— Говорятъ, Семену Сергѣичу очень дурно сдѣлалось, отвѣчалъ лакей.

Анна Михайловна не вскрикнула, не ахнула, только страшно поблѣднѣла.

— Прощайте, Марья Николавна, сказала она, выходя послѣ общаго поклона.

Наташа побѣжала за нею.

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебя такъ не пущу, нѣтъ, скажи, Annette, жизнь моя, вѣдь онъ поцѣловалъ?...

— Расцѣловалъ... отвяжись, ради Бога!

Она уѣхала.

Голубая драпировка спустилась; въ будуарѣ было такъ весело, что къ четыремъ часамъ госпожа Д. наконецъ отпустила своихъ сонныхъ лошадей, оставшись обѣдать. Окольскій сдѣлалъ то же и господинъ Л., супругъ хозяйки, наворчался, сколько ему было угодно, завидя изъ своего кабинета, что на столѣ накрывали два лишніе прибора.

Пріѣхавъ домой, Анна Михайловна встрѣтила на крыльцѣ уходящаго священника, а въ прихожей нашла плачущихъ слугъ и доктора, который надѣвалъ шубу. Шумъ и бѣготня въ домѣ не предвѣщали ничего хорошаго. Марья Ивановна у дверей залы прощалась съ докторомъ. Анна Михайловна бросила свой pardessus и шляпку сѣрому пажу, и спросила, что̀ съ дядей.

— Ударъ былъ, матушка, отвѣчалъ ей, въ слезахъ, сѣдой буфетчикъ.

— Можно къ нему?

— Идите, барышня, онъ все васъ спрашивалъ.

Анна Михайловна побѣжала. Марья Ивановна встрѣтила ее въ залѣ.

— Что̀ это, Annette, гдѣ это вы съ утра разгуливали? Никакого вниманія къ семейству! Дядя умираетъ, а вы со двора бѣжите чѣмъ свѣтъ!

Анна Михайловна вошла въ заваленный кипами бумагъ, заставленный шкапами съ дѣлами и платьемъ, крошечный кабинетецъ, гдѣ помѣщался Семенъ Сергѣевичъ, предоставивъ остальныя комнаты въ распоряженіе своего семейства. Никто чаще ея не бывалъ въ этомъ кабинетцѣ, и потому она скоро нашла дорогу въ темнотѣ, такъ какъ единственное тусклое окно было завѣшано. Семенъ Сергѣевичъ былъ одинъ; онъ лежалъ на диванѣ, служившемъ ему всегда постелью. Ударъ лишилъ его руки, но, къ счастью, оставилъ память. Услыша шелестъ платья, онъ спросилъ:

— Кто здѣсь?

— Я, дядя, душа моя, отвѣчала Анночка, наклонясь къ нему.

— Милушка моя... открой окошко; здѣсь скучно... Поцѣлуй меня, если хочешь, только не плачь, пожалуйста...

Анночка присѣла на скамейкѣ у дивана, упала головой на постель и рыдала, потому что сердце ея разрывалось.

— Ну, полно-жъ, голубчикъ мой, моя хорошая дѣвочка, баловень мой, дитя мое, полно, если любишь меня... Что̀-жъ дѣлать? Мнѣ самому умирать не хочется...ахъ, ка̀къ не хочется... Да что̀-жъ дѣлать? Богу угодно... благодареніе Ему, умираю по-христіански. Это должно тебя утѣшить, мое умное дитя... Послушай... Никого здѣсь нѣтъ?

— Никого!

— Тебя мнѣ всѣхъ больше жаль: ты безъ меня будешь совсѣмъ сиротою... Да и мои жалки!... Другъ мой, Анночка, на тебя моя надежда... Слушай меня хорошенько. Ты мои дѣла знаешь. Помнишь, я по откупамъ пропа̀лъ; братъ меня выручилъ... Это было твое приданое...

— Дядя! не говорите этого; Богъ съ ними, съ деньгами, не думайте вы о нихъ...

— Нельзя, милушка... Я съ тѣхъ поръ ничего не нажилъ, только твое воротилъ, тѣмъ мы и жили... охъ, Господи!... тѣмъ и жили, да, вотъ, моимъ жалованьемъ, а ка̀къ я умру...

— Ради Бога, не мучьте меня этимъ...

— Чѣмъ же онѣ-то жить будутъ?... Анночка, ты всегда была добра, ка̀къ ангелъ... Никого тутъ нѣтъ?... Ты меня больше чѣмъ онѣ утѣшала. Успокой же ты меня, дитя мое, обѣщай ты мнѣ, что не будешь ихъ тревожить изъ-за этого векселя... Вѣдь онъ на имя жены... Она мнѣ этого не проститъ...

— Чего вамъ не проститъ? Вы всю свою жизнь на насъ положили—что̀ еще нужно?.. Что̀-жъ вы говорите, о какомъ векселѣ?

— Да твой-то; ты знаешь...

— Мой вексель! Ахъ, пусть васъ Богъ проститъ, за что̀ вы меня огорчаете! Мы этимъ жили, это все ваше состояніе?

— Все, Анночка, все, передъ Богомъ.

— Ну, и будемъ имъ жить вмѣстѣ, ка̀къ сестры; развѣ вы меня не ка̀къ дочь любили?

— Больше, мое сокровище, больше! Еслибъ я могъ только теперь тебя поцѣловать...

— Погодите, сказала она вдругъ вставая:—погодите...

— Она вышла изъ кабинета и побѣжала въ свою комнату.

Домашніе, которые видѣли, ка̀къ она бѣжала съ пылавшимъ лицомъ и яркими глазами, думали, не случилось ли еще чего съ бариномъ, но она не звала никого; сестры позвали ее, она не откликнулась. Она пробѣжала въ свою комнату, откинула свое бюро̀, нѣсколько минутъ рылась въ бумагахъ и, наконецъ, схвативъ одну изъ нихъ, еще скорѣе побѣжала къ Семену Сергѣевичу.

Марья Ивановна встрѣтила ее въ корридорѣ.

— Матушка, вы съ ума сошли! Что̀ вы бѣснуетесь, куда вы? Его велѣно оставить въ покоѣ...

— Ради Бога, пустите меня, сказала Анночка, задыхаясь, и проскользнула мимо нея, такъ что та не успѣла ее удержать.

— Вотъ наказаніе Божіе! сказала ей вслѣдъ Марья Ивановна.

Не знаю, слышала ли это Анночка. Она вошла, сколько могла спокойнѣе, въ кабинетъ. Больной лежалъ тихо.

— Дядя, душа моя, оглянитесь. Видите, тотъ ли это вексель?

Больной открылъ глаза и смотрѣлъ то на нее, то на бумагу.

— Вы говорите, это все, что̀ у васъ есть—да?.. Клянусь же вамъ, что никогда въ жизнь мою не потребую этихъ денегъ. Вы ихъ для вашихъ дѣтей нажили, а я тоже была вамъ дочь... видите?

Она изорвала бумагу въ клочки.

— Видите, дядюшка, будьте-жъ покойны, я сожгу все это.

Она видѣла столько радости и любви въ глазахъ умиравшаго, что бросилась ему на грудь и сладко, легко плакала...

— Господь съ тобой, прошепталъ старикъ, цѣлуя ея свѣжую щеку холодѣвшими губами:—Господь тебя не оставитъ... я это разскажу тамъ твоему отцу. Позови-жъ ихъ...

VIII.

Есть очень избитыя истины, которыя повторяешь поневолѣ, потому что встрѣчаешься съ ними на каждомъ шагу, а стараго знакомаго нельзя не назвать по имени. Таковы, напримѣръ, истины, что въ мірѣ все невѣчно, что печаль сталкивается въ немъ съ радостью, что ни одно горе не проходитъ такъ, чтобъ величія его не возмутило что нибудь, иногда самое ничтожное. Истинно также и то̀, что есть такія сердца, которыя въ минуту самой ужасной печали не могутъ позабыть разныхъ житейскихъ мелочей, сердца̀, которыя хлопочутъ, даже надрываясь отъ слезъ... Обвинять ли ихъ? Мнѣ всегда, глядя на нихъ, вспоминается старинный стихъ:

Къ чему винить меня? вините въ томъ натуру...

Ну, а натуру трудно перемѣнить. Я даже люблю, если она выказывается безъ нарумяненной маски, подъ которую часто стараются ее спрятать. По крайней мѣрѣ я знаю потомъ, какъ взяться за этихъ людей, одинъ разъ показавшихъ мнѣ свое настоящее лицо; знаю, что имъ доступно, что нѣтъ... Я даже обязалъ бы всякаго человѣка нарочно высказаться хоть разъ въ жизни для того, чтобъ другіе знали потомъ, какъ себя поставить въ отношеніи къ этому человѣку...

Все это я говорю къ тому, чтобъ вы знали, что въ день похоронъ Семенъ Сергѣевича у Марьи Ивановны былъ прекрасный обѣдъ и все въ домѣ было, какъ слѣдуетъ въ такихъ обстоятельствахъ, прилично и чинно. На обѣдѣ было полгорода знакомыхъ; Марья Ивановна и ея дочери были въ глубокомъ траурѣ; зеркала были завѣшаны; даже въ гостиной красная бомба дивана и креселъ спряталась подъ бѣлые чехлы. Послѣ стола большая часть присутствовавшихъ, съ чашками кофе въ рукахъ, въ ожиданіи экипажей, занялась перевариваніемъ обѣда; нѣкоторые по угламъ толковали о вакансіи совѣтника, о томъ, кого представятъ, кого назначатъ, о томъ, кто вчера былъ, кто не былъ въ клубѣ, кто проигралъ, кто выигралъ.... По этому случаю, одинъ поджарый господинъ разсказалъ весьма занимательную исторію и слѣдствіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ; и хотя разговоръ и безъ того шелъ тихо, но были слова, на которыхъ и разсказчикъ, и слушатели еще понижали голосъ, посматривая въ уголъ, гдѣ сидѣлъ его превосходительство губернаторъ, утѣшая Марью Ивановну. Молодыя дамы, въ кокетливыхъ чепчикахъ съ бѣлыми лентами, значительно посматривали на мужей, торопя ихъ ѣхать. Госпожа Л. усадила въ уголъ Окольскаго и, казалось, подвергала немилосердому допросу. На диванѣ, молодой архимандритъ молча перебиралъ четки, а г-жа Хлопова говорила ему о покорности судьбѣ, разсказывала свои потери и повторяла въ сотый разъ, что хотя имѣетъ еще другую дочь, но должна считать ее умершею. Расплаканная Anastasie сидѣла спиной къ окну, подлѣ Сашеньки Топилиной, а Митенька Хлоповъ стоялъ передъ ними, размахивая чернымъ креповымъ бантомъ, который онъ навязалъ себѣ, взявшись, по приказанію маменьки, нести подушку съ орденами Семена Сергѣевича.

— Скоро ли, Александра Семеновна, говорилъ онъ:—придетъ время, когда вы навяжете мнѣ бантикъ другого, болѣе пріятнаго цвѣта?...

Какъ видите, все было въ порядкѣ вещей, все такъ, какъ было, есть и будетъ, покуда будутъ на свѣтѣ покойники и... города съ живыми людьми.

Возвратясь изъ церкви, никто не видалъ Анны Михайловны. О ней, можетъ быть, и спрашивали, но этого нельзя было разслышать въ смѣшанныхъ разговорахъ гостей, пѣніи пѣвчихъ и, наконецъ, среди стука приборовъ за столомъ. Извѣстно только, что человѣкъ Окольскаго, держа его шубу и выглядывая въ столовую, спросилъ у стараго буфетчика:

— А гдѣ-жъ ваша четвертая барышня, черненькая?

— А на что тебѣ ее? спросилъ старикъ, который не любилъ, чтобъ непочтительно выражались, говоря объ Аннѣ Михайловнѣ.

— Такъ, посмотрѣть на нее хотѣлось. Нашъ баринъ для нея къ вамъ ѣздитъ.

— Глупъ вашъ баринъ, коли до сихъ поръ по ней съ ума не сошелъ, отвѣчалъ буфетчикъ:—гдѣ ему найти другую такую красавицу, ангела такова?...

— А есть у нея, примѣрно, что нибудь? спросилъ съ достоинствомъ петербургскій служитель.

— Ахъ вы, скареды! У самого триста душъ, а еще спрашиваетъ!... Было вчера, а нынче ничего нѣтъ... Эй, Ванька! поди спроси, не угодно ли кушать барышнѣ...

Анна Михайловна ушла въ свою комнату; что она тамъ дѣлала—никто не зналъ и не заботился знать, кромѣ ея горничной, которая посматривала въ щелку.

Гости разъѣхались. Марья Ивановна ушла отдыхать. Анна Михайловна слышала, какъ рядомъ въ другую комнату пришли три сестры, какъ онѣ плакали, какъ отдавали приказанія дѣвушкамъ, которыя убирали ихъ наряды, наконецъ, какъ онѣ усѣлись всѣ три на одну постель и тихонько разговаривали.

Анна Михайловна хотѣла пойти къ нимъ, но почувствовала, что ей тяжело встать съ постели; она подумала, что полежитъ еще немножко и пойдетъ потомъ и спрятала опять лицо въ подушку.

Она подняла его только, когда ей въ глаза блеснула свѣча, внесенная горничной. Анна Михайловна не видѣла, какъ прошелъ вечеръ; она не знала, спала ли она или нѣтъ, но когда ей сказали, что Марья Ивановна зоветъ ее пить чай, она едва могла подняться.

Болѣзнь всегда непріятна, но когда она приходитъ не во-время, когда въ ней мы не можемъ избѣжать окружающей насъ печали, тогда она невыносима. Анна Михайловна за-

ставила себя встать, даже поправила волосы и медленно дошла до гостиной; но за чайнымъ столомъ она такъ неловко облила себѣ руки горячимъ чаемъ и говорила такой вздоръ, какъ прямо сказала ей Марья Ивановна, что была принуждена воротиться къ себѣ и лечь въ постель.

Марья Ивановна много говорила дочерямъ о твердости духа, о фарсахъ, которые дѣлала госпожа Грашкова, когда у нея умеръ братъ, и потомъ, часа черезъ два, пошла провѣдать Анну Михайловну.

Анна Михайловна лежала въ жару и не могла говорить. Ея вниманіе обратилъ, однако, щелкъ ключа въ ея роялѣ, который Марья Ивановна заперла будто мимоходомъ. Анна Михайловна видѣла, какъ та опустила ключъ въ карманъ, и это произвело какое-то болѣзненное чувство въ ея больномъ умѣ.

Комната этой, всегда изящной, до щепетильности акуратной дѣвушки, была не убрана три дня. Цвѣты на окнахъ не были политы. Pardessus, шляпка, покупки, принесенныя изъ лавокъ утромъ того дня, какъ занемогъ Семенъ Сергѣевичъ, лежали на креслахъ; бюро съ бумагами было открыто: браслеты, серьги, надѣтыя на балъ къ Хлоповымъ, блестѣли на коврѣ; клочки изорваннаго векселя, сжатые въ комокъ, были брошены на столикѣ. Анна Михайловна видѣла, какъ Марья Ивановна взяла ихъ, развернула, сложила по клочкамъ, прочла, потомъ, кусочекъ за кусочкомъ, сожгла на горѣвшей свѣчкѣ...

— «Ахъ дядя!» невольно сказала Анна Михайловна.

— Ты не спишь, Annette?

— Нѣтъ.

— Такъ спи-жъ, коли больна. Что̀ ты смотришь? Такъ глаза разболятся. На что тебѣ огонь.

Свѣча была погашена и Анна Михайловна ужъ не слышала, какъ ушла посѣтительница: она дѣйствительно заснула.

Въ губернскихъ городахъ свято соблюдается долгъ знакомства, и дамы, бывшія наканунѣ на похоронномъ обѣдѣ, а также и небывшія, за слабостью нервъ, на другой день почли обязанностью навѣстить Марью Ивановну, чтобъ сообщить въ другихъ домахъ, какъ она убита, убита!...

Визиты продолжались цѣлый день. Госпожа Л. застала семейство за обѣдомъ и кричала изъ прихожей, разстегивая свою шубу:

— Я безъ церемоніи, безъ церемоніи, я хочу только взглянуть на васъ, моя милая Марья Ивановна, только взглянуть... Вы вѣрите, какъ я къ вамъ привязана... Я даже не снимаю ботинокъ... Мнѣ только поцѣловать вашихъ барышень.

Удивительно было, что г-жа Хлопова не пріѣзжала. Марья Ивановна была ужъ готова обидѣться, когда получила письмо, написанное четкой рукою Anastasie, на цѣломъ листѣ почтовой бумаги, гдѣ было изображено слѣдующее:

«Милостивая государыня,
многоуважаемая Марья Ивановна!

«Родители мои, принимая истинное участіе въ Вашемъ (В. большое) положеніи, поручаютъ мнѣ узнать о состояніи здоровья Вашего (В. вездѣ большое) и Вашихъ любезныхъ дочерей.—Вполнѣ чувствую, сколь всякое напоминаніе о недавней утратѣ горестно для Васъ, но надѣюсь, что Вы извините мою смѣлость безпокоить Васъ, оцѣнивъ чувства истиннаго уваженія и преданности, которыя я питаю къ Вамъ и съ которыми имѣю честь быть»,

«милостивая государыня,
«покорной къ услугамъ Вашимъ
Анастасіей Хлоповой».

«P. S. Братъ мой свидѣтельствуетъ вамъ свое уваженіе, а равно и вашимъ достойнымъ дочерямъ».

Письмо было писано по̀ транспаранту. Я представляю его, какъ образчикъ слога Anastasie и для того, чтобъ вы получили о ней еще болѣе опредѣленное понятіе. Я убѣжденъ, что письмо, даже почеркъ, вполнѣ выражаютъ человѣка.

Марья Ивановна, сохраняя еще немного желчи къ Хлоповымъ, велѣла было отвѣчать Лизанькѣ; но какъ ни одна изъ трехъ сестеръ и всѣ три вмѣстѣ не могли ничего такъ хитро сочинить, то Марья Ивановна отвѣчала сама, и очень чувствительно, на листочкѣ, оторванномъ отъ письма Anastasie.

Аннѣ Михайловнѣ было лучше, но она не выходила изъ своей комнаты. Подъ вечеръ привели къ ней доктора, который заѣхалъ навѣстить ихъ, но Анна Михайловна такъ неохотно приняла его услуги, что Марья Ивановна увела его опять и усадила въ гостиной, куда къ нимъ не замедлила присоединиться Наталья Семеновна Деревская.

Это была дама среднихъ лѣтъ, средняго роста, средней полноты, одѣвавшаяся всегда очень щеголевато, хотя и съ сильнымъ употребленіемъ бронзовыхъ брошекъ, браслетовъ и клейнодовъ на всѣхъ десяти паль-

цахъ, что сіяло на ней и теперь, даже при ея черномъ платьѣ изъ муаре̂ въ двѣ оборки. Чепчикъ ея былъ съ самыми нѣжными перловыми лентами и съ бантиками на маковкѣ. Голосъ ея всегда выражалъ небольшую небрежность къ рѣчи собесѣдника, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, для приданія ему выразительности, она съ особеннымъ удареніемъ произносила нѣкоторыя слова. Не говоря ни на одномъ иностранномъ языкѣ, она, казалось, понимала ихъ всѣ: почему неосторожный, сказавъ при ней что нибудь въ сторону, бывалъ жестоко сконфуженъ, встрѣтивъ ея спокойный и небрежный взоръ. Это была единственная дама въ городѣ N*, о которой не говорили, или если говорили, то для того, чтобъ похвалить ея чепчикъ, соболѣзновать о ея несчастіяхъ и повторять то, что она сказала, потому что судъ ея и воззрѣніе на вещи почитались неопровержимыми. Когда и какъ Наталья Семеновна заслужила такое довѣріе и непогрѣшимость — неизвѣстно, но дамы почитали ея дружбу за честь, старички, любезничая, пожимали ей ручки, молодые люди не заботились о ея существованіи, а дѣвушки старались ей нравиться.

Она сидѣла, поджавъ ножки на диванѣ, слушая молодого доктора, который съ жаромъ разсказывалъ свою теорію приложенія сѣрнаго эѳира къ леченію душевныхъ болѣзней, не заботясь, что дамы его не много понимали, и что Марья Ивановна давно взглядомъ удалила дочерей. Докторъ былъ въ половинѣ исчисленія опытовъ всѣхъ великихъ собакоубійцъ, когда Наталья Семеновна прервала его, обращаясь къ Марьѣ Ивановнѣ:

— Сегодня моей Жужушкѣ ногу перешибли на улицѣ. Мальчишки прямо на тротуарѣ пускаютъ кубари, собакъ бьютъ—такіе негодяи! Не понимаю, чего смотритъ полиціймейстеръ?

— Фурнье-Дешанъ полагаетъ... продолжалъ юный докторъ.

— Да, сказала Марья Ивановна. — А какой нынче морозъ ужасный! слышите, визгъ отъ него какой?

— Вы часто бываете у полицмейстерши? спросила гостья, обращаясь къ доктору и слегка сжимая свои тоненькія губы.

— Я ихъ годовой докторъ, отвѣчалъ онъ, вынимая изъ шляпы пару перчатокъ цвѣта chamois, свѣжести и тонкости неукоризненной.

— Полицмейстерша милая женщина.

— Очень, сказала хозяйка.

— Да... но, знаете, молода, годъ замужемъ, все жила въ деревнѣ. Ахъ, какъ трудно въ наше время поставить себя въ обществѣ! У нея часто вырываются наивности, а этимъ нынче всякій пользуется. Конечно, мужъ, можно сказать, человѣкъ недалекій, но общество замѣчаетъ... Напримѣръ, на вечерѣ у Хлоповыхъ я играю въ карты; онъ со мной въ партіи; его вызвали, онъ позвалъ ее сыграть, чтобъ не прерывать партіи. Она сѣла, разроняла перчатки; молодые люди поднимаютъ, наклоняются къ ней, учатъ...

Докторъ между тѣмъ натянулъ послѣдній палецъ своихъ перчатокъ.

— Я говорю ей, смѣюсь, конечно: «Что̀-жъ, Лизавета Александровна, мы играемъ даже больше нежели впятеромъ...»

Докторъ всталъ и расшаркивался.

Марья Ивановна поднялась съ трудомъ.

— А ужъ вы идете?.. Не забывайте-жъ насъ: у меня больная, я сама такъ разстроена.

— Если позволите, я зайду узнать объ Аннѣ Михайловнѣ, отвѣчалъ онъ и проскользнулъ въ дверь.

Гостья проводила его яркимъ взоромъ, и когда докторъ исчезъ, она обратилась къ хозяйкѣ, какъ будто ужъ совершенно забыла о немъ, потому что сказала все, что слѣдовало.

— Въ которомъ часу вы ложитесь, Марья Ивановна? пожалуйста не церемоньтесь; я такъ и велю пріѣхать за собою, чтобъ вамъ безъ женировки.

— Ахъ, моя достойная Наталья Семеновна! я, Богъ знаетъ, когда засыпаю, и чѣмъ вы долѣе у насъ, тѣмъ лучше. Да и мои барышни тоже... Барышни, подите-жъ сюда!

Лизанька, Катенька и Сашенька явились, поцѣловали немножко Наталью Семеновну и усѣлись около столика съ какимъ-то вязаньемъ.

Марья Ивановна поплакала, глядя на нихъ.

Гостья молчала.

Наталья Семеновна первая прервала молчаніе, замѣтивъ будто про себя, гляда на дѣвицъ:

— Вотъ и для нихъ настало время трудиться!

— Ихъ состояніе не перемѣнилось, отвѣчала Марья Ивановна, тоже будто про себя, но довольно поспѣшно и отирая слезы: — чего онѣ лишились, чтобъ имъ трудиться? какой нибудь тысячи цѣлковыхъ въ годъ... Нѣтъ, Наталья Семеновна, мужъ оста-

вилъ всѣ свои дѣла въ такомъ порядкѣ, слава Богу!

— Я очень рада за васъ, другъ мой Марья Ивановна, вы знаете, какое я принимаю въ васъ участіе... Скажите откровенно, какъ велико ваше состояніе?

— До восьмидесяти тысячъ.

— Капитала?

— Да.

— Кромѣ дома?

— Кромѣ дома.

— Деньги въ ломбардѣ?

— Нѣтъ, по рукамъ. Мы жили жалованьемъ мужа и даже не тратили всѣхъ процентовъ.

— А!.. это прекрасно.

Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ и опять его прервала гостья:

— Я хотѣла съ вами откровенно поговорить, Марья Ивановна. Мы другъ друга знаемъ и вы мое расположеніе поймете... Были у васъ сегодня Хлоповы?

— Нѣтъ. Записку прислали.

— Я такъ и знала. Мнѣ бы съ вами нужно было наединѣ поговорить.

— Подите къ себѣ, барышни, да узнайте, былъ ли Иванъ Алексѣичъ у Аннеты.

— Былъ, маменька.

— Странная ваша Анна Михайловна... извините меня, Марья Ивановна, сказала гостья, пока дѣвушки убирали свою работу:— у себя въ комнатѣ принимаетъ молодыхъ людей... Право, это я вамъ говорю по дружбѣ; вы сами посудите, какая мнѣ надобность? Но ужъ она держитъ себя такъ свободно, я думаю, что вамъ самимъ иногда неловко...

— Да... проговорила Марья Ивановна:— но вы что-то хотѣли сказать...

— Да, тутъ и объ Аннѣ Михайловнѣ, даже главное о ней. Видите ли, Митенькѣ Хлопову очень нравится ваша Лиза...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Чрезвычайно. Вы знаете, какое это достойное семейство. Онъ такой добрый, прекрасный мальчикъ...

— О, конечно, конечно!

— А Настасья Григорьевна? я просто отъ нея въ восхищеніи, это такая дѣвушка, что, просто... я ужъ и не знаю что... такъ ласкова, такъ умна...

— Да, да, конечно, такое счастье... Такъ вы говорите...

— Онъ отъ Лизаньки съ ума сошелъ... Вы извините, я ее такъ называю...

— О, сдѣлайте одолженіе!

— Ну, молодой мальчикъ... Даже до чего, говоритъ отцу: «Я, папенька, застрѣлюсь...»

— Ахъ, скажите!..Да когда-жъ онъ успѣлъ влюбиться?

— Вотъ, узнайте ихъ, молодежь эту! Онъ у васъ былъ съ визитомъ, потомъ у Енихиныхъ вечеромъ, да у себя на балѣ... Вообразите, онъ на балѣ даже хотѣлъ объясниться...

— Право?

— Затѣмъ ее и на мазурку звалъ. Но тутъ—вы помните—вышла непріятность съ Окольскимъ?

— Да, Лиза мнѣ говорила. Окольскій ему сказалъ что-то, какъ шли ужинать.

— Да, какъ шли ужинать. Но знаете ли кто натолкнулъ Окольскаго на эти дерзости? Ваша Анна Михайловна.

— Что вы?!

— Да-съ, она. Вы меня извините, Марья Ивановна, я такъ не люблю мѣшаться въ эти сплетни, и еслибъ единственно не дружба къ вамъ, я бы ничего не сказала, рѣшительно ничего не сказала... Но тутъ, это ужъ такой черный поступокъ...

— Что-жъ такое, Наталья Семеновна?

— Это тотчасъ видно, Марья Ивановна, какъ вы воспитаны и какъ вы вашихъ дѣтей воспитали—вы о кокетствѣ понятія не имѣете. Развѣ вы не замѣтили, что Анна Михайловна старалась отвлечь Митеньку отъ Лизы?

— Какъ же это, Наталья Семеновна, гдѣ-жъ? Когда онъ у насъ былъ, она не вышла, у Енихиныхъ она не была.

— Да-съ, а почемъ вы знаете, гдѣ она могла его видѣть? Такая дѣвица—вы меня извините—что̀ ей стоитъ назначить свиданье въ другомъ домѣ?

— Ахъ, что вы говорите!..

— Конечно. И зависть къ тому-жъ присоединилась. Лиза хорошенькая, съ состояніемъ... ну, чѣмъ же ей взять преферансъ? она и кокетничаетъ. Хлоповъ богатый женихъ, а ей, кажется, двадцать-восьмой годъ, и она такъ, по-моему, дурна...

— Послушайте, Наталья Семеновна, я вамъ скажу, какъ другу, да вы и сами могли замѣтить. Аннетѣ нравится Окольскій...

Гостья вдругъ засмѣялась: смѣхъ ея переходилъ изъ насмѣшливаго въ презрительный, въ гордый, наконецъ въ отчаянный.

— Другъ мой, что вы мнѣ говорите объ Окольскомъ! Гдѣ были ваши глаза? Окольскій... да только щадя васъ не хотѣли этого показывать... Они...

Тутъ гостья нагнулась и сказала что-то на ухо хозяйкѣ.

— Быть не можетъ!..

— Помилуйте! въ чужихъ домахъ цѣлуются!.. Спросите Марью Николавну, Александру Ивановну, Наташу—всѣ видѣли, да она и сама не скромничаетъ, сознается... Вы теперь понимаете, изъ чего была исторія у Хлопова съ Окольскимъ? Она весь балъ кокетничала съ Митенькой, Окольскій приревновалъ...

— Быть не можетъ, быть не можетъ! повторила Марья Ивановна.

— Другъ мой, убѣждены ли вы въ моемъ расположеніи къ вамъ, убѣждены ли вы въ моей искренности, въ искренности моей? Посудите сами, что-жъ мнѣ васъ огорчать напрасно? Вы знаете мои правила, наконецъ... Я бы не допустила клеветать на знакомую мнѣ дѣвушку, на близкую, можно сказать. Но Марья Николавна и Александра Ивановна, и Наташа — всѣ слышали... видѣли какъ онъ цѣловалъ, въ слезахъ ее застали...

— Когда-жъ это было? спросила Марья Ивановна больше съ гнѣвомъ, нежели съ печалью.

— На другой день Хлоповскаго бала она ему назначила свиданіе поутру у Марьи Николавны...

— Въ тотъ день какъ Семенъ Сергѣичъ умеръ!

— То-то и есть, вотъ извольте! она ходила будто въ городъ, а явилась у Марьи Николавны и досидѣлась, покуда онъ пріѣхалъ. Да ваши люди, Марья Ивановна, должны все это знать; за ней сани туда пріѣхали...

— Это я узнаю, узнаю, говорила Марья Ивановна, сильно волнуясь:—правда ваша, тутъ должно быть что нибудь... Что еще тамъ было?

— Марья Николавна и Наташа ушли одѣваться, Александра Ивановна нарочно ушла, чтобъ имъ не мѣшать. Знаете, дверь-то шкапчикомъ, такъ всего не слышно. Только шелъ сначала очень крупный разговоръ; она плакала, просила у него прощенія. Онъ говорилъ ей: «ваше кокетство...» Еще какъ сказалъ: «твое кокетство»—видите у нихъ до чего!.. «Твое кокетство довело меня до дуэли». Она пуще въ слезы, ну, и объятія. Тѣ вошли и застали — онъ у нея ручку цѣлуетъ.

— Ахъ ты, Боже мой! вскричала Марья Ивановна: — вотъ чего недоставало! Вѣдь я несчастнѣйшая на свѣтѣ! Возись теперь съ нею!...

— Успокойтесь, душа моя, выслушайте, что еще онъ самъ сказалъ... Но я не въ состояніи... нѣтъ, ужъ пусть кто хочетъ говоритъ...

— Нѣтъ, моя родная, говорите, говорите!

— Красавица-то наша уѣхала, онъ остался обѣдать и ужъ тàкъ вралъ... такъ вралъ, ну просто... Право, онъ хвалится своей побѣдой! Александра Ивановна его спросила ужъ прямо: «Такъ вы на ней жениться намѣрены?» А онъ только хохочетъ!

— Господи! вскричала Марья Ивановна:— и такой скандалъ у меня въ домѣ, мужъ только умеръ, дочери невѣсты!...

— Да, Марья Ивановна, главное то, что дочери. Теперь какое разстройство будетъ отъ этого съ Хлоповыми. Митенька свататься хочетъ за вашу Лизу, ну, а отецъ и мать вчера узнали...

— Какъ, ужъ и узнали?

— Узнали, другъ мой! вчера отъ васъ воротились... И это все Грашкова — какое ей дѣло? Хочетъ, видно, свою Надину спихнуть!.. Грашкова сѣла въ карету къ Александрѣ Петровнѣ Хлоповой, да всю дорогу ей и пѣла, и пѣла. Александра Петровна какъ только пріѣхала домой, раздѣлась, блузу надѣла, вышла въ гостиную—такъ и въ обморокъ!... Это у нея хроническое. Иванъ Алексѣевичъ ее лечитъ — вотъ дуракъ-то!.. Грашкова тутъ была: ноги ей третъ, ухаживаетъ, а оттуда ко мнѣ, и разсказала. Я говорю: «Что вы сдѣлали? можно ли разсказывать такія вещи?» И знаете, такъ ее отдѣлала. «Это, говорю, вы о своихъ интересахъ хлопочете!..» Я, вѣдь, никому не подарю, я люблю правду. Она была у васъ сегодня?

— Была.

— Вотъ! А вчера говоритъ: «Послѣ такой гадкой исторіи, у кого есть дочери, нельзя къ Марьѣ Ивановнѣ въ домъ ѣздить». Я ей сказала: «Матушка, не безпокойтесь; стоитъ кличъ кликнуть, такъ картежницъ не оберешься...» А она мнѣ со святой двухъ цѣлковыхъ долгу заплатить не можетъ.

— Что-жъ Хлоповы, другъ мой, какъ же они о Лизанкѣ?

— Я къ нимъ тотчасъ поѣхала, только эту сплетницу спровадила. Застаю весь домъ въ ражѣ. Митенька ходитъ по залѣ, трубку куритъ, отецъ въ гостиной сидитъ; онъ съ нимъ переговаривается. «Я, говоритъ, папенька, застрѣлюсь, потому что я въ Петербургѣ былъ, въ Польшѣ былъ и нигдѣ такой не видалъ». Я говорю Григорію Иванычу: «Что мучить молодого человѣка?» Отецъ вскочилъ, да какъ вскрикнетъ... и на меня, мой другъ, на меня!.. «Да у нея нѣтъ ничего!» и пошелъ, и пошелъ!

— Какъ, онъ ушелъ?

— Нѣтъ, я ушла. Думаю, Александра Петровна благоразумнѣе. Иду къ ней въ спальню. Она въ постели; Настасья Григорьевна на колѣняхъ. Мать ей говоритъ: «Ты, можетъ быть, въ послѣдній разъ говоришь съ своею матерью — вотъ вы всѣ каковы, дочери! Я знаю, я предчувствую, что и ты со мной то же сдѣлаешь, у тебя на лицѣ написано преступленіе!» Ну, знаете, въ изступленіи. Оно и простительно, кто имѣетъ такія правила, кто такъ чтитъ нравственность, того это ошеломитъ. Я говорю: «Александра Петровна, успокойтесь, войдите въ себя: ваша дочь образецъ всѣмъ дочерямъ.» Она и слышать не хочетъ! Настасья Григорьевна, на бѣду, еще брала какую-то книгу у вашей-то... Александра Петровна нашла ее за кроватью. Вообразите, какія низости: это все та научаетъ. Я стала говорить о васъ, о Лизѣ... «Нѣтъ, говоритъ, чтобъ мой сынъ взялъ себѣ подругу жизни изъ семейства, гдѣ воспитали аспида, женился на такой дѣвушкѣ, которая съ этимъ аспидомъ за однимъ столомъ сидѣла...Нѣтъ, этому не быть!..» Вдругъ Митенька бѣжитъ прямо къ ней...

— На колѣни?

— Нѣтъ,стоитъ.«Я, маменька, на Кавказъ пойду; тамъ, говоритъ, двойное жалованье...» Какая мысль-то! «Я, говоритъ, тамъ убью себя, я тамъ къ черкесамъ пойду; вы меня, маменька, жизни лишаете... Тутъ ужъ такая была сцена... всего не перескажешь. Настасья Григорьевна какъ упала на коверъ лицомъ, такъ и лежитъ, рыдаетъ... Я сама измучилась. Насилу могла ихъ успокоить. Митенька такой характерный, сталъ у окна, куритъ трубку; ужъ Настасья Григорьевна его подвела къ матери. Александра Петровна только и твердитъ: «Еслибъ не было у нихъ этого чудовища!..»

— Господи, что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать? говорила въ отчаяніи Марья Ивановна.

— Другъ мой, знаете, они мнѣ мысль подали... Я, даже не говоря вамъ, дала имъ почувствовать, что это, можетъ быть, такъ... Вѣдь вы знаете, какъ я васъ люблю.

Начались объятія.

— Видите ли что. Если эта дѣвочка... вы мнѣ позвольте ее такъ назвать... если она у васъ въ домѣ останется, ни Лизанькѣ, никому изъ вашихъ дочерей замужъ не выйти — это навѣрное. Сами вы будете оставлены, а если и будутъ къ вамъ пріѣзжать, то мужчины одни, для нея, или чтобъ надъ вами же посмѣяться. Сами вы знаете, какое это положеніе...

— О, матушка, очень знаю, да я до этого не допущу; я ей брошу ея деньги и пусть она идетъ куда хочетъ...

— Вотъ и прекрасно! Есть у нея состояніе?

Марья Ивановна замялась.

— Есть деревенька отсюда недалеко, верстъ тридцать.

— Ну, пусть и живетъ себѣ въ своемъ зàмкѣ, и веселится, и принимаетъ кого хочетъ, лишь бы съ глазъ долой; вы за нее не отвѣчаете: благодаря Бога, тридцать лѣтъ дѣвкѣ... И еще деньги у нея есть — вы сейчасъ сказали.

— Такъ, счеты свои, Наталья Семеновна; жили вмѣстѣ четыре года...

— Конечно... а она вамъ чѣмъ отплатила? Неблагодарная она, неблагодарная, можно сказать змѣя! Что ей сдѣлали эти бѣдненькія дѣвочки, ваши дочери? бѣдняжки, за что она ихъ погубила?

Марья Ивановна вспрянула, какъ львица. Впрочемъ, дѣйствительно, положеніе ея было непріятно.

Она принялась изъ всѣхъ силъ звонить въ колокольчикъ, купленный поутру — нововведеніе, къ которому еще не успѣли привыкнуть сѣдой буфетчикъ и сѣрый пажъ, Ванька. Наконецъ послѣдній прибѣжалъ съ просонья.

— Что васъ не дозовешься! вскричала Марья Ивановна, еще потрясая колокольчикомъ: — оглохли вы? я цѣлый часъ звоню!.. Гдѣ Онисимъ?

— Нѣту-съ дома, отвѣчалъ пажъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Гдѣ-жъ онъ?

— Барышня послала.

— Какая барышня, соня?

— Анна Михайловна-съ.

— Куда еще?

— Въ аптеку-съ.

— Видно, безъ васъ, увѣщанія молодого доктора показались дѣйствительнѣе, замѣтила гостья, вставляя словечко и въ эту перестрѣлку между пажемъ и госпожею.

— Должно быть такъ!.. Ступай позови-ко мнѣ Анну Михайловну.

Анна Михайловна слышала всю эту суматоху и даже испугалась, когда пажъ бѣгомъ влетѣлъ къ ней въ комнату съ приглашеніемъ отъ Марьи Ивановны.

— Сейчасъ, сказала она:—есть у нея гости?

— Наталья Семеновна.

Анна Михайловна оправляла свой нарядъ, когда явилась горничная съ вторичнымъ зовомъ.

«Что такое случилось?» подумала про себя дѣвушка, бывшая всегда врагомъ подобныхъ суматохъ.

Входя поспѣшно въ гостиную, она встрѣтилась съ Марьей Ивановной, которая готова была сама идти къ ней.

— Что вы, сударыня, ужъ и пожаловать не хотите?

— Что вамъ угодно?

— Что мнѣ угодно? то, сударыня, что вы меня опозорили, одурачили, что вы неблагодарная, что вы кокетка, что вы себя на весь свѣтъ осрамили, что вы наругались надъ покойникомъ, моимъ мужемъ, вашимъ дядей...

— Что съ вами?

— Вашъ дядя, вашъ отецъ изъ гроба встанутъ, проклянутъ васъ...

— Помилуйте, образумьтесь, что вы говорите?

— Я, сударыня, не съумасшедшая!

— Извините, мнѣ это показалось!..

— Слышите, слышите, она еще смѣетъ мнѣ говоритъ... Да кто вы, сударыня, какое право вы имѣете?.. Еслибъ въ васъ чувство было, вы бы въ ногахъ у меня валялись, вы бы тутъ умерли со стыда...

— Наконецъ, что-жъ я сдѣлала?

— Вы хотите знать это?

— Хочу.

— Вы не знаете?

— Не знаю.

— Вы спрашиваете?

— Спрашиваю, отвѣчайте! вскричала Анна Михайловна, ударивъ рукой по спинкѣ кресла; оскорбленія вывели ее изъ себя.

— Вы, сударыня, слишкомъ коротки съ Окольскимъ.

Анна Михайловна пошатнулась и удержалась за кресло.

— А! вы не знали, не чувствовали этого за собою? не подозрѣвали? невинность какая!..

— Это вы разсказываете? спросила Анна Михайловна, подходя къ гостьѣ, которая, при всей силѣ своего характера, стала ни жива, ни мертва, взглянувъ на блѣдное лицо и сверкающіе глаза дѣвушки: — вы это сплетничаете?

— Кто-жъ бы мнѣ сказалъ, еслибъ не добрые люди? кричала Марья Ивановна.

— Не знаю, какъ это называется на вашемъ языкѣ, продолжала Анна Михайловна, задыхаясь и обращаясь къ гостьѣ:—не знаю, какъ назвать за это женщину...

— Увольте меня, Марья Ивановна, сказала гостья, вставая съ дивана.

— Матушка, мы знаемъ, что вы умѣете браниться! Я въ четыре года наслушалась, мужъ мой умеръ, вспоминая вашъ язычокъ...

— Сдѣлайте милость, сказала Анна Михайловна, чувствуя, что ноги ея подкашивались:—скажите скорѣе, чего вы отъ меня хотите? Я вижу, что мнѣ оправдываться нечего; я васъ опозорила... мой позоръ—вы вѣрно боитесь—падетъ на вашихъ дѣтей?

— Догадались. Какъ вы догадливы!

— Сдѣлайте милость, только не смѣйтесь!...

— Пожалуйста въ обморокъ не падайте, я знаю, вы на все мастерица, не разыгрывайте мнѣ драмъ слезныхъ. Съ меня довольно.

— Я знаю, что довольно, сказала внѣ себя Анна Михайловна:—оправдываться нечего, вы не можете ничего понять, не хотите ничему вѣрить... меня можетъ оправдать одинъ Окольскій...

— Что-жъ, не прикажете ли послать къ вашему любезному?

— Тетушка, Богъ выше насъ; что вы Ему скажете?

— Матушка, безъ экстазъ, безъ комедій!

— Я и не хочу разыгрывать комедій... эту я сейчасъ кончу. Я не хочу оставаться въ домѣ, который я безславлю собою... позвольте мнѣ уѣхать.

— Сдѣлайте милость!

— Сегодня-жъ?

— Хоть сію секунду!

— Я такъ и сдѣлаю... Позвольте! пустите меня!

И она сдѣлала шагъ къ дверямъ.

— Куда-жъ, матушка, въ одномъ платьѣ на улицу?

— Я не безумная, сказала Анна Михайловна, остановясь въ дверяхъ:—и понимаю приличія... Скажутъ, что я уѣхала отъ васъ, но меня не выгнали.

— Такъ вы совсѣмъ соберетесь?

— Что могу взять съ собою, конечно, возьму.

— А библіотека ваша, рояль вашъ?

— Я пришлю за ними.

Анна Михайловна сама не знала, какъ дошла до своей комнаты и упала на постель. Она ничего не понимала, ничего не чувствовала, ничего не помнила. Около часа прошло въ такомъ положеніи. Она встала, вспомнила, что ей надо собраться. Ей было совѣстно отворить дверь, чтобъ позвать горничную, и она была истинно облегчена, когда та прибѣжала на ея голосъ съ самою искреннею готовностью.

Въ домѣ всѣ и все знали. Горничная спросила безъ прелюдій:

— Прикажете привести сани?

— Да.

— Куда-жъ вы поѣдете, барышня?

Анна Михайловна тутъ только сообразила весь ужасъ своего положенія. Ей оставалось ночевать на улицѣ.

Въ это время въ залѣ раздавался голосъ Марьи Ивановны, которая бранила буфетчика Онисима, возвратившагося изъ аптеки, за то, что онъ бѣгаетъ Богъ знаетъ гдѣ, Богъ знаетъ для кого.

Воспоминаніе приходитъ иногда какъ-то странно. Анна Михайловна вдругъ вспомнила, что, назадъ дней пять, вечеромъ, Семенъ Сергѣевичъ толковалъ въ залѣ съ одной старухой, матерью столоначальника, служившаго у него въ палатѣ, и слѣдствіемъ этого воспоминанія была записка:

«Милая Татьяна Борисовна, вы говорили, что у васъ наверху есть маленькая теплая комната и что вы отдаете ее въ наймы. Я ее нанимаю и сейчасъ же переѣзжаю къ вамъ; а если вамъ нельзя будетъ помѣстить меня тотчасъ же въ моей комнатѣ, то я могу ночевать и внизу, съ вами. До свиданія.

А. Т.»

Эту записку она поручила отнести пажу. Марья Ивановна поймала его на дорогѣ.

— Вѣрно къ monsieur Окольскому? спросила гостья, думая, вѣроятно, что говоритъ по-французски, когда сказала «monsieur» при Ванькѣ.

— Non, mais, c'est encore... еще лучше! У этой старой дуры есть сынъ молодой человѣкъ, и живетъ съ нею, здѣсь, въ слободѣ.

— Что-жъ выборъ недуренъ!

И часа два обѣ пріятельницы безпрестанно спрашивали то лакея, то дѣвку: «уѣхала?» пока получили удовлетворительное: «да-съ».

Было 11 часовъ вечера. Въ продолженіе всей исторіи три сестры прятались по уголкамъ, такъ что ихъ не было слышно, какъ это всегда водится.

IX.

Исторія Анны Михайловны отозвалась на другой день только между людьми, способными ей сочувствовать и понять ее.

Почтенная старая дѣва въ голубомъ пальто, съ оранжевой бархатной оторочкой, разсказала рано поутру почтенной вдовѣ въ чепцѣ съ желтыми лентами, что къ Татьянѣ Борисовнѣ Петровой въ ночь пріѣхала барышня; а какъ наверху комната была нетоплена, то сынъ Татьяны Борисовны уходилъ ночевать къ товарищу.

Товарищъ, въ 9 часовъ утра, перебѣляя черновой отпускъ въ губернскомъ правленіи, разсказывалъ подъ шумокъ, въ своемъ столѣ, что у Петрова поселилась какая-то княжна, и что у нея глазки—я вамъ скажу!..

Въ 11 часовъ Надина Гра́шкова заказывала себѣ pardessus у московской мастерицы Щелкуновой, и московская мастерица сказала ей съ многозначительной улыбкой: «Вамъ вѣрно такимъ фасономъ не угодно; мы такой пурдесе для Анны Михайловны дѣлали...»

Въ два часа госпожа Л. бѣсилась на Окольскаго, который, докуривая третью папиросу у ея камина, никакъ не хотѣлъ понять ея намековъ на печальную исторію Клариссы, прочитанную ею недавно въ новомъ изящномъ переводѣ...

Въ три часа, за обѣдомъ, Александра Петровна Хлопова воскликнула, что судьбы неисповѣдимы и что наказаніе неминуемо слѣдуетъ за преступленіемъ...

Вечеромъ былъ у кого-то балъ. Три дѣвицы хотѣли поразить Окольскаго; онѣ подошли къ нему въ мазуркѣ и назвались: любовь, равнодушіе и сожалѣніе!..

И много было тому подобнаго, только шума не было.

Если спросятъ, что дѣлала и что чувствовала Анна Михайловна—разсказать будетъ очень трудно. Я могъ бы, руководствуясь примѣромъ многихъ, представить дневникъ моей героини, но она не вела дневника никогда, тѣмъ болѣе теперь было некогда; какъ особа всегда занятая и полно чувствующая, она не любила изливать свои чувства на бумагу...

Ея рояль и книги были привезены къ ней; занятія у нея было довольно. Одна, безъ горничной и всякой посторонней помощи, убирала она свою крошечную комнату. Обстоятельства торопили ее; надо было браться за все и тотчасъ. Горе, которое такъ внезапно обрушилось на нее, поразило ее, и хотя Анна Михайловна чувствовала, что нельзя ей жить такъ, но не имѣла еще ни силы, ни соображенія рѣшиться на что нибудь другое.

У нея оставалась деревенька, верстахъ въ тридцати: послѣднее наслѣдство отца, но въ ней жилъ управитель Марьи Ивановны; чтобъ ѣхать туда и поселиться во флигелѣ, который онъ занималъ, надо было прежде написать и отказать ему, и хоть какъ нибудь почистить этотъ флигель. Анна Михайловна была избалована.

А главное, она почти не вставала съ по-

стели, и Татьяна Борисовна, по вечерамъ отпаивая ее малиной, всегда приговаривала:— «Куда вамъ ѣхать, моя красавица! Видите, какъ вы слабы еще!»

Такъ прошло дня четыре.

Въ теченіе этого времени къ Аннѣ Михайловнѣ приходили люди изъ дома тетки провѣдать барышню. Конечно, эти визиты были довольно затруднительны для особы, знавшей себя правою и казавшейся правою своимъ посѣтителямъ; надо было довольно твердости, чтобъ не допустить выраженіямъ любви къ себѣ — перейти въ выраженія совершенно противоположнаго чувства къ Марьѣ Ивановнѣ. Дочери ея прислали записку потихоньку отъ матери; это былъ великій подвигъ и Анна Михайловна умѣла оцѣнить его. Она отвѣчала тоже запиской, благодарила за память и вопросы о здоровьѣ, но просила не писать къ ней больше, потому что если мать узнаетъ, это раздражитъ ее, и она разсердится на нихъ и на нее еще больше.

Наконецъ явилось письмо отъ Марьи Ивановны въ огромномъ пакетѣ, съ огромною печатью. Оно было писано по-французски, какъ водится въ важныхъ случаяхъ, и въ немъ заключался вопросъ: «какъ намѣрена Анна Михайловна поступить въ отношеніи векселя, который Марья Ивановна, въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, принуждена была дать ей, и который, кажется, находится у Анны Михайловны? А если векселя нѣтъ и Анна Михайловна намѣрена объявить, что онъ утраченъ (на нумера и числа у Анны Михайловны память прекрасная), то чтобъ Анна Михайловна сдѣлала одолженіе, предупредила Марью Ивановну, дабы она могла принять свои мѣры...»

Анна Михайловна два раза перечитала это письмо, чтобъ хорошенько понять въ чемъ дѣло.

Было бы смѣшно и странно утверждать, что она была лишена всѣхъ человѣческихъ слабостей, что ее не оскорбляло злое мнѣніе людей, которыхъ внутренно она нисколько не считала выше себя. Она была такъ благородна и невинна, что была въ правѣ считать себя неприкосновенною для клеветы: виновата ли она, если дѣйствительно считала себя неприкосновенной? Клевета оскорбила, поразила ее, но дѣвушка никакъ не думала, чтобъ ей оставили въ отмщеніе денежный разсчетъ, чтобъ чрезъ деньги она могла быть болѣе или менѣе виновата...

Перечитавъ это письмо, она нашла, что всѣ обвиненія въ гадкой, постыдной исторіи были легче его... Тутъ не щадили ея самаго святого чувства — любви къ бѣдному старику, который, умирая, говорилъ, что любилъ, что любитъ ее больше дочерей. Она горько плакала надъ этимъ письмомъ. Татьяна Борисовна, которая ходила за ней, какъ за ребенкомъ, боясь, чтобъ ее еще какъ нибудь не обидѣли, выглянула къ ней въ двери и спросила:

— Что, мой ангелъ, не къ себѣ ли васъ зовутъ?

Анна Михайловна вскричала, рыдая:

— О, нѣтъ, ужъ теперь никогда, никогда!..

Она сѣла отвѣчать. Она рѣшилась отъ всего отказаться, не для того, чтобъ доказать, что она лучше ихъ, этихъ людей, не для того, чтобъ поразить ихъ своимъ благородствомъ, но ей пришелъ на память умиравшій старикъ, который обѣщалъ не забыть ея на томъ свѣтѣ...

Она отвѣчала очень коротко:

— «Сколько я помню, я никогда не получала ни отъ кого никакихъ заемныхъ писемъ и векселей. Если по какому-нибудь случаю это надобно объяснить офиціально, то прошу васъ сохранить это письмо, какъ доказательство».

Анна Михайловна отвѣчала по-русски: письмо ея могло служить документомъ.

На другой день ей прислали въ узлѣ нѣсколько ея бальныхъ платьевъ...

Часто бываетъ трудно разъяснить, какъ и отчего что̀ дѣлается на свѣтѣ. Есть книги, гдѣ исчислены всѣ мелкія причины великихъ бѣдствій: есть басня на великое, разрѣшившаяся ничѣмъ. Насмотрѣвшись на губернскую жизнь, рѣшаясь записать нѣсколько подслушанныхъ рѣчей, вижу, что и тутъ надо разыскать, какъ и для чего что дѣлается...

А Богъ знаетъ для чего! чье нибудь самолюбіе затронуто—иногда нечаянно, иногда съ умысломъ—и самолюбіе отплачиваетъ за обиду маленькой невинной сплетней, которая, неизвѣстно какъ, подъ-конецъ выростаетъ до размѣровъ баснословныхъ.

Я не люблю напрасно утруждать мой разумъ, и потому никогда не вглядываюсь въ характеры людей, въ которыхъ мнѣ нѣтъ и не предвидится надобности. Потому, встрѣчая Анну Михайловну на вечерахъ, въ церквахъ, на улицѣ, заставая ее дома у дяди, я не занимался разборомъ, что въ ней особеннаго, отличительнаго отъ другихъ, хотя и замѣчалъ, что было что-то особенное. Когда

мнѣ случалось слышать, какъ о ней судили другіе, я выводилъ изъ этихъ сужденій, что дѣвицы вообще любили ее, но ни одна не смѣла любить ее при своей тетенькѣ или маменькѣ, и ни одна не смѣла защищать, если тетенька или маменька ее осуждала. Молодые люди восхищались ея любезностью, не позволяли себѣ никогда ни малѣйшей насмѣшки надъ нею, но влюбленъ въ нее не былъ ни одинъ, хотя всякій, кто зналъ ее короче, не желалъ лучшей сестры, а своему другу лучшей жены. Пожилые господа говорили, что это дѣвушка съ головою, но нравиться не можетъ именно по этому случаю. Дамы всѣ вообще терпѣть ея не могли.

Живя въ домѣ дяди и тетки, Анна Михайловна поставила себя такъ, что, казалось, зависѣла только отъ дяди. Она раздѣляла всѣ его мнѣнія, одобряла его привычки, поддерживала его, когда дѣло шло о избавленіи отъ какихъ нибудь пустыхъ хлопотъ или излишняго расхода, вмѣстѣ съ нимъ сердилась за сплетни, вообще подкрѣпляла его въ маленькихъ домашнихъ непріятностяхъ. Изъ этого заключили и рѣшили, что она съ намѣреніемъ удаляется изъ дамскаго круга и любитъ больше мужское общество; ея непринужденность назвали дерзостью, всегдашнюю привѣтливость—кокетствомъ, равнодушіе въ отношеніи къ злому, неправедному крику свѣта—отчаянностью старой дѣвы, для которой уже нѣтъ надежды на сладкія узы брака... Марья Ивановна въ разговорѣ съ друзьями, въ дистракціи, каждые полгода прибавляла по году Аннѣ Михайловнѣ.

Наталья Семеновна Деревская, женщина умная и почтенная, не могла одобрить такого образа мыслей въ дѣвушкѣ и, облеченная общимъ мнѣніемъ въ санъ блюстительницы нравственности и создательницы репутацій, считала долгомъ предупредить на этотъ счетъ нѣкоторыхъ непредусмотрительныхъ матерей семействъ, которыя позволяли дочерямъ своимъ съ Анной Михайловной выходить въ уборную на балахъ и ѣздить въ лавки за шерстями. Съ своей стороны, Анна Михайловна позволила себѣ явно не соглашаться ни съ однимъ мнѣніемъ Натальи Семеновны, болѣе того: одинъ разъ, выслушавъ какой-то ея разсказъ, Анна Михайловна осмѣлилась сказать, что она ни одному слову не вѣритъ и, вступя въ споръ, принялась доказывать, что этого быть не могло. Натурально, Наталья Семеновна замолчала первая, и на другой день, на вечерѣ у Грашковыхъ, отказалась вистовать въ червяхъ губернаторшѣ, вслушиваясь въ разговоръ Анны Михайловны съ кѣмъ-то изъ мужчинъ, причемъ замѣтила:

«Кто эту ораторшу перекричитъ?»

За то Наталья Семеновна принялась всей душой любить дочерей Марьи Ивановны, и какъ она столько же любила Александру Петровну Хлопову и не могла отучиться звать длиннаго Дмитрія Митенькой, то приняла, какъ мы видѣли, сильное участіе въ его сватовствѣ за Лизу.

Конечно (мы вступаемся здѣсь за сердце женщины, а не за сердце Натальи Семеновны), еслибъ Наталья Семеновна могла предвидѣть, какъ развяжется драма, начатая ея разсказомъ, она, можетъ быть, ничего бы не разсказала; но кто думаетъ о томъ, что выйдетъ изъ слова? Можно ли было ожидать, что Марья Ивановна рѣшится такъ скоро приняться за дѣло, а Анна Михайловна вдругъ взбѣсится и убѣжитъ?... Это собственныя слова Натальи Семеновны, взятыя изъ разсказа о происшествіи—въ которомъ домѣ, не упомню счетомъ.

Но кто началъ сплетню? Сама Анна Михайловна. Кто ей велѣлъ сказать Наташѣ, что Окольскій ее расцѣловалъ?

Кто такъ чудесно, полно развилъ сплетню?..

Анна Михайловна старалась, приказывала себѣ не думать объ этой грязной исторіи, потому что хотѣла сберегать силы своего сердца, потому что презирала все низкое; но мысль: кто обвинилъ ее первый—не выходила изъ ея головы.

«Я одна теперь», думала она, «мнѣ надо знать, кто мой врагъ. Тѣ, кто повторялъ—только глупы. Тотъ, кто выдумалъ, тотъ золъ и низокъ».

Она вспомнила свое неосторожное слово. Но на одномъ словѣ, сказанномъ второпяхъ, въ смущеніи, въ страхѣ за жизнь втораго отца, можно ли построить цѣлую клевету? И это слово было сказано веселой семнадцатилѣтней дѣвочкѣ, созданію молодому, если не доброму!

Она переслѣдила все свое обращеніе съ Окольскимъ. Но только злоба могла бы найти дурное что нибудь въ ея поступкахъ; никто не могъ бы обвинить ее, даже въ неосторожности, никто не видалъ увлеченія. Ея любовь была тайною для всѣхъ. Могли бы сказать только, что Окольскій ухаживаетъ за нею, какъ за хорошенькой. Но если самъ Окольскій, изъ своего глупаго тщеславія, вздумалъ намекнуть, если онъ далъ родиться клеветѣ, если онъ обвинилъ...«Это невозможно!» повторяла она, терзаясь уже не послѣдней мукой любви, но мукой уваженія къ

самой себѣ, страхомъ стыда за прежній выборъ своего сердца...

Но если онъ не клеветникъ, то неужели онъ теперь слушаетъ эту клевету, и молчитъ, робко, жалко молчитъ? Неужели онъ не находитъ ни слова въ защиту той, которая столько разъ его защищала, оправдывала... Нѣтъ! иначе онъ бы давно былъ здѣсь...

Анна Михайловна понимала, что если знаетъ Наталья Семеновна Деревская, то знаетъ весь городъ, и потому ей невозможно теперь показать глазъ предъ кѣмъ бы то ни было. Конечно, не всѣ люди злы; одни не вѣрятъ клеветѣ, другіе готовы повѣрить всякому слову оправданія... Но развѣ пріятно внушать сожалѣніе? развѣ легко оправдываться въ томъ, чего, не краснѣя, не назовемъ по имени?

А о тѣхъ, кого она такъ хорошо знала, о благочестивыхъ душахъ, вѣрующихъ въ возможность всякаго прегрѣшенія въ сей земной юдоли, Анна Михайловна не могла вспомнить безъ ужаса; она чувствовала,что слышала, какъ ее терзали! Она помнила какъ это общество изгоняло изъ среды своей несчастныхъ — павшихъ или невинныхъ, несчастныхъ равно; общество изгоняло смѣло, когда жертва была беззащитна, и, образованное, скромное, въ дружескихъ кружкахъ, въ семейныхъ бесѣдахъ, не выбирало выраженій, которыми клеймило вину. Она видѣла, бѣдная дѣвушка, какъ шептался о ней мужъ съ женою; какъ жена переносила черную сплетню въ спальню своихъ дочерей; какъ невинныя, робкія дѣвушки трепетали, слушая разсказъ и, трепеща, передавали его дерзкой горничной, какъ горничная съ хохотомъ повторяла его въ кухнѣ, а изъ кухни, вылетая на улицу, позоръ Анны Михайловны становился собственностью даже мелочной лавки.

Несчастная дѣвушка упадала на свою постель, и руки ея замирали, судорожно захвативъ подушку...

Въ цѣломъ мірѣ некому было сказать ей слово утѣшенія, и она молила Бога только объ одномъ: не знать больше, что дѣлается въ этомъ мірѣ. Она сидѣла цѣлые дни одна, запершись въ своей каморкѣ, починивая свое платье и бѣлье, чтобъ чѣмъ нибудь занять руки и убить мысль. Но у каморки былъ тонкій полъ и тонкія стѣны: все, что говорилось внизу и рядомъ, было слышно. Услужливыя гостьи, добрыя сосѣдки, навѣщали Татьяну Борисовну, и Анна Михайловна слышала, какъ повторялась ея исторія съ тысячью прикрасъ, какъ совѣтовали старухѣ беречь сына. Татьяна Борисовна была добра и боялась Бога, но еще больше боялась злыхъ людей; сначала она только крестилась, потомъ стала рѣже приходить къ своей красавицѣ и перестала отпаивать ее малиной, потомъ приходила къ ней только вечеромъ, къ чаю, наконецъ стала присылать чай съ работницей. Сынъ ея, встрѣтивъ однажды Анну Михайловну внизу, попросилъ позволенія читать ея книги. Онъ выбралъ книги, но мать тихонько отнесла ихъ назадъ, и когда сынъ спросилъ, гдѣ онѣ, Анна Михайловна слышала, какъ она отвѣчала: «И, Володя, охота тебѣ съ ней связываться!» Все это были мелкіе удары въ больное раздраженное сердце.

Наконецъ хозяйка спросила Анну Михайловну:

— Когда же вы, матушка, къ себѣ въ деревню? Вѣдь вамъ здѣсь не вѣкъ жить.

Анна Михайловна написала къ управителю; но въ этотъ день она плакала такъ много и такъ отчаянно; такъ часто, несмотря на февраль, открывала окно, чтобъ освѣжить свою горячую голову, что къ вечеру лежала безъ памяти. Дня два передъ тѣмъ она почти ничего не ѣла.

Татьяна Борисовна испугалась ужасно; сынъ поспорилъ съ ней и сходилъ за докторомъ—за старикомъ, конечно.

Право, есть обстоятельства въ жизни, въ которыхъ шестинедѣльная горячка—благодѣяніе судьбы!

X.

Зима и масляница прошли своимъ чередомъ для города N*; кто веселился, кто завидовалъ веселившимся. Наступила и половина великаго поста, время, въ которое на губернскихъ улицахъ можно найти много грязи, нѣсколько дрожекъ, саней безъ подрѣзовъ и каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ дамы, разъѣзжающія по лавкамъ за нарядами, подъ предлогомъ, что постомъ все дешевле и вздорожаетъ къ празднику. Между тѣмъ кое-гдѣ были вечера, карты, обѣды, petirs-jeux, даже танцы подъ фортепьяно, а иногда, за неимѣніемъ виртуоза или снисходительной виртуозки, посылали за оркестромъ какого-то меломана-барина.

Въ одно прекрасное утро, Митенька Хлоповъ, проснувшись въ своемъ кабинетѣ въ нижнемъ этажѣ скучнаго бѣлаго родительскаго каменнаго дома, былъ крайне удивленъ, увидя на своемъ ночномъ столикѣ пару сапоговъ, вышитыхъ шерстью и блест-

ками, и на нихъ четко написанную бумажку:

«Любезнѣйшему братцу, въ день его рожденія, 10-го марта 1843 года».

Митенька еще потягивался, разсчитывая по пальцамъ, что ему дѣйствительно въ оный вожделѣнный день минуло 26 лѣтъ, что сестра Настенька старше его годомъ, а, кстати, который годъ сестрѣ Дашенькѣ? Ему какъ будто даже захотѣлось вспомнить немного подробнѣе о сестрѣ Дашенькѣ, но въ голову его вошла мысль, что въ Москвѣ есть у него знакомый, квартальный надзиратель, который однажды сказался именинникомъ и угощалъ его, Митеньку, и еще человѣкъ десять товарищей — и, чортъ возьми, славно! Только два съ полтиной всего стоило...

Митенька хотѣлъ было размечтаться, что съ нимъ рѣдко случалось, и сбирался крикнуть: «Евтропъ, трубку!» когда Евтропъ вошелъ совершенно неожиданно и доложилъ, что пора встать, сударь, что ужъ попы пришли...

Въ домѣ, по случаю новорожденнаго, служили молебенъ. Когда, послѣ чая, Anastasie прикоснулась къ своимъ пяльцамъ, мать сказала ей тихо, но выразительно: «Сегодня рожденіе брата». Впрочемъ, кромѣ Anastasie, по праздничному сидѣвшей у окна, въ домѣ ничто больше не смотрѣло праздникомъ; къ подъѣзду не подкатили ни одни сани или дрожки. Митенька только послѣ обѣда могъ вырваться изъ объятій своего семейства и пошелъ къ себѣ въ нижній этажъ, поваляться.

Смерклось. Митенька лежалъ, погруженный въ облака дыма отъ трубки и разныя галлюцинаціи, когда надъ нимъ раздался громовый голосъ:

— Да тутъ лобъ разобьешь! Что, Хлоповъ, или у тебя нѣтъ свѣчки?

— Ахъ, Платонъ Иванычъ!.. Евтропъ, огня!

Платонъ Ивановичъ былъ молодой помѣщикъ, неслужащій, пріѣзжавшій всякую зиму въ городъ и доживавшій тамъ до того, что не оставалось у него съ чѣмъ уѣхать.

— Что ты, братъ, хвораешь, что ли?

— Нѣтъ, Платонъ Иванычъ, такъ, знаете, въ сумерки отдыхалъ... Что-жъ ты это?.. сказалъ онъ Евтропу, который внесъ самый миньятюрный огарокъ, въ самомъ кривомъ подсвѣчникѣ.

— Еще наверху свѣчей не подавали, отвѣчалъ сурово Евтропъ.

— Помилуй, съ чѣмъ же тутъ сидѣть?

— Да я, братъ, съ тобой сидѣть не намѣренъ, сказалъ Платонъ Иванычъ, доставая сигару изъ кармана: — я закурю и сейчасъ уѣду, затѣмъ и заѣхалъ... Что это у тебя за сапожки?

Подарокъ любящей сестры оставался на столикѣ, потому что Евтропъ не имѣлъ привычки убирать комнату своего барина такъ же, какъ и его постель, замѣчая, что «все равно, вечеромъ сомнете-жъ». Платонъ Ивановичъ схватился за сапоги и за приколотую къ нимъ бумажку.

— А, такъ ты сегодня новорожденный! Что же ты лежишь суркомъ такимъ? Вотъ скряга-то! Это въ тебѣ врожденное, Хлоповъ; знаешь, вѣдь это скверно. Со всѣми знакомъ, у всѣхъ ѣшь, пьешь... хоть бы ты намъ завтракъ сдѣлалъ.

— Теперь не такое время, Платонъ Иванычъ, отвѣчалъ немного сконфуженный Митенька, набивая трубку: — мои всѣ постятся.

— Пусть ихъ себѣ; по у Орлова въ гостинницѣ и рябчики, и пате-фруа, и что твоей душѣ угодно. Нѣтъ, ты скряга, Хлоповъ; это въ тебѣ врожденное.

— Да, право, нѣтъ, какой скряга... я нездоровъ былъ, выѣхать не могъ поутру, а теперь какой ужъ завтракъ.

— Такъ ужинъ. Шутъ ты, Хлоповъ! Ну, право, тебѣ стыдно. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, послѣ этого никуда глазъ не показалъ. Что это за знакомство? Ты такъ къ себѣ собаки не привяжешь, не только человѣка. Вотъ твой Евтропъ, и тотъ, вѣрно, свои именины справляетъ. Нѣтъ, это въ тебѣ врожденное. Вѣдь деньги есть?

— Какія деньги, Платонъ Иванычъ!

— Такъ тебѣ не жалуютъ? развернуться не даютъ? а ты изъ-подъ рукъ смотришь, тридцать лѣтъ малому...

— Ахъ, Платонъ Иванычъ, хорошо вамъ, вы человѣкъ независимый, у васъ свое...

— А у тебя чье-жъ? не все ли тебѣ достанется? сестра старая дѣвка... На полмилліона состоянія! Въ рукахъ нѣтъ, такъ долговъ надѣлай — вотъ и все... Ну, ѣдемъ къ Орлову, я тебя довезу на своемъ извозчикѣ... Да брось ты своего Мусатова: ей-Богу, въ глазахъ горько, хоть папиросы кури... Вѣдь все изъ экономіи, это въ тебѣ врожденное...

Митенька отнѣкивался, отказывался наотрѣзъ, пытался отшутиться, но Платонъ Ивановичъ отъ противорѣчій становился еще наступательнѣе и кончилъ тѣмъ, что отнялъ у него дымившуюся трубку, бросилъ ее въ уголъ, надвинулъ Митенькѣ фуражку на уши и утащилъ его съ собою. Митенька и не опомнился, какъ ихъ сани подкатили къ подъ-

ѣзду гостинницы, освѣщенному двумя фонарями. Платонъ Ивановичъ распоряжался въ гостинницѣ, какъ у себя дома; извозчики, стоявшіе у подъѣзда, казалось, тоже признавали надъ собой его власть, а потому ужинъ былъ заказанъ въ минуту, а сани и дрожки отправились въ разные концы города съ приказаніями.

«Ступай къ Кромкину, ступай къ Столоповымъ, скажи, что Дмитрій Григорьевичъ Хлоповъ проситъ пожаловать вечеръ провести сюда; онъ сегодня новорожденный».

Дмитрія Григорьевича обхватило нѣсколько объятій, встрѣтило много шумныхъ голосовъ, всѣ его поздравляли, такъ что онъ и самъ скоро зашумѣлъ и развеселился больше всѣхъ. Окольскій, какъ пріѣзжій, жилъ въ нумерѣ рядомъ съ залой, гдѣ устроилась пирушка; онъ явился на приглашеніе, наѣхали гости и запировали до бѣла-свѣта.

Вечеръ и ужинъ не обходится безъ игры; я не считаю нужнымъ это описывать, потому что, вѣроятно, изъ моихъ читателей нѣкоторые бывали на подобныхъ вечерахъ и выходили, какъ Митенька Хлоповъ, съ пустыми карманами. Правда, его карманъ былъ пустъ и при началѣ вечера, но тутъ въ немъ оказалась пустота будущая — перспектива расплаты по нѣсколькимъ дружескимъ проигрышамъ и по счету въ заведеніи Орлова. Въ комнатѣ ужъ было сине отъ дыма и отъ утренняго свѣта, когда Митенька отыскивалъ свою фуражку.

— Хлоповъ, постой, закричалъ ему Платонъ Ивановичъ: — а что-жъ, братъ, росписку-то?

— Да ужъ и мнѣ, подхватилъ Кромкинъ: — кстати, Хлоповъ.

— Полноте, господа, что за росписки! Мы всѣ люди благородные.

— Я знаю, что мы всѣ благородные, сказалъ Платонъ Ивановичъ: — да кто тебя знаетъ, улизнешь куда нибудь, а тамъ что возьмешь съ твоихъ скаредовъ?..

— Что я, ребенокъ, что ли, Платонъ Иванычъ, какъ вы выражаетесь...

— Я никакъ не выражаюсь. Я знаю, что у тебя нѣтъ своего гроша, такъ дай же росписку; я съ тобой на мѣлокъ играть не намѣренъ.

— Да росписокъ давать я тоже не намѣренъ...

— Господинъ Хлоповъ, вы знаете, какъ это называется? замѣтилъ Кромкинъ.

— Да, господинъ Хлоповъ, вы знаете, что за это бываетъ...

— Такъ съ вами играть никто не станетъ, не захочетъ съ вами дѣла имѣть...

И тутъ вышла очень непріятная сцена, которой я не видалъ, а знаю по слухамъ. Говорятъ, пріѣзжалъ полиціймейстеръ.

— Послушайте, Дмитрій Григорьичъ, — вступился Окольскій: — я здѣсь съ вами не игралъ, но у меня есть на васъ росписка, вы мнѣ еще въ Петербургѣ дали, помните...

— Вы что вступаетесь не въ ваше дѣло? закричалъ Митенька.

— Вы, Дмитрій Григорьичъ, не горячитесь. Я тоже могу представить завтра же вашу росписку, но я до сихъ поръ молчалъ; я все ваше семейство такъ уважаю, что не хотѣлъ сдѣлать вамъ непріятности. Вы мнѣ по роспискѣ должны три тысячи; сумма стоитъ цифрою...

— Ну, и подите къ чорту съ цифрою, представляйте ее завтра, если хотите.

— Я никуда не пойду, Дмитрій Григорьичъ, а мы вотъ что сдѣлаемъ. Что вамъ доводить себя до непріятностей? вы проиграли пять тысячъ этимъ господамъ... пять тысячъ съ чѣмъ-то... вы имъ дайте росписки, я поручусь за васъ, а вы мнѣ въ обезпеченіе подправьте цифру въ вашей роспискѣ, всего будетъ восемь тысячъ вы мнѣ должны круглымъ счетомъ... А росписки этимъ господамъ вы ужъ дайте, Дмитрій Григорьичъ.

Не знаю, какъ и что тутъ было, только Митенька надавалъ, наконецъ, росписокъ; Окольскій поручился за него и подправилъ свою. Гости разъѣхались, разбранивъ Хлопова, а Окольскій предложилъ свой нумеръ для ночлега Митенькѣ, который обнималъ его чуть не со слезами...

Госпожа Л. возлежала на кушеткѣ въ своемъ будуарѣ. Наташа шила что-то по papier-piqué у окошка. Хорошенькій К., сидя у трельяжа, трясъ его такъ немилосердно, что листья плюща сыпались какъ подъ градомъ, а собачонка Бижу лаяла изъ-подъ кресла. Дамы были одѣты; было воскресенье.

— Что это какая скука! сказалъ хорошенькій К.: — когда меня отсюда Богъ вынесетъ?.. еще рѣки тамъ разошлись. Право, утоплюсь, а уѣду.

— Куда вы хотите бѣжать?

— Куда глаза глядятъ. Уѣду въ Москву, къ маменькѣ, а тамъ въ Тверь, и пойду служить въ гусары. Фракъ надоѣлъ.

— А онъ къ вамъ такъ идетъ! смотрите, какъ вы сегодня интересны, ин-те-ресны...

— Да что толку въ этомъ? Скука все-таки бѣшеная.

— Нѣтъ, вы посмотритесь въ зеркало. Ну, какой къ вамъ цвѣтъ пойдетъ лучше чернаго? посмотритесь... Взгляни, Наташа, точно будто не хочетъ себя видѣть. А вѣдь занятъ собой... Я знаю, знаю, о, какъ занятъ! Эти мужчины только на насъ говорятъ, что мы собой заняты, а сами такіе кокеты... для нихъ сердце женщины—ничто. Вѣдь такъ, такъ, Александръ Николаичъ?

— Право, здѣсь въ лавкахъ все дрянь такая; шарфа на шею порядочнаго не найдешь. Военное надѣнешь одинъ разъ и—покоенъ.

— Ну, что вы скучаете? женитесь.

— Вотъ еще, что выдумали! Не хочу!

— Это почему?

— Съ чего вы взяли — женись. На комъ я женюсь?

— Развѣ мало здѣсь дѣвицъ? да я вамъ сто насчитаю.

— Женись, возьми себѣ плясунью.

— Что, что... нѣтъ, подите сюда поближе... нѣтъ, я вамъ этого не подарю!.. слышишь, Наташа?

— Слышу, тетенька.

— Онъ это говоритъ! Нѣтъ, сударь, вы избалованы здѣшнимъ обществомъ, вы привыкли къ побѣдамъ, или вы себѣ вообразили, вы себѣ идею составили, что отъ васъ всѣ безъ ума, что, какъ вошелъ К., такъ ужъ всѣ и «ахъ!»

— Оно такъ и есть, отвѣчалъ, зѣвая, К.:— одна не ахала, и та замужъ идетъ.

— Что-жъ вы на ней не женитесь?

— Развѣ я Окольскій? Боже меня сохрани!

— Слышишь, Наташа, у Anastasie на триста тысячъ состоянія — этого ему мало! Нѣтъ, вы мнѣ скажите, что-жъ вамъ нужно, что вамъ нравится? Дѣвушка милая, любезная, съ состояніемъ, образована — все, что вы хотите. Чего вамъ еще нужно? Это вы не избалованы, это вы не кокетничаете?

К. ударилъ перчатками по носу Бижутку, которая залаяла.

— Дайте, пожалуйста, я въ каминъ брошу эту собачонку.

— Нѣтъ, вы оставьте Бижутку, вы мнѣ отвѣчайте... Ахъ, Саша, здравствуй.

Изъ-подъ голубой драпировки явилась синяя шляпка и бѣлые марабу госпожи Д.

— Саша, ты кстати на нашъ споръ. Слышишь, говоритъ, что не женился бы на Anastasie Хлоповой: невыгодная невѣста.

— Ахъ, матушка, скажи, правда ли, что она замужъ выходитъ?

— Какъ же, правда; за Окольскаго.

— Какими это судьбами?

— Да такъ, посватался, она и идетъ.

— Ну, а какъ же родные-то?

— Какъ нельзя лучше.

— А она-то сама?

— А она, старая, рада жениху, сказалъ К., опять принимаясь трясти трельяжъ.

— Другъ мой, а какъ же эта исторія съ Аннетой Топилиной? вѣдь они такіе... богобоязливые...

— Ну, что это! давно кончено, пора перестать говорить. Эта Аннета такъ себя выставила, что порядочный человѣкъ и вспомнить о ней не захочетъ.

— А гдѣ Аннета Топилина? спросилъ К.:— что ея не видно?

— Кто ее знаетъ! возразила госпожа Д. съ легкимъ пожатіемъ плечъ.

— И кто станетъ заботиться? прибавила госпожа Л.

— Славная дѣвочка Аннета Топилина! сказалъ К;—право, я женюсь на ней.

— Знаете, Александръ Николаичъ, сказала хозяйка: — это я вамъ, какъ старуха скажу: вотъ этакія выходки оскорбительны для насъ, для женщинъ...

— Да, да, прибавила госпожа Д.: — это ты вступилась, вызвалась, я только что хотѣла сказать Александру Николаичу.

— Да, просто оскорбительны. Вѣдь вы знаете, мнѣ ужъ вамъ нечего толковать, что эта дѣвица потеряла въ общемъ мнѣніи, что она... словомъ, потеряла, а вы ее ставите на ряду со всѣми.

— Въ чьемъ она мнѣніи потеряла? возразилъ К.: — надо съума сойдти, чтобъ повѣрить, что она влюбилась въ Окольскаго!

— Ахъ, ахъ, Саша! слышишь?

— Вы, кажется, хотите вступиться за mademoiselle Топилину?

— Конечно! Окольскій хвастунъ, какого на свѣтѣ нѣтъ... не онъ ли самъ это сочиняетъ?

— Смотри, Саша, смотри какъ онъ этакъ... весь вспыхнулъ! Да вы, сударь, ужъ сами не страдаете ли по ней?

— Что это такое «страдаете»?

— Не соперникъ ли вы Окольскому? спросила госпожа Д., хохоча съ Наташей.

— Не влюблены ли вы въ нее? признавайтесь, признавайтесь! сказала хозяйка.

— Я ее очень люблю и терпѣть не могу, чтобъ о комъ бы ни было за-глаза говорили дурно, или бранили Богъ знаетъ за что. Вотъ она была хороша: ни сама не сплетничала, ни другимъ не позволяла...

— О, это правда! не дастъ слова сказать, перекричитъ...

— И прекрасно... Я знаю, она однажды за меня вступилась, за-глаза. Выдумали на меня и еще — не назову на кого... Вотъ эта дрянная крикунья ваша...

— Наталья Семеновна Деревская, доложилъ лакей.

— Ну да, вотъ эта самая... Аннета такъ ее отдѣлала...

Наташа, между тѣмъ, спѣшила встрѣчать Наталью Семеновну.

К. схватилъ свою шляпу и, не кланяясь никому, скользнулъ подъ драпировку въ ту самую минуту, когда изъ-подъ нея входила гостья.

— Ахъ, Боже мой!.. было первое восклицаніе Натальи Семеновны, когда молодой человѣкъ пролетѣлъ мимо нея: — скажите, что случилось? что съ нимъ?... Вы всѣ такія встревоженныя...

— Ничего, милая Наталья Семеновна; — ничего, отвѣчала госпожа Л., предлагая ей мѣсто на кушеткѣ.

— Однако, онъ такъ выбѣжалъ...

— О, знаете, онъ мальчикъ — шалунъ... говоритъ: «есть дѣло». Ну, знаете, какія дѣла у молодежи!

Госпожа Л. кивала головой пріятельницѣ и кузинѣ, будто прося ихъ поддержать ея выдумку.

— Онъ говорилъ, что его Грашковы звали, сказала Наташа, наклонясь за скамеечкой.

— Merci, душечка. Однако, какъ такъ себѣ позволять... Я вамъ удивляюсь, Марья Николаевна!

— Я и не видала, какъ онъ такъ скоро... Откуда вы, моя милая Наталья Семеновна? и какъ нарядны! Вамъ у Щелкуновой чепчикъ дѣлали?

— Изъ Москвы, отвѣчала протяжно гостья:—племянница прислала... простенькій.

— Вообрази, Саша, я точно эти ленты у Щелкуновой видѣла; еще хотѣла заказать себѣ.

— И я тоже.

— Вѣдь лентъ выходятъ тысячи аршинъ, отвѣчала съ достоинствомъ Наталья Семеновна:—немудрено, что какіе-нибудь остатки и къ Щелкуновой залетѣли. Я у ней и не бываю въ магазинѣ: вонь такая всегда.

— Гдѣ-жъ вы были, Наталья Семеновна? вступилась госпожа Д., видя, что хозяйка нѣсколько поражена.

— У обѣдни, оттуда заѣзжала къ Хлоповой, Александрѣ Петровнѣ.

— Да у нихъ невѣста?

— Невѣста.

— Какъ это неожиданно случилось?

— Что-жъ тутъ неожиданнаго, что дѣвица выходитъ замужъ, и еще такая дѣвица, какъ Настасья Григорьевна?

— Да... но знаете, такъ скоро. Къ тому-жъ Окольскій...

— Ахъ, какой это прекрасный молодой человѣкъ! сказала Наталья Семеновна шопотомъ и слегка покачивая головою сверху внизъ.—Это рѣдкій молодой человѣкъ, возвышенный, можно сказать.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросили обѣ пріятельницы, тоже тихо, будто проникнутыя благоговѣніемъ.

— Да-а... И какая почтительность, какіе поступки...

— Скажите, какъ можно ошибиться насчетъ людей! замѣтила госпожа Д. — А я и не предполагала.

— Надо быть осмотрительнѣе въ своихъ мнѣніяхъ.

— Да, Наталья Семеновна, я это сто разъ говорю.

— Но вѣдь нельзя же и не ошибиться, подхватила госпожа Л.—Нельзя, иногда всего не замѣтишь. Вотъ, напримѣръ, Александра Петровна Хлопова, достойнѣйшая женщина, я такъ ее уважаю... а какъ она сама ошибалась насчетъ Окольскаго! На той недѣлѣ у меня говорятъ: онъ пріѣхлъ; она велѣла Anastasie уйдти изъ комнаты, сама корридоромъ прошла, уѣхала, чтобъ и не встрѣчаться...

— Вы меня извините: Александра Петровна такъ хорошо образована... начала Наталья Семеновна съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Да, прервала госпожа Д. спѣша предупредить грозу;—но вѣдь и поступокъ Окольскаго съ этой несчастной...

— Еслибъ вы видѣли его раскаяніе! сказала Наталья Семеновна съ тихимъ, восторженнымъ умиленіемъ...

—Наталья Семеновна, но неужели вся эта исторія—правда? я все еще сомнѣваюсь. Мнѣ такъ ее жаль, такъ жаль, говорила госпожа Л., которую не слушали.

— Все правда, отвѣчала Наталья Семеновна тихо и торжественно: — онъ какъ сынъ говорилъ Александрѣ Петровнѣ.

— Какъ? неужели самъ сказалъ?...

— То-есть, не прямо говорилъ, но далъ ей почувствовать. О такихъ вещахъ прямо не говорятъ.

— Какъ же это могло случиться?

— Она его завлекла.

— Она! я такъ и знала! вскричала госпожа Д.

— Да. Но теперь это все кончено. Она живетъ здѣсь, гдѣ-то въ слободѣ.

— Здѣсь?

— У старухи какой-то. Сына ее прельщаетъ.

Наталья Семеновна пріятно засмѣялась, кроткимъ смѣхомъ добродѣтели, для которой порокъ изъ ненавистнаго перешелъ еще на низшую степень—въ забаву.

— Наталья Семеновна, сказала госпожа Д., чувствуя, что въ этотъ день преимущественно пользовалась ея расположеніемъ:—я хотѣла спросить васъ—вы такъ ихъ любите, вѣрно вы все знаете, вѣрно даже черезъ васъ Александра Петровна узнала Окольскаго—какъ устроилась эта свадьба?

— Знаете ли, Александра Ивановна, отвѣчала Наталья Семеновна:—это слабость моя: я такъ радуюсь ихъ благополучію, что готова всякому разсказать. Но, пожалуйста, между нами... и васъ прошу, Марья Николаевна, чтобъ это между нами было...

— О, конечно, конечно! повторила госпожа Л.

— И вы, душечка, прошу васъ, сказала Наталья Семеновна, обращаясь къ Наташѣ.

— Ахъ, Наталья Семеновна! клянусь вамъ...

— Видите, Митенькино было рожденье въ среду. Онъ какъ пошелъ къ себѣ послѣ обѣда внизъ, такъ и пропалъ.

— Пропалъ?

— Да, уѣхалъ. Человѣкъ сказывалъ, съ какимъ-то... не помню, много такихъ! Ждутъ его къ чаю—нѣтъ, къ вечеру—нѣтъ, къ ужину—нѣтъ. Отецъ послалъ узнать, гдѣ онъ... Человѣкъ признался, что онъ поѣхалъ въ гостинницу. Туда... тамъ кутежъ, карты...

— Ахъ, Боже мой!...

— Да!.. Кто бы этого ожидалъ?... Это Григорію Иванычу сказали; онъ думаетъ: что дѣлать? не ѣхать же туда; пусть будетъ, что будетъ. Только говоритъ людямъ: не сказывать барынѣ...

— Александрѣ Петровнѣ?

— Да, не сказывать... Александра Петровна... знаете, мать... истерзалась бы. Ей сказали, что сынъ ужинаетъ у Грашковыхъ. Она говоритъ: «быть этого не можетъ», а главное (это мнѣ ея дѣвушки говорили), она боялась, не поѣхалъ ли онъ къ Топилинымъ, или нѣтъ ли Лизы у Грашковыхъ... Вѣдь о свадьбѣ она слышать не хочетъ.

— Да, да...

— Ну, словомъ, измучилась. Поужинала, легла въ постель. Дѣвки, дуры, забыли дверь затворить въ дѣвичью и болтаютъ между собой, все, знаете, и гдѣ Митенька, и что дѣлаетъ. Александра Петровна какъ была, съ постели, босикомъ, бѣжитъ къ мужу... Тутъ, говорятъ люди, ужасная была сцена! Каково это? И дочь, и сынъ, оба такъ отплатили!...

— Да! предопредѣленіе! мрачно сказала госпожа Д.

— Судьба, судьба... не избѣжишь! прибавила госпожа Л.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, продолжала, одушевляясь, Наталья Семеновна:—до утра всѣ не спали. Утромъ, ужъ къ часамъ звонятъ, а онъ пріѣхалъ—и въ какомъ видѣ!... Александра Петровна съ глазъ его прогнала; въ обморокъ—это у нея хроническое... Говорятъ, тамъ-то что было! Пріѣзжалъ полиціймейстеръ. Да кстати, я васъ предупреждаю, Марья Николавна, поосторожнѣе съ его женой; это такая штучка...

— Неужели?

— Да, стоитъ вашей Аннеты Топилиной. Молодой докторъ тамъ всякое утро, такъ сани и не отъѣзжаютъ.

— Она, говорятъ, больная, замѣтила госпожа Л.—Все бокъ болитъ.

— Да, бокъ болитъ!... Впрочемъ, конечно, это не мое дѣло, я для Наташи вашей говорю... примѣръ такой... а онѣ все подъ ручку...

— Я тебѣ тысячу разъ говорила, Наташа!..

Наталья Семеновна съ достоинствомъ обратилась къ госпожѣ Д.

— Александра Петровна сидѣла передъ обѣдомъ у себя въ комнатѣ. Ужъ на столъ накрывали. Митенькѣ не велѣли и прибора ставить; вдругъ докладываютъ, что пріѣхалъ Окольскій, и по важному дѣлу. Александра Петровна оправилась, велѣла выйти вонъ Настасьѣ Григорьевнѣ. Пришелъ Окольскій. Вообразите вы ея удивленіе: Окольскій привозитъ росписку Митеньки на восемь тысячъ!

— На восемь тысячъ!

— Да-съ, онъ это проигралъ—вотъ извергъ! Проигрался Окольскому еще въ Петербургѣ и тотъ имѣлъ благородство молчать, а наканунѣ, въ ночь-то эту, еще пять тысячъ ухнулъ...

— Окольскому?

— Нѣтъ, другимъ, тутъ много было... надавалъ росписокъ... вы представьте, онъ и такъ долженъ Окольскому восемь тысячъ, и тотъ имѣлъ благородство молчать, а тутъ еще въ этихъ роспискахъ Окольскій же поручился! Онъ его уговорилъ, потому что тамъ такія были сцены... я вамъ говорю: Околь-

скій его просто спасъ—онъ это все разсказалъ. «Я вамъ, говоритъ, какъ матери говорю; я, говоритъ, буду молчать объ этой роспискѣ, и отъ васъ зависитъ даже, чтобъ я ее уничтожилъ; я себя тогда счастливѣйшимъ человѣкомъ почту—удостойте меня руки Настасьи Григорьевны»... И какъ влюбленъ! Александра Петровна мнѣ это разсказала: просто, безъ ума. Ну, какъ отказать человѣку, который избавилъ сына отъ посрамленія... душкѣ такому? Тотчасъ слово дали. Я пріѣхала. Онъ тамъ обѣдалъ.

— Обѣдалъ?

— Обѣдалъ. Митенька глазъ не показывалъ. Настасья Григорьевна много плакала. Я говорю, что это очень дурная манера, только мать огорчать...

— Ну, а о той-то?

— О Топилиной? Это послѣ обѣда было. Александра Петровна позвала его къ себѣ, говоритъ: «Мы вамъ отдаемъ наше единственное дитя и все наше состояніе, потому что Дмитрій, послѣ такого оскорбленія, недостоинъ чѣмъ нибудь пользоваться...» Такъ и сказала!

— Скажите!... Несчастная мать!

— Да, несчастная... Ну, ее Богъ утѣшитъ. Окольскій бросился передъ ней на колѣни: за того-то, за негодяя просилъ! Однако она ничего не согласилась. Онъ говоритъ: «Позвольте ему по крайней мѣрѣ жениться, пусть наше благополучіе будетъ въ одинъ день». На Красную Горку назначили.

— Какъ скоро!

— Да что-жъ имъ, всего вволю, слава Богу. А о Митенькиной свадьбѣ и слышать не хочетъ. Только что Окольскій сказалъ о Лизѣ, какъ она вдругъ въ кресла упала: «Ахъ, ахъ, а это чудовище!...» Онъ опять на колѣни. «Маменька, другъ мой, неужели вы думаете, что послѣ того, какъ мнѣ обѣщана рука такого ангела, я могу думать о той женщинѣ? Клянусь вамъ, между нами все забыто; это была одна вспышка, заблужденіе».

— Одно заблужденіе?

— Да; такъ и говоритъ. Я отъ нихъ едва могла вечеромъ оторваться, уѣхать—такъ счастливы!

Настала минута молчанія, посвященная размышленію, и, казалось, благодарности судьбѣ за участіе другихъ...

— И съ тѣхъ поръ, онъ тамъ всякій день... четвергъ, пятница, суббота... сегодня парадная помолвка. Васъ звали?

— Нѣтъ...

— Это значитъ, они только короткихъ зовутъ, однихъ хорошихъ знакомыхъ... Конфектами онъ насъ закормилъ. Прекрасный ей браслетъ подарилъ,

— Александрѣ Петровнѣ?

— Невѣстѣ... Развѣ станетъ Александра Петровна носить браслеты?

— Почему-жъ нѣтъ? она еще не такая старуха, замѣтила госпожа Д., бросая взглядъ на три сибирскіе камня, которые свѣтились изъ-подъ черныхъ кружевныхъ манжетъ Натальи Семеновны.

У дамъ начался маленькій разговоръ о хронологіи, а это извѣстно, такой предметъ, за который пикировались и не однѣ губернскія барыни. Кто былъ правъ, кто нѣтъ—не берусь рѣшить.

XI.

Въ веснѣ есть что-то чудесное. Ни одно созданіе искусства, ни одно могучее слово не заставитъ сердце встрепенуться такъ живо, сознать себя такъ полно, какъ эти холодныя струи рѣдкаго воздуха, которыя вливаются въ грудь и освѣжаютъ, живятъ все существо наше. Дыханье весны дѣлаетъ всякаго поэтомъ. Вспомните, какъ задумывались вы, человѣкъ практическій и холодный, глядя на синія полосы облаковъ и на красноватую, хрупкую траву: вы признаетесь, можетъ быть, и нехотя, но признаетесь, что въ это время какъ-то чувствовали себя иначе, что вы больше любили...

Весна тотъ годъ стояла прекрасная; говоря презрѣнной прозой, Святая была на колесахъ, чему не радовались извощики, потому что добрые люди могли ходить пѣшкомъ ко всѣмъ службамъ Страстной и Святой недѣли. На площади, гдѣ позволено было заѣзжимъ акробатамъ разбить свои балаганы, были устроены качели для народа. Зажиточные люди катались въ каретахъ и колявкахъ и гуляли въ городскомъ саду, гдѣ распорядились починить фонтанъ и поставили алебастроваго Меркурія на мѣсто прежняго купидона. Праздникъ былъ встрѣченъ всѣмъ обществомъ необыкновенно-единодушно и весело; былъ печаленъ одинъ полиціймейстеръ: въ день разлива воды умерла его молодая жена.

Весна оживила и Анну Михайловну. Къ несчастію, несовсѣмъ забытая цѣлымъ свѣтомъ, въ своей крошечной комнаткѣ, она радостно встрѣтила первое дыханіе весенняго вѣтра, которое заколебало гераніи на ея окнѣ. Солнце и зелень утѣшали ее какъ дитя; она сама не чувствовала, какъ то улыбалась имъ, то плакала. Едва оправясь отъ болѣзни, еще блѣдная и слабая, она любовалась ими по цѣлымъ часамъ и звала гостить къ себѣ въ

деревню Татьяну Борисовну, которая возвратила ей во время болѣзни свое доброе расположеніе. Эта болѣзнь была долгимъ сномъ, который отдѣлилъ дѣвушку отъ ея прошедшаго, давъ ей позабыть или, по крайней мѣрѣ, смѣшавъ все въ ея воспоминаніи. Когда, одинъ разъ, Татьяна Борисовна разсказала ей что-то о Марьѣ Ивановнѣ и о томъ, какъ были нарядны ея дочери на первый день праздника въ соборѣ, снявъ свой трауръ для такого великаго дня, Анна Михайловна выслушала ее съ утомленіемъ и просила не говорить ей ни о чемъ, что могло напомнить прошлое.

Всю Святую недѣлю просидѣла она у своего окна, слушая колокола, которые весело гудѣли въ воздухѣ. Наконецъ, въ субботу, когда Татьяна Борисовна ушла куда-то далеко ко всенощной, Анна Михайловна захотѣла сама помолиться, накинула свое черное суконное платье, свою черную атласную шляпку съ вуалемъ и ушла въ ближнюю церковь.

Бываютъ минуты молитвы, о которыхъ мы вспоминаемъ съ умиленіемъ; мы чувствуемъ по тихому, теплому спокойствію, которое сходитъ намъ въ душу, что хорошо молились, хотя чаще всего въ эти минуты мы не молимся словами... Анна Михайловна выходила на паперть спокойная, почти веселая, радуясь тому, что въ первый разъ встрѣтила весенній вечеръ на открытомъ воздухѣ и никого не видала изъ знакомыхъ, когда кто-то сказалъ, поровнявшись съ нею.

— Здравствуйте, Анна Михайловна.

Она оглянулась, и едва могла скрыть свой испугъ. Рядомъ съ нею шелъ Окольскій.

— Какъ мы давно съ вами не видались, Анна Михайловна! продолжалъ онъ:—вы, вѣрно, въ этой сторонѣ нанимаете домъ?

— Я живу далеко, отвѣчала она, стараясь идти скорѣе:—и если остановлюсь говорить съ вами, то опоздаю домой.

— Для чего-жъ вамъ спѣшить, Анна Михайловна? здѣсь моя лошадь...

Она остановилась и оглянула его съ головы до ногъ.

— Право... вы были нездоровы... усталость можетъ вамъ повредить...

Окольскій или сконфузился отъ ея взгляда, или въ сердцѣ его произошло что-то, чего онъ и самъ не понималъ, только онъ хотѣлъ подать ей руку.

— Не безпокойтесь, сказала она.

— Такъ возьмите мою лошадь, сдѣлайте одолженіе... для меня это ровно ничего не значитъ.

— Я знаю.

— Неужели вы не захотите принять отъ меня ничтожной услуги, Анна Михайловна?.. продолжалъ онъ шопотомъ.

Вокругъ нихъ, по грязному тротуару слободы, шли только извозчики, мастеровые, ихъ жены, да ребятишки. Изящныя дрожки Окольскаго ѣхали въ отдаленіи. Темнѣло; блѣдныя звѣзды кое-гдѣ выглядывали на небѣ.

— Анна Михайловна, продолжалъ Окольскій:—вы сердитесь на меня?

— Ни на васъ, ни на кого въ свѣтѣ, отвѣчала она, продолжая идти;—сдѣлайте милость, оставьте меня.

— Анна Михайловна, но... помните ли вы...

— Что? сказала она, остановясь и опять оглянувъ его.

— Нѣтъ... это будетъ безполезно!

— Послушайте, сказала она, продолжая смотрѣть ему въ глаза:—меня оклеветали, безбожно оклеветали, на меня до сихъ поръ клевещутъ... одни вы могли сказать, что это клевета—сказали ли вы это?

Она хотѣла войти въ калитку своего дома; Окольскій бросился за нею.

— Ради Бога, позвольте мнѣ войти!

Въ домѣ не было ни души. Хозяйка отъ всенощной зашла въ гости, сынъ ея тоже; работница грызла подсолнечники въ веселой компаніи у сосѣднихъ воротъ. Окольскій прежде Анны Михайловны вбѣжалъ въ сѣни и на лѣстницу ея каморки, куда она взобралась едва переведя дыханіе.

Она, однако, скоро оправилась и, опираясь на старый кожаный стулъ, сказала довольно твердо:

— Это дерзко. Прошу васъ выйти изъ моей комнаты.

— Нѣтъ, вы должны меня выслушать!

— Вы хотите, чтобъ сказали еще, что я принимаю васъ потихоньку? Недостаетъ только этого.

— Я хочу знать, какія клеветы возводятъ на васъ?

— Такъ вы ничего не знаете?

— То есть, я ничему не хочу вѣрить, я увѣренъ, что это неправда.

— Знаете ли, это очень забавно—то, что вы говорите!

— Анна Михайловна, я знаю, что вы всегда меня презирали!

Она пожала плечами.

— Вы похвалились, однако, что я люблю васъ!

— Да, я сказалъ это, потому что смѣлъ надѣяться, что вы хоть когда нибудь будете не такъ равнодушны, потому что я всегда васъ истинно, много любилъ... а теперь...

— А теперь... вы такъ долго любили, что пора и кончить; а рыцарскія выходки всегда забавны.

— Что-жъ было мнѣ дѣлать, Анна Михайловна?

— Не знаю, отвѣчала она. Наши отношенія были всегда очень странны, а теперь они еще страннѣе... Я не найдусь, что вамъ еще совѣтовать. Приказать вамъ защищать меня? Но вы могли сдѣлать это сто разъ, еслибъ хотѣли; и не здѣсь увѣрять меня, что вы не вѣрите клеветѣ на самого себя, а громко, публично сказать, что я ни въ чемъ не виновата.

— Увѣряю васъ, я не зналъ.

— Я вамъ не вѣрю.

— Я готовъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ...

— Не безпокойтесь; теперь ужъ поздно.

— Анна Михайловна, неужели вы не вѣрите словамъ искренняго, преданнаго друга? Все, что въ моей власти, жизнь моя... Не гнѣвайтесь, ради Бога, позвольте мнѣ продолжать!.. все, что вы потеряли, невозвратно...

— Я потеряла очень много, сказала она съ отчаяніемъ:—состояніе, доброе имя, положеніе въ свѣтѣ, семью...

— Не откажите-жъ человѣку, который все это вамъ предлагаетъ...

Она взглянула на него въ изумленіи. Тѣнь прежняго мелькнула передъ нею, тѣнь прежней первой любви; ея восторженная, слабая голова создавала ужъ что-то свѣтлое, полное счастья; существо, когда-то милое, снова облагораживалось, возрождалось въ ея глазахъ, въ ея сердцѣ... Она, едва дыша, ждала словъ Окольскаго.

Онъ началъ очень спокойно:

— Вы вѣрно слышали: я женюсь на Anastasie Хлоповой...

Анна Михайловна слегка вскрикнула.

— Завтра моя свадьба. Я тотчасъ послѣ свадьбы уѣду съ женой въ Петербургъ. Что тутъ тянуть свой вѣкъ съ стариками!.. Сына они не хотятъ видѣть. Александра Петровна будетъ скучать одна. Это такая дама, которая всѣми уважаема въ обществѣ; живя съ нею, можно быть совершенно обезпеченнымъ, выѣзжая съ нею, можно, современемъ, конечно, составить хорошую партію... Я поговорю ей о васъ: можетъ быть, она согласится принять васъ къ себѣ въ домъ...

— Извольте выйдти вонъ, господинъ Окольскій.

Анна Михайловна сказала эти слова такъ громко и съ такимъ повелительнымъ жестомъ, что Окольскій невольно поспѣшилъ къ двери... Онъ самъ какъ будто чувствовалъ, что сказалъ что-то неловкое.

Исторія кончена. Конечно, всякій въ правѣ спросить, что сдѣлалось съ дѣйствующими лицами? Но покуда живъ человѣкъ, романъ его все еще продолжается. Сказать вамъ о каждомъ изъ нихъ въ двухъ-трехъ строчкахъ— мнѣ совѣстно. Я не люблю поверхностныхъ извѣстій и слишкомъ уважаю своихъ знакомыхъ, чтобъ говорить о нихъ только въ двухъ строкахъ. Я живу и вѣкъ буду жить въ городѣ N.; можетъ быть, когда нибудь разскажу вамъ еще что нибудь изъ случаевъ или толковъ этого города.

Анну Михайловну я не встрѣчалъ съ тѣхъ поръ; спросить о ней было некого, потому что она ни съ кѣмъ изъ жителей города N* не сохранила сношеній; говорили, что она въ своей деревнѣ, но вѣрнѣе объ этомъ знала только Марья Ивановна, которую, конечно, я не спрашивалъ.

Прошедшей осенью я встрѣтилъ въ нашемъ городскомъ саду хорошенькаго К. Онъ постарѣлъ шестью годами, но все былъ хорошенькій, если еще не лучше. Костюмъ, прическа—все говорило, что онъ воротился издалека. Онъ только что пріѣхалъ изъ-за границы. Мы не видались съ нимъ тоже года четыре, обнялись, какъ старые друзья, закурили сигары и принялись бродить по пустому саду. Онъ разсказалъ мнѣ о себѣ и о людяхъ, о жизни своего сердца и жизни шумнаго міра много такого, что заставляетъ задумываться. Я не узнавалъ моего друга— такъ много онъ перемѣнился, такъ много видѣлъ, такъ живо перечувствовалъ то, что видѣлъ... Правда, и то, что̀ прошло на свѣтѣ въ эти года, могло развить сочувствіе, научить, заставить мыслить...

. .

Потомъ мы бросились въ воспоминанія.

— Какъ здѣсь поживаютъ? спросилъ онъ.

Мы разсмѣялись оба.—Какъ живутъ въ городѣ N*, послѣ той жизни, что онъ видѣлъ!..

— Помнишь ты Аннету Топилину? спросилъ онъ послѣ всякихъ пустяковъ, которые мы наговорили другъ другу.

— А ты какъ ее помнишь?

— Вотъ прекрасно! я ее видѣлъ недавно: по желѣзной дорогѣ ѣхалъ я съ ея мужемъ...

— Она замужемъ?

— Ты не зналъ? Давно ужъ...

— Разскажи подробнѣе.

Онъ разсказалъ мнѣ длинную исторію...

ПРОВИНЦІЯ ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ.

РОМАНЪ.

1855—1856 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Лѣтомъ солнце такъ хорошо заглядываетъ во всѣ уголки міра, что нѣтъ уголка, гдѣ бы нельзя было, если не вполнѣ восхищаться, то не найти что нибудь привлекательное. Солнце умѣетъ бросить круглую тѣнь отъ одинокой ветлы, уныло растущей на валу большой дороги, такъ что среди пространства, изрытаго колеями, является хоть одно маленькое мѣстечко, гдѣ можно отдохнуть, задуматься можетъ быть, невесело отъ пустоты и однообразія, но все-таки задуматься. Лѣто и солнце умѣютъ разсыпать незабудки по болоту, озолотить клубы пыли, встающіе подъ вихремъ въ засуху, оживить самое скучное жилье тепломъ и свѣтомъ, которые они щедро льютъ во всѣ окошки. Черная солома крышъ ужъ не кажется такъ черна; надъ ней зеленѣетъ липа и воркуютъ голуби; около завалинъ растетъ трава; улица суха, а въ узенькихъ переулкахъ, между гумнами и огородами, всѣ плетни заплелись цвѣтами. Лѣтомъ вездѣ хорошо и все хорошо; но взглянуть на ту же мѣстность и природу только двумя мѣсяцами позже — и все покажется иначе...

Первое сентября. Сельцо Даниловка, расположенное въ лощинѣ, окруженной съ одной стороны болотами, а съ другой — крутымъ скатомъ и песчаными полями, на которыхъ всегда чахло и бѣдно родится хлѣбъ, исчезало въ сумеркахъ и въ проливномъ дождѣ, который шелъ съ утра; все смѣшивалось: сѣрое небо, сѣрая окрестность, сѣрыя строенія. Около селенія не было лѣса; совершенный пустырь тянулся во всѣ стороны и однообразіе изрытой проселочной дороги прерывалось только гатями изъ хвороста и соломы, намощенными тамъ, гдѣ переѣздъ по болоту дѣлается уже совершенно невозможнымъ. Не смотря на темноту вечера, въ сельцѣ Даниловкѣ не свѣтилось ни одного огонька: оно казалось необитаемымъ: даже собаки, напуганныя дождемъ, не показывались на улицу. Дождь лилъ и лилъ безъ шума; мокрыя соломенныя кровли уже перестали шелестить, а вѣтеръ не встрѣчалъ деревца, надъ которымъ могъ бы потрудиться. Только въ концѣ деревни было строеніе, которое еще могло назваться домомъ, по сѣрой тесовой крышѣ съ двумя трубами; его окружалъ небольшой пустырь, который назывался садомъ, потому что въ немъ торчало нѣсколько старыхъ деревьевъ—яблонь, сколько можно судить по искривленнымъ,

обнаженнымъ сучьямъ. У дома отворился ставень и въ окнѣ заблестѣлъ свѣтъ тусклый и бѣловатый; онъ отразился въ лужѣ, которая разливалась передъ окнами, и исчезъ опять, когда черная, сгорбленная фигура торопливо выбѣжала изъ воротъ, влѣзла на фундаментъ и, кряхтя и охая, съ великимъ трудомъ прикрѣпила ставень, который вѣтеръ вырывалъ у нея изъ рукъ.

Этотъ ставень произвелъ сильную тревогу въ домѣ. Хозяйка, особа уже не молодая, въ пестрой ситцевой блузѣ и большомъ платкѣ, стремительно выбѣжала изъ залы, гдѣ случилось это несчастье, въ дѣвичью, гдѣ, при ея появленіи, вскочило съ лавокъ нѣсколько маленькихъ остриженныхъ дѣвчонокъ, кто съ веретеномъ, кто съ чулкомъ въ рукѣ.

— Сорветъ! повторяла хозяйка въ ужасѣ: — сорветъ ставень! Велите привязать; скажите Филиппу! Бѣгите скорѣе! перебьетъ всѣ стекла, всю раму вырветъ!..

— Богъ милостивъ, матушка, отозвалась ей съ лежанки старуха, ключница и надзирательница дѣвичьей:—успѣютъ, привяжутъ, а не успѣютъ, стало, ужъ судьба такая...

— Что ты говоришь, Аграфена Степановна? возразила хозяйка, продолжая волноваться, между тѣмъ какъ три дѣвочки полетѣли передать ея приказаніе:—ты не видишь, что тамъ... лишь бы онѣ поскорѣе отыскали Филиппа...

— Ахъ, матушка, Клавдія Яковлевна! на то, конечно, ваша барская воля, извольте его куда угодно посылать. Хоть онъ мнѣ и сынъ родной, единственный, извольте хоть дяденькѣ на него жаловаться... хоть онъ его не то, что въ этакую непогоду, хвораго человѣка, пусть онъ его изволитъ куда хочетъ сослать...

Ее прервалъ новый страшный ударъ ставня.

— Какъ ни одного стекла не останется, да дяденька пріѣдетъ... начала Клавдія Яковлевна.

— Я сама къ дяденькѣ вашему пойду, прервала ключница громче и громче, такъ что было удивительно, что такой сильный голосъ обиталъ въ такомъ небольшомъ тѣлѣ: — я дяденькѣ доложу, какъ ему угодно: изволитъ онъ меня съ сыномъ въ Межжерево сослать; я ему съ-поконъ-вѣка ни въ чемъ себя не показала, а по тому случаю, что Филька самоваръ грѣлъ для Сергѣя Павлыча...

— Привязали ставень, сказалъ громкій голосъ изъ залы.

Клавдія Яковлевна ушла.

— Полетѣла! проворчала ей вслѣдъ старуха.—Охъ, какъ бы дяденька оглянулся!

И она перенесла свой гнѣвъ на дѣвочекъ, а въ особенности на тѣхъ, которыя возвратились, исполнивъ приказанія Клавдіи Яковлевны. Черезъ нѣсколько минутъ веретена и спицы опять пришли въ движеніе при свѣтѣ нагорѣвшей свѣчки, а ключница, продолжая ворчать, задремала.

— Вы меня разбудите, какъ баринъ воротится, проговорила она, совсѣмъ засыпая.

Она обновляла лежанку, истопленную въ первый разъ съ начала осени.

Клавдія Яковлевна возвратилась въ залу, гдѣ, на ломберномъ столѣ, придвинутомъ къ стѣнѣ, лежала ея работа: толстое и некрасивое шерстяное вязанье. Она сѣла у стола, неуютно, лицомъ къ стѣнѣ, спиной къ окну, такъ что на особу, привыкшую къ удобству, одно это положеніе навело бы нелюбезность и скуку. Фигура Клавдіи Яковлевны заслоняла единственную маленькую свѣчу, отчего въ залѣ было очень темно. Впрочемъ, зала не стоила лучшаго освѣщенія: она была оштукатурена и очень давно окрашена желтой краской; но краска выцвѣла, закоптѣла и подъ окнами покрылась зеленовато-черными пятнами; такія же пятна выступали четыреугольниками, обозначая схватки брусьевъ на низенькомъ и отдувшемся потолкѣ. Окна были съ подъемомъ, въ восемь стеколъ, а чудовищныя подставки, вырѣзанныя въ видѣ зубцовъ пилы, были воткнуты въ верхнюю половину опущенныхъ рамъ, для того, чтобъ никто не могъ поднять окна снаружи; эти толстыя палки придавали еще болѣе странный видъ окнамъ съ тусклыми стеклами и безъ занавѣсокъ. Мебели было довольно, но она вся была нѣсколько страннаго вида: маленькій треугольный шкапикъ краснаго дерева съ бронзовыми почернѣвшими рубчиками, треугольный столикъ съ хитрой задвижкой, въ родѣ ширмъ, и козьими ножками, обѣденный столъ съ двумя опущенными толстыми досками, что дѣлало его похожимъ на огромную книгу, неизвѣстно для чего стоящую на полу; стулья самые разнообразные, простого бѣлаго дерева, съ закругленными спинками, обитые чѣмъ-то, вѣроятно, очень дорогимъ, потому что ихъ бѣловатые, никогда неснимаемые чехлы уже носили признаки разрушенія; стулья дѣдовскіе изъ почернѣлаго дуба, съ подушками изъ черной кожи, и эфемерныя произведенія нашего вѣка—маленькіе,

тростниковые съ выкрашенными и уже обломанными рѣшетками... Все это, однако, сохранялось въ необыкновенномъ порядкѣ и ни на чемъ не было ни пылинки.

Гостиная, находившаяся за залою, оставалась въ совершенномъ мракѣ.

Часы, съ букетомъ фантастическихъ цвѣтовъ на циферблатѣ, сначала пробили, потомъ прокуковали восемь.

Клавдія Яковлевна сосчитала ихъ, улыбаясь.

— Какіе это уморительные часы! Я всегда смѣюсь на нихъ, сказала она, обращаясь къ собесѣднику, молчавшему все время.

Этотъ собесѣдникъ былъ молодой человѣкъ. Онъ сидѣлъ съ края стола, упираясь затылкомъ въ стѣну, положивъ ногу на ногу, немного опрокинувшись и покачиваясь на надежномъ старинномъ стулѣ; онъ занимался этимъ уже полтора часа, перемѣняя положеніе только за тѣмъ, чтобъ зажечь другую папироску, когда одна докуривалась. Наружность молодого человѣка была очень порядочная и привлекательная, но его безобразилъ костюмъ: сѣрый нанковый сюртукъ, сшитый весьма неловко и въ которомъ ему, казалось, было очень холодно.

Молодой человѣкъ поднялъ глаза на Клавдію Яковлевну, когда она обратила его вниманіе на часы.

— Дяденька ихъ въ Покровскомъ на ярмаркѣ купилъ, вотъ два года будетъ, продолжала она:— пятнадцать рублей ассигнаціями заплатилъ.

Молодой человѣкъ взглянулъ на часы; но, вѣроятно, они произвели на него впечатлѣніе, совершенно противоположное удовольствію Клавдіи Яковлевны, потому что онъ вздрогнулъ, всталъ и началъ ходить, можетъ быть, для того, чтобъ согрѣться.

— Вы озябли? спросила она заботливо.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, бросая догоравшую папироску.

— А то, хотите, я вамъ кацавейку дамъ надѣть... Я послѣ чая такъ угрѣлась и не чувствую...

— Что вы ищете? спросилъ онъ, увидя, что она взяла свѣчу и обходила комнату, наклоняясь къ полу.

— Нашла! сказала Клавдія Яковлевна, поднимая окурокъ его папироски:—дяденька скажетъ: «насорили».

— Надѣюсь, если онъ воротится сегодня, то ужъ не станетъ заглядывать подъ стулья, а къ завтраму выметутъ.

— Выметутъ... Этотъ народъ все ему перескажетъ. Вы сегодня дорвались покурить, Сергѣй Павлычъ, прибавила она, смѣясь и показывая на окурки, которые собрала всѣ въ теченіе вечера, такъ что молодой человѣкъ не замѣтилъ этого.

— Да, благодаря вамъ, отвѣчалъ онъ.

— Ужъ вы!.. Будетъ; больше здѣсь не курите, а тамъ, у себя, какъ спать пойдете. Я дверь отворю въ прихожую да въ сѣни: дяденька пріѣдетъ, а дымъ уже пройдетъ.

Она растворила дверь; Сергѣй Павловичъ пожался отъ холода.

— Изъ чего столько хлопотъ? сказалъ онъ:—что-жъ, что дымъ? Василій Иванычъ самъ куритъ хуже этого.

— Да вѣдь то онъ самъ.

— А вчера Перевицкій надымилъ всю гостиную, мальчишка въ восемнадцать лѣтъ.

— Да вѣдь онъ ужъ чинъ имѣетъ.

— Прекрасно! вскричалъ Сергѣй Павловичъ, хохоча очень громко и съ досадой:— стало быть, тотъ, кто имѣетъ чинъ, имѣетъ и право курить, а кто не имѣетъ... Послѣ этого, я, можетъ быть, не имѣю права пить и ѣсть?

— Что вы? Богъ съ вами! возразила робко Клавдія Яковлевна.

— Конечно, такъ; развѣ, два часа назадъ, когда мы тутъ щелкали зубами отъ холода, вы не предложили мнѣ напиться чаю «по секрету»?

— Вѣдь это почему? прервала она умоляющимъ голосомъ:—это потому, что я безъ дяденьки никогда не велю для себя самоваръ грѣть: что изъ одного человѣка хлопотать?.. Если дяденька узнаетъ, ему можетъ странно показаться, съ чего я вздумала; я и не велѣла сказывать.

— А если онъ узнаетъ и ему «странно покажется», онъ вамъ сдѣлаетъ исторію?

— Что вы, Сергѣй Павлычъ? онъ добрѣйшая душа... я ему всю мою жизнь обязана.

— Можетъ быть; только, видите ли, это очень тяжело; дрязги разныя... Благодѣяніе—хорошая вещь, благодарность тоже; но когда изъ-за нихъ приходится такъ много выносить... Позвольте запереть двери.

Пока онъ выходилъ, Клавдія Яковлевна, затрудняясь вести разговоръ такъ, какъ онъ случайно направился, и думая только о комфортѣ молодого человѣка, выбѣжала въ другую комнату и возвратилась съ кацавейкой, которую держала, сжавъ въ комокъ.

— Надѣньте, сказала она, посмѣиваясь и конфузясь и набрасывая теплую одежду

на молодого человѣка:—у печки висѣла, чудо какъ хорошо!.. И какъ вамъ къ лицу! договорила она, краснѣя отъ смущенія и удовольствія.

— Чрезвычайно къ лицу! отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, насмѣшливо улыбаясь, но не стараясь сбросить благодѣтельную кацавейку, потому что продрогшія его плечи и руки ощутили неизъяснимое наслажденіе.

— Я бы съ васъ такъ портретъ сняла, сказала Клавдія Яковлевна и оробѣла окончательно.

Она взялась за свое вязанье, въ торопяхъ спустила двѣ петли и поднимала ихъ, чувствуя, что ея пальцы дрожатъ, и не смѣя оглянуться на молодого человѣка. Клавдія Яковлевна была очень счастлива, что ему тепло и что онъ опять сѣлъ около нея. Наслаждаясь про себя этимъ счастьемъ, она обратилась къ Сергѣю Павловичу, только услыша его нисколько нецеремонную зѣвоту.

— Вы почивать бы пошли, сказала она нерѣшительно: — что вамъ дяденьку дожидаться?

— Я не привыкъ такъ рано ложиться, возразилъ Сергѣй Павловичъ: — а дяденьки я вовсе не жду.

— Что-то теперь въ Москвѣ дѣлается? продолжала она послѣ минутнаго молчанія: — балеты теперь, театры... вы сказывали...

— Можетъ быть, отвѣчалъ онъ неохотно.

Клавдія Яковлевна инстинктивно поняла, что не нужно продолжать объ этомъ предметѣ.

— Что вы въ гости не поѣхали съ дяденькой, на именины? заговорила она опять: — дяденька, кажется, хотѣлъ васъ взять съ собой.

— Хотѣлъ, да я не поѣхалъ.

— Почему-жъ не поѣхали?

— У меня нѣтъ фрака, отвѣчалъ онъ нетерпѣливо.

— А сюртукъ вашъ московскій? вѣдь онъ совсѣмъ новый.

— Въ сюртукахъ на именины не ѣздятъ, прервалъ Сергѣй Павловичъ еще нетерпѣливѣе.

— Теперь тамъ что народу! продолжала Клавдія Яковлевна: — Семенъ Астафьичъ любитъ назвать много.

— Да, у нихъ весело, сказалъ разсѣянно Сергѣй Павловичъ.

— Этого я не нахожу, возразила она: — я тамъ хоть рѣдко бываю, изъ года въ годъ разъ...

— Почему вы чаще никуда не ѣздите?

— Некогда, отвѣчала она: — и дяденька не любитъ, скажетъ: «завѣтренничалась».

Сергѣй Павловичъ сталъ смотрѣть на нее внимательнѣе; послѣднія слова Клавдіи Яковлевны напомнили ему о ея лѣтахъ и наружности. У Клавдіи Яковлевны были довольно густые волосы—но несчастнаго пепельнаго цвѣта, которые даже и въ молодости отливаютъ то желтоватымъ, то бѣлымъ, такъ что преждевременно кажутся сѣдыми. Ея лицо было нѣсколько велико и полно, ротъ великъ, носъ длиненъ, глаза очень свѣтлы и малы. Это лицо еще могло бы нравиться лѣтъ въ шестнадцать, когда черты не успѣли совершенно сложиться, а румянецъ и свѣжесть оживляли его. Теперь на немъ не оставалось и слѣда свѣжести; румянецъ лоснился, напоминая загаръ и хозяйственныя занятія; взглядъ, добродушный и кроткій, постоянно выражалъ покорность и готовность услужить; но именно это постоянное выраженіе и дѣлало его утомительнымъ. При взглядѣ на Клавдію Яковлевну становилось какъ-то неловко и жаль ее; какъ-то невольно приходило на мысль, что, вѣроятно, у этого существа, некрасиваго и вѣчно хлопотливо занятаго, не было молодости съ ея забавами, не было пріятныхъ дней отдыха и бездѣлья въ тѣ годы, когда утомленіе начинаетъ напоминать о годахъ. Невольно думалось, что она бывала отчуждена отъ веселившейся молодежи за свою робость и свой тщательно сберегаемый старомодный нарядъ; становилось грустно за эту хозяйку, мало замѣчаемую гостями, за эту хозяйку, которая, сбившись съ ногъ, чтобъ угостить ихъ на какомъ-нибудь деревенскомъ торжествѣ, офиціальномъ празднованьи именинъ или престольнаго праздника, едва находитъ время пообѣдать стоя, холодными остатками чего нибудь... Все это приходило въ голову при взглядѣ на Клавдію Яковлевну, между тѣмъ какъ она, конечно, не догадывалась, что особеннаго или печальнаго могъ найти въ ней наблюдатель: поэтому она и смутилась, замѣтя пристальный взглядъ молодого человѣка.

— Что вы такъ смотрите? спросила она.

— Кузина, спросилъ Сергѣй Павловичъ, вмѣсто отвѣта:—давно ли вы живете у дяди?

— Какую вы старину спрашиваете! отвѣчала она. — Я послѣ папеньки двухъ мѣсяцевъ осталась, когда его на войнѣ убили; мы съ маменькой жили въ городѣ... уѣздный одинъ городъ, далеко... я все имя забываю. У маменьки родные были тоже бѣдные, сами

нужду терпѣли: имъ не до насъ было. Очень было маменькѣ трудно. А о дяденькѣ Васильѣ Иванычѣ мы и понятія не имѣли: папенька все въ походахъ, сколько лѣтъ съ нимъ не видался. Мнѣ было уже лѣтъ пять, какъ одинъ разъ получаетъ маменька письмо съ почты: дяденька Василій Иванычъ ей пишетъ, что онъ какъ-то по газетамъ узналъ, гдѣ мы живемъ, рекомендуетъ себя и зоветъ, чтобъ она пріѣхала къ нему со мной жить; мы и пріѣхали.

— Стало быть, вашъ отецъ убитъ въ кампанію двѣнадцатаго или тринадцатаго года?

— Да. Мнѣ, должно быть, пошелъ не то тридцать-седьмой, не то тридцать-восьмой годъ.

— Ваша мать долго жила здѣсь?

— Пять лѣтъ: это я ужъ хорошо помню. Дяденька ее очень обласкалъ; ей хозяйство препоручили. Маменька не привыкла въ походахъ: такъ потомъ больше меня пріучали, когда я стала выростать. Въ гости маменька мало ѣзжала, сосѣди съ ней мало знакомились, да и она сама не хотѣла. Одинъ разъ... вотъ такъ же, какъ вы сегодня... дяденька сталъ ее звать съ собой, она: «не хочу, не хочу» и осталась. Я, бывало, всегда верчусь, когда дяденька куда сбирается, проводила его, бѣгу къ ней, она плачетъ. «Что вы, мамаша?» Какая я была глупая, въ самомъ дѣлѣ! еще спрашиваю: «отчего вы, мамаша, въ гости не поѣхали?» Маменька моя была прехорошенькая — я вамъ портретъ покажу—и молода была. «Какъ же, говоритъ, я поѣду? что я надѣну?..» Ахъ, да это и было сегодня именно, первое сентября! дяденька тоже ѣздилъ на именины къ Семену Астафьичу... Каково это? тридцать лѣтъ!

— Но дядя тогда былъ еще довольно молодой человѣкъ, замѣтилъ Сергѣй Павловичъ, между тѣмъ какъ она остановилась, тронутая.

— Должно быть, молодой... Знаете, я его не помню молодымъ, продолжала Клавдія Яковлевна, оживляясь своимъ разсказомъ:— всегда, какъ вы его видите, пасмурный, только прямѣе держался. Не помню, чтобъ онъ щеголялъ когда-нибудь; не замѣтила я, когда онъ сталъ сѣдѣть... Онъ только всегда былъ съ нами очень добръ. Помню, тогда, какъ я вамъ говорила, маменька перестала плакать, поцѣловала меня и говоритъ: «Я грѣхъ дѣлаю, что плачу, Клавденька; мы съ тобою всей нашей жизнью обязаны братцу. Сохрани тебя Богъ попросить у него или пожелать чего нибудь прихотнаго: онъ все своими трудами нажилъ и съ нами дѣлится...»

— И вы ничего не просили и не желали?

— Никогда; я такъ маменькѣ обѣщала, когда она кончалась. Да чего мнѣ желать? я сыта, одѣта, обута, я въ домѣ госпожа... ну, конечно, тамъ иногда меня не слушаютъ; Аграфена (она за маменькой ходила) попрекнетъ когда; да вѣдь она ужъ стара, она маменькѣ служила... Въ гости я сама ѣздить не люблю; особенно, нынче: всѣ стали какіе-то модные.

— Для чего дядя не отдалъ васъ въ какой нибудь пансіонъ.

— Право, не знаю. Я, какъ маменька скончалась, просилась у него; должно быть, это дорого стоитъ. А потомъ дѣла столько было по хозяйству, что и некогда было. Меня отецъ Иванъ училъ. Вы его видѣли; онъ теперь старый такой, дьяконъ нашъ.

Клавдія Яковлевна разсмѣялась.

— Вотъ все и ученье. Вамъ, я думаю, смѣшно на меня было, какъ вы сюда пріѣхали. Что-жъ дѣлать!

— Но если вы чувствовали, что вамъ недоставало... образованія, сказалъ Сергѣй Павловичъ, затрудняясь, какъ сказать деликатнѣе и не думая, что самый вопросъ неделикатенъ: — почему-жъ вы не старались дополнить его сами?...

Она не поняла его и потому не отвѣчала.

— Вы занимались чѣмъ нибудь? договорилъ онъ.

— Какъ же! Вы видите, сколько у меня дѣла; я сложа руки никогда не сижу. Счастливые, право, эти мужчины: нѣтъ у нихъ дѣла—и горя имъ мало.

— Вотъ у меня нѣтъ дѣла, а мнѣ очень скучно, сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Развѣ вамъ веселѣе было тамъ, въ ученьи?

— Конечно, веселѣе; весь день былъ такъ благородно занятъ, мысль такъ хорошо настроена...

— И вы цѣлый день сидѣли за книжками?

— Не за книжками, а учился цѣлый день.

— Когда же вы успѣвали въ театры, въ маскарады?

— На все бывало время. Устанешь—бросишь книги и веселишься.

— И часто вы это дѣлали?

— Дядя всякій день твердитъ, что я только это и дѣлалъ, возразилъ Сергѣй Павловичъ съ досадой.

Клавдія Яковлевна не отвѣчала.

— Пожалуй, онъ еще говоритъ, продолжалъ молодой человѣкъ: — что я отъ театровъ и маскарадовъ не кончилъ курса, что я лѣнивецъ, неучъ и никуда не гожусь... Я

не кончилъ курса, но все же, кажется, больше знаю, нежели тѣ, кто его и не начиналъ. Я не доучился, но имѣю всѣ начала, чтобъ доучиваться. Я не умѣю считать копны, да у меня ихъ никогда и не было, а будутъ — наука не велика, какъ нибудь сочту и, надѣюсь, не хуже этихъ деревенскихъ мудрецовъ... Видите, какъ я смѣлъ веселиться! Но мнѣ двадцать-три года — сочли бы это: я не рыба! Перевицкій имѣетъ право заложить свои двадцать душъ и катать на тройкѣ съ бубенчиками, а я, тѣхъ же лѣтъ, но потому только, что еще слушаю курсъ, не могу продать связку старыхъ букварей и разной рухляди, чтобъ абонировать себѣ мѣсто въ райкѣ! Страшное преступленіе, подумаешь. Какъ не твердить о немъ съ утра до ночи! Какъ не разсказывать всякому встрѣчному, что «вотъ де-племянникъ исключенъ, и я не знаю куда съ нимъ дѣваться!...» Пусть не безпокоится: я найду себѣ мѣсто, не обременю его!

— Ахъ, не говорите этого! прервала Клавдія Яковлевна:—никогда дяденька не говоритъ, чтобъ вы его обременяли! Еслибъ вы знали, какъ онъ сокрушался, когда узналъ, что васъ исключили, только, бывало, и твердитъ: «Пусть онъ пріѣдетъ, Клавденька, я ему денегъ пошлю...»

— И прислалъ ихъ ровно столько, чтобъ я могъ придти къ нему пѣшкомъ, прервалъ молодой человѣкъ.—Я и вышелъ пѣшкомъ, изъ Москвы, потому что мнѣ было совѣстно сѣсть въ телегу, которую я нанялъ; она дожидалась меня у заставы. Я поневолѣ продалъ все, что у меня было, кромѣ самаго необходимаго, чтобъ не предстать предъ дядюшкой совершеннымъ оборванцемъ. Я даже не простился съ товарищами... Вотъ тоже предубѣжденіе. Спросите дядюшку, что онъ думаетъ о моихъ товарищахъ?

Клавдія Яковлевна молчала.

— Не спорю, продолжалъ онъ, принявъ ея молчаніе за упрекъ:—дядя сдѣлалъ для меня много, далъ мнѣ пріютъ и хлѣбъ насущный, когда у меня не было ни того, ни другого; но онъ не догадывается, что для человѣка этого мало. Не виноваты мы оба въ томъ, что родились почти полувѣкомъ одинъ прежде другого; но я цѣню то, что въ немъ есть хорошаго, а онъ ничего не видитъ хорошаго ни во мнѣ, ни въ людяхъ моего поколѣнія. Мнѣ за все обидно слушать его. Онъ признаетъ добро только тамъ, гдѣ оно удается, только въ его конечныхъ результатахъ, только въ увѣнчанномъ успѣхѣ... Смѣшно, право, что, по его понятіямъ, добро—это увѣнчаніе успѣха! Кончи я курсъ, получи я мѣсто, я въ его глазахъ былъ бы совсѣмъ другой человѣкъ, герой... чиновникъ! Просто, смѣшно! Этотъ дядюшка—прекрасно, отлично-сохранившійся образчикъ стариннаго, добровольно-слѣпого упрямства, того упрямства, которое допускало геніевъ умирать въ съумасшедшихъ домахъ за тѣ самыя изобрѣтенія, которымъ нашъ вѣкъ поклоняется и ставитъ памятники... Я не дошелъ нѣсколькихъ шаговъ, но вѣдь прошелъ же всю дорогу!..

Сергѣй Павловичъ прервалъ свой монологъ, вспомнивъ, что его совершенно не понимали.

— Право, дяденька васъ очень любитъ, сказала Клавдія Яковлевна, не зная какъ его успокоить.—Вы съ нимъ, можетъ быть, характеромъ несходны, да это, какъ осмотритесь, пройдетъ; вы сами увидите, если годъ-два съ нами проживете...

— О, сохрани Боже! вскричалъ Сергѣй Павловичъ.

Онъ такъ стремительно вскочилъ съ мѣста, что его движеніе испугало Клавдію Яковлевну.

Ей, конечно, случалось видѣть печали, даже большія несчастія, случалось утѣшать ихъ по возможности, но еще никогда не видѣла она такой непонятной печали. Нравственное недовольство было для нея совершенной загадкой; оно выражалось въ словахъ, которыхъ она никогда не слыхала. Для нея, въ ея возрастѣ, при ея привычкахъ, ужъ было поздно угадывать за этими словами другую жизнь, міръ размышленія и чувства, но тѣмъ болѣе ее пугала раздражительность этихъ словъ. Отыскивая всегда и всему матеріальную причину, старая дѣвушка думала утѣшить молодого человѣка, доставляя ему разныя маленькія удобства. Въ этотъ вечеръ, напримѣръ, она напоила его чаемъ, надѣла на него кацавейку, дала ему вволю накуриться папиросъ, которыя достала съ великимъ трудомъ и подъ великимъ секретомъ отъ дяди, употребивъ на это часть крошечнаго капитала, который сбирала въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Клавдія Яковлевна думала, что сдѣлала все, чтобъ успокоить человѣка; но этотъ человѣкъ не успокоился, напротивъ, онъ былъ еще больше раздраженъ. Что бы ни говорили противъ этого, а матеріальныя лишенія заставляютъ молчать мысль, и гнѣвъ голоднаго, происходящій нѣсколько и отъ физической причины, можетъ быть, страшнѣе наружно, но внутренно не злѣе сознатель-

наго гнѣва сытаго человѣка... Клавдія Яковлевна выдумывала, чѣмъ еще можно утѣшить «бѣднаго мальчика...» Его послѣднія слова испугали и огорчили ее почти до слезъ.

— Я не знаю, за что вы насъ не любите, рѣшилась она сказать, когда Сергѣй Павловичъ наконецъ возвратился на свое мѣсто.

— Развѣ я говорю это? возразилъ онъ. (Ему стало какъ-то совѣстно). — Я вамъ сказалъ, что очень благодаренъ дядѣ... я нисколько не шучу—увѣряю васъ; но мнѣ скучно здѣсь смертельно; и всякому молодому человѣку было бы точно такъ же скучно на моемъ мѣстѣ. Дядя не понимаетъ этого: онъ такъ вѣкъ прожилъ. Неужели онъ или вы въ самомъ дѣлѣ воображаете, что для меня большое удовольствіе, напримѣръ, играть въ фанты съ барышнями у Семена Астафьича?

— А что же?.. спросила Клавдія Яковлевна съ сожалѣніемъ, но вмѣстѣ и съ ожиданіемъ.

— Право, продолжалъ Сергѣй Павловичъ, спохватившись, что его послѣдняя разочарованная выходка была не совсѣмъ искренна:—дядя думаетъ, что можно жить не читая, не занимаясь; что человѣку довольно выспаться, наѣсться и опять лечь спать для душевнаго наслажденія! Можетъ быть, такъ и бывало въ старину, только теперь не такъ. Я нисколько не считаю себя мудрецомъ, ученымъ, непризнаннымъ геніемъ, но я не могу выносить этой жизни, этого общества. Я видѣлъ лучшее, слышалъ лучшее, изучалъ... я не доучился! Вѣдь это можно говорить только ребенку! Какъ будто въ наукѣ можно поставить точку и сказать: кончено! Насколько все, что я успѣлъ узнать, просвѣтило мою душу, сдѣлало ее понятливѣе и, слѣдовательно, требовательнѣе — никто объ этомъ не потрудится подумать; а еслибъ и потрудился, я же останусь виноватъ: безъ чина, изволите видѣть, «не можно смѣть свое сужденіе имѣть!»

— Вы попросили бы дяденьку, сказала робко Клавдія Яковлевна: — чтобъ онъ записалъ васъ въ городѣ, въ судъ или гдѣ нибудь — вотъ вы и чинъ получите...

— Что-жъ, я отъ этого умнѣе буду? прервалъ Сергѣй Павловичъ.

— Я не знаю... начала она, совсѣмъ сконфузясь.

— Вы очень добры, сказалъ Сергѣй Павловичъ послѣ минутнаго молчанія, стыдясь своей рѣзкости.—Увѣряю васъ, ваше доброе слово для меня дороже всѣхъ дядюшкиныхъ милостей; я знаю, вы говорите отъ сердца, еслибъ вы даже бранили меня, я слушалъ бы васъ терпѣливо.

— Полноте! прервала она, краснѣя и стараясь скрыть удовольствіе, которое доставили ей эти слова:—за что мнѣ васъ бранить? вы всегда со мной были хороши, я же ничего для васъ не сдѣлала. Вамъ со мной только скука одна.

— Мнѣ съ вами гораздо веселѣе, чѣмъ съ другими.

— Полноте смѣяться!

— Конечно; вы мнѣ не противорѣчите, вы меня не обижаете на каждомъ словѣ.

— Это такъ; да изъ чего же мнѣ васъ обижать? А съ чужими вамъ, конечно, веселѣе, сказала она печально, не смѣя опредѣленнѣе выразить свою мысль.

Сергѣй Павловичъ не догадался, что кузина хотѣла намекнуть на молодыхъ барышень, дочерей Семена Астафьевича Токунова. Онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ. Еслибъ Клавдія Яковлевна была молода и недурна, онъ сказалъ бы больше—конечно, не о добротѣ ея сердца; впрочемъ, не сказалъ бы ничего искреннѣе. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ ей благодаренъ, хотя совершенно равнодушно думая, напримѣръ, что она женщина апатическая и ограниченная, и слѣдовательно, съ ней можно меньше церемониться, потому что она одного не пойметъ, другимъ не тронется...

Они около двухъ мѣсяцевъ жили вмѣстѣ, съ того печальнаго дня, когда Сергѣй Павловичъ грустно оставивъ поприще науки, еще грустнѣе явился въ Даниловку. Спачала они дичились другъ друга—Клавдія Яковлевна отъ робости, Сергѣй Павловичъ отъ невыносимо тяжелаго сознанія своего положенія отъ предубѣжденія, что кузина, любимица дяди, должна быть такъ же сурова, какъ дядя, нѣсколько оттого, что кузина была немолода и непривлекательна. Но ея робость прошла, а къ непривлекательности ея онъ привыкъ такъ же, какъ начиналъ привыкать къ сознанію своего положенія. Лучше сказать, онъ составилъ себѣ нравственное положеніе этимъ сознаніемъ: тоскуя въ самомъ дѣлѣ, онъ дотосковался до того, что вообразилъ себя угнетеннымъ судьбою, неизвѣстно за что. Наука, которою, сказать по совѣсти, онъ не очень увлекался, когда надо было ею заниматься, въ отдаленіи представилась ему въ своемъ настоящемъ блескѣ. Случилось только, что молодой человѣкъ сталъ жалѣть не о томъ, что потерялъ время, а о самомъ себѣ, принимая свои запоздалыя стремленія за прошлую твердую волю, принимая за познанія тѣ смѣшанные отрывки, которые кру-

жились въ его памяти, принимая за тоску о чемъ-то высшемъ— движенія досады и самолюбія. Чтобъ утѣшиться въ горѣ, которое въ первыя минуты поразило его истинно и сильно, онъ вообразилъ себя самого лучше, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ; увлекаясь этой фантазіей, онъ, натурально, сталъ держаться довольно гордо, позволялъ себѣ раздражаться, жаловаться, осуждать многое и многихъ. Въ глазахъ людей, понимающихъ въ чемъ дѣло, Сергѣй Павловичъ показался бы жалкимъ; въ кружкѣ, куда бросила его судьба, онъ казался виноватымъ и — интереснымъ...

Послѣднее опредѣленіе, конечно, принадлежало женщинамъ.

Лѣтніе дни, когда ягоды, варенье, сборъ плодовъ, разныя заготовленія въ прокъ поглощали все время Клавдіи Яковлевны, когда покосы, жатва, уборка ярового и посѣвъ озимого держали дядю съ утра до ночи внѣ дома, оставляя ему свободными только часы обѣда, полдника, ужина и сна, эти лѣтніе дни вызывали и Сергѣя Павловича изъ-подъ кровли, довольно низко наклонившейся надъ комнатой, которую онъ занималъ въ свѣтелкѣ. Сергѣй Павловичъ уходилъ въ садъ, подъ яблони, спать: дѣлать было нечего, читать тоже; единственный печатный листъ, который онъ видѣлъ въ домѣ дяди, былъ февральскій нумеръ вѣдомостей, присланный кѣмъ-то, какъ новость, въ іюлѣ. Садъ, что очень понятно, присмотрѣлся въ нѣсколько дней; къ тому же, вечеромъ комары въ немъ были нестерпимы. Сергѣй Павловичъ вздумалъ осмотрѣть окрестность, хотя болото съ одной стороны и песчаный бугоръ съ другой были нисколько не заманчивы. Для этой прогулки молодой человѣкъ нашелъ приличнымъ замѣнить сѣрый сюртукъ домашняго шитья, подаренный ему дядею вскорѣ послѣ пріѣзда, щегольскимъ пальто, однимъ изъ остатковъ своего московскаго величія. Предполагать какую нибудь встрѣчу въ этой пустынѣ было невозможно; Сергѣй Павловичъ шелъ искать приключеній. Онъ взобрался на песчаную гору и, пройдя версты три между двумя полями жиденькой ржи, очутился въ климатѣ болѣе благопріятномъ. Маленькій, кудрявый лѣсокъ зеленѣлъ и шумѣлъ очень привѣтливо; вокругъ него была лужайка, покрытая низенькимъ кустарникомъ въ родѣ ракитника, съ пышными кистями красносизыхъ цвѣтовъ, что дѣлало ее похожею на цвѣтникъ; бѣлыя астры, желтыя царскія свѣчи, лиловые колокольчики очень пріятно разнообразили ее своею пестротою. Даже и не человѣку, двѣ недѣли занятому созерцаніемъ однихъ болотъ, показалось бы весело провести вечеръ на этой лужайкѣ и захотѣлось бы прійти сюда въ другой разъ. Сергѣй Павловичъ сѣлъ отдохнуть, снялъ фуражку; но онъ еще не успѣлъ предаться размышленіямъ, какъ изъ лѣса показалось цѣлое семейство помѣщиковъ, ходившихъ за грибами. Это былъ самъ почтенный Семенъ Астафьевичъ Токуновъ съ двумя дочерьми, сыномъ, невѣсткою и внучатами. Они узнали Сергѣя Павловича, хотя не видѣли его никогда, но давно слышали о его пріѣздѣ, окружили его, стали разспрашивать о Москвѣ, о дядѣ, о его собственномъ здоровьѣ. Онъ не зналъ, какъ ему держаться: вслѣдствіе своихъ размышленій, онъ готовился къ непріязни, къ высокомѣрію, и былъ удивленъ, находя привѣтливость, правда, нѣсколько любопытную, но, казалось, искреннюю. Его звали пить чай; Семенъ Астафьевичъ сказалъ даже, что велитъ его отвезти домой, если онъ запоздаетъ; но Сергѣй Павловичъ нашелъ неловкимъ принять всѣ эти предложенія съ перваго раза и, для поддержанія своего достоинства, отказался. Когда онъ прощался, меньшая дочь Семена Астафьевича, хорошенькая Алина, съ узенькой черной бархоткой на бѣлой шейкѣ, улыбнулась ему особенно пріятно, впрочемъ, не сказала ничего; сестра шепнула ей что-то на ухо; но это ей видимо не понравилось, и она надула губки. Сергѣй Павловичъ всегда любилъ молодыя и непосредственныя натуры; онъ сказалъ на другой день дядѣ, что Токуновы звали его къ себѣ, и отправился съ визитомъ, который повторилъ на другой и на слѣдующіе дни.

Онъ, конечно, не разсказывалъ Клавдіи Яковлевнѣ, чѣмъ онъ занимался у Токуновыхъ, и какое впечатлѣніе производила на него Алина, милая «малютка», недавно выпущенная изъ какого-то пансіона, находившая Сергѣя Павловича «очень интереснымъ»; но Клавдія Яковлевна сдѣлалась какъ-то моложе, догадливѣе, ж е н с т в е н н ѣ е, съ тѣхъ поръ, какъ въ одномъ домѣ съ нею поселился молодой человѣкъ. Она безъ объясненій Сергѣя Павловича поняла, что заставляетъ его дѣлать почти всякій день этотъ трехверстный походъ. Въ первую минуту ей стало какъ будто грустно; въ ней шевельнулось что-то похожее на досаду и почти зависть, но все это очень скоро затихло. Есть женщины, конечно, немногія, которыя съ дѣтства такъ проникаются покорностью судьбѣ, давшей имъ невыгодное положеніе въ обществѣ, или некрасивую наружность, что считаютъ свое

сердце не въ правѣ чувствовать и чего нибудь желать. Эти женщины смотрятъ на торжество другихъ женщинъ надъ ними какъ на что-то непреложное, неизбѣжное, совершающееся по такому законному порядку вещей, что онѣ не могутъ и не должны протестовать. Онѣ благоговѣютъ предъ красотой своихъ соперницъ, слушаютъ, не волнуясь, разсказы о ихъ успѣхахъ, даже бываютъ повѣренными въ любви мужчинъ къ этимъ счастливицамъ; нѣкоторыя въ этихъ случаяхъ возвышаются до самоотверженнаго чувства, забывая, или совсѣмъ не думая, сколько эти разсказы, это восхищеніе, эти выраженія любви обидны, если оглянуться на ихъ собственное положеніе; забывая, или не думая, что эта дружба, которая относится къ нимъ съ своей откровенностью, очень неделикатна... Клавдія Яковлевна была одной изъ этихъ рѣдкихъ, феноменальныхъ женщинъ, хотя, конечно, ея покорность, самоотверженіе, деликатность были не сознательны, а инстинктивны, какъ у всякаго существа, непривыкшаго размышлять. Послѣ минутной досады, она подумала, что у нихъ въ Даниловкѣ скучно, что меньшая Токунова хорошенькая барышня, и что молодому человѣку всегда весело съ молодыми барышнями. Сергѣй Павловичъ былъ прощенъ. Онъ былъ прощенъ такъ полно, что Клавдія Яковлевна сама стала заботиться, чтобъ удовольствіе доставалось ему какъ можно полнѣе. Она нарочно при дядѣ стала давать Сергѣю Павловичу порученіе къ Токуновымъ; если дядя замѣчалъ, что визиты слишкомъ часты, Клавдія Яковлевна отваживалась возражать, что Сергѣю Павловичу дома дѣлать нечего и что «пусть онъ побываетъ у хорошихъ людей». Послѣднее убѣжденіе было всесильно, потому что дядя, Василій Ивановичъ Каватѣевъ и Семенъ Астафьевичъ Токуновъ считались друзьями съ дѣтства. Дядя соглашался, что знакомство хорошее, но продолжалъ ворчать. Конечно, онъ мало безпокоился о томъ, что дѣлаетъ въ гостяхъ его племянникъ, но племянникъ казался ему такимъ виноватымъ и уничтоженнымъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ не могъ понять, какъ можетъ подобный человѣкъ куда нибудь показаться. Сергѣй Павловичъ принималъ въ глазахъ его видъ нераскаяннаго грѣшника, что и высказывалось ему при случаѣ.

Сергѣй Павловичъ продолжалъ свои посѣщенія и прогулки: это было его единственное развлеченіе. У Токуновыхъ часто бывали и другіе сосѣди и сосѣдки; Сергѣю Павловичу бывало пріятно немножко важничать и интересничать въ этомъ неприхотливомъ обществѣ, которое ему иногда удавалось запугивать своею ученостью. Но въ концѣ августа дожди отняли у Сергѣя Павловича возможность выходить изъ дома, и онъ поневолѣ просиживалъ цѣлые дни съ Клавдіей Яковлевной. Она страдала за него, можетъ быть, больше, нежели онъ самъ, по крайней мѣрѣ не отъ скуки и бездѣлья, а отъ чувства, похожаго на печаль бѣдной матери, которой нѣчѣмъ побаловать своего ребенка; отъ чувства, похожаго и на любовь, но безъ малѣйшей ревности, потому что эта любовь была готова отдать своего любимца всякой другой женщинѣ, лишь бы эта другая повеселила его. Часто ей бывало некогда вести съ нимъ долгіе разговоры: какъ настоящая хозяйка, она суетилась, перебѣгая съ мѣста на мѣсто; а когда случалось, что Сергѣй Павловичъ проводилъ при ней нѣсколько часовъ сряду, какъ въ этотъ вечеръ, Клавдія Яковлевна конфузилась, не зная, что говорить; молодой человѣкъ казался ей необыкновенно уменъ и ученъ, а желаніе угодить ему, удовольствіе, что онъ близко, смѣшивали всѣ ея мысли...

Такъ, въ этотъ вечеръ Клавдія Яковлевна рѣшила, что Сергѣй Павловичъ скучаетъ, давно не видавъ Алины, и, еслибъ могла, то, по добротѣ сердца, перенесла бы его къ ней... Не смотря, однако, на эту доброту сердца, Клавдіи Яковлевнѣ было пріятно, что онъ тутъ, съ нею, и сказалъ ей нѣсколько пріятныхъ словъ, никогда ею неслышанныхъ...

Сергѣй Павловичъ довольно долго молчалъ, сидя въ раздумьѣ.

— Что дядѣ никогда не входило въ голову жениться? спросилъ онъ наконецъ.

Клавдія Яковлевна была готова говорить, о чемъ бы ни спросилъ онъ.

— Давно какъ-то, отвѣчала она:—и то не знаю, въ правду ли. Еще маменька была жива. Аграфена стала ей говорить, что дяденька хочетъ свататься и насъ уже не станетъ въ домѣ держать. Какъ теперь помню, при мнѣ это было; маменька сказала: «на то его воля», а Аграфена все это переплела; дяденькѣ, должно быть, отказала невѣста... не знаю навѣрное; мнѣ было не у кого разспросить; Аграфена сказала ему, будто все по маменькину наговору. Исторія изъ этого вышла, покуда, наконецъ, дяденька разобралъ, что маменька не виновата.

— Нечего сказать, пріятная жизнь! сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Что-жъ дѣлать? продолжала она:— безъ того ни одинъ человѣкъ не проживетъ,

чтобъ чего нибудь на своемъ вѣку не вынести.

— Положимъ, чего нибудь, возразилъ онъ:—но не эти грязныя, кухонныя исторіи. Плакать—такъ ужъ о дѣлѣ, терпѣть—такъ ужъ отъ человѣка; а такъ, какъ вы... знаете; вѣдь это значитъ жить даромъ.

— Что-жъ дѣлать? повторила Клавдія Яковлевна, вздохнувъ.

— Вы неприхотливы, вы привыкли съ дѣтства, вы такъ искренно благодарны дядѣ, что довольны всѣмъ, что онъ вамъ даетъ; но это еще не счастье, не спокойствіе жизни...

— Какъ же? возразила она:—развѣ я не всѣмъ успокоена?

Сергѣй Павловичъ помолчалъ съ минуту.

— Можетъ быть, сказалъ онъ:—я дурно дѣлаю, что навожу васъ на мысли, которыхъ у васъ еще не бывало, но мнѣ не вѣрится, чтобъ ихъ не бывало. Вамъ казались теплы эти комнаты, вы не желали нарядовъ, но вы жили все одиноко; вы, вѣрно, не разъ пожелали, чтобъ съ вами подружился кто нибудь, чтобъ съ кѣмъ нибудь отвести душу. Что же цѣлый день хозяйство, да хозяйство...

— Кому со мной дружиться? сказала Клавдія Яковлевна:—что я за знакомая? Я ничего не знаю, не вижу; что со мной говорить!..

— Для дружбы не нужно, чтобы мы что нибудь знали или видѣли: тутъ нужна только добрая душа да откровенность. У васъ бывали и радости...

— Немного ихъ бывало! сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Такъ бывало горе, и вамъ некому было его разсказать.

Онъ остановился, замѣтивъ, что огорчалъ ее сильнѣе, нежели предполагалъ.

— Знаете что, сказала она вдругъ:—лучше, что не было кому разсказывать. Что жаловаться грѣшно... Да я же и труслива: перенесли бы, какъ нибудь наплели; Боже сохрани, что̀ бы тутъ вышло!

— Мудрено, однако, сказалъ Сергѣй Павловичъ въ раздумьѣ:—прожить всю жизнь молча, не подѣлиться ни съ кѣмъ ни мыслью... Вѣдь вы думаете о чемъ нибудь?

— О чемъ я думаю? спросила Клавдія Яковлевна, кротко смѣясь: — да Богъ знаетъ... ни о чемъ. Вотъ, что есть въ глазахъ, о томъ и думаю? что-жъ тутъ пересказывать? кому будетъ интересно? Молода была, разныя глупости придумывала...

— Какія, напримѣръ? спросилъ онъ, улыбаясь и принимая тонъ старшаго передъ особой, которая почти годилась ему въ матери.

— Разныя, отвѣчала Клавдія Яковлевна, покраснѣвъ.

— Но, однакожъ, какія? настаивалъ Сергѣй Павловичъ.— Скажите, милая кузина! Да бросьте вашъ чулокъ, поболтаемте... Вотъ вы дождались съ кѣмъ поболтать. Бросьте вашу работу, а не то... посмотрите!

Расшалившись, онъ вдругъ выдернулъ спицы и схватилъ клубокъ. Клавдія Яковлевна ахнула: толстое вязанье распускалось съ неимовѣрной быстротою, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ, которому понравилась эта забава, единственная, какую онъ придумалъ себѣ въ вечеръ, хохоталъ, проворно вытягивая нитку и бѣгая по комнатѣ. Клавдія Яковлевна была принуждена за нимъ слѣдовать; подобное происшествіе случилось съ нею въ первый разъ въ жизни, оно ее оживляло и конфузило—оно ей нравилось.

— Сергѣй Павлычъ, перестаньте, пустите! повторяла она, жалѣя о своей работѣ и смѣясь, не зная чему.

— Попросите хорошенько, отвѣчалъ онъ, увертываясь отъ нея и убѣгая.

— Какъ же мнѣ васъ просить, Сергѣй Павлычъ?

— Какъ нибудь. Вы все церемонитесь, все «Сергѣй Павлычъ...» «Serge, Сережа, миленькій», какъ нибудь...

Онъ сбирался бѣжать въ гостиную.

— Ну, Serge, ну, миленькій, отдайте, сказала она, совсѣмъ уставая.

— Вотъ такъ, хорошо! Извольте, отвѣчалъ онъ послушно. — Постойте: вы всегда будете меня такъ называть?

— Всегда, всегда, сказала Клавдія Яковлевна, немного нетерпѣливо отъ усталости.

Онъ отдалъ ей вязанье; она взяла его охотно. Ее почти испугало такое отступленіе отъ ея чинныхъ привычекъ.

— Охота вамъ возиться съ старухой! сказала она, принимаясь вдѣвать спицы.

— Какая вы старуха, кузина? возразилъ онъ весело.

Но слова ея напомнили о ея годахъ; Сергѣй Павловичъ подумалъ о нихъ съ минуту и спросилъ, переводя духъ отъ усталости:

— Кузина, почему вы не вышли замужъ?

— Кто же бы меня взялъ за себя? возразила она:—вы видите, какая я дурная.

— Нѣтъ, я этого не вижу; я видѣлъ страшныхъ замужнихъ женщинъ.

— Я ничему не выучена; дяденька сколь-

ко разъ мнѣ говорилъ, что я глупа; я это и сама знаю.

— Богъ ему судья, дяденькѣ, за все, что онъ говоритъ! сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Да къ тому-жъ, бѣдную кто возьметъ? У меня нѣтъ ничего.

— А еслибъ вы были замужемъ, кузина, продолжалъ онъ, садясь на свое мѣсто: — какъ бы мы весело поживали! У васъ былъ бы домикъ хорошенькій въ Москвѣ, вы бы вышли за чиновника; я приходилъ бы къ вамъ; въ театръ ходили бы вмѣстѣ... Давайте придумывать. Какъ вы придумывали, когда были молоды?

— Что придумывать! сказала она печально.

— Нѣтъ, давайте... Я бы лучше жилъ у васъ — хотите? Вашъ мужъ былъ бы славный малый, игралъ бы въ карты понемножку — ничего. По вечерамъ у васъ бывали бы гости; мои товарищи — человѣка три-четыре хорошихъ я знаю, я бы ихъ привелъ: собрались бы хорошенькія дѣвушки, танцовали бы...

Клавдія Яковлевна разсмѣялась.

— Что-жъ бы я-то дѣлала? сказала она:— и пришлось бы мнѣ только хозяйничать, да варенье накладывать, все равно, какъ здѣсь.

— Полноте, кузина! вольно было дядѣ сдѣлать изъ васъ экономку, вмѣсто живой, милой, доброй дѣвушки, которая могла бы составить счастье хорошаго человѣка. Представьте себѣ только: вы бѣдны, вы говорите, что нехороши собою, необразованы; еслибъ за васъ посватался кто нибудь, значитъ, онъ васъ полюбилъ бы истинно... Знаете, какъ пріятно любить! а ужъ быть любимой...

— Дяденька! вскричала Клавдія Яковлевна, вскакивая, потому что услышала, какъ застучали въ сѣняхъ.

Между тѣмъ какъ она шла встрѣчать дядю, Сергѣй Павловичъ схватилъ свои папиросы и убѣжалъ черезъ гостиную.

II.

На другой день Клавдія Яковлевна проснулась еще раньше, нежели имѣла обыкновеніе просыпаться, особенно осенью, когда хозяйственныя хлопоты оставляли ей больше времени для сна. Косые и красноватые лучи солнца, проглянувшіе изъ-подъ тучъ, засвѣтили въ отуманенныя и влажныя окна ея комнаты.

— Что это, батюшки, ни свѣтъ ни заря, поднимается! проворчала Аграфена Степановна, перевертываясь на лежанкѣ, гдѣ она устроила себѣ ложе, между тѣмъ какъ дѣвочки, просыпаясь, одна за другою, суетились по дѣвичьей, какъ птицы въ гнѣздѣ, и страшно хлопали дверьми, вынося свои постели и выбѣгая отворять ставни въ комнатѣ Клавдіи Яковлевны.

— Напасть! продолжала Аграфена Степановна:—Владыка мой, глазъ сомкнуть не дастъ!

Она обернулась лицомъ къ стѣнѣ и заснула. Черезъ полчаса этотъ спокойный сонъ былъ снова потревоженъ стукомъ, раздавшимся подъ нею и надъ нею: двѣ дѣвочки складывали дрова въ печь, проворно подкидывая полѣнья, а третья взобралась на лежанку и, стоя на одной ногѣ у самаго носа Аграфены Степановны, тянулась открыть трубу. Вьюшка вырвалась у нея изъ рукъ и съ громомъ полетѣла на полъ; дѣвочки отскочили, вскрикнувъ, а Аграфена Степановна пробудилась совсѣмъ, очень гнѣвная.

— Что вы тутъ дѣлаете? вскричала она.

Взорамъ ея представилась гладильная доска, примощенная на двухъ стульяхъ. Еще дѣвочка, побольше, вдѣвала на нее холстинковое платье Клавдіи Яковлевны; другая дѣвочка, самая маленькая, смуглая, курчавая, черноглазая, въ коротенькомъ пестрядинномъ платьѣ и босикомъ, вбѣжала изъ сѣней, таща два огромные утюга.

— Нашла! тамъ, на полкѣ были, вскричала она очень громко.

— Что тамъ на полкѣ было? спросила Аграфена Степановна, спускаясь съ лежанки.

— Утюги... отвѣчала старшая, потому что малютка, отъ испуга, потеряла даръ слова.

— На что они вамъ?

— Барышнѣ платье разгладить.

— На что ей платье гладить? куда она его надѣнетъ? развѣ нынче праздникъ какой?

— Онѣ надѣвать хотятъ.

— Франтовство напало! Пускай, коли хочетъ, такъ и надѣваетъ, а я вамъ утюговъ жечь не дамъ. По полкамъ лазить начали... Вотъ я скажу барину; ужъ съ вами моихъ силъ недостаетъ; вы мнѣ съ вашей барышней и такъ на голову сѣли. Тамъ что пропадетъ отъ васъ — я отвѣчай!.. Щеголиться вздумала! Кого прельщать? Молода была, никто глядѣть не хотѣлъ... Долой, долой тряпье это, все сейчасъ долой!

— Аграфена Степановна, сказала Клав-

дія Яковлевна, отворяя дверь своей комнаты и возвышая голосъ, чтобъ ее могли разслышать среди стука и грома, который подняла домоправительница:—пожалуйста, позвольте Дуняшѣ поправить мое платье: вѣдь это недолго...

— Вамъ, матушка, все недолго! И безъ того за вашимъ дѣломъ никто рукъ не покладываетъ! Чѣмъ-свѣтъ, весь этотъ содомъ вскочилъ, печку для васъ топятъ, дѣло побросали; никто еще, Господи благослови, куска хлѣба въ ротъ не положилъ, а ваши препараты готовь—и глаженье, и платье, и утюги, и комнату вамъ мети. Ваша маменька—царство ей небесное, не тѣмъ помянута — въ полку сама себѣ рубашки подсинивала, когда они тамъ, въ польской сторонѣ стояли, да съ жидами; а вы изволите какъ отъ тысячи душъ командовать. Дѣвочки ваши, Дунька ваша, такъ ужъ вы ихъ распустили, такъ распустили. Я дяденькѣ такъ и доложу: нынче ужъ начали сами по чуланамъ да по кладовымъ лазить. У меня тамъ съѣстное, и крупа стоитъ, и окорокъ когда виситъ...

— Да никогда никто въ ваши чуланы не ходитъ, возразила Дуняша: — у васъ они заперты. На полкѣ въ сѣняхъ утюги взяли...

— Молчать же! грозно вскричала Аграфена Степановна.—На то ваша воля, сударыня, что вы всякому позволяете меня всячески конфузить, что я предъ всякой дѣвчонкой у васъ въ дурахъ остаюсь. Я, сударыня, сколько лѣтъ господамъ служу, но ни отъ кого того не видала, что отъ васъ вижу. Я вѣдь все слышу, сударыня, какъ вы изволили вчера пересужать и меня, и сына моего, что мы необразованные да лежебоки; до полуночи съ Сергѣемъ Павлычемъ сидѣли, и только и разговору было. А ужъ о Сергѣѣ Павлычѣ я скажу, хоть вы на меня гнѣвайтесь, не его бы дѣло; самъ онъ хуже нашего брата, бѣднаго, а важности въ немъ не есть конца...

— Что тебѣ сдѣлалъ Сергѣй Павлычъ? прервала Клавдія Яковлевна, едва найдя гдѣ помѣстить свое слово среди этой рѣчи.

— Я вамъ не смѣю ничего говорить, сударыня, потому что онъ вамъ очень милъ. Барышня вы молодая, какъ же? и красавица... а ужъ всѣ сосѣди хохочутъ. За столомъ, когда въ щелку посмотришь, какъ вы сидите, обмираете на него глядя, какой онъ кусокъ возьметъ, чтобъ ему получше. Вамъ дяденькина добра не жаль, все равно будто оно ваше собственное; вы все рады вашему Сергѣю Павлычу предоставить, чтобъ ему понравиться; одни наряды одолѣли...

Клавдія Яковлевна взяла свое платье, сброшенное съ доски, и ушла съ нимъ къ себѣ въ комнату.

— Вотъ тебѣ и разъ! продолжала вслѣдъ Аграфена Степановна:—извините, матушка, что на старости лѣтъ осмѣлилась вамъ сказать, чтобъ вы хоть добрыхъ людей остереглись, когда ужъ своей совѣсти нѣтъ.

Клавдія Яковлевна не слышала этого заключенія, но она его угадывала: краснорѣчіе домоправительницы было ей давно извѣстно, и потому рѣдко производило другое впечатлѣніе, кромѣ досады; на этотъ разъ, однако, оно тронуло ее больнѣе.

«Цѣлый вѣкъ!..» проговорила она, бросая платье на постель, которую убрала сама.

Она заплакала тихонько и горько. Нѣсколько разъ, во время своихъ слезъ, взглядывала она на блѣдный акварельный портретъ хорошенькой женщины, висѣвшій надъ изголовьемъ постели. Этотъ портретъ, пробуждая воспоминанія, только растревоживалъ горе.

«Охъ! правду говорятъ: даромъ прожила!» сказала бѣдная дѣвушка почти громко.

Эти слова вертѣлись у нея въ головѣ до послѣдней минуты предъ сномъ; теперь они вспомнились еще живѣе, когда день привелъ ей опять всю свою обычную заботу и печаль. Она не умѣла разбирать движеній своего сердца; умъ не тяготился окружавшей ее мелочностью и грубостью, но ей было грустно, горько, обидно, и она припомнила, что ей всегда бывало грустно, горько и обидно, что веселость приходила къ ней—она сама не знала почему—всегда безъ причины, или причиной бывали какая нибудь бездѣлица, какой нибудь платочекъ, который дарилъ ей дядя, часто какъ вознагражденіе за несправедливо сдѣланное ей неудовольствіе. Въ первый разъ въ жизни ей стало какъ будто стыдно, что эти подарки утѣшали ее, какъ ребенка. Она не думала, что предъ нею неправы, но рѣшила, что правы тѣ, кто говоритъ, что она глупа—и заплакала объ этомъ. За этимъ грустнымъ и искреннимъ сознаніемъ пришло другое: ее сейчасъ назвали красавицей, а она такъ хорошо знала свое безобразіе! Ей стало очень совѣстно, что въ это самое утро, едва проснувшись, она принялась за свой туалетъ и съ такимъ стараніемъ причесывалась предъ полустертымъ зеркальцомъ, доставъ для этого тщательно сберегаемую дорогую помаду, купленную очень давно, въ важную эпоху жизни—въ свою единственную поѣздку въ губернскій городъ. Тамъ у Клав-

діи Яковлевны такъ разбѣжались глаза на все, что она увидѣла въ лавкахъ и магазинахъ, что она не могла выдержать и, промотавшись, пріобрѣла одно изъ этихъ сокровищъ—крошечную, блестящую баночку. Это мотовство было, конечно, скрыто отъ дяди...

Клавдія Яковлевна сама не знала, почему ей вздумалось нарядиться и надѣть свое любимое платье, сѣрое съ голубыми мелкими клѣточками. Это платье она выбрала себѣ сама, въ одинъ памятный день, когда дядя, развеселившись, позвалъ проѣзжавшаго разносчика и приказалъ племянницѣ «купить, сколько она хочетъ». Клавдія Яковлевна воспользовалась этимъ случаемъ завести между своими нарядами что нибудь себѣ по вкусу, потому что дядя былъ пристрастенъ къ несокрушимымъ матеріямъ и нелинючимъ цвѣтамъ, и не умѣлъ никогда ничего выбрать, кромѣ краснаго шалона, а Аграфена Степановна, которой поручались закупки для барышни въ уѣздномъ городѣ, имѣла особенную способность отыскивать ситцы невѣроятной пестроты и невозможныхъ узоровъ. Клавдія Яковлевна почти привыкла носить птицъ на своихъ платьяхъ; но на одномъ изъ нихъ были изображены собачки, что доставляло несказанное удовольствіе дядѣ, который встрѣчалъ ее всегда какимъ нибудь охотничьимъ восклицаніемъ и давалъ названія этимъ собачкамъ, не стѣсняясь даже при гостяхъ. Клавдія Яковлевна не знала, какъ износить это платье; подарить кому нибудь она не могла такъ же, какъ не могла отказаться сшить его...

Все это вспоминалось ей теперь и заставляло ее плакать; ее возмущало какое-то новое, непонятное чувство; ей было досадно—она сама не знала на кого и за что... Что за бѣда, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ ей вздумалось нарядиться для Сергѣя Павловича? Кто можетъ смѣяться надъ нею, когда никто и не видалъ ихъ вмѣстѣ? Что особеннаго она дѣлаетъ для него? не всякую же минуту бранить его, какъ дядя! Кого Аграфена Степановна видѣла лучше его? Еслибъ онъ былъ богатъ, она не посмѣла бы такъ говорить о немъ; онъ былъ бы для нея и умница, и красавецъ... Клавдія Яковлевна чувствовала себя правою, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала себя въ такой зависимости, изъ которой не было выхода; эта зависимость тяготѣла надъ нею съ дѣтства, грубая, обидная, унизительная, но неизбѣжная. Она привыкла, чтобъ смѣялись надъ ея наружностью и нарядами, надъ ея словами и распоряженіями, чтобъ не слушали ея приказаній; она привыкла спрашивать позволенія и наставленія въ каждомъ своемъ дѣлѣ и отдавать отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ; она привыкла никого не безпокоить и сама служить себѣ почти во всемъ; она боялась всѣхъ, потому что съ дѣтства всѣ умѣли показать ей, что она всякому чѣмъ нибудь обязана, что ее имѣли бы право не слушать. Садовникъ, который одинъ разъ видѣлъ, что маленькая Клавдинька сорвала кисточку смородины и не сказалъ этого дядѣ, говорилъ, что скрывалъ ея вины; кучеръ, подмазывая колеса у дрожекъ, на которыхъ она собиралась ѣхать къ обѣднѣ въ ближнее село, увѣрялъ, что исполняетъ ея прихоти; женщина, смотрѣвшая за бѣльемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ напоминала Клавдіи Яковлевнѣ, что она ее «обшивала» еще маленькую и что теперь у нея глаза становятся плохи... Всѣ эти люди ожидали благодарности, потому что громко и съ пренебреженіемъ говорили, что вознагражденія ждать нечего. Аграфена Степановна, взявшая на себя моральное воспитаніе Клавдіи Яковлевны, потому что, какъ говорила она, «изъ жалости приступилась къ ней, когда умерла ея мать,» требовала благодарности еще сильнѣйшей и, вѣроятно, чтобъ усмирить гордость и своенравіе дѣвочки, всякій день утромъ и на сонъ грядущій повторяла ей, что она нищая и что у нея ехидный характеръ. Дѣвочка не смѣла жаловаться: это значило бы въ самомъ дѣлѣ выказать дурной характеръ; къ тому же она была такъ робка и одинока, что всякое малѣйшее попеченіе казалось ей благодѣяніемъ. Когда пришла пора понимать вещи вѣрнѣе, она увидѣла, что освободиться уже невозможно. Раза два, въ молодости (молодость нетерпѣлива), она не выдержала и довела дѣло до «исторіи». Въ первый разъ дядя заставилъ ее попросить прощенія у Аграфены Степановны; во второй разъ Клавдія Яковлевна сдѣлала это безъ приказанія, чтобъ скорѣе кончить, и съ тѣхъ поръ стала молчать всегда и во всемъ, чувствуя, что лучше не будетъ...

Все это были, конечно, глупыя комедіи на сценѣ кухни и дѣвичьей; но, къ сожалѣнію, у многихъ такъ проходитъ жизнь, и глядя на нее, невольно спрашиваешь: для того ли она начиналась?.. Былъ умъ—онъ отупѣлъ; было чувство — оно измельчало: было желаніе образоваться—его сочли за прихоть, и оно заглохло среди вѣчнаго недосуга. Пришла старость съ своимъ забвеніемъ и привычкой; обновиться было уже поздно, невозможно. Ничье слово никогда не

ободрило бѣдной дѣвушки; она такъ сжилась съ мыслью о своемъ ничтожествѣ, что не завидовала матеріальному счастью другихъ; о потребностяхъ сердца не имѣла она понятія...

Со вчерашняго дня, однако, въ ней проснулось не понятіе, а что-то тревожное, въ родѣ ожиданія, вмѣстѣ болѣзненное и пріятное...

Клавдія Яковлевна никогда не любила, что очень понятно. Любовь бываетъ вездѣ, но приходитъ не ко всѣмъ; она могла заглянуть и въ эту глушь, но не въ сердце Клавдіи Яковлевны, которой было некогда полюбить. Она даже не могла догадаться, что такое это чувство, потому что знала о романахъ только по наслышкѣ, а въ дѣйствительности, ее окружавшей, о любви говорили какъ о чемъ-то смѣшномъ или непростительномъ. Позже, она начала убѣждаться въ этомъ сама, но лѣтъ въ восьмнадцать, когда что-то зоветъ любить, Клавдіи Яковлевнѣ случалось вздыхать и плакать — она сама не знала отчего — и утѣшаться, смотрясь въ маленькое зеркальце и прикалывая цвѣтки шиповника къ своимъ пепельнымъ волосамъ. Нечего и прибавлять, что она дѣлала это одна, «по секрету». Только всевидящая Аграфена Степановна иногда заставала ее за этимъ занятіемъ и читала ей мораль о грѣхѣ щегольства, развивая этотъ предметъ необыкновенно краснорѣчиво, подробно, хотя и неудобопонятно для молодой дѣвушки. Клавдія Яковлевна не могла догадаться, въ чемъ она виновата и какой добродѣтели хотятъ отъ нея. Впрочемъ, она не подвергалась дальнѣйшимъ упрекамъ, потому что кокетство ея ограничивалось этой забавой предъ зеркальцемъ и потому что всѣ мужчины, старые и молодые, посѣщавшіе дядю, не обращали на нее никакого вниманія. Аграфена Степановна, конечно, говорила, что «хорошіе хорошихъ ищутъ», что «такой страшной, какъ Клавдія Яковлевна, такой неуклюжей и невоспитанной она въ вѣкъ не видывала», что «гдѣ ей жениха найти»; за то, по крайней мѣрѣ, она никогда не имѣла повода упрекнуть Клавдію Яковлевну, что она влюбляется, слѣдовательно держитъ себя неприлично...

Упрекъ за Сергѣя Павловича былъ первый въ жизни; оттого ли, или отчего другого, но особенно тронулъ Клавдію Яковлевну. Не зная, какъ любятъ, она не знала, любитъ ли она... Если это въ самомъ дѣлѣ правда, если это любовь, то какой это стыдъ! какой это грѣхъ! какъ глупо въ ея годы!.. Какое, однако, до этого дѣло Аграфенѣ Степановнѣ?..

Между тѣмъ какъ Клавдія Яковлевна размышляла и плакала, дядя Василій Ивановичъ проснулся и, накинувъ теплый бѣличій тулупъ (который продолжали такъ называть, хотя на немъ почти не оставалось признака мѣха), вышелъ пройтись по комнатамъ и узнать о хозяйствѣ. Комнаты были въ порядкѣ, а хозяйство осенью не приноситъ большихъ хлопотъ. Вчерашняя непогода ничему не повредила; во владѣніяхъ Василія Ивановича не было ни одной рѣчки, которая могла бы разлиться и снести мельницу; о чужихъ мельницахъ онъ не безпокоился, потому что въ Даниловкѣ у всѣхъ муки было довольно намолото; риги и амбары были прочно накрыты, а скотъ, который еще выгоняли въ поле, привыкъ отъ своего рожденія ходить по топямъ и болотамъ. Непогода перепортила дороги, но Василій Ивановичъ, съѣздивъ вчера къ Семену Астафьевичу, не безпокоился больше о дорогахъ до зимы. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, потому что наканунѣ выигралъ, играя по маленькой съ двумя чиновниками уѣзднаго города, и вообще провелъ день очень пріятно.

— Что самоваръ не даютъ, Клавдинька? сказалъ онъ, проходя въ корридоръ и отыскивая племянницу.—Гдѣ Клавдинька?

— Онѣ у себя въ горницѣ, отвѣчала одна изъ дѣвочекъ.

— Не вставала? Не больна ли она?

— И, нѣтъ, мой батюшка! возразила Аграфена Степановна необыкновенно умильно:— онѣ сейчасъ сюда выходили, изволятъ одѣваться.

— Восьмой часъ, пора, сказалъ, уходя, Василій Ивановичъ.

— Вчера васъ долго дожидались, продолжала Аграфена Степановна, слѣдуя за нимъ и возвышая голосъ у двери Клавдіи Яковлевны:—и барышня, и Сергѣй Павлычъ, какъ чай откушали, все въ залѣ сидѣли... И я тоже, старый человѣкъ, договорила она, видя, что ея слова не производятъ впечатлѣнія, котораго бы она желала:—и я тоже, сижу здѣсь, жду; дѣвчонки поуснули, а я чулокъ вяжу, сердце обмираетъ: темень такая; ну, сохрани Господи, не здѣсь сказано, что съ бариномъ случится... И сонъ пропалъ—гдѣ! ни въ одномъ глазѣ, тàкъ все слушаю, прислушиваюсь...

— Э, дремала? возразилъ, смѣясь, Василій Ивановичъ:—что-жъ встрѣчать не вышла? Клавдинька со свѣчкой выскочила, а тебя, вѣрно, дѣвчонки не добудились.

— Ихъ власть, батюшка баринъ, все впередъ заискиваютъ! Человѣкъ я старый, и не добѣжишь; а побѣжишь, такъ тебя же толкнутъ: куда суешься? Нынче ужъ народъ такой сталъ, баринъ. Кабы и вздремнула я, выходитъ, не бѣда. Клавдія Яковлевна, конечно, силы у нихъ молодыя, и всю ночь напролетъ, пожалуй, просидитъ, особенно, когда занятіе есть: съ молодымъ человѣкомъ лестно...

— Нашла молодого человѣка! прервалъ, хохоча, Василій Ивановичъ.—Э, старая! ты никакъ ужъ въ самомъ дѣлѣ изъ ума выжила! Ступай-ка вели нести самоваръ, да зови Клавдиньку. Что она тамъ...

— Несутъ самоваръ, сударь, а Клавдія Яковлевна, я вамъ докладывала, одѣваться изволитъ.

— Что это она вздумала?...

— Не знаю-съ, отвѣчала Аграфена Степановна, услыша, что идетъ барышня, и принимая нестерпимо-покорный и смиренный видъ:—мнѣ, баринъ, было дѣло ихъ останавливать, когда онѣ маленькія были; я тогда все равно за ними была, что мать родная, а теперь онѣ ужъ свое понятіе имѣютъ...

Клавдія Яковлевна вошла; на ней была вчерашняя блуза и большой платокъ. Она поцѣловала руку дяди и принялась дѣлать чай, молча и сконфуженная, будто виноватая, между тѣмъ какъ Аграфена Степановна покорно прислуживала ей, подавая полотенце, подвигая сахарницу, мѣшаясь, гдѣ ея было совсѣмъ не нужно. Василій Ивановичъ продолжалъ быть веселымъ.

— Фу, какіе духи! вскричалъ онъ, когда племянница наклонила къ нему свою напомаженную голову:—да ты не на шутку зафрантила, Клавдинька! Гдѣ ты достала такого снадобья?

— У меня давно было, отвѣчала Клавдія Яковлевна.

Аграфена Степановна смотрѣла на нее проницательно.

— Московскіе, вѣрно, замѣтила она.

— Москвичъ нашъ еще не просыпался? спросилъ Василій Ивановичъ.—Сонъ-то молодой... Я вчера и позже его улегся, а ужъ на ногахъ.

— Да, батюшка, и мы, когда, промежъ себя разсуждаемъ, на васъ глядя: какъ это барина силъ достаетъ, все онъ трудится, покоя себѣ не знаетъ! Хоть бы Сергѣй Павлычъ когда, шутки-ради, его перемѣнилъ, какъ бы оно слѣдовало; все ему, можно сказать до рубашки, предоставлено: дяденька его поитъ, кормитъ, а онъ себѣ почиваетъ до девятаго часа и знать ничего не хочетъ, да еще взыски разные производитъ... Вѣдь только по добродѣтели вашей, потому что намъ такъ по закону показано, когда ему смолчишь...

— Ну что онъ съ тебя взыскивалъ, старая? прервалъ, разсмѣявшись, Василій Ивановичъ:—онъ съ тобой и не говоритъ и почти въ глаза тебя цѣлый день не видитъ.

— Это я, баринъ, сама примѣчаю, что они на меня глазами не глядятъ, заговорила она, возвышая голосъ и скороговоркой:—ужъ и не знаю, чѣмъ я имъ неугодна; если когда въ капризъ ихъ не попадешь, такъ все оттого, что мнѣ вашего добра жаль, баринъ.

— Какая, подумаешь, жалостливая! сказалъ Василій Ивановичъ, прихлебывая чай.—Сливки что-то негусты, Клавдинька.

— Прикажете для Сергѣя Павлыча другихъ подать? покорно спросила Аграфена Степановна у Клавдіи Яковлевны.

Клавдія Яковлевна не отвѣчала.

— А что-жъ? ну, другихъ, сказалъ Василій Ивановичъ.—Да позови его; пора, дескать, вставать. Золотая эта женщина, продолжалъ онъ, когда вышла старуха:—все жалуется, все ноетъ, а все отъ усердія, и свое дѣло дѣлаетъ; привязана къ дому, какъ собака. Я вчера на твое счастье выигралъ, Клавдинька; вотъ, возьми.

Василій Ивановичъ высыпалъ ей на подносъ нѣсколько новенькихъ пятачковъ.

— Покорно васъ благодарю, дяденька.

— Не за что; ты себѣ еще духовъ хорошихъ купи. Вчера тамъ такія были празднества, барышни растанцовались, въ шелковыхъ... какъ это у васъ называется? въ мантильяхъ, въ жемчугахъ. Двухъ скрипачей привезъ изъ города Семенъ Астафьевичъ, угостилъ ихъ—такъ у него и ночевали. И гости многіе ночевать остались, кому было далеко ѣхать. Перевицкаго оставляли, и барышни просили тоже—куда! этому море по колѣни, залегъ въ свой тарантасъ; изъ воротъ мы вмѣстѣ выѣхали, а тамъ кричитъ: «пошелъ!» и изъ глазъ пропалъ. Лихой малый!... Ну, да вѣдь и только, что лихой... Позови же Сергѣя; что онъ въ самомъ дѣлѣ?

Клавдія Яковлевна вышла; она остановилась въ корридорѣ, на первыхъ ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ жилище Сергѣя Павловича, и позвала его.

— Сейчасъ, кузина, отвѣчалъ онъ сверху:—назовите меня какъ нибудь поласковѣе; скажите доброе словечко съ утра.

— Идите скорѣй... Serge... сказала она тихонько.

— Тьфу, ты пропасть... сказала Аграфена Степановна, внося сливки въ залу и дѣлая

видъ, что не можетъ удержаться отъ хохота.

— Что ты? спросилъ ее Василій Ивановичъ.

— Ничего-съ... Тамъ ужъ никакъ барышня съ Сергѣемъ Павлычемъ по-французскому разговариваютъ.

Она засмѣялась и вдругъ сдѣлала скромную и невыносимо почтительную мину. Василій Ивановичъ нахмурился. Сергѣй Павловичъ вошелъ вслѣдъ за Клавдіей Яковлевной.

— Къ тебѣ есть письмо, сказалъ ему дядя, когда онъ поздоровался и сѣлъ къ столу.

— Письмо? Почему вы знаете?... спросилъ Сергѣй Павловичъ, немного встревоженный.

— Какъ же не знать? Вотъ оно. Мнѣ вчера отдалъ почтмейстеръ; онъ привезъ изъ города, зналъ, что со мной увидится.

Василій Ивановичъ подалъ племяннику распечатанное письмо.

— Кто же читалъ его? спросилъ молодой человѣкъ, вспыхнувъ.

— Я распечаталъ, да не разобралъ, отвѣчалъ хладнокровно дядя: — такъ связно написано. Отъ кого это?

— Я, однако, попросилъ бы васъ не распечатывать моихъ писемъ, сказалъ Сергѣй Павловичъ, волнуясь.

— Ахъ, батюшка, что за бѣда? Что у тебя тамъ, тайны какія?

— Тайны или не тайны, а я не хочу, чтобъ распечатывали мои письма!

— И непремѣнно всегда распечатаю. Если тамъ какая глупость есть, я первый за нее вышколю. Великая важность—письмо!

— Для меня это очень важно.

— А для меня нѣтъ. Ну-съ, что дальше? Что-жъ ты не читаешь? Отъ кого письмо?

— Отъ товарища, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ очень рѣзко, но въ эту минуту нечаянно взглянулъ на Клавдію Яковлевну: она смотрѣла на него такими умоляющими глазами, что ему стало жаль ея.—Отъ товарища, повторилъ онъ:—отъ Володи Займищева; онъ получилъ мѣсто въ нашемъ губернскомъ городѣ.

— Вотъ какой счастливецъ! Какъ это ему удалось?

— Я думаю! вышелъ первымъ кандидатомъ, съ медалью! отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ.

Василій Ивановичъ посмѣивался, пока племянникъ читалъ письмо.

— Все знаетъ, всю премудрость проглотилъ твой пріятель! сказалъ онъ.—Что онъ, какими науками особенно занимался? Жуковъ сажалъ на булавки, или звѣзды считалъ? Нужно вѣдь все это очень! Мы, темные люди, будемъ ученыхъ слушать разиня ротъ...Одинъ сюда такой прошлымъ лѣтомъ пріѣзжалъ, вѣтеркомъ подбитый, дѣтей училъ у Данила Александрыча. «Какъ вы, говоритъ, на болотѣ живете, а воды у васъ нѣтъ, въ пожаръ нечѣмъ клѣти залить?»—У меня тогда пять дворовъ сгорѣло.—«Копайте, говоритъ, пруды; у васъ родниковъ много; вода будетъ и и болото отведете, и луга справятся».—Ну, чудеса наобѣщалъ, все знаетъ, а у самого во владѣніи лужицы нѣтъ, не только болота... все знаетъ!—«Тутъ, говоритъ, у васъ повальныя лихорадки всякую весну; дѣти, говоритъ, кривоногія выростаютъ». Да мой отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ тутъ жили и никто изъ нихъ лихорадкой не умеръ, и кривоногихъ во всемъ нашемъ родѣ не бывало... «Переселите, говоритъ, крестьянъ на другое мѣсто». Я говорю: дайте денегъ, батюшка, придумайте, какъ ихъ сдѣлать—вотъ этой науки вы не прошли: изъ пяти цѣлковыхъ въ мѣсяцъ съ мѣста на мѣсто перебиваетесь... Долговязый такой, а въ очкахъ—туда же!

— Развѣ онъ говорилъ не дѣло? сказалъ Сергѣй Павловичъ, оставя свое чтеніе, потому что сердце не вытерпѣло.

— Дѣло!.. Кто его училъ дѣлу-то? гдѣ ему понимать? видѣлъ ли онъ что на своемъ вѣку? Онъ посмотрѣлъ, какъ лыки дерутъ — такъ ахнулъ...

— Ахнешь, какъ посмотришь, какъ безобразятъ и портятъ деревья, возразилъ Сергѣй Павловичъ.—У васъ всего десятокъ вётелокъ, и тѣ стоятъ точно костяные остовы; я думаю, года не переживутъ и засохнутъ...

— Анъ вотъ переживутъ, не засохнутъ! Вы намъ не указъ! Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, умны стали, всѣхъ учить хотите? Ну, выдумайте, сдѣлайте намъ лыко, чтобъ было изъ чего мужику лапти плесть, мы не станемъ деревья портить. Вы на то ученые, раскиньте-ка разумомъ... какъ по-вашему говорится? изобрѣтите!

Василій Ивановичъ расхохотался.

— Это дѣло самихъ сельскихъ хозяевъ позаботиться о своемъ добрѣ... началъ Сергѣй Павловичъ.

— Какъ-съ? опять наше дѣло! Наше дѣло — паши, наше дѣло — выдумывай! А вы-то, ученые, на что-жъ? Мы за ваше ученье съ каждой нашей ревизской души вносимъ! Мы будемъ вамъ въ поясъ кланяться: «ты, батюшка, уменъ, а мы дураки; хоть намъ отъ твоей премудрости никакого проку, а все-таки мы тебѣ должны кланяться».

— Вамъ очень много проку отъ премудрости другихъ, прервалъ Сергѣй Павловичъ:—она очень много для васъ сдѣлала...

— Что она такое для меня, напримѣръ, сдѣлала?

— Помилуйте, цѣлый міръ полонъ изобрѣтеній, открытій, усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ науки! Наука такъ упрощена, такъ примѣнена къ малѣйшимъ житейскимъ потребностямъ, что вы ея и не замѣчаете; вы принимаете ея плоды, не думая, чего они стоили... Стекло у васъ въ окнѣ, ножъ, которымъ вы хлѣбъ вашъ рѣжете — все... вотъ, этотъ ситецъ: гдѣ росла хлопчатая бумага, изъ которой онъ сотканъ, какія машины его ткали?..

— Да мнѣ-то что за дѣло, гдѣ она росла, кто ее прялъ, ткалъ? У меня конопля нынѣшній годъ не родилась—великое мнѣ утѣшеніе, что вы изъ-за моря на пароходахъ миткалю, да ситцу привезете! Отъ вашего ситцу бѣда! Вотъ Игнашка въ извозъ ходилъ, воротился, привезъ себѣ двѣ ситцевыя рубахи и говоритъ: не хочу пахать, да жену колотить. Это что?—ученость ваша, да пароходы. По-вашему,—мы лыки деремъ, деревья портимъ, разоряемся, а по-нашему,—вы насъ разоряете выдумками разными. Научите, какъ умнѣе быть...

— Васъ и учатъ! рѣзко сказалъ молодой человѣкъ.

— Много благодарны — выучили! Есть кого и слушать, правду сказать! Выскочка Во̀лтера начитается, да всѣхъ по-своему перевернуть хочетъ — слуга покорный! Видите: всѣ мы человѣки! Да мы и безъ васъ это знали. Это хорошо тому говорить, у кого своего человѣка нѣтъ, нѐкому сапоги вычистить, а дай вамъ сотню душъ, другую—не ту пѣсню запоете. Знаемъ васъ!

— Вы нисколько не знаете, возразилъ Сергѣй Павловичъ.

— Что мы, вчерашняго дня, что ли, родились? прервалъ дядя. — Ты думаешь, я тебя перваго такого вижу? Гордости въ васъ много насажено—правда; ужъ ни за что не сознаетесь, хоть тутъ съ вами что хочешь дѣлай—упрямы. Въ руки бы васъ взять, когда на то пошло, да заставить самихъ работать, а то нѣтъ: вы только кричите, да другихъ учите... Ужъ и люди же изъ васъ выходятъ—нечего сказать!

Сергѣй Павловичъ вспыхнулъ и всталъ съ мѣста.

— Всѣ, кого знаю, какъ на подборъ, продолжалъ Василій Ивановичъ: — прошлогодній мудрецъ... этотъ все таинства натуры изучалъ. Былъ еще другой, нашелъ себѣ какъ-то мѣсто въ нашемъ уѣздномъ городѣ... Куда! распоряжается: чернильницы нечисты, перья не на мѣстѣ, бумаги не на мѣстѣ... Голова у него была не на мѣстѣ! Случилось дѣло: Покрышевъ у сосѣда ригу сжегъ, стрѣлялъ по голубямъ. Ученый мой греческія, римскія статьи подвелъ: бѣда Покрышеву приходитъ. Поѣхалъ Покрышевъ съ нимъ переговорить... ну, какъ водится, извѣстно. Вздорное дѣло: не хотѣлъ, такъ бы ужъ молчалъ, тѣмъ бы и кончилось, а то нѣтъ, раскричался: «Какъ вы мнѣ смѣете предлагать? за кого вы меня считаете? да знаете ли, что вамъ за это?..» Ну!.. Что же вышло? Покрышевъ помирился съ сосѣдомъ, тотъ взялъ свою просьбу назадъ, прекратилъ дѣло, а отъ ученаго крикуна всѣ подальше да подальше, никто его знать не захотѣлъ, безпокойнаго человѣка, покуда радъ-радъ былъ, что куда-то перевели...

— Это тоже примѣръ тщеты науки? спросилъ Сергѣй Павловичъ: — больше у васъ нѣтъ примѣровъ?

— Что ты мнѣ подсмѣиваешься? А ты самъ, напримѣръ? А пріятель твой, вотъ этотъ... Что-жъ ты письма не читаешь?.. Видишь, умная голова? чѣмъ бы дѣло дѣлать, онъ цѣлый листъ кругомъ пустяковъ расписываетъ — нашелъ къ кому! Если былъ досугъ, лучше бы кому нибудь прошеніе переписалъ, заработалъ бы полтинникъ...

— Онъ не имѣетъ въ этомъ надобности, возразилъ Сергѣй Павловичъ, раскраснѣвшись отъ негодованія:—Володя Займищевъ получаетъ до семи сотъ рублей серебромъ жалованья; онъ не писарь...

— А, задѣли за живое! вскричалъ дядя: — это въ тебѣ хорошо, что товарища не выдаешь...

— Такимъ товарищемъ можно гордиться, продолжалъ Сергѣй Павловичъ.—Всякій, кто его зналъ, любилъ и уважалъ его; это благороднѣйшее сердце, свѣтлая, умная голова; столько любви къ прекрасному, къ наукѣ, къ истинѣ, къ человѣчеству! Такія возвышенныя понятія о долгѣ, о чести, такія святыя стремленія, такой жаркій восторгъ! Если этотъ человѣкъ не будетъ счастливъ... не знаю, кто стоитъ счастья...

— Кто-жъ мѣшалъ и тебѣ выйти кандидатомъ? сказалъ Василій Ивановичъ.

Сергѣй Павловичъ схватилъ письмо, не отвѣчая.

— Вѣдь вотъ вышелъ человѣкъ, продолжалъ дядя:—кто хочетъ себѣ дорогу проложить, тотъ проложитъ, когда не балуется.

Не бойсь, не кутилъ, танцоркамъ цвѣтовъ не бросалъ... Видѣлъ я одинъ разъ эти чудеса, какъ былъ въ Москвѣ; уговаривали меня пойти посмотрѣть. Батюшки-свѣты, что такое поднялось! крикъ, гвалтъ, съ мѣстъ повскочили, всѣ ноги мнѣ оттоптали. Одинъ рослый всталъ передо мной, ну—ничего не видно. Это значитъ учтивое обращеніе онъ знаетъ! Я ужъ не выдержалъ, потащилъ его за сюртукъ. «Пусти-ка, братъ, говорю, я самъ такія же, какъ ты, деньги заплатилъ, да, можетъ, и почище твоихъ...» Онъ же на меня озлился.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ радостно Сергѣй Павловичъ, прерывая свое чтеніе.

— Ну, что такое?

— Позвольте вамъ прочесть... вотъ, послѣднюю страницу.

— Да хоть всѣ читай, мнѣ все равно слушать.

— Нѣтъ, тамъ онъ говоритъ... разныя свои мысли, а вотъ дѣло...

— Къ концу пригналъ. Видно, что дѣловой человѣкъ!

Сергѣй Павловичъ, въ радости, не обратилъ вниманія на это замѣчаніе и прочелъ:

«Надо же, наконецъ, сказать тебѣ, какъ я узналъ гдѣ ты. Ты пропалъ передъ нашимъ выпускомъ, а я захлопотался; но когда все кончилось, тотчасъ вспомнилъ о тебѣ. Не говори, что я вѣтренникъ, какимъ я всегда слылъ у васъ, право, не знаю за что; за то, кажется, что удачнѣе васъ умѣлъ находить средства и время веселиться. Но я опять принимаюсь за отвлеченные вопросы, хотя и сбирался кончить ихъ всѣ тамъ, на той страницѣ. — Я побѣжалъ къ тебѣ, на твой чердакъ.

Гдѣ въ двадцать лѣтъ такъ хорошо живется.

(Вообрази, что злодѣй Городницынъ, сколько ни обѣщалъ, а такъ и не кончилъ этого перевода...) Нахожу, что чердакъ опустѣлъ, паутины больше, нежели бывало во время оно, когда... впрочемъ, это нейдетъ къ дѣлу. Зола отъ твоихъ папиросъ (изъ чего я заключилъ, что у тебя въ послѣднее время были нѣкоторые фонды) и двѣ изорванныя тетради перваго курса свидѣтельствовали о твоемъ недавнемъ присутствіи. На окнѣ я нашелъ сухую миртовую вѣточку. Чье это, когда получено и почему брошено? Это заставило меня догадаться, что ты оставилъ свое жилище въ дурномъ расположеніи духа. Мнѣ стало очень жаль тебя, другъ Сережа; я былъ готовъ надолго задуматься, глядя на все это, и какъ будто ждалъ тебя; но твоя нелюбезная хозяйка стояла на порогѣ, повторяя, что тебя нѣтъ, что ты пять дней, какъ уѣхалъ, что я «ищу пустого мѣста», что я ее напрасно безпокою, и такъ рѣшительно держалась за дверь, какъ будто готовилась запереть меня, если я сейчасъ не уйду. Я покорился и пошелъ; но увидѣлъ на полу письмо и поднялъ его. Извини за нескромность: это было письмо къ тебѣ отъ твоего дяди; я позволилъ себѣ прочесть; но безъ этого я бы не зналъ, что теперь мы съ тобой жители одной губерніи. Ты, вѣроятно, выронилъ это письмо среди твоихъ сборовъ; впрочемъ, въ немъ столько совѣтовъ, что я подозрѣваю...»

— Хорошъ!.. замѣтилъ Василій Ивановичъ, неизвѣстно къ кому относя свое замѣчаніе, къ племяннику или къ его пріятелю.

Сергѣй Павловичъ, спохватившись, перескочилъ нѣсколько строкъ и продолжалъ:

— «Мнѣ давали мѣсто въ Петербургѣ и, не скрою отъ тебя, я пожалѣлъ, что должно было отказаться. Я не могъ вообразить, сколько незанятаго времени будетъ оставаться у меня въ провинціи и какъ мало изящнаго будетъ у меня передъ глазами. Что-жъ дѣлать? привычка. Каюсь тебѣ, потому что ты смѣяться не станешь, я чуть не заплакалъ, когда вообразилъ, какіе спектакли, какіе концерты я увижу и услышу. Глупость, другъ, послѣдняя дань, пожалуй, хоть ребячеству...»

— Дурачеству, подсказалъ Василій Ивановичъ.

«...Но я разобралъ, что это сожалѣніе придастъ какую-нибудь цѣну моей рѣшимости. Отецъ не совѣтовалъ мнѣ ничего; онъ оставилъ совершенно на мою волю располагать собою; онъ даже не намекалъ, что въ Н*, гдѣ онъ живетъ, открылась вакансія. Я не долго думалъ и попросилъ этого мѣста... Пишу къ тебѣ сегодня, по случаю табельнаго дня, успокоившись отъ дѣловыхъ трудовъ въ моемъ кабинетѣ. Какъ это громко —не правда ли? Ты не повѣришь, какъ у меня легко и весело на душѣ; я чувствую, что хорошо сдѣлалъ. Что-жъ? мы, въ самомъ дѣлѣ, не дѣти. Наука должна замѣнить для насъ годы и опытность, а когда же служить пользѣ и добру, какъ не въ полномъ развитіи силъ? что ихъ напрасно тратить! Теперь хочется веселья, а тамъ захочется отдыха. Я далъ себѣ слово не баловаться. Отецъ не благодарилъ меня за мое маленькое пожертвованіе, какъ будто не ожидалъ отъ меня ничего другого. Ты понимаешь, какъ это

возвышаетъ меня, и какъ дорого мнѣ это доброе мнѣніе, которое я оправдаю...»

— Много еще читать? спросилъ хладнокровно Василій Ивановичъ.

— Вамъ надоѣло?

— Нѣтъ, мнѣ все равно. Какъ это его догадало уписать столько на одной страницѣ! Читай, пожалуй.

— Позвольте, вотъ то, что до меня касается, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, пропуская еще нѣсколько строкъ, чтобъ не утомлять слушателя.

«Моя семья — отецъ и сестра, какъ тебѣ извѣстно, я зналъ, что меня любятъ, но столько не могъ вообразить... Теперь я совсѣмъ устроился и могу предложить тебѣ одинъ проектъ. Если ты не придумалъ устроиться какъ нибудь иначе, пріѣзжай ко мнѣ. Ты не обидишься, другъ Сережа, если я предложу тебѣ служить подъ моимъ начальствомъ? Думаю, что нѣтъ, потому что было время, когда ты дѣлился со мной послѣднимъ, и этого времени я не забуду. Теперь мы подѣлимся всѣмъ, потому что, безъ отговорокъ, ты долженъ жить со мною; мы живемъ славно—увѣряю тебя, и, поработавъ вмѣстѣ,будемъвеселоразмѣниватьсямыслью, оживлять въ памяти многое хорошее... Да ты самъ поймешь, какъ это будетъ хорошо, и ты мнѣ не откажешь. Нечего и говорить, что для моей семьи ты будешь свой; а что ты ее полюбишь—за это я ручаюсь. Сдѣлай милость, отвѣчай мнѣ скорѣе, или, лучше, пріѣзжай вмѣсто отвѣта я буду ждать; а затѣмъ прощай...»

Сергѣй Павловичъ кончилъ; дядя молчалъ.

— Что-жъ вы скажете на это? спросилъ, наконецъ, молодой человѣкъ, потому что молчаніе начало затруднять его.

— Что-жъ я скажу? Ничего! отвѣчалъ дядя, отправляясь набивать себѣ трубку.

— Но вы слышали?

— Слышалъ. Красно написано.

— Онъ зоветъ меня къ себѣ.

— Кто-жъ тебя держитъ? Ступай.

— Согласитесь, дядя, что это прекрасный случай поправить мою карьеру, случай, какого я не ожидалъ. Займищевъ могъ вспомнить о комъ нибудь другомъ изъ товарищей и вспомнилъ обо мнѣ... Этимъ я долженъ дорожить: такой начальникъ оцѣнитъ мое усердіе къ службѣ.

— Много ли онъ старше тебя?

— Моложе годомъ.

— Хорошъ начальникъ!

— Что-жъ, годъ разницы немного!.. Признаюсь вамъ, я чувствую, что его дружба, которая такъ искренно протягиваетъ мнѣ руку, поддержитъ меня и придастъ мнѣ силы больше, нежели чье бы то ни было покровительство. Я знаю его образъ мыслей, я долженъ оправдать его довѣріе...

— И тебѣ будетъ не стыдно, прервалъ Василій Ивановичъ: — зависѣть отъ мальчишки, съ которымъ вы вмѣстѣ дурачились? идти подъ начало къ равному? Я слушалъ, слушалъ... Это, говорятъ, человѣкъ! О танцоркахъ плачетъ, по чердакамъ лазитъ!

— Всѣ мы такъ начинали, возразилъ Сергѣй Павловичъ.

— Ты, братъ, ужъ кончилъ. Тебѣ, видишь, дорого его покровительство! Чѣмъ ты жить-то будешь? вѣдь онъ тебѣ положитъ жалованья двадцать ассигнаціями въ мѣсяцъ — ну, не больше? Вѣдь ты писарь будешь — только?

— Я буду жить съ нимъ, сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Тебѣ чужого хлѣба захотѣлось, родной надоѣлъ? прервалъ дядя: — а одѣваться — онъ тебѣ свой старый мундиръ подаритъ, благо вы съ нимъ одних лѣтъ, одного роста? Изъ-подъ рукъ глядѣть у его отца, кланяться лакеямъ — тебѣ этого захотѣлось?... Что, не нравится?

— Я думалъ, дядя, сказалъ Сергѣй Павловичъ, смущенный и взволнованный:—что если вы были такъ добры ко мнѣ до сихъ поръ... что вы не оставите меня и тогда, и спасете отъ всего, что можетъ быть унизительнаго въ моемъ положеніи... Жить въ домѣ моего друга, но быть какъ нибудь обезпеченнымъ...

— Чѣмъ прикажете васъ обезпечить? У васъ тамъ съ вашимъ другомъ пойдетъ такое веселье, что и доходовъ съ Даниловки не станетъ — вотъ какъ васъ надо обезпечить! Въ домѣ живешь—отставать нельзя...

— Почему же нельзя? Почему вы воображаете, что Займищевъ непремѣнно шалунъ, кутила? Онъ хорошо образованный человѣкъ, хорошаго общества...

— Ну, общество, ну, образованность — мы это все знаемъ! Ну, онъ и тебя въ это общество введетъ, какъ же! Здѣсь тебѣ съ дураками наскучило—знаемъ! Что-жъ, ступай! Я сказалъ: не держу тебя. Только обезпечивать тебя, не прогнѣвайся, я не намѣренъ. Я глупостямъ отъ-роду не потакалъ. Дать тебѣ опять волю, пустить тебя къ твоимъ сумасбродамъ-товарищамъ...

— Однако, надо-жъ чѣмъ нибудь это рѣшить, прервалъ Сергѣй Павловичъ: — я ничего не дѣлаю, скучаю и трачу время...

— Кто-жъ тебѣ велитъ?

— Помилуйте, вотъ случай, и вы не хотите, чтобъ я устроился! Я не понимаю, не могу понять, что вы тутъ находите дурного... Что я буду жить на чужой счетъ? Но Займищевъ мнѣ другъ, и я недолго буду ему обязываться, скоро буду самостоятеленъ... Вы сами сколько разъ говорили, что не считались съ друзьями...

— Не тѣ люди были, батюшка! Захотѣлъ нынче найти!

— И лучше нашелъ! вскричалъ рѣзко Сергѣй Павловичъ. — Друзья вашего вѣка дружились на пирушкахъ, а мы дружимся на скамейкахъ, гдѣ вмѣстѣ учились добру; ваши два друга дѣлились, обыгравъ въ карты третьяго, а мы дѣлимся трудовой копѣйкой...

— Велика она у васъ, копѣйка ваша! нажить-то вы ее мастера! прервалъ дядя, разсмѣявшись.

— Наконецъ, какъ нибудь жить надобно; всѣ начинаютъ — начну и я. Я у васъ попрошу очень немного.

— Ни-ни-ни! ничего!

— Ничего?

— Если ты сбираешься къ своему пріятелю—ничего. Во всемъ нашемъ родѣ приживальщиковъ не бывало; срамъ, братецъ!

— Гордость!... сказалъ Сергѣй Павловичъ сквозь зубы и насмѣшливо, хотя почти отчаянно.

— Ну, гордость, гордость. Тогда ты ко мнѣ и на глаза не показывайся. Обрадовался писарству!

— Обрадуешься... сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Такъ если твоя амбиція такъ невелика, что ты всему радъ, записывайся здѣсь: мнѣ вчера исправникъ говорилъ, что ищетъ письмоводителя...

— Господи сохрани меня и помилуй! вскричалъ Сергѣй Павловичъ громко, хоть въ глазахъ его блеснули слезы: — вы, дядя, смѣетесь надо мною!

Онъ убѣжалъ, хлопнувъ дверью.

Василій Ивановичъ оставался совершенно спокоенъ, только принялся курить сильнѣе. Клавдія Яковлевна, безмолвная во все время, продолжала молчать; наконецъ она налила еще стаканъ чаю и позвала Дуняшу.

— Отнеси наверхъ Сергѣю Павлычу, сказала она.

— Зачѣмъ? спросилъ дядя.

Аграфена Степановна стояла въ дверяхъ.

— Онъ только одинъ стаканъ выпилъ, отвѣчала тихо, но твердо Клавдія Яковлевна. — Возьмите все, Аграфена Степановна.

Ключница заглянула въ чайникъ, предоставленный въ ея пользу, съ неудовольствіемъ стукнула крышкой; но видя, что это не обратило вниманіе барина, съ покорнымъ вздохомъ и грустной миной взяла подносъ и ушла.

— Въ чужой домъ захотѣлъ! сказалъ Василій Ивановичъ: — кто тамъ его будетъ такъ баловать? Охъ, молодежь!.. Умны, умны, а въ дѣло умъ ихъ не годится. Вѣдь Сергѣй вовсе не дуракъ, а пользы своей не видитъ, да еще упрямство — не хочетъ видѣть... Посмотрѣть теперь, изъ любопытства, что онъ въ своей свѣтелкѣ дѣлаетъ: не бойсь, рвется, плачетъ; не бойсь, все я виноватъ. А что я ему, злодѣй, что ли? Не попрекнуть его, сказать, да я ему и въ жизнь этого не скажу! развѣ я его оставилъ? Я для него что только могъ, то сдѣлалъ и готовъ сдѣлать; но ужъ глупостей не позволю—извини! Что онъ тамъ въ Н* будетъ дѣлать? Шалить съ товарищемъ; а нѣтъ, такъ мы знаемъ эти модные дома: не богаты, а тароваты. И гдѣ ему? такой ли онъ человѣкъ, чтобъ въ модный домъ, въ важный кругъ какой нибудь соваться? его ли мѣсто? Сегодня, какъ нѣтъ никого, такъ онъ бывшему товарищу другъ и пріятель, а завтра гости наѣхали: «поди, братецъ, займись съ дворецкимъ». Я эти штуки видѣлъ. Я тебѣ сказывалъ, Клавдинька, былъ здѣсь одинъ Опаровъ — Квакушкинымъ прозвали — изъ дома въ домъ скитался, гдѣ недѣлю, гдѣ мѣсяцъ проживетъ; на охоту его возятъ, сказки заставляютъ по ночамъ разсказывать, плясать; нарядятъ, бывало, въ шубу навыворотъ...

— Вѣдь это ужъ, дяденька, отъ нечего дѣлать дѣлали...

— Охъ ты, умница! А тамъ-то много, что ли, у нихъ дѣла? Это, видишь, неделикатные люди потѣшаются; ну, они, образованные, другую потѣху сочинятъ—а не все ли равно?.. Ну да, положимъ, нынче стали умны, этого не дѣлаютъ; что они дѣлаютъ-то, ты спроси! Сегодня у нихъ балъ, а тамъ театръ, а тамъ карты. Ты думаешь, они не играютъ? Еще какъ! спроси Сергѣя...

— Онъ, дяденька, говоритъ, и въ пять картъ не играетъ.

— Онъ тебѣ разскажетъ!

— Право, дяденька. Театры онъ, правда, любитъ, а въ карты когда же ему было? Онъ больше науками занимался...

— Охъ, Клавдинька, ты меня со смѣху уморишь! Науками онъ занимался! Съ чего же онъ такимъ скворцомъ ощипаннымъ вы-

летѣлъ: стрекочетъ, а проку мало? Когда бы онъ занимался... Да въ чемъ ихъ наука-то? вѣдь смѣхъ! Натощакъ не разберешь, о чемъ они толкуютъ. Деньги еще за эту науку платятъ, прости Господи, а хоть бы на грошъ отъ нея прибыли было—не вижу!

— А какъ же, дяденька, вотъ его пріятель...

— А ты повѣрила? Она, въ самомъ дѣлѣ, повѣрила! Пустая голова навретъ, напишетъ. Ну, да положимъ, произвели его тамъ—какъ его... Сергѣева пріятеля, пожаловали; онъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ корпѣлъ, учился. Что-жъ ты думаешь, надолго это? И съумѣетъ онъ на мѣстѣ удержаться? И съумѣетъ онъ чѣмъ нибудь распорядиться? И понимаетъ онъ что нибудь? Я при тебѣ, сейчасъ, разсказывалъ исторію про Покрышева; ты сама ее знаешь. Ну, вотъ тебѣ эти молодцы: они, пожалуй, и хорошіе малые, да толку-то что въ этомъ? И Сергѣевъ пріятель тоже. Такъ я къ нему племянника и пошлю, чтобъ они вмѣстѣ пропадали? Да я еще съ ума не сошелъ!

— Однако, дяденька, Сергѣю Павлычу надо что нибудь дѣлать, замѣтила Клавдія Яковлевна, осмѣливаясь необыкновенно, потому что дядя гнѣвался.

— Баклуши бить съ пріятелемъ! вскричалъ дядя.—Я тебѣ говорю: я еще не одурѣлъ! Хочетъ дѣло дѣлать—дѣлай его здѣсь: а то спѣсивится, какъ же! Его надо въ руки взять хорошенько — вотъ что! Важная особа! во всемъ мірѣ ни кола, ни двора, въ головѣ пусто, люди смѣются, а онъ туда же носъ поднимаетъ! Я самъ знаю, что ему не пахать, не хозяйничать, не здѣсь, на болотѣ, галокъ гонять. Онъ ступай, да заслужи, да поклонись хорошенько всякому, когда хочетъ человѣкомъ быть... Ты меня не серди, Клавдія, я этихъ вздоровъ не люблю, не заступайся, не твое дѣло.

— Куда же ему, дяденька, себя пристроить? спросила Клавдія Яковлевна.

— Что?

— Я это такъ спрашиваю, прибавила она тихо.

— То-то; ты только такъ спрашиваешь. Тебѣ объ этомъ вовсе думать нечего. Ему на всѣ четыре стороны дорога открыта, лишь выбирай съ толкомъ, слушай, что говорятъ; а не нравится, что говорятъ, сиди здѣсь и не жалуйся—вотъ что. Я ему не врагъ, добра желаю. Онъ малый не глупый, выученъ довольно, можетъ себѣ дорогу проложить; кто ему мѣшаетъ? Только не важничай, не думай о себѣ высоко. Послушать его—чего не знаетъ, чего не понимаетъ! А словъ однихъ мало: примись онъ за дѣло, да тутъ покажи себя...

— Баринъ, къ вамъ птичница пришла, сказала Аграфена Степановна.

— Что ей? Пусть сюда идетъ, свои люди...

— Она говоритъ, ей въ горницу войти нельзя: грязно было ей идти до барскаго двора. Кстати ужъ кушать прикажете?

Василій Ивановичъ вышелъ. Аграфена Степановна пропустила его впередъ, посмотрѣла на смущенную Клавдію Яковлевну, тихонько засмѣялась, покачала головою и удалилась.

Клавдія Яковлевна взяла свое вязанье и сѣла къ окну. Ея мысли были спутаны хуже этой работы, которую она еще не успѣла привести въ порядокъ послѣ вчерашней шалости двоюроднаго братца. Она привыкла считать дядю всегда правымъ; воспитанная имъ, она не могла ничего понимать не такъ, какъ понималъ онъ: къ тому же онъ говорилъ всегда громко, что для многихъ кажется убѣдительнымъ. Несмотря на это, ей было такъ жаль Сергѣя Павловича, ея сердце такъ возмущалось противъ этой строгости, что она не могла разобрать, кто правъ, Сергѣй Павловичъ, или дядя. Она чего-то боялась впереди, все ожидая «бѣды» или «исторіи»; у нея даже мелькнула мысль: зачѣмъ пріѣхалъ сюда Сергѣй Павловичъ? Лучше было бы и для всѣхъ, еслибъ онъ никогда не показывался въ Даниловкѣ, гдѣ его бранятъ, или смѣются надъ нимъ, гдѣ всякому воспитанному человѣку такъ скучно... да и невоспитанному скучно!..

Дядя не ошибался. Сергѣй Павловичъ въ самомъ дѣлѣ прохаживался по свѣтелкѣ скорыми шагами, умѣряя свои порывы только въ углахъ, гдѣ потолокъ наклонялся уже слишкомъ низко. Впрочемъ, эта безпокойная горесть была совершенно понятна въ положеніи молодого человѣка.

«Ни за что на свѣтѣ (говорилъ онъ самъ себѣ) не сойду я добровольно въ рядъ этой посредственности, этой грубости, этой упрямой непонятливости; я видѣлъ лучшее, чувствую лучше! Эти люди залегли въ своихъ берлогахъ—и покойны! Мошенничаютъ помелочи, пока явится случай смошенничать крупно—и покойны! Выучили азы и катаютъ на тройкахъ съ бубенчиками — это жизнь! Ни за что!.. Я учился, я могу быть лучше, я призванъ на лучшее... Трудъ легокъ! Они, очерствѣлые лѣнивцы, воображаютъ этотъ благородный трудъ Богъ знаетъ чѣмъ, или... что за противорѣчіе! они

его презираютъ... Кто хочетъ въ ихъ глазахъ взяться за этотъ трудъ, тотъ его недостоинъ; кто взялся и исполняетъ честно, тотъ дуракъ... Камни умны послѣ этого: они съ мѣста не двигаются; животныя умны: они отъ сотворенія міра дѣлаютъ одно и то же, безъ нравственной цѣли... И у этихъ людей одна цѣль: засѣсть потеплѣе, съѣсть послаще, подраться изъ личной выгоды... Кому удалось, тотъ правъ. А какая выгода изъ ихъ благосостоянія остальному человѣчеству! Человѣчество! Послушать ихъ... О, да что ихъ слушать!..»

«Они не понимаютъ (продолжалъ размышлять Сергѣй Павловичъ, подходя къ маленькому столу у полукруглаго окна, гдѣ лежали двѣ книги, тетрадь бѣлой бумаги и стояла чернильница), они не понимаютъ, что можно забываться въ жаркомъ трудѣ, проводить за нимъ ночи и видѣть одну только свѣтлую цѣль—благо, которое мы дѣлаемъ другимъ. Чердакъ! бѣдность!... Бѣдность священна: она творила великихъ людей... Но что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, одинокій и связанный? Я одинокъ и связанъ. Развѣ то была душа моя, еслибъ ей дать свободу и пространство? Все, что приняла она отъ науки и жизни, все, что сохранила отъ этихъ чудныхъ впечатлѣній—все готова она отдать въ дѣло... и еще больше! Гдѣ желаніе такъ жарко, тамъ не можетъ не быть исполненія—они этого не понимаютъ. Ихъ пошлость боится, что сойдутся двѣ избранныя натуры, которыя скажутъ, что они—пошлость. Вотъ отчего они такъ стараются задержать наши стремленія соединиться и дѣйствовать!... Я все напишу Займищеву».

Сергѣй Павловичъ подвинулъ плетеный стулъ къ столу и сѣлъ. Онъ не хотѣлъ больше перечитывать письмо своего пріятеля, потому что впечатлѣніе этого письма было достаточно живо, а душа молодого человѣка была переполнена и хотѣла излиться. Онъ потянулъ къ себѣ бумагу, и при этомъ движеніи изъ-подъ нея вылетѣлъ маленькій пакетикъ съ пестрой каемкой; вѣтеръ, свободно гулявшій въ разбитыя стекла, поигралъ съ нимъ и отнесъ его довольно далеко. Сергѣй Павловичъ былъ принужденъ встать, чтобъ поднять письмецо, и, медленно возвращаясь на свое мѣсто, разглядывалъ рисунокъ каемки. На лицѣ его мелькнула улыбка. Сѣвъ опять къ столу, Сергѣй Павловичъ еще держалъ пакетикъ въ рукахъ, потомъ, въ раздумьѣ, вынулъ изъ него блѣдно-палевую исписанную бумажку, взглянулъ на облатку, голубую съ бѣлой выпуклой птичкой, положилъ локти на столъ и сталъ читать записочку, между тѣмъ какъ вѣтеръ отнесъ на середину комнаты письмо Займищева.

— Маленькое письмецо привезъ наканунѣ отъ Токуновыхъ и отдалъ Сергѣю Павловичу кучеръ Антонъ; тотъ, въ свою очередь, получилъ его отъ горничной, ловкой дѣвушки, служившей три года въ городѣ, въ пансіонѣ, гдѣ училась барышня. Передача письмеца была исполнена очень удачно и подъ великимъ секретомъ; такъ было приказано, хотя горничная догадалась бы сдѣлать это и безъ приказанія.

Сергѣй Павловичъ прочелъ записку наканунѣ, тотчасъ, какъ получилъ ее, перечиталъ засыпая, потомъ утромъ, проснувшись; теперь онъ перечитывалъ ее въ четвертый разъ. Ея содержаніе было очень занимательно:

«Я весь день по васъ ужасно соскучилась. Вы одни мнѣ дѣлаетео траду въ нашемъ кругу, и я знаю, почему вы мнѣ измѣняете. Предметъ вашъ, Любовь Ильинична, здѣсь была и я была ужасно рада, что васъ не было. Это ей доказательство, какой вы насмѣшникъ. На ней башмаки были узки, и она все сидѣла, а я танцовала четыре кадрили и еще... не скажу съ кѣмъ... Ахъ! очаровательно танцуетъ! Въ огневомъ вихрѣ круженья весь міръ забытъ!.. На мнѣ было голубое платье въ три оборки и лента à la polka. Изъ моего сердца не изгладится образъ, а на васъ я ужасно сердита. Со слезами на глазахъ я подавала руку безчувственнымъ людямъ, а сердце мое было далеко, далеко!... тамъ, за рощей, за полями. Мнѣ совѣстно, что я дурно пишу: не показывайте никому мое письмо, si vous.... А я

Aline de Tocounoff.

Сергѣй Павловичъ сосчиталъ точки и, какъ человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ, скоро догадался, что послѣднія означали: «je vous aime». Это заставило его еще разъ улыбнуться улыбкой человѣка, которому минутная радость не даетъ забыть горестной жизни. Онъ подумалъ, что эта молодая любовь сильна и чистосердечна, что она—добродѣтель, что Гамлетъ говоритъ: «добродѣтели не прививаютъ къ старому дереву... Сергѣй Павловичъ задумался объ этомъ выраженіи; ему показалось, что оно идетъ къ нему, что онъ также «пресмыкается между небомъ и землею», что и его «мысль не переходитъ въ дѣло...» Истинная печаль его сердца, погружаясь въ туманы размышленій, начала принимать образы нѣсколько фантастическіе...

«Надо отвѣчать», сказалъ себѣ Сергѣй Павловичъ.

И онъ еще разъ подвинулъ къ себѣ бумагу. На этотъ разъ его глаза устремились неподвижно предъ собою въ одну точку, въ уголъ рамы окна, гдѣ трепеталъ тоненькій треугольникъ паутины. Сергѣй Павловичъ думалъ, время отъ времени заставляя трещать перо, которое крѣпко держалъ въ правой рукѣ; лѣвую онъ погрузилъ въ свои пышные волосы. На бумагѣ явилось нѣсколько черепочекъ, точекъ, что-то въ родѣ рисунковъ безъ начала и конца, потомъ нѣсколько коротенькихъ строкъ, одна за другою, каждая съ заглавной буквой... Наконецъ Сергѣй Павловичъ, раза два или три проведя перомъ по нѣкоторымъ строчкамъ съ ожесточеніемъ разрушителя, прочиталъ слѣдующее:

Ты, быть можетъ, не знаешь, малютка,
Что играешь съ душою больной.
Ты смѣешься; запачканъ въ чернилахъ
Пальчикъ пухленькій розовый твой.

Воли сердце твое захотѣло...
А за волю чѣмъ платятъ, дитя?..
Ты не вызвала даже улыбки,
Такъ невинно и страстно шутя.

Почернѣло свинцовое небо,
Взоръ блуждаетъ въ полянѣ пустой,
Вѣтеръ воетъ... Ты шутишь, малютка,
Надъ душой безнадежно больной!..

Сергѣй Павловичъ перечиталъ это вслухъ; поэтическій трудъ развлекъ его положительное горе. Вчитываясь въ свое произведеніе, чтобъ придать ему конечное совершенство, и разбирая его съ холодностью критика, онъ забылъ грустное чувство, которое вдохновляло его во время работы, и плутовски засмѣялся—надъ самимъ собою.

«Пусть расплачется барышня!» подумалъ онъ и, увлекаясь, началъ тихонько напѣвать мотивы разныхъ романсовъ, чтобъ прибрать, не придется ли какая нибудь музыка для словъ его.

Это занятіе еще нѣсколько разсѣяло его.

«Она весь вечеръ пропрыгала съ Перевицкимъ (началъ опять размышлять Сергѣй Павловичъ) нечего сказать «очаровательный кавалеръ-съ!..» Гдѣ глаза у женщинъ, или, гдѣ ихъ разсудокъ? Какъ странно ихъ воспитываютъ!.. Странно воспитываютъ— а всетаки поэтическое начало такъ въ нихъ сильно что, несмотря ни на что, выходитъ наружу хотя въ чемъ нибудь: плясала съ Перевицкимъ, а написала ко мнѣ! Какъ бы хорошенько срѣзать этого Перевицкаго? Людей здѣсь нѣтъ хорошихъ, товарищей...»

Въ послѣднемъ заключеніи Сергѣй Павловичъ, конечно, нисколько не уклонялся отъ своей основной идеи, что человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать, когда онъ «одинокъ и связанъ»; но онъ былъ уже очень далекъ отъ чувства, которое разбудило эту идею. Ему было вовсе не тяжело на душѣ. Онъ соображалъ, какъ вручить по адресу свое стихотвореніе, и кстати вспомнилъ, что осенью можно надѣвать черный атласный галстухъ, который, вслѣдствіе этой новой идеи, Сергѣй Павловичъ вынулъ изъ комода и тщательно осмотрѣлъ; потомъ онъ взглянулъ въ окошко; хотя въ стихотвореніи бродили тучи, но въ дѣйствительности выяснѣло, и походъ къ Токуновымъ сдѣлался возможнымъ.

«Лишь бы взойти на гору сухимъ (размышлялъ Сергѣй Павловичъ), а оттуда, вечеромъ, меня отвезутъ. Конечно, я не попрошу у дяди лошадей; я не хочу никому быть обязаннымъ...»

— Сергѣй, иди обѣдать! закричалъ ему снизу дядя.

Сергѣй Павловичъ спряталъ галстухъ, записку, стихотвореніе и, проходя, поднялъ письмо Займищева.

«Напишу ему послѣ (подумалъ онъ); теперь сердце возмущено, голова разбита...»

Онъ отправился по залу.

III.

У Токуновыхъ «сумерничали»—такъ называлось бездѣйствіе и отдохновеніе, которому предавался весь домъ въ эту пору дня: подавать свѣчи и чай было еще рано. Семенъ Астафьевичъ прилегъ отдохнуть во второй разъ послѣ обѣда. Его невѣстка, хозяйка дома, утомленная вчерашнимъ пиромъ, о чемъ толковала еще съ утра, ушла къ себѣ въ комнату также успокоиться. Мужъ ея, Петръ Семеновичъ, лицо всегда безмолвное, дремалъ въ углу темной гостиной; барышни, Наташа и Сашенька, или Алина, ничего не дѣлали, потому что было темно; впрочемъ, онѣ рѣдко дѣлали что нибудь. Алина выучилась въ пансіонѣ премило вязать кошельки и вышивать закладки въ книгу по наколотой бумажкѣ, но эти работы дѣлаются обыкновенно для подарковъ, а въ деревнѣ дарить было некого. У нея была начата какая-то сѣтка, назначавшаяся, кажется, для лѣтней косынки; но, скучая въ глуши, бѣдная дѣвушка бралась за эту работу только въ самыя тяжелыя минуты, и тогда отецъ не давалъ ей покоя, смѣясь надъ тѣмъ, что

называлъ «бреднемъ» и выпрашивая у нея этотъ бредень, чтобъ ловить рыбу. Алина показала ему, однако, что шутки могутъ наскучить и что она не намѣрена выносить ихъ; въ пансіонѣ она никому не позволяла шутить надъ собою. Впрочемъ, тамъ на это отваживались немногія: Алина была хорошенькая, щеголяла и тратила много денегъ на духи и конфекты; всѣ знали, что у ея отца есть состояніе... Она никогда не знала нѣмецкаго урока; но тихій, молоденькій нѣмецъ-учитель никогда не осмѣливался записать ее въ лѣнивыхъ. Учитель-французъ самъ видѣлъ, какъ она читала «Парижскія Тайны», подсунувъ книгу подъ доску пюпитра; но Алина пригрозила ему, что разссорится съ нимъ навѣки, если онъ скажетъ начальницѣ — и учитель не сказалъ ничего; напротивъ, въ слѣдующій классъ онъ принесъ и отдалъ ей при начальницѣ книгу, которую называлъ «Хрестоматіей». Дѣвицы полагали, однако, что это была не хрестоматія, потому что Алина читала ее ночью, у лампадки, и много смѣялась. Когда танцовальный учитель, накинувъ на голову бѣлый кисейный шарфъ, показывалъ чувствительное pà некрасивой дѣвицѣ, которая готовила это pà къ именинамъ папеньки, онъ зналъ и чувствовалъ, что за спиной у него Алина передразниваетъ его въ совершенствѣ. Она дѣлала это, впрочемъ, только для своего удовольствія и никогда не уступала просьбамъ подругъ, если это ихъ забавляло и они умоляли ее повторить; она даже обижалась этими просьбами, унижавшими ея достоинство. За это выходили маленькія размолвки. Алина всегда спокойно дожидалась, что у нея попросятъ прощенія и не ошибалась въ ожиданіяхъ: это сохранило ей необыкновенную самостоятельность. Она была наказана только одинъ разъ; но проступокъ былъ не дѣтскій, и это обстоятельство какъ-то еще болѣе ее возвысило: старый педантъ, знавшій, что Алина прозвала его репейникомъ за его привязчивость, и выражалась весьма неучтиво о его происхожденіи, одинъ разъ, слушая, какъ передъ нимъ перепутывали троянскую войну съ пуническими войнами, примѣтилъ маленькое облачко дыма, синѣвшее, повидимому, надъ лавкой госпожи Токуновой. Онъ могъ бы, въ отмщеніе за все, вызвать госпожу Токунову, но его злоба придумала отмщеніе сильнѣйшее: онъ всталъ и подошелъ такъ стремительно, что папироска не успѣла скрыться изъ рукъ Алины... да и куда бы она скрылась? Алинѣ было приказано стать къ доскѣ. Она повиновалась, не извиняясь, не смущаясь и не смѣясь, но такъ презрительно хладнокровно, что педантъ не досказалъ своей обвинительной рѣчи, начальница не прочла обычнаго поученія, а, напротивъ, сама какъ будто не смѣла пройти мимо черной доски въ продолженіе всего часа, пока длилось это наказаніе. Поздно вечеромъ, въ тотъ же день, Алина сожгла десятокъ папиросъ, одну за другою, въ дортуарѣ. Начальница сказала, что напишетъ ея отцу, однако, не написала. Дѣвицы, не очень дружныя съ Алиной, толковали посвоему объ этой снисходительности. Онѣ припоминали, что за гораздо меньшее madame надняхъ отослала къ родителямъ двухъ дѣвицъ, но сообразили потомъ, что эти родители не платили болѣе полугода, а отъ Семена Астафьевича безпрестанно являлись присылки запасовъ и подарки.

Послѣ подобнаго величія въ пансіонѣ, Алина, конечно, не могла покориться, возвратясь въ деревню. Она съ перваго дня поставила себя независимо, не вмѣшивалась ни во что, отклоняла отъ себя всѣ домашнія обязанности и заботы, которыя могли бы найтись для нея, и не позволяла никому вмѣшиваться въ свои дѣла. Она была похожа на гостью, даже довольно церемонную и уже очень взыскательную. Отецъ былъ строгъ, но онъ привыкъ баловать Алину съ дѣтства, какъ меньшого и хорошенькаго ребенка; а изъ пансіона она вышла такой выученной барышней, стягивалась такъ тонко, пѣла такіе прекрасные романсы, держалась такъ развязно и смотрѣла такъ модно, что внушала что-то въ родѣ уваженія. Семенъ Астафьевичъ какъ будто робѣлъ передъ нею; конечно, при случаѣ, онъ выказалъ бы и ей свою строгость, но такой случай не представлялся, и Алина могла важничать, лѣниться и капризничать съ кѣмъ и когда ей было угодно.

Возвращеніе Алины не произвело большого переворота въ домѣ. Жена брата, Марья Васильевна, скоро примѣтила, что маленькая модница, не смотря на свое вліяніе на отца, не отниметъ у нея главной власти надъ домомъ, а потому осталась покойна. Марьѣ Васильевнѣ было двадцать три года. Она была очень недурна собою, полна, необыкновенно неподвижна и положительна; она вся погружалась въ хозяйство и была счастлива, управляла, никогда и ничѣмъ не торопясь и особенно не озабочиваясь. Морально и физически тревожили ее только лѣтніе жары; ея пятеро здоровыхъ дѣтей не доставляли ей никакого безпокойства. Алина не мѣшала ей

ни въ чемъ, а ея маленькой гордости Марья Васильевна не замѣчала. Она охотно позволяла Алинѣ наряжать себя по модѣ, «по городскому», тѣмъ болѣе охотно, что это избавляло молодую женщину отъ лишней заботы и доставляло удовольствіе ея маленькому, еще незаснувшему женскому тщеславію. Марья Васильевна была изъ тѣхъ натуръ, которыя родятся и вскармливаются въ деревняхъ. Она вставала рано, по-деревенски, но спала большую часть дня; кушала много и, кромѣ хозяйственныхъ приказаній, говорила очень мало, не отъ недостатка ума и даже остроумія, но только отъ лѣни говорить. Ей случалось работать, шить для своихъ дѣтей — и она дѣлала это прилежно и исполняла прекрасно, хотя, глядя на ея едва движущіяся, красивыя и полныя руки, не вѣрилось, чтобъ онѣ могли что нибудь дѣлать. Эта женщина излѣнилась отъ довольства. Алина, которая, просто, не любила ничего дѣлать, сошлась въ этомъ случаѣ съ своей belle-soeur; она только доставила себѣ наслажденіе находить ее необразованною, не церемонилась съ нею, сколько было возможно и, не отнимая у Марьи Васильевны ея хозяйской власти, взяла власть надъ нею самою.

Соединясь такимъ образомъ, онѣ не думали о третьей особѣ, которая была подлѣ нихъ: Наташа оставалась одна. Ей было только двадцать лѣтъ; но для семнадцатилѣтней Алины это казалось уже старостью. Марья Васильевна столько разъ повторяла, что у нея на двадцать первомъ году было уже двое ребятъ, что Наташа пришла въ какое-то отчаяніе. Она была недурна и могла нравиться даже болѣе сестры своими правильными чертами и выразительностью, которая иногда являлась на ея лицѣ. Личико Алины ничего не выражало: она его извертѣла, пріучась то хмурить брови, то прищуривать глазки; что касается ротика, онъ сложился въ неизмѣнную, презрительную гримаску и не выходилъ изъ этого положенія. Алина, вѣроятно, находила, что это очень мило, и также извертѣла свои плечи, руки и талію. Наташа была неподвижна, но завидовала этой, недоступной для нея, свѣтской граціи, и потому смотрѣла на нее непріязненно. Алина была всегда стянута до послѣдней возможности, умѣла какъ-то не загарать лѣтомъ, носила всякій день кольца, серьги съ звонкими подвѣсками, бархотки, бронзовыя брошки и браслеты, теряла и ломала ихъ не жалѣя, рвала свои платья и кружева безъ заботы, потому что ловкая горничная, находившаяся исключительно при ней одной, догадливо и проворно приводила все въ порядокъ. Наташѣ стало скучно; у нея было немного нарядовъ и вовсе не было маленькихъ бездѣлицъ, украшающихъ нарядъ, которыя особенно любятъ молодыя дѣвушки. Блескъ сестры пробудилъ въ ней желаніе пощеголять. Наташа принялась сама перешивать свои платья; неудача въ этой непривычной работѣ раздражала ее еще больше. Горничная сестры объявила, что у нея и безъ того много дѣла, а Алина какъ будто ничего не замѣчала и только прищуривала глазки и улыбалась, проходя мимо сестры, когда та, съ помощью маленькой дѣвочки, недавно взятой въ дворню, примѣряла какой нибудь затѣйливый корсажъ. Наташа стала зла не шутя. Жизнь сестеръ пошла въ розницу. Отецъ купилъ фортепьяно для Алины; Наташа давно ходила учиться музыкѣ къ дочери священника и играла уже недурно; но съ тѣхъ поръ, какъ Алина стала повторять свои польки и романсы, Наташа прекратила свои уроки и больше не прикасалась къ фортепьяно. Алина ничего не дѣлала; Наташа тоже бросила работу; она скучала, но повторяла себѣ, что она не хуже и не будетъ сидѣть за пяльцами въ то время, какъ сестра лежитъ и куритъ папироски. Онѣ никогда ни о чемъ не говорили между собою; у нихъ не было общихъ друзей. Сосѣднія барышни скорѣе сходились съ Алиной и, пріѣзжая, обыкновенно щебетали съ нею цѣлый день, между тѣмъ какъ Наташа оставалась въ сторонѣ. Ей оставили въ подруги одну некрасивую дѣвицу, всегда неловко одѣтую; зато съ нею Наташа отводила душу; послѣ ея визита, она дня три говорила сестрѣ вы. Эта дѣвица — Любовь Ильинична, и была тотъ предметъ, которымъ Алина дразнила Сергѣя Павловича въ своей запискѣ. Сергѣй Павловичъ какъ-то однажды сказалъ, что она ему нравится, за что и получилъ названіе «насмѣшника». Съ тѣхъ поръ между нимъ и Алиной часто завязывался разговоръ о бѣдной Любови Ильиничнѣ, вѣчное, неостроумное и даже неоживленное повтореніе одного и того же, такъ, лишь бы говорить о чемъ нибудь; впрочемъ, Алину это занимало...

Въ этотъ вечеръ, между тѣмъ какъ Наташа, сидя въ углу залы, молча наблюдала за сестрою, скучая, сердясь и находя удовольствіе мѣшать Алинѣ остаться одной съ Сергѣемъ Павловичемъ, Алина присѣла за фортепіано и, настроиваясь на сумрачное расположеніе духа, наигрывала и подпѣвала

уныло и протяжно какую-то бойкую цыганскую пѣсню. Она не умѣла играть ничего «печальнаго», но въ этой пѣснѣ были «эхъма!» и «ай-люли!», которые она произносила съ чувствомъ. Сергѣй Павловичъ, скрестивъ руки на груди и задумавшись, смотрѣлъ въ окно.

Наташу вызвали. Алина подошла къ Сергѣю Павловичу.

— Гдѣ вы?.. спросила она.

— Не здѣсь, отвѣчалъ онъ, вздыхая.

— Я такъ и знала! вскричала она, разсмѣявшись:—все думаетъ о своей Любови Ильиничнѣ.

— Ребенокъ! сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Кто это ребенокъ?

— Вы—ребенокъ. Сядьте здѣсь; куда вы все уходите?

— Очень интересно на васъ смотрѣть!

— У васъ дурное сердце; вы безжалостны.

— О комъ мнѣ жалѣть? Не о васъ ли?

— Избавьте; я не прошу и не желаю.

— А не желаете, какъ хотите, мнѣ все равно. Хоть бы Перевицкій пріѣхалъ—тоска такая!

— На что вамъ нуженъ Перевицкій?

— Ахъ, Боже мой! на что онъ мнѣ нуженъ? Съ нимъ хоть слово скажешь; онъ такой любезный...

Сергѣй Павловичъ отвернулся къ окну.

— Ну, полноте! продолжала Алина:—я пошутила; вы за все сердитесь. Мнѣ бы на васъ скорѣе надо сердиться: вы мнѣ стихи при Наташѣ отдали; она ко мнѣ пристанетъ. Хорошо, что въ нихъ ничего понять нельзя.

— Вы не поняли? спросилъ Сергѣй Павловичъ тономъ обиженнаго сочинителя.

Алина, которая никогда не видѣла сочинителей, не могла догадаться, чѣмъ онъ обидѣлся, и тотчасъ сообразила другую причину.

— Не поняла... отвѣчала она кокетливо и съ улыбкой, которую Сергѣй Павловичъ хорошо примѣтилъ, несмотря на сумерки.—Отчего-жъ у васъ душа болитъ? продолжала она все улыбаясь и оставя ему свою ручку.

Сергѣй Павловичъ поднялъ эту ручку къ своимъ глазамъ и разглядывалъ давно знакомыя ему кольца; онъ попробовалъ снять ихъ—ему противились.

— Полноте шалить... Говорятъ вамъ, оставьте; мнѣ больно!

— Мнѣ больнѣе, сказалъ онъ.

— Да, душа у васъ болитъ, а глупости дѣлаете.

— Хоть глупости, что нибудь, лишь бы забыться.

— Что такое вамъ нужно забыть? какую нибудь московскую красавицу?

— Я никого не люблю, отвѣчалъ мрачно Сергѣй Павловичъ:—никого не люблю въ Москвѣ.

— Такъ нечего и говорить, что вамъ скучно.

— Какъ странны женщины! возразилъ онъ:—онѣ воображаютъ, что вся наша жизнь можетъ заключиться и сосредоточиться въ любви къ нимъ. Этимъ еще свѣтъ не кончился. Кромѣ любви, есть слава, есть поэзія, есть борьба жизни. Когда вообразишь всѣ обязанности, которыя налегли на насъ съ именемъ человѣка, страшно станетъ за человѣка!.. Вы молоды и хороши, продолжалъ онъ, подстрекая себя своей декламацiей:—вы должны понять, чего мнѣ стоитъ оторваться отъ всего, чѣмъ меня обольщаетъ счастье... оторваться отъ васъ, наконецъ, если я ужъ долженъ высказаться!.. Но я д о л ж е н ъ это сдѣлать, а вы д о л ж н ы понять это, и скрѣпите сердце, скройте горе, поддержите того, кто готовъ упасть... Безвыходное положеніе! Художникъ, который ищетъ идеала, долженъ забыть обольщенія земной красоты; труженикъ въ дѣлѣ всего человѣчества долженъ оттолкнуть привязанность... И въ этой самоотверженной борьбѣ женщина, какъ бы ни была она прекрасна и предана, только лишняя помѣха: она—искушеніе!..

Алина вспомнила хорошенькаго актера, который прошлой зимой игралъ въ городѣ Н* и свелъ съ ума весь ея пансіонъ. Одна Алина шесть разъ брала ложу на представленія, въ которыхъ участвовалъ этотъ актеръ, не считая, что Вѣрочка, Сонечка и Пашенька тоже брали ложи въ складчину. Начальница, которую всякій разъ приглашали съ собою эти дѣвицы, любила спектакль и не замѣчала восторговъ своихъ воспитанницъ. Пашенька даже разссорилась съ Алиной за артиста... Сергѣй Павловичъ живо напомнилъ его своимъ монологомъ: Сергѣй Павловичъ былъ тоже хорошенькій, даже еще лучше, выше ростомъ; правда, у актера были совсѣмъ черные волосы и прелестные черные усики, свои собственные, не накладные, но вѣдь и у Сергѣя Павловича могутъ быть усики, и онъ тоже очень хорошо говоритъ, да еще не роль, а «отъ себя, изъ головы...»

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете уѣхать? спросила Алина.

— Непремѣнно уѣду.

— Зачѣмъ?

— Надо быть человѣкомъ!

— Развѣ votre oncle вамъ ничего не дастъ?

— Чего?

— Вѣдь votre oncle богатъ?

— Что такое богатство? прервалъ Сергѣй Павловичъ съ горечью:—пашни, выгоны и разныя угодья? десятка три дворовъ подъ гнилой соломой?... Вы молоды, Алина; не сушите своего сердца грязнымъ разсчетомъ!

Сергѣй Павловичъ произнесъ эту смѣлую риторическую фигуру съ энергическимъ и эфектнымъ жестомъ. Алина въ глубинѣ души своей подумала, что онъ «прелесть что такое».

— Я поѣду къ моему другу, продолжалъ онъ:—чтобъ помочь ему трудиться для человѣчества трудомъ, котораго здѣсь не понимаютъ, трудомъ, отъ котораго невидимо богатѣютъ милліоны богатствомъ нравственнымъ. Моя заслуга будетъ велика, хотя и немного лѣтъ я на то потрачу; она будетъ признана и вознаграждена — не этой мелочью, которую здѣсь называютъ богатствомъ!

Алина подумала, что, вѣроятно, Сергѣй Павловичъ хочетъ заняться откупами и надѣется чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться милліонеромъ, что тогда онъ забудетъ ее... Ей стало грустно.

— Я желала бы, чтобъ моя жизнь прекратилась, сказала она, припоминая свои ночныя чтенія въ пансіонѣ.

— Ребенокъ! сказалъ Сергѣй Павловичъ съ невыразимой полуулыбкой:—откуда пришло это желаніе?

— Вѣдь вы больше сюда не воротитесь?

— Такъ что-жъ? Развѣ есть что нибудь вѣчное на свѣтѣ? Развѣ это не въ порядкѣ вещей? Встрѣтились—разошлись. Для чего требовать отъ жизни невозможнаго, отъ прихоти чувствъ—постоянства? Тяжело—такъ быть должно; завтра пройдетъ. Если не насмѣяться надъ вами, женщинами, сегодня—вы насмѣетесь надъ нами завтра—я знаю васъ! я знаю, что вы изъ себя дѣлаете, какую маску вы на себя надѣваете... Лучше въ ту пору жизни, когда намъ еще кажется, будто мы чувствуемъ, разорвать сердце и потомъ встрѣтиться стариками, нюхать табакъ другъ у друга изъ табакерки и хохотать надъ прошедшимъ!..

Онъ обворожительно злобно захохоталъ; у Алины сжалось сердце.

— Сегодня еще наше, сказалъ онъ, вставая, между тѣмъ какъ Наташа входила со свѣчою:—спойте мнѣ что нибудь живое, веселое. Садитесь. Ваше фортепіано звенитъ, какъ сковорода — нужды нѣтъ, играйте!... Наталья Семеновна, вы сегодня не сказали мнѣ ни слова.

— Что-жъ мнѣ вамъ говорить? отвѣчала Наташа, впрочемъ, безъ неудовольствія, потому что успѣла замѣтить смущеніе и досаду сестры.

— Такъ, что нибудь. Что вы не поете? У васъ вѣрно есть голосъ. Мнѣ говорили, что у васъ очень пріятный голосъ.,

— Какой нибудь насмѣшникъ вамъ говорилъ.

— Почему же «насмѣшникъ», а не «насмѣшница?» Скажите, почему вы догадались?

Онъ слѣдовалъ за нею изъ угла въ уголъ комнаты. Наташа все отходила отъ него, не рѣшаясь сѣсть.

— Я ничего не догадалась. Я вовсе не пою; гдѣ мнѣ пѣть! Я въ пансіонѣ не училась. Это хорошо тѣмъ, кто выученъ. Моего голоса никто не слыхалъ.

— Должно быть, однако, Николай Иванычъ Брянниковъ слышалъ его когда нибудь: онъ говорилъ мнѣ, что вы поете.

— Какой вздоръ! сказала Наташа, сконфузясь и какъ будто съ досадой, но вмѣстѣ и съ удовольствіемъ.

— Какой вѣрный другъ ваша Любовь Ильинична! какъ она хорошо бережетъ ваши секреты! сказала насмѣшливо Алина, съ отчаяніемъ наигрывая кадриль.

— Я не знаю, секретъ ли это, возразилъ Сергѣй Павловичъ, очевидно, желая угодить Наташѣ и побѣсить Алину: — я ничего не слышалъ отъ Любови Ильиничны, а, напротивъ, Брянниковъ говорилъ мнѣ очень много...

— Обо мнѣ? прервала Алина.

— О васъ ни слова.

— Ахъ, слава Богу! Я ужъ испугалась, что такой уродъ смѣетъ обо мнѣ говорить.

— А вчера не знали, какъ сдѣлать, чтобъ онъ васъ взялъ танцовать, сказала Наташа:—никакъ сами его позвали.

— Ну, что-жъ? сама позвала: я хозяйка, съ достоинствомъ возразила Алина, перебирая аккорды небрежно, какъ артистка, и фальшивя: — не сидѣть же точно пришитой къ мѣсту. Кто не умѣетъ себя ловко держать, тому все кажется неприлично; а въ свѣтѣ всѣ такъ дѣлаютъ.

Наташа засмѣялась.

— Чему вы? спросила Алина.

— Чему? Такъ ужъ мнѣ и не смѣяться? Хочу—смѣюсь.

— Смѣйтесь сколько хотите, я вамъ, конечно, слова не скажу, хотя бы не только Брянниковъ, цѣлый свѣтъ надъ вами хохо-

талъ. Послушали бы вы, что онъ мнѣ вчера говорилъ...

— Онъ и мнѣ вчера говорилъ, что вы всѣ глаза просмотрѣли по окошкамъ, все дожидались...

Алина вскочила и ушла.

— Отчего вы недружны съ вашей сестрою? спросилъ Сергѣй Павловичъ Наташу, когда они остались одни.

— А Богъ съ ней совсѣмъ! Что мнѣ съ ней дружиться? вы сами видите. Когда она пріѣхала... я вовсе была какая-то заброшенная: все ей, да ей, право... Посмотрите, что она навезла однихъ галстучковъ, точно будто я безъ нея и жить не умѣла, она одна умна...

— Вы не сошлись съ ней характеромъ.

— Развѣ у меня есть какой характеръ? Вы сами видите, говорю ли я ей что нибудь. Я развѣ не вижу, что мнѣ все дѣлается въ насмѣшку. Подружусь ли я съ кѣмъ или что... и вы туда же!

— Помилуйте, я никогда бы себѣ не позволилъ...

— А что вы сейчасъ о Брянниковѣ говорили?

— Совершенную правду: онъ находитъ, что вы милая дѣвушка.

— Вотъ вы сказали при ней: она мнѣ теперь не дастъ покоя. Александра Семеновна воображаетъ, что лучше ея нѣтъ ничего на свѣтѣ, что всякій ее тотчасъ за себя возьметъ, а Брянниковъ и не думаетъ...

— Кого вчера дожидалась Александра Семеновна?

— Кого? Перевицкаго, Ѳедора Васильича. Вы думали кого? Она вчера три раза посылала на дорогу, не ѣдетъ ли онъ; покуда дождалась, такъ вся и вспыхнула. Да мнѣ все равно, съ кѣмъ она хочетъ любезничай, только меня не трогай...

«Ахъ, кокетка!» подумалъ съ досадой Сергѣй Павловичъ: «какъ бы ей отплатить за это?»

Алина вошла съ видомъ холоднаго, оскорбленнаго достоинства: она несла стальную подушечку и филе; положивъ все это на столъ, она подвинула свѣчу и сняла съ нея нетерпѣливо и съ такимъ отвращеніемъ, какъ будто въ жизнь свою не знала ничего, кромѣ лампъ съ матовыми шарами; потомъ она принялась укрѣплять свою подушечку и разбирать работу; но такъ какъ то и другое недѣли три лежало гдѣ-то въ нижнемъ ящикѣ комода, то, натурально, было въ большомъ безпорядкѣ.

Все это дѣлалось молча. Наташа, сидя въ уголку подлѣ Сергѣя Павловича, шепнула ему, указывая головой на сестру.

— Сердита.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Сердита. Когда взяла работу — значитъ сердита.

Алина оглянулась на нихъ; она не находила въ своей сѣткѣ ни спицы, ни иголки, ни клубка: работать было невозможно, что еще больше ее сердило; идти отыскивать было лѣнь. Алина достала папироску и закурила.

— Вы устали трудиться? спросилъ ее Сергѣй Павловичъ.

— Я вамъ не мѣшаю? возразила она.

— Нисколько.

Сергѣй Павловичъ обратился къ Наташѣ. Его любезность съ нею, впрочемъ, ограничилась тѣмъ, что онъ заплеталъ плетенки изъ бахромы ея большого платка и спрашивалъ, зачѣмъ она прячетъ свою хорошенькую талію.

Марья Васильевна вошла, зѣвая.

— Уснула, душка? спросила ее Алина.

— Да, такъ немножко. Чай пора, пить хочется. Я тамъ съ дѣтьми пополдничала и велѣла къ чаю кренделей принести; горячіе, прямо изъ печки. Будешь кушать?

— А мнѣ дадите, Марья Васильевна? отозвался Сергѣй Павловичъ.

— Я васъ не видала, отвѣчала она, зѣвнувъ опять и садясь.—Наташа,узнай,всталъ ли папенька, и вели самоваръ давать.

Наташа не двинулась съ мѣста: она была обижена, а внимательность Сергѣя Павловича давала ей смѣлость поважничать. Алина встала, легкая какъ птичка и выпрямившись, чтобъ выказать свою тонкую талью.

— Сейчасъ я все узнаю и прикажу, душка. Ты устала, милочка, сказала она, слегка поцѣловавъ невѣстку въ лобъ, и исчезла.

Она желала сыграть милую, ласковую дѣвочку. Сергѣй Павловичъ любилъ покорность въ женщинахъ; онъ вспомнилъ, что любимыя идеи всѣхъ великихъ поэтовъ были женщины покорныя, и потому съ удовольствіемъ посмотрѣлъ вслѣдъ Алинѣ. Зѣвота Марьи Васильевны наводила и на него зѣвоту; но, вспомнивъ, что дома, въ Даниловкѣ, скучно и дядя сердитъ, Сергѣй Павловичъ рѣшился лучше провести здѣсь весь вечеръ.

Въ залѣ начались приготовленія къ чаю; въ гостиную подали свѣчи, и на диванѣ, передъ овальнымъ столомъ, появился Семенъ Астафьевичъ.

— Наташа! гдѣ карты? закричалъ онъ, поискавъ ихъ напрасно.

— Не знаю, отвѣчала она.

— Я у Сенички видѣла какія-то карты, сказала Марья Васильевна.

— У Сенички? На что онѣ Сеничкѣ? продолжалъ глава семейства:—одна игра и есть, онъ ихъ растеряетъ...

— Папà, это я виновата, отвѣчала звонко и нѣжно Алина изъ другой комнаты:—я дала; Simon плакалъ, а вы почивали. Вотъ онѣ.

Она принесла карты, слегка подпрыгивая.

— То-то же! сказалъ Семенъ Астафьевичъ, тасуя вмѣстѣ двѣ колоды:—Симòнъ, Симòнъ.. вы его перебалуете. Вотъ я загадаю, будешь ли ты когда нибудь умнѣе.

Онъ началъ раскладывать пасьянсъ.

— Вечернее занятіе... сказалъ Сергѣй Павловичъ, подходя и садясь подлѣ Семена Астафьевича.

— Да, батюшка. Чѣмъ больше старику заниматься? Это-съ наполеонова загадка. Наполеонъ гадалъ. Вотъ разложи; теперь надо сообразиться: это сюда, а это такъ—двойку и выручили... А теперь... охъ, плохо!... Нѣтъ, постойте, позвольте...

— Очень занимательныя комбинаціи, замѣтилъ Сергѣй Павловичъ, слѣдя за его распоряженіями.

Семенъ Астафьевичъ усмѣхнулся и ничего не отвѣчалъ. Нѣсколько минутъ слышалось только шуршанье его картъ.

— Я давеча не разслышалъ, сказалъ онъ наконецъ:—вы сбираетесь ѣхать?

— Еще не сбираюсь, а думаю, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ задумчиво.

— Далеко ли?

— Въ Н*.

— Зачѣмъ?

— Служить.

— То есть мѣсто искать?

— Мѣсто готово; мнѣ пишутъ.

— А кто вамъ пишетъ?

— Займищевъ, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты.

— О, важная особа! Вы съ нимъ знакомы лично?

— Да.

— Что онъ, значительный, пріятный человѣкъ, солидный, семейный?

— Онъ мой другъ; мы одного выпуска, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ съ серьезнымъ хладнокровіемъ, которое выказывалъ во все продолженіе разговора.

— Вотъ какъ-съ? сказалъ Семенъ Астафьевичъ, не находя сказать ничего больше и удивленный.—Гдѣ-жъ вы тамъ пристанете?

— Займищевъ предлагаетъ свой домъ и все къ моимъ услугамъ.

— Вотъ какъ-съ!... Богатый онъ человѣкъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, связи онъ имѣетъ, родство? что нибудь такое особенное?...

Сергѣй Павловичъ улыбнулся.

— Родство, отвѣчалъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Ну да, родство; я такъ и думалъ... Это хорошая вещь. Родные люди за него постарались, и за васъ постараются. Это вамъ находка; на такого человѣка можно надѣяться: вытянетъ.

— Я не захочу, чтобъ эта дружба меня «вытягивала», возразилъ Сергѣй Павловичъ очень гордо.

— Какъ-съ?

— Я хочу возвышаться не покровительствомъ другихъ, а собственной заслугой, пояснилъ Сергѣй Павловичъ нетерпѣливо.

— Такъ-съ, сказалъ протяжно Семенъ Астафьевичъ, выкладывая три ряда картъ на столѣ:—такъ-съ; конечно, услужите другу, онъ васъ не забудетъ—и это хорошо.

— Служатъ не для друзей, а для общества, для собственнаго достоинства...

— А для себя такъ и подавно подъ крылышкомъ у друга лучше! Вѣдь служба не помѣстье: каковъ часъ, и не удержишься, какъ чтò замѣтятъ.

— Надѣюсь, за мной нечего будетъ замѣчать, кромѣ хорошаго.

— Кто говоритъ! отвѣчалъ старикъ:—да вѣдь всѣ въ этихъ дѣлахъ бывали, знаемъ. (Онъ волновался, потому что пасьянсъ шелъ неудачно). Охъ, эта десятка проклятая!.. Кто Богу не грѣшенъ, а всякій старается себѣ сдѣлать лучше — ну, и попадаются... Тьфу, все фигуры, какъ на подборъ!... Для чего-жъ и служить-то идутъ? Вы эту родeньку, роденьку-то пріятельскую, хорошенько, знаете, гдѣ тетушкѣ, гдѣ бабушкѣ... Прелестному полу прежде всего угождайте. Наживите-ка себѣ кругленькое состояньице; право, дѣло хорошее и позволительное: жить надо... А то, что? Вотъ, у вашего дядюшки, Василія Иваныча, два братца было... Машенька, давай чаю; пора!... Яковъ Иванычъ, да Павелъ Иванычъ, вашъ батюшка. Одинъ... спасибо, дочку его призрѣлъ Василій Иванычъ, а то бы... ну!... А вашъ батюшка, съ разными своими спекуляціями, нечего сказать, не мастеръ былъ наживать копѣйку; что и было, то прахомъ пошло. Хорошо, что умеръ онъ, какъ вы были уже замѣщены въ ученье и на возрастѣ, а то вѣдь ничего не оставалось...

— Онъ оставилъ мнѣ образованіе, возразилъ Сергѣй Павловичъ съ истиннымъ чувствомъ и серьезно.

— Лучше бы денежки! сказалъ старикъ, лукаво смѣясь.

— Нѣтъ, не лучше, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ:—тогда онъ оставилъ бы мнѣ только средства пользоваться, а теперь далъ возможность быть полезнымъ.

— Ну, сказалъ Семенъ Астафьевичъ: — съ этимъ недалеко уйдете. Гдѣ ужъ вамъ, батюшка—я скажу, какъ старый человѣкъ— о пользѣ думать? о себѣ подумайте. Маленькому человѣку, слава Богу, что мѣсто даютъ, да обѣщаются поить и кормить; образованіе-то ваше въ сторону. Вѣдь у васъ ужъ не начальники будутъ, а благодѣтели: тутъ до земли поклонишься — какое ужъ образованіе! Въ глаза надо имъ глядѣть, чтобъ снискать расположеніе; не только ждать, чтобъ приказали, а что во снѣ они увидятъ, то отгадать, да предупредить. Мудрствованіе-то отложите; не ваше дѣло разбирать, какъ и что... Вотъ и сошлось! воскликнулъ Семенъ Астафьевичъ, проведя свой пасьянсъ къ вожделѣнному концу и страшно хлопнувъ оставшимся въ рукѣ королемъ:—о васъ гадалъ: сбудется!

Семенъ Астафьевичъ взялъ съ подноса, который ему подавали, огромную чашку, налилъ сливокъ и забиралъ крендели и булочки.

— А пуще всего поскромнѣе, поскромнѣе живите; прижмитесь, чтобъ и вида не подавать: этого не любятъ. Другіе, тотчасъ, франты: шуба енотовая, извозчикъ не извозчикъ... Поскромнѣе, потише; а какъ станете сами главнымъ, ну, тогда... Годковъ черезъ десятокъ пріѣдете сюда нашихъ уѣздныхъ распекать. Служба хорошее дѣло, кто умѣетъ, кому талантъ Богъ далъ; а то иной такимъ глядитъ, что неспособенъ. Вотъ у меня мой Петръ (Петръ Семеновичъ вошелъ изъ залы съ стаканомъ чая, въ который онъ аккуратно помакивалъ корочку хлѣба)—ну, куда онъ годится? Записалъ я его, для порядка, въ здѣшній судъ, произвели — и будетъ! Живи при мнѣ, да гляди за хозяйствомъ — и то хорошо: ему же достанется. Дай-ка ему чайку, Машенька. Что же вы еще не пьете?

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, отправляясь съ своей чашкой въ залу.

Алина шептала что-то Марьѣ Васильевнѣ и хохотала, но притихла, увидя Сергѣя Павловича. Наташа сидѣла поодаль, молча и надувшись. Надѣясь, что Сергѣй Павловичъ займется ею, она повернулась къ нему; но онъ поставилъ свою чашку на столъ, поблагодарилъ и принялся ходить по комнатѣ далеко отъ чайнаго стола. Сумрачный взглядъ и руки, скрещенныя на груди, обнаруживали, что молодой человѣкъ взволнованъ. Ему было въ самомъ дѣлѣ тяжело.

«Нечего сказать», подумалъ онъ: «незавидное положеніе!..»

Его разстроилъ разговоръ съ Семеномъ Астафьевичемъ; ему стало досадно на все, что его окружало. Нѐ отъ кого было ждать ни утѣшенія, ни совѣта, ни поддержки; и дядя, и этотъ старикъ говорятъ одно и то же: унижаться, кланяться, наживаться—все это такъ гадко! А въ самомъ дѣлѣ средствъ къ жизни нѣтъ; впереди одна помощь чужихъ и зависимость...

«Впрочемъ», подумалъ онъ вдругъ:— «кто-жъ велитъ мнѣ ставить себя въ зависимость, хотя бы въ отношеніи къ Займищеву, если я въ самомъ дѣлѣ къ нему поѣду? Деликатны люди со мною — прекрасно; а нѣтъ—мое почтеніе. Свѣтъ великъ...»

Грустное настроеніе Сергѣя Павловича прошло. Онъ сказалъ себѣ, что человѣкъ, сознающій свои силы, не долженъ унывать, что уныніе недостойно, что оно убиваетъ молодость и отнимаетъ у нея дорогое время наслажденій, а наслажденіе — вездѣ, во всемъ; и уменъ тотъ, кто ничѣмъ не пренебрегаетъ. Если что нибудь не удовлетворяетъ нашему уму, то удовлетворяетъ сердцу, не сердцу, такъ самолюбію — и то пріятно — не самолюбію, такъ желанію пошутить и посмѣяться откровеннымъ, добрымъ смѣхомъ, благодѣтельнымъ для того, кто смѣется...

Сергѣй Павловичъ еще не окончилъ думать, какъ подошелъ къ Наташѣ.

— Посмотрите, сказалъ онъ:—точно профиль Перевицкаго.

На стѣнѣ отъ тѣни вышла случайно какая-то довольно забавная фигура.

— Ахъ, ахъ! похожъ! вскричала Наташа.

— Со всѣмъ соглашается, сказала Алина, пожавъ плечиками.

— Взгляните сами, продолжалъ Сергѣй Павловичъ.

— Да, похоже, похоже, сказала Марья Васильевна:—какъ это такъ случилось?

— Александра Семеновна это лучше знаетъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ:—сильная мысль — тотъ же магнетизмъ:— она вызываетъ отвѣтъ. Вы думали о Перевицкомъ, вы вызвали тѣнь его.

— Почему вы знаете, что я все о немъ думала?

— Я все знаю.

— Перескажутъ вамъ, а вы рады вѣрить.

— Чему нибудь надо-жъ вѣрить.

— Вы всему вѣрите.

— Я вамъ не вѣрю, отвѣчалъ онъ тихо и грозно.

Алина расхохоталась.

— Магіе, сказала она: — я сейчасъ поворожу, постучу подъ столомъ и покличу Ѳедора Васильича: онъ скорѣе пріѣдетъ... на зло вамъ! шепнула она Сергѣю Павловичу.

И между тѣмъ, какъ Сергѣй Павловичъ смотрѣлъ на нее съ невыразимой насмѣшкой, Алина принялась стучать въ доску стола, приговаривая, впрочемъ, такъ, чтобъ не услышалъ отецъ:

«Ѳедоръ Васильичъ, гдѣ вы? Ѳедоръ Васильичъ!»

— Кричите громче, сказалъ Сергѣй Павловичъ величаво и холодно.

— Вы думаете, я васъ боюсь? и закричу.

Она въ самомъ дѣлѣ крикнула: «Ѳедоръ Васильичъ!» но ея голоса нельзя было услышать за крикомъ, свистомъ, топотомъ лошадей, громомъ колесъ и звономъ колокольчиковъ, которые раздались подъ окнами.

— Наворожила! вскричала Марья Васильевна.

— Пріѣхалъ! ахнула Алина.

— Что тамъ? спросилъ Семенъ Астафьевичъ.

— Перевицкій, произнесъ хладнокровно Петръ Семеновичъ.

— Ударъ грома—и Юпитеръ явился, сказалъ Сергѣй Павловичъ молчаливой Наташѣ, забывая, что это для нея непонятно.

Всѣ эти восклицанія еще раздавались, когда Перевицкій распахнулъ двери въ залу.

— Какъ разъ къ чаю поспѣлъ! вскричалъ онъ, вмѣсто привѣтствія.—Дайте чайку, погрѣться; перемерзъ! На дворѣ чортъ знаетъ что! темень, гололедица. Какъ я ни гналъ, такъ глаза и слѣпитъ. Матюшка колесомъ за вашу ветчинницу зацѣпилъ, я думалъ, такъ тутъ всѣ и перевернемся....

— Что-жъ, не перевернулись? спросилъ изъ гостиной Семенъ Астафьевичъ весело и такъ же громогласно.

— Нѣтъ, цѣлы остались. Здравствуйте, мое почтеніе, продолжалъ Перевицкій, проходя въ гостинную, протягивая старику свою красную, холодную руку и садясь подлѣ него. — Это вамъ не надоѣло ералашъ этотъ раскладывать? Добро бы что дѣльное, «право-налѣво», а то... Я одну беззубую старуху зналъ, туда же! трясется, раскладываетъ: «Батюшка, не тронь, не смѣшай!» а я, какъ ни повернусь, все ей смѣшаю...

— Ну, не тронь, не тронь! прервалъ Семенъ Астафьевичъ, смѣясь и защищая свой пасьянсъ.—Ступай, балуй съ молодыми, когда охота взяла.

— Что мнѣ молодыя!.. Марья Васильевна, пожалуйте чайку, да нѣтъ ли, знаете, отъ вчерашняго праздничка не осталось ли чѣмъ погрѣться? Мы отданіе празднику совершимъ... Что вы думаете, я куда вчера отъ васъ поѣхалъ? вы думаете, домой?... Петръ Семенычъ, что-жъ трубочку? одолжите; сами вы, красная дѣвица, не курите — батюшка не велитъ, а намъ пожалуйте... Вы думаете, я куда поѣхалъ? Я вздремнулъ, а Матюшка везетъ да везетъ, въ свою околицу въѣзжаемъ. Я проснулся. «Куда ты, болванъ? Тебѣ развѣ сказано везти домой?» Такъ чего же ты умничаешь, когда ничего не приказывали? На праздникѣ, видно, былъ? Ворочай назадъ!» Поѣхали. «Погоняй!» Дождь такъ и льетъ. Доѣхали до Овечьяго-Брода. «Пошелъ!» и прямо, всей тройкой, въ лощину...

— Ахъ, ты, сумасшедшій! прервалъ Семенъ Астафьевичъ:— да тамъ и днемъ голову сломишь.

— Что-жъ мнѣ трусить? Никогда я не струшу. Сломилъ—такъ ей и быть. Я не дуракъ какой, чтобъ трусить. Пожалуй, вотъ, Петръ Семенычъ: водовозку ему запрягутъ, а онъ: «ахъ, батюшки, держите!...» Ухнули съ тройкой, да крикомъ, крикомъ, на гору. Къ утру пріѣхали въ городъ.

— Вы лошадей-то заморите, осмѣлился замѣтить Петръ Семеновичъ.

— А была-не-была! что она мнѣ? Завтра же такую другую тройку достану; я ужъ заказалъ...

— Зачѣмъ же тебя въ городъ носило? спросилъ Семенъ Астафьевичъ.

— Да такъ; что-жъ дома дѣлать? Надо же и знакомство имѣть. Я, слава Богу, еще вѣка не отжилъ; надо себя поддержать, чтобъ люди знали. Кое-кого позвалъ, другіе сами пришли; три нумера занялъ въ гостиницѣ, велѣлъ двери растворить и пообѣдали.

— А сколько тебѣ стало? скажи по совѣсти.

— Да недорого стало. Что-жъ мнѣ? Не прятаться отъ людей, особенно, когда ко мнѣ расположеніе имѣютъ. Кто меня уважаетъ, того я самъ уважаю. А прятаться да въ углу сидѣть, пожалуй, еще скажутъ: «гро-

ша у него нѣтъ въ карманѣ». Вѣдь на это у всякаго языкъ найдется.

— Это что говорить! найдутся, скажутъ! замѣтилъ Семенъ Астафьевичъ.

— А мнѣ что они, знакомые эти? Хочешь — меня люби, хочешь — нѣтъ, прахъ ихъ возьми! Накормилъ ихъ, хоть они подавись. Я самъ себѣ господинъ; я себя знаю, что я человѣкъ благородный и не унижаю себя ничѣмъ; деньги у меня есть и будутъ. Кто стоитъ моего уваженія, тому я, пожалуй, хоть въ ножки поклонюсь, а что не по мнѣ, такъ не прогнѣвайся.

— Охъ ты, лихой! сказалъ ласково Семенъ Астафьевичъ.

— Право,такъ,продолжалъ Перевицкій.— Вотъ я къ вамъ со всѣмъ моимъ уваженіемъ, потому что, я знаю, вы не станете обо мнѣ вздора говорить и, гдѣ случится, не выдадите. А другіе какія со мной штуки дѣлаютъ, вы подумайте только, еще родные, братецъ родной!

— Откуда же у тебя братецъ? Одинъ былъ, да и тотъ умеръ.

— Покойникъ и кутитъ (Перевицкій расхохотался.) Я еще тамъ былъ, ну... учили меня, а онъ тутъ всѣмъ распоряжался. Помните, онъ такой хворый былъ, чахоточный.. ну, нѣжничалъ. Нашелъ онъ себѣ двоюродную тетушку, изъ рода вонъ, перевезъ ее къ себѣ; она за нимъ ухаживала; дѣвочку она съ собой, дочь свою маленькую, привезла...

— Ну, знаю это все, знаю.

— Братецъ мой разжалобился: «Какъ я умру, ничего имъ не оставлю?» и далъ онъ этой тетушкѣ заемное письмо... въ двѣ тысячи-съ—-извольте подумать!

— Серебромъ?

— Хорошо, что догадался: ассигнаціями! Самъ умираетъ— заемныя письма подписываетъ! Кто-жъ повѣритъ, чтобъ тутъ безъ штукъ этой сударыни обошлось? Ну, выкланяла, вымолила—извѣстно! Я помню, я еще въ отпускъ пріѣзжалъ, такъ братъ все твердилъ, что хочетъ ей сдѣлать вспоможеніе...

— Видите, нѣжности! у брата родного отнялъ, непріятность ему навязалъ, обманулъ его... Письмо, стало быть, безденежное?

— Кто ихъ знаетъ, какое!Можетъ, и бралъ у нея покойникъ: тогда годъ былъ плохой, можетъ, сѣменами, соломой, всякой рухлядью. Говорятъ, у нея земля какая-то была, клочокъ; она ее продала: можетъ, братъ деньги взялъ.

— Да ты развѣдай, разузнай хорошенько, сказалъ Семенъ Астафьевичъ, довольный его довѣренностью.

— Развѣдаю-съ. Я сказалъ Андрею Иванычу—ну, знаете, секретарю; «спроси у нея, точно ли братъ занималъ, или письмо безденежное, что ли?» Не признавалась, старая: должно быть, догадалась, молчала, а теперь взяла да письмо и представила!

— Что ты?

— Представила! да мнѣ что? такъ я ей и заплачу! Я вамъ, какъ другу говорю, ни за что не заплачу.

— Какъ же ты сдѣлаешь?

— Я что сдѣлаю... Тамъ, кто его знаетъ, безденежное ли письмо, денежное ли; мало ли, пожалуй, дураки толкуютъ, что братъ былъ долженъ... А я дамъ свѣдѣніе, что мнѣ положительно извѣстно, не должалъ мой братъ никому ничего, и что онъ въ послѣднее время кончины своей въ такомъ былъ положеніи болѣзни, что не могъ письменными дѣлами заниматься. Пляши она потомъ! Я вотъ скажу словечко еще Андрею Иванычу — и подведутъ, что письмо фальшивое, тогда и знай она!

— Не за весельемъ же ты ѣздилъ въ городъ, сказалъ Семенъ Астафьевичъ. — Охъ ты, дѣловая голова!

— А что-жъ? не пустая! Впрочемъ, я не поскучалъ-таки: утро съ дѣломъ возился, тамъ пообѣдали, цыганъ послушали, а тамъ... Постойте, это барышнямъ... Барышни!

Онъ пошелъ въ залу.

— Александра Семеновна!

— Vous n'avez pas dit bonjour, m-r Перевицкій, сказала Алина.

— Ну, бонжуръ, бонжуръ. Не до того мнѣ. Актеры къ намъ пріѣхали; извольте афишку читать; просите-ка папеньку, чтобъ свозилъ посмотрѣть. Тамъ, вотъ, эта актриса, какъ ее... Розонова—прелесть! Ужъ я все узналъ, видѣлъ. Терезу сироту завтра играетъ, а потомъ танцуетъ.

— Ахъ! слабо вскрикнула Алина, увидя на афишкѣ имя артиста, восхищавшаго ее прошлой зимою.

— Что вы?

— Ахъ, и пьеса безподобная!

— Мнѣ что пьеса, а вотъ этотъ бѣсенокъ-то хорошъ. Поѣзжайте.

— Папеньку не упросишь, тихо сказала Алина, надувъ губки.— Нѣтъ; il ne faut pas penser.

— Я, вотъ, пойду его уговаривать.

— Не ходите, садитесь здѣсь.

— Я бы, пожалуй, для васъ ложу взялъ— не велика важность, да мнѣ надо въ креслахъ быть. Я себѣ ужъ въ первомъ ряду досталъ; сама эта мамзель билетъ поднесла,

съ улыбочкой; ну, нечего дѣлать, далъ ей десять цѣлковыхъ.

— Позвольте взглянуть на афишку, сказалъ очень холодно Сергѣй Павловичъ.

Онъ взялъ ее и читалъ стоя.

— Что-съ? спросилъ Перевицкій, успѣвъ этимъ временемъ потихоньку обмѣняться нѣсколькими словами съ Алиной.

— Я знаю почти всѣхъ этихъ артистовъ по отзывамъ журналовъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, учтиво и хладнокровно складывая афишку и возвращая ее:—они всѣ играли на провинціальныхъ сценахъ; а маленькую Розонову, когда она въ первый разъ дебютировала, мы такъ ошикали, что она больше не показывалась.

— Это у васъ, тамъ, по-столичному, возразилъ Перевицкій: — а намъ, дуракамъ, и то хорошо.

Онъ захохоталъ, пустивъ клубъ дыма.

— Вы поѣдете въ театръ? спросила Наташа у Сергѣя Павловича.

— Мое послѣднее впечатлѣніе было — Эльслеръ въ «Эсмеральдѣ», отвѣчалъ онъ снисходительно: — судите сами, могу ли я ѣхать.

Перевицкій расхохотался еще громче.

— Finissez, сказала ему Алина, развертывая свою сѣтку.

— Ну, что finissez, повторялъ онъ, когда Сергѣй Павловичъ, равнодушный, какъ человѣкъ порядочный, прошелъ въ гостиную,—вамъ жаль, что я надъ нимъ смѣюсь? Есть чего жалѣть, подумаешь! вчера вы не тò пѣли, помните; видно, вамъ кто на лицо, тотъ и милъ. А мнѣ все равно; хотите, любезничайте съ нимъ, я плакать не стану; сами не заплачьте!

— О чемъ?

— О чемъ? забыли? Что вчера тамъ, у окошка, говорили? То я ей милъ, жить безъ меня не можетъ, а то жаль всякаго. Такъ было вчера хорошо пошло, и ручку дала, какъ умница, и велѣла сегодня пріѣзжать. Вотъ я и пріѣхалъ... Что-жъ меня за носъ-то водить? Либо онъ, либо я, а кто нибудь одинъ. Я этихъ штукъ не люблю: нашумлю такъ, что онъ своихъ не узнаетъ...

— Что у васъ за манеры, я не понимаю, возразила Алина:— точно вы... не знаю гдѣ воспитаны...

— Ну и навяжите себѣ дурака воспитаннаго, мнѣ очень нужно! Я уѣду—и меня поминай какъ звали, оставайтесь съ нимъ!

Алина расхохоталась съ такимъ увлеченіемъ, что упала на спинку своего стула.

— Куда вы? проговорила она, схвативъ за руку Перевицкаго:—вы меня со смѣху уморите! Этакая вспышка! И не догадается, что съ нимъ шутятъ!

— Хороши шуточки, покорно благодарю! Еще тотъ не родился, кому я шутить позволю. Пустите!

— Нарочно ему говорятъ, а онъ... Ну, allez; ну, vous voulez de ma mort; ну, allez!

Алина такъ же скоро заплакала, какъ засмѣялась.

— Я вѣдь слезамъ-то не очень вѣрю, сказалъ Перевицкій, садясь, однако, на свое мѣсто.

— Вы чему же вѣрите? спросила она, наклонясь къ своей работѣ.

Перевицкій протянулъ руку за ея ручкою; Алина уколола его иголкой; но занимательная сцена примиренія была прервана, потому что Марья Васильевна и Наташа возвратились въ залу. Впрочемъ, примиреніе, вѣроятно, состоялось. Чрезъ нѣсколько минутъ прибѣжали дѣти. Марья Васильевна занялась ими; Наташа сѣла, уединяясь, къ окну, а Перевицкій и Алина разговаривали тихонько, какъ настоящіе друзья.

Сергѣй Павловичъ, между тѣмъ, слѣдилъ за пасьянсами Семена Астафьевича. Ему было скучно, а больше какъ-то досадно, и къ этому непріятному чувству примѣшивалось еще безпокойство. Вѣтеръ шумѣлъ и было слышно, какъ крупа осыпала стекла. Семенъ Астафьевичъ громко приказалъ закрывать ставни.

— Вотъ такъ погодка! сказалъ Петръ Семеновичъ.

— Да, разыгралась, сказалъ отецъ.—Өедоровы лошади гдѣ стоятъ?

— На дворѣ. Онъ не велѣлъ отпрягать.

— Да ужъ и ѣхать-то! Конечно, когда нужда, поѣдешь, а то съ ума надо сойти, въ этакую погоду лошадей мучить.

Сергѣй Павловичъ понялъ, что ему не предложатъ дрожекъ. Его положеніе становилось критическимъ. Не зная, что предпринять, онъ заговорилъ, чтобъ успокоиться.

— Какъ велико состояніе у Перевицкаго?

— Есть-таки, кругленькое, отвѣчалъ Семенъ Астафьевичъ:—отецъ оставилъ имъ съ братомъ семьдесятъ-пять душъ; братъ умеръ, теперь Өедоръ одинъ: да материнское у нихъ было...

— Материнскаго немного, замѣтилъ Петръ Семеновичъ:—душъ двадцать, и тѣ онъ ужъ заложилъ.

— А тебѣ что? строго возразилъ отецъ:—его разсчетъ. Ему были деньги нужны. Молодому человѣку съ нынѣшнимъ воспита-

ніемъ нельзя денегъ не имѣть. Онъ самъ себѣ господинъ, надо себя показать и пожуировать въ свое удовольствіе; онъ и молодъ, и молодецъ...

— Однако, сказалъ Сергѣй Павловичъ, которому отъ досады на погоду и на хозяина, непредлагавшаго дрожекъ, хотѣлось противорѣчить:—однако, нельзя похвалить молодого человѣка, который въ двадцать два года уже закладываетъ свое имѣніе и соритъ деньгами. Кажется, это не ваши убѣжденія...

— Что-съ?

— Я говорю, кажется, вы сами не слѣдуете этимъ правиламъ, потому что точно также могли бы позволить «жуировать» и вашему сыну, а вы...

— Да что есть у моего сына? спросите его, что у него есть? Онъ при мнѣ, что ему надо? Живетъ, семью свою содержитъ...

— Но Петру Семенычу, я думаю, очень невесело мѣрять четверти и не пользоваться тѣмъ, что въ его года...

— А я думаю, батюшка, что это не ваше дѣло вступаться-то. Петръ Семенычъ не такъ воспитанъ; ему того и не нужно, что Ѳедору нужно: показывать себя нечего. Да я и не такой отецъ. А вздумалъ онъ... ну, дурь въ голову войдетъ! возьми материнскія девять душъ, да живи на нихъ самъ-сёмъ—вотъ что! Да все это не ваше дѣло.

Петръ Семеновичъ молчалъ, но Сергѣй Павловичъ понялъ, что ставило его въ неловкое положеніе.

— Перевицкій могъ бы служить по крайней мѣрѣ, замѣтилъ онъ.

— Это на что? возразилъ Семенъ Астафьевичъ:—Тотъ служи, кому ѣсть нечего, тотъ тянись, наживайся, а благородному молодому человѣку:—что ему? Выпущенъ съ чиномъ, выслужилъ годъ—и довольно съ него. Очень нужно ему безпокоиться!..

— Но общественная польза! Послѣ этого всякій, кто можетъ мотать, будетъ считать себя освобожденнымъ отъ общей обязанности...

— Вамъ говорятъ, кому ѣсть нечего, тотъ промышляй себѣ чѣмъ можетъ. Нѣтъ своего угла, такъ ступай толкуй о пользѣ. Мѣрять четверти не возьмутъ, такъ иди въ повытчики!

Сергѣй Павловичъ вспыхнулъ. Онъ всталъ, ожесточенный на людей даже больше, чѣмъ на природу. Чтобъ не сказать чего нибудь, отъ чего пришлось бы въ самомъ дѣлѣ идти пѣшкомъ въ Даниловку, онъ ушелъ въ залу. Марья Васильевна разматывала нитки, Наташа ничего не дѣлала, Алина курила и хохотала съ Перевицкимъ.

«Въ самомъ дѣлѣ», подумалъ Сергѣй Павловичъ: «человѣку безъ состоянія приходится выносить много униженій!...»

— У васъ весело, сказалъ онъ, садясь подлѣ Алины и Перевицкаго.

— Да-таки нескучно, отвѣчалъ Перевицкій, съ котораго ужъ сошло его неудовольствіе на Сергѣя Павловича:—а вамъ завидно? Вотъ она сейчасъ чуть не вспыхнула, золу себѣ уронила на платье—и поднялась кутерьма; спасибо, я выручилъ. Что, вѣдь я васъ отъ смерти спасъ — а? Александра Семеновна!

— Я смерти не боюсь, сказала Алина.

— Значитъ, я даромъ себѣ руки жегъ? И то правда, пускай бы себѣ сгорѣли!

— И вамъ бы меня не жаль было?

— Что мнѣ васъ жалѣть? развѣ вы мнѣ родня какая?

— Развѣ только родныхъ жалѣютъ?

— Да вотъ видите, какія штуки! Я, дуракъ, этого не понимаю!

— А Сергѣю Павлычу меня было бы жалко.

— Да, то Сергѣй Павлычъ! А мы что? намъ ужъ куда соваться? мы стиховъ не пишемъ. Сергѣй Павлычъ, вы стихи пишете?

— Иногда, отъ нечего дѣлать, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, продолжая рисоваться своимъ хладнокровіемъ, хотя сердце у него еще разъ повернулось съ досады.

— Вы бы мнѣ написали. Знаете, я хочу объясниться одной барышнѣ, такъ оно лучше поэтическимъ образомъ... что вѣтеръ воетъ, что душа у меня больна... лихорадка ее, что ли, трясетъ, тамъ какъ знаете, напишите.

Перевицкій захохоталъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ серьезно Сергѣй Павловичъ:—только вотъ что... вы точно влюблены въ эту барышню?

— Какъ же, до зарѣзу! взаимно влюблены, счастливы такъ, что ужъ тутъ третій и не подходи!

— Прекрасно, поздравляю васъ. Въ такомъ случаѣ стихи ненужны. Стиховъ не пишутъ къ любимымъ женщинамъ, которыя говорятъ вчера одно, а сегодня другое.

— Ай, срѣзалъ! вскричалъ, хохоча, Перевицкій и, ловко перевернувшись, побѣжалъ въ гостиную набивать себѣ другую трубку.

— Vous voulez de ma mort, прошептала Алина Сергѣю Павловичу.

— Я ровно ничего не хочу, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ: можете смѣяться надо мною,

если вамъ угодно; но не забывайте, что у меня есть ваша записка.

— А вы сами бывали влюблены, Сергѣй Павлычъ? спросилъ Перевицкій, возвращаясь необыкновенно веселый, самъ не зная отчего.

— Никогда, и вамъ не совѣтую. Изъ чего себя безпокоить, дѣлать глупости? Можно и безъ этого весело прожить. Будто ужъ только и радостей на свѣтѣ, что ахать, вздыхать и, наконецъ, жениться! Большое удовольствіе! не успѣвъ пожить, окружиться женой, дѣтьми, няньками, молочной кашей... что это такое? Тогда какъ въ наши съ вами годы, товарищи, свобода... доставало бы только денегъ, да здоровья!

— Да вы, я вижу, совсѣмъ не то, что я о васъ думалъ, сказалъ Перевицкій.

— А что вы обо мнѣ думали?

— Я думалъ, вы все философствуете, отжили; а вы вотъ какъ, даже глаза разгорѣлись.

— Я отжилъ! вскричалъ Сергѣй Павловичъ, разсмѣявшись:—ваша правда, я ровно на столько отжилъ, что вѣрю въ одни наслажденія жизни—вы меня понимаете? въ одни наслажденія! День мой—вѣкъ мой! Правду сказать, умѣлъ я ими пользоваться!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вы не вѣрите? Не получше ли вашего!

— А лучше, такъ научите.

Сергѣй Павловичъ улыбнулся грустной улыбкой воспоминанія.

— Одно ужъ то, продолжалъ онъ:—что Москва не вашъ уѣздный городъ. Напримѣръ... Вы мнѣ напомнили вашими актерами... Одинъ разъ...

Сергѣй Павловичъ всталъ и пошелъ по залѣ, Перевицкій послѣдовалъ за нимъ, совершенно забывъ Алину. Чрезъ минуту онъ очень дружески обнялъ Сергѣя Павловича за талью и восклицалъ и хохоталъ, между тѣмъ какъ тотъ разсказывалъ очень тихо и спокойно, какъ человѣкъ порядочный.

— Вотъ такъ душа! вскричалъ Перевицкій въ совершенномъ восторгѣ, когда Сергѣй Павловичъ разсмѣялся самъ, оканчивая разсказъ:—ей-Богу? я васъ совсѣмъ не такимъ считалъ: серьезный, ученый... Видно, въ тихомъ омутѣ...

— Говорится: «тихія воды глубоки», прервалъ Сергѣй Павловичъ, поправляя его снисходительно.

— Да, поделикатнѣе, для барышень, а выходитъ одно и то же. Давно бы вамъ такъ-то поразговориться, мы бы тогда съ вами...

— Некогда, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ:—надо, видите ли, дѣло дѣлать.

— Э, барскую работу вѣкъ не переработаешь!

— Да, хорошо вамъ, а мнѣ надо еще много, много... Да, во-первыхъ, мнѣ сейчасъ надо домой. Прощайте.

— Постойте, я васъ отвезу! вскричалъ Перевицкій:—дорогой еще потолкуемъ. Прощайте, барышни; прощайте, Семенъ Астафьевичъ.

Онъ бѣгалъ, пожимая руки, между тѣмъ какъ Сергѣй Павловичъ откланивался молча. Алина ловила его взглядъ и встрѣтила—но такой насмѣшливый, холодный, что непремѣнно бы погрозила ему своей смертью, еслибъ Перевицкій въ эту минуту не схватилъ ея руки и не встряхнулъ ея, какъ будто хотѣлъ выломить.

— Vous devez baiser, сказала она, чтобъ полюбезничать хоть съ однимъ, если съ другимъ не удавалось.

— Хотите? пожалуй! вскричалъ Перевицкій и расцѣловалъ ея ручку.

— Такъ-то лучше, сказала тихонько Алина:—злой, ревнивецъ, вѣтренникъ!...

— Да, да, да, вѣтренница!...

Наташа была ужасно сердита. Марья Васильевна едва не спала, считая петли чулка, который начинала.

Перевицкій усадилъ Сергѣя Павловича въ свой тарантасъ, и они покатили. Бѣшеная ѣзда казалась еще бѣшенѣе среди ужасной непогоды. Сергѣй Павловичъ жался въ своей шинели и радовался, что сблизился съ Перевицкимъ на столько, что тотъ взялся довезти его домой. Сергѣй Павловичъ какъ будто поймалъ себя на чемъ-то въ родѣ отрицанія своихъ убѣжденій, въ родѣ лести предъ чужимъ богатствомъ, въ родѣ униженія; но размышлять дорогой, конечно, было невозможно, и все кончилось мыслью: «Перевицкій добрый малый; изъ него можно сдѣлать что угодно».

Перевицкій пѣлъ, покрякивалъ и требовалъ новыхъ анекдотовъ. Сергѣй Павловичъ былъ не въ состояніи говорить.

— Вы къ себѣ поѣдете, спросилъ онъ.

— Съ чего вы взяли? Въ городъ прямо.

— Такъ вамъ дорога мимо самой нашей околицы?

— Э-э! спохватились! Да мы сейчасъ ее проѣхали, вашу околицу. Что-жъ, вы думаете, я васъ такъ и выпущу? Нѣтъ! сѣли со мной, такъ вмѣстѣ и ѣдемъ въ городъ.

— Полноте, велите воротиться!

— Вотъ вздоръ какой! Ни за что!

— Право, мнѣ невозможно...

— Вотъ и товарищество! вотъ и веселье! видно на словахъ только.

— Но я вамъ говорю, невозможно...

— Ну, я не прошу. Пожалуй, я васъ высажу недалече, съ четверть версты; хотите, ступайте пѣшкомъ, а я ужъ не велю ворочать; тутъ колеса сломаешь, ворочать. Стой, Матюшка; что-жъ, выходите.

Сергѣй Павловичъ прижался въ уголъ тарантаса и крикнулъ: «пошелъ!»

Перевицкій расхохотался.

IV.

Въ этотъ вечеръ Клавдія Яковлевна, дожидаясь братца, безпокойно и украдкой посматривала въ окошко, пока не закрыли ставень. Ее успокоилъ дядя: онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, какъ человѣкъ прямой, у котораго досада недолго продолжается.

— Сергѣй, видно, ночевать остался, сказалъ онъ:—умно и сдѣлалъ: въ такую погоду недолго и простудиться.

На другое утро погода была прекрасная. Возвращаясь къ обѣду послѣ обхода хозяйства, Василій Ивановичъ спросилъ о племянникѣ — племянника не было.

— Закутилъ малый! сказалъ Василій Ивановичъ, и не поминалъ о немъ больше.

Передъ вечеромъ, когда опять набѣжали тучи, Клавдія Яковлевна робко замѣтила:

— Никакъ вся четверть мѣсяца такая будетъ; утромъ ясно, а къ вечеру ненастье. Хорошо, кто утромъ успѣетъ...

Она не договорила; дядя разсмѣялся.

Прошли еще сутки —Сергѣя Павловича не было. Вечеромъ, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ во всей красотѣ надъ застывавшими лужами, Василій Ивановичъ обратился къ племянницѣ съ вопросомъ:

— Что, Клавдинька, никакъ вся четверть такая будетъ? Утромъ человѣкъ выѣхать не успѣетъ, а вечеромъ не хочетъ? Охъ, ты, заступница! Ты мнѣ не говори про эту безумную голову. Ты думаешь, онъ у Семена Астафьича? Еще въ тотъ же день уѣхалъ; Семена Астафьича казачокъ былъ здѣсь, сказывалъ.

— Куда-жъ онъ уѣхалъ? спросила Клавдія Яковлевна, которой испугъ придалъ смѣлость спрашивать.

— Кто-жъ его знаетъ? Къ пріятелю своему, можетъ быть.

— Не простившись-то, дяденька?

— А что-жъ? Мы съ тобою, Клавдинька, люди простые, посердимся съ-проста, помиримся на-чистую; а у нынѣшнихъ деликатныхъ людей, вотъ какъ Сергѣй нашъ, все тонкости разныя. Ты ему скажешь, что есть на душѣ, а онъ, глядишь, обидѣлся, и чѣмъ, подумаешь! Онъ тогда разсердился на моня; можетъ быть, по его разумѣнію выходитъ, что деликатнѣе было уѣхать, не простившись.

Василій Ивановичъ былъ встревоженъ.

— Жаль мнѣ малаго, продолжалъ онъ:— а пути въ немъ не будетъ, не тѣмъ смотритъ. Хоть бы на волосъ въ немъ было обстоятельности. О себѣ мечтаетъ высоко, а какъ пристроиться, объ этомъ не думаетъ... Эхъ,братъ Павелъ, не слушалъ ты меня! говорилъ я: не балуй сына, не заучивай — вышелъ бы человѣкъ; а то что?

Пока Василій Ивановичъ размышлялъ вслухъ, Клавдія Яковлевна дѣлала то же, только молча. Неожиданный отъѣздъ Сергѣя Павловича поразилъ ее: ей почему-то казалось, что онъ не могъ, не долженъ былъ уѣхать, не сказавшись ей; къ тому же, ему надо было собраться въ дорогу. Вмѣстѣ съ смутнымъ безпокойствомъ, съ сожалѣніемъ о чемъ-то въ родѣ утраченной надежды, въ душѣ Клавдіи Яковлевны проходили воспоминанія о томъ, что необходимо для Сергѣя Павловича въ дорогѣ и новой жизни, которую онъ себѣ избралъ, чего у него не доставало, что надо было бы приготовить и сшить, что она, Клавдія Яковлевна, могла бы сдѣлать сама, о чемъ надо было бы просить дядю. Забота о мелочахъ, разсчетъ мелкихъ расходовъ примѣшивались къ истинному, глубокому чувству, котораго не понимала и почти не сознавала сама Клавдія Яковлевна. Ей было грустно, чего-то страшно, какъ-то неловко; ее что-то оскорбляло, но что и почему—она, конечно, не разбирала, и, не умѣя, не могла бы разобрать; къ тому же ей, привыкшей заниматься положительно, казалось, некогда раздумывать... да и о чемъ? Сергѣй Павловичъ пріѣхалъ изъ Москвы, пожилъ здѣсь и уѣхалъ—развѣ это могло быть иначе? Чего-жъ она ждала отъ него, отъ его житья здѣсь? Что жалѣть о его отъѣздѣ? развѣ съ этимъ отъѣздомъ что нибудь перемѣнилось въ ея жизни?..

Клавдія Яковлевна думала это, уйдя, сама не зная зачѣмъ, въ свою комнатку. Не сдѣлавъ привычки и не чувствуя никогда желанія быть одной, она никогда не входила туда въ теченіе дня, развѣ за какимъ нибудь дѣломъ. Этимъ вечеромъ она ушла и съ четверть часа простояла у окна, ни-

чего не дѣлая, въ потьмахъ, глядя на пустой дворъ, побѣлѣвшій отъ луннаго свѣта, между тѣмъ какъ слезы, Богъ знаетъ отчего, безпрестанно навертывались у нея на глазахъ.

Дядя позвалъ ее. Клавдія Яковлевна побѣжала, испугавшись его голоса. Аграфена Степановна заглянула ей въ лицо, когда она проходила мимо, такъ же, какъ уже заглядывала въ дверь ея комнаты.

«Сокрушилъ насъ добрый мòлодецъ!» проговорила она ей вслѣдъ.

Василій Ивановичъ могъ бы не звать своей племянницы: по обыкновенію, они проводили вечеръ молча—онъ съ трубкой, она съ вязаньемъ, только въ гостиной, а не въ залѣ, гдѣ не было огня и куда Клавдія Яковлевна выходила время отъ-времени со свѣчой взглянуть на часы, по приказанію дяди. Въ половинѣ девятаго освѣтилась и зала; дремлющій Филиппъ накрывалъ на столъ, не отдвигая его отъ стѣны. Василій Ивановичъ пошелъ ужинать, не сказавъ своего обычнаго: «пойдемъ, поѣдимъ, Клавдинька», что означало дурное расположеніе духа. Клавдія Яковлевна не знала, куда смотрѣть — такъ ей было неловко и страшно. Дядя былъ недоволенъ ужиномъ.

— Аграфена Степановна! кликнулъ онъ вдругъ среди молчанія.

Ключница явилась.

— Ѣсть нѐчего, матушка; что это такое?

— Я и сама не знаю, баринъ, отвѣчала она; — барышня ничего не изволили приказывать, а я ихъ безпокоить не смѣла, по тому случаю, что онѣ и такъ не въ своемъ видѣ...

— Что ты, больна? спросилъ Василій Ивановичъ, обращаясь къ Клавдіи Яковлевнѣ.

— Нѣтъ, дяденька.

— А не больна, такъ что-жъ отъ тебя слова не добьешься? Сердита, что ли?

Слезы выступили опять на глазахъ Клавдіи Яковлевны; она не знала, какъ ихъ скрыть.

— Вы ихъ, баринъ, не конфузьте, вступилась Аграфена Степановна съ самымъ противнымъ состраданіемъ: — онѣ и такъ убиваются; я это примѣчаю.

— Отчего ты убиваешься? спросилъ Василій Ивановичъ Клавдію Яковлевну.

— Извѣстно, онѣ по братцѣ тоскуютъ, продолжала ключница:—дѣло ихъ молодое...

Василій Ивановичъ съ громомъ отодвинулъ свой стулъ.

— Что такое? вскричалъ онъ: — ты изъ ума выжила! пошла!

— Я этого, баринъ, всегда ожидала, по усердію моему, заговорила она сквозь слезы:— я знаю, что я вамъ неугодна, а по тому случаю я говорю, что вы не своими глазами глядите, а что и глядите, того не видите; потому, я всякому правду говорю, хоть вы на меня и гнѣвайтесь, а что есть, того, какъ намъ сказано, хоть горой прикрой, не укроешь; вамъ на меня что и барышня скажутъ съ своимъ съ Сергѣемъ Павлычемъ...

— Я тебѣ сказалъ, пошла вонъ! прервалъ Василій Ивановичъ.

— Прикажете дожидаться молодого барина? спросила сквозь слезы Аграфена Степановна, останавливаясь въ дверяхъ.— Вчера барышня, кажется, изволила приказывать... да я, старая дура, не разслышала.

Рыданія заглушили ея слова.

— Ничего тебѣ не приказывали; ступай ложись спать, отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

Она ушла, но, конечно, остановилась за дверью.

— Я этихъ штукъ не люблю, матушка Клавдія Яковлевна, заговорилъ дядя, когда они остались одни. — Который тебѣ годъ? Меня недолго вывести изъ терпѣнія; если я смолчалъ при старухѣ... Что ты, влюбилась, что ли, въ мальчишку?... Что я вамъ достался, меня дурачить? Съ чего ты взяла, какъ тебѣ въ голову вошли амуры эти? Охъ, сударыня! стѣнъ бы стыдилась, стыдно!

— Дяденька, я, право, какъ Богъ святъ... я не знаю, что вамъ показалось.

— Безумная она, что ли, по-твоему? И Аграфенѣ показалось, и всѣмъ показалось! Эхъ!... Пошла, покуда меня совсѣмъ не взбѣсила!

Василій Ивановичъ взялъ свѣчку и пошелъ въ гостиную. Клавдія Яковлевна постояла нѣсколько секундъ въ нерѣшительности.

— Пріятнаго сна, дяденька, сказала она, не понимаю, среди всей своей горести, чтобъ день могъ окончиться безъ этой фразы.

Дядя захлопнулъ двери.

Клавдія Яковлевна ушла къ себѣ и проплакала половину ночи, пока заснула. Она сама не знала, о чемъ плакала; минутами она казалась себѣ самой ужасно-виноватою, хотя въ то же время не понимала въ чемъ; она обвиняла и другихъ въ томъ, что ее «все обижаютъ», больше всего она обвиняла свою горькую участь. Сергѣй Павловичъ представлялся ей какъ причина всему горю, и она думала о немъ съ досадой, съ какимъ-то ожесточеніемъ; ея чувство къ нему, позднее и неразвитое, не могло стать выше огорче-

ній, которыя принесло ей; она выросла въ постоянномъ страхѣ; она сжилась съ мелочностью; она не могла прощать, страдая; вѣчно положительная, окруженная разсчетомъ, въ которомъ отупѣла, она не могла даже увлечься страстью, которую другая женщина, моложе ея и болѣе свободная, возбудила бы въ себѣ, хотя бы изъ упрямства... Минутами ей было только жаль, очень жаль Сергѣя Павловича, не смотря на всю собственную печаль; но и это состраданіе получало весь оттѣнокъ ея привычекъ и образа мыслей.

«Гдѣ-то онъ теперь?» думала Клавдія Яковлевна: « мы съ нимъ оба сироты. Трудно сиротамъ жить на бѣломъ свѣтѣ: отъ всякаго натерпишься... Уѣхалъ... этакая погода... одна холодная шинель на плечахъ. Куда онъ дѣнется? Здѣсь, все-таки, какъ ни дурно... Но что же и здѣсь-то терпѣть?... Что этимъ терпѣньемъ заслужишь?... Въ эти годы, когда всякому веселья хочется (Клавдія Яковлевна плакала, вспоминая свою прошедшую молодость), въ эти годы видѣть нужду, трудъ... еще зачахнетъ да умретъ — долго ли? (Сергѣй Павловичъ часто жаловался на боль въ груди отъ усиленныхъ занятій). Дяденька, пожалуй, говоритъ, что онъ здоровъ, что ему ничего не дѣлается... Охъ, дяденька!... И зачѣмъ пріѣзжалъ Сергѣй Павлычъ? Еще этой бѣды не было!...»

Заснувъ въ слезахъ, Клавдія Яковлевна проснулась въ страхѣ. Хотя ей нерѣдко случалось такъ встрѣчать день, но на этотъ разъ страхъ былъ сильнѣе обыкновеннаго. Она не заставила ни минуты ждать себя къ чаю, и дядя, выходя изъ своей комнаты, нашелъ Клавдію Яковлевну уже за хлопотами около самовара и чашекъ; хлопоты нѣсколько ободряли ее, потому что доставляли занятіе. Дядя молчалъ и сидѣлъ нахмурясь; у него въ это утро не было хозяйственныхъ дѣлъ, у Клавдіи Яковлевны тоже; ни онъ, ни она не выходили изъ залы, и потому не разставались ни на минуту.

Скрипъ воротъ и стукъ колесъ обратилъ вниманіе Василія Ивановича; но прежде нежели онъ успѣлъ спросить, кто пріѣхалъ, въ передней послышался шумъ и Сергѣй Павловичъ вошелъ въ залу.

— Здравствуйте, дядя, здравствуйте, кузина, сказалъ онъ очень развязно, подавая имъ руки:—вотъ и я! Виноватъ, дядя; вы, я думаю, сердились, что я такъ долго пропадалъ, но не было возможности васъ предупредить—такъ неожиданно все случилось... Позвольте приказать дать овса лошадямъ; онѣ устали, прямо изъ города... Я у Брянникова взялъ доѣхать...

Сергѣй Павловичъ явился такъ внезапно и наговорилъ вдругъ такъ много, что Василій Ивановичъ не опомнился.

— Откуда ты? спросилъ онъ наконецъ.

— Изъ города, дядя; совсѣмъ нечаянно попалъ. Я въ пятницу—помните? пошелъ къ Семену Астафьичу...

— Кто твои пятницы знаетъ, куда ты пошелъ, гдѣ ты былъ!

— У Семена Астафьича, дядя. Это такое радушное, превосходное семейство, я ихъ такъ всѣхъ уважаю... Ахъ, да! Семенъ Астафьичъ хотѣлъ мнѣ еще дать порученіе къ вамъ о гречихѣ; когда вы будете посылать...

— Да ну, тебя не спрашиваютъ! Гдѣ ты самъ-то пропадалъ?

— Ахъ, дядя! вы помните, что за погода была въ пятницу? У Семена Астафьича былъ Ѳедя Перевицкій и предложилъ довезти меня домой, но вмѣсто того... я вздремнулъ дорогой, а онъ увезъ меня въ городъ. Что дѣлать съ шалуномъ? Онъ такой добрый малый — вы 'знаете, дядя; шалость самая невинная... Я понадѣялся на васъ, что вы извините...

— Что-жъ вы тамъ дѣлали? мотали, кутили?

— Ахъ, что вы!

— Такъ, правда, мотать-то нечего, такъ на чужой счетъ, что ли? Охъ, ты, благородный человѣкъ, гордая душа!

— Вы меня хорошо знаете, дядя, я не допущу себя до подобныхъ вещей, я слишкомъ себя уважаю; но я былъ нуженъ Перевицкому; я имѣлъ случай оказать ему услугу; а гдѣ я оказываю услугу, тамъ я не считаю себя обязаннымъ, если приму предложеніе пообѣдать, особенно когда это предложеніе сдѣлано дружески, искренно. Вы сами говорите, что друзья...

— Занесся! На что-жъ ты былъ нуженъ Перевицкому?

— У него дѣло, на него подали вексель...

Василій Ивановичъ очень обидно расхохотался.

— Такъ ты совѣты подавалъ, отписывался? Дѣлецъ, нечего сказать, дѣлецъ, законникъ, все знаетъ!

— Что нибудь знаю, возразилъ Сергѣй Павловичъ:— по крайней мѣрѣ, я вникъ въ это дѣло и разсмотрѣлъ его; если я не взялъ на себя составить ему бумагу, то потому только, что она была уже готова, и я не хотѣлъ обидѣть моимъ вмѣшательствомъ третье, постороннее лицо, которое писало эту

бумагу. Но бумага была составлена тяжело, безграмотно; я исправилъ ее и придалъ ей ясность, такъ что теперь она неопровержима...

— Точки, запятыя поставилъ! прервалъ дядя:—услужилъ пріятелю... Давно ли у васъ дружба такая съ Перевицкимъ? То онъ «неучъ, необразованный мальчишка», а то «радъ, что ему услужилъ?» Давно ли ты, на самомъ этомъ мѣстѣ, отдѣлывалъ его такъ, что Боже упаси!...

— Я могъ ошибаться въ человѣкѣ, возразилъ Сергѣй Павловичъ:—теперь я лучше узналъ его, разглядѣлъ, что выкупаетъ его рѣзкія замашки...

Дядя не далъ ему договорить.

— Ты его разглядѣлъ! Онъ его разглядѣлъ! онъ его лучше узналъ! Да что узнавать въ Перевицкомъ? весь на-лицо. Ты лучше признайся, что ты самъ упрямъ: когда тебѣ говорили не поднимать носа предъ Перевицкимъ, ты его знать не хотѣлъ, а понадобилось, что...

— Я вамъ говорилъ, дядя...

— Ну, не шуми! ну, просто тебѣ такъ вздумалось, захотѣлъ, поскакалъ съ кѣмъ попало, лишь бы свою волю взять!

— Вѣдь я не маленькое дитя, и могу имѣть какую нибудь волю, прервалъ Сергѣй Павловичъ, весь вспыхнувъ.

Клавдія Яковлевна ждала, что громъ упадетъ на ея братца.

— Да вѣдь и я не сумасшедшій, вскричалъ дядя:—развѣ я у тебя волю отнимаю? развѣ я тебя на привязи держу? Вѣдь я не старикомъ родился, понимаю, чего въ твои годы хочется, да на все есть толкъ. Есть ли у тебя на что веселиться? А нѣтъ, такъ гдѣ-жъ совѣсть?... Пріятеля, видите, со вчерашняго дня нашелъ! То въ мудрецы, въ министры сбирается, а то... Вѣтеръ въ головѣ: все вылетѣло! Вотъ я о чемъ говорю! Видите «не даютъ ему воли»—вотъ тебѣ воля, только будь человѣкомъ!

Сергѣй Павловичъ махнулъ рукой и направился къ двери.

— Куда-жъ ты? продолжалъ Василій Ивановичъ:—ей-Богу, я съ тобой терпѣливъ! Еслибъ ты такъ кому другому... Мнѣ и жаль тебя, и зло беретъ, хоть бы на смѣхъ, какъ говорится, въ тебѣ было какое нибудь раскаянье...

— Въ чемъ же мнѣ каяться? прервалъ Сергѣй Павловичъ:—въ томъ, что я осмѣлился бѣжать на два дня изъ этого болота, что не послалъ вамъ эстафеты увѣдомить васъ, гдѣ я нахожусь? Не пропалъ, видите, къ вамъ воротился.

Василій Ивановичъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на него молча.

— Не пеняй, братъ Сергѣй, сказалъ онъ, наконецъ, какъ-то особенно спокойно:—если эти болота тебѣ не достанутся: они благопріобрѣтенныя. Что ты еще не пропалъ—это я вижу, а что ты пропадешь—это я знаю... Только, не прогнѣвайся, тогда я искать тебя не стану.

— Я въ этомъ былъ всегда убѣжденъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ и ушелъ.

Пока онъ взбирался въ свою свѣтелку, и шаги его слышались на лѣстницѣ, Василій Ивановичъ молча ходилъ по залѣ. Клавдія Яковлевна не поднимала головы отъ вязанья, ни жива, ни мертва. Дядя остановился за ея стуломъ.

— Что-жъ это будетъ, Клавдинька? сказалъ онъ наконецъ:—два брата у меня было, каждый оставилъ мнѣ по ребенку... я думалъ вѣкъ спокойно дожить. Кажется, ничего не сдѣлалъ дурного Сергѣю, какъ предъ Богомъ! Ну, неученъ я, не понимаю разныхъ его наукъ... да это что за наука? Онъ, образованный, голову съ меня снялъ—вотъ они каковы!... О чемъ же ты плачешь?

— Ахъ, дяденька, мнѣ и васъ жалко! проговорила Клавдія Яковлевна совершенно искренно сквозь рыданія.

— Жалѣй ужъ о немъ одномъ, сказалъ Василій Ивановичъ сурово и отвернулся.

Аграфена Степановна выглянула въ дверь.

— Кучеръ чужой спрашиваетъ, прикажете ему ѣхать? сказала она.

— Передъ чужими людьми нечего срамиться, проговорилъ тихо и отрывисто Василій Ивановичъ, продолжая свою мысль и вмѣстѣ обращаясь къ ключницѣ.—Скажи ему ѣхать, сказалъ онъ громко:—чтобъ кланялся своему барину и доложилъ, что Василій Иванычъ—слышишь? Василій Иванычъ приказалъ благодарить. Да постой! отдай ему за труды.

Онъ подалъ Аграфенѣ Степановнѣ мелкую монету.

— Еще чего добраго, говорилъ про-себя Василій Ивановичъ, когда она вышла:—чего добраго, вовсе отъ стыда сгоришь... Сергѣй! кликнулъ онъ, остановясь внизу лѣстницы:—Сергѣй, ты никому не остался долженъ въ городѣ?

— Ни гроша! рѣзко отозвался Сергѣй Павловичъ.

— А!... значитъ, мы ненужны, вскричалъ старикъ, возвращаясь въ залу: ну, не нужны, такъ не нужны. Мы благодарности не просимъ, только ужъ теперь, не прогнѣвайся,

когда ты такъ... а нужно будетъ — не жди ничего. Я навязываться, кланяться не стану!... Клавдія, вели давать обѣдать.

Сергѣй Павловичъ закричалъ сверху, что обѣдать не будетъ. Дядя ѣлъ съ своимъ обыкновеннымъ аппетитомъ и молча. Клавдія Яковлевна не смѣла не ѣсть, и когда кончился этотъ мучительный обѣдъ, покорно, какъ всегда, поцѣловала руку и отнесла его кисетъ съ табакомъ и трубку къ нему въ комнату. Василій Ивановичъ ушелъ отдыхать.

Клавдія Яковлевна обрадовалась, оставшись одна и вспомнивъ, что дядя всегда отдыхалъ долго, когда бывалъ сердитъ. Она шла къ себѣ, отдавъ свои хозяйственныя приказанія и убѣдившись, что Аграфена Степановна, не дослушавъ этихъ приказаній, заснула на лежанкѣ. Сергѣй Павловичъ показался наверху лѣстницы.

— Кузина, сказалъ онъ:—взойдите сюда.

Клавдія Яковлевна не была въ свѣтелкѣ съ тѣхъ поръ, какъ Сергѣй Павловичъ тамъ поселился; приглашеніе взойти почти испугало ее, но раздумывать было некогда, и она очутилась наверху, не опомнясь; ей казалось, что за ней гонится Аграфена Степановна, повторяя все, что она говорила не разъ, и прибавляя къ этому, что вотъ «еще въ комнату пошла къ братцу...»

Едва она вошла, Сергѣй Павловичъ затворилъ дверь.

— Присядьте, кузина, сказалъ онъ:—мнѣ надо съ вами поговорить.

Клавдія Яковлевна оглядывалась.

— Кузина, я въ ужасномъ положеніи!... Вы видите это житье? Скажите, можно ли такъ жить человѣку? Вы знеете, какъ я оскорбленъ, какъ я угнетенъ? Нужны силы, чтобъ все вынести!.. У меня недостаетъ силъ! я внѣ себя! Сжальтесь хоть вы надо мною!

Клавдія Яковлевна заплакала.

— Плачьте: мнѣ легче отъ вашихъ слезъ! Мы оба одиноки, подадимте другъ другу руки, милая, дорогая кузина... сестра моя по чувству! Мы нашими страданіями купили святое право называть другъ друга братомъ и сестрой!

Сергѣй Павловичъ обнялъ Клавдію Яковлевну; она тихонько оттолкнула его.

— Что намъ до людей! продолжалъ онъ:— они такъ же никогда не понимали васъ, какъ не понимаютъ меня. Меня никто здѣсь не понимаетъ... Вамъ я могъ бы еще высказать мою душу, еслибъ вы захотѣли мнѣ помочь...

— Чѣмъ же я вамъ помогу? проговорила Клавдія Яковлевна, залившись слезами:— вотъ, что я плачу, только. Еслибъ я была человѣкъ, какъ другіе... что ужъ говорить!..

— Вотъ чѣмъ вы благородны, вотъ чѣмъ вы выше другихъ! вскричалъ Сергѣй Павловичъ:—другая женщина кончила бы слезами и утѣшеніями, вы не утѣшаете, вы, существо дѣятельное, ищете средствъ выручить изъ бѣды... Поищите хорошенько, подумайте...

— Какое средство, какъ выручить, повторила она:—ничего не придумаешь!

— Дядя васъ любитъ, кузина; поговорите съ нимъ.

Клавдія Яковлевна похолодѣла.

— О васъ поговорить? спросила она.

— Ну, да.

— Какъ же это? Да вы сами что-жъ...

— Я самъ?.. Но поймите, что есть во мнѣ какое нибудь благородное самолюбіе... Право, я не дерево! Что-жъ? неужели вамъ такъ трудно сказать обо мнѣ нѣсколько словъ? Вѣдь вы говорите же съ этимъ грознымъ дядюшкой о холстахъ, о насѣдкахъ: заодно ужъ поговорите и обо мнѣ, сдѣлайте милость. Вѣдь вы слышали, онъ пугнулъ меня, что у него «все благопріобрѣтенное»—значитъ, вы наслѣдница, вы его любимица, все будетъ ваше, а у меня нѣтъ ничего въ цѣломъ мірѣ!

— У меня вѣдь тоже нѣтъ ничего, кротко возразила Клавдія Яковлевна сквозь слезы:— а какъ онъ со двора прогонитъ... Вы, мужчина, хоть какой нибудь хлѣбъ найдете...

— Извините, сказалъ холодно Сергѣй Павловичъ, промолчавъ нѣсколько минутъ;— извините, что я напрасно васъ безпокоилъ, просилъ. Да, я пойду куда нибудь, отыщу себѣ хлѣбъ... этотъ горькій, чужой хлѣбъ, узнаю крутую дорогу на чужое крыльцо. Но я не попрошу у васъ, кузина, не безпокойтесь, не попрошу. Я никогда не забуду того, что вы сказали теперь, когда, когда...

— Ахъ, Господи, что вы дѣлаете! вскричала Клавдія Яковлевна, отводя его руки, которыми онъ схватилъ себя за волосы;— братецъ, Сережа, миленькій! Господь съ вами! Что вы дѣлаете? Не грѣхъ ли вамъ такъ говорить, когда я за васъ рада жизнь отдать? Голубчикъ мой, я васъ больше всего на свѣтѣ люблю! И какъ вы могли себѣ вообразить...

Ей удалось укротить бурный порывъ молодого человѣка; но, успокоившись, молодой человѣкъ не менѣе мрачно усѣлся на шаткомъ соломенномъ стулѣ и наклонилъ голову почти себѣ на колѣни. Клавдія Яковлевна стояла передъ нимъ.

— Я не покажусь дядѣ, сказалъ онъ наконецъ.

— Что-жъ это вы хотите дѣлать? увѣщевала Клавдія Яковлевна:—какъ же такъ вы все здѣсь будете сидѣть? И то вы сегодня не кушали. Дяденькѣ это еще хуже, будто на зло. Нѣтъ, вы лучше подите къ нему, вотъ онъ встанетъ, никого не будетъ; я разошлю всѣхъ дѣвокъ и Аграфену куда нибудь пошлю, чтобъ никто не слыхалъ, какъ вы будете говорить, чтобъ вамъ не было конфузно. Вы ему только напротивъ не говорите—онъ какъ разъ проститъ... Я знаю, что я глупа и слушать меня нечего, а мнѣ такъ кажется: вы учены, дяденька нѣтъ; вѣдь не онъ въ этомъ виноватъ... А вы ему простите, если онъ что не такъ разсуждаетъ; вы все равно предъ нимъ какъ старшій... я это такъ разумѣю... такъ вы младшему, по добротѣ вашей... Я этого, вотъ, сказать не умѣю...

— Хорошо, сказалъ Сергѣй Павловичъ, вдругъ вставая, будто рѣшаясь:—я «покорю свой нравъ», какъ вы говорите, попрошу прощенія—не знаю въ чемъ!

— И онъ васъ непремѣнно проститъ—и все пройдетъ, все хорошо будетъ; опять мы заживемъ... Вѣдь вы отъ насъ не уѣдете? Вы попросите дяденьку: онъ васъ здѣсь служить запишетъ. Еще это ему понравится, что вы сами попросите. Вы не уѣдете?

— Куда ѣхать? возразилъ Сергѣй Павловичъ, пожавъ плечами: — эти фантастическіе планы Займищева...

— Знаете, какъ дяденька будетъ радъ, и посмотрите, какъ все пойдетъ...

Сергѣй Павловичъ прохаживался по комнатѣ и вдругъ обернулся.

— Вы думаете ужъ все кончено, слажено? спросилъ онъ, странно улыбаясь:—а если я попрошу денегъ у дяди, дастъ онъ?

— На что вамъ деньги?

— Я проигрался.

Клавдія Яковлевна даже не àхнула: она онѣмѣла. Сергѣй Павловичъ все прохаживался.

— Много? спросила она наконецъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ:— конечно, то, что для меня кажется немного, вамъ можетъ казаться иначе. Тридцать рублей серебромъ.

Клавдія Яковлевна привыкла слышать отъ дяди, что онъ проигрался въ пухъ, когда проигрывалъ десятую часть этой суммы. Она поблѣднѣла.

— Впрочемъ, продолжалъ Сергѣй Павловичъ: — это не все проигрышъ; тутъ же я считаю то, что долженъ Перевицкому за два билета въ театръ и за шампанское... Думайте, кузина, откуда достать денегъ.

Клавдія Яковлевна была не въ состояніи о чемъ нибудь думать. Ея молчаніе начало казаться обиднымъ Сергѣю Павловичу.

— Дяденькѣ нельзя этого говорить, сказала она.

— Такъ что-жъ дѣлать? вскричалъ Сергѣй Павловичъ съ нетерпѣніемъ.—Еслибъ я зналъ, я не сталъ бы васъ спрашивать.

— Я, право, не знаю... Вѣдь это вы такъ, для шутки играли? Какъ же можно такъ много!.. А для шутки, вотъ, вы поѣдете въ городъ записываться... или такъ попроситесь у дяденьки съѣздить къ Перевицкому и скажите, что это вы для шутки...

— Вы въ самомъ дѣлѣ не имѣете ни о чемъ понятія! вскричалъ Сергѣй Павловичъ:—для шутки! Хороша шутка! Развѣ благородные люди шутятъ карточнымъ долгомъ? Вы хотите, чтобъ Перевицкій счелъ меня мошенникомъ, чтобъ я потерялъ доброе имя — послѣднее, что у меня есть? Изъ-за чего? изъ-за вздора, изъ-за мелочи, изъ-за какихъ нибудь тридцати рублей! Вы не понимаете, что я погибну въ общемъ мнѣніи, если не заплачу. Можетъ быть, такъ дѣлается въ вашей трущобѣ; но я не перенесу этой мысли: я самъ себя стану презирать, мнѣ легче пулю въ лобъ... Можетъ быть, вы и этого не понимаете!

Клавдія Яковлевна горько плакала.

— Ну, Богъ видитъ, Сергѣй Павлычъ, проговорила она: — я бы вамъ съ радостью отдала, еслибъ у меня было. У меня ничего нѣтъ. У маменьки что было, серьги, перстни, она все продала. У меня есть одна цѣпочка, должно быть, мѣдная; я нашла недавно въ шкатулкѣ... какъ-то тамъ перегородочка отклеилась, цѣпочка и выпала. Еслибъ она была золотая, ея бы ужъ давно не было... Я вамъ, пожалуй, покажу.

Не ожидая отвѣта, Клавдія Яковлевна побѣжала внизъ. Сергѣй Павловичъ стоялъ у окна и смотрѣлъ отчаянно.

— Вотъ, посмотрите, сказала Клавдія Яковлевна, возвращаясь.

Она подала молодому человѣку старинную коробочку, гдѣ, на ватѣ, была тщательно разложена цѣпочка.

— Я такъ думаю, это папенькина, потому что эта шкатулка съ нимъ и въ походѣ была; должно быть, никто этой перегородочки не умѣлъ открыть; маменька не знала, а дяденька такъ не хватился, мнѣ послѣ маменьки эту шкатулку отдалъ. Посмотрите.

— Не нужно, сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— У меня ея никто не видѣлъ, продолжала Клавдія Яковлевна:—я какъ ее нашла, вычистила, такъ и спрятала на память. Посмотрите, какая свѣтленькая.

— Ваша цѣпочка золотая, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, неохотно взявъ ее въ руки:—работа прекрасная.

— А что она, цѣлковыхъ тридцать стоитъ?

— Я думаю, дороже.

— Что вы? Ахъ, слава Тебѣ, Господи! Ну, вотъ вы отдайте ее Перевицкому и съ долгомъ поквитаетесь, и онъ вамъ еще денегъ приплатитъ, а дяденька ничего не узнаетъ! Все справлено!

Клавдія Яковлевна была въ восхищеніи.

— Ни за что на свѣтѣ, кузина! отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ: — вы не обязаны платить за меня; вамъ самой, можетъ быть, нужно.

— Пожалуйста, сказала она: — не обижайте меня, возьмите, я вѣдь вамъ не чужая. На что мнѣ нужно? Я молода была, сидѣла въ четырехъ стѣнахъ, кое въ чемъ ходила, а ужъ теперь... По крайней мѣрѣ, вамъ мое послѣднее добро пригодится. Умру — кто нибудь, все равно, изъ моей шкатулки эту цѣпочку утащитъ. Вы, по крайней мѣрѣ, меня помянете... Никакъ дяденька проснулся...

Клавдія Яковлевна убѣжала, оставя коробочку. Василій Ивановичъ и не думалъ просыпаться, но Клавдія Яковлевна спѣшила уйти къ себѣ, чтобъ наплакаться на свободѣ. Ей въ самомъ дѣлѣ нисколько не была нужна цѣпочка; но ей было грустно разстаться съ этой послѣдней памятью отца, котораго она не знала, матери, которую она помнила такою хорошенькою, молодою и несчастною. Одинокая смерть безъ утѣшеній и сожалѣній вдругъ вообразилась ей... Она не требовала благодарности за свой подарокъ, но, чувствуя, что отъ него не откажутся, какъ будто ждала ласковаго слова, добраго слова...

Она недолго могла остаться въ своей комнатѣ: не прошло и получаса, какъ въ залѣ раздались шаги и кашель Василія Ивановича, а въ дѣвичьей засуетились, вздувая огонь. Клавдія Яковлевна хотѣла ужъ идти къ дядѣ, но шумъ въ домѣ усилился, и ей послышалось какъ будто чужой голосъ.

— Или кто пріѣхалъ? спросила она, отворивъ дверь.

— Семенъ Астафьичъ пожаловалъ, сударыня, отвѣчала Аграфена Степановна чрезвычайно покорно, какъ говорила всегда, сбираясь сказать непріятное: — гнѣваться изволитъ; про кого-то говоритъ съ дяденькой.

— На кого-жъ онъ гнѣвается?

— Намъ почему-жъ знать, сударыня? Я слышу только, онъ дяденькѣ все до крайности разсказываетъ. Намъ до барскихъ дѣловъ не велѣно доходить... на кого кто гнѣвается.

— Никакъ на молодого барина? вскричала одна изъ дѣвочекъ.

— Какой онъ тебѣ баринъ? закричала на нее Аграфена Степановна, между тѣмъ какъ Клавдія Яковлевна въ неизобразимомъ ужасѣ затворила свою дверь;—всякая дрянь будетъ тебѣ баринъ! Рано еще тебѣ слушать, что говорятъ, не спрашиваютъ тебя... Ну, самого молодца на расправу позвали!

— Сергѣй! раздался въ эту минуту громкій голосъ Василія Ивановича.

Клавдія Яковлевна услышала это восклицаніе и, немного спустя, скорые и легкіе шаги Сергѣя Павловича по лѣстницѣ. Она сѣла на свою постель, не смѣя перевести дыханія...

Сергѣй Павловичъ вошелъ въ залу, не торопясь и спокойно, какъ человѣкъ порядочный, который понимаетъ превосходство и необходимость хладнокровія въ необразованномъ и сердитомъ обществѣ. Онъ, впрочемъ, не зналъ, о чемъ идетъ дѣло.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ дядю, слегка поклонившись Семену Астафьевичу.

— Какихъ ты еще штукъ натворилъ? вскричалъ дядя: — что ты наболталъ Перевицкому про Александру Семеновну?

— Какъ вы осмѣлились чернить мою дочь? вскричалъ Семенъ Астафьевичъ.

— Съ чего ты взялъ сплетничать? Мы тридцать лѣтъ пріятельски знакомы... Тебѣ, видно, все нипочемъ?

— Какой вамъ поводъ подала моя дочь?

— Вы тамъ кутили вмѣстѣ, языкъ у тебя развязался... Какъ ты осмѣлился, какъ ты осмѣлился!..

— Позвольте, однако, прервалъ Сергѣй Павловичъ, отступая на шагъ и учтиво, но рѣшительно протягивая руку, чтобъ отдалить своихъ собесѣдниковъ. — позвольте; такъ я никогда не узнаю, въ чемъ я виноватъ...

— Въ чемъ ты виноватъ? Ахъ, Господи!..

— Я, батюшка, этого не люблю. Мы съ вашимъ дядюшкой старинные пріятели, да

я этого никому не спущу, не только вамъ! Богъ васъ знаетъ, откуда вы пришли...

— Третьяго дня только вы мнѣ объясняли мою генеалогію, прервалъ Сергѣй Павловичъ.

— Кто вамъ что объяснялъ—я не знаю, а вы извольте намъ сказать...

— Я тоже ничего не знаю...

— Слышишь, Василій Иванычъ? онъ отъ всего отрекается! Это, братъ, не по-пріятельски, этого я отъ тебя не ждалъ, что ты ему волю дашь, и тебѣ все равно, кто хочетъ какія дерзости мнѣ въ твоемъ домѣ ни говори...

— Вамъ никто не говорилъ дерзостей, прервалъ Сергѣй Павловичъ:—я готовъ отвѣчать, если меня толкомъ спросятъ.

— Тебя толкомъ и спрашиваютъ: ты ѣздилъ кутить съ Перевицкимъ?

— Ну, ѣздилъ; вы это знали еще поутру; чтожъ дальше?

— Что ты ему говорилъ про Александру Семеновну?..

— Про мою дочь, вскричалъ Семенъ Астафьевичъ:—вы сказали Перевицкому, что она въ васъ влюблена, что у васъ есть отъ нея письма. Перевицкій ко мнѣ въ домъ прискакалъ, исторію поднялъ...

— Говорилъ ты? спросилъ дядя.

— Ну, такъ что-жъ? возразилъ Сергѣй Павловичъ, отступая еще на шагъ: — говорилъ и сказалъ правду.

— Правду? Ты правду сказалъ? вскричалъ въ бѣшенствѣ Семенъ Астафьевичъ.

— Съ ума ты сошелъ! вскричалъ дядя.

— Въ полномъ разумѣ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ.

— Докажи, докажи! повторялъ Семенъ Астафьевичъ.

— Очень легко; доказательство у меня здѣсь, на сердцѣ, сказалъ Сергѣй Павловичъ, доставая изъ кармана папиросницу, а изъ нея пеструю записочку Алины: — вотъ оно. Если угодно, можете взять ее и возвратить Александрѣ Семеновнѣ: я не дорожу имъ нисколько.

Семенъ Астафьевичъ схватилъ записку; онъ былъ пораженъ, и это придало Сергѣю Павловичу еще болѣе твердости.

— Александра Семеновна кокетничала съ Перевицкимъ и со мною, продолжалъ онъ, пользуясь тѣмъ, что ему давали говорить:—я не хотѣлъ и не могъ оставлять его въ дуракахъ и разсказалъ ему. Я былъ въ правѣ. По какому праву онъ сдѣлалъ исторію у васъ въ домѣ—этого я не знаю.

— По такому праву, что онъ хотѣлъ свататься за Сашеньку, а по вашей милости теперь... Чтобъ твоя нога у меня въ домѣ не была — слышишь ли? Я зналъ твоего дядю, а тебя знать не хочу...

— Я отъ этого ничего не теряю, возразилъ Сергѣй Павловичъ.

— Что, что? вскричалъ дядя.—Извинись, сейчасъ извинись!

— Въ чемъ? Съ чего взяли, что я стану извиняться? Что я разсказалъ, какъ вѣтренничаетъ барышня? Изъ чего-жъ бы я сталъ молчать? Развѣ я ей братъ, женихъ — отъ чего избави Боже! Вотъ еще! Почему я знаю, къ кому еще Александра Семеновна пишетъ записки. Батюшкѣ придется, можетъ быть, ихъ много сбирать по свѣту. Я еще добръ, что отдалъ... Позвольте; мнѣ здѣсь больше дѣлать нечего.

И, слегка отклонивъ Семена Астафьевича, который заграждалъ ему дверь, Сергѣй Павловичъ вышелъ, взошелъ къ себѣ и заперся.

Старики оставались въ недоумѣніи. Приключеніе съ любовнымъ письмомъ было, конечно, первое въ ихъ жизни.

— Покорнѣйше васъ благодарю, Василій Ивановичъ! сказалъ, наконецъ, Семенъ Астафьевичъ, кланяясь въ поясъ:— обязали, заплатили за дружбу! Сорванцу, вашему племяннику, позволили надъ моей дочерью издѣваться. Еслибъ онъ мой былъ... да его бы праху тутъ не осталось! а вамъ все-равно. Мы люди маленькіе: вамъ книги въ руки съ вашимъ ученымъ. Видно, у васъ такъ дѣлается—и ничего, и хорошо, и нестыдно, и предъ Богомъ нестрашно. Прощенья просимъ...

— Семенъ Астафьичъ, побойся Бога, что ты? Разсуди милостиво: развѣ дочь твоя не виновата? Вѣдь еслибъ Сергѣй осмѣлился солгать на нее—дѣло другое, а тутъ оба дурачились.

— Что такое-съ? оба? Вы за него еще вступаетесь —это благородно? Жениха онъ у нея отбилъ — это хорошо?... Да мнѣ все равно! Я вамъ сказалъ: знать я васъ не хочу и съ племянникомъ вашимъ и со всѣмъ родомъ вашимъ...

— Семенъ Астафьичъ, постой, послушай! Ну, молодые глупы, мы-то съ тобой, старики, изъ чего вздурились? Ну, случилась бѣда—поправимъ... Семенъ Астафьичъ, полно, хуже будетъ, если дѣло въ огласку пустишь..

Семенъ Астафьевичъ уже накинулъ шубу и хлопнулъ дверью.

«Пропадайте вы!» крикнулъ онъ, садясь на свои крытыя дрожки, между тѣмъ какъ Василій Ивановичъ догонялъ его на крыльцѣ.

— Сергѣй! кликнулъ Василій Ивановичъ, возвращаясь въ залу.

На этотъ разъ Сергѣй Павловичъ заставилъ себя подождать и явился не такъ рѣшительно.

— Что-жъ это такое, любезный? спросилъ дядя.

Сергѣй Павловичъ не отвѣчалъ.

— Какъ это по-вашему называется, благородное дѣло?

— Ахъ, дядя, я сдѣлалъ глупость...

— По-твоему, это только глупость?

— Дядя, я вамъ признаюсь во всемъ: мы немного подурачились съ Перевицкимъ. Ужинъ былъ довольно оживленъ, завязался споръ... Я никогда не говорю о женщинахъ, но Алина такая неловкая кокетка дурного тона... Она была въ этотъ вечеръ въ театрѣ и вывела меня изъ терпѣнія...

— Я этого ничего не понимаю.

— Вспомните вашу молодость, дядя. Сознаюсь, я виноватъ; я бы долженъ былъ подумать, что обязанъ вамъ всѣмъ и не имѣю права мотать; но, дядя, это въ первый и въ послѣдній разъ. Простите меня.

— Что тебѣ простить? спросилъ Василій Ивановичъ, какъ будто находя удовольствіе увеличивать своимъ хладнокровіемъ смущеніе племянника.

— Мой кутежъ и его послѣдствія, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, прибѣгнувъ къ улыбкѣ:—только, надѣюсь... дѣло о запискѣ Алины, надѣюсь, уже кончено. Батюшка ея посердится и перестанетъ, и не бѣда, если дастъ хорошій урокъ дочкѣ. Право, дядя, она того стоитъ...

— Какой ты безсовѣстный, какъ я погляжу! сказалъ, наконецъ, Василій Ивановичъ.—Ты чего стоишь?... Ты помнишь, что мнѣ обязанъ? Хороша память! Я тебя не просилъ никогда считать гроши, я ихъ самъ не считаю. Счелъ ли ты, сколько лѣтъ твой дядя водилъ хлѣбъ-соль и дружбу... да какую дружбу—не вашу вихорную... съ Семеномъ Астафьичемъ? Подумалъ ли ты, что Семенъ Астафьичъ отца твоего изъ бѣды выручилъ—твоего отца! А онъ его и въ глаза не зналъ, по одному моему слову! Подумалъ ли ты, что онъ мнѣ все равно, что братъ родной? а ты посмѣлъ мальчишкѣ, такому же сумасброду, какъ ты, бранить дочь этого человѣка? У тебя языкъ повернулся... Молчи! вскричалъ Василій Ивановичъ, замѣтя, что племянникъ хотѣлъ прервать его: — молчи! Я знаю, что дѣвочка глупа, да тебѣ, умникъ, не все ли равно должно быть свято дѣвичье доброе имя, умна ли, глупа ли дѣвушка? Ты развѣ ее обидѣлъ? ты обидѣлъ старика-отца, ты меня обидѣлъ!... Дурачились вы! Можно въ дурачествѣ науки забыть, приличія забыть; но кто совѣсть забылъ,въ томъ, значитъ, никогда ея не было!...

— Дядя!...

— Не бойся, не при одномъ Перевицкомъ, при десяти человѣкахъ, обрадовался, грянулъ, что къ тебѣ записочки пишутъ! Нашелъ, чѣмъ хвастаться! Когда тебя любятъ потихоньку, значитъ, при людяхъ тебя любить стыдно, не годишься...

— Но я отдалъ записку тогда, когда бы могъ не отдавать...

— Молчи! прервалъ дядя. — Великая радость, что ты сдѣлалъ одну только подлость: съумѣешь сдѣлать и другую!

— Вы говорите не знаю что!

— Русскимъ языкомъ. Еслибъ въ тебѣ было на порошинку благородства: какъ получилъ письмо, такъ и отошли назадъ.

— Извините, возразилъ Сергѣй Павловичъ, разсмѣявшись: — мораль прекрасная, но у меня не достало бы денегъ на почтовыя издержки.

— Тьфу ты!... вскричалъ дядя, выходя изъ себя:—онъ еще хохочетъ! Я думалъ, что ты только шалунъ, а ты... негодяй! Тебѣ нѣтъ нужды, что ты огорчилъ меня до самаго сердца...

Голосъ Василія Ивановича прервался съ горя, которое вдругъ замѣнило его гнѣвъ. Онъ отвернулся отъ племянника, пошелъ-было къ двери и вдругъ остановился.

— Изволь-ка ты сбираться въ путь, сказалъ онъ.

— Куда? спросилъ Сергѣй Павловичъ.

— Да куда хочешь. Твои сборы недолги. Завтра утромъ изволь ѣхать.

Сергѣй Павловичъ смотрѣлъ на него, не говоря ни слова.

— О деньгахъ не безпокойся: деньги будутъ. Бумаги у тебя всѣ есть; я съ тобой доѣду до уѣзднаго города и возьму тебѣ подорожную, куда вздумаешь.

— Мнѣ не нужно денегъ, возразилъ Сергѣй Павловичъ, которому что-то сдавило горло.

Дядя, не отвѣчая, отворилъ дверь.

— Я не могу такъ скоро рѣшиться, продолжалъ Сергѣй Павловичъ.

— Скорѣе-то лучше, сказалъ Василій Ивановичъ и ушелъ.

Когда Клавдія Яковлевна рѣшилась выйти изъ своей комнаты и заглянуть въ залу, тамъ было уже темно: время чая и ужина прошло, и никто не спросилъ ни того, ни

другого. Дядя заперся у себя, хотя еще не ложился, потому что подъ его дверью свѣтился огонь. Въ тишинѣ дома слышалось, какъ Сергѣй Павловичъ расхаживалъ по свѣтелкѣ. Простоявъ нѣсколько минутъ въ темномъ корридорѣ, въ ожиданіи чего-то, Клавдія Яковлевна сообразила, что ей не остается ничего больше, какъ возвратиться опять въ свою комнату, лечь въ постель и погасить свѣчу. Она услышала, что дядя позвалъ Аграфену Степановну. Старуха спрыгнула съ лежанки, побѣжала, стуча своими разутыми ногами, и чрезъ нѣсколько минутъ возвратилась еще съ большимъ стукомъ и великою радостью.

«Слава тебѣ Господи!» повторяла она на всю дѣвичью: «хоть одно зелье съ рукъ сбыли, душу развязали...

— Дяденька приказали завтра пироги поставить, прибавила она, съ страшнымъ трескомъ распахнувъ дверь Клавдіи Яковлевны:— братецъ вашъ завтра ѣдутъ совсѣмъ: надо рогу имъ.

— Кто ѣдетъ? вскричала Клавдія Яковлевна.

— Сокровище ваше ненаглядное — Сергѣй Павлычъ. Дяденька на ваши нѣжности оглянулся, со двора его согналъ. Вы ему рады съ себя послѣднее отдать. Еще съ пирогами провожаемъ; камень бы ему вслѣдъ горячій!... Съ чѣмъ прикажете печь? Вы ихъ вкусы знаете...

— Завтра посмотримъ... сказала Клавдія Яковлевна, еще не опомнясь.

— Завтра некогда будетъ, сударыня: можетъ, какъ свѣтъ, такъ выѣдутъ. Дяденька приказали все готовить. Я и то сейчасъ Дуньку подниму: бѣлье вашему братцу катать; дѣвка едва глаза завела, а для его милости встанетъ...

Клавдія Яковлевна встала и распорядилась пирогами. Она не понимала, что съ нею дѣлалось. Когда она улеглась опять, стукъ валька и скалки, которыми Дуняша катала бѣлье у самой ея двери, по приказанію Аграфены Степановны, не далъ ей ни заснуть, ни одуматься...

Сергѣй Павловичъ вошелъ въ свою свѣтелку совершенно потерянный. Рѣшеніе дяди было такъ неожиданно, такъ рѣзко, такъ противорѣчило утѣшеніямъ Клавдіи Яковлевны и небольшимъ планамъ, которые Сергѣй Павловичъ началъ уже составлять о своей службѣ и житьѣ-бытьѣ въ уѣздномъ городѣ. Этотъ городъ, его увеселенія, Перевицкій, актриса Розонова начали почти нравиться Сергѣю Павловичу... Все это какъ-то вдругъ перевернулось, такъ что онъ не могъ сообразиться.

«Неужели онъ проводитъ послѣднюю ночь въ этой свѣтелкѣ?.. Ѣхать на перекладной по осенней слякоти и заморозкамъ?..»

Не посчастливилось, однако, выиграть у Перевицкаго. Что бы играть на его шубу? Славная, въ дорогу бы годилась...

«Неужели ѣхать, въ самомъ дѣлѣ?.. Ѣхать, такъ надо сбираться. Что сбирать? за что хвагиться? Книги проданы еще въ Москвѣ; весь гардеробъ уложится въ мигъ въ чемоданѣ... Но дядя шутитъ—вздоръ! Жизнь не романъ: въ романахъ сбираются въ Новый Свѣтъ въ полчаса; мало ли еще что дѣлается въ романахъ—рѣжутся, стрѣляются...»

«Надо стрѣляться съ Перевицкимъ: онъ болтунъ, не держитъ слова; съ него было взято слово не говорить Алинѣ»...

Сергѣй Павловичъ началъ было выдвигать ящики своего комода, но вдругъ остановился.

«Что за вздоръ! Дядя съ ума не сошелъ, хотя и похоже на то. Выгонять изъ дома... Толкуютъ о благородствѣ: какое же благородство въ его собственномъ поступкѣ? Гдѣ оцѣнка увлеченій молодости, гдѣ теплота сочувствія, прощающаго даже заблужденія? Впрочемъ, что и ждать ихъ отъ закоренѣлаго «помѣщика»! Мудрено выжить день съ этими людьми, а тутъ прожито три мѣсяца. Разумъ и воля сильны у человѣка: могутъ много вынести. Имъ нужна дѣятельность, чтобъ не застаивались и не гибли напрасно, нуженъ просторъ... Сказать дядѣ завтра... ну, еще хорошенько попросить прощенія?»

«Изъ-за глупости!.. Туда же, рыцарствуетъ старикашка: «доброе имя дѣвицы». Гдѣ онъ это вычиталъ? Да читалъ ли онъ что нибудь? Вздоръ! Проспится за ночь—и злость пройдетъ».

Сергѣй Павловичъ закурилъ папироску. Послѣдніе дни, проведенные разнообразно, немного охладили его стремленіе къ анализу и сдѣлали его взглядъ на жизнь вмѣстѣ и разсѣяннѣе и положительнѣе. Онъ не задавалъ себѣ труда разбирать, на сколько дядя виноватъ предъ человѣчествомъ, но рѣшилъ, что надо здѣсь остаться.

«Дѣваться некуда... въ полкъ, что ли, въ самомъ дѣлѣ?... Займищевъ»...

Сергѣй Павловичъ присѣлъ къ письменному столу, припоминая, какъ, четыре дня назадъ, читалъ письмецо Алины.

«Сколько бѣдъ отъ глупости!» сказалъ онъ, положивъ голову на столъ и отпуская свои мысли бродить во всѣ стороны.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Машинально онъ подвинулъ себѣ бумагу, машинально обмакнулъ перо и началъ чертить узелки и арабески, а потомъ и коротенькія строчки, внушенныя его настоящимъ положеніемъ:

Не грустно мнѣ, о, нѣтъ! Я самъ себѣ смѣшонъ,
Хотя и грусть придетъ быть можетъ.
Довѣрчивъ какъ дитя, какъ школьникъ увлечонъ,
Я чувству волю далъ... Теперь со всѣхъ сторонъ
Судъ свѣта рветъ его и гложетъ!

Я стражду не одинъ. Я отомстилъ и ей.
За злость ея насмѣшки ядовитой,
Съ такой же злобою я бросилъ безъ защиты
Ее, коварную, на судъ и казнь людей...
Я сердце ей разбилъ... Въ немъ страсть была другая,
Быть можетъ, чистая; но что за дѣло мнѣ!..

.

Сергѣй Павловичъ, успокоенный, добрался до постели и заснулъ. Усталость и двадцатитрехлѣтнее здоровье взяли свое, не смотря на голодъ, напоминавшій, что молодой человѣкъ ничего не ѣлъ съ утра, съ пріятнаго ранняго завтрака въ городѣ. Сергѣй Павловичъ спалъ безмятежно и крѣпко. Его разбудилъ только холодъ, слишкомъ сильно заставившій себя почувствовать поутру. Морозный день свѣтилъ ярко. Этотъ свѣтъ безъ тепла какъ-то непріятно дѣйствовалъ на нервы и наводилъ дурное расположеніе духа; мысль пробуждалась ясная, но сжатая тревожно; все, что было пріятныхъ обмановъ и мечтаній, улетѣло вмѣстѣ со сномъ. Сергѣй Павловичъ взглянулъ въ окно: на дворѣ стояла выдвинутая изъ сарая бричка; кучеръ подмазывалъ колеса; молодой мальчикъ поилъ лошадей у колодезя. Было ясно, что дядя не раздумалъ, что надо ѣхать.

У Сергѣя Павловича упало сердце; его охватило чувство холодной тоски и одиночества; его мысли смѣшались до отчаянія. «Что дѣлать? куда дѣваться? Надо рѣшиться въ эти полчаса, пока онъ еще свободенъ, пока еще не пришли его спрашивать, что онъ намѣренъ дѣлать съ собою, пока еще не раздражили его и этимъ раздраженіемъ не довели его до какой нибудь глупости... Куда ѣхать безъ средствъ къ жизни, безъ возможности прилично показаться въ обществѣ? Молодой человѣкъ, получившій образованіе, — членъ общества; онъ не можетъ, не долженъ прятаться... Не пойти ли, броситься въ ноги дядѣ, выпросить прощеніе и жить здѣсь тихо и покойно? Заняться можно вездѣ, быть полезнымъ можно вездѣ. Служба въ уѣздномъ городѣ — тоже служба... Но опять тѣ же лица, тѣ же люди; ихъ грубыя удовольствія, ихъ грубыя понятія, отъ которыхъ такъ скучно, такъ тяжело, такъ обидно, отъ которыхъ такъ больно уму... Самодовольное невѣжество, грязь, освѣщенная обычаемъ, низости, оправданныя «необходимостью жить...»

«Конечно, дядя не совсѣмъ таковъ; дядя по-своему деликатенъ и благороденъ: у него есть даже какая-то оригинальная тонкость понятій — съ этимъ нельзя не согласиться. Но всегда ли онъ будетъ безпристрастенъ? Тысячу разъ правый племянникъ будетъ въ глазахъ его виноватъ, если провинится предъ его друзьями, предъ людьми, къ которымъ онъ привыкъ. Но если онъ и оправдаетъ племянника, то что въ одномъ его заступничествѣ, когда здѣсь противъ бѣднаго молодого человѣка будетъ все общество?.. Надо ѣхать».

«Куда ѣхать?...»

Сергѣй Павловичъ смотрѣлъ въ окно. Все, что онъ видѣлъ, кружилось въ его глазахъ сквозь слезы, которыя набѣгали безпрестанно.

Наконецъ онъ всталъ, вытащилъ чемоданъ изъ-подъ постели и принялся укладывать въ него все свое имущество безъ разбора. Онъ только съ отвращеніемъ и досадой отбросилъ въ уголъ комнаты сѣрый нанковый сюртукъ—свою лѣтнюю одежду, недостойную порядочнаго человѣка... Сборы продолжались недолго. Сергѣй Павловичъ присѣлъ предъ открытымъ чемоданомъ, въ раздумьи: не разобрать ли его опять. Услыша тяжелые шаги по лѣстницѣ, онъ вскочилъ, чтобъ не дать застать себя въ раздумьи и уныньи, и бросился къ окну съ самымъ хладнокровнымъ видомъ.

Вошла Аграфена Степановна; она оглянула комнату и сказала покорно:

— Вотъ, извольте, бѣлье.

— Хорошо, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ не оборачиваясь и чувствуя, что все рѣшено:—положи... Скоро будутъ готовы лошади?

— Послѣднюю пристяжную запрягаютъ, сказала Аграфена Степановна, подходя къ нему, будто затѣмъ, чтобъ взглянуть въ окно.

Сергѣй Павловичъ обернулся къ ней спиною и отошелъ.

— Извольте посмотрѣть, все ли въ сохранности, продолжала она, слѣдуя за нимъ:— чтобъ послѣ съ насъ какихъ взысковъ не было, какъ вы изволите потомъ дяденькѣ написать, что у васъ распропало. Я еще, слава Богу, отъ роду воровкой не была...

— Тебя никто и не называлъ воровкой, возразилъ Сергѣй Павловичъ, уходя къ чемодану:—ступай себѣ.

Bayerische Staats-Bibliothek München

— Я вамъ, сударь, конечно ничего не сдѣлала, что вы меня гнать изволите, а браниться вамъ на меня не слѣдъ, не за что, кромѣ моего усердія. Я по тому случаю и зашла. Кабы знала, конечно, не стала бы уваженія дѣлать...

Она спустилась съ лѣстницы и тамъ договорила свою рѣчь.

Сергѣй Павловичъ убралъ принесенное ею бѣлье и застегнулъ чемоданъ. Онъ осматривался кругомъ, какъ будто забылъ что-то, взялъ со стола листъ бѣлой бумаги, сложилъ его въ видѣ записной книжки и всунулъ въ нее карандашъ; потомъ собралъ свои бумаги и свидѣтельства и положилъ ихъ въ портфель. Онъ безсознательно сбирался въ дорогу. Коробочка Клавдіи Яковлевны стояла тутъ же на столѣ, нетронутая со вчерашняго дня. Сергѣй Павловичъ подумалъ, посмотрѣлъ на нее и спряталъ въ карманъ вмѣстѣ съ карандашомъ и бумагой.

«Кто знаетъ», сказалъ онъ самъ себѣ: «въ настоящую минуту это, можетъ быть, мое спасеніе. Возвращу ей когда нибудь; если же нѣтъ, стало быть, буду не въ состояніи... а въ такомъ случаѣ ей будетъ грѣшно пожалѣть, что она помогла мнѣ».

Сергѣй Павловичъ старался всѣми силами преодолѣть слабость и жалость къ самому себѣ, которыя охватывали его каждую минуту вмѣстѣ съ какимъ-то испугомъ, слѣдствіемъ тревожнаго ожиданія. На дворѣ зазвенѣли бубенчики; внизу, въ корридорѣ, раздались шаги дяди. Сергѣй Павловичъ схватилъ перчатки и фуражку и опять положилъ ихъ, сказавъ себѣ, что еще рано, что его позовутъ, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ у него недостало силы сойдти. Онъ сѣлъ и все смотрѣлъ передъ собою; въ его разстроенной головѣ вертѣлись мысли, нисколько некасавшіяся его настоящаго положенія, проходили воспоминанія довольно странныя и очень далекія. Часы внизу пробили семь. Вслушиваясь въ удары маятника, Сергѣй Павловичъ сталъ машинально считать ихъ, постукивая въ тактъ ногою...

Въ корридорѣ что-то зазвенѣло: пронесли подносъ съ чашками и самоваръ. Пришла въ залу Клавдія Яковлевна; она съ кѣмъ-то заговорила—съ дядей: значитъ, сейчасъ позовутъ Сергѣя Павловича...

«Что-жъ я буду дѣлать?» спросилъ себя Сергѣй Павловичъ.

Маленькая дѣвочка торопливо вбѣжала по лѣстницѣ.

— Пожалуйте чай кушать, сказала она.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, чтобъ еще немного протянуть время.

Онъ всталъ и прошелся.

«Боже мой!» сказалъ онъ наконецъ: «и вся эта тревога, весь этотъ глупый страхъ изъ того, что у меня нѣтъ силы воли и твердости! Развѣ я ребенокъ, что не съумѣю заработать себѣ хлѣба? Стыдно и глупо! Развѣ не бывало людей бѣднѣе меня, несчастнѣе меня, и тѣ такъ не терялись! У меня слава Богу, есть еще впереди дорога, и не одна...»

— Сергѣй! закричалъ дядя.

— Иду! звонко отвѣчалъ онъ и бѣгомъ сбѣжалъ съ лѣстницы.

Онъ не забылъ фуражки и перчатокъ. Дядя оглянулъ его костюмъ, изящное пальто, застегнутое на всѣ пуговицы со всѣмъ дорожнымъ комфортомъ: бумажникъ съ документами обозначался въ одномъ боковомъ карманѣ; папиросочница и бѣлая бумага съ карандашомъ глядѣли изъ другого. Василій Ивановичъ подумалъ, что племянникъ упрямъ не меньше его.

— Ты совсѣмъ готовъ? спросилъ онъ, все еще ожидая, что Сергѣй Павловичъ попроситъ прощенія.

— Совсѣмъ, дядя, уложился, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, обжигаясь, но проглатывая свой чай.

Клавдія Яковлевна молчала, какъ всегда, но она помнила, что Сергѣй Павловичъ ничего не ѣлъ наканунѣ, и подвинула ему тарелку съ горячими яицами въ смятку. Сергѣй Павловичъ весело улыбнулся Клавдіи Яковлевнѣ и принялся завтракать съ удовольствіемъ и аппетитомъ, возбудившимся еще сильнѣе отъ перваго куска.

— Ну, сказалъ Василій Ивановичъ, выждавъ еще нѣсколько минутъ:—куда же ты намѣренъ ѣхать? Вѣдь мы не шутку шутимъ, не комедіи играемъ. Такъ люди не дѣлаютъ... Я ждалъ, ждалъ, что-жъ, наконецъ?

— Мнѣ одна дорога, въ Н*, къ Займищеву... если вамъ угодно, чтобъ я ѣхалъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, и голосъ его слегка задрожалъ.

— Если мнѣ угодно! Что-жъ мнѣ, въ ножки тебѣ кланяться, просить, чтобъ ты остался? Этого ты, братъ, не дождешься.

— Я и не дожидаюсь.

— Твое дѣло попросить, если совѣсть взяла... Мнѣ угодно, чтобъ ты ѣхалъ! Развѣ я тебя гоню? Я говорю, что пора тебѣ куданибудь дѣваться, чѣмъ нибудь быть...

— Я самъ это чувствую и знаю.

— Ты, кажется, ничего не чувствуешь! вскричалъ Василій Ивановичъ, которому было досадно на племянника и вмѣстѣ жаль съ

нимъ разстаться:—еслибъ ты чувствовалъ, не то было бы...

— Во всякомъ случаѣ, я не сталъ бы просить васъ оставить меня здѣсь: вы сказали бы, что я испугался труда, который предстоитъ мнѣ въ жизни; а я не боюсь этого труда, я готовъ трудиться; я не лѣнивецъ, какимъ вы меня считали и считаете, дядя!.. И я не неблагодарный, потому что цѣню участіе, которое вы во мнѣ приняли—увѣряю васъ...

— Тебя не просятъ ни въ чемъ увѣрять. Еслибъ ты во что нибудь цѣнилъ мои слова; а ты... Куда ты хочешь ѣхать?

— Я сказалъ вамъ:въ Н*, къ Займищеву.

— Вотъ она, и благодарность! Это значитъ «что вы,дяденька, ни говорите, а явасъ слушать не хочу, на своемъ поставлю, уѣду къ своему благопріятелю и—ищите меня!..» Ну, есть ли въ тебѣ смыслъ? На самомъ этомъ мѣстѣ недѣли нѣтъ, что я тебѣ сказалъ? Отвѣчай, что я тебѣ сказалъ?

— Что вы не хотите, чтобъ я служилъ у Займищева.

— А ты куда сбираешься?

— Куда же мнѣ больше сбираться? вскричалъ Сергѣй Павловичъ.—Что вы мнѣ предложите—не говорю уже, такое же, а подобное службѣ у Займищева? Дядя, повторяю въ послѣдній разъ: я не могу выносить вашей уѣздной грязи, и уличной и общественной, не могу...

— Мы знаемъ, чего ты не можешь, прервалъ дядя:—Ты не можешь дѣлать дѣло. Смотри, самъ не сдѣлайся грязью, умникъ. Вся вѣдь и разница въ томъ, что здѣсь дѣлаютъ грязное дѣло спроста, а у васъ оно дѣлается съ фигурами. Ну... да Богъ съ тобой! Ты самъ выбиралъ; рѣшился ты—такъ пусть будетъ по-твоему.

Василій Ивановичъ вышелъ.

— Прощайте, кузина, сказалъ Сергѣй Павловичъ, оставшись одинъ съ Клавдіей Яковлевной и помолчавъ съ минуту.

Онъ протянулъ ей руку чрезъ столъ. Клавдія Яковлевна удерживала слезы и задыхалась.

— Не уѣзжайте, ради Бога! сказала она.

Сергѣй Павловичъ покачалъ головою.

— Пробудьте хоть недѣльку, хоть одинъ день!

— Нельзя.

— Богъ вамъ судья! За что вы меня мучите?

— Вамъ-то что-жъ,кузина?Былъ я и уѣду; вы жили безъ меня, привыкнете опять.

— Это ужъ одинъ Богъ знаетъ, привыкну ли.

— Какое вамъ отъ меня удовольствіе?

— Конечно, никакого, отвѣчала она простодушно:—еще сколько отъ васъ горя приняла и попрековъ отъ Аграфены и дяденькѣ было наговорено... Да мнѣ все равно,лишь бы вы остались.

— Нѣтъ...

— Что вы тамъ нужды натерпитесь, и отъ чужихъ людей... подумать не могу!

Сергѣй Павловичъ не отвѣчалъ.

— Что-жъ это, гдѣ дядя? сказалъ онъ:—ѣхать, такъ ѣхать; пора.

Клавдія Яковлевна рѣшилась на вопросъ, который былъ слѣдствіемъ многаго, придуманнаго ею въ эту ночь.

— Вы цѣпочку взяли? сказала она тихо.

— Вамъ ее нужно? вотъ она, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ громко, чѣмъ-то обидясь и опуская руку въ карманъ.

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! Я затѣмъ спросила, боялась, не забыли ли вы ее взять. Какъ же вы сдѣлаетесь съ Перевицкимъ? Вы его теперь не увидите: при дяденькѣ нельзя...

— Я могу послѣ написать ему и выслать. Возьмите цѣпочку, если вамъ жаль ея...

Василій Ивановичъ воротился въ эту минуту; Клавдія Яковлевна успѣла только бросить умоляющій взглядъ Сергѣю Павловичу, который опять опустилъ цѣпочку въ карманъ.

— Вотъ тебѣ на дорогу и на обзаведеніе, Сергѣй, сказалъ дядя, положивъ передъ нимъ пачку ассигнацій:—не взыщи, что немного; больше не могу. Служи ты здѣсь, ты жилъ бы на всемъ готовомъ, и этихъ денегъ тебѣ стало бы надолго. Что ты тамъ будешь дѣлать и какъ извернешься—не вѣдаю; твоя воля!

— Благодарю васъ, дядя; мнѣ не нужно, возразилъ Сергѣй Павловичъ, покраснѣвъ.

— Перестань вздоръ врать, не бѣси меня на прощанье! вскричалъ дядя. — Не нужно тебѣ! Что-жъ ты, подаяніемъ, что ли, дотащишься двѣсти верстъ? Покуда позовутъ тебя въ хоромы къ твоему пріятелю, еще насидишься гдѣ нибудь на постояломъ дворѣ. Вели нести свою поклажу въ бричку, пора... Эй, Филиппъ! снеси сверху чемоданъ Сергѣя Павлыча... Куда ты, Клавдія?

— Я о пирогахъ сказать, дяденька...

— Сказано ужъ, не изволь безпокоиться. Очень ты безпокоилась. Меня не жди до вечера: я Сергѣю подорожную возьму, совсѣмъ его отправлю и заѣду кое къ кому. Присядемъ... Господи, благослови!

Сергѣй Павловичъ былъ до слезъ нервически разстроенъ, когда дядя, перекрестивъ его, обнялъ крѣпко. Онъ тоже крѣпко отвѣчалъ на эти объятія, думая, между тѣмъ, что бываютъ минуты въ жизни, когда человѣкъ волнуется, самъ не зная отчего...

— Сергѣй, говорилъ дядя: — помни мое слово: не дурачься, думай, какъ вѣкъ быть. Выбралъ ты себѣ дорогу—такъ и быть, только ужъ и съ нея-то не сбивайся. Вѣдь ты мнѣ не чужой...

Сергѣй Павловичъ пожалъ руку Клавдіи Яковлевны, но не поцѣловалъ ее (онъ никогда не цѣловалъ рукъ у женщинъ), кивнулъ головою Филиппу, подававшему ему шинель, и вышелъ за дядей на крыльцо.

Клавдія Яковлевна не осмѣлилась идти провожать его: она смотрѣла изъ окна на этотъ отъѣздъ, который странно и невыносимо больно что-то отрывалъ у нея отъ сердца. Ей не вѣрилось, что она ужъ простилась на вѣкъ, что ужъ все кончено, что для Сергѣя Павловича никогда больше не отворятся эти скрипящія ворота, которыя запираются въ эту минуту... Клавдіи Яковлевнѣ хотѣлось вскрикнуть...

«Туда и дорога!» кричала въ гостиной Аграфена Степановна, которая имѣла привычку послѣ отъѣзда барина всегда расхаживать по всѣмъ комнатамъ и необычайно возвышать голосъ до тѣхъ поръ, пока не улегалась на лежанку. Она, казалось, считала себя совершенно одною, отдавала свои приказанія и перекликалась съ остальной прислугою, какъ будто эта прислуга была не въ домѣ, а въ концѣ селенія. «Туда и дорога, змѣиное отродье! Хоть бы на-смѣхъ сказалъ: «прощайте, дескать, добрые люди! не поминайте лихомъ», а то туда же, самъ нищій, а точно будто Иванъ-царевичъ!..»

Она величественно прошла по залѣ мимо Клавдіи Яковлевны, будто не замѣчая ея и продолжая браниться...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День былъ сырой, туманный, и уже смеркалось, не смотря на то, что было еще не поздно, когда кибитка Сергѣя Павловича въѣхала въ N—скую заставу. Окрестности города и слободы были неживописны; самъ городъ съ неосвѣщенными домами, съ черной широкой улицей, по которой изрѣдка проѣзжали звонкія дрожки, смотрѣлъ уныло и непривѣтливо. Проѣзжая площадью, вокругъ которой тянулись арки каменныхъ лавокъ и разбѣгались маленькія деревянныя лавочки, Сергѣй Павловичъ выглянулъ изъ кибитки: вдали, влѣво отъ площади, чрезъ улицу и широкое пространство, похожее на поле, мелькнула масса строеній, и высокая колокольня выросла, какъ что-то фантастическое, средь темноты. Извозчикъ перекрестился, снявъ шапку. Черезъ нѣсколько минутъ они подъѣхали къ почтовой станціи.

Сергѣй Павловичъ выскочилъ изъ кибитки съ удовольствіемъ человѣка, утомленнаго длинной дорогой, взялъ свой чемоданъ и отправился въ гостиницу, рядомъ съ почтовой станціей. Достигнувъ, наконецъ, теплой комнаты, отдыхая и еще чувствуя отъ усталости, что полъ какъ будто шатается подъ его ногами, онъ не позволилъ себѣ прилечь, зная, что заснетъ въ минуту и не проснется до слѣдующаго утра. Сергѣй Павловичъ не хотѣлъ терять времени: это было бы несовсѣмъ разсчетливо, потому что день въ гостиницѣ обошелся бы для него слишкомъ дорого. Онъ убѣдился въ этомъ, пересчитавъ свою маленькую казну, изъ которой въ свое путешествіе старался тратить какъ можно меньше; но подумалъ, что теперь, достигнувъ цѣли путешествія — города, гдѣ будетъ жить, гдѣ будутъ знать его, потому что въ губернскихъ городахъ всѣхъ порядочныхъ людей всѣ знаютъ — ему необходимо показать себя человѣкомъ порядочнымъ, а главное, не бѣднымъ. Эта мысль еще не вполнѣ созрѣла, когда Сергѣй Павловичъ занялъ одну изъ лучшихъ комнатъ, а утвердившись въ этой мысли, онъ спросилъ хорошій обѣдъ и хорошаго вина.

«Я пріѣхалъ на перекладной и на легкѣ», думалъ онъ, посматривая на лакеевъ, которые накрывали для него столъ: «но это могло произойти оттого, что я торопился: дѣла не ждутъ... Со мной нѣтъ камердинера;

но это, быть можетъ, моя прихоть. Наконецъ, я могу быть оригиналомъ...»

И потому, какъ человѣкъ совершенно порядочный, Сергѣй Павловичъ обращался съ прислугой невзыскательно и почти вѣжливо, но ѣлъ, нѣсколько удерживая свой аппетитъ, чтобъ не показать, какъ обрадовался обѣду. Онъ расплатился тотчасъ же, не взявъ сдачи, приказалъ достать и приготовить свое платье и, замѣтивъ вскользь, что его часы остановились, спросилъ который часъ.

— Половина седьмого, отвѣчали ему.

— Въ восемь дайте мнѣ одѣться, я выѣду. Кстати, сколько нужно за этотъ нумеръ въ сутки? Мнѣ удобнѣе заплатить впередъ.

Сергѣй Павловичъ досталъ еще ассигнацію. Когда, въ восемь часовъ, вмѣстѣ съ его платьемъ, ему принесли остатокъ этихъ денегъ, онъ опять великодушно не взялъ ихъ, предоставивъ служителямъ, спросилъ, гдѣ живетъ Займищевъ и приказалъ привести себѣ дрожки.

Въ ожиданіи дрожекъ, смотрясь въ большое зеркало — удовольствіе, котораго онъ былъ лишенъ въ Даниловкѣ — надѣвая прелестныя перчатки, въ Даниловкѣ остававшіяся безъ употребленія, Сергѣй Павловичъ на-скоро доканчивалъ размышленія, которыхъ никакъ не могъ привести въ порядокъ во все время своего отдыха.

«Приличія!» говорилъ онъ самъ себѣ: «вотъ, мы друзья съ Владиміромъ, слѣдовало бы и пріѣхать прямо къ нему, какъ къ другу, объясниться въ двухъ словахъ — и дѣло кончено, жить вмѣстѣ. Но у него отецъ, сестра: что это за люди? И натягиваешь перчатки, и выжидаешь два часа! Слѣдовало бы фракъ, ѣду въ первый разъ, и вечеромъ... да дѣлать нечего, когда нѣтъ его... Скверно, если они какъ нибудь... Впрочемъ, изъ чего-жъ имъ важничать со мной? Имъ этого, во-первыхъ, не позволятъ, а во-вторыхъ...»

Ему доложили, что дрожки готовы; размышлять далѣе было некогда; къ тому-жъ, Сергѣй Павловичъ самъ чувствовалъ, что размышленія не приведутъ ни къ чему. Холодъ и вѣтеръ заставили его плотнѣе кутаться въ шинель, отлично вычищенную благодарнымъ служителемъ гостиницы; мелкій дождь билъ въ лицо и разгонялъ послѣднюю возможность собраться съ мыслями. Домъ Займищева былъ далеко, въ переулкѣ, а въ N* даже главныя улицы дурно вымощены, и ѣзда по нимъ, особенно въ осенній, темный вечеръ, можетъ вывести изъ терпѣнія человѣка самаго терпѣливаго.

Сергѣя Павловича привезли къ деревянному дому, некрасивому, какъ большая часть губернскихъ домовъ; ставни были уже закрыты, а подъѣздъ былъ освѣщенъ фонаремъ, который одинъ мерцалъ во всемъ переулкѣ. Позвонивъ и входя, Сергѣй Павловичъ спросилъ, здѣсь ли живетъ Займищевъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ лакей.

— Дома? спросилъ Сергѣй Павловичъ, готовясь сбросить шинель.

— Какъ прикажете доложить о васъ? Старый баринъ дома, а Владиміръ Михайлычъ въ присутствіи.

Сергѣй Павловичъ остановился: эта неудача его сконфузила: затрудненіе представиться самому незнакомымъ людямъ не входило въ его соображенія. Онъ колебался: провести ли эту дурную минуту или отправиться назадъ и отложить свой визитъ до утра, благо за ночлегъ уже заплачено?

— Я заѣду завтра утромъ, сказалъ онъ, рѣшась: — скажи Владиміру Михайлычу, что пріѣзжалъ Каватѣевъ.

— Позвольте, Владиміръ Михайлычъ скоро воротится... доложу, возразилъ лакей, будто вспомнивъ что-то, и ушелъ.

Сергѣй Павловичъ остался и прислушивался; онъ ждалъ... сердце его билось отъ чего-то, отъ неловкаго стыда, отъ гордости — все вмѣстѣ. Онъ ждалъ въ передней бывшаго товарища, не желая, чтобъ его приняли, и боясь, что не примутъ, потому что тогда... о тогда онъ получитъ совершенно полное понятіе о батюшкѣ и сестрицѣ, которые не примутъ товарища ихъ сына и брата!.. Но, можетъ быть, они не знаютъ его имени?.. Такъ, стало быть, Владиміръ не натвердилъ имъ этого имени?

— Милости просимъ, милости просимъ! раздалось очень громко за дверью залы, гдѣ Сергѣй Павловичъ очутился черезъ минуту.

Ему протягивалъ руку пожилой господинъ, привѣтливо и просто, будто давно знакомый, хотя Сергѣй Павловичъ только по сходству догадался, что это отецъ Займищева. Старикъ обнялъ его.

— Милости просимъ! повторилъ онъ: — Владиміръ ждалъ отъ васъ письма, а вы лучше сдѣлали: сами пріѣхали... Пожалуйте.

— Мнѣ чрезвычайно пріятно... проговорилъ Сергѣй Павловичъ, слѣдуя за нимъ въ гостиную, гдѣ, за чайнымъ столомъ, онъ увидѣлъ двухъ женщинъ, одну старую, другую очень молодую.

— Madame Поль, нашъ истинный другъ, продолжалъ Займищевъ, представляя его старухѣ. — Дочь моя, Софья... Познакомьтесь; вы здѣсь свой.

— Мнѣ чрезвычайно пріятно... повторилъ Сергѣй Павловичъ, не находя словъ.

— Когда вы пріѣхали? прервалъ Займищевъ, видимо желая его ободрить, садясь на свое мѣсто и подвигая ближе къ себѣ кресло, на которое пригласилъ сѣсть Сергѣя Павловича.

Сергѣй Павловичъ сѣлъ, не выпуская изъ рукъ фуражки.

— Часа три, какъ я въ городѣ, отвѣчалъ онъ, слегка кланяясь молодой дѣвушкѣ, которая подвигала ему чашку чая и корзинку съ хлѣбомъ.

— Дорога ужасная, я думаю? продолжалъ Займищевъ.

— Нѣтъ... въ покойномъ экипажѣ это не чувствительно, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, испугавшись намека на то, что онъ могъ перенести на своемъ пути.

— Все-таки, вѣрно, укачало, сказалъ старикъ:—вѣдь вамъ пришлось переѣхать всю губернію изъ конца въ конецъ; деревня вашего дяди далеко.

— Да... сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Въ деревнѣ очень скучно осенью, замѣтила Сонечка.

— Ахъ ты, свѣтская особа! сказалъ, смѣясь, отецъ:—скучно! Почему ты знаешь? ты никогда не жила въ деревнѣ.

— Но я воображаю, папа: невозможно ни гулять, ни видѣться съ сосѣдями.

Сергѣй Павловичъ не отвѣчалъ, хотя съ послѣдними словами она обратилась къ нему. Этотъ разговоръ, обыкновенный до пошлости, но единственно возможный съ незнакомымъ, когда этотъ незнакомый самъ не даетъ ему другого направленія, этотъ разговоръ почему-то казался ему непріятнымъ. Сергѣй Павловичъ ждалъ чего-то другого.

— Иногда пріятно и ничего не дѣлать, сказалъ онъ, наконецъ, не обращаясь ни къ кому, небрежно, какъ человѣкъ свѣтскій, и чуть видимо улыбаясь, какъ будто примиряясь съ пустотой разговора.

— Да, отдохнуть, приготовиться къ дѣлу, сказалъ ласково Займищевъ: — хотя здѣсь дѣло будетъ и не очень велико, а все вамъ, съ непривычки... Какъ вы рѣшились по письму Владиміра? прибавилъ онъ просто и прямо. —Я знаю всѣ ваши уговоры. Хотите служить съ нимъ?

— Я, право, не знаю... я полагаю, что это будетъ лучше, сказалъ Сергѣй Павловичъ, не зная, какъ поддержать свое достоинство предъ этой откровенностью, которая казалась ему неделикатною.

— Конечно, лучше. Мнѣ, признаюсь, показалось, что вы несогласны на его предложеніе: пріѣхали — остановились не у него.

— Я не хотѣлъ безпокоить...

— Что за безпокойство! Владиміръ васъ такъ любитъ; а я радъ, если могу служить молодому человѣку... Я говорю, мнѣ показалось... я думалъ, что у васъ какой нибудь другой планъ...

— Другого плана у меня быть не можетъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, чувствуя всю необходимость выговорить печальную истину и находя, что тотъ, кто такъ мучительно добился этой истины, въ высшей степени неделикатенъ.

— Такъ что-жъ вы церемонитесь со мною? возразилъ весело и привѣтливо Займищевъ:—намъ вмѣстѣ жить, такъ церемоніи надо въ сторону съ перваго раза. Пріѣхалъ точно съ визитомъ! Владиміра нѣтъ дома: развѣ мы не распорядимся и безъ Владиміра?.. Въ какой гостиницѣ вы остановились? прибавилъ онъ, идя въ залу и остановясь въ дверяхъ.—Вѣрно и извозчикъ вашъ стоитъ здѣсь, ждетъ васъ на дождѣ?

— Я велѣлъ дожидаться, сказалъ Сергѣй Павловичъ, вставая тоже.

— Очень нужно было! Пойдемте со мной, прикажите сами. Мой человѣкъ, Иванъ, съѣздитъ въ гостиницу и привезетъ ваши вещи... Иванъ!

Займищевъ кликалъ людей, приказывалъ, между тѣмъ какъ Сергѣй Павловичъ слѣдовалъ за нимъ довольно сконфуженный. Онъ не могъ сказать, что его принимали непривѣтливо; вспоминая свои послѣдніе дни въ Даниловкѣ, онъ еще болѣе радовался этой привѣтливости; но она выражалась такъ прямо и обыкновенно, о немъ хлопотали такъ замѣтно, что въ немъ оскорблялось какое-то чувство достоинства, а Сергѣй Павловичъ не заботился ни о чемъ столько, какъ о томъ, чтобъ оградить это достоинство отъ всякаго покушенія затронуть его. Еслибъ старикъ Займищевъ сказалъ что нибудь, хоть фразу, о своемъ желаніи принять его у себя, о своей готовности быть ему отцомъ, эта фраза подогрѣла бы вялую сцену, въ которой говорилось о погодѣ и тарантасахъ; но Займищевъ не сказалъ ничего подобнаго: онъ только распоряжался, упрекая Сергѣя Павловича въ церемонности.

Займищевъ привелъ его опять въ гостиную и самъ ушелъ. Сергѣю Павловичу было

неловко, и онъ, самъ не чувствуя какъ, настроивался на непріятное расположеніе духа. Онъ молчалъ, сидя въ обществѣ дамъ, которыя принялись за работу.

— Вы для насъ уже давно знакомы, сказала ему m-me Поль:—вѣроятно, даже больше, нежели мы для васъ.

— Я долженъ быть очень благодаренъ Владиміру Михайлычу за то, что онъ вспоминалъ меня, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, подумавъ, что старушка заговорила единственно для того, чтобъ «занимать» его.

Сергѣй Павловичъ никогда не бывалъ даже церемонно, не только запросто въ обществѣ женщинъ порядочнаго круга, и потому имѣлъ тайное, нѣсколько озлобленное предубѣжденіе, что онѣ чопорны, взыскательны и несносны. Въ былыя времена товарищъ его, Владиміръ Займищевъ, напрасно старался увѣрить его въ противномъ, не имѣя возможности ввести его въ общество, гдѣ бывалъ самъ. Сергѣй Павловичъ не считалъ этихъ женщинъ ни особенно умными, ни особенно образованными, а себя недостойнымъ ихъ вниманія, но тѣмъ болѣе ненавидѣлъ ихъ предполагаемыя претензіи; ему нравилась изящность ихъ манеръ, потому что его собственныя манеры были недурны; но ихъ нравственной стороны, хотя и не имѣя о ней понятія, онъ не любилъ и даже боялся. Въ настоящую минуту съ нимъ были привѣтливы, но какъ-то чинно, къ чему онъ не привыкъ; неловкость его собственнаго положенія и отношеній въ этомъ домѣ заставили предполагать, что ему хотятъ покровительствовать, что считаютъ за обязанность обласкать и ободрить... Нечего и говорить, что въ Сергѣѣ Павловичѣ шевельнулось чувство непріятное, скоро перешедшее въ непріязненное. За минуту предъ тѣмъ онъ думалъ, что ему было бы гораздо легче, еслибъ какимъ нибудь словомъ старикъ Займищевъ вызвалъ его высказаться; теперь онъ рѣшилъ, что ни за что въ свѣтѣ не выкажетъ чувства предъ этими великосвѣтскими дамами, которыя говорятъ съ нимъ изъ милости и заняты своимъ шитьемъ, какъ будто онѣ однѣ въ комнатѣ... Онъ подумалъ, напротивъ, что его холодное и нѣсколько небрежное спокойствіе скорѣе заставитъ ихъ понять, что онѣ имѣютъ дѣло не съ мальчикомъ, котораго принимаютъ на житье въ свой домъ, а съ человѣкомъ, сознающимъ свое достоинство и только по несправедливости судьбы поставленнымъ въ зависимость отъ другихъ.

M-me Поль и Сонечка, конечно, не подозрѣвали, обходясь съ новымъ знакомымъ такъ же, какъ обходились со всѣми, что этотъ новый знакомый ими недоволенъ. Обѣ онѣ очень хорошо понимали его положеніе и думали, что на первый разъ лишняя предупредительность съ ихъ стороны можетъ оскорбить молодого человѣка, показавшись ему протежированьемъ; обѣ онѣ, столько же отъ доброты сердца, сколько изъ деликатнаго разсчета, старались заставить его — не то, чтобъ забыть его положеніе (что было невозможно), но свыкнуться съ нимъ и понять, что онъ можетъ найти въ нихъ не одно участіе, но вѣрную оцѣнку и дружбу.

— У вашего дяди большое семейство? спросила m-me Поль.

— Нѣтъ, онъ не женатъ.

— Безъ женщинъ не можетъ быть оживлено въ домѣ, продолжала старушка шутливо:—мы можемъ капризничать, надоѣдать, но мы, по крайней мѣрѣ, шутимъ и двигаемся. Если вашъ дядя старъ и если вы сами серьезнаго характера, трудно придумать, какъ вы проводили время.

— Могли быть серьезныя занятія, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, не улыбнувшись ея шуткѣ,—впрочемъ, у него живетъ еще племянница.

— Ваша кузина? молодая особа?

— Нѣтъ, очень немолодая.

— Во всякомъ случаѣ, ея общество, вѣроятно, было для васъ самымъ пріятнымъ развлеченіемъ, находкой; съ родной женщиной можно быть откровеннѣе.

— Надо хорошо понять другъ друга, чтобъ рѣшиться на откровенность, возразилъ Сергѣй Павловичъ непроницаемо и холодно.

— Нашъ домъ почти деревня, сказала m-me Поль, помолчавъ:—Sophie выѣзжаетъ немного и потому принимаетъ немного. Михайло Андреичъ не всегда здоровъ и домосѣдъ. Владиміръ постоянно занятъ. Sophie говоритъ, что ей не скучно; не знаю, правду ли она говоритъ...

— А я говорю когда нибудь неправду? спросила Сонечка, мило взглянувъ изъ-за огромнаго свертка канвы, по которой вышивала. — Вотъ теперь мнѣ наскучило работать. Какіе длинные вечера!..M-r Каватѣевъ, что вы дѣлали по вечерамъ въ деревнѣ?

— Что случалось, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ.

— Читали? спросила m-me Поль.

— Да.

— Братъ говорилъ мнѣ, сказала Сонечка:—что въ вашемъ выпускѣ былъ маленькій кружокъ поэтовъ и что вы были въ числѣ ихъ; онъ читалъ мнѣ прелестныя вещи.

— Только ужъ, вѣрно, не мои.

— Это счастливая способность! замѣтила m-me Поль.

— Ни къ чему неведущая, сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— О, нѣтъ, извините! возразила Сонечка серьезно, какъ очень молодая дѣвушка, недавно вышедшая изъ класса:—я всегда благодарю и уважаю того, кто заставитъ меня хорошо подумать и почувствовать; онъ долженъ быть счастливъ, что могъ это сдѣлать...

— Заслуживъ вашу благодарность, конечно, онъ долженъ быть счастливъ.

— Ахъ, вы поймали меня на словѣ! вскричала она весело: — но вы понимаете, что я говорю не о себѣ, а вообще... Впрочемъ, надѣюсь, вы привыкнете къ моимъ недоговоркамъ: со мной онѣ часто случаются.—Чтожъ, вы занимались, писали въ деревнѣ?

— Я часто не пользуюсь временемъ, но никогда не трачу его напрасно; а мои вдохновенія, я увѣренъ, не заслужили бы ничьей благодарности.

Наступилъ опять промежутокъ молчанія.

— Есть сосѣди около имѣнія вашего дяди? спросила m-me Поль.

— Кажется, есть.

— Но... вы познакомились съ кѣмъ нибудь, вѣроятно?

— Я не готовилъ себя на житье въ деревнѣ и потому не знакомился ни съ кѣмъ.

— Однако три мѣсяца!сказала Сонечка:—вамъ могло быть пріятно съ этими знакомыми.

— Теперь мнѣ все равно; эти три мѣсяца уже прошли бы.

— Да... но знаете, иногда бываетъ какъто жаль, что время могло пройти весело, а имъ не воспользовались.

Сергѣй Павловичъ отвѣчалъ одной неопредѣленной улыбкой.

— Кто пишетъ вамъ изъ вашихъ бывшихъ товарищей? спросила чрезъ минуту Сонечка.—Хотницкій въ Москвѣ, веселится; Городницынъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ...

— Вы всѣхъ знаете, замѣтилъ Сергѣй Павловичъ.

— Всѣхъ, всѣхъ! Я сама точно одного выпуска съ вами. Они пишутъ къ брату. Какіе славные люди! Сколько у васъ будетъ разсказовъ и воспоминаній съ братомъ.

Сергѣй Павловичъ не сказалъ ни слова.

— Однако, Владиміръ долго не возвращается, сказала m-me Поль:—онъ, вѣрно, куда нибудь заѣхалъ.

— Жаль если долго не пріѣдетъ, прибавила Сонечка.

Сергѣй Павловичъ принялъ это сожалѣніе за намекъ, что разговоръ утомилъ дамъ и что онѣ желаютъ скорѣе сдать гостя на попеченіе его друга. Въ этомъ онъ ошибся только вполовину, потому что, когда старикъ Займищевъ вызвалъ его въ залу, m-me Поль сказала Сонечкѣ по-французски:

— Этотъ молодой человѣкъ или уже слишкомъ усталъ отъ дороги, или слишкомъ конфузится. Надо бы поскорѣе Владиміра, чтобъ его ободрить.

Займищевъ вызвалъ Сергѣя Павловича, потому что привезли его вещи; онѣ состояли въ одномъ чемоданѣ и подушкѣ, и какъ-то такъ терялись въ просторной передней, что Сергѣю Павловичу стало неловко и досадно, какъ будто онъ ждалъ, что ему привезутъ не эти два слишкомъ знакомые предмета, а цѣлый обозъ.

— Вотъ къ вашимъ услугамъ Иванъ, камердинеръ Владиміра; онъ будетъ и вашимъ камердинеромъ, сказалъ Займищевъ:—прикажите ему что нужно. Вы съ Владиміромъ, вѣроятно, поселитесь въ одной комнатѣ, не разстанетесь; впрочемъ, если хотите, особенная комната готова. Не церемоньтесь, вы дома.

— Я, право, не знаю... Если я не стѣсню...

— Владиміръ Михайлычъ нѣсколько разъ говорилъ, что если вы пожалуете, то онъ будетъ просить васъ помѣститься съ нимъ въ одной комнатѣ, сказалъ Иванъ.

— Тамъ, какъ знаете, сказалъ Займищевъ:—дѣлайте, какъ хотите, распоряжайтесь, а у меня есть свое дѣло,

Онъ ушелъ. Иванъ очень почтительно унесъ чемоданъ, спросивъ еще почтительнѣе ключъ у Сергѣя Павловича. Его называли по имени; онъ убѣждался, что его знали—это его ободрило. Хотя внутренно онъ почти не давалъ себѣ отчета въ своемъ чувствѣ, но онъ былъ радъ жить вмѣстѣ съ молодымъ хозяиномъ, на глазахъ у котораго ему удобнѣе и ловче отдавать приказанія. Оставивъ Сергѣя Павловича одного, старикъ Займищевъ какъ будто предложилъ ему возвратиться къ дамамъ; но Сергѣю Павловичу не понравилось ихъ общество: тамъ ему было уже совсѣмъ неловко. Онъ сталъ ходить по залѣ, разгоняя этимъ сонъ, который началъ одолѣвать его. Его прогулка очень затрудняла хозяевъ, особенно Сонечку: добрая душа мучилась, что гостю скучно, и не знала чѣмъ занять его. Раза два она выходила къ нему и начинала разговоръ, но это не клеилось и не привлекало Сергѣя Павловича въ гостиную. М-me Поль смѣялась хлопотамъ своей воспитанницы и наконецъ посовѣтовала ей оставить его въ покоѣ.

Сергѣю Павловичу было скучно и досадно. Отъ своей собственной неловкости и холодности ему стало казаться, что съ нимъ недовольно учтивы, что ему, наконецъ, манкируютъ; черезъ минуту ему показалось, что онъ самъ необыкновенно-великодушенъ тѣмъ, что прощаетъ это обхожденіе и не бѣжитъ изъ этого дома... Впрочемъ, его чувства и впечатлѣнія были смутны; воспоминанія далекія и близкія перемѣшивались съ новыми ощущеніями; незнакомая зала минутами воображалась ему пустой залой въ Даниловкѣ; шаги въ другихъ комнатахъ были какъ будто похожи на походку дяди.

Колокольчикъ зазвенѣлъ у подъѣзда и черезъ нѣсколько минутъ Владиміръ Займищевъ вбѣжалъ и бросился на шею своему пріятелю.

— Сережа, здравствуй, душа моя! Вотъ умница! спасибо, что пріѣхалъ! какъ ты меня утѣшилъ! Здоровъ ли ты? Не знаю, какъ я тебѣ благодаренъ, Сережа!

Объятія еще не кончились.

— Ты здѣсь цѣлый часъ, мнѣ сказали. Что, видѣлъ моихъ? познакомился? Гдѣ батюшка? у себя въ комнатѣ?

— Не знаю... Я былъ здѣсь одинъ... проговорилъ Сергѣй Павловичъ: — твой отецъ ушелъ...

— Пойдемъ къ нему вмѣстѣ. А сестра?

— Гдѣ ты пропадалъ, Владиміръ? вскричала Сонечка изъ-за работы.

— Былъ у m-me Остенской, думалъ остаться еще, но она уѣхала на вечеръ, отвѣчалъ Владиміръ. Сережа, что-жъ ты тутъ бродишь одинъ?

— Ждалъ тебя.

— Еслибъ ты зналъ, какъ я тебѣ радъ! Мнѣ надо повидаться съ отцомъ, а тамъ пойдемъ къ себѣ.

— Значитъ, прощайте; мы васъ сегодня не увидимъ больше, сказала Сонечка.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ братъ.— Возьми, я привезъ тебѣ посмотрѣть коллекцію гравюръ; есть прелестныя.

— Отъ m-me Остенской?

— Нѣтъ, сказалъ онъ, уходя съ Сергѣемъ Павловичемъ.

— Такъ ты заѣзжалъ нарочно за этими гравюрами? Какой ты милый, Володя!

Когда, проходя въ другія комнаты, Владиміръ спросилъ объ отцѣ, ему сказали, что онъ уже легъ въ постель.

— Поди въ нашу комнату, Сережа, а я узнаю, что съ нимъ, сказалъ онъ, встревожась.

Комната молодого Займищева была освѣщена, когда Сергѣй Павловичъ вошелъ въ нее одинъ. Она была очень велика и уютно раздѣлялась на-двое драпированной перегородкой. Низкій и широкій диванъ въ углу съ вышитыми подушками; передъ нимъ столъ съ журналами и газетами; нѣсколько мягкихъ креселъ; густая рѣшетка съ плющемъ; большой столъ съ блестящимъ письменнымъ приборомъ, на которомъ, среди дѣловыхъ бумагъ, стоялъ дорогой миньятюрный портретъ отца и матери Владиміра; множество книгъ на этажеркѣ; два масляные ландшафта на стѣнѣ; часы съ бронзовой группой; бюсты на полочкахъ; цвѣты на окнахъ съ опущенными шелковыми сторами — все дѣлало комнату нарядною и изящною. Это была лучшая комната въ домѣ. Сергѣй Павловичъ вспомнилъ свою свѣтелку... Не то, чтобъ ему стало грустно или завидно, но у него мелькнула мысль о странной прихоти судьбы, которая благоволитъ къ однимъ и гонитъ другихъ безъ особенныхъ причинъ, безъ особенныхъ правъ на ея милости, безъ особенной вины, чтобъ заслужить ея гнѣвъ— людей, рожденныхъ въ одномъ и томъ же кругу, съ одинакими понятіями, способностями и потребностями... Къ чему бы, напримѣръ, могла служить эта прихоть? Пріучить людей къ терпѣню и труду? Но у девяти изъ десяти этихъ іюдей или не достанетъ силы трудиться или не достанетъ нравственной силы добиться и ждать далекаго и сомнтельнаго успѣха; или онѣ очерствятъ свое сердце и, наконецъ, достигнувъ, (успѣвъ (еще неизвѣстно какими средствами, надо взять и это въ расчетъ!), но успѣвъ, наконецъ, сдѣлиются строгими эгоистами, безъ сострaданія къ другимъ, вѣчными указателями своего собственнаго примѣра: я сдѣлалъ, пусть всякій такъ дѣлаетъ!.. А другіе, счастливцы съ пеленокъ, какой отъ нихъ прокъ для свѣта? Тоже девять изъ десяти лѣнятся и зазнаются чуть ли не съ пеленокъ!..

Не велика, стало быть, и милость этой судьбы—неизвѣстно за что щедрой, неизвѣстно за что скупой, когда она вдругъ и нечаянно дастъ что нибудь немногое человѣку, стоящему большаго! Въ самомъ дѣлѣ, много ли?.. Пріютъ въ домѣ товарища, равнаго по лѣтамъ, по рожденію, по обрaзованію, равнаго всѣмъ!.. А этотъ равный, это орудіе судьбы, говоря высокимъ слогомъ, пожалуй, вообразитъ, что онъ дѣлаетъ необыкновенно великое дѣло, подвигъ, къ которому ничто его не обязываетъ, потому что,

по условіямъ общества, то, что принадлежитъ счастливцу, принадлежитъ только ему а не кому другому, и онъ властенъ владѣть этимъ нераздѣльно. Странное условіе! Не забыто ли въ немъ прирожденное право человѣка наслаждаться жизнью и прирожденная обязанность человѣка—не пользоваться одному? По этому понятію, пригласивъ товарища, Владиміръ поступаетъ удивительно, романически хорошо; не вспомни онъ товарища, никто не сказалъ бы, что онъ поступилъ дурно: это было бы въ порядкѣ вещей... Подобный порядокъ вещей и подобное пониманіе вещей обязываетъ ли быть благодарнымъ?..

«Еще слѣдуетъ разобрать», продолжалъ размышлять Сергѣй Павловичъ, улегшись на диванѣ: «что въ природѣ человѣка ничего не дѣлать даромъ: «я тебѣ дамъ, а ты расплатись»... Есть люди развитые, которымъ часто приходится не по-душѣ общество и кружокъ, куда судьба ихъ ставитъ; тогда они ищутъ для себя помощи, поддержки въ другихъ, подобныхъ имъ людяхъ, и зовутъ такихъ людей, если можно и откуда можно. Владиміръ былъ хорошій малый... Видно, когда онъ писалъ «пріѣзжай» прежнему товарищу, поддержка была ему необходимѣе, нежели этому бѣдному товарищу поддержка матеріальная... Слѣдовательно...

«Слѣдовательно», заключилъ Сергѣй Павловичъ: «я необходимъ Владиміру столько же, сколько онъ для меня, если даже не больше; слѣдовательно, мудрено рѣшить, кто изъ насъ двухъ обязанъ: онъ или я... Его батюшка... кто его знаетъ, что онъ такое? Во время курса, онъ не очень роскошно содержалъ Владиміра, а теперь... можетъ быть, держится теоріи моего дядюшки, что человѣкъ съ чиномъ ужъ не то, что человѣкъ безъ чина. Премилая теорія!.. Пріятно для меня, однако, попасть на нее опять и еще въ чужомъ домѣ!.. Впрочемъ, какое мнѣ дѣло, когда я независимъ? Если въ этомъ домѣ водятся какія нибудь подобныя этому теоріи, то ихъ владѣльцы могутъ поберечь ихъ для себя и быть деликатными съ постороннимъ. Владиміру я нуженъ—это ясно. Дѣвочка эта, Сонечка, выточенная кукла, какъ всѣ свѣтскія женщины...»

— Здравствуй еще разъ, сказалъ, входя, Владиміръ.—Отецъ уснулъ; я засидѣлся у него: онъ нездоровъ и, по обыкновенію, не признается... Вотъ мы съ тобой и одна семья, Сережа!.. Разсказывай же!.. Осмотрѣлся ли ты здѣсь? нравится ли тебѣ? Взгляни сюда.

Онъ взялъ свѣчу и пошелъ за драпировку.

— А, умница Иванъ: твое ложе ужъ устроено. Взгляни, Сережа, хорошо ли тебѣ будетъ?

— Хорошо. Изъ чего ты хлопочешь?

— Помилуй, душа моя! ты прямо съ дороги, да еще изъ деревни. Я думаю, то-то изнѣжился въ цѣлое лѣто!

— Не очень. Спалъ я дѣйствительно много. А ты скоро привыкъ къ довольству, къ беззаботной жизни?

— То есть, какъ, къ довольству? вѣрнѣе, къ порядку, сказалъ Владиміръ:—довольства не очень много, а заботъ у меня вдесятеро болѣе. Ты удивляешься, что я такъ мило устроился? Я нашелъ все это уже готовымъ, какъ сюда пріѣхалъ; судя потому, что, мнѣ давалъ отецъ, я зналъ, что эти бронзы эта мебель не по его средствамъ и попросилъ сказать мнѣ, откуда все. Дѣлать долги онъ терпѣть не можетъ; открылось, что онъ «сводилъ экономію». Сестра Сонечка занималась тѣмъ же съ своей стороны, да еще цѣлый годъ вышивала подушки, на которыхъ мы лежимъ теперь...

— Нельзя же и не сдѣлать для тебя, когда ты вышелъ...

— Славою семейства? Какъ же, и все такія бываютъ славы! А какъ я подумалъ, что если стану, какъ въ блаженное время, тратить въ мѣсяцъ то, что отецъ даетъ на полгода, то это будетъ... несовсѣмъ деликатно, и унялся. Иногда невесело, да что-жъ дѣлать! по крайней мѣрѣ не такъ совѣстно.

— Я не зналъ, что у тебя такая твердая воля: это—достоинство.

— Какая тутъ твердая воля? Просто, здравый смыслъ. Если я буду тратить больше своего жалованья, или даже все свое жалованье, я поставлю отца въ затрудненіе, а Соня должна будетъ сидѣть дома и ужъ не думать повеселиться. За что-жъ ей скучать?

— Такъ ты берешь скуку на себя?

— Знаешь, я разсчелъ, отвѣчалъ Владиміръ:—что немножко поудержать себя не мѣшаетъ: лучше дѣло дѣлаешь, а то, сегодня, завтра, всякій день какія нибудь удовольствія... Ты меня знаешь—со мной тогда кончено! Я остановлюсь только, когда въ карманѣ не останется ничего.

— Но здѣсь, при отцѣ, всегда что нибудь найдется въ карманѣ.

— Тѣмъ-то и хуже: я никогда не остановлюсь; что-жъ изъ меня будетъ? Совѣстно!

Сергѣй Павловичъ былъ погруженъ въ размышленіе.

— Понимаю, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія:—ты боишься растратить да-

ромъ свои способности, дорожишь временемъ и внутреннимъ жаромъ, который еще заставляетъ тебя трудиться. Конечно, тебя многіе не поймутъ. Одни припишутъ это честолюбію, другіе—школьному педантству, третьи—жаждѣ блага для человѣчества, а никто не отгадаетъ, что ты бѣдная душа, которая торопится сдѣлать что нибудь, предчувствуя, что недолго будетъ въ силахъ дѣлать... Это грустно, однако; мнѣ жаль тебя, Владиміръ!

— Не понимаю, чего ты жалѣешь и что тебѣ вздумалось выдумать для меня такое интересное страданіе. Я, просто, лѣнивецъ, и сажаю себя за дѣло, чтобъ не дать себѣ хуже облѣниться. Безъ исполненія вся эта «жажда блага, любовь къ труду» только фразерство, опошленное и смѣшное...

— Что ты говоришь? Ты ли это говоришь, Владиміръ?

— А что-жъ? Я даже рѣдко повторяю эти слова съ самаго выпуска, и то съ очень немногими: я замѣтилъ, что надъ этими словами смѣются, и часто по-дѣломъ. Чтобъ не быть смѣшнымъ, я сталъ молчать; чтобъ не быть виноватымъ, стараюсь не лѣниться. Знаешь ли... Кстати ужъ, когда мы начали философствовать, знаешь ли, и сила и охота тратятся на слова. Наговорился—какъ будто наработался, и усталъ, и, кажется, нечего больше приниматься за дѣло: оно кончено... А у этого дѣла остается еще столько нетронутыхъ, мелкихъ и такихъ прозаическихъ подробностей!.. Какъ, напримѣръ, назвать высокимъ слогомъ «исходящую»?

— Полно! Отъ подшучиванья надъ дѣломъ недалеко до осмѣянія дѣла.

— Напротивъ, такой шуткой, какъ, напримѣръ, теперь моя — не осмѣешь дѣла, а приблизишься къ нему, сдѣлаешь изъ него вещь житейскую, должную, порядочную, не фразу, какъ о немъ говорятъ одни, не грязь, какъ его воображаютъ другіе... Но довольно, Сережа: я не могу больше толковать — отвыкъ, это скучно.

— Какъ ты перемѣнился!

— Сережа, некогда! Хорошо открыть кодексъ на досугѣ съ товарищами, а для упражненія воображать, что если случится такой-то казусъ, какъ его рѣшить; но когда этотъ казусъ явится къ тебѣ на цѣлыхъ листахъ прошеній кругомъ, или въ образѣ самыхъ просителей, тогда, право, не до фразы: было бы время заняться.

— Но ты долженъ же цѣнить людей?

— И цѣню ихъ вѣрнѣе на практикѣ, нежели цѣнилъ въ теоріи, и люблю ихъ не меньше, чѣмъ прежде любилъ; только всѣ эти радужные туманы опредѣленій, громкихъ словъ... Богъ съ ними! Все это было хорошо въ свое время, когда развивало, готовило голову и сердце; теперь головѣ и сердцу внушено, что нужно: они должны все помнить, но дѣйствовать должны, не толкуя много...

— И въ такое короткое время ты успѣлъ въ этомъ убѣдиться?

— Самъ увидишь, просидѣвъ утро въ палатѣ; самъ убѣдишься... Но довольно объ абстрактахъ, Сережа; разсказывай лучше подробно, какъ, что ты... Что ты дѣлалъ въ деревнѣ? Что такое твой дядя?

— Деревня — какой хуже во снѣ не приснится: кочка на болотѣ.

— Такъ ты цѣлый день шатался съ ружьемъ — счастливецъ!

— Во-первыхъ, я не умѣю стрѣлять, а во-вторыхъ, тамъ не достанешь пороху на вѣсъ золота.

— Котораго у тебя не было, милый мой Сережа!

— Изъ жителей этой Аркадіи ни одинъ не въ состояніи изобрѣсть пороха...

— Ни даже твой дядя!

— Богъ его знаетъ, дядю!.. Я такъ и уѣхалъ, не успѣвъ его опредѣлить.

— А что?

— Вѣдь ты прочелъ его письмо ко мнѣ? сказалъ Сергѣй Павловичъ, слегка краснѣя: — ты писалъ, что нашелъ его у меня въ квартирѣ: письмо, въ которомъ онъ звалъ меня къ себѣ?

— Ну да, извини. Это письмо у меня здѣсь; возьми его.

— Ну, и суди его по этому письму. Человѣкъ съ отсталыми понятіями; знаетъ понаслышкѣ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, и недоволенъ всякимъ прогрессомъ, хотя бы онъ его и не касался: его безпокоитъ, зачѣмъ другіе идутъ впередъ; затвердилъ два-три грубыхъ опроверженія и бьетъ ими по чемъ попало... поклонникъ удачи... медвѣдь, однимъ словомъ!

— Какъ же ты сказалъ, что не успѣлъ его опредѣлить? сказалъ Владиміръ, смѣясь. — Но съ тобой каковъ онъ былъ?.. Прости меня, Сережа, прибавилъ Владиміръ чрезъ минуту, замѣтя смущеніе Сергѣя Павловича, который затруднялся отвѣчать:—объ этихъ вещахъ, конечно, не разспрашиваютъ... Богъ съ нимъ, если онъ былъ нехорошъ! Ты сдѣлалъ свое дѣло—поскучалъ сколько слѣдовало—и довольно...

— Нѣтъ, знаешь, какъ тяжелы такіе лю-

ди, сказалъ Сергѣй Павловичъ, еще затрудняясь, но почему-то облегченный или ободренный словами своего друга: — эти люди могутъ съ ума свести, безъ преувеличенія. Цѣлый день безграмотные толки, намеки самые обидные, упреки... Можно потерять всякое терпѣніе! Какъ бы ни былъ виноватъ человѣкъ, но, наконецъ, если ни секунды не забываютъ его вины, онъ становится почти правъ: онъ страдаетъ...

— Охотно онъ отпустилъ тебя сюда?... Нѣтъ? Куда же онъ хотѣлъ тебя устроить?

— Оставить меня гнить на болотахъ!.. Знаешь, часто, особенно, когда ночи стали темнѣе, я, бывало, смотрю съ своего чердака—у меня и тамъ былъ чердакъ—какъ бѣгаютъ огоньки по болотамъ, и думаю...

— Злодѣй, онъ фантазировалъ! онъ скрипѣлъ перомъ на своемъ чердакѣ! вскричалъ Владиміръ, разсмѣявшись. — Сказывай, что ты настрочилъ: ямбы, новый intermezzo? Сказывай, влюбленъ ты тамъ въ кого нибудь? Вѣдь не однѣ же цапли гуляли по болоту... Постой, въ письмѣ дяди говорится о какой-то кузинѣ, еще миленькое имя... Claudine... вспомнилъ! Она! что ли?

— Старая, безграмотная кухарка — вотъ тебѣ и кузина, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ, который такъ освоился съ мягкой кушеткой и прелестной группой на часахъ, блестѣвшей изъ-за зелени, что ему казалось обиднымъ предположеніе, будто онъ могъ влюбиться въ Клавдію Яковлевну.

— Можетъ ли быть что нибудь порядочное въ домѣ моего дяди? сказалъ онъ чрезъ минуту, ощутивъ что-то похожее на угрызеніе совѣсти и зная, что разгонитъ его раздраживъ себя именемъ дяди:—эта кузина—запуганная старая дѣва, которой единственное достоинство, что она не сплетница, и то можетъ быть, потому, что не умѣетъ и боится... Меня ужъ спрашивала о ней твоя сестра и... Кто эта m-me Поль?

— Она воспитывала нашу мать и осталась жить съ нею, когда та вышла замужъ. Умирая, мать ей поручила насъ. Сонѣ было три мѣсяца, мнѣ пять лѣтъ.

— Стало-быть, она всегда живетъ здѣсь? Я думалъ, это гостья.

— Чудесная женщина; ты ее узнаешь короче... Разсказывай, пожалуйста, о себѣ; мы остановились на интересномъ мѣстѣ: были ли у васъ сосѣдки?... Кстати, намъ несутъ ужинать.

Можетъ быть, еслибъ Владиміръ принималъ Сергѣя Павловича не въ этомъ красивомъ кабинетѣ, Сергѣй Павловичъ разсказалъ бы ему просто, какъ они были, свои лѣтнія приключенія и свое знакомство съ Алиной; но тутъ ему стало какъ-то неловко и стыдно изящныхъ подробностей, неизбѣжныхъ въ откровенномъ разсказѣ. Сергѣя Павловича смущалъ даже Иванъ, который смотрѣлъ такимъ порядочнымъ человѣкомъ, и потому въ его повѣствованіи домикъ Семена Астафьича Токунова, тѣсный и набитый дѣтьми, превратился чуть ли не въ барскій домъ съ каменными террасами, осиновая роща пополамъ съ орѣшникомъ—въ вѣковой, запущенный садъ. Семенъ Астафьевичъ сохранилъ свой сумрачный характеръ, но изъ него вышло что-то въ родѣ обманутаго честолюбца. Алина изъ уѣздной барышни сдѣлалась наивной манастыркой, Наташа—гордой и сосредоточенной ревнивицей. Сергѣй Павловичъ бойко импровизировалъ маленькій романъ, въ которомъ онъ самъ игралъ не послѣднюю роль. У его дяди оказалась отличная верховая лошадь, на которой Сергѣй Павловичъ могъ совершать свои поѣздки, потому что, послѣ всего разсказаннаго, невозможно было и помянуть о настоящихъ способахъ его переправы изъ Даниловки. Онъ описывалъ свои прогулки съ дѣвицами, свои чтенія съ ними и сказалъ, что однажды написалъ стихи къ Алинѣ.

Владиміръ смѣялся.

— Что-жъ, наконецъ, спросилъ онъ:—вы полюбили другъ друга?

— Я? нѣтъ. Но признаюсь въ своей глупости: мнѣ казалось, что она меня любила до тѣхъ поръ, пока она откровенно и мило написала мнѣ письмо, въ которомъ призналась, что любитъ другого. Я отдалъ ей назадъ это письмо. Мое самолюбіе, конечно... но, надо же имѣть характеръ! Ея отецъ не хотѣлъ слышать о ея привязанности... но, кажется, дѣло устроится. Мой «соперникъ» Перевицкій...

— Постой, прервалъ Владиміръ:—ты мнѣ напомнилъ эту фамилію. Какой-то Перевицкій, когда я только что вступилъ въ должность, мѣсяца два назадъ, являлся къ намъ въ палату брать свидѣтельство на залогъ имѣнія. Молодой человѣкъ. Такая непрезентабельная физіономія, что невольно ее запомнишь; чуть ли не юнкеръ въ отставкѣ...

— Нѣтъ, у того Перевицкаго большое состояніе. Славный малый; конечно, немного-широкая русская натура, но славный малый...

— Этотъ ужъ такая широкая натура... Продолжай, сдѣлай милость, я тебя прервалъ.

Но онъ ужъ спугнулъ вдохновеніе Сергѣя Павловича. Сергѣй Павловичъ не могъ надѣяться на безопасность своихъ фантазій, когда одно лицо изъ этихъ фантазій было уже такъ осязательно-извѣстно его другу, и обратился къ общимъ мѣстамъ, къ скукѣ жизни вообще, къ скукѣ въ деревнѣ въ особенности. Онъ ожесточился своими собственными словами, и потому не сказалъ ничего истинно-задушевнаго; въ его шуткахъ было больше злости, нежели веселости, такъ что Владиміръ, смѣясь, остановилъ его.

— Я всегда былъ противъ системы запирать людей, чтобъ исправить ихъ, сказалъ онъ:—а теперь возстаю еще больше; твой примѣръ меня поддерживаетъ: ты совсѣмъ озлился, Сережа. То ли ты былъ прежде?

— Прежде мнѣ всякій часъ не жужжали въ уши...

— Что бы ни жужжали? Всякій чѣмъ нибудь виноватъ или кажется виноватымъ...

— Такъ и я, по-твоему...

— Правъ въ настоящее время; но твой дядя, развѣ онъ въ наше время живетъ?.. Посмѣйся и прости.

— Тебѣ хорошо... возразилъ Сергѣй Павловичъ:—ты обезпеченъ, ты свободенъ, тебѣ есть чѣмъ доказать, что ты правъ, и заставить замолчать, когда тебѣ станутъ говорить...

— Во-первыхъ, мнѣ некого заставить молчать, возразилъ Владиміръ: — мнѣ не говорятъ ничего подобнаго, и въ этомъ, безъ спора, я счастливѣе тебя. Но обезпеченъ я такъ же, какъ ты, только тѣмъ, что̀ самъ захочу сдѣлать. Состояніе наше очень невелико. Я нисколько не свободнѣе тебя, даже меньше, и очень радъ моей зависимости. Ты знаешь, что я могъ служить не здѣсь, не на глазахъ у отца, который, хотя и вовсе не считаетъ меня ребенкомъ, да я самъ не могу забыть, что я передъ нимъ ребенокъ... Въ деревнѣ тебѣ было скучно; но и здѣсь скучно, когда подумаешь, что можно жить веселѣе...

— А! ты начинаешь раскаяваться, что не уѣхалъ въ Петербургъ!

— Нѣтъ; но я себя не обманываю, не говорю упрямо, что здѣсь веселѣе. Къ тому-жъ, мнѣ здѣсь съ каждымъ днемъ все больше нравится...

— Ты привыкаешь къ провинціи.

— Э, Сережа! что за отсталое понятіе, что за избитая фраза! Провинція, провинція! Порядочный кругъ въ провинціи нисколько не хуже круга въ столицѣ, только поменьше и потѣснѣе, не такъ блестящъ, зато не такъ и гордъ, также образованъ, говоритъ то же, читаетъ газеты недѣлею позже, но это еще не великое несчастье... Молодые люди есть здѣсь славные, умные, женщины прехорошенькія...

— Ты ужъ успѣлъ здѣсь влюбиться? прервалъ Сергѣй Павловичъ.

— Можетъ быть... Но знаешь ли, который часъ? Ты, я думаю, усталъ, такъ что себя не помнишь. Ляжемъ и уснемъ. Ахъ, Сережа, какъ я радъ, что ты здѣсь!..

II.

Было шесть часовъ, когда Сергѣй Павловичъ проснулся: его разбудилъ свѣтъ, блеснувшій сквозь красную драпировку. Сергѣй Павловичъ оглядывался, спросонка не узнавая комнаты; приподнявшись, онъ увидѣлъ въ раздвинутыя пòлы драпировки Владиміра, который зажигалъ свѣчу на письменномъ столѣ, подкатилъ кресло и открылъ портфель съ бумагами.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ Сергѣй Павловичъ.

— Ахъ, я тебя разбудилъ! Спи, пожалуйста. Надо немножко заняться.

— Будто ты не успѣешь днемъ?

— Некогда; въ восемь часовъ встанутъ: хочется и съ ними посидѣть, а въ десять надо быть въ палатѣ: такъ когда же прочесть дѣло? Спи, я задерну портьеру; въ полусвѣтѣ очень пріятно.

— Ты долго сидишь въ палатѣ? спросилъ Сергѣй Павловичъ, засыпая.

— До обѣда.

Сергѣй Павловичъ постарался встать пораньше, то есть, не позже девяти часовъ. Все семейство было въ гостиной. Владиміръ читалъ отцу газету. Сонечка хозяйничала за чайнымъ столомъ, Сергѣя Павловича встрѣтили какъ своего; ему самому было какъ-то свободнѣе; онъ уже немного обжился въ этомъ домѣ.

— Вы были нездоровы вчера? спросилъ онъ старика Займищева, когда тотъ подалъ ему руку.

— Ничего, отвѣчалъ Займищевъ: — прошло; это Владиміръ вообразилъ не знаю что. Вы какъ? хорошо ли отдохнули?

— Хорошій ли сонъ видѣли? спросила Сонечка, когда Сергѣй Павловичъ подошелъ къ ней. Садитесь здѣсь, подлѣ меня, если васъ не занимаетъ политика.

— Ты надѣешься найти себѣ товарища не слушать газетъ, сказала m-me Поль, которая слушала внимательно.

— Очень бы желала... А вы такой же охотникъ до политики, какъ братъ? продолжала Сонечка, обращаясь къ Сергѣю Павловичу.

— Если событія занимательны... Впрочемъ, современныя намъ событія должны всегда занимать насъ, каковы бы ни были. Человѣкъ, во-первыхъ, принадлежитъ всему міру, потомъ своему отечеству, своему обществу, своему кружку и, наконецъ, самому себѣ.

— Это очень возвышенно, отвѣчала Сонечка, немного оторопѣвъ отъ торжественности, съ которой были сказаны эти слова,— но... это такъ серьезно... Многое непонятно въ этихъ прекрасныхъ вещахъ.

— Можно постараться понять.

— Очень хорошо; но къ чему это послужитъ? Еслибъ, понимая, можно было что нибудь сдѣлать.

— Конечно, если вы будете задумывать сдѣлать что нибудь.

— А то, для чего же браться?

— Да если вы такъ честолюбивы... можно браться за «эти прекрасныя вещи» съ одной цѣлью: обогатить свое знаніе...

— Сергѣй Павлычъ, прервала она весело и немножко лукаво—выраженіе, которое онъ у нея уже замѣтилъ:—откуда берутся синіе чулки?

— Не знаю, отвѣчалъ онъ: — женщины должны лучше знать.

— Я для того и спросила, чтобъ сказать вамъ. Синіе чулки, вмѣсто того, чтобъ дѣлать свое дѣло въ своемъ кружкѣ, принимаются не во-время обогащать себя ненужными познаніями и запутываютъ себѣ голову — такъ ли?

— Вы рѣшаете неопровержимо.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Всѣ находятъ, что это смѣшно... Еслибъ я, напримѣръ... мнѣ семнадцать лѣтъ, еслибъ я, напримѣръ, вздумала привязаться къ политикѣ: какая и кому была бы польза отъ этого? А у меня есть и занятія, и обязанности... и просто, я хочу жить весело!

— Да, конечно, для свѣтской дѣвицы... сказалъ Сергѣй Павловичъ, довольно странно улыбнувшись.

— Вы шутите, продолжала она съ увлеченіемъ. — О, я говорю вовсе не объ удовольствіяхъ! Напримѣръ, въ прошломъ году — въ нынѣшнемъ, слава Богу, уже нѣтъ этихъ ужасовъ—въ прошломъ году я читала папенькѣ, какъ дрались въ Италіи и брали одинъ городъ... вы не повѣрите, я нѣсколько ночей не могла заснуть, а сколько я плакала!

— Живите покойно, сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Право? вы мнѣ разрѣшаете? спросила она, мило смѣясь и наливая ему чай.

— Конечно, вы такъ молоды, такъ чувствительны и... боитесь сдѣлаться педанткой...

— Нѣтъ, нынѣшніе нумера незанимательны, сказалъ Займищевъ громко, когда Владиміръ кончилъ читать.

— Немного новаго? спросилъ Сергѣй Павловичъ, быстро обращаясь къ нимъ.

— Да; вотъ, пробѣгите.

— И всего лучше, вскричалъ Владиміръ:— съ нынѣшняго дня сдамъ ему свою должность, онъ читаетъ славно, а на меня вы жалуетесь, что я все спѣшу. Газеты я еще оставлю за собой, но всѣ романы, повѣсти— Луиза Александровна, Соня — вотъ вамъ чтецъ и декламаторъ. А затѣмъ прощайте; я одѣваюсь и ѣду.

Онъ поцѣловалъ сестру и m-me Поль; отецъ протянулъ ему руку, сказавъ «спасибо», и черезъ минуту Сергѣй Павловичъ очутился опять одинъ среди этого семейства.

Между Займищевымъ и m-me Поль завязался разговоръ о новыхъ газетныхъ извѣстіяхъ. Сергѣй Павловичъ попросилъ газеты, отошелъ къ окну и погрузился въ чтеніе; это помогло ему занять время; но хотя онъ прочелъ оба нумера до объявленій включительно, времени прошло все-таки не болѣе часа. Выглядывая изъ-за длиннаго листа, онъ увидѣлъ, что Сонечка сѣла рисовать у другого окна, m-me Поль работала, а Займищевъ читалъ.

— Кончили? спросилъ онъ, примѣтя взглядъ Сергѣя Павловича:—вотъ хорошая статья, годится и для торговцевъ и для сельскихъ хозяевъ... Вы немножко присмотрѣлись къ сельскому хозяйству?

— Не очень любопытный предметъ, сказалъ Сергѣй Павловичъ,—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ я имѣлъ случай его наблюдать.

— Васъ не занимало? Правда, молодого человѣка это не можетъ привязать...

— Не только не привяжетъ, а оттолкнетъ отсталость понятій нашихъ помѣщиковъ.

— Да; но люди — одно, а занятія ихъ — другое.

— Но когда исполнители не видятъ цѣли своего дѣла и сами не знаютъ, къ чему идутъ, когда у нихъ въ головѣ одно желаніе нажиться, когда они боятся нововведеній, какъ китайцы...

— Что вы, мой милый! прервалъ Займищевъ: — благодареніе Богу, такихъ найдете вы нынче много-много десятокъ изъ сотни. Вамъ могли не понравиться деревенскія занятія, пожалуй, немножко не понравились и деревенскіе жители, они не слушали съ вами курса наукъ, но за что-жъ обвинять ихъ такъ грозно? Если люди по мѣрѣ своихъ силъ и понятій приносятъ пользу...

— Именно, по крайнему своему разумѣнію, замѣтилъ Сергѣй Павловичъ, улыбаясь.

— Пожалуй хоть и такъ, возразилъ Займищевъ, немного разгорячась отъ противорѣчія:— нельзя не отдать имъ справедливости; они трудятся и тѣмъ заслуживаютъ своего рода уваженіе. Вы и сами могли ошибаться, судя о нихъ: вѣдь вы только поверхностно понимаете ихъ дѣло?

— Можетъ быть, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ слегка покраснѣвъ: — я, конечно, не имѣю претензіи быть агрономомъ или помѣщикомъ, но составилъ себѣ о развитіи этихъ господъ нѣкоторыя убѣжденія, при которыхъ располагаю остаться.

— Не останетесь, увѣряю васъ, возразилъ Займищевъ: — это въ васъ молодость говоритъ, немножко необдуманный пылъ—извините меня, старика— а съ годами вы лучше оцѣните многое въ жизни.

— Не думаю, чтобъ мнѣ случилось многое перемѣнить въ моихъ понятіяхъ, сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Дай Богъ, если они уже теперь такъ основательны; но все-таки,—вспомните меня тогда,—вы отъ многихъ откажетесь.

Сергѣй Павловичъ не возражалъ, но старался выразить своимъ молчаніемъ совершенный протестъ противъ всего, что были намѣрены сказать ему.

Время тянулось въ разговорахъ, незанимательныхъ для Сергѣя Павловича, потому что они касались большею частью самихъ хозяевъ и ихъ знакомыхъ, хотя Сонечка предупредительно объясняла ему, въ чемъ дѣло, кто эти знакомые и свои отношенія къ нимъ. Сергѣй Павловичъ благодарилъ вѣжливо и холодно: онъ окончательно поставилъ себя въ оборонительное положеніе. Пріѣхали гости, какой-то пожилой господинъ, которому Займищевъ представилъ Сергѣя Павловича:

— Товарищъ Владиміра, пріѣхалъ къ намъ служить.

И хотя Займищевъ сказалъ затѣмъ, что хорошо, когда къ обществу прибавляется молодой человѣкъ, а гость потрясъ ему руку и пожелалъ успѣха, но Сергѣю Павловичу не понравилось представленіе. Онъ отвѣчалъ односложно, когда къ нему обращались съ разговоромъ, и замолчалъ совсѣмъ, сохраняя недовольный видъ, чтобъ не казаться сконфуженнымъ.

Пріѣхала молоденькая дама, должно быть, дружная съ Сонечкой, потому что онѣ поцѣловались и говорили вполголоса, не мѣшая разговору стариковъ. Сонечка вдругъ сказала:

— Ah, que je vous présente, m-r Каватѣевъ, un ami de mon frère.

Сергѣй Павловичъ хорошо понималъ, что ни Займищевъ, ни его дочь никогда не позволятъ себѣ ни одного намека постороннимъ о его положеніи, и потому былъ очень любезенъ и развязенъ съ молодой дамой. Онъ говорилъ и даже шутилъ довольно остроумно, но съ отъѣздомъ гостьи кончилось и его хорошее расположеніе духа, которое Сонечка искренно старалась поддержать, продолжая говорить съ нимъ. Сергѣй Павловичъ отвѣчалъ короткими выраженіями въ отрицательномъ и сомнѣвающемся тонѣ и странной, неопредѣленной улыбкой. Его могли понимать, какъ хотѣли: или онъ считалъ своихъ собесѣдницъ слишкомъ ограниченными, или слишкомъ взыскательными и многознающими и отказывался отъ разговора, какъ отъ экзамена, или, самъ и напоминая имъ, что онъ имъ «обязанъ», онъ не смѣлъ имѣть предъ ними своего сужденія. Наконецъ, онъ выбралъ минуту, ушелъ въ комнату Владиміра и, въ ожиданіи его возвращенія, улегся на диванѣ, перебирая журналы.

— Je trouve qu'il est insupportable! ce jeune homme, сказала m-me Поль Сонечкѣ, когда онѣ остались однѣ.

Владиміръ возвратился веселъ, какъ школьникъ. Сергѣй Павловичъ слышалъ изъ своего уединенія, какъ онъ пробѣжалъ черезъ залу, смѣясь и напѣвая: въ домѣ, довольно оживленномъ и безъ того, сдѣлалось почти шумно. Иванъ смѣялся, принося портфель Владиміра на его письменный столъ.

— Что случилось? спросилъ Сергѣй Павловичъ.

— Ничего; Владиміръ Михайлычъ всегда смѣшитъ чѣмъ нибудь.

— Чему ты радуешься? спросилъ Сергѣй Павловичъ у своего друга, который явился въ эту минуту, спрашивая переодѣться.

— Какъ же не радоваться? Присутствіе кончено, столъ накрытъ; дождь такъ и льетъ, а я дома... По-твоему, это неблагополучіе?

— Ты ребячишься.

— Чего-жъ тебѣ еще отъ меня хочется?

Я и такъ шесть часовъ сидѣлъ не улыбнувшись. Посмотрѣлъ бы ты на меня, сегодня было важное дѣло, вышелъ у насъ длинный толкъ, и я доказывалъ, спорилъ и убѣдилъ наконецъ... Вотъ ты услышишь, я разскажу отцу: это его тоже займетъ.

— А это очень занимательно?

— Очень. Тутъ все — и права, и страсти: есть что анализировать.

— Что-жъ это, современная драма? прервалъ Сергѣй Павловичъ, потому что Владиміръ увлекался еще подъ впечатлѣніемъ своего занятія. — И у васъ бываютъ такія исторіи?

— Гдѣ-жъ имъ быть, какъ не у насъ.

— Кто-жъ вчера проповѣдывалъ, что смѣшно восторгаться? еще какъ сказалъ: «фразерствовать»?...

— Ахъ, я съ тобой поссорюсь! Ну, я сказалъ: смѣшно фразерствовать отъ нечего дѣлать, но когда дѣло на лицо, трогаетъ за сердце, животрепещущее... Пойдемъ обѣдать; когда я усталъ и голоденъ, я сердитъ.

Обѣдъ шелъ весело. Сергѣй Павловичъ видѣлъ, что всѣхъ оживляла веселость Владиміра, который съ восхищеніемъ разсказалъ отцу, какъ ему удалось объяснить и рѣшить серьезное дѣло и отстоять свое мнѣніе. Старикъ Займищевъ слушалъ еще съ большимъ удовольствіемъ, и шутя сказалъ, что онъ герой этого дня.

— За то герою всѣ въ глаза глядятъ, замѣтилъ Сергѣй Павловичъ.

За этой шуткой случился минутный промежутокъ молчанія, всегда нѣсколько неловкій для того, кто сказалъ шутку.

— Ты куришь? спросилъ Владиміръ у Сергѣя Павловича, вставая изъ-за стола.

— А ты?

— Нѣтъ, бросилъ: отецъ не любитъ. Пойдемъ къ намъ.

— Пожалуйста ненадолго, Володя, вскричала Сонечка.

Въ комнатѣ Владиміра Сергѣй Павловичъ бросился на мѣсто, которое ему понравилось, на диванѣ, и досталъ папиросы.

— Тебѣ надо будетъ съѣздить къ нашему предсѣдателю, Сережа, сказалъ Владиміръ, прибирая на своемъ письменномъ столѣ: — я говорилъ ему о тебѣ.

— Такъ надо еще прежде поклониться?

— Надо ему показаться: онъ долженъ же знать хоть въ лицо своихъ чиновниковъ.

— Да вѣдь меня онъ нисколько не знаетъ, сказалъ Сергѣй Павловичъ, выражая свое согласіе очень отрицательнымъ тономъ. — Какимъ же мѣстомъ вы меня наградите?

— Покуда очень невеликимъ, душа моя; дѣлать нечего: во-первыхъ, лучше нѣтъ, а во-вторыхъ...

— Когда нѣтъ, то нечего больше и говорить. Еслибъ я зналъ... По твоему письму я разсчитывалъ, что ты выбралъ для меня что нибудь порядочное.

— Выбирать нельзя, Сережа; надо прежде занять вакансію; современемъ, конечно...

— Да, современемъ: современемъ можно, пожалуй, и министромъ быть.

Сергѣй Павловичъ засмѣялся.

— Повѣрь, Сережа, сказалъ Владиміръ, послѣ минутнаго молчанія: — что еслибъ возможно было, я досталъ бы тебѣ лучше. Но у нашего предсѣдателя правило: не давать тотчасъ должностей повыше лицамъ, которыхъ онъ еще не успѣлъ узнать...

— Новичкамъ.

— Да. Этого, вообще, не любятъ товарищи, а то за это они начинаютъ не любить и самихъ новичковъ.

— Ты подумалъ и объ этомъ? сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Оно довольно основательно. Согласись самъ, суди, какъ посторонній: прежде нежели мы поручимъ что нибудь человѣку, надо же узнать его способности...

Сергѣй Павловичъ расхохотался еще громче.

— Право, подумаешь, что дѣло идетъ по крайней мѣрѣ о министерскомъ портфелѣ! Успокойся, мой другъ, я удовольствуюсь и скромной обязанностью писаря. Вѣдь это, конечно, все, что я могу ожидать отъ твоего предсѣдателя?

— Конечно, все, отвѣчалъ Владиміръ, покраснѣвъ: — пока можно будетъ представить тебя къ мѣсту повыше. Ты самъ знаешь, почему теперь этого нельзя.

Оба замолчали.

— О, какъ крута лѣстница честолюбія! сказалъ наконецъ Сергѣй Павловичъ, прерывая это довольно неловкое молчаніе: — а я еще на самой нижней ступени!.. гдѣ!.. еще только заношу ногу на эту ступеньку...

— Неужели ты думаешь, Сережа, что мнѣ не тяжело за тебя? спросилъ Владиміръ, садясь подлѣ него и дружески взявъ его руку. — Не унывай и, сдѣлай милость, не сердись на меня. Я понимаю, что въ твоемъ положеніи все раздражаетъ, но имѣй терпѣніе. Все-таки мы вмѣстѣ; въ палатѣ будетъ скучно, за то здѣсь хорошо.

— Спасибо, сказалъ Сергѣй Павловичъ, тихо пожавъ ему руку.

— Ну, ужъ заодно, Сережа, я хотѣлъ те-

бя спросить—извини... Твой дядя не очень щедро тебя отпустилъ—да? Пожалуйста, не церемонься со мной, помнишь, какъ въ старые годы?.. Тебѣ можетъ случиться нужно что нибудь, ты захочешь повеселиться... вѣдь я тебя знаю, Сережа, мы съ тобой не первый день вмѣстѣ. Помнишь, какъ, бывало, веселились?.. Возьми деньги у меня; послѣ сочтемся.

— Полно, сдѣлай милость! прервалъ Сергѣй Павловичъ.

— Сережа, ты меня обидишь, если откажешься. Помнишь, мы, бывало, послѣднимъ дѣлились, не считались; а тутъ ты не хочешь принять отъ меня услуги на время, и какой же услуги, такой, которую, можетъ быть, примешь отъ постороннихъ. Возьми, я тебѣ говорю; сочтемся.

— А твой отецъ?

— Какое же дѣло до этого отцу? Онъ ни въ чемъ и никогда не спрашивалъ у меня отчета; я откровененъ съ нимъ, потому что самъ этого хочу, но мои денежные счеты съ моимъ другомъ и... подчиненнымъ... Возьми, душа моя, прибавилъ онъ, смѣясь:—избавь меня отъ искушенія мотать; ты окажешь мнѣ услугу больше, нежели думаешь.

— Если такъ, сказалъ Сергѣй Павловичъ:—признаюсь, обязываться не тебѣ, а кому нибудь другому...

— Ты даже мнѣ не обязываешься, Сережа: ты дѣлалъ для меня и больше этого.

Сонечка позвала брата, который былъ очень доволенъ, что прервали его объясненіе. Сергѣй Павловичъ остался одинъ, сосчиталъ деньги, оставленныя Владиміромъ, и спряталъ ихъ въ свой бумажникъ. Его сначала взволновало что-то, но потомъ онъ легко понялъ справедливость увѣреній и просьбъ своего друга и совершенно успокоился.

III.

Прошло недѣли двѣ. Сергѣй Павловичъ началъ привыкать къ своему образу жизни, хотя этотъ образъ жизни несовсѣмъ ему нравился. Утромъ Владиміръ, который спалъ Богъ знаетъ когда, будилъ его безъ церемоній, шалилъ какъ мальчишка, торопилъ одѣваться и завтракать и увозилъ съ собою въ палату. Сердиться на него не было возможности, потому что все это дѣлалось весело, но слишкомъ безпокоило Сергѣя Павловича съ самаго начала дня, и переходъ отъ смѣха къ чинному безмолвію палаты былъ слишкомъ рѣзокъ. Въ палатѣ онъ не видѣлъ Владиміра, или видѣлъ изрѣдка, когда тотъ, тихо и вѣжливо, но серьезно выходилъ изъ своей залы, съ какимъ нибудь приказаніемъ, въ залу, гдѣ занимался Сергѣй Павловичъ. Сергѣй Павловичъ не узнавалъ своего друга: Владиміръ такъ свободно и вмѣстѣ такъ пріятно начальствовалъ, что его уважали всѣ молодые люди и старики. Сергѣй Павловичъ еще никогда не зналъ надъ собою начальства и никакъ не могъ благоговѣть предъ своимъ пріятелемъ. Онъ ему сказалъ это дома; Владиміръ расхохотался и отвѣчалъ, что и не приглашаетъ его благоговѣть; на другой же день, въ палатѣ, подойдя къ его столу и подавая столоначальнику нѣсколько длинныхъ бумагъ, сказалъ съ своимъ обыкновеннымъ спокойствіемъ: «Это нужно переписать поскорѣе; отдайте Каватѣеву». Сергѣй Павловичъ взглянулъ на своего друга; но другъ какъ будто не понялъ его взгляда и заговорилъ съ нимъ объ этихъ бумагахъ, объясняя, что было нужно, и называя его вы. Сергѣй Павловичъ очень усталъ за этой работой; онъ уже началъ привыкать переписывать не болѣе одной бумаги въ присутствіе, а тутъ его даже два раза торопили. Онъ, конечно, былъ очень не въ духѣ, возвращаясь домой, и дожидался, что Владиміръ попроситъ у него извиненія; но Владиміръ былъ занятъ и озабоченъ, засѣлъ за дѣла тотчасъ послѣ обѣда, предоставивъ Сергѣю Павловичу заниматься съ его семействомъ, пришелъ только къ чаю и наконецъ уѣхалъ на балъ. Сергѣй Павловичъ былъ просто обиженъ. Займищевъ сказалъ, по отъѣздѣ сына, что Владиміръ заработался и хорошо сдѣлалъ, что вздумалъ повеселиться. Сергѣй Павловичъ подумалъ, что не мѣшало бы предложить и ему сдѣлать то же.

Онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ свободнымъ временемъ, котораго у него оставалось слишкомъ много. Онъ могъ бы, конечно, отправляться вмѣстѣ съ Владиміромъ, когда тотъ ѣздилъ иногда въ вечернее присутствіе; но сказалъ Владиміру разъ навсегда, что для него довольно одного пріема службы въ сутки. Владиміръ читалъ по вечерамъ, но это чтеніе и разговоры, которые оно вызывало, показались Сергѣю Павловичу слишкомъ серьезными и, слѣдовательно, еще болѣе утомляли, а не развлекали послѣ дѣловыхъ занятій; онъ отказался отъ этого «размѣна мыслей», напоминавшихъ, какъ сказалъ онъ, школьную скамейку. По просьбѣ Сонечки, онъ прочелъ ей и m-me Поль какой-то романъ, не выражая

своего мнѣнія, хотя его и спрашивали и хотя онъ зналъ, что оно совершенно согласно съ мнѣніемъ слушательницъ. Онъ читалъ неохотно; ему казалось, что Владиміръ предложилъ ему это занятіе, какъ обязанность, и потому, принявъ ее, онъ выказывалъ нѣкоторую снисходительность и требовалъ вниманія; если m-me Поль или Сонечка выходила изъ комнаты, онъ дожидался не говоря ни слова, съ выраженіемъ нетерпѣнія, прощающаго все, даже потерю времени; если одна изъ слушательницъ прерывала его, спрашивая другую о чемъ нибудь постороннемъ, необходимомъ въ эту минуту—о цвѣтѣ шерсти, о ножницахъ, непопадавшихся на глаза—Сергѣй Павловичъ тотчасъ умолкалъ и не возобновлялъ чтенія, пока его не просили продолжать.

M-me Поль рѣшила съ перваго дня, что онъ несносенъ. Старушка была добра, но живого характера, деликатна въ высшей степени, но врагъ всѣхъ странныхъ тонкостей, только запутывающихъ истинное чувство. Понимая лучше, нежели кто нибудь, положеніе бѣднаго молодого человѣка въ чужомъ домѣ, она видѣла, что въ этомъ положеніи одно спасеніе—совершенная довѣренность, безъ ложнаго стыда, безъ неумѣстной щекотливости, полный отвѣтъ дружбы на дружбу. Не смотря на непріятное впечатлѣніе, которое произвелъ на нее Сергѣй Павловичъ, m-me Поль продолжала быть добра и внимательна, заговаривала съ нимъ, чтобъ его развлечь, разспрашивала, чтобъ ободрить его. Послѣднее, впрочемъ, было уже нисколько не нужно: Сергѣй Павловичъ совершенно обжился и ободрился; общая предупредительность въ два-три первые дня убѣдила его, что онъ «дома», какъ сказалъ Займищевъ, встрѣчая его, что онъ не только не въ тягость, но желанный гость и другъ, что онъ необходимъ для этихъ людей; иначе, для чего бы они стали ухаживать за нимъ? При этомъ полномъ и отрадномъ убѣжденіи, натурально, для Сергѣя Павловича были странны и забавны ободрительныя шутки и разсказы m-me Поль. Минутами они казались ему оскорбительными, и онъ извинялъ ихъ только мыслью, что старуха, весь вѣкъ проживъ наемницей и въ зависимости, не могла выучиться понимать вещи возвышеннѣе и благороднѣе. Она внушала ему состраданіе, но чаще казалась смѣшна, и при взглядѣ на нее Сергѣй Павловичъ никогда не могъ удержаться отъ улыбки, которую усвоилъ себѣ съ первой минуты своей новой жизни. Онъ позволилъ себѣ однажды пошутить предъ Владиміромъ надъ старушкой. Владиміръ не улыбнулся, но промолчалъ, поставивъ себѣ правиломъ не говорить ничего, когда не могъ сказать всего, а для Сергѣя Павловича было бы не очень пріятно выслушать все, что другъ его почувствовалъ при этой шуткѣ. Сергѣй Павловичъ принялъ молчаніе за согласіе, подумавъ, между прочимъ, что еслибъ мнѣніе Владиміра и было несходно съ его мнѣніемъ, то ему нѣтъ до этого никакого дѣла.

Сонечка была веселая дѣвочка; но довольно тихая жизнь, примѣръ брата, привычки отца сдѣлали, что она любила заниматься, читать, разсуждала охотно, хотя все это дѣлалось у нея живо и легко, какъ у брата, и она такъ же, какъ онъ, не терпѣла принужденія, неоткровенности, которыя тотчасъ наводили на нее скуку. Стараясь, въ свою очередь подружиться съ Сергѣемъ Павловичемъ, который показался ей человѣкомъ серьезнымъ, она сначала выбирала, чтобъ занять его и конфузясь сама, серьезные предметы, ей понятные. Сергѣй Павловичъ улыбался, рѣшивъ, что она педантка; она обрадовалась, что онъ смѣется, бросила серьезные толки и дала волю своей веселости; онъ рѣшилъ, что она фразерка, безъ всякаго твердаго убѣжденія. Онъ началъ ее конфузитьсвоимъ холодно-снисходительнымъ тономъ.

Сонечка недурно рисовала; но Сергѣй Павловичъ съ такимъ сомнѣніемъ смотрѣлъ на ея занятія, что ей стало неловко рисовать при немъ. Если она въ какой нибудь бездѣлицѣ спрашивала его совѣта, онъ отвѣчалъ ей, но ясно выражалъ улыбкой, что знаетъ мнѣніе этой дѣвицы о себѣ и не безпокоится, каково бы оно ни было, что онъ не надѣется быть понятымъ, увѣренъ, что она не послушаетъ его совѣта, хотя бы и поняла его, и видитъ, что она ничего не сдѣлаетъ, хотя бы и послушала, потому что не за свое берется, въ случаѣ неудачи обвинитъ его и останется довольна собою; но все-таки онъ отвѣчалъ ей, потому что обязанъ и потому что она помнитъ, какъ онъ обязанъ.

Сонечкѣ стало съ нимъ скучно и къ концу двухъ недѣль знакомства ихъ разговоры сдѣлались такъ неловки и тяжелы для нея, что она стала по возможности избѣгать ихъ, чтобъ не дойти до размолвки, на которую была готова по живости своего характера.

На другой день бала, которому такъ завидовалъ Сергѣй Павловичъ, Владиміръ былъ необыкновенно оживленъ и не столько въ веселомъ, сколько въ мечтательномъ расположеніи духа. Проснувшись поздно, онъ ра-

довался, что день праздничный, и потому можно не ѣхать въ должность.

— Неужели, еслибъ не праздникъ, ты бы поѣхалъ? спросилъ Сергѣй Павловичъ.

— Непремѣнно.

— Что за формалистъ!

— Служака, сказалъ Владиміръ.

— Ты сбираешься достигнуть чего нибудь, что ли?

— Нечего достигать!... отвѣчатъ онъ какъ-то печально среди своей веселости и прибавилъ чрезъ минуту:—ты что дѣлалъ вчера, Сережа!

— Что-жъ мнѣ дѣлать? ничего.

— Не скучалъ?

— Читалъ здѣсь, на диванѣ.

— Былъ ли кто нибудь у Сони?

— Не знаю.

— Мнѣ вчера показалось, будто вы за что-то не поладили съ Соней?

— Кто? я?

— Да, ты. Вы что-то такъ церемонны...

— Помилуй, за что-жъ мнѣ не ладить съ твоей сестрой? Ей, можетъ, не нравится мое общество; она, какъ женщина, можетъ это выказывать, но я перемѣнить себя не могу и держусь, какъ умѣю.

— Что такое?...

— Ничего. Ей скучно говорить со мною— это очень понятно; и я не требую, чтобъ она была любезнѣе, такъ же какъ и она можетъ быть покойна, что я не стану наскучать ей.

— Хочешь поѣхать куда нибудь со мною сегодня? спросилъ Владиміръ, помолчавъ немного: — ты видѣлъ у меня всѣхъ здѣшнихъ молодыхъ людей; не хочешь ли познакомиться?

— Что я буду дѣлать съ ними? сказалъ Сергѣй Павловичъ. — Впрочемъ, пожалуй, поѣдемъ.

Владиміръ пошелъ къ сестрѣ; она стала разспрашивать его о балѣ, но онъ прервалъ ее.

— Послушай, Соня, покуда мы одни. Я хотѣлъ тебя спросить, извини... За что ты какъ-то неласкова съ Сергѣемъ? что онъ тебѣ сдѣлалъ? Это нехорошо, душа моя. Ты понимаешь, что ему и безъ того неловко—говоря между нами — стало быть, самое маленькое невниманіе огорчаетъ его, почти обижаетъ. Не знаю, что можетъ тебѣ въ немъ не нравиться, но онъ ничѣмъ не хуже другихъ, съ которыми ты любезна и привѣтлива; ты могла бы, наконецъ, заставить себя быть привѣтливѣе, зная, какъ ты можешь огорчить... Если это съ твоей стороны капризъ, то онъ вовсе некстати и не дѣлаетъ чести твоему уму — извини меня...

— Что ты, Володя! прервала Сонечка: — ты прежде посмотри, а потомъ и брани меня. Ты весь вечеръ или занятъ, или уѣзжаешь, или сидишь съ отцомъ, и не видишь, что дѣлается. Сергѣй Павловичъ несносно держится со мною. Я не знаю, съ чего начать говорить съ нимъ; онъ такъ странно смотритъ, что я начинаю его бояться... Не знаю, что это: манера его, или характеръ; во всякомъ случаѣ это вовсе непріятно.

Владиміръ задумался.

— Кажется, ты меня хорошо знаешь, Володя, продолжала она: — могу ли я быть — Боже сохрани—неделикатна? Но, признаюсь тебѣ, мнѣ съ нимъ очень неловко и очень скучно, а это не моя вина. Онъ со мной говорить не хочетъ.

M-me Поль вошла. Привыкнувъ быть откровеннымъ съ нею, какъ съ родной, Владиміръ пересказалъ ей свой выговоръ сестрѣ. Старушка разсмѣялась.

— Соня права, мой милый, сказала она:— твой пріятель пресмѣшно и пренесносно держится. Со мной онъ даже, просто, неучтивъ. Все это недостатокъ образованія. Ты хорошо сдѣлалъ, вздумавъ познакомить его съ кѣмъ нибудь: пусть онъ посмотритъ, какъ живутъ въ обществѣ; тогда, если онъ не совсѣмъ глупъ, онъ пойметъ, что здѣсь ему прощаютъ больше, нежели онъ заслуживаетъ. Еще не бѣда, если онъ дичится отъ неловкости; но если это происходитъ отъ дурного сердца... Впрочемъ, ты лучше знаешь его сердце; тебѣ, можетъ быть, и пріятно съ нимъ.

Владиміръ не возражалъ. Сергѣй Павловичъ уже прежде сказалъ ему, что онъ слишкомъ покоряется «вліянію женщинъ», замѣтивъ, что Владиміръ часто и, въ чемъ могъ, старался сдѣлать удовольствіе Сонечкѣ и m-me Поль. Разговоръ съ ними навелъ на него непріятное расположеніе духа и заставилъ его оглянуться, что въ эти двѣ недѣли между нимъ и его другомъ не было ни одного задушевнаго разговора, что Сергѣй Павловичъ не вспоминалъ о своемъ прошедшемъ, и что шутки и толки о постороннемъ не сближали ихъ, а, напротивъ, производили какую-то отдаляющую пустоту...

Было уже время ѣхать съ визитами. Владиміръ засталъ Сергѣя Павловича за туалетомъ, о которомъ онъ особенно и довольно прихотливо заботился. Дѣлаясь свѣтскимъ человѣкомъ, Сергѣй Павловичъ во-

ображалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ отъ рожденія и разсудилъ, что Владиміръ былъ обязанъ познакомить его въ обществѣ, и еслибъ не сдѣлалъ этого, то былъ бы виноватъ.

— Поѣдемъ мы къ которымъ нибудь изъ здѣшнихъ дамъ? спросилъ Сергѣй Павловичъ:—натурально, къ молодымъ; скучныхъ знакомствъ я не хочу.

— Поѣдемъ.

— Есть здѣсь хорошенькія? Ты нѣсколько разъ называлъ какую-то Остенскую.

— Поѣдемъ и къ ней, отвѣчалъ Владиміръ, отвернувшись, потому что покраснѣлъ.

— Ты часто у нея бываешь? Что это, въ самомъ дѣлѣ, ловкая, образованная женщина? Особенно хороша собой?

— Нѣтъ, многія лучше ея.

— Но милѣе ея нѣтъ, и ты въ нее влюбленъ? вскричалъ Сергѣй Павловичъ, разсмѣявшись, какъ человѣкъ не только поживиій, но даже отжившій.

— Ошибаешься, отвѣчалъ Владиміръ, покраснѣвъ еще сильнѣе и уходя, чтобъ избавиться отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Они отправились дѣлать визиты. Владиміръ былъ не въ духѣ; Сергѣй Павловичъ совершенно увѣренъ въ себѣ. Нисколько не затруднительно показаться въ обществѣ, гдѣ мы равны по образованію; затрудненіе приходитъ потомъ, позже, когда надо поставить себя въ этомъ обществѣ, когда оно разглядитъ насъ и, отдавая или не отдавая намъ справедливость, станетъ оспоривать у насъ то мѣсто, которое мы захотимъ занять въ немъ. Сергѣй Павловичъ былъ недуренъ собою и неглупъ, держался ловко, развязно и нѣсколько гордо; онъ съ перваго взгляда если не нравился, то производилъ впечатлѣніе неопредѣленное, по которому рѣдко кто тотчасъ рѣшается не сближаться. Онъ умѣлъ показаться какъ-то загадочно и придать себѣ очень много важности. Владиміра спросили о состояніи его пріятеля. Дорогой онъ сказалъ Сергѣю Павловичу объ этомъ вопросѣ.

— Что-жъ ты отвѣчалъ? спросилъ Сергѣй Павловичъ, оживленный своимъ успѣхомъ въ свѣтѣ.

— Я сказалъ, что у тебя, кажется, ничего нѣтъ, но что у твоего дяди есть состояніе, велико ли—не знаю... Я, въ самомъ дѣлѣ, этого не знаю.

— Хорошо сдѣлалъ, что хоть такъ сказалъ. Пусть считаютъ за мной хоть тысячи душъ, это ничему не мѣшаетъ.

— Очень многому мѣшаетъ, возразилъ Владиміръ.

— Чему, напримѣръ?.. Что-жъ, продолжай. У тебя смѣшная манера, я начинаю замѣчать: ты любишь читать мораль, но всегда начнешь и не кончишь... Вотъ, наконецъ, и восхитительная m-me Остенская! сказалъ Сергѣй Павловичъ, когда они остановились у ея дома: — она вдова?

— Ты сейчасъ увидишь ея мужа.

Остенскіе, мужъ и жена, были оба молоды, женаты не болѣе пяти лѣтъ, жили прекрасно для общества и душа въ душу дома. Владиміра встрѣтили, какъ коротко знакомаго; Сергѣй Павловичъ, замѣтя эту короткость, позволилъ себѣ быть нецеремоннѣе и, въ качествѣ пріятеля, слегка шутилъ, выбирая предметомъ шутокъ небольшую разсѣянность и задумчивость Владиміра и жалѣя, что не могъ видѣть его вчера на балѣ, гдѣ Владиміру было такъ весело, какъ онъ и не ожидалъ отъ такого серьезнаго человѣка. Онъ былъ въ особенности любезенъ съ хозяйкой, выказывая въ разговорѣ наблюдательность и немножко сатирическое направленіе, какъ будто желая дать понять, что тотъ, кто не другъ ему, можетъ его бояться. Сергѣй Павловичъ не зналъ, что женщины перестали бояться тѣхъ, кто съ перваго раза выказывается такимъ образомъ, а, напротивъ, смѣются надъ ними. M-me Остенская, однако, остереглась сдѣлать его окончательно смѣшнымъ и не вызывала шуткой или противорѣчіями на новыя выходки; она только выслушивала, улыбаясь, что Сергѣй Павловичъ принялъ за замѣшательство. Прощаясь, Остенскій спросилъ Владиміра, будетъ ли онъ у нихъ вечеромъ, а Сергѣй Павловичъ смотрѣлъ на молодую женщину, ожидая приглашенія отъ нея, какъ будто по какому нибудь праву уже имѣлъ притязаніе на ея особенное расположеніе; его пригласили, но не она, а мужъ ея.

— Отсюда, я думаю, мы домой? сказалъ Сергѣй Павловичъ Владиміру, садясь въ экипажъ.

— Ты усталъ? спросилъ Владиміръ разсѣянно и скучно.

— Нѣтъ; но тебѣ надо отдохнуть отъ послѣдняго впечатлѣнія. Остенская, однако, вовсе нехороша.

— Я говорилъ, что она не красавица.

— И не особенно умна. Что тебѣ въ ней нравится?

— Если она тебѣ не нравится, можешь оставить это мнѣніе для себя.

— Какъ влюбленные забавны! Извини, мой милый... За что ты сердишься?

— И не думаю.

— Ну, полно смотрѣть въ сторону, будь откровененъ... Чего ты тутъ добиваешься?

— Оставь меня въ покоѣ! вскричалъ Владиміръ, вспыливъ, потому что тонъ пріятеля теперь и во время визита у Остенскихъ выводилъ его изъ себя. — Я смѣшонъ, у меня глупый вкусъ, но это до тебя нисколько не касается.

— Я не зналъ, что тебя иногда такія мухи кусаютъ, сказалъ Сергѣй Павловичъ и, отвернувшись, сталъ напѣвать какую-то итальянскую арію.

Молодые люди явились домой въ размолвкѣ. Помня свой разговоръ съ братомъ, Сонечка разспрашивала Сергѣя Павловича о его визитахъ. Сергѣй Павловичъ, чувствуя себя еще болѣе независимымъ отъ сближенія съ обществомъ, которое его приняло хорошо, находя еще болѣе необходимымъ поддержать свое достоинство съ тѣхъ поръ, какъ повздорилъ съ Владиміромъ, въ разсказѣ своемъ Сонечкѣ выражался, правда, осторожно и умѣренно, но говорилъ такимъ тономъ, что все это «хорошіе люди», что становилось жалко этихъ хорошихъ людей; почти не оставалось надежды, чтобъ кто нибудь могъ ему понравиться.

— Развѣ вамъ они кажутся дурными? спросилъ старикъ Займищевъ, вслушиваясь.

— Я не люблю слишкомъ вѣрить хорошей сторонѣ, чтобъ не разочаровываться потомъ, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ: — ничего нѣтъ смѣшнѣе разочарованной фигуры, и по-дѣломъ: самъ напрашивался. Нельзя, по здравому смыслу, пожалѣть такого человѣка.

— Милый мой, какъ вы стали осторожны! сказалъ Займищевъ.

— Меньше надѣлаю глупостей.

— За то рискуете надѣлать несправедливостей, оттолкнуть отъ себя людей, стоющихъ уваженія.

— Такихъ людей не оттолкнешь.

— За что же имъ быть терпѣливѣе васъ и снисходительнѣе къ вамъ, нежели вы къ нимъ?

— Я не прошу ничьего снисхожденія; я держу себя такъ, что стою уваженія и друга, и врага; а тамъ, какъ они хотятъ!

— Мы не о томъ говоримъ. Вы не вѣрите въ добро въ людяхъ и этимъ можете отнять у многихъ, даже хорошихъ людей, охоту имѣть съ вами дѣло.

— Постараюсь обойтись безъ нихъ, возразилъ Сергѣй Павловичъ, очень равнодушно.

— Извините, мой любезный Сергѣй Павлычъ, а я васъ пожурю за такія мнѣнія. Негодится такъ думать. Самосознаніе очень хорошо, а самонадѣянность очень дурна. Извините, я вамъ говорю потому, что желаю вамъ добра.

— Очень вамъ благодаренъ.

Съ Владиміромъ Сергѣй Павловичъ казался холодно оскорбленнымъ и молчалъ. Владиміръ былъ вспыльчивъ, но не надолго и потому ему стало очень скоро совѣстно предъ своимъ другомъ. Передъ вечеромъ онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ Сергѣй Павловичъ курилъ, лежа на диванѣ, и читалъ «Indepandence Belge», съ нѣкотораго времени принявшись особенно заниматься политикой.

— Сережа, ты поѣдешь къ Остенскимъ? спросилъ Владиміръ.

— Можетъ быть.

— Полно, Сережа, не сердись. Мнѣ самому досадно на свою вспышку.

Сергѣй Павловичъ засмѣялся и извинилъ его, не требуя объясненій, не напоминая о томъ, что называлъ «страстью» Владиміра, снисходительно, будто прощая меньшого, а не равнаго. Владиміру стало досадно опять; но чувство деликатности и страхъ въ самомъ дѣлѣ оскорбить товарища заставили его молчать. Онъ зналъ, что Сергѣй Павловичъ не нравится сестрѣ и m-me Поль, и подумалъ, что послѣ этого обязанъ вознаградить его за пріязнь, въ которой ему отказывали. Владиміръ только не могъ быть по-прежнему веселъ; еслибъ Сергѣй Павловичъ захотѣлъ наблюдать за нимъ и принять въ немъ участіе, то замѣтилъ бы, что эта печаль была сильна, и ему стоило труда скрывать ее. Но Сергѣй Павловичъ нашелъ ей другую причину: догадавшись, что Владиміръ влюбленъ, онъ придумалъ, что онъ ревнуетъ, что ему непріятно привести въ общество «предмета своей страсти» еще молодого человѣка, который...

«Хоть я и не намѣренъ дѣлать глупости, соперничать съ нимъ», заключилъ Сергѣй Павловичъ, «а все же я нисколько не хуже его и могу надѣяться, что на меня обратятъ вниманіе».

И вслѣдствіе этихъ размышленій Сергѣю Павловичу удалось блеснуть остроуміемъ и пріятно провести вечеръ у Остенскихъ.

По возвращеніи домой, между нимъ и Владиміромъ не было сказано ни слова о m-me Остенской, ни о вечерѣ.

Сергѣй Павловичъ слышалъ рано утромъ, какъ Владиміръ всталъ, зажегъ свѣчи и досталъ бумаги; но онъ видѣлъ также, что Владиміръ занимался съ упорнымъ прилежаніемъ, похожимъ на отчаяніе, что дѣло не

шло ему на умъ, что оно его мучило. Сергѣй Павловичъ заснулъ, не успѣвъ увидѣть, чѣмъ кончилась эта насильственная работа. Когда, по обыкновенію, Владиміръ сталъ будить его, чтобъ ѣхать въ должность, Сергѣй Павловичъ отвернулся къ стѣнѣ и сказалъ, засыпая, что не поѣдетъ.

Отдыхъ ему понравился; онъ сталъ пользоваться имъ чаще и чаще; вечера онъ проводилъ почти постоянно въ гостяхъ, оставаясь дома только въ крайнихъ случаяхъ, если въ городѣ былъ балъ, куда его не звали, или если октябрская погода дѣлала выѣздъ невозможнымъ. Онъ не любилъ показываться, когда бывали гости у Займищевыхъ: такъ какъ онъ разъигрывалъ въ другихъ домахъ роль человѣка съ большимъ состояніемъ, то ему неловко было выказываться здѣсь семьяниномъ, какъ его въ самомъ дѣлѣ выказывало благородное обращеніе старика Займищева, или человѣкомъ обязаннымъ, чего онъ ужасно боялся. Онъ или молчалъ, будто нездоровъ и не въ духѣ, или уводилъ молодыхъ людей въ кабинетъ Владиміра, гдѣ ему было удобнѣе, что, между прочимъ было очень непріятно Сонечкѣ, у которой онъ разстроивалъ общество. Сергѣя Павловича стѣснялъ даже Владиміръ: при немъ ему было неловко иногда, при удобномъ случаѣ, похвастаться своимъ состояніемъ... то есть состояніемъ дяди, «что все одно и то же»; ему было не такъ свободно шутить и насмѣшничать, потому что, по странной прихоти, Сергѣй Павловичъ находилъ смѣшными именно тѣхъ особъ, которыя нравились Владиміру; въ отсутствіе же этого «формалиста» Сергѣй Павловичъ могъ жаловаться, что служба утомляетъ его. Когда случалось, что между молодыми людьми завязывался разговоръ серьезный, въ которомъ Владиміръ принималъ участіе, Сергѣй Павловичъ, успѣвшій, неизвѣстно какъ и когда, въ такое короткое время усвоить себѣ понятія о неприличіи увлеченія, молчалъ, изрѣдка посмѣиваясь; а если спорилъ, то опровергалъ все, что могъ, доказывалъ самыя неутѣшительныя вещи, смѣялся надъ тѣми, кто увлекался чаще, и болѣе всѣхъ надъ своимъ пріятелемъ.

— Помилуй, сказалъ ему однажды Владиміръ, выведенный изъ терпѣнія безпрестанными противорѣчіями:—откуда у тебя такой образъ мыслей? Ты прежде вовсе не то говорилъ.

— Мало ли что говорится, когда въ головѣ еще бродятъ школьныя фразы!

Владиміръ не зналъ, что Сергѣй Павловичъ прежде намекалъ многимъ изъ этого кружка, что успѣлъ уже многое испытать въ жизни.

— Ты, можетъ быть, довольствуешься своимъ кругомъ занятій и порядкомъ вещей, продолжалъ Сергѣй Павловичъ: — можетъ быть, тебѣ это кажется очень важно, очень серьезно; а я вижу, что на свѣтѣ никто ничего не дѣлаетъ, и потому большая часть разныхъ разсужденій мнѣ кажется очень смѣшна...

— Извини, прервалъ Владиміръ: — если смѣшно разсуждать, ничего не дѣлая, то еще страннѣе осмѣивать все, ничего не дѣлая.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ты самъ сказалъ, что никто ничего не дѣлаетъ, стало быть, никто не имѣетъ права смѣяться — общее правило!..

— Да... общее мѣсто. Извини, я все забываю, что ты не однимъ словомъ, но и дѣломъ подвизаешься для общественной пользы.

Сергѣй Павловичъ ставилъ Владиміра въ странное положеніе: въ глазахъ постороннихъ Владиміръ не долженъ былъ терпѣть насмѣшекъ отъ равнаго себѣ молодого человѣка; эти насмѣшки его сердили; но какъ ссориться съ тѣмъ, кто намъ обязанъ? Владиміръ думалъ, конечно, не о себѣ, не объ одолженіи, которое дѣлалъ охотно, не смотря на всѣ неудовольствія, какія оно уже успѣло принести ему: онъ думалъ о неловкомъ, невыносимомъ положеніи, въ которое онъ поставитъ Сергѣя Павловича, если, хотя справедливо, сдѣлаетъ ему непріятность. Это чувство заставило его молчать. Другіе молодые люди знали Владиміра довольно хорошо и потому могли извинить его терпѣливость, хотя и не понимали ея. Случалось, что Владиміръ думалъ образумить своего друга, выговаривая ему шутя; но Сергѣй Павловичъ обижался шуткой и потомъ держался такъ холодно, и насмѣшливо-учтиво, что Владиміръ раскаявался, когда начиналъ говорить. Ихъ дружба таяла съ каждымъ днемъ; въ полтора мѣсяца она дошла до степени самой обыкновенной вѣжливости людей, живущихъ подъ одной кровлей—положеніе тѣмъ болѣе несносное для Владиміра, что они продолжали говорить другъ другу ты, что въ обществѣ Сергѣй Павловичъ часто напоминалъ объ этой дружбѣ, чувствуя, что она придаетъ ему значеніе, а Владиміръ не могъ отъ нея отречься, не повредивъ ему. Владиміру было неловко предъ своей семьею, но Сергѣй Павловичъ не за-

мѣчалъ этого. Онъ устроился совершенно независимо, уѣзжалъ изъ дома и пріѣзжалъ, когда ему было угодно; съ старикомъ Займищевымъ почти не встрѣчался и жилъ въ свѣтѣ, не затрудняясь, благодаря деньгамъ, которыя взялъ у Владиміра, и двумъ выигрышамъ въ карты. Цѣпочка Клавдіи Яковлевны украшала его жилетъ: Сергѣй Павловичъ прицѣпилъ къ ней часы, взятые на кредитъ. Впрочемъ, онъ мало дѣлалъ долговъ, чтобъ съ перваго раза не показать, что нуждается. О службѣ онъ, казалось, забылъ и думать. Владиміръ пересталъ, шутя, будить его по утрамъ и увозить съ собою, а потому и не видалъ его въ палатѣ. Изъ этого вышли маленькія чиновническія непріятности. Столоначальникъ Сергѣя Павловича, умный, но нѣсколько крутой старикъ, недовольный вообще тономъ молодого человѣка, пожаловался предсѣдателю, что Сергѣй Павловичъ не является въ должность по десяти дней сряду; онъ не обратился къ Владиміру потому, что Сергѣй Павловичъ разсказывалъ о своей необыкновенной короткости съ нимъ всякому, кому былъ досугъ его слушать. Предсѣдатель сказалъ Владиміру:

— Попросите Каватѣева быть внимательнѣе. Если на него будутъ жаловаться, его нельзя будетъ представить къ чину.

Владиміръ сказалъ Сергѣю Павловичу, сначала шутя, а потомъ и серьезно. Сергѣй Павловичъ вспылилъ.

— Ты понимаешь, сказалъ онъ:—что теперь я ужъ, конечно, не поѣду въ должность. Всякій будетъ жаловаться—вы станете слушать... Хорошъ твой предсѣдатель! Развѣ я мальчишка? развѣ я въ самомъ дѣлѣ писарь?

И такъ далѣе. Но, внявъ еще голосу благоразумія, Сергѣй Павловичъ рѣшился покориться и поѣхать съ тѣмъ, однако, чтобъ Владиміръ непремѣнно перевелъ его «изъ этого стола» въ другой.

— Извини, возразилъ Владиміръ: — это значитъ сказать твоему старшему, что онъ неправъ, я этого не сдѣлаю, потому что ты неправъ.

Съ этимъ словомъ онъ взялъ свой портфель и уѣхалъ.

Сергѣй Павловичъ долго волновался, однако отправился въ должность. Правда, онъ явился уже тогда, когда всѣ вставали, чтобъ расходиться.

IV.

Недѣли черезъ двѣ, утромъ, Сонечка вошла въ кабинетъ брата. Сергѣя Павловича, по обыкновенію, не было дома, а Владиміръ, противъ обыкновенія, не поѣхалъ въ палату и читалъ на своемъ диванѣ.

— Я не помѣшаю? спросила Сонечка.

— Душа моя, милости просимъ.

— Я пришла поболтать. Вчера въ собраніи было мнѣ весело; не знаю, кто не спрашивалъ меня о тебѣ, почему тебя нѣтъ; всѣ такъ жалѣли, когда я сказала, что ты нездоровъ.

— Мнѣ самому очень досадно.

— Остенская сказала, что пріѣдетъ сегодня тебя навѣстить... Ахъ, Володя, что-жъ дѣлать! что-жъ дѣлать!.. Я знаю, какъ ты ее любишь. Она такъ мила, что нельзя ее не любить, но дѣлать нечего...

— Я самъ знаю, что дѣлать нечего, отвѣчалъ Владиміръ.

— Знаешь ли, какъ мнѣ тебя жаль, Володя! Я не знаю, что для тебя легче: видѣть ее или не видѣть, говорить или не говорить съ ней...

Владиміръ не сказалъ ни слова.

— Я тебѣ удивляюсь, продолжала сестра:—я знаю, какъ тебѣ тяжело, а ты терпѣливо занимаешься своимъ дѣломъ, когда въ головѣ, вѣрно, совсѣмъ не то. Иногда, вмѣсто того, чтобъ поѣхать къ ней, ты сидишь здѣсь, трудишься...

— Какъ же иначе, моя милая? прервалъ онъ немного нетерпѣливо: — надо же, наконецъ, быть порядочнымъ человѣкомъ...

— Ахъ, Володя, я это знаю! Еслибъ не ты, а кто нибудь другой, я бы ничего не говорила; а вѣдь я знаю, что ты не можешь привязаться легко, шутить, какъ другіе... а тутъ, Володя, ты самъ говорилъ и я вижу... тутъ твоя жизнь. Милый мой, душа моя, какъ мнѣ тебя жаль! И зачѣмъ вы такъ поздно встрѣтились, зачѣмъ ты засталъ ее уже замужемъ!..

— Полно меня мучить, Соня, прервалъ онъ опять:—дѣло кончено... Тогда было бы еще хуже: она бы, все равно, меня не любила. Теперь она счастлива.

Владиміръ отвернулся отъ сестры: голосъ его немного задрожалъ.

— Ну, продолжалъ онъ черезъ минуту:— разсказывай подробно, кто былъ... какъ она была одѣта.

Сонечка описала ему нарядъ m-me Остенской со всѣмъ знаніемъ дѣла и восхищеніемъ женщины, зная, что ея разсказъ доставляетъ удовольствіе. Она весело вспоминала балъ, оживила брата и заставила его смѣяться.

— Наконецъ, сказала она:—брани меня,

но я покаюсь тебѣ. Сергѣй Павловичъ выводилъ меня изъ терпѣнія. Я въ первый разъ увидѣла его на такомъ просторѣ. Онъ окончательно смѣшонъ: что за тонъ, что за взгляды! Онъ танцуетъ только съ дамами, а на насъ, на мелочь, на дѣвушекъ, и не смотритъ; удостоена этой чести одна княжна Aimée... а онъ самъ, бѣдный, не замѣчаетъ, что ея великолѣпная маменька садится сзади нихъ въ кадрили, и едва кончена кадриль, уводитъ дочку... Еслибъ это былъ не Сергѣй Павлычъ, не товарищъ одного выпуска съ тобою, я бы хохотала надъ нимъ, какъ другіе — а надъ нимъ, увѣряю тебя, всѣ хохочутъ!—но тутъ я сердилась на него и за него же. Еслибъ онъ ко мнѣ подошелъ — онъ ко мнѣ не подходилъ весь вечеръ — мнѣ кажется, я бы рѣшилась, я бы ему сказала... Рисуется, посматриваетъ черезъ плечо, наступаетъ на платья не аристократкамъ, уноситъ стулья у старухъ...

Владиміръ захохоталъ.

— Что ты, Соня!

— Увѣряю тебя, онъ все это дѣлаетъ! Онъ хуже дѣлаетъ: онъ вслухъ зѣваетъ и разсказываетъ... Такъ какъ онъ весь преисполненъ презрѣнія, то и не замѣчаетъ, что кругомъ него: я сидѣла недалеко, когда онъ разсказывалъ m-me Дубровиной чудеса о своей поѣздкѣ въ Одессу, о какой-то comtesse Aline, за которую онъ дрался на дуэли съ лучшимъ своимъ другомъ... Я ужъ испугалась, не съ тобою ли; выходитъ, что это было въ помѣстьи ея отца, нынѣшнимъ лѣтомъ... Вѣдь это изъ рукъ вонъ, Володя!

— Онъ съ ума сошелъ?

— Но съ молодыми людьми... Сначала мнѣ было обидно за него; оба брата Чурскіе, когда бываютъ у насъ, здѣсь, кажется, дружны съ нимъ; въ обществѣ они, просто, съ нимъ неучтивы: онъ заговариваетъ — они отвертываются. Но потомъ, я вижу, что онъ также важничаетъ съ другими, старается сблизиться съ тѣми, кто богаче... Еслибъ ты видѣлъ, какъ это смѣшно...

— Это нестерпимо! сказалъ съ досадой Владиміръ:—а хуже всего то, что его не образумишь.

— Наконецъ... Но, словомъ сказать, я весь вечеръ на него сердилась. Вотъ еще. Онъ безпрестанно около Остенской... Часто онъ бываетъ у нея? Какъ онъ тамъ держится?

— Не знаю. Онъ бываетъ часто, но всегда безъ меня.

— Не умѣю тебѣ этого объяснить, но съ нею онъ и смѣшонъ, и дерзокъ; онъ какъ-то не церемонится, будто знакомъ нѣсколько лѣтъ, шутитъ, хохочетъ, потомъ принимается говорить тихо, притворяется вдругъ то обиженнымъ, то печальнымъ...

Владиміръ вспыхнулъ.

— Если ты это замѣтила, вѣрно, и другіе замѣчаютъ, сказалъ онъ.

— Да, отвѣчала Сонечка:—это-то и дурно. Мнѣ и Машенька, и Катя сказали — онѣ слышали—и многіе говорятъ... que positivement il lui fait la cour. Конечно, продолжала молодая дѣвушка, испугавшись недовольнымъ молчаніемъ брата: — конечно, Сергѣй Павлычъ можетъ только надоѣсть, а не понравиться, но все же... говорятъ, это такъ непріятно. Я почти не хотѣла пересказывать тебѣ этого, Володя, но мнѣ было ужъ слишкомъ досадно.

— Только этихъ глупостей недоставало! сказалъ Владиміръ.

— Впрочемъ, знаешь ли, Володя, мнѣ кажется, онъ держится такъ странно оттого, что въ самомъ дѣлѣ не бывалъ прежде въ обществѣ... Луиза Александровна говоритъ правду: онъ не умѣетъ держаться... А, можетъ быть, ему и точно нравится Остенская...

— Полно, ты ничего не понимаешь! Развѣ онъ неловокъ? развѣ онъ робѣетъ? развѣ онъ не явно доволенъ собою? Полно, сдѣлай милость! Гдѣ ему любить Остенскую!.. Все это глупая комедія.

Сонечка еще никогда не видала своего брата такимъ разсерженнымъ. Впрочемъ, онъ скоро укротилъ или скрылъ свою досаду, тѣмъ болѣе, что возвратился Сергѣй Павловичъ. Сонечка ушла. Владиміръ взялъ опять книгу, пока Сергѣй Павловичъ расхаживалъ по комнатѣ, напѣвая, посматривая на часы и закуривая папироску.

— Что, какъ твое здоровье? сказалъ онъ наконецъ, садясь подлѣ своего друга и находя неловкимъ молчать такъ долго, оставаясь вдвоемъ. — Ты вовсе некстати захворалъ. За мной сейчасъ заѣдутъ въ троечныхъ саняхъ: хотимъ прокатиться за городъ по первому пути, пообѣдать на станціи; насъ сбирается много; пикникъ небольшой, холостой обѣдъ.

— Ну, что-жъ? желаю вамъ удовольствія.

— Не вздумаешь ли и ты какъ нибудь, право? Встряхнись: что сидѣть дома! Да, еще вотъ что... Ты рѣшительно не поѣдешь?

— Не поѣду.

— Такъ вотъ что... Нѣтъ ли чего нибудь въ нашей кассѣ? Я вчера промотался немного.

— Возьми, что есть, тамъ, въ столѣ.

— Спасибо. Вчера было весело. Aimée миленькая дѣвочка. Кстати, предупреждаю тебя: оставь свою Остенскую...

— Кого?

— Остенскую... Будто не понимаетъ! Полно, пожалуйста; развѣ я слѣпъ? Два мѣсяца, кажется, мы съ тобой живемъ; неужели, ты думаешь, я не вижу, что ты влюбленъ въ нее?

Сергѣй Павловичъ засмѣялся.

— Я, кажется, уже сказалъ одинъ разъ, что это до тебя не касается? вскричалъ Владиміръ.

— Знаю, знаю, не волнуйся! знаю, что ты страдаешь въ тайнѣ, что ты стараешься исполненіемъ своего долга побѣдить свою страсть, и что не удостоиваешь меня довѣренности...

— А если все знаешь, то уволь отъ совѣтовъ; я не хочу ихъ слушать.

— Что-жъ! пожалуй, будь смѣшонъ, дурачься, не спи по ночамъ для кокетки, которая сегодня слушаетъ тебя, а завтра другог...

— Сергѣй Павлычъ!..

— Не волнуйся: тебѣ нездорово. Тебѣ досадно, что я вздумалъ, для шутки, поволочиться за нею.

— Если ты скажешь о ней еще одно слово...

— Развѣ я съ ума сошелъ? Одни влюбленные сумасшествуютъ. Что мнѣ Остенская? Другой бы, конечно, воспользовался моимъ положеніемъ, чтобъ выставить тебя смѣшнымъ, а я этого не сдѣлаю.

— Очень благодаренъ. Избавьте отъ объясненій.

— Разсуди здраво: изъ чего ты сердишься? если я успѣлъ...

— Ты въ томъ успѣлъ, что самъ дѣлаешься смѣшнымъ своими выходками передъ цѣлымъ свѣтомъ... Послушай, Сергѣй, ты дѣлаешь и говоришь не знаю что! Еслибъ мы не были товарищами, я бы тебѣ не сказалъ...

— Отъ души благодаренъ!

— Если ты воображаешь, что можешь завлечь Остенскую...

— По-твоему, это невозможно?

Сергѣй Павловичъ расхохотался.

— Я тебѣ сказалъ, не смѣйся! Ты корчишь изъ себя фата, милліонщика...

— Э! я не зналъ, что у тебя въ самомъ дѣлѣ горячка. Прощай, мой другъ... Я тоже не охотникъ до совѣтовъ.

Сергѣй Павловичъ вышелъ. Черезъ нѣсколько времени онъ прислалъ за своей шляпой и перчатками, и Владиміру сказали, что онъ уѣхалъ.

Сергѣй Павловичъ устроился такъ, что дня три видѣлъ своего друга только мелькомъ, поутру, передъ тѣмъ, какъ исчезалъ на весь день. Владиміръ еще не выѣзжалъ. Эти нѣсколько дней, проведенные въ семьѣ, дали ему еще больше понять Сергѣя Павловича, какъ ни осторожно выражались о немъ старикъ Займищевъ и m-me Поль.

— Посовѣтуй ему, говорилъ отецъ:—мнѣ неловко, а вы товарищи. Когда же онъ въ самомъ дѣлѣ займется? Молодые люди читаютъ же что нибудь, разсуждаютъ о чемъ нибудь: я отъ него двухъ дѣльныхъ словъ не слыхалъ. Заря вгонитъ, заря выгонитъ. Это даже и неучтиво.

— Признайся, сказала, между прочимъ, m-me Поль:—у тебя очень затруднительный другъ.

Владиміръ видѣлъ, что этимъ другомъ всѣ недовольны; онъ началъ понимать, что только ради него извиняютъ этому другу; что еслибъ отецъ не боялся сдѣлать непріятное сыну, то давно выговорилъ бы Сергѣю Павловичу много горькихъ и неутѣшительныхъ истинъ, что m-me Поль не разъ воздерживалась отъ слова «impertinent», готоваго у нея сорваться съ языка на многія замашки Сергѣя Павловича. Владиміръ видѣлъ, что щадили его дружбу, и ему стало грустно. Было ясно, что онъ одинъ въ цѣломъ свѣтѣ остается опорой Сергѣя Павловича.

«Пропадетъ онъ!» подумалъ Владиміръ, «надо поддержать его». И онъ еще разъ вооружился терпѣніемъ, сказалъ отцу, что «посадитъ за дѣло своего подчиненнаго», расцѣловалъ m-me Поль и попросилъ прощенія за его дурачество; а Сонечкѣ Владиміръ объявилъ, что она должна быть за одно съ нимъ; иначе, это будетъ неделикатно и неблагородно.

Однакожъ, холодность нѣкоторыхъ молодыхъ людей съ Сергѣемъ Павловичемъ, какая-то задумчивость, явившаяся вдругъ въ его обращеніи и, наконецъ, цѣлый день, проведенный безвыѣздно дома, заставили Владиміра догадаться, что Сергѣй Павловичъ потерпѣлъ пораженіе въ обществѣ.

Остенская пріѣхала къ Сонечкѣ; Владиміръ шелъ въ гостиную, чтобъ ее видѣть, и столкнулся съ Сергѣемъ Павловичемъ, который, напротивъ, спѣшилъ уйти, едва встрѣтившись съ нею. Разговаривая, Остенская не упомянула его имени, какъ будто его не было на свѣтѣ. Все это было, конечно, странно, особенно для Владиміра.

— Дама во всѣхъ отношеніяхъ пріятная, сказалъ Сергѣй Павловичъ Сонечкѣ, по отъѣздѣ гостьи.

Онъ давно не говорилъ съ Сонечкой, и потому еще болѣе удивилъ ее этимъ замѣчаніемъ.

— Вамъ не нравится Остенская?

— Нѣтъ-съ, я не говорю этого. Мнѣ, такъ, пришло въ голову это выраженіе. Дѣйствительно, очень пріятная дама. Всѣ условія, чтобъ быть пріятной: всегда нарядна, всегда весела, всегда въ пору набѣлена...

— Ахъ, какой вздоръ! прервала Сонечка:—это можно выдумать только со злости!

— Съ какой же злости мнѣ на нее выдумывать?.. Впрочемъ, извините, я соглашусь, что цвѣтъ лица ея натуральный... столько же, сколько въ ней все натурально. Очень милая дама, предобрая, не кокетка и нелицемѣрка. Довольно вамъ?

Сергѣй Павловичъ имѣлъ привычку уходить, эфектно заключивъ разговоръ. Впрочемъ, его слова недолго оставались загадкой для Сонечки: вслѣдъ затѣмъ пріѣхали двѣ ея подруги, молодыя дѣвушки, вѣчно знающія все, что дѣлалось въ свѣтѣ, и сообщили ей, что m-r Каватѣевъ такъ наскучилъ Остенской своимъ ухаживаньемъ, что она попросила его не ѣздить больше къ ней въ домъ. Точно ли такъ было — неизвѣстно, но Владиміръ узналъ тоже, что другъ его больше не бываетъ у Остенскихъ. Сергѣй Павловичъ все больше и больше казался разстроеннымъ; наконецъ, выѣхавъ въ общество, Владиміръ увидѣлъ, что онъ какъ будто лишился своей увѣренности и отдаляется отъ всѣхъ, еще сохраняя, конечно, гордое и скучающее спокойствіе.

— Что съ тобой сдѣлалось, Сережа? спросилъ его Владиміръ въ одинъ вечеръ, когда они оба оставались дома и, кончивъ партію въ вистъ, на мѣлокъ, съ старикомъ Займищевымъ и m-me Поль, ушли къ себѣ въ комнату.

Нельзя не прибавить, что Сергѣй Павловичъ весьма непріятно составлялъ эту партію и заставлялъ себя долго просить, какъ будто обидясь, что ему предлагали играть даромъ, подозрѣвая что-то въ этомъ предложеніи, и наконецъ, играя такъ небрежно, какъ будто дѣлалъ величайшее снисхожденіе. Сергѣй Павловичъ, утомленный, какъ послѣ труда, лежалъ на диванѣ.

— Ничего со мной не сдѣлалось, отвѣчалъ онъ сквозь зубы и папироску.

— Знаешь, продолжалъ Владиміръ:— что такъ друзьямъ не отвѣчаютъ?

— Знаю.

— Это что еще? развѣ мы не друзья?

— Пожалуйста, экспликаціи эти...

— Я, что ли, въ чемъ нибудь провинился? Вѣдь это странно, Сергѣй: мы живемъ вмѣстѣ, не говоря другъ другу ни слова. Я не могу догадаться, что тебѣ нравится, что нѣтъ.

— Изъ-за чего-жъ тебѣ безпокоиться догадываться?

— Что за скука! вскричалъ Владиміръ:— хочешь сдѣлать удовольствіе человѣку — и не угодишь; хочешь поговорить отъ души— вотъ отвѣтъ!

— За удовольствія я тебѣ весьма благодаренъ, хотя, кажется, всѣ они ограничились однимъ удачнымъ составленіемъ нынѣшней партіи... Впрочемъ, Богъ видитъ твои добрыя намѣренія... А говорить отъ души—что намъ говорить? Ты въ покоѣ, и среди удачъ сдѣлался какимъ-то положительнымъ человѣкомъ; все долгъ, да исполненіе обязанностей, начиная съ подписки твоихъ журналовъ и кончая кошкой m-me Поль; ты всѣмъ доволенъ, ты оптимистъ... Вотъ, ты даже ничего не можешь возразить мнѣ.

— Я скажу, что ты помѣшался — ничего больше.

— Ну, скажи, сдѣлай милость, возможенъ ли послѣ этого какой нибудь разговоръ? Съ тобою нужно терпѣніе, Владиміръ!.. Я знаю все, что ты можешь мнѣ сказать: это будутъ мѣста общей морали; я ихъ самъ готовъ читать кому случится. Право, не диковинка умѣть читать мораль! Зачѣмъ я ничего не дѣлаю, зачѣмъ я вздумалъ показываться въ обществѣ какъ порядочный человѣкъ, а не какъ подъячій, котораго мѣсто у двери...

— Что ты за вздоръ говоришь! кому это въ голову входитъ?

— Конечно, не въ такихъ терминахъ тебѣ это въ голову входило, а входило. Ты ужъ и начиналъ упоминать объ этомъ деликатно...

— Я тебѣ вовсе не о томъ упоминалъ!.. Если ужъ мы начали говорить... вскричалъ Владиміръ: —я былъ глупъ, что не рѣшился высказать прямо. Да какъ рѣшиться? Ты вздумалъ распустить о себѣ слухи, что ты богатъ...

— Вотъ видите ли, какъ это деликатно! прервалъ Сергѣй Павловичъ, подсмѣиваясь хладнокровно, какъ человѣкъ несправедливо обиженный:—подумаешь, я въ самомъ дѣлѣ кругомъ виноватъ!

— Такъ ты правъ?

— Что-жъ я сдѣлалъ особенно дурного?

— Развѣ ты мальчикъ, что не понимаешь?

Обманывать, выдумывать цѣлыя исторіи, хвастать не знаю чѣмъ...

— Продолжай! Заодно ужъ, договори, что я лгунъ...

— Тебѣ обидно, что *я* говорю тебѣ въ глаза, а тебѣ ничего, что говорятъ другіе?

— Кто смѣетъ говорить?

— Да развѣ поклоны черезъ плечо не тѣ же слова?

— Я такихъ поклоновъ еще не видѣлъ.

— Не хотѣлъ видѣть...

— Кто мнѣ не кланяется? Одинъ дуракъ Чурскій, которому я проигралъ на прошлой недѣлѣ...

— И не заплатилъ, а между тѣмъ выигралъ у Палатьева и взялъ...

— Да что вы, опекунъ мой, что ли, Владиміръ Михайлычъ?

— Развѣ мнѣ это пріятно?

— Такъ цѣлый свѣтъ живетъ.

— Никто такъ не живетъ, никто, кто дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ...

— Да, вы такъ не живете, вы умники, кому удастся выпрыгнуть кандидатомъ, и вы вообразите, что вы ужъ Богъ знаетъ что...

— Сергѣй, ты помѣшался!

— Кабинеты у васъ заведутся свои, вы и лежите, и трактуете: «какъ не дорожить общественнымъ мнѣніемъ!» Вамъ хорошо, а жить хочется всякому! Покажись-ка вамъ безъ перчатокъ, вы же на порогъ не пустите; а достань перчатки въ долгъ, вы кричите: «стыдно, гадко!» Вотъ оно общество! Охъ вы, безукоризненные! Видно, сытый голоднаго не разумѣетъ! Искушеніе-то вы и забыли!

— Кто тебѣ говоритъ, что нѣтъ искушеній?...

— А? воздерживаться? Извините. Что-жъ мнѣ дѣлать? я не въ васъ! Вы какъ-то умѣете не пить шампанское, умѣете играть только въ дурачки, любить какъ-то особенно эѳирно и безнадежно...

— А дѣлать дерзости—это тоже потребность вашей натуры?

— Тебѣ досадно за Остенскую? вскричалъ Сергѣй Павловичъ, вдругъ неожиданно расхохотавшись. — О, мой милый! ты бы ужъ лучше съ того и началъ. Ну, вижу, вижу, ты сердитъ за Остенскую. Ну ее! Я у нея больше не бываю — довольно тебѣ? Намъ, старымъ товарищамъ, вздорить изъ-за провинціальной барыни! Развѣ для того мы дружились, для того сошлись вмѣстѣ подъ одной кровлей?

Съ этими словами онъ протянулъ руку Владиміру.

— Полно, другъ! сколько глупостей ты мнѣ насказалъ изъ одного оскорбленнаго самолюбія... да и я тебѣ не меньше, потому что не понялъ тебя сразу. Ну, прости. Мы съ тобой вмѣстѣ проходили философію, и вдругъ.. вотъ и философія! Много еще другого хорошаго и дурного прійдется намъ вмѣстѣ разбирать въ жизни, не одно мое прозябаніе въ этой глуши... Еслибъ насъ слышалъ теперь кто нибудь, пожалуй, сказалъ бы, что мы ссоримся.

Владиміръ молчалъ. Въ самомъ дѣлѣ, недоставало, чтобъ отецъ его, или Сонечка услышали, что они ссорятся.

— Ты слишкомъ строгъ, продолжалъ Сергѣй Павловичъ, помолчавъ немного:—это оттого, что ты въ самомъ дѣлѣ безукоризненъ; но разсуди самъ: твое положеніе въ свѣтѣ даетъ ли тебѣ право быть строгимъ? Ты огражденъ отъ случаевъ поступать дурно; ты не можешь понять, какъ и сколько могутъ страдать другіе. Ты показываешься въ обществѣ—ужъ всѣ предубѣждены въ твою пользу; ты сближаешься съ кѣмъ нибудь—и этимъ всякій гордится; ты любезенъ съ женщиной—она знаетъ, увѣрена, что ты человѣкъ порядочный...

— Перестань, сдѣлай милость, прервалъ Займищевъ:—ты наконецъ заставишь меня хвалиться. Я хочу держаться порядочно—меня и уважаютъ.

— Нѣтъ, мой милый, извини! Свѣтъ стоитъ на предубѣжденіи, смотритъ, во-первыхъ, на наружность. Молодой человѣкъ бѣдный, неизвѣстный, что ему дѣлать? какъ показаться?

— Каковъ онъ есть; если хорошъ—его оцѣнятъ.

— Утопіи, мой милый! Ну, да положимъ, оцѣнятъ, а до тѣхъ поръ что? Второстепенная роль: смотрѣть изъ-за угла, сидѣть на кончикѣ стула?

— Ты все преувеличиваешь!.. Какое общество не разсмотритъ порядочнаго человѣка, если онъ выкажется какъ должно, просто, благородно, не пуская пыль въ глаза?..

— Хорошо, хорошо! я это знаю: ты обо мнѣ говоришь. Ну, я виноватъ, какъ сотни другихъ: я не съумѣлъ держаться добропорядочнымъ юношей... Ты думаешь, мнѣ было легко обманывать? Ты думаешь, во мнѣ не возмущалось что-то... Ну, говори, говори; что ты хочешь сказать? Я все вынесу... Ты мнѣ не вѣришь?

— Признаюсь, да. Если было тяжело, для чего ты обманывалъ?

— Ты во мнѣ сомнѣваешься: не доставало только этого! Впрочемъ, все равно, мы

давно не понимаемъ другъ друга... Ты не вѣришь въ болѣзнь вѣка—въ необходимость казаться чѣмъ нибудь, когда нельзя быть чѣмъ нибудь, въ страданіе оскорбленнаго самосознанія, которое, чтобъ поддержать себя въ глазахъ большинства... большинство—глупцы, да все равно, съ ними жить надо... Ты не вѣришь въ это страданіе, когда человѣкъ принужденъ заглушать голосъ правды въ душѣ своей, стыдится самъ лжи и привыкаетъ къ ней, и оглядывается по сторонамъ, чтобъ какъ нибудь не сказали, не доказали, что онъ лжетъ! Ты не вѣришь; а стыдъ бѣдности—болѣзнь вѣка?

— Болѣзнь безхарактерныхъ людей.

— На денекъ послалъ бы тебѣ эту болѣзнь!.. Скажи еще о долгѣ, о правилахъ нравственности, еще какую нибудь азбучную сентенцію... На кого какъ дѣйствуютъ впечатлѣнія, продолжалъ Сергѣй Павловичъ чрезъ минуту, потому что Владиміръ не возражалъ ему:—на меня впечатлѣніе свѣта гибельно. Оно лишило мою душу ея свѣжести. Прежде я могъ быть беззаботно веселъ, могъ увлекаться чувствомъ и вѣрить чувству; вѣрилъ многому высокому: теперь... что такое? Приличія, разныя условія убили веселость; кокетство женщинъ, холодный разсчетъ свѣтскихъ друзей... смѣшно, право, въ собственныхъ глазахъ смѣшно привязываться къ тѣмъ, кто насъ дурачитъ не церемонясь, даже не трудясь выдумывать новыя средства, чтобъ дурачить! Все, что было чистаго и свѣтлаго, благородно-отраднаго, молодого вѣрованія въ людей...

— Какъ, и этому конецъ? прервалъ Владиміръ, расхохотавшись, не смотря на всю свою досаду.

— Кто въ зрѣлыхъ лѣтахъ не мизантропъ, тотъ никогда не любилъ людей, возразилъ Сергѣй Павловичъ холодно и строго.

— Какъ ты много ихъ видѣлъ!

— Довольно: я впечатлителенъ; я въ нихъ убѣдился...

— Ну, не спорю больше, потому что тебя не переспоришь, а я съ тобою несогласенъ и никогда не соглашусь... Извини. Мнѣ, кстати, некогда.

Онъ ушелъ къ письменному столу и открылъ портфель. При этомъ движеніи Сергѣй Павловичъ обыкновенно уходилъ, уѣзжалъ, или ложился спать. Онъ, однако, остался на своемъ мѣстѣ и сказалъ, посмѣиваясь:

— Устанете, устанете трудиться для человѣчества: слишкомъ шибко взялись! Не помочь ли тебѣ? Кстати, мнѣ дѣлать нечего.

— Нѣтъ, спасибо.

— Это значитъ «ты ничего не понимаешь». Такъ и быть, перенесемъ, хоть мы тоже слушали философію права и, кажется, баллы у насъ цѣлый годъ были одинакіе... Ты намѣренъ всю ночь просидѣть?

— Покуда кончу.

— Хорошъ ты будешь завтра поутру!.. А признайся, я знаю, для чего ты торопишься: завтра именинница Остенская; тебѣ хочется прогулять денекъ, безъ ущерба долгу службы и обязанностямъ предъ человѣчествомъ... Такъ, что ли?

Владиміръ читалъ бумаги, не отвѣчая.

— Завидно смотрѣть на тебя, продолжалъ Сергѣй Павловичъ, подкатывая свое кресло къ Владиміру:—человѣкъ живетъ! неразумно, а живетъ; фантазіями поддерживаетъ свое существованіе нравственное и физическое... Вотъ, глаза разгорѣлись, сердце бьется—это здорово. Читаетъ безграмотное крючкотворство, а въ душѣ цѣлая поэма о судьбахъ людей; на желтыхъ страницахъ мерещатся русые локоны, къ щекамъ будто наклоняется другая, нѣжная щека...

— Знаешь ли, что ты мнѣ надоѣлъ? прервалъ Владиміръ.—Убирайся, спи!

— Эхъ! намъ больше ничего не осталось! сказалъ Сергѣй Павловичъ, поднимаясь, какъ старикъ, и махнувъ рукой.

V.

Еще нѣсколько дней прошло въ тѣхъ же занятіяхъ для обоихъ молодыхъ людей, съ той разницей, что и Владиміръ пересталъ искать случая говорить съ пріятелемъ, а Сергѣй Павловичъ принималъ эту холодность совершенно спокойно, почти насмѣшливо. Онъ размыслилъ, оставшись одинъ, что было бы странно требовать болѣе отъ человѣка, съ которымъ онъ не сходился въ понятіяхъ; что откровенности, слѣдовательно, быть не можетъ, и что для достоинства его, Сергѣя Павловича, довольно, что съ нимъ обходятся въ высшей степени вѣжливо.

«Чего же больше ждать отъ людей? заключилъ Сергѣй Павловичъ: дружбы?—школьныя бредни!»

Однажды утромъ, уѣзжая въ палату, Владиміръ спросилъ, какого Перевицкаго онъ зналъ въ деревнѣ своего дяди.

— А что? спросилъ Сергѣй Павловичъ.

— Дѣло есть о Перевицкомъ.

— Не знаю.

— Что ты не знаешь дѣла—немудрено. Когда ты былъ въ должности?

— Не безпокойся обо мнѣ. Не буду и сегодня.

Сергѣй Павловичъ отправился гулять, зашелъ съ нецеремоннымъ визитомъ въ два дома, гдѣ еще не упало его свѣтское величіе, гдѣ маленькія угожденія матушекъ и нескрываемое удовольствіе дѣвицъ еще позволяли ему имѣть о себѣ высокое мнѣніе. Мѣсяцъ назадъ, Сергѣй Павловичъ подсмѣивался надъ этими дамами въ кружкѣ молодыхъ людей, который теперь какъ-то странно стѣснился между собою, не выталкивая пришлеца, но будто и не оставляя для него мѣста. Мѣсяцъ назадъ, Сергѣй Павловичъ едва узнавалъ этихъ дамъ, встрѣчая ихъ въ гостиныхъ N...скихъ аристократокъ; теперь, зная, что его еще примутъ въ этихъ гостиныхъ, онъ не чувствовалъ охоты въ нихъ показаться и отзывался о нихъ какъ-то странно небрежно... Онъ скучалъ, но съ достоинствомъ и довольно интересно; онъ нашелъ, чѣмъ занять половину дня—и этого было довольно.

Возвратясь домой, онъ узналъ, что Владиміръ обѣдаетъ у знакомыхъ; Сонечка сбиралась въ театръ и оттуда въ гости. Сергѣю Павловичу предстояло провести вечеръ совершенно одному.

На него нашла скука. Онъ уже привыкъ проводить время разсѣянно и разнообразно, а тутъ, когда онъ оставался одинъ, среди тишины дома, поневолѣ приходили ему въ голову разныя размышленія и сожалѣнія. Сергѣй Павловичъ рѣшилъ, что жизнь его идетъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось, что судьба сталкиваетъ его вѣчно съ какими-то странными, антипатическими людьми. Дядя... о немъ уже рѣшено давно. Владиміръ... странный человѣкъ, безъ сочувствія, молодой человѣкъ, разсуждающій, какъ старикъ. Откуда столько нетерпимости, строгости къ чужимъ проступкамъ, какъ будто у него не можетъ быть своихъ собственныхъ?.. Но и это давно разобрано. Свѣтъ, общество... Богъ знаетъ, что это за общество и что за понятіе у него! Съ какимъ сомнѣніемъ оно смотритъ на человѣка, какъ упорно отрицаетъ его достоинства, какъ оно завистливо и какъ рѣзко колетъ, когда можетъ найти случай уколоть! Обществу не понравилось, что бѣдный молодой человѣкъ осмѣлился считать себя равнымъ со всѣми, потому только, что равенъ всѣмъ, даже выше многихъ по образованію. Чего же еще нужно? Богатства? О, гадкіе люди!...

Какая же дорога не скользка на свѣтѣ, или какъ дѣлаютъ тѣ, кто не скользитъ по ней?... Владиміръ прочелъ бы тутъ что нибудь изъ азбуки, въ родѣ «держаться просто, дѣлать свое дѣло»... Какое дѣло? Въ самомъ дѣлѣ, великія истины очень забавны въ приложеніи къ практикѣ!

Сергѣй Павловичъ былъ утомленъ размышленіемъ и даже начиналъ забываться, когда довольно грубый и знакомый голосъ раздался за дверью.

— Нечего, братецъ докладывать; коли онъ здѣсь, я самъ о себѣ доложу.

И чрезъ минуту Сергѣй Павловичъ былъ въ объятіяхъ Перевицкаго, которому нѣсколько изумленный Иванъ отворилъ двери.

— Сережа, вотъ ты какъ, лежишь да полеживаешь! Хоть бы строчку написалъ, какъ уѣхалъ! Хотѣлъ ужъ о тебѣ за упокой помянуть—право! Ты думалъ, о тебѣ ужъ забыли? Какъ же! велѣли кланяться; я говорю, пожалуй, ужъ такъ и быть, поклонюсь... А ты славно поживаешь. Видишь, какимъ франтомъ! Вели-ка мнѣ трубочку дать, да чайку съ чѣмъ нибудь... знаешь—а? ты понимаешь, любезный, съ чѣмъ? обратился онъ къ Ивану:—ну, ступай, да у меня живо! А мы покуда потолкуемъ.

Сергѣй Павловичъ еще не опомнился; онъ былъ пренепріятно пораженъ и озадаченъ этимъ посѣщеніемъ. Тутъ только онъ вспомнилъ, что Владиміръ спрашивалъ у него поутру о Перевицкомъ, что у Перевицкаго есть какое-то дѣло, что онъ самъ, Сергѣй Павловичъ, отказался отъ знакомства съ *этимъ* Перевицкимъ, создавъ другого, идеальнаго, владѣльца огромнаго состоянія, натуру широкую, «русскую», но изящную... Все это вертѣлось въ головѣ Сергѣя Павловича, между тѣмъ какъ онъ благодарилъ судьбу, что нѣтъ свидѣтелей этой встрѣчи компрометирующей его, какъ человѣка порядочнаго.

— Ты по дѣлу пріѣхалъ? спросилъ онъ, усаживая Перевицкаго.

— По дѣлу... Да постой, братецъ, дай посмотрѣть, что у тебя тутъ за рѣдкости. Видишь, ты какъ живешь! Что значитъ другъ товарища предсѣдателя! Ну, ужъ твой товарищъ предсѣдателя! Этакого придирчиваго, этакого невѣжи, упрямаго осла я и не видывалъ! Мнѣ все равно, что вы съ нимъ пріятели; хоть ему перескажи, такъ все равно. Я ему, кажется, толкомъ сегодня объяснялъ въ палатѣ—нѣтъ! хоть ты что хочешь съ нимъ дѣлай! Я сегодня пріѣзжаю въ палату, велѣлъ его вызвать, говорю, «вотъ такъ и такъ, помилосердуйте», учтиво говорю, а онъ: «Милостивый государь (Перевицкій передразнилъ Владиміра), вамъ завтра

объявятъ рѣшеніе, а до тѣхъ поръ вы ничего не можете знать по вашему дѣлу»...—«Да знаю я, помилуйте! Знаю, что вы меня приговорили заплатить... мнѣ чиновникъ вашъ сказалъ».—«Прошу васъ указать, кто вамъ сказалъ»... И посадилъ подъ арестъ столоначальника—этакая грубая невѣжа!

— Тебѣ на что же былъ нуженъ Займищевъ? Ты бы къ предсѣдателю...

— Гдѣ же ты живешь? ничего не знаешь! Вашъ предсѣдатель двѣ недѣли уѣхалъ; этотъ всѣмъ распоряжается. Видно ты часто бываешь тамъ!

— Когда хочу.

— Вразуми ты мнѣ его, Займищева. Я, признаться, какъ сюда ѣхать, о тебѣ вспомнилъ; думаю, скажу Сережѣ, онъ мнѣ дѣльцо обдѣлаетъ. Ты вѣдь знаешь...

— Ничего не знаю.

— Что ты? Никакъ и ты туда же, за твоимъ пріятелемъ! Погоди, братъ; тебѣ это еще не пристало—носъ поднимать. Самъ ты—помнишь? мнѣ бумагу писалъ, самъ и поправляй.

— Какую я тебѣ бумагу писалъ?

— Какую? А про заемное письмо... Вспомнилъ? Но мой братъ покойный далъ какой-то теткѣ заемное, письмо, а я по немъ платить не хочу; и Андрей Иванычъ насъ училъ написать, что тутъ долженъ быть фальшь, что братъ при окончаніи своей жизни писать не могъ; еще ты хохоталъ, что смѣшно было написано, и переписалъ съ разными прикрасами, о почеркѣ тамъ, что дрожащею рукою... Ну, вспомнилъ теперь?

— Вспомнилъ.

— Пріятель твой, знаешь, какъ за дѣло взялся, только держись! «Почеркъ» не помогъ: отрыли записки покойника, счеты разные, сличали... Тетушка эта ужъ давно здѣсь живетъ, должно быть, Христовымъ именемъ питается—кто ее знаетъ. Свидѣтелей представила, присягнули—вотъ какъ! Ты, стало быть, вовсе въ палатѣ не бываешь, коли не знаешь!

— Мнѣ-то какое дѣло?

— Видишь ты! Зналъ бы, такъ бы мнѣ написалъ; я бы какія нибудь мѣры взялъ; а теперь что? Мнѣ какъ снѣгъ на голову упалъ; дѣло тутъ безъ меня шло; завтра объявляютъ рѣшеніе; я сегодня прискакалъ какъ угорѣлый—вижу, все перепортили, хоть брось! Теперь либо плати, либо ужъ напрямки доказывай, стой на томъ, что фальшь. А какъ еще тогда разберутъ, ужъ вовсе плохо придется: лучше ужъ теперь кончить, меньше заплатишь...

— Ну, и кончай.

— Да что я заплачу? У меня денегъ нѣтъ! Я думаю, твоему Займищеву короче гораздо сдѣлать по-моему: «не годится письмо, фальшивое»—и кончено. Скажи-ка ему. А мнѣ чѣмъ платить? Ты самъ знаешь. Мнѣ эта штука и безъ того дорого обошлась: тому сунешь, другому сунешь—назадъ не сберешь, не долгъ, никто назадъ не отдастъ.

Перевицкій расхохотался.

— И долги-то плохо отдаютъ. Вотъ ты небось, и не вспомнилъ, что у меня съ тобой есть счетецъ?

— Очень помню...

— Да, разсказывай, тутъ у тебя разныя разности, духи да перчатки, небось, не одну сотню просорилъ, а пріятеля, который одолжалъ, не вспомнилъ...

— Я тебѣ говорю—помнилъ, да не было денегъ...

— Не было! Ахъ, ты, батюшки! У васъ не было! Что ты мнѣ станешь разсказывать—не было?... Ну, да Богъ съ вами, пожалуй, не признавайтесь, васъ не неволятъ, а обработай мнѣ дѣльцо—и съ долгомъ квитъ, надо же и на твою долю что нибудь перекинуть; а мнѣ благо не вынимать изъ кармана...

— Что такое? вскричалъ Сергѣй Павловичъ.

— Ну, что такое? Ничего. Вѣдь ты меня самъ тогда увѣрялъ, что дѣло правое. Когда бы ты не увѣрялъ, я бы, можетъ, и не принялся. Ты толковалъ законы какіе-то, что если братъ точно не бралъ денегъ у те тки, то не долженъ былъ давать заемнаго письма, что онъ обманывалъ меня. Вѣдь ты говорилъ это?

— Говорилъ...

— Ну, говорилъ: стало дѣло мое правое, я на тебя и надѣюсь—и съ долгомъ квитъ...

— Какъ вы смѣете меня оскорблять?...

— Да чѣмъ же я тебя оскорбляю?

— Вы мнѣ предлагаете...

— Ничего я не предлагаю: предложилъ бы когда было бы что—не безпокойся. А долгъ твой... изъ чего ты кричишь? Что я тебѣ его прощаю и разрѣшаю; не прости я и не разрѣши, ты бы все равно не заплатилъ! Набрался ты духу моднаго, Сережа... Нехорошо, не по-пріятельски. А когда бы я къ тебѣ пришелъ да сказалъ: «подай, плати, чѣмъ хочешь, сейчасъ?» что, хорошо бы я сдѣлалъ? Что бы ты на это сказалъ? хвать въ карманъ—пусто. А коли пусто, такъ молчи. Нечего кричать. Мы съ тобой были пріятели; видно здѣсь получше меня нашлись... нашлись, что ли? Смотри, и я пригожусь. Модники-то ваши... я въ гостинницѣ стою, поразспросилъ, послушалъ, и о тебѣ разузналъ..

модники ваши—ты къ нимъ, а они отъ тебя воротятъ. Я вѣдь знаю, Сережа, развѣдалъ. Ты съ однимъ твоимъ Займищевымъ далеко не уйдешь. Что онъ тебя поитъ и кормитъ—фигура еще не велика, Что онъ тебѣ доставилъ? Ты славный малый, съ фертиками этими не поведешься, а отъ хорошихъ отсталъ... Немудрено отстать: Займищевъ—вѣдь это гордость глупая, какой еще свѣтъ не производилъ! Вѣдь онъ дворянину, такому же, какъ онъ самъ, да еще почище, дверь указываетъ! Что онъ сѣлъ въ предсѣдательское кресло, выслужилъ безъ году недѣлю.. Дядя твой хоть и ворчунъ, а вѣдь правду говорилъ: что ты тутъ выигралъ? Служить, и пользу приносить... Ну, по крайности, пошелъ бы въ полкъ; хоть веселѣе, жизнь привольнѣе; а ты все въ натяжку—душѣ тѣсно... Я думалъ, Займищевъ твой товарищъ былъ: ну и живете вы какъ товарищи; а то у него въ домѣ знакомый твой чашки чаю не дождется... Обидно! Ну, скажи, обидно?

Сергѣй Павловичъ всталъ.

— Я сейчасъ прикажу, сказалъ онъ.

— Не трудитесь, милый: я, вотъ, докурю да уѣду. Прахъ его возьми! Мнѣ тебя жаль... Что вы съ нимъ, какъ по крайней мѣрѣ-то?... Скажи ему про меня.

— Скажу.

— Право, скажи-ка. Какъ знаешь, ему растолкуй; ты что-то тогда хорошо говорилъ; ты, Сережа, умница—и съ долгомъ квитъ. Не робѣй. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не какая важная особа Займищевъ: ты ему докажи хорошенько; а то онъ, пожалуй, подумаетъ, что если ты у него въ домѣ живешь, то не смѣешь ужъ предъ нимъ и ротъ раскрыть...

Сергѣй Павловичъ не успѣлъ отвѣчать, какъ въ дверяхъ явился Владиміръ. Онъ съ секунду оставался на порогѣ, сквозь облака дыма не взвидѣвъ своей комнаты, гостя и своего сконфуженнаго друга...

Перевицкій вскочилъ; онъ тоже сконфузился.

— Честь имѣю кланяться, сказалъ онъ.

Владиміръ поклонился, какъ незнакомый.

— Сегодня утромъ имѣлъ удовольствіе видѣться... Перевицкій. Вотъ, Сережу заѣхалъ провѣдать... Сережа, что-жъ ты? прибавилъ онъ, толкнувъ Сергѣя Павловича, потому что Владиміръ повернулся къ двери:—да ты видно, братецъ... боишься, что ли?

— Un instant, сказалъ Сергѣй Павловичъ, удержавъ Владиміра: — c'est un parent du jeune homme dont j'ai parlé...

— Конечно, онъ вамъ обо мнѣ parlé, закричалъ Перевицкій:—какъ меня не знать! Во всей губерніи одинъ Перевицкій: кого хотите спросите, всякій знаетъ! А ужъ мы съ нимъ друзья, такіе друзья! Чудо малый, я вамъ скажу, нашъ Сережа... А я очень радъ, что имѣлъ случай встрѣтиться съ вами; кстати ужъ, знаете, о дѣльцѣ...

— Вамъ завтра объявятъ рѣшеніе—я вамъ сказалъ это сегодня утромъ.

— Ну-съ, то было поутру, а то ввечеру; тамъ въ присутствіи и вамъ и мнѣ неловко было... Вотъ вамъ и Сережа скажетъ...

— Mais c'est que vraiment, tu tiens tant aux formalités...

— Какое тебѣ до этого дѣло? прервалъ Владиміръ.

— Какъ же, другу-то? вскричалъ Перевицкій:—вступись, вступись, Сережа, растолкуй-ка нашему судьѣ праведному... Вѣдь дрянь дѣло, вовсе дрянь; посмотришь, ничего не стоитъ...

— Предоставьте мнѣ понимать дѣла, которыя я долженъ рѣшать, отвѣчалъ Владиміръ серьезно и съ нѣсколько изысканной важностью молодого человѣка, понимающаго и очень высоко цѣнящаго свою обязанность и, слѣдовательно, свое достоинство.—Я вамъ сказалъ, что завтра оно будетъ кончено—вы узнали какъ, а потому всякій толкъ—лишній.

Онъ опять хотѣлъ выйдти.

— Сережа, что-жъ ты, братъ? вскричалъ Перевицкій:—вѣдь это негодится! Ты выдаешь меня: обѣщался поговорить, а самъ чикъ-чикъ, да въ кустъ! Ты вспомни: такъ благородные люди не дѣлаютъ.

— Послушай, Владиміръ, сказалъ Сергѣй Павловичъ, краснѣя:—ты не вникаешь въ нравственную сторону дѣла. Братъ Перевицкаго не былъ долженъ этой женщинѣ; ты поступишь несправедливо, заставивъ г. Перевицкаго платить воображаемый долгъ, къ которому ничто его не обязываетъ, когда онъ самъ зналъ и знаетъ, что это была одна чувствительная фантазія больного, почти потеряннаго, полуумирающаго.

— Такъ, такъ, Сережа! Покойникъ изъ послѣдняго ума выживалъ, да поздно было: ужъ онъ подписалъ...

— Вы говорили? прервалъ Владиміръ:—какъ же вы смѣли потомъ писать и утверждать, что заемное письмо фальшивое, когда вы знали, что оно дѣйствительно дано?

— Да вѣдь глупость, далъ, фантазія...

— Формалистъ, ты къ буквѣ привязываешься!

— Не понимаю, къ чему вы привязались! вскричалъ Владиміръ: — у этого господина

недостаетъ понятія. Какъ вы не понимаете, что онъ обязанъ, передъ совѣстью обязанъ исполнить послѣднюю волю брата и, какъ честный человѣкъ, заплатить долгъ...

— Помилуйте, братъ мой еще бы надавалъ заемныхъ писемъ — всѣ и платить! Онъ денегъ у тетки не бралъ...

— Докажите это.

— Не бралъ-съ! ей не откуда было взять. Я самъ при этомъ былъ, самъ отъ брата слышалъ, что онъ хотѣлъ дать ей письмо...

— Вы повторяете это другой разъ: стало быть, письмо не фальшивое?

— Ну-съ, не фальшивое...

— Я объявлю въ присутствіи и запишутъ, что вы мнѣ сознались, что оно не фальшивое... мнѣ — слышите ли?

— Ну, что-жъ, что вамъ?

— Оно безденежное, сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Что вы вмѣшиваетесь! вскричалъ Владиміръ.

— Говорятъ вамъ, онъ денегъ у тетки не бралъ!

— Докажите. Четверо свидѣтелей, людей, стоющихъ уваженія, утверждаютъ, что онъ ей былъ долженъ!

— Ну! видно свидѣтели помогли!

— Mais je vous le dis, c'était une pauvresse; entendez donc raison, une fois... сказалъ Сергѣй Павловичъ.

— Вы кого поддерживаете? Какъ вамъ не стыдно вступаться за человѣка, который, чтобъ не платить законнаго долга, обвиняетъ родственницу въ подлогѣ, въ фальшивой подписи? Къ чему онъ ведетъ эту несчастную женщину? понимаете ли вы? Вы, юристъ, вы законамъ учились!..

— Учился, подхватилъ Перевицкій: — не хуже васъ учился и понимаетъ; онъ мнѣ и просьбу составлялъ, что письмо фальшивое...

— Что? вскричалъ Владиміръ, почти испугавшись.

— Ну, чего кричать! продолжалъ Перевицкій: — вы такъ понимаете, онъ такъ понимаетъ; вы заупрямились, понять не хотите, что я въ крайности...

— Какое мнѣ дѣло? прервалъ Владиміръ, выведенный изъ себя. — Завтра все будетъ рѣшено; если у васъ нѣтъ денегъ, опишутъ и продадутъ ваше имѣніе; но вы заплатите — будьте увѣрены...

— Что вы раскричались въ самомъ дѣлѣ? что я вамъ достался? Вѣдь я эти штуки знаю; говорите напрямки: сколько вамъ нужно? не дорожитесь... я съ удовольствіемъ...

— Ступайте вонъ! вскричалъ Владиміръ.

— Что такое? вскричалъ Перевицкій: — какъ вы меня смѣете выгонять? благороднаго человѣка? Я самъ не хуже васъ! я вамъ не кланяюсь: денегъ вамъ нужно, такъ, говорятъ вамъ — берите...

— Вамъ сказано: ступайте...

— Да я не къ вамъ и пришелъ, а вотъ, къ пріятелю; что вы мнѣ...

— Можете видѣться съ вашимъ пріятелемъ гдѣ хотите, только не у меня!

— Э-э, Сережа, такъ-то! Видно, тутъ твои дѣла плохи... Ну, Богъ съ тобой! съ должишкомъ все-таки квитъ... коли твой баринъ не принимаетъ, такъ тебѣ годится.

Владиміръ отворилъ дверь.

Сергѣй Павловичъ охотно скрылся бы за Перевицкимъ, который проскользнулъ въ дверь, испугавшись, какъ еще никогда не пугался.

Владиміръ былъ взбѣшенъ до того, что задыхался.

— Какъ вамъ не стыдно! какъ вамъ не совѣстно! проговорилъ онъ: — что это такое? Скажите мнѣ, что это?

— Владиміръ, послушай...

— Какъ вы смѣли впустить ко мнѣ этого негодяя? Вы съ нимъ заодно? Вы ему просьбу писали? Вы обѣщались меня уговаривать? Вамъ я этимъ обязанъ?

— Владиміръ, потише, не горячись. Я вѣдь въ самомъ дѣлѣ не писарь твой какой нибудь...

— Только ужъ не пріятель! Нѣтъ, довольно! слишкомъ много!

— Потрудитесь объяснить мнѣ, что я сдѣлалъ.

— Вамъ надо еще объяснять? вы осмѣлились просить меня за этого негодяя!

— Да что вы за особа, Владиміръ Михайлычъ? Что вы о себѣ думаете?

— Вы слышали, что онъ мнѣ сказалъ? По вашей милости я это въ первый разъ услышалъ! Я только началъ мою службу, я не хочу пачкать ее сношеніями съ какимъ нибудь Перевицкимъ...

— Извините, если я не могъ васъ избавить отъ этихъ сношеній: я не могъ запереть дверь для моего знакомаго, даже болѣе: я обязанъ Перевицкому...

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Владиміръ: — вы ему обязаны, онъ это сказалъ. Вы ему просьбу писали; у васъ съ нимъ счеты... И вы отъ стыда не сгорѣли?

— Выбирайте ваши выраженія, Владиміръ Михайлычъ! Вы позволяете себѣ обходиться со мной нестерпимо невѣжливо...

Обыкновенно школьныя дружбы такъ кончаются!..

— Вы прежде меня забыли школьную дружбу! Хороша ваша новая дружба! Много чести она вамъ дѣлаетъ!

— Не долженъ ли я считать за честь, что вы удостоили меня своей дружбы? Не долженъ ли я для васъ разойтись со всѣми? Этого не будетъ, извините! Для меня все равно, что Перевицкій, что Займищевъ... Я давно чувствую, что пора кончить наши глупыя отношенія!

— Дѣйствительно, глупыя! сказалъ Владиміръ.

— Не правда ли, сказалъ Сергѣй Павловичъ: — я отгадалъ ваше желаніе? Вы были такъ деликатны, что не выражали его до сихъ поръ. Прощайте.

Онъ пошелъ къ двери.

— Прощайте, повторилъ онъ съ какимъ-то ожиданіемъ.

— Прощайте, повторилъ Владиміръ.

Сергѣй Павловичъ вышелъ; Владиміръ бросился на диванъ. Онъ слышалъ, какъ Сергѣй Павловичъ хлопнулъ дверью, выходя изъ дома; онъ былъ взволнованъ, измученъ, взбѣшенъ до слезъ. Его оскорбили въ первый разъ; оскорбить помогъ бывшій товарищъ, въ этомъ товарищѣ онъ такъ обидно, такъ горько обманулся!.. Но мысль, что этотъ товарищъ теперь безъ пристанища, приводила его въ отчаяніе. Владиміръ обвинялъ себя какъ виноватаго, но не раскаявался.

Отецъ и сестра, возвратясь поздно вечеромъ, нашли его все такъ же разстроеннаго; ихъ присутствіе придало ему бодрости: оно напоминало ему, что онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ передъ бывшимъ другомъ... Когда Владиміра спросили о Сергѣѣ Павловичѣ, онъ отвѣчалъ, смущаясь, что Сергѣй Павловичъ уѣхалъ, что они поссорились, за что и какъ — этого онъ не сказалъ никому и никогда.

Сергѣй Павловичъ былъ, между тѣмъ, въ гостиницѣ у Перевицкаго. Онъ былъ не одинъ, слѣдовательно, скорѣе утѣшился въ потерѣ друга и, чувствуя себя тоже оскорбленнымъ, не имѣлъ силъ воздержаться и не обвинять его... На другой день онъ послалъ за своими вещами въ домъ Займищевыхъ, запиской въ третьемъ лицѣ просилъ Владиміра Михайловича исключить его изъ службы и прислать его бумаги, прибавляя, что если Владиміръ Михайловичъ найдетъ что нибудь возражать противъ этого, онъ, Сергѣй Павловичъ, рѣшился такъ твердо, что не послушаетъ возраженій, что всякая переписка, какъ объ этомъ, такъ и о всякомъ другомъ предметѣ будетъ между ними лишнею. Владиміръ отослалъ ему бумаги въ тотъ же день, а дня черезъ два, когда Перевицкій выслушалъ рѣшеніе своего дѣла, Сергѣй Павловичъ уѣхалъ съ Перевицкимъ. Владиміръ не узналъ о немъ ничего больше.

Въ сельцѣ Даниловкѣ о Сергѣѣ Павловичѣ тоже ничего не знали. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дядя Василій Ивановичъ получилъ отъ него письмо, адресованное изъ какого-то далекаго города. Сергѣй Павловичъ увѣдомлялъ, что до сихъ поръ вся жизнь его была пробѣлъ незанятаго свободнаго времени, но что теперь, наконецъ, онъ понялъ свое назначеніе, записался юнкеромъ въ какой-то полкъ, и увѣренъ въ близости войны, въ которой, безъ сомнѣнія, отличится. Къ дядѣ относилось все это, какъ упрекъ человѣку, неумѣвшему понять Сергѣя Павловича:

«Вы, дядюшка, кажется, не предполагали, что я способенъ на что нибудь... васъ это удивитъ, хотя меня не удивитъ ваше удивленіе... Конечно, я дѣлаю не для того, чтобъ убѣдить васъ, что во мнѣ есть здравый смыслъ» и прочее, въ этомъ родѣ.

Сергѣй Павловичъ въ заключеніе дѣлалъ небольшой разсчетъ доходамъ Даниловки и упоминалъ, что въ походной жизни многое нужно, но что онъ надѣется на свои молодыя руки...

— Ну, Господь съ нимъ, пускай надѣется! сказалъ Василій Ивановичъ, свертывая письмо: — на свою голову онъ уже пересталъ, видно, надѣяться. Какъ онъ перелетѣлъ это отъ своего пріятеля на край свѣта? И все-то въ мирное время въ военную службу идутъ, да войну накликаютъ! Охъ, ученыя головы! на мѣстѣ имъ не сидится!..

Клавдія Яковлевна слушала его, не поднимая глазъ отъ своего вязанья...

ПРОВИНЦІЯ ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КТО-ЖЪ ОСТАЛСЯ ДОВОЛЕНЪ?

РОМАНЪ.

1849—1852 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Катерина Михайловна Воронская была вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника, предсѣдателя какой-то палаты, умершаго на службѣ и оставившаго женѣ пенсію и единственнаго сына, котораго она любила безъ памяти. Она записала своего Сашечку въ гимназію губернскаго города В*, гдѣ тогда жила, и неусыпно наблюдала за его воспитаніемъ, за каждымъ шагомъ, не спускала его съ глазъ, не бывала нигдѣ безъ него, не разлучалась съ нимъ, какъ не разлучаются съ дочерьми. Уходилъ ли онъ онъ утромъ учиться — она смотрѣла, какъ онъ проходилъ по улицѣ; входилъ ли онъ въ классную залу (домъ Катерины Михайловны былъ противъ дома гимназіи) — она слѣдила за каждымъ движеніемъ его въ окнахъ классной залы... Она познакомилась со всѣми учителями, со всѣми надзирателями, дѣлала визиты ихъ женамъ, искала случая обязать ихъ, услужить имъ хоть чѣмъ нибудь. Она признавала необходимость своей вѣчной попечительности надъ сыномъ: «я его мать», говорила она, «его совѣсть! Мать должна знать все».

Сашечка кончилъ курсъ въ гимназіи. Катерина Михайловна послѣдовала за нимъ въ Москву, гдѣ должно было окончиться его образованіе. Онъ былъ уже не дитя; у него былъ свой кабинетъ съ вышитыми подушками, зелеными драпри и письменнымъ столомъ...

— Душечка, говорила мать, отпуская его на лекцію: — умоляю тебя, объ одномъ: не заставляй меня ждать долго: ты знаешь, сколько для меня мученій составляетъ каждая минута, которую ты промѣшкаешь. Тобой могутъ быть недовольны (бѣдная мать забывала, что студентовъ не ставятъ въ уголъ), товарищи могутъ тебя обидѣть, ты самъ, наконецъ... Но ты любишь свою мать, ты не захочешь сдѣлать ее на-вѣкъ несчастною... не связывайся съ ними: это гибель! Если кто нибудь захочетъ познакомиться у меня въ домѣ, представь его мнѣ, но только здѣсь, чтобъ я видѣла этихъ людей, съ которыми ты знаешься...

Хоть иногда случалось ей повторять сыну, что настанетъ время, когда она будетъ не нужна, но это время не наставало. Сашечка, казалось, такъ свыкся съ ея заботливостью, что даже боялся мысли, что ее когда нибудь ему недостанетъ. Раза два случилось ему опоздать домой съ лекціи; безпокойство, съ

которымъ его встрѣтила мать, было неописанное, но оно ничего не значило предъ тѣмъ отчаяніемъ, въ которомъ онъ нашелъ ее, запоздавъ однажды вечеромъ у профессора, гдѣ пилъ чай.

Бѣдная мать слегла въ постель на цѣлый день, и Александръ, просидѣвъ подлѣ нея этотъ день, убѣдился, что убьетъ ее, если будетъ такъ вести себя. Безпокойство, болѣзненное состояніе ожиданія, нетерпѣнія, вывели ее изъ ея обыкновеннаго характера. Въ гнѣвѣ, напомнивъ сыну всѣ свои труды, всѣ мелочныя заботы, всѣ исполненныя его прихоти, она назвала его неблагодарнымъ. Сашечка испугался; прошелъ гнѣвъ матери, но не его страхъ, — этотъ страхъ сдѣлался его шестымъ чувствомъ...

Воронской провелъ пять лѣтъ въ университетѣ. Мать сама выбирала для него знакомства, гдѣ онъ могъ бы приготовить себѣ что нибудь въ будущемъ; привѣтливая и до изысканности учтивая со всякимъ, она не хотѣла, чтобъ сынъ ея сближался съ этимъ всякимъ, то есть съ человѣкомъ безъ денегъ или безъ значенія. Она создала себѣ идеалъ чего-то скромнаго, спокойнаго, благоразумнаго, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, и потому всякое исключеніе изъ этихъ трехъ условій кололо ей глаза. Одной едва замѣтной грубости въ обращеніи довольно было, чтобъ навсегда оттолкнуть ее; небрежность ее ужасала; отступленіе, или даже уклоненіе отъ условій общества, въ образѣ жизни, въ мнѣніи, въ занятіи, въ словахъ, въ нарядѣ, казалось ей странно, непростительно. Она создала себѣ свой идеалъ порядочнаго, и до этого совершенства хотѣла довести сына.

Воспитаніе ребенка отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ—вещь очень затруднительная. Катеринѣ Михайловнѣ казалось, что труды ея удавались. Строгостью, лаской, безконечнымъ обожаніемъ она успѣла въ томъ, что манеры ея сына не были странны въ обществѣ, гдѣ онъ былъ принятъ; что онъ умѣлъ, для своего спокойствія и блага, исчезать съ своимъ мнѣніемъ тамъ, гдѣ оно было не у мѣста, и, еще лучше, безъ всякаго труда, своей уступчивой натурой умѣлъ принимать мнѣніе всякаго. Сердце и умъ его ничего не пугались, потому что онъ никогда ни о чемъ не думалъ и ничего не чувствовалъ... У него не было друзей, готовыхъ отдать ему послѣднее, еслибъ онъ нуждался, и готовыхъ просить у него послѣдняго въ ихъ собственной нуждѣ; но еслибъ и были, то у него не было средствъ пригодиться кому нибудь и на что нибудь. Три или четыре вышитые и сафьянные бумажника лежали на его письменномъ столѣ, но они были всегда пусты и никогда не ложились въ его карманъ. Впрочемъ, деньги ему были не нужны: для него все выбирала и покупала сама мать; онъ не обѣдалъ въ ресторанахъ, не ходилъ въ театръ одинъ, игралъ въ карты только у знакомыхъ, гдѣ бывалъ вмѣстѣ съ матерью—на что-жъ былъ нуженъ бумажникъ его карману?

Молодые люди не любили ѣздить къ нему въ гости: ихъ стѣсняло всегдашнее присутствіе дамы, матери. Кабинетъ Воронскаго отдѣлялся отъ гостиной одной легкой портьерой, которую не стоило труда спускать: сквозь нея равно вылетали и дымъ, и смѣхъ. Было очень утомительно бесѣдовать съ недоговорками и оговорками, съ намеками на то, что хотѣлось бы сказать прямо, попадаться изъ одного промаха въ другой—и молодые люди расходились скоро и сходились рѣдко. Это начало наскучать и Воронскому; и вотъ, подъ предлогомъ лекцій, вечеровъ у профессора, посѣщеній больного товарища, у него завелись другія знакомства, забавы, развлеченія... Катерина Михайловна узнала, выговаривала, грозила, плакала. Ей Воронской обѣщалъ исправиться; себѣ онъ далъ слово быть осторожнѣе. Страхъ, который наводили на него слезы и гнѣвъ матери, выучилъ его такой осторожности, что ее, по всей справедливости, можно было бы назвать скрытностью; но Катерина Михайловна клялась другимъ и была внутренно убѣждена сама, что ея сынъ скорѣе умретъ, нежели что нибудь отъ нея скроетъ.

Она жила прекрасно, принимала пріятно, и потому всѣ поддерживали ее и утверждали въ убѣжденіи, что ея сынъ «прекраснѣйшій молодой человѣкъ». Это названіе такъ освоилось молодому человѣку, что онъ принималъ его какъ собственность и бывалъ даже удивленъ, если замѣчалъ, что кто нибудь смотритъ на него, какъ будто не признавая за нимъ этого достоинства. Мать также удивлялась этому, и не прощала...

Кончивъ курсъ въ университетѣ, Воронской долженъ былъ прослужить извѣстное число лѣтъ въ той губерніи, на счетъ которой воспитывался. Катерина Михайловна сопутствовала его изъ Москвы въ городъ N*, гдѣ наняла домъ и составила знакомства...

Въ половинѣ октября, въ морозный вечеръ, мѣсяцъ прекрасно свѣтилъ надъ горо-

домъ N*, гдѣ не горѣло ни одного фонаря и въ окнахъ не свѣтилось ни одной свѣчки. Только въ переулкѣ, довольно далекомъ отъ главныхъ улицъ, былъ ярко освѣщенъ одинъ большой домъ. Прохожіе (а въ этомъ переулкѣ и особенно въ ночное время они были рѣдки, потому что переулокъ славился собаками), прохожіе заглядывали въ окна, надѣясь увидѣть по крайней мѣрѣ вечеринку, если не настоящій свадебный балъ. Но въ свѣтлыя окна виднѣлись только алыя драпировки и пустыя комнаты, и только одна тѣнь гуляла по этимъ комнатамъ...

Эта тѣнь была Катерина Михайловна; она прохаживалась по большой залѣ и гостиной, казалось, въ ожиданіи. Александръ сидѣлъ въ своей палатѣ; новый, строгій начальникъ началъ не шутя требовать, чтобъ юные чиновники-аристократы являлись дѣлить трудъ съ плебеями, если хотятъ получать чины и награды во-время. Катерина Михайловна знала, что изъ палаты Александръ захочетъ чаю и поспѣшитъ домой, потому что у знакомыхъ ужъ не застанетъ чаю; она ждала кого-то другого. Къ подъѣзду скоро подкатила карета и Катерина Михайловна приказала скорѣе свѣтить и сама поспѣшила въ прихожую встрѣчать гостью.

Гостья была нѣкто madame D. Катерина Михайловна остановилась на порогѣ.

— Ахъ, Боже мой! какой сюрпризъ, душечка! вскричала она, когда гостья раскуталась и обратилась къ ней съ привѣтствіемъ.—Прошу васъ войти; я и не ожидала! сдѣлайте одолженіе... Какъ ваше здоровье? Я думала вы на вечерѣ?

— Гдѣ на вечерѣ, Катерина Михайловна?

— А у Грашковыхъ: у нихъ вечеръ сегодня.

— Да... Нѣтъ, я къ нимъ не поѣхала. Я сейчасъ отъ Марьи Николаевны, ее отпустила, а сама къ вамъ.

— Какъ! что вы говорите! развѣ ужъ пора на вечеръ? еще только половина восьмого.

— Давно девять, Катерина Михайловна.

— Что вы, душечка! Мои часы сегодня Сашечка давалъ къ часовыхъ дѣлъ мастеру, и я большіе по нимъ поставила... Возможно ли!.. Прошу садиться... Возможно ли, чтобъ девять!.. Да Сашечка давно-бъ воротился изъ должности... Сюда, къ столику, мой ангелъ... гдѣ тутъ скамеечка?..

— Ахъ, Катерина Михайловна, не безпокойтесь!

— Какъ ваше здоровье теперь?

— Слава Богу, поправляюсь, благодарю васъ.

— Вѣдь у васъ ревматизмъ?... Ахъ, что это? кажется, подъѣхали?...

— Развѣ вы ждете кого, Катерина Михайловна?

— Да какъ же; развѣ вы не знаете?

— Ахъ! я и не замѣтила, въ самомъ дѣлѣ... И я-то чего-жъ смотрю! у васъ комнаты освѣщены... у васъ, стало быть, званые?

— Помилуйте, Александра Ивановна, развѣ возможно, чтобъ у меня былъ званый вечеръ и вы объ этомъ не знали бы? чтобъ я не почла долгомъ просить васъ? А что у меня комнаты освѣщены, такъ это... признаюсь, я люблю свѣтло! Чего стоитъ лишняя свѣчка?... У меня ужъ такъ въ домѣ люди привыкли, одна ли я, нѣтъ ли, все равно. Сегодня я къ себѣ пріѣзжую жду.

— Вѣрно, родственницу вашу?

— Нѣтъ! Видите ли. Въ В*, когда еще мужъ служилъ, пріѣхалъ одинъ чиновникъ, человѣкъ молодой, съ женою, Александръ Антонычъ Литвинъ. Я всегда бывала рада, если прибавляется наше общество, а они были такіе прекрасные люди, она красавица, онъ всегда такъ любезенъ. Они у насъ почти всякій день; но бѣдны, бѣдны такъ... что я и не знаю. Я даже, бывало, грѣшу, говорю мужу: «помилуй, въ состояніи ли мы всякаго одолжить? у насъ сынъ; тебя не будетъ, что мнѣ дѣлать?» Мой Иванъ Иванычъ— вы его не знали—онъ былъ весь чужой!.. Вотъ Богъ далъ имъ дочь, Ниночку; отецъ былъ такъ радъ, зоветъ мужа крестить. Я ему прямо сказала—онъ пріѣхалъ и проситъ; мужа нѣтъ дома—я говорю: «Алексанръ Антонычъ, образумьтесь, вы зовете крестить къ себѣ предсѣдателя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника; ему пара по крайней мѣрѣ предводительша. Кого-жъ вы позовете гостей? Положимъ, къ вамъ всѣ поѣдутъ, но, душечка, вѣдь это вамъ стоитъ полугодового жалованья: обѣдъ, дессертъ, вино—вы подумайте». Онъ мои руки цѣлуетъ, умоляетъ, проситъ, чтобъ я мужу позволила. «Я знаю, говоритъ, вы начальница, отъ васъ все зависитъ». Я говорю: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы сами человѣкъ образованный; вы понимаете, что Иванъ Иванычъ не станетъ крестить съ кѣмъ нибудь, съ хозяйкой вашей, съ попадьей Маланьей... кто ужъ ее тамъ знаетъ? а иначе вамъ сдѣлать нельзя. Я вамъ говорю, какъ другу, и пусть Марья Андревна, ваша супруга, обижается, я знаю, она сама послѣ поблагодаритъ. Долгъ дружбы и знакомства я исполню: привезу послѣ вашей малюткѣ рубашечку и поясъ, какъ будто я са-

ма мать ея крестная; но крестить моему мужу нельзя: это нейдетъ»...

— Ахъ, проказница, Катерина Михайловна!

— О! да я была человѣкъ рѣшительный! Мой Александръ Антонычъ такъ и уѣхалъ. Ужъ не знаю тамъ, кто у нихъ крестилъ. Я къ ней не поѣхала. Вы знаете сами, что принято, когда дама получитъ дитя, она присылаетъ увѣдомить своихъ знакомыхъ, если хочетъ, чтобъ они къ ней ѣхали; ну, а Марья Андревна этого не сдѣлала; ея мужъ пріѣзжалъ звать моего мужа крестить, а не меня, такъ какъ же мнѣ ѣхать? Она, можетъ быть, и не хотѣла меня видѣть... Да, право, душечка, что вы на меня такъ смотрите? Вѣдь бываютъ этакіе характеры, для которыхъ непріятно быть обязаннымъ кому нибудь; они не цѣнятъ того, что если имъ скажешь что нибудь непріятное, такъ это для нихъ самихъ, для ихъ пользы. А я не могу вынести, я все выскажу, особенно, когда такъ много люблю, какъ я ихъ любила, Марью Андревну и Александра Антоныча. Итакъ, мы съ ними годъ не видались. Одинъ разъ—это ужъ черезъ годъ было... Вотъ именно, какъ судьба все дѣлаетъ... я вамъ послѣ скажу. Я иду вечеромъ пѣшкомъ одна отъ Шатровскихъ—у насъ былъ судья, прекрасный человѣкъ, полковникъ, имѣлъ Владиміра съ бантомъ—взяла Сашечку за руку и пошла, только велѣла человѣку себя проводить. Иду... а я пошла чрезъ переулокъ: тутъ было ближе, да ѣзды не было, въ первый разъ я въ эту улицу. Вижу, подлѣ одного домика, женщина ребенка няньчитъ. Я остановилась, говорю: «Скажите, душечка, чей это ребенокъ?» Та говоритъ: «Алексанра Антоныча Литвина». Я такъ и вскрикнула: «Литвина!»—«Ахъ, дай мнѣ его, вѣдь это моего друга дочь! Какъ ее зовутъ?» Они ей какое-то глупое имя дали: Нимфодора, Неонила—ужъ не знаю. Я говорю: «это Ниночка. Саша, гляди, вѣдь это Ниночка...» Я такъ и заплакала...

Катерина Михайловна заплакала при воспоминаніи. M-me D. была въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи человѣка, который, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ расчувствоваться чувствомъ другого, и потому поспѣшила прервать это изліяніе вопросомъ:

— Это вы тамъ ихъ отыскали?

Катерина Михайловна поспѣшила скрыть непріятное ощущеніе, которое произвелъ на нея этотъ перерывъ; но холодная вода, вылитая на горячую голову, производитъ чувство болѣзненное и раздражающее: перерывъ гостьи былъ совершенно въ этомъ родѣ, и потому Катерина Михайловна не могла такъ пріятно улыбнуться, такъ скоро продолжать свой разсказъ, чтобъ m-me D. не замѣтила своей рѣзкой, чтобъ не сказать, грубой неловкости. Катерина Михайловна поняла, что прелесть этихъ воспоминаній существовала для нея одной и что слушательница была не въ состояніи имъ сочувствовать. Она продолжала нѣсколько принужденно:

— Да, я къ нимъ зашла и мы объяснились. Я сказала имъ, что не могу ни на кого имѣть зла, будь самый низкій человѣкъ, и тому готова простить, но что мнѣ больно охлажденіе, равнодушіе, когда я душой готова всякаго любить; и даже теперь—вотъ доказательство—не они ко мнѣ, а я къ нимъ пришла. Она была больна, я къ нимъ потомъ ѣздила. Бывало, сижу съ ними, терпѣніе какое надо было!... Словомъ... прервала сама себя Катерина Михайловна, чувствуя, что опять готова увлечься:—мы возобновили знакомство. Зимою вдругъ Литвинъ получаетъ письмо, что у него умеръ какой-то дядя и оставилъ наслѣдство, денегъ тысячъ двѣсти. Онъ такъ радъ! тотчасъ службу оставилъ, поѣхалъ въ Москву хлопотать; другіе наслѣдники завели съ нимъ процессъ; онъ два года бился, вы вообразите, съ женой, съ ребенкомъ, рѣшительно безъ всего и жить въ Москвѣ—чего это стоило? однако онъ выигралъ свое дѣло. Все это время онъ не писалъ къ намъ, но вотъ, какъ я вамъ говорю, душечка, во всемъ судьба. Еслибъ мы не сошлись прежде—только не поди я чрезъ этотъ переулокъ, и никогда бы намъ не сойтись опять; а еслибъ мы не сошлись прежде и стали бы опять знакомы, когда они получили уже свое наслѣдство, всякій могъ бы сказать, что это изъ интереса. Я даже говорю мужу: «Вотъ, какъ Богъ дѣлаетъ, что мы правы теперь въ глазахъ нашихъ друзей!» Тутъ въ нашей губерніи продавалось богатое имѣніе: Литвинъ его купилъ и, знаете, я не ожидала, какой онъ порядочный человѣкъ сталъ! Прежде, бывало, въ домѣ все кое-какъ—няньки эти, мебель старая, все какъ-то не на мѣстѣ, не прибрано, а тутъ какъ вы можете вообразить образованнаго въ высшемъ кругу человѣка! и совсѣмъ тѣмъ вы то возьмите, душечка, какой онъ сталъ хозяинъ! Не то, что, какъ обыкновенно эти нищіе—вы меня извините—что неожиданно получать, то у нихъ какъ пухъ летитъ, о, нѣтъ! Александръ Антонычъ былъ прекрасный хозяинъ. Одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ въ В* сталъ ихъ домъ—вотъ какъ! Мой мужъ... вскорѣ я

имѣла несчастіе потерять мужа и почти оставила всѣ знакомства, но въ томъ моя бѣда: я оставляю, а меня не оставляютъ; я говорю всѣмъ: «да подите вы отъ меня! я женщина безъ состоянія; связей у меня нѣтъ; у меня сынъ: я обязана посвятить себя всю ему».—«Нѣтъ», говорятъ они, и еще какъ, душечка!.. Ахъ, я этого вспомнить не могу!...

У Катерины Михайловны набѣжали слезы на глаза: она забылась и сжимала руку m-me D.

— Боже мой! говорятъ: «ваше превосходительство, вы для насъ все та же, вы наша начальница; мы знаемъ, чѣмъ мы вамъ обязаны; мы умѣемъ почитать память благороднаго человѣка, и хоть онъ въ могилѣ, но все у насъ въ душѣ! Нѣтъ, говорятъ, чтобъ мы оставили ваше знакомство.... мы знаемъ, чѣмъ мы вамъ обязаны, мы помнимъ, что Иванъ Иванычъ бывалъ несправедливъ, а вы насъ спасали, вы его уговаривали, вы намъ помогали...» И руки у меня цѣлуютъ, и жены ихъ тутъ... Ахъ, я не могу вспомнить!..

Катерина Михайловна плакала и обнимала m-me D. Гостья вспомнила, что однажды уже прервала ее не совсѣмъ ловко, и на этотъ разъ очень нѣжно отвѣчала на объятія; но, помня больше всего о разсказѣ, сказала между двухъ поцѣлуевъ:

— И вѣрно всѣ, всѣ у васъ бывали! Это былъ такой священный долгъ!

Онѣ еще разъ поцѣловались.

— Что вы сказали, душечка? спросила Катерина Михайловна съ усиліемъ:—да, всѣ бывали, всѣ, и сколько я тамъ—десять лѣтъ прожила, покуда Сашечка былъ въ гимназіи — я, могу сказать, не была оставлена; этого я не забуду... А съ Литвиными я рѣдко видалась. У нея... при богатствѣ, знаете, ужъ всегда, разные капризы начались, да разныя претензіи. Это урокъ, душечка, кто не наживетъ себѣ заранѣе друзей... Ею всѣ недовольны были въ городѣ.

M-me D. хотѣла замѣтить, что, по словамъ Катерины Михайловны, домъ Литвиныхъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ городѣ, но подумала, что не поняла тогда или теперь, и удержалась. Катерина Михайловна продолжала:

— Она была такая странная. Уѣхала въ деревню и тамъ они пропали — онъ съ своимъ сахарнымъ заводомъ, она съ своими романами. Конечно, они меня приглашали къ себѣ, и бывали у меня, и я у нихъ, рѣдко, разъ въ годъ, не больше. Потомъ, я переѣхала въ Москву, когда Сашечку отдала въ университетъ; мнѣ было не до того, чтобъ знакомства отыскивать, когда сынъ на рукахъ, но меня отъ Литвиныхъ Богъ не избавилъ. Разъ встрѣтились мы при разъѣздѣ въ театрѣ. «Ахъ, ахъ! Катерина Михайловна! какъ я рада васъ видѣть!» и дѣвочку мнѣ свою представляетъ... дѣвочка была хорошенькая, ужъ лѣтъ четырнадцати, но такая блѣдненькая, худенькая, на мать похожа. Со мной былъ Сашечка; m-me Литвина проситъ его, ради Бога, чтобъ онъ потрудился велѣть вызвать скорѣе ея карету, человѣкъ ушелъ, въ сѣняхъ холодно, а Ниночка ея кашляетъ. Я думаю: «погоди, ты не подошла бы ко мнѣ, еслибъ Ниночка не кашляла, а ты тутъ рада напомнить о знакомствѣ, когда тебѣ нужно карету твою вызвать...» Да, право, душечка, что вы смѣетесь? Я это тотчасъ соображу; у меня не скроешься. Я рада одолжать, рада мою душу отдать, но передо мной носа не поднимай. Я очень помню, что эта женщина, бѣдная, у меня была въ домѣ призрѣна, и я ей, бывало, чаю и сахару посылаю, а тутъ у нея двадцать тысячъ дохода и она моимъ сыномъ распоряжается, разсылаетъ его, три года не видавшись и глазъ ко мнѣ не показавъ... а она ужъ съ начала зимы въ Москвѣ. Я ей это дала почувствовать: «Какъ это, говорю, Марья Андревна, вы узнали Сашечку? кажется, мы такъ давно не имѣли удовольствія даже встрѣчаться». Она поняла, извиняется, ну, и была у меня на другой день и Ниночку свою привезла. Потомъ съ ней Сашечка на дѣтскихъ балахъ танцовалъ. Одѣвала она ее премило. Такъ мы видались эту зиму, и потомъ опять не встрѣчались и до сихъ поръ.

— Какъ, неужели?

— Да. А теперь я къ себѣ Ниночку ожидаю.

— Послѣ этакихъ ихъ поступковъ!

— Да, послѣ всего ихъ невниманія... однимъ словомъ, всего. Я вамъ сказала, душечка, что если я полюблю кого, то ужъ не могу разлюбить, я это и дѣлаю... да, хоть меня убейте — не могу!

Катерина Михайловна заплакала и черезъ минуту продолжала:

— Вотъ, какъ это было. Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Москвѣ, Сашечка готовился къ выпуску: я хлопочу съ портными, знаете, все ему покупаю, вдругъ ко мнѣ является Литвинъ. «Ахъ, Александръ Антонычъ, чему я обязана вашимъ посѣщеніемъ?» Онъ меня за руку беретъ: «Катерина Михайловна, Богъ видитъ, я къ вамъ никогда не измѣнялся и

помню всѣ ваши благодѣянія, все помню, однимъ словомъ, все... и какъ вы мою жену-покойницу обласкали...» «Какъ, покойницу?»—«Да, говоритъ, моя Marie умерла, вотъ ужъ болѣе полугода...» Я вѣдь не могу удержаться, я отъ него убѣжала, рыдаю. Онъ ко мнѣ въ спальню прибѣжалъ, успокоиваетъ—ужъ не я его, а онъ меня. Мы обо всемъ разговорились, все припомнили. Я спрашиваю: «Что же ваша Ниночка, гдѣ-жъ она?»—«Въ деревнѣ».—«Помилуйте, ради Бога! который ей годъ?»—«Восьмнадцать».—«И вы, съ вашимъ состояніемъ, держите дѣвочку въ деревнѣ? вы ее не вывозите? Да не съ ума ли вы сошли? Вы ее совсѣмъ уморите въ вашей глуши?»—«Мы въ траурѣ: матери нѣтъ года».—«Была ли она гдѣ нибудь, по крайней мѣрѣ, съ матерью?»—«Нигдѣ. Моя Marie три года была больна и никуда не показывалась». — «Такъ неужели только все съ матерью можно показываться? У васъ есть родные?»—«Никого, Катерина Михайловна; родные моей жены люди бѣдные и живутъ далеко!» (Она была какого-то учителя дочь, въ Одессѣ). — «Ну, ваши родные?» — «Да кто-жъ? Они на меня злы за процессъ; мы съ ними не видимся; они меня знать не хотѣли въ моей бѣдности, теперь я ихъ знать не хочу».—«Ну, знакомые у васъ есть?»—«Marie не составила связей, я тоже...» Ахъ, Господи Боже мой! я наконецъ изъ терпѣнія вышла. «Да отдайте мнѣ вашу дѣвочку, я ее вывозить стану, я для нея танцовать стану, если нужно!..» Вы не можете вообразить, Александра Ивановна, что съ нимъ сдѣлалось: онъ обомлѣлъ... «Вы! вы!..» да какъ бросится меня цѣловать!.. Я говорю: «Да, я вашъ старый другъ, ваша начальница бывшая... (а сама его цѣлую, у него такой лобъ славный, глаза голубые). Я ее стану веселить, покажу ей людей, свѣтъ, пристрою ее... замужъ выдамъ... Ну, батюшка, давайте ваше согласіе!..» Я вамъ не умѣю разсказать, что это было. Онъ такой живой; я сама отъ радости съ ума сходила. Наконецъ, я говорю: «Теперь вы мнѣ ее не давайте, я отсюда уѣду въ N*, Сашечка будетъ служить; а въ октябрѣ я буду на мѣстѣ, вы и привозите мнѣ Ниночку; къ зимѣ вашъ трауръ кончится, мы съ Ниночкой и покутимъ въ губернскомъ городѣ; я пріѣзжая, она пріѣзжая; мы обратимъ все вниманіе общества; еще посмотрите, я сама буду отбивать жениховъ у вашей Ниночки...»

Катерина Михайловна расхохоталась, madame D. тоже.

— Я сюда пріѣхала, домъ наняла, какъ видите, познакомилась и жду къ себѣ гостью. Мы съ Александромъ Антонычемъ списались; Нина Александровна должна сегодня пріѣхать одна и прогоститъ у меня зиму. Я для нея комнаты приготовила — все, какъ слѣдуетъ.

Въ это время часы въ залѣ пробили десять; Катерина Михайловна считала съ безпокойствомъ.

— Они отстали, утѣшала ее m-me D.—На моихъ почти двѣнадцать.

— Что-жъ это такое? сказала Катерина Михайловна: — Сашечки все нѣтъ! гдѣ-жъ онъ? (Она позвонила). Аннушка, вели человѣку взять извозчика и доѣхать до палаты, узнать, гдѣ Александръ Иванычъ.

— Въ палатѣ теперь ужъ давно никого нѣтъ, возразила гостья: — мой мужъ воротился, еще я не выѣзжала изъ дома.

— Но все-жъ... Аннушка!.. Вы меня извините, Александра Ивановна.

Катерина Михайловна вышла. Гостья слышала, какъ она дѣлала свои распоряженія.

Возвратясь, Катерина Михайловна была ужъ совершенно спокойна и занялась приготовленіями чая, который подали, приглашая гостью пить и увѣряя, что для нея самой чай пріятенъ во всякое время. M-me D. понимала, что будетъ лишнею среди этого двойного ожиданія, пріѣзжей и сына, но она была любопытна и думала, если судьба ужъ привела ее ждать вмѣстѣ съ Катериной Михайловной, то почему-жъ и не дождаться?

Впрочемъ, кажется, имъ обѣимъ было не суждено дождаться Сашечки; или большая столбовая дорога, по которой должна была пріѣхать m-lle Литвина, представляла менѣе препятствій, нежели путь отъ зданія палаты до переулка, гдѣ находился домъ штабсъ-капитанши Спициной, только черезъ полчаса, проведеннаго въ ожиданіи и пріятномъ, хотя нѣсколько разорванномъ разговорѣ, Катерина Михайловна и ея гостья услышали стукъ кареты, сдержанные звуки колокольчика и шумъ въ подъѣздѣ.

На этотъ разъ дѣйствительно была пріѣзжая.

Я никогда не могъ довольно налюбоваться и довольно насладиться радушіемъ, съ которымъ Катерина Михайловна встрѣчала своихъ гостей. Не будьте у нея два года, она приметъ васъ, будто разсталась съ вами наканунѣ; будьте наканунѣ — она обрадуется будто не видала васъ два года. M-me D., изъ приличія, остановившись въ гостиной, слышала только радостныя восклицанія хозяй-

ки и громкіе поцѣлуи, которыми она осыпала гостью. Наконецъ, Катерина Михайловна будто опомнилась.

— Ахъ, Боже мой! да что-жъ я васъ держу, ангелъ мой, войдите-жъ сюда, бросьте вашу шляпку... Аннушка, прибери! Подите сюда, душечка, чай готовъ... вотъ сюда, прошу покорнѣйше.

Катерина Михайловна вошла въ гостиную, держа за талію свою молодую гостью.

Нина была еще въ трауръ по матери. M-me D. хорошо знала, что ничего нѣтъ выгоднѣе чернаго цвѣта, и суконное платье, сшитое ловко, такъ обрисовываетъ талью, что всегда кажетъ ее тоньше и ростъ выше; притомъ лицо, особенно у блондинокъ, кажется бѣлѣе, а Нина была бѣлокура и блѣдна. Такъ по крайней мѣрѣ описывала ее на другой день m-me D. своимъ знакомымъ.

— Душечка, какая прелесть! какъ она выросла! говорила Катерина Михайловна, усаживая ее на диванъ: — какой ростъ чудный! какіе волосы!.. Простите меня, ангелъ мой, я васъ разсматриваю, какъ своего ребенка... Гдѣ тутъ скамеечка?

— Сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь, сказала въ смущеніи дѣвушка.

— Вѣдь вы мое дитя, моя душка, душка! — Катерина Михайловна бросилась еще ее цѣловать, и заплакала.—Ахъ, маменька!.. какъ она похожа на свою маменьку! Посмотрите, Александра Ивановна, какъ она на мать похожа... да вы не знали Марьи Андревны... какъ она была хороша! голубушка моя!..

Катерина Михайловна обвилась руками за шею дѣвушки и горько плакала.

Въ минуту удавшагося какъ-то молчанія m-me D. оглянула эту группу, и ее непріятно поразила неподвижность и безмолвіе гостьи, на лицѣ которой выражались только смущеніе, усталость, какое-то странное удивленіе, какъ будто ей были непонятны эти слезы и эти объятія. Совершенно чувствуя, какъ тяжело для Катерины Михайловны ея нераздѣльное участіе, m-me D. рѣшилась заговорить съ пріѣзжей, чтобъ прервать эту сцену, грозившую быть тягостной.

— Вы вѣрно очень устали? сказала она, обращаясь къ Нинѣ: — отъ послѣдней станціи, Шестаково, дорога прескверная.

Катерина Михайловна приподнялась и отерла слезы, но еще прислушивалась къ голосу Нины, которая отвѣчала:

— Дорога очень дурна; мы такъ долго ѣхали отъ послѣдней деревни...

— Милочка! вскричала Катерина Михайловна:—какой у васъ голосокъ ангельскій! «Дорога очень дурна...» точно серебряный голосокъ! Послушайте, Александра Ивановна, вы вглядитесь въ нее: что за прелесть!.. Рекомендую вамъ, душечка, Александру Ивановну D.—Извините меня... Александра Ивановна—здѣшняя окружная начальница, моя добрая, прекрасная знакомая. Вы вѣрно съ ней сойдетесь: превоспитанная дама—это я могу всегда сказать... Прошу васъ, Александра Ивановна, полюбите мою гостью...

M-me D. рѣшилась тотчасъ же показать, сколько она расположена къ той дружбѣ, которую Катерина Михайловна имъ пророчила.

— Это видно, что вы устали, сказала она:—пожимая крошечную руку дѣвушки:— у васъ руки такія горячія; вы вѣрно не почивали?

— О нѣтъ! отвѣчала Нина поспѣшно, будто обрадовавшись, что разговоръ принимаетъ оборотъ болѣе прозаическій:—я спала съ послѣдней станціи почти до города... но тутъ какой-то мостъ, и насъ чуть не опрокинули впотьмахъ, я такъ испугалась...

— Опрокинули! вскричала Катерина Михайловна: — прошу покорно! чего-жъ они смотрѣли?

— Темно, тутъ лѣсъ какой-то...

— Ахъ, Боже мой! еще лѣсъ, могли быть бѣглые... Что-жъ вашъ человѣкъ? какъ ему не стыдно, душечка; что-жъ фонарей не зажгли?

— Ночь мѣсячная, только тутъ было темно...

— Да лѣсъ, помилуйте, могутъ быть бѣглые...

— Нѣтъ, вмѣшалась m-me D.:—лучше скажите, чего Ветлинъ смотритъ, онъ исправникъ. Какихъ интригъ не дѣлалъ, чтобъ выбрали, а дорогъ порядочно не поправитъ!

— Это на проселочной дорогѣ, отвѣчала Нина:—мы своротили съ большой,—ее, говорятъ, поправляютъ.

— Ну, слава Богу!

— Вы, должно быть, очень испугались? спросила съ участіемъ m-me D.

— Да. Лошади не могли вытащить кареты изъ грязи; я боялась сидѣть въ каретѣ, а выйти невозможно; кругомъ вода и грязь... Со мной было настоящее приключеніе. Моя дѣвушка принялась плакать; я ее уговариваю; вдругъ мы видимъ, къ намъ на встрѣчу ѣдетъ тарантасъ. Проѣзжій остановился и спрашиваетъ извозчика, что случилось, потомъ—такой добрый—велѣлъ своему кучеру сойти и помочь намъ, и самъ сошелъ, от-

ворилъ дверцы, высадилъ меня и дѣвушку, и покуда хлопотали съ каретой, мы сидѣли въ его тарантасѣ.

— Ахъ, вотъ и приключеніе! вскричала со смѣхомъ Катерина Михайловна:—вотъ что значитъ ко мнѣ ѣхать, душечка! я всегда такъ!..

— Приключеніе! повторила m-me D.—А путешественникъ тоже сидѣлъ съ вами, въ тарантасѣ?

— Да, иначе было невозможно, къ тому-жъ онъ...

— Что онъ, молодой или старикъ? спросила Катерина Михайловна.

— Молодой человѣкъ, отвѣчала Нина и разсмѣялась сама въ первый разъ.—Вообразите, онъ ѣхалъ на вечеръ.

— На вечеръ?

— Да. Куда-то въ деревню — онъ такъ сказалъ.

— Приказный какой нибудь, сказала madame D. тономъ, который можно назвать «въ скобкахъ».

— Это особенно насъ смѣшило, продолжала Нина:—онъ очень заботился о своемъ костюмѣ; на немъ было пальто сверхъ фрака и бѣлыя перчатки въ карманѣ; онъ ихъ досталъ и началъ надѣвать тутъ же, въ тарантасѣ, «чтобъ не терять даромъ времени», какъ говорилъ онъ. Мы такъ смѣялись...

— Неужели ваша дѣвушка тоже смѣялась ему въ глаза? спросила, не задумываясь, m-me D.

— Какъ, моя дѣвушка?..

— Вы сказали: «мы смѣялись».

— Это онъ смѣялся самъ, со мной.

— У него, долженъ быть, превеселый характеръ, сказала Катерина Михайловна, замѣтивъ непріятное смущеніе Нины. — Вотъ что значитъ путешествія! На мѣстѣ сидя, право, и не посмѣешься, и не познакомишься... Это вамъ, моя душечка, первый урокъ: вы плакали бы, сидя въ вашей каретѣ, а тутъ забавная встрѣча и вы ко мнѣ веселыя пріѣхали... Милочка моя!

Катерина Михайловна поцѣловала гостью.

— Это вы на какомъ же мосту встрѣтились? сказала m-me D.

— Право, не знаю. Недалеко отъ города.

— Знаете, Катерина Михайловна, это дорога въ Сорокино; значитъ, Кромкины не поѣхали на вечеръ къ Грàшковымъ: сами празднуютъ, въ деревнѣ, только кто-жъ бы это къ нимъ?..

Часы принялись звонить одиннадцать.

— Это часъ зà-полночь, сказала m-me D.

Катерина Михайловна оглянулась; казалось, она ждала видѣть тѣнь своего сына.

— У Грàшковыхъ теперь мазурка начинается, продолжала m-me D. — Вотъ пріятный домъ, Нина Александровна... Да, ужъ мазурка и Надина въ первой парѣ съ этимъ... съ артиллеристомъ... Какъ его фамилія, я все забываю...

— Нѣмецкая какая-то, отвѣчала Катерина Михайловна, возвращаясь отъ окна, къ которому она подходила съ безпокойствомъ; но она не могла даже разсмотрѣть, что дѣлалось на улицѣ: мѣсяцъ ужъ зашелъ.

— А вы безпокоитесь, сказала m-me D.

— Да, такъ поздно.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала m-me D., поднимаясь и отыскивая на диванѣ свое боа:— до свиданія, Катерина Михайловна. До свиданія, моя милая, прелестная новая знакомая, позвольте васъ поцѣловать.

Нина приняла еще поцѣлуй; она ужъ теряла счетъ поцѣлуямъ.

— Желаю вамъ доброй ночи. Знаете ли, загадайте: «ложусь на новомъ мѣстѣ...»

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала Катерина Михайловна, провожая гостью въ залу, гдѣ та начала закутываться: — какъ же это гадается, Александра Ивановна?

— Просто, и ничего нѣтъ грѣшнаго. Вы ляжете, Нина Александровна, и только скажите: «ложусь на новомъ мѣстѣ, приснись женихъ невѣстѣ...» и вы непремѣнно увидите, кто вашъ суженый...

— Ахъ, какъ это забавно! сказала, смѣясь, Катерина Михайловна. — Непремѣнно сдѣлайте это, душечка, непремѣнно.

M-me D. закуталась окончательно.

— Кстати, сказала она, уходя въ прихожую,—съ вами ужъ сегодня было приключеніе... До свиданія.

II.

Нина не видѣла во снѣ своего суженаго; въ первую ночь, проведенную подъ кровлею Катерины Михайловны, ей не спалось всю ночь; она испытала все неудовольствіе новаго ночлега, не потому, конечно, чтобъ ея комната была непокойна, напротивъ, при свѣтѣ лампады, она могла разсмотрѣть всѣ удобства, какими окружала ее внимательность Катерины Михайловны. На окнахъ были прекрасные цвѣты; на этажеркѣ разныя красивыя бездѣлки, въ углу даже стояли прехорошенькія маленькія пяльцы, пустыя, ожидая работы. Нина видѣла, что о

ней заботились, что хотѣли, чтобъ она была какъ у себя дома; но, послѣ первой минуты удовольствія, это ее чрезвычайно смутило. При всемъ искреннемъ желаніи благодарить Катерину Михайловну, она затруднялась, въ какихъ словахъ выразить ей поутру свою благодарность. Ей въ первый разъ случилось благодарить. Дома она была страстно любимое дитя своей матери и такъ привыкла къ попеченіямъ, къ ласкамъ, къ баловству, что не благодарила ни за что; она только любила, и больше отъ нея ничего не требовалось. Здѣсь она понимала, что надо выразить какъ всѣ эти угожденія подѣйствовали на ея сердце: чужія не поймутъ ее безъ словъ. Мать удовольствовалась бы тѣмъ, что видѣла, какъ она довольна; здѣсь Нина была не удовлетворена, а обязана... Выказать просто удовольствіе? Но Нина уже не дитя, чтобъ только радоваться, и притомъ есть приличія; отецъ говорилъ ей, что Катерина Михайловна не любитъ отступленій отъ приличій. Выразить любовь свою, какъ прежде, передъ матерью? Но Нина еще не любила Катерины Михайловны, а съ вечера ее такъ утомила дорога, что просто она не успѣла еще рѣшить, нравится ли ей Катерина Михайловна.

Эти размышленія не дали ей покоя. Она проснулась часовъ въ десять и поспѣшила одѣваться. Ея горничная была хорошенькая дѣвушка, выросшая вмѣстѣ съ нею и любившая ее искренно. Причесывая прекрасные волосы Нины, Маша долго глядѣла на нее въ зеркало.

— Вы вѣрно съ вечера гадали и видѣли суженаго, барышня?

— Нѣтъ! А что?

— Что вы задумываетесь?

— Мнѣ что-то скучно, Маша.

— Полно-те, барышня; дастъ Богъ, будете веселиться... Я сейчасъ видѣла здѣшняго молодого барина; что это, какой онъ нехорошій!

— Въ самомъ дѣлѣ? Что онъ тебѣ не понравился? сказала Нина для того, чтобъ разговориться; она чувствовала, что ей будетъ неловко представиться передъ посторонними людьми въ туманномъ расположеніи духа.

— Развѣ вы его никогда не видали?

— Видѣла, въ Москвѣ, когда была съ маменькой, но не помню.

— Нехорошъ. А каковъ же онъ: Катерина Михайловна его до трехъ часовъ дожидалась и не дождалась: онъ всю ночь протанцовалъ на балѣ, тутъ у кого-то балъ былъ. Что-то онъ матери скажетъ?

— Что-жъ за бѣда?

— Катерина Михайловна не любитъ, чтобъ онъ часто въ тотъ домъ ѣздилъ; тамъ барышня ужъ постарше его, такъ она боится, чтобъ онъ не влюбился.

Нина разсмѣялась.

— Какъ ты все это проворно узнаешь, Маша?

— Тутъ узнавать нечего, всѣ люди говорятъ; они знали, какъ онъ поѣхалъ, да не велѣлъ сказывать. А она его больше души любитъ, барышня. Впрочемъ, кому свое не мило?

Катерина Михайловна встрѣтила Нину въ дверяхъ гостиной.

— Душка моя, точно цвѣточекъ! Спокойно ли почивали? Какъ ваше здоровье, моя путешественница?

Она такъ радушно и крѣпко обняла дѣвушку, что затрудненія той въ минуту разлетѣлись.

— Ваша путешественница отлично спала, и благодаритъ васъ за гостепріимство... Какъ вы добры, Катерина Михайловна, вы такъ много обо мнѣ заботитесь. Какая прекрасная комната, столько милыхъ вещицъ...

— О, объ этомъ ни слова мнѣ не говорите! это такъ должно быть, и никакой тутъ заботы нѣтъ. Я знаю ваши привычки, я не хочу, чтобъ у меня въ домѣ ваша комната, какъ тюрьма, была пустая; я хочу, чтобъ у васъ все было, какъ при вашей маменькѣ, моя душечка... милочка моя... какая красавица!

Всякое слово сопровождалось поцѣлуемъ.

— Я ее съ голоду уморю! вскричала, наконецъ, Катерина Михайловна, смѣясь и освобождая Нину изъ объятій. — Чай готовъ, пожалуйте, мой ангелъ... Ахъ! позвольте вамъ представить, сынъ мой, Сашечка, старинный вашъ знакомый — вы не забыли?..

— Очень помню, отвѣчала Нина, какъ нельзя болѣе чистосердечно.

Ласки Катерины Михайловны сдѣлали-бъ ей памятнымъ даже вовсе незнакомое, хотя Нина совершенно не узнавала длинной бѣлокурой фигуры, которая ей кланялась.

— Но, сказала она: — если Александръ Иванычъ не совсѣмъ забылъ меня... Я помню, въ Москвѣ, при маменькѣ.

И, глядя въ лицо Катерины Михайловны, которая прослезилась, Нина, сама не зная какъ, подала руку молодому человѣку. Воронской былъ, казалось, сконфуженъ болѣе Нины, которая была растрогана; онъ потрясъ очень холодной рукой ея бѣленькія пальчики.

— Полюбите его, душка, сказала Катерина Михайловна, съ движеніемъ, полнымъ любви, хотя нельзя было бы объяснить, къ кому въ эту минуту была сильнѣе любовь ея, къ сыну или къ гостьѣ.—Его можно полюбить: онъ не изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые вертятся и надоѣдаютъ; въ немъ все чистосердечно; онъ не станетъ вамъ бравировать всѣмъ на свѣтѣ, какъ другіе, нынѣшніе, которымъ ничто не свято. Вотъ онъ вашъ всегдашній кавалеръ будетъ, а вы, душечка, безъ церемоніи: когда какую кадриль не танцуете, скажите ему просто... мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ вамъ какъ братъ былъ. Въ обществѣ, ангелъ мой, всегда лучше, когда есть свой молодой человѣкъ. Онъ всегда долженъ быть при васъ, я это ему приказываю — слышишь, Сашечка? Нина Александровна — дочь моего друга, она сирота, и я обязана ей, какъ мать, просто какъ мать... Ахъ! какая она прекрасная!..

Она сжала Нину въ своихъ объятіяхъ. Имя матери много напомнило молодой дѣвушкѣ; и эти ласки другой, чужой, подъ надзоръ которой она теперь поступала, живо ее тронули: ей такъ ясно высказалось вдругъ ея сиротство, одиночество, покровительство чужой, вмѣстѣ отрадное и горькое, что она заплакала невольно.

Когда Нина подняла голову съ плеча Катерины Михайловны, передъ нею все еще стояла неподвижная, длинная фигура Воронскаго.

— Вы слышите, сказала Нина съ милой улыбкой, отирая слезы:—какъ маменька ваша приказываетъ вамъ меня баловать: не смѣйтесь же теперь надо мной, если я плачу, какъ ребенокъ.

Она жестоко ошибалась; на лицѣ Воронскаго не было не только улыбки, но рѣшительно никакого выраженія. Онъ, какъ уже сказано, стоялъ неподвижно, будто дожидаясь конца сцены, послѣ которой ему можно будетъ сѣсть и продолжать пить чай.

— Маменька большая охотница баловать, отвѣчалъ онъ:—вотъ она и меня такъ же балуетъ.

— Какъ же иначе? продолжала Нина, у которой еще дрожало сердце отъ воспоминанія:—вы у нея одно дитя.

— Теперь не одно, ангелъ мой, вскричала Катерина Михайловна:—вы мнѣ такое-жъ дитя... Что ты смотришь, Сашечка? Да, сударь, вотъ мы какъ! А вѣдь я его безъ памяти люблю, мой ангелъ!... Да, сударь, теперь завидуйте, ваша мать вамъ измѣняетъ, что-то вы будете дѣлать? Мой ангелъ, что-то онъ теперь будетъ дѣлать?...

— Что-жъ мнѣ дѣлать? сказалъ Воронской совершенно спокойно:—за это на дуэль нельзя выйти.

— Какъ на дуэль? Что ты, Сашечка, какъ тебѣ въ голову входятъ эти дуэли!

— Я хотѣлъ сказать, продолжалъ Воронскій спокойно: — за мать на дуэль съ молодой дѣвицей нельзя выйти.

— Да... ты пошутилъ. Онъ пошутилъ, душечка... однако вы послушайте: «съ молодой дѣвицей?» О, мы это знаемъ, что вы хотите сказать, милостивый государь! Вы не смотрите на него, душечка, онъ только такъ, тихъ, а мы умѣемъ, умѣемъ...

Катерина Михайловна слегка толкнула Нину въ локоть и смѣялась. Нина взглянула на Воронскаго; тотъ не глядѣлъ на мать и былъ, казалось, крайне удивленъ; его голубые глаза впились въ ея глаза, а пальцы, какъ мѣшали ложечкой въ стаканѣ, такъ и остановились.

— Онъ, посмотрите, теперь станетъ васъ увѣрять, продолжала Катерина Михайловна вполголоса:—что никогда не говоритъ любезностей и даже не умѣетъ слова сказать дѣвицѣ; что онъ точно пустынникъ. Помнишь, Сашечка, какъ ты недавно читалъ мнѣ, эти монахи, что ничего не говорятъ...

— Что-жъ? правда. Я развѣ бываю гдѣ нибудь дальше своей палаты? отвѣчалъ хладнокровно Воронской.

— Развѣ палата ваша—la grande Chartreuse? спросила Нина, которой вдругъ, Богъ знаетъ почему, ужасно захотѣлось смѣяться.

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ онъ немного возвышая голосъ:—у насъ служатъ очень порядочные люди. Вотъ, два брата Стòловы; я съ ними хорошъ, и еще Пестовскій, Бѣлягинъ... мы по одному отдѣленію.

— Начальникъ у нихъ, предсѣдатель, прекрасный человѣкъ, прибавила Катерина Михайловна.

— Ну, это онъ вамъ такъ нравится, возразилъ Воронской:—а я не знаю, что вы находите въ немъ прекраснаго; онъ даже нисколько не bel-homme, чтобъ о немъ что нибудь можно было сказать, такъ... невысокій человѣкъ, крестовъ своихъ никогда неноситъ...

— Ахъ, душечка, я его третьяго дня во всѣхъ его крестахъ видѣла!

— Это онъ пріѣзжалъ именинницу поздравлять, m-me Хворостинину, такъ вы его въ крестахъ видѣли, и потомъ въ присутствіе ѣхалъ; а дома, когда ни пріѣзжай, сидитъ у себя въ кабинетѣ и всегда въ старомъ пальто.

Катерина Михайловна покосилась на сына.

— Вѣрно ты, Сашечка, его нездоровымъ засталъ, что онъ, съ позволенія сказать, въ пальто... У этихъ мужчинъ, мой ангелъ, всегда свои привычки, и можно сказать, пресальныя; даже съ ними познакомишься—говорить разучишься; вдругъ, что нибудь о костюмѣ своемъ при дамахъ заговорятъ, имъ это ничего не значитъ...

— Я вижу, вы на меня хотите сказать, маменька, что я сейчасъ говорилъ о пальто. Но мнѣ нельзя съ нимъ не быть знакомымъ, съ предсѣдателемъ: онъ мой начальникъ, и, къ тому же, мнѣ долженъ Бѣлягинъ, а Бѣлягинъ у него чиновникомъ и всякій день бываетъ; такъ если мнѣ не ѣздить къ предсѣдателю, я своего долга никогда не получу— вы это сами знаете: Бѣлягинъ подумаетъ, что меня принимать не хотятъ, и носъ подниметъ.

— Это, ужъ Богъ тебя знаетъ, откуда ты досталъ своего Бѣлягина. Вообразите, душечка, вдругъ приходитъ ко мнѣ: «рекомендую, говоритъ, мой товарищъ», а я думала онъ изъ вертепа какого нибудь, разбойничьяго. Волосы у него до этихъ поръ; глаза страшные. Я, внѣ себя, испугалась. Ушелъ. Я говорю: «Сашечка, Богъ съ тобой, что это за человѣкъ, хохочетъ, вертится. Сдѣлай милость, говорю, избавь меня, что мнѣ въ томъ, что онъ на десяти языкахъ говоритъ и Богъ знаетъ кому родня—седьмая вода на киселѣ — да видѣть его я не могу, боюсь».

Воронской тихо и очень прилично усмѣхнулся.

— Что тутъ смѣшного? твой Бѣлягинъ бѣшеный чиновничишка—больше ничего; съ нимъ все Надина Грàшкова кокетничаетъ. Вотъ вы ее, дружочекъ, узнаете, эту дѣвицу, и вы мнѣ скажете, права ли я, можно ли такъ себѣ позволять. Она просто набивается, чтобъ ей услуживали; напримѣръ: «Ахъ, скажетъ, мнѣ хочется такой-то романъ прочесть, или имѣть эти ноты», при молодыхъ людяхъ, и это они изволь догадываться... Вотъ, недавно, не знаю, что они говорили, о чемъ спорили... она всегда споры заводитъ! она заставила Сашечку проиграть ей конфекты, конечно, это вздоръ, пустяки, но что за манеры! Онъ приходитъ ко мнѣ: «maman, я проигралъ конфекты мамзель Грàшковой, нужно послать». Что-жъ, я говорю, нужно за ними послать. Не забудьте, мы въ чужомъ домѣ, у Елизаветы Васильевны Хворостининой, посылать чужого человѣка! Я даю деньги; принесли эти дрянныя конфекты; Надина эта распоряжается, схватила и потчуетъ и меня вздумала потчивать. Я ей сказала... я ей говорю, что хорошо, когда у кого такой нецеремонный характеръ, и поздравляю ее... Но мать ея! я рѣшительно не видала такой дуры. У нихъ Бѣлягинъ чуть въ домѣ не живетъ. Это такая чета... Сашечка, взгляни, тамъ пришелъ кто-то.

Воронской вышелъ и воротился.

Къ вамъ записка отъ Грàшковыхъ.

— Что это такое? Вы позволите, мой ангелъ?

— Сдѣлайте одолженіе, сказала Нина, видя, что Катерина Михайловна церемонится читать при ней.

— Вотъ, мой ангелъ, прочтите, что она пишетъ. Вѣдь вотъ штука! О, я ее знаю, знаю знаю эти маневры! Прочтите.

Нина прочла:

«Вамъ вчера не угодно было быть у насъ на вечерѣ, почтенная Катерина Михайловна; вы отговорились тѣмъ, что ждали дорогую гостью; сегодня, по собраннымъ свѣдѣніямъ, мы узнали, что эта гостья ужъ у васъ; а такъ какъ я не сомнѣваюсь, что всѣ, кого вы любите, должны быть милы, любезны и снисходительны, то надѣюсь, что гостья ваша согласится уступить васъ намъ на нынѣшнее утро, въ замѣнъ вчерашняго вечера. Будьте такъ добры, не откажитесь пожаловать кушать именинный пирогъ вашего баловня, моего меньшого брата, иначе вы его разогорчите, а меня приведете въ совершенное отчаяніе. Въ 12 часовъ мы васъ ожидаемъ. Еслибъ я могла надѣяться, что m-elle Литвина согласится пожаловать къ намъ съ вами вмѣстѣ, я заранѣе бы ее расцѣловала, но не смѣю приглашать ее прямо съ дороги, а только прошу васъ сказать ей, какъ много я расположена полюбить ее. Только говорите ей это поскорѣе, добрѣйшая Катерина Михайловна, чтобъ не заставить меня тысячу разъ обѣжать всѣ окна, ожидая васъ».

«Н. Грàшкова».

— Что, душечка, какова? вскричала Катерина Михайловна.

— Это, должно быть, очень любезная особа, тихо отвѣчала Нина:—и мнѣ было бы жаль отказать ей.

— Такъ по-вашему, дружочекъ, я должна ѣхать?

— Какъ, по-моему, Катерина Михайловна?

— Да, по-вашему: вѣдь вы теперь моя повелительница, моя прелесть, дитя мое! куда дитя пуститъ, туда я и поѣду... Какіе у нея глазки прекрасные! Съ чего вздумала это

Надина, что я мою душку для нея оставлю? и не подумаю! Мы еще другъ на друга не наглядѣлись... Вотъ и Сашечка затѣмъ въ палату не поѣхалъ, съ нами будетъ сидѣть... А каково это, душечка, онъ всю эту ночь тамъ бумаги писалъ, до трехъ часовъ, вы возьмите!

— Что-жъ прикажете сказать, маменька? человѣкъ ждетъ отвѣта.

— Такъ рѣшите-жъ меня, душечка, ѣхать мнѣ?

— Непремѣнно.

— Вотъ я это люблю, кто рѣшителенъ! Скажи-жъ, Сашечка, что я буду. Взгляни въ залѣ, который часъ.

— Скоро двѣнадцать.

— Ахъ, дружочекъ, скажи, что это вчера съ часами сдѣлалось? Ты ихъ повѣрялъ, а они Богъ знаетъ какъ шли.

— Вѣрно гиря соскочила, отвѣчалъ Воронской изъ залы. — Я нынче, какъ всталъ, такъ ихъ поправилъ; теперь скоро двѣнадцать.

— Такъ мнѣ надо одѣваться? Какъ же это, душечка, я отъ васъ уѣду?

Она крѣпко обняла и цѣловала Нину, долго не отрываясь отъ нея.

— Что это, вскричала она, наконецъ:—я никакъ плачу, точно куда далеко уѣзжаю! Нѣтъ, это не годится, мнѣ надо же себя приготовить... Каково мнѣ будетъ, когда вы отъ меня уѣзжать вздумаете, а я ужъ плачу съ перваго дня... Пойду, одѣнусь... А вы, тутъ съ молодымъ человѣкомъ, душечка, расшевелите его, что онъ въ самомъ дѣлѣ ночь просидѣлъ надъ бумагами, такъ онѣ ему на яву снятся... голубчикъ мой!

Она вышла, оставивъ Нину одну. Воронской изъ залы отправился къ себѣ.

Туалетъ Катерины Михайловны продолжался часа полтора; Нина ждала ее, бродя отъ окна къ окну и глядя на незнакомую ей улицу, на незнакомыхъ людей, которые проходили или проѣзжали. Занимательнаго въ этихъ наблюденіяхъ могъ быть только скачокъ, который всякій дѣлалъ въ своемъ экипажѣ, проѣзжая одну необыкновенную рытвину, перехватывавшую переулокъ около подъѣзда. Какъ бы ни были разнородны выраженія лицъ проѣзжавшихъ, но Нина могла убѣдиться, что на этомъ толчкѣ они всѣ принимали выраженіе совершенно одинаковое; толчку сочувствовали равно старъ и младъ, сѣдокъ фаэтона или телѣги. Это нѣсколько времени занимало дѣвушку, потому что въ комнатѣ не было рѣшительно ничего, что-бъ могло обратить на себя ея вниманіе, и она была рада, когда Катерина Михайловна, наконецъ, вошла совсѣмъ одѣтая.

— Дай перчатки и муфточку, Аннушка, сказала она въ дверь. — Ну, вотъ и я, мой ангелъ. До пріятнаго свиданія.

Нина поцѣловалась съ нею и съ истиннымъ любопытствомъ женщины оглядѣла ея нарядъ. Потому ли, что она сама была одѣта просто и печально, или почему другому, но нарядъ Катерины Михайловны какъ будто изумилъ ее. Катерина Михайловна была крѣпко зашнурована, въ свѣтлопесочномъ двуличневомъ платьѣ съ тюникомъ безъ шарфа или мантильи, въ крошечномъ кружевномъ воротничкѣ съ блѣднорозовымъ платочкомъ, застегнутомъ брошкой, и въ прелестномъ чепчикѣ съ блѣднорозовыми лентами.

— Къ вамъ, душка, должны идти густые цвѣта, сказала она: — фіолетовый, малиновый и голубой густой, не синій, а голубой васильковый... такая бѣленькая, точно вишенка спѣлая!... До пріятнаго свиданія, мой ангелъ.

Катерина Михайловна уѣхала. Нина посмотрѣла въ окно, какъ она подпрыгнула въ своей каретѣ на извѣстномъ толчкѣ, и пошла спросить свою работу у Маши; она чувствовала, что соскучится сидѣть одна, сложа руки.

Воронской пришелъ, или вошелъ скорѣе изъ необходимости, потому что Нина взглянула на него, когда онъ выглянулъ въ двери.

— Ваша маменька скоро пріѣдетъ? спросила Нина.

— Я думаю. Она ничего не говорила.

— Кто эти Грашковы, къ которымъ она поѣхала?

— Здѣшніе помѣщики.

— Большое семейство?

— Большое. Отецъ, мать, дочь большая и еще много маленькихъ.

— Они всегда живутъ въ городѣ?

— Лѣто и зиму.

— Я не понимаю, какъ можно лѣто жить въ городѣ? Деревня — это такая прелесть...

Воронской молчалъ и сѣлъ.

— Я нынѣшнюю осень встрѣтила съ слезами, продолжала Нина:— въ прошломъ году, въ деревнѣ я жила цѣлый день въ саду, въ полѣ... маменька почти за мѣсяцъ до кончины еще прокатывалась, гулять она ужъ не могла... Она такъ любила воздухъ, тѣнь, цвѣты, солнце; ей бывало весело, когда оно ярко свѣтитъ, а вдали синія, темныя облака... Какъ это хорошо, когда гроза собирается!

— Я не люблю грозы, сказалъ Воронской.

— Неужели? Маменька любила.

— Знаете, это можетъ быть опасно.

— Она не боялась; на нее гроза наводила какое-то тихое, спокойное чувство; она садилась къ окну, и ей бывало даже легче во время грозы.

— У окна, знаете, никогда не должно садиться.

— Другіе, правда, боятся. Вы боитесь, можетъ быть?

— Нѣтъ, я ничего не боюсь, но негодится; могутъ быть сильные удары, особенно если въ шерстяномъ платьѣ или подлѣ васъ какое нибудь животное... Шерсть притягиваетъ электричество.

Нина не отвѣчала.

— Что вы работаете?

Она молча показала ему свое шитье.

— Какъ вы прилежны! только съ дороги, ужъ за работу.

— Вамъ ли говорить о прилежаніи? вы всю ночь за дѣлами.

Воронской немного вытаращилъ глаза; въ голосѣ Нины слышалась насмѣшка.

— Вамъ это кто сказалъ?

— Ваша маменька.

— Да... да она не знаетъ. Помилуйте, это силъ не станетъ сидѣть въ палатѣ. J'ai été au bal des Грàшковъ.

Показалось ли ему удобнѣе признаться не на своемъ языкѣ, или это было сказано, какъ секретъ для горничной, которая въ эту минуту принесла кофе, но Нина засмѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала она, когда они опять остались одни, наливая чашку для Воронскаго:—для чего-жъ вы обманули вашу маменьку?

— Comme ça.

— Но Грàшковы, все равно, скажутъ ей, что вы были.

Эта мысль, кажется, еще не поражала его; онъ опять немного вытаращилъ глаза.

— Тамъ было очень весело; много было.

— Я еще никого не знаю изъ вашего общества; мнѣ надо будетъ со всѣми познакомиться; какъ это страшно!

— Да, онѣ большія насмѣшницы.

— Особенно страшно, пріѣхавъ прямо изъ деревни.

— Конечно, въ деревнѣ нельзя имѣть свѣтскихъ манеръ. Вы учились танцовать?

— Да.

— У Енихиныхъ дочь очень хорошо танцуетъ. Вчера ее много ангажировали; однако я все съ ней галопировалъ.

Нинѣ, Богъ знаетъ почему, вдругъ ужасно захотѣлось смѣяться.

— Здѣсь много дѣвушекъ? спросила она.

— Много; но больше молодыхъ дамъ. Оно, впрочемъ, и пріятнѣе.

— А молодыхъ людей много?

Воронской посмотрѣлъ на нее пристально и какъ будто съ недоумѣніемъ.

— Есть ли здѣсь кому танцовать?

— А вы любите танцы?

— Я никогда не танцовала на большихъ балахъ.

— Здѣсь много молодыхъ людей.

Нина замолчала. Послѣ желанія смѣяться, которое такъ же скоро исчезло, какъ зародилось, на нее нашло какое-то утомленіе.

— Вы устали съ дороги? спросилъ ее Воронской.

— Нѣтъ. А вы устали отъ бала?

— Признаюсь, мнѣ спать хочется. Vous permettez? сказалъ онъ, зажигая папиросу.

— Папенька всегда куритъ, отвѣчала она, не смотря на него, и принялась за работу.

Воронской принялъ это за позволеніе.

— Я не могу пить кофе безъ папироски, сказалъ онъ.—Кофе, говорятъ, освѣжаетъ.

— Не знаю.

— Право, я самъ это нахожу: онъ дѣйствуетъ на нервы. Вчера у Грàшковыхъ былъ чудесный ужинъ. Я зналъ, конечно, что мнѣ дома маменька оставитъ, но въ гостяхъ пріятнѣе... Что-жъ вы сами совсѣмъ не кушаете?

— Я никогда не пью кофе.

— Маменька не позволяетъ и мнѣ, но теперь такъ и быть... Мнѣ жаль, что вы вчера не были тамъ.

— Вѣрю, что вамъ было весело: вы такъ поздно воротились.

— Вамъ кто сказалъ?

— Ваша маменька.

— Мнѣ, впрочемъ, нельзя было раньше возвратиться: я ѣздилъ съ Столовымъ, съ меньшимъ; у старшаго свои лошади, а мы наняли. Я говорилъ ему, что хочу уѣхать; онъ сказалъ, что если я хочу уѣхать, то онъ попроситъ брата отвезти его домой, а чтобъ ужъ я расплатился съ извозчикомъ. «Нѣтъ, я говорю, любезный, ты шутишь; за извозчика я одинъ платить не буду, они здѣсь мошенники; ты нанялъ его за два рубля, а съ меня онъ попроситъ третій цѣлковый, потому что онъ знаетъ, что я живу своимъ домомъ, а ты у брата». Столовъ былъ ужъ немножко, знаете, échauffé, и если ему тутъ напомнить, что онъ живетъ у брата, онъ тотчасъ захочетъ показать, что ему ничего

братъ, не нуженъ. Онъ мнѣ говоритъ: «пожалуйста останься, я иду звать Сонечку Дайскую на кадриль, а тамъ поужинаемъ». Однако онъ прежде еще въ буфетъ отправился. Я вижу, онъ выходитъ. Я иду прямо къ m-me Дайской, говорю ей, чтобъ она удержала свою дочь отъ этой кадрили, потому что Столовъ въ такомъ видѣ, что неприлично. M-me Дайская меня такъ благодарила. «Я вижу, говоритъ, какъ вы много расположены къ моей дочери; это съ вашей стороны такъ благородно, что я не знаю, какъ вамъ выразить мою благодарность. Желаю... словомъ, чтобъ всѣ наши молодые люди на васъ походили». Она тотчасъ уѣхала. Столовъ ходитъ, ищетъ ее. Я говорю: «Не ищи, братъ, птичка улетѣла».

Нина слышала и не слышала этого разсказа. Ей даже начала мерещиться ея недавняя дорога съ толчками по грязи, въ головѣ ея раздавался тотъ же шумъ. Она стала до того разсѣяна, что почувствовала, что подлѣ нея замолчали; она спросила опять:

— Много было гостей на балѣ?

— Много, отвѣчалъ Воронской, не замѣтивъ, что вопросъ ужъ старый.—Это удивительно отчего такъ много набралось. Только Кромкиныхъ не было, кажется, они въ ссорѣ съ Гра̀шковыми. У нихъ тоже вчера была именинница; не знаю, кто у нихъ ужъ былъ.

— Кромкины, это помѣщики?

— Да.

— Они живутъ въ деревнѣ?

— Въ деревнѣ; а вы почему знаете?

— Я васъ спрашиваю. У нихъ вчера тоже былъ балъ?

— Не знаю. Развѣ вамъ кто сказывалъ?

— Нѣтъ... А далеко ихъ деревня?

— Верстъ пять.

— Такъ у нихъ вчера тоже были гости?

— Почти некому быть. Всѣ тутъ были.

— Значитъ, тамъ не танцовали?

— Кому-жъ танцовать? Всѣ молодые люди тутъ были, кромѣ Бѣлягина.

— Того, что ваша маменька говорила?..

— Да.

— Отчего-жъ онъ не былъ? онъ, говорятъ, хорошо знакомъ въ домѣ.

— Вѣрно денегъ нѣтъ. У него нѣтъ своихъ лошадей, а нанимать на всю ночь дорого.

— Вы хорошо съ нимъ знакомы?

— Кто, я? да, я знакомъ.

— Онъ пріятный человѣкъ?

— Что онъ васъ такъ занимаетъ?

— Ничего; развѣ можно заниматься тѣмъ, чего не знаешь?

— Да, онъ любезенъ.

— Вашей маменькѣ онъ не нравится.

— Да, онъ въ самомъ дѣлѣ, знаете, странемъ. Онъ, напримѣръ, не любитъ танцовать; можетъ быть въ тягость хозяйкѣ.

— Чѣмъ же? Стоитъ оставить его въ покоѣ.

Воронской засмѣялся.

— Онъ вамъ понравился бы.

— Мнѣ?

— Да, онъ любитъ спорить.

— А развѣ я люблю спорить?

— То есть, я хотѣлъ сказать: доказывать.

— Я ничего не доказываю и не могу доказывать: я его не знаю.

— Вообразите, онъ даже въ карты не играетъ.

— Вотъ это мнѣ нравится.

— Бѣлягинъ большой насмѣшникъ. Знаете, въ его характерѣ много злости; онъ ничего не щадитъ. Его здѣсь не любятъ.

— Неужели? Значитъ онъ нигдѣ не бываетъ?

— Нѣтъ, онъ вездѣ бываетъ, да его не любятъ. Онъ хорошо воспитанъ.

— У Гра̀шковыхъ онъ хорошо знакомъ?

— Да. Маменька вамъ говорила, что онъ нравится Надинѣ: это вздоръ; его нельзя любить.

— Развѣ онъ такъ страшенъ?

— Нѣтъ, это вамъ такъ маменька сказала. Онъ маленькій ростомъ, худой, черные волосы, черные глаза. Онъ не страшенъ...

— То есть морально страшенъ. Онъ золъ, вы говорите, насмѣшникъ, еще что?

— Еще ничего... Онъ васъ занимаетъ?

— Чрезвычайно!

— Знаете, ваша откровенность вамъ можетъ повредить. Хорошо, что вы это со мною, а другой могъ бы этимъ воспользоваться. У меня характеръ совсѣмъ иначе. Я скажу вамъ, что однажды, въ Москвѣ, маменька была больна и легла спать; я пошелъ въ маскарадъ. Тамъ одна молодая дѣвушка—я потомъ узналъ, что она хорошей фамиліи, воспитанница генерала Щелпакова—подходитъ ко мнѣ. Я былъ съ моимъ знакомымъ офицеромъ. «Здравствуй, я тебя знаю». «И я тебя знаю, маска.—Пойдемъ». А офицеръ говоритъ: «Я его не пущу, я знаю, ты негодная маска». Она говоритъ: «Кто это съ тобой?» Я говорю: «Если ты меня знаешь, то и его знаешь; онъ мой внукъ». Она говоритъ: «Такъ внукъ въ дѣла дѣда не мѣшайся. Пойдемъ...» Мы пошли. Она мнѣ говоритъ: «Я тебя люблю. Ты давно мнѣ нравишься. Полно тебѣ вѣтренничать». Я го-

ворю: «Съ чего ты взяла, что я вѣтренникъ?» Она говоритъ: «Нѣтъ, я знаю, ты примѣрный молодой человѣкъ, чудесный сынъ, ты на четвертомъ курсѣ, и я тебѣ пророчу, ты выйдешь магистромъ».—«Благодарю за пророчество; но что ты хочешь?»—«Я хочу, чтобъ ты зналъ, что я тебя люблю. Будь тамъ-то и тогда-то, говоритъ...» Я отвѣчаю ей: «Послушай, маска, я знаю, кто ты. Ты вотъ кто»—и назвалъ. Она: Ахъ, ахъ! нѣтъ!.. Прощай!» и убѣжала. Я говорю: «Ну, прощай...» Потомъ слышу, ее отдали замужъ за какого-то купца.

— Что-жъ тутъ общаго съ Бѣлягинымъ?

— Нѣтъ, я вамъ говорю о себѣ. Если вы кому другому скажете, что васъ занимаетъ молодой человѣкъ... Конечно, если мнѣ скажутъ, что мною заняты, я сочту первымъ долгомъ дать почувствовать дѣвушкѣ, что она заблуждается...

— Вотъ они какъ тихо сидятъ! Здравствуйте, мой ангелъ! раздался голосъ Катерины Михайловны.

Нина встала.

— Ахъ, Боже мой, душечка, какъ вы блѣдны! что съ вами?

— Ничего, Катерина Михайловна: болитъ голова.

— Ахъ, Боже мой! ахъ, душечка! вы отдохните, лягте... Я сейчасъ, только переодѣнусь.

Она вышла, взглянувъ значительно на сына. Воронской отправился къ себѣ съ видомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ. Нина побѣжала въ свою комнату: безсонница и бесѣда сдѣлали свое, она бросилась въ постель и заснула.

III.

Не считаю нужнымъ, читатель, описывать вамъ первый визитъ Нины и пріемъ, сдѣланный ей въ ея новомъ отечествѣ, городѣ N*. Вы знаете, какъ благовоспитанны и любезны наши дамы, какъ расположены любить наши дѣвицы, какъ много у нихъ времени, въ которое еще не достаетъ о чемъ поговорить, хотя онѣ говорятъ немало, а потому появленіе новаго лица, имѣвшаго всѣ нужныя качества, чтобъ занять праздное время, произвело впечатлѣніе самое пріятное. M-me D. успѣла передать исторію Нины нѣкоторымъ близкимъ друзьямъ, и потому о ней знали всѣ въ городѣ, такъ что m-me L. даже не могла не прослезиться, принимая Нину въ первый разъ и увидя ее въ черномъ платьѣ; она не выпускала руки дѣвушки во все время визита и нѣсколько разъ повторяла, какъ она тоже осталась пятнадцати лѣтъ безъ матери, и никогда бы не вышла замужъ, потому что поклялась носить вѣчный трауръ, еслибъ ея супругъ не далъ ей понять, что для женщины есть лучшая жизнь, лучшее назначеніе. Катерина Михайловна вполнѣ одобрила такой образъ мыслей m-me L.; но когда г-нъ L., бывшій при представленіи Нины, сказалъ, что и прекрасной барышнѣ (онъ былъ изъ рукъ вонъ фамильяренъ) надо найти жениха, и что онъ за это берется, Катерина Михайловна отвѣчала ему, что это вещь серьезная, и вдругъ замолчала потомъ, чѣмъ дала ему понять, какъ некстати его шутка.

M-me Ветлина была одарена чрезвычайно веселымъ характеромъ; она просто сказала въ обществѣ друзей, что ее до невѣроятія занимаетъ пріѣзжая; а такъ какъ всѣ ея дочери ужъ замужемъ и ей нечего хлопотать о своихъ, то она рѣшилась знать до послѣдней подробности все, что касается Нины — на первый разъ хоть сколько и какія именно платья шьютъ для нея въ магазинахъ. Всѣ знали, что трауръ Нины кончится черезъ двѣ недѣли, и, выслушавъ донесеніе m-me Ветлиной, m-me L. воскликнула съ ужасомъ.

— Неужели она тотчасъ надѣнетъ розовое?

— Но какъ же? Катерина Михайловна сама въ свои годы и въ розовыхъ лентахъ.

— Нѣтъ, какъ хотите, Литвина легкомысленна, очень легкомысленна: въ ней нѣтъ ничего этого милаго, что бываетъ въ дѣвушкахъ, никакой этой тонкости въ чувствахъ. Точно у нея матери никогда не было!

Не знаю, какъ это случилось, но это мнѣніе вскорѣ стали раздѣлять всѣ дамы города N*. Вѣроятно, робость Нины казала ее холодною съ перваго взгляда, а первый взглядъ, какъ извѣстно, самая важная вещь въ свѣтѣ. Катерина Михайловна это знала, потому что знала свѣтъ, и, предчувствуя, какъ недоброжелательство, непонятливость, или даже просто свѣтское, легкое сужденіе можетъ перетолковать молчаливость и неподвижность дѣвушки, говорила всѣмъ, съ кѣмъ могла говорить откровенно, что Нина нѣжное, избалованное дитя, способное всѣмъ, даже слишкомъ глубоко впечатляться, не привыкшее даже къ сужденіямъ, рѣзко выраженнымъ, страдающее даже отъ чужого громкаго разговора, даже нервное... Не помню, говорилъ ли я, что общество горо-

да N* не всегда принимало мнѣніе одного лица, противорѣчащее общему, разъ уже утвердившемуся мнѣнію. Замѣчу это здѣсь, кстати.

Такая стойкость мнѣнія, конечно, достойна всякаго уваженія и даже восторга: мелочные голоса партій и отдѣльныхъ лицъ не могли мѣшать суду большинства, который произносится единодушно и единогласно. Небольшія модификаціи допускались только вслѣдствіе многихъ соображеній и преній, но никогда не разрушали стройности прежняго цѣлаго. Бывало иногда, что большинство само раздѣлялось на двѣ партіи и смотрѣло на предметъ или лицо съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія; но, по удивительному согласію мыслей, обѣ партіи, оглядѣвъ каждая свою сторону, оцѣнивъ каждый по-своему предметъ или лицо, сходились въ окончательномъ сужденіи надъ нимъ и произносили приговоръ, разный по формуламъ, но одинаковый въ заключеніи. Такъ, напримѣръ: m-me L., истинный другъ ея, m-me D., г-жа Ветлина, семейство Грашковыхъ, Хлоповы и другіе рѣшили, что Нина Александровна Литвина холодна, безчувственна, неподвижна, и потому нисколько не привлекательна; что это существо, отталкивающее привязанность и участіе, которымъ она не сочувствуетъ. Г-жа Хворостинина, Енихина и проч. утверждали, напротивъ, представляя въ авторитетѣ слова самой Катерины Михайловны, что Нина раздражительна, мечтательна, недотрога, и потому нисколько не привлекательна; что это существо болѣзненно восторженное, отталкивающее привязанность, потому что силъ человѣческихъ не станетъ разбирать всѣ тонкости, которыми можетъ оскорбиться ея романическая sensiblerie. Общій выводъ, какъ видите, былъ одинаковъ.

Нѣсколько одинокихъ голосовъ, правда, вопіяли, что Нина кажется холодна потому, что робка и неопытна, но что именно поэтому довольно одного добраго слова, чтобъ не только привязать къ себѣ ея душу, но завладѣть ею; что ея чувствительность не натянута, а слѣдствіе тихой доброты, готовой быть веселой отъ всякаго веселья, не пренебрегая ничѣмъ; слѣдовательно, эта чувствительность не щепетильна и изысканна, не преувеличена до нервной раздражительности; что Нина существо, которое можно и должно любить... Но эти голоса исчезали въ общемъ хорѣ.

Наступилъ ноябрь; зима и ея удовольствія установились. Нина постаралась на первый разъ не испугать чувствительныя души, которыя боялись увидѣть ее въ розовомъ. Увидя ее въ собраніи въ бѣломъ платьѣ и безъ цвѣтовъ, m-me L. сказала своему другу m-me D.:

— О, хитрая! Знаешь, Саша, по-моему, ужъ лучше бы, еслибъ она разомъ хотя вся въ розовое нарядилась. Къ чему эти приличія, когда въ сердцѣ нѣтъ этого?

— Какая Нина сегодня хорошенькая! сказала m-lle Nadine Грашкова, подходя на томъ же балѣ къ Катеринѣ Михайловнѣ. — Пора ей было снять черное.

— Да. Но вы спросите, душечка, чего ей это стоило. Вотъ я сейчасъ говорила, отвѣчала Катерина Михайловна, указывая на г-жу Ветлину, подлѣ которой сидѣла: — вы вообразите, что съ ней дурнота сдѣлалась, какъ принесли ей платье. «Не могу, говоритъ, его видѣть»—и все тутъ! Я едва уговорить ее могла.

— Бѣдняжка! сказала m-me D., вздохнувъ и съ глубокимъ сожалѣніемъ поглядывая на Нину.

Нина ходила по залѣ подъ-руку съ другой дѣвушкой; съ ними говорилъ молодой человѣкъ. Надина Грашкова позвала его:

— M-r Пестовскій!

— Что вамъ угодно?

— Вы, кажется, сказали сейчасъ m-lle Литвиной, что она очень хороша сегодня, или что-то въ этомъ родѣ?

— Такъ что-жъ?

— Вы напрасно ей это говорили: вы ее огорчили. Она вѣрно сочла это за намекъ на то, что сняла трауръ, а она этого слышать не можетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно. Вы хотѣли сдѣлать ей пріятное, а только вызвали передъ ней тѣнь ея матери. У нея очень живое воображеніе.

— Какъ это жаль! Я буду осторожнѣе.

Балъ былъ въ половинѣ; вальсировали. Надина Грашкова, облетѣвъ свой кругъ, очутилась на стулѣ подлѣ Нины.

— Chère amie, уйдемте куда нибудь; я ни за что не стану больше вальсировать. Вотъ, въ гостиной, гдѣ играютъ въ карты, есть диванчикъ, и не такъ жарко.

Нина ушла за нею. Онѣ усѣлись вдвоемъ въ углу комнаты, которую, въ сравненіи съ бальной залой, можно было бы назвать погребомъ, по количеству тепла и свѣта... Восемь важныхъ особъ играли тамъ у двухъ столовъ, окруженныя восемью наблюдателями, такими же важными и молчаливыми. При входѣ двухъ дѣвушекъ, нѣсколько го-

ловъ приподнялось и опустилось опять, промолвивъ: «здравствуйте», и потомъ все притихло по-прежнему.

— Какъ мнѣ нынче весело! сказала Надина, садясь на диванчикъ:—такъ, на душѣ что-то весело.

— Развѣ вамъ бываетъ скучно когда нибудь? спросила Нина.

— Какъ же, пора соскучиться, ma bien-aimée, я шесть лѣтъ выѣзжаю.

— Такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ! Какая она душка! Je suis une vieille fille, ma bonne amie: — мнѣ ужъ все присмотрѣлось. Но вамъ, весело ли сегодня?

— Право, не знаю... Я ждала лучше.

— Это всегда такъ. Мы всегда ждемъ лучшаго, а свѣтъ, люди, ожиданія наши—все насъ обманываетъ... Какъ вы мило причесаны, душка!.. У васъ своя коса, не накладная?

— Нѣтъ, это мои волосы!

— Какая прелесть! Я васъ спрашиваю потому, что мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобъ вы были со мной откровенны. Живешь, живешь, а ни одной души не найдешь по себѣ. Вы такъ молоды, первый разъ въ свѣтѣ; мы могли бы сойтись: право, было бы легче.

Надина немного отчаянно бросила свои хорошенькія руки себѣ на колѣни.

— Вотъ какія минуты находятъ на меня! сказала она:—сейчасъ только мнѣ было весело...

— А теперь?

— Теперь я бы отсюда бѣжала.

Нина была далеко не восхищена баломъ, но мысль, что можно пожелать бѣжать съ него, еще къ ней не приходила. Она взглянула пристальнѣе на свою подругу. Надина была хорошенькая брюнетка, одна изъ тѣхъ смуглыхъ женщинъ, къ которымъ идетъ бѣлый цвѣтъ. Въ этотъ вечеръ на ней было бѣлое платье и вѣнокъ изъ крупныхъ бѣлыхъ розъ. Она была очень высока и стройна; черные глаза и сильно обрисованныя брови придавали лицу ея всегдашнее выраженіе какой-то тревоги и непокорности, и еслибъ не улыбка вмѣстѣ насмѣшливая и страстная и жаркій, какъ будто больной цвѣтъ лица, то, по выраженію глазъ ея, можно было бы назвать ее капризнымъ ребенкомъ.

Нина смотрѣла на нее молча съ чистосердечнымъ сожалѣніемъ; ей казалось очень велико то горе, которое не могло скрыться даже на балѣ. Въ теченіе трехъ недѣль, отъ своего пріѣзда до перваго выѣзда на балъ, Нина нѣсколько разъ видѣла Надину, но эти свиданія случались всегда при старшихъ, а мнѣніе о ней Катерины Михайловны было такъ невыгодно, что Нина не была расположена любить m-lle Гра̀шкову.

— Она все съ Сашечкой кокетничаетъ, право, заключала Катерина Михайловна: — планы свои составляетъ. Она ужъ дѣвица въ лѣтахъ, а онъ хорошенькій молодой человѣкъ.

Съ послѣднимъ Нина была совершенно несогласна; она даже не могла понять, чтобъ кто нибудь могъ добровольно взять на себя трудъ быть любезной съ Александромъ Ивановичемъ Воронскимъ. Проведя съ нимъ три недѣли, она поскучала довольно, и отдыхала только, когда Катерина Михайловна прерывала ихъ tête-à-tête. Она лучше, нежели кто нибудь, понимала любовь матери, а Катерина Михайловна была такъ добра, такъ матерински заботлива съ нею, что у нея недоставало духу показать, что ей скученъ Воронской; она оставляла мать въ заблужденіи.

Теперь, глядя на Надину, которая задумалась и наклонила голову въ вѣнкѣ и съ длинными локонами, Нинѣ стало жаль ее, жаль ея скуки, ея, быть можетъ, непонятыхъ привязанностей, жаль ее самое, если (что едва ли казалось возможно) Надина любила Воронскаго.

— Что, моя милочка? сказала Надина, вдругъ взглянувъ Нинѣ въ глаза.

— Вы такъ задумались, m-lle Nadine...

— Что это все: mademoiselle! Ты непремѣнно хочешь меня старѣть! (она поцѣловала Нину). Вотъ, не смотри на меня; пожалуй, эти господа скажутъ, что мы для нихъ интересничаемъ. Скажи правду, весело ли тебѣ?

— Не очень, отвѣчала Нина, увлеченная ея живостью и лаской.

— Чего-жъ бы тебѣ хотѣлось? развѣ ты мало танцовала?

— Да, немного; всего четыре кадрили, и то двѣ съ Воронскимъ.

— А онъ тебѣ надоѣлъ и дома? Ха-ха-ха!.. Скажи пожалуйста, какъ ты выносишь его присутствіе съ утра до вечера?

— Тише, Nadine...

— Въ самомъ дѣлѣ!

Обѣ принялись хохотать тихонько, сами не зная чему. Нинѣ пришлась очень по сердцу эта веселость, тѣмъ болѣе, что мысли ея и m-lle Гра̀шковой оказались сходными, хоть на одномъ пунктѣ.

— Господи! шептала со смѣхомъ Надина: — я его воображаю! Бываютъ же такіе на свѣтѣ!

— Хорошо смѣяться; а я съ нимъ весь балъ танцую, возразила Нина, еще смѣясь, но немного съ досадой.

— И знаешь, какъ это въ самомъ дѣлѣ дурно: всѣ надъ нимъ смѣются, а онъ около тебя какъ братецъ или какъ женихъ...

— Сохрани Господи! сказала Нина почти съ ужасомъ.

— Какъ же это тебя не зовутъ другіе?

— Я не понимаю, отвѣчала наивно Нина: — да и тѣ, съ кѣмъ я танцовала, такіе скучные, едва говорятъ со мною, точно чего нибудь боятся.

M-lle Nadine немножко улыбнулась.

— Право, все съ такой осторожностью и почти не подходятъ.

— Съ кѣмъ ты будешь танцовать мазурку?

— Покуда не знаю; думаю, что съ Воронскимъ, съ кѣмъ же больше?

— Ну, нѣтъ, что это въ самомъ дѣлѣ! я тебя избавлю.

Надина подумала съ минуту и потомъ спросила:

— Ты знаешь Бѣлягина?

— Никогда не видала. Да вообще я мало знаю здѣшнихъ молодыхъ людей; они бывали это время у Катерины Михайловны съ визитомъ, но она была нездорова и я сама настояла, чтобъ ихъ не принимали; я видѣла ихъ потомъ въ другихъ домахъ, но Бѣлягина не встрѣчала.

— Онъ тоже былъ боленъ. Я тебѣ его покажу, онъ здѣсь... Да вотъ онъ, легокъ на поминѣ, смотри, у двери говоритъ съ кѣмъ-то.

— Это Бѣлягинъ?

— Да. Что-жъ ты удивилась?

— Ахъ, Боже мой, Nadine! не говори никому... я его знаю.

— Что это за тайна?

— Это премило! Представь, какъ я ѣхала сюда, верстахъ въ пяти... и Нина, волнуясь, сама не зная отчего, разсказала m-lle Грàшковой исторію своей встрѣчи на мосту по дорогѣ въ село Сорокино, свой страхъ, свой смѣхъ, веселость и любезность молодого путешественника, который оказывался теперь никто другой, какъ Бѣлягинъ.

— Это на него похоже, сказала Надина: — это онъ леталъ на вечеръ Кромкиныхъ, потому что наканунѣ мы съ нимъ повздорили, и онъ не хотѣлъ быть у насъ. Онъ говорилъ мнѣ, что ѣздилъ къ нимъ и простудился, однако ничего не сказалъ о вашей встрѣчѣ... Постой, я ему скажу...

— Ахъ, ради Бога, если онъ самъ не говоритъ...

— Что ты! полно! Я его коротко знаю: онъ преуморительный! иногда ему вздумается болтать, насмѣшничать, а то вдругъ какая-то щепетильность, и ни слова... Сейчасъ его позову.

— Nadine, сдѣлайте милость...

— M-r Бѣлягинъ!

Услыша, что его зовутъ, Бѣлягинъ подошелъ. Нина увидѣла опять близко то лицо, которое было ей памятно съ первой встрѣчи, но котораго она не узнавала по описаніямъ Катерины Михайловны и Воронскаго, хотя эти описанія были довольно вѣрны. Бѣлягинъ былъ не высокъ, но маленькимъ его можно было назвать только въ сравненіи съ Воронскимъ, котораго щедро одарила природа ростомъ; глаза его были почти черные и чрезвычайно живые, что другимъ легко могло показаться насмѣшливостью; его темные волосы были, конечно, не до плечъ, какъ говорила Катерина Михайловна, но все же довольно длинны; казалось, обладатель ихъ жалѣлъ обрѣзать, потому что они были особенно нѣжны и волнисты.

— M-r Бѣлягинъ, хорошо ли это: вы не узнаете знакомыхъ?

— Извините, я вамъ кланялся.

— Мнѣ, да; а m-lle Литвиной?

Бѣлягинъ взглянулъ на обѣихъ дѣвушекъ съ недоумѣніемъ. Нина была жестоко смущена и жала руку Надины, на которую опиралась.

— Я не имѣю чести знать m-lle Литвину, сказалъ онъ: — и если будете такъ добры, что меня представите...

Надина засмѣялась болѣе и болѣе возраставшему смущенію подруги; Бѣлягинъ видѣлъ это, не понимая ни смѣха, ни смущенія.

— Я былъ у m-me Воронской, продолжалъ онъ, обращаясь къ Нинѣ: — меня два раза не приняли; вчера вечеромъ сидѣлъ у Воронскаго и спрашивалъ, можно ли видѣть его мать; онъ сказалъ опять, что нельзя.

— Боже мой! вскричала со смѣхомъ Надина: — сколько объясненій! а стоитъ взглянуть другъ на друга.

Надина остановилась; Нина была необыкновенно смущена; Бѣлягинъ смотрѣлъ необыкновенно серьезно. Ничего нѣтъ затруднительнѣе шалости, которая прервана на половинѣ, или не удается оттого, что за нее другіе принимаются неловко, или безъ доброй воли. Надина испытала это вполнѣ, и, какъ ей казалось, что въ глупомъ положеніи ничего нѣтъ глупѣе какъ вдругъ замолчать; она рѣшилась окончить.

— Вы не узнаете m-lle Литвиной, когда

были такъ любезны, такъ обязательны, что полчаса тащили изъ грязи ея карету въ ту достопамятную ночь, когда ѣздили къ Кромкинымъ?

— Неужели вы это еще помните? спросилъ Бѣлягинъ, обращаясь къ Нинѣ:—еслибъ я могъ думать, что это даетъ мнѣ право считать себя вашимъ знакомымъ...

— Какое-жъ еще право? прервала Надина:—какое право больше услуги?

— Я очень рада, что могу благодарить васъ еще разъ, проговорила наконецъ Нина.

Всѣ замолчали. Надина была очень не рада своей начатой шуткѣ, которая поставила всѣхъ въ какое-то неловкое положеніе; она внутренно желала, чтобъ Бѣлягинъ ушелъ, и искала предлога отослать его; но Бѣлягину, казалось, понравилось стоять подлѣ нихъ молча. Она ужъ рѣшилась заговорить съ Ниной совсѣмъ о постороннемъ, когда къ нимъ на помощь явился Воронской.

— Маменька приказала узнать, что вы дѣлаете, сказалъ онъ Нинѣ. — Я едва могъ васъ найти.

— Который часъ? спросила она.

Воронской вынулъ часы и отправился къ свѣчѣ, смотрѣть на нихъ.

— Что вы спрашиваете его о часахъ, сказала Надина: — часы m-r Воронскаго всегда отстаютъ.

— Нѣтъ, мои всегда вѣрны; это у маменьки... Половина второго.

— Не устала ли Катерина Михайловна? Такъ поѣдемте.

— Нѣтъ, у нея только голова очень болитъ, но она не велѣла вамъ сказывать. Вы не говорите ей.

— Какъ же это можно? Я сейчасъ ѣду.

— Да вѣдь это все равно, она останется. Она будетъ недовольна.

Надина между тѣмъ сказала Бѣлягину:

— Позовите Нину на мазурку.

— Для чего? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Ахъ, Боже мой, для чего, чтобъ танцовать.

— Я не расположенъ танцовать сегодня.

— Мало ли къ чему вы не расположены! Я васъ прошу... Наконецъ, сдѣлайте мнѣ это удовольствіе, это необходимо.

— Почему-жъ?

—Она хочетъ танцовать съ вами, шепнула Надина ему почти на ухо. Не правда ли, любопытно? не наслажденіе ли для вашего самолюбія?.. Нина, неужели ты уѣзжаешь? Нѣтъ, пожалуйста.

— Теперь самое веселое время бала, замѣтилъ Бѣлягинъ.

— Мнѣ и самой не хотѣлось бы ѣхать, отвѣчала Нина, на которую, казалось, сильно подѣйствовали слова его:—но дѣлать нечего. Катерина Михайловна вчера жаловалась на нездоровье.

— Она все равно не поѣдетъ домой, возразилъ Воронской:—могу вамъ поручиться, и, можетъ быть, у нея голова такъ только болитъ.

— Да, что если въ самомъ дѣлѣ «такъ только», сказалъ Бѣлягинъ, а вы уѣдете съ вашего перваго бала. Кончимъ его вмѣстѣ. Угодно вамъ мазурку?

Нина поспѣшно отвѣчала: «съ удовольствіемъ», но Бѣлягинъ съ удивленіемъ видѣлъ, что она опять смущена и удивлена.

— А я только что хотѣлъ просить васъ, сказалъ ей Воронской:—я пойду, скажу маменькѣ, что вы танцуете.

— Я иду сама, отвѣчала Нина.

Она ушла, Бѣлягинъ за нею. Надина бросилась на диванчикъ и принялась складывать и раскладывать свой вѣеръ, не переставая глядѣть на Воронскаго такъ, что онъ не могъ уйти.

— Сядьте здѣсь, сказала она, наконецъ, указывая ему мѣсто подлѣ себя.

Онъ сѣлъ молча.

— Совѣсть не мучитъ васъ? спросила она, помолчавъ въ свою очередь.

— Почему-жъ?

— Я очень рада за васъ! Я всегда рада за тѣхъ, у кого такая невозмутимая совѣсть.

Воронской молчалъ.

— Что-жъ вы ничего не скажете?

— У меня ничего нѣтъ новаго.

— Я и не прошу у васъ новостей; вы дѣлаете новости. Вы сегодня не хотѣли и подойти ко мнѣ.

Воронской издалъ что-то похожее на смѣхъ.

— Вамъ это показалось? спросилъ онъ.

— Еще бы показалось! Это видимо.

Опять молчаніе.

— Послушайте. Даете ли вы себѣ когда нибудь отчетъ въ своихъ поступкахъ? сказала Надина съ сильной досадой.

— Помилуйте, какъ же не отдавать? всегда, я думаю.

— Сегодня, напримѣръ, какъ вы объясните—не мнѣ—мнѣ до этого нѣтъ дѣла, а себѣ ваше поведеніе со мною?

— Да какъ же я объясню? Это очень просто: я вамъ кланялся, а не танцовалъ съ вами потому, что вы были ангажированы.

— Вы меня и не звали; впрочемъ, это все равно, я бы вамъ отказала.

— За что-жъ?

— Такъ... Боже мой, какъ я мало самолюбива!

— Вы замѣчаете, что мало самолюбивы? спросилъ Воронской, кажется, только для того, чтобъ спросить что нибудь.

— Да, очень мало, когда позволяю вамъ замѣчать, что мнѣ досадно, больно, что мнѣ грустно!

Она бросила на диванчикъ свой вѣеръ такъ, что онъ попалъ въ руки Воронскаго.

— Я смѣшна, что говорю вамъ о своей грусти; есть люди, которые этого не любятъ.

Воронской счелъ нужнымъ промолчать.

— Еслибъ моя довѣрчивость, продолжала Надина, вдругъ взглянувъ на него и вызывая отвѣтъ:—еслибъ моя довѣрчивость значила что нибудь, еслибъ принимали въ ней участіе... Но непріятно видѣть грусть — я это знаю...

— Конечно, довѣрчивость, участіе, это очень понятно, сказалъ Воронской:—я тоже удивительно довѣрчивъ, хоть меня, конечно, не проведутъ... Но все непріятно, если печальны.

— Такъ вы любите, когда я весела? сказала она, продолжая смотрѣть на него.

Онъ растерялся. Еслибъ господа, такъ прилежно игравшіе въ карты, удостоили обратить свое вниманіе, они увидѣли бы удивительную нѣмую сцену; еслибъ изъ числа ихъ нашлись невѣрующіе въ силу магнетизма, они повѣрили бы. Долгій, настойчивый взглядъ Надины, казалось, проникъ всего Воронскаго, лишилъ его употребленія мысли и слова. Воронской глядѣлъ на нее тоже, какъ говорится, не сморгнувъ, и сидѣлъ прямо и неподвижно, какъ запуганный ученикъ, какъ пингвинъ...

— Простите меня, сказала наконецъ кротко Надина:—я покапризничала.

Она положила свою руку въ его руку и пожала ее.

— Мы будемъ вмѣстѣ танцовать мазурку, я нарочно для того отказала Бѣлягину.

— Очень хорошо.

— Я знала, что вамъ будетъ пріятно, а мнѣ пріятнѣе съ вами, нежели съ другимъ.

Воронской еще не нашелся, но сбирался съ мыслями.

— Боже мой, продолжала Надина:—какъ глупа моя откровенность! не правда ли?

— Да, это можетъ вамъ повредить.

— Знаете что? вы это можете сдѣлать. Вы завтра поѣдете въ должность?

— Какъ же, непремѣнно.

— Пріѣзжайте лучше къ намъ въ это время. Maman ѣдетъ съ визитами, а мы посидимъ, поговоримъ.

— Мнѣ никакъ нельзя: завтра у насъ будутъ свидѣтельствовать суммы.

— Но вѣдь вы служите не по этому отдѣленію? возразила Надина съ невозмутимымъ терпѣніемъ.

Кто бы видѣлъ ее въ эту минуту, не могъ бы представить себѣ созданіе кротче этой дѣвушки.

— Это все равно: у насъ совѣтникъ не любитъ.

— О! я вижу, вы смѣетесь... Но, положимъ, онъ злой, такъ для меня вынесите его гнѣвъ, такъ и быть.

— Очень непріятно, если начальникъ сердится.

— Но что онъ вамъ можетъ сдѣлать? Вы совершенно независимы.

— Нѣтъ, онъ можетъ пожаловаться... ну, сказать что нибудь.

— Вы тоже «что нибудь» ему скажите.

— Да, это, конечно, можно дѣвицѣ, а въ службѣ это невозможно; и притомъ онъ маменькѣ скажетъ, и тотчасъ готовъ сдѣлать непріятность.

— Это жаль! сказала покорно Надина.— Такъ вы къ обѣду будете?

— Если маменька какъ нибудь иначе не расположитъ.

— Да вы прямо къ намъ изъ палаты пріѣзжайте.

— Нельзя.

Надина покорилась.

Прошло нѣсколько минутъ самаго краснорѣчиваго молчанія. Надина взяла свой вѣеръ изъ рукъ Воронскаго и принялась его опять складывать и раскладывать. Воронской, не двигаясь съ диванчика, протягивалъ шею, чтобъ заглянуть въ карты играющихъ. Раздался ритурнель мазурки.

— Пойдемте, сказала Надина.

Войдя въ залу, Воронской поспѣшилъ за стуломъ; Катерина Михайловна подозвала сына. Нина сидѣла подлѣ нея, закутанная бѣлымъ креповымъ шарфомъ.

— Сашечка, съ кѣмъ ты танцуешь?

— Съ m-lle Грàшковой.

— Что-жъ это, душечка, продолжала Катерина Михайловна съ усиліемъ, сдерживая досаду:—ты не зналъ? Нина Александровна осталась безъ кавалера.

— Какъ же! вѣдь она танцуетъ.

— Ну да, дружочекъ, танцуетъ, да съ кѣмъ же? съ Бѣлягинымъ, они и не знакомы.

— Такъ что же дѣлать?

— Ничего; она танцуетъ съ нимъ; здѣсь благородное собраніе, отказывать нельзя.

— Конечно, нельзя, подтвердилъ Воронской, обращаясь къ Нинѣ:—здѣсь благородное собраніе, всякаго не пустятъ.

— Онъ долженъ бы съ вами танцовать, душечка, сказала Катерина Михайловна, указывая на сына.

— Какъ это можно, Катерина Михайловна! я ни за что не хочу стѣснять Александра Иваныча; ему, можетъ быть, пріятнѣе съ другой дамой...

— Что вы, ангелъ мой! что это такое, Гра̀шкова?.. И такъ, вы тамъ съ ней сидѣли, въ этой гостиной... Озябла вся, дружочекъ, такая слабенькая...

Бѣлягинъ стоялъ передъ Ниной, онъ ждалъ ее.

— Прошу васъ, мой ангелъ, не снимайте шарфа: долго ли простудиться, вся такая блѣдненькая! А что, сердечко не бьется больше?

Нина не отвѣчала: ей было неловко, ей было досадно; она встала и ушла съ Бѣлягинымъ. Онъ сѣлъ сколько могъ далѣе отъ Катерины Михайловны.

Нина была странно взволнована; это было смѣшанное чувство смущенія, страха, удовольствія... Всѣ эти чувства, въ одно время, и каждое раздѣльно, захватывали ей дыханіе, но она была счастлива, счастлива— чѣмъ, какъ, она не разбирала...

Бѣлягинъ сидѣлъ наклонивъ голову къ ея стулу и, казалось, раздумывалъ. На самомъ дѣлѣ онъ начиналъ уже скучать тѣмъ, что обязанъ провести часа два, можетъ быть и больше, съ незнакомой особой. Правда, Нина считала его знакомымъ, но онъ думалъ нѣсколько иначе, или, лучше сказать, совсѣмъ не думалъ. Встрѣча съ хорошенькой путешественницей, правда, заняла его въ свое время, даже припомнилась на другой день, но черезъ день была совсѣмъ забыта. Бѣлягинъ былъ не изъ числа людей, на которыхъ рѣшительно дѣйствуетъ мгновенное впечатлѣніе. Конечно, онъ былъ не безъ вкуса, потому что, увидя Нину въ бѣломъ платьѣ съ чудесными бѣлокурыми волосами, которые были замѣчены имъ въ тотъ вечеръ, потому что безпрестанно выбивались изъ-подъ шляпки, Бѣлягинъ не могъ не припомнить, что ужъ видѣлъ это милое личико; только тогда оно показалось ему гораздо милѣе. Бѣлягинъ пріѣхалъ на балъ позже Нины; онъ засталъ ее сидящую подлѣ Катерины Михайловны, и когда ему сказали, что это m-elle Литвина, онъ не поспѣшилъ вмѣстѣ съ другими ей откланяться. Въ этотъ вечеръ Катерина Михайловна, противъ обыкновенія, была какъ-то неприступна; казалось, что, взявъ на себя обязанность охранять молодую дѣвушку, она ужъ слишкомъ строго поняла эту обязанность: она не сводила глазъ съ Нины, почти не отпускала ее отъ себя. Попеченіе — вещь очень пріятная и очень трогательная, но иногда оно совершенно выводитъ изъ терпѣнія того, къ кому относится. Въ этотъ вечеръ Нина казалась ребенкомъ, а Катерина Михайловна матерью, которая любовалась его первыми шагами и трепетала за нихъ. Все это очень мило; но Бѣлягинъ не любилъ ребятъ, которые еще не ходятъ: онъ никогда не дотрогивался до нихъ, увѣренный, что, по своей неловкости и живости, ушибетъ ихъ непремѣнно. Въ другія минуты Нина являлась дѣвочкой, подросткомъ, которая пересказываетъ маменькѣ всякое слышанное слово и нарочно выставляетъ ей на видъ каждый свой поступокъ, чтобъ маменька ясно видѣла, какъ дочка поступаетъ. Бѣлягинъ не любилъ этихъ дѣвочекъ; онъ даже боялся ихъ, потому что не могъ отвѣчать за себя, что не скажетъ, или не сдѣлаетъ чего нибудь несовсѣмъ угоднаго маменькѣ, къ тому же, онъ былъ врагъ нравоучительныхъ романовъ, гдѣ любовь и ея объясненіе растутъ и дѣлаются на виду у старшихъ; онъ былъ внутренно убѣжденъ, что у всякаго чувства которое выставляется на видъ, есть изнанка и всегда не очень красивая. Замѣтивъ въ Нинѣ эти дѣтскія движенія, Бѣлягинъ понадѣялся, что они притворны; ему бы даже хотѣлось этого: онъ могъ бы предположить тогда, что въ характерѣ дѣвушки есть лукавство—истинное женское чувство, пагубное, но привлекательное, потому что оно полно жизни.

Маленькая комедія, разыгранная m-lle Гра̀шковой, поколебала это дурное впечатлѣніе: Бѣлягинъ увидѣлъ, что Нина можетъ смущаться, а смущеніе—уже признакъ жизни; ему понравилось даже неловкое напоминаніе о ихъ отношеніяхъ и еще болѣе неловкій вызовъ Надины танцовать съ Ниной. Бѣлягинъ подумалъ, что она только робка, а это еще простительно. Въ немъ было врожденное чувство приличія—не того свѣтскаго, приторнаго приличія, отъ котораго мы такъ часто рады отказаться, а приличіе доброты, совѣстливости, заставлявшее его исполнять дѣло до конца, дѣлать его пріятнымъ для другихъ. Такъ и теперь; онъ за-

мѣтилъ милый взглядъ Нины и подумалъ, что если вздумалъ съ ней сблизиться, то обязанъ сдѣлать, чтобъ ей было несовсѣмъ скучно съ нимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, имъ было весело обоимъ; они разговорились, сначала шутя, потомъ, неизвѣстно почему, серьезнѣе, задушевнѣе. Нина забыла свою робость, Бѣлягинъ—свои предубѣжденія, и оба не замѣтили, какъ уходило время... Это, однакожъ, замѣтила Катерина Михайловна, которая, нѣсколько взволнованная, явилась и позвала Нину ѣхать. Прощаясь, Бѣлягинъ попросилъ у нея мазурку на первомъ слѣдующемъ балѣ; Нина согласилась очень охотно.

Бѣлягинъ откланялся Катеринѣ Михайловнѣ но не пошелъ провожать ихъ. Какой-то почтенный старичокъ свелъ Катерину Михайловну съ лѣстницы. Нина сбѣжала одна и одна бросилась въ темную карету, закрывая глаза, передъ которыми мелькало что-то милое и свѣтлое...

Воронской остался; онъ танцовалъ съ Надиной. Черезъ четверть часа, мать прислала за нимъ.

IV.

Утро взошло удивительно сѣро и туманно. Катерина Михайловна никогда не любила лишать себя утренняго сна, но въ этотъ день, не смотря на вчерашнюю усталость и на холодъ непріятнаго ноябрьскаго дня, она поднялась необыкновенно рано. Ея горничная была весьма удивлена, когда Катерина Михайловна позвала ее къ себѣ; первый утренній туалетъ продолжался только полтора часа. Окончивъ его, Катерина Михайловна вышла въ гостиную и принялась за работу; это явленіе было тоже необычайно: Катерина Михайловна была всегда врагомъ работы, занимающей время, которое всякій, какъ молодой, такъ и старый, можетъ провести въ свое удовольствіе. Работа имѣла, однако, свойство сосредоточивать мысли Катерины Михайловны, если имъ случалось слегка затеряться, что, впрочемъ, бывало рѣдко. На этотъ разъ вчерашнія треволненія, усталость и разнообразіе ощущеній породили такъ много мыслей, что Катеринѣ Михайловнѣ было необходимо собраться съ волею и чувствами, «съ головой», какъ она говаривала.

Катерина Михайловна пріютилась въ большомъ креслѣ и прилежно вязала. Самое положеніе ея было необыкновенно: Катерина Михайловна всегда бывала въ движеніи и садилась на диванъ свободно, какъ настоящая хозяйка: именно эта свобода и живость дѣлали ее замѣчательнѣе: она была не высока ростомъ и довольно полна; важный видъ, который она умѣла принять на себя въ пору, дѣлалъ ее величавѣе, что съ перваго взгляда показалось бы совершенно невозможно при той всегдашней живости и уклончивости, которою она обладала въ такой замѣчательной степени.

Катерина Михайловна вязала и крѣпко думала; она была встревожена, что выражалось небольшой ужимкой ея губъ и движеніями, съ которыми она оборачивалась, чтобъ поглядѣть вокругъ себя: казалось, она видѣла кого-то въ пустотѣ гостиной; казалось, она желала, чтобъ скорѣе явилось лицо, съ которымъ заранѣе умственно она вела бесѣду.

Это лицо—былъ сынъ. Но Сашечка почивалъ. Сонъ этотъ прервало совсѣмъ постороннее обстоятельство: въ передней зашумѣли, послышался незнакомый голосъ, скрипнула дверь комнаты Александра Ивановича, и чрезъ минуту его собственный голосъ произнесъ: «Кланяйся, скажи хорошо».

Черезъ часъ явился самъ Александръ Ивановичъ; онъ подошелъ поздороваться съ матерью; она поцѣловала его въ голову, но не расцѣловала въ лобъ, въ глаза, въ щеки, какъ дѣлала это обыкновенно, когда разлука одной ночи казалась ей долга, какъ разлука нѣскольких годовъ, когда съ пробужденіемъ дня пробуждались въ ней новыя силы любви. Катерина Михайловна была недовольна. Воронской сѣлъ въ кресло недалеко отъ нея и сталъ спокойно глядѣть передъ собою.

— Ко мнѣ сейчасъ приходилъ человѣкъ, сказалъ онъ—вы слышали?

— Слышала. Я дожидалась, чтобъ ты самъ сказалъ и потому не спросила. Можетъ быть тебѣ было бы непріятно, еслибъ я спросила: у тебя могутъ быть свои дѣла.

— Нѣтъ, какія же дѣла? Это Бѣлягинъ прислалъ свой долгъ. Я ему говорилъ еще разъ вчера въ собраніи, онъ и прислалъ. Вотъ.

Воронской положилъ деньги передъ матерью. Она отодвинула ихъ концомъ спицы.

— Теперь, я думаю, онъ не станетъ больше къ намъ ѣздить, продолжалъ Воронской, попрежнему спокойно.

Катерина Михайловна промолчала.

— Что ты сказалъ? спросила она черезъ минуту.

— Что Бѣлягинъ больше не станетъ ѣздить, потому что ему больше ничего не нужно у насъ, и я очень радъ.

Катерина Михайловна все молчала. Чрезъ

минуту она бросила свое вязаніе и заплакала.

— Сашечка, вскричала она:—къ чему эта скрытность? чѣмъ я могла заслужить? Кого же—мать свою обманываешь!

Воронской всталъ и подошелъ.

— Помилуйте, маменька, какая же скрытность? я правду говорю, вотъ это долгъ Бѣлягина. Вы думаете, что я игралъ вчера въ собраніи? Нѣтъ. Мнѣ было некогда играть, потому что я танцовалъ съ Ниной Александровной, да и не съ кѣмъ играть—вы это знаете; я въ большую игру не играю...

— Ты еще подозрѣваешь, душечка, что я тебя въ мысляхъ моихъ игрокомъ дѣлаю! Ахъ, Сашечка, мнѣ это, ей Богу, тяжело! чѣмъ я могла заслужить? И какъ это сказать, что онъ радъ, когда у него не будетъ его друга! какъ такъ обмануть? И какъ такъ сказать, чтобы мать поняла, что она виновница его разрыва съ другомъ! И мать его за игрока почитаетъ—все мать. А я вчера полумертвая съ бала уѣхала, вся дрожу, просто, а онъ, онъ...

— Да что-жъ вы, маменька, говорите, я не могъ пойти васъ проводить, потому что въ это время пирамиды дѣлали, и Аницкій мнѣ говоритъ, что «твоя мать уѣзжаетъ», я хотѣлъ идти, а Надежда Васильевна...

— Я, Сашечка, твоимъ наклонностямъ не противлюсь, ты, дружочекъ, воленъ дѣлать, что хочешь, но я не могу видѣть этой Надины! Какъ ты хочешь, но только послѣ смерти моей, только когда меня на свѣтѣ не будетъ; потому что это просто змѣя, это такая дѣвица, что я и сказать не могу! Въ ней все хитрость, коварство, ничего натуральнаго: я этого не могу вынести! Она тебя дурачитъ просто—извини меня, душечка—но я ея видѣть не могу, она тебя безумнымъ дѣлаетъ.

— Вы извините, маменька, этого не могло быть, потому что она знаетъ, что я и у Енихиныхъ и у Дайскихъ принятъ, а это такія дамы, что не позволяютъ себѣ принимать людей изъ сумасшедшаго дома. Еще вчера мнѣ говоритъ Анна Лукинична Ветлина, что «мой сынъ въ университетѣ, и я желала бы, чтобъ онъ на васъ былъ похожъ. Нельзя ли написать къ ректору, чтобъ онъ позаботился»... Видите, что я не сумасшедшій...

— Такъ ты просто дуракъ! вскричала Катерина Михайловна, нѣсколько выходя изъ себя и даже приподнявшись на своемъ креслѣ: — ты, душечка, не видишь, что у тебя подъ носомъ дѣлается. Всѣ стремленія этой Надины, чтобъ женить тебя на себѣ; затѣмъ она вчера и послала своего Бѣлягина къ Нинѣ Александровнѣ, чтобъ ты остался свободенъ, душечка, чтобъ тебя провести, а ты не хочешь этого видѣть.

— Для чего же ей меня проводить? возразилъ Воронской: — она знаетъ, что мнѣ все ихъ имѣніе по пальцамъ извѣстно, и торги по немъ въ февралѣ назначены; отецъ ея только коллежскій ассесоръ: это мнѣ вовсе не партія и я далъ ей это понять... Но она дѣвушка пріятная, съ ней можно и поговорить... Напротивъ, она сама чувствуетъ, что я ставлю ее на такую ногу въ глазахъ другихъ; все, когда съ дѣвушкой любезны, это ей честь дѣлаетъ, она всегда вѣжлива...

Катерина Михайловна слушала съ ужасомъ; на послѣднихъ словахъ она не выдержала:

— А что-жъ, по-твоему, невѣжливость, Сашечка? прервала она.

— Вы, маменька, не знаю что говорите... Вотъ вы такъ настроили и Нину Александровну...

— Что, что, что? я настроила Нину Александровну? Къ чему я ее настроила? чтобъ она не дружилась, робкая, невинная, цвѣточекъ такой, съ этой кокеткой? это значитъ, «настроила»? Нѣтъ, Сашечка, нѣтъ, сударь, этого матери, душечка, не говорятъ! Нѣтъ, ты, видно, забылъ мои ласки, мои заботы, все на свѣтѣ забылъ; видно, всякая вѣтренная женщина тебя можетъ привязать къ пороку... Теперь ты съ ней тайно отъ меня мазурки танцуешь, а тамъ у васъ свиданія будутъ — почемъ я знаю...

— Вотъ вы, маменька, ужъ о свиданіяхъ говорите...

— Конечно; да долго ли, Боже мой, долго ли? Развѣ въ Москвѣ Стричельскій не ходилъ въ садъ къ Нистиферовой, съ бандурой, не лазилъ подъ окна? Боже мой! все бываетъ, развѣ я не знаю...

— Вѣдь какъ все преувеличиваете, маменька! Стричельскій полякъ — это ужъ извѣстно, а я не играю на гитарѣ, и Надежда Васильевна не играетъ, а въ Москвѣ брала уроки на фортепіано — вотъ только.

— Такъ у васъ ужъ началась музыка! вскричала Катерина Михайловна. — Да что-жъ ты мнѣ, душечка, говоришь? такъ ты скрываешь?.. Александръ, гробъ твоего отца вспомни, вспомни только, какъ онъ былъ всѣми любимъ, всѣми уважаемъ, какое онъ въ свѣтѣ мѣсто занималъ, и въ свѣтѣ, и вездѣ, и что онъ такое для меня былъ, и какъ онъ умѣлъ заслужить... Ахъ, я этого сказать не могу!.. И послѣ этого она тебѣ будетъ на

фортепіанахъ играть, всякій вздоръ говорить, а ты ей эту честь дѣлаешь. Ахъ! я не могу вообразить... Конечно, кто скажетъ: любовь... да какая любовь? Чтобъ это было благородно, чтобъ и мысли наши, и въ свѣтѣ!.. А тутъ у нихъ свѣчи сальныя, сама мадамъ Грашкова вѣчно въ капотѣ, безъ корсета, отецъ съ утра до ночи трубку тянетъ, дѣти эти неумытыя... столъ —въ ротъ взять ничего нельзя...

— Вотъ это вы такъ сказали, замѣтилъ Воронской: — впрочемъ, у нихъ на балахъ всегда хорошо.

— Да что-жъ на балахъ, дружочекъ? развѣ балы составляютъ жизнь? Домашнее спокойствіе, свой кругъ семейный, чтобъ душа была въ душу, чтобъ между собой-то, между собою...

— Да, это конечно; потому меня сегодня звала обѣдать Надежда Васильевна, а я отказался...

— Она тебя звала? спросила, въ испугѣ, Катерина Михайловна.

Бѣдная мать, казалось, тутъ только увидѣла всю глубину бездны, надъ которой скользилъ ея сынъ...

— Какъ же ты сказалъ, дружочекъ?..

— Я сказалъ, что не могу, и утромъ не могу, а вечеромъ буду.

— Нѣтъ, Сашечка, ты ужъ не будешь!

— Да какъ же? Я далъ слово.

— Въ такомъ случаѣ, я сама съ тобой поѣду, я буду умирать, но поѣду! Я покажу ей, что такое мать, и чтобъ она знала... Голубчикъ ты мой...

Катерина Михайловна, въ нервическомъ припадкѣ нѣжности, захватила обѣими руками шею сына и пригнула его къ себѣ. Она цѣловала его, цѣловала...

Нина вошла на эту сцену.

— Ангелъ мой! вскричала Катерина Михайловна:—посмотрите, душечка, какъ я его люблю и какъ онъ меня любитъ! что онъ за душка! что за славный сынъ!.. Въ немъ, душечка, то хорошо, что онъ свою мать любитъ. Я вотъ какая эгоистка: по мнѣ, будь умница, ученый, художникъ даже, или сочинитель — мнѣ все равно, свѣтскій ли человѣкъ или важный, въ орденахъ, въ крестахъ—это мнѣ все-равно, только люби меня. А меня, душечка, всѣмъ Богъ наградилъ въ немъ, всѣмъ, всѣмъ!

Объятія и поцѣлуи продолжались еще нѣсколько минутъ. Когда утихъ восторгъ Катерины Михайловны — который отъ души хотѣлось бы мнѣ назвать всеобщимъ, но другіе его не раздѣляли — всѣ усѣлись подлѣ чайнаго стола, хотя и удивительно, какъ можетъ бренная часть человѣка требовать еще чего нибудь послѣ высокихъ наслажденій духа? Катерина Михайловна спросила о здоровьѣ Нины, и вопросъ сопровождался такимъ нѣжнымъ взглядомъ, что Нина невольно обняла ее, благодаря за доставленное вчера удовольствіе.

— Что вы, ангелъ мой! какое это удовольствіе, это еще начало, моя прелесть; посмотрите, мы будемъ побѣждать. Вчера я сижу — оно со стороны слышнѣе — а молодой вице-губернаторъ говоритъ Дайской по-французски: «кто эта прелестная молодая дѣвица?» Я молчу, думаю: «погоди, ты еще погорюешь, что не сдѣлалъ мнѣ визита». Вотъ онъ пріѣдетъ знакомиться, душечка, а мы его раза два не примемъ, помучимъ.

— Онъ можетъ быть въ претензіи, если его не примутъ, замѣтилъ Воронской.

— Какъ, въ претензіи?

— Конечно, онъ не какой нибудь простой чиновникъ; пріѣдетъ, а вы его не принимаете!

— Ахъ, Господи Боже мой! я дама, не всегда могу быть расположена принимать—вотъ еще!

— Я вамъ говорю, что онъ можетъ обидѣться, сказалъ Воронской настоятельно, какъ будто карета вице-губернатора ужъ заворачивала отъ подъѣзда:—это не дѣлается; онъ полное право имѣетъ обидѣться.

Катерина Михайловна быстро взглянула на сына; взглядъ ея имѣлъ способность измѣняться до безконечности, и въ этомъ взглядѣ было столько нетерпѣнія, досады и наблюдательности, что онъ смутилъ Нину, которая его замѣтила.

— Ты, душечка, очень ошибаешься, если такъ судишь—извини меня. Это можетъ обидѣться какая нибудь ничтожная особа, какъ напримѣръ, Надина Грашкова ваша, или какой нибудь Бѣлягинъ, только... А вы представьте, ангелъ мой, продолжала она, обращаясь къ Нинѣ:—вѣдь Бѣлягинъ свой долгъ прислалъ.

— Прислалъ? повторила Нина, не зная, о чемъ ей говорили.

— Какъ же, чѣмъ-свѣтъ, испугался, что я его принимать не стану, потому что это ужъ изъ рукъ вонъ. Ну, бѣденъ онъ, такъ не нанимай пяти комнатъ, а живи гдѣ нибудь, не ѣзди въ собраніе, не выписывай себѣ журналовъ изъ Парижа. А то занять на недѣлю и тянуть мѣсяцъ! Сашечка у него бываетъ. Какіе обои, кресла мягкія, письменный столъ—все на свѣтѣ! Утромъ пріѣдешь,

завтракъ, вечеромъ чай, откуда все это? Это даже опасно быть знакомымъ съ такимъ человѣкомъ...

Воронской улыбнулся сомнительно; должно быть, въ ночь на него нашелъ припадокъ самостоятельности.

Нина слушала Катерину Михайловну съ какимъ-то тайнымъ удовольствіемъ, которое мѣшало ей разспрашивать и даже попросить продолжать, но Катерина Михайловна продолжала и безъ вопросовъ.

— Вы представьте, какъ онъ важничаетъ! Разъ — я знаю, Сашечка, я все, дружочекъ, знаю — онъ вотъ къ нему приходитъ — это было въ августѣ — тотчасъ окна настежъ: жарко ему. Онъ изволилъ весь городъ по валу пѣшкомъ обойти — прогулки уединенныя дѣлаетъ — и усталъ. «Радъ говоритъ, что ты, Воронской, живешь на краю города, есть гдѣ голову преклонить, когда ужъ ноги не носятъ». Просто, безсовѣстный, душечка. Если онъ у васъ на столѣ неразрѣзанную книгу увидитъ и ему хочется въ нее заглянуть, онъ тотчасъ за ножикъ и чикъ-чикъ—и ужъ читаетъ, и вѣчно найдетъ чему хохотать. Иногда встрѣтишь его на улицѣ и спросишь: «Вы съ нами идете...» какъ его?..

— Николай Андреичъ, подсказалъ сынъ.

— Да. «Вы съ нами идете, Николай Андреичъ?» А онъ: «Нѣтъ, я домой», и бѣжитъ, будто кто его погналъ, или я язва какая.

— Удивительный человѣкъ! замѣтилъ Воронской, посмотрѣвъ на Нину и выразительно поднимая брови, будто этимъ хотѣлъ намекнуть на что нибудь или сказать еще болѣе.

Нина смутилась, хотя она знала, что это обыкновенное движеніе Александра Ивановича, когда ему кажется, что онъ думаетъ что нибудь.

— Что онъ, душечка, вамъ вчера нашелся въ мазуркѣ говорить? спросила Катерина Михайловна.—Я этого простить не могу Сашечкѣ, да и онъ самъ говорилъ мнѣ, какъ онъ жалѣлъ, что не успѣлъ васъ звать; просто, говоритъ, «ночь не могъ заснуть, не могу подумать, какъ это я допустилъ»... Онъ вамъ дерзостей могъ надѣлать. Что онъ такое говорилъ вамъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Нина поспѣшно и всѣми силами стараясь не покраснѣть:—онъ говорилъ очень... тихо...

— Что онъ нашелъ такое вамъ сказать? Я вчера смотрю на васъ, душечка, сидитъ, такой розанчикъ хорошій, а онъ какъ бѣсъ глазами глядитъ... я думаю: «вотъ она глупости слушаетъ, бѣдненькая!»

— Нѣтъ, возразила Нина:—онъ говорилъ очень умно... такъ, о музыкѣ, о литературѣ...

— Вотъ, я всегда Сашечкѣ говорю: «Сашечка, что ты не займешься съ Ниной Александровной, если она позволитъ; вы могли бы читать вмѣстѣ, заниматься... Вы любите, душечка?

— Чрезвычайно.

—Вотъ, Сашечка, чего ты ожидаешь? попроси позволенія у Нины Александровны.

— Но у меня мало книгъ, замѣтилъ Воронской протяжно и нѣсколько углубляясь въ себя.

—Вѣрно ваши любимые авторы? спросила Нина, которая, при всей чистотѣ души своей, чувствовала необходимость польстить Катеринѣ Михайловнѣ, сказавъ доброе слово сыну.

— Нѣтъ... Какіе-жъ любимые? Я купилъ въ Москвѣ.

— Магазинъ одинъ продавался, прибавила Катерина Михайловна, глядя въ глаза Нинѣ съ ожиданіемъ:—но если это перечитаете, мы еще добудемъ. Вотъ Бѣлягинъ пріѣдетъ, мы спросимъ: у него бездна.

— Очень рада, сказала Нина, вставая.—Но Катерина Михайловна, мы и не слышимъ, тамъ кто-то пріѣхалъ, и я бѣгу одѣваться. Послѣ бала мы и не замѣтили, какъ поздно встали.

Катерина Михайловна сѣла на диванъ, выразительнымъ взглядомъ пригласивъ сына не уходить. Вошелъ гость.

Это былъ почтенный старичокъ, наканунѣ сводившій Катерину Михайловну съ лѣстницы собранія, Ѳедоръ Алексѣевичъ Антоновъ, совѣтникъ палаты, гдѣ служилъ Воронской, тотъ самый, отъ котораго Воронской боялся непріятности, еслибъ пропустилъ присутствіе. Въ самомъ дѣлѣ, войдя и раскланявшись, онъ сказалъ, показывая на Александра Ивановича, который, раскланявшись, тоже остановился у дверей.

— А! молодой человѣкъ, отдыхаетъ, попрыгалъ вчера, батюшка, попрыгалъ!

— А вы сами, Ѳедоръ Алексѣичъ, отдыхаете тоже? возразила Катерина Михайловна.—Для общаго удовольствія можно пожертвовать часомъ службы.

— Ну, нѣтъ-съ, не всегда.

— Конечно, не всегда, но изрѣдка, отвѣчала съ пріятностью Катерина Михайловна.—Прошу покорно садиться. Какъ ваше здоровье?

— Слава Богу-съ. Еще не отдохну отъ вчерашняго.

— Помилуйте, какая отвычка! Вотъ что значитъ сидѣть все, не дѣлать моціона!

— Нѣтъ, да у меня, признаться, въ головѣ зашумѣло. Музыка эта, скажите, что это за музыка такая? Шумъ такой, и жаръ, и разговоры; едва вышелъ.

— Это опять отвычка, Өедоръ Алексѣичъ; это нехорошо; можно ли запереть себя въ комнату и людей не видать.

— Нѣтъ, это все не отъ того. Я, выходя, долго ждалъ саней и чуть не замерзъ. Что за порядокъ, саней не докличешься! Заведи очередь; кто прежде пріѣхалъ, тотъ и становись ближе къ подъѣзду. А я тамъ съ девяти часовъ забрался, люстру еще не зажигали, а ужъ ѣхать назадъ не поѣхалъ, потому что знаю, что воротись я только домой, меня бы ничѣмъ опять не вытащили.

— И прекрасно сдѣлали, что остались: удовольствіе себѣ и другимъ. Я была такъ рада, что васъ встрѣтила. «Вотъ, говорю, сюрпризъ пріятный: Өедоръ Алексѣичъ здѣсь!»

— Вамъ, ваше превосходительство, можетъ быть и пріятно, а другимъ, какая нужда, молодежи-то? Вѣдь такъ, Александръ Иванычъ? вы, я думаю, вовсе мнѣ вчера были не рады; я изъ угла смотрю, ну что проку?

Воронской засмѣялся одобрительно.

— Какъ это можно! вскричала Катерина Михайловна.—Сашечкѣ было такъ лестно видѣть своего начальника; это нѣкоторымъ образомъ облагораживаетъ удовольствіе, если начальника тамъ видишь. Я моему сыну это съ дѣтства внушаю. Я говорю: Сашечка, забудь, что я тебѣ мать, если ты преступишь свои обязанности, если манкируешь.—Я это всегда говорю... и забудь, что ты мой сынъ!.. я Богъ знаетъ что сдѣлаю...»

— Вѣдь это такъ говорится, конечно, и очень хорошо, а станутъ ли насъ слушать—да-съ? Вѣдь вы маменька-старушка, вы говорите: «сиди въ должности, почитай старшихъ», а какая нибудь хорошенькая вертушка скажетъ: «что ты съ своими старшими, ну ихъ, старыхъ! пріѣзжай на балъ, я тамъ буду...» Спросите его, сударыня, куда онъ поѣдетъ?..

— Какъ это возможно! вскричала Катерина Михайловна:—когда у насъ есть священный долгъ, обязанность наша...

— Конечно, да вѣдь и любовь-то тоже обязанность; ну онъ клятву дастъ—кого-жъ ему слушать? Конечно то, что поновѣе... Да вотъ спросите его, пусть скажетъ по совѣсти...

— Спросите его, прервала Катерина Михайловна:—что-бъ ты сдѣлалъ, Сашечка?

Воронской, какъ извѣстно, всегда употреблялъ чье нибудь чужое мнѣніе вмѣсто своего собственнаго, но на этотъ разъ выборъ былъ труденъ. Думалъ ли онъ угодить своему совѣтнику, согласясь съ его мнѣніемъ, или такъ онъ ужъ былъ настроенъ съ утра, что не соглашался съ матерью, но онъ отвѣчалъ:

— Конечно, балъ пріятнѣе, чѣмъ палата!

— Вотъ, изволите видѣть, оно тутъ и есть. Вчера я стою, смотрю на карты, а хорошенькая барышня кому-то говоритъ: «пріѣзжайте, мы поговоримъ, посидимъ»—вотъ вамъ сегодня и палата!

— Кто это тебѣ говорилъ, Сашечка.

— Надежда Васильевна Грашкова.

— Однако, дружочекъ, тебѣ въ самомъ дѣлѣ пора въ должность. Өедоръ Алексѣичъ такъ добръ, что непростительно во зло употреблять. Поѣзжай, душечка.

Воронской раскланялся.

— Вотъ такъ послушаніе! сказалъ совѣтникъ:—а куда, я думаю, не хочется!.. Ну, Богъ съ вами, оставайтесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! возразила Катерина Михайловна:—пусть онъ ѣдетъ и никуда ни шагу изъ палаты!—смотри же, Сашечка!

— Вы строгая мать, сказалъ совѣтникъ, когда Воронской вышелъ:—оно, знаете, почти нехорошо. Вотъ я выросъ на мѣстѣ сидя; что добраго? А у меня еще не было такой матери, чтобъ на мѣсто сажала; баловница была покойница.

— Өедоръ Алексѣичъ, отвѣчала Катерина Михайловна немного торжественно:—я знаю мои обязанности. У васъ характеръ былъ тихій, но мой Александръ — это огонь; что еслибъ его не удерживать? Вѣдь вы вообразите, сколько можетъ быть несчастій!.. я могу это вамъ говорить какъ другу, потому что вы столько случаевъ нашли доказать мнѣ ваше расположеніе... и я это, повѣрьте, цѣнить умѣю...

У нея набѣжали слезы на глаза.

— Помилуйте, чѣмъ же? когда?..

— Это ужъ я знаю, Өедоръ Алексѣичъ, повѣрьте, и умѣю этимъ дорожить, и все... Такой человѣкъ, какъ вы—вы это понимаете... Я могу сказать, что никогда не была оставлена — я это чувствую... Когда еще мужъ служилъ, у насъ былъ тоже совѣтникъ, и вы не повѣрите, какое сходство! Когда я васъ только увидѣла, такъ и говорю: «Сашечка, помнишь, Леонтій Панкратьичъ!..» это мнѣ было, Богъ знаетъ, какъ... такъ я была обрадована; я тотчасъ говорю: «этотъ человѣкъ будетъ мнѣ по душѣ, онъ мнѣ другомъ будетъ, потому что эти черты, это ли-

цо... Богъ знаетъ, какъ... я вижу, что это благородный, прекрасный человѣкъ, и Богъ его не оставитъ...

Катерина Михайловна была сильно растрогана.

— Я вамъ очень благодаренъ, Катерина Михайловна.

— Я часто думаю: что, еслибъ Ѳедоръ Алексѣичъ могъ узнать, что такое семейное счастье, чтобъ я могла бывать у его супруги, чтобъ мы могли, почти можно сказать, одинъ домъ составлять! А то, я думаю, такое мѣсто, положеніе въ свѣтѣ, и одинокъ, одинокъ!.. Ахъ, я очень знаю, что такое одиночество!

Катерина Михайловна, съ умысломъ или безъ умысла, тронула нѣжную струну сердца Ѳедора Алексѣевича. Почтенный совѣтникъ, съ крестомъ на шеѣ и въ петлицѣ, часто думалъ о подругѣ жизни; въ послѣднюю же ночь, когда морозъ пробралъ его до костей на подъѣздѣ собранія, а дома, по небрежности людей, были раскрыты всѣ трубы, и ни уголька, чтобъ согрѣть самоваръ, въ эту послѣднюю ночь, когда хорошенькія женщины и дѣвушки показались ему лучше оттого, что рѣдко видалъ ихъ, въ головѣ его прошло много размышленій. Онъ какъ-то не могъ ѣхать утромъ тотчасъ въ должность, какъ дѣлалъ акуратно въ теченіе тридцати лѣтъ, а отправился по городу, и изъ всего города выбралъ одинъ домъ, домъ Катерины Михайловны. Говорите послѣ этого, что нѣтъ сочувствій! Катерина Михайловна говорила о семейной жизни, о воспитаніи дѣтей, о своемъ расположеніи; а Ѳедоръ Алексѣевичъ размышлялъ: нельзя ли сдѣлать, чтобъ все это какъ нибудь связать вмѣстѣ? нельзя ли сдѣлать, чтобъ расположеніе Катерины Михайловны устроило его семейную жизнь? Послѣднія слова ея объ одиночествѣ окончательно убѣдили его.

— Правда ваша, сказалъ онъ, вздохнувъ: — скверно жить одному. Я объ этомъ давно думалъ, и еслибъ за меня рѣшилась пойти дѣвушка...

Онъ не договорилъ, но Катерина Михайловна поняла. Ее освѣтила мысль, одна изъ тѣхъ великихъ мыслей, которыя рождаются сами собой, которыми потому хвалятся геніальные люди, какъ своимъ изобрѣтеніемъ, какъ будто что нибудь такое свѣтлое, такое смѣлое можетъ быть произведеніемъ долгаго думанья! Мысль Катерины Михайловны была внезапна и разомъ рѣшила всѣ сомнѣнія, опасенія, бродившія въ ея головѣ, и еще больше мучившія ее въ это утро... Но вмѣсто того, чтобъ разбирать эту мысль, лучше посмотрѣть на ея послѣдствія.

Катерина Михайловна схватила руку своего собесѣдника съ живостью и увлеченіемъ, свойственными ей одной.

— Ѳедоръ Алексѣичъ, вскричала она: — неужели вы можете сомнѣваться, чтобъ не пошла за васъ дѣвушка? Еслибъ у меня была дочь, я привела бы ее и сказала: «вотъ тебѣ мужъ, ты должна... ты должна быть его женой!» Чего вамъ недостаетъ, съ вашей наружностью, съ вашимъ образованіемъ, съ вашей ловкостью?.. да вы просто завлекательный мужчина — клянусь вамъ! Я могу говорить—я ужъ мать—я бы влюбилась въ васъ!.. да, вотъ какъ! — Чего вы можете бояться? Да дура та, которая вамъ откажетъ—я ей въ глаза готова сказать, ей-Богу! Съ вашимъ состояніемъ... Да скажите, кто вамъ нравится, я сватать буду!..

Почтенный совѣтникъ нѣсколько растерялся, но растерялся очень пріятно: похвалы, и похвалы женщины еще въ первый разъ сыпались такъ щедро на его бѣдную особу, по совѣсти, нисколько непривлекательную.

— Кто мнѣ нравится? сказалъ онъ: — ахъ, матушка, ваше превосходительство, да кого я здѣсь знаю? Я отцовъ вижу, братьевъ вижу, матушекъ, а дѣвушки ко мнѣ и не выходятъ. Одно я знаю молодое лицо, жену нашего предсѣдателя — эта очень хороша, да что проку?.. Признаться, глядя на нихъ, меня часто и мучитъ, такъ вотъ и шепчетъ: «женись, и тебѣ будетъ хорошо». Вы представьте, ему подъ пятьдесятъ, а ей есть ли двадцать; и другъ на друга не наглядятся! Еслибъ мнѣ Богъ послалъ такую красавицу!

Катерина Михайловна немного поморщилась: видно, это было не въ ея планѣ.

— Такъ что-жъ тутъ? сказала она.

— Какъ, развѣ это не счастье?.. Да неужели, если меня полюбитъ такая миленькая, молоденькая, это не счастье?

Катерина Михайловна увидѣла, что вложила ему много самоувѣренности; поправить было нельзя, и даже опасно: совѣтникъ могъ перейти въ безнадежность, а это было бы еще хуже. Надо было показать ему, что такая женитьба еще не великое счастье.

— Не говорите этого, Ѳедоръ Алексѣичъ, сказала она съ важностью, вполнѣ достойной предмета: — вы не знаете дѣвицъ; конечно, имъ легко внушить любовь; но молодыя дѣвицы—въ нихъ эгоизма столько! Она захочетъ видѣть свѣтъ, захочетъ, чтобъ вы

для нея свои занятія оставили, чтобъ вы ее веселили, и въ домѣ она ничего не значитъ; у нея нѣтъ этого... ни входа нѣтъ, ни чтобъ принять гостей, чтобъ все устроить—нѣтъ. Вы мнѣ позвольте быть откровенной, Ѳедоръ Алексѣичъ. Вы человѣкъ солидный, и—вы меня извините — вы мало бываете въ свѣтѣ — вы простите меня, Ѳедоръ Алексѣичъ. Вамъ нужна свѣтская дѣвушка, ловкая, умная и ужъ не слишкомъ молодая, чтобъ вамъ ее не учить и за нее не краснѣть... потому что и это бываетъ. Я столько видѣла, что эти молоденькія дѣвицы, институтки эти, онѣ всѣ такія невинныя; имъ если скажешь что, тотчасъ покраснѣютъ, и хоть въ слезы — ей-Богу!.. Нѣтъ, это васъ Боже сохрани! Я васъ такъ понимаю; такъ васъ изучила, я, можно сказать, васъ отгадываю... Когда у меня къ кому сердце такъ, какъ къ вамъ, я все насквозь вижу... У меня былъ знакомый, Хрястовъ одинъ, полковникъ. Ихъ полкъ стоялъ у насъ, когда еще мужъ служилъ. Только-съ, вотъ онъ вздумалъ жениться тамъ на одной дѣвицѣ, Темирѣ Шуратьевой—ну, пансіонерка, какъ вы можете вообразить, и только-только привезли. Погода была ужасная, ростопель и мать спѣшила ее везти, такъ что ей въ Петербургѣ ничего и сдѣлать не успѣли; какъ была въ выпускномъ платьицѣ, такъ ее и взяли. Вотъ Михайло Христофорычъ—это полковникъ—мнѣ и говоритъ: «ну, влюбленъ, какъ вы можете себѣ представить; и глазки у нея черные, и ножки прелесть — расписываетъ». Я говорю ему: «душечка, подумайте, вѣдь это шагъ въ жизни»... А это было вечеромъ, онъ у меня сидитъ, и на балъ не поѣхалъ, а танцовалъ отлично, усы такіе прекрасные, ну, прелесть мужчина! Я сижу и говорю: «вы подумайте, душечка, это шагъ, можно сказать, лотерея; она такъ молода, къ тому-жъ, свѣта не знаетъ и васъ не можетъ оцѣнить— не можетъ. Онъ мнѣ: «какъ не можетъ, когда ее люблю—я!» Богъ знаетъ что! Насказалъ мнѣ тутъ пропасть. «Нѣтъ, говорю, вы погодите, вы удержитесь, полковникъ, вы подумайте»... И вотъ я такимъ манеромъ сижу, и онъ такъ. Я задумалась, думаю о немъ, и знаете, такъ моя мысль была... можно сказать, сообщеніе такое, что я вижу, вѣдь, вотъ вижу ее, Темиру, передъ собой, собраніе вижу, и ее, какъ она ходитъ, танцуетъ—все...

— Скажите! прервалъ изумленный Ѳедоръ Алексѣевичъ.

— Да, да! и какъ явственно, и говорю ему: «Послушайте, полковникъ, вы думаете, что эта дѣвица васъ любитъ? Онъ клянется, божится: «любитъ». А я ему: «нѣтъ, она теперь въ собраніи, и сейчасъ ей — вотъ такой-то—чиновникъ нашъ былъ, молодой человѣкъ, изъ университета—сейчасъ онъ ей руку пожалъ и объясняется ей, и она ему отвѣчаетъ... Онъ, полковникъ мой, съ мѣста вскочилъ. «Гдѣ вы это видите?» — «Ужъ вижу». — «Почемъ вы знаете?» — «Ужъ знаю».— «Кто вамъ сказалъ?» — «Богъ мнѣ сказалъ! Поѣзжайте, посмотрите». И точно; вы представьте: онъ поскакалъ въ собраніе и въ самомъ дѣлѣ засталъ, что они вмѣстѣ танцуютъ, и все, слово въ слово, какъ я говорила, какъ я ее видѣла... Представьте вы потомъ—полковникъ ужъ не сватался—сватается за нее этотъ молодой человѣкъ; мать отказываетъ; она съ нимъ бѣжала, гдѣ-то въ слободѣ вѣнчалась. Полковникъ былъ просто убитъ; мужчина такой, вы вообразите, схватилъ чахотку—и въ шесть недѣль... Вотъ любовь! Я, какъ дитя, плакала, какъ дитя... Говорю: «вотъ женское кокетство, до чего доводитъ! Слава Богу, что онъ не женился на ней: что-бъ съ нимъ тогда еще могло быть?..»

Катерина Михайловна была взволнована.

— Конечно... началъ было совѣтникъ.

— Нѣтъ, прервала она: — я къ чему это говорю? что женщина умная, опытная, никогда этого не сдѣлаетъ, и что для васъ нужна дѣвушка, которая знала бы эти козни и злодѣйства этого свѣта, омута этого проклятаго... и чтобъ ей можно было безъ сожалѣнія объ удовольствіяхъ сидѣть съ вами и отказаться отъ всѣхъ этихъ глупостей, а то, согласитесь, самому жалко...

— Это, ваше превосходительство, духу не достанетъ, засадить ребенка въ четырехъ стѣнахъ—это я понимаю, сохрани меня Господи!..

— Вы мнѣ скажите откровенно, точно ли это ваше желаніе?

— Жениться?.. Откровенно вамъ скажу, давно.

— Въ такомъ случаѣ, я знаю для васъ дѣвушку и могу быть увѣрена, что вы будете съ ней счастливы... какъ я была счастлива съ покойнымъ Иваномъ Иванычемъ...

Голосъ Катерины Михайловны выражалъ сильное волненіе; глаза были полны слезъ. Совѣтникъ взялъ руку, которую она ему протянула, и поцѣловалъ ее почтительно. Катерина Михайловна умѣла отгадать благодарность въ этомъ поцѣлуѣ, и все ея сочувствіе, вся ея доброта выразилась въ нѣсколькихъ поцѣлуяхъ, которыми она по-

крыла почтенную голову своего собесѣдника.

— Извините меня, сударыня, сказалъ онъ, тоже сильно растрогавшись:—я благодарить не умѣю; позвольте же мнѣ васъ спросить: кто же такая?...

Онъ не рѣшился сказать: моя невѣста.

— Ѳедоръ Алексѣичъ, но только, чтобъ это втайнѣ было, потому что, вы знаете, это деликатная вещь...

— Будьте покойны.

— Это — Надежда Васильевна Гра̀шкова.

Совѣтникъ былъ какъ-будто пораженъ.

— Вы, можетъ быть, думаете, продолжала Катерина Михайловна:—что у нея нѣтъ состоянія...

— Можно ли это, ваше превосходительство. Я, слава Богу, все имѣю и въ мысль мнѣ не приходило.

— Ну, она такая интересненькая...

— Помилуйте, просто красавица! я вчера ее видѣлъ...

— Ѳедоръ Алексѣичъ, почтеннѣйшій мой, да вы влюблены! Позвольте васъ поздравить...

Она опять протянула ему руку; на этотъ разъ онъ поцѣловалъ обѣ ея руки, а Катерина Михайловна нѣсколько разъ поцѣловала его въ лобъ.

— Я вамъ пророчу, напередъ вамъ говорю: вы будете счастливы.

— Такъ, Катерина Михайловна...но я слышалъ, ея характеръ...

— Ѳедоръ Алексѣичъ, я вамъ могу, какъ мать, сказать: это ангелъ! это, это... просто ангелъ! Она въ домѣ все: и хозяйка, и дочь, и за сестрами маленькими, и все... а въ обществѣ всегда такъ мила, такъ привѣтлива; талія прекрасная, съ пріятной улыбкой, такъ она душу вашу возьметъ, мнѣ кажется, какъ слово скажетъ!... Живая: это у нея все, все, тотчасъ кипитъ, ужъ и сдѣлано, и сказано, и прошла она, и сѣла, и развеселитъ, и «маменька, я туда-то хочу», и «маменька, это не такъ», все тутъ, и подшутитъ, и посмѣется... О! ужъ смѣшного она не пропуститъ...

— Вотъ то-то, Катерина Михайловна, это слышалъ, что она очень...

— Легка, вы хотите сказать?... Ахъ, мой почтенный другъ! не слушайте этихъ вздоровъ. Это я вамъ могу сказать: она со мной какъ съ родной матерью, потому что, я скажу вамъ: мадамъ Гра̀шкова очень недалекая женщина и Надина только мнѣ и вѣритъ.— «Душечка, говоритъ, Катерина Михайловна, научите меня, какъ тутъ и тамъ-то поступать? Вотъ папенька хочетъ мнѣ розовое платье сдѣлать, а maman не угодно, какъ же мнѣ быть, чтобъ между ними чего не вышло изъ этого?» Видите, какъ она все обдумаетъ заранѣе, все обсудитъ! Ну, и я ей говорю... вы меня знаете, если я люблю кого, то люблю и не допущу, чтобъ были непріятности...

— Все это такъ, Катерина Михайловна, но мнѣ говорили... Конечно, гдѣ-жъ мнѣ знать, я бирюкъ, все дома сижу... будто она кокетка.

— Скажите вы имъ, достойный мой другъ, тѣмъ, кто это говоритъ, что они клеветники. Во-первыхъ, еслибъ она была кокетка, то сколькихъ бы она завлекла, то есть, насмерть завлекла! Она бы давно была замужемъ, потому что нынче дѣвицы только кокетствомъ и живы, только имъ и берутъ... А она скромна, тиха, сурова, можно сказать. Неужели вы думаете, ей не бывало случаевъ привязать къ себѣ молодого человѣка? Помилуйте! Да вотъ, недавно, прибѣгаетъ ко мнѣ, говоритъ: «Душечка, какъ мнѣ быть, Пестовскій мнѣ въ любви открывается, а я не знаю, какъ отдѣлаться...» Вотъ она какъ. Вы подумайте: она дѣвица не первой молодости, ей 26 лѣтъ, кто-жъ въ этотъ возрастъ думаетъ о кокетствѣ? это ужъ лѣта благоразумія.

— Я слышалъ напротивъ, возразилъ совѣтникъ:—что именно тутъ-то и самое кокетство находитъ; не успѣлъ во-время, такъ дай хоть на послѣднихъ дняхъ...

— Да вы сами посудите, мой почтеннѣйшій, достанетъ ли духу у благоразумной дѣвушки заниматься такими пустяками, когда надо о жизни подумать, когда она, я вамъ говорю, точно мать въ домѣ... милочка такая, хорошенькая...

— Если такъ, Катерина Михайловна, то какъ же быть?.. Еслибъ вы согласились взять на себя... поговорить ей...

— Я съ большимъ удовольствіемъ... Я вотъ какъ, продолжала Катерина Михайловна, цѣлуя лобъ и щеки совѣтника, который цѣловалъ ея руки:—я сегодня же къ ней поѣду и все скажу ей, Надинѣ...

— Только, сдѣлайте милость, чтобъ это... знаете, неловко, откажутъ, а тутъ весь городъ знаетъ...

— Ахъ, мой почтеннѣйшій, что вы? Да вы подумайте, я о своихъ интересахъ буду хлопотать, чтобъ мнѣ къ вамъ забраться, посидѣть въ вашемъ миломъ семействѣ, я о себѣ хлопочу, вы мое-то счастье вообразите...

Катерина Михайловна остановилась; ее непріятно удивило появленіе новаго лица,

которое ей кланялось. Должно быть, это удивленіе лишило ее зрѣнія, потому что она съ минуту вглядывалась въ гостя прежде, нежели отвѣчала на поклонъ. Гость былъ Бѣлягинъ.

— Ахъ, какой сюрпризъ! сказала она.— Давно ли вы возвратились?

— Я никуда не ѣздилъ, отвѣчалъ Бѣлягинъ, пожимая руку совѣтнику.

— Нѣтъ, я думала... Какъ же васъ не было?

— Я былъ у васъ въ теченіе этого времени.

— Да; но я была нездорова и теперь еще... Вы визиты дѣлаете?

— Нѣтъ. Сейчасъ былъ у васъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ совѣтнику:—и отвезъ вамъ кипу бумагъ. Вы отъ дѣлъ, а дѣла за вами.

— Да сегодня, кажется, всѣ отъ дѣла бѣгутъ, замѣтила Катерина Михайловна, оправясь совершенно и считая нужнымъ поддержать совѣтника, который еще не оправился:—вамъ, Ѳедоръ Алексѣичъ, это не только позволительно, необходимо даже, а вотъ молодые люди... А мой Сашечка съ утра въ должности.

— Что-жъ дѣлать, я никогда не откажусь полѣниться... Впрочемъ, я сейчасъ заѣзжалъ въ палату и не видалъ Александра Иваныча.

— Можетъ быть, сказала Катерина Михайловна.

Въ гостиной воцарилось глубокое молчаніе.

Совѣтникъ былъ такъ душевно пораженъ и сконфуженъ, что, казалось, не было надежды, чтобъ онъ пришелъ раньше часа въ надлежащее положеніе. Катерина Михайловна поняла это и подумала про себя о томъ, какъ невыгодно не знать приличій и не умѣть поставить себя независимо отъ разныхъ могущихъ случиться въ свѣтѣ неожиданностей. Она заговорила первая.

— Сегодня, кажется, морозъ съ сильнымъ вѣтромъ.

— Напротивъ, оттепель, отвѣчалъ Бѣлягинъ.

Бѣлягинъ могъ говорить о чемъ угодно и никогда его подвижная физіономія не выражала тяжести, которую онъ чувствовалъ отъ разговора; въ случаѣ, если эта тяжесть начинала его внутренно одолѣвать, онъ позволялъ себѣ вдругъ поворотить разговоръ на другое, нисколько не заботясь, что поворачивалъ круто. Теперь онъ занялся метеорологическими наблюденіями Катерины Михайловны, которыя были прерваны только докладомъ о пріѣздѣ двухъ дамъ. Катерина Михайловна встала; совѣтникъ тоже поднялся.

— Итакъ, сказала она ему значительно.

— Да-съ, отвѣчалъ онъ, кланяясь:—завтра явлюсь.

— Нѣтъ, я пришлю къ вамъ. Впрочемъ, прошу покорно.

Гостьи входили.

— Доложите Нинѣ Александровнѣ, сказала Катерина Михайловна лакею.

Бѣлягинъ только этого и дожидался.

V.

Ночь послѣ бала была для Нины тревожная ночь; она спала, но во снѣ видѣла, слышала то же, что на-яву, тотъ же голосъ говорилъ съ нею, тѣ же глаза смотрѣли на нее; она проснулась и въ полусвѣтѣ своей комнаты думала о томъ же и тихонько повторяла уже сто разъ повторенныя слова... Казалось, одинъ только голосъ и одинъ только взглядъ существовали для нея на этомъ балѣ и, кромѣ ихъ, ничего больше не было, и она хотѣла для одной себя сберечь ихъ, боялась говорить о нихъ.

За чайнымъ столомъ съ Катериной Михайловной и ея сыномъ ей было скучно отъ принужденія: ей мѣшали думать, ее заставляли говорить; она должна была изъ приличія казаться внимательной; за то, съ какой радостью убѣжала она опять къ себѣ! Она не позвала горничной, не спросила одѣваться, а бросилась въ большое кресло, опять закрыла глаза и сказала:

«Его зовутъ Николай Андреичъ...»

«Пять комнатъ, хорошенькіе обои... какъ расположены эти комнаты, какого цвѣта эти обои?.. Журналы... какъ онъ сидитъ въ мягкомъ креслѣ съ длиннымъ листомъ «Прессы» и держитъ его близко, близко къ глазамъ... или за письменнымъ столомъ, положивъ свою черноволосую голову на бумаги, отъ которыхъ ему скучно...»

Тема не велика, какъ видите, но Нина продумала объ этомъ цѣлый часъ. Маша пришла сказать ей, что пріѣхали дамы, и ее зовутъ.

Нина вышла; но прямо противъ двери гостиной ей показались эти живые глаза, это лицо, о которомъ она думала.

Поклонъ Бѣлягина былъ первый, которому она отвѣчала.

Бѣлягинъ сѣлъ подлѣ нея, какъ человѣкъ, давно знакомый, не обращая вниманія на

яркій взоръ Катерины Михайловны, который слѣдилъ за нимъ съ безпокойнымъ любопытствомъ.

— А какъ вчера много набралось въ собраніи, замѣтила m-me Хворостинина.—Видите, Марья Николавна, сказала она, обращаясь къ m-me L.:—я хорошо сдѣлала, что уговорила васъ ѣхать. Вообразите, Катерина Михайловна, вѣдь Марья Николавна ѣхать не хотѣла.

— Можно спросить васъ о вчерашнихъ впечатлѣніяхъ? спросилъ Нину Бѣлягинъ.

— Какія-жъ могутъ быть впечатлѣнія у дѣвицы? возразила Катерина Михайловна.—Удовольствіе — вотъ и все тутъ.

— И притомъ, какое-жъ удовольствіе? прибавила m-me L.— Эти балы, кромѣ скуки, пересудовъ — больше ничего.

— Конечно, еслибъ хоть общество было между собою дружно, сказала m-me Хворостинина.

— Что значитъ быть въ дурномъ расположеніи духа! сказалъ ей Бѣлягинъ.—Я до сихъ поръ еще не зналъ, что наше общество недружно, а вы это высказали.

— Кто вамъ сказалъ, что я въ дурномъ расположеніи духа? спросила m-me L.

— Да нѣтъ, душечка, какія же впечатлѣнія? повторила Катерина Михайловна, обращаясь къ m-me Хворостининой.— Молодая дѣвица въ первый разъ въ обществѣ — это такъ невинно. Вѣдь это надо быть самымъ жестокимъ человѣкомъ, чтобъ предположить, что у нея дурныя мысли, или она осудитъ кого нибудь, или что...

Нина страдала; иначе нельзя назвать ея смущенія. Не поднимая глазъ, она замѣтила, что Бѣлягинъ взглянулъ на нее и улыбнулся при этихъ словахъ, сказанныхъ на его счетъ.

— Нѣтъ; но вѣдь осужденія во всякомъ возрастѣ бываютъ, отвѣчала m-me Хворостинина. — Я знаю, можно сказать, дѣвочку, ребенка, а если послушать ее — это ужасъ!

— Но вѣдь это все мать, мать! подхватила m-me L. — Я знаю, о комъ вы говорите: это мать, увѣряю васъ; она въ угодность матери это дѣлаетъ.

— Однакожъ, возразила m-me Хворостинина: — какъ она ни молода, но могла-бъ видѣть, что это дурно, и притомъ ей ужъ столько разъ были за это такія непріятности...

— Но, прервала Катерина Михайловна:— если это пріятно матери, то дочь должна все дѣлать, что мать прикажетъ, потому что, какая это дочь, которая матери своей возражать станетъ...

— О, конечно! сказала m-me Хворостинина.

— Мать, это такое слово... повторила m-me L.

— Конечно. И зачѣмъ это умничанье: разбирать, что кому пріятно, что скажетъ свѣтъ?..

— Нѣтъ! воскликнула Катерина Михайловна:—свѣтъ послѣ, послѣ, душечка! Я по себѣ сужу: моей матери—я сама была дочь—моей матери пріятно, чтобъ я всѣ связи прервала съ такимъ-то человѣкомъ, и хоть онъ ангелъ будь, мнѣ его не нужно! нужно, чтобъ дочь ея глазами глядѣла, ею чувствовала, иначе нѣтъ этого счастья, этой...пріятности, можно сказать.

— Ахъ, такъ, такъ! повторила m-me L.—Я сама была дочь...

Нина взглянула на Бѣлягина. Онъ, казалось, былъ всей душой въ этомъ разговорѣ; онъ усѣлся такъ спокойно въ своемъ креслѣ и глядѣлъ такъ внимательно, будто диванъ была сцена, а три сидящія дамы—дѣйствующія лица, игравшія пьесу собственно для удовольствія его, Бѣлягина, такъ что съ его стороны было-бъ неучтиво и непростительно пропустить хоть одинъ жестъ, одно слово. Глаза его сдѣлались какъ-то малы и спрятались подъ рѣсницы, но зато блестѣли удивительно, а маленькая улыбка, не сходившая съ губъ, выражала полное сочувствіе къ пьесѣ и необыкновенное наслажденіе, которое она ему доставляла.

— Къ тому-жъ, продолжала Катерина Михайловна:— остроуміе — это талантъ — его Богъ посылаетъ, и долгъ матери его не останавливать; за что-жъ дѣвочка съ талантомъ будетъ сидѣть какъ кукла какая безмолвная? «Да-съ» да «нѣтъ-съ»—это смѣшно. Нынче вѣкъ такой; это орудіе наше, женское.

— О, конечно! подтвердили обѣ дамы.

— Вы вообразите только, молодой человѣкъ, ну, положимъ, онъ страненъ, глупъ, или еще что нибудь, какъ же не замѣтить дѣвушкѣ и своего мнѣнія не сказать, прибавила m-me Хворостинина.

— И не пошутить какъ нибудь пріятно, продолжала Катерина Михайловна:—не выдержишь, оригиналы какіе бываютъ!

— А вчера, помните? проговорила m-me L., разсмѣявшись: — я вообразить не могу! Дайская танцуетъ, а эта дѣвочка тутъ же въ глаза ее передразниваетъ, и такъ, и такъ...

M-me L. сдѣлала нѣсколько движеній плечами и таліей.

— Тутъ ужъ и мать бы, кажется, не выдержала, еслибъ увидѣла, сказала m-me Хворостинина.

— Но, душечка, это ужъ отъ воспитанія: если что лишнее, то мать виновата, сказала Катерина Михайловна. — Я мать, не позволяю, я внушаю, приказываю; я, какъ мать, могу надѣяться...

— Это ужасно, однако, если надежды такъ дурно сбываются! сказалъ Бѣлягинъ.

Катерина Михайловна покраснѣла.

— Я знаю свою обязанность, отвѣчала она, обращаясь сначала къ нему, потомъ къ дамамъ: — но какъ же я могу отвѣчать за то, чего не вижу? въ глазахъ моихъ, конечно... а тамъ, Богъ ее знаетъ.

— Въ такомъ случаѣ, это самая легкая отвѣтственность, сказалъ онъ: — самая покорная.

— Конечно, вскричала Катерина Михайловна: — неужели вы думаете, что всякая мать не дрожитъ за свою дочь, когда ее на балъ везетъ?.. Да это... Богъ знаетъ, что!

— Ахъ, Боже мой! сказали въ голосъ обѣ дамы.

— Свѣтъ нашъ, продолжала Катерина Михайловна: — это такая бездна, яма — вы меня извините — что... я и не знаю что! это такъ скользко...

— Такъ опасно! прервала m-me Хворостинина.

— Опасно, гибельно! договорила m-me L.

— Гибельно такъ, продолжала Катерина Михайловна: — что всякая мать все равно, какъ на огнѣ сидитъ, на вашемъ балѣ!

— Какъ на огнѣ, повторила m-me Хворостинина.

— Это ужасъ, ужасъ! вскричала m-me L.

— Пересуды, переговоры, сплетни, злость, зависть, клеветы, оглядки эти глупыя, толки несносные, всякій бантикъ; ко всему, какъ змѣи какія...

— Позвольте спросить только, сказалъ Бѣлягинъ: — но кто-жъ?

— Какъ, кто-жъ? Да всѣ, всѣ!

— Всѣ, Боже мой!

— Всѣ, весь міръ!

— Какъ же вы рѣшаетесь бывать въ обществѣ? спросилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой! необходимость, сказала m-me L.

— Привычка, прибавила m-me Хворостинина.

— Нельзя-жъ спрятаться въ четырехъ стѣнахъ.

— Всякій подумаетъ, скажетъ Богъ знаетъ что...

— Но къ чему-жъ молодость, красота? прибавила m-me L.

— Нѣтъ; но, душечка, всякій обязанъ, всякій членъ общества, сказала Катерина Михайловна: — еслибъ всякій вздумалъ запереться, что-жъ было бы? помилуйте! вѣдь это, можно сказать, и государство, и все...

Разговоръ завязался удивительно живо. Бѣлягинъ обратился къ Нинѣ. Она взглянула на него, будто прося прощенія во всемъ, что онъ слышалъ. Онъ улыбнулся.

— Васъ не пугаетъ это? спросилъ онъ тихо, покуда дамы громко судили.

— Не знаю, отвѣчала она тоже тихо и съ утомленіемъ.

— Это назидательно послѣ бала.

— Васъ это занимаетъ? спросила она.

— Почему-жъ нѣтъ? Я съ большимъ удовольствіемъ всегда смотрю на эти маленькія волненія; совѣтую и вамъ обратить на нихъ вниманіе.

— Положимъ, для меня назидательно; но для васъ что тутъ въ нихъ занимательнаго?

Очень много. Я вывожу свои заключенія.

Нина вспыхнула; она была не только смущена, но и измучена; Бѣлягинъ смотрѣлъ на нее пристально.

— Знаете, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія: — я замѣтилъ, что ваше мнѣніе обо мнѣ ужъ заранѣе приготовлено, и я напалъ на предубѣжденіе.

— Предубѣжденіе? повторила она съ испугомъ.

Бѣлягинъ говорилъ ужъ не улыбаясь.

— Да. Я говорю вамъ въ первое свиданіе то, что другой не сказалъ бы на третій мѣсяцъ. — Вы предубѣждены — дѣлать нечего; позвольте вамъ замѣтить только, что вы можете ошибаться.

Онъ говорилъ очень тихо, даже серьезно.

— Имѣть предубѣжденія значитъ не имѣть характера, сказала Нина.

— Послушайте, послушайте, какъ она споритъ! сказала Катерина Михайловна своимъ гостьямъ: — это она о предубѣжденіяхъ... Ахъ, мой голубчикъ, это она въ пассію вошла! Позвольте намъ, душечка, послушать: это интересно.

Нина остановилась на полусловѣ; она не могла продолжать; она только осмѣлилась взглянуть на Бѣлягина, и съ радостью, доходившей до страха, ей показалось, что ее ужъ слишкомъ хорошо поняли.

— Вы не повѣрите, Елизавета Васильевна, продолжала Катерина Михайловна, обращаясь къ m-me Хворостининой:—это просто наслажденіе ее слушать! Мы съ ней часто... она такъ заниматься любитъ, и о литературѣ... Вотъ вы, Николай Андреичъ, поговорите... Сашечка хотѣлъ васъ просить о книгахъ для Нины Александровны, пришлите намъ.

Обѣ дамы встали.

— Какъ, и вы ѣдете? спросила Катерина Михайловна.

— Какъ же, мы въ одномъ экипажѣ. Я сегодня вездѣ вывожу Марью Николаевну. На нее грусть находитъ, ипохондрія.

— Знаете, Катерина Михайловна, тоска, тоска такая, просто душитъ!

— Знаю, сказала Катерина Михайловна:—я знаю эту болѣзнь. Я вотъ, тоже, за нее боюсь... Мое дитя прекрасное.

Она заключила Нину въ объятія и расцѣловала.

Нина видѣла только, что Бѣлягинъ вышелъ вслѣдъ за дамами, раскланявшись молча.

Воронской воротился очень акуратно къ обѣду; накрытый столъ не ждалъ его и пяти минутъ. Катерина Михайловна спросила его, садясь:

— Гдѣ ты былъ, дружочекъ?

— Да гдѣ-жъ? Въ палатѣ.

— Бѣлягинъ говорилъ, что тебя не видалъ, душечка.

— Я его не видалъ, отвѣчалъ онъ, принимаясь кушать молча.

Въ этотъ день, казалось, апетитъ былъ только у Александра Ивановича; Катерина Михайловна была нѣсколько ажитирована и разсказала Нинѣ одну небольшую исторію, начавъ ее съ отъѣзда гостей и кончивъ къ тому времени, какъ вставали изъ-за стола. Она не замѣтила, что эта исторія была ею ужъ однажды разсказана, но удивительно, что Нина, казалось, тоже этого не замѣчала.

— Душечка моя, устала какъ! сказала Катерина Михайловна, цѣлуя Нину послѣ обѣда. — Лягте, дружочекъ, отдохните. Это она ночь не спала, ангелъ мой.

Нина была восхищена этимъ предложеніемъ... Она ушла къ себѣ.

Катерина Михайловна не обратила вниманія на сына, поцѣловавшаго ея руку, и ушла въ гостиную. Воронской пошелъ за матерью, не обращая вниманія на этотъ гнѣвъ.

— Вы, маменька, поѣдете сегодня вечеромъ куда нибудь?

— Да вѣдь ты хотѣлъ ѣхать къ Гра́шковымъ.

— Нѣтъ, я ужъ къ нимъ вечеромъ не поѣду.

— Ты ужъ утромъ былъ.

— Вамъ кто сказалъ?

— Господи Боже мой! развѣ я слѣпа? развѣ я глуха, Сашечка, или, что Боже сохрани...

— Это вамъ Бѣлягинъ насплетничалъ.

— Нѣтъ, Сашечка, это ужъ такая скрытность, такой поступокъ, это ужъ я не знаю что! Нѣтъ, нѣтъ, поди, я этого не хочу слышать.

Воронской отправился къ двери.

— Чего ты тамъ ищешь, скажи мнѣ? Что тебѣ эта Надина? продолжала Катерина Михайловна.—Вотъ дѣвица, сейчасъ вышла—вотъ тебѣ! ну, занимайся ею. А то какъ ты себя при ней держишь? Сумасшедшій этотъ Бѣлягинъ, и тотъ найдетъ что сказать; ты... придетъ! сядетъ!.. Образа на тебѣ нѣтъ человѣческаго! Я тебѣ истинно говорю, Сашечка, я этого не потерплю!

— Вѣдь я вамъ говорю, что я не былъ, возразилъ Воронской, остановясь у притолки. — Вы себѣ воображаете только, что я былъ, а я не выходилъ изъ палаты — вотъ и все.

— Сашечка, если ты моей смерти не хочешь, то сейчасъ уйди: я этой лжи слышать не могу! Я этого не понимаю... мнѣ чужихъ, мнѣ всякаго сторожа въ палатѣ стыдно! Какъ это Бѣлягинъ сказалъ при Ѳедорѣ Алексѣичѣ, я думала подо мною полъ провалится. Это такое забвеніе, дерзость такая, неблагодарность—я не знаю что!

— Я вамъ говорю, что Бѣлягинъ солгалъ.

— Кому же знать, какъ не ему? онъ тамъ, у Гра́шковыхъ живетъ и умираетъ— я вѣдь знаю.

— И совсѣмъ онъ тамъ не умираетъ, отвѣчалъ хладнокровно Воронской.—Надежда Васильевна не такая дѣвушка, чтобъ имъ заниматься... Она вниманія не обратитъ; она знаетъ цѣну людямъ, знаетъ, кто чего стоитъ.

— Прошу тебя, поди въ свою комнату; оставь меня въ покоѣ съ этой Надиной и съ своимъ Бѣлягинымъ! Прошу никуда сегодня вечеромъ ни шагу: меня дома не будетъ, Нинѣ Александровнѣ нельзя оставаться одной...

Воронской вышелъ очень спокойно. Твердость духа была всегда его добродѣтелью.

Въ теченіе послѣднихъ часовъ Нина такъ полюбила свою комнату, что войти въ нее, запереться въ ней сдѣлалось для нея насла-

жденіемъ. Она уносила въ нее свои мечты, свои размышленія, догадки, свое раздумье. Но послѣ утренняго визита все это было очень сложно, тревожно и тяжело.

Что у него за взглядъ! у него злая душа; онъ обо всемъ судитъ и ничего не прощаетъ! Сохрани Боже, если онъ замѣтитъ что нибудь не такъ... но что не такъ? что можетъ быть по немъ, и не по немъ?... Катерина Михайловна не по немъ — это ясно. Эти дамы, гостьи, тоже ему не нравятся—это тоже ясно. Но она, Нина, которая во весь этотъ разговоръ не нашлась сказать ни одного слова, чтобъ выразить свою настоящую мысль, показать, какъ для нея этотъ разговоръ утомителенъ, несносенъ, какъ она не раздѣляетъ этихъ мнѣній — чѣмъ же она ему показалась? Эти дамы страшны; онѣ могутъ быть врагами. Но, въ ожиданіи, покуда онѣ сдѣлаются врагами, покуда она будетъ заботиться о пріобрѣтеніи ихъ добраго расположенія, не сдѣлается ли она, какъ эти дамы, несносна, мелочна, смѣшна въ глазахъ человѣка, которому она всѣми силами души хотѣла бы понравиться... Но какъ, чѣмъ ему понравиться? Онъ сказалъ: «я слушаю и вывожу свои заключенія». Какое заключеніе онъ о ней вывелъ? Онъ понялъ, что она его боится — тѣмъ хуже! Онъ, послѣ этого, сказалъ, что знаетъ, что она о немъ дурно думаетъ... А что за улыбка, когда Катерина Михайловна цѣловала ее и толковала объ ипохондріи!.. Съ этой улыбкой онъ уѣхалъ. Эта улыбка осталась и послѣднимъ впечатлѣніемъ для Нины.

Какое впечатлѣніе унесъ онъ съ собою— разрѣшить это довольно мудрено. До сихъ поръ еще ни одна дѣвушка не занимала Бѣлягина серьезно. Вообще въ нихъ его сердили и отдаляли двѣ крайности: кокетство и неподвижность. Та и другая крайность лишены всякой откровенности; но ничто такъ не пугало Бѣлягина, какъ неподвижность, не врожденная, а разсчитанная, натянутое благоразуміе, вѣчно стоящее на-стражѣ. По его мнѣнію, оно было несноснѣе даже притворства кокетки: то, по крайней мѣрѣ, живо и забавно. Бѣлягинъ искалъ откровенности (всякій человѣкъ преслѣдуетъ какую нибудь идею). Наканунѣ, на балѣ, робость Нины, ея увлеченіе, когда она говорила, смѣхъ, когда ей было весело, самыя движенія, которыя она не заботилась дѣлать плавнѣе и граціознѣе — все заставило Бѣлягина подумать о ней лишній разъ, какъ объ очень миломъ ребенкѣ. Но этого было мало. Бѣлягинъ зналъ, что въ наше время ни одно милое дитя не ростетъ въ совершенномъ невѣдѣніи свѣта и людей, что оно можетъ быть непринужденно и чистосердечно, но не должно быть безпонятно, должно имѣть свое мнѣніе, потому что недалеко то время, когда эта дѣвушка можетъ сдѣлаться дамой, представительницей общества, и отъ нея начнетъ зависѣть многое, съ обѣда въ домѣ до репутаціи другихъ дѣвушекъ, бывшихъ подругъ, и другихъ дамъ, друзей, враговъ, союзницъ, соперницъ настоящихъ.

Онъ едва началъ на балѣ сколько нибудь значащій разговоръ, какъ Катерина Михайловна прервала его и увезла Нину. Зная, какъ къ нему мало благоволятъ, онъ позвалъ Нину танцовать на первомъ будущемъ балѣ, изъ желанія доставить удовольствіе Катеринѣ Михайловнѣ; онъ еще не могъ различить въ себѣ другого желанія: еще поговорить съ молодой дѣвушкой. Точно также онъ не разбиралъ, почему, когда она уѣхала, ему показалось, что въ собраніи больше дѣлать нечего, и что въ два часа ночи пора спать всѣмъ благоразумнымъ людямъ. Поутру онъ перелистывалъ какой-то альманахъ; ему попалась бѣлокурая женская головка и онъ нашелъ въ ней сходство съ Ниной, сознаваясь, однако, что сходство было украшено. Вспомнивъ о вчерашнемъ вечерѣ, о ней, онъ набрелъ на мысль, что ничто не мѣшаетъ ему видѣть ее и въ это утро. Чрезъ нѣсколько минутъ эта мысль показалась ему очень привлекательна. Чрезъ два-три часа онъ ее исполнилъ.

Нина въ самомъ дѣлѣ показалась ему очень мила; она рѣшительно была лучше днемъ, нежели вечеромъ. Цвѣтъ лица ея былъ такъ прозраченъ и нѣженъ, что грубое вечернее освѣщеніе только сглаживало его оттѣнки и даже самыя черты лица, необыкновенно тонкія. Вчера она какъ-то исчезала въ легкомъ нарядѣ; какой-то франтъ даже сказалъ о ней, что она неземная; сегодня, въ зеленомъ закрытомъ платьѣ, свѣжая и розовая, съ немного усталыми глазками, она смотрѣла самой милой, самой веселой дѣвушкой, что было несравненно лучше... Бѣлягинъ успѣлъ все это обдумать и сообразить, потому что очень внимательно смотрѣлъ на нее все время своего визита. Поговорить съ нею ему не удалось, а ея смущеніе показало ему, что она его боится; ему стало досадно и съ этой досадой онъ уѣхалъ. Смѣшно сказать, но его день былъ испорченъ. Даже самое нещекотливое самолюбіе бываетъ иногда непріятно затронуто, особенно если затронуто неожиданно. Бѣлягинъ

зналъ, что N-скія дамы его не любили, и даже не сердился прежде, встрѣчая въ новыхъ являвшихся лицахъ предубѣжденіе, внушенное имъ «старожилами»; но его непріятно тронуло предубѣжденіе Нины, тѣмъ болѣе, что источника искать было недалеко: Катерина Михайловна взглянула на нихъ очень выразительно. На этотъ разъ почтенная дама немного измѣнила своей осторожности. Ему было самому смѣшно и досадно ужъ на себя, для чего весь день у него въ головѣ вертѣлся неотвязный вопросъ: какъ можетъ Нина слушать Катерину Михайловну?

Всего досаднѣе и смѣшнѣе то, что ему было почти обидно. Онъ, который всегда такъ добивался непринужденности и откровенности въ дѣвушкахъ, онъ, который порадовался, кажется, подмѣтивъ ихъ въ Нинѣ, онь почти сердился на нее, думая: неужели у нея недостало притворства, чтобъ, хоть изъ учтивости, скрыть, что его представили ей насмѣшникомъ и она повѣрила этому.

И еще странность: прежде, сердись онъ на кого нибудь, онъ рѣшился бы мстить и далъ бы волю своей насмѣшливости, которой—нечего таить,—было въ немъ довольно; а теперь у него были такіе порывы, что онъ давалъ себѣ слово доказать Нинѣ, что въ немъ нѣтъ этого опаснаго качества, а, напротивъ, самое кроткое сердце.

День его прошелъ въ занятіяхъ какъ всегда; но все-таки въ немъ нашлись минуты для досады и мысли о Нинѣ, и такъ какъ эта мысль не надоѣдала ему, то онъ и не старался отъ нея избавиться.

Наступилъ вечеръ. Катерина Михайловна уѣхала. Не смотря на приказаніе матери, Воронской оставилъ Нину сидѣть одну.

Нина была счастлива, оставаясь одна. Она работала и думала, думала и бросила свою работу; сердце ея замирало... она любила—состояніе, полное блаженства, вѣчно памятное для того, кто хоть однажды испыталъ его...

Послышался шумъ; кто-то назвалъ Бѣлягина.

— Николай Андреичъ прислалъ вамъ книги, сказалъ слуга, положивъ передъ нею на столъ.

Нина обомлѣла и дрожащими руками развернула бумагу, въ которой онѣ были принесены; она подумала, что онъ самъ смялъ и согнулъ этотъ листъ бумаги, сейчасъ только прикасался къ этимъ желтымъ томикамъ, что онъ ихъ выбралъ...

Нина положила книги себѣ на колѣни и глядѣла на нихъ: читать она не могла; она чувствовала, что никакая книга въ мірѣ не разскажетъ ей ничего прекраснѣе той волшебной сказки, которая въ эту минуту сказывалась въ ея сердцѣ...

Потомъ пришло ей на мысль, что онъ вѣрно пріѣдетъ, и скоро, можетъ быть завтра; вѣрно будетъ говорить объ этомъ чтеніи, а онъ человѣкъ дѣятельный, вѣрно читаетъ скоро, такъ стыдно будетъ, если она ничего не успѣетъ прочесть до тѣхъ поръ...

Она принялась читать, напрягая вниманіе.

VI.

Надина Гра́шкова прохаживалась по темной залѣ своего дома, гдѣ тоже все было темно и тихо. Огня еще не подавали. Она мечтала, или, вѣрнѣе, находилась въ томъ тревожномъ состояніи духа, которое извѣстно всякой дѣвушкѣ, хотя не всякая дѣвушка сознается, что оно ей извѣстно. Это было волненіе замысла, еще неясно сложившагося въ головѣ, сомнѣнія въ успѣхѣ, ожиданія чего-то неизвѣстнаго, страхъ за свою надежду, тревога самодовольствія при мысли о своемъ могуществѣ, о возможности счастія... словомъ, тревога дѣвушки, которая, не любя, разсчитываетъ на выгоднаго жениха.

Надина думала о Воронскомъ.

Кто, какъ не женщина, проникнетъ планы женщины? Женщина любящая—но мнѣ жаль этого слова—женщина заинтересованная скорѣе всѣхъ увидитъ то, что можетъ грозить ея замысламъ... Въ городѣ N*, при тысячи предположеніяхъ, еще не предположили, чтобъ Нина могла быть невѣстою Воронскаго; отчего-жъ Надина Гра́шкова, съ съ перваго визита Катерины Михайловны вмѣстѣ съ Ниной, догадалась, что единственная цѣль этихъ выѣздовъ, ласкъ, поцѣлуевъ, похвалъ, угожденій Катерины Михайловны—цѣль женить сына?

Надина была поражена своей догадкой, но порадовалась, что догадалась въ пору; она могла по крайней мѣрѣ принять свои мѣры, и въ самомъ дѣлѣ приняла ихъ. Три недѣли постояннаго надзора, выѣздовъ вездѣ, гдѣ только можно было встрѣтиться съ Воронскимъ; три недѣли самыхъ привлекательныхъ нарядовъ, самаго настойчиваго кокетства, въ которомъ поперемѣнно выражались то нѣжность, то досада, то доброта, то своенравіе, то покорность, то властолюбіе, даже самая власть, потому что прекрасная Надина показывала всѣмъ, что ужъ имѣетъ власть надъ своимъ вздыхателемъ— эти три недѣ-

ли принесли свои плоды. Побѣда была полная наканунѣ, на балѣ: Воронской забылъ все для мазурки, для Надины... Но Надина знала, что побѣды, стоющія такихъ трудовъ, почти равны пораженіямъ, она думала, и не безъ основанія, что, растративъ наканунѣ всю свою храбрость, на утро Воронской будетъ безмолвенъ и недвижимъ предъ ея гнѣвомъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ внушеній, совѣтовъ, очарованій Надины къ утру у Воронскаго осталось одно небольшое упрямство—и только. Но онъ сдержалъ слово, которое очаровательница вырвала у него, и вмѣсто палаты просидѣлъ у нея утро. Онъ воротился домой влюбленный и рѣшительный; онъ даже такъ наблюдалъ за собою, что не проговорился о своемъ посѣщеніи; онъ даже до того оцѣнилъ свою независимость, что не захотѣлъ ѣхать въ другой разъ къ Надинѣ, вечеромъ, потому что надо было ѣхать съ матерью; онъ даже до того былъ упоенъ мечтами любви, что пропустилъ мимо ушей горькія жалобы матери на его неловкость, нелюбезность, и рѣшился, хоть бы Нина Александровна умирала отъ скуки одна, не идти къ ней.

Онъ точно такъ и сдѣлалъ; но Надина не знала его подвиговъ, а то-бъ ея мечты были еще ярче и не такъ тревожны; онѣ не мучили бы ее во время уединенной прогулки по темной залѣ. Прогремѣла карета и остановилась у подъѣзда. Надина велѣла скорѣе дать огня и принять, кто бы то ни былъ.

То была Катерина Михайловна.

Воронской не сказалъ Надинѣ о намѣреніи матери быть у нихъ вечеромъ, и потому Надина была очень удивлена, даже немного сконфужена. Ее какъ будто застали врасплохъ.

— Ахъ, Боже мой, Катерина Михайловна!...

— Да душечка, я. Что значитъ, кого я люблю... А maman здорова?

— Несовсѣмъ. Устала послѣ вчерашняго вечера и болятъ зубы; она отдыхаетъ.

— Ну, и Богъ съ ней. Мы посидимъ однѣ.

Катерина Михайловна засмѣялась добродушнымъ, пріятнымъ смѣхомъ, принадлежащимъ, сколько я замѣтилъ, лишь ей одной.

— А Нина Александровна?

— О! она отдыхаетъ тоже. Нездорова совсѣмъ. Она, можно сказать, даже жалка: такое замираніе духа, родъ лихорадки...

— Какъ жаль! Пожалуйте-жъ въ гостиную, Катерина Михайловна.

— Пойдемте, душечка. Ну, а вы какъ?

— Я?... Помилуйте, что-жъ? я ужъ привыкла ко всѣмъ этимъ баламъ, даже надоѣло.

— О-о, притворщица!.. Вы меня извините, мой ангелъ.

— Какъ же не надоѣсть? Столько лѣтъ прыгаю...

— Ахъ, какъ она это говоритъ забавно, право, прелесть! Будто это можно! хороша, какъ Богъ знаетъ что, умна, прелестна и сама себя старѣетъ!

Надина улыбнулась, потупивъ глаза. Она разсчитала, что предъ Катериной Михайловной можно разыграть роль даже ребенка и что никогда не мѣшаетъ немного пококетничать, хотя-бъ для того, чтобъ не потерять привычки; къ тому же цѣль посѣщенія Катерины Михайловны была ей еще неизвѣстна, а цѣль должна была быть: Надина хорошо понимала свою гостью. Необыкновенная любезность Катерины Михайловны что нибудь да значила. Конечно, Надина не предполагала, что Катерина Михайловна явилась къ ней сдѣлать объясненіе въ любви вмѣсто сына, но тѣмъ болѣе надо было быть любезнѣе и осторожнѣе.

— Что вы дѣлали, душечка, цѣлый день?

— По обыкновенію, работала, играла на фортепьяно. Передъ вечеромъ 'папа уѣхалъ куда-то, маменька легла спать, дѣти сидятъ съ своимъ учителемъ, а я бродила по залѣ.

— И мечтала?

— Немножко да, если хотите; въ сумерки всегда мечтается.

Катерина Михайловна смотрѣла на нее съ милымъ снисходительнымъ удовольствіемъ.

— Локоны у нея распустились... душечка!

— Не могла пригладить сегодня, такъ завиваются.

— И талія ее прекрасная... ахъ, какъ тонка! и это такъ дома?... Вотъ это я люблю въ дѣвицѣ.

— Нѣтъ, я ужасно полнѣю.

— Ничего, это ничего (Катерина Михайловна понизила голосъ), это идетъ къ молоденькой дамѣ...

Надина вздрогнула.

— Къ дамѣ, конечно, отвѣчала она; но не къ дѣвушкѣ.

— О! почему знать? можетъ быть, скоро...

Катерина Михайловна почувствовала, что прекрасная талія Надины, которую она держала на рукѣ, какъ кавалеръ въ вальсѣ, опять встрепенулась при этихъ словахъ.

Онѣ пристально посмотрѣли другъ на друга.

Умильный и ласковый взглядъ Катерины Михайловны, выражавшій восхищеніе предъ красотой молодой хозяйки и вмѣстѣ сладко

таинственный, обѣщалъ много-много счастья, какого, казалось, и вообразить было невозможно.

Надина взглянула съ довѣрчивостью и лаской ребенка и опять опустила глаза съ застѣнчивостью пятнадцатилѣтней дѣвочки, съ улыбкой влюбленной невѣсты. Она чувствовала, что была хороша въ эту минуту и думала: «я знаю, Катерина Михайловна, что вы хитрите, но знаю также, что напрасно вы такъ глядѣть не станете; я знаю, что вы скорѣе повѣситесь съ досады, нежели позволите вашему Сашечкѣ любить меня; но знайте-жъ и вы, что запретить ему и побѣдить меня вамъ будетъ трудно».

«О змѣя!» размышляла Катерина Михайловна, съ наслажденіемъ смотря въ эти опущенные глаза: «теперь я тебя вижу насквозь и хоть бы мнѣ это Богъ знаетъ чего стоило, а я вырву моего Сашечку изъ твоихъ когтей!»

Какъ видите, «плохая естественная исторія, но за то, какая смѣлая поэзія!»

— Ну-съ, мой ангелъ? сказала Катерина Михайловна.

— Ну-съ, Катерина Михайловна? сказала Надина.

— А ваше сердечко ничего вамъ не говорило, ничего не предчувствовало, что кто-то вчера отъ васъ съ ума сошелъ?

— Нѣтъ, Катерина Михайловна.

— Будто нѣтъ? такъ-таки ничего? А я знаю!

— Вы знаете?

— Знаю, знаю... о, душечка, я все знаю! Глазки мои славные, черные, брильянтики!

Катерина Михайловна принялась цѣловать ихъ.

—Нѣтъ, я и говорить не хочу; я къ нему ревновать буду.

Надина была нѣсколько сбита съ толку, потому и спросила довольно поспѣшно:

— Кто-жъ это съ ума сошелъ, Катерина Михайловна?

— Сказать?

— Скажите, сдѣлайте милость.

— Да вѣдь я какъ скажу, я буду сватать, я свахой пріѣхала.

Катерина Михайловна расхохоталась.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Надина, которая въ эту минуту сдѣлалась глупа до невозможности; ей въ голову вошли самыя несбыточныя надежды.

Катерина Михайловна догадалась.

— Нѣтъ, душечка, сказала она серьезно: — если я скажу, такъ не для того, чтобъ отказъ получить, я это къ сердцу принимаю, это мнѣ близко, это мое собственное, можно сказать.

— Ахъ, Катерина Михайловна! но какъ же я скажу «да», когда еще не знаю, о комъ идетъ дѣло?

— Ахъ, мой ангелъ, прелесть какая! но за то какъ же и побѣдила! Ночь не спалъ, чѣмъ-свѣтъ бѣжитъ ко мнѣ: «Спасите, говоритъ, умру, если меня Надина отвергнетъ, я себя убью, не выдержу!..»

— Кто-жъ это?

— Отгадайте.

Надина боялась отгадывать. Кого-жъ могла ей сватать Катерина Михайловна? Она думала только объ одномъ; но какъ рѣшиться назвать его?

— Не знаю, Катерина Михайловна, отвѣчала она, потупляя глаза съ смущеніемъ, на этотъ разъ уже несъиграннымъ.

— Развѣ сердечко ни за кого не говоритъ?

— О, Катерина Михайловна!..

— Вѣдь вы, душечка, говорите, что меня любите?

— Всей душой, Катерина Михайловна.

— Почему-жъ вамъ не быть откровенной со мной? Скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, что вамъ можетъ нравиться въ мужчинѣ?

Надина была въ жестокомъ затрудненіи; но она могла сконфузиться, могла потеряться, покраснѣть, оглупѣть внутренно, но никогда не давала промаха. Она отвѣчала не торопясь, не медля и очень спокойно:

— Катерина Михайловна, вы смѣетесь надо мной! Вы меня такъ хорошо знаете: мнѣ ли создавать себѣ идеалы? это глупое занятіе пансіонерокъ. Если я иногда мечтаю... я должна въ этомъ сознаться...

Она наклонилась къ плечу Катерины Михайловны, та заключила ее въ объятія.

— Душечка, прелесть, умница, сокровище...красота какая! Ну, глазки, о чемъ же вы мечтаете, плутишки, яски, гранаты черные?

— О чемъ?.. о многомъ, отвѣчала, краснѣя, Надина:—но не о пошлой этой бальной любви, а о счастіи, о земномъ раѣ у меня въ домѣ, о его счастьи, о томъ, какъ я могу сдѣлать блаженство человѣка... потому что я могу это сдѣлать...

Катерина Михайловна прижала ее къ сердцу. Надина едва могла вздохнуть. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Катерина Михайловна послѣдовала въ эту минуту влеченію своего сердца, она бы непремѣнно ее задушила.

Приподнявшись, наконецъ, Надина увидѣла ея увлаженные глаза.

— Такъ я ему это скажу, сказала Катерина Михайловна:—пусть онъ знаетъ.

Послѣдовали объятія еще крупнѣе прежнихъ. Надина чувствовала, что такъ можетъ обнимать только мать или злѣйшій врагъ. Необходимость перевести дыханіе и желаніе узнать, что ей готовилось, заставили ее приподняться насильно.

— Кто-жъ это, Катерина Михайловна? спросила она:—скажите скорѣе.

— Прекраснѣйшій, достойнѣйшій человѣкъ...

Надина охолодѣла: матери такъ не говорятъ.

— Благороднѣйшій, добрѣйшій человѣкъ...

Надина ужъ готовилась къ рѣшительному удару.

— Человѣкъ честнѣйшій, стоющій всякаго уваженія, человѣкъ съ состояніемъ, въ крестахъ, чистый какъ стеклышко—Ѳедоръ Алексѣичъ Антоновъ.

Надина овладѣла собою удивительно.

Впрочемъ, нанесенный ей ударъ былъ еще не такъ страшенъ. Конечно, не легко было принять его отъ матери Воронскаго; но сватовство совѣтника была такая находка, такое благополучіе для дѣвушки безъ состоянія и ужъ успѣвшей постарѣть въ обществѣ, что пренебрегать имъ не слѣдовало; оно могло пригодиться въ случаѣ рѣшительной неудачи съ Сашечкой, хотя, конечно (Надина успѣла это подумать и сообразить), пріятнѣе и удобнѣе имѣть мужа Сашечку, нежели господина совѣтника... Надина не страшилась опеки Катерины Михайловны, она была твердо увѣрена въ своей власти надъ Сашечкой; она надѣялась устроить такъ, чтобъ не жить съ Катериной Михайловной; но выйти за совѣтника, значило добровольно идти подъ иго...

Надина подумала все это въ секунду и рѣшилась въ ту же секунду. Выводъ изъ всего былъ, если не Воронской, то совѣтникъ.

Она приняла на себя строгій видъ дѣвушки, чувствующей важность своего положенія, когда ее избираютъ въ подруги на трудномъ пути жизни; она задумалась и молчала.

— Что-жъ вы на это скажете, душечка? спросила Катерина Михайловна.—Онъ вашей руки проситъ; можетъ ли онъ надѣяться?

— Позвольте мнѣ быть съ вами откровенной, отвѣчала Надина.—Вы знаете, какъ много я цѣню ваше расположеніе...

— Ну, что-жъ, душечка?.,

Катерина Михайловна немного испугалась: при всемъ своемъ соображеніи, она не подумала о возможности отказа наотрѣзъ.

— Я привыкла не скрывать своихъ мыслей, продолжала Надина:—особенно теперь, когда дѣло идетъ о моей будущности, притворяться было бы некстати... Вы сами были молоды, Катерина Михайловна, вы были прекрасны...

Она сопровождала эти слова такимъ взглядомъ, что Катерина Михайловна не могла не разцѣловать ее.

— Я буду вамъ говорить какъ матери... Я очень уважаю, очень цѣню Ѳедора Алексѣича... Вы выходили замужъ—вы были любимы и сами любили... Конечно, я—не вы, но мнѣ тяжело, мнѣ грустно, мнѣ невозможно выйти замужъ только по разсчету.

— Душечка, какой же разсчетъ? Онъ васъ... боготворитъ!

— А я, Катерина Михайловна? что я скажу на это? я его уважаю, но не люблю.

Катерина Михайловна вспыхнула.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вотъ что, продолжала Надина съ благородной и нѣсколько величавой рѣшительностью.—Я вижу, я чувствую, что онъ любитъ меня вашей любовью, что вы... по вашей ангельской добротѣ, представили ему меня въ лучшемъ видѣ; а я не такова—я это знаю!.. Я готова сдѣлать его счастье, но пусть онъ узнаетъ меня, пусть онъ самъ меня оцѣнитъ, и тогда... тогда я увѣрена, что полюблю его за его высокія качества, а онъ, по крайней мѣрѣ, не ошибется въ своемъ выборѣ.

Катерина Михайловна чувствовала хитрость въ каждомъ словѣ, хотя еще не понимала, чего именно хочетъ Надина; она рѣшилась на важный вопросъ:

— Такъ что-жъ я ему скажу, душечка?

— Что я прошу его подождать, бывать у насъ, смотрѣть, вникать. Я боюсь не за свое, а за его счастье... Для этого необходимо время.

«Господи Боже мой!» мысленно вскричала Катерина Михайловна: «чтобъ когда нибудь я позволила Сашечкѣ жениться на этой притворщицѣ, іезуиткѣ!.. Это дипломатъ, не дѣвица; она хочетъ выиграть время, чтобъ опутать Сашечку! Но нѣтъ, я мать, я его вырву отъ этой сирены, Боже меня сохрани!»

— Это значитъ, душечка, сказала она печально,—вы наотрѣзъ отказываете; такъ я ему и скажу.

— Я отказываю! вскричала Надина:—помилуйте!

— Да что-жъ, мой ангелъ, это обыкновенно такъ, нельзя же дѣвицѣ отвѣчать иначе—я понимаю. Вы такъ деликатны! Душка

такая, не хочетъ его огорчить, говоритъ «подождите». А я знаю, да и всѣ понимаютъ, что это значитъ.

Надина испугалась въ свою очередь. Катерина Михайловна поймала этотъ испугъ и торжествовала; она видѣла, какъ дорогъ для Надины этотъ нечаянный женихъ и поставила ее въ необходимость отвѣчать рѣшительно: отказаться отъ Сашечки или остаться въ дѣвкахъ. Катерина Михайловна торжествовала; она пристально смотрѣла на свою жертву и улыбалась ей; но внутреннее чувство вырвалось на волю и концы губъ, странно растянувшись, образовали ужимку, въ которой выглянуло все затаенное самодовольствіе, вся непріязнь, вся насмѣшка, вся гордость побѣды...

Надина возстала при этой улыбкѣ; мѣткіе удары имѣли способность оживлять ее. Ей было довольно взглянуть въ яркіе глаза Катерины Михайловны, чтобъ почерпнуть въ нихъ новую силу... Она робко потупила глаза и голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, но съ увѣренностью отвѣчала:

— Если вы понимаете, что это такъ, пусть будетъ такъ. Поблагодарите за меня Ѳедора Алексѣича... Я буду женой только того, кого люблю.

Катерина Михайловна была уничтожена. Это значило: «или пусть ждетъ вашъ совѣтникъ, или я буду женою вашего сына».

— Нѣтъ, мой ангелъ, вскричала она:—къ чему-жъ торопиться? Я скажу Ѳедору Алексѣичу, что вы желаете узнать его короче, что вы просите его бывать, какъ жениха, что вы согласны, но что вы просите его подождать... такъ что между вами будетъ ужъ все рѣшено, кромѣ дня свадьбы.

Надина была опять поймана, но она ужъ узнала, что можетъ быть ея защитой и прибѣжищемъ.

— Нѣтъ, сказала она, — я не даю слова... Я не хочу ничѣмъ обязывать Ѳедора Алексѣича; пусть онъ узнаетъ меня самъ и самъ тогда рѣшитъ: счастье ли для него, если я буду его женою. Я не хочу его обманывать качествами, которыя онъ во мнѣ предполагаетъ, я сама хочу ближе узнать его... я могу выйти только за любимаго человѣка.

— О, моя героиня прекрасная! вскричала Катерина Михайловна, улыбаясь своему горю и видя, что оно неизбѣжно.—Дѣлать нечего, пусть ждетъ нашъ влюбленный, а ужъ какъ влюбленъ! Только не мучьте его долго, мой голубчикъ... Еслибъ вы знали, какой у него настойчивый характеръ! Онъ, знаете, привыкъ къ своей холостой жизни, такъ ему можетъ вдругъ фантазія придти... передумать...

— О, Боже мой! гордо воскликнула Надина:—я ему не запрещаю передумывать; я о немъ и не думала.

Она встала съ мѣста.

— Мое послѣднее слово, продолжала она: если ему угодно — пусть подождетъ, если нѣтъ — откажите ему за меня. Онъ благородный человѣкъ и пойметъ, что изъ разсчета замужъ не выходятъ.

Катерина Михайловна встала тоже. Она была необыкновенно тиха и печальна.

— Прощайте, ангелъ мой, сказала она.— Я слышу, ваша маменька встаетъ, а мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ она застала меня такъ... Признаюсь, мнѣ это такъ... Я люблю человѣка, я буду не въ состояніи видѣть, какъ онъ заплачетъ... Вы вообразите, мужчина— и плачетъ! Вы не знаете, что такое любовь. Я сегодня поутру едва могла придти въ себя...

— Ахъ, Катерина Михайловна! чѣмъ же я виновата? Не одинъ Ѳедоръ Алексѣичъ можетъ меня любить, не могу же я любить всѣхъ!..

— Такъ я ему скажу, чтобъ онъ ждалъ?

— Да, скажите.

— Ахъ, ангелъ мой, глазки прекрасные!..

Послѣ долгихъ объятій Катерина Михайловна наконецъ вышла изъ гостиной.

— Вы скажете маменькѣ вашей? спросила она.

— Нѣтъ, я хочу быть свободна. Я знаю, маменька станетъ меня торопить, и тогда я откажу просто.

— Гордая, непреклонная этакая; очи чернѣе дня!.. я ихъ всѣхъ выцѣлую... До пріятнаго свиданія, мой ангелъ.

Катерина Михайловна уѣхала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло три недѣли; въ теченіе ихъ совершился важный переворотъ. Катерина Михайловна, узнавъ и оцѣнивъ вполнѣ, какъ опасна Надина Грàшкова для сердца ея сына, рѣшительно запретила Сашечкѣ бывать у Грàшковыхъ безъ себя. Это запрещеніе была уже не новость, но Катерина Михайловна на этотъ разъ поставила сына въ совершенную невозможность ослушаться. Вечеромъ онъ былъ обязанъ сидѣть съ матерью и Ниной, или сопровождать ихъ, если онѣ ѣхали куда нибудь, или отправляться куда ему было угодно, только не къ Грàшковымъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ онъ могъ бы воспользоваться, какъ прежде, такъ же, какъ утренними поѣздками въ палату, но кучеру, отвозившему его, было строго приказано тотчасъ возвращаться домой отъ крыльца гостей, или палаты, и главное, привозить шубу и калоши Александра Ивановича...

Итакъ, Воронской три недѣли не видѣлъ Надины, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ свободно. Танцовать съ нею было ему навсегда запрещено; подходить къ ней при встрѣчѣ позволялось только на разстояніе трехъ шаговъ, при свидѣтеляхъ, и ровно на столько времени, сколько нужно, чтобъ предложить вопросъ о здоровьѣ и получить отвѣтъ. Воронской могъ бы, конечно, избавиться отъ этого стѣсненія, и въ чужомъ домѣ отыскать минуту быть наединѣ, но любовь его, хотя сильная, не была изобрѣтательна; настойчивое, систематическое гоненіе притупляло его воображеніе, хотя и есть справедливое замѣчаніе, что неволя учитъ хитрости...

Но есть еще замѣчаніе, и столько же вѣрное: увлекаясь однимъ дѣломъ, мы забываемъ важность другого; разсматривая одну сторону предмета, мы не досматриваемъ другой, и прочее, и прочее, потому что примѣненій много. Даже великіе люди, хоть разъ въ жизни, но попадали въ такую ошибку, стало быть, не удивительно, что Катерина Михайловна, занявшись судьбой совѣтника, занявшись Надиной, устремивъ все свое вниманіе на то, чтобъ сынъ не ускользнулъ изъ-подъ надзора, просмотрѣла именно то, насчетъ чего она была такъ довѣрчива и покойна— «невинную, неопытную» Нину, которая, забытая среди всѣхъ этихъ тревогъ и хлопотъ, тихонько влюблялась до безумія...

Катерина Михайловна забыла и врага, который прокрался незамѣченный и которому у нея, напротивъ, было еще очень хорошо и покойно, потому что она ставила его сыну въ примѣръ того, что если и такіе приняты въ обществѣ, то что-жъ онъ, Александръ Ивановичъ Воронской!...

Врагъ былъ, какъ вы догадываетесь, Бѣлягинъ.

Его добрая натура, осуждавшая многое изъ любви къ добру, умѣла также многоэ прощать и выносить, такъ что, нисколько не чувствуя расположенія къ Катеринѣ Михайловнѣ (чтобъ не сказать больше), Бѣлягинъ выносилъ нравъ и привычки Воронскаго. Воронской былъ дуренъ безвредно; проведя съ нимъ часъ, можно было наскучаться досыта, но не раскаяваться ни въ чемъ, развѣ только въ добровольной потерѣ времени. Бѣлягинъ бывалъ у него отъ нечего дѣлать. Воронскому нравилось его общество въ тѣ минуты, когда ему нравилась независимость и надоѣдала опека матери. Самое знакомство съ Бѣлягинымъ было уже противорѣчіе, возстаніе противъ той власти, которая подчасъ казалась такъ тяжела Воронскому, и въ эти минуты онъ признавалъ Бѣлягина лучшимъ своимъ другомъ, хотя, само собою разумѣется, Катеринѣ Михайловнѣ стоило только завести рѣчь объ этомъ другѣ, чтобъ Сашечка, соглашаясь съ нею, расписалъ его какъ врага.

Такъ, продолжая бывать не чаще и не рѣже прежняго, не возбуждая подозрѣній ни посторонних, ни Катерины Михайловны, сильно занятой другимъ, Бѣлягинъ сблизился съ Ниной. Ничего нѣтъ опаснѣе чтенія вдвоемъ—это доказано давно, и хотя Нина и Бѣлягинъ еще не читали вмѣстѣ, но все равно, хоть порознь, они читали однѣ и тѣ же страницы, потомъ говорили о нихъ, спорили, то есть, спорилъ и доказывалъ убѣдительно онъ, и доказывалъ краснорѣчиво, увлекался, и къ немалому удовольствію Катерины Михайловны, которая смѣялась надъ нимъ и дѣлала знаки Нинѣ, твердо убѣжденная, что Нина готова вслѣдъ за нею признать молодого человѣка сумасшедшимъ. Бѣлягина, въ свою очередь, смѣшила эта недальновидность и еще болѣе разгорячало смущеніе Нины,

смущеніе, которое онъ понималъ очень хорошо: онъ видѣлъ, что она покорялась его сужденію, его вліянію, но не смѣла этого выказать; ему хотѣлось заставить ее покориться вполнѣ, заставить ее громко согласиться съ нимъ и громко признать его правымъ, но онъ никогда не успѣвалъ въ этомъ: увлеченная умомъ и сердцемъ, Нина никогда не могла побѣдить своей застѣнчивости, своего страха, и любовь, которая овладѣвала ею вполнѣ въ эти минуты, которая, казалось, должна бы придать ей и воли и силы, лишала ее способности выговорить даже нѣсколько незначащихъ словъ.

— Голубчикъ мой, говорила ей Катерина Михайловна, когда уходилъ Бѣлягинъ:— устала до-смерти, даже поблѣднѣла, почивать хочетъ. Не велю его принимать въ другой разъ... Что это такое? крикунъ, актеръ итальянецъ...

Нина уходила къ себѣ съ мыслью: «не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, не видать его никогда, нежели всякій разъ понемногу выпивать нѣсколько капель этого яда, этого молчанія, которое перестаетъ быть мученіемъ только тогда, когда раздѣлено?...» А раздѣлено оно не будетъ: онъ никогда не полюбитъ ее, она не умѣетъ сказать слова, она такъ ничтожна!

Она ошибалась. Бѣлягинъ самъ влюбился въ нее отъ чистаго сердца. Онъ видѣлъ много ума и чувства въ ея свѣтлыхъ глазахъ, въ выраженіи ея свѣжаго личика, въ ея стѣсненномъ дыханіи. Но его мучило, что это чувство затаено, молчаливо—поневолѣ, какъ полагалъ онъ, потому что, по его мнѣнію, чувство можетъ молчать только поневолѣ, иначе, оно ужъ не чувство. Но почему оно молчитъ? отъ недовѣрчивости, скрытности, или благоразумія, которое разсчитываетъ, что можно и что неможно сказать, какъ сказать, когда и, наконецъ, кому?

Ему и въ голову не приходила настоящая причина: необыкновенная робость дѣвушки, еще усиленная любовью. Робости онъ не понималъ ни въ комъ рѣшительно, а любви Нины къ себѣ и не подозрѣвалъ; напротивъ, онъ доходилъ до мысли: «она скрытна передо мною, потому что терпѣть меня не можетъ, и во всемъ виновата Катерина Михайловна...

Онъ заблуждался, какъ заблуждалась сама Катерина Михайловна; но его заблужденіе, однако, скоро прошло.

Имъ случилось провести цѣлый день вмѣстѣ безъ надзора Катерины Михайловны. Это было у Сонечки Дайской, съ которой Нина подружилась. День шелъ довольно скучно, разговоры не завязывались; дѣвушки работали; Бѣлягинъ рисовалъ у окна. Передъ вечеромъ Нина какъ-то осталась одна въ маленькой гостиной и сѣла у стола, гдѣ лежала работа Бѣлягина. Нина смотрѣла на оставленныя кисти и краски, не прикасаясь къ нимъ. Ей стало грустно, тяжело, въ первый разъ въ жизни. До сихъ поръ еще никогда мысль о любимомъ человѣкѣ, или его присутствіе не поднимали горя въ ея сердцѣ; прежнія мученія, тревога ожиданій, сомнѣній имѣли свой восторгъ, слѣдовательно, свою отраду; теперь это была ровная, глубокая тоска, чувство строгое и серьезное. Богъ знаетъ почему такъ было? почему именно въ этотъ день и этотъ часъ пришла эта тоска? Почему эта оставленная работа, это полупридвинутое кресло—все, что напоминало о недавнемъ присутствіи человѣка, все казалось ей такъ холодно и чуждо...

Бѣлягинъ вошелъ и сѣлъ за свой рисунокъ.

— Надо еще порисовать хоть часъ, сказалъ онъ.—Какіе короткіе дни!

Нина помолчала съ минуту.

— Покажите мнѣ вашъ рисунокъ, сказала она, собравшись съ силами.

Онъ подалъ его молча, она внутренно благодарила Бога, что въ комнатѣ становилось темнѣе и нельзя было видѣть ея блѣдности.

— Какъ это хорошо! сказала она.—Для кого это?

— Для m-lle Дайской.

— Какія чудесныя деревья! какъ должно быть хорошо подъ ними!

Бѣлягинъ слышалъ, что голосъ ея задрожалъ.

— Да, отвѣчалъ онъ:—въ ноябрѣ не слѣдовало бы рисовать этой картинки.

— Почему?

— Потому что какъ разъ пожелаешь солнца, тепла, зелени... невозможнаго, а я себѣ это рѣдко позволяю... по крайней мѣрѣ, стараюсь не позволять.

— Зачѣмъ же?

— Чтобъ не горевать о невозможномъ. Это очень непріятное чувство—увѣряю васъ, потому что вы вѣрно никогда его не испытали.

— Кто вамъ сказалъ? спросила она невольно.

— Какое можетъ быть у васъ невозможное, неисполнимое желаніе? напримѣръ, теперь.

— Теперь?... и очень! возразила она, смущаясь опять;—я жалѣю, что у меня нѣтъ никакого таланта, по которому могли бы меня вспомнить.

— Что за сожалѣніе! какая надобность

женщинѣ въ талантахъ, для того, чтобъ ее помнили? Предоставьте намъ это маленькое тщеславіе, эти маленькія средства; у васъ есть столько другихъ, и во сколько разъ возвышеннѣе!

Она не отвѣчала.

— Что въ этомъ рисункѣ? продолжалъ онъ: — краски выцвѣтутъ, наконецъ, пройдетъ мода на акварели. Но одно доброе, милое слово, которое вы можете сказать отъ души, одинъ взглядъ, которымъ вы можете утѣшить человѣка — это никогда не забудется.. Конечно, если только вы захотите взглянуть, [или говорить... потому что женщины изобрѣтательны, продолжалъ онъ съ живостью и раздраженіемъ:—онѣ часто составятъ себѣ идею, что одно не нужно, а другое не должно, и на многое не добьешься не только отвѣта, даже слова!

Нина все молчала. Бѣлягинъ замолчалъ тоже и укладывалъ свои краски.

— Для чего вы такъ спѣшите это кончить? спросила она наконецъ.

— Очень можетъ быть, что я скоро уѣду, отвѣчалъ онъ сухо.

— Уѣдете!

— Да, въ Петербургъ. Меня обѣщали перевести.

— Скоро! повторила Нина, и сама не почувствовала, какъ крѣпко сжала свои маленькія руки.

— Что-жъ? сказалъ Бѣлягинъ, останавливаясь на минуту въ своемъ занятіи, которое, казалось, привлекало все его вниманіе:—это будетъ очень пріятно, очень выгодно. Меня ужъ многіе здѣсь поздравляли. И въ самомъ дѣлѣ, кто сколько нибудь желаетъ мнѣ добра, тотъ пожелаетъ, чтобъ это скорѣе сбылось.

Нина хотѣла встать и уйти, но не могла; въ ея глазахъ набѣжало столько слезъ, что всѣ предметы кружились и исчезали. Бѣлягинъ смотрѣлъ на нее долго и пристально; она не видѣла этого взгляда...

Онъ подошелъ къ ней ближе.

— А вы не желаете мнѣ этого добра? спросилъ онъ голосомъ, который вдругъ сталъ немного нетвердъ и въ которомъ ужъ не слышалось прежней досады.—Право, всѣ добрые люди такъ радуются, что меня здѣсь скоро не будетъ, что мнѣ хотѣлось бы встрѣтить хоть одного врага, который пожелалъ бы меня здѣсь оставить... Не будете ли вы на этотъ разъ моимъ врагомъ?

— Не знаю, отвѣчала она, едва слышно.— Поѣзжайте, оставайтесь... выбирайте сами, гдѣ вамъ лучше.

— Но вы хотите же что нибудь: оставить меня, или прогнать? или вамъ это все равно? Хоть это скажите прямо, сдѣлайте милость!

— Не уѣзжайте!.. сказала она.

Въ эту минуту подали огня... Бѣлягинъ еще пристальнѣе взглянулъ въ лицо Нины, хотѣлъ говорить, но вошла хозяйка...

Нина стала вдругъ счастлива; казалось, что-то свѣтлое прошло надъ ея судьбою; казалось, многое сказано ей въ немногихъ словахъ; а что такое были эти слова? обыкновенныя вещи, которыя всякій день другіе говорили ея подругамъ, надъ которыми часто смѣялись эти подруги. Но ей стало такъ легко, такъ хорошо! И ему, казалось, было легко и хорошо весь остатокъ вечера. Прощаясь съ Ниной, онъ пожалъ ей руку, сказавъ: «До свиданія»... Этого онъ прежде никогда не дѣлалъ.

Для чего-жъ онъ сдѣлалъ это теперь? Она вела себя неприлично: блѣднѣла, плакала... Онъ, вѣрно, замѣтилъ, что она его любитъ, и теперь смѣется надъ нею...

Но для чего придумывать злое? Во весь вечеръ въ его лицѣ, въ словахъ не было тѣни насмѣшки и злости; напротивъ, онъ былъ такъ внимателенъ, такъ добръ ко всему, такъ милъ...

«Господи!» проговорила Нина, пряча лицо въ подушку, на которой въ эту ночь было ужъ много ея сладкихъ слезъ: «еслибъ онъ меня любилъ!..»

Тысячу разъ справедлива басня о мудрецѣ, который думалъ о звѣздахъ, а слетѣлъ въ ровъ: Катерина Михайловна была недальновидна, безпечна, проста какъ младенецъ, когда не замѣчала, какое зло поселилось въ ея домѣ. Впрочемъ, кромѣ ея умственныхъ и сердечныхъ хлопотъ, среди которыхъ, какъ тѣни, являлись ей совѣтникъ и Надина, разрушительница всѣхъ великихъ плановъ на устройство Сашечки, у Катерины Михайловна была и другая, матеріальная забота: приближалось 24-е ноября, день ея именинъ.

Въ одно прекрасное утро Катерина Михайловна осторожно отворила дверь комнаты Нины.

— Я къ вамъ, дружечокъ, за совѣтомъ пришла.

Катерина Михайловна вошла съ раскрытыми объятіями; надо было въ нихъ броситься. Впрочемъ Нина сдѣлала это отъ чистаго сердца; она такъ блаженствовала въ послѣдніе дни, что ласки Катерины Михайловны только дополняли ея счастье; а что дополняется, готово излиться.

— Видите, вотъ что. Я, душечка, именинница въ понедѣльникъ, такъ какъ бы устроить, вѣдь будутъ гости?

— Что-жъ, Катерина Михайловна?

— Что прикажете сдѣлать: обѣдъ или вечеръ?

— Какъ, что я прикажу? что вы говорите?

— Конечно, душечка, это какъ вы рѣшите, потому что я думала, думала, хотѣла, чтобъ это для васъ былъ сюрпризъ, да вдругъ, знаете, сообразила: ну, что, если я ей, душкѣ моей, не угожу? Лучше мы съ ней вмѣстѣ потолкуемъ.

— Все для меня, и для меня, милая Катерина Михайловна! сказала Нина, обнимая ее:—у васъ нѣтъ даже своей воли...

— Одна ваша воля, ангелъ мой, и больше ничья! да я иначе и не могу, и не говорите мнѣ! Я ужъ не знаю, что вы со мной сдѣлали, околдовали меня, приворожили — Богъ васъ знаетъ... Выбирайте, дружечокъ, рѣшите меня, а то я ужъ недѣлю мучусь.

— Можно ли это?... Вечеръ лучше.

— Я такъ и думала... Вотъ теперь мнѣ и жалко, что я сказала; какой бы славный сюрпризъ вышелъ... Да какъ я глупа, отгадать не умѣла! Знаете, мой ангелъ, теперь это меня мучить будетъ.

— Ахъ, все мучить, и все за меня! какъ это грустно!

— Душечка, душечка, что вы? Сохрани Боже! Нѣтъ, это я такъ сказала, такъ только!... Давайте же съ вами кутить; вечеръ такъ вечеръ. Сашечку на ноги: пусть хлопочетъ и музыку намъ достаетъ, и все: я люблю, чтобъ все было. Вы приказывайте, зовите молодежь...

— Помилуйте, Катерина Михайловна, какъ же я могу? Вы хозяйка...

— Какъ, я хозяйка? Нѣтъ, дружочекъ, все вы, все вы! это для васъ...

Итакъ, было рѣшено сдѣлать вечеръ.

II.

Двадцать четвертаго ноября Катерина Михайловна встала ранѣе обыкновеннаго, но не позвала горничной, а занялась въ своей комнатѣ одна, замѣтивъ мимоходомъ, заперты ли двери. Принявъ эту предосторожность, она открыла шкатулку, всегда стоявшую на уборномъ столѣ, вынула ящикъ, скрывавшій двойное дно, и занялась переборкой бумагъ, которыя тамъ покоились. Казалось, Катерина Михайловна не хотѣла, чтобъ и шкатулка ихъ видѣла, потому что эти драгоцѣнныя бумаги акуратно, бережно сложенныя, были тщательно прикрыты другими, менѣе значительными, крѣпко прижаты хитро устроенной крышкой. Эти бумаги были—ломбардные билеты; Катерина Михайловна принялась ихъ пересматривать.

Этотъ осмотръ дѣлался нерѣдко, но всегда съ описанными предосторожностями, а потому и удивительно, какъ могъ кто нибудь знать о существованіи этихъ билетовъ. По крайней мѣрѣ въ городѣ N* никто не былъ обманутъ насчетъ состоянія Катерины Михайловны, и хотя всѣ съ участіемъ, вниманіемъ и должнымъ уваженіемъ слушали ея разсказы о жизни, дѣлахъ и смерти ея покойнаго мужа, и вмѣстѣ съ нею соболѣзновали о ней, когда она доходила до описанія своихъ заботъ и затрудненій, какъ ей, вдовѣ, «еще молодой» надо было устроивать маленькаго сына, но эти соболѣзнованія, это участіе рождались и кончались въ ея гостиной: внѣ этой гостиной всѣ были твердо увѣрены, что Катеринѣ Михайловнѣ есть чѣмъ жить, когда она такъ живетъ. Предполагали даже и болѣе того, что дѣйствительно у нея было: отсюда заблужденіе Надины Грáшковой и нѣсколькихъ матушекъ, которыя (такъ созданъ человѣкъ увлекаться своими заблужденіями) иногда даже отъ души восхищались Воронскимъ.

Пересмотрѣвъ свои билеты, Катерина Михайловна достала изъ шкатулки деньги, положила ихъ въ свой портмоне, а портмоне подъ подушку, заперла шкатулку опять и позвала свою горничную.

Туалетъ шелъ необыкновенно поспѣшно; наконецъ Катерина Михайловна приказала позвать къ себѣ сына. Когда горничная вышла, Катерина Михайловна достала опять свой портмоне, пересчитала, что въ немъ было, одинъ разъ, потомъ другой, и, вѣроятно, находя, что было слишкомъ много, отдѣлила часть денегъ, отперла шкатулку, бросила ихъ туда и поскорѣе прихлопнула крышкой.

Александръ Ивановичъ входилъ въ эту минуту въ сопровожденіи горничной. Катерина Михайловна была нѣсколько встревожена.

— Поздравляю васъ, маменька, сказалъ онъ, подходя цѣловать ея руку.

— Благодарю, мой дружочекъ, сказала она, повернувъ ключъ и пряча его въ карманъ.—Поди себѣ, Аннушка.

Горничная ушла.

— Ну, что-жъ, душечка, продолжала Катерина Михайловна:—праздновать надобно. Видишь ли, Нинѣ Александровнѣ угодно,

чтобъ былъ вечеръ. Безъ завтрака невозможно, потому что всѣ пріѣдутъ, а тутъ еще вечеръ необходимъ. Я, признаюсь, въ затрудненіи большомъ. Пенсіонъ получать еще не скоро.

— Я не понимаю, почему-жъ вечеръ необходимъ? спокойно возразилъ Воронской.

— Ахъ, душечка, какъ же, когда Нина Александровна этого хочетъ!

— Да, что-жъ, если она хочетъ? Ну, вотъ ея рожденіе будетъ въ январѣ, отецъ ея пріѣдетъ, пусть самъ и дѣлаетъ вечеръ, или хоть балъ, пожалуй. А то вѣдь это стоитъ чего нибудь. Я бы никогда, на вашемъ мѣстѣ...

— Ты меня пойми, душечка, ты только вотъ что пойми. Это я, просто, жертву приношу для тебя, Сашечка, потому что ты... это я могу тебѣ, какъ мать, сказать: ты не хочешь для меня этого сдѣлать. Такъ ты меня извини, дружочекъ, если я ужъ свои мѣры буду брать. Когда она сказала: «вечеръ» — такъ вечеръ; чтобъ ужъ съ моей стороны все было сдѣлано, всѣ угожденія, потому что это мысль моя съ тѣхъ поръ, какъ только мать ея умерла, чтобъ тебя устроить.

— Какъ же устроить?

— Какъ? да просто... Какъ? Ты, я думаю, душечка, не ребенокъ какой маленькій, или новорожденный, чтобъ этого не понять. Я непремѣнно хочу, чтобъ ты былъ женатъ на Нинѣ Александровнѣ.

— Вы такъ предположили, сказалъ Воронской, неподвижно глядя передъ собою, какъ онъ дѣлалъ въ трудныя и нетрудныя минуты жизни.

— Не предположила я, вскричала Катерина Михайловна:—а такъ это будетъ, потому что я разъ сказала.

— Да что-жъ мнѣ дѣлать? спросилъ онъ, растерявшись.

— Какъ что? очаровать ее, съ ума ее свести!

Воронской не выдержалъ, улыбнулся.

— Вѣдь это очень мудрено, маменька, что вы говорите, возразилъ онъ. — У васъ иногда мысли бываютъ—фантазіи. Она мнѣ нисколько не нравится; и, въ самомъ дѣлѣ, она только такъ, une mine chiffonnée, а я стану ухаживать!

— Что за претензіи, Господи Боже! Кто-жъ тебѣ нравится? Осмѣлишься ли ты матери твоей сказать, кто тебѣ нравится? Я, Александръ, этого не допущу! Я знаю, какія ты надежды питаешь и какія твои соображенія. Ты низко для себя считаешь понравиться дѣвицѣ прекрасной, умной, образованной, у которой приданаго до трехсотъ тысячъ, а то для тебя не низко?.. Такъ я тебѣ наотрѣзъ скажу: я хочу этого — и будетъ по-моему! Мнѣ и не такія вещи удавались; мнѣ стоитъ захотѣть — и будетъ. А тебя, Сашечка, я прошу и не думать о чемъ другомъ; я тебѣ прямо говорю, что у тебя ничего нѣтъ. Ты подумай о своемъ будущемъ, потому что, вѣдь и то возьми, Сашечка, что если ты можешь меня чѣмъ нибудь прогнѣвить, жениться противъ моей воли, или что—я могу тебя всего лишить; у меня такъ и въ духовной сказано. Это какъ себѣ хочешь, и не возражай мнѣ, прошу тебя, молчи!.. Я мать, я, просто, Богъ знаетъ что сдѣлаю!

— Вотъ видите, какая-жъ вы мать послѣ этого?

— Ахъ, Господи, Сашечка, да что-жъ есть у меня, дружочекъ? едва чѣмъ жить прилично. Ты, просто, просто, меня убьешь, если такую партію пропустишь. Да и возможно ли, душечка, съ твоей наружностью, съ твоимъ умомъ, съ понятіями, и не заставить себя до смерти полюбить? Она дѣвица молоденькая, неопытная, много ли нужно? Сдѣлать что нибудь пріятное, услугу какую... словомъ, ручку ей пожать... будто ты не знаешь. И ловокъ, какъ я не знаю что, какъ змѣй какой, а я ему буду наставленія дѣлать.

— Я знаю, что это легко, сказалъ Воронской, даже вставъ отъ внутренняго волненія: — я знаю, но все...

— Что, все?.. Ахъ, Сашечка, этимъ сомнѣніемъ въ себѣ ты меня огорчаешь? Ты на другихъ посмотри: что все это? стоютъ ли они... пальца твоего?.. Рѣшено ли? Чтобъ сегодня на вечерѣ она отъ тебя съ ума сошла...

Воронской слегка вытаращилъ глаза.

— Да-съ, сударь, потому что вы хороши, вы прекрасно воспитаны, вы... все! И поцѣлуйте меня! Ну, вотъ и кончено! Я тебѣ мать, Сашечка; подумай, каково мнѣ умирать будетъ и тебя оставить... ни съ чѣмъ, можно сказать!

Катерина Михайловна заплакала.

— Ну, душечка, сказала она, оправясь черезъ минуту: — вотъ тебѣ деньги, поѣзжай, купи конфектъ и вина къ ужину. Прошу тебя, займись, чтобъ это было какъ должно.

Воронской вышелъ растерявшись окончательно; имъ даже овладѣло странное желаніе собраться съ мыслями, котораго прежде онъ никогда не чувствовалъ. Ему предста-

влялась Нина, которую было приказано очаровать; — Надина, которую ему было очень жаль;—перспектива лишенія наслѣдства въ случаѣ неудачи — настоящая бѣдность, которой онъ не совсѣмъ вѣрилъ, судя по слухамъ и своимъ догадкамъ, наконецъ — вечеръ, который давался въ его домѣ и гдѣ онъ долженъ былъ вмѣстѣ быть учредителемъ, хозяиномъ и героемъ... Все это перевернулось въ его головѣ и единственно, что понялъ онъ сознательно, была пачка денегъ, врученная ему матерью. Это его нѣсколько просвѣтило.

«Не можетъ быть, чтобъ только три тысячи пенсіона», сказалъ онъ про себя, «нѣтъ, шутитъ!»

Послѣ этой пріятной идеи, скоро перешедшей въ увѣренность, въ его голову влетѣла фантазія (все по случаю этой пачки, предоставленной въ его распоряженіе), что онъ уже независимый обладатель трехсотъ тысячъ приданаго Нины Александровны и дѣлаетъ у себя вечеръ... или нѣтъ, лучше, что онъ отправляется пожуировать...

Эта фантазія разыгралась еще обширнѣе, пока онъ ѣхалъ за покупками.

Въ десять часовъ вечера въ гостиной Катерины Михайловны становилось уже тѣсно. Уже нѣсколько карточныхъ столовъ было занято, уже нѣсколько матушекъ, неиграющихъ въ карты, отправились въ залу, наблюдать за дочерьми и усѣлись у окошекъ. Танцы еще не начинались. Въ комнатѣ за гостиной, назначенной обыкновенно для болѣе короткихъ знакомыхъ, собрались дѣвушки, которымъ, казалось, нужно было до начала бала переговорить между собою или съ молодыми людьми, которые приходили и уходили. Дѣвицы удалились, какъ будто для того, чтобъ отдохнуть предъ наступающей усталостью, или чтобъ заставить себя ждать, чтобъ не смѣшиваться съ толпой подругъ, которыя бродили въ залѣ, ожидая приглашеній, чтобъ показать свое совершенное равнодушіе къ предстоящему удовольствію... вѣрнѣе всего для того, чтобъ придать себѣ важности. Онѣ гордо и небрежно усаживались на диванчикахъ и мягкихъ креслахъ у приготовленныхъ карточныхъ столовъ, играли мелками и чертили ими неизвѣстно какіе шифры и знаки. Нины не было въ этой комнатѣ: она принимала гостей въ залѣ, а Катерина Михайловна занимала ихъ въ гостиной. Воронской прохаживался по всѣмъ комнатамъ безъ опредѣленной цѣли, но такъ, чтобъ мать или Нина могли всегда найти его недалеко отъ себя, если имъ было это нужно: такъ ему было приказано,

Ему было приказано еще многое, и потому-то онъ не входилъ въ комнату, гдѣ сидѣли дѣвушки; всякій разъ, какъ приближался къ двери, онъ встрѣчалъ яркій взоръ своей матери и поворачивалъ назадъ, хотя со вздохомъ...

Надина Грàшкова сидѣла противъ самой двери и давно наблюдала за всѣми маневрами Воронскаго. Измученная тремя недѣлями напрасныхъ ожиданій, безплодныхъ встрѣчъ, далекихъ поклоновъ, она надѣялась на этотъ вечеръ, какъ на послѣднее средство. Невозможно, чтобъ и у себя въ домѣ, гдѣ онъ обязанъ быть вдвое привѣтливѣе и учтивѣе, гдѣ мать занята хлопотами хозяйки и другими гостями, невозможно, чтобъ и въ этотъ вечеръ Воронской не сблизился съ Надиной, не нашелъ минуты сказать ей слово; а Надина хорошо знала цѣну минутъ и своихъ словъ. Но вотъ полчаса, какъ онъ прохаживается, видитъ ее и не подходитъ — это невыносимо! Позвать его, когда онъ будетъ у двери, онъ можетъ не услышать, а услышитъ, не подойдетъ, испугавшись своей матушки... Какое несносное положеніе! Какъ онъ глупъ!

Досада на что нибудь дѣлаетъ намъ досаднымъ все, насъ окружающее; оно и лучше: это избавляетъ отъ труда разбирать, почему и что намъ особенно досадно. Надина всегда выражала свою досаду или упорнымъ молчаніемъ, или насмѣшкой надъ всѣмъ, что случалось близко. На этотъ разъ она молчала; оскорбленное самолюбіе брало верхъ.

— Что съ вами сдѣлалось, Надежда Васильевна? спросилъ Бѣлягинъ, садясь подлѣ нея: — отчего вы сегодня такъ задумчивы?

— Вы знаете, что я никогда и ни о чемъ не думаю.

— Если вы отвѣчаете такъ раздражительно, то я спрошу прямо, за что и на кого вы сегодня не въ духѣ?

Надина принужденно засмѣялась.

— Видите ли, какъ я отгадываю, продолжалъ Бѣлягинъ.

— Сколько самолюбія!

— Нисколько, потому что отгадывать вовсе нетрудно. Ваше расположеніе духа очень замѣтно. Вы не говорите ни съ кѣмъ, задумываетесь, разсѣяны. Безъ причины этого быть не можетъ.

— Почему-жъ нѣтъ? Хандра.

— Тогда-бъ вы не пріѣхали на вечеръ;

вы знаете, что на людяхъ хандра еще несноснѣе и для себя, и для другихъ.

Надина опять разсмѣялась.

— Такъ ли?

— Такъ.

— Я радъ, что мы согласны. Какая-жъ причина вашей досады?

— Ахъ, что за любопытство!

— Извините... Но досада у васъ въ каждомъ движеніи и вы не трудитесь ее скрывать, стало быть, позволено ее видѣть, и запрещено узнавать, отчего она?... Для чего это дѣлается? Почему всякое движеніе, всякое чувство высказывается у васъ только вполовину! Къ чему вы бережете другую? для того, чтобъ ея не знали, или для того, чтобъ угадывали?

— Для того, чтобъ ее поняли, отвѣчала тихо Надина.

— Кто?

— Тѣ, кто захочетъ принять участіе.

— О, какъ же вы ихъ оскорбляете! Высказывая цѣлому свѣту половину вашего чувства, вы зовете цѣлый свѣтъ брать въ васъ участіе. И избранныхъ друзей у васъ нѣтъ; всякій, кто замѣтитъ это кокетство печали, имѣетъ право разспрашивать.

— А вы непремѣнно хотите, чтобъ мы избирали себѣ повѣренныхъ и враговъ?

— Непремѣнно: это опредѣляетъ положеніе, мѣсто между людьми. Что это за полупорокъ, полудобродѣтель, полускрытность и полуоткровенность? лучше ужъ ничего, нежели это приторное раздумье, которое увѣряетъ, что ни о чемъ не думаетъ, эта улыбка, которая со вздохомъ признается, что ей грустно... какая тоска!

— Вы сегодня чудесны, m-r Бѣлягинъ, иначе я васъ опредѣлить не могу. Въ такомъ случаѣ вамъ должна очень нравиться Нина Литвина.

Въ эту минуту Нина показалась въ дверяхъ; она говорила съ Воронскимъ. Бѣлягинъ взглянулъ въ ту сторону и немного смутился.

— Почему вы думаете, что она должна мнѣ нравиться? спросилъ онъ Надину.

— Потому что она никогда нисколько не скрывается. Ей скрывать нечего. У нея нѣтъ желаній, нѣтъ мысли; если она ничего не выражаетъ, то потому, что ей выражать нечего.

— Какъ же это? спросилъ молодой человѣкъ, на котораго эти слова сдѣлали странное впечатлѣніе.

— Очень просто: вѣчно откровенными могутъ быть только люди вѣчно холодные. Вотъ вамъ примѣръ—Нина.

Надина говорила все это очень спокойно, слегка прислонясь своей стройной таліей къ дивану и опустивъ голову, что къ ней очень шло, потому что выказывало длину ея локоновъ. Не глядя на Бѣлягина, она продолжала:

— Правда, что она нисколько не кокетка: но холодныя кокетки быть не могутъ: чтобъ увлекать, надо увлекаться. Она не можетъ увлечь никогда, потому что всегда неподвижна, и если есть въ ней какое нибудь чувство, то это—страхъ... не страхъ высказать предъ людьми то, что она чувствуетъ, а страхъ сказать больше того, сколько она чувствуетъ.

— Что это за характеръ! прервалъ Бѣлягинъ.

— Вамъ не нравится? Напротивъ, я нахожу, что это удивительное прямодушіе. Не всякое холодное существо способно къ этому страху: до него надо возвыситься.

— Увѣрены ли вы, прервалъ Бѣлягинъ:— увѣрены ли вы, что въ ней дѣйствительно только одинъ этотъ страхъ и ничего больше?..

Онъ хотѣлъ продолжать и почему-то не могъ.

— Къ сожалѣнію, да, отвѣчала Надина.—Проживъ довольно лѣтъ на свѣтѣ и въ свѣтѣ, я начинаю находить удовольствіе въ наблюденіи и изученіи характеровъ, особенно тѣхъ людей, которыхъ полюблю, часто сама не зная за что, какъ напримѣръ Нину. Она ничего не любитъ и ничему не сочувствуетъ. Все, что ни проходитъ предъ ея глазами, дурное и хорошее, ей все равно, лишь бы ея не трогало. Къ тому-жъ ее могутъ трогать только мелочи, бездѣлицы, отъ которыхъ она горюетъ, какъ дитя—наряды, выѣзды. Ей восьмнадцать лѣтъ; она не любитъ и никогда не полюбитъ—вы сами могли въ этомъ убѣдиться. Она говорила мнѣ, что читала многое, что вы ей давали, и мнѣ самой было скучно отъ ея приторныхъ словъ: «какъ это прекрасно!..» которыя она вѣрно и вамъ говорила тѣмъ же неизмѣннымъ, звонкимъ голоскомъ. Вы знаете, есть ли у нея восторгъ, есть ли сужденія: охъ, нѣтъ! такой женщинѣ скрывать нечего.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ! почти вскричалъ Бѣлягинъ.

— Это есть... И она преспокойно выйдетъ замужъ за жениха, котораго позаботится ей приготовить Катерина Михайловна.

Надина встала съ своего мѣста. Комната была пуста; всѣ разошлись въ залу, гдѣ уже танцовали. Вошла Нина.

— Я ищу васъ, сказала она Надинѣ, встрѣтясь съ нею въ дверяхъ:—танцуете ли вы?

Рядомъ съ Ниной явился предъ Надиной совѣтникъ Антоновъ.

— Какъ я радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть, Надежда Васильевна! сказалъ онъ:—здоровы ли вы?

— Благодарю, васъ, отвѣчала она, вся вспыхнувъ на это привѣтствіе.

— Родители ваши... батюшка и матушка, здѣсь?

— Маменька здѣсь.

— Гдѣ же-съ?

— Она играетъ въ карты.

— А, прекрасно! Оно и лучше, знаете, покойнѣй.

— Нежели танцовать?.. О, конечно.

Бѣлягинъ слушалъ этотъ разговоръ и не могъ не удивиться: ему въ первый разъ удалось слышать, что его начальникъ говорилъ съ дѣвушкой. Онъ забылъ, однако, слѣдить далѣе за этимъ любопытнымъ явленіемъ, заглядѣвшись на Нину, и спросилъ ее:

— Угодно вамъ эту кадриль?

— Я танцую, отвѣчала она тихо, показывая на Воронскаго, который выглядывалъ изъ-подъ драпировки.

Потомъ она ушла: Бѣлягинъ ушелъ за нею.

Катерина Михайловна остановила Надину и шепнула ей, схвативъ ея талію:

— Дружочекъ, вы не танцуете?

— Нѣтъ.

— Такъ позвольте мнѣ съ вами два словечка...

Выходя изъ маленькой гостиной, Бѣлягинъ замѣтилъ, по привычкѣ всегда разбирать свои чувства и впечатлѣнія, что дурное расположеніе духа заразительно и что досада Надины имѣла на него сильное вліяніе. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и отъ души пожалѣлъ, что онъ не герой тѣхъ повѣстей, гдѣ героямъ позволено публично задумываться и громко выражать свое неудовольствіе. Эта мысль заставила его тутъ же улыбнуться, потому что предъ нимъ предстало олицетвореніе этихъ интересныхъ героевъ. Длинный юноша въ очкахъ, получившій отказъ отъ предмета своей страсти, предавался печальнымъ размышленіямъ, скрестивъ руки и прислонясь къ драпировкѣ окна. Выраженіе лица его было такъ мрачно, а взглядъ такъ грозенъ, что Бѣлягинъ поспѣшилъ пройти мимо, чтобъ не разсмѣяться громко или не попасть въ повѣренные несчастнаго. Извѣстно, что у всѣхъ несчастныхъ этого возраста и сорта бываетъ всегда сильная наклонность къ откровенности и сердечнымъ изліяніямъ!

Отходя, Бѣлягинъ очутился подлѣ m-me L., которая сидѣла въ кругу другихъ дамъ, въ дверяхъ между залой и гостиной, любуясь на танцующихъ и заграждая дорогу проходящимъ.

— Вы не танцуете сегодня, Марья Николаевна? спросилъ онъ, садясь сзади ея.

— Мое время прошло, отвѣчала m-me L. протяжно, съ выраженіемъ грустно-довольной рѣшимости.

— Что такъ скоро! замѣтилъ Бѣлягинъ, глядя на розовое перо, которое безпрестанно колыхалось отъ безпрестанныхъ движеній ея головы.

— Нѣтъ, пора, отвѣчала съ легкимъ вздохомъ m-me L.—пора дать мѣсто вамъ, молодежи. Веселитесь, пока и вамъ не наскучитъ.

— И скоро наскучитъ, прибавила m-me D., продолжая глядѣть въ двери залы: — особено, когда выѣзжать не для кого.

— А я-то для кого-жъ выѣзжаю? сказала m-me L.—Еслибъ не моя Наташа... ей, молоденькой дѣвочкѣ, еще хочется выѣзжать, а мнѣ...

Розовое перо сильно заколебалось.

— Точно то же и я, продолжала m-me D.:—чтобъ обо мнѣ не забыли до тѣхъ поръ, когда придется дочь вывозить. Мнѣ и теперь ужъ дико, а посидишь дома годъ-другой, такъ и совсѣмъ отстанешь, войти не съумѣешь.

— А что ваша Аделинька? спросила ее m-me Хворостинина.

— Покорно васъ благодарю, Лизавета Васильевна:—она здорова; учится еще, ребенокъ.

— Хорошенькая будетъ:

— Помилуйте, такъ, дурнушка.

— Это материнская скромность говоритъ, вскричала m-me L.:—материнская скромность. Она красавица будетъ, всѣхъ здѣсь затмитъ. Еслибъ вы видѣли, какъ она входитъ и танцуетъ, такъ, пальчиками за платьице и головкой... прелесть!

— Гувернантка у васъ очень хороша, сказала m-me Енихина.

— Да-съ, конечно... для десятилѣтняго ребенка чего-жъ больше... А то, она сама ребенокъ, ей самой-семнадцать лѣтъ. Мужъ мнѣ все совѣтуетъ взять другую; я думаю, что рѣшусь.

— И прекрасно сдѣлаете, важно сказала m-me Хворостинина.

— И, знаете, иностранку, чтобъ у нея выговоръ былъ, сказала m-me L.

— Ахъ! хороша гувернантка у Островской, Анны Степановны, сказала m-me Ени-

хина:—она еще ея мать учила, и всѣхъ ея дѣтей теперь учитъ... голосъ у нея какой, поетъ удивительно!

— Какъ это пріятно—пѣніе! сказала madame L., вздыхая и обращаясь къ Бѣлягину:— вы любите?

— Очень; только хорошее.

— Прихотливый чѣловѣкъ! сказала она, продолжая смотрѣть на него чрезъ спинку своего кресла:—теперь видно, отчего вы рѣдко выѣзжаете, мало танцуете: вамъ здѣшнее общество не нравится.

— Какъ? мнѣ общество не нравится, потому что я не люблю дурного пѣнія?

— Видите, видите, не правду ли я говорю? Вамъ бы только смѣяться

— Пѣніе можетъ нравиться и не нравится, съ какими чувствами будешь его слушать, замѣтила серьезно m-me D.

— Именно такъ, сказала m-me Хворостина.

— Вотъ, я ему то же говорю, сказала m-me L., указывая на Бѣлягина своимъ портбуке и оборачиваясь опять къ нему через спинку кресла. — Я часто съ нимъ ссорюсь... О, мы съ нимъ вѣчные враги — не такъ ли?

— Право, не знаю.

— Покайтесь лучше, покайтесь, почему вы рветесь въ Петербургъ, почему вы хотите отсюда уѣхать? А я знаю!

— Взгляните вы, ради Бога! прервала m-me Енихина:—что за вѣнокъ на себя надѣла Катенька Топилина!

— Скажите, охота же себя уродовать!

— Что на нихъ всегда надѣто! особенный вкусъ какой-то.

— И вы хотите меня увѣрить, продолжаm-me L., говоря съ Бѣлягинымъ:—что у васъ нѣтъ никакой особенной причины отсюда уѣхать?

— Кромѣ выгодъ по службѣ, рѣшительно никакой.

— Скажите, спросила m-m D. другихъ дамъ вполголоса, взглянувъ на Бѣлягина:— онъ сватался за Дайскую?

— Кто ихъ знаетъ!... кажется!

— Сватался, отвѣчала m-me Енихина.

— Да что за выгода, прибавила m-me Хворостинина, пожавъ плечами и взглянувъ на молодого человѣка:—вѣдь нѣтъ ничего!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ничего!...

— Такъ ему отказали?

M-me Хворостинина утвердительно кивнула головой.

— Какъ же онъ къ нимъ ѣздитъ?...

— А, вотъ и вы, vous voila belle m-lle Nina! сказала m-me L., увидя ее:— устали?

— Немного, отвѣчала Нина, садясь на мѣсто, которое уступилъ ей Бѣлягинъ.

— Вы очень кстати пришли, Нина Александровна, вы мнѣ поможете: я, вотъ, цѣлый часъ спорю съ этимъ молодымъ человѣкомъ...

— Не надѣйтесь на меня, отвѣчала Нина:—я спорить не умѣю.

— Нѣтъ, надо доказать ему. Онъ говоритъ, что хочетъ ѣхать отсюда и что на это нѣтъ никакихъ особенныхъ причинъ; я говорю, что m-r Бѣлягинъ вѣчно скрытничаетъ—не такъ ли?

— Не знаю, почему вамъ кажется, что такъ.

— Потому что я... о, какъ я проницательна! Тутъ есть грустная сердечная причина.. Видите, видите! о скрытность!...

Она прибавила вполголоса:

— Картинка очень хороша, я видѣла...

— Я, наконецъ, васъ не понимаю, сказалъ съ досадой Бѣлягинъ.

— Не понимаете?... А Нина Александровна меня понимаетъ. Да-съ, если я что знаю, такъ вы меня не разувѣрите, потому что это такъ. Докажите, ему, Нина Александровна вы вѣдь знаете, вы слышали...

Она шепнула на ухо Нинѣ:

— Влюбленъ въ Сонечку Дайскую; сватался, а ему отказали...

— Я слышала, сказала Нина, отклонясь, какъ будто ей было больно отъ этихъ словъ.

— И вы слышали? спросилъ Бѣлягинъ, удивленный ея движеніемъ.—Что-жъ это за новость обо мнѣ, которой я самъ не знаю?

— Да, да, вотъ поспорьте теперь, разувѣрьте насъ обѣихъ!

— Нѣтъ, я спорить не стану, сказала Нина.

— Не станете? почему? съ живостью спросилъ Бѣлягинъ: — вы не вѣрите тому, что слышали?

— Вѣрю, потому что это вѣроятно, отвѣчала Нина.

— Такъ скажите мнѣ, что такое вѣроятное на меня изобрѣли.

— О, «изобрѣли»! Нѣтъ, милостивый государь, съ вами говорить невозможно! нѣтъ, это ужъ незабавно! Оставимте его, Нина; вы правы, это злой насмѣшникъ.

— Une contredanse, сказалъ Воронской, появляясь передъ Ниной.

Она встала. Бѣлягинъ пошелъ за нею.

— Можно ли просить васъ объяснить мнѣ, что это значитъ? спросилъ онъ тихо, удер-

живая досаду, которой не могъ опредѣлить. Неужели и вы, какъ эти дамы, заставите меня разгадывать загадки? Я нетерпѣливъ... впрочемъ, для нихъ нужно очень много терпѣнія...

Воронской уходилъ и черезъ минуту возвратился.

— Меня позвала maman, сказалъ онъ Нинѣ: — и мнѣ нельзя танцовать съ вами эту кадриль; слѣдующую я поправлюсь.

Онъ ушелъ, не дожидаясь отвѣта.

— Объясняться не время, сказала Нина Бѣлягину, оглянувшись.

Они были среди кружка нетанцующихъ дамъ и дѣвицъ.

— Позвольте воспользоваться неучтивостью г. Воронскаго и танцовать съ вами, отвѣчалъ Бѣлягинъ: — если это уже единственное средство переговорить съ вами прилично.

Онъ подалъ ей руку и они прошли въ залу.

— Прежде всего, сказалъ Бѣлягинъ, садясь подлѣ нея: — извините мои вопросы, а потомъ, прошу васъ, прямо и откровенно скажите, что на меня выдумали, что бы ни было, скажите. Я умѣю цѣнить сплетни; эта не первая... но вы ей вѣрите и я хочу знать, что это такое.

Нина была такъ поражена неожиданной новостью, новость была для нея такъ ужасна и потому казалась такъ вѣроятна, что въ своемъ безнадежномъ горѣ она не затруднялась сказать то, что въ другое время показалось бы ей неловко.

— Говорятъ, что вы любите Sophie Дайскую?

— Далѣе?

— Что вы сватались и вамъ отказали.

Она, однако, удивительно овладѣла собою, потому что Бѣлягинъ не замѣтилъ, чтобъ руки ея дрожали, когда она подавала ихъ ему, танцуя. Кончивъ фигуру и сѣвъ на мѣсто, онъ молчалъ и не смотрѣлъ на нее. Ему стало тяжело, какъ давно не было, и онъ самъ не зналъ почему; голосъ Нины заставилъ его оглянуться. Бѣдная дѣвушка собрала всѣ силы, чтобъ говорить и не заплакать, оттого въ ея голосѣ слышалась какая-то рѣзкая рѣшительность.

— Я спрошу васъ, въ свою очередь, правда ли это? скажите откровенно.

Послѣднія слова были едва слышны.

— Для чего вамъ угодно знать? спросилъ Бѣлягинъ, глядя на нее пристально.

— Чтобъ знать, отвѣчала Нина, стараясь улыбнуться: — скажите откровенно.

— Неправда, отвѣчалъ онъ, продолжая смотрѣть на нее.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Для чего мнѣ васъ обманывать?.. Благодарю васъ за участіе, прибавилъ онъ, съ досадой отворачиваясь отъ этого хорошенькаго личика, которое ничего не выражало.

— Къ чему эта насмѣшка? спросила Нина.

— Насмѣшка? какая? въ чемъ?

— Неужели вы думаете, что я не понимаю?

— Смѣю ли я насмѣхаться? Я очень благодаренъ за участіе, которое вы принимаете въ моихъ чувствахъ къ m-lle Дайской, и больше ничего.

Нина не возражала.

— Я долженъ благодарить васъ, продолжалъ онъ: — здѣшнія дамы вообразили меня какимъ-то человѣко-ненавистникомъ, а вы такъ добры, что желаете узнать, доступно ли мнѣ хоть чувство любви.

— Развѣ вы думаете, что и я вмѣстѣ съ другими?..

— Еще болѣе, нежели другія, прервалъ онъ. — Извините меня, я всегда избѣгаю откровеннаго разговора, потому что откровененъ до странности... Не знаю за что, но вы болѣе всѣхъ другихъ избѣгаете, боитесь меня. Кажется, видясь довольно нерѣдко, зная мои сужденія, не совсѣмъ обыкновенныя, но, надѣюсь, не совсѣмъ кривыя, вы могли бы... оцѣнить меня лучше. Право, я не такъ взыскателенъ и не такъ много осмѣиваю, какъ эти добрые люди. Я счастливъ, когда могу быть веселъ, и отъ души былъ веселъ въ первую встрѣчу съ вами, которой я никогда не забуду, потому что тогда между нами не было предубѣжденій и свѣтскихъ условій. Еслибъ когда нибудь, какъ нибудь вы обнаружили передо мною какое нибудь ваше чувство, я принялъ бы его всей душою; еслибъ вы заплакали при мнѣ, я бы плакалъ съ вами... Но вамъ натолковали, что я «разочарованный насмѣшникъ...», а болѣе всего, гибельнѣе всего, вамъ натолковали что хорошо только то, что скрыто, что увлеченій быть не можетъ, не должно, что они неприличны, и если въ самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ никого лучше васъ, то нѣтъ никого и холоднѣе васъ...

— И вы такъ обо мнѣ думаете! прервала Нина.

— Боже мой! какое вамъ дѣло до того, что я думаю? Вы спокойны, какое вамъ дѣло, что вы мучите?.. Вы будете смѣяться надо мной, но я не могу молчать... Для чего вы

всегда такъ неподвижны? для чего вы не хотите никогда выразить вашего чувства? для чего вы разсчитываете каждое ваше движеніе? Чего вы боитесь?.. Что васъ осудятъ? Кто?.. Взгляните: стоитъ ли передъ этимъ обществомъ стѣснять свое сердце? Женщины рады притворяться, что чувствуютъ, лишь бы показаться интереснѣе... Вамъ притворяться нечего; ваше сердце такъ богато... Послушайте сами свой голосъ: какого чувства онъ не можетъ выразить? взгляните на себя: сотворены ли вы для однихъ кадрилей? Спросите сами свою душу: можетъ ли она довольствоваться тѣмъ, что ее окружаетъ, вотъ, въ этомъ нашемъ «большомъ свѣтѣ», нѣтъ ли въ ней желанія отдохнуть, желанія высказаться хоть кому нибудь...

— Есть, сказала Нина, все еще не смѣя взглянуть на него: — есть, лишь бы меня выслушали... Послушайте, продолжала она съ живостью, остановивъ Бѣлягина, который хотѣлъ говорить: — до васъ никто не говорилъ мнѣ этого... У меня нѣтъ подругъ, или есть, но всѣ онѣ говорятъ только о томъ, что вы осуждаете—о балахъ, о нарядахъ... Мнѣ какъ-то странно говорить о чемъ нибудь другомъ. Я давно знаю, чего вы требуете отъ женщинъ: занятій, мысли... я занимаюсь и думаю про себя: странно было бы дѣлать это публично.

— Опять странно! прервалъ Бѣлягинъ:— но кто-жъ придумалъ, что это странно?

— Видите ли—споръ! я не могу спорить, и говорить не умѣю!.. Мнѣ иногда тяжело слушать разные толки; такъ бы и сказала тѣмъ, кто толкуетъ, что они неправы; часто, просто, велѣла-бъ замолчать; но развѣ это возможно, развѣ это прилично? я не судья, не законодательница для общества... Меня осмѣютъ, меня осудятъ. Развѣ я не вижу, какъ смѣются надъ другими...

— Нина, разсѣянная, будете ли вы танцовать? вы цѣлую фигуру пропустили, сказала, подходя ихъ vis-à-vis, племянница m-me L.

Нина возвратилась на свое мѣсто въ смущеніи.

— Мнѣ не простятъ этого! сказала она.

— Чего? фигуры въ кадрили? что за мелочность!

— Вы опять меня осудили! Что-жъ дѣлать? это выше силъ моихъ. Другая была бы ловче на моемъ мѣстѣ; я не могу... Не знаю, какъ теперь я рѣшаюсь говорить съ вами...

— Вы недовѣрчивы...

— Боже мой! еслибъ я знала только, что моя довѣрчивость не покажется смѣшной? Но кому какое дѣло до того, что приходитъ мнѣ въ голову!..

Она такъ печально наклонила эту хорошенькую голову, что Бѣлягинъ сказалъ невольно:

— Будьте довѣрчивы со мной.

— Съ вами?..

— Да; говорите мнѣ все, что будетъ у васъ на сердцѣ: я пойму васъ съ полуслова, съ одного взгляда... Я буду счастливъ отъ каждаго вашего слова... Будьте довѣрчивы со мной, потому что я люблю васъ...

— Господа, кругъ! раздался голосъ кавалериста, который, неизвѣстно по какому праву, распоряжался финалами кадрилей на всѣхъ балахъ...

Очевидно, что Воронской былъ лишенъ дара предвидѣнія, иначе бы онъ не побѣжалъ такъ поспѣшно на призывъ своей матери; очевидно, что и Катерина Михайловна въ эту критическую минуту была лишена этого дара, иначе бы она не вызвала сына. Воронской нашелъ ее въ буфетѣ, окруженную прислугой и, казалось, разстроенную. Присутствіе постороннихъ лицъ всегда заставляло Катерину Михайловну сильнѣе владѣть собою; на этотъ разъ, однако, она не могла сдѣлать этого совершенно.

— Что-жъ это, Сашечка, сказала она, увидя его: — я поручаю тебѣ заняться, купить конфектъ, фруктовъ, а тутъ подавать— и вдругъ нѣтъ ничего? Можно ли это, душечка? что-жъ ты надѣлалъ?

— Да вѣдь привезли... сказалъ Александръ Ивановичъ, глядя вокругъ себя вопросительно.

— Что?

— Изъ кондитерской.

— Ничего не привозили, счетъ прислали, отвѣчалъ буфетчикъ.

— Какой счетъ?

Катерина Михайловна схватила листъ бумаги съ весьма затѣйливой виньеткой, пробѣжала его глазами и сдѣлала сыну знакъ слѣдовать за собою. Онъ молча слѣдовалъ до дверей уборной, приготовленной для дамъ, куда Катерина Михайловна завела его, въ волненіи и разсѣянности.

— Такъ вотъ что, сказала она, останавливаясь среди этой слабо освѣщенной комнаты и показывая безмолвному сыну роковой листъ, дрожавшій въ ея рукѣ:—вотъ что: я думаю, что вы все утро ѣздите, поздравляете именинницъ, а вы даете завтракъ вашимъ пріятелямъ и мнѣ ваши счеты присылаютъ! Я, хозяйка дома, сижу какъ ракъ на мели, просто, а вы и не заботитесь!.. Это любовь

къ матери? это послушаніе? это покорность? это привязанность? это благородство?.. Деньги ему дали, а онъ... какъ съ цѣпи сорвался!.. Я не мильонщица, сударь! я изъ послѣдняго тружусь, бьюсь, женю васъ, и онъ!.. Поди, сударь, прошу тебя! оставь меня въ покоѣ и ни слова больше! сдѣлай милость, замолчи! молчи, молчи, я ничего больше не хочу слушать, я не могу! Ты меня уморишь! ты, можно сказать, мать свою въ гробъ положишь!..

Послѣ этого монолога, Катерина Михайловна вышла такъ же поспѣшно, какъ вошла, оставя Александра Ивановича, какъ онъ былъ, неподвижнаго среди комнаты.

Онъ посмотрѣлъ сначала на свою тѣнь, которая, загнувшись по карнизу, протянулась до потолка, потомъ подошелъ къ туалету, взялъ щетку и началъ причесываться. На туалетѣ лежали пахитосы. Кончивъ свою головную уборку, Александръ Ивановичъ закурилъ пахитосъ и усѣлся въ кресло.

«Здѣсь славно», подумалъ онъ.

Эта мысль сильно заняла его; но долго наслаждаться ему было не суждено: драпировка распахнулась, раздался слабый: «ахъ!» и Воронской очутился лицомъ къ лицу съ m-lle Надиной.

— Это вы? сказала она:—что вы здѣсь дѣлаете?

Воронской догадался, что его присутствіе въ уборной было несовсѣмъ обыкновенно и могло имѣть занимательную сторону; не поднимаясь съ мѣста, онъ отвѣчалъ:

— Такъ-съ; я зафантазировался.

— А! поздравляю васъ, сказала почти про себя Надина, сняла перчатки и нагнулась къ зеркалу, наматывая локоны себѣ на пальцы.

— Vous ne vous genez pas, сказалъ Воронской, съ пріятнымъ смѣхомъ, располагаясь въ креслѣ.

— Отчего же мнѣ женироваться?

— Право вы такъ свободны, точно однѣ.

— Я точно одна.

— А я-то что-жъ?

— Я не забочусь о томъ, чего не замѣчаю.

— Браво!.. Это, однако, странно!

— Что?

— Что вы не замѣчаете молодого человѣка... который...

Надина отошла отъ зеркала и стала передъ Воронскимъ въ самой гордой и повелительной позѣ. Онъ, натурально, замолчалъ.

— Этотъ молодой человѣкъ, сказала она:—ходитъ и не встрѣчается, слушаетъ и не слышитъ, глядитъ и не видитъ. Было бы очень смѣшно, еслибъ я стала его замѣчать.

— Но все же, сказалъ Воронской:—это вамъ можетъ повредить, такое пренебреженіе. Если другіе замѣтятъ... Вы всегда бывали такъ внимательны.

— Я очень глупо дѣлала, если бывала внимательна, возразила Надина рѣзко и сухо.—Въ жизнь мою не прощу себѣ своей ребяческой доброты. Я вижу, что выигрываютъ только тѣ, кто ни на что не смотритъ, кто пренебрегаетъ... словомъ, кто—ледъ.

Она прошлась по комнатѣ и остановилась передъ нимъ, такъ что ему не было возможности уйти.

— Я немного поздно это узнала, продолжала она:—жаль, но дѣло еще можно поправить. Пренебрегать всѣмъ—вѣрнѣйшее средство нравиться... Боже мой, что за скучная жизнь дѣвушкамъ! что за опека! боимся всего, стараемся угодить всякому!... Очень нужно!.. Клятву даю, что никто въ мірѣ не услышитъ отъ меня добраго слова, взгляда привѣтливаго не увидитъ. Я покажу примѣръ несчастнымъ дѣвушкамъ, что можно избавиться отъ зависимости, въ которую ставятъ насъ господа мужчины... Богъ знаетъ по какому праву!

— Comme vous voilà émancipée! сказалъ Воронской, слегка посмѣиваясь.

— Счастливцы мужчины: живутъ, любятъ, дурачатся, женятся, какъ имъ угодно.

— Voilà bien! воскликнулъ Воронской.

— Нѣтъ? неужели нѣтъ? сказала Надина, выпрямившись передъ нимъ и откинувъ назадъ голову съ движеніемъ, отъ котораго ея локоны разсыпались по плечамъ.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Воронской, слегка вытаращивъ глаза:—развѣ я свободенъ? у меня есть...

— Вы! вскричала она презрительно:—вы безхарактерны

— Я безхарактеренъ? сказалъ Воронской, приподнимаясь съ кресла отъ необыкновеннаго душевнаго волненія:—я безхарактеренъ? Когда я вамъ могу доказать...

— Вы мнѣ ничего не докажете.

— Могу доказать, что мнѣ невозможно никакъ... словомъ, у меня есть обязанности...

— Какія?.. Вы свободны какъ воздухъ. Для чего я—не вы? Какъ вы не пользуетесь, не цѣните вашей независимости! Что за обязанности, когда довольно одной вашей воли... Но у васъ нѣтъ воли, нѣтъ характера

— Нѣтъ, вы очень ошибаетесь, возразилъ Воронской:—у меня есть характеръ, но я не могу, потому что для этого нужно...

— Немножко твердости духа, а вы боитесь.

— Я ничего не боюсь, вскричалъ Воронской:—я могу... я Богъ знаетъ что могу!.. но я благоразуменъ.

— Такъ вы ничего въ мірѣ не любите, отвѣчала Надина, со всѣмъ кокетствомъ отчаянія опираясь на туалетъ и спрятавъ лицо въ рукахъ.

— Я вамъ клянусь, что я васъ люблю, сказалъ Воронской, подходя къ ней: — и еслибъ была возможность...

— Я вамъ клянусь, что еслибъ, какъ вы, я была независима, ничто на свѣтѣ не помѣшало бы мнѣ... Но вамъ все равно!.. И я вамъ докажу, какъ цѣню я вашъ слабый, ничтожный характеръ, я выйду за другого!

— Ну, вы этого не сдѣлаете!

— Сдѣлаю, покуда вы сберетесь съ духомъ доказать вашу независимость!

— Да, гдѣ-жъ, Господи, какъ же я независимъ, когда...

— Хотите ли, чтобъ я имѣла къ вамъ уваженіе? спросила Надина, вдругъ приподнимаясь и глядя ему въ глаза.

Воронской уничтожился.

— Ну... хочу.

— Идите и сейчасъ скажите моей матери, что вы меня любите.

— Тогда... что-жъ?

— Что тогда? спросила она, протягивая ему руку.

— Сашечка! Сашечка! Сашечка!.. раздался голосъ Катерины Михайловны во внутреннихъ комнатахъ.

— Ну, вотъ, видите, какая-жъ моя независимость? сказалъ Воронской, убѣгая съ отчаяннымъ жестомъ.

Надина взглянула въ зеркало, схватила свои перчатки и вышла изъ комнаты.

Она прошла обѣ гостиныя и остановилась сзади кружка дамъ, наблюдавшихъ за танцами изъ дверей въ залу. Разговоръ этихъ дамъ былъ такъ оживленъ, что онѣ не замѣтили ея приближенія, и Надина могла собраться съ мыслями и обдумать. Сдѣлать это было нетрудно, рѣшиться было труднѣе. Тысячу разъ прежде этого она имѣла случай узнать близко Воронскаго, и хотя послѣдняя попытка была такъ же неудачна, но Надина не раскаявалась въ ней, по привычкѣ никогда и ни въ чемъ не раскаяваться, слѣдовательно, нужно было только сознаться въ неудачѣ и убѣдиться въ безнадежности успѣха. Надина убѣдилась въ ней. Оставалось теперь, въ минуту свободы на балѣ, рѣшиться принять или отвергнуть предложеніе совѣтника... «Два словечка», на которыя вызывала Надину Катерина Михайловна, были:

— Ангелъ мой, Ѳедоръ Алексѣичъ дожидается и проситъ сегодня сказать ему рѣшительно.

Досада, извѣстно, рѣшаетъ дѣло скорѣе всего... Г. совѣтникъ Антоновъ проходилъ мимо; Надина остановила его вопросомъ:

— Вы ужъ кончили вашу партію, Ѳедоръ Алексѣичъ?

— Нѣтъ-съ, только встали отдохнуть. Да еще съ нами Пестовскаго посадили; онъ просилъ Марью Ивановну, Анну Лукиничну и меня отпустить его потанцовать. Нечего дѣлать, сдѣлали ему это снисхожденіе.

— Ахъ, какъ же вы добры!

— Что, помилуйте! молодой человѣкъ. Ему тамъ, въ залѣ, рады будутъ.

— Не думаю, сказала, смѣясь, Надина.

— А что-съ?

— Онъ нехорошо танцуетъ, отвѣчала она тихо, довѣрчиво и съ самой милой улыбкой.

Совѣтникъ не зналъ, куда ушла его несмѣлость.

— А вы любите ловкихъ? спросилъ онъ, тоже улыбаясь.

— Я вовсе не люблю танцовать, отвѣчала она.—Танцуешь еще, когда можно пріятно поговорить, а то, что за пустая забава!

— Нѣтъ-съ; я, признаюсь, люблю посмотрѣть... и притомъ, прекрасной особѣ даже должно танцовать.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила кротко Надина.

— Непремѣнно-съ. Гдѣ-жъ лучше видно... даму, какъ не въ танцахъ? и для здоровья...

Надина слушала, глядя ему въ глаза.

— А то, все сидишь дома, за рукодѣльемъ ли, или за занятіемъ... наскучитъ. Конечно, если есть какія обязанности свои...

— Ваша правда, отвѣчала Надина, видя, что онъ остановился.—У меня, напримѣръ, маленькія сестры: ихъ нельзя оставить, не всегда можно и выѣзжать. Я сегодня здѣсь до четырехъ часовъ протанцую, а завтра у меня въ восемь классъ; надо еще Лизу учить по-французски и на фортепьяно...

Совѣтникъ опять пріятно улыбнулся.

— Ну, вы, я думаю, ужъ этотъ-то классъ пропустите; пусть дитя позабавится.

— Ахъ, нѣтъ! Конечно, я сама такъ рада, если малютки веселятся... когда-жъ имъ и веселиться, если не въ этотъ возрастъ?... Но надо-жъ и учиться. Я же такъ страстно люблю музыку, что непремѣнно хочу, чтобъ Лиза играла... по крайней мѣрѣ, какъ я.

— А вы, я слышалъ, удивительная музы-

кантша. Мнѣ Николай Андреичъ Бѣлягинъ сказывалъ.

— Ахъ, нѣтъ, помилуйте! Конечно, я люблю играть...

— Пріятно было бы послушать...

— Вы тоже любите?

— Цѣлый день готовъ слушать.

— Ахъ, а я рада цѣлый день играть!

— Видите-съ, какъ это хорошо... сказалъ совѣтникъ и сконфузился.

Надина взглянула на него, потупила глаза и тоже сконфузилась

— Маменька, кажется, въ карты играетъ, сказала она, оглянувшись.

— Да-съ!.. а вамъ что-жъ?

— Я такъ спросила.

— Развѣ вамъ ужъ ѣхать угодно? Еще рано.

— Это какъ она захочетъ...

— Рано, душечка, рано, сказала Катерина Михайловна, появляясь, какъ судьба, между двумя «влюблеными» сердцами.

— Кто это хочетъ уѣхать? спросила madame L., оглядываясь:—ахъ, chère Nadine...

Надина наклонилась къ ней.

— Что, мой почтенный другъ? сказала Катерина Михайловна, взглянувъ на совѣтника нѣжно и вопросительно.

— Ваше превосходительство, нельзя ли, наконецъ, узнать сегодня? Посудите сами, скоро мѣсяцъ. Мнѣ хоть что нибудь положительное—одинъ конецъ.

— А это вамъ урокъ: надъ молодежью не смѣяться... О-о!.. Но будьте во мнѣ увѣрены, другъ мой, что я, что отъ меня зависитъ, все употреблю. Когда я люблю кого—вы знаете... Я, вотъ, только ожидаю, мадамъ Грашкова партію свою кончитъ, такъ я ее тотчасъ... и она мнѣ скажетъ.

— А Надежда Васильевна?

— Въ чемъ же вы еще сомнѣваетесь? Вы меня извините, вы въ такомъ ослѣпленіи, въ какомъ-то... Развѣ вы не видите? Эти дѣвицы всѣ на-лицо.

— Такъ я туда, въ залу пройду.

— Подите. Это онъ посмотрѣть хочетъ, какъ она танцовать будетъ.

Совѣтникъ отошелъ.

— Душечка, сказала протяжно Катерина Михайловна, охватывая талію Надины:—чего вы тутъ смотрите, мои глазки?

Надина обернулась, какъ будто отъ прикосновенія паука, или тому подобнаго; но улыбка въ минуту освѣтила ея лицо, и была вся влюбленная и радостная.

— Что-жъ, дружочекъ, да или нѣтъ?

— Да, сказала Надина голосомъ, дрожащимъ отъ счастья.

Катерина Михайловна поцѣловала ее въ лобъ.

— Такъ сказать маменькѣ?

— Скажите.

— А вы подите въ залу, провальсируйте для него.

— Какъ, для него?

— Для него, дружочекъ, сведите его съ ума. Онъ и то говоритъ сейчасъ: «отчего моя Надина не танцуетъ?» Пошелъ туда, въ надеждѣ, что и вы придете.

— Сейчасъ иду; прежде позовите маменьку.

Катерина Михайловна увела изъ-за картъ m-me Грашкову. Всѣ трое ушли изъ уборной, гдѣ переговоры продолжались не болѣе десяти минутъ. Катерина Михайловна возвратилась въ залу и отыскала совѣтника.

— Поздравляю васъ, мой почтенный другъ. Подите сюда, къ окну. Завтра въ 12 часовъ поѣзжайте къ нимъ и васъ, какъ жениха, примутъ... Полноте, полноте, не цѣлуйте моихъ рукъ, на насъ смотрятъ, полноте же, я сама расплачусь. Какъ я счастлива, что именно такъ, въ день моихъ именинъ!..

Надина у дверей залы встрѣтила Воронскаго.

— Valsons, сказала она, положивъ ему руку на плечо.—Завтра въ 12 часовъ, продолжала она, покуда они танцовали: — Ѳедоръ Алексѣевичъ Антоновъ пріѣдетъ за меня свататься и насъ обручать. Желаю вамъ удовольствія подъ крыломъ вашей любезной маменьки. Merci, monsieur.

— Сашечка, дружочекъ!

Оставленный своей дамой и какъ громомъ пораженный, Воронской почти столкнулся съ матерью.

— Это ни на что не похоже, сказала она ему шопотомъ, сдѣлай милость, молчи!.. Гдѣ Нина Александровна? съ кѣмъ она танцуетъ?.. Ты-то что дѣлаешь? Э, полно, сдѣлай милость, поди прочь!..

Эти слова нисколько не объяснили Александру Ивановичу, что онъ долженъ дѣлать; озадаченный еще болѣе, онъ прошелъ вдоль всю залу и сталъ у противоположной двери.

— Что-жъ ваша партія, Анна Лукинична, спросила m-me Хворостинина m-me Ветлину, когда та подошла къ ихъ кружку.

— А вотъ, позвольте мнѣ мѣстечко между вами. Ужъ мы, я думаю, не станемъ больше играть.

— Да, да! выпустили вашего молодого человѣка, сказала m-me L.

— Кого это?

— Да Пестовскаго.

— И какъ радъ, какъ танцуетъ! сказала m-me D., глядя въ двери.

— Да вѣдь его, я думаю, немудрено замѣнить, сказала m-me Хворостинина.

— Нѣтъ, мнѣ ужъ, признаться, и довольно, и такъ распроигралась. Меня-съ безъ трехъ въ червяхъ оставила Марья Ивановна; просто несчастье.

— Да, это несчастье, несчастье! повторили дамы.

— И она, ужъ Богъ съ ней, знаете, непріятно играетъ. Хотѣла ужъ и ѣхать, пошла отыскивать дочерей.

— Что-жъ это такъ рано? Вамъ еще съ ней поиграть, да Өедора Алексѣича посадить.

— Э, Өедора Алексѣича кто теперь посадитъ, помилуйте! развѣ вы не знаете?

— Что такое!

— Нѣтъ, право не знаете?

— Нѣтъ, ей-Богу. Что такое?

— Женится! Сейчасъ предложеніе дѣлалъ.

— Женится? батюшки! на комъ?

— На Грашковой.

— На Надеждѣ?

— Ну, да; вѣдь одна всего.

— Быть не можетъ!

— Я сейчасъ сама слышала. Я, знаете, въ уборную вышла, и тамъ дѣвушка; я и говорю, пожалуй, мнѣ милая, воды, а я отдохну. Она говоритъ: «вотъ здѣсь, диванчикъ, за драпировкой». Я тамъ сижу, слышу вошла сама Грашкова, дочь и Катерина Михайловна, и шепчутся. Ядумаю, не пойду-жъ я теперь, узнаю я ихъ секреты, что будетъ... Сама дочерей выдавала, какъ мнѣ не знать, помилуйте! Слышу, Кат ерина Михайловна объясняетъ, что Өедоръ Алексѣичъ ищетъ руки, и проситъ, и что онъ прекраснѣйшій человѣкъ, и къ новому году изъ департамента еще чинъ пришлютъ коллежскаго... и говоритъ, что ужъ Надина давно все знаетъ... Я подумала: нынче дочери-то, Боже, Боже мой!.. Сама Анна Тимоөеевна Грашкова, моя голубушка, жалко ей: боится, и знаете, такъ это, и не найдетъ, чтобъ ей... такъ! Все это безпокойство такое...

— Помилуйте, прервала m-me Хворостинина:—старую дѣвку, дочь замужъ отдавать, что за безпокойство? радоваться надо.

— Конечно, продолжала m-me Ветлина:— она и рада, она очень довольна была, очень довольна...

— Но это понятно... чувство матери, сказала m-me L., тряхнувъ своимъ розовымъ перомъ.

— Какъ же онѣ покончили? спросила madame D., не любившая отступленій.

— Ну-съ, такъ и покончили. «Коли», говоритъ Анна Тимоөеевна, «вы, Катерина Михайловна, за него ручаетесь, что онъ человѣкъ хорошій, то я ему готова сейчасъ слово дать». А Надежда Васильевна говоритъ: «нѣтъ, пусть онъ завтра поутру пріѣдетъ, и я, говоритъ, согласна». И тутъ, знаете, такъ онѣ Катерину Михайловну обнимали, благодарны очень, потому что, въ самомъ дѣлѣ, вы возьмите; вѣдь это, просто, партія!..

— А наша съ вами партія, видно, кончилась, сказала, подходя, Марья Ивановна Топилина:—я ѣхать хотѣла, да Лиза еще танцуетъ, такъ и осталась. До тѣхъ поръ бы сколько наигрались!

— Съ кѣмъ же намъ? сказала m-me Ветлина.

— Попросить Катерину Михайловну, она бы намъ опять какого нибудь старичка...

— О, вы не очень о старичкахъ, сказала m-me D..—старички-то женятся.

— Кто женится?

— Да вашъ старичокъ, Өедоръ Алексѣичъ; онъ изъ-за преферанса да подъ вѣнецъ.

— На комъ?

— На Грашковой.

— Какъ это такъ?

— Ужъ Катеринѣ Михайловнѣ теперь не до карточныхъ партій, она другія партіи устроиваетъ, прервала m-me Хворостинина. — Annette, поди сюда, прибавила она громче, увидя свою дочь. — Что это у тебя все откололось, коса чуть не валится, точно Надежда Васильевна. Не забудь пойти поздравить ее: она замужъ идетъ.

— Кто такое, Надина?

— Да, Надина. И какая чудесная партія! Өедоръ Алексѣичъ Антоновъ.

— Ай, maman!

— Что, ай?

— Вы такъ больно шпилькой...

— И все выдумываетъ! Если не танцуешь, то поѣдемъ.

— М-г Бѣлягинъ, куда вы спѣшите? сказала, увидя его, m-me L.

— Бѣгу за своей шляпой, отвѣчалъ онъ:— мнѣ пришли сказать, что ко мнѣ пріѣхалъ одинъ прежній товарищъ по училищу. Мы съ нимъ не видались съ выпуска. Онъ здѣсь проѣздомъ на нѣсколько часовъ и остановился у меня. До свиданія.

— Неправда, неправда, неправда, это онъ бѣжитъ, пораженъ ужасной новостью! трагически кричала ему вслѣдъ m-me L.

— Послѣ разскажете ваши новости, отвѣчалъ онъ.

Надина встрѣтилась съ нимъ на половинѣ гостиной. Она казалось сильно взволнованною. Въ самомъ дѣлѣ, кругъ вальса съ Воронскимъ поколебалъ ея рѣшимость, и радость, написанная на лицѣ Катерины Михайловны, говорила ей, что побѣда уступлена слишкомъ дешево. Надина хотѣла испытать счастье еще разъ.

— Вы идете въ залу? спросила она Бѣлягина.

— Я уѣзжаю.

— Ради Бога, вы встрѣтите Воронскаго; я буду въ уборной: скажите ему, чтобъ онъ пришелъ туда—мое счастье, его счастье отъ этого зависитъ... Вы человѣкъ благородный, прибавила она, видя, что Бѣлягинъ растерялся отъ удивленія, и положила руку ему на руку.

— Извольте, скажу, отвѣчалъ онъ, торопясь уйти.

Въ залѣ онъ не нашелъ Воронскаго... Поклонясь Нинѣ издали, Бѣлягинъ прошелъ въ комнату молодого хозяина.

Молодой хозяинъ былъ веселъ необыкновенно; онъ что-то разсказывалъ нѣсколькимъ молодымъ людямъ.

— Тогда, господа, милости просимъ ко мнѣ, заключилъ онъ, при появленіи Бѣлягина.

— Счастливецъ этотъ Воронской? вскричалъ Пестовскій.

— Тогда ужъ мы не будемъ, конечно, жить съ маменькой, продолжалъ Воронской:—оно и ненужно; у нея свое состояніе, которое, конечно, современемъ перейдетъ тоже ко мнѣ.

— Одну минуту... сказалъ ему Бѣлягинъ.

Онъ повторилъ ему тихо приглашеніе Надины.

Физіономія Воронскаго измѣнилась, глаза его раскрылись до невѣроятія.

— Нѣтъ, но что-жъ мнѣ дѣлать? сказалъ онъ.

— Это ужъ до меня не касается, отвѣчалъ, уходя, Бѣлягинъ.

— Нѣтъ, но послушайте... Бѣлягинъ, согласитесь, это очень странно... нѣтъ, но я несчастнѣйшій человѣкъ... потому что маменька... Послушайте, онъ удержалъ Бѣлягина въ дверяхъ:—послушайте, я говорилъ ей, я ей клялся, что ее люблю, но маменька...

— Ахъ, какъ знаете! вскричалъ Бѣлягинъ и уѣхалъ.

III.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Антоновъ проснулся на другой день въ десять часовъ. Это было такое отступленіе отъ обыкновеннаго порядка, что онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда, вышедши изъ кабинета, взглянулъ на стѣнные часы, тридцать лѣтъ украшавшіе его залу и тридцать лѣтъ акуратно доносившіе ему о времени службы, обѣда и успокоенія. Онъ остановился передъ ними съ нѣкоторой задумчивостью, поглядѣвъ на ихъ хитрую рѣзьбу, полинялую позолоту, желтоватый циферблатъ, на которомъ крупно и четко красовался 1769 годъ, на маленькія гири съ тонкими цѣпочками, на все, что постоянно всякій день вызывало его добрую улыбку, что заставляло его всегда говорить своему камердинеру: «Погляди, Степанъ, восьмидесятый годъ часамъ, а какъ идутъ, чудо какъ идутъ!»

Въ это утро онъ тоже позвалъ Степана.

— Сходи къ часовщику, на Большой улицѣ, спроси, что онъ возьметъ за тѣ стѣнные часы, что ему привезли изъ Москвы на той недѣлѣ.

— Утромъ прикажете пойти? спросилъ удивленный Степанъ.

— Да, а оттуда зайди въ лавки и спроси обои, самые хорошіе обои, чтобъ сюда нѣсколько кусковъ отпустили посмотрѣть, какіе есть, лучшіе.

— Я схожу, какъ вы уѣдете.

— Куда?

— А въ присутствіе.

— Я не поѣду въ присутствіе, отвѣчалъ Ѳедоръ Алексѣевичъ съ небольшимъ смущеніемъ.

— Такъ кучеру можно со двора уйти?

— Нѣтъ, пусть не уходитъ, я часовъ въ двѣнадцать поѣду, а ты поди.

Ѳедоръ Алексѣевичъ сѣлъ у окна. Провести утро дома, ему, человѣку постоянно занятому, было дѣломъ необыкновеннымъ; приказанія, которыя онъ сейчасъ отдалъ, были тоже необыкновенны: они были слѣдствіемъ необыкновенной думы, сильной, почти мучительной, которая вчера преслѣдовала его до послѣдней минуты бодрствованія, а сегодня первая влетѣла въ его голову при пробужденіи. «Рѣшительный день», сказалъ онъ самъ себѣ со вздохомъ.

Но онъ былъ очень счастливъ и ни на что не промѣнялъ бы своего настоящаго безпокойства. Ему ужъ чудился шелестъ шелковаго платья въ другихъ комнатахъ, звукъ рояля въ комнатѣ за гостиной, его настоя-

щей спальнѣ, которую онъ былъ намѣренъ преобразить въ дамскій кабинетъ, и непремѣнно съ ярко палевой мебелью и драпировками: палевый цвѣтъ идетъ къ брюнеткамъ. Домъ ужъ не казался ему пустъ, хотя ему было совѣстно отъ безпорядка и запустѣнія, которые онъ какъ будто въ первый разъ замѣтилъ. Онъ съ наслажденіемъ думалъ, что на окнахъ будутъ цвѣты, на его письменномъ столѣ женская работа, что къ нему, занятому дѣлами въ кабинетѣ, будетъ долетать веселый говоръ гостей, что у него все будетъ, какъ у другихъ, и веселье, и гости, что онъ не будетъ, какъ теперь, одинъ, что передъ нимъ всегда будетъ его кроткая, милая Наденька... Совѣтникъ вдругъ замѣтилъ, что эти мечты ему не къ лицу, что, въ ожиданіи 12-ти часовъ, можно бы заняться хоть дѣломъ, которое онъ взялъ перечитать изъ палаты, но дѣло не шло ему въ голову. Онъ даже не поднялся съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не отворилась дверь.

Ѳедоръ Алексѣевичъ отправился встрѣчать; въ эту минуту гость былъ ему не по сердцу.

Это былъ Бѣлягинъ, съ портфелемъ въ рукахъ.

— Здоровы ли вы, Ѳедоръ Алексѣичъ? Я отъ предсѣдателя: онъ проситъ васъ убѣдительно заняться вотъ этимъ дѣломъ, по раздѣлу Егорскихъ. Такая путаница — конца нѣтъ. Докладъ — не поймешь, чего они хотятъ... Я думалъ застать васъ въ палатѣ; говорятъ, вы не пріѣзжали... Здоровы ли вы?

— Такъ, Николай Андреичъ, нездоровится, со вчерашняго, знаете: обыкновенно, какъ старикъ, съ вечера пляшешь, утромъ не встанешь... Вы сами-то, батюшка, хороши.

— Я и не ложился, у меня былъ мой товарищъ изъ школы и только сегодня въ восемь часовъ уѣхалъ... Если вамъ можно, Ѳедоръ Алексѣичъ, займитесь теперь; я вамъ прочту замѣтки, которыя сдѣлалъ на докладѣ предсѣдатель: хоть что нибудь да впередъ.

— Пожалуй, пойдемте, сказалъ совѣтникъ, взглянулъ на часы.

— Быть можетъ, вы куда нибудь собираетесь?

— Нѣтъ... Да куда-жъ? Вотъ развѣ часовъ въ двѣнадцать... съ визитами я думалъ...

Бѣлягинъ посмотрѣлъ на своего начальника, который ровно два раза въ годъ, въ Рождество и на Святой ѣздилъ съ визитами.

— Въ двѣнадцать рано, если хотите ѣхать, сказалъ онъ:—всѣ еще спятъ послѣ бала.

— Вы полагаете рано?

— Да. Вотъ въ часъ, въ два.

— Мнѣ по дѣлу нужно, сказалъ нерѣшительно совѣтникъ. — А пріятный вчера вечеръ былъ, продолжалъ онъ, садясь въ кресло и видя, что Бѣлягинъ открываетъ портфель.

— Да, довольно оживленъ. Вы долго оставались?

— До четырехъ часовъ. Я тамъ ужиналъ!

— Вотъ какъ!

— Во вкусъ вхожу, батюшка; [начинаю понимать, отчего молодежь отъ баловъ безъ ума.

Бѣлягинъ улыбнулся. Совѣтникъ былъ, видимо, нерасположенъ заниматься раздѣломъ Егорскихъ, потому что остановилъ молодого человѣка, когда тотъ хотѣлъ читать.

— Не прощу себѣ никогда, Николай Андреичъ, что свою молодость суркомъ провелъ, право. Сидишь, сидишь на службѣ, а что проку? Ну, конечно, польза, а для души-то что? Конечно, доволенъ, что иногда, если случится, добро сдѣлаешь, да сердце-то что? Вѣкъ свой старикъ, какъ родился старикъ, и никакой этой радости вашей не знаешь. Вы думаете я, какъ другіе, смѣюсь, или злюсь, когда вижу, что молодежь прыгаетъ, любезничаетъ. И — никогда! мнѣ завидно. Вѣдь совѣстно въ этомъ признаться, вѣдь, неправда ли, совѣстно, любезный мой Николай Андреичъ?

— Что-жъ совѣститься, лучше сказать правду, отвѣчалъ Бѣлягинъ, котораго это признаніе озадачило.

— Нѣтъ я знаю, что совѣстно; а если теперь говорю, то потому, что я васъ люблю, Николай Андреичъ; я не по лѣтамъ вашимъ васъ уважаю. Вы надо мной смѣяться не станете.

Онъ протянулъ руку молодому человѣку, который пожалъ ее съ чувствомъ.

— Вы не подумайте, чтобъ мнѣ приходила охота въ плясъ пуститься — Боже сохрани! а такъ, скучно... Иной разъ подошелъ бы къ вамъ, молодежи, поразспросилъ бы васъ, что у васъ дѣлается, да нѣтъ, совѣстно, и вы-то въ компанію не примете.

— Почему-жъ, Ѳедоръ Алексѣичъ? вы сами знаете, что вы не какой нибудь строгій, взыскательный старикъ...

— Нѣтъ, батюшка! Въ компаніи тому хорошо, кто самъ что нибудь можетъ разсказать про себя, а я что скажу. Вѣкъ свой толь-

ко я зналъ, что справки да исходящія, такъ на справкахъ и остался.

Совѣтникъ разсмѣялся, чтобъ вызвать смѣхъ своего гостя.

— И мы тоже чаще всего только на справкахъ остаемся, отвѣчалъ Бѣлягинъ, взявшись опять за докладъ.

— Ну, вотъ, возразилъ совѣтникъ: — этому позвольте не повѣрить. Вы, напримѣръ—нельзя, чтобъ вы не имѣли чего нибудь на душѣ—вы мнѣ позволите васъ откровенно спросить: любите ли вы какую нибудь дѣвицу?

Предлагая этотъ вопросъ, совѣтникъ былъ самъ сконфуженъ, какъ дѣвушка. Бѣлягинъ разсмѣялся.

— То есть, влюбленъ ли я, сказалъ онъ.— Да; я откровененъ, потому что вы сами откровенны.

— Нѣтъ, что-жъ, вѣдь я вамъ ничего не сказалъ... И вы, конечно, имѣете надежду?..

— На это я вамъ ничего не могу сказать.

— Позвольте, Николай Андреичъ, какъ же докладъ? сказалъ совѣтникъ послѣ минутнаго молчанія.

Бѣлягинъ развернулъ тетрадь; съ полчаса продолжалось чтеніе, прерываемое только замѣчаніями совѣтника, случавшимися большею частью невпопадъ. Наконецъ оно прервалось приходомъ камердинера.

— Ходилъ, сударь, къ часовщику...

— Извините, Николай Андреичъ... Такъ прямо и прерываетъ, спросилъ бы, можно ли... Я сейчасъ, Николай Андреичъ.

Бѣлягинъ остался одинъ. Глядя на бумаги съ лѣнью человѣка, который не спалъ всю ночь, онъ думалъ о другомъ. Прежде всего о совѣтникѣ. Пропустивъ сначала безъ вниманія его нерѣшительную полуисповѣдь, Бѣлягинъ припомнилъ ее теперь, и ему стало жаль старика. Такое доброе и прекрасное сердце стоило быть любимымъ и любить въ пору, но молодость прошла безъ чувства, существованіе котораго было забыто среди суроваго труда. Теперь, почти кончая жизнь, старикъ оглянулся, чего ему недоставало въ жизни, и пожалѣлъ, и Бѣлягинъ былъ далеко отъ того, чтобъ улыбнуться этому позднему сожалѣнію. Оно было высказано такъ просто и добродушно, въ немъ было столько совѣстливости и какъ будто стыда передъ самимъ собою; человѣкъ какъ будто просилъ прощенія въ томъ, что теперь, на старости лѣтъ, осмѣливался примѣрять на себѣ молодой нарядъ, въ томъ, что пожалѣлъ, что не былъ вполнѣ человѣкомъ. Бѣлягинъ всегда цѣнилъ всякое чувство; теперь, любя самъ и счастливый, онъ былъ еще способнѣе на участіе. Этотъ обветшалый домъ, этотъ кабинетъ, заваленный утомительными дѣлами, этотъ добрый, одинокій старикъ — все было такъ противоположно съ веселой жизнью, которая рисовалась въ его воображеніи съ вчерашняго вечера, и о которой онъ говорилъ съ другомъ-товарищемъ, пріѣхавшимъ къ нему въ эту ночь, будто нарочно, чтобъ выслушать признанія, даже мечты, потому что любовь не можетъ быть безъ нихъ—да безъ нихъ въ ней не было бы и прелести.

Окружить любовью и попеченіями милую, прекрасную женщину, сходиться съ нею въ каждой мысли, въ каждомъ желаніи, раздѣлять и исполнять ея прихоти, владѣть ея умомъ такъ, чтобъ она вѣровала въ насъ и покорялась нашей душѣ, какъ будто своей собственной, звать своимъ то сокровище, которому завидуютъ другіе — это прекрасная мечта, и ею нельзя не увлечься. А когда эта мечта такъ близка къ дѣйствительности, когда все зависитъ отъ Нины, и она его любитъ... Черезъ мѣсяцъ, не больше, будетъ здѣсь ея отецъ, и тогда...

Бѣлягинъ мечталъ; это утро по справедливости можно было бы назвать утромъ мечтаній.

Совѣтникъ прервалъ ихъ своимъ приходомъ. Онъ держалъ въ рукахъ свертокъ обоевъ; за нимъ камердинеръ несъ еще нѣсколько другихъ.

— Помогите мнѣ, Николай Андреичъ, вотъ, надо выбрать... Положи ихъ всѣ сюда на столъ, Степанъ... Мы покуда оставимъ бумаги, Николай Андреичъ, въ голову что-то нейдетъ; признаться, нездоровъ я сегодня. А вотъ пожалуйте, посмотрите, въ залѣ часы новые, хороши, вѣрны, кажется. Мои ужъ куда врать стали, разсердился, купилъ новые... Вотъ эти обои, кажется, лучше всѣхъ будутъ... палевые съ букетами.

— Вы хотите отдѣлать этотъ кабинетъ?

— Нѣтъ-съ... весь домъ. Знаете, надоѣло. Темно такъ, тоска беретъ. Такъ вотъ эти... въ ту комнату...

— Въ вашу спальню?

— Нѣтъ-съ... вѣдь тогда она ужъ не будетъ спальня.

— Такъ вы перемѣститесь? Это лучше.

— Кружевные?.. Видите ли, Николай Андреичъ, у васъ столько вкуса, вы знаете, что и какъ дѣлается... вотъ и драпировки...

— Вы непремѣнно хотите палевую комнату?

— Непремѣнно палевую.

— Ну, и драпировки палевыя.

— Я полагаю, шелковыя.

— Для шелковыхъ драпировокъ ваша мебель не годится.

— Я выпишу-съ... изъ Москвы... Наскучило, вовсе наскучило, такъ все обветшало, старо. Капризъ пришелъ: проснулся сегодня — не глядѣлъ бы на свои комнаты. Тамъ же, у меня въ спальнѣ, на обояхъ все китайцы какіе-то, пестрота... Оно, впрочемъ, и не капризъ желать, чтобъ было какъ у людей—не правда ли, Николай Андреичъ?

— Конечно. Имѣть хорошенькій домъ пріятно.

— Ну, вотъ, я зналъ, что вы такъ и скажете... А въ той комнатѣ, въ простѣнкѣ, я полагаю, большое зеркало...

— Но тамъ есть зеркало у васъ, и прекрасное.

— Нѣтъ-съ, ужъ куда!.. что это, зеркало въ вершокъ! трюмо, я думаю, псишé—такъ оно называется?

— Что вы, Θедоръ Алексѣичъ, развѣ это кабинетъ для дамы?

— Нѣтъ-съ... но чтобъ можно было во весь ростъ видѣть... А тутъ еще, знаете, лѣстнички, и бездѣлки разныя, плющъ...

Совѣтникъ готовился сказать рояль и остановился.

— А въ гостиную, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія: — дикіе съ розовыми цвѣточками — хорошо будетъ?

— Пожалуй. А въ залу всего лучше бѣлые, glacé...

— Въ самомъ дѣлѣ! Бѣги же, Степанъ, не перепутай: эти, эти и эти... Я заѣду сегодня и расплачусь... Это будетъ нарядно, Николай Андреичъ?

— Очень нарядно, такъ что хоть вечера давать.

— Мы и сдѣлаемъ вечеръ-съ, непремѣнно сдѣлаемъ, какъ только...

— Да что вы такъ роскошничаете, Θедоръ Алексѣичъ?

— Такъ-съ... Вчера какой пріятный вечеръ былъ у Катерины Михайловны...

Совѣтникъ сѣлъ въ свое кресло и съ минуту задумался; по улыбкѣ, которая бродила по лицу его, было замѣтно, что это раздумье было воспоминаніе прошлаго бала. Бѣлягинъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. Совѣтникъ это замѣтилъ.

— Что вы, батюшка, смотрите?

— Такъ, Θедоръ Алексѣичъ. Извините, а мнѣ странно, что все это васъ такъ занимаетъ, и ваши хлопоты...

— То есть, вамъ такъ и хочется сказать: «чего ты, старикъ, съ ума сошелъ?» Что дѣлать! съ ума сошелъ я, батюшка! грѣхъ такой... впрочемъ, какой тутъ грѣхъ?.. Вѣдь всѣ были молоды и веселы, буду же я молодъ и счастливъ на старости, возьму свое... Конечно, я, можетъ быть, смѣшно берусь, ничего не понимаю...

— Не совсѣмъ понимаете, добрый мой Θедоръ Алексѣичъ. Пріятно имѣть хорошій домъ для того, чтобъ жить въ немъ покойно; на балахъ иногда весело, но все это не счастье. Я человѣкъ ужъ нисколько неразочарованный, а тоже скучаю подчасъ.

— Странные вы люди, нынѣшняя молодежь, сказалъ совѣтникъ: — скучать на балахъ! Не спорю: безъ цѣли; а вѣдь я говорю о чувствѣ. Кромѣ молодости, у васъ есть любовь. Мнѣ случалось читать романы; не писали бы того, что не бываетъ. Препятствія, ревность, взаимность, вѣдь это все такъ хорошо...

— Да, отвѣчалъ, улыбаясь, Бѣлягинъ:— это хорошо и, можетъ быть, бываетъ, только не у насъ.

— Что вы, что вы! да чѣмъ же нашъ городъ такой несчастный, что ужъ въ немъ и людей нѣтъ? чтобъ въ немъ ни одинъ молодой человѣкъ, ни одна молодая дѣвица не любили другъ друга?.. Да вы-то сами сейчасъ сказали, что любите.

— Очень люблю, повторилъ Бѣлягинъ,— но это еще ничего не значитъ.

— Какъ, ничего не значитъ?

— Кромѣ себя я больше никого не знаю.

— А, вы не знаете! Это тоже ничего не значитъ. Въ нашъ вѣкъ стали скрытнѣе, конечно, громко не объясняются, при всѣхъ въ обморокъ не падаютъ, а посмотрѣть вблизи, такъ вѣрно найдутся. Люди, какъ были, такъ и всегда будутъ, батюшка; я хоть самъ не испыталъ, а понимаю. И нынче, вѣрно, есть такіе, что готовы преодолѣвать всѣ препятствія, на край свѣта летѣть, и жестокіе родители, и все... Такъ и на вчерашнемъ вечерѣ...

Бѣлягинъ расхохотался; ему живо вообразился Воронской въ ту минуту, какъ онъ передавалъ ему приглашеніе Надины придти въ уборную.

— Чему-жъ вы, батюшка, смѣетесь? Конечно, я не такъ выросъ, какъ всѣ люди, не такъ жилъ, все не такъ, я ничего не знаю... вы меня извините, если я не такъ и сужу...

— Извините меня, ради Бога, Θедоръ Алексѣичъ, отвѣчалъ Бѣлягинъ, продолжая смѣяться:—но что-жъ дѣлать, я не могъ

выдержать, вы мнѣ напомнили презабавную сцену...

— Въ комедіи какой нибудь!

— Нѣтъ, вчера... Вотъ бы вамъ посмотрѣть, вы тогда стали бы говорить о чувствахъ! вотъ вамъ любовь: Воронской, который самъ не знаетъ, любить ли ему Надежду Васильевну Грàшкову, до того онъ боится своей матери, которая объ этомъ слышать не хочетъ,—а Надежда Васильевна, дѣвушка умная, ловкая, которая добивается и добьется своего: выйдетъ замужъ за Воронскаго, несмотря на то, что онъ недалекъ, не смотря на то, что его маменька...

Бѣлягинъ не кончилъ, потому что взглянулъ на своего совѣтника.

Для молодого человѣка вдругъ что-то объяснилось, и нельзя описать его удивленія, смущенія, досады на свою неловкость и глупаго смѣха, который схватилъ его за горло, и помѣшалъ сдѣлать еще глупость—извиниться въ томъ, что было сказано. А Бѣлягинъ чуть не извинился—такъ было жалко поражено, огорчено лицо совѣтника, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ уморительно, что, взглянувъ на него въ другой разъ, молодой человѣкъ расхохотался самымъ школьническимъ, неудержимымъ смѣхомъ...

Укротивъ свой порывъ, онъ началъ извиняться, остановился, внутренно назвалъ себя осломъ, старался какъ нибудь собрать и устроить свою физіономію, не успѣлъ, взялся за перчатки и сѣлъ молча, каждую минуту еще больше конфузясь оттого, что ему каждую минуту сильнѣе хотѣлось смѣяться.

Совѣтникъ сидѣлъ тоже и складывалъ въ тысячу складокъ пустой конвертъ, взятый имъ со стола.

— Ради Бога, извините, сказалъ Бѣлягинъ:—я хохочу, какъ сумасшедшій, повѣрьте...

— Нѣтъ, что-жъ... оно въ самомъ дѣлѣ смѣшно, отвѣчалъ онъ, улыбаясь нерѣшительно.

Но тутъ взглянулъ онъ прямо въ еще смѣющееся лицо Бѣлягина, и спросилъ:

— Только, что-жъ смѣшно-то, Николай Андреичъ?

Бѣлягинъ покраснѣлъ; онъ видѣлъ, что его догадка была отгадана.

— Что смѣшно? что эта барышня кокетничаетъ, или что я, на старости лѣтъ...

— Смѣшна моя собственная глупость, отвѣчалъ откровенно молодой человѣкъ:—и если вы меня въ самомъ дѣлѣ любите, Ѳедоръ Алексѣичъ, вы меня простите.

Онъ протянулъ руку, совѣтникъ пожалъ ее.

— Вотъ видите, а я радъ, что вы смѣялись. Теперь вижу, жаль, что поздно, спроси я васъ прямо, какъ благороднаго человѣка, вы бы мнѣ сказали правду, и я бы въ дуракахъ не былъ, а теперь я въ чистѣйшихъ... Я теперь ясно вижу, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—что все это хитрости. Никогда не имѣлъ я дѣла съ дамами, немудрено, что попался... Мнѣ сватала Надежду Васильевну Катерина Михайловна...

— Катерина Михайловна! повторилъ Бѣлягинъ.

— Да, и какъ увѣряла... Что дѣлать! Это три недѣли продолжается. Она вѣрно боялась, чтобъ сынъ не женился, и женила меня... Слышите, просила, чтобъ я сына научилъ, наставилъ; говорила, что она тоже его хочетъ устроить... женить, что ли.

— Женить, непремѣнно женить! прервалъ Бѣлягинъ, вдругъ озаренный мыслію:—теперь я тоже понимаю!

— Что-жъ мнѣ-то дѣлать? сказалъ совѣтникъ.

— Какъ что? не жениться.

— Легко сказать, Николай Андреичъ. Бываютъ глупости: ну, вотъ и моя глупость на лицо вамъ—смѣйтесь! Мнѣ нравится Надежда Васильевна... я было думалъ... свой домъ, молодая хазяйка, дѣти, покой... Вѣдь это дурачество, и не по лѣтамъ—такъ ли, не по лѣтамъ?

— Нисколько не дурачество и очень по лѣтамъ. Счастье всякому позволено.

— Нѣтъ! нѣтъ! Вотъ вамъ доказательство: затѣялъ, самъ не зналъ что, такъ ничего и не вышло... Ну, что-жъ, буду сидѣть одинъ, буду ѣздить въ палату... Такъ тридцать лѣтъ прожилъ, видно такъ доживать приходится... Только, какъ же это такъ?.. а я думалъ... Николай Андреичъ, навѣрно вы знаете, что она занята Воронскимъ?

— Навѣрно знаю, Ѳедоръ Алексѣичъ.

— Когда-жъ вы узнали?

— Да я давно зналъ, а вчера убѣдился.

— Такъ... но зачѣмъ же онѣ мнѣ приказали вчера, чтобъ я сегодня пріѣзжалъ формально свататься, что отказа не будетъ?

— Этого я не понимаю.

— Батюшка, а я еще меньше понимаю. Вы человѣкъ опытный, вы ихъ козни знаете, а я что? Первый разъ взялся за дѣло, лучше бы и не браться!

— Это еще какая нибудь уловка.

— Что-жъ мнѣ, ѣхать?

— Не ѣхать.

— Да какъ же быть?

— Никакъ. Не ѣздить ни сегодня, ни завтра, не свататься—и все тутъ.

— Да какъ же я съ ними встрѣчусь, какъ глаза покажу?..

— Кому?

— Катеринѣ Михайловнѣ.

— А Богъ съ ней! Неужели вы не видите, что теперь обмануты вы, а тогда будетъ одурачена она?

— Да все-жъ... неловко. Какъ такъ, въ одномъ городѣ... Не попроситься ли, чтобъ перевели?..

— Что вы, Ѳедоръ Алексѣичъ!

— Такъ, хоть бы на-время куда нибудь... въ командировку, что ли? Да нѣтъ и дѣлъ такихъ...

Отчаяніе совѣтника опять становилось комическимъ.

— Я, знаете, подамъ въ отпускъ... Сегодня въ вечернее присутствіе, будто въ Москву, по своимъ дѣламъ.

— Помилуйте, Ѳедоръ Алексѣичъ, изъ чего вы себя мучите?

— Нѣтъ-съ, ужъ я знаю. Сами представьте, если это ужъ кому нибудь извѣстно...

— Навѣрное, это всегда такъ бываетъ.

— Вотъ, вотъ! а вы говорите, что я себя мучу? Нѣтъ, батюшка, я ужъ знаю... Мнѣ некуда теперь голову преклонить рѣшительно... Вотъ, скажутъ, старый выдумалъ какія вещи, домъ убираетъ... Вы думаете, въ лавкахъ не знаютъ? А я еще велѣлъ сейчасъ Степану къ портному зайти, спросить сколько нужно... Да вотъ, вотъ...

Новые часы, поставленные въ залѣ, пробили два. Въ эту-жъ минуту вошелъ Степанъ; за нимъ мальчикъ изъ лавки несъ ящикъ съ обоями.

— Вотъ, сударь, они мальчика прислали: коли угодно, теперь расчесться; они говорятъ: нечего барину безпокоиться, заѣзжать самому.

Совѣтникъ глядѣлъ на ящикъ, на мальчика, на Бѣлягина.

— А это, сударь, отъ генеральши вамъ записку принесли. Извольте. Я, сударь, извозчика бралъ по этому случаю, что ящикъ-то не донесешь...

Записка была отъ Катерины Михайловны.

«Полагаю, мой почтенный другъ, что вы ужъ возвратились по извѣстному дѣлу, и посылаю узнать, какой результатъ?»

— Отвѣтъ прикажете?

— Кланяйся и благодари, сказалъ совѣтникъ, окончательно потерянный.

— Портной, сударь, говоритъ, если угодно всю пару...

— Дай мнѣ одѣться, вскричалъ совѣтникъ, мгновенно оживляясь. Ваша лошадь здѣсь, Николай Андреичъ?

— Здѣсь.

— Такъ вы меня довезете до палаты... мнѣ лишь бы успѣть съ отпускомъ...

Кто опишетъ послѣдствія этой, повидимому, простой, но многозначительной сцены?

Въ домѣ Гра̀шковыхъ съ утра готовились къ чему-то необыкновенному: m-me Гра̀шкова «на всякій случай» заказала парадный обѣдъ, а супругъ ея, посовѣтовавшись съ нею, тоже «на всякій случай» пригласилъ къ обѣду нѣсколько изъ своихъ болѣе короткихъ знакомыхъ. Меньшія дѣти были завиты и уволены отъ класса, исключая одной маленькой Лизы: m-lle Nadine заблагоразсудила занять ее урокомъ на фортепьяно, начиная съ 11 часовъ утра и до неопредѣленнаго часа, когда долженъ былъ явиться жданный гость. Встрѣча готовилась эфектная: едва бы растворилъ онъ дверь въ залу, какъ его взорамъ представилась бы малютка, прилежно занятая, и внимательная, добрая, прекрасная наставница въ пышномъ, золотистомъ платьѣ въ тысячу оборокъ, граціозная, стройная, такъ что позавидовали бы сильфы...

Но урокъ Лизы непрерываемый, продолжался до 4-хъ часовъ, пока явились гости, званые къ обѣду. Надина встала съ своего мѣста, блѣдная и съ мрачнымъ волненіемъ во взорѣ, захлопнула крышку рояля и пошла въ свою комнату.

Въ гостиной, нѣсколько-потерянная, madame Гра̀шкова сказала ей, когда она проходила:

— Что-жъ это такое?

— Что «что такое»?

И шумъ колеблящихся оборокъ раздался ужъ въ корридорѣ.

За обѣдомъ поведеніе хозяевъ было нѣсколько необъяснимо. Г-нъ Гра̀шковъ смотрѣлъ, какъ будто ему въ ту ночь привидѣлся страшный сонъ, а г-жа Грашкова, какъ будто ужъ испытала на себѣ исполненіе предвѣстій этого сна. Надина была оживлена необыкновенно, хотя въ ея рѣчахъ даже въ ея движеніяхъ проглядывалъ сарказмъ и почти сомнѣніе въ человѣчествѣ.

Послѣ обѣда она уѣхала кататься.

При возвращеніи мать встрѣтила ее словами:

— Надечка, сейчасъ былъ Пыжовъ, сказывалъ, что онъ сегодня утромъ не былъ въ палатѣ, и Бѣлягинъ къ нему на домъ

ѣздилъ съ бумагами; видно дѣло задержало. Вѣрно пріѣдетъ вечеромъ.

Вечеръ прошелъ въ ожиданіи...

Но что разсказывать эти томительныя минуты! На другой день, утромъ, m-me Грашкова вошла въ комнату своей еще спящей дочери, присѣла на ея постель и разбудила ее словами:

— Надечка, вѣдь онъ уѣхалъ!

— Кто уѣхалъ? куда уѣхалъ? вскричала, просыпаясь, Надина.

— Да Θедоръ Алексѣичъ... Наша няня, Авдотья, знаетъ его кучера, крестила съ нимъ; я ей сказала, чтобъ она сходила пораньше, такъ будто за своимъ дѣломъ...

— Ну, что-жъ такое?

— Ну, и говоритъ: уѣхалъ въ ночь, вчера отпускъ взялъ и въ Москву уѣхалъ...

— Боже мой! что-жъ это?..

Ударъ былъ жестокъ; первое впечатлѣніе не сдѣлалось слабѣе, когда его уяснили и разобрали, когда стали разыскивать, кто и что могло быть причиной такого несчастія. Когда призвали на помощь опытность, эту горькую мудрость человѣка, то увидѣли, что причиной бѣдствій часто бываютъ сами наши друзья, а потому положено было, что г-жа Грашкова отправится къ Катеринѣ Михайловнѣ потребовать отчета въ такомъ жестокомъ оскорбленіи.

Катерина Михайловна, сама жестоко обманутая въ своихъ надеждахъ, въ дружбѣ совѣтника, оскорбленная въ самыхъ нѣжнѣйшихъ изгибахъ своего сердца, не ждала, чтобъ еще судъ свѣта сталъ обвинять ее въ коварствѣ... Прождавъ своего друга весь день, вслѣдствіе его изустнаго отвѣта на ея записку, Катерина Михайловна предположила (какъ оно и могло бы случиться въ самомъ дѣлѣ), что другъ обѣдаетъ и проводитъ вечеръ у своей невѣсты.

На завтра движеніе истинно женственное, движеніе участія и любопытства, подстрекало ее послать опять узнать «какой результатъ»; но Катерина Михайловна вспомнила свое достоинство и рѣшилась ждать добровольной откровенности отъ той дружбы, которую она такъ много обязывала. Но время летѣло, а извѣстіе отъ друга не являлось. Катерина Михайловна отослала Сашечку въ должность и занималась работой подлѣ своей дорогой Нины.

Явился Бѣлягинъ, на минуту; онъ привезъ Нинѣ какой-то альбомъ и тоже спѣшилъ въ должность. Катерина Михайловна очень обязательно старалась его удержать, сдѣлавъ Нинѣ знакъ, что ей очень бы хотѣлось, чтобъ онъ отказался. Бѣлягинъ отказался въ самомъ дѣлѣ.

— Сколько дѣла! сказалъ онъ:—Θедоръ Алексѣичъ уѣхалъ и все оставилъ на мои руки?

— Какъ Θедоръ Алексѣичъ уѣхалъ?

— А вы не знаете? спросилъ молодой человѣкъ, и въ его глазахъ, какъ показалось Катеринѣ Михайловнѣ, блеснуло что-то зловѣщее:—сегодня въ ночь, на два мѣсяца въ Москву.

— Θедоръ Алексѣичъ не предупредилъ меня... сказала, замѣтно теряясь, Катерина Михайловна.

— А вамъ угодно было что нибудь поручить ему?

— Да... комиссію одну.

— Если позволите, я напишу ему, онъ далъ мнѣ свой адресъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... я не люблю, чтобъ комиссіями отягощать кого... иногда затрудненія могутъ быть...

— Конечно... До свиданія.

— Прощайте.

Катерина Михайловна осталась одна съ Ниной. Нѣсколько минутъ она сидѣла въ молчаніи, будто пораженная.

— Вотъ, ангелъ мой, люди! сказала она, наконецъ, со слезами на глазахъ: — вотъ дружба! Это вамъ, душечка, урокъ на жизненномъ пути, и слава Богу, что не съ вами, а только въ глазахъ вашихъ это случается!.. Вотъ человѣкъ, Θедоръ Алексѣичъ... Можно сказать, мать такъ о своемъ сынѣ, какъ я о немъ... все, и попеченія принимала и участіе... Но, однако, я истинно не понимаю...

— Чего, Катерина Михайловна?

Катерина Михайловна поняла, однако, что ей не слѣдуетъ въ подробности раскрывать свою душу предъ своей ненаглядной Ниной. Она сказала вкратцѣ:

— Онъ Грашковой руки искалъ, чрезъ меня, и мать и дочь на вечерѣ у меня слово дали, что какъ онъ на другой день пріѣдетъ, такъ и все будетъ рѣшено... А теперь я ужъ и понять не могу. Грашкова такая дѣвица... это ей непростительно такому человѣку отказывать.. Впрочемъ, кто ихъ, душечка, людей узнаетъ!

Катерина Михайловна еще не знала, какое новое затрудненіе ей готовилось.

Ей доложили о пріѣздѣ m-me Грашковой.

Если эти двѣ дамы не были особенно дружны, то не были, однакожъ, врагами. Еслибъ теперь каждая изъ нихъ откровенно созналась въ своихъ чувствахъ, онѣ нашли бы, что ихъ интересы были одинаковы, что же-

ланія одной были желаніями другой: обѣимъ равно хотѣлось устроить Надину; онѣ бросились бы въ объятія одна другой и вмѣстѣ бы плакали; но свѣтскія условія, свѣтскій стыдъ... Впрочемъ, объ этихъ двухъ послѣднихъ предметахъ довольно писано.

М-me Грашкова выѣхала изъ дома съ твердымъ намѣреніемъ узнать истину и отомстить за нанесенное ей оскорбленіе. «Гдѣ совѣтникъ?» готовила она для перваго вопроса. «Шутили вы надо мной?» таковъ былъ долженъ быть второй.

Принявъ твердое намѣреніе, m-me Грашкова вышла изъ своего характера; а извѣстно, что въ такихъ случаяхъ подобные характеры являются ужасны. Она вошла смѣло и рѣшительно. Катерина Михайловна спѣшила къ ней на встрѣчу съ самой милой привѣтливостью; она готовилась поздравить, потому что, почемъ знать? совѣтникъ могъ уѣхать въ Москву и за подарками...

— Какой пріятный сюрпризъ! сказала она.—Чему я обязана, Анна Тимоѳеевна?

— Да вы, я думаю, догадываетесь, вскричала m-me Грашкова: — скажите, на что-жъ это похоже?... Я васъ благодарить пріѣхала, Катерина Михайловна, за расположеніе ваше... много обязана!

— Я васъ не понимаю, кротко сказала Катерина Михайловна, останавливаясь передъ гостьей, которая остановилась среди гостиной.

— Я просто васъ спросить пріѣхала, за кого вы насъ считаете? Что вамъ моя дочь досталась, посмѣшище, что ли? Неблагородно это, сударыня, дурно, нехорошо! Съ чего вы взяли сплетни сплетать и по цѣлому городу пускать? На вечеринкѣ вашей меня сто человѣкъ поздравляютъ съ женихомъ, съ помолвкой, а это только ваша выдумка!... Я вамъ говорю, Катерина Михайловна, что это вамъ такъ не пройдетъ, потому что это не дѣлается, потому что это сплетни, сударыня, и если ужъ намъ приходится по вашей милости терпѣть, то вы меня извините, не прогнѣвайтесь, я цѣлому свѣту разскажу, какъ вы въ свахи пустились, и цѣли ваши раскрою... терпѣть, такъ ужъ вмѣстѣ... Мы вамъ не дуры попались, слава Богу, не позволимъ всякому надъ собой глумиться... Это неделикатно, просто, это такой поступокъ...

— Какая безумная женщина! сказала хладнокровно Катерина Михайловна, съ легкимъ пожатіемъ плечъ и отворачиваясь.

— Я безумная! А вы, сударыня, сплетница, сваха! понимаете ли вы?... И покорно благодарю, мнѣ вашъ домъ не нуженъ, не дорогъ, сударыня, и мнѣ васъ хоть вѣкъ не видать..

— И сдѣлайте одолженіе, возразила Катерина Михайловна, показывая ей двери.

— Право, вы меня не испугаете... И, Боже мой, будьте покойны, я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло...

Но монологи m-me Грашковой были довольно длинны, покуда она переходила изъ гостиной въ залу и далѣе до своей кареты, а потому записать ихъ невозможно.

Катерина Михайловна осталась одна, потому что Нина убѣжала еще при первомъ появленіи посѣтительницы. Оставшись одна, Катерина Михайловна ясно сообразила все происшедшее: ея почтенный другъ бѣжалъ сладкихъ цѣпей брака; но что было причиной его бѣгства, что рѣшило его?—вопросы, на которые отвѣчать было некому...

Этимъ не кончились послѣдствія свиданія Бѣлягина съ совѣтникомъ. Городъ заволновался. Особы, ужъ успѣвшія на вечерѣ Катерины Михайловны поздравить Надину и ея мать, узнавъ внезапный отъѣздъ жениха, заговорили сначала тихо, между собой, въ дружескихъ кружкахъ, потомъ громко, о непостижимости такого происшествія. Оно было странно понято и невыгодно перетолковано для невѣсты, а постепенность перехода толковъ изъ тихихъ въ громкіе была такъ поспѣшна, что къ вечеру второго дня не было гостиной въ городѣ N., гдѣ быужъ не повторялись эти толки.

М-me Грашкова и дочь ея говорили всѣмъ и каждому, кто рѣшался спрашивать объ этой исторіи, что онѣ ничего не знаютъ и не знали о намѣреніяхъ совѣтника; что все это сватовство—сплетни, выпущенныя Катериной Михайловной, неизвѣстно съ какой цѣлью.

М-me Ветлина, бывшая свидѣтельницей переговоровъ изъ-за драпировки уборной Катерины Михайловны, утверждала, что все было порѣшено и положено, что совѣтника ждали на другой день, какъ жениха, и что все это растроилось отъ того, что у Грашковыхъ заложено имѣніе. Г-жа Хлопова раздѣляла это мнѣніе, кромѣ послѣдняго заключенія. Она объяснила своему мужу и зятю, что сама судьба вразумила совѣтника не дѣлать глупости—не жениться.

Сама Катерина Михайловна откровенно и благородно сознавалась, что она дѣйствительно, по долгу дружбы и пріязни, узнавъ, о любви совѣтника, передала Грашковымъ его намѣреніе, но что, вѣроятно, онъ узналъ какова эта дѣвица, и потому уѣхалъ.

M-me L. увѣряла, что она понимаетъ Надину. «Ужасно, ужасно въ эти лѣта связать свою судьбу съ человѣкомъ, который уже отжилъ, который не понимаетъ, словомъ...»

M-me D. оспоривала нѣсколько своего друга; она говорила, что мы живемъ въ вѣкѣ браковъ по разсудку...

И прочее. Дамъ было много, слѣдовательно и толки были безчисленны.

IV.

Катерина Михайловна была очень огорчена, планы ея рушились. Невѣдомая сила лишила ее средствъ сдѣлать безнадежною страсть сына и, слѣдовательно, охладить ее. Безнадежность всегда охлаждаетъ; она подстрекаетъ только рѣдкіе характеры, а характеръ Воронскаго былъ не таковъ, и мать это знала. Она замѣтила, что со дня разрыва съ Грашковыми, онъ сдѣлался не печаленъ, но нѣсколько настойчивъ и наклоненъ къ противорѣчіямъ; и хотя горесть его выражалась только такъ, но и это былъ дурной знакъ. Въ нѣкоторыхъ мелочахъ онъ доходилъ иногда до явнаго неповиновенія; онъ, казалось, перерождался. У всякаго въ жизни бываютъ рѣшительные дни, производящіе переворотъ часто до того крутой, что мы совершенно отрекаемся отъ прежнихъ убѣжденій и принимаемъ другія, совершенно противоположныя. Катерина Михайловна боялась такого переворота, замѣчая его грустныя симптомы. Одинъ разъ они выказались уже очень опредѣленно. Стоя за санями, въ которыхъ катались Нина и Катерина Михайловна, Воронской раскланялся съ Надиной, которую узналъ еще издалека; орлиный взоръ матери видѣлъ даже, что дѣлалось за ея спиною. Надина не отвѣчала на поклонъ; Воронской повторилъ его, когда она подъѣхала ближе, и это былъ поступокъ столько смѣлый, сколько несходный съ прежними, что, по возвращеніи домой, онъ стоилъ Катеринѣ Михайловнѣ сильной сцены и цѣлаго вечера болѣзненнаго утомленія.

Но твердость матери взяла верхъ, и съ утра другого дня Катерина Михайловна уже рѣшила и обдумала свои планы; она немедленно привела ихъ въ исполненіе; она пошла въ комнату Нины, застала молодую дѣвушку еще въ постели, съ книгой въ рукахъ, и начала извиняться, что ее обезпокоила.

— Нисколько, я очень рада, повторяла Нина, удивленная разстройствомъ Катерины Михайловны.

Катерина Михайловна начала цѣловать ее, хвалить ея красоту, ея милый нравъ и, не позволяя ей встать, сѣла на край постели; ласки и нѣжности еще продолжались, какъ вдругъ Катерина Михайловна зарыдала.

Нина вскочила въ испугѣ и принялась разспрашивать.

— Счастливецъ Александръ Антонычъ! восклицала Катерина Михайловна сквозь слезы и прижимая Нину къ груди.—Такое милое, такое хорошее дитя! Нѣтъ, мой ангелъ, не смотрите на меня, вы меня убиваете! я еще больше, еще больше чувствую... все свое несчастье!

— Что съ вами, Катерина Михайловна, скажите мнѣ, не могу ли я...

— Душечка моя! она хочетъ мнѣ помочь! О мой ангелъ! Выслушайте, голубчикъ, я не могу быть съ вами неоткровенна; я когда кого люблю, то я... все! Вѣдь вы знаете, у меня вчера непріятность была съ Сашечкой, вы слышали?

— Нѣтъ, отвѣчала Нина, которая дѣйствительно ничего не знала.

— Какъ же, вечеромъ! За кокетку эту, змѣю, Грашкову! Она его завлекаетъ, а онъ... онъ! это только мать можетъ вынести!.. Я ему говорю: Сашечка, я тебя безъ гроша, душечка, оставлю, если ты не прекратишь, если ты... однимъ словомъ, чтобъ твоя нога тамъ не была... А онъ мнѣ: «маменька, другъ мой, что-жъ мнѣ дѣлать? это мнѣ единственное развлеченіе. Я люблю другую дѣвицу, умную, достойную, и мнѣ не отвѣчаютъ!..» Вообразите, душечка, Сашечкѣ не отвѣчаютъ! «Надина», говоритъ онъ, «мнѣ одна забава; можно сказать я этимъ маскирую свою страсть, истинную... Я, говоритъ, безнадежно страдаю!» И вы замѣтили, душечка, какой онъ всегда, будто потерянный?.. это отъ любви, это онъ подавить въ себѣ старается... Я пристаю къ нему, кто? чтобъ онъ мнѣ сказалъ... Не рѣшился!

— Онъ не сказалъ вамъ?

— Нѣтъ. Но, говоритъ, «безнадежно люблю, мнѣ не отвѣчаютъ». Вы представьте, душечка, каково матери! Сынъ страдаетъ, и не оцѣненъ... Это такое несчастье, такое несчастье!..

Катерина Михайловна зарыдала опять. Нина не могла видѣть равнодушно ея слезъ. Она стала утѣшать ее.

— Мнѣ, душечка, идея пришла. Ночь я не спала, знаете, думаю: еслибъ можно было его разсѣять, лаской, нѣжностью... Чтобъ онъ въ своемъ домѣ...

Рыданія прервали слова несчастной матери.

— Чтобъ онъ въ своемъ домѣ, въ семьѣ, можно сказать, нашелъ утѣшеніе. Помогите мнѣ, принимайте его... Ахъ, вы его не любите!..

— Что вы говорите, Катерина Михайловна!

— Нѣтъ, душечка, нѣтъ, онъ мнѣ самъ сказалъ. «Надина», говоритъ, «я вижу ея кокетство; но это—сочувствіе; я желалъ бы пользоваться дружбой Нины Александровны, но не могу, я замѣчаю такую холодность — вы меня извините мой ангелъ, я его слова вамъ передаю — такую холодность, равнодушіе, что я не смѣю... Еслибъ ея дружба, то я бы могъ... Я бы и въ обществѣ могъ быть иначе, и въ семейномъ кругу...» Но что-жъ вамъ, ангелъ мой...

— Я не понимаю васъ, Катерина Михайловна, что-жъ я могу сдѣлать?

— Позвольте ему сблизиться съ вами, бывать при васъ... цѣлый день. Онъ вамъ будетъ читать; онъ вамъ свои задушевныя тайны повѣритъ... Вы ему другомъ будете. Что-жъ дѣлать! я надѣялась, что я, какъ мать, достойна этого; нѣтъ, говоритъ: «еслибъ молодое сердце, оно бы меня скорѣе поняло, оцѣнило...» Такъ я васъ, душечка, какъ мать прошу... возвратите его обществу, мнѣ его возвратите! я, можно сказать, у ногъ вашихъ... потому что это меня такъ огорчаетъ. и Надина эта... Вы представьте! Еслибъ была такъ огорчена ваша маменька...

Объятіямъ не было счета.

— Вы представьте оставленную мать, продолжала Катерина Михайловна: — еслибъ, Боже сохрани, я это говорю такъ, вы чѣмъ нибудь огорчили вашу маменьку, были недовѣрчивы къ ней... Она была такой ангелъ доброты...

Воспоминаніе матери приводило Нину всегда въ слезы; она обняла Катерину Михайловну, искренно сочувствуя ея одиночеству, которое та описывала такъ краснорѣчиво, и обѣщала сдѣлать все, что будетъ отъ нея зависѣть, чтобъ удержать Воронскаго при себѣ и, слѣдовательно, утѣшить. Воронской былъ удивленъ, когда, вставая изъ-за чайнаго стола съ тѣмъ, чтобы отправиться въ свою палату, а можетъ быть и дальше, услышалъ приглашеніе Нины:

— Подите ко мнѣ, Александръ Иванычъ...

Она стояла въ залѣ у рояля.

— Помогите мнѣ, сдѣлайте одолженіе; у васъ есть свободное время—мнѣ надо списать эти ноты. Займемтесь ими вмѣстѣ сегодня поутру и кончимъ скорѣе.

— Мнѣ надо въ присутствіе, возразилъ онъ.

— Никакого присутствія не надо, сказала Катерина Михайловна, тономъ немного строгимъ для скорбной и неутѣшной матери.—Прикажи отложить сани и оставайся.

Нина удивилась, видя, съ какой горестью принималось развлеченіе, которое она предложила. Катерина Михайловна посмотрѣла вслѣдъ Сашечкѣ, прослезилась, обняла Нину и сказала:

— Онъ просто изумленъ. Одичалъ совсѣмъ... О, моя прелесть!

Чрезъ нѣсколько времени Нина и Воронской сидѣли рядомъ у столика, окруженные нотной бумагой и нотами. Молчаніе царствовало глубочайшее.

— Я и не спросила васъ, сказала Нина, оставляя работу и взглянувъ на своего согнутаго сотрудника;—вы, можетъ быть, не любите писать ноты?

— Ничего, отвѣчалъ Воронской, со скрипомъ выдѣлывая головку двойной крôши.

— Онъ очень любитъ, душечка, отозвалась Катерина Михайловна съ своего кресла, гдѣ она вязала.

Въ такихъ занятіяхъ и столько-жъ оживленныхъ разговорахъ проходило утро. Пріѣхалъ Бѣлягинъ. Онъ думалъ застать Нину, какъ всегда, у окна, съ шитьемъ, сѣсть подлѣ нея и, пользуясь пріѣздомъ другихъ гостей, наговориться съ нею. Онъ ошибся во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ. Его заняла Катерина Михайловна; ему стало скучно, потомъ досадно; онъ уѣхалъ, обѣщавъ себѣ пріѣхать вечеромъ и вознаградить себя за дурное утро.

Но къ вечеру Воронской получилъ наставленія матери. Они произошли послѣ обѣда въ его комнатѣ, куда она явилась такъ же таинственно, какъ являлась утромъ къ Нинѣ, и состояли въ слѣдующемъ:

— Я, Сашечка, не понимаю тебя. Тебя можно, извини меня, кругомъ одурачить. Ты ничего не замѣчаешь. Занялся глупостями и не хочешь видѣть, что кругомъ дѣлается. Замѣтилъ ли ты поведеніе съ тобой Нины Александровны?

— Да что-жъ?

— Какъ что-жъ, ангелъ мой, она отъ тебя безъ ума. А что вы на меня, сударь, смотрите? вотъ какъ, безъ ума! Я сегодня захожу къ ней нечаянно въ комнату, она плачетъ... «Душечка, что съ вами?» — Ахъ, Катерина Михайловна, я считаю дни, которые мнѣ

остается пробыть у васъ; вотъ пріѣдетъ папенька, увезетъ меня, а я такъ къ вамъ привязалась...»

— Что-жъ? вѣдь это она о васъ говорила.

— Душечка, обо мнѣ!.. Развѣ я молодой человѣкъ, развѣ я могу, старуха, сдѣлать, чтобъ ко мнѣ до слезъ привязалась молодая дѣвица? Ты подумай... Да я тебѣ говорю, Сашечка, что это такъ, и что я не допущу, чтобъ ты упустилъ... нѣтъ, я мать... И прошу тебя безъ возраженій! Тебѣ это лестно, такая прелестная дѣвица...

— Что-жъ такое?.. сказалъ Воронской съ маленькой ужимкой.

— Какъ, что?..

Но Катерина Михайловна удержалась. Она рѣшилась попробовать другую систему нападеній; упреки и насмѣшки ей не удавались; она вздумала льстить.

— Конечно, это тебѣ, душечка, не первый разъ. — О, хитрецъ!.. Вы думаете, мы, матери, не видимъ!.. я знаю, это не первая побѣда, да все же... Вѣдь, Сашечка, триста тысячъ... Она молоденькая, конечно, но вѣдь ты съумѣешь ее поставить въ обществѣ, и все... Ну, докажи мнѣ, что ты съумѣешь хоть кого съ ума свести... что это, Грàшкова, старая дѣвка... Э, полно Ну, душечка, прошу тебя... Какой онъ хорошенькій сегодня.

Къ вечеру Воронской не отходилъ отъ Нины. У Катерины Михайловны собрались гости; позднѣе всѣхъ пріѣхалъ Бѣлягинъ.

Онъ промедлилъ по странному капризу, очень понятному для тѣхъ, кто любилъ. Что-то показалось ему не такъ, какъ-то холодно, какъ-то темно поутру, когда онъ видѣлъ Нину. Они были слишкомъ далеки въ это утро, они, которые ужъ привыкли быть близки. Съ бала Катерины Михайловны жизнь ихъ пошла иначе; между ними было все сказано, они любили, они были счастливы. Для нихъ стало необходимостью видѣться какъ можно чаще. Зная, какъ дальновидна Катерина Михайловна, какъ изобрѣтательно N—ское общество, Бѣлягинъ рѣшился быть благоразумнымъ и старался дѣлать свои посѣщенія сколько возможно незамѣтнѣе прежнихъ; онъ только однажды попросилъ позволенія прочесть ей что-то, заставъ ее поутру за работой. Это показалось такъ удобно, такъ пріятно, что стало повторяться, съ разрѣшенія Катерины Михайловны. Она присутствовала при этомъ занятіи; но ей случалось выходить, оставлять молодыхъ людей вдвоемъ, и тогда чтеніе прерывалось долгимъ, безконечнымъ разговоромъ, который пересказать невозможно... Недоразумѣній, недоговорокъ ужъ не было... молодые люди были счастливы. Но ихъ счастье стало ревниво, оно не любило терять минуты; имъ становилось скучно, едва ихъ разлучали посторонніе — а въ это утро они были разлучены такъ глупо! Бѣлягинъ досадовалъ. «Зачѣмъ она занималась этими нотами? что за учтивость съ Воронскимъ! какъ будто не могла его оставить и заговорить со мной». Пришелъ вечеръ; ему стало еще досаднѣе, хоть не ѣхать. Онъ, однако, поѣхалъ...

Нина была занята своими гостями, а Воронской не покидалъ ее.

— Вамъ, должно быть, очень весело? спросилъ ее Бѣлягинъ, найдя минуту сказать ей это тихо.

— Ахъ, какъ скучно!

Этихъ двухъ словъ было довольно, чтобъ возвратить все прежнее. Вечеръ кончился, какъ слѣдовало: Нина и Бѣлягинъ остались довольны другъ другомъ и собою. Катерина Михайловна сдѣлала строгій выговоръ сыну, что онъ: «начнетъ, начнетъ, а кончить не умѣетъ! всякій Бѣлягинъ можетъ его въ тѣнь поставить!»

Она сама пришла поздно вечеромъ опять въ комнату Нины, благодарить свою душечку, ангела, за то, что она успѣла одушевить, утѣшить Сашечка. Тутъ были и слезы... Нина была молода и вѣрила слезамъ. Она любила и радовалась ласкѣ. Во всемъ мірѣ, казалось ей, не могло существовать лжи, потому что ея собственное чувство было искренно. Ласки и слезы Катерины Михайловны сдѣлали то, что, оставшись одна, молодая дѣвушка стала упрекать себя за свою иногда невольную скуку въ домѣ этой достойной женщины, за свои насмѣшки надъ Сашечкой, который, какъ ни смѣшонъ, а способенъ на глубокое чувство, потому что любитъ безнадежно... Нина упрекала себя такъ долго и такъ сильно, такъ благодарила Бога за то, что нашла въ Катеринѣ Михайловнѣ такую преданную и любящую душу, въ Воронскомъ такого добраго и преданнаго друга, что на утро проснулась съ совершенной рѣшимостью любить ихъ какъ можно больше... «Только этимъ, говорила себѣ Нина, могу я хоть немного вознаградить ихъ за все, что они для меня дѣлаютъ».

Что они дѣлали—вопросъ, котораго Нина не касалась.

Слѣдовало бы, однако, о немъ подумать, потому что безотчетная восторженная бла-

годарность заставила Нину создать себѣ нѣчто въ родѣ долга и дать себѣ обѣщаніе исполнить его. Она начала съ слѣдующаго же дня.

Катерина Михайловна, съ своей стороны, какъ будто рѣшилась не только угождать Нинѣ, но отгадывать ея малѣйшія желанія. То, въ одно утро, являлись по почтѣ изъ Москвы цѣлые ящики разныхъ красивыхъ бездѣлокъ, и Катерина Михайловна сама разбирала ихъ на столикахъ и на туалетѣ Нины. Случалось ли Нинѣ, говоря о нарядахъ, придумать какой нибудь—въ слѣдующій же день, уходя въ свою комнату, чтобъ одѣваться для бала, она неожиданно находила это прелестное задуманное ею платье, и Катерина Михайловна бросалась ей на шею, со слезами умоляя ее принять какъ доказательство любви къ ней, какъ память о ея матери, которую Катерина Михайловна старалась замѣнить... Все въ домѣ, казалось, дышало и жило одной Ниной. За всѣ эти заботы Нина могла отплатить одной любовью къ Катеринѣ Михайловнѣ и внимательностью къ Сашечкѣ.

Воронской довольно странно принималъ ея внимательность. Онъ цѣнилъ себя очень высоко, и если не рѣшался быть независимымъ, за то много объ этомъ думалъ. Ему понравилось гордиться предъ особой, которую мать приказывала ему свести съ ума, и которая сама вдругъ стала съ нимъ такъ обходительна. Неизвѣстно, впрочемъ, что собственно онъ думалъ, но послѣ двухъ или трехъ дней, проведенныхъ при Нинѣ и довольно любезно, онъ вдругъ впалъ опять въ свою обыкновенную апатію и сдѣлался еще мрачнѣе прежняго. Такъ какъ прежнія мѣры строгости нисколько не были ослаблены, то онъ не могъ видѣться съ Надиной, тѣмъ болѣе потому, что послѣ своей исторіи Катерина Михайловна и m-me Грашкова не ѣздили другъ къ другу. Надина встрѣчалась съ Ниной въ обществѣ не кланяясь ей, и это было для Катерины Михайловны новымъ случаемъ доказывать, какова эта дѣвица.

— Ну, на меня онѣ, мой ангелъ, сердиты, положимъ; я хоть невинно страдаю... за что-жъ она вамъ смѣетъ дѣлать оскорбленія? Вотъ характеръ, можно сказать! О, я не потерплю...

Понятно, чего не хотѣла потерпѣть Катерина Михайловна; но судьба судила иначе. Судьба лишила ее прозорливости именно тамъ, гдѣ она была болѣе всего необходима...

Бѣлягинъ началъ ѣздить каждый день. Но вѣчная робость Нины, ея нѣжность къ Катеринѣ Михайловнѣ, ея ласковое обращеніе съ Воронскимъ дѣлали, что Катерина Михайловна не замѣчала любви молодыхъ людей. Въ глазахъ Катерины Михайловны Бѣлягинъ былъ и оставался пустымъ человѣкомъ, нелюбезнымъ, потому что его любезность была серьезна; скучнымъ, потому что онъ любилъ заниматься; неучтивымъ, потому что онъ былъ насмѣшливъ; наконецъ, ничтожнымъ, потому что онъ былъ не богатъ. Она принимала его, не обращая на него вниманія, не боясь его соперничества для своего сына. Когда началось его чтеніе съ Ниной, она сказала:

— Пусть онъ, душечка, бываетъ, если не надоѣлъ вамъ; а надоѣстъ, скажите мнѣ: мы не велимъ его принимать.

Когда уѣзжалъ Бѣлягинъ, Катерина Михайловна смѣялась надъ нимъ. Что оставалось дѣлать Нинѣ? У ней не было мужества защитить его; сказать, что она его любитъ—она не смѣла и подумать. Сначала она молчала, потомъ молчаніе стало ей невыносимо; наконецъ она подумала, что оно могло показаться подозрительнымъ, и она стала вслѣдъ за Катериною Михайловною смѣяться за глаза надъ Бѣлягинымъ. Смѣхъ скрывалъ ея раздраженіе; онъ помогалъ взволнованному звуку голоса, помогалъ неловкости. Нина нашла, что это ея единственное прибѣжище; она выучилась хитрить.

Катерина Михайловна подумала, что Бѣлягинъ забавляетъ Нину своими странностями, и была довольна, что это доставляетъ ей удовольствіе. Шутя, она даже совѣтовала Нинѣ пококетничать немножко, чтобъ влюбить въ себя этого сумасброда. Она не боялась, чтобъ эта шутка могла зайти далеко, чтобъ Нина могла сама полюбить Бѣлягина; она знала Нину за существо робкое и не могла предположить, чтобъ такой характеръ могъ привязаться къ характеру столь несходному.

Все шло какъ нельзя лучше и продолжалось недѣли двѣ, когда Бѣлягину вздумалось одинъ разъ оглянуться пристальнѣе на свое положеніе, на Нину... и онъ сталъ вдругъ очень недоволенъ.

Это было въ длинный декабрьскій вечеръ, предъ святками...

V.

У Катерины Михайловны были гости: m-me L. съ племянницей, Марья Ивановна Топилина съ своей Катенькой, и два какіе-то старичка.

Всей любезности Катерины Михайловны

недостало бы, чтобъ оживить это общество. Старички были молчаливы, что она находила весьма неучтивымъ и всегда неосновательнымъ. «Старички», говорила она, «должны подавать примѣръ; неудивительно, что нынѣшняя молодость становится такъ скучна: она не находитъ ободренія въ своихъ старшихъ; поневолѣ станетъ толковать Богъ знаетъ о чемъ»...

Дамы тоже не сходились въ характерахъ: Марья Ивановна Топилина была мать трехъ дочерей, начинавшихъ терять надежду выйти замужъ; m-me L., свѣтская женщина, вдругъ впавшая въ черную меланхолію и отживающая, то есть хуже, нежели отжившая. Переходныя состоянія всегда тяжелѣе опредѣленныхъ.

Чтобъ спастись отъ неминуемой скуки, Катерина Михайловна предложила составить партію и, послѣ тщетныхъ просьбъ m-me L., сѣла сама съ Марьей Ивановной и старичками.

M-me L. отправилась въ залу, къ дѣвушкамъ.

Ея племянница Наташа и Катенька Топилина были вѣчно юны. Каждый проходящій годъ приносилъ имъ новый трепетъ сердца и новыя мечтаньи. Имъ бывало скучно только, когда не было съ кѣмъ болтать; но тутъ былъ Воронской, котораго Нина совершенно имъ уступила. Онѣ схватились подъ руки и ходили ускореннымъ шагомъ по залѣ; Воронской сопутствовалъ имъ, мрачно опустя голову, очень затрудняясь на поворотахъ и скромно отвертываясь, когда дѣвицы, что случалось очень часто, находили нужнымъ сообщить другъ другу какую нибудь необыкновенную тайну; тогда вдругъ онѣ убѣгали отъ него, шептались, хохотали и, возвращаясь къ Воронскому, предлагали ему вопросы, всегда отвлеченные и довольно загадочные.

Между тѣмъ Нина занимала унылую m-me L.; онѣ пересматривали заглавія нотныхъ тетрадей, лежавшихъ на роялѣ.

— Это вы переписывали, m-r Воронской? спросила m-me L., когда онъ, оставленный дѣвицами, поровнялся съ роялемъ.

Никогда не было вопроса проще, но удобнѣе, чтобъ завязать самый интимный разговоръ.

— Вы?.. Какъ вы терпѣливы! Право, нужна снисходительность, чтобъ списывать ноты. Я бы не могла ни для кого сдѣлать этого, еслибъ меня умоляли, просили... я бы не рѣшилась, я это чувствую... я знаю свой характеръ. Это такъ долго...

— Почему-жъ, если есть хорошее перо, отвѣчалъ Воронской.

— Но нѣтъ... вѣрно нужно было много просьбъ, много просьбъ, чтобъ заставить васъ употребить трудъ, время...

Дѣвицы подошли, но Воронской принадлежалъ ужъ m-me L. Она сказала только:

— Ахъ chère Catherine, спойте намъ что нибудь.

И Катенька Топилина еще не успѣла пропѣть двухъ строкъ:

Радость, душечка, красна-дѣвица,
Полюби меня, лебедь бѣлая...

какъ m-me L. ужъ говорила Воронскому:

— Подите сюда, сядемте; вы мнѣ откроете вашу душу.

Оставшись однѣ, дѣвицы восхищались талантами одна другой. Послѣ пѣнія Катеньки заставили играть Нину, такъ какъ Наташа сказала, отпрыгнувъ шага на три, что она ни за что въ мірѣ не притронется къ роялю, что она и дома играетъ только потихоньку, когда уѣзжаетъ дяденька. Играя, Нина замѣтила, что ее никто не слушалъ, что дѣвицы, пошептавъ сначала, возобновили свою прерванную прогулку по залѣ, а m-me L. и Воронской сидѣли въ уголку у столика, очень уютно: тамъ вскорѣ засвѣтилась папироска m-me L., значитъ они расположились надолго.

Нина спросила себя, что ей дѣлать, когда растворилась дверь и вошелъ Бѣлягинъ. Послѣ поклоновъ въ гостиной, онъ воротился въ залу, гдѣ его присутствіе не произвело никакого особеннаго впечатлѣнія: m-me L. продолжала заниматься Воронскимъ, дѣвицы продолжали бродить; когда Нина предложила имъ сѣсть вмѣстѣ, онѣ вскричали въ голосъ, что терпѣть не могутъ Бѣлягина, что это будетъ ужасъ какая тоска!

Нина утомилась, переходя отъ однихъ къ другимъ.

— Несносные люди! сказала она, встрѣтясь съ Бѣлягинымъ, который тоже бродилъ одинъ, иногда заглядывая въ карты.

— Вы, кажется, хотите собрать насъ всѣхъ вмѣстѣ? Изъ чего вы хлопочете?

— Но я хозяйка и должна ихъ занять.

— Они заняты, чего вамъ больше? не хотите ли вы сами скучать по долгу хозяйки? Они свободны, будьте свободны: имъ весело... развѣ вамъ не можетъ быть также весело?

— Какъ это?

— Вотъ вопросъ?.. Извините, я ничего не

спрошу больше... Сядьте здѣсь, сказалъ онъ черезъ минуту тихо и подвигая ей и себѣ стулъ къ роялю. — Вотъ вамъ ноты pour contenance... довольны ли вы? можете ли вы такъ пробыть со мной полчаса?

— За что вы сердитесь? спросила Нина, рѣшась взглянуть на него.

— Согласитесь, есть за что, послѣ этого вопроса. Долго ли мнѣ ободрять васъ, вымаливать у васъ минуты, которыя вы очень легко можете отдать мнѣ, если немножко забудете эти глупыя приличія? Что васъ привязываетъ къ этимъ гостямъ?.. Къ этой Катеринѣ Михайловнѣ, къ этому Воронскому, который не отходитъ отъ васъ? Тысячу разъ въ день вы можете его прогнать отъ себя, нисколько не нарушая приличій...

— Развѣ онъ мѣшаетъ вамъ?

— Онъ мѣшаетъ намъ быть вмѣстѣ... Я пріѣзжаю, хочу васъ видѣть, говорить съ вами, а онъ вѣчно тутъ...

— Я столько обязана его матери, что не могу учтиво отогнать его...

— Вы ей обязаны!.. Прекрасно; однако, вы выказываете характеръ, вы настаиваете въ чемъ нибудь, только въ чемъ?.. Объяснимся, ради Бога. Не вѣчно-жъ мнѣ повторять, что я люблю васъ; любовь и любовь, это ничего не значитъ. Я люблю вашу красоту, вашъ умъ, дарованія... но вы меня мучите... Я предоставлю вамъ полную свободу; вспомните, съ той минуты, какъ я сказалъ вамъ, что люблю васъ, я не смѣлъ давать вамъ ни одного совѣта: я ждалъ, что вы сдѣлаете для нашей любви... Вы молчали, вы были робки попрежнему. Еслибъ я самъ не осмѣлился пріѣхать сюда, сидѣть подлѣ васъ, вы не призвали бы меня, въ обществѣ вы не подошли бы ко мнѣ. Еслибъ Катерина Михайловна, которой мнѣніе я знаю, насмѣшки я вижу, еслибъ она вздумала не принимать меня, вы не вступились бы—такъ ли? у васъ недостало бы мужества. У меня есть оно, выносить ея гордую и глупую мину, потому что я презираю ее—и вы довольны этимъ; повторяю: что-жъ вы дѣлаете для нашей любви?.. Когда нибудь вступитесь ли вы за ея права?

— Чего-жъ вы отъ меня хотите? сказала Нина; — что я должна дѣлать? Я васъ люблю... мое одно спасеніе—скрытность...

— Боже мой, скрытность! Прекрасно: она спасаетъ васъ въ обществѣ; но есть же всему мѣра! Можно не объявлять цѣлому свѣту, что вы меня любите, но можно не бѣгать отъ меня, какъ отъ огня, не выслушивать съ улыбкой, что я страненъ, не вторить другимъ, когда надо мной смѣются — это ужъ не скрытность, это... больше! Нѣтъ, я не хочу такого благоразумія! нѣтъ, что-нибудь одно: если вы любите меня, такъ не покоряйтесь вашей Катеринѣ Михайловнѣ, а если нѣтъ...

Бѣлягинъ не кончилъ; Нина наклонилась надъ роялемъ и плакала.

— Простите меня, сказалъ онъ довольно громко.

Хорошо, что въ эту минуту раздался хохотъ дѣвицъ и онѣ вскричали, прибѣгая:

— Chère Nina, мы идемъ въ вашу комнату, приходите... Ахъ! что мы вамъ разскажемъ... Эта Catherine вѣчно вздумаетъ...

Онѣ исчезли обѣ. M-me L. вздумала пройтись съ Воронскимъ въ гостиную.

Бѣлягинъ схватилъ руки Нины и цѣловалъ ихъ.

— Простите меня, повторилъ онъ:—я сумасшедшій, я васъ люблю... Мнѣ не нравятся эти люди, я не люблю ихъ, я хотѣлъ было взять васъ отъ нихъ...

— Это такъ и будетъ, сказала она, улыбаясь и оставляя ему свои руки...

— Но подумайте только, если эта Катерина Михайловна надѣется... вамъ понравится ея Сашечка?..

Нина расхохоталась.

— Сумасшедшій, сказала она.

— Но вѣдь можетъ ей придти эта идея, согласитесь, можетъ? у ней могутъ быть планы...

— Но что-жъ мнѣ за дѣло до ея плановъ?

— Это такая хитрая женщина!

— О, не браните ее, она такъ добра, такъ меня любитъ!

— Этого и боюсь я: вы сами ее такъ много любите.

— Не больше, однако, васъ.

Разсуждать больше было невозможно. Молодые люди заговорились и забылись, потому что были счастливы. Нина въ первый разъ въ жизни не помнила, что она обязана занимать своихъ гостей, что въ другой комнатѣ сидитъ Катерина Михайловна, что молодой человѣкъ, съ которымъ она проводитъ теперь болѣе нежели полчаса, чужой ей, и что ихъ разговоръ можетъ возбудить толки.

Они бы и не вспомнили, еслибы ихъ не прервали: за Бѣлягинымъ прислалъ его начальникъ.

— Должно быть, что нибудь особенно важное, сказалъ молодой человѣкъ, прочтя записку и вставая неохотно. — Прощайте, Нина... Что-жъ весело ли прошелъ нашъ вечеръ?

Она не отвѣчала, сжимая его руку въ своихъ рукахъ.

— А гостямъ весело было? спросилъ онъ смѣясь. — А что скажетъ Катерина Михайловна?

— Богъ съ ними, какъ хотятъ!

— Моя милая Нина!.. Ну вотъ, оставайтесь такою всегда. Будьте смѣлы, рѣшительны... имѣйте характеръ...

— Какъ, опять читать мораль на прощанье? прервала она.—Я не хочу слушать!.. Не забудьте, я жду васъ завтра утромъ, а вечеромъ въ собраніи...

Они простились, попрежнему счастливые. Нина возвратилась въ гостиную, гдѣ нашла обѣихъ дѣвицъ и m-me L. въ какомъ-то совѣщаніи.

— Мы васъ ждемъ, chère Nina, сказала m-me L.—Вы такъ заговорились, зафилософствовали... я говорила этимъ demoiselles, чтобъ васъ не прерывать. Кончили вы?

— Онъ уѣхалъ, отвѣчала Нина, смутясь, по обыкновенію.

— Уѣхалъ! Какъ она это сказала! Смотрите, belle Nina, онъ васъ интересуетъ... о. о!.. А вѣдь онъ не глупъ, право, онъ любезенъ... Еслибъ онъ не такъ много думалъ о себѣ, я нахожу, что онъ могъ бы занять...

— Онъ нисколько не занимателенъ, возразила Нина: — устаешь говорить съ нимъ.

— Ужъ будто я повѣрю!.. А впрочемъ, у него злой языкъ, и такой охотникъ хвалиться своими побѣдами! У меня съ нимъ была исторія, давно. Подите, я вамъ разскажу...

Воронской приблизился.

— Ваши сани пріѣхали, Марья Николавна.

Въ эту минуту Марья Ивановна Топилина и старички съ шумомъ поднялись изъ-за карточнаго стола: партія была кончена, гости вздумали разъѣхаться разомъ.

— Какъ жаль; я не успѣла сказать вамъ моей исторіи, говорила m-me L. Нинѣ, покуда Катерина Михайловна прощалась съ другими. — Впрочемъ, знаете что, поѣдемте со мной. Вы прокатитесь, заѣдете ко мнѣ, потомъ я привезу васъ сама... Это такъ весело кататься ночью! Хотите?

Нина согласилась. Воронскому велѣно было сопровождать дамъ.

Катанье ночью въ самомъ дѣлѣ одно изъ лучшихъ зимнихъ удовольствій. Темное небо, полное звѣздъ, свѣтъ, падающій полосами изъ оконъ на бѣлый снѣгъ, придаютъ что-то живописное даже некрасивымъ улицамъ, а холодъ и скорая ѣзда заставляютъ какъ-то пріятно забываться. Нина испытывала вполнѣ это удовольствіе, потому что m-me L., забывъ исторію, которую хотѣла разсказать, очень оживленно разговаривала съ Воронскимъ. Воронской стоялъ назади, приказавъ своимъ санямъ ѣхать за ними.

— Нѣтъ, вы напрасно отчаяваетесь, напрасно, говорила m-me L.: — вы забываете ваше собственное достоинство; вы неблагодарны. Я могу васъ увѣрить, смѣю увѣрить, что вы любимы, и вы сами виноваты. Какъ это не казать глазъ? Надина мнѣ сама говорила, что она удивляется, просто удивляется...

— Но какъ же я могу бывать у нихъ, помилуйте! съ маменькой у нихъ непріятность...

— Но гдѣ нибудь; наконецъ...напримѣръ, для чего вы не бываете у меня?

— Еслибъ это къ чему нибудь служило!..

— Чего вы хотите?.. О неблагодарный! о эти мужчины!.. и самъ видитъ, что его любятъ, такъ нѣтъ, скажи ему, да растолкуй... Ахъ!..

Послѣднее восклицаніе было вырвано совершенно неожиданнымъ обстоятельствомъ: на поворотѣ улицы лошади, испугавшись тѣни отъ фонаря, бросились въ сторону, сани зацѣпились за фонарный столбъ, и Нина, которая сидѣла съ края, полетѣла на тротуаръ.

На другой день, часу въ третьемъ, Бѣлягинъ подъѣхалъ къ дому Катерины Михайловны. Не найдя никого въ передней, онъ вошелъ безъ доклада, торопясь, пугаясь необыкновенной тишины въ домѣ. Въ гостиной его встрѣтила Нина; она была одна.

— Что съ вами? вскричалъ онъ, схвативъ ея руки, вглядываясь ей въ лицо.

— Ничего, ровно ничего.

— Мнѣ разсказали ужасы; васъ опрокинули; вы убились...

— Не пугайтесь, говорите тише: Катерина Михайловна спитъ. Она больна, а не я; она всю ночь сидѣла надо мною.

— Такъ, стало быть, вы...

— Повторяю вамъ: со мной ничего не случилось. Меня вчера подняли, я сѣла въ сани, доѣхала до дома; и еслибъ Марья Николавна поменьше кричала, Катерина Михайловна ничего-бъ не узнала. Съ ней сдѣлалось дурно, потомъ она плакала, обнимая меня, какъ будто я въ самомъ дѣлѣ едва спаслась отъ смерти. Что я ни говорила, чтобъ ее успокоить, все было напрасно; она послала за докторомъ, но не вѣрила и ему, всю ночь провела подлѣ меня, заботилась, какъ мать...

какъ моя несравненная мать!.. Чему вы смѣетесь?

— Я радъ, что вы здоровы, моя милая Нина.

— О, нѣтъ! это ваша злая улыбка, которой я такъ боюсь... вы меня огорчаете...

— Чѣмъ, Нина?

— Вы предубѣждены, вы злы! за что вы не любите Катерины Михайловны? Вы ея не знаете! я ей столько обязана... какъ дочь! Она испугалась за меня... больше нежели вы теперь.

— Больше нежели я? ужъ не любитъ ли она васъ больше, нежели я?

— Не знаю! Меня никто такъ не любитъ и не любилъ послѣ моей матери. Не говорите противъ нея ни слова, я не стану васъ слушать — видите ли, и у меня есть характеръ. Это преданная, благородная женщина; она любитъ меня со всѣми моими недостатками — я умѣю оцѣнить это... Не знаю, чѣмъ, когда я могу заплатить ей за ея привязанность... Еслибъ Богъ далъ мнѣ этотъ случай! я сирота, отецъ мой далеко... Самъ Богъ послалъ ее, чтобъ замѣнить мнѣ мать... чтобъ защитить меня, ласкать меня... Я такъ молода! мнѣ нужны совѣты, ласки...

Нина заплакала.

— Вы больны, сказалъ спокойно Бѣлягинъ, подвигая ей кресло:—сядьте; вижу теперь, что ваше вчерашнее приключеніе не такъ неважно, какъ вы говорите.

— Боже мой, какая холодность! вскричала она, продолжая плакать.— Я говорила правду: никто меня не любитъ, какъ она. Вы смѣетесь надо мной, какъ надъ ребенкомъ, хуже—какъ надъ избалованной женщиной!..

— Я еще ничего не сказалъ вамъ, Нина. Конечно, я не упалъ въ обморокъ, узнавъ, что случилось съ вами, я не плакалъ и пріѣхалъ довольно поздно узнать о вашемъ здоровьѣ... правда, я только сейчасъ узналъ обо всемъ. Но вы простите мнѣ все это. Я не умѣю выражать мою любовь, какъ Катерина Михайловна; сердитесь на меня или нѣтъ, но я ѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ еще разъ и еще сильнѣе просить васъ остерегаться ея любви!..

— Опять!

— Да, опять, потому что я долженъ ѣхать отсюда.

— Вы ѣдете! вскричала она.

— Да; мнѣ поручено одно важное дѣло. Я оставляю васъ одну... Простите меня: сейчасъ я далъ вамъ высказаться и еще разъ убѣдился, что вы дитя по чувству, по характеру. Вы довѣрчивы и готовы увлекаться... Еще разъ умоляю васъ, будьте осторожнѣе, не въ поступкахъ, а въ движеніяхъ вашего сердца. Вы такъ добры — вы ничего не видите. Катерина Михайловна никогда не была бы такъ ласкова съ вами, еслибъ у нея не было цѣли, видовъ на васъ: она назначаетъ васъ въ невѣсты своему сыну.

— Вы клевещете на нее! вскричала Нина, — вы обвиняете мою вторую мать! это дурно, этого я не прощу вамъ...

— Не прощайте, но вѣрьте мнѣ.

— Неправда, неправда, неправда!

— Еслибъ дѣло шло не о моемъ счастьи, не о вашемъ счастьи, Нина, я ничего не сказалъ бы. Подумайте, это ваша будущность. Катерина Михайловна завлекаетъ васъ. Я говорю вамъ серьезно, я прошу васъ — за васъ самихъ, ужъ не за себя! Несчастье: знать, что вы жена Воронскаго — для меня еще больше несчастья потерять васъ...

— Вы меня пугаете... за что вы меня мучите?

— Опять слезы! Нина, когда-жъ какъ нибудь иначе вы примете мои совѣты?

— Чего вы хотите отъ меня?

— Я скажу вамъ прямо. Я ѣду. Обѣщайте, что безъ меня Воронской не станетъ больше сближаться съ вами, не будетъ вамъ читать, сидѣть съ вами, переписывать вамъ ноты... Не танцуйте съ нимъ, не говорите съ нимъ...

— Вы ревнуете?

— Не сердите меня, Нина?.. Я объяснюсь: все это приказано ему матерью, значитъ, мой совѣтъ не ревность, а осторожность. Потомъ, не привязывайтесь больше къ вашей Катеринѣ Михайловнѣ, не позволяйте такъ ласкать себя, попросите ее почивать и не сидѣть ночей у вашей постели...

— Наконецъ? сказала нетерпѣливо Нина.

— Наконецъ, я ворочусь чрезъ двѣ недѣли; въ это время пріѣдетъ вашъ отецъ. Сдѣлайте такъ, чтобъ онъ увезъ васъ съ собою прежде конца зимы... Дождитесь только меня.

— Все это невозможно, сказала Нина.

— Невозможно?

— Да... Сжальтесь надо мной! проговорила она сквозь слезы: — еслибъ даже вы были и правы въ вашихъ подозрѣніяхъ, какъ я все это сдѣлаю? Могу ли я отталкивать ту, которая такъ меня ласкаетъ? могу ли я прогнать отъ себя хозяина дома? Какъ я скажу отцу, чтобъ онъ увезъ меня, когда мнѣ такъ хорошо здѣсь?

— Должно быть вамъ въ самомъ дѣлѣ хорошо здѣсь, сказалъ молодой человѣкъ. — Прощайте, Нина. Давно бы вы мнѣ сказали, что вы меня не любите.

Онъ взялъ шляпу и всталъ. У Нины не было силъ удержать его; онъ самъ остановился въ дверяхъ и возвратился къ ней. Она была блѣдна и не встала съ мѣста.

— Простите меня, сказалъ онъ:—забудьте это... я васъ люблю, но я огорчаю васъ. Простите меня. Лучше мнѣ не мѣшаться въ это дѣло. Я хотѣлъ сберечь нашу любовь; поручаю ее вамъ, мой другъ, милая Нина. Если вы меня любите, у васъ достанетъ силы, не правда ли...

Онъ не кончилъ, Нина торопливо встала.

— Катерина Михайловна проснулась, сказала она...—Уѣзжайте, я не хочу, чтобъ она видѣла васъ здѣсь... Никто не видѣлъ, какъ вы пріѣхали?.. Прощайте... Будьте веселы. Скоро ли вы возвратитесь?

— Скоро, отвѣчалъ онъ, печально взглянувъ на нее.

Онъ протянулъ ей руку; она не подала ему своей, почти въ испугѣ сдѣлавъ ему знакъ скорѣе выйти...

Въ это же утро m-lle Nadine Грàшкова въ гостиной m-me L. разыгрывала какую-то модную польку, что не мѣшало ей поддерживать оживленный разговоръ съ Александромъ Ивановичемъ Воронскимъ, не отходившимъ отъ рояля. Это музыкальное утро убѣдило Надину въ справедливости поговорки, «что отложено, то не потеряно», и заставило ее окончательно утѣшиться въ неудачѣ сватовства г-на совѣтника.

VI.

Настали святки. Городъ N, всегда оживленный, оживился еще болѣе. Общество было какъ-то особенно дружно и особенно весело; въ немъ были даже и счастливцы: въ январѣ готовились свадьбы, въ томъ числѣ свадьба Пестовскаго и m-lle Sophie Дайской, почему и говорили, что Бѣлягинъ уѣхалъ, чтобъ не присутствовать при своемъ несчастіи.

Это самое сказала Катерина Михайловна Нинѣ, послѣ визита жениха и невѣсты.

Нина съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывалась къ Катеринѣ Михайловнѣ; но зная ея мнѣніе о Бѣлягинѣ, мучилась и молчала о своей любви. Ей хотѣлось лучше умереть, чѣмъ признаться въ томъ, что, по ея мнѣнію, должно было лишить ее любви ея второй матери. Съ какимъ-то страхомъ ждала она отца; она представляла себѣ пріѣздъ его, благодарила судьбу, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не застанетъ еще Бѣлягина. Она боялась, что отецъ прочтетъ на ея лицѣ ея чувство, котораго она пугалась и какъ будто стыдилась; при одной мысли, что когда нибудь онъ увидитъ ее вмѣстѣ съ Бѣлягинымъ, у нея упадало сердце... Чего она боялась—она не знала сама; ея чувство казалось ей непростительно. Минутами этотъ страхъ доходилъ до того, что она почти не любила Бѣлягина, досадовала, зачѣмъ допустила себя увлечься; минутами тосковала о невозможности своего счастья... Почему оно такъ вдругъ показалось ей невозможно?—Она не могла отвѣчать на этотъ вопросъ, а отвѣтъ былъ простъ: наставала рѣшительнѣя минута, а у Нины не было рѣшимости.

Нина сдѣлалась печальна, задумчива; выѣзды и веселости стали ей въ тягость. Она не искала Бѣлягина тамъ, гдѣ его не было; она даже не хотѣла его встрѣтить; но все стало ей пусто, не мило; она находила отраду только въ ласкахъ Катерины Михайловны, въ уединенныхъ бесѣдахъ съ нею... Катерина Михайловна умѣла этимъ пользоваться...

— Душечка, это она утомилась, у нея нервы слабы, заключала Катерина Михайловна, когда Нина отказывалась отъ какого нибудь вечера.—Ну, мы останемся, и Сашечка съ нами.

— Зачѣмъ его принуждать, возражала Нина:—пусть онъ разсѣется; онъ скучаетъ съ нами, женщинами; дадимъ ему свободу.

Воронской пользовался этой свободой, чтобъ видѣться съ Надиной; онъ даже поѣхалъ къ ней въ домъ, и случилось, что Катерина Михайловна ни отъ кого не узнала объ этомъ визитѣ.

Въ одинъ вечеръ Нина, совсѣмъ одѣтая по-бальному, вышла въ гостиную, ожидая Катерину Михайловну, чтобъ ѣхать. Туалетъ почтенной дамы продолжался долѣе обыкновеннаго. Воронской расхаживалъ по комнатамъ, съ великимъ стараніемъ натягивая бѣлыя перчатки.

— Pour combien de contredanse êtes-vous engagée? спросилъ онъ Нину.

Онъ всегда начиналъ разговоръ по-французски, когда намѣревался быть любезнымъ или готовился быть любезнымъ въ теченіе вечера.

Нина отвѣчала.

— Такъ, значитъ, мнѣ и не достанется, сказалъ онъ.—Впрочемъ, какъ хотите.

— Почему-жъ, я охотно буду танцовать и съ вами.

— Нѣтъ. Только уѣзжайте пораньше, попросите маменьку. J'ai une affaire pressée.

— Можно спросить, что такое?

— Мнѣ хочется остаться одному на мазурку... Я съ одной особой танцую... это par secret. Не говорите маменькѣ.

— Это не мое дѣло, отвѣчала Нина.

— Конечно, не ваше дѣло. Бѣлягинъ надняхъ воротится.

— Кто вамъ сказалъ? спросила она, почти испугавшись.

— Пестовскій. Онъ у него будетъ шаферомъ. Сегодня будетъ весело въ собраніи— какъ вы думаете?

— Не знаю.

— Вы что-то стали такія... mélancolique.

— Вы находите?... спросила Нина, которой на этотъ разъ былъ страшенъ даже Воронской: она боялась, что онъ о чемъ нибудь догадывается.

— Нѣтъ, не я... Но я бы, на вашемъ мѣстѣ, былъ осторожнѣе. Мнѣ маменька говорила... и потому я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ.

Александръ Ивановичъ думалъ о томъ, что, по словамъ его маменьки, Нина «безъ ума отъ него». Нина приняла его слова за совершенно другое. Она поблѣднѣла.

— Объяснитесь, ради Бога, что вамъ говорила ваша маменька?

— Вы спросите ее.

Нина рѣшительно растерялась, но ея смущеніе удвоилось, дошло до ужаса, когда она вдругъ услышала звонъ колокольчиковъ у подъѣзда.

— Папенька! вскричала она, не смѣя броситься ему навстрѣчу.

Это исполнила за нее Катерина Михайловна, вылетѣвшая изъ уборной въ шали, накинутой сверхъ пестраго бальнаго платья; конецъ этой шали нѣсколько затруднялъ ея бѣгъ, но тѣмъ не менѣе она первая заключила пріѣзжаго въ объятія.

— Вотъ онъ, старый другъ! Милости просимъ! и какъ во-время! полюбуйтесь вашимъ цвѣточкомъ: во всемъ блескѣ! Ангелъ мой, Нина, подите, вѣдь это папенька, папенька!... Ахъ, какая она прекрасная! Глядите, сударь, видѣли ли вы что нибудь похожее на нее? Нѣтъ, не видали!... Ахъ, я съума сойду!...

Во время поцѣлуевъ отца и дочери, Катерина Михайловна рыдала.

Позвольте вамъ представить Сашечку... сынъ стараго друга. Вотъ и все ваше семейство на-лицо... Ахъ, еслибъ еще ея маменька!...

Когда г-нъ Литвинъ, едва успѣвшій освободиться отъ шубы, вошелъ въ залу и снова обнялъ дочь, Катерина Михайловна искусно толкнула Сашечку, такъ что и онъ раздѣлилъ объятія.

— Это такая картина! восклицала Катерина Михайловна.—Ну-съ, берегу ли я ваше сокровище? похорошѣла ли она? пополнѣла ли? Ахъ, не отнимайте ее у меня!

— Душевно вамъ благодаренъ, моя добрѣйшая Катерина Михайловна; я не знаю, какъ оцѣнить... за все, за все...

Сцены изліяній дружбы такъ же затруднительны для описаній, какъ сцены изліяній любви. Хорошо, что всегда является милая житейская проза, помогающая переносить ихъ и описывать.

Съ дороги г-ну Литвину захотѣлось чаю. Катерина Михайловна хлопотала сама и просила хлопотать Нину.

— Папенькѣ будетъ слаще изъ ея рукъ... о, моя прелесть! Вы не повѣритие, Александръ Антонычъ, это такіе успѣхи! всѣхъ плѣнила! Мы здѣсь веселимся каждый день... я, что могу, еслибъ могла больше ей доставить...

— Помилуйте, Катерина Михайловна, я знаю всѣ ваши заботы... я такъ много вамъ обязанъ...

— Вы не повѣрите, какъ она мила! это моя радость, птичка, душка моя! Богъ меня наградилъ... ужъ не знаю за что! Товарищъ мой... она и Сашечка... Вѣрите ли, послѣ шума, баловъ этихъ я душою съ ней отдыхаю... какъ мила!

Перемѣшанные съ подобными восклицаніями слѣдовали раговоры о новостяхъ, объ удовольствіяхъ. Прошло около часа. Воронской сидѣлъ неподвижно и только время отъ времени посматривалъ на часы, глаза его нѣсколько болѣе обыкновеннаго выражали нетерпѣніе; у него вырвались даже два неровныя движенія, къ счастью, незамѣченныя матерью; душа его была уже на балѣ. Машинально онъ выслушивалъ разговоры, отвѣчая по необходимости, но какимъ-то необыкновеннымъ образомъ чрезвычайно удачно, наконепъ, онъ не вынесъ больше и сказалъ, наклонясь къ Нинѣ:

— Однако, вашему папа, я думаю, пора дать отдохнуть.

— Именно такъ! воскликнулъ г. Литвинъ, въ совершенномъ восхищеніи отъ молодого человѣка, котораго мать ужъ успѣла

раза два похвалить за скромность.—Усталъ я, укачало съ дороги, если позволите...

— Другъ мой, у меня-то въ домѣ «если позволите»? Да все, что хотите! Почивайте, ложитесь.

— Но вѣдь вы не привыкли... Вы собирались на балъ, я удержалъ васъ.

— Вы въ свою комнату, а мы поѣдемъ... Или, какъ мой ангелъ захочетъ.

— Помилуйте, сказалъ отецъ,—да она, я думаю, давно танцуетъ.

Нина стала отговариваться. Отецъ замѣтилъ ей, что этимъ она отказывается отъ удовольствія, которое предлагаетъ ей Катерина Михайловна, и хоть молодая дѣвушка успѣла устать, проведя столько времени въ хлопотахъ и въ бальномъ нарядѣ, но должна была ѣхать. Для нея былъ тяжелъ этотъ балъ: она находилась подъ ощущеніемъ страха, котораго не могла ни объяснить, ни прогнать. Катерина Михайловна всѣмъ разсказывала о радости, что къ Нинѣ Александровнѣ пріѣхалъ папенька и что этотъ папенька баловникъ, не захотѣлъ лишить ее удовольствія и послалъ на балъ.

— Я всегда говорила, что она холодное созданіе, сказала m-me L. своему другу m-me D. — Не видѣла отца три мѣсяца и не могла выдержать, чтобъ не поѣхать прыгать!

Къ удовольствію Сашечки Нина скоро собралась уѣхать и, подъ предлогомъ развлеченія, упросила мать позволить ему остаться. Катерина Михайловна въ теченіе всего вечера не замѣтила, чтобъ сынъ подходилъ къ Надинѣ, и уѣхала покойная, не чувствуя, что, едва проводивъ ее, Александръ Ивановичъ ужъ сидѣлъ подлѣ своей очаровательницы.

— Благодарю васъ, сказала Надина: — я уважаю вашъ характеръ. Вы не хотите навлечь на меня непріятностей, вы меня бережете отъ гнѣва вашей матери, и потому при ней не подходите ко мнѣ. Боже мой! за что она меня не любитъ?

— Это въ самомъ дѣлѣ странно, замѣтилъ Воронской.

— А я... чего бы я не сдѣлала, чтобъ ей понравиться?.. Но нѣтъ, она стѣсняетъ васъ, она не даетъ вамъ свободы...

— Представьте, сказалъ онъ довѣрчиво:—я вчера хотѣлъ ѣхать верхомъ—у насъ устраивалась partie de plaisir; хотѣли потомъ за городъ тройками — она не позволила!

— Это ужасно!

— Я отчего у васъ давно не былъ — невозможно.

— Я вамъ вѣрю.

— Такъ видите, не я виноватъ.

— О, я вамъ вѣрю! я вамъ во всемъ вѣрю! Хотите цвѣтокъ?

— Откуда у васъ букетъ?

— Вы ревнуете?.. Свой.

— Нѣтъ, я такъ спросилъ. Я вамъ везъ къ тому балу, маменька у меня увидѣла... нечего дѣлать, сказалъ, что для Нины Александровны.

— Вездѣ Нина Александровна!

Надина расхохоталась, Воронской тоже вслѣдъ за нею, совершенно довольный собою.

— Вотъ вамъ за то весь мой букетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, гдѣ мнѣ его поставить?

— Sur votre coeur?

— Vous y êtes vous-même?

— Ахъ, какъ весело любить!.. Знаете, я люблю въ первый разъ! сказала Надина съ увлеченіемъ ребенка.—А вы?

— Н-нѣтъ, я не въ первый.

— Я люблю это признаніе... Мужчина долженъ быть гордъ.

— Я очень гордъ.

— Да, вамъ нравятся препятствія, затрудненія...

— Какія-жъ затрудненія? Еслибъ я могъ только, когда хочу, выѣзжать изъ дома...

Остатокъ розговора былъ столько-жъ занимателенъ. Надина была такъ хороша, такъ привѣтлива, такъ исключительно и явно занята Воронскимъ, что онъ совершенно потерялъ голову.

— Браво, Nadine, сказала m-me L.,—вотъ какъ побѣждаютъ!

— Какъ умѣемъ, скромно отвѣчала Надина. — Впрочемъ, на что мнѣ онъ, прибавила она съ маленькимъ движеніемъ разочарованія.

— О, о!.. произнесла ей вслѣдъ добрая m-me L.,—провѣдала, что къ Нинѣ пріѣхалъ папенька.

На другой день, въ девять часовъ утра, Катерина Михайловна явилась сама въ комнату своего спавшаго сына, разбудила его и, приказавъ одѣться безъ дальнѣйшихъ объясненій, отправила въ должность.

Наставалъ рѣшительный день для этой рѣшительной женщины; она сообразила все уже заранѣе и сказала себѣ только, что не надо терять ни минуты. Усѣвшись за чайнымъ столомъ, она ожидала своего гостя.

Александръ Антоновичъ Литвинъ вошелъ. Онъ былъ свѣжъ и веселъ, какъ человѣкъ,

довольный собою и судьбою, богатый и крѣпко выспавшійся. До остального міра ему не было дѣла; онъ былъ покоенъ за всѣхъ, потому что былъ покоенъ за себя; не любилъ слезъ, потому что самъ никогда не плакалъ; охотно вѣрилъ, когда ему говорили, что веселы, потому что въ веселыхъ людяхъ можно не принимать участія; онъ вѣрилъ тоже въ возможность утѣшаться пустяками, потому что у него самого не было такой заботы, въ которой не могли бы утѣшить пустяки — словомъ, онъ былъ самый пріятный гость, особенно поутру, потому что первое утреннее впечатлѣніе всегда самое сильное.

— Я давно проснулся, сказалъ онъ, поцѣловавъ ручку Катерины Михайловна:— боялся всѣхъ потревожить — почиваютъ?

— Одна наша Ниночка, отвѣчала кротко Катерина Михайловна.— Сашечка давно въ присутствіи.

— Вотъ какъ! неутомимъ!

— Да.

— Пусть молодой человѣкъ прокладываетъ себѣ дорогу; хорошо.

— Да, мой почтенный другъ, только меня ужъ это безпокоитъ, рвеніе это. Здоровье...

— Развѣ плохо?

— Нѣтъ, но долго ли, Боже мой! долго ли?.. и съ его характеромъ!.. О, я счастливая мать... и вмѣстѣ съ тѣмъ самая несчастная!

Послѣднія слова были произнесены вполголоса; г. Литвинъ могъ бы ихъ не слышать, но на глазахъ Катерины Михайловны показались слезы, которыхъ нельзя было не видѣть.

— Какъ это такъ, Катерина Михайловна? что вы?

— Мой безподобный другъ, сказала она съ глубокимъ чувствомъ: — я это скрою на своемъ сердцѣ, потому что я въ мою жизнь... вы помните мои правила, помните все... Богъ это видѣлъ. Я не могу допустить, хоть бы я права была, чтобъ было какое нибудь подозрѣніе. А вы меня подозрѣвать можете, да!.. А я не хочу этого, вотъ что.

— Какія подозрѣнія? я не понимаю, право.

— Потому, душечка, вы дѣла моего мужа знали, и наше состояніе — все. Вы знаете, чего мнѣ стоило устроиться...

— Конечно... замѣтилъ съ улыбкой г. Литвинъ: — ну, я знаю. Но все-жъ вамъ, слава Богу, есть чѣмъ жить.

— Да, это конечно... я довольна, я всѣмъ довольна... и я знаю, что никому не обязываюсь, и Сашечка... Но я о корыстныхъ видахъ говорю, чтобъ вы не подумали... Ваше или мое состояніе!.. Ахъ, Боже мой, если это когда нибудь можетъ ему придти на мысль это черное подозрѣніе, адское, можно сказать! я этого не вынесу!..

Катерина Михайловна залилась слезами.

— Этого я ничего не понимаю, сказалъ г. Литвинъ, сильно затрудненный.

— Это я, другъ мой, вѣрю, что вы не понимаете. Кто съ благородной душою рожденъ, кто воспитаніе получилъ, тотъ, можно сказать, далекъ отъ этихъ мыслей. Я говорю, что ежели, Боже сохрани!.. потому что вы подумайте: старинная наша дружба, почти родство... Вѣдь вы хотѣли, чтобъ мой покойный мужъ (рыданье), чтобъ мой Иванъ Иванычъ крестилъ Ниночку... Вотъ, можно сказать, какъ Провидѣніе дѣлаетъ, что этого не случилось!

— Что-жъ, очень жаль, отвѣчалъ г. Литвинъ, закуривая сигару.

— Видите, я что говорю!.. Такъ, такъ, я это предчувствовала, что вы скажете!.. Конечно, неравенство состояній... Но дѣтскія лѣта, вѣдь они вмѣстѣ въ танцклассъ ѣздили... помните, Сашечка студентомъ учился.

— Помню.

— И съ тѣхъ поръ!.. Ахъ, другъ мой, я несчастная мать!

Не было возможности оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ печали Катерины Михайловны. Г. Литвинъ старался успокоить ее, взялъ руку, цѣловалъ, съ легкимъ вздохомъ; оставивъ свой чай, онъ сѣлъ даже ближе и намѣревался спросить ужъ, не было ли какой нибудь исторіи съ Сашечкой, но его прервали послѣ перваго намека.

— Ахъ, нѣтъ, это рѣдкій молодой человѣкъ! Чтобъ за нимъ что нибудь замѣтили!.. никогда! Это кротость, послушаніе, акуратность! Образованъ прекрасно, въ лучшемъ обществѣ! я могу говорить, потому что я строгая мать. И вы не повѣрите, какой хозяинъ...

— Это прекрасно.

— Нѣтъ, мой другъ, я имъ счастлива... Но это-то и мое мученіе! Чтобъ вы не подумали, что тутъ были мои какіе нибудь происки, старанія... чтобъ я не завлекла, словомъ. Оно, и въ самомъ дѣлѣ, я была неосторожна, я должна была подумать: молодая дѣвица, прелестная, молодой завлекательный человѣкъ и столько времени подъ одной кровлей... такъ и должно было случиться... Но я не виновата...

— Что такое, Катерина Михайловна?

— Ахъ, мой почтенный другъ, неужели вы не замѣтили? Такъ мой долгъ вамъ объяснить. Нина Александровна любитъ моего Сашечку.

Г. Литвинъ не вскрикнулъ, не вскочилъ съ мѣста, чего бы, казалось, слѣдовало ожидать; онъ не обнаружилъ никакихъ даже болѣе тихихъ признаковъ волненія, напротивъ, онъ съ легкой улыбкой выпустилъ маленькую струю дыма изъ своей сигары и спокойно вложилъ сигару опять въ свои безмолвныя уста. Онъ обдумывалъ. Скромный чиновникъ палаты, гдѣ былъ начальникомъ покойный Иванъ Ивановичъ Воронской, разсчитывалъ приблизительно, что этотъ начальникъ могъ оставить своему сыну... Что-жъ касается сердца своей единственной дочери, то г. Литвинъ весьма логично предоставилъ ей самой эту заботу. Не одинъ, такъ другой, думалъ онъ, а безъ любви дѣло у дѣвушекъ не обходится, такъ пусть ужъ лучше сынъ Ивана Ивановича Воронскаго, а не другой...

Заключеніемъ всѣхъ этихъ размышленій была новая улыбка. Г. Литвинъ еще разъ выпустилъ струю дыма и спросилъ очень пріятно:

— Ну-съ, а Сашечка любитъ ли Нину Александровну?

Катерина Михайловна слѣдила за малѣйшимъ движеніемъ г. Литвина, за малѣйшимъ выраженіемъ его лица; на ея лицѣ сверкнула радость, но она умѣла скрыть ее и, напротивъ, показала необыкновенное смущеніе.

— Я буду говорить откровенно, мой почтенный другъ, сказала она съ глубокой горестью.—Сашечка любитъ ее страстно, но не смѣетъ признаться; вы отецъ!.. Конечно, еслибъ мое дитя... я, кажется, мою душу... Еслибъ даже моя дочь варвара какого полюбила... а то сынъ стараго друга... Но онъ не смѣетъ сказать...

— Почему-жъ? сказалъ хладнокровно г. Литвинъ.

— Ахъ, другъ мой!.. вскричала Катерина Михайловна съ увлеченіемъ, протягивая ему обѣ руки.

Когда г. Литвинъ поцѣловалъ ихъ, онѣ обвились кругомъ его шеи и слезы Катерины Михайловны упали ему на голову.

— Другъ мой старый, дорогой мой, говорила она въ волненіи и совершенно забываясь:—я вотъ какъ думала, я совсѣмъ не смѣла надѣяться... это мнѣ такъ на сердцѣ... Это тамъ, Богъ видитъ... мой Иванъ Иванычъ... Наше семейство... вѣдь это общее... вѣдь сколько лѣтъ...

— Я поговорю съ Ниной, сказалъ г. Литвинъ, вставая.

Волненіе заразительно. Г. Литвину показалось, что ему предстояло съиграть свою роль отца, и это его обезпокоило. Онъ началъ ходить по комнатѣ.

— Я это предчувствовала! вскричала Катерина Михайловна, когда молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Что-съ?

— Что вы несогласны. Это такъ должно было случиться... Но я душою, душою страдаю за этихъ дѣтей... потому что Нина Александровна мнѣ больше нежели Сашечка, больше чѣмъ дочь... Но теперь я вижу, вы сами хотите ее устроить, сами ей выберете жениха—можетъ быть ужъ и выбрали...

— Что вы? и не воображалъ.

— Потому что вы отецъ, вы захотите, чтобъ она блестящую партію составила — это натурально, душечка. Вы не станете смотрѣть на ея склонность; вы захотите, чтобъ она ее побѣдила—вы ей прикажете... а она, дѣвушка молодая, конечно, испугается, будетъ повиноваться... но я вообразить не могу! Ахъ, Боже мой!.. Столько слезъ это стоитъ! жизни, можно сказать, здоровья... Вѣдь еслибъ родители всегда понимали, а то... я знала одну дѣвицу, видѣла эти сцены: три мѣсяца всякій день слезы, да вѣдь какія слезы!.. Ну, вышла, полгода прожила, а тамъ... Мужъ у ней умеръ, въ процессъ родственники вошли...

Ничто не могло сильнѣе взволновать г-на Литвина. Въ этомъ монологѣ было все: хлопоты о выборѣ жениха, семейныя сцены и послѣдствія ихъ—нервическіе припадки, а г. Литвинъ боялся всего этого больше, нежели иные боятся привидѣній... И все это грозило ему, еслибъ онъ вздумалъ не согласиться на соединеніе своей дочери съ Сашечкой.

— Къ тому-жъ, Боже мой! продолжала Катерина Михайловна:—еще каковъ будетъ тотъ, за котораго она выйдетъ! Кто можетъ узнать характеръ въ женихѣ, кто поручится? Конечно, я говорю не о Нинѣ Александровнѣ—вы отецъ, вы будете изучать человѣка, вы его разберете, узнаете его... но вы сами, вы-то, душечка?.. Ахъ! родители самоотвержены бываютъ. Ну, онъ будетъ любить ее... Будетъ ли онъ васъ-то уважать — вотъ что! Вы будете думать о ней, а сами... Я васъ знаю: вы страдать будете, но вы будете молчать. Вы вѣдь не захотите, чтобъ вашъ зять разлучилъ васъ съ дочерью...

Соскучась ходить по комнатѣ, г-нъ Литвинъ сѣлъ; садясь, онъ всегда выбиралъ самое покойное мѣсто, а, какъ нарочно, мягкое кресло стояло подлѣ Катерины Михайловны.

— А теперь, другъ мой... Ахъ! я воображаю, мы съ вами вотъ какъ покойно, ничего намъ не нужно, за чайнымъ столикомъ... всю жизнь такъ. Молодой человѣкъ нашъ въ должности, молодая хозяйка занята работою... дѣти тутъ малыя, невинныя, бѣгаютъ, шумятъ...

Г-нъ Литвинъ поморщился.

— А я ихъ останавливаю, учу... «не безпокойте дѣдушку!..»

Изобразивъ эту трогательную картину, Катерина Михайловна залилась слезами.

— И вдругъ, и вдругъ... Ахъ, вы ее увезете... что тамъ у васъ съ нею будетъ?..

Въ залѣ раздался шелестъ платья Нины.

— Вотъ она! Нѣтъ, я убѣгу, я не вынесу!.. Ахъ, мой цвѣточекъ, она моихъ слезъ не вынесетъ!

Катерина Михайловна вышла въ противоположную дверь, никѣмъ не удерживаемая. Вошла Нина.

— Здравствуйте, папа, сказала она, цѣлуя его.

Обыкновенная холодность отца всегда заставляла ее робѣть. Въ это утро онъ казался не только холоденъ, но недоволенъ, и у самой Нины совѣсть была непокойна. Она потупила глаза отъ взгляда, который на нее обратился.

— Ну, сказалъ отецъ: — я узнаю о васъ прекрасныя вещи. Вы здѣсь не только веселитесь, вы и влюбляетесь.

Нина подумала, что умретъ въ эту минуту... г-нъ Литвинъ слѣдилъ взглядомъ за ея блѣдностью и нашелъ, что довольно пріятно производить однимъ словомъ такое сильное впечатлѣніе.

— Что? продолжалъ онъ.—Вы, дѣвушки, нынче обходитесь безъ совѣтовъ старшихъ. Первый, кто вамъ встрѣтится, кружитъ вамъ голову. Гдѣ благоразуміе — а? подумали ли вы объ этомъ? обсудили ли вы?

Нина не отвѣчала. Она стояла опустивъ голову, закрывая глаза, потому что передъ ними все начинало туманиться.

Г-нъ Литвинъ нашелъ, что приступъ его рѣчи сдѣланъ довольно удачно и что вообще положеніе оратора имѣетъ свою пріятную сторону.

— Во-первыхъ, совершенное забвеніе, чѣмъ вы обязаны вашему отцу — это разъ; во-вторыхъ, вы живете въ свѣтѣ: что скажутъ, когда замѣтятъ вздохи ваши — это два; наконецъ, вы сами, вы должны подумать, кого вы выбрали, если прочите его себѣ въ мужья: что онъ такое? что онъ значитъ въ обществѣ? будетъ ли вамъ чѣмъ жить съ нимъ, наконецъ — а? обдумали ли вы все это, спрашиваю я васъ?... Ну что-жъ? я васъ спрашиваю?

— Нѣтъ... я не думала... сказала Нина, и эти слова какъ будто дали ей силу заплакать.

— Прекрасно! Такъ неужели вы могли предполагать, что я когда нибудь позволю вамъ выйти за человѣка, котораго не знаю, или у котораго ничего нѣтъ? Я не романическій родитель, увѣряю васъ! вы вмѣстѣ съ вашимъ обожателемъ читаете романы, ужъ не тамъ ли вы нашли мой портретъ? Вы, кажется, меня знаете, вы не ребенокъ!

Г-нъ Литвинъ рѣшительно находилъ, что маленькое безпокойство доставляетъ необыкновенное наслажденіе.

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, на что вы разсчитывали, продолжалъ онъ, раскинувшись въ креслѣ:—это любопытно. Какъ такъ, вѣдь не воздухомъ питаться; надо, наконецъ, чтобъ мужъ былъ что нибудь. Ну, онъ уменъ, образованъ, хорошъ, да вѣдь все же...

— Папа, простите меня! вскричала Нина, бросаясь ему на шею.

— Да простить-то я прощу, сказалъ онъ, потерявшись немного: — но, помилуй... ты его любишь?

— Очень люблю, папа! простите меня!

— За что мнѣ тебя не простить?... Но я говорю, что ты дурочка, что судьба за тебя позаботилась, а не ты. Еслибъ кто другой, ужъ я и не знаю, что-бъ мнѣ дѣлать! Помилуй, почемъ я его знаю! Ты сама его въ первый разъ видишь. Вѣдь это, слава Богу, что у тебя такая примѣрная мать, какъ Катерина Михайловна.

— Папа!... вскричала Нина такимъ голосомъ, что, казалось, у нея оборвалось сердце.

На этотъ отчаянный крикъ вошла Катерина Михайловна. Почтенная дама была недалеко: за дверью, откуда ей все было слышно. Она приняла въ свои объятія полумертвую дѣвушку.

— Папа, повторила Нина, вырвавшись отъ нея и бросилась опять къ отцу: — ради Бога... кто вамъ сказалъ, что я люблю Александра Иваныча!

— Душечка, ангелъ мой, вскричала Катерина Михайловна, схватывая ее за руки.— Ахъ, другъ мой, не приведите ее въ отчаяніе... будьте отцомъ, сжальтесь надъ ней!...

Вы видите, что съ ней... гнѣвъ вашъ ее просто, просто убьетъ!

Блѣдность и отчаяніе Нины все сказали: Катерина Михайловна прозрѣла. Она вдругъ поняла все, она угадала имя, которое Нина не смѣла выговорить. Надо было не дать ей выговорить его. Была необходима смѣлость, отчаянная, дерзкая; она одна могла спасти въ эту минуту всѣ надежды Катерины Михайловны.

— Почтенный мой другъ, продолжала она:—еслибъ это былъ человѣкъ неизвѣстный, Богъ знаетъ кто, или вѣтренникъ, или съ какимъ дурнымъ характеромъ, или бы онъ въ обществѣ какъ нибудь... или бѣднякъ какой... а то, клянусь вамъ, клянусь вамъ...

— Да я знаю, помилуйте, говорилъ г-нъ Литвинъ, растерявшись.

— Я бы васъ за ничтожнаго не смѣла просить... Ниночка, ангелъ мой, душечка, дочь моя прекрасная! ахъ будьте смѣлѣе, вѣдь это папенька! Вы можете ему признаться: еслибъ вы другого кого любили, ну тогда, конечно, онъ бы въ правѣ былъ непреклоннымъ быть... Другъ мой, другъ мой, заключила она почти съ воплемъ: — я сама васъ за нее умоляю, взгляните, она умираетъ!

Катерина Михайловна бросилась на колѣни предъ г-мъ Литвинымъ, который былъ очень изумленъ, что его такъ сильно просятъ.

— Папа, простите меня... проговорила Нина, тоже упавъ на колѣни.

Катерина Михайловна завидѣла въ залѣ своего сына; въ одинъ мигъ она вскочила, побѣжала, схватила его за руку и привлекла въ объятія г-на Литвина.

— Вотъ онъ, вотъ Сашечка! ахъ, мой достойный другъ, простите ихъ!

— Да Богъ ихъ проститъ! вскричалъ слишкомъ сильно обезпокоенный г-нъ Литвинъ:— живите счастливо!

Воронской потерялся не менѣе; онъ было рискнулъ спросить:

— Что это съ Ниной Александровной?

Хорошо, что вопроса не было слышно за рыданіями его матери. Заботливая мать еще разъ толкнула его въ объятія нареченнаго отца, и затѣмъ все сдѣлалось ему понятно.

— Богъ съ вами, Богъ съ вами, Богъ васъ благословитъ! повторялъ г-нъ Литвинъ на учащаемые и ускоряемыя объятія.

Нина опомнилась на минуту; она отчаянно повисла на шею отцу и не могла сказать ни слова; съ ней сдѣлалось дурно.

Это положило конецъ сценѣ, потому что, проводивъ дочь до дверей ея комнаты, г-нъ Литвинъ нашелъ необходимымъ пойти отдохнуть, а Катерина Михайловна, заслонивъ эту дверь передъ сыномъ, не имѣвшимъ даже и намѣренія войти, сказала, что жениху это не позволяется.

Сама, она, великая женщина, торжествующая побѣдительница, заботилась теперь только о томъ, какъ сохранить благо, добытое такими трудами...

— Не плачьте, не плачьте, душечка, говорила она у постели Нины:—не разстроивайте себя... Вы думаете, что огорчили папеньку? о, нѣтъ! тогда бы вы его, мой ангелъ, огорчили, когда бы ничтожнаго какого, пустого, дурнаго человѣка полюбили, Бѣлягина какого нибудъ... этого бы папенька вамъ всю жизнь не простилъ; это бы ему, можно сказать, смертный ударъ былъ. Я видѣла примѣры. И это низко такъ родительское довѣріе обмануть... Я знала одну дѣвицу... Да вы разстроены, мой ангелъ, вы не можете этого слушать... Такъ вотъ, она тоже вздумала влюбиться... О, это ужасно, у той еще не отецъ, а мать была...

«Поди, говоритъ, ты недостойна, чтобъ я тебя видѣла!...» Вотъ какъ!... А вы, душечка, кроткая, милая такая... О, ангелъ мой! А каково это: я умѣю ваши желанія отгадывать, страстишку маленькую?... О, отъ меня ничто не скроется, ничто! я все насквозь вижу... И я вамъ совѣтую теперь, если вы не хотите разсердить папеньку, старайтесь веселѣе быть, поживѣе. Вѣдь вы, душечка, невѣста...

Катерина Михайловна какъ будто угадала, что нужно повторять Нинѣ всего болѣе о гнѣвѣ отца; впрочемъ, она не забывала и своей любви.

— Вы дружочекъ, и меня пощадите; вѣдь я, просто, страдаю. Вѣдь три мѣсяца, какъ этотъ-то, нареченный вашъ женихъ, сумасшествуетъ, право. «Люблю ее», да и только. Вѣдь это ни дня, ни ночи покоя. Прибѣжитъ ко мнѣ: «Маменька, умираю». «Да умирай ты себѣ, я сама въ нее столько же влюблена!» Я бы вотъ тутъ всю жизнь просидѣла, не отошла бы... отъ васъ, ангелъ мой...

Катерина Михайловна поцѣловала руку Нины, которую та не успѣла выхватить.

— Душечка, продолжала она, замѣтивъ это движеніе:—душечка, вы не подумайте чего нибудь, чтобъ я изъ видовъ, или что... это могутъ одни низкіе люди сказать, а я просто, къ вамъ, одна моя чистѣйшая любовь... И Сашечка... Вы меня можете любить, дружочекъ, потому что, можно сказать, я

другъ вамъ. Неужели вы думаете, что я не вижу всего, что у васъ на сердечкѣ!.. Утѣшьте папеньку, скажите ему, что вы покойны, потому что, вѣдь, онъ отецъ, вѣдь онъ страдаетъ (слезы умиленія), и вы подумаете, что, если онъ прогнѣвается!..

Нина вдругъ обняла ее отчаянно.

— Катерина Михайловна, еслибъ вы меня любили...

— Люблю, душечка, да, вотъ какъ... Богъ это видитъ! И мой долгъ дѣлать то, что я дѣлаю. Вы сирота, маменьки нѣтъ у васъ: кто защититъ, кто посовѣтуетъ, кто спасетъ (рыданіе). Прелесть моя! какъ мнѣ съ ней разстаться? Всякій дурной человѣкъ ее обидитъ, опутаетъ ее, пожалуй, станетъ въ любви клясться, а она повѣритъ... О, нѣтъ! я не допущу! И ваше собственное сердце, дружочекъ!... хорошо, теперь, а то, Боже сохрани! Ну вы бы полюбили, а вамъ вертопрахъ какой нибудь измѣнитъ, да еще посмѣется... А папенька, что, еслибъ онъ узналъ!

Катеринѣ Михайловнѣ показалось, что она нѣсколько успокоила свою Нину и потому, обнявъ ее разъ десять сряду, она объявила съ милымъ смѣхомъ, что пойдетъ, посмотритъ, что дѣлаетъ «тотъ-то, сумасшедшій».

Ни одна изъ женщинъ, извѣстныхъ въ исторіи своимъ сильнымъ характеромъ, не принимала такой горделивой, рѣшительной осанки, какъ Катерина Михайловна, входя въ кабинетъ сына. Войдя, она повернула ключъ въ замкѣ двери и обратилась къ Александру Ивановичу, лежавшему на диванѣ съ папиросой, обращенной къ небу. На челѣ Воронскаго тоже, казалось, носились думы.

— Слушай, Сашечка! произнесла Катерина Михайловна, простирая въ воздухѣ руку съ указательнымъ пальцемъ:—я тебѣ прямо говорю: если ты выѣдешь изъ дома, я за тобой сторожа пошлю, куда бы ты ни поѣхалъ, потому что это ужъ изъ рукъ вонъ... потому что теперь я ужъ не допущу!... Благословляютъ его, а онъ!... На что ты похожъ съ чѣмъ съ тобой сравненіе сдѣлать?... Слушай, если, сохрани Боже, ты въ теченіе этихъ дней что нибудь упустишь изъ виду... я тебѣ, Сашечка, прямо говорю: если ты Александру Антонычу не понравишься, я тебя всего лишу и ты ни съ чѣмъ будешь—это я сказала, это ужъ вѣрно!... И нечего здѣсь лежать, ступай и тамъ будь.

Но такъ какъ Катерина Михайловна вышла первая, то Александръ Ивановичъ докурилъ лежа свою папиросу, потомъ вскочилъ и написалъ слѣдующія строки:

«Ange adoré,

Je ne pourrai pas venir chez vous ce soir; après je dirai pourquoi. Venez demain matin chez Марья Николаевна».

Кликнувъ въ подъѣздъ проѣзжавшаго извозчика, Александръ Ивановичъ поручилъ доставить эту записку по адресу въ домъ Грашковыхъ. Все это онъ исполнилъ самъ, и необыкновенно ловко. Неволя учитъ и ловкости.

VII.

Три слѣдующіе дня прошли однообразно для семейства Катерины Михайловны и г. Литвина. Впрочемъ, ужъ давно признано, что истинное счастье всегда однообразно.

День начинался небольшимъ семейнымъ совѣщаніемъ: оно состояло изъ двухъ членовъ: Катерины Михайловны и г. Литвина. Счастливая мать подвигала къ чайному столу кресло для своего друга, зажигала свѣчку для его сигары и говорила всегда съ милой улыбкой:

— Покуда нѣтъ нашихъ влюбленныхъ, мы, старики, о нихъ потолкуемъ.

Замѣчу, что Сашечку каждое утро, чѣмъ свѣтъ, отсылали въ палату. Г-нъ Литвинъ, человѣкъ весьма акуратный въ этихъ дѣлахъ, не любилъ обременять себя разными мелочами. На второе совѣщаніе онъ попросилъ Катерину Михайловну принять на себя всѣ хлопоты о приданомъ Нины.

— Я въ это не вступаюсь, сказалъ онъ:— дѣло отца расплачиваться. Наряжайте ее какъ знаете.

— Вы ничѣмъ не могли столько утѣшить меня, мой истинный другъ, какъ этимъ довѣріемъ, отвѣчала съ достоинствомъ Катерина Михайловна.—И кому-жъ наряжать ее, мою душку, какъ не мнѣ? продолжала она съ умиленіемъ:—я отъ ея красоты безъ ума! и, къ тому же, я старая кокетка, доканчивала милая дама съ добродушной веселостью:— знаетъ мой старый другъ кому поручить!...

Утро проходило въ пріятныхъ шуткахъ, но Катерина Михайловна не забывала и болѣе положительнаго. Триста тысячъ Нины Александровны были приведены въ извѣстность; съ своей стороны, г-нъ Литвинъ показалъ такую увѣренность въ существованіи ломбардныхъ билетовъ, хранившихся между двойнымъ дномъ шкатулки въ спальнѣ Катерины Михайловны, что Катерина Михайловна на третье утро вынесла ихъ на чайный столъ и попросила почтеннаго друга посмотрѣть на нихъ. Убѣдясь осяза-

тельно, г-нъ Литвинъ спросилъ: когда-жъ свадьба?

— Это, душечка, отъ васъ зависитъ, отвѣчала Катерина Михайловна скромно, какъ будто она сама была невѣста.

— Мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, сказалъ г-нъ Литвинъ. — Вотъ святки кончатся...

Катерина Михайловна обняла его со слезами.

— Это за сына моего, за Сашечку, проговорила она... О! старый любезникъ, понимаетъ, что молодой человѣкъ ждетъ этого дня, не дождется.

— А что, я думаю, въ городѣ у васъ здѣсь ужъ толкуютъ? спросилъ г-нъ Литвинъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго созерцанія.

— Нѣтъ, нѣтъ, душечка, я знаю, что никому не извѣстно; это все въ тайнѣ. Да и къ чему разглашать? Я не люблю давать поводъ злымъ языкамъ. Мы за три дня до свадьбы сдѣлаемъ парадную помолвку и тогда...

— Хорошо, ужъ однимъ разомъ, замѣтилъ г-нъ Литвинъ.

Заключая совѣщанія, Катерина Михайловна всякій разъ произносила нѣсколько сильныхъ замѣчаній о неосновательности, неопытности дѣвушекъ въ наше время, о ихъ склонности любить перваго, кто взволнуетъ ихъ воображеніе, о недостойныхъ выборахъ, которые онѣ часто дѣлаютъ, потомъ о молодыхъ людяхъ вообще, о N-скихъ въ особенности, что они большею частью не стоютъ вниманія и даже опасны. Бѣлягинъ выставлялся самымъ разительнымъ примѣромъ. Г-нъ Литвинъ, часто слыша это имя, затвердилъ его.

Такимъ образомъ Катерина Михайловна могла быть покойна, уѣзжая поутру за покупками для приданаго и оставляя Нину одну съ отцомъ. Г-нъ Литвинъ, видя себя на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ обезпокоился, дѣлая выговоръ дочери, начиналъ всегда чувствовать себя въ томъ же расположеніи духа. Ему нравилась его серьезная роль. Онъ возобновлялъ первую сцену, и каждый день совершенствовался. По совѣсти, онъ могъ бы сказать, что и не подозрѣвалъ въ себѣ такого таланта. Ему такъ понравилось читать наставленія, что онъ и не думалъ отказывать себѣ въ этомъ наслажденіи; онъ яркими красками описывалъ дочери ея вину, ея внутреннюю непокорность его волѣ, когда, безъ его вѣдома, она осмѣлилась сдѣлать выборъ. Потомъ переходилъ онъ къ опасностямъ, которыя представлялъ этотъ выборъ, къ злобѣ свѣта, къ порокамъ юности, къ необходимости разсчета въ нашемъ матеріальномъ вѣкѣ, и заключалъ тѣмъ, что еслибъ избранный ею былъ не Александръ Иванычъ Воронской, онъ ее ни за что бы не отдалъ.

Но еслибъ напасть нечаянно на г-на Литвина и спросить его по совѣсти: охотно ли онъ отдаетъ замужъ свою дочь, она признался бы, что очень радъ самъ избавиться отъ хлопотъ по такому затруднительному дѣлу; что онъ самъ еще не откажется пожить и повеселиться и что этотъ неожиданный случай, который какъ будто поразилъ его сначала, внутренно ему очень нравится.

Что касается жениха, г-нъ Литвинъ обращалъ вниманіе на молодыхъ людей только теоретически, когда ему приходило желаніе читать наставленія дочери. Онъ почти не видалъ Александра Ивановича, занятаго все утро на службѣ; потомъ начинался пріѣздъ гостей, среди которыхъ Воронской исчезалъ, потомъ обѣдъ и отдыхъ, а вечеромъ опять гости. Г-нъ Литвинъ поглядѣлъ на своего будущаго зятя, хотя и рѣшилъ о немъ однимъ словомъ:

«Что-жъ, человѣкъ, какъ человѣкъ».

Нина плакала всѣ ночи; днемъ она являлась блѣдная, разстроенная; но, пугаясь гнѣва отца, пугаясь намековъ Катерины Михайловны, притворялась веселою и улыбалась. Въ ней была убита вся дѣтская радость... Она не успѣла оглянуться, какъ участь ея была рѣшена и не было возврата... Одно оставалось средство для спасенія: сказать, что она не любитъ своего жениха, но тогда Катерина Михайловна скажетъ, что Нина любитъ Бѣлягина, и Нина замирала отъ страха при этой мысли. Что будетъ тогда?.. Стало быть, этого хочетъ судьба; такъ должно быть, ей суждено быть несчастной, должно покориться, молчать и вѣчно молчать...

И Нина рыдала, принося жертву своей любви, рыдала надъ своей любовью, надъ своей молодостью, надъ счастьемъ... Будущее представлялось ей темное, скучное, ужасное...

«О, да вѣдь такъ недолго живутъ!» говорила она съ отчаянной радостью.

Потомъ она воображала, какъ онъ будетъ жалѣть о ней, какъ онъ будетъ несчастливъ, какъ онъ будетъ плакать!... Она сама плакала и мечтала, и эти минуты приносили ей странное, романическое утѣшеніе.

«Мы будемъ страдать оба... Мы вмѣстѣ умремъ!...»

Она засыпала, убаюкивая себя печальными сказками, представляя себя въ разныхъ случаяхъ, разныхъ обстоятельствахъ жизни, въ которыхъ она должна была бы сойтись съ Бѣлягинымъ...

День приносилъ ей заботы, въ которыхъ она почти забывала о своемъ замужествѣ; утренній выговоръ отца лишалъ ее—не мужества, котораго никогда у нея не было, но послѣдней силы жить и думать о чемъ нибудь. Ея покорность изъ отчаянной перешла въ апатическую. Ласки Катерины Махайловны стали ей противны; она, наконецъ, убѣдилась въ ихъ значеніи, но, изъ страха, не смѣла отказаться отъ нихъ. Минутами у ней являлся разсчетъ, что должно же, какъ нибудь любить ту, которая назовется нашей матерью, или, наконецъ, надо-жъ какъ нибудь ужиться съ нею... Потомъ являлись хлопоты: Катерина Михайловна не оставляла ей минуты уединенія, минуты незанятой: она заставляла Нину выбирать и примѣрять наряды, спрашивая какой домъ, какую меблировку ей угодно...

Катерина Михайловна съ намѣреніемъ скрывала все отъ посторонних: она боялась, чтобъ посторонніе какъ нибудь не разочаровали г. Литвина въ Сашечкѣ. Ждать было недолго: святки приходили къ концу. Катерина Михайловна разсчитывала также, что и Нина нѣсколько привыкнетъ къ своему положенію и не выкажется несчастной невѣстой. Катерина Михайловна знала, что знакомыхъ ея труднѣе обмануть, чѣмъ г. Литвина, вполнѣ убѣжденнаго, что дочь его блаженствуетъ. Онъ даже не примѣчалъ странныхъ отношеній жениха и невѣсты; они едва сходились, а сойдясь, молчали. За то, по приказанію матери, въ рѣдкія минуты, когда онъ находился съ своимъ будущимъ отцомъ, Воронской былъ какъ нельзя болѣе внимателенъ и услужливъ; у него въ карманѣ не переводились зажигательныя спички для сигары г. Литвина. Со всѣмъ тѣмъ, Катерина Михайловна была еще недовольна сыномъ и являлась къ нему въ комнату всякій разъ послѣ обѣда и передъ сномъ, дѣлая ему всякій разъ сильныя сцены.

Одну изъ этихъ сценъ, къ ея величайшему изумленію, Алексанръ Ивановичъ началъ самъ.

— Вѣдь, вотъ, маменька, вамъ угодно женить меня; какая-жъ выгода въ этомъ—вы мнѣ скажите? Онъ хочетъ, чтобъ я жилъ съ нимъ; что-жъ это будетъ? Когда я выйду изъ дѣтей, наконецъ?...

Невозможно описать гнѣва Катерины Михайловны. Она ужъ не искала для убѣжденія сына ни кроткихъ словъ, ни ясныхъ доказательствъ; она прямо сказала ему, что будетъ такъ, потому что «она этого хочетъ».

— Тебѣ, сударь, никогда не быть человѣкомъ—понимаешь ли ты это? Довольно, что тебѣ честь дѣлаютъ. Для чего тебѣ состояніе? распоряжаться, какъ нибудь глупо кутить? Я твои наклонности знаю, Сашечка, и не говори мнѣ, не возражай (на этотъ разъ онъ въ самомъ дѣлѣ не молчалъ). Ты, сударь, умѣй заслужить, чтобъ тебѣ довѣріе сдѣлали...

Александръ Ивановичъ сдѣлался необыкновенно мраченъ. Когда г. Литвинъ спросилъ о причинѣ задумчивости жениха, Катерина Михайловна отвѣчала: что Сашечка жаловался ей, что его голова безпокоитъ. Для излеченія головной боли, г. Литвинъ посовѣтывалъ ему прокатиться. Несмотря на грозный взглядъ матери, Александръ Ивановичъ воспользовался этимъ и укатилъ къ Грàшковымъ.

Катерина Михайловна не знала, куда онъ поѣхалъ, но видѣла, что ей встрѣтилось препятствіе, котораго она не ожидала: необычайное, внезапное развитіе энергіи сына. Она почувствовала, что съ нимъ надо вести открытую войну, а открытая война была невозможна: въ присутствіи будущаго тестя нельзя было посылать справляться, гдѣ сынъ, или насильно удерживать его дома; нельзя было скакать вслѣдъ за нимъ или не отпускать его безъ себя... Вдругъ ей явилась ужасная мысль: Сашечка безъ отговорокъ просиживалъ въ своей палатѣ отъ десяти до трехъ часовъ утра... Въ палатѣ ли онъ сидитъ все время—она не могла узнать этого и у людей, потому что Воронской уходилъ со двора пѣшкомъ. Это новое обстоятельство только сейчасъ было ею замѣчено, и Катеринѣ Михайловнѣ, сидѣвшей въ это время въ слабо освѣщенной комнатѣ съ своимъ почтеннымъ другомъ, показалось, что судьба олицетворилась предъ нею и улыбнулась ей насмѣшливо и безобразно... Сколько помнитъ читатель, Катерина Михайловна въ трудныя минуты жизни доходила до ясновидѣнія.

Но ни предчувствіе, ни ясновидѣніе не показали ей всей опасности: всякое утро сынъ ея проводилъ у Грàшковыхъ, или видѣлся съ Надиной у Марьи Николаевны L.

Воронскому съ нѣкотораго времени особенно нравилось бывать у m-me L., гдѣ ему стало что-то особенно хорошо. Дѣло въ томъ, что Надина Грàшкова, по одному изъ тѣхъ странныхъ, почти необъяснимыхъ переворо-

товъ, которые случаются съ женщинами, вдругъ подружилась съ m-me L. Эти перевороты бываютъ иногда слѣдствіемъ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ вдвоемъ въ уборной, на балѣ или какого нибудь утренняго визита, въ который, неизвѣстно почему, вдругъ были забыты церемоніи; иногда эта дружба родится отъ взаимной услуги, а услуга чаще всего состоитъ въ томъ, что дамы, сказавъ одна другой милый комплиментъ, поправятъ взаимно какую нибудь неисправность въ ихъ нарядѣ. Не знаю, что за причина была дружбы Надины съ m-me L., но дружба эта явилась внезапно и была сильна потому, вѣроятно, что долго не приходила. Надина каждый день прибѣгала къ своему другу, сдѣлала ее повѣренной всѣхъ своихъ семейныхъ тайнъ; наконецъ, въ одно утро, довѣрила ей и свои сердечныя тайны. Она покаялась, что желала бы поймать Воронскаго... Надина была слишкомъ умна и слишкомъ хорошо знала своего новаго друга, чтобъ говорить о своей любви къ Сашечкѣ.

— Да за чѣмъ же дѣло стало? сказала m-me L.

Тогда Надина призналась въ своей догадкѣ, что Воронскому уже назначена невѣста, Нина Литвина. Какъ ни странно покажется тому, кто знаетъ проницательность нашихъ дамъ, но эта идея имъ еще не приходила; тѣмъ не менѣе, однако, m-me L. стала увѣрять Надину, что она «давно это знаетъ».

— Но вѣдь все зависитъ отъ него; вѣдь женятъ его, не кого другого, и если онъ любитъ тебя...

— Онъ смертельно глупъ! вскричала съ досадой Надина: — его на комъ хотятъ женятъ, и онъ ничего не скажетъ.

M-me L. взялась похлопотать. Она сразу пріобрѣла полную довѣренность Воронскаго, что было нетрудно; она стала давать ему благіе совѣты и, въ томъ числѣ, совѣтъ бывать у Грашковыхъ какъ можно чаще; она объяснила ему, что мать его можетъ ссориться съ ними сколько ей угодно, но что до него это не касается. Онъ былъ въ восторгѣ отъ милаго пріема и внимательности m-me L. Его страсть къ Надинѣ росла съ каждымъ свиданіемъ, а домашнія стѣсненія придавали ей новыя силы. Въ послѣднее время, съ пріѣзда г. Литвина, съ благословенія, которое явилось такъ неожиданно, Воронскаго нельзя было узнать: онъ не посмѣлъ сказать ни Надинѣ, ни m-me L., что онъ уже женихъ Нины, но являлся передъ ними всегда въ какомъ-то загадочномъ отчаяніи; онъ рѣшительно становился интересенъ — онъ доходилъ до негодованія.

— Это ужасъ, что такое, моя жизнь! пожаловался онъ m-me L., въ минуту сердечнаго изліянія, въ тотъ вечеръ, какъ поѣхалъ къ Грашковымъ лечиться отъ головной боли, въ тотъ вечеръ, какъ предъ очами души Катерины Михайловны являлась такая грозная будущность...

— Что съ вами, разскажите мнѣ, сказала m-me L., усаживая его подлѣ себя: — вы стали ни на что не похожи.

— Я не знаю, что это маменька выдумала.

— Что такое?

— Это par secret, не говорите Надеждѣ Васильевнѣ: чтобъ я женился на Литвиной.

M-me L. смутилась.

— А вамъ нравится Литвина?

— Нѣтъ; что она? une mine chiffonnée, да у нея триста тысячъ...

— О, мужчины!.. сказала со вздохомъ m-me L. и прибавила тономъ печальной покорности: — что-жъ, у васъ будетъ прекрасное состояніе.

— Прекрасное-то, прекрасное, да вы возьмите: Литвинъ хочетъ, чтобъ я съ нимъ жилъ, а мнѣ ужъ надоѣла опека — вотъ что.

— Конечно, я не знаю... я по себѣ сужу, отвѣчала m-me L. сдержаннымъ тономъ, какъ будто не хотѣла вполнѣ высказаться, сомнѣваясь въ человѣкѣ, съ которымъ говорила: — будь я мужчина, я бы ни за что не продала своей независимости.

— Независимость... вотъ и Надежда Васильевна то же толкуетъ. Да вы извольте тутъ съ маменькой...

— Любите ли вы?.. спросилъ вдругъ madame L., какъ будто рѣшилась на отчаянный вопросъ.

— Нину Александровну вовсе не люблю.

— А ее?..

M-me L. указала на Надину, которая прошла мимо нихъ въ это время. Проходя мимо Воронскаго, у Надины былъ всегда особенный взглядъ и особая улыбка.

— Ее я люблю. Да еслибъ вы знали, что такое маменька...

— Предоставляю рѣшить вашему благородству: Надина васъ любитъ, прервала его m-me L. и встала.

Надо признаться, что въ эту минуту у нея оставалось немного надежды: она поспѣшила сообщить Надинѣ этотъ разговоръ. Надина лучше выдержала характеръ; она выслушала все, продолжая играть но-

вый модный вальсъ, и даже ни разу не сбилась.

— Хорошо, сказала она: — что-жъ дѣлать?

Въ теченіе вечера она не подходила къ Воронскому и не давала ему случая подойти къ себѣ; они не сказали другъ другу ни слова, и Воронской, чего никакъ невозможно было предполагать, былъ сильно разстроенъ. Онъ влюблялся изъ упрямства.

— Прощайте, Надежда Васильевна, сказалъ онъ уходя раньше обыкновеннаго и выбравъ минуту, когда они были одни у рояля.

Надина ждала этой эфектной минуты.

— Прощайте, отвѣчала она.

Воронской, по привычкѣ, которую успѣлъ ужъ сдѣлать, протянулъ руку. Надина положила въ нее свою.

— Навѣкъ прощайте, сказала она.

— Почему-жъ навѣкъ? спросилъ Воронской, потерявшись.

— Не заставьте меня при всѣхъ заплакать, прошептала она, дѣлая видъ, будто хочетъ взять у него свою руку. — Будьте счастливѣе съ другой...

— Да я же вамъ клянусь... Вѣдь мнѣ, право, нелегко...

— Ахъ, оставьте меня!

— Вотъ я, просто, сейчасъ поѣду и скажу маменькѣ...

— Вы меня слишкомъ мало любите...

— Ахъ, Боже мой!..

Воронской вышелъ въ отчаяніи: никто и никогда не видалъ его въ подобномъ положеніи.

— Что, Надечка, спросила ее мать: — приглашала ты его къ намъ завтра на вечеръ?

— На что онъ нуженъ? отвѣчала Надина.

— Какъ же, парадный вечеръ, а его не звали: онъ обидится.

— И безъ него будетъ кому танцовать, возразила она... Ахъ, m-r Бѣлягинъ!

Надина была взволнована и очень живо подала руку входившему Бѣлягину.

— Давно ли вы воротились?

— Часа два или три.

— И прямо къ намъ? прекрасно!.. Вы завтра танцуете у насъ?

Бѣлягинъ поклонился.

— Я торопился пріѣхать, сказалъ онъ: — святки кончаются, а я шаферомъ у Пестовскаго.

— Да, здѣсь много свадебъ... Еще свадьба...

— Чья?

— Воронскаго и Нины Литвиной.

Бѣлягинъ поблѣднѣлъ; Надина это видѣла; въ досадѣ, ей было пріятно мучить кого нибудь.

— Скоро? сказалъ онъ спокойно.

— Я думаю... Весело ли вамъ было на вашемъ слѣдствіи?

— Не очень...

Онъ сѣлъ и толковалъ о разныхъ пустякахъ, совершенно равнодушно; но у него ненадолго достало присутствія духа. Черезъ полчаса онъ простился и уѣхалъ.

Воронской былъ такъ взволнованъ, такъ несчастливъ, что, пріѣхавъ домой, заперся одинъ у себя въ комнатѣ, не показавъ глазъ ни матери, ни нареченному тестю; о невѣстѣ онъ думалъ даже съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ. Онъ самъ никогда не воображалъ, чтобъ съ его сердцемъ могло случиться что нибудь, не только ужъ такое сильное потрясеніе. Съ досады, онъ былъ влюбленъ до безумія; въ немъ явилось нѣчто похожее на воображеніе, потому что въ глазахъ его представлялась Надина, и онъ даже раза два дѣлалъ къ ней вслухъ восторженныя обращенія... Злость его не имѣла предѣловъ. Еслибъ онъ могъ придумать на что рѣшиться, онъ бы непремѣнно рѣшился; ничто не казалось ему ни неловкимъ, ни невозможнымъ; и если онъ останавливался идти и сейчасъ отказаться отъ руки Нины Александровны, то потому, что еще не сообразилъ, что онъ сдѣлаетъ послѣ такого поступка. Онъ хотѣлъ было провести ночь въ этихъ соображеніяхъ, но, сочинивъ два письма къ Надинѣ, переписавъ ихъ на-бѣло какъ можно чище, и изорвавъ потомъ (что доставило ему наслажденіе вообразить себя настоящимъ героемъ романа), онъ почувствовалъ необходимость успокоиться, и проснулся только на другой день очень поздно.

Литвинъ оканчивалъ свою вторую сигару близь остывшаго самовара, на который Катерина Михайловна взглянула съ негодованіемъ, увидя входившаго сына.

— Ты, Сашечка, заставилъ себя ждать, сказала она, когда Воронской поцѣловалъ у нея руку.

— Мнѣ спать хотѣлось, отвѣчалъ онъ мрачно, поклонясь Литвину и не подойдя къ невѣстѣ, которая вышивала у окна.

— Или влюбленные повздорили? спросилъ, наконецъ, Литвинъ, когда молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

— Какъ это возможно, душечка! вос-

кликнула Катерина Михайловна: — за что имъ?

Она со страхомъ взглянула на своего друга и обратила яркій взоръ на сына, но сынъ оставался неподвиженъ.

— Кто это былъ? спросилъ онъ, взявъ со стола визитную карточку:—а! Бѣлягинъ.

— Да, чѣмъ-свѣтъ, сказала Катерина Михайловна. — Это, душечка, тотъ сумасшедшій, что я вамъ говорила, объяснила она Литвину.

— Совсѣмъ онъ не сумасшедшій возразилъ Воронской: — основательный молодой человѣкъ. И я не знаю, почему онъ вамъ вдругъ не понравился. Вы его сами всегда за образецъ ставили... Маменькѣ иногда не понравится что нибудь, она и говоритъ, продолжалъ онъ, обратясь къ Литвину: — что Бѣлягинъ и нехорошъ собою, и глупъ; я этого нисколько не нахожу. Онъ даже Нинѣ Александровнѣ очень нравился.

— Когда-жъ это, Сашечка? прервала Катерина Михайловна, въ отчаяніи, что невозможно даже сдѣлать ему знакъ замолчать.

— Какъ когда? Вы сами его принимали. Нина Александровна цѣлые часы, бывало, читаетъ съ нимъ, разговариваетъ...

— Ахъ, душечка, ты ее даже въ смущеніе привелъ! Можно ли говорить это? это оскорбительно для дѣвицы, если сказать, что какой нибудь пустой человѣкъ... Ты долженъ извиненіе попросить.

— И совсѣмъ я не долженъ, возразилъ невозмутимо Воронской: — потому что такъ было, и всякій день. Вамъ онъ, можетъ быть, не пó-сердцу былъ, да вѣдь у васъ странный вкусъ.

— У всякой умной женщины такой вкусъ, прервала Катерина Михайловна:—и ты, я не знаю, такой вздоръ говоришь, просто... прошу тебя замолчать... Это душечка, вы представьте, онъ шутитъ, продолжала она, обратясь къ Литвину: — вѣдь бываютъ же идеи такъ шутить! Эта молодежь преуморительная... И даже онъ Ниночку, можно сказать, въ ажитацію привелъ... непріятно это слышать, а вѣдь пресмѣшно право, что вздумалъ... сумасшедшій этотъ нравится!

Она такъ добродушно засмѣялась, что даже Литвинъ улыбнулся.

— А что, Нина, тебѣ нравился этотъ господинъ? спросилъ онъ, дѣлая веселый знакъ Катеринѣ Михайловнѣ.

— Ну, вотъ и папенька шутитъ, вскричала Катерина Михайловна съ ужасомъ, глядя въ лицо дѣвушки.

Нинѣ стоило сказать одно слово... Она отвѣчала:

— Нѣтъ.

Катерина Михайловна ожила.

— Она его, просто, терпѣть не могла, прелесть моя, ангелъ какой!

— Это еще подлежитъ сомнѣнію, сказалъ вполголоса Воронской, подходя къ своей невѣстѣ съ самой скептической улыбкой.

Нина была ни жива, ни мертва.

— Объясниться пошелъ, просить прощенія, что навралъ глупостей, шептала съ милымъ смѣхомъ Катерина Михайловна своему старому другу.

Старому другу было рѣшительно все равно. Дочь его шла замужъ—стало быть, она этого хотѣла; еслибъ она хотѣла чего другого—кто ей мѣшаетъ сказать? И потому Литвинъ, невозмутимо спокойный душою, съ трудомъ поднялся съ мягкаго кресла и отправился «отдохнуть» въ свою комнату.

Не такъ хладнокровно Катерина Михайловна вызвала своего сына... Но то, что произошло въ кабинетѣ Александра Ивановича, осталось тайной для всѣхъ; должно быть, однако, что достойная мать выдержала жестокую сцену, потому что, когда она возвратилась въ гостиную и лихорадочно прижала Нину къ своему сердцу, взоры ея пылали и дыханіе было стѣснено... «Еще одна такая побѣда—и я погибла!» подумала Катерина Михайловна, сойдясь мысленно въ этомъ случаѣ съ какимъ-то великимъ человѣкомъ...

VIII.

Вечеромъ этого дня, памятнаго въ лѣтописяхъ общественной жизни города N*, Нина сидѣла одна въ своей комнатѣ, вышивала и плакала.

Какая-то почтенная старушка просила Катерину Михайловну сдѣлать ей честь пожаловать поиграть въ карточки. Катерина Михайловна не могла отказать. Она оставила своего друга «въ семьѣ» между сыномъ и дочерью, и послѣ утренней побѣды была покойна.

Литвинъ имѣлъ привычку всегда вечеромъ отдыхать отъ дневного утомленія, а Воронской былъ такъ сердитъ, что цѣлый день не глядѣлъ на свѣтъ Божій. Оставшись одинъ съ Ниной, онъ сказалъ ей:

— Мы еще съ вами успѣемъ насидѣться вдвоемъ. Вы позволите?

Онъ подвигался къ двери.

— Можете, отвѣчала, по обыкновенію, Нина.

— Я могъ бы сегодня быть на балѣ... Все маменькины выдумки! Изъ чего она разссорилась съ Грашковыми?

— Въ самомъ дѣлѣ жаль, сказала Нина совершенно апатично.—Я очень люблю Надину.

— Да, вы любите! Это примѣрная дѣвушка... Однако, вы не притворяйтесь, что вы ее любите; я не терплю притворства, прошу васъ.

— Въ чемъ я притворяюсь?

— Ужъ это я знаю... Однако, вы не достигнете, меня очень трудно обмануть—я васъ увѣряю.

Онъ вышелъ въ сильномъ волненіи.

Нина долго слушала, какъ стучали часы... ей вспомнилось что-то; что-то тяготѣло у нея на сердцѣ; работа падала изъ рукъ. Наконецъ, она бросила ее совсѣмъ и зарыдала: дѣйствительность вообразилась ей ужъ слишкомъ ясно.

Идти замужъ, когда она любитъ другого, быть женой Сашечки!..

— Боже мой! за что-жъ я такъ несчастна? вскричала она въ отчаяніи.

Она подняла голову: передъ ней стоялъ Бѣлягинъ.

— Нина? сказалъ онъ.

Она не слышала упрека въ его голосѣ; она вскочила и протянула ему руки, онъ не взялъ ихъ.

Онъ былъ несчастнѣе ея; со вчерашняго вечера онъ мучился неизвѣстностью, догадками, рано утромъ былъ уже у подъѣзда ея дома, вошелъ въ него едва было возможно; его не приняли. Цѣлый день служба, знакомые отрывали его и не могли оторвать отъ одной мысли: онъ хотѣлъ спросить у кого нибудь, точно ли правда, что Нину отнимаетъ у него Воронской, и не рѣшился: у него недоставало мужества спросить и онъ чувствовалъ, что недостаетъ силы хладнокровно выслушать.

Бѣлягинъ привыкъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ своемъ чувствѣ, хотя говорятъ, что любовь—чувство безотчетное, но онъ провѣрялъ свою, съ первой ея минуты, и въ этотъ тяжелый день, не смотря на свое безпокойство и горе, онъ заставилъ себя думать и разсуждать. Онъ слишкомъ высоко цѣнилъ то, въ чемъ полагалъ свое счастье: онъ хотѣлъ полно и сознательно принимать чувство, которое было такъ живо въ немъ; потому-то и горе его было сильнѣе, нежели горе кого нибудь другого. Неспособный къ минутнымъ, пустымъ увлеченіямъ, онъ не могъ скоро утѣшиться въ потерѣ своей любви; нелегкомысленный, онъ не могъ смѣяться надъ нею; гордый, онъ не могъ простить, что любовь эта оскорблена... Наконецъ вся эта премудрость безумнаго чувства разлетѣлась и, оставаясь лицомъ къ лицу съ однимъ только чувствомъ, молодой человѣкъ сходилъ съ ума въ ожиданіи вечера...

Вечеръ насталъ... Уѣзжая, Катерина Михайловна забыла приказать не принимать Бѣлягина. Литвинъ отдыхалъ у себя. Воронской заключился въ своемъ кабинетѣ. Бѣлягинъ, впрочемъ, не спрашивалъ о нихъ, проходя въ гостиную...

Онъ сѣлъ подлѣ Нины. Ея слезы все сказали.

— Вы идете замужъ? спросилъ онъ.

— Да, проговорила она, рыдая.

Онъ опустилъ голову на руки и долго молчалъ.

— Вашъ отецъ жестокъ? Васъ много принуждали? спросилъ онъ, наконецъ, поднимая свое блѣдное лицо.

— Нѣтъ, онъ добръ... онъ меня любитъ...

— Такъ Воронской ему нравится, а меня онъ не знаетъ?

Нина взглянула на него испуганная.

— И онъ не согласился даже подождать моего возвращенія?

— Что вы говорите?

— Что я говорю? что вашъ отецъ — нѣжный отецъ, а не согласился дождаться хоть взглянуть на того, кто любитъ его дочь!

— Онъ не знаетъ...

— Чего не знаетъ? вскричалъ Бѣлягинъ.

— Что я люблю васъ.

— Прощайте, сказалъ онъ, вставая.

— Не уходите, или я умру! вскричала Нина, схвативъ его за руку.

— Для чего-жъ я останусь?

— Ради Бога, другъ мой... О, что-жъ мнѣ было дѣлать? Послушайте, папа только пріѣхалъ, на другой же день, я не ждала... Катерина Михайловна сказала ему, что я люблю ея сына... папа спросилъ меня...

— А вы отвѣчали—«да»?

— Я ничего не отвѣчала... Что я могла сказать? какъ бы я сказала?

— Въ самомъ дѣлѣ это такъ трудно!

— Не смѣйтесь надо мной!.. Васъ не было... Еслибъ вы были здѣсь...

— Но развѣ вы не увѣрены, что я васъ люблю?

— О Боже мой! вскричала Нина въ отчаяніи.

— А вы сами, развѣ вы меня не любите?

— Благодарю васъ... вы меня утѣшили, вы мнѣ вѣрите!

— Тѣмъ хуже для васъ, сказалъ онъ холодно, отнявъ свою руку.—Балованное дитя отца, любимая, любящая женщина, побоялась сказать, что она любитъ... Неприлично, что ли, вамъ это показалось? Богъ вамъ судья, я васъ не понимаю.

Она плакала и ломала руки.

— Чего вы боялись? сцены? Да еслибъ и была сцена, что-жъ, наша любовь не придавала вамъ силы? Вы не пожертвовали для нея ни одной минутой вашего спокойствія... вы ее всю отдали за счастье быть женою Воронскаго?.. Стыдно! перестаньте плакать. Вы поступили такъ, что ваши слезы не жалки... Я имѣю право говорить вамъ это, продолжалъ онъ, остановясь передъ нею, блѣдный и удерживая волненіе, отъ котораго прерывался его голосъ. — Вы сдѣлали меня несчастнымъ. Ваша ребяческая трусость, ваша мелочная покорность приличіямъ свѣта отняли у меня будущность. Я, какъ ребенокъ, мечталъ, что назову васъ моей женой, я обѣщалъ себѣ такое блаженство... Богъ вамъ судья!.. Вы отняли у меня это... больше? вы отняли у меня даже чувство, которое я имѣлъ къ вамъ: я не люблю васъ!

— Господи, Господи! повторяла бѣдная дѣвушка: — зачѣмъ я живу на свѣтѣ!... Вы никогда меня не любили!

— Больше нежели вы этого заслуживали, больше нежели вы думали, отвѣчалъ онъ отчаянно. — Нечего разсказывать... Еслибъ отъ меня требовались жертвы, я бы ихъ принесъ... Оттого-то мнѣ теперь такъ тяжело не любить васъ, безхарактерная женщина!

— Вамъ пріятно повторять!

— Должно... и необходимо это. Впрочемъ, вѣдь вы скоро будете замужемъ.

— Послушайте! вскричала Нина, бросаясь къ нему: — простите меня, помогите мнѣ!.. Мой отецъ здѣсь... пойдемте къ нему со мной, при васъ я буду смѣла, я все скажу...

— Я не люблю васъ, отвѣчалъ Бѣлягинъ.

Она упала въ кресло безъ движенія. Онъ долго смотрѣлъ на нее молча и едва дыша.

— Прощайте, Нина, сказалъ онъ наконецъ. — Все, что я могу сдѣлать для васъ, я сдѣлаю, я спасу васъ отъ Воронскаго. Не ненавидьте меня.

Онъ вышелъ не оглядываясь. Въ залѣ онъ остановился на минуту, поправилъ волосы и вошелъ въ кабинетъ Александра Ивановича. У Бѣлягина была мысль, которую онъ спѣшилъ исполнить, не разбирая, чего могло стоить ея исполненіе, и какъ оно было трудно для его характера. Въ эти минуты у него не было ни характера, ни прежнихъ убѣжденій; ему было слишкомъ тяжело. Чтобъ успѣть въ томъ, чего ему хотѣлось, онъ рѣшился хитрить, подражая Катеринѣ Михайловнѣ.

Воронской расхаживалъ по кабинету; онъ встрѣтилъ Бѣлягина, какъ друга, съ объятіями.

— Поздравляю: вы женитесь, сказалъ Бѣлягинъ.

— А ужъ вамъ сказали?

— Да, ужъ говорятъ.

— Это я не знаю, что такое! я такъ несчастливъ, это такое наказаніе. — Эта женитьба мнѣ просто — я не знаю что̀!

— Помилуйте, я думалъ, вы влюблены.

— Я влюбленъ? это вамъ маменька сказала?

— Я не видалъ вашей маменьки.

— Все равно, она всѣмъ говоритъ... Не знаю, что и дѣлать. Ну, положимъ, ѣзди я въ палату, когда она хочетъ; ну, танцуй я съ кѣмъ она хочетъ; да вѣдь женюсь-то я, а не она? Вы какъ думаете?

— Я совершенно съ вами согласенъ, и если вамъ не нравится m-lle Литвина...

— Я ее терпѣть не могу!

— Я не позволилъ бы такъ собой управлять, сказалъ серьезно Бѣлягинъ, садясь.— Съ вашимъ состояніемъ, въ ваши лѣта, я самъ выбралъ бы себѣ жену.

— Ну, вотъ, я тоже говорю! Да посудите, что мнѣ дѣлать? Вы знаете, par secret, я люблю Надину Гра̀шкову... Маменька, просто въ бѣшенство приходитъ, не можетъ слышать ея имени...

— Нѣтъ, что-жъ, въ ваши года молодому человѣку связать себя нелюбимой женой... что еще такое ея отецъ...

— Несносный, скупой, резонеръ...

— Ну, вотъ, видите ли? Нѣтъ, я принялъ бы рѣшительныя мѣры.

— Бѣлягинъ, вы мнѣ другъ?

— Что вамъ угодно?

— Посовѣтуйте!

— Помилуйте, какъ я могу совѣтовать? Еслибъ я былъ влюбленъ...

— Ну?

— Я сейчасъ поѣхалъ бы, сдѣлалъ предложеніе, а въ воскресенье обвѣнчался.

Воронской остолбенѣлъ. Мѣра была слишкомъ рѣшительна.

— Я показалъ бы этому Литвину, продолжалъ хладнокровно Бѣлягинъ:—что я не нуждаюсь въ его деньгахъ, доказалъ бы m-lle Литвиной...

— Да вы посудите, она въ меня влюблена!

— Вотъ еще! нельзя же любить всякую

дѣвушку, которая въ насъ влюбится; не одна m-lle Литвина можетъ быть влюблена въ васъ... Ну, Богъ съ ней, я и ей показалъ бы, что ея любовь напрасна. А маменькѣ вашей я далъ бы понять, что двадцати-пяти лѣтняго сына не водятъ на помочахъ. Вы довольно благоразумны, вы основательны...

— Да что-жъ мнѣ дѣлать?... Вотъ сегодня, у Гра̀шковыхъ балъ; Надина не смѣла и звать меня...

— Я поѣхалъ бы незваный.

— Вы думаете?...

Воронской бросилъ вокругъ себя нерѣшительный взглядъ. Бѣлягинъ примѣтилъ, что на диванѣ ужъ былъ приготовленъ бальный костюмъ.

— Я хотѣлъ... видите ли...

— Я просто поѣхалъ бы, объяснился съ Надиной... а тамъ, Литвинъ дѣлай что хочешь.

— Да вы подумайте: онъ насъ уже благословилъ.

— Какъ? вскричалъ Бѣлягинъ, разсмѣявшись:—и вы такъ попались? съ вашимъ умомъ, Воронской! Ахъ, какой промахъ!

— Ну, подумайте, ну, что тутъ дѣлать?

— Тутъ-то и спасаться, и нечего терять времени. Если вы скажете просто, что не хотите жениться, васъ еще удержатъ: вы такъ добры... Но если вы прямо укажете: вотъ кого я избралъ—тогда ваша маменька будетъ принуждена покориться...

— Такъ какъ же?

— Одѣвайтесь, поѣдемъ къ Гра̀шковымъ.

Воронской остановился.

— Одѣвайтесь, повторялъ Бѣлягинъ:—чего ждать? такія минуты посылаются судьбой; пропускать ихъ нечего, а то воротится ваша маменька, позоветъ васъ Литвинъ...

— Онъ и безъ того хотѣлъ сегодня со мной въ шашки играть.

— Ну, вотъ видите ли? Это бѣда! Да ваша участь, просто, рабство... Одѣвайтесь!

Воронской позвалъ камердинера.

— Я васъ привезу—и дѣло кончено.

— Ne parlez pas devant le domestique, замѣтилъ Воронской.

— Вотъ какое стѣсненіе! продолжалъ Бѣлягинъ по-французски, чтобъ сдѣлать ему удовольствіе.—Нѣтъ, пора вамъ избавиться отъ этихъ оковъ. Помилуйте! неужели никто не принялъ въ васъ участія, никто не поддержалъ вашей рѣшимости? За что пропадетъ такой славный товарищъ, съ скучнымъ тестемъ, съ матушкой, въ какой нибудь деревнѣ, въ глуши? Тогда какъ съ Надиной...

— Да, ужъ я думаю... сказалъ Воронской, самодовольно поправляя свои завитые волосы передъ зеркаломъ:—vive la joie!

— Берите перчатки!

— Но какъ же мы скажемъ?..

— А теперь покажите вашу твердость. Вѣдь вы рѣшились?

— Рѣшился.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Никакъ, маменька пріѣхала, сказалъ камердинеръ.

Воронской сконфузился.

— И жить вѣчно въ такомъ страхѣ! вскричалъ Бѣлягинъ.

— Посмотри, маменька, что ли.

— Нѣтъ-съ.

— Ну, слава Богу! Que faut-il faire?

— Нѣтъ, Воронской, вы должны освободиться; такъ вы недолго проживете: у васъ будетъ чахотка. Взгляните, вы поблѣднѣли.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Ну... прикажите же что надо?

— Надѣвайте шубу.

Бѣлягинъ накинулъ свою шубу и сказалъ, выходя:

— Если Катерина Михайловна возвратится и спроситъ Александра Ивановича, сказать, что онъ уѣхалъ на балъ къ Гра̀шковымъ.

— Вы съ ума сошли, Бѣлягинъ?...

Но Александръ Ивановичъ сидѣлъ уже въ саняхъ, а Бѣлягинъ продолжалъ свои увѣщанія. Скорость ѣзды, удаленіе отъ родительскаго крова произвели благотворное вліяніе на Воронскаго; онъ почувствовалъ себя свободнѣе и сталъ твердъ. Любовь его засіяла еще ярче, когда онъ вступилъ въ освѣщенный подъѣздъ Гра̀шковыхъ; звуки музыки сильнѣе заволновали его сердце... Входя въ бальную залу, онъ былъ очарованъ.

Тамъ танцовали. Палевое платье и черные локоны Надины промелькнули предъ влюбленными взорами Воронскаго, и черезъ минуту она сама явилась передъ нимъ, удивленная, смущенная, но привѣтливая и радостная.

— Вы здѣсь? сказала она:—какъ это мило! какъ это умно!

Она почти потерялась отъ восхищенія, а Воронской потерялся до того, что пожалъ ей руку и тихонько сказалъ: «je vous aime».

Она оправилась первая.

— Вотъ маменька.

Воронской ушелъ кланяться.

— Не вамъ ли я обязана? сказала Надина Бѣлягину, смѣясь вслѣдъ своему обожателю.

— Мы съ вами друзья, Надежда Васильевна?

— Друзья, друзья... Хотите кадриль?

— Я не буду танцовать. Не въ томъ дѣло. Вы любите Воронскаго? то есть, вы хотите выйти за него замужъ?

— Вы сошли съума, или нѣтъ?

— Не знаю; но мнѣ, право, не до учтивости. Ради Бога! говорите правду.

— Съ вами что-то случилось... Что съ вами? мнѣ васъ жаль... Скажите мнѣ, право, я не такъ зла...

— Любите вы Воронскаго?

— Ну, да.

— Такъ не теряйте времени сегодня. Предупредите маменьку, папеньку, кого слѣдуетъ: онъ вамъ сегодня объяснится формально.

— Если вы шутите...

— Мнѣ не до шутокъ. Будьте ловки... Къ чему конфузиться? Будьте откровенной, смѣлой женщиной съ человѣкомъ, который никогда не любезничалъ съ вами, и всегда желалъ вамъ добра. Вы хотите имѣть выгоднаго жениха? не выпускайте его сегодня.

— Постойте...

Но они были принуждены разойтись; Надина была удивлена, но въ минуту собралась съ духомъ и мыслями. Бѣлягинъ не могъ обманывать, къ тому-жъ онъ былъ такъ разстроенъ, что нельзя было предположить шутки; и смѣлъ ли онъ шутить? Сообразивъ все это, Надина пошла отыскивать Воронскаго.

Воронской, въ свою очередь, искалъ Бѣлягина.

— Какъ вы думаете, спросилъ онъ, встрѣтивъ его:—когда лучше объясниться: теперь или за мазуркой?

— На вашемъ мѣстѣ я неоткладывалъ бы, отвѣчалъ тотъ: — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Бѣлягинъ испугался, что Воронской передумаетъ, но бояться было нечего. Чрезъ минуту Воронской и Надина сошлись вмѣстѣ, и Бѣлягинъ могъ убѣдиться, по оживленнымъ жестамъ Воронскаго, по смущенію Надины, по уединенному мѣсту, которое они избрали на диванѣ во второй, пустой гостиной, гдѣ тотчасъ сѣли, по внезапному появленію г-жи Грàшковой, начавшей бродить около этого уединеннаго мѣста, что тамъ происходитъ что-то рѣшительное.

— Какими судьбами вы у насъ? спросила Надина Воронскаго.

— Меня довезъ Николай Андреичъ.

— Но какъ вы рѣшились!...

— Онъ сказалъ, что ничего, если я и безъ зова пріѣду.

— Вы должны были быть увѣрены, что вамъ всегда рады.

— А въ самомъ дѣлѣ, ваша маменька ничего вамъ не сказала, что я незваный пріѣхалъ?

— Маменька васъ любитъ, а еслибъ и не любила...

— Такъ что-жъ?

— Я люблю васъ, сказала Надина, бросивъ на него такой взглядъ, какого онъ еще не видывалъ.

— О, mon ange! вскричалъ восхищенный Воронской.

— Тише... если услышатъ...

— Пусть слышатъ, продолжалъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ:—я, право, ничего не боюсь. Я не могу, чтобъ меня принуждали; я тоже понимаю вещи, наконецъ, я независимъ. Пусть тамъ маменька какъ хочетъ, а я ужъ совершеннолѣтній и не хочу, чтобъ какой нибудь Литвинъ мною командовалъ... Живи я съ нимъ! Вы возьмите, онъ что такое? столоначальникомъ былъ у папеньки — больше ничего. А его дочь?—она дома воспитана, и вы посмотрите, какъ она галопируетъ: просто руку оттянетъ... Какъ маменькѣ угодно, а я не могу на ней жениться. Во мнѣ, надѣюсь, довольно ума, чтобъ видѣть, къ чему все клонится, и самому выбрать наконецъ...

— И вы выбрали... сказала робко и лукаво Надина.

— Я, конечно, маменькѣ ничего не говорилъ, потому что это крикъ одинъ—только; но мнѣ и Николай Андреичъ Бѣлягинъ совѣтовалъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше рѣшиться. У меня, я знаю, состояніе есть, что нибудь да свое, а возьмите, съ Литвинымъ съ ума сойдешь. Я вчера, просто, изъ себя выходилъ...

— Воображаю васъ: вспыльчивъ, гордъ!..

— Я ужасно гордъ.

— Прелестные пороки! продолжала Надина, вдохновенно устремивъ на него глаза.

— Во мнѣ нѣтъ пороковъ, отвѣчалъ Воронской.

— О, это не пороки! а еслибъ они и были, я люблю ихъ. Васъ оскорбили, ваше благородное сердце возмутилось...

— Ничего, меня не оскорбляли, возразилъ онъ хладнокровно:—а помилуйте, папироски не закуришь безъ позволенія — вѣдь это обезумѣешь...

— Я воображаю!.. Такъ вы рѣшились?.. Надо же чѣмъ нибудь кончить.

— Я и сказалъ, что кончу; вотъ, я къ вамъ и поѣхалъ...

— Зачѣмъ? спросила Надина замирающимъ голосомъ и будто невольно пожавъ его руку, которая лежала въ ея рукѣ.

— Да вѣдь вы сами сколько разъ говорили, вскричалъ онъ: — вѣдь если я за васъ посватаюсь, вы мнѣ не откажете?

— Надечка, другъ мой, сказала m-me Грàшкова, привлеченная какимъ-то неуловимымъ знакомъ дочери... Ахъ, Александръ Иванычъ!.. Надечка, какъ же, душка, вы тутъ одни...

— Маменька, сказала Надина, вставая:— Александръ Иванычъ проситъ моей руки, а я согласна, потому что давно люблю Александра Иваныча.

Неизвѣстно, какъ случилось, что тутъ же рядомъ очутился и г. Грàшковъ. Онъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, обнялъ Александра Ивановича.

— Мое желаніе всегда было, всегда, сказалъ онъ.

Еще менѣе объяснимо было для Александра Иваныча, какъ самъ онъ очутился вдругъ объ руку съ Надиной въ дверяхъ гостиной, между г-мъ и г-жею Грàшковыми, какъ внезапно появился человѣкъ съ подносомъ и бокалами и какъ г. Грàшковъ провозгласилъ гостямъ:

«Имѣю честь представить жениха и невѣсту!»

Тутъ все засуетилось и задвигалось: нарядныя дамы и дѣвицы, молодые люди, старички, важныя особы; посыпались поздравленія, привѣтствія, желанія счастья, начались объятія... Александръ Ивановичъ переходилъ изъ однихъ объятій въ другія, наконецъ, когда его привѣтствовалъ самъ начальникъ губерніи и потрясъ ему руку, «желаю всего, всего лучшаго, а главное, постоянной любви», когда, потомъ, онъ поцѣловалъ ручку своей краснѣющей невѣсты и, въ заключеніе, выпилъ свой бокалъ, благодаря присутствующихъ, тогда онъ нашелъ, что его положеніе самое пріятное. Къ нечаянностямъ онъ ужъ привыкъ и былъ почти убѣжденъ, что брачныя благословенія не совершаются иначе, какъ нечаянно.

— А матушка ваша? спросило его какое-то важное лицо.

— Она нездорова, отвѣчалъ Александръ Иванычъ во всеуслышаніе.

И начались сожалѣнія, что Катерина Михайловна не можетъ участвовать въ общемъ удовольствіи.

— Да развѣ они ужъ помирились съ Грàшковыми? спросила у г-жи Хворостининой m-me D., которая любила всегда уяснять себѣ всякое обстоятельство.

— Кто ихъ разберетъ? ссорятся, мирятся! отвѣчала г-жа Хворостинина. — Annette! кликнула она свою дочь, поѣдемъ, у меня голова болитъ.

— Какъ, вы ее увозите? спросила, подходя, m-me L.:—она не успѣла и потанцовать.

— Довольно, я думаю...

— А я, смотрите, еще съ бокаломъ, продолжала m-me L. — Это я желаю нашимъ влюбленнымъ полнаго счастья. Подите сюда, вѣтренникъ, прибавила она, обращаясь къ Воронскому:—что, остепенились! Пора, пора! Будьте счастливы, я вамъ искренно, искренно желаю—вотъ какъ?

Она подала свою ручку въ перчаткѣ Александру Ивановичу: тотъ, въ радости, поцѣловалъ перчатку.

— Chère Nadine... je vous félicite, раздавались голоса дѣвицъ.

— Надина-то, посмотрите, чуть не прыгаетъ, сказала Марья Ивановна Топилина г-жѣ Хворостининой.

— Воронской, поздравляемъ. Когда-жъ къ тебѣ? спрашивали молодые люди.

— Прежде, господа, прошу ко мнѣ, сказалъ г. Грàшковъ, вызывая жениха и ихъ въ свой кабинетъ, гдѣ начались тосты.

Александръ Ивановичъ нашелъ, что у него восхитительный тесть...

Бѣлягинъ поздравилъ и не пошелъ за молодежью. Онъ былъ свидѣтелемъ этой сцены и радовался своему успѣху. Это была горькая радость. Потомъ онъ подумалъ, улыбнувшись, что теперь N-скія дамы могли бы не даромъ назвать его помѣхой всѣхъ свадебъ, потому что онъ уже разстроилъ ихъ двѣ: нèхотя, свадьбу совѣтника и, съ намѣреніемъ, свадьбу Нины.

— Глупая роль! подумалъ онъ.

Потомъ ему стало жаль Надины и какъ будто совѣстно передъ нею, передъ собой... Но тутъ ему стало такъ тяжело, такъ горько, что онъ не могъ больше думать ни о комъ, кромѣ самого себя.

— Прощайте, Надежда Васильевна, сказалъ онъ, встрѣтивъ ее, когда она проходила по залѣ.

— Куда вы?

— Домой; а тамъ завтра, быть можетъ, далеко.

— Какъ далеко?

— Опять куда нибудь на слѣдствіе, или совсѣмъ отсюда.

— Вы мнѣ разскажите, что съ вами, сказала она съ участіемъ.

— Только не теперь... Довольны вы?

— Очень.

— Благодарю васъ, что вы не скрытничаете... Прощайте.

Въ часъ ночи, Нина еще не засыпàла, когда ея горничная подала ей записку. Это былъ листокъ, вырванный изъ записной книжки... Почеркъ былъ незнакомъ, но Нина его узнала:

«Вы можете уснуть спокойно: вы свободны. Будьте счастливы».

— Кто принесъ? спросила Нина.

— Изъ дома Грàшковыхъ; тамъ еще танцуютъ, и Александръ Иванычъ еще не пріѣхалъ.

— Богъ съ нимъ! сказала Нина и упала, въ слезахъ, головой на подушку...

Катерина Михайловна не почивала тоже... она знала, гдѣ сынъ ея.

Во всемъ домѣ былъ спокоенъ одинъ г. Литвинъ.

Утомленная Катерина Михайловна заснула передъ свѣтомъ, но все-таки прежде возвращенія сына, слѣдовательно, не успѣвъ узнать причины обстоятельства, такъ сильно ее волновавшаго... Сашечка на балу у Грàшковыхъ, Сашечка, женихъ, для котораго уже заказанъ брачный фракъ!.. поѣхалъ съ Бѣлягинымъ... Этотъ къ чему вмѣшался?.. Догадавшись, что Нина любитъ Бѣлягина, Катерина Михайловна не могла догадаться, что можетъ случиться дальше. Она узнала только, что сынъ ея бывалъ у Грàшковыхъ; она видѣла его явное неповиновеніе и готовилась... Все, что она ему готовила, должно было совершиться утромъ. Но Литвинъ всталъ раньше и не допустилъ Катерину Михайловну потревожить покой Александра Ивановича, продолжавшійся зà полдень.

Литвинъ былъ необыкновенно разговорчивъ въ это утро; ему вдругъ пришла обо всемъ забота: онъ разспрашивалъ о приданомъ Нины; разсуждалъ, когда назначить день помолвки; какимъ торжествомъ ознаменовать его: обѣдомъ или вечеромъ; справлялся, все ли можно имѣть въ городѣ N* для этого торжества. Катерина Михайловна была какъ на иголкахъ; ея смущеніе еще возрасло, когда Литвинъ вдругъ сказалъ:

— А нашъ молодой человѣкъ, видно, вчера очень затанцовался. Гдѣ это онъ былъ?

— У знакомыхъ однихъ, отвѣчала, краснѣя, Катерина Михайловна.

— Вчера глазъ не показалъ вечеромъ, продолжалъ Литвинъ. — Я выхожу сюда — Нина одна. Гдѣ женихъ? — и слѣдъ простылъ!

— Нельзя было отказать, душечка, отвѣчала кротко Катерина Михайловна:—приличія иногда требуютъ... и не радъ, право, а обязанъ...

— Все хоть бы сказался... Здравствуй, Нина. Что такая блѣдная? Не ищи своего нареченнаго; привыкай дожидаться.

— Ахъ, душечка, что вы говорите! вскричала Катерина Михайловна со слезами на глазахъ:—возможно ли такое сомнѣніе? Это мнѣ, право, такъ... И Ниночка... Ахъ, ангелъ мой, вы не подумайте что нибудь такое... Вы вѣдь знаете, нельзя же, приличія .. Это его безумный этотъ Бѣлягинъ убѣдилъ ѣхать, а то бы онъ, Боже сохрани! никогда... Не сердитесь, дружочекъ...

— Почему-жъ Александру Иванычу не доставить себѣ удовольствія? отвѣчала Нина:—я нисколько не сержусь.

— Ну, добрая будетъ жена! сказалъ Литвинъ, съ сдержаннымъ негодованіемъ человѣка, тоже понимающаго приличія.

Онъ всталъ и отошелъ къ дочери. Нина безпокойно смотрѣла въ окно. Катерина Михайловна была готова излиться въ слезахъ — такъ страдало ея сердце; но въ эту минуту доложили о пріѣздѣ г-жи Хлоповой съ дочерью, и прежде, нежели Катерина Михайловна успѣла приказать не принимать ихъ, обѣ дамы были уже въ гостиной.

Александра Петровна Хлопова была почтеннѣйшая дама во всемъ городѣ. Съ нѣкотораго времени ея визиты считались необыкновеннымъ явленіемъ, честью, подаркомъ для тѣхъ, кому она ихъ дѣлала. На этотъ разъ визитъ былъ особенно торжественъ, потому что въ туалетѣ г-жи Хлоповой не было ничего чернаго, даже дикаго. Дочь ея, Anastasie Окольская, дама, живущая въ домѣ родителей на правахъ меньшой падчерицы, была даже вся въ розовомъ платьѣ, въ которомъ, назадъ четыре года, она дѣлала свои свадебные визиты, въ шляпкѣ съ блѣднымъ перомъ, и ея завялое лицо тускло глядѣло изъ-за необъятныхъ рюшей подъ полями этой шляпки.

Обѣ дамы приблизились къ Катеринѣ Михайловнѣ; Александра Петровна впереди.

— Достойная моя, произнесла она, обнявъ Катерину Михайловну:—вы истинная

мать! да будетъ вамъ послано всякое счастіе. Жена — утѣха дому... Хоть меня испыталъ Господь (она указала на Anastasie, которая присѣдала, прошептавъ что-то), но я васъ привѣтствую—не отъ устъ токмо, но отъ сердца...

Литвинъ изумился. Катерина Михайловна была изумлена не менѣе.

— Благодарю васъ, сказала она; — но я думала...

Г-жа Хлопова сѣла на диванъ. Anastasie у двери; обѣ онѣ сдѣлали только по холодному поклону Литвину и его дочери. Г-жа Хлопова даже оглянула Литвина съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ будто недоумѣвая, зачѣмъ онъ тутъ находится. Литвинъ сѣлъ подлѣ Нины и молчалъ. Катерина Михайловна хотѣла предложить вопросъ, но г-жа Хлопова начала:

— Теперь долгъ вашъ не умалится, но возрастетъ: пещись о дѣтяхъ ихъ непрестанно!.. Я сама знаю, что это долгъ великій, и исполняла, но, по грѣхамъ моимъ, не далось мнѣ... Вотъ она! (обращеніе на Anastasie) братъ ея... дѣти — сокрушеніе наше!

— Поздравляю васъ, Катерина Михайловна, сказала, входя, г-жа Хворостинина: — вчера я имѣла удовольствіе поздравить Александра Иваныча, просила его передать вамъ, и сегодня сожалѣю, что не я первая...

Вслѣдъ за нею явились еще дамы, еще гости, еще поздравленія... Потерявшаяся Катерина Михайловна не могла и не успѣвала сказать ни слова.

— Что-жъ насъ не поздравляютъ, ни тебя, ни меня? спросилъ Литвинъ свою дочь.— Что-жъ это за комедія? (онъ сильно взволновался). Вѣдь это ни на что не похоже! Какъ они провѣдали? Да чего же Катерина Михайловна не двинется, тебя не представитъ?..

— Милая моя Катерина Михайловна! — вскричала, влетая, радостная и нарядная m-me L.: — поздравляю васъ, поздравляю! наконецъ-то! Помучили вы молодежь, да ужъ Богъ васъ проститъ! Наконецъ...

Она съ необыкновенной живостью обнимала и цѣловала Катерину Михайловну.

— Онъ такъ счастливъ, такъ счастливъ...

— Но я не могу постичь, какъ же могли узнать?.. сказала Катерина Михайловна.

Гостьи переглянулись всѣ разомъ, какъ по условному знаку.

— Да какъ же, сказала m-me L.: — вчера весь городъ былъ у Грашковыхъ на помолвкѣ...

— На чьей помолвкѣ! вскричала Катерина Михайловна.

— Помилуйте! на помолвкѣ Александра Иваныча, отвѣчала Хворостинина.

— Какого Александра Иваныча? вскричала мать, не узнававшая даже имени своего сына.—Съ кѣмъ еще его помолвили?

— Съ Надеждой Васильевной... Неужели вы не знаете?

Катерина Михайловна упала безъ памяти въ кресло; Нина бросилась къ ней. Литвинъ хладнокровно вышелъ и сказалъ въ залѣ:

— Привести мнѣ почтовыхъ лошадей.

М-me L. и г-жа Хворостинина исчезли; г-жа Хлопова величественно поднялась и, указывая Anastasie на безчувственную Катерину Михайловну, произнесла:

— Вотъ плоды любви родительской!

Затѣмъ она уѣхала, дочитавъ въ каретѣ остатокъ своей рѣчи.

Катерина Михайловна, казалось, ожидала, чтобъ опустѣла ея гостиная... Она вскочила...

Александръ Ивановичъ сладко почивалъ... Дверь его слетѣла съ петель...

Ни землетрясенія, ни тромбы, ни ураганы, никакія разрушительныя явленія физическаго міра не дадутъ понятія о томъ, что разразилось въ кабинетѣ внезапно пробужденнаго влюбленнаго жениха...

Изъ кабинета буря вылетѣла въ другія комнаты... Слезы, рыданія, клятвы, гнѣвныя рѣчи, моленія... всего пересчитать невозможно. Все рѣшилось для несчастной Катерины Михайловны! Ея стоны, вопли, угрозы не переставали раздаваться по всему дому, среди суматохи сборовъ къ отъѣзду Литвина. Онъ только торопилъ дочь.

— Я вамъ не сумасшедшій попался, матушка Катерина Михайловна, говорилъ онъ на всѣ ея отчаянные крики:—вздумали мнѣ навязать дурака!

Какъ человѣкъ дѣлается вдругъ проницателенъ въ критическія минуты! какъ открываются его душевныя очи!

— Неужели ты въ этого... влюбилась? спросилъ Литвинъ Нину, среди всѣхъ этихъ треволненій.

— О, нѣтъ, нѣтъ, папа! вскричала она, бросившись ему на шею:—поѣдемъ!

— Кто васъ разберетъ, модныя дочки! вскричалъ Литвинъ, совершенно потерявшись.

Онъ приготовлялся было гнѣваться на дочь, но выходило не за что.

— Такъ сбираться же, лошади сейчасъ будутъ готовы.

Въ домѣ всѣ двери были настежъ; люди перебѣгали, суетились, носили сундуки, укладывали вещи Литвина. Подъѣздъ безпрестанно отворялся и затворялся, пріѣзжали поздравлять Катерину Михайловну; слышали вопли вмѣсто брачныхъ веселій, и отъѣзжали въ недоумѣніи, нѣкоторые въ испугѣ. Нѣсколько молодыхъ людей, вошедшихъ въ отворенныя двери безъ доклада, не знали, какъ убраться.

Нина съ замирающимъ сердцемъ глядѣла въ окно: она ждала еще одного гостя... Онъ не пріѣхалъ...

Настала минута разстаться.

— Душечка, другъ мой, воскликнула Катерина Михайловна, удерживая за полы Литвина;—душечка, не смотрите на этого изверга, на змѣю эту!.. Это... это... Поди, оставь меня! Вотъ благодарность за мои труды!.. Ниночка! ахъ, цвѣточекъ мой!.. Безумный, свою мать компрометировать! Поди, злодѣй, исчезни изъ моихъ глазъ! Ты думаешь мое согласіе получить! Нѣтъ, нѣтъ, свадьбы твоей не бывать, пока я жива!.. чтобъ я эту Надину въ свой домъ приняла!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!...

Катерина Михайловна схватила Нину, сжала ее въ объятіяхъ, и еслибъ отецъ не освободилъ дочери, упала бы вмѣстѣ съ нею безъ чувствъ въ подъѣздѣ... Ея объятія такъ и замерли въ воздухѣ...

Перо мое выпадаетъ изъ рукъ... И нужно ли что нибудь еще прибавить къ разсказу? Не безъ того ли все понятно вамъ, читатель? не догадываетесь ли вы ужъ обо всемъ, что должно произойти дальше, вы, которые знаете всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи?.. Не подумайте, чтобъ разсказчикъ съ намѣреніемъ заключилъ ее эфектной сценой: такъ случилось; вѣрнѣе, такъ было; къ такой великой истинѣ страшно прибавить еще что нибудь. Пораженный событіемъ, разсказчикъ не смѣетъ даже вывести нравоученія, а только смиренно сознаетъ тщету замысловъ и усилій человѣческихъ и, вглядываясь въ подробности этой великой драмы, спрашиваетъ себя:

— Кто-жъ остался доволенъ?

ПРОВИНЦІЯ ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПОСЛѢДНЕЕ ДѢЙСТВІЕ КОМЕДІИ.

РОМАНЪ.

1854—1855 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Когда случается вглядываться въ чью нибудь неудавшуюся жизнь (а у кого она вполнѣ удается?), всего чаще является мысль о необъяснимыхъ противорѣчіяхъ и поступкахъ съ словами, словъ съ наклонностями и характерами людей. Поражаютъ произвольно-ложныя толкованія того, что просто и понятно, кривыя объясненія прямыхъ дѣлъ, преднамѣренное непониманіе чувствъ, несообразность поступковъ—между тѣмъ какъ всякій знаетъ, что дѣлаетъ и что долженъ бы дѣлать, знаетъ, что у него нѣтъ и не можетъ быть отговорки невѣдѣнія. Предъ человѣкомъ стоитъ его обязанность—онъ или не хочетъ ее видѣть, или исполняетъ такъ, что и другимъ, и ему самому отъ того хуже: передъ нимъ чье нибудь чувство—онъ бьетъ по немъ, точно на зло,—неизвѣстно, какую радость находя въ чужомъ страданіи. И жизнь, часто со всѣми данными для счастья—испорчена въ конецъ; часто все, что казалось бы, должно ее украсить, служитъ только лишнимъ средствомъ, лишнимъ предлогомъ для печали. Изъ жизни, которая могла бы идти такъ стройно, разумно и прекрасно, изъ жизни, назначенной для любви, довольства и разумной дѣятельности, составляется какое-то странное представленіе... Улыбаясь и плача, его можно назвать только комедіей; другого названія оно не заслуживаетъ.

Эти комедіи тянутся долго и однообразно, какъ все, совершающееся понемногу. Дѣйствіе, огромное своимъ нравственнымъ значеніемъ, большею частью несложно, рѣдко эфектно, и только его развязка имѣетъ иногда сказочный интересъ, необходимый для того, чтобы обратить на себя вниманіе массы зрителей. Впрочемъ, едва ли и самый терпѣливый наблюдатель, утѣшитель или моралистъ, рѣшился бы прослѣдить всю комедію отъ начала до конца: недостанетъ времени, памяти, мужества... Довольно иногда посмотрѣть на одно послѣднее дѣйствіе, чтобы понять все, что происходило прежде: это послѣднее дѣйствіе —выводъ изъ всѣхъ предыдущихъ, нѣсколько торжественное, потому что ужъ все совершено, все кончено... а въ человѣкѣ, къ счастью, еще есть способность задумываться предъ тѣмъ, что уже кончено.

Часовъ въ восемь вечера, въ городѣ N*, въ большой залѣ одного большого дома, за роялемъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи, си-

дѣла молодая дѣвушка. Кромѣ нея, въ залѣ не было никого. Свѣчи бросали свой блескъ на паркетъ и бѣлыя стѣны, на рядъ черныхъ стульевъ, будто прикованныхъ къ стѣнамъ. Въ самомъ дѣлѣ, казалось невозможно, чтобы они сдвинулись какъ-нибудь уютно въ этой огромной комнатѣ, которая съ перваго взгляда производила странное впечатлѣніе. Кажется, что обыкновеннѣе бѣлой залы съ роялемъ и двумя свѣчами, съ блестящимъ поломъ и темною мебелью; кажется, ничего нѣтъ удивительнаго, что звуки раздаются громче въ пустотѣ, что воздухъ, свѣтъ, размѣръ этой залы съ первой минуты охватывали какъ-то непріятно. Музыка не разгоняла, а довершала это впечатлѣніе, хотя дѣвушка играла прекрасно и съ увлеченіемъ; еще страннѣе, что, глядя на эту дѣвушку, молодую и граціозную, было невозможно забыть перваго непріятнаго чувства пустоты и холода, напротивъ, это чувство дѣлалось еще тяжеле. Казалась ли она слишкомъ одинока, становилось ли жаль, что никто не слышитъ ея игры, которую можно было бы назвать вдохновенной, не говоря комплимента? то и другое пришло бы на мысль тому, кто сталъ бы наблюдать за этой дѣвушкой. Можно было догадаться, что она играла давно, потому что лицо ея разгорѣлось, а руки поблѣднѣли отъ усталости; въ глазахъ ея выражалось скорѣе раздраженіе, нежели удовольствіе, она играла одну пьесу за другою, не останавливаясь, какъ будто это занятіе служило ей только средствомъ прогнать время. Наконецъ, вѣроятно, находя, что пьесы еще недовольно утомляютъ, что, играя ихъ, можно еще слишкомъ много думать, дѣвушка принялась за этюды и гаммы, которыя раздались одна за другою, какъ буря...

Тогда въ дверяхъ слѣдующей комнаты, гостиной, явилась невысокая пожилая дама, худая и блѣдная, закутанная въ темную шаль сверхъ темнаго платья. Она показалась осторожно и не перешла порога.

— Машенька, другъ мой, сказала она, возвышая свой дрожавшій голосъ, который звонко и рѣзко раздался среди музыки:—не довольно ли тебѣ играть сегодня?

Съ этими словами она возвратилась въ гостиную.

Дѣвушка встала и закрыла рояль, потомъ остановилась предъ нимъ, подумала и погасила свѣчи. Въ залѣ стало совсѣмъ темно. Въ окна бѣлѣло блѣдное мартовское небо и полуистаявшій снѣгъ, лежавшій грядами около тротуаровъ; между ними темнѣла дорога; въ ямахъ, полныхъ воды, отражался свѣтъ единственнаго фонаря. Проѣхало мимо нѣсколько саней, стуча полозьями; прошло нѣсколько пѣшеходовъ, осторожно пробираясь по мягкой блестящей тропинкѣ; наконецъ прогремѣла карета; ея огни на минуту освѣтили залу и нарисовали всѣ ея окна на противоположной стѣнѣ.

Соскучась наблюденіями, дѣвушка стала ходить по залѣ. Изъ отворенной двери гостиной тянулась полоса свѣта. Тамъ, у круглаго стола, предъ лампою, сидѣла старая дама и занималась какимъ-то вязаньемъ изъ цвѣтной шерсти. Другая дама, возвратясь изъ залы, сѣла напротивъ и взяла книгу.

— Вы приказали ей перестать? спросила первая, когда гаммы замолкли.

— Да; надо-жъ, наконецъ, дать отдыхъ инструменту, если не нашимъ ушамъ.

— Она оскорбилась, вѣроятно, замѣтила первая дама, увидя, что огонь въ залѣ погашенъ.

— Можетъ быть, отвѣчала та, со вздохомъ.—Будемте читать, однако, прибавила она послѣ минутнаго молчанія, отыскивая глазами строку въ своей книгѣ.

Чтеніе было назидательное и продолжалось нѣсколько времени, прерываемое только замѣчаніями: «какъ это глубоко! какъ онъ узналъ сердце человѣческое!» и тому подобное. Но читавшая дама вскорѣ замѣтила, что ея подруга оглядывается на дверь залы.

— Что вы смотрите, Пелагея Михайловна?

— Мнѣ кажется, о н а въ залѣ, отвѣчала Пелагея Михайловна шопотомъ: — посмотрите, она ходитъ по залѣ.

Обѣ приложили руку къ глазамъ и вглядывались.

— Вы позвали бы ее, Елена Ивановна.

— Для чего же, если она сама не хочетъ войти?

— О, другъ мой! что вы сейчасъ читали? Не раздражайте ее.

— Машенька! сказала Елена Ивановна.

Дѣвушка остановилась въ темныхъ дверяхъ.

— Развѣ ты не хочешь придти посидѣть съ нами?

— Сейчасъ, я только возьму работу.

Когда онѣ остались опять однѣ на минуту, Пелагея Михайловна пожала руку своей пріятельницы и сказала:

— Вотъ онъ, тернистый путь, на который намъ указуетъ эта книга; блаженъ, кто пройдетъ его безъ преткновенія! А вы, другъ мой, избранница: вамъ посланы и преткновенія для испытанія вашего; вы, какъ золото, очищаетесь въ горнилѣ...

— Къ чему это послужитъ? возразила Елена Ивановна съ глубокой горестью. И, вѣроятно, чтобъ скрыть эту горесть увидя, что входитъ дочь, Елена Ивановна ниже наклонилась надъ книгой и прикрыла лобъ и глаза рукою.

— Милости просимъ къ намъ, любезнѣйшая Марья Андреевна, сказала Пелагея Михайловна, поправляя колпакъ лампы:—вы хотѣли лишить насъ вашего общества...

— Машенька, сказала Елена Ивановна:— я вижу, ты недовольна мною за то, что я просила тебя прекратить твой концертъ. Я прошу у тебя въ томъ прощенія, и вотъ Пелагея Михайловна свидѣтельница, какъ для меня больно, что ты на меня сердишься. Но хотя бы ты и вдвое сердилась... Ты уже въ такомъ возрастѣ, ты можешь... что же, Богъ съ тобой!.. Но и тогда я приказала бы тебѣ перестать. Вспомни, какіе нынче дни!

— Вы не запрещали мнѣ играть вчера и всѣ эти дни, возразила дѣвушка.

Пелагея Михайловна вздохнула и взяла работу.

— Я сбиралась съ силами, отвѣчала Елена Ивановна: —и, признаюсь, я ожидала, что ты одумаешься сама; это уже возможно въ твоемъ возрастѣ. Если твой отецъ посѣщаетъ общества и концерты, на то его воля, и ты не должна смѣть подумать судить его. Но ты могла бы разсчесть, что можешь два мѣсяца въ году обойтись безъ музыки... Два мѣсяца! много ли это въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, которое мы безумно тратимъ? Такъ ли это тяжело? Такъ ли мы помнимъ, что мы такое, что не имѣемъ надобности въ нѣсколькихъ недѣляхъ, чтобъ одуматься!

Пелагея Михайловна тяжело вздохнула.

— И потому, продолжала Елена Ивановна:—я приказала тебѣ оставить музыку. Я понимаю, что значитъ, что ты не хотѣла войти сюда, но помню, что должна простить тебя... Будемте же читать, Пелагея Михайловна.

— Нѣтъ, я полагаю, ужъ намъ лучше оставить, тихо возразила Пелагея Михайловна, выразительно показывая глазами на дѣвушку, которая, смотря въ свою работу, не замѣтила этого знака.—Всему свое время; потолкуемъ о чемъ нибудь житейскомъ.

Елена Ивановна заложила книгу, отодвинула ее и позвонила. Вошедшей горничной приказано было подать работу. Все это говорилось и дѣлалось необыкновенно тихо и чинно и не было сказано ни одного посторонняго слова, какъ будто необходимо прежде кончить всѣ распоряженія, а потомъ уже начать разговоръ. Работа, которую принесли Еленѣ Ивановнѣ, было толстое бѣлье, очевидно назначаемое для благотворенія.

— Два часа назадъ, я тебѣ приказывала размотать эти нитки! сказала Елена Ивановна, вынимая изъ рабочаго ящика мотокъ и бросая его горничной.—Возьми... Боже милосердый, что за народъ!

— Ничего не помнятъ, что имъ говорятъ, замѣтила Пелагея Михайловна вслѣдъ выходившей горничной. — Третьяго дня я велѣла своей переколоть банты у чепчика; надо видѣть, что она надѣлала. Одинъ бантъ ниже, другой выше; глядѣть нельзя— такое безобразіе!

Марья Андреевна подняла глаза отъ своего шитья и остановила ихъ на Пелагеѣ Михайловнѣ. Говоря о несчастіи, постигшемъ ея чепецъ, почтенная дама оживилась; ея желтоватое лицо, прорѣзанное продольными морщинами, слегка покраснѣло, рѣдкія брови приподнялись, образуя два правильные полукруга, блѣдно-сѣрые глаза засвѣтились.

Между тѣмъ какъ она переводила духъ, что ей было необходимо для того, чтобъ оправиться отъ волненія, молодая дѣвушка опять принялась шить, не сказавъ ни слова.

Казалось, время для толковъ о житейскомъ нескоро настанетъ и совершенное молчаніе продолжалось еще съ полчаса.

Молчаніе, говорятъ, есть знакъ согласія, хотя можно замѣтить, что очень часто оно не признакъ мира. Вѣроятно, мнѣнія трехъ безмолвныхъ собесѣдницъ, ихъ отношенія другъ къ другу и къ свѣту были такъ давно высказаны и опредѣлены, что въ настоящую минуту имъ было нечего сообщать другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ познакомились давно. Пелагея Михайловна Хорикова и Елена Ивановна Оршевская въ одно время выѣзжали въ свѣтъ, будучи еще дѣвицами. Когда это было—никто не помнилъ въ N*, потому что съ тѣхъ поръ успѣло перемѣниться, выѣхать, умереть и родиться вновь почти все общество. Пелагея Михайловна вышла замужъ и овдовѣла; ея мужа знали только по слухамъ, но многія маменьки разсказывали какъ ихъ, еще совсѣмъ молодыхъ дѣвочекъ, возили смотрѣть свадьбу сорокалѣтней Елены Ивановны съ «красавцемъ» Оршевскимъ, который былъ десятью годами ея моложе.

У Елены Ивановны было прекрасное состояніе, но вскорѣ ей понадобились деньги. Пелагея Михайловна, единственная ея сверстница и пріятельница, сначала «обязала»

ее, какъ это называется, а потомъ изъявила желаніе поселиться въ ея домѣ, что и исполнила. — Какой-то изслѣдователь сердца человѣческаго сказалъ, что разрывъ дружбы близокъ тамъ, гдѣ замѣшиваются матеріальные интересы. Неизвѣстно, на сколько это замѣчаніе оказывалось справедливымъ въ настоящей исторіи; для этого надо было бы прежде разобрать, было ли чему разрываться. Пелагея Михайловна разсчитывала, что, обязывая людей, она будетъ больше обезпечена, когда станетъ жить съ ними, и пріятельницы прожили болѣе десяти лѣтъ подъ одной кровлей.

Въ теченіе этого времени, онѣ безъ сомнѣнія, провели много вечеровъ вдвоемъ, неудивительно, что переговорили все и имъ не осталось о чемъ поговорить въ этотъ вечеръ; къ тому же онѣ были нѣсколько нравственно-затруднены: пригласивъ въ свое общество молодую особу, оставивъ для нея занимавшее ихъ чтеніе, Пелагея Михайловна отыскивала между житейскими предметами такой, къ которому можно было бы перейти неслишкомъ круто отъ серьезныхъ мыслей, казалось, занимавшихъ Елену Ивановну. Нельзя не признаться, что и Елена Ивановна уже нашла нѣсколько подобныхъ предметовъ, но и той и другой, казалось, неловко начать первой. Наконецъ, Пелагея Михайловна рѣшилась заговорить, повторивъ пріятельницѣ, для своего оправданія, выразительный знакъ, которымъ указала на Марью Андреевну; послѣ этого знака уже не оставалось сомнѣнія, что разговоръ начатъ только для того, чтобъ занять молодую особу, что жертва перехода отъ вѣчнаго къ временному совершена только для нея.

— Что, свадьба Дайской состоится ли, наконецъ, послѣ пасхи?

— Не знаю, сказала Елена Ивановна.

— Откладываютъ съ января; пора кончить. Правда, не изъ чего было и начинать.

— Безуміе родителей, сказала Елена Ивановна.

— Такая страстная любовь: женихъ съ невѣстой въ перепискѣ! Какъ допустить до этого? Спросили бы прежде у кармана, есть ли съ чѣмъ повѣнчать. Занимаютъ, занимаютъ... Кому Дайскіе не должны?...

— Очень тяжело обязываться, сказала Елена Ивановна покорно.

— Каково же и обязывать? У всякаго есть своя нужда, продолжала Пелагея Михайловна:—даешь, даешь, а получить — жди, развѣ на томъ свѣтѣ.

— Вѣдь они у васъ не занимали, возразила Елена Ивановна.

— У меня?

— Да. Я не понимаю, къ чему вы это говорите?

— Къ чему я говорю? Да что я говорю? Развѣ я что нибудь говорила? Я о Дайскихъ сказала, что они должны...

— И я о Дайскихъ говорю, выразительно отвѣчала Елена Ивановна.

— Послѣ этого, конечно, ни о чемъ нельзя начать разговора: все будетъ казаться Богъ знаетъ что.

— Мнѣ ничего не кажется, сказала Елена Ивановна тихо, но нѣсколько порывисто, положила работу и придвинула къ себѣ книгу.

— Что вы сказали?

— Ничего; я читаю.

— То-то, вы читаете... съ какими мыслями?

— Позвольте мнѣ хотя въ мысляхъ моихъ не давать вамъ отчета, отвѣчала Елена Ивановна, закрываясь книгою.

— Такое ли время?

— Я помню время такъ же, какъ и вы, сказала Елена Ивановна, глядя въ книгу.

Пелагея Михайловна замолчала и принялась за свое вязанье. Марья Андреевна работала, не обращая вниманія на сцену, которая происходила передъ нею. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

— Скажите же мнѣ, что я сдѣлала? вскричала вдругъ Пелагея Михайловна.

— Что вамъ угодно? спросила Елена Ивановна, отрываясь отъ своего чтенія.

— Ужъ если вамъ не угодно говорить со мною, за что же, по крайней мѣрѣ, Марья Андревна?..

Марья Андреевна подняла голову отъ работы, услыша свое имя.

— Марьи Андревны я сама не понимаю, сказала мать, обращаясь къ ней. — Скажи, сдѣлай милость: если тебѣ такъ тяжело, что ты не тамъ, не въ этомъ сумасшедшемъ концертѣ, то я прикажу сейчасъ заложить карету... Поди, надѣвай свои цвѣты, наряжайся.

Елена Ивановна сдѣлала движеніе, чтобъ встать съ дивана.

— Я никуда не хочу ѣхать, сказала Марья Андреевна.

— Никуда? что это за выраженіе? Отчего ты не скажешь ни слова цѣлый вечеръ?

— Но какъ же вы хотите, чтобъ она говорила со мною, когда вы сами подаете ей

такой примѣръ? вскричала Пелагея Михайловна.

— На нее примѣры не дѣйствуютъ!

— Еслибъ на васъ что нибудь дѣйствовало, еслибъ вы не глазами читали, а душою...

— Что вамъ моя душа? сдѣлайте милость...

— Позвольте, ради Бога; пріѣхалъ кто-то, сказала Марья Андреевна, одна разслышавшая звонокъ въ передней.

— Что ты умоляешь? сказала Елена Ивановна громко, но уже затихая и поднимая съ дивана свой рабочій ящикъ, потому что въ темной залѣ раздались шаги гостя. — Тамъ можно въ жмурки играть по твоей милости.

Вошелъ молодой человѣкъ; пріятельницы вглядывались въ него, пока достаточно разглядѣли, и только тогда отвѣтили на поклонъ. Все это совершилось среди торжественной тишины, наставшей внезапно.

— Прошу садиться, промолвила Елена Ивановна, почти шопотомъ.

Гость составлялъ рѣзкую противоположность съ обществомъ, въ которомъ явился; эта противоположность выказалась вполнѣ, когда его красивое, оживленное лицо освѣтилось свѣтомъ лампы между дряхлыми лицами старухъ и скучающимъ лицомъ дѣвушки. Было десять часовъ вечера; чепцы и шали почтенныхъ дамъ лежали уже не совсѣмъ прямо; гость былъ одѣтъ безукоризненно-изящно и отвѣчалъ на непривѣтливый пріемъ самой милой, добродушной улыбкой.

— Откуда такъ поздно? спросила хозяйка?

— Изъ концерта.

— Развѣ ужъ кончился?

— Кажется, господинъ Нестоевъ самъ участвуетъ въ концертѣ? замѣтила Пелагея Михайловна.

— Да; но я уѣхалъ прежде послѣдней пьесы, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Видно самимъ наскучило, сказала Елена Ивановна.

— Удался ли вашъ благотворительный подвигъ? спросила Пелагея Михайловна.

— Какъ благотвореніе, удался совершенно: зала была такъ полна, что недоставало мѣстъ даже для дамъ; но какъ концертъ, онъ очень разстроился.

— Почему?

— Madame Ливинская не пѣла — развѣ вы не знаете?

— Ничего не знаемъ. Мы никого не видали, какъ же намъ слышать?

— Она не могла пѣть. Сегодня поутру она получила извѣстіе о смерти своего двоюроднаго брата... Молодой человѣкъ умеръ почти внезапно.

— И слава Богу! сказала будто про себя Пелагея Михайловна.

— Какой же двоюродный братъ? развѣ по мужу? просто однофамильцы, сказала Елена Ивановна.

— Можетъ быть; но они были очень дружны. Это ужасно ее, бѣдную, разстроило. Мужъ въ отчаяніи, что не успѣлъ спрятать этого письма...

— И мужъ въ отчаяніи? сказала Елена Ивановна.

— Не понимаю я нынѣшнихъ дамъ, сказала Пелагея Михайловна, послѣ минутнаго молчанія: — что за необыкновенная такая чувствительность, что ужъ нельзя ее скрыть?

— Неужели можно требовать, чтобъ забывали горе для удовольствія публики? спросила Марья Андреевна немного рѣзко.

— Горе!.. Если она ужъ рѣшилась выставляться напоказъ съ своимъ голосомъ, такъ должна была бы помнить, что дѣлаетъ это для помощи ближнимъ, и тяжело или нѣтъ, а исполнять до конца. Почему знать, для какихъ цѣлей Господь послалъ ей это испытаніе? продолжала Елена Ивановна: — горе это? Да!.. Можетъ быть, для того, чтобъ она одумалась!

— Ну, а самъ Ливинскій пораженъ смертью братца? спросила Пелагея Михайловна, обращаясь къ Нестоеву.

— Онъ очень огорченъ. Я его видѣлъ въ концертѣ...

Обѣ дамы разсмѣялись.

— Какъ же онъ оставилъ свою супругу въ горести? вскричала Пелагея Михайловна.

Марья Андреевна немного нетерпѣливо обратилась къ молодому человѣку, какъ будто желая, чтобъ онъ не слышалъ послѣдняго вопроса.

— Итакъ, дуэтъ, который готовили пѣть съ madame Ливинской, не состоялся? сказала она. — Чѣмъ же его замѣнили?

— Я спѣлъ два романса: первые, какіе случились — разучивать было нѣкогда — и остался ими недоволенъ.

— По обыкновенію. Когда вы оставите привычку быть недовольнымъ собою?

— Развѣ тебѣ извѣстны привычки господина Нестоева? спросила Елена Ивановна сухимъ осторожнымъ, тономъ, найдя, что разговоръ принимаетъ странное направленіе и что ей необходимо вмѣшаться.

Этотъ вопросъ удивилъ Нестоева больше, нежели ту, къ которой онъ относился, потому что Марья Андреевна, не отвѣчая, покорно и холодно взялась за работу. Въ свою очередь, Елена Ивановна показалась глубоко пораженною тѣмъ, что ей не отвѣчали, и также взялась за работу, но съ довольно внятнымъ вздохомъ; въ рѣшимости, съ которой она вдѣла нитку въ иголку, выразилось обѣщаніе молчать долго.

Нестоевъ посмотрѣлъ на старухъ и нѣсколько долѣе остановилъ свой взглядъ на Марьѣ Андреевнѣ. Она замѣтила это и ея серьезное лицо слегка покраснѣло отъ непріятнаго смущенія; ее оскорбила эта наблюдательность, казалось, лишенная участія, но она не могла бы сказать, не больше ли оскорбило бы ее участіе. Ей было тяжело, что вокругъ нея не было ни одной души, которая-бъ ее понимала, и ей было почти страшно при мысли, «что, если ее понимаютъ?» Она молчала, потому что хотѣла бы сказать слишкомъ много...

— А какъ дорого могло стоить ваше доброе дѣло? спросила Пелагея Михайловна.

— Какое? сказалъ Нестоевъ, на котораго въ эти нѣсколько минутъ общество сдѣлало свое впечатлѣніе.

— Концертъ вашъ. Дорого ли онъ стоилъ тѣмъ, кто въ немъ участвовалъ?

— Не знаю, право. Я полагаю: ничего, кромѣ доброй воли.

— Помилуйте! ужъ вѣрно тамъ вы нарядились какъ на балъ... право и не желаешь, а скажешь! Подадутъ копѣйку, а для этой копѣйки растратятъ тысячи! И все изъ чего? чтобъ выказаться, затмить другъ друга, осмѣять потомъ, осудить, взвести Богъ знаетъ какія вещи. Хотя бы, въ самомъ дѣлѣ, опомнились да побоялись...

— Напротивъ, тихо замѣтила Елена Ивановна: — всѣ, кто не попалъ туда, сожалѣютъ.

— Ужъ такова человѣческая природа, что-жъ съ ней дѣлать? Благодѣяніемъ это называютъ. Какое тутъ благодѣяніе? и тяготятся и ссорятся... Вѣдь надо, чтобъ духъ былъ смиренъ! Вѣдь, право, вотъ, когда я сама подаю, такъ рука моя не знаетъ... такъ намъ сказано! Что можешь, то и исполняешь...

Въ голосѣ почтенной дамы послышалось умиленіе. Елена Ивановна взглянула на нее съ видомъ терпѣливаго достоинства и тотчасъ опустила глаза.

— Вотъ тоже, на доброе дѣло, на свѣчки работаю! докончила Пелагея Михайловна, доставая и разсыпая по столу предъ собою множество шерстяныхъ корзинокъ, кувшинчиковъ и тому подобнаго; откуда являлись они и какъ умножались въ рукахъ старухи—неизвѣстно, и Нестоевъ могъ подумать, что передъ нимъ происходитъ какой нибудь «опытъ натуральной магіи...»

Онъ, вѣроятно, и подумалъ это, потому что на лицѣ его появилась опять веселая, необыкновенно пріятная улыбка.

— Какія славныя вещи! сказалъ онъ, наклонясь надъ этой пестротой: — только на что-жъ это нужно?

— Кошельки?.. кошельки для денегъ, подушечки для булавокъ, объясняла Пелагея Михайловна, повертывая ихъ предъ молодымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ пріятельница смотрѣла на нее съ величавымъ ожиданіемъ.— Это сколько хотите стоитъ... на свѣчки, труды рукъ моихъ, продолжала Пелагея Михайловна нѣсколько торопливо:— что могу... Выберите что хотите.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Нестоевъ, взявъ одну изъ этихъ диковинокъ, и расплатился.

— То же добро, только въ тайнѣ, проговорила Пелагея Михайловна, пряча деньги съ маленькой дрожью въ пальцахъ, почти неуловимой для взгляда, но доказывавшей, что сердце неравнодушно къ тому, что совершается.

Казалось, вся эта сцена возбуждала величайшее негодованіе Елены Ивановны; но замѣтя, что почти то же чувство выражается на лицѣ Марьи Андреевны, Елена Ивановна нашла приличнымъ удержаться, вѣроятно, разсудивъ по постороннему примѣру, какъ предосудительно это чувство.

— Какъ бываетъ иногда неотвязна мысль, сказала она съ усиліемъ: я все думаю о Лининской. Вы говорите, она въ отчаяніи, Григорій Петровичъ?

— Она очень огорчена, отвѣчалъ Нестоевъ неохотно.

— Я ничего тутъ не предполагаю, продолжала Елена Ивановна: — я знаю, этотъ молодой человѣкъ былъ ей родственникъ, долго жилъ у нихъ въ домѣ; ея мужъ любилъ его. Все это прекрасно. Въ наше время родственная любовь такая рѣдкость, что искренно можно порадоваться, если встрѣчаешь ее хотя въ комъ нибудь, когда она не ниспослана въ нашемъ семействѣ... Но, все же... Право, безуміе какое-то!

— Извините, возразилъ Нестоевъ:—но я немного не понимаю. Вы говорите, что дружба — прекрасное чувство, а, встрѣтивъ въ

дѣйствительности примѣръ ея, вы его осуждаете...

— Я осуждаю? вскричала Елена Ивановна:—я никого не осуждаю, договорила она кротко, но съ достоинствомъ. — Однако-жъ, грустно, когда ближніе наши поступаютъ такъ, что и насъ вводятъ въ соблазнъ; поневолѣ видишь! Хотѣлось бы закрыть глаза такъ, чтобъ ужъ не понимать ничего: легче было бы, потому что совѣта не принимаютъ, да и по ожесточеніи сердца человѣческаго всякій совѣтъ безполезенъ... только назовутъ его осужденіемъ!

— Мнѣ кажется, прервалъ Нестоевъ:— все, что говорится отъ сердца съ добрымъ намѣреніемъ, такъ же и принимается отъ сердца...

— Можетъ быть, отвѣчала почтенная дама съ покорностью:— я ужъ давно не живу въ свѣтѣ — не знаю.

— Можетъ быть, безъ насъ свѣтъ и лучше сталъ, прибавила съ улыбкой Пелагея Михайловна.

— Для чего-жъ предполагать дурное тамъ, гдѣ его нѣтъ? продолжалъ съ увлеченіемъ молодой человѣкъ: — это несправедливость. Отказывать въ участіи, въ совѣтѣ... это почти жестоко!

— А какъ попадете не во-время съ вашимъ совѣтомъ? возразила Пелагея Михайловна: — да васъ самихъ запутаютъ во что нибудь...

— Нужды нѣтъ!

— И это ваши правила? вскричала Пелагея Михайловна съ испугомъ.

Елена Ивановна взглянула на молодого человѣка съ спокойнымъ пренебреженіемъ, какъ будто не ожидала отъ него ничего другого.

— Да, это мои правила, отвѣчалъ Нестоевъ: — я готовъ запутаться, быть виноватымъ, чтобъ не допустить другихъ поступать дурно до конца.

— А за себя, вы можете поручиться, что не поступите дурно до конца? спросила Елена Ивановна насмѣшливо.

— Могу поручиться, отвѣчалъ, вспыхнувъ, Нестоевъ.

— Молодой человѣкъ, прервала Пелагея Михайловна нѣсколько протяжно и съ необыкновеннымъ добродушіемъ: — не ручайтесь ни за что: кто знаетъ, каковъ часъ?.. Повѣрьте опытности: не ручайтесь ни за себя, ни за друзей вашихъ, ни за кого на свѣтѣ...

— Какая несчастная опытность! сказалъ молодой человѣкъ.

— Что-жъ дѣлать! продолжала почтенная дама:—весь свѣтъ таковъ. Вы думаете, есть дружба? между кѣмъ она?

— Между молодыми дамами и ихъ двоюродными братьями, замѣтила для себя Елена Ивановна.

— Что такое истинная дружба? слова одни! продолжала Пелагея Михайловна: — все ложь на свѣтѣ, или разсчетъ, или... такъ, вотъ, отъ нечего дѣлать...

— Знаете ли, что это самый ужасный взглядъ на жизнь? прибавилъ Нестоевъ.

— И я не понимаю, къ чему все это ведетъ, замѣтила Елена Ивановна, слегка возвысивъ голосъ.

— Какъ, къ чему ведетъ? развѣ я что нибудь говорю? вскричала Пелагея Михайловна.—Конечно, что такое дружба? клеветы, странныя отношенія, забвеніе одолженій— только... Изъ чего люди связываются между собою?...

— Что-жъ дѣлать, если не могутъ развязаться! сказала Елена Ивановна.

— Матушка, я ничего не говорю; я говорю только, что нѣтъ истинныхъ привязанностей...

— Въ такомъ случаѣ я счастливѣе васъ, прервалъ Нестоевъ:—у меня есть онѣ.

— Нашелся одинъ счастливецъ, слава Богу!

— Надѣюсь, найдутся и другіе... Вступитесь за вашихъ друзей, прибавилъ Нестоевъ, обращаясь къ Марьѣ Андреевнѣ, молчавшей во все время.

— У меня ихъ нѣтъ, отвѣчала она.

Нестоевъ велъ весь этотъ разговоръ по странному увлеченію, иногда заставляющему насъ высказываться съ жаромъ, за который потомъ мы сами на себя сердимся, сожалѣя, что напрасно его тратили. Но Нестоевъ былъ добръ, почти мечтатель,— мечтательность пережила въ немъ его первую молодость. Въ двадцать-восемь лѣтъ, онъ былъ способенъ забываться, былъ восторженъ въ привязанностяхъ, отдавалъ имъ все свое сердце. Разборчивость не дѣлала его взыскательнымъ: онъ прощалъ и не вѣрилъ дурному сколько было возможно; но когда это дурное являлось предъ нимъ безъ возможности оправданія, безъ права на прощаніе, оно приводило его въ негодованіе, которое для многихъ показалось бы даже излишнимъ... Понятно, послѣ этого, что философія Пелагеи Михайловны и строгое молчаніе Елены Ивановны затронули Нестоева непріятно; онъ обратился къ молодой дѣвушкѣ, ожидая услышать что нибудь болѣе утѣшительное.

Голосъ Марьи Андреевны былъ звученъ; онъ рѣзко отдѣлился отъ дребезжавшихъ восклицаній старухъ и раздался какъ-то странно. Она сама была такъ спокойна, ея отвѣтъ такъ коротокъ и рѣшителенъ, что Нестоеву показалось, что изъ всего слышаннаго имъ за минуту, ничего не было сказано печальнѣе. Онъ взглянулъ на дѣвушку, неподвижную съ своимъ шитьемъ въ рукахъ, и не продолжалъ.

— Вотъ вамъ отвѣчали! сказала Елена Ивановна съ улыбкой, неопредѣленно выражавшей насмѣшку, торжество или покорность, или все вмѣстѣ.

— Да, договорила Пелагея Михайловна:— что ужъ говорить о друзьяхъ, о другихъ, оглянемся на себя, лишь бы хоть тутъ-то свести концы съ концами, право!

Она засмѣялась.

— О, Господи!.. а тутъ еще пустословимъ?..

Неизвѣстно, какъ и почему настало молчаніе. Дамы работали. Нестоевъ вертѣлъ клубки цвѣтной шерсти, принадлежавшіе Пелагеѣ Михайловнѣ. Часы начали бить. Пелагея Михайловна сосчитала ихъ вслухъ. Нестоевъ взялъ шляпу.

— Прощайте, сказала хозяйка, прежде нежели онъ поклонился. Куда вы еще теперь?

— Домой, отвѣчалъ онъ и вышелъ.

Едва исчезъ онъ во мракѣ залы, какъ Пелагея Михайловна схватилась за свои клубки.

— Все перепуталъ, этакія руки! за дѣломъ пріѣзжалъ!

— Что-жъ ты не спросила у него подробностей о концертѣ? сказала Елена Ивановна дочери.

— И, матушка, возразила Пелагея Михайловна:—какой у него концертъ на умѣ. Посмотрите, и теперь не домой, а къ Ливинской поскачетъ?

— Какая-жъ мнѣ надобность, куда онъ поскачетъ? сказала Елена Ивановна, принимаясь за книгу.

— Что?

— Ничего; я читаю.

Молчаніе, которое снова настало, продолжалось недолго: его прервалъ новый звонокъ въ передней, но на этотъ разъ пріѣхалъ не гость, а самъ хозяинъ.

Впрочемъ, Андрей Валерьяновичъ Оршевскій вошелъ въ свою гостиную какъ гость, и еще довольно церемонный, съ самымъ учтивымъ поклономъ женѣ и ея пріятельницѣ. Онъ былъ одѣтъ щегольски, держался молодо, хотя съ необыкновеннымъ тактомъ умѣлъ придать своей развязности нѣкоторую величавость, приличную его лѣтамъ. Онъ не давалъ тѣмъ, кто смотрѣлъ на него, ни на одну минуту забыть, что когда-то онъ былъ красавецъ; тѣмъ, кто жилъ съ нимъ, онъ, казалось, не хотѣлъ дать привыкнуть къ своей красотѣ, что, какъ извѣстно, случается и грустно отнимаетъ у привыкающихъ одно изъ душевныхъ благъ—восхищеніе, а у предмета восхищенія — его цѣну. Онъ хотѣлъ до конца оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ, оспаривая, что возможно, у всеразрушающаго времени и—если можно выразиться о человѣкѣ почтенныхъ лѣтъ какъ о женщинѣ—можно было бы сказать, что Андрей Валерьяновичъ постоянно кокетничаетъ, по крайней мѣрѣ, онъ постоянно былъ въ присутствіи самого себя; въ свѣтѣ онъ считалъ это необходимостью, дома—обязанностью, чтобъ не разучиться. Его необыкновенная свѣтскость выразилась въ его ловкомъ входѣ, даже въ невнимательности къ дочери, невнимательности вѣжливой и холодной, совершенно похожей на ту, которую свѣтскіе молодые люди оказываютъ дѣвушкѣ неблестящей и почему нибудь незамѣчательной. Андрей Валерьяновичъ позволилъ себѣ только сѣсть на диванъ и безъ приглашенія и снять перчатки.

— Я думалъ, что застану васъ уже dans le pays des songes, сказалъ онъ пріятно, бросивъ бѣглый взоръ на занятія дамъ, какъ будто эти занятія, повторявшіяся всякій день, были ему еще неизвѣстны.

— Нѣтъ, еще мы не ложились, отвѣчала Елена Ивановна съ достоинствомъ, какъ говорятся обыкновенно великія истины.

— Я хотѣлъ возвратиться раньше, утомился... продолжалъ онъ съ граціознымъ, совершенно юношескимъ движеніемъ, какъ будто ожидая, что присутствующія начнутъ доказывать, что ему утомиться было не отчего.

Но присутствовавшія его не поняли. Пелагея Михайловна потянула завязки своего чепца, отчего онъ еще немножко больше склонился на бокъ, и сказала:

— Да, батюшка, ужъ въ наши съ вами лѣта, всякій лишній часъ...

Андрей Валерьяновичъ взглянулъ на нее снисходительно.

— Очень миленькая вещь вышелъ этотъ концертъ, сказалъ онъ:—только ужъ наши барыни! (Онъ сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ, какъ будто выговорилъ его, чтобъ приноровиться къ тому обществу, которое его окружало). Ни одна не умѣетъ одѣться. Взглянули бы... Здѣсь есть одна пріѣзжая, чрезвычайно замѣчательная осо-

ба—madame Артемина... какой контрастъ! и хороша, и ловка...

— Александръ воротился? спросила Елена Ивановна.

— Да, я его подвезъ... Эта Артемина родня Нестоеву.

— Нестоевъ былъ здѣсь, сказала Пелагея Михайловна.

— Ничего не говорилъ онъ о ней? съ живостью спросилъ Андрей Валерьяновичъ.

— Ничего.

— Это его сестра, отъ разныхъ отцовъ. Молодая вдова, очень замѣчательная; состоянiе огромное, блондинка...

— Мужъ состоянiе оставилъ? спросила Пелагея Михайловна.

— Мужъ! Старикъ былъ въ нее до безумiя влюбленъ.

— То-то, мужъ! У Нестоева вѣдь нѣтъ ничего.

— Да... Нестоевъ... И чрезвычайно оригинально причесана; въ двадцать-пять лѣтъ это можетъ себѣ позволить только женщина..

— Это она вамъ сама сказала, что ей двадцать пять лѣтъ? осторожно спросила Пелагея Михайловна.

— Она сама. Такъ что-жъ?

Пелагея Михайловна посмотрѣла на него съ сожалѣнiемъ, вздохнула и потупила глаза. Андрей Валерьяновичъ саркастически улыбнулся и покойнѣе прислонился къ дивану.

— Я говорю, что оригинальности можетъ позволять себѣ женщина, но никакъ не отцвѣтающая дѣвушка, у которой въ двадцать пять лѣтъ не можетъ оставаться ни игривости, ни грацiи...

— Будете ужинать? величественно спросила Елена Ивановна.

— Благодарю. Мы ужинали въ клубѣ; я, Петръ Өедорычъ...

— А ты, Александръ, ужиналъ? сказала Елена Ивановна, прерывая перечень аристократическихъ именъ, которыми хотѣлъ заняться мужъ.

Этотъ вопросъ относился къ молодому человѣку, который явился за минуту и безмолвно бродилъ въ отдаленiи отъ всѣхъ. Онъ былъ въ домашнемъ пальто, и въ темнотѣ свѣтилась только его папироска.

— Я ужиналъ, отвѣчалъ онъ отрывисто, какъ человѣкъ усталый.

— Покойной ночи, произнесла Елена Ивановна, поднимаясь съ дивана.

Эти слова подали знакъ прощанiя. Прощаясь, Елена Ивановна какъ будто примирялась со всѣми вмѣстѣ и съ каждымъ поодиночкѣ, и если не была умилена, то казалось проникнута какою-то сосредоточенной рѣшимостью. Казалось, она завершала какой-то подвигъ, кончала нѣчто болѣе, нежели одинъ день своей жизни, разставалась съ чѣмъ-то безъ надежды и, разставаясь, не хотѣла уносить воспоминанiй... Если можно, съ нѣкоторой основательностью, думать, что у всякаго человѣка есть въ его ежедневной жизни дѣйствiя и движенiя, въ которыхъ онъ выражается полнѣе, нежели въ другихъ дѣйствiяхъ и движенiяхъ, то ни въ чемъ не выражалась такъ полно Елена Ивановна, какъ въ своихъ вечернихъ прощанiяхъ. Это отрѣшенiе отъ всего, это строгое прощенiе, эта грусть безъ словъ, эта покорность, полная торжественности, какъ что-то послѣднее, производили впечатлѣнiе странное и глубокое и заставили бы постороннняго свидѣтеля понять многое, чего прежде онъ не растолковалъ бы себѣ въ жизни не только почтенной дамы, но и всего ея семейства...

II.

Марья Андреевна пришла въ свою комнату и отослала горничную. Несмотря на позднее время, она не ложилась, прохаживалась по комнатѣ, брала въ руки и оставляла опять свои книги, бездѣлки на столикахъ, работу, и все это дѣлала почти машинально, почти апатически, какъ бываетъ въ сильномъ физическомъ и нравственномъ утомленiи, когда сонъ сдавливаетъ виски, но еще не закрываетъ глазъ, когда въ головѣ шумятъ слова, слышанныя за минуту, звуки безъ смысла...

Наконецъ она бросилась на диванъ, захватила обѣими руками свои колѣни и наклонилась къ нимъ головою. Когда же, чрезъ минуту, она подняла голову, на глазахъ ея были слезы.

Напротивъ дивана было зеркало. Марья Андреевна увидѣла въ немъ свое лицо, прекрасное всегда, еще болѣе прекрасное отъ выраженiя сдержанной печали, хотя это выраженiе и полусвѣтъ кругомъ придавали ея красотѣ что-то строгое, почти отталкивающее.

«Какъ же можно меня полюбить?..» сказала она про себя, продолжая смотрѣть въ зеркало...

— Можно войти, Маша? спросилъ кто-то за дверью.

— Войди, отвѣчала она, узнавая голосъ своего брата.

Она встала и отворила дверь; ей было до-

вольно этой минуты, чтобъ оправиться отъ волненія; но еслибъ она и не оправилась, Александръ не замѣтилъ бы ничего. Онъ былъ разсѣянъ и, войдя, тотчасъ усѣлся на мѣстѣ, только что оставленномъ сестрою.

— Позволь отдохнуть у тебя, Маша, я усталъ.

— Что-жъ ты не спишь?

— Лѣнь. Еще успѣю.

Онъ смотрѣлъ кругомъ себя, между тѣмъ какъ Марья Андреевна придвинула кресло и сѣла.

— Какъ у тебя тутъ мило, покойно!

— Такъ же, какъ у тебя, я думаю.

— Можетъ быть. Я у себя не смотрю ни на что: надоѣло... Ахъ, Маша, Маша, Маша, какая скука!

Марья Андреевна улыбнулась на это восклицаніе, произнесенное какъ будто съ просонка.

— Такая тоска, продолжалъ Александръ, положивъ голову на вышитую подушку и закрывая глаза:—всякій день все то же.

— Что, напримѣръ, особенно наскучаетъ тебѣ всякій день? спросила Марья Андреевна съ той же безжалостной улыбкой, глядя на хорошенькое, немного блѣдное лицо брата.

— Что? да все. Все тѣ же лица, тѣ же занятія.

— Вѣдь эти лица не могутъ всякій день перемѣняться для твоего удовольствія, возразила она, засмѣявшись.

— Не мѣшало бы, сказалъ онъ, тоже засмѣявшись:—вотъ хоть бы Пелагеѣ Михайловнѣ... отъ этого всѣ бы выиграли.

— А твои занятія, прервала серьезно Марья Андреевна:— нельзя же всякій день мѣнять родъ службы.

— Хоть бы меня кто нибудь въ уголъ ставилъ, да заставлялъ заниматься! вскричалъ молодой человѣкъ, поднимаясь съ подушки и наклоняясь къ книгамъ и работѣ, лежавшимъ на столѣ. — Учи меня чему нибудь, Маша.

— Вышивать? спросила она.

— Хоть вышивать, я сидѣлъ бы, ничего не думалъ... Что ты это читаешь?.. Пелльтанъ... Какая ты умница! ты можешь читать, ты все понимаешь... Вѣдь и я понималъ это когда-то!

— Я думаю, понимаешь и теперь, сказала она, глядя на него, какъ на ребенка, терпѣливо и снисходительно.

— Нѣтъ. Знаешь ли, продолжалъ Александръ, перелистывая книгу и наконецъ громко захлопнувъ послѣднія страницы:—я начинаю понимать, что я лѣнюсь, страшно лѣнюсь. Какъ это началось—не знаю. Ты помнишь, что я неимовѣрно много зналъ, когда вышелъ изъ школы.

Марья Андреевна улыбнулась; онъ не замѣтилъ и продолжалъ:

— Потомъ, всѣ эти знакомства, необходимые выѣзды; я началъ понемногу отставать, отставать отъ занятій; времени не было, въ головѣ было уже не то, читать было невозможно... Право, не знаю, что со мной сдѣлалось! Вѣдь есть же счастливцы, посмотришь: съ утра до вечера за дѣломъ, привяжутся къ нему, трудятся, веселы, умъ занятъ... Какіе-то необыкновенные люди!

— Очень обыкновенные, возразила Марья Андреевна:—такихъ людей милліоны.

— Я иногда думаю, Маша, что во мнѣ самомъ есть что-то необыкновенное, какое-то стремленіе къ чему-то, какое-то лишнее чувство, которое дѣлаетъ меня несчастнымъ.

— Совсѣмъ не то, прервала она хладнокровно:—въ тебѣ нѣтъ никакого лишняго чувства, а, напротивъ, недостаетъ силы воли—вотъ и все.

— У меня нѣтъ силы воли?

— У тебя. Ты говоришь, напримѣръ, что удовольствія тебѣ надоѣли...

— Потому что все одно и то же; стоютъ дорого, отставать отъ другихъ нельзя, денегъ часто ни гроша...

— Ты, однако, тратишь довольно.

— Очень немного въ сравненіи съ другими; я мало играю... Отецъ сегодня славно проигрался послѣ концерта.

Казалось, это внезапное воспоминаніе помѣшало Александру продолжать разборъ своего собственнаго положенія и характера. Разговоръ прервался на минуту. Марья Андреевна возобновила его, между тѣмъ какъ братъ опять наклонился къ столу, разсматривая какое-то иллюстрированное изданіе.

— Видишь ли, сказала она: — я говорю правду: тебѣ скучно, неловко въ обществѣ, гдѣ у тебя иногда недостаетъ средствъ, а ты не можешь отъ него оторваться. Тебѣ совѣстно, что ты ничего не дѣлаешь, а между тѣмъ ты спишь половину дня, а другую разъѣзжаешь по свѣту...

— Что же прикажешь мнѣ дѣлать! спросилъ Александръ, глядя въ книгу.—Посмотри, какая смѣшная физіономія...

— Что дѣлать? возьми книги, занимайся, сиди дома.

— Дома! вскричалъ онъ.—Это хорошо тебѣ, въ твои годы!

— Я только годомъ старше тебя, Александръ.

— Ты не можешь этого понимать, душа моя. Женщины—это не то. Ты вообрази, что же мнѣ, въ пикетъ играть по вечерамъ съ Пелагеей Михайловной? представь себѣ эту комедію: она будетъ злиться, чепецъ на бокъ... Проказница, что выдумала!

Развеселившись, Александръ поцѣловалъ сестру.

— Твой братъ ученый педантъ и домосѣдъ!.. Ты шалунья, Маша, у тебя славный, беззаботный нравъ; ты какъ-то умѣешь все обратить въ шутку и потому тебѣ легко живется. Я тебя очень люблю, Маша. Грѣшно тебѣ, если ты не вѣришь, что я готовъ сдѣлать для тебя все на свѣтѣ.

— Подумай прежде о себѣ, отвѣчала она немного холодно.

— За что же ты считаешь меня эгоистомъ? Неужели ты думаешь, что я не умѣю понять, какъ ты добра и мила?

— Я очень зла, отвѣчала она тихо.

Онъ не возражалъ, хотя въ эту минуту ничто не развлекало его вниманія; онъ только досталъ папиросу, зажегъ ее, отодвинулъ свѣчу дальше отъ глазъ и опять улегся на подушку.

Марья Андреевна откинулась на спинку кресла и смотрѣла кругомъ себя съ нетерпѣливой тоской. Когда она заговорила, ея голосъ прерывался: она скрывала слезы.

— Ты сказалъ, что я добра и мила; какъ ты думаешь, ежедневная, ежеминутная скука можетъ ли испортить характеръ?

— Вѣдь эта скука, душа моя, одна у всѣхъ.

— Александръ, ты не живешь дома.

— Пора привыкнуть, отвѣчалъ онъ довольно небрежно на этотъ упрекъ.

Марья Андреевна встала и принялась ходить по комнатѣ; она не позволила бы себѣ заплакать при братѣ.

— Если ты хочешь, чтобъ я говорилъ откровенно, продолжалъ онъ, какъ будто обдумавъ и собравшись съ силами: — я скажу тебѣ, что и ты сама неправа. Ты находишь, что у меня нѣтъ силы воли, а у тебя нѣтъ терпѣнія; впрочемъ, и силы воли тоже у тебя нѣтъ. Ты не умѣла себя поставить; ты могла бы быть свободнѣе. Теперь тебѣ, можетъ быть, непріятно только то, что въ двадцать пять лѣтъ ты не можешь выѣзжать одна, принимать у себя, распоряжаться...

— Да, только это!.. отвѣчала Марья Андреевна.

— Видишь ли, я правду говорю. А въ этомъ, какъ сказать, права ли ты, или неправа?.. Поди сюда, сядь, полно расхаживать... Если дѣвушка не нравится, то этому причиной бываетъ или ея обстановка, или она сама.

— Кто же виноватъ въ настоящемъ случаѣ? насмѣшливо спросила Марья Андреевна, садясь въ кресло.

— Какъ тебѣ сказать? Я буду судить какъ посторонній. Твоя обстановка, конечно, скучна: Пелагея Михайловна, чтеніе умилительное, колпаки для умалишенныхъ... но нельзя же не согласиться, что эта обстановка очень порядочная, совсѣмъ аристократическая. Отецъ разоряется на филантропическія затѣи, а больше играетъ въ клубѣ... Ну, Богъ съ нимъ! это еще ничего, потому что не всякому извѣстно, что у насъ есть. О состояніи говорить нечего.

— Надо говорить обо мнѣ самой, прервала Марья Андреевна: — могу ли я нравиться, или нѣтъ?

— Въ тебѣ... Я не знаю, что такое, Маша... нѣтъ! Будь я посторонній...

— Ты дѣлалъ бы какъ дѣлаютъ посторонніе: ты не замѣчалъ бы меня.

— Не то; ты замѣчательна... А замѣтила ты, что пріѣзжую, Артемину, иначе не называютъ...

— Кончи прежде обо мнѣ.

— Что о тебѣ... я, право, не знаю. Вотъ, напримѣръ, Артемина. Ты, можетъ быть, и лучше ея собою, выше ростомъ, но передъ ней ты окончательно потеряешь. Въ ней есть что-то кошачье, игривое, живое... Ты точно будто или всего робѣешь, или всѣмъ презираешь.

— Я неловка?

— Не знаю... нѣтъ. Постороннему, знаешь ли, какъ-то трудно рѣшиться съ тобой заговорить: страшно сказать глупость—тотчасъ видно, что ты ее не простишь. Ты слишкомъ умна, и это слишкомъ замѣтно.

— Я скучна?

— Ну, да, можетъ быть. Отъ этого ты и теряешь въ обществѣ. Знаешь ли, какое это несчастье?

— Знаю, отвѣчала спокойно Марья Андреевна. — Оттого до сихъ поръ я не была никѣмъ любима. Жаль, что я только теперь узнала, что я скучна — исправляться ужъ поздно.

— Да... сказалъ Александръ еще спокойнѣе, какъ будто говорилъ не въ глаза ей.— Ты еще можешь, конечно, понравиться какому нибудь пожилому человѣку... А кстати, прибавилъ онъ, вдругъ озаренный внезапной идеей:—знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Пикетъ съ Пелагеей Михайловной—

тоска бѣшеная, а отыщу я себѣ хорошую, добрую старушку и буду съ ней сражаться по маленькой всякій вечеръ. Сдѣлаю привычку. Имѣть привычку очень пріятно — такъ ли? какъ ты думаешь? Маша, о чемъ же ты задумалась?.. Полно, душка, скажи что нибудь. Какъ ты хорошо закинула сейчасъ свои волосы! Придетъ святая недѣля, будетъ балъ, причешись à la Pompadour, и вотъ тутъ пышную розу — и будешь сама какъ роза... Артемина завита мелкимъ барашкомъ; она немного рыжевата... Рыжія всѣ злыя...

— Послушай, сказала Марья Андреевна, прерывая эту полусонную болтовню:—я хотѣла еще тебя спросить. Ты слышалъ отъ кого нибудь, отъ постороннихъ... то, что сейчасъ говорилъ обо мнѣ?

— Не помню... Да, слышалъ. Это вздоръ, милая.

— Ты слышалъ отъ молодыхъ людей?

— Отъ молодыхъ людей... А васъ это сильно трогаетъ, милая?

— Отъ кого именно?

— Отъ кого вы особенно не хотите, чтобъ я это слышалъ, милая?... Нестоевъ былъ сегодня? Васъ занимаетъ Нестоевъ, душечка?

Марья Андреевна не отвѣчала; она была блѣдна и, прислонивъ голову къ креслу, закрыла глаза.

— Чѣмъ же вы угощали Нестоева? Прочли ли ему какую нибудь умилительную оду этого... какъ его зовутъ, здѣшняго protégé... Симфонина? Пелагея Михайловна продала ему какую нибудь клѣтку для мухъ? Продала? Ну, и прекрасно, она себѣ капиталъ составитъ современемъ... Объяснили ему, что онъ нечестивецъ тѣмъ, что пѣлъ въ концертѣ—да?... А славный у него голосъ, свѣжій, сильный... Ты что съ нимъ поговорила?

— Ничего, отвѣчала Марья Андреевна.

— Ну и дурно. Видишь, какъ ты ничего не умѣешь сдѣлать; другая бы нашла время, сказала бы что нибудь милое, веселое, не смотря ни на что. Пусть тамъ какъ хотятъ, увела бы его къ роялю... А знаешь, Маша, я умираю, спать хочу.

— Ступай, спи, отвѣчала она.

— Прощай. Утро вечера мудренѣе.

Онъ поднялся, охая, разсыпалъ свои папиросы и добрелъ до двери. Марья Андреевна заперла за нимъ дверь...

III.

На слѣдующее утро, вставъ рано, по своему обыкновенію, Елена Ивановна надѣвала темный шелковый капотъ и туго накрахмаленный батистовый чепецъ—свой мундиръ, какъ она выражалась, когда ей говорили объ однообразіи ея наряда. Вообще, неизвѣстно какъ и когда, потому что, за давностью, этого никто не помнилъ, Елена Ивановна получила отвращеніе отъ нарядовъ, отвращеніе, выказывавшееся въ нѣкоторомъ презрѣніи, иногда почти въ ужасѣ. Такъ, въ это утро она почти съ отчаяніемъ открыла картонку, въ которой ей подали тюлевый чепчикъ, назначенный для обновки къ святой недѣлѣ.

— Матушка, что это такое? воскликнула она увидя завязки изъ бѣлыхъ лентъ, украшавшія этотъ чепчикъ, и обращаясь къ хорошенькой дѣвушкѣ изъ магазина, которая смотрѣла на Елену Ивановну съ такимъ же любопытствомъ, какъ та на ея произведеніе:—матушка, чего вы мнѣ тутъ навертѣли? надѣну ли я такое безуміе? У меня дочь старая дѣвка, помилуйте!

— Ленты французскія; такія точно m-me Хлоповой, старухѣ, накалывали, возразила дѣвушка, видимо забавляясь гнѣвомъ почтенной дамы.

— Что мнѣ твоя Хлопова? хоть она себѣ въ розы нарядись! Я бы и этого сумасшествія не заказала, еслибъ уже не крайность, еслибъ не надо было по городу кататься, визиты дѣлать съ дочерью. И такъ уже ристалище какое-то выйдетъ, а не праздникъ.

— Для визитовъ вамъ лучше шляпку у насъ взять, сказала дѣвушка.

Елена Ивановна взглянула на нее строго и, опуская чепчикъ въ картонку, произнесла, удерживаясь:

— Скажи своей хозяйкѣ, милая, чтобъ вмѣсто этихъ заморскихъ лентъ, она мнѣ просто приколола завязки изъ тюля и чтобъ прислала съ кѣмъ нибудь другимъ, а не съ тобою. Не возмущай меня. Можешь идти.

Дѣвушка засмѣялась, поклонилась и исчезла съ картонкой. Елена Ивановна послала ей вслѣдъ взглядъ, полный удивленія и негодованія, потомъ подняла глаза къ небу, сжала губы и успокоилась. Ей доложили, что карета готова; она сбиралась ѣхать.

Но было суждено, что ей встрѣтится еще препятствіе. Въ ту минуту, какъ Елена Ивановна готовилась вложить свою голову въ темный капоръ исполинскаго размѣра, передъ нею явилась просительница, которая остановилась у двери. Она не осмѣлилась перейти порога этой мрачной комнаты съ шкапчиками и полочками, съ тускло мерцающей лампадой въ углу, съ запахомъ воска и ладана; комната была темна, обои обвет-

шали, мебель старая; ни цвѣтовъ, ни зелени, и, конечно, не было зеркала. Въ уборкѣ своей комнаты Елена Ивановна оставалась вѣрна своимъ убѣжденіямъ. Окинувъ взглядомъ эту бѣдную комнату, просительница подумала, что, вѣроятно, Елена Ивановна была скупа.

— Кто это? спросила почтенная дама нѣсколько нетерпѣливо и прибавила, смягчая голосъ:—Что тебѣ нужно, милая?

— Я пришла поговорить вамъ, матушка, отвѣчала женщина довольно робко, хотя можно было тотчасъ замѣтить, что она робѣетъ только отъ непривычки просить, и что у этой женщины, съ виду очень бѣдной, есть много внутренняго достоинства, которое не унижается никогда и не позволитъ оскорбить себя.

— Чего просить? прервала Елена Ивановна.—Семнадцатаго числа каждаго мѣсяца у меня поминовеніе, я подаю, сколько слѣдуетъ, тѣмъ, кого я знаю, а тебя, милая, я въ первый разъ въ глаза вижу...

— Я не за подаяніемъ, матушка, возразила просительница.

— Я это, матушка, слышу; пожалуйста, не шуми. Странно, право, что всякій, ни свѣтъ, ни заря, входитъ въ домъ и не доложитъ никто...

— Извините, что обезпокоила, сказала просительница. — Я на васъ смѣла надѣяться.

— Отъ меня, матушка, никто неутѣшенъ не отходилъ. Что же тебѣ нужно?

— У меня сестра, сударыня, начала просительница:—старше меня и больная; жили мы вѣкъ вмѣстѣ; слава Богу, работать она еще могла, въ постели сидя, а уже не вставала и не ходила...

— Что-жъ, умерла твоя сестра? Тебѣ на погребеніе надобно? При жизни, мать моя, надобно заботиться, чтобъ насъ на чужой счетъ не погребали. Всякій можетъ хоть по грошу въ день откладывать. Богъ съ тобой; вотъ возьми, на каленкоръ, покрыть годится...

— Нѣтъ, сударыня, сказала просительница, отклоняя деньги: — сестра моя не умерла, слава Богу, а еслибъ, не дай Богъ, что случилось, ни у кого не попрошу.

— Пожалуйста, не говори такъ много, сказала Елена Ивановна:—въ пустословіи и хвастовствѣ спасеніе невелико. Что-жъ тебѣ надо?

— Я, сударыня, нынѣшней зимой собралась въ Москву, ѣздила съ родными повидаться. Сестра оставалась одна. Этимъ временемъ (ужъ не знаю какъ ее уговорили) взяла ее въ свою богадѣльню княгиня Десятова... Вы изволите знать эту богадѣльню? Вашъ супругъ въ ней попечителемъ...

— Такъ чѣмъ же ты недовольна?

— Сестра можетъ жить при мнѣ, я ею не тяготилась—сохрани меня Богъ...

— Гордость какая! прошептала Елена Ивановна, смотря на нее испытующимъ взоромъ.

— Сдѣлайте милость, сударыня, попросите вашего супруга, чтобъ ее оттуда выключить. Ей будетъ покойнѣе дома.

— Вотъ оно, лицемѣріе! вскричала Елена Ивановна:—покойнѣе! Чего-жъ еще ей нужно?

— Княгиня ни во что не вступается, продолжала просительница.—Представьте себѣ, сударыня, что у этихъ старухъ нѣтъ ни постелей, ничего теплаго надѣть, комнаты не топлены, а ужъ пища... Еслибъ, по крайней мѣрѣ, позволяли приносить имъ что нибудь—и того нѣтъ: сказано, чтобъ родные не вмѣшивались. Какое же благотвореніе, посудите сами...

— Неблагодарные вы, какъ посмотрю я на васъ, сказала Елена Ивановна съ горечью и пренебреженіемъ: — неблагодарные, безчувственные! Не слишкомъ ли много вамъ дается, чего вы не стоите? Добродѣтельные люди подняли нищую, заботятся, питаютъ, а они недовольны! Не пуховики ли вамъ стлать? не нанять ли вамъ прислугу? Погляди, какъ я сама живу!.. Право, въ негодованіе приведутъ! На колѣняхъ бы всякій даръ принимали...

— Сударыня, прервала просительница:— сдѣлайте милость, попросите, чтобъ поскорѣе ее выключить. Я съ сестрой никогда не разставалась, я ее такъ оставить не могу. Скажите вашему супругу...

— Ты, матушка, слишкомъ много говоришь. Развѣ можно осмѣлиться идти вопреки мужу? Кто это тебѣ внушилъ?.. Разсуждать нынче всѣ стали — вѣкъ такой!.. Поди, мать моя. Я на тебя зла не имѣю, но видѣть тебя я не могу. Недовольные!.. Опомнись, пока время, чтобъ тебѣ не отвѣчать въ будущемъ... Прощай.

— Прощайте, сударыня, сказала удивленная просительница, видя, что аудіенція кончена. — Безпокойство вамъ, кажется, невелико. Право, не знаю, чѣмъ я такъ виновата.

— Ты не знаешь, въ чемъ ты виновата? вскричала Елена Ивановна, приходя въ какое-то восторженное состояніе. — Ты... Не мнѣ тебя наставлять, заключила она, вдругъ

удерживаясь.—Поди, не вводи меня въ соблазнъ.

Просительница вышла. Ея мѣсто замѣнила Пелагея Михайловна въ блузѣ и спальномъ чепцѣ, выглянувшая осторожно.

— Вы еще не уѣхали, Елена Ивановна?

— А вы не ѣдете?

— И, нѣтъ. Знаете, тамъ Юша пришелъ... Юрій Степанычъ... Я его такъ Юшей назвала. Такой милый. И представьте, какая погода сегодня, а онъ все босикомъ и безъ шапочки. Взялъ у меня сейчасъ платокъ, повязался. Я говорю: «Это что-жъ будетъ, Юша?» Онъ говоритъ: «Различныя суть дѣйствія, тѣла небесныя...» и запѣлъ, только я ужъ не знаю, какой онъ птицѣ подражалъ...

— Такъ вы не ѣдете? повторила нѣсколько величественно Елена Ивановна: — позвольте же мнѣ по крайней мѣрѣ ѣхать, пора.

Она потупила голову, проходя мимо Пелагеи Михайловны, но тѣмъ не менѣе ея движенія, выраженіе лица и голосъ были полны вынужденной снисходительности и покорности къ чему-то тяготѣвшему, но неизбѣжному, ниспосланному свыше.

Пелагея Михайловна поняла это по-своему.

«Не понравилось!» сказала она, уходя къ себѣ; «а приди Юша къ ней—сама бы.. Охъ, человѣкъ!... подлинно...»

Проходя мимо кабинета своего супруга, Елена Ивановна остановилась, прислушалась у двери и, вѣроятно то, что она услышала, оскорбило слухъ ея, потому что, никакія краски и описанія не передадутъ горести, негодованія и презрѣнія еще болѣе горькаго, изображавшагося въ разстроенныхъ чертахъ лица ея. Ее наконецъ посадили въ карету.

Въ кабинетѣ Андрея Валерьяновича былъ только онъ самъ и сынъ его. Они помѣщались оба съ сигарами — сынъ въ покойномъ креслѣ, отецъ на кушеткѣ передъ столикомъ, на которомъ былъ приготовленъ чай. Андрей Валерьяновичъ былъ веселъ, какъ молодой человѣкъ, принимающій у себя запросто другого молодого человѣка. Онъ смѣялся очень громко,между тѣмъ какъ Александръ сидѣлъ нахмурясь, лѣнивый и усталый.

— Вотъ какъ мы живали! заключилъ Андрей Валерьяновичъ, оканчивая какой-то разсказъ. — А вы-то, нынѣшніе, ну-тка?

— Въ наше время подобныя вещи невозможны, возразилъ Александръ. — Согласитесь, эти откровенныя пирушки, все это рыцарство...

— Это было превосходно! вскричалъ отецъ: — молодежь шалила и дружилась; жизнь кипѣла; послѣдняго, бывало, не жалѣешь: знаешь, что сегодня прокутилъ, завтра отыграешься; не отыграешься — найдутся друзья, выручатъ... Дружба составлялась навѣкъ; въ огонь, въ воду готовы, бывало, идти одинъ за другого... Бѣсились, зато люди выходили, а не нынѣшніе философы въ родѣ филиновъ. Я знаю, что ты хочешь возразить, прибавилъ Андрей Валерьяновичъ, между тѣмъ какъ Александръ глядѣлъ предъ собою, не думая ничего возражать.— Ты хочешь сказать, что у меня нѣтъ пріятелей между моими сверстниками? Что-жъ дѣлать, несчастье! Я ошибался въ людяхъ. Я не могъ предполагать, что они заважничаютъ, что вашъ гибельный вѣкъ сдѣлаетъ на нихъ свое вліяніе. Въ дѣлахъ засѣли, погрязли. Толку отъ этого немного; а какъ не важничать?

Андрей Валерьяновичъ разсмѣялся; Александръ сдѣлалъ тоже вслѣдъ за нимъ.

— Что, продолжалъ отецъ: — сознаешься ли, что я говорю дѣло? Вы не умѣете пользоваться жизнью. Взгляните сами какъ нибудь попроще, оживитесь — дѣйствуйте. Смѣшно и жалко! Ни одинъ изъ васъ не умѣетъ даже влюбить въ себя женщину; по-вашему, увлекаться на время не стоитъ труда...

— А вѣчно любить невозможно, договорилъ трагически Александръ, опуская голову въ колѣни, еще болѣе трагически.

Ему показалось кстати сдѣлать этотъ жестъ послѣ своихъ словъ. Есть слова, которыя повторяются молодыми людьми безсознательно, безъ чувства, но декламируются одинаково, отлично всѣми, какъ роль, затверженная по одному образцу. Спросить молодого человѣка, что онъ думалъ, когда говорилъ это: онъ сильно затруднится, или отвѣтитъ только одно: скучно! съ такимъ же трагическимъ выраженіемъ. Можетъ быть, декламація нѣсколько разстроитъ его нервы, и ему станетъ Богъ-вѣсть о чемъ скучно въ самомъ дѣлѣ; можетъ быть, истинная скорбь этихъ словъ, живая, какъ все истинное, шевельнетъ что-то въ глубинѣ души, засыпающей отъ апатіи, и пробудитъ въ ней тоску раскаянія и безсилія... ту тоску, которую люди, испытывающіе ее, называютъ стремленіемъ къ безконечному — такъ готово самолюбіе человѣческое оправдаться во всемъ, даже въ раскаяніи.

То самое случилось съ Александромъ въ эту минуту. Предъ нимъ представлялись картины шумной жизни, которую расхваливалъ ему отецъ, и онъ съ сожалѣніемъ говорилъ себѣ, что эта жизнь для нашего поколѣнія перешла въ преданія, которыя повторяться не могутъ и не должны. Слушая разсказы, онъ оживлялся; но еслибъ въ ту же минуту его позвали на подобный пиръ, онъ сказалъ бы, что ему лѣнь и скучно. Ему какъ будто припоминались новыя правила новаго вѣка, правила, говорящія, что цѣль жизни не веселье, а трудъ; но Александръ находилъ въ этомъ напоминаніи не ободреніе труда, а только осужденіе веселья и радовался... потому что веселье было ему недоступно. Ему стало скучно, конечно, о себѣ самомъ, въ чемъ онъ сознался бы со всѣми возможными самооправданіями; ему стало досадно на вѣкъ, который сталъ такъ некстати уменъ, на общество, такъ взыскательно приличное, на здоровье, которому не мѣшало бы быть посильнѣе для желѣзнаго вѣка, на деньги, которыя неизвѣстно гдѣ и у кого, но которыхъ на свѣтѣ почти не видно...

Размышленія Александра были прерваны словами Андрея Валерьяновича.

— Неужели ты хотѣлъ бы влюбиться не шутя? вскричалъ онъ.— Полно, мой милый, не дурачься. Любовь во всякое время была и есть дурачество, а въ мое время еще хуже, нежели въ твое: мы стрѣлялись за женщинъ. Я тебѣ не говорю объ этомъ сумасшествіи. Теперь, наконецъ, стали умнѣе и поняли, что выходить изъ себя не отъ чего, и нѣтъ ни дуэлей, ни самоубійствъ, ни похищеній, по крайней мѣрѣ все это рѣдко. Но вы все-таки не попадаете въ тактъ: вы разучились забавляться. Вы проходите мимо хорошенькаго личика и не замѣчаете его, а если замѣтили, влюбились, и дѣвушка бѣдна, то начинается глупая борьба великодушія: вы боитесь увлечь и завлечься; отдаляетесь самымъ нелюбезнымъ образомъ, или женитесь очертя голову, записываетесь въ папахены, не разсчитавъ, будетъ ли чѣмъ вамъ жить на свѣтѣ...

— Трудиться для женщины, которую мы любимъ... началъ Александръ, которому пришла въ голову эта фраза безъ дальнѣйшаго продолженія.

— Это старо, мой милый; мы называли это «шалашъ и милый другъ», и смѣялись этому тогда, какъ смѣемся теперь. Хорошо, что подобныя глупости встрѣчаются рѣже въ послѣднее время, но и онѣ слѣдствіе все той же вашей премудрости, вашихъ вопросовъ: зачѣмъ? къ чему? что будетъ дальше? вопросовъ, которыми вы убиваете всякую забаву, прежде нежели она успѣетъ выглянуть на свѣтъ. Да веселитесь не думая; это, наконецъ, несносно! Сближайтесь съ женщиной только для удовольствія съ ней сблизиться: говорите ей все, что войдетъ въ голову, заставьте ее сойти съ ума, влюбиться... Одинъ изъ вашихъ умниковъ увѣрялъ, что это доброе дѣло, что вы развиваете женщину, наполняете ея жизнь, когда заставляете ее чувствовать и страдать... Вздоръ какой! Что мнѣ изъ этого, что она развилась, выстрадала себѣ какое-то право? Мнѣ нужно, чтобъ она позабавила меня, а дальше, какое мнѣ дѣло?

— Но каково же этой женщинѣ? сказалъ Александръ.

— Ей? прервалъ Андрей Валерьяновичъ:— ей ровно ничего. Пора всѣмъ понять, что все въ мірѣ невѣчно. Было весело, прошло — и только. А если ей и было весело, слѣдовательно, съ ея стороны не было никакого самоотверженія, какъ это громогласно, называется. Съ этимъ, надѣюсь, ты согласенъ, заключилъ Андрей Валерьяновичъ, весьма довольный тѣмъ, что на этотъ разъ смѣхъ его вызвалъ и смѣхъ Александра.

Этотъ пріятный перерывъ далъ новое направленіе разговору.

— Досадно, что все надо васъ учить! сказалъ Андрей Валерьяновичъ. — Ты, напримѣръ, что ты сидишь, теряешь время? Молодъ, неглупъ...

— Да какъ же заняться? возразилъ Александръ. — Вы сами знаете, я на счету жениховъ; заняться дѣвушкой, какъ разъ поймаютъ.

— Такъ извини меня, ты глупъ! И ты не съумѣешь такъ держаться...

— Все равно, нечего хлопотать, мнѣ ни одна не нравится.

— Ну, дамы?

— Всѣ или стары, или дурны.

— Ливинская, напримѣръ, молода и хорошенькая, мило образована, поетъ прекрасно...

— И имѣетъ ревниваго, бѣшенаго мужа, который, не смотря на свои сѣдые волосы, влюбленъ въ нее какъ мальчикъ. Онъ замѣчаетъ, если кто съ ней протанцуетъ двѣ кадрили сряду.

— Это-то и забавно.

— Нисколько незабавно; человѣкъ, готовый надѣлать шуму изъ ничего.

— Это, конечно, непріятно; ничего нѣтъ

неприличнѣе шума. Порядочный человѣкъ въ состоянiи растеряться среди разныхъ дикостей и рѣзкостей. Казалось бы, воспитанiе должно было образумливать горячiя головы...

— И еще сѣдыя, прибавилъ Александръ.

— Я всегда былъ врагомъ огласокъ, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ: — все должно дѣлаться въ мѣру, въ пору... Но, знаешь ли, я замѣчалъ, женщины любятъ огласку.

— Женщины?

— Да. Растолкуй себѣ это. Имъ нравится, когда шумятъ за нихъ, когда о нихъ говорятъ; онѣ воображаютъ себя героинями романовъ... Ливинская была бы хорошенькая героиня.

— Богъ съ ней! сказалъ лѣниво Александръ. — Пожалуй, для ея романа есть уже герой — Нестоевъ. Цѣлый день поютъ дуэты.

Андрей Валерьяновичъ расхохотался.

— А мужъ?

— Мужъ слушаетъ, отвѣчалъ Александръ очень хладнокровно:—онъ любитъ музыку.

Веселость Андрея Валерьяновича удвоилась. Старики, которыхъ занимаютъ мелочныя забавы молодости, мелочны вдвойнѣ, мелочны какъ женщины; очень натурально, что они любятъ сплетни. Сплетня замѣнила для нихъ мечту, эту веселую подругу молодости; она также занимаетъ ихъ отяжелѣвшiй умъ, также волнуетъ ихъ охолодѣвшее сердце, также заставляетъ работать ихъ воображенiе, также, даже еще болѣе, потому что вмѣсто призрачной красоты, въ сплетнѣ есть что-то существенное, близкое положительной природѣ человѣка. Два возраста странно мѣняются характерами. Мечта всегда полна эгоизма: въ ней молодость кружитъ только около одной себя, утѣшаетъ ею только себя, не дѣлится ею ни съ кѣмъ. Сплетничая, старость сближается съ молодыми, хотя бы отрицательно; она оживаетъ въ чужой жизни и забывается въ ней съ наслажденiемъ: она принимаетъ къ сердцу всѣ ея подробности и шевелитъ въ себѣ чувство, сладко завидуя. Бывали люди, которые, разсказывая сплетни, радовались какъ будто это съ ними самими случилось...

— Знаешь ли ты, что это великолѣпно? сказалъ Андрей Валерьяновичъ.—Я никакъ не ожидалъ столько ловкости отъ Нестоева. А что онъ разсказываетъ о своихъ дуэтахъ?

— Ничего. Онъ никогда ничего не говоритъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, что можно замѣтить?

— Вы его сами видите столько же, сколько я, отвѣчалъ Александръ, становясь все лѣнивѣе по мѣрѣ того, какъ оживлялся отецъ его.

— Да, скажи, сдѣлай милость, что тебя занимаетъ? о чемъ ты думаешь цѣлый день? вскричалъ Андрей Валерьяновичъ. — Это смѣшно: молодой человѣкъ въ твои годы, которому ни до чего нѣтъ дѣла! Не занятъ самъ, такъ наблюдай за другими. Поставь себя такъ, чтобъ тебя боялись, наконецъ. Насмѣшничай, если не удается нравиться; какъ нибудь, но двигайся. Какъ не имѣть благороднаго честолюбiя быть чѣмъ нибудь въ обществѣ?..

— Что-жь мнѣ съ собой дѣлать, если за мной нѣтъ никакихъ талантовъ? отвѣчалъ Александръ, вставъ и зѣвая очень нецеремонно.—Вы вчера или третьяго дня сдѣлали визитъ Артеминой?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ лицо Андрея Валерьяновича, всегда покрытое слегка желтоватой блѣдностью, совершенно приличной его годамъ, нѣсколько оживилось и выразило удивленiе, почти безпокойство, хотя въ вопросѣ, выговоренномъ съ трудомъ, среди такой откровенной зѣвоты, нельзя было предположить никакого дурного намѣренiя.

— У Артеминой?.. да, когда я былъ у Артеминой?.. отвѣчалъ наконецъ Андрей Валерьяновичъ, тономъ, составлявшимъ нѣчто среднее между отрицанiемъ и нерѣшительностью человѣка, забывшаго то, о чемъ его спрашиваютъ, между тѣмъ какъ взоръ его продолжалъ слѣдить за сыномъ, который ходилъ по комнатѣ. — Тебѣ кто сказалъ? спросилъ онъ, сдѣлавшись какъ будто покойнѣе въ ту минуту, какъ Александръ отвернулся.

— Она сама, отвѣчалъ молодой человѣкъ хладнокровно, будто сквозь сонъ и останавливаясь напротивъ отца. — Вы меня не представили ей вчера, я попросилъ Нестоева. Поѣду къ ней сегодня; она миленькая.

— Очень замѣчательная женщина, сказалъ Андрей Валерьяновичъ очень серьезно.

Александръ улыбнулся и продолжалъ расхаживать.

— Одна изъ такихъ женщинъ, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ:—которыхъ гостиная — школа для молодыхъ людей, школа, гдѣ они могутъ научиться ловкости, вкусу, хорошему тону, изяществу манеръ, всѣмъ тонкостямъ, всей прелести свѣтскаго разговора...

Александръ расхохотался.

— Что съ тобой?

— Послушать васъ—мы всѣ неучи.

— А что же вы?

— Извините, за что же такіе нападки на молодое поколѣніе? Артемина, можетъ быть, очень хороша, умна и прочее, но все же, если она вздумаетъ выбрать себѣ второго супруга, то возьметъ его изъ насъ же, неучей... Вѣдь и грубость иногда нравится; женщинъ не отгадаешь.

— Полусонные курильщики никому ненравятся, возразилъ Андрей Валерьяновичъ.

Онъ положилъ сигару, Александръ закурилъ свою, которая погасла, и продолжалъ прогулку по комнатѣ, останавливаясь предъ гравюрами, хорошенькими женскими головками, развѣшанными на стѣнахъ. Оглянувшись на отца, онъ замѣтилъ, что тотъ досталъ какія-то бумаги и занялся ими. Было очевидно, что онъ не намѣренъ продолжать разговора, прерваннаго чѣмъ-то похожимъ на размолвку. Александръ пробирался къ двери, когда Андрей Валерьяновичъ позвалъ его.

— Послушай, сказалъ онъ, и въ голосѣ его была замѣтна особенная холодная важность, приличная человѣку дѣловому: — ты поѣдешь сегодня со двора, потрудись заѣхать къ княгинѣ Десятовой и отвези ей эти счеты по ея богадѣльнѣ...

— Княгинѣ восемьдесятъ лѣтъ; она недвижима; ей бы самой пора въ свою богадѣльню, сказалъ Александръ,необыкновенно развеселившійся.

— Ты объяснишь ей, если тебя примутъ, продолжалъ серьезно Андрей Валерьяновичъ, не обращая вниманія на легкомысленное замѣчаніе сына:—ты объяснишь ей, что намъ необходимы суммы: скоро первое число...

— Апрѣля, договорилъ Александръ. — Впрочемъ, для княгини всякій срокъ счетовъ по ея богадѣльнѣ — первое апрѣля.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ Андрей Валерьяновичъ съ необыкновеннымъ долготерпѣніемъ.

— Ничего, отвѣчалъ Александръ, не сконфузясь, а вдругъ соскучась.—Я говорю, что вся эта благотворительность сущій вздоръ. Патронесса ничего не понимаетъ: еслибъ это дѣлалось какъ слѣдуетъ, въ какомъ нибудь порядкѣ...

— Какой же безпорядокъ тебѣ не нравится? спросилъ отецъ съ строгимъ величіемъ.—Ты былъ когда нибудь въ этомъ заведеніи?

— Сохрани Боже! вскричалъ Александръ.

— Такъ прежде, нежели ты началъ говорить свое ни на чемъ не основанное мнѣніе, ты могъ бы вспомнить по крайней мѣрѣ, что твой отецъ тамъ распорядителемъ. Кажется, ты можешь поручиться, что твой отецъ не станетъ заниматься вздоромъ? Какъ ты думаешь?

Александръ ничего не отвѣчалъ: онъ завидѣлъ начало разсужденій, которыхъ не выносилъ, и заранѣе рѣшился согласиться во всемъ, лишь бы не спорить.

— Вотъ онъ, вѣкъ вашъ! продолжалъ Андрей Валерьяновичъ, выждавъ весьма эфектно минуту молчанія.—Вотъ и выходитъ, что много словъ и ни одного истиннаго убѣжденія! Кто кричитъ о бѣдности, объ общественной помощи, о нравственной пользѣ матерьяльнаго довольства? — вы, господа! вы, юное поколѣніе! А явятся люди, устроятъ въ глазахъ вашихъ что нибудь для блага ближняго—вы поднимаете другой крикъ: вздоръ, не такъ, первое апрѣля! Какъ бы вы-то лучше устроили?

— Не знаю, сказалъ Александръ, повѣся голову.

— Мнѣ больно видѣть, что ты ни въ чемъ не хочешь принять участія, ничего не хочешь понять... Посмотри, напримѣръ... Впрочемъ, что съ тобою толковать! Можешь ли ты, по крайней мѣрѣ, исполнить порученіе?

— Что вамъ угодно?

— Заѣзжай къ Иванову... къ купцу, что торгуетъ хлѣбомъ; я посылалъ сегодня рано къ нему узнать, есть ли у него большія парусныя лодки...

— Вы хотите отправить богадѣльню по разливу до Кіева? прервалъ Александръ, догадываясь по небольшому смущенію Андрея Валерьяновича, что шутка возможна.

— Повѣса! сказалъ Андрей Валерьяновичъ.—Тебѣ только смѣяться... Лодки есть; скажи Иванову, чтобъ онъ оправилъ ихъ, окрасилъ, обилъ скамьи какъ слѣдуетъ, и чтобъ къ святой было готово; я тогда расплачусь...

— Я заѣду къ княгинѣ напомнить ей о счетахъ, сказалъ Александръ, будто вспоминая, что было ему прежде приказано.— Однако, на что же эти лодки?

— Вчера Евгенія Михайловна... Вчера вздумали устроить маленькій праздникъ на святой! Всѣ эти клубы, балы, déjeuners dansants надоѣли: одно и то же, даже пошло. Я говорю, почему не встрѣтить весны гдѣ нибудь въ молодой рощѣ: и оригинально

и граціозно... Но всѣ рощи за рѣкой, а рѣка будетъ въ разливѣ. Я предложилъ лодки, музыку; все общество поѣдетъ съ утра водой въ Асташево; тамъ домъ господскій трехъэтажный пустой: нужно будетъ дать знать управляющему: все уберутъ, устроятъ, вычистятъ дорожки въ саду, истопятъ комнаты, если нужно, освѣтятъ, и милости просимъ, завтракъ, обѣдъ и танцы до ночи... Вѣдь недурно придумано?

— Очень хорошо, отвѣчалъ Александръ.— Это по подпискѣ?

— Да... нѣтъ... какая у насъ подписка, mon cher? съ кого собрать? И право, даже совѣстно, смѣшно какъ-то, эти листы подписокъ. Для общаго удовольствія вдругъ будто сборъ на погорѣлыхъ!.. Пустяковъ будетъ стоить. Надо же и сдѣлать что нибудь для общества. Здѣсь, у себя...

Андрей Валерьяновичъ такъ оглянулъ свой кабинетъ и, казалось, далѣе, за двери этого кабинета, такъ выразительно сдѣлалъ гримасу, что Александръ невольно повторилъ ее за нимъ.

— Ступай же, душа моя, сказалъ отецъ:— пора, часъ двѣнадцатый.

— Артемину зовутъ Евгенія Михайловна? спросилъ Александръ, притворяя двери, и ушелъ не дожидаясь отвѣта.

IV.

Старинная поговорка увѣряетъ, что можно узнать человѣка, узнавъ его общество. Это знакомство, однако, все-таки будетъ знакомствомъ поверхностнымъ. Кто можетъ сказать, насколько человѣкъ невѣренъ своему характеру, смотря по тому, что этого требуютъ разныя житейскія отношенія, связывающія его съ этимъ обществомъ, отношенія часто вызванныя необходимостью, еще чаще приличіями и условіями свѣта, этими странными обязанностями, изобрѣтенными неизвѣстно для чего, чьею нибудь досужей фантазіей. Старинная поговорка была вѣрна встарину; для нашего времени пора было бы выдумать другую.

Въ человѣкѣ есть еще одно свойство — способность или недостатокъ; пусть рѣшаютъ тѣ, кто сознается, что оно существуетъ: это свойство въ самомъ дѣлѣ измѣняться въ образѣ мыслей и въ характерѣ въ тѣ минуты, когда мы притворяемся по необходимости становиться въ самомъ дѣлѣ такими, какими мы хотимъ представиться; жарко убѣждаться самимъ въ томъ, въ чемъ мы хотимъ убѣдить другихъ... Это случается такъ часто, что почти неудивительно видѣть актера, который увлекается чувствомъ и положеніемъ представляемаго лица: по свойству человѣческой природы было бы удивительнѣе, еслибъ онъ не увлекался.

Конечно, это свойство характеровъ несильныхъ; но кто же можетъ похвалиться силой характера? Оглядываясь вокругъ себя, начиная съ незамѣтной точки, на которой мы поставлены судьбою, и далѣе, на всѣ круги, которые разбѣгаются такъ широко и всѣ нечужды намъ, много ли встрѣтится намъ примѣровъ непреклонной воли, неизмѣняемости убѣжденій, твердости въ терпѣніи, постоянства въ трудѣ? Большая часть того, что мы видимъ, только минутныя проявленія силы, проявленія, безспорно прекрасныя: но точно ли силенъ тотъ, кто силенъ только на минуту? А если и тамъ, гдѣ больше простора для развитія воли и чувства, чувство и воля являются такъ рѣдко: чего же можно искать или ожидать среди жизни, гдѣ дѣйствіе меньше и гдѣ люди, въ ожиданіи чего-то большаго, живутъ мелкими интересами и чувствуютъ будто сквозь сонъ?

Это ожиданіе чего-то большаго, когда оно не болѣзнь души, которая догадалась, что есть жизнь полнѣе ея жизни, или болѣзнь сердца грустно забавляющаго себя сказками — это ожиданіе чего-то большаго иногда чрезвычайно забавно. Нечего и прибавлять, что тогда оно чувство чисто эгоистическое; а ничего нѣтъ въ мірѣ разнообразнѣе проявленій тщеславія...

Андрей Валерьяновичъ Оршевскій, напримѣръ, былъ убѣжденъ, что онъ предназначенъ на что нибудь великое. Странно, что это убѣжденіе пришло къ нему не въ первые годы юности, когда еще можно было надѣяться, что случится что нибудь, но гораздо позже, въ годы безнадежные, когда танцовать можно было себѣ позволить ужъ только для шутки, когда друзья-ровесники оставили его одного на пути, избравъ другой путь, когда семейная жизнь представляла ужъ не одни цвѣты счастія, но и терніи обязанностей. Андрей Валерьяновичъ примѣнилъ къ себѣ изреченіе, что «красота не старѣется», припомнилъ другое изреченіе о томъ, что «опытъ — учитель», и рѣшилъ, что, слѣдовательно, онъ, прекрасный и опытный, имѣетъ прекрасное преимущество предъ тѣми, кто сталъ бы на его дорогѣ. Друзья... Съ гордой улыбкой—изученной имъ съ портрета одного поэта, который особенно нравился ему своей наружностью и своими побѣдами надъ женщинами — онъ говорилъ,

что сомнѣвается во всемъ, чтобъ ни въ комъ не обманываться. Что-жъ касается «цвѣтовъ и терній», Андрей Валерьяновичъ разсуждалъ, что если не было первыхъ, то можно не заботиться о послѣднихъ, и устроилъ себѣ семейную жизнь, въ которой ему не было дѣла ни до кого и ни до чего. Взявъ подругу жизни для поправленія денежныхъ обстоятельствъ, онъ, съ свойственнымъ ему уваженіемъ къ женщинѣ и женѣ своей, предоставилъ ей исполнять до конца благородную обязанность поправленія его обстоятельствъ; потомъ онъ наслаждался жизнью, принимая средства изъ тѣхъ же рукъ, правда, очень некрасивыхъ, и, деликатный въ высшей степени, не спрашивалъ, откуда эти средства. Онъ баловался какъ ребенокъ и, примѣтивъ сначала, что это не было непріятно его подругѣ-покровительницѣ, продолжалъ баловаться, даже когда это перестало нравиться; но замѣтить эту перемѣну значило бы оскорбить женщину, какъ будто намекнуть ей о грубой разсчетливости, о недостаткѣ самоотверженія. Андрей Валерьяновичъ ничего не замѣтилъ, ни на что не намекнулъ и, услыша жалобы, отвернулся для того, чтобъ потомъ жену его не мучило раскаяніе, что она его огорчила... Это поведеніе могло служить образцомъ самой тонкой разборчивости, самой нѣжной внимательности къ чувству, самаго благороднаго забвенія матерьяльныхъ интересовъ. Андрей Валерьяновичъ былъ принужденъ прибѣгать къ шуткѣ, чтобъ успокоивать вниманіе Елены Ивановны, когда она, со слезами, какъ молодая мать, съ упреками, какъ бывшая старая дѣва, напоминала ему, что векселя просрочены и поданы ко взысканію, что въ деревнѣ хлѣбъ проданъ на корню, что оброки собраны за три года впередъ, что сначала одна, потомъ другая, наконецъ послѣдняя деревня описаны — и близокъ часъ, когда продадутъ ихъ съ молотка...

— Знаешь ли, говорилъ Андрей Валерьяновичъ, что въ устахъ женщины слово «деньги» звенитъ такъ же непріятно, какъ кухонная посуда?

Эти слова были отчасти выраженіемъ той любви къ изящному, которая заставляла Андрея Валерьяновича искать въ обществѣ образовъ болѣе граціозныхъ, чтобъ успокоиться отъ впечатлѣнія, производимаго образомъ раздраженной Елены Ивановны. Онъ не могъ скрыть отъ нея этого впечатлѣнія, считая притворство излишнимъ, но не говорилъ о своихъ развлеченіяхъ: это могло бы внушить Еленѣ Ивановнѣ мысль опять явиться въ обществѣ, почти ею оставленномъ, а Андрей Валерьяновичъ боялся за ея здоровье, требовавшее въ ея лѣта безпрестанныхъ попеченій. Онъ боялся еще, что свѣтъ, вступивъ въ права свои, помѣшаетъ ей наслаждаться вполнѣ чувствомъ материнской нѣжности и, отвлекая ее отъ дѣтей, произведетъ въ ея сердцѣ печальную пустоту. Онъ былъ убѣжденъ, что она любитъ дѣтей своихъ такъ безгранично, что смотритъ съ ревностью на любовь другихъ къ нимъ, и потому старался какъ можно болѣе сберечь ее отъ этого тяжелаго чувства: Андрей Валерьяновичъ почти не видалъ дѣтей своихъ. Онъ вмѣшался въ распоряженія Елены Ивановны только тогда, когда настало время отдать Александра въ какое нибудь заведеніе, и то потому, что идеи Елены Ивановны о воспитаніи молодыхъ людей были совершенно противоположны идеямъ Андрея Валерьяновича, слѣдовавшаго за вѣкомъ, и онъ отвезъ Александра въ блестящую аристократическую школу.

Оставалась дочь. Елена Ивановна не желала имѣть въ домѣ гувернантки, называя ихъ вообще всегда «наемницами», и присутствовала сама при всѣхъ урокахъ, которые давали Марьѣ Андреевнѣ приходившие учители. Андрей Валерьяновичъ не вмѣшивался. Ему напомнила о дочери одна хорошенькая дама, съ которой онъ танцовалъ мазурку.

— Когда-жъ вы покажете въ свѣтъ вашу Магіе?

Андрей Валерьяновичъ исполнилъ долгъ свой передъ дочерью и передъ свѣтомъ: онъ съ необыкновеннымъ вкусомъ самъ прикололъ бѣлые жасмины на черные волосы Марьи Андреевны, протанцовалъ съ ней первую кадриль, потомъ, лорнируя дочь, сказалъ молодымъ людямъ:

— Странный genre красоты! Что-то роковое... Эта женщина создана не для свѣта.

— Вы больше не танцуете? спросила его хорошенькая дама.

— Я кончилъ свой путь! отвѣчалъ серьезно Андрей Валерьяновичъ.

Съ этой минуты онъ сознавалъ свое высшее назначеніе.

Надо-жъ было дѣлать что нибудь на свѣтѣ. Оставивъ забавы молодости, не восхищаться же успѣхами дочери, подобно родителю изъ какого нибудь сентиментальнаго романа. И было бы еще чѣмъ восхищаться!

Андрей Валерьяновичъ велъ серьезную, дѣльную игру—упражненіе, въ которомъ человѣкъ научается обуздывать порывы стра-

стей, подавлять мелочныя движенія сожалѣнія и разсчета, держаться благородно въ несчастіи и скромно въ торжествѣ, ту умную игру, въ которую надо умѣть потерять или пріобрѣсть состояніе, не шевельнувъ бровью... Какъ всѣ люди, предназначенные къ высшему, или вслѣдствіе поговорки, извѣстной всѣмъ игрокамъ и сбывшейся вполовину въ молодости Андрея Валерьяновича— Андрей Валерьяновичъ былъ несчастливъ въ игрѣ. Елена Ивановна напутствовала его въ битвы самыми пламенными благословеніями; испивъ въ жизни всю чашу скорбей, какъ она выражалась, она налагала на себя обѣты, чтобы миновало ее конечное разореніе... Она не знала, выигрывалъ ли когда нибудь Андрей Валерьяновичъ. Она стала держаться такъ странно сосредоточенно, что онъ не хотѣлъ и почти не смѣлъ обращать ея вниманіе на мелочи сего юдольнаго міра. Сначала онъ еще просилъ ее присутствовать на праздникахъ, которые дѣлались въ ихъ домѣ, для удовольствія дочери, какъ говорилъ Андрей Валерьяновичъ, скрывая настоящую, болѣе общественную цѣль, которая была бы непонятна, еслибъ онъ выразилъ ее передъ женой своей: цѣль отблагодарить общество за его внимательность, доброе расположеніе и уваженіе къ Андрею Валерьяновичу. Андрей Валерьяновичъ не смѣлъ развлекать Елену Ивановну житейскими пустяками, и потому не допускалъ ее распоряжаться, а только посылалъ извѣстить ее, когда бывали ужъ зажжены послѣднія свѣчи. Впослѣдствіи, праздники прекратились; Андрей Валерьяновичъ нашелъ удобнѣе веселиться внѣ своего дома, и Елена Ивановна заключалась у себя, предоставивъ Андрею Валерьяновичу полнѣйшую свободу. Нѣсколько ранѣе этой эпохи Андрей Валерьяновичъ, выйдя въ одно утро изъ своего кабинета, нашелъ въ гостиной Пелагею Михайловну, и Елена Ивановна объяснила ему, что этотъ «истинный другъ» рѣшается поселиться съ ними и дѣлиться своимъ имуществомъ. Андрей Валерьяновичъ былъ прилично тронутъ, высказавъ, впрочемъ, небольшое неудовольствіе относительно денежныхъ разсчетовъ и выразивъ, что, «кажется, истинная дружба могла бы поселиться подъ его кровлей, не платя за себя, какъ въ гостиницѣ», но это рѣзкое выраженіе вызвало со стороны обѣихъ дамъ столько такой убѣдительной мольбы, что онъ принужденъ былъ согласиться, не понимая самъ, почему ему казалось приличнымъ спорить. Впослѣдствіи онъ прямо и откровенно говаривалъ женѣ:

— Спросите у Пелагеи Михайловны столько-то: мнѣ необходимо.

Какъ исполняла эти порученія Елена Ивановна и всегда ли охотно Пелагея Михайловна дѣлилась своими «послѣдними крохами» (она имѣла привычку называть «послѣднимъ» все, что давала)—Андрей Валерьяновичъ не хотѣлъ знать по многимъ причинамъ, весьма уважительнымъ. Главное было нежеланіе вмѣшиваться въ женскія дрязги, всегда такъ непріятно дѣйствующія на нервы человѣка, занятаго чѣмъ нибудь высшимъ. Андрей Валерьяновичъ не занялся еще этимъ, но былъ намѣренъ заняться. Къ тому-жъ, забота узнавать, что говорилось и какъ что дѣлалось, была бы совершенно лишнею: Андрей Валерьяновичъ давно убѣдился, что его не понимаютъ, слѣдственно, осуждаютъ вкривь и вкось. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, послужило бы, еслибъ онъ видѣлъ, какъ, рано утромъ, Елена Ивановна въ глубокой горести и еще въ спальномъ костюмѣ входила въ комнату Пелагеи Михайловны и запирала дверь за собою; еслибъ онъ слышалъ ея невнятныя слова:

— Я къ вамъ съ просьбой, Пелагея Михайловна...

— Мать моя, восклицала Пелагея Михайловна:—когда-жъ этому будетъ конецъ?

Продолженіе сцены зависѣло отъ расположенія духа обѣихъ дамъ, или отъ сновъ, которые онѣ видѣли въ эту ночь. Сцены бывали разнообразны, и хотя характеры выказывались одинаково сильно, но главная роль принадлежала всегда Пелагеѣ Михайловнѣ.

— Чѣмъ же я сама-то проживу? спрашивала она:—посудите сами: я безъ копѣйки; вчера отдала турецкую шаль продать...

— У васъ ихъ три, возражала Елена Ивановна.

— Вамъ-то что, хоть бы ихъ десять было?... И гдѣ-жъ три? Я Машенькѣ пунцовую на костюмъ давала, въ живыя картины—всю стеариномъ облили...

— Стеаринъ легко счищается.

— Благодарю васъ, прекрасно и такъ всю обчистили! Господи, до чего я дожила!

Шаль доставляла новый эпизодъ для разговора: Пелагея Михайловна начинала жаловаться на прислугу. Тутъ эпизоды выходили безчисленные. Иногда, чтобъ достичь цѣли своей просьбы, Елена Ивановна, уступала жалобамъ Пелагеи Михайловны, принимая къ сердцу ея неудовольствія, и надѣлавъ вдвоемъ несправедливостей, подруги опять дружились, какъ дружатся люди равно виноватые...

Иногда Пелагея Михайловна чувствовала себя въ духѣ поучать и восклицала внезапно:

— Чего вы безуміе дѣлали, замужъ шли въ сорокъ лѣтъ?

Елена Ивановна не выносила этого.

— Къ чему-жъ клеветать, прибавлять? возражала она:—въ 1789 году я родилась...

— Я счету не знаю, не знаю, извините! Еслибъ знала, лучше было бы; я безсчетная!

— Что вамъ такое угодно считать?

— То, чего я вамъ стою! отвѣчала Пелагея Михайловна съ невыразимой иронiей.

Иногда за этимъ отвѣтомъ начинались счеты въ самомъ дѣлѣ. Елена Ивановна приносила какія-то росписки и записки для памяти; Пелагея Михайловна, назвавшись прежде «безсчетной», называла себя безграмотною...

Если сцена происходила утромъ, обѣ дамы не выходили къ обѣду; если же вечеромъ, то долго за ночь голоса ихъ раздавалось въ тишинѣ дома, и горничныя, не смѣя успокоиться, дремали предъ своими постелями. Хорошо было только то, что всѣ были покойны насчетъ нервныхъ припадковъ и не готовились къ оттираніямъ: почтенныя дамы были сильны духомъ и, наговоривъ другъ другу оскорбленій, пригрозивъ другъ другу однимъ и тѣмъ же наказаніемъ «геены огненной», упрекнувъ каждая другъ друга въ смѣлости этой угрозы, восторженно сказавъ, каждая, что надѣется лучшаго, онѣ расходились, горько простивъ все другъ другу.

— Богъ съ вами, матушка, почивайте; я на васъ злобы не имѣю; пусть вамъ хоть во снѣ приснится такъ тяжело, какъ вы меня оскорбили...

Какое дѣло было Андрею Валерьяновичу до этихъ мелочныхъ бурь, волновавшихъ мелочную жизнь двухъ мелочныхъ женщинъ? Онъ угадывалъ все и, какъ человѣкъ съ здравымъ смысломъ, не обращалъ ни на что вниманія; какъ человѣкъ благородный, не безпокоился о томъ, что ему самому доставалось въ этихъ схваткахъ. Его величали безумнымъ, мотомъ, игрокомъ, эгоистомъ... Но кто говорилъ это?

Когда Елена Ивановна покушалась разсказать ему что нибудь изъ этихъ сценъ, или объяснить неудовольствіе Пелагеи Михайловны (говоря съ мужемъ, Елена Ивановна вполнѣ раздѣляла это неудовольствіе), Андрей Валерьяновичъ прерывалъ ее съ необыкновенно живописной гордостью...

— Занимать—не значитъ одолжаться. Я занимаю у нея деньги, а не прошу милостыни. Я ей выплачу. Скажите ей такъ.

— Чѣмъ вы ей выплатите? спрашивала Елена Ивановна, изумленная этой нечестивой хвастливостью.

— Я найду деньги. Неужели вы думаете, что это такъ трудно? Я завтра же найду. Двадцать человѣкъ охотно дадутъ, лишь бы имѣть дѣло со мною. Но только тогда, извините, я буду жить одинъ. Я не въ состояніи покрывать ваши издержки.

— Какія? вопрошала Елена Ивановна.

— Почему я знаю? Ваши тряпки... Позвольте мнѣ одѣться: я ѣду со двора.

Андрей Валерьяновичъ уѣзжалъ въ самомъ дѣлѣ: отдохнуть отъ этихъ сценъ было необходимо. Онъ отдыхалъ дня три, не показываясь ни утромъ, ни за обѣдомъ; наконецъ, являлись доктора: нѣжная организація Андрея Валерьяновича не выносила нравственныхъ волненій. Пока вся эта суматоха происходила въ кабинетѣ, Елена Ивановна получала наконецъ отъ пріятельницы выпрошенную сумму.

— Мученица! говорила ей Пелагея Михайловна послѣ того, какъ онѣ достаточно изомнутъ другъ другу чепцы и воротнички объятіями и уронятъ по двѣ слезы на мантильи. Извергъ, расточитель! хоть бы о смертномъ часѣ, о смертномъ часѣ...

Она не договаривала отъ рыданій. Андрею Валерьяновичу становилось нѣсколько легче къ вечеру, а на другой день онъ принималъ у себя знакомыхъ, которымъ нельзя было не предложить завтрака, а послѣ завтрака—карты: что-жъ дѣлать до обѣда?

Безъ сомнѣнія, всякому можетъ показаться странною терпѣливость Пелагеи Михайловны, особы независимой, добровольно заключившейся въ чужомъ домѣ, гдѣ ее не любили даже не смотря на всѣ ея одолженія. Хотя привязанность только изъ признательности за одолженіе есть послѣдняя изъ привязанностей, добродѣтель отрицательная, нисколько не возвышающая человѣка, но должно сознаться, что сердце Елены Ивановны было способно только на это чувство. Елена Ивановна считала дурныя помыслы меньшимъ зломъ, нежели дурныя дѣла; она была бы права, еслибъ говорила только о тѣхъ, кто терпитъ отъ этихъ дурныхъ дѣлъ, но она судила такъ о самихъ людяхъ, поступающихъ дурно. Когда кто нибудь, не зная ея коротко, вступалъ съ нею въ споръ объ этомъ предметѣ и жарко брался доказывать ей, что дурной помыселъ тайно унижаетъ душу человѣка болѣе, нежели сколько можетъ

человѣкъ унизиться дурнымъ дѣломъ, иногда непроизвольнымъ, Елена Ивановна повторяла на это: «мысли моей никто не видитъ». Изъ этого понятія происходила и оцѣнка людей по однимъ ихъ внѣшнимъ поступкамъ, и, конечно, еще болѣе по тѣмъ поступкамъ, которые касались ея самой. «Я ничего противъ нихъ не имѣю», возражала она на часто справедливыя обвиненія. Изъ этого слѣдуетъ, что она могла бы любить Пелагею Михайловну.

Но тутъ являлось противорѣчіе. Говоря, что не имѣетъ ничего ни противъ кого на свѣтѣ, говоря, что ничего ни въ комъ не осуждаетъ, Елена Ивановна не находила ни одного существа въ мірѣ достойнаго опредѣленія, или участія. «Всѣ во злѣ погрязли», говорила она съ негодованіемъ, вызваннымъ, вѣроятно тоской по міру. Неизвѣстно, что ее волновало, но она волновалась вѣчно и, разсудительно скрывая это волненіе, придавала всѣмъ своимъ словамъ, поступкамъ, даже своей наружности какую-то строгую безстрастность; она была убѣждена, что не осуждаетъ, когда произноситъ свои приговоры; невиновная наружно, она не боялась, что ей отплатятъ тѣмъ же; внутренно она не пугалась своихъ помысловъ, говоря себѣ, что довольно смирила ихъ, если затаила... Она казалась олицетвореннымъ правосудіемъ, лишеннымъ права прощать, и когда ей напоминали о милосердіи, о прощеніи, о любви, она восклицала: «А какъ мы смѣемъ, мы, недостойные, быть милосерды къ нечестивымъ?» Минутами она бывала ужасна...

Она никого не любила. Какъ, когда образовался и развился ея характеръ, что сбило ея понятія и были ли они правильны когда нибудь — этого не зналъ никто. Вѣроятно, молодость, проведенная скучно, съ безпрестанными оскорбленіями самолюбія, одиночество, физическое безобразіе произвели свое вліяніе на эту несчастную душу. Елена Ивановна вышла замужъ въ тридцать пять лѣтъ, на зло насмѣшкамъ общества, зная, что ее не любятъ, а ищутъ ея состоянія, не любя сама, потому что очерствѣлое сердце, оскорбленное еще разъ притворными любезностями жениха, не могло уже раскрыться для чувства. Онъ былъ хорошъ и молодъ, она стара и дурна: онъ не сталъ скрывать равнодушія, она не стала добиваться дружбы; онъ бросился въ свѣтъ, она заперлась въ своей комнатѣ...

Здѣсь эта исключительная, холодная жизнь пошла еще холоднѣе. Странно, всѣ предметы, наполнявшіе эту комнату, всѣ занятія, наполнявшія день Елены Ивановны, казалось, должны были бы привязать ее самой искренней, восторженной любовью къ міру, Чтеніе, созерцаніе, разборъ самыхъ высокихъ истинъ — этотъ отрадный разборъ, въ которомъ истина является во всѣхъ лучахъ своихъ; воспоминаніе прекрасныхъ и самоотверженныхъ подвиговъ человѣчества, вѣчная мысль о безконечности — все, что, какъ свѣтъ, согрѣваетъ душу, заставляетъ ее понять лучшую жизнь, привязаться ко всему, въ чемъ эта жизнь отражается на землѣ и принимать земное существованіе съ благодарной надеждой, съ всепрощающей любовью—все это могло бы быть счастьемъ добровольной затворницы, но не сдѣлало ее лучше, не сдѣлалось ея счастьемъ. Она отклонила его сама и не могла сказать себѣ въ оправданіе, что сдѣлала это по невѣдѣнію...

Но она не чувствовала, чего себя лишила. Холодное, акуратное исполненіе обязанностей, экстазъ, приходящій въ положенные часы, часто, какъ слѣдствіе излишней физической усталости — этого было достаточно для ея нравственнаго наслажденія. Нравственное наслажденіе состояло въ довольствѣ собою, потому что исполненіе обязанностей она считала не долгомъ, а подвигомъ, слѣдовательно, заслугой. Она не замѣчала гордости этого чувства. Понемногу пріучивъ себя подвизаться, она удивлялась, почему также не подвизаются другіе; не принимала въ уваженіе даже отговорокъ нездоровья, и произносила со вздохомъ: «Что такое самая жизнь наша?» Она не допускала ничего, «выходящаго изъ своего чина», какъ она выражалась, ни порыва, ни увлеченія, хотя бы и добраго, ни отчаянія, какъ бы оно ни было искренно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не понимала молчаливаго раскаянія: по ея мнѣнію, раскаяніе должно было являться не иначе, какъ съ удареніемъ себя въ грудь и посыпаніемъ головы пепломъ. Всякое горе, почему нибудь надѣлавшее шуму въ обществѣ, для нея переставало казаться горемъ; оно становилось проступкомъ, вводящимъ въ соблазнъ. Никто недовѣрчивѣе ея не выслушивалъ чьего нибудь признанія; не было ничего презрительнѣе ея прощенія. Непонятно, что было этому причиной: черствость ли сердца, озлобленнаго на другихъ и занятаго только собою, безпрестанное ли созерцаніе своего собственнаго совершенства... только не желаніе совершенства, это благородное, широкое чувство, открывающее объятія для всѣхъ и призывающее всѣхъ за собою къ вѣчному свѣту любви и познанія...

Напротивъ, она отвергала познаніе. Отъ постояннаго напряженнаго смиренія, отъ физической усталости, въ которой за минутнымъ возрожденіемъ слѣдовало безсиліе, умъ ея отупѣлъ, и, остановясь на одной буквѣ познанія, могъ только повторять эту букву повторять, не вникая въ нее, повторять машинально, повторять, теряя смыслъ, наконецъ, повторять, искажая смыслъ, какъ искажаются слова, которыя кто нибудь сталъ бы произносить десять, двадцать, сорокъ разъ сряду... Елена Ивановна не хотѣла знать далѣе того, что знала, говоря, что еслибъ для человѣка было необходимо познаніе, оно далось бы ему само собою: «къ чему открывать сокровенное?» Она не разъясняла себѣ и того немногаго, что знала. «Умствованіе ведетъ къ заблужденію», говорила она, и невозможно изобразить ея вдохновеннаго гнѣва, если случалось, что кто нибудь при ней осмѣливался выразить мысль, иногда самую правильную и простую, но почему нибудь несходную съ ея мыслями. Ея негодованію не было мѣры, если эта мысль была высказана просто, какъ говорятъ о вещахъ житейскихъ, если ею было найдено какое нибудь новое, хотя и правильное примѣненіе. Какъ умѣла она обращать кроткія, благія идеи въ черствыя правила, какъ объясняла она тщету всѣхъ радостей, предосудительность всѣхъ привязанностей, гордость размышленія, дерзость надежды и многое другое, все, чѣмъ живетъ и утѣшается душа человѣка — этого, конечно, не съумѣлъ бы объяснить никто такъ краснорѣчиво, такъ безжалостно, такъ горько... Елена Ивановна съ высоты, на которую она ставила себя, разсыпая свои вдохновенія, не видѣла и не хотѣла видѣть, какъ часто глубоко и больно западали ея слова, какъ они волновали сердце, отнимали бодрость у разума, какія сомнѣнія поднимали они на мѣсто изгнанной надежды...

Нечего и разсказывать, до какой степени все это охлаждало отношенія Елены Ивановны не къ обществу, которое она или забывала, или посѣщала какъ тѣнь, но къ немногимъ лицамъ, которыя еще не оставили ея дома, являлись не съ одними церемонными визитами. Постоянно насторожѣ, Елена Ивановна, чтобъ не сказать лишнее, молчала, хотя молчаніе ея, по справедливости, было краснорѣчивѣе разговора; чтобы не допустить сказать лишнее, она обрѣзывала рѣчи своихъ собесѣдниковъ такими сентенціями, что собесѣдники часто бывали не рады, что начали, и оставляли ее продолжать, сознаваясь или не сознаваясь въ своемъ собственномъ недостоинствѣ. Впрочемъ, этихъ терпѣливыхъ людей было немного...

Пелагея Михайловна сжилась съ своей пріятельницей. Недостатокъ твердости характера, привычка, лѣнь старости, разсчетъ, маленькое довольствіе, доставляемое изрѣдка маленькими угожденіями, которыя такъ любятъ старые люди; иногда послѣ разной непрятной возни, умиленіе, вызванное раздраженіемъ нервовъ, но принимаемое за истинное чувство — все вмѣстѣ и все порознь дѣлали то, что Пелагея Михайловна жила да жила у Оршевскихъ, хотя иногда весьма энергически выражала желаніе оставить ихъ. Какъ объяснить то, что часто дѣлается на свѣтѣ, хотя бы, по законному порядку здраваго смысла, не должно было дѣлаться?.. Пелагеѣ Михайловнѣ, напримѣръ, иногда нравилось сознавать себя благотворительницей и выводить изъ этого заключеніе, что она не послѣднее лицо въ этомъ домѣ, что она имѣетъ голосъ и можетъ приказывать, что безъ нея ничто не можетъ сдѣлаться. Маленькое честолюбіе было удовлетворено этими сознаніями. Въ другія минуты, рѣшаясь разстаться съ своими «друзьями», она вдругъ упадала духомъ и не знала, какъ ей распорядиться своей жизнью, какъ устроиться даже хозяйствомъ. Тутъ обыкновенно, приходя въ отчаяніе, она восклицала, что ей «нужна всякая ложка и плошка», и эти трудныя минуты избирали «друзья» ея, чтобъ привести ее въ окончательное затрудненіе. Ее оставляли совершенно одну хлопотать объ укладкѣ ея вещей, о перевозкѣ ихъ, о наймѣ квартиры и людей, о необходимой пересылкѣ и перепискѣ. Какъ нарочно, всѣ люди въ домѣ становились въ это время до невозможности непонятны и неловки; все не ладилось, и Пелагея Михайловна, проливъ нѣсколько слезъ въ своей разоренной комнатѣ, шла «мириться и дѣлать сцену» Еленѣ Ивановнѣ, которая «прошла» ее; Андрей Валерьяновичъ, появляясь къ обѣду, велъ себя какъ человѣкъ, незнающій и нежелающій знать ничего рѣшительно — и все оставалось по-прежнему...

Какой осадокъ всѣ эти сцены, конечно, забавныя для зрителя, оставляли въ душѣ дѣйствующихъ лицъ? Странно, но можно почти утвердительно сказать: никакого. Эти души были такъ закалены, что ихъ ничто глубоко не ранило; такъ устроены, что не могли жить, не возбуждая себя время отъ времени волненіями изъ ничего. Эти люди

никогда не любили другъ друга; ссориться для нихъ ничего не значило: ссоры не оставляли впослѣдствіи ни тягости, ни воспоминанія; ихъ бывало такъ много, что онѣ перемѣшивались въ памяти.

Какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, такъ Пелагея Михайловна заимствовала свои правила и понятія отъ Елены Ивановны. Конечно, для этого необходимы способность и добрая воля, но у Пелагеи Михайловны было довольно того и другого. Должно сознаться, однако, что ея убѣжденія не имѣли того величія, какъ убѣжденія Елены Ивановны; что Пелагея Михайловна не вполнѣ отрѣшалась отъ всего житейскаго уступала иногда маленькимъ искушеніямъ, бывала не прочь посмѣяться грѣху ближняго, и тамъ, гдѣ Елена Ивановна разсыпала громы на соблазнъ и порокъ, Пелагея Михайловна довольствовалась, какъ она называла тѣмъ, что «запускала маленькую шпильку»... Пелагея Михайловна была болѣе женщина, изъ чего слѣдуетъ, что она бывала смѣшна чаще своей пріятельницы.

Онѣ вмѣстѣ обсуживали многіе предметы, которыхъ одинаково не понимали, выслушивали другъ друга съ недовѣрчивостью, были обѣ одинаково неправы, не соглашались никогда и, кончивъ, по обыкновенію, размолвкой, смотрѣли другъ на друга—Елена Ивановна взоромъ оскорбленной истины, Пелагея Михайловна съ лукавой, почти юношеской насмѣшкой... Для человѣка посторонняго наблюденія надъ этими почтенными дамами могли бы служить неисчерпаемымъ источникомъ веселости.

Андрей Валерьяновичъ никогда не принималъ участія въ ихъ преніяхъ, но какъ-то, въ минуту грустнаго раздумья, послѣ одного вечера, довольно непріятно проведеннаго въ клубѣ, нѣсколько словъ долетѣло до его слуха. Это были слова о благотворительности. Они указали Андрею Валерьяновичу его настоящее призваніе. Одно ничтожное обстоятельство часто вызываетъ рядъ великихъ событій; такъ случилось и теперь. Андрей Валерьяновичъ сдѣлался поклонникомъ, истолкователемъ, жрецомъ благотворительности. Онъ началъ говорить о ней гдѣ могъ и когда только могъ. Идеи, которыя поднялись въ немъ, преслѣдовали его и во снѣ; онъ даже набрасывалъ ихъ на бумагу въ видѣ диссертацій, проектовъ, замѣтокъ для памяти, статистическихъ таблицъ, мелкихъ популярныхъ статей, писемъ «къ другу» и прочаго. Число листовъ, исписанныхъ имъ, было огромно.

Въ это время Пелагея Михайловна внесла проценты за заложенное и просроченное имѣніе друзей своихъ и объявила, что долго будетъ не въ состояніи дать еще что нибудь; но Андрей Валерьяновичъ былъ такъ занятъ общественной идеей, что не обратилъ вниманія на свои собственныя обстоятельства, и даже цѣлые три мѣсяца не посѣщалъ клуба. Когда его спрашивали о причинѣ, онъ откровенно признавался, что «идея поглощаетъ его», и читалъ отрывки своихъ «опытовъ». Нѣкоторые знакомые, которыхъ странно устроенныя головы не могли долго размышлять, послушавъ раза два эти отрывки, стали даже ихъ бояться. Андрей Валерьяновичъ рисковалъ сдѣлаться непризнаннымъ труженикомъ своего «дѣла»...

Но не всѣхъ же великихъ людей гонитъ судьба; были между ними и такіе, которые доживали до осуществленія своей любимой мечты. Андрею Валерьяновичу было суждено быть такимъ счастливцемъ. Возможность—этотъ свѣтъ самоотверженныхъ тружениковъ—явилась ему въ образѣ старухи, княгини Десятовой.

Андрей Валерьяновичъ не читалъ ей своихъ замѣтокъ: онъ нашелъ умнаго человѣка, уважаемаго по своему сану и, главное, совершенно понявшаго его цѣли, и поручилъ ему объяснить княгинѣ эти цѣли. Когда княгиня достаточно уразумѣла, сколько благъ она должна была ожидать въ грядущемъ отъ исполненія такихъ прекрасныхъ замысловъ, Андрей Валерьяновичъ самъ объяснилъ ей ихъ практическое примѣненіе. Потомъ, нѣсколько увѣчныхъ и неимущихъ бросилось ей въ ноги, когда два лакея несли ее съ паперти въ карету—и богадѣльня была основана.

Еслибъ она была основана и устроена, какъ это дѣлается вообще, правильно и въ порядкѣ, подъ надзоромъ лицъ, для которыхъ этотъ надзоръ сдѣлался бы обязанностью, оставалось бы только сказать, что богадѣльня приносила свою пользу. Но богадѣльня княгини Десятовой осталась заведеніемъ частнымъ, созданнымъ по системамъ, родившимся въ тиши кабинета Андрея Валерьяновича и имѣвшимъ нѣсколько фантастическій оттѣнокъ. Въ прекрасной рѣчи, произнесенной въ день открытія, за великолѣпнымъ обѣдомъ, Андрей Валерьяновичъ весьма краснорѣчиво объяснялъ и доказывалъ, что частная благотворительность есть благотворительность частная. Въ этомъ онъ успѣлъ убѣдить всѣхъ слушателей. Слушатели были — вся аристократія города, при-

глашенная по билетамъ; они обозрѣли заведеніе, въ которомъ пока помѣщалось всего два субъекта, и Андрей Валерьяновичъ, съ свойственной ему деликатностью понимая, что необходимо разсѣять грустное впечатлѣніе, произведенное зрѣлищемъ немощи и нищеты, пригласилъ все общество въ тотъ же вечеръ къ себѣ на балъ, великолѣпный не менѣе обѣда.

Можно было бы удивляться необыкновенной дѣятельности Андрея Валерьяновича. Какъ человѣкъ свѣтскій и притомъ истинно великій, онъ не любилъ разсказывать о своихъ заботахъ о заведеніи, которое, по его выраженію, онъ старался «довести до идеала», о своей кабинетной работѣ, которая, какъ говорилъ онъ, сдѣлалась его любимымъ занятіемъ, онъ только оставлялъ угадывать это. Попрежнему блестящій, остроумный, онъ сохранилъ въ обществѣ женщинъ свое первенство, почти владычество, попрежнему удивлялъ онъ въ клубѣ хладнокровіемъ своей отважной игры, попрежнему былъ доступенъ для молодыхъ людей, снисходительно позволяя имъ забывать превосходство, отличавшее его отъ нихъ. Только въ разговорахъ съ людьми серьезными онъ высказывался опредѣленнѣе, и тогда забота, глубоко скрытая, проступала наружу. Рѣчь его становилась вдохновенна. Онъ объяснялъ свое служеніе пользѣ и счастью человѣчества, изображалъ идеалъ этого счастья и успѣвалъ иногда возбудить умиленіе слушателей, приходя въ умиленіе самъ, какъ поэтъ и дѣятель...

Андрею Валерьяновичу, какъ всѣмъ великимъ людямъ, пришлось испытать огорченіе — быть непризнаннымъ въ семьѣ своей. Елена Ивановна смотрѣла на дѣйствія его даже съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, несвойственнымъ ея характеру; вслѣдъ за нею лукаво улыбалась и горестно вздыхала Пелагея Михайловна. Александръ былъ человѣкъ легкій, неспособный усвоить себѣ какую нибудь серьезную идею. Дочь...

Но Марья Андреевна среди всего этого была лицомъ такимъ отдѣльнымъ, такимъ страдательнымъ, что о ней нѣтъ необходимости упоминать, говоря о дѣйствіяхъ и замыслахъ отца ея; жизнь ея складывалась особенно, внутренней, затаенною жизнью, стоющей особенной оцѣнки и особеннаго разбора...

V.

Въ то утро, только нѣсколько позже, Марья Андреевна прохаживалась по залѣ и гостиной, одна, безъ работы, безъ книги въ рукахъ; въ пустыхъ комнатахъ не было замѣтно никакого оставленнаго занятія. Изъ залы въ кабинетъ Андрея Валерьяновича была спущена портьера, и изъ-за нея слышались голоса гостей и щелканье картъ; у Андрея Валерьяновича были его обычные посѣтители.

За гостиной была еще комната, диванная, какъ ее называли. Въ этой перспективѣ, передъ глазами Марьи Андреевны рисовалась Пелагея Михайловна, съ клубкомъ шерсти и вязаньемъ на колѣняхъ, и Елена Ивановна съ своимъ толстымъ шитьемъ, приколотымъ къ толстой подушечкѣ. Это было совершенное повтореніе вчерашней сцены, только при сѣромъ дневнымъ свѣтѣ; ее разнообразило, впрочемъ, одно странное лицо. Маленькій человѣкъ, въ довольно грязномъ нарядѣ, съ сѣдой коротенькой бородою и повязанный пестрымъ платкомъ, усѣвшись на коврѣ у ногъ почтенныхъ дамъ, вырѣзалъ изъ бумаги какія-то фигуры и раскладывалъ ихъ передъ собою; время отъ времени онъ обращалъ вниманіе своихъ покровительницъ довольно нецеремонными: «Гляди сюда!» или «Что не смотришь?» на что Елена Ивановна отвѣчала серьезно: «Вижу, другъ мой», а Пелагея Михайловна поспѣшно: «Это что-жъ будетъ, голубчикъ?» Послѣ чего человѣкъ начиналъ свои объясненія, совершенно непостижимыя, но Пелагея Михайловна находила въ нихъ какой-то таинственный и весьма знаменательный смыслъ.

— Посмотрите, Елена Ивановна, это онъ сердце вырѣзалъ. А это что? это рѣка... видите ли, рѣка житейская. А это... Да, голубчикъ, да, всѣ тамъ будемъ, да!.. Истинно разумъ младенческій!

— Побольше, чѣмъ у иного пожилого человѣка, замѣтила Елена Ивановна, взглянувъ, между прочимъ, на свою пріятельницу.

— Я ничего не говорю, возразила Пелагея Михайловна.— Всѣ мы младенцы, а онъ дальше нашего видитъ.

— Что-жъ такое онъ видитъ? спросила Елена Ивановна, какъ будто сомнѣваясь, но неизвѣстно въ чемъ: во всевѣдѣніи Юши, или въ цѣлости разума Пелагеи Михайловны.

— Ахъ, матушка!..

Въ эту минуту Маря Андреевна подходила къ двери; Пелагея Михайловна обратилась къ ней.

— Машенька, посмотрите, какъ любопытно; послушайте, онъ и вамъ сейчасъ скажетъ.

— Я боюсь предсказаній, отвѣчала Марья Андреевна, уходя опять.

Ея слова, казалось, разрѣшили сомнѣніе Елены Ивановны.

— Бояться можно только ожесточенія своего сердца, сказала она: — своей собственной гордости. Кто выше будетъ—неизвѣстно.

И она съ особенной кротостью подала Юшѣ со стола еще листъ бумаги.

Марья Андреевна остановилась у окна. Въ стекла билъ дождь; тяжелый туманъ разстилался по землѣ, предвѣщая близкое половодье. Марья Андреевна смотрѣла, какъ дрожала и развѣвалась какая-то ниточка, вѣроятно, занесенная птицею и зацѣпившаяся за раму окна. Эти наблюденія, однако, не помѣшали ей разслышать, какъ въ кабинетѣ раздался громкій споръ, впрочемъ, прекратившійся довольно скоро, какъ потомъ, вслѣдъ за какимъ-то зловѣщимъ предсказаніемъ Юши, Пелагея Михайловна принялась горько плакать. И споръ, и слезы вызвали у дѣвушки только холодную улыбку. На сердцѣ у нея было такъ тяжело, что его уже почти не волновало и не заботило; то, что очерствило это сердце, то, что лишило его силъ и жизни, казалось уже мелкой забавой: свое горе принималось равнодушно, будто чужое...

Раздался звонокъ. Марья Андреевна увидѣла сани, которыя отъѣзжали отъ подъѣзда, и узнала: сани были Нестоева. Онъ самъ прошелъ въ кабинетъ Андрея Валерьяновича, гдѣ черезъ минуту послышались привѣтственныя восклицанія.

Марья Андреевна сѣла почти спрятавшись за драпировку окна. Ей стало вдругъ больно и горько; ея сердце будто проснулось и испугалось чего-то; его охватило какое-то жаркое молодое чувство; ей стало стыдно, когда она созналась себѣ, что это чувство доставляетъ ей высшее наслажденіе, когда она вспомнила, что молодость проходитъ, прошла... Весь вчерашній разговоръ Александра пришелъ ей на память. Обвиненія въ неловкости, нелюбезности, за то, что у нея невсегда доставало силы улыбаться, въ педантствѣ, за то, что, не зная какъ убить свое время, она наполняла его занятіемъ, которое не напоминало бы свѣтскости Андрея Валерьяновича и созерцаній Елены Ивановны — эти обвиненія припомнились Марьѣ Андреевнѣ обидно и тяжело... Можетъ быть, есть еще время, еще возможно доказать, что они несправедливы?.. Къ чему? И какъ это сдѣлать? какъ еще держаться? какъ перемѣнить свои привычки, ожить, чтобъ казаться живою; откуда взять веселья?..

«Все равно», сказала она сама себѣ, холодно и отчаянно взглянувъ въ холодное окно: «я была моложе, лучше, добрѣе—никто не замѣчалъ этого. Если кто захочетъ любить меня теперь, пусть любитъ какова я есть».

Оглянувшись на диванную, гдѣ сумасшедшій, продолжая разскладывать свои вырѣзки, досталъ изъ кармана корку хлѣба и завтракалъ на коврѣ, между тѣмъ какъ Елена Ивановна преважно сшивала для него коробку изъ бумаги, Марья Андреевна хотѣла идти въ свою комнату и остановилась: ее удержало почти дѣтское чувство, недостатокъ твердости, чувство, которое заставило вспыхнуть ея лицо, шевельнуло что-то сладко и больно въ груди и вызвало слезы на глаза...

«Я только взгляну, какъ онъ уѣдетъ», подумала она.

Она разсчитывала, что Нестоевъ пріѣхалъ, вѣроятно, по дѣлу, потому что былъ только вчера вечеромъ и не имѣлъ привычки дѣлать такіе частые визиты; что этотъ визитъ будетъ недологъ, потому что Андрей Валерьяновичъ не охотникъ толковать о дѣлахъ, а самъ Нестоевъ, казалось, никогда не находилъ большого удовольствія въ недѣловой бесѣдѣ Андрея Валерьяновича. Но Марья Андреевна еще не успѣла кончить этихъ размышленій, какъ увидѣла Нестоева предъ собою.

Въ первую минуту она смутилась, потомъ въ ней поднялось опять какое-то дурное, ложное чувство, мелочная досада, смѣшанная съ отчаяніемъ... Марья Андреевна поклонилась Нестоеву молча, пропустила его въ диванную и продолжала ходить по комнатамъ.

«Зачѣмъ онъ пришелъ сюда?» думала она: «развѣ вчера ему показалось такъ весело? Не ждетъ ли онъ, что я буду любезнѣе? Пусть посмотритъ самъ, возможно ли это...»

Нестоевъ убѣдился на опытѣ, что можно растеряться въ обществѣ, которое нашелъ въ диванной. Общество, по своему обыкновенію, оглянуло его съ головы до ногъ, видимо недоумѣвая, зачѣмъ онъ явился. Онъ не придумалъ ничего сказать, кромѣ вопроса Еленѣ Ивановнѣ: какъ ея здоровье?

— Благодареніе Богу, отвѣчала она, такимъ тономъ, какимъ предлагается вопросъ: чего ты отъ меня хочешь?

Нестоевъ не рѣшился сѣсть; онъ помолчалъ, сколько слѣдовало, и наконецъ осто-

рожно спросилъ, глядя на сумасшедшаго, который, въ свою очередь, смотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— Кто это?

Пелагея Михайловна оживилась; она готовилась разсказать біографію своего Юши со всѣми ея сверхъестественными эпизодами, но Елена Ивановна остановила все однимъ словомъ:

— Странникъ, отвѣчала она, взглянувъ не на того, съ кѣмъ говорила, а какъ-то въ бокъ, въ пустоту, взглядомъ многозначительнымъ и производящимъ всегда сильное впечатлѣніе.

Нестоеву стало страшно: онъ воспользовался минутой, когда Марья Андреевна была близко дверей, обратился къ ней и пошелъ за нею, не заботясь, учтиво ли сдѣлано его отступленіе. Вслѣдъ ему раздался громкій вздохъ, но Нестоевъ заботился о немъ еще меньше.

Марьѣ Андреевнѣ стало непріятно, зачѣмъ онъ подошелъ къ ней; скука и тоска, которыя ее мучили, сдѣлались еще сильнѣе оттого, что имъ нашелся свидѣтель; она была раздражена и взволнована, и спросила, почти не чувствуя сама, что говорила:

— Чему мы обязаны удовольствіемъ видѣть васъ сегодня?

— Необыкновенно важному дѣлу, отвѣчалъ Нестоевъ, весело, будто не замѣчая, или не желая замѣчать, что вопросъ дѣвушки былъ совершенно въ тонѣ отвѣтовъ ея матери:—m-me Ливинская поручила мнѣ попросить Андрея Валерьяновича объ одной старухѣ, которая хочетъ выйти изъ пріюта—вотъ и все.

— Это вѣрно та сумасшедшая, что къ вамъ приходила, сказала Пелагея Михайловна шопотомъ Еленѣ Ивановнѣ, вслушиваясь въ разговоръ.

— Должно быть, отвѣчала Елена Ивановна.

— Чего Ливинская эта мѣшается?

— Что-жъ ей больше дѣлать?

— Григорій Петровичъ, позвала его Пелагея Михайловна:— что-жъ, вы успѣли въ вашей просьбѣ?

— Кажется, успѣлъ, отвѣчалъ Нестоевъ, остановясь на минуту въ дверяхъ.

— Молодой человѣкъ! молодой человѣкъ! продолжала Пелагея Михайловна;—и въ этакую погоду вы скачете! Да знаете ли вы, о какой неблагодарной вы хлопочете?

— Я не думаю ни о какой благодарности, отвѣчалъ Нестоевъ.

— Григорій Петровичъ хочетъ дѣлать добро безвозмездно, сказала Елена Ивановна.

— Я даже не знаю, добро ли я дѣлаю; я, просто, исполняю порученіе m-me Ливинской.

— Какъ, вы не вникаете въ то, что вы дѣлаете? вскричала Пелагея Михайловна.

— Вѣдь вы слышали, прервала Елена Ивановна:—онъ дѣлаетъ угодное m-me Ливинской...

— Которую я такъ много уважаю, что считаю это моей обязанностью, отвѣчалъ Нестоевъ довольно рѣзко и ушелъ въ гостиную.

— Вспылилъ, сказала вполголоса Пелагея Михайловна, не выдержавъ.

— Какъ тотъ, сѣдой безумецъ, выдерживаетъ! замѣтила Елена Ивановна, вздохнувъ.

— Ахъ, матушка, эти вещи лучше не замѣчать!

— Для общества поучительный примѣръ! продолжала Елена Ивановна съ ироніей.

— Матушка, что-жъ обществу? Въ обществѣ все такъ: жена поетъ, мужъ хочетъ не хочетъ...

— Потише, прервала Елена Ивановна.

— Я что-жъ? я ничего... Юша, мой голубчикъ, тебѣ почивать не хочется ли?

Нестоевъ ужъ не помнилъ своего разговора съ этими дамами, когда возвратился къ Марьѣ Андреевнѣ и сѣлъ напротивъ нея у окна. Этотъ разговоръ навелъ на него не досаду и скуку, и, можетъ быть, то же самое ощущеніе, такъ ясно выражавшееся на лицѣ дѣвушки, привело къ ней молодого человѣка. Можетъ быть, потому что Нестоевъ самъ не могъ бы сказать, почему у него не было ни терпѣнія, ни желанія уѣхать, а, напротивъ, было желаніе услышать нѣсколько словъ отъ этой дѣвушки и какъ нибудь заставить ее улыбнуться; онъ долго смотрѣлъ на нее молча и могъ бы смотрѣть еще долѣе, потому что Марья Андреевна была не въ состояніи и не хотѣла прервать его наблюденій. Ея глаза были полны слезъ, и эти слезы покатились бы при первомъ словѣ. Она видѣла, что ея горе замѣчено, и съ какимъ-то отчаяніемъ оставляла замѣчать его; у нея недоставало силы притворяться предъ тѣмъ посторроннимъ, который былъ съ нею въ эту минуту. Ей казалось, что это горе въ чемъ-то ее оправдываетъ... а если нѣтъ, если она кажется еще страннѣе, еще непріятнѣе, если въ эту тяжелую минуту этотъ посторонній рѣшитъ еще, что у нея злое сердце—все равно!..

Именно въ эту самую минуту у Нестоева мелькнула мысль перенести эту дѣвушку въ какой нибудь кружокъ преданныхъ ей и умныхъ людей, гдѣ бы она могла отдохнуть на свободѣ... Эта мысль, впрочемъ, приходила ему не разъ и прежде.

Онъ понималъ Марью Андреевну иначе, нежели понимало общество, почему-то воображающее, что обстановка, которую оно такъ замѣчаетъ, которая имѣетъ въ глазахъ его такое важное значеніе — ничего не значитъ для самого человѣка и не имѣетъ вліянія на его судьбу и на его счастье. Общество предполагаетъ привычку, эту холодную способность, которая заставляетъ человѣка мириться со всѣмъ ему близкимъ и не страдать отъ того, что̀ въ этомъ близкомъ бываетъ противно его убѣжденіямъ и тяжело для его сердца. Нестоевъ не раздѣлялъ этого мнѣнія. Живя болѣе года въ N* и видя довольно часто Марью Андреевну, онъ умѣлъ оцѣнить ее, хотя въ обществѣ называли ея умъ скучнымъ, а о характерѣ никто не заботился. Нестоеву было довольно два раза видѣть эту дѣвушку въ ея домѣ, чтобъ разгадать и извинить ея странное обращеніе; онъ не испугался скуки и не бѣжалъ, какъ бѣжали другіе. Его присутствіе, его разговоръ доставляли иногда развлеченіе скучающей дѣвушкѣ: онъ это замѣтилъ. Разговоры были рѣдки, происходили большею частью при свидѣтеляхъ и никогда не касались до нея самой. Нестоевъ угадывалъ дѣвушку и привязывался къ ней. Онъ не замѣчалъ этого самъ, продолжая называть свое чувство— участіемъ...

Теперь, раздумавшись о ея судьбѣ, глядя на нее и любуясь жизнью, которую горе вызвало на ея лицо, онъ понялъ яснѣе—не ее, а себя; онъ разобралъ, что его чувство было не сожалѣніе, не участіе, не удивленіе къ ея мужеству и уму, не дружба, а потому что между ними не было откровенности... Онъ понялъ, что ему мила эта женщина.

Нестоевъ едва удержался, чтобъ не выговорить вслухъ свою мысль; она вдругъ сдѣлала его счастливымъ, веселымъ, почти беззаботнымъ, какъ будто въ себѣ самомъ онъ нашелъ счастье для той, которую любилъ...

Марья Андреевна оглянулась на него въ эту минуту; его веселый взглядъ оскорбилъ ее.

«Онъ смѣется надо мною!» подумала она.

Гордость придала ей силы; она подумала, что только совершеннымъ пренебреженіемъ можно отплатить за оскорбленіе. Уйти—значитъ оказать слишкомъ много вниманія къ человѣку, который осмѣлился смѣяться надъ нашими слезами; къ нему слѣдуетъ обратиться съ пошлымъ вопросомъ, чтобъ доказать ему, что намъ все равно, былъ ли онъ, или не былъ свидѣтелемъ тяжелой для насъ минуты, съ такимъ вопросомъ, который сразу показалъ бы ему и нашу снисходительную учтивость, и разстояніе, которое существуетъ между нимъ и нами.

— Что новаго въ городѣ? спросила Марья Андреевна.

— Ничего... отвѣчалъ Нестоевъ, услыша вопросъ только потому, что дожидался ея слова и, не подозрѣвая его смысла, довольный тѣмъ, что она казалась спокойнѣе...

Любовь, только сейчасъ сознанная, уже успѣла, какъ все благородное и истинное, развиться и возвыситься; она возвысилась до самоотверженія: молодой человѣкъ уже не думалъ о счастьи скорѣе высказаться; ему хотѣлось только чѣмъ нибудь успокоить, чѣмъ нибудь развлечь дорогое для него существо... чѣмъ нибудь, безъ претензій на свѣтскую ловкость, на остроуміе, лишь бы только показать этой дѣвушкѣ, что онъ думалъ о ней всю эту тяжелую четверть часа.

— Отчего вы ничего не дѣлаете сегодня? спросилъ онъ.

— Ничего не дѣлаю? повторила Марья Андреевна съ удивленіемъ.

— Да. Съ вами нѣтъ здѣсь ни книги, ни работы; я привыкъ видѣть васъ за занятіемъ.

— Мнѣ надоѣло занятіе, отвѣчала Марья Андреевна, глядя на него пристально.

— Не можетъ быть, возразилъ онъ:— вамъ такъ показалось; а если въ самомъ дѣлѣ, то заставьте себя заниматься насильно; время пойдетъ скорѣе.

— Для меня прошло и такъ очень много времени, отвѣчала она.

Она думала о своихъ лѣтахъ; Нестоевъ не замѣтилъ намека; онъ замѣтилъ только печальную тѣнь, которая опять мелькнула на ея лицѣ при этихъ словахъ, сказанныхъ холодно.

— Къ тому-жъ, я начинаю размышлять, продолжала Марья Андреевна, улыбаясь, между тѣмъ какъ ея голосъ задрожалъ:— быть умнѣе никогда непоздно. Я начинаю понимать, что женщина вѣчно съ чулкомъ въ рукахъ—несовсѣмъ граціозный идеалъ женщины... (Марья Андреевна громко разсмѣялась). А женщины вѣчно съ книгой... «семинаристы въ желтыхъ шаляхъ и академики въ чепцахъ» давно осмѣяны... вы помните?

Нестоевъ смотрѣлъ на нее молча и не улыбнулся.

— Не правда ли? видите ли, что значитъ привычка: я не могу и теперь удержаться, чтобъ не цитировать: это смѣшно. А я еще имѣю претензію читать серьезное... И подумайте, какъ это неучтиво: вѣчно занятая, я точно будто хочу этимъ упрекнуть другихъ, милыхъ, любезныхъ женщинъ, въ томъ, что онѣ живутъ весело и имъ некогда что нибудь дѣлать... Я сама чувствую, что я странна. Я очень понимаю, что иногда страшно подойти ко мнѣ, чтобъ не помѣшать глубокимъ соображеніямъ, въ которыя я кажусь погружена—не правда ли?

— Неправда, отвѣчалъ тихо Нестоевъ, продолжая смотрѣть на нее.

— Неправда?

— Неправда, отъ перваго до послѣдняго слова—все неправда... Вы не можете вообразить, какъ горьки и тяжелы ваши слова! Если когда нибудь приходитъ вамъ въ голову все, что вы сейчасъ сказали, гоните эту мысль, ради Бога!

Увлеченіе, съ которымъ онъ говорилъ, удивило Марью Андреевну, но, увлекаясь, Нестоевъ не замѣтилъ удивленія.

— Никто такъ не думаетъ о васъ, продолжалъ онъ:—а если и есть пустые люди, люди безъ понятія, безъ сердца — какое вамъ до нихъ дѣло? Виноваты ли вы тѣмъ, что вы выше другихъ, что васъ занимаетъ что нибудь лучше того, чѣмъ занимаются эти «любезныя» женщины?

— Возраженіе довольно обыкновенное, но, конечно, вы не могли сказать мнѣ ничего другого, прервала Марья Андреевна.

— Очень многое! отвѣчалъ Нестоевъ.— Я такъ давно и такъ хорошо васъ понимаю—позвольте мнѣ сказать это теперь, если вы позволяете мнѣ говорить о васъ—я видѣлъ васъ въ обществѣ, видѣлъ васъ дома...

— Я очень люблю общество, возразила Марья Андреевна принужденно и холодно.

— Но вамъ былъ бы больше по сердцу тихій кругъ, гдѣ бы васъ понимали, гдѣ бы васъ любили...

Марья Андреевна взглянула на него почти съ испугомъ.

— Гдѣ бы вы были счастливы и составили счастье... другихъ. Вамъ надо не казаться, а быть счастливѣе: тогда придетъ и веселье, тогда вы полюбите ваши занятія, потому что все, что займетъ васъ, самая мелочь будетъ дорога для того, кому вы дороги...

Марья Андреевна, въ волненіи, сжала свои руки.

— Какая блестящая мечта! сказала она, смѣясь съ раздраженіемъ.

— Это не мечта, тихо отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Самая безумная, потому что она неисполнима.

— Почему неисполнима? спросилъ онъ со страхомъ.

— Почему? отвѣчала Марья Андреевна, смѣясь громко. — Право, вы доводите меня до странныхъ признаній! Потому, что я нелюбима и не была любима: это очень просто... Вижу теперь, что серьезныя понятія ведутъ къ чему нибудь: они придаютъ мужества выговорить то, что нѣсколько непріятно для нашего самолюбія...

— Не смѣйтесь такъ, сказалъ нетерпѣливо Нестоевъ:— ничего нѣтъ больнѣе принужденнаго смѣха...

— Почему вы думаете, что я смѣюсь не отъ души? У меня рѣшительный, беззаботный характеръ; я вѣчно смѣюсь всему, и надъ собой всего больше; иногда я странна въ обществѣ именно оттого, что принуждена скрывать эту ребяческую веселость...

— Ахъ, ради Бога, не говорите этого! прервалъ Нестоевъ, вставъ съ мѣста.

Онъ прошелся по комнатѣ, чтобъ скрыть свое волненіе, не думая о неучтивой странности этого движенія. Марья Андреевна смотрѣла ему вслѣдъ; онъ не замѣчалъ этого. Она не шевельнулась въ своемъ креслѣ, блѣдная, съ разгорѣвшимися глазами, и подумала:

«Хотѣлося бы мнѣ знать, для чего онъ играетъ эту комедію?»

Нестоевъ остановился передъ нею.

— Вы не отговоритесь, сказалъ онъ тихо и съ прежнимъ волненіемъ: — что у васъ есть горе, что сейчасъ вы плакали — вы не скрывались теперь... Я замѣчалъ и прежде... а вы меня знаете... я не могъ видѣть спокойно всего, что вы выносили...

— Какъ вы смѣли видѣть то, чего не было; и на что мнѣ ваше состраданіе? прервала Марья Андреевна, вспыхнувъ и вставая.

— Постойте, сказалъ онъ, не допуская ее уйти: — называйте это дерзостью, какъ хотите, но если вы вѣрите во что нибудь, повѣрьте мнѣ!.. Никогда, никто такъ не желалъ вамъ счастья, никому не бывало такъ горько за васъ... въ то время, какъ вы думали, что вы однѣ между чужими...

— Mon cher Нестоевъ, вы еще здѣсь? спросилъ Андрей Валерьяновичъ, являясь въ дверяхъ залы.

Еслибъ Нестоевъ и Марья Андреевна обратили вниманіе, они увидѣли бы, что, нѣсколько минутъ назадъ, въ залѣ происходило таинственное и тревожное совѣщаніе. Александръ, въ перчаткахъ и съ шляпой въ рукѣ, очевидно только что пріѣхавшій домой, вызвалъ отца изъ кабинета, гдѣ были гости, и разсказалъ ему съ большимъ жаромъ что-то, вѣроятно очень непріятное, потому что, выслушавъ, Андрей Валерьяновичъ, воскликнулъ: «Tu es un sot! Это только твоего ума не достанетъ сладить съ полуживой старухой! Теперь нечего и толковать, конечно!» Послѣ этого восклицанія Андрей Валерьяновичъ спросилъ: «Нестоевъ здѣсь?» На что Александръ, какъ будто озаренный внезапной радостной мыслью, опять принялся что-то пересказывать, но отецъ прервалъ его, сказавъ: «я и безъ тебя это знаю. Убирайся, скачи куда хочешь», и когда Александръ ушелъ, Андрей Валерьяновичъ отправился въ гостиную.

Не только отецъ, но всякій посторонній, увидя Марью Андреевну и Нестоева, догадался бы, что между ними происходилъ разговоръ, какихъ бываетъ немного въ жизни: смущеніе молодыхъ людей было если не неловко, то очень замѣтно. Но Андрей Валерьяновичъ былъ такъ далекъ отъ мысли, что кто нибудь можетъ не только полюбить его дочь, но даже найти малѣйшее удовольствіе въ ея обществѣ, что, увидя Нестоева, удивился единственно его добровольной прихоти выносить такую скуку.

Андрей Валерьяновичъ даже не скрылъ этой мысли.

— Вы еще здѣсь? Я не зналъ, сказалъ онъ очень любезно, обнявъ молодого человѣка за талью со всей ловкостью старика:— вѣрно, подумали о погодѣ и не рѣшались пуститься въ путь? Что-жъ вы не воротились туда, къ намъ?

Андрей Валерьяновичъ указалъ головою по направленію къ своему кабинету.

— Правда, вы человѣкъ серьезный, дѣловой, картъ въ руки не берете. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы никогда и прежде не играли?

— Никогда, отвѣчалъ Нестоевъ, оправясь отъ смущенія:—никогда не могъ выучиться.

Андрей Валерьяновичъ пріятно разсмѣялся.

— Вотъ какъ! Впрочемъ, это понятно: артистъ, артистъ въ душѣ и на дѣлѣ, что вамъ эти сухія соображенія? А какъ поживешь съ наше, счеты, дѣла войдутъ въ привычку, вы даже развлеченія будете искать въ счетахъ.

Все держа молодого человѣка въ объятіяхъ, Андрей Валерьяновичъ отвелъ его отъ дочери и приблизился къ дверямъ залы.

— Я напримѣръ, погибаю въ дѣлахъ. Ваша служба совсѣмъ другое: все ясно, все идетъ своимъ порядкомъ; исполняйте что должно, и вы всегда покойны, и цѣль есть... Но взять на себя, какъ я взялъ, добровольное мученіе, ночи не спать, думать, какъ сдѣлать лучше для несчастныхъ, которые, право, по чувству, близки какъ свои...

— Что-жъ, и это прекрасная цѣль, сказалъ Нестоевъ, увлекаемый въ залу.

— Цѣль!... А исполненіе? Еслибъ я могъ исполнить все, что задумываю, а тутъ... зависишь отъ старухи, которая изъ ума выжила!... Вамъ смѣшно? Вамъ, конечно, пріятно, благодаря за несчастныхъ, поцѣловать хорошенькую ручку, которая поручаетъ вамъ передать что нибудь несчастнымъ: вамъ пріятно заставлять благословлять любимое имя... О, мой любезный Григорій Петровичъ!..

Андрей Валерьяновичъ рѣшительно повелъ его по залѣ.

— А я... Вы вообразите, что надѣлала со мной эта княгиня. Надо поправить домъ ея богадѣльни, нужны дрова, запасъ, разныя разности. Я сдѣлалъ подрядъ—все заготовлено, привезено; надо расплачиваться... «У меня, батюшка, денегъ нѣтъ...» (Андрей Валерьяновичъ очень игриво передразнилъ княгиню). Представьте, что эти люди, купцы, подрядчики, мастеровые и прочіе должны ждать, когда еще воротятся какіе-то обозы, когда рѣка пройдетъ, и прочее. Тогда у нея будутъ деньги; послѣ Святой... Но представьте, что всякому къ Святой нужны деньги, а этимъ людямъ больше всѣхъ: они живутъ этимъ, сводятъ свой балансъ. Вѣдь не тотъ только бѣденъ, кто разгуливаетъ подъ окнами, да проситъ милостыни... Втолкуйте этой старой!... Я въ такомъ затруднительномъ положеніи; внесъ бы свои, еслибъ могъ отдѣлить... довольно значительную сумму... Я, просто, въ дуракахъ... и какъ совѣстно предъ людьми!...Такъ глупо, такъ непріятно...

— Очень непріятно, сказалъ Нестоевъ.

Андрей Валерьяновичъ прервалъ его.

— Я имѣю виды на васъ... Выручите. Не богаты ли вы?... Поплатитесь за старуху, сколько вамъ не любезничать съ молодыми... А меня вы обязали бы, вотъ какъ до лица земли!...

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Нестоевъ.

— Если васъ это не затруднитъ, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ, прерывая опять на первомъ словѣ согласія, чтобъ по-

лучить согласіе полнѣе: — если васъ не затруднитъ, право, не знаю, какъ я вамъ буду благодаренъ... Вы можете, не стѣсняясь подождать до... послѣ Святой недѣли?

— Могу, конечно, отвѣчалъ Нестоевъ: — но не знаю, будетъ ли довольно для васъ; я не могу дать много.

— Это все равно, мы тамъ увидимъ, хотя что нибудь, pour leur fermer la bouche à ces gens-là! вскричалъ Андрей Валерьяновичъ, говорившій всегда по-французски, когда оживлялся или желалъ убѣдить.— Когда же могу я ожидать?...

— Я пришлю сегодня же, если хотите, отвѣчалъ Нестоевъ.

— Да вы, просто, сокровище, мой милый Григорій Петровичъ! Присылайте, присылайте сколько можете, а то я измучился; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Вы у меня обѣдаете?

— Благодарю васъ; нѣтъ, отвѣчалъ Нестоевъ, взглянувъ на свои часы:—я ѣду къ сестрѣ и мнѣ пора.

Онъ отправился за своей шляпой въ гостиную.

Марья Андреевна была еще тамъ, но Андрей Валерьяновичъ не отставалъ отъ своего гостя; онъ даже сталъ спиною къ дочери, не замѣчая ея совсѣмъ, и отсторонился съ нѣкоторымъ удивленіемъ, увидя, что Нестоевъ ей кланяется. Все прощанье молодыхъ людей кончилось этимъ поклономъ. Андрей Валерьяновичъ, убѣжденный, что Нестоевъ даже поклонился Марьѣ Андреевнѣ только изъ учтивости, желая сократить для него скуку оставаться долѣе и избавить его отъ труда говорить, еслибъ Марьѣ Андреевнѣ вздумалось спросить что нибудь, взялъ Нестоева опять въ объятія и выпроводилъ такъ до дверей прихожей.

Марья Андреевна пошла въ свою комнату. Въ диванной сумасшедшій спалъ, положивъ голову на скамеечку, у ногъ Пелагеи Михайловны.

— Посмотрите, Машенька, сказала Пелагея Михайловна: — это онъ всегда такъ, а иногда подложитъ кирпичикъ...

— Уѣхалъ вашъ гость? спросила Елена Ивановна.

— Уѣхалъ, отвѣчала Марья Андреевна.

— Вы, вѣроятно, не нашли приличнымъ занимать его здѣсь, въ этой комнатѣ?...

Марья Андреевна ушла, не отвѣчая.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло нѣсколько дней. Марья Андреевна не замѣтила ихъ—такъ были они однообразны и похожи на многіе прежніе дни. Попрежнему за работой—утромъ въ своей комнатѣ, вечеромъ при лампѣ, въ гостиной, она начинала терять счетъ этимъ утратамъ и вечерамъ; они казались всѣ однимъ безконечнымъ днемъ. Гости, по обыкновенію, были рѣдки; она, впрочемъ, и не желала ихъ, зная заранѣе, что посѣщеніе всякаго посторонняго лица принесетъ ей только лишній часъ стѣсненій, а потомъ будетъ вспоминаться какъ что-то непріятное, или заставитъ оглянуться на себя, на свой образъ жизни, на всю свою жизнь, заставитъ сдѣлать невольное сравненіе, пожалѣть, позавидовать... Лучше, когда ничто не является, какъ примѣръ для подобныхъ сравненій. Часто эти посѣщенія мучили Марью Андреевну какъ что-то неудавшееся: между гостями бывали люди, которыхъ ей хотѣлось бы узнать короче, съ которыми, какъ ей казалось, она могла бы сблизиться, подружиться... и эти люди, женщины и мужчины, молодые и старые, приходили и уходили какъ тѣни, сказавъ и выслушавъ нѣсколько пустыхъ, холодныхъ словъ, съ большими антрактами молчанія... и Марья Андреевна еще благодарила судьбу, если слова гостей не касались какихъ нибудь спорныхъ предметовъ и не вызывали отвѣтовъ, часто болѣе нежели рѣзкихъ...

Она привыкла ко всему этому и уже не умѣла вообразить для себя никакой дружбы, никакой пріязни. Строгость и скука, которыя окружали ее съ дѣтства, сдѣлали то, что и въ дѣтствѣ у нея не было друзей. Она росла одна, потомъ жила одна, и неудивительно, если всякое выраженіе ласки, участія или простого вниманія отъ постороннихъ принималось ею сначала съ удивленіемъ, потомъ, когда она полнѣе сознавала свою жизнь, съ недовѣрчивостью, наконецъ, когда эта жизнь произвела на ея душу свое

ужасное вліяніе, съ неудовольствіемъ, похожимъ на чувство оскорбленія. Она говорила себѣ, что ничего не сдѣлала, чтобъ заслужить привязанность, а ея гордое сердце возставало противъ привязанности изъ состраданія... Ступивъ одинъ разъ на скользкую дорогу подозрѣній и недовѣрчивости, она пошла далѣе: ея женское самолюбіе, смятое невниманіемъ общества, внушило ей опасную мысль—самой разобрать и оцѣнить это общество: времени было довольно, а уединеніе—нехорошій совѣтникъ: досадуя и волнуясь, она осудила почти всѣхъ и презрѣла тѣхъ, кого не осудила. Ея чувство было озлобленно, слѣдовательно, разборъ не принесъ ея сердцу ни малѣйшаго облегченія, напротивъ, злость мучила ее какъ болѣзнь, и минуты обращенія, минуты раскаянія и сожалѣнія были отчаянны. Вспоминая, что, можетъ быть, когда нибудь она сама оттолкнула готовое для нея счастье, ужасаясь, что, можетъ быть, она, оскорбленная, сама оскорбляла, молодая дѣвушка плакала горько и кончала упреками судьбѣ, зачѣмъ это счастье не являлось опредѣленнѣе, зачѣмъ эти люди, если хотѣли сблизиться съ нею, не сближались рѣшительнѣе, зачѣмъ они не хотѣли понять, что для нея самой нѣтъ выхода изъ того мрачнаго круга, въ которомъ она поставлена...

Разговоръ съ Нестоевымъ, для нея странный и непонятный, сдѣлалъ въ душѣ ея столько же непонятный переломъ. Марья Андреевна не знала сама, обрадовали ли ее его слова: въ ихъ искренности не позволилъ бы сомнѣваться жаръ, съ которымъ они были сказаны, но Марья Андреевна на этотъ разъ хотѣла вѣрить и вѣрила въ самомъ дѣлѣ. Эта довѣрчивость, испытанная въ первый разъ, заставила ее плакать долго, безъ досады и гордости. Она въ первый разъ простила, что о ней жалѣли... Почему она не подозрѣвала притворства и прощала, почему, вмѣстѣ съ тѣмъ, ее не радовала эта дружба? Она знала, что отвѣтить и не отвѣчала сама себѣ. Ей было слишкомъ тяжело найти только братское чувство тамъ, гдѣ хотѣлось бы большаго, а увѣренность, что большаго быть не можетъ, была слишкомъ сильна. Не зная, какъ бываютъ любимы, она не могла предположить, чтобъ любовь выражалась почти на матеріальной заботѣ; наконецъ, гордая предъ всѣми другими, эта дѣвушка не смѣла думать, что ее можетъ любить Нестоевъ...

По привычкѣ мучиться всѣмъ и даже мучить себя насильно, Марья Андреевна заставила себя думать о томъ, что Нестоевъ любитъ Ливинскую. Объ этомъ иногда намекали въ обществѣ, но никакъ не шли далѣе предположенія, и очень изрѣдка, шутки, и то самой осторожной. Какъ ни было разнообразно, болтливо и, какъ водится, подчасъ безтолково это общество, но, будто сговорившись, оно понимало, что однимъ рѣзкимъ словомъ оно убьетъ счастье молодой женщины и спокойствіе ея мужа, старика, жившаго только ея любовью. Общество понимало также, что Нестоевъ не потерпитъ шутки.

Но эта шутка почему-то вдругъ понравилась въ домѣ Андрея Валерьяновича. Когда людямъ нечего думать, они придумываютъ несбыточное; когда имъ нечего говорить, они повторяютъ вздоръ. Имена Лизаветы Васильевны Ливинской и Григорія Петровича Нестоева непремѣнно повторялись вмѣстѣ, подъ разными предлогами.

— Слышали вы, таинственно сообщала Пелагея Михайловна Еленѣ Ивановнѣ:—Нестоевъ заказалъ къ празднику въ оранжереяхъ двадцать пять кустовъ розъ, въ цвѣту, розовыхъ и бѣлыхъ. Любопытно, гдѣ онъ это все у себя помѣститъ?

— Найдетъ куда помѣстить, отвѣчала Елена Ивановна.

— Что вы, вѣдь, это цѣлый садъ! она, нервная женщина, не вынесетъ запаха, задохнется.

И дамы смѣялись, допуская даже въ свою компанію Андрея Валерьяновича—явленіе, дотолѣ невиданное. Елена Ивановна передавала ему причину смѣха и тихо признавалась своей пріятельницѣ:

— Могутъ сказать, что я ихъ осудила, а я говорила, лишь бы своего, своего-то чѣмъ нибудь занять, заставить принять участіе въ томъ, что мы говоримъ... Точно чужой, въ самомъ дѣлѣ!..

Отъ Марьи Андреевны все это скрывалось довольно принужденно, подъ весьма прозрачной завѣсой приличія. Но случилось, что Ливинская прислала къ ней за какой-то книгой или музыкальной пьесой, и тогда Елена Ивановна не выдержала:

— Отошли все, что у тебя есть отъ нея, вскричала она вслѣдъ выходившей Марьѣ Андреевнѣ:—что за короткость, что за дружба!

Александръ бродилъ по залѣ, когда сестра сбирала тетради нотъ; невольно она нѣсколько долѣе посмотрѣла на одну изъ нихъ, длинную итальянскую арію для баритона, на которой, шутя, Ливинская надписала карандашомъ: «Торжество господина Нестоева».

— Вамъ жаль разстаться съ этимъ, душенька? сказалъ Александръ, хохоча и неожиданно схвативъ сестру за руки.—Ты, кажется, покраснѣла?

— Ты меня испугалъ, отвѣчала Марья Андреевна: — что онъ, въ самомъ дѣлѣ, ее любитъ?

— А я почему же знаю? возразилъ Александръ:—спроси, если хочешь, отца: онъ все знаетъ; спроси Пелагею Михайловну.

Марья Андреевна, конечно, никого не спрашивала. Андрей Валерьяновичъ удивился бы, какъ чему-то сверхъестественному, вопросу дочери о молодомъ человѣкѣ. Онъ только посмѣивался, слушая, какъ толковали дамы, премило назвалъ ихъ сплетницами въ дружеской бесѣдѣ съ сыномъ, прибавилъ, какъ человѣкъ серьезный, что все это прошумѣло ему голову и, въ заключеніе, написалъ къ Ливинской восхитительно любезную записку на тему о благотворительности, хотя, казалось бы, эта тема не представляетъ большого простора для любезностей. Въ запискѣ говорилось о веснѣ, о праздникѣ, который готовилъ Андрей Валерьяновичъ, о рощахъ, о соловьяхъ, о чудесномъ голосѣ madame Ливинской и о надеждѣ слышать на праздникѣ пѣніе ея и m-r Нестоева... Это имя было помянуто будто вскользь и совершенно кстати.

Нестоевъ былъ одинъ разъ въ теченіе этихъ дней. Марья Андреевна была въ гостиной, когда о немъ доложили. Елена Ивановна воскликнула:

— На что его нужно, сдѣлайте милость! и приказала отказать. Марья Андреевна была такъ смущена и взволнована, что не знала, обрадовало или огорчило ее это приказаніе. Ей хотѣлось видѣть Нестоева и казалось неловко встрѣтиться послѣ памятнаго разговора.

Но прошла еще недѣля, онъ не пріѣзжалъ. Марья Андреевна стала скучать, ждать у оконъ, прислушиваться къ звонку подъѣзда. Какъ нарочно, всѣ посторонніе посѣтители этой недѣли уходили прямо въ кабинетъ Андрея Валерьяновича, а посѣтительницы говорили только объ отвлеченныхъ предметахъ съ Еленой Ивановной и восхищались шерстяными подушечками Пелагеи Михайловны. Марья Андреевна спросила о Нестоевѣ одну дѣвицу, но дѣвица за что-то гнѣвалась на него еще съ масляницы и потому воскликнула такъ, чтобъ о ея гнѣвѣ вѣдали всѣ, находящіеся въ гостиной:

— Ah, mon Dieu, какое мнѣ до него дѣло de ton Нестоевъ! Tu comprends, что я очень мало забочусь des gens de cette éspèce.

Елена Ивановна, занимавшая свое почетное мѣсто на диванѣ, поставивъ локоть на колѣно и положивъ подбородокъ на руку, въ положеніи строгаго и сосредоточеннаго созерцанія, обратила на Марью Андреевну свой спокойно проницательный взоръ.

Марья Андреевна помолодѣла въ эти нѣсколько дней; безпокойство, ожиданіе—мученія, конечно, но мученія оживляющія. Страхъ увидѣть Нестоева заставлялъ прощать его долгое отсутствіе; мысль, что онъ, можетъ быть, боленъ, наводила такую тоску, что ему простилось бы и больше... Марія Андреевна могла бы послать къ нему брата, но она не хотѣла говорить съ братомъ...

До Святой недѣли оставалось два дня. Андрея Валерьяновича не было дома: онъ бѣжалъ отъ стука зимнихъ рамъ, которыя выставлялись, и отъ приведенія дома въ порядокъ. Марья Андреевна отворила окно; солнце освѣжило ее такимъ теплымъ свѣтомъ, такимъ непонятнымъ счастьемъ, что ея вниманіе могли обратить только слова:

— Григорій Петровичъ Нестоевъ.

— Вотъ выбралъ время для визитовъ! вскричала Елена Ивановна.—Отказать, конечно.

Лакей возвратился съ карточкой.

— Григорій Петровичъ приказали сказать, что очень сожалѣютъ, что не могли поздравить съ наступающимъ праздникомъ и проститься: они сегодня уѣзжаютъ.

— Куда?

Марья Андреевна повторила это восклицаніе.

— Они ничего не сказали.

— Куда это онъ ѣдетъ? топиться? И Ливинская ѣдетъ? отозвалась Пелагея Михайловна изъ диванной.

— Кто ихъ знаетъ! отвѣчала Елена Ивановна.

У Марьи Андреевны такъ потемнѣло въ глазахъ, такъ сжалось сердце, что она могла только дойти до своей комнаты, бросилась на постель и зарыдала, какъ пятнадцатилѣтняя влюбленная дѣвочка.

Судьба опредѣлила, чтобъ этотъ день былъ общимъ горестнымъ днемъ.

Андрей Валерьяновичъ возвратился домой ранѣе, нежели его ожидали. Разстроенный и сумрачный, онъ не спросилъ, входя, по обыкновенію, былъ ли кто нибудь, и про-

шелъ въ свой кабинетъ нѣсколько поспѣшно. Камердинеръ, слѣдовавшій за нимъ, въ ожиданіи приказаній, былъ отосланъ, успѣвъ, однако, увидѣть, что Андрей Валерьяновичъ выбросилъ на столъ изъ бокового кармана смятое письмо и что на этомъ письмѣ былъ московскій штемпель.

Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ люди въ домѣ, занятые приготовленіемъ къ празднику, знали, что съ бариномъ «случилась бѣда». Эта «бѣда» наполнила воздухъ дома; какъ что-то холодное и неуловимое выразилась въ вопросахъ, въ полусловахъ, въ сдержанномъ оханьи, въ сдержанномъ смѣхѣ... Какого рода была эта бѣда—не зналъ никто.

Общее смятеніе не достигло до убѣжища Елены Ивановны. Андрей Валерьяновичъ, казалось, рѣшился одинъ выносить свое несчастіе. Онъ сѣлъ въ кресло и устремилъ взоръ въ пустоту предъ собою... Всѣ, которые видѣли его, вѣчно спокойнаго и довольнаго, были бы поражены, увидя теперь лицо его. Но безсиліе, недостойное его характера, скоро прошло, и ни одинъ художникъ не могъ бы пожелать лучшаго образца для олицетворенія благородной горести, такой горести, которая, выражаясь въ каждомъ движеніи, придаетъ что-то величавое даже складкамъ одежды, заставляя забывать о безобразіи современнаго костюма. Андрей Валерьяновичъ позвонилъ и приказалъ позвать Елену Ивановну. Онъ ожидалъ ее стоя, заложивъ руку за жилетъ и опираясь другою на столъ, гдѣ лежало письмо, слегка закинувъ голову, въ позѣ оратора, готоваго защищать свои убѣжденія...

Елена Ивановна вошла. У нея былъ родъ привычки не тревожиться, когда ее приглашали въ кабинетъ мужа, но вдругъ проникаться духомъ противорѣчія ко всему, что она готовилась услышать, что̀ бы то ни было. Многолѣтній опытъ убѣдилъ ее, что въ самомъ дѣлѣ всѣ замыслы, созрѣвшіе въ этомъ кабинетѣ, были противны ея убѣжденіямъ, хотя тотъ же многолѣтній опытъ могъ бы напомнить ей, что всегда ея противорѣчія были безполезны, что волею или неволею, а ей приходилось забывать ихъ и оплакивать въ тишинѣ своей комнаты заблужденія Андрея Валерьяновича...

— Зачѣмъ вы меня звали? спросила она.

Андрей Валерьяновичъ какъ будто сконфузился, но на одно мгновеніе.

— Я хотѣлъ спросить васъ, отвѣчалъ онъ: — какъ распорядиться съ мебелью, которая у васъ въ деревнѣ... въ Высокомъ.

— Что-жъ съ нею распоряжаться?

— У васъ вѣчно была идея заводиться разной рухлядью, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ: — всякій домъ, по-вашему, долженъ быть «полная чаша». Эти полныя чаши очень неудобны, когда ихъ приходится опорожнять. Что прикажете дѣлать со всѣмъ, что тамъ есть? Привезти ли сюда, продать ли...

— Зачѣмъ же вывозить? зачѣмъ продавать?

— Затѣмъ, что Высокое продано.

— Господи!.. вскричала Елена Ивановна.—Съ молотка?

— Съ аукціона, хладнокровно поправилъ Андрей Валерьяновичъ.

Онъ, однако, поблѣднѣлъ при ея восклицаніи.

Елена Ивановна упала на диванъ; Андрей Валерьяновичъ протянулъ было руку къ колокольчику, но не позвонилъ.

— Послушайте, сказалъ онъ, подходя къ женѣ: — не дѣлайте этихъ сценъ, вѣдь мнѣ не веселѣе чѣмъ вамъ, а срамиться и быть смѣшнымъ я не хочу. Посовѣститесь людей...

— Кого? людей? Кого вы когда нибудь совѣстились?

— Увольте отъ рекриминацій. Дѣло сдѣлано. Я ожидалъ больше твердости.

Елена Ивановна громко рыдала. Андрей Валерьяновичъ оставилъ ее выражать свою горесть и прохаживался по комнатѣ; онъ былъ только блѣденъ и нѣсколько судорожно ломалъ себѣ пальцы.

— Растолкуйте вы мнѣ; какъ же это могло случиться? вскричала наконецъ Елена Ивановна, придя въ себя. — На самый первый день масляницы Пелагея Михайловна дала вамъ, чтобъ внести проценты, и я такъ была покойна... Видно, вамъ понадобились. Что же я говорю! конечно, масляница была, клубы, балы, карты съ утра до зари...

— Такъ! вѣчно одно и то же! прервалъ Андрей Валерьяновичъ.— Я отъ васъ никогда ничего другого не слышу! Я игрокъ, я мотъ, я безумный! По-вашему, запереться съ Часословомъ и сидѣть какъ пауку въ паутинѣ! Кто же бы заглянулъ въ вашъ домъ, еслибъ не я поддерживалъ сношенія съ людьми?.. Я все прожилъ, видите, я во всемъ виноватъ! Какъ же жить? воздухомъ питаться? Какъ по-вашему?.. Я вамъ говорилъ тысячу разъ, мы розно понимаемъ вещи...

— Я ничего не понимаю! отвѣчала Елена Ивановна.—О дѣтяхъ вы подумали ли?

— Я больше всякаго о нихъ думаю и за-

бочусь: я хочу, чтобъ они знали свѣтъ, чтобъ свѣтъ ихъ зналъ...

— Да, какъ опубликуютъ по всей Россіи, что у нихъ нѣтъ ничего.

— Вы о нихъ вспоминаете только, чтобъ упрекать меня изъ всякихъ пустяковъ...

— Батюшки, это пустяки! это онъ называетъ пустяками! Лучшая деревня, больше чѣмъ третья часть нашего состоянія...

— Прекрасная и «лучшая»! Если ужъ Высокое было лучше, что же другія? Глупая старинная барщина, цѣлый полкъ дворни...

— Эта дворня вамъ до сихъ поръ служитъ.

— Служатъ, они служатъ!.. Я всякій разъ жду, что эти старинные служители опрокинутъ кому нибудь на голову блюдо за обѣдомъ...

— Наймите себѣ иностранцевъ!..

— Пожалуйста, не отбивайтесь отъ предмета, не бросайтесь изъ стороны въ сторону!.. Найму и докажу вамъ, что можно имѣть порядокъ, котораго вы не умѣли завести съ «вашими»...

— Ужъ они не мои теперь! вскричала Елена Ивановна, принимаясь опять рыдать.— Да никогда и не были моими! Я вамъ, какъ младенецъ, во всемъ довѣрилась, все отдала... Господи, была ли у меня когда какая нибудь воля, какое нибудь свое желаніе!.. Сказала ли я вамъ хотя слово...

— А теперь что-жъ вы говорите? Теперь что вы говорите? Теперь вы меня не упрекаете? нѣтъ? У васъ память ослабѣла — вы съ вашей Пелагеей Михайловной... вы думаете, я ничего не слышу? Знаю я, что, когда я на васъ женился, у меня ничего не было, кромѣ эполетъ, да и молодость у меня была; вы это понимаете? Мнѣ было необходимо жить... Вы понимаете, что такое жить? не крохи подбирать, свѣчки считать, чтобы онѣ отъ сегодня на-завтра оставались — жить въ широкомъ, полномъ значеніи слова! Умъ, образованность, красота — все это требовало дѣятельности; я говорю о себѣ, какъ о постороннемъ... Что-жъ, вамъ жаль, что вы ничтожнымъ вашимъ состояніемъ доставили нѣсколько лѣтъ наслажденія молодому человѣку, который, въ свою очередь, доставилъ вамъ счастье, какого вы уже не могли ожидать — вы, сорокалѣтняя дѣва? Вамъ жаль? Да знаете ли, что если вы чѣмъ нибудь и пожертвовали, такъ это—подвигъ, добродѣтель, что вамъ ничего лучше не придумать, что это единственная ваша заслуга и спасеніе, потому что вы, хотя противъ воли, но дѣлали добро, хотя были озлоблены, но смирялись...

— Знаю, батюшка, что ты насъ всѣхъ съ сумою пустишь, прервала Елена Ивановна.

Андрей Валерьяновичъ схватилъ съ дивана свою шляпу и бросилъ ее о полъ. Онъ не выразилъ своего негодованія болѣе никакимъ рѣзкимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него. Черезъ минуту обернувшись, онъ увидѣлъ, что Елена Ивановна поднимаетъ его шляпу.

— Къ чему эта покорность? вскричалъ онъ: — это смиреніе? чтобъ больше бѣсить меня? или вамъ жаль, что запылится эта шляпа? Успокойтесь, еще не такъ мы нищи, еще не дошли до крайности: вы еще можете зажигать ваши неугасимыя лампады, сколько вамъ угодно!

Елена Ивановна не отвѣчала. Андрей Валерьяновичъ былъ человѣкъ деликатный, умолкавшій передъ молчаніемъ; какъ человѣку образованному, ему стало совѣстно своей рѣзкости, и потому онъ поспѣшилъ ее загладить.

— Извините, сказалъ онъ, успокоивая свой еще дрожавшій голосъ и садясь рядомъ съ женою.— Будемте говорить серьезно. Ребячиться не время. Все, что̀ мы называемъ несчастіемъ, всегда страшнѣе издали, нежели оказывается при здравомъ анализѣ, а то, что̀ постигло насъ теперь, тѣмъ болѣе! Утѣшеніе недалеко: воля Божія...

— Воля Божія — еслибъ сгорѣло Высокое, еслибъ хлѣбъ градомъ выбило, еслибъ... Что говорить! вскричала Елена Ивановна:— тутъ видимое человѣческое распоряженіе...

— Вы хотите сказать, что виноватый тутъ на-лицо, виноватый—я. Положимъ, такъ; я согласенъ. Я вамъ больше признàюсь, хотя вы и не захотите со мной согласиться, вы станете спорить, кричать...

— Въ жизнь мою не кричала...

— Ну, положимъ, вы не кричали. Дайте-жъ и мнѣ вамъ объяснить мои убѣжденія. Высокое ваше такъ ужъ давно было заложено и перезаложено, столько за него переплатили, столько еще предстояло платить... потому что выкупать его я никогда не былъ намѣренъ, а почему — я вамъ сейчасъ скажу...

— Потому что нечѣмъ вамъ его выкупить, возразила Елена Ивановна.

— По-вашему такъ, а по-моему, потому, что степное далекое имѣніе, изъ котораго некуда сбыть хлѣбъ, гдѣ нѣтъ лѣса, гдѣ невозможно завести ни фабрики, ни завода, ни

въ промышленномъ, ни въ хозяйственномъ отношеніи неудобно.

— Откуда-жъ обозы ваши въ Москву ходили? прервала Елена Ивановна.

— Неудобно! повторилъ Андрей Валерьяновичъ, одушевляясь и не обращая вниманія на ея возраженіе.—И чѣмъ скорѣе развяжешься съ этой обузой, тѣмъ лучше. Вотъ моя идея...

— Охъ, эти идеи!

— Признаюсь, я велъ къ этому самъ. Я, наконецъ, хотѣлъ отъ него избавиться. Впрочемъ, даже рѣшившись, я до конца уступалъ вамъ: правда, я не послалъ денегъ въ Совѣтъ, но я написалъ Малѣеву, дѣльцу вашему (пояснилъ Андрей Валерьяновичъ съ невыразимой ироніей), чтобъ онъ уладилъ, устроилъ, чтобъ отсрочили торги... Видите, какъ онъ хорошо устроилъ, этотъ всемірный адвокатъ: можете благодарить его!

Въ глазахъ Андрея Валерьяновича сверкнуло негодованіе, вѣрнѣе, въ немъ вдругъ опять поднялась вся горесть, которую ему удалось было укротить. Онъ принялся ходить скорыми шагами по комнатѣ, метаться (если возможно позволить себѣ это выраженіе о такомъ человѣкѣ), наконецъ, разгорячась еще болѣе и ослабѣвъ отъ усиленнаго движенія, онъ почти упалъ въ кресло и захватилъ обѣими руками свои прекрасные волосы.

Этотъ недостойный примѣръ немощи духа пробудилъ всю энергію Елены Ивановны. Она встала съ своего мѣста и приблизилась къ мужу; на глазахъ ея уже не было слезъ, въ нихъ сіяло вдохновеніе, почти радостное.

— Плачьте, сказала она:—узнайте наконецъ, каково позднее раскаяніе. Подумайте, что вамъ некуда скрыться отъ стыда; припомните всѣ дѣла ваши. Поздно!.. А сострадать о васъ будутъ развѣ одни безумные!

Она протянула руку надъ склоненной головой Андрея Валерьяновича и вышла съ спокойствіемъ, похожимъ на торжество.

Пока происходила эта сцена, Марья Андреевна оставалась въ своей комнатѣ. Наплакавшись вдоволь, она подумала, что въ ея возрастѣ такія слезы непростительны, а главное, что въ настоящемъ случаѣ онѣ безполезны. Молодая любовь утѣшается какой нибудь восторженной выдумкой и потомъ принимается за мечтанія. Поздняя любовь благоразумнѣе и взыскательнѣе, если не къ другимъ, то къ самой себѣ; она укрощаетъ свою печаль размышленіемъ холоднымъ, часто безпощаднымъ... Марья Андреевна даже улыбнулась при мысли, что ей вдругъ, Богъ знаетъ съ чего, чрезъ годъ знакомства, вздумалось влюбиться въ Нестоева, въ человѣка, который если и оказывалъ ей вниманіе болѣе нежели другіе, то это вниманіе... это вниманіе было оскорбительно тѣмъ, что осмѣливалось подмѣтить стороны жизни, всегда тщательно скрываемыя отъ постороннихъ.

«Но», спросила она себя вслѣдъ затѣмъ: «какъ же дѣлаютъ иначе, чтобъ сблизиться?»

Сблизиться! ей никогда, ни съ кѣмъ невозможно сблизиться, для нея не можетъ быть и дружбы, не только любви!

И мысли дѣвушки обратились опять на привычную дорогу, на жизнь, которая окружала ее, такую темную въ сравненіи съ этимъ свѣтлымъ весеннимъ днемъ, еще болѣе темную отъ минутнаго увлеченія, которое ее освѣтило...

Нѣсколько большихъ деревьевъ, уже вполовину нѣжно-зеленыхъ, росли на сосѣднемъ дворѣ, сдѣлавшемся предметомъ наблюденій Марьи Андреевны, утомленной однообразіемъ своей комнаты. Подъ деревьями игралъ ребенокъ лѣтъ трехъ, розовый, кругленькій, закутанный; красный платочекъ, которымъ была повязана его головка, ярко мелькалъ на солнцѣ и въ голубой тѣни строеній. Маленькое существо было веселѣе воробьевъ и стрижей, которые вились и кричали надъ нимъ. Вдругъ радостный крикъ его раздался громче ихъ крика. Во дворъ вошла молодая женщина, въ коротенькой синей шубкѣ и также повязанная краснымъ платочкомъ: она несла большой круглый узелъ, очевидно, куличъ, купленный, для праздника. «Свѣтъ ты мой бѣлый, ты меня дожидался!» весело закричала она и свѣжіе звуки этихъ ласковыхъ словъ, казалось, дополняли прелесть весенняго дня. Она наклонилась къ ребенку, который повисъ ей на шею, ловко подняла его на руки, не смотря на затрудненіе своей прежней ноши, и унесла въ маленькій, сѣренькій домикъ, котораго вымытыя окна свѣтились на солнцѣ какъ золото...

Марья Андреевна затворила свое окно: въ глазахъ ея разстилался туманъ.

Вошла горничная съ какими-то кружевами и лентами, о которыхъ надо было спросить приказаній. Приказывая, Марья Андреевна замѣтила, что у дѣвушки глаза заплаканы.

— Что съ тобой? спросила она.

Отвѣтомъ были слезы и неудержимыя рыданія. Наконецъ Марьѣ Андреевнѣ удалось

узнать, что Андрей Валерьяновичъ сзывалъ всѣхъ людей изъ Высокаго и объявилъ, что они больше не принадлежатъ ему и что онъ больше держать ихъ не намѣренъ. Горничная дочери была изъ числа ихъ.

Марья Андреевна была поражена. Но или неожиданность извѣстія не дала ей сразу понять всю его важность, или ее слишкомъ тронуло то, что это извѣстіе дошло до нея только чрезъ горничную, она приняла его спокойнѣе, нежели можно было ожидать. Въ торжественности, съ которой оно было объявлено прислугѣ, Марья Андреевна совершенно узнавала Андрея Валерьяновича...

— Перестань плакать, сказала она дѣвушкѣ: — кому бы ни принадлежала ты, я съ тобой никогда не разстанусь.

Взволнованная, она побѣжала въ комнату Елены Ивановны, куда не входила прежде никогда безъ позволенія. Проходя, она встрѣчала сконфуженныя лица, слышала шопотъ по угламъ: бѣда объяснилась и стала всеобщею.

Съ Еленой Ивановной была Пелагея Михайловна; ихъ жалобы можно было слышать издали; но когда Марья Андреевна отворила дверь—все затихло.

Елена Ивановна съ удивленіемъ подняла голову.

— Что тебѣ нужно? спросила она.

— Маменька, неужели правда...

— Правда, отвѣчала Елена Ивановна, приподнимаясь съ усиліемъ и доставая съ дивана два свертка шелковой матеріи. — Отецъ твой купилъ обѣ, которыя тебѣ понравились. Вотъ, возьми.

— Я пришла потому, что узнала сейчасъ, что Высокое продано... сказала Марья Андреевна и не могла договорить, чувствуя, что слезы и волненіе сжимали ей горло.

Пріятельницы переглянулись между собою. Пелагея Михайловна посмотрѣла на дѣвушку съ наивнымъ удивленіемъ.

— Ты боялась, что это помѣшаетъ твоему отцу купить тебѣ наряды? спросила Елена Ивановна: — видишь, что нѣтъ. Твой отецъ не остановится никогда предъ подобными издержками, особенно, когда знаетъ, что это можетъ тебя огорчить. Возьми же.

Она протягивала свертки Марьѣ Андреевнѣ, которая не прикасалась къ нимъ; наконецъ, уставъ держать, Елена Ивановна довольно нетерпѣливо положила ихъ на столъ.

— Какъ это случилось? Я только сейчасъ узнала... отъ Лизы... проговорила Марья Андреевна.

— Что это вдругъ стало такъ тебя занимать? Случилось, такъ случилось. Тебѣ вѣдь сказывала Лиза? отвѣчала Елена Ивановна съ хладнокровіемъ, но замѣтно оскорбленная.

— Боже мой!... сказала Марья Андреевна.

— Я, право, тебя не понимаю.

— Вѣрнѣе всего, вмѣшалась Пелагея Михайловна, сопровождая свои слова сладкой, лукавой улыбкой, просіявшей вдругъ сквозь ея печаль:—вѣрнѣе всего, что вы, Машенька, какъ молоденькая дѣвушка, обезпокоились, что если васъ баловали до сихъ поръ, то будутъ ли такъ баловать, когда средствъ станетъ меньше...

Марья Андреевна заставила ее замолчать взглядомъ, который на нее бросила; этотъ взглядъ былъ ужасенъ.

— Я бѣжала къ вамъ, сказала она, кротко обращаясь къ Еленѣ Ивановнѣ:—я узнала, что случилось несчастье, я знала, что вы огорчены...

— Я думаю, при тебѣ я никогда не выражала своей горести, возразила Елена Ивановна. — Что-жъ тебѣ? изъ чего я буду навязывать тебѣ свои огорченія?

Была одна секунда молчанія, въ которую Марья Андреевна дожидалась, чтобъ Елена Ивановна загладила чѣмъ нибудь свои слова. Она не дождалась. То, что промелькнуло на ея лицѣ въ эту секунду, ожиданіе, страхъ, негодованіе и горе поразили бы всякаго свидѣтеля, кромѣ тѣхъ свидѣтелей, которые были вокругъ нея...

— Я не посторонняя, сказала она наконецъ, и, не въ силахъ сказать больше, вышла такъ же поспѣшно, какъ вошла.

Елена Ивановна смотрѣла ей вслѣдъ. Пелагея Михайловна взяла ее за руку.

— Оставьте ее, другъ мой, сказала она:— такіе люди посылаются на землю на испытаніе праведнымъ...

— Не на испытаніе, а на соблазнъ! вскричала Елена Ивановна:—вы не можете этого постигнуть: сердцу каково!

— Сама не была матерью, а знаю, отвѣчала пріятельница со вздохомъ:—знаю, чувствую...

— Гордость какая!

— Гордость — начало всякаго грѣха... И даже матерію свою не взяла. Желала бы я, чтобъ ей хоть одно наказаніе ниспослалось, чтобъ ни въ одномъ магазинѣ не взялись ей сшить до праздника.

— И безъ того не возьмутъ, вскричала, одушевляясь, Елена Ивановна: — это тотъ выдумалъ, балъ свой, пикникъ устроиваетъ...

Боже ты мой! послѣднее рубище скоро заложимъ...

— Не ропщите, не ропщите, остановила ее подруга: — охъ, ропотъ... вы знаете, что такое, или уныніе— Боже избави!

— Вамъ, конечно, ничего, роптать не на что, слава Богу, всѣмъ обезпечены.

— Я обезпечена? я? Чѣмъ я обезпечена? Что я въ чужомъ домѣ живу, Елена Ивановна?

— Что-жъ? вотъ, праздники: заботились ли вы о чемъ? вы покойны!

— Матушка, я покойна? что я по кухнямъ, да по кладовымъ не бѣгаю, да людей моихъ не призываю, такъ я покойна? Что я здѣсь? лишнее, пятое колесо...

Начались самыя разнообразныя одушевленныя объясненія и жалобы...

Выйдя изъ комнаты Елены Ивановны, Марья Андреевна, сама не зная почему, пошла къ отцу; она не могла бы объяснить, какое чувство испуга, одиночества или нѣжности, которое заставляетъ прижиматься тѣснѣе другъ къ другу во время бѣды, заставляли ее обращаться то къ одной, то къ другому... Тяжелое впечатлѣніе, вынесенное изъ разговора съ Еленой Ивановной, какъ будто еще сильнѣе заставляло дѣвушку искать другого впечатлѣнія... Размышленіе пришло къ ней только тогда, когда она была готова отворить дверь отцовскаго кабинета. Тогда она вспомнила, что сюда она почти никогда не входила, подумала, что отецъ, вѣроятно, занятъ; наконецъ, спросила себя: что она ему скажетъ, и какъ приметъ онъ то, что она ему скажетъ?..

Ей стало тяжело до слезъ; она оставила ручку двери, за которую было взялась, и возвратилась въ залу.

Александръ расхаживалъ только одинъ, напѣвая что-то. Онъ замолчалъ, услыша шаги, но, оглянувшись и увидя сестру, продолжалъ свою пѣсню.

— Что, душенька, сказалъ онъ, когда она подошла ближе: —что это, Маша? Какъ я не люблю, когда плачутъ! Я думалъ, ты пришла мнѣ сказать что нибудь хорошенькое. Полно.

— Что дѣлаетъ отецъ? спросила она.

— Захлопотался; его дома нѣтъ.

— Нѣтъ дома? А много хлопотъ?

— Страхъ сколько: этотъ негодяй Ивановъ, купецъ, ему велѣно обить скамейки у лодокъ; онъ и обилъ ихъ—войлокомъ. Вообрази, какъ пріятно сѣсть въ шелковомъ манто! Отецъ поѣхалъ къ нему; надо успѣть передѣлать до праздника, а то не найдешь и рабочихъ.

Марья Андреевна слушала, едва понимая.

— Что, твоя шляпка готова? Вчера при насъ принесли шляпку Артеминой—прелесть; она ее надѣла, и мы всѣ импровизировали ей въ честь разныя разности. Я вскочилъ на кресло и оттуда... я былъ, не знаю самъ какъ, въ духѣ. Дурачились мы всѣ, шумѣли. Какая это миленькая женщина! На третій день праздника балъ въ собраніи, и мазурка уже мнѣ обѣщана; я взялъ, какъ говорится, съ бою: насъ было шесть претендентовъ... Ты поѣдешь въ собраніе?

— Послушай, Александръ, сказала Марья Андреевна:—ты знаешь о продажѣ деревни?

— La grande nouvelle du jour! Какъ же не знать. Я подвигалъ кресло Пелагеѣ Михайловнѣ, куда она и упала, когда ей объявили «о постигшемъ насъ злополучіи».

Александръ произнесъ послѣднія слова съ комической, но нисколько не забавной торжественностью.

— Что-жъ съ нами будетъ, Александръ?

— Ничего, душа моя. Ты, «дѣвица съ талантами», будешь давать музыкальные уроки, ѣздить по домамъ въ двуличневомъ платьѣ и желтой шали, Пелагея Михайловна тебѣ завѣщаетъ ихъ, а я... что-жъ я? Я неучъ, разорившійся аристократъ. Я буду вертѣть шарманку, водить собачекъ. Покоримся нашей участи. Мы будемъ примѣрными дѣтьми, опорой старости нашихъ родителей.

— Какъ у тебя достаетъ духу шутить! прервала съ нетерпѣніемъ Марья Андреевна.

Александръ обидѣлся.

— Ахъ, Боже мой, не плакать же, я не нервозная дѣвица. Сама ты толкуешь о твердости, о разныхъ римскихъ добродѣтеляхъ, а тутъ, вдругъ хочешь, чтобъ мужчина, какъ я, потерялъ голову отъ такого вздора. Еще не конецъ всему—Высокое!

— И остальное имѣніе все заложено, отвѣчала Марья Андреевна:—тоже будетъ и съ Березовкой мѣсяца черезъ два.

— Какъ ты стала вникать въ дѣла! сказалъ Александръ съ какой-то злостью.—Ну, что-жъ такое? Потеря состоянія непріятна для дѣвушки, потому что съ состояніемъ— конецъ надеждъ на жениховъ; а для мужчины... Только не лѣниться: заняться прилежнѣе какими нибудь оборотами, работать! (Александръ сказалъ это съ восторгомъ). Въ три-четыре года—жизнь велика—можно составить себѣ капиталъ, тысячъ въ шестьдесятъ...

— Начитавшись Евгенія Сю, замѣтила хладнокровно Марья Андреевна.

— У тебя прекрасная память, отвѣчалъ

съ досадой Александръ, возобновляя свою прогулку и свое пѣніе:—Нестоевъ уѣзжаетъ отсюда на всѣ праздники, сказалъ онъ чрезъ минуту.

Въ его голосѣ, въ словахъ, даже въ небрежности, съ которой они были сказаны, было замѣтно мелочно-жестокое намѣреніе сдѣлать непріятность. Марья Андреевна отвѣчала спокойно:

— Я это знаю, онъ пріѣзжалъ прощаться.

Александръ ждалъ вопроса и, не дождавшись, заговорилъ самъ.

— Ливинскій нашелъ ему дѣло... (на Святой недѣлѣ!) и послалъ его что-то ревизовать, страховать—не знаю. Бѣда влюбиться въ жену начальника: какъ разъ пошлютъ на покаяніе... Это, впрочемъ, не моя острота: это сказала Евгенія Михайловна.

— Очень остроумно, сказала Марья Андреевна.

— Я думаю.

— Часто Нестоевъ бываетъ у своей сестры?

— Не знаю, сказалъ Александръ, который дожидался вопроса только для того, чтобъ не отвѣчать на него, и вышелъ.

II.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ домѣ Ливинскихъ было тихо и не освѣщено, какъ это всегда бываетъ въ послѣдніе дни поста, но зала была полна цвѣтовъ и зелени, и сама Ливинская, съ свѣчой въ рукахъ, переходила отъ одного куста къ другому, распоряжаясь, какъ размѣстить ихъ. Эти хлопоты какъ нельзя лучше шли къ молодой женщинѣ.

Ливинскую всѣ называли хорошенькой; это мнѣніе было рѣдкій примѣръ справедливости общества, не всегда признающаго красоту тамъ, гдѣ она состоитъ въ выраженіи, а не въ формѣ. Ливинская была худа и невысока ростомъ, за то она была тонка какъ ребенокъ; она была смугла и ея румянецъ не обѣщалъ здоровья, но это былъ нѣжный розовый румянецъ, безъ малѣйшей непріятной желтизны, почти общаго недостатка всѣхъ брюнетокъ, хотя ея черные волосы имѣли тотъ золотистый отливъ, который находимъ въ портретахъ старинныхъ художниковъ. Истинно-хорошаго у нея были только глаза, черные и большіе; но и въ нихъ главной красотой было выраженіе необыкновенной доброты и искренности. Взглянувъ на нихъ только одинъ разъ, не зная ее, уже можно было поручиться, что эта женщина никогда не обманывала. Въ нихъ безконечно отражалось все, что шевелило ея душу, высказывалось невольно всякое впечатлѣніе отъ дѣтски-простодушнаго до самаго серьезнаго. Блестящіе глаза молодой женщины доказывали, что ей не было чуждо ни одно прекрасное чувство. Всякое движеніе ея было полно жизни, граціи; всякое слово сказано съ увлеченіемъ; это увлеченіе сообщалось невольно тѣмъ, кто говорилъ съ нею; ея присутствія оживляло все кругомъ нея, и домъ, гдѣ жили только она и мужъ ея, по лѣтамъ годившійся ей въ отцы, казался населеннѣе и веселѣе многихъ домовъ, гдѣ живутъ большія семьи или влюбленные молодые супруги. У Ливинской не было дѣтей. Можетъ быть, это и дало ей сохранить игривость, одну изъ прелестей ея характера, такъ же какъ разница лѣтъ ея мужа сохранила ей навсегда, въ отношеніяхъ къ нему, ровную покорность дочери. Но какъ существо впечатлительное и благородное, она жарко привязалась ко всему прекрасному, что нашла въ этомъ человѣкѣ; она полюбила его восторженно и убѣдилась, въ свою очередь, что никакая любовь юноши не могла бы сравниться съ его любовью. Эта любовь заплатила ей тѣмъ, что развила всѣ способности ея милой души, окружила ее счастьемъ и дала ей счастье быть достойной привязанности всѣхъ, кто встрѣчался съ нею.

Конечно, какъ вездѣ и всегда, были скептики, которые этому не вѣрили или смѣялись, узнавая нечаянно, что въ антрактахъ между обѣдомъ и вечернимъ присутствіемъ Ливинскій учитъ свою жену по-англійски; что ея канарейки прыгаютъ у него на столѣ, когда онъ работаетъ въ своемъ кабинетѣ; что онъ (о, униженіе для такого важнаго человѣка!) часто помогаетъ ей натягивать пяльцы, находя, что это слишкомъ трудно для такихъ маленькихъ рукъ, какъ ея руки. Люди какъ-то такъ взыскательны, что, желая счастья для себя, придумывая его для другихъ, непремѣнно найдутъ что осмѣять въ томъ счастьи, которое, на бѣду свою, покажется имъ на глаза. Почему обществу города N* казалось неприличнымъ, что Ливинскій, человѣкъ серьезный всегда и вездѣ, не былъ серьезенъ у себя дома, безъ постороннихъ свидѣтелей? Говорили, что онъ ревнивъ; онъ былъ ревнивъ въ самомъ дѣлѣ, какъ вообще старики, можетъ быть, болѣе, потому что любилъ жену, какъ человѣкъ молодой; но онъ еще ничѣмъ не подалъ повода къ толкамъ общества; а общество скорѣе извиняло ревность, нежели заботы о женѣ и любовь

къ ней. Почему злое чувство называлось справедливымъ, а чувство благородное и отрадное казалось забавнымъ?..

Ливинская кончила свои распоряженія, и когда старый лакей, съ наслажденіемъ любителя помогавшій ей размѣщать цвѣты, собралъ съ пола послѣдніе оторванные листочки, она подошла тихонько къ двери кабинета своего мужа. Осторожно взглянувъ, что тамъ дѣлается, она взяла маленькій, но самый красивый кустъ алыхъ розъ и еще осторожнѣе вошла въ кабинетъ. Мужъ занимался у своего письменнаго стола; онъ оглянулся молча; она также молча и даже не улыбнувшись, чтобъ не развлекать его, съ улыбкой поднесла къ нему цвѣты, наклонила, чтобъ онъ ихъ понюхалъ, потомъ поставила ихъ на окно и вышла такъ тихо, что по ковру не было слышно шаговъ ея.

Въ залѣ она встрѣтила Нестоева.

— Вотъ это хорошо! сказала она, подавая ему руку:—вы заѣхали еще проститься съ нами и пробыть вечеръ?

— Даже до самаго моего отъѣзда, если позволите.

— А вы распорядились уже заранѣе, безъ моего позволенія? это еще лучше. Благодарю васъ за цвѣты. Вамъ не жаль оставить ихъ мнѣ въ наслѣдство?

— Потому жаль, что я хотѣлъ иначе сдѣлать: привезти ихъ къ вамъ въ первый день праздника, покуда вы еще были бы въ церкви, и потомъ встрѣтить праздникъ вмѣстѣ съ вами, у васъ.

— Это придумано хорошо... и дурно, отвѣчала она.—Пойдемте ко мнѣ: въ тѣхъ комнатахъ теплѣе; я напою васъ чаемъ на дорогу.

— Гдѣ же Дмитрій Николаичъ? спросилъ Нестоевъ, идя за нею.

— Занятъ у себя. Не мѣшайте ему; онъ придетъ къ намъ, когда кончитъ.

Лизавета Васильевна усѣлась въ уютномъ креслѣ; Нестоевъ рядомъ съ нею. Было тотчасъ замѣтно, что они заняли мѣста, къ которымъ ужъ привыкли.

— Вы сейчасъ за что-то хотѣли побранить меня, сказалъ Нестоевъ.

— Не шутя. За то, что вы хотѣли встрѣтить праздникъ у насъ. У васъ здѣсь сестра, которой, вѣрно, было бы непріятно, еслибъ вы замѣнили ее...

— Прошу васъ, не договаривайте—не посторонними. Вѣдь это ужъ давно рѣшено — не правда ли? Не говорите этого, прошу васъ, теперь, когда мнѣ такъ досадно и скучно оставить васъ надолго. Нашу исторію вы давно знаете. Я былъ не болѣе лѣтъ пяти, какъ родилась моя сестра и умерла наша мать; мы выросли розно: она у своего отца, я у родныхъ; мы не встрѣчались до ея замужства и вовсе не знали другъ друга. Потомъ Eugénie овдовѣла. Что-жъ дѣлать? Мы встрѣтились взрослыми, и взрослыми довольно взыскательными, поразсмотрѣли другъ друга и... не сошлись. Ни она, ни я не были въ правѣ дѣлать замѣчанія другъ другу: впрочемъ, уже было и поздно. Она сказала мнѣ, что я для нея слишкомъ серьезенъ. Что-жъ, я ей вѣрю, хоть и жаль, а больше дѣлать нечего. Такъ подумайте и будьте безпристрастны къ самой себѣ: возможно ли, чтобъ при васъ я могъ довольствоваться дружбой Eugénie? Вы знаете ее, знаете и себя...

— Васъ я знаю еще лучше, прервала Ливинская. — Вы изъ оригинальности любите скучныхъ женщинъ.

— Что такое скучная женщина?

— Какъ вамъ объяснить?.. словомъ, я. Женщина, которая не умѣетъ нравиться...

— И нравится потому, что объ этомъ не заботится. Вы все дѣлаете отъ сердца; вы веселы, чувствительны; вы не капризны; въ васъ все просто; вы скучаете въ самомъ дѣлѣ отъ скуки, а не затѣмъ, чтобъ мучить другихъ вашими капризами; вы даже наряжаетесь...

— Изъ любви къ изящному, договорила Ливинская, смѣясь отъ души:—я могу вамъ подсказывать...

— Пожалуйста не спорьте: вы необыкновенная женщина.

— Необыкновенныя женщины всѣхъ опаснѣе: онѣ заранѣе все обдумываютъ.

— Не знаю, что вы обдумываете, но нѣтъ въ обществѣ человѣка, который не любилъ бы васъ за то, что вы милы и добры... А потомъ, продолжалъ Нестоевъ въ жару доказательствъ, не обращая вниманія на ея возраженія:—не то ли самое вы дѣлали въ отношеніи къ вашему мужу? Любя его, не вѣчно ли вы старались всѣми средствами поддержать его любовь, сохранить ее? Вы привыкли быть такою, вы не можете быть иначе, слѣдовательно, въ обществѣ...

— Побѣды мнѣ не стоятъ труда, договорила она.—Берите вашъ чай. Увѣряйте еще, что я не самая опасная кокетка, когда умѣю заставить лучшаго друга, человѣка з а н я т о г о (она сдѣлала удареніе на этомъ словѣ) сказать мнѣ въ глаза, что я чуть ли не совершенство... А что такое лучшій другъ? Увы! большею частью особа, не замѣчающая нашихъ совершенствъ.

— По крайней мѣрѣ, обо мнѣ вы этого не скажете, отвѣчалъ Нестоевъ, взялъ чай и поцѣловалъ ея руку, которая встрѣтилась близко. — Я никогда не былъ ни слѣпъ, ни неблагодаренъ. Я сталъ счастливъ съ тѣхъ поръ, какъ вы позволили мнѣ сблизиться съ вами и быть откровеннымъ; я говорилъ и говорю, что не знаю женщины лучше васъ, что вы...

— Другъ! прервала Ливинская, смѣясь и останавливая его повелительнымъ жестомъ.— Не увлекайтесь, остерегитесь сказать больше того, что чувствуете; вы и безъ того виноваты.

— Я? въ чемъ же?

— Подумайте хорошенько, совершенно ли вы были откровенны въ послѣднее время. Я подождала бы еще, но вы ѣдете, а я любопытна. Все ли вы говорили мнѣ, что у васъ есть на душѣ?

— Въ послѣднее время, сказалъ Нестоевъ: — у меня было столько дѣла, что некогда было переговорить съ вами...

— Такъ, виноваты дѣла! Но, однако, есть о чемъ переговорить?

— Есть... Но... но что вы предполагаете?

— Что вы влюблены, отвѣчала весело Ливинская.

— Почему же вы это узнали? вскричалъ Нестоевъ съ простодушнымъ смущеніемъ.— Какъ же? давно ли? отъ кого вы это узнали?

— Догадалась сама, отвѣчала она. —Отдайте же справедливость моей проницательности. Недѣли двѣ назадъ, какъ вы были у насъ вечеромъ, вы такъ спѣли «Bel sogno beato», что я сказала себѣ...

— Bel sogno beato... повторилъ вполголоса Нестоевъ.

Какъ всѣ влюбленные, онъ стремительно всталъ съ мѣста и принялся ходить по комнатѣ. Ливинская смотрѣла на него своими добрыми и блестящими глазками.

— Довольно, Григорій Петровичъ, сказала она: — подите сюда и разсказывайте подробно.

— Что же я скажу? спросилъ онъ, послушно возвращаясь на свое кресло.

— Какъ что? Все. Начиная съ того, кого вы любите.

— Marie Оршевскую, отвѣчалъ Нестоевъ такъ же послушно.

Ливинская взглянула на него и одну минуту не сказала ни слова, но въ эту минуту ея лицо освѣтилось такой непритворной радостью, какъ будто она еще лучше своего друга поняла вдругъ счастье и его, и той, которую онъ полюбилъ.

— Я всегда знала, что вы отличный человѣкъ, сказала она съ чувствомъ, отъ котораго еще похорошѣла:—но теперь узнаю это еще лучше. Какъ она должна любить васъ, какъ она счастлива тѣмъ, что ее любятъ, что именно вы ее любите!

— Она ничего не знаетъ, отвѣчалъ Нестоевъ: — я ничего не могъ и не успѣлъ сказать ей. Я давно ее знаю, и только недавно понялъ, что со мною. Она очень несчастна. Все, что кругомъ нея, невыносимо. Надо рѣшиться, чтобъ вырвать ее изъ этой жизни...

— Такъ рѣшайтесь скорѣе, прервала Ливинская: — скажите ей. Пока вы будете думать...

— Она полюбитъ другого? А если она ужъ любитъ другого? вскричалъ онъ:—если она и тоскуетъ оттого, что ея любовь, можетъ быть, не раздѣлена?..

— Перестаньте! возразила молодая женщина: — вы ничего не понимаете. Любовь, хоть и несчастная, но поддерживаетъ; отъ нея впадаютъ въ отчаяніе, а не въ апатію. Она никого не любитъ. Говорили вы съ нею?

— Она горда или не поняла меня... нѣтъ, она не поняла меня, повторилъ Нестоевъ, стараясь прогнать дурную мысль, которая его возмущала.—Я сказалъ ей, что чувствую ея горе, что, по душѣ, я ей не чужой; мнѣ показалось, что эти слова ее удивили. Нѣтъ, мнѣ кажется, она уже не можетъ любить, ея сердце ужъ такъ наболѣло, такъ соскучилось... Все, что мучило ее съ дѣтства, могло, какъ говорится, перекипѣть въ душѣ, такъ что въ ней осталось, можетъ быть, только одно желаніе успокоиться, состарѣться поскорѣе. Вѣдь это могло случиться? Эти люди уморили ее нравственно.

Онъ всталъ съ движеніемъ тоски и нетерпѣнія.

— Полно, сказала Ливинская.— Скажите ей прямо, что вы ее любите: она оживетъ. Знаете ли вы, какъ она будетъ счастлива, какъ она станетъ весела, какъ она похорошѣетъ! А вѣдь она красавица: это дѣлаетъ честь вашему вкусу. Сватайтесь скорѣе.

— Когда я ее увижу! сказалъ Нестоевъ.

— Вы возвратитесь.

— Самъ не знаю когда. Развѣ легко ждать?

— Для чего вы не сказали мнѣ раньше? сказала Ливинская, приходя въ безпокойство, какъ настоящій другъ и женщина. — Вы могли бы видѣть ее у меня: здѣсь

вамъ обоимъ было бы легче, нежели въ ихъ домѣ...

— О, этотъ домъ!.. Какъ бы ей было хорошо съ вами! вскричалъ Нестоевъ.—Никогда не прощу себѣ, зачѣмъ я молчалъ. Прощайте. Я сейчасъ бѣгу къ нимъ, добьюсь, что меня примутъ, и все скажу ей...

— Благоразумный человѣкъ, вы съума сошли! вскричала молодая женщина. — Куда вы, въ десять часовъ вечера, и сегодня? да вы перепугаете весь домъ, а это дурная рекомендація для будущаго зятя — какъ вы думаете?

— Я ничего не думаю, отвѣчалъ нетерпѣливо Нестоевъ:—сердце мое предчувствуетъ, что отъ этого замедленія не выйдетъ ничего хорошаго. Повѣрите ли, мнѣ какъ-то страшно уѣхать.

— На двѣ недѣли? Полноте!.. Хотите ли, я скажу ей и напишу вамъ?

— Вы добры, какъ ангелъ, отвѣчалъ онъ въ восхищеніи отъ молодой женщины. — Но нѣтъ, вы станете просить за меня, а если она откажетъ, у васъ не достанетъ духу передать мнѣ. Я возвращусь и все скажу самъ.

— Даю вамъ слово, что до тѣхъ поръ я буду видѣться съ нею какъ можно чаще и развеселю ее сколько возможно. Знаете, что это будетъ подвигъ? Благодарите меня заранѣе за мою дружбу къ вашей невѣстѣ.

— Вы меня съума сведете, сказалъ Нестоевъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не подвигъ подружиться съ Магіе, когда я знаю, что Елена Ивановна меня не любитъ? Говорятъ: я смѣла. Какъ я боюсь Елены Ивановны! какой-то дѣтскій страхъ...

— Напротивъ, это очень сознательное отвращеніе.

— Но знаете ли вы одну удивительную странность, которую я недавно открыла? Мой мужъ не раздѣляетъ нашего мнѣнія о Еленѣ Ивановнѣ.

— Неужели?

— Да; а, кажется, онъ человѣкъ логичный... и мы съ вами имѣемъ претензію быть логичными. Недавно, какъ-то, онъ говорилъ о ней. Онъ не любитъ самого Оршевскаго, говоритъ, что это человѣкъ пустой, дурной мужъ, дурной семьянинъ, слѣдовательно, жена, которой онъ такъ много обязанъ, которая ни въ чемъ ему не противорѣчитъ...

— Примѣрная жена, между тѣмъ какъ моя оставляетъ меня безъ чаю, сказалъ Ливинскій, войдя незамѣченный и обнявъ жену. — Мнѣ даже стало страшно одному въ кабинетѣ, а они сидятъ тутъ и не вспомнятъ. О чемъ толкъ, моя вѣчная оппозиція?

— О васъ и о Еленѣ Ивановнѣ Оршевской, отвѣчалъ Нестоевъ.

— Лиза меня ревнуетъ къ ней, сказалъ Ливинскій, садясь въ кресло, которое подкатила ему жена: — ее нечего и спрашивать: судья пристрастный. А вы что скажете?

— То, что не могу согласиться съ вами, если вы находите что нибудь хорошее въ Еленѣ Ивановнѣ.

— Только не насмѣшничайте и не злословьте.

— А ты никогда не слышишь, что говорится о ней въ обществѣ, слѣдовательно, не можешь выводить заключенія, прибавила Лизавета Васильевна.

— Не ты ли избаловала меня тѣмъ, что не злословишь? спросилъ Ливинскій.

— Можетъ быть, и я.

— Она не примѣрная жена, продолжалъ Нестоевъ: — потому что не умѣла заставить мужа вести свои дѣла и жизнь, какъ слѣдуетъ...

— О, какой вопросъ, чисто современный — вліяніе женщины въ семействѣ! Ну, а что, вотъ, если и она вздумаетъ мѣшаться въ мои дѣла?

— Не шути этимъ, сказала Лизавета Васильевна:—это очень важно.

— Очень важно, въ самомъ дѣлѣ, и я не шутя говорю, что едва ли не единственная забота женщины должна быть — дѣти...

— А ея дочь!.. вскричалъ Нестоевъ.

— О нихъ Елена Ивановна никогда не заботилась, прервала его Лизавета Васильевна.

— Да вы-то почему-жъ это знаете? спросилъ Ливинскій. — Всѣ дѣйствія, вся жизнь Елены Ивановны заключены въ тѣсномъ кругу, внутри ея дома: посторонніе ихъ не видятъ и судить не могутъ.

— Ты одинъ не видишь ихъ, прервала жена.

— Это правда, сказалъ съ жаромъ Нестоевъ.— Повѣрьте тѣмъ, кто знаетъ ее короче. Для васъ Елена Ивановна окружена какимъ-то почтеніемъ за ея преувеличенныя убѣжденія, какимъ-то величіемъ — почему я знаю?.. но еслибъ вы знали вблизи...

— Ну, Богъ съ нею! прервалъ Ливинскій: — вы оба за что-то злы на нее. Есть о чемъ толковать и портить вечеръ споромъ!

Вы молоды, а какъ состарѣетесь, такъ оцѣните лучше Елену Ивановну. Какое терпѣніе, какая снисходительность!

— Будь снисходителенъ самъ, сказала Лизавета Васильевна.—Посмотри, ночь темная, того и гляди дождь... позволь Григорью Петровичу остаться и ѣхать на другой день праздника.

— Ну, можно ли придумать такой вздоръ и еще говорить его въ глаза человѣку? Ты сконфузила Григорья Петровича. Развѣ, еслибъ не необходимость, я бы послалъ его въ такое время? Дѣла не терпятъ, душа моя. Тамъ полслободы сгорѣло; всякій перекрестится, какъ Григорій Петровичъ привезетъ вспомоществованіе: будетъ чѣмъ разговѣться—такъ ли?

— Правда, тихо отвѣчала она.

— Славно вамъ будетъ переѣзжать рѣку, продолжалъ Ливинскій, обращаясь къ Нестоеву:—тепло, тихо.

— Зато какъ темно, сказала молодая женщина, прислонивъ лицо къ окну.

Нестоевъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Я велю зажечь фонари на лодкѣ, сказалъ онъ: — опасности нѣтъ никакой; ледъ ужъ прошелъ. Вы сами скоро прокатитесь по разливу на праздникъ въ Асташево.

— На праздникъ? повторилъ Ливинскій.— Нѣтъ, ужъ безъ васъ ей не ѣхать. Самъ я не поѣду, а безъ васъ кому ее поручу? Напугается чего нибудь или простудится—долго ли?

— Вотъ и праздникъ!.. сказала Лизавета Васильевна жалобно, но смѣясь.

— Андрей Валерьяновичъ будетъ очень огорченъ, продолжалъ Ливинскій:—онъ такъ расшаркивался, любезничалъ, приглашалъ, а я всего его лишаю, и пѣвца, и пѣвицы... Какъ нибудь утѣшится.

— Какъ-то самъ ты утѣшишься, вскричала она весело:—когда некому будетъ пѣть для тебя? Подумалъ ли ты объ этомъ? Я не пою безъ Григорья Петровича.

— А пока, надо ѣхать, сказалъ Нестоевъ.—Иду домой, теперь уже все должно быть готово. Прощайте.

— Съ Богомъ, прощайте, мой милый. Однако, все-таки ночью осторожнѣе, не скачите сломя голову, да возьмите шубу: этотъ апрѣль подчасъ хуже зимы. Лиза, дай ему пуховый шарфикъ завязать горло, а то, чего добраго, проститесь и съ вашимъ баритономъ.

Они обнялись.

— Не забывайте меня, сказалъ тихо Нестоевъ, цѣлуя руку молодой женщины.

III.

Праздникъ Андрея Валерьяновича, отложенный сначала за опасностью переѣзда чрезъ разливъ, потомъ за холодомъ, наконецъ былъ назначенъ во вторникъ послѣ Святой недѣли. Апрѣль былъ въ половинѣ, день былъ чудесный и разливъ во всей красѣ разстилался голубой полосой отъ крутого берега, на которомъ стоитъ N*, до другихъ, болѣе отлогихъ береговъ, гдѣ начинали зеленѣть рощи. Асташево, село, куда назначено было ѣхать, рисовалось въ голубой дали съ своимъ бѣлымъ господскимъ домомъ, отражаясь въ водѣ блѣднорозовыми и блѣдными полосами. Видъ, утро—все было восхитительно, и Андрей Валерьяновичъ, вставшій съ зарею, уже не разъ любовался всѣмъ этимъ.

Объ этомъ праздникѣ говорили давно, а ожиданіе, какъ извѣстно, дѣлаетъ людей взыскательнѣе. Андрей Валерьяновичъ зналъ это, и потому безпокоился вдвое. Продажа имѣнія, неожиданно поразившая его среди сборовъ и приготовленій, еще болѣе подвинула его одушевиться и принять всѣ мѣры, чтобъ посторонніе не могли замѣтить никакихъ упущеній, которыя можно было-бъ приписать или недостатку мужества распорядителя, или недостатку его средствъ. Одна мысль о возможности подобнаго предположенія волновала Андрея Валерьяновича до глубины души, и потому онъ прибавилъ къ программѣ праздника небольшой фейерверкъ на водѣ, который долженъ былъ освѣщать гостямъ ихъ возвратный путь въ городъ. На душѣ у Андрея Валерьяновича было очень невесело. Ему случалось бывать въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, но еще никогда эти обстоятельства не приходили такъ неожиданно и не бывали такъ непріятны. Продажа деревни повлекла за собою множество разныхъ счетовъ, переписки, требованій; она какъ будто разбудила многихъ кредиторовъ, казалось, уснувшихъ навѣчно; даже городскіе купцы, всегда очень обязательно отпускавшіе «на счетъ» Андрею Валерьяновичу, осмѣлились прислать своихъ приказчиковъ навѣдаться, не заплатятъ ли чего нибудь. Андрей Валерьяновичъ былъ спокоенъ только первые три дня праздника, когда весь этотъ народъ еще не принимается за дѣла; но съ четверга, будто боясь опоздать, его начали осаждать посланные, одинъ за другимъ. Очень часто сталкивались они въ его передней съ мастеровыми, рабочими и прислугой изъ Асташева, и распоряженія

праздника шли вмѣстѣ съ отпускомъ кредиторовъ, иногда не весьма миролюбивымъ. Андрей Валерьяновичъ радовался своему празднику, который доставлялъ ему отговорку, что ему некогда, и давалъ ему нѣсколько отдохнуть нравственно отъ всѣхъ этихъ мученій. Какъ любитель и художникъ, онъ забывался въ своемъ дѣлѣ.

Какъ человѣкъ предусмотрительный, онъ успѣлъ въ первые три свободные дня сдѣлать довольно большой заемъ у одного почтеннаго человѣка за огромные проценты, удвоенные на этотъ разъ, потому что Андрей Валерьяновичъ не могъ дать въ закладъ свое серебро, необходимое для праздника. Елена Ивановна ничего не знала и ни во что не вмѣшивалась. Она рѣшилась въ горести провести эти дни и проводила ихъ, не выходя изъ дома; она читала, сидя въ своей комнатѣ, между тѣмъ какъ Пелагея Михайловна въ своей разбирала свой гардеробъ и вещи, повѣряя горничную, которая должна была ее оставить и отправиться въ Высокое. Перемѣна прислуги очень озабочивала Елену Ивановну, хотя Андрей Валерьяновичъ рѣшительно взялъ на себя эту заботу. Елена Ивановна вопросительно взглядывала на всякое, вновь появлявшееся лицо и молчала. Она не желала никого видѣть и потому отказывала всѣмъ, кто пріѣзжалъ съ визитами. Андрей Валерьяновичъ потребовалъ, чтобъ хоть Марья Андреевна ѣхала дѣлать визиты, если отказалась отъ этого Елена Ивановна, и Марью Андреевну отправили съ госпожею Хлоповой, особою, до того извѣстной строгостью своихъ правилъ, до того почтенной и почитаемой, что когда ея карета являлась у чьего нибудь подъѣзда, тѣ, кого она осчастливила своимъ посѣщеніемъ, спѣшили приказывать не принимать ее, «чтобъ не обезпокоить». Прокатившись съ нею по городу, объѣхавъ всѣхъ знакомыхъ, Марья Андреевна не видала никого, кромѣ умиравшей княгини Десятовой, у постели которой сильная духомъ и милосердая Александра Петровна Хлопова излила нѣсколько утѣшеній, а Марья Андреевна отдохнула отъ нестерпимаго, тряскаго экипажа своей спутницы. Она возвратилась домой усталая и не только безъ впечатлѣній, но неспособная ни къ какому впечатлѣнію. Ливинская, помня обѣщаніе, данное Нестоеву, прислала ей премилую записку, приглашая взять ее съ собой на балъ въ собраніе. Марья Андреевна подумала, что некого видѣть на этомъ балѣ и отказалась. Чрезъ день Ливинская заѣхала сама и звала ее къ себѣ на цѣлый день, но Елена Ивановна, появившись внезапно въ гостиной, очень холодно сказала, безъ дальнѣйшихъ объясненій, что это невозможно.

— Почему невозможно? тихо спросила молодая женщина у Марьи Андреевны: — мы прекрасно провели бы день, какъ хотите, вдвоемъ, или я пригласила бы кого вы захотѣли. Занялись бы музыкой, еслибъ вамъ это вздумалось...

— Моя дочь привыкла заниматься музыкой одна, возразила Елена Ивановна, одаренная необыкновенною способностью слышать то, что говорилось тихо, и придавая своимъ словамъ такое значеніе, что Ливинская почти смутилась.

Однако, испугавшись на минуту грозной Елены Ивановны, Ливинская подумала, что должна побѣдить свой страхъ, и стала уговаривать уже не дочь, а мать, употребляя для этого всю свою доброту и терпѣніе, даже ласки, почти дѣтскія. Ничто не помогло. Елена Ивановна поднялась съ мѣста, нѣсколько покраснѣвъ.

— Если она хочетъ ѣхать съ вами, пусть ѣдетъ, проговорила она, удаляясь изъ комнаты.

— Поѣдемте, сказала Ливинская, обнявъ Марью Андреевну.

— Нѣтъ, отвѣчала она, скрывая волненіе.

Марья Андреевна не успѣла еще возвратиться въ гостиную, проводивъ ее, какъ услышала громкій разговоръ двухъ пріятельницъ:

— Зоветъ акомпанировать, чтобъ не забыть своихъ арій къ пріѣзду Нестоева, говорила Пелагея Михайловна.

— Давно ли у васъ явилась такая дружба съ этой особой? спросила Елена Ивановна у Марьи Андреевны:—она тебя впутаетъ въ какую нибудь исторію—ничего больше.

— Отъ меня самой зависитъ впутываться въ исторіи, возразила Марья Андреевна.

— Какъ это такъ?

— Если я захочу этого сама. Кто же осмѣлится меня запутывать? Я свободна.

— Мы это знаемъ.

— И во что можетъ меня запутать такая прекрасная женщина, какъ Ливинская?

— Боже мой, дружитесь съ ней сколько угодно, я не мѣшаю! Прикажите заложить карету, скачите вслѣдъ за нею...

Возвратясь съ какого нибудь гулянья или на другой день бала, Андрей Валерьяновичъ съ удивленіемъ спрашивалъ Марью Андреевну: «Ты не была тамъ?» и получивъ въ

отвѣтъ довольно странное: «нѣтъ», отвѣчалъ другимъ, еще болѣе страннымъ вопросомъ:—«почему же?» на который разсѣянно не дожидался отвѣта. Андрей Валерьяновичъ зналъ, что жена его не намѣрена, по словамъ ея, «показывать глазъ на эти безумства», но все думалъ, что это какъ нибудь можетъ устроиться; неподвижность этихъ женскихъ характеровъ его удивляла...

Утромъ въ день своего праздника, возвратясь съ берега, гдѣ послѣднiй разъ осмотрѣлъ лодки и отдалъ послѣднія приказанія, Андрей Валерьяновичъ позволилъ себѣ немного отдохнуть, прилегъ на диванъ въ своемъ кабинетѣ и спросилъ чаю. Онъ очень удивился, когда, вслѣдъ за его приказаніемъ, вошелъ Александръ, необыкновенно оживленный.

— Здравствуйте и позвольте курить, сказалъ Александръ, бросаясь въ кресло.

— Что съ тобой сдѣлалось? что ты вскочилъ такъ рано? едва десять часовъ, спросилъ Андрей Валерьяновичъ.

Александръ самодовольно улыбнулся и зажигалъ сигару, между тѣмъ какъ выходящій камердинеръ затворялъ двери.

— Въ которомъ часу изволили вчера возвратиться домой? спросилъ отецъ.

— Въ два, отвѣчалъ сынъ, усаживаясь покойнѣе.

— Гдѣ-жъ вы были?

— А я еще вчера думалъ, что вы не повѣрите, когда я скажу вамъ: у Артеминой.

— Что-жъ тутъ невѣроятнаго? Кто еще былъ у нея?

— Никого; я одинъ.

— Одинъ?

— Да. Пріѣзжаю и застаю ее не въ духѣ, одну. Мы стали спорить, смѣяться. Я говорю ей: «Подарите этотъ вечеръ мнѣ одному; не принимайте никого».—«Что-жъ, вы думаете, я этого не сдѣлаю?» говоритъ она. «Не сдѣлаете».—«Сдѣлаю!» Звонитъ и отдаетъ приказъ: — «Кто бы ни пріѣхалъ — меня дома нѣтъ!» Я говорю: прекрасно; но только мы усѣлись и подали намъ чай...

— Не хочешь ли теперь чаю? прервалъ Андрей Валерьяновичъ съ небольшой ироніей, находя, что разсказъ Александра не такъ занимателенъ, чтобъ можно было увлекаться, слушая его.

— Нѣтъ, благодарю. Только что мы усѣлись, вдругъ, приходятъ доложить: пріѣхала старая эта... ну, Деревская. Приходитъ иногда на умъ этимъ барынямъ, что ихъ нужно гдѣ нибудь! вздумалось «посидѣть вечерокъ...» Я кричу: «гоните ее!» Евгенія Михайловна хохочетъ. Отказали старухѣ. Она, я думаю, поѣхала въ десяти домахъ звонить, что ее не приняли, когда я тамъ сижу... Какъ мы смѣялись съ Евгеніей Михайловной!

— Я не ожидалъ подобнаго дурачества отъ умной женщины, замѣтилъ Андрей Валерьяновичъ, видимо недовольный.—И съ чего допускать, чтобъ о насъ говорили дурно?..

Александръ разсмѣялся, но скрылъ свой смѣхъ, взявъ въ зубы сигару, и продолжалъ беззаботно...

— Благоразуміе, наконецъ, надоѣло. Заботиться еще, что скажетъ m-me Деревская! Что ей угодно? Мы пріятно провели нашъ вечеръ, говорили, шумѣли, спорили и не видали времени. Жизнь должна идти такъ. Оттого и нѣтъ оживленія у нашей молодежи, что мы все разсчитываемъ, да обсуждаемъ...

Андрей Валерьяновичъ слушалъ свою собственную мораль, будто чужую, недовѣрчиво и грустно.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, премиленькая, преигривая женщина, продолжалъ Александръ:—немножко зла, но съ ней весело. Мы раза два въ вечеръ съ ней ссорились и мирились...

— За что-жъ? спросилъ Андрей Валерьяновичъ, покоряясь судьбѣ, которая давала ему роль повѣреннаго.

— Такъ, ни за что... Надо ужъ сказать вамъ. Напримѣръ, споръ зашелъ о томъ, что на ней были алые браслеты изъ лентъ. Я говорю, что къ блондинкѣ это нейдетъ. Она говоритъ:—«Вы хотите сказать, что я рыжа?»—«Я не хочу ничего сказать: я хочу, чтобъ вы сняли эти браслеты».—«Нѣтъ!» Наконецъ, мнѣ удалось: я схватилъ одинъ изъ нихъ и спряталъ. Прощаясь, она принимается просить:—«Отдайте!»—«Ни за что. Allons, Оршевскій, vous êtes fou, и убирайтесь, вы мнѣ надоѣли». Я уѣхалъ. Сейчасъ, едва просыпаюсь, мнѣ подаютъ (чѣмъ-свѣтъ принесли отъ нея; видно, она велѣла съ вечера) другой браслетъ—вотъ онъ, и записка.

Александръ развернулъ маленькую бумажку, запечатанную облаткой, въ видѣ розы.

«Возьмите себѣ оба».—Какъ это понять, досада или благосклонность? Я не дамъ ей покоя сегодня, весь день. Я чувствую себя въ духѣ. Отправлюсь къ ней предъ отъѣздомъ въ Асташево, сяду подлѣ нея въ лодку, словомъ, буду вездѣ, какъ тѣнь за нею...

По свойственной ему беззаботности, Александръ не замѣтилъ драмы, которая совер-

шалась предъ нимъ въ эту минуту. Какая-то безотчетная, нѣсколько мечтательная грусть набѣжала въ сердцѣ Андрея Валерьяновича; эта грусть заставила его смутно припомнить прошлое, пожалѣть, съ чѣмъ-то проститься, отказаться отъ чего-то, и наконецъ, съ нѣкоторымъ усиліемъ снисходительно взглянуть на молодого человѣка, представителя новаго поколѣнія; этого поколѣнія, которое вытѣсняетъ старое безъ заботы, безъ мысли,что и тому бывало весело когда-то, и еще хочется веселья теперь... Глядя на сына, Андрей Валерьяновичъ простился съ своимъ прошедшимъ. Эта минута напомнила ему другую, подобную ей минуту, въ которую онъ рѣшился вывезти въ свѣтъ свою дочь; но настоящая была тяжелѣе. Она пришла неожиданно и требовала жертвы болѣе полной. Она напомнила о благоразумныхъ разсчетахъ, о необходимости устроиться и жить на свѣтѣ, уже не весело, но покойно... Продажа Березовки, неизбѣжная, столь же вѣрная въ будущемъ, какъ настоящая продажа Высокаго, явилась Андрею Валерьяновичу со всѣми своими ужасами, и онъ рѣшился отказаться отъ всего, что еще такъ жарко и пріятно волновало его сердце...

— Помилуй, сумасшедшій, сказалъ онъ серьезно и вмѣстѣ добродушно:—ты что-жъ намѣренъ дѣлать?

— Влюбиться въ Артемину и жить весело, отвѣчалъ Александръ очень развязно.

— И только?

— Что-жъ еще? День мой—вѣкъ мой.

Des jours charmants la perte est seule à craindre,
Fêtez les bien, c'est un orde des cieux...

— Полно дурачиться! прервалъ Андрей Валерьяновичъ, потому что Александръ былъ готовъ распѣться надолго, играя алыми браслетами m-me Артеминой: — хорошо, что есть люди, которые за тебя думаютъ...

— Кто за меня думаетъ?

— Ты до сихъ поръ не замѣчалъ этого?.. Пора быть умнѣе. Что кутить очертя голову? Влюби въ себя вдовушку и женись.

— Жениться? сказалъ Александръ, роняя браслеты:—на комъ?

— На Артеминой.

— Вотъ вздоръ! Я не хочу жениться, ни за что не хочу, повторилъ Александръ, схвативъ свою сигару:—ни за что! Мое почтеніе, и не говорите мнѣ!

— Ты знаешь, какъ она богата?

— Что-жъ мнѣ? Господь съ ней, пусть будетъ богата. Она мнѣ не столько нравится. Она бѣлится—вы это, я думаю, сами замѣтили. Что же мнѣ, продать себя? Это называется продать себя. Мы знаемъ, видимъ примѣры, что такое эти женитьбы по разсчету...

— Ты много видѣлъ женитьбъ по любви? сказалъ Андрей Валерьяновичъ спокойно, между тѣмъ какъ сверкнувшій взоръ обнаружилъ, какъ затронуло его замѣчаніе сына.

— Я не знаю... На это нужно характеръ. Прежде, можетъ быть, бывали такіе характеры, а въ наше время ни одинъ молодой человѣкъ...

— Слушай, прервалъ Андрей Валерьяновичъ, заставляя его сѣсть:—я съ тобой говорю не какъ съ мальчикомъ, а какъ съ взрослымъ. У тебя нѣтъ ничего. Не позже, какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, продается еще деревня, и вы съ сестрой останетесь при заложенныхъ восьмидесяти душахъ...

—Отъ пятисотъ! вскричалъ Александръ:—славно!..

— Я говорю съ тобой въ первый разъ въ жизни, продолжалъ отецъ нѣсколько строго, хотя голосъ его прерывался:—мнѣ не легко это говорить. Ты служить не можешь—какой ты служака? Ты не можешь ничѣмъ заняться. Тебѣ нуженъ покой, все готовое. Можешь ли ты обойтись безъ экипажа, безъ гаванскихъ сигаръ, безъ игры? Что за радость угощаться на чужой счетъ, выносить эти мелочи?.. Ты никогда ихъ не выносилъ. Ты видалъ браки по разсчету, а видалъ ты разорившихся молодыхъ людей, которыхъ прежніе пріятели не узнаютъ на улицахъ? Ты что издерживаешь на однѣ перчатки? Много ли ты заплатилъ за свои дрожки передъ Святой? Говоришь, что на старыхъ невозможно было показаться, а не хочешь ли Ваньку-извозчика или галоши съ зонтикомъ подъ дождь? Ты себѣ выписалъ два пальто; у тебя въ кабинетѣ одной бронзы...

— Отъ пятисотъ душъ можно было имѣть и больше, прервалъ Александръ холодно и серьезно.

— Ну, я виноватъ! вскричалъ Андрей Валерьяновичъ съ злостью и отчаяніемъ: — я виноватъ, я разорилъ васъ! Да чего же вы отъ меня хотите? Что я, для какой радости затѣялъ этотъ праздникъ, для себя, что ли? Что я ухаживаю за Артеминой, расшаркиваюсь, въ самомъ дѣлѣ? Развѣ я слѣпъ или такъ глупъ, что не разсчитываю, не вижу? Я давно знаю, что она влюблена въ тебя: надо же какъ нибудь сладить; какъ нибудь надо поправить дѣло. Пользуйся случаемъ: женись и живи...

— Изъ-подъ рукъ у жены.

— Ты будешь пошлый дуракъ, если это допустишь. Она не умна и кокетка, не понимаетъ дѣла; ей только бы веселиться. Можно жить прелестно. У ней нѣтъ деревень, глупости этой; капиталъ чистенькій, въ ломбардѣ. Не достало процентовъ — сдѣлай маленькую спекуляцію. Домъ можно убрать какъ игрушку. Экипажъ, лошади—все свое. Вечера свои, разъ въ недѣлю. И не думай о столицахъ, гдѣ тебя никто не знаетъ; живи здѣсь на зло всѣмъ. Ты думаешь, весь этотъ здѣшній народъ, безъ копѣйки въ карманѣ, даромъ что горды, Ардабьевъ, Бѣлягинъ, не рады были бы на ней жениться? Пожалуй, закричатъ, что это разсчетъ; а спроси каждаго по совѣсти...

— По совѣсти, ни у кого нѣтъ ничего, сказалъ Александръ въ раздумьи.

— И какой же разсчетъ, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ:—положимъ, она богата, но ей двадцать пять лѣтъ и она хорошенькая. На эту женитьбу нельзя указывать пальцами... Право, рѣшись и дѣйствуй, а я тебя благословляю. Неужели ты предполагаешь во мнѣ мелочность, что меня самого веселятъ эти затѣи, катанья, балы, вотъ нынѣшній асташевскій праздникъ? Съ горемъ пополамъ, Алекскадръ, право, душа моя! Говорю тебѣ, какъ другу—ты ужъ годишься мнѣ въ друзья — гроша нѣтъ а рискуешь, разсчитываешь! Что-жъ биться-то и ничѣмъ кончить? Думай-ка. Что-жъ? Право, покуда еще не развѣдали, что намъ приходится плохо, да не пришло еще хуже, успѣй, извернись... Такъ, что ли?

Александръ молчалъ. Это было не его обыкновенное, апатическое раздумье, а что-то вмѣстѣ и сонное, и грустное, и раздосадованное. Онъ началъ насвистывать какую-то польку на цыганскій мотивъ, поглядывая на свои длинные ногти.

— Эхъ!... сказалъ онъ наконецъ, бросая на полъ потухшую сигару:—скверно, и впереди не жди лучше...

— Успокой мать, сказалъ Андрей Валерьяновичъ тихо.

Александръ улыбнулся и не отвѣчалъ.

— Что-жъ срамиться-то? жизнь еще долга, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ: — куда ты дѣнешься и куда годишься? Вѣдь петли на шею не надѣнешь. Хуже бываетъ, а недостаетъ этой рѣшимости. А такъ шататься по-бѣлу свѣту...

Дверь кабинета слегка заскрипѣла. Елена Ивановна, вѣроятно, безпокоясь о здоровьѣ своего супруга, приложила глазъ къ замочной скважинѣ. Андрей Валерьяновичъ зналъ эту привычку и, кашлянувъ, чтобъ дать заботливой супругѣ время отойти, всталъ и отворилъ двери.

— Вы здѣсь! сказалъ онъ, будто удивленный: — а я шелъ за вами. Подите къ намъ на совѣтъ.

Елена Ивановна вошла осторожно, какъ особа, не желающая пробыть долго тамъ, куда ее приглашали.

— Что такое? спросила она.

Александръ молча поцѣловалъ ея руку и сѣлъ. Отецъ затворилъ двери.

— Вотъ что, сказалъ онъ, развязно возвращаясь къ дивану. — Присядьте, потолкуемъ. Пора намъ женить этого молодца.

— Такъ что-жъ? сказала Елена Ивановна.

— Знаете ли на комъ? Онъ вамъ не говорилъ, не признавался? Влюбленъ безъ памяти. Евгенія Михайловна Артемина. Она была съ визитомъ на Святой.

— Я никого не принимала, грустно отвѣчала Елена Ивановна.

— Не до того намъ было съ вами, другъ мой, сказалъ съ чувствомъ Андрей Валерьяновичъ:—но... дастъ Богъ, поправимся. Сынъ насъ успокоитъ подъ старость, утѣшитъ.

—Пусть думаетъ о себѣ, возразила Елена Ивановна:—обо мнѣ ему нечего заботиться. Я ихъ давно разрѣшила отъ этой обязанности.

— Ея покойный мужъ, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ея расположенія духа:—ея покойный мужъ, чтобъ избавить ее отъ процессовъ, обратилъ въ деньги все свое состояніе и оставилъ ей. Состояніе было огромное — до полумилліона. Александръ, какъ говорилъ Нестоевъ?..

— Нестоевъ ничего не говорилъ, отвѣчалъ Александръ неохотно, не умѣя увлекаться такъ скоро, какъ его батюшка.

— Кажется, надежды необманчивы, заключилъ весело Андрей Валерьяновичъ.

— Надежды на состояніе жены никогда не обманчивы, произнесла Елена Ивановна, въ видѣ сентенціи.

Потомъ, видя, что ей не расположены возражать, а дожидаются ея рѣшенія, она продолжала.

— Я ничего не могу сказать. Я не знаю этой Артеминой. Говорятъ, она свѣтская женщина. Этихъ свѣтскихъ женщинъ нынче не разберешь, что онѣ такое.

— Для васъ она будетъ всегда только почтительной дочерью, сказалъ Андрей Валерьяновичъ.

— Мнѣ ничего не нужно, отвѣчала Елена

Ивановна, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отклоняя его вмѣшательство и обращаясь къ Александру:—что дадутъ мнѣ, то я и приму. Думай ты самъ, какъ прожить вѣкъ съ своей женою. Что спрашивать моего совѣта, когда я о ней понятія не имѣю? Сведетъ ли она тебя съума своимъ кокетствомъ или ты пойдешь къ ней въ приказчики — какъ самъ знаешь, твое дѣло. Я скажу только, какъ отецъ: пора подумать, чтобъ не остаться безъ пристанища.

— Я тоже это говорю, сказалъ Андрей Валерьяновичъ.

— Я не знаю, что вы говорили. По моему, тяжкій грѣхъ брать жену за ея деньги — вотъ я что говорю. Сребролюбіе гибельно. Но если ужъ случилось, что ты ее полюбилъ и она тебя, я скажу: благодареніе Богу, что Онъ спасаетъ насъ отъ нищенства. Ты матери своей не забудешь.

Александръ никакъ не ожидалъ, что исторія алыхъ браслетъ будетъ имѣть такую торжественно-умилительную развязку. Ему стало скучно до послѣдней крайности.

— Двѣнадцать часовъ, сказалъ онъ, взглянувъ на часы.

— А, пора! вскричалъ Андрей Валерьяновичъ, вставая, столько же довольный, сколько и сынъ, что можно кончить эту сцену.— Потолкуемъ послѣ. Теперь за дѣло... Другъ мой, позвольте мнѣ одѣться. Видите ли, къ чему нибудь ведетъ и эта суета: не будь баловъ и праздниковъ, Артемина не узнала бы Александра...

Александръ уже исчезъ изъ комнаты.

— Суета эта ведетъ къ разоренію и умноженію тягости обязанностей дѣтей вашихъ передъ вами, сказала Елена Ивановна, выходя.

— Скажите Маrіе, чтобъ она была готова: за ней заѣдетъ въ часъ m-me Шабарова, закричалъ Андрей Валерьяновичъ ей вслѣдъ.

М-me Шабарова была одна изъ аристократокъ города, которую Андрей Валерьяновичъ просилъ «за болѣзнью жены» быть хозяйкой его праздника и принять дочь его подъ свое покровительство.

Оставшись одна, Елена Ивановна позволила просіять своему лицу и даже улыбнулась. Она позволила себѣ подумать, что женить сына на богатой вдовѣ нисколько не тяжкій грѣхъ, а, напротивъ, дай Богъ, чтобъ такъ случилось. Презрѣнны блага земныя, но ужъ какъ слабъ человѣкъ, что не можетъ не желать ихъ! таковъ онъ созданъ, и не его дѣло разбирать, почему въ немъ это желаніе и почему онъ его укротить не можетъ... Еслибъ кто другой осмѣлился, въ другое время, выразить эти мысли передъ Еленой Ивановна, она не простила бы ихъ.

Въ настоящую минуту она рѣшилась даже не сообщать ихъ своей пріятельницѣ, на скромность которой не надѣялась. Елена Ивановна уважала старинное правило: молчать о свадьбахъ, которыя ладятся, чтобъ какъ нибудь ихъ не разстроить. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобъ она молчала всегда; движимая благороднымъ желаніемъ сказать правду о человѣкѣ, она нерѣдко высказывала свои мнѣнія, и потомъ, когда разстроивалась свадьба, говорила только: «Я долгъ мой исполнила; почему же я знала, что тамъ ладилось? и чѣмъ меньше этого безумія — браковъ, тѣмъ лучше».

Марья Андреевна была очень удивлена, когда, совершенно противъ своего обыкновенія, Елена Ивановна вошла въ ея комнату, сѣла и присутствовала при ея туалетѣ. Пріятная мысль, занимавшая почтенную даму, заставляла ее забывать ея обыкновенныя мысли о безполезности, о тщетѣ выѣздовъ, объ издержкахъ, и вѣчную, горькую и нѣсколько злую мысль, что Марья Андреевна стоитъ уже восьмилѣтнихъ напрасныхъ издержекъ.

— Пора замужъ, Машенька, сказала она почти шутливо, когда молодая дѣвушка, отойдя отъ зеркала, стала передъ нею.

Марья Андреевна была удивительно хороша въ эту минуту. У женщинъ бываютъ минуты, когда ихъ особенно краситъ нарядъ. На ней было голубое шелковое закрытое платье; отъ яркаго цвѣта еще больше выдавалась нѣжная бѣлизна ея лица и блескъ черныхъ волосъ: она казалась еще стройнѣе и еще выше ростомъ.

— Подойди ко мнѣ поближе, продолжала Елена Ивановна:—ловко сшито. Славная матерія!

Марья Андреевна поцѣловала ея руки; она была изумлена и обрадована тѣмъ, что мать, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вздумала обратить вниманіе на ея нарядъ.

— Теперь я буду любить это платье, маменька, сказала она.

— Очень хорошее платье. Не наклоняйся: спутаешь волосы. Что это у тебя, или сѣдые?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Марья Андреевна, смѣясь.

Она была растрогана и какъ-то странно счастлива. Елена Ивановна продолжала всматриваться въ нее:

— Точно отецъ!.. сказала она вдругъ съ почти презрительной усмѣшкой. — Знаешь, я давно тебя такъ не видала: какъ ты перемѣнилась!.. Боже мой, Боже мой! какъ коротка человѣческая молодость! Гдѣ свѣжесть, нѣжность? Самое выраженіе лица измѣняется, взглядъ становится какой-то странный; всѣ черты рѣзки. Мудрено въ двадцать пять лѣтъ кому нибудь понравиться.

Говоря о женской красотѣ, Елена Ивановна всегда помнила, что красота человѣческая есть вообще прахъ и тлѣніе и разсуждала объ этомъ предметѣ со всей силой чувства и выраженія безобразной дѣвицы, очень поздно вышедшей замужъ. Невѣроятно, какое наслажденіе находила она, толкуя Марьѣ Андреевнѣ, сколько и какъ она подурнѣла, можетъ быть, наслажденіе, что ее слушали, не возражая. Елена Ивановна знала, что возраженія были бы смѣшны, и все-таки готовилась прервать молчаніе дочери вопросомъ: не обидѣлась ли она ея замѣчаніемъ? Марья Андреевна прервала ее сама:

— Что-жъ дѣлать, сказала она, оглянувшись въ зеркало, гдѣ отразилось ея печальное лицо. — Время прошло, милая маменька: никто не любилъ меня, пусть и не полюбитъ больше; теперь я сама любить не могу.

Елена Ивановна поднялась съ своего мѣста.

— Извини, я не предполагала, что всякій пустой разговоръ можетъ тебя разстроить.

— Ничего, увѣряю васъ, кротко отвѣчала Марья Андреевна:—что же дѣлать...

И ей такъ живо вспомнился Нестоевъ и невозможность счастья, что нужна была вся ея привычка, чтобъ удержаться отъ слезъ.

Къ счастью, пришли сказать въ эту минуту, что пріѣхала m-me Шабарова.

Взволновавшись сначала, Андрей Валерьяновичъ благоразумно успокоился потомъ и разсчелъ, что предоставить сыну жениться на Артеминой еще не значитъ отречься отъ свѣта, молодости и ихъ удовольствій. Сынъ самъ по себѣ, а жизнь сама по себѣ. И еще лучше: Александръ доставлялъ только заботу; теперь онъ можетъ доставлять средства дожить вѣкъ пріятно. Благородная гордость Андрея Валерьяновича возмущалась при этой натуральной и совершенно невольной мысли; но онъ скоро образумилъ эту благородную гордость новымъ размышленіемъ: «Что же особеннаго, если милая, умная женщина, входя въ семью, доставитъ человѣку, ей преданному, возможность жить порядочно, какъ онъ привыкъ? Что тутъ предосудительнаго и изъ чего возмущаться?.. А въ настоящемъ случаѣ, изъ чего превращать этотъ веселый праздникъ во что-то заботливо патріархальное, скучное и пошлое, какъ сватанье? Изъ чего уступать Александру честь этого дня, дня, стоившаго многихъ нравственныхъ и физическихъ страданій? Пусть Александръ любезничаетъ и волочится какъ знаетъ, Андрей Валерьяновичъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ и долженъ быть: душой общества, образцомъ свѣтскости, изящнымъ остаткомъ прежняго поколѣнія, оживленнаго и чувствительнаго, укоромъ нынѣшней молодежи, зѣвающей и наводящей зѣвоту... Онъ отказался было отъ роли соперника для другой, болѣе серьезной роли; но серьезное никогда не удается съ женщинами, а лучше всего, благоразумнѣе и пріятнѣе остаться самимъ собою...»

Пока Андрей Валерьяновичъ утѣшалъ себя этими размышленіями, отправляя послѣдній транспортъ конфектъ и фруктовъ въ въ Асташево, Александръ ѣхалъ къ Артеминой. Его утренніе восторги очень охладѣли; онъ опять скучалъ. Ему стала какъ будто не по душѣ женщина съ той минуты, какъ ему сказали: «женись на ней», хотя теперь онъ разбиралъ ея душевныя достоинства не болѣе того, сколько разбиралъ прежде, то есть нисколько. Ему стало вдругъ жаль своей свободы, хотя и прежде и теперь, среди сожалѣній, онъ самъ не зналъ, что дѣлать съ этой свободой. Онъ вдругъ вспомнилъ множество фразъ о безкорыстіи—все, что пишутъ о немъ, все, что кричатъ молодые люди, и ему стало какъ-то совѣстно... хотя въ то же время онъ не покраснѣлъ, какъ не краснѣлъ и прежде, приказавъ кучеру остановиться у лавки, гдѣ бралъ въ долгъ, безъ малѣйшаго намѣренія когда нибудь расплатиться. Продолжая размышлять о благородствѣ, онъ отобралъ три пары перчатокъ и ушелъ, не слушая замѣчаній приказчика. У него смутно мелькнула мечта, что, женившись, можно поднять свой кредитъ, и онъ не прогналъ этой мечты, а, напротивъ, привязался къ ней и позволилъ ей умчать себя далеко...

IV.

Въ послѣднія пять или шесть лѣтъ общество города N* очень перемѣнилось. Нѣ-

которые изъ его членовъ выбыли совсѣмъ, не оставя воспоминаній, или оставивъ ихъ старожиламъ, которые какъ-то скрылись въ своихъ домахъ, предоставляя удовольствіе и значеніе тому, что называли они «новымъ поколѣніемъ».

Это поколѣніе было столько же новое, сколько обновленное; новое состояло изъ нѣсколькихъ семействъ, переѣхавшихъ въ N*, потому что отцы, или мужья, опредѣлились тамъ на службу; изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, присланныхъ тоже служить. Городъ N* обязанъ имъ своимъ измѣненіемъ. Помѣщики переѣзжаютъ въ городъ только вслѣдствіе разстройства состоянія, продажи имѣній, по необходимости; а если явятся съ семействомъ веселиться зимою, то выбираютъ всегда зиму выборовъ, что, какъ извѣстно, случается только чрезъ три года; а потому ихъ періодическое появленіе, продолжающееся не болѣе мѣсяца, не имѣетъ вліянія на нравы и обычаи общества. Вліяніе поселившихся пріѣзжихъ было сильно. Случилось, что между ними были люди съ значительнымъ состояніемъ, а мѣста, которыя они заняли по службѣ, сдѣлали ихъ значительными лицами въ городѣ. Не ѣздить къ нимъ было невозможно; ѣздить было возможно только соображаясь съ ихъ образомъ жизни и привычками; въ ихъ домахъ слѣдовало принимать ихъ тонъ; принимая ихъ у себя, было необходимо сдѣлать такъ, чтобъ имъ не казалось все странно, неловко, бѣдно послѣ ихъ собственныхъ домовъ. Переворотъ начался. Прежде законный часъ визитовъ былъ полдень: пріѣзжіе аристократы спали до полудня; многіе рѣшались дѣлать свои визиты уже пообѣдавъ; но, найдя это неудобнымъ, рѣшились перемѣнить часъ своего обѣда.

День сталъ начинаться поздно, слѣдовательно, все пошло позже. Пріѣзжія дамы одѣвались роскошно и по модѣ; девизомъ N-скихъ дамъ можно принять слова: не отставать отъ другихъ, и лавки наполнились дорогими матеріями, а модные магазины—работою. Сначала все объяснялось необходимостью; издержки сопровождались вздохами, но потомъ онѣ вошли въ привычку и привычка быстро распространилась на все общество. Она проникла даже въ самые дальніе кружки; и такъ какъ одинъ кружокъ подражалъ другому, то оригинальность исчезла. Исчезли тюрбаны съ перьями всѣхъ цвѣтовъ радуги, пастушескіе корсажи, букеты лилій изъ почтовой бумаги—все, что, лѣтъ десять назадъ, составляло наслажденіе наблюдателя на балахъ дворянскаго собранія. Все стало красивѣе, болѣе у мѣста; все стало одно и то же—и стало скучно. Наружная перемѣна произвела внутреннюю. Старики заскучали, уставая слѣдить за новизной, негодуя, что ихъ мнѣнія и понятія ужъ очень замѣтно не приходились по обществу. Старыя дамы не аристократки стали умолкать, чтобы не наговорить неловкостей (имъ иногда уже давали замѣчать, что онѣ говорили неловкости), и къ тому же, у нихъ не было блестящихъ воспоминаній, которыми онѣ могли бы занимать общество. Молодыя женщины боялись только одного: быть хуже другихъ какъ нибудь, въ чемъ нибудь, то есть, въ тонѣ и въ нарядѣ; претензій явилось больше; слѣдовательно, стало меньше короткости; дружбы еще меньше. «Хорошій тонъ» не допускалъ маленькихъ вечеровъ съ кавалерами въ сюртукахъ и четырьмя музыкантами, бродячими остатками чьего-то оркестра; но по состоянію многихъ N-скихъ дамъ были возможны только такіе вечера, слѣдовательно, вечера прекратились. Дѣвицы среднихъ кружковъ, одѣтыя изящнѣе, стали замѣтнѣе на балахъ; съ ними начали танцовать пріѣзжіе, довольно неприступные молодые люди; и хотя эти молодые люди не знакомились въ домахъ среднихъ кружковъ, но дѣвицы стали сами неприступнѣе къ своимъ прежнимъ посѣтителямъ, мелкимъ чиновникамъ, гимназистамъ на выпускѣ, молоденькимъ офицерикамъ. Вся эта молодежь, чтобъ окончательно не перестать нравиться, чтобъ доказать, что великосвѣтскій тонъ, который вдругъ такъ сдѣлался необходимъ, еще не такъ труденъ для подражанія, стала подражать блестящимъ образцамъ, которыхъ женщины ставили ей въ примѣръ довольно нецеремонно. Переворотъ начался съ фраковъ и перчатокъ, и почти остановился на этомъ: молодые люди не такъ воспріимчивы, какъ женщины; къ тому же, чтобъ усвоить себѣ изящность порядочнаго человѣка, необходимо нѣкоторое образованіе, а оно не дается подражаніемъ. Одно удалось совершенно: молодые люди всѣ вообще стали скучны.

Скука, или, вѣрнѣе, способность скучать, развивается съ каждымъ годомъ сильнѣе и замѣтнѣе. Молодежь скучаетъ—это неоспоримо, хотя можно было бы тысячу разъ спорить противъ причинъ, которыя она приводитъ своей скукѣ. «Безочарованіе»—устарѣлое, избитое слово, надъ которымъ много смѣялись и, кажется, перестали смѣяться не потому, что достаточно его опровергли, а

потому, что безочарованіе такъ привилось ко всѣмъ, что даже отняло охоту разсуждать и способность смѣяться. Молодой человѣкъ, занятый, скучаетъ, что его дѣло не то, чего бы ему хотѣлось; незанятый, — что не найдетъ дѣла по своимъ силамъ: то слишкомъ много этихъ силъ и скучно тратить ихъ на мелочи, то слишкомъ мало и скучно за что нибудь приняться. У всякой забавы виденъ конецъ—и скучно. То не стоитъ труда любить на-время, потому что хотѣлось бы любви безконечной — и душа скучаетъ, не находя такой любви; то скучно заняться любовью на-время, потому что эта пустая и глупая шутка, въ которой заранѣе знаешь начало, продолженіе и развязку. Встрѣчается ли что нибудь благородное, чистое, безкорыстное—любовь женщины, готовой жертвовать всѣмъ, даже зная, что мы недостойны этой жертвы — въ нашемъ скучающемъ сердцѣ, какъ скучная болѣзнь, отыскивается мелкая привязанность къ женщинѣ другой, пустой кокеткѣ, привязанность, отъ которой, какъ мы воображаемъ, мы не можемъ оторваться. Въ сердцѣ не можетъ найдтись горя и отчаянія, потому что не можетъ быть истинной, сильной борьбы; но въ немъ поднимается скука. Мы знаемъ, что стòимъ не участія, а сожалѣнія, но у насъ нѣтъ силъ негодовать на себя — намъ только скучно...

«Жажда знанія» стала рѣдкостью, говорятъ, будто оттого, что мы узнали тщету знанія. Мы еще завидуемъ тѣмъ въ комъ находимъ эту жажду, но завидуемъ какъ мечтательности юности, какъ невинности дѣтства, какъ чему-то невозвратному и нѣсколько смѣшному. Но эта жажда такъ благородна, что улыбнуться нельзя; можно сказать только, что скучно, смертельно скучно не находить въ безконечной душѣ своей этого безконечнаго стремленія. Мы чему-то выучились, поверхностно, и много скучали учась. Еслибъ положительная жизнь требовала больше, мы, можетъ быть, рѣшились бы доучиваться, покинувъ классную скамью, повѣряя науку опытомъ жизни, вникая въ то, надъ чѣмъ засыпала наша дѣтская голова. Но примѣры дѣйствительной жизни доказываютъ намъ, что можно прожить и безъ этого: такъ къ чему же и учиться, когда наука ни къ чему не послужитъ?..

Скука, впрочемъ, прекрасное положеніе. Она окутываетъ человѣка какой-то непроницаемостью, придаетъ его чувствамъ какой-то загадочный интересъ, конечно, на-время, пока добрые люди не разсмотрятъ, что она скрываетъ почти вообще душевную лѣнь и пустоту, пока женщины — судьи страшныя, когда доберутся до истины—пока женщины не рѣшатъ, что скучающій юноша скученъ. Конечно, и тогда остается средство гордо принять это названіе и уже не измѣнять ему ни въ какомъ случаѣ; скука тогда становится обязанностью: выказавъ хотя однажды, что тяготится ею, молодой человѣкъ выкажетъ намѣреніе сдѣлать уступку общественному мнѣнію, но теряетъ свою независимость и право на нѣсколько грозное названіе самостоятельнаго человѣка. Скука избавляетъ отъ труда говорить, отъ обязанности слушать, отъ хлопотъ замѣчать, что дѣлается кругомъ насъ. Отъ него уже не ждутъ даже любезности, не только любви или дружбы; онъ, какъ поэтъ, «живетъ одинъ», нося въ груди такую же мучительную поэзію—скуку...

Всѣ молодые люди большого N—скаго свѣта были люди болѣе или менѣе порядочные, и всѣ болѣе или менѣе скучали. Они оказывали другъ другу услуги, но друзей между ними не было; они иногда дурачились вмѣстѣ, но увлеченія не было даже и въ ихъ веселостяхъ, и, кончивъ, они расходились, какъ едва знакомые. Между ними были и люди, скучавшіе въ самомъ дѣлѣ, стоившіе участія, потому что ихъ скука происходила отъ пустоты и холодности остальныхъ, потому что хотѣлось бы пріязни, веселья, больше жизни и меньше претензій; но съ вида отличить ихъ было бы мудрено, а не высказывались они никому такъ же, какъ и другіе. Были и другіе, которые скучали отъ недостатка средствъ. Но если молодые люди съ состояніемъ иногда несносны своимъ хвастовствомъ, то молодые люди безъ состоянія очень тяжелы своей холодной осторожностью, предъ которой даже самая простая шутка кажется непростительною — такой таинственностью окружаютъ они положеніе своего кошелька. Они такъ гордо независимы, что къ нимъ не смѣетъ приступить участіе; они такъ спокойно идутъ вмѣстѣ съ другими, что обманываютъ даже друзей своихъ, если у нихъ есть люди, которыхъ они называютъ друзьями. Эти молодые люди — натуры, большею частью нѣсколько озлобленныя, сомнѣвающіяся въ очень многомъ и вѣрныя своимъ убѣжденіямъ...

Неизвѣстно, что многіе молодые люди понимаютъ подъ словомъ «убѣжденіе». Многимъ изъ нихъ весьма мало сказала наука и ничего не сказала жизнь; слѣдовательно, еще ни въ чемъ они не успѣли убѣдиться.

Какой нибудь школьный товарищъ, нѣсколько выше ихъ поставленный въ свѣтѣ, не нашелъ минуты выслушать ихъ дружескія изліянія; двѣ-три особы, къ которымъ они обратились будто бы съ любовью, посмѣялись надъ ними, можетъ быть, даже очень основательно; въ какомъ нибудь обществѣ охотнѣе говорили о медвѣжьей травлѣ, нежели о современныхъ событіяхъ; вслѣдствіе этого они перемѣнили, какъ говорятъ, свой взглядъ на людей и составили себѣ нѣкоторыя убѣжденія, отъ которыхъ не отступятъ. Они стали на этомъ словѣ и нейдутъ далѣе. Напрасно люди болѣе опытные, испытавшіе много и много испытанные, съ честью выдержавшіе борьбу жизни, станутъ имъ доказывать, что они опрометчивы въ своихъ приговорахъ, сбивчивы въ сужденіяхъ, близоруки во взглядѣ на вещи; что они обязаны больше прощать, чтобъ не потерять самимъ права на прощеніе; что они односторонни, потому что, затвердивъ одно правило, все обращаютъ къ нему и твердятъ одно и то же; напрасно, отваживаясь на неучтивость, напоминаютъ имъ, что они мало прожили и мало знаютъ; напрасно самая жизнь доказываетъ имъ это фактами: юноши съ убѣжденіями повторяютъ, что они убѣждены, въ чемъ — они сами не знаютъ. Вслѣдствіе чего они принимаются скучать и молчать, давая обществу почувствовать, что они устали, обмануты, что ихъ не поняли. Они непремѣнно недовольны удовольствіями общества, всегда находя въ нихъ что-то мелкое и неудачное. Женщины, на которыхъ они обращаютъ вниманіе, всегда аристократки общества, и, танцуя съ ними, эти молодые люди какъ будто желаютъ дать понять остальной окружающей ихъ толпѣ, что забавляются отдѣльно, не имѣя съ нею ничего общаго... Нѣсколько подобныхъ лицъ — и довольно, чтобъ общество стало неоживленно и скучно.

Къ сожалѣнію, во время этого разсказа, въ N* почти всѣ молодые люди, исключая немногихъ, были таковы или старались быть такими.

Александръ не первый явился къ m-me Артеминой: у этой дамы былъ свой дворъ, то есть нѣсколько молодыхъ людей, которые очень обидѣлись бы, еслибъ кто нибудь назвалъ ихъ поклонниками m-me Артеминой, но взяли за привычку быть вездѣ, гдѣ бывала она, проводить всякое утро у нея, сопровождать ее во всѣхъ прогулкахъ. Впрочемъ, неизвѣстно, что молодые люди называли удовольствіемъ въ обществѣ m-me Артеминой. Собираясь тамъ, они молчали, какъ и вездѣ; обязанность смѣяться была возложена на кого нибудь одного, такъ что, когда не случалось этого веселаго человѣка, никто не улыбался, считая это не своимъ дѣломъ, развѣ иронической улыбкой, съ замѣчаніемъ:

— Какъ обрадовался бы этому *такой-то*!

Четверо молодыхъ людей были въ гостиной m-me Артеминой, когда вошелъ Александръ. Подлѣ хозяйки, граціозно прижавшейся къ уголку дивана, сидѣла очень прямо другая молодая и некрасивая дама, очень замѣтно стянутая и вся въ розовомъ. По достоинству, съ которымъ она отвѣтила на поклонъ Александра, можно было заключить, и не ошибиться, что это была особа всегда уважаемая и никогда неимѣвшая успѣха въ свѣтѣ, одна изъ тѣхъ страшно-холодныхъ женщинъ, которыя даже въ первой молодости уже объясняютъ благоразуміемъ и приличіемъ свою холодность и чопорность, которыя не любятъ, дожидаясь, чтобъ ихъ прежде полюбили, которыя, участвуя въ затѣяхъ общества, даютъ понять, насколько онѣ снисходятъ... Эти особы чрезвычайно осторожны, но вмѣстѣ сильно желаютъ, чтобъ кто нибудь влюбился въ нихъ; объясненія въ любви мерещатся имъ во всякомъ словѣ молодыхъ и немолодыхъ людей; тогда онѣ спѣшатъ скорѣе защищаться, вооруженныя благоразуміемъ, приличіемъ, гордостью, и описываютъ свои побѣды или подвиги необыкновенно громкими словами. Эти дамы почти всегда дурны собою, что внутренно ихъ бѣситъ; всегда богаты, смотрятъ всегда какъ-то таинственно-гордо и учтиво-наблюдательно (за что молодые люди ихъ боятся) и одѣваются всегда съ какими нибудь особенностями (за что молодыя женщины надъ ними насмѣшничаютъ). Точно такова была гостья m-me Артеминой.

— Оршевскій, когда же, наконецъ, мы ѣдемъ? вскричала m-me Артемина, вмѣсто привѣтствія, Александру.

— Когда вамъ угодно, отвѣчалъ онъ, подходя ближе.—Прими свою особу, Лѣсичевъ.

Это замѣчаніе относилось къ молодому человѣку, сидѣвшему рядомъ съ хозяйкой въ креслѣ, гдѣ онъ расположился совершенно спокойно, заграждая собой дорогу.

— On vous remet à votre place! вскричалъ, звонко разсмѣявшись, другой, худенькій, изнѣженный и завитой молодой человѣкъ.

— Cela ne vous regarde pas, m-r Ивановъ,

гордо возразилъ Лѣсичевъ, откатываясь назадъ, съ своимъ кресломъ.

— Когда мнѣ угодно ѣхать? Мнѣ сейчасъ угодно, продолжала Артемина: — но тамъ нѣтъ никого, на берегу, спросите Варвару Васильевну.

Александръ обратился къ серьезной дамѣ.

— Effectivement, сказала она, не перемѣнивъ позы, не повернувъ головы, протяжно и необыкновенно старательно произнося весь свой отвѣтъ по-французски.—Едва пробило двѣнадцать, я поѣхала къ берегу, думала найти тамъ всѣхъ и нашла только одну m-me Топилину съ дочерьми, которыя ждали, et faisaient vraiment triste figure. Я не рѣшалась сдѣлать то же и пріѣхала ждать сюда.

— Такъ же, какъ и я, сказалъ Лѣсичевъ.

— Мы съ нимъ вмѣстѣ воротились, прибавилъ третій молодой человѣкъ, на лицѣ котораго скука принимала оттѣнокъ страданія, подходя и опираясь на кресло Лѣсичева, который откатился еще разъ.

— Эти пикники всегда ералашъ, замѣтилъ четвертый молодой человѣкъ, толстый и румяный, одѣтый особенно щегольски и и вмѣстѣ покойно, какъ человѣкъ съ весьма обезпеченнымъ карманомъ и довольный собою.—Я самъ видѣлъ, какъ оттуда нѣсколько каретъ воротилось.

— Какъ это досадно; сказалъ Александръ. — Но если ты видѣлъ знакомыхъ, не лучше ли было остановить ихъ и уговорить ихъ отправиться?

—Вотъ прекрасно! Это не мой праздникъ. Это дѣло твоего батюшки распорядиться, гдѣ всѣмъ собраться.

— У васъ,кажется, близко деревня, m-r Палатьевъ? спросила хозяйка.

— Да; въ пятнадцати верстахъ. Я недавно возилъ туда Шашинскаго (онъ указалъ на страдавшаго юношу, который, усѣвшись, погрузился въ задумчивость).—Не деревня, а заглядѣнье!

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Артемина Шашинскаго.

— Недурна, отвѣчалъ тотъ небрежно,какъ человѣкъ, котораго не занимаютъ подобныя бездѣлицы, за что Палатьевъ не совсѣмъ любезно смѣрилъ его взглядомъ.

— И вы до сихъ поръ не привезли мнѣ оттуда ни букета, ни фруктовъ! сказала Артемина.—Хорошо же, я сама за ними поѣду.

— Пожалуй. Вы скажите, какъ вздумаете, сказалъ Палатьевъ.

— Ахъ, возьмите меня съ собой! вскричалъ маленькій Ивановъ. — Я буду уменъ, увѣряю васъ; меня можно брать съ собой въ гости; я ничего не трону, не изломаю...

— Ужъ конечно, домъ у меня получше, чѣмъ въ Асташевѣ, прервалъ Палатьевъ.— Здѣсь цѣлую зиму не топили; голову отуманитъ отъ угара...

— А пуще отъ всякихъ пустяковъ, произнесъ въ видѣ à parte, Шашинскій, поднимаясь съ мѣста и принимаясь ходить и напѣвать сквозь зубы.

Лѣсичевъ пересѣлъ поближе къ Варварѣ Васильевнѣ.

— Мнѣ очень нравится гладкая прическа, началъ онъ чрезвычайно серьезно. — Пріѣхавъ сюда изъ Петербурга, я удивился, увидя здѣшнихъ дамъ, особенно, когда многія сказали мнѣ, что обходятся безъ помощи куафера: это должно быть очень затруднительно.

— Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, отвѣчала Варвара Васильевна.

— Впрочемъ, нѣкоторыя прически удаются довольно удовлетворительно, продолжалъ онъ съ видомъ знатока:— особенно гладкая à la Grisi. Я замѣтилъ ее на m-lle Оршевской. Это нѣсколько въ родѣ вашей.

Варвара Васильевна уклонилась отъ его взгляда, который показался ей слишкомъ пристальнымъ.

— Вы избалованы обществомъ, которое позволяло вамъ наблюдать, сказала она съ небольшою строгостью.

— Нѣтъ; я рѣдко на что нибудь обращаю вниманіе.

— Евгенія Михайловна, что слышно о вашемъ братѣ? спросилъ Шашинскій, продолжая расхаживать.

— А почему-жъ я знаю? отвѣчала она, прерывая разговоръ, который вела вполголоса съ Палатьевымъ.

— Вчера Ливинскій сказалъ въ клубѣ, что онъ еще не скоро возвратится, продолжалъ Шашинскій.

— Ну, и поздравляю васъ: вы знаете больше моего. Шашинскій всегда все знаетъ.

Палатьевъ засмѣялся; онъ въ эту минуту застегивалъ браслетъ прекрасной вдовы.

— Дайте мнѣ застегнуть другой, сказалъ жалобно Ивановъ.

— Ecoutez, Ивановъ, je le dis devant ces messieurs; это значитъ между нами. Вы несносно ребячитесь, потому что вамъ восемнадцать лѣтъ...

— Ей-Богу двадцать одинъ; я совершеннолѣтній...

— Такъ тѣмъ хуже.

— Pardon, maman, вы увидите, я скоро остепенюсь, женюсь, если прикажете...

— О, что за несносный! вскричала Артемина, отнимая у него свою руку.

Александръ былъ забытъ. Онъ сидѣлъ сердитый и молча грызъ кончики своихъ перчатокъ.

— Что ты сегодня, или дурной сонъ видѣлъ? спросилъ его Палатьевъ.

Этотъ вопросъ обратилъ вниманіе Артеминой.

— Что вы во снѣ видѣли, Оршевскій? спросила она кокетливо.

— Что вы обѣщались не носить больше этого цвѣта, отвѣчалъ Александръ, показывая на алый креповый платокъ, въ который она куталась.

— Очень ошиблись! вскричала она, смѣясь:—онъ мнѣ нравится; вотъ и Палатьеву нравится. Сонъ вашъ солгалъ.

— Когда же складны сны бываютъ? сказалъ Шашинскій въ видѣ замѣчанія.

Александръ вспыхнулъ. Палатьевъ хохоталъ. На эту сцену явился Андрей Валерьяновичъ.

— Наконецъ мы ѣдемъ! сказалъ Шашинскій, увидя его.

— Пора? спросила Артемина, подавая руку Андрею Валерьяновичу, который пожалъ ее вмѣстѣ съ чувствомъ и граціей.

— Ждемъ только васъ, отвѣчалъ онъ:— я отправилъ всѣхъ и явился за вами. Вы говорили, что боитесь воды, спѣшу васъ успокоить: лодка надежная; а еслибъ и случилось что нибудь...

— Изъ этихъ господъ ни одинъ не умѣетъ плавать, сказала Артемина.

— Я умѣю, возразилъ Андрей Валерьяновичъ съ легкимъ поклономъ.

Варвара Васильевна надѣвала шляпку. Ивановъ схватилъ шляпку Артеминой и подалъ ей, между тѣмъ какъ Андрей Валерьяновичъ завладѣлъ ея бурнусомъ. Карета ждала у крыльца.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ были у берега, гдѣ оставалась всего одна лодка, но самая роскошная, съ цвѣтными флагами и нарядными гребцами. Другія лодки, полныя гостями, тихо плыли впереди, и народъ, собравшійся на берегу, любовался, пока не наскучило слѣдить, какъ онѣ скользили по свѣтлой водѣ.

Экипажи, привезшіе общество, стали разъѣзжаться.

— На послѣднія, что ли, кутите? спросилъ кучеръ Палатьева у кучера Андрея Валерьяновича.

Тотъ только махнулъ рукой.

V.

Нарядная лодка, которая везла судьбу праздника—хозяина и ту, для которой готовился праздникъ, скоро опередила нѣсколько другихъ, гдѣ общество было не такое избранное и, слѣдовательно, гребцы не такъ искусны. Нѣсколько матушекъ, сбиравшихся на поѣздку по разливу, какъ на смерть, ахнули при встрѣчѣ съ лодкой m-me Артеминой; нѣсколько дѣвицъ прокричали ей «bonjour» и «какъ она очаровательна!»; нѣсколько смиренныхъ молодыхъ людей, сопровождавшихъ этихъ дѣвицъ, позавидовали Шашинскому, который, приподнявъ воротникъ своего пальто, сидѣлъ, отвернувшись отъ воды, и обращалъ на природу и на все вообще очень немного вниманія.

Андрей Валерьяновичъ игриво и граціозно высадилъ на берегъ свою прекрасную гостью, съ глубокимъ уваженіемъ подалъ руку, чтобъ помочь взойти Варварѣ Васильевнѣ, и поспѣшилъ вслѣдъ за ними по ступенькамъ, устроеннымъ въ гору отъ пристани. Занятый своими дамами, или, вѣрнѣе, одной Артеминой, онъ нѣсколько неглижировалъ своею обязанностью хозяина и не посмотрѣлъ, какъ высаживались другіе гости; онъ былъ увѣренъ, что ему легко извинятъ это: онъ былъ такъ озабоченъ! и притомъ, для тѣхъ, кто пріѣхалъ за ними, довольно одной его привѣтливой улыбки; одного его слова, чтобъ очароваться Андреемъ Валерьяновичемъ и всѣмъ, что онъ имъ предложитъ.

Къ несчастью, дамы были пугливы (только у истинно свѣтскихъ женщинъ достаетъ вездѣ мужества), а кавалеры неловки, отчего произошло небольшое замѣшательство, много крика и, слѣдствіемъ того и другого, были платки, упавшіе въ воду, платья, которыя немножко окунулись въ тину, и тому подобныя несчастья, переносимыя легко только людьми, умѣющими быть выше несчастій, и дамами, которыя не разомъ надѣваютъ всѣ свои лучшіе наряды. Два очень почтенныя семейства горестно поднялись по лѣстницѣ, на которую за минуту вспорхнула m-me Артемина. Они явились въ смущеніи въ величавый старинный домъ, съ статуями въ сѣняхъ, съ мебелью изъ рѣзного дуба въ передней, полной бурнусовъ, плащей и прислуги; отцы ободряли семейства, говоря, что дамы найдутъ гдѣ оправиться; матери спрашивали, какъ пройти, чтобъ не показываться въ парадныя комнаты, откуда слышался говоръ гостей; дочери молчали

и робко переглядывались; кавалеры исчезли. Молодой человѣкъ изъ высшаго круга, извѣстный своею дерзостью и красотою, явился среди этой растерявшейся группы, не снимая шляпы и никого не узнавая, сбросилъ свое пальто и прошелъ въ залу, произведя еще большее смятеніе.

Въ уборной все было готово къ услугамъ m-me Артеминой, которая прибѣжала, смѣясь и перебрасываясь словами и поклонами съ тѣми, кого встрѣчала по дорогѣ. Огромное зеркало отразило всю ея красоту; столъ, покрытый кружевами (Андрей Валерьяновичъ выпросилъ ихъ для этого дня у Пелагеи Михайловны), представлялъ полное собраніе всего нужнаго и ненужнаго для самаго прихотливаго туалета. Артемина распоряжалась какъ дома; ей понравился мягкій диванъ и общество нѣсколькихъ дамъ, вошедшихъ вмѣстѣ съ нею. Артеминой показалось холодно послѣ катанья по водѣ, она спросила чаю; потомъ ей показалось скучно безъ молодыхъ людей, и она велѣла кликнуть Палатьева, за которымъ ворвался Ивановъ. Все это смѣялось, шутило, проливало флаконы съ духами, вертѣлось предъ зеркаломъ, приходило и уходило, шумѣло, наконецъ ушло совсѣмъ, когда комната имъ наскучила.

Двѣ дѣвицы и ихъ измоченныя платья во все это время дожидались досуга горничныхъ и утюга въ пустой, всю зиму нетопленной комнатѣ. Маменьки, потерявъ терпѣніе, перенесли сначала свои требованія въ уборную, потомъ свои жалобы въ гостиную вмѣстѣ съ подробнымъ разсказомъ самаго происшествія. Между матерями рѣдко танцующихъ особъ, въ которыхъ эти несчастныя матери нашли сочувствіе, образовался кружокъ недовольныхъ. Хозяйка, m-me Шабарова, была недосягаема въ своемъ величіи: она окружила себя почетными гостями и ловкими молодыми дамами. Марья Андреевна сама казалась гостьей; по крайней мѣрѣ посторонніе обращались къ ней, какъ будто считая ее тоже посторонней, а Андрей Валерьяновичъ не поручалъ ей никакого распоряженія.

— Вы видѣли утопленницъ? спросилъ ее Шашинскій.

— Какихъ утопленницъ?

— Ардабьевъ сейчасъ встрѣтилъ въ передней цѣлую семью... Вы не пугайтесь: все кончилось какой нибудь мокрой мантильей. Которая-то изъ Грушевиныхъ окунулась, выходя изъ лодки... вотъ ея маменька плачетъ. Еслибъ и утонула—не бѣда.

— Я иду узнать, сказала Марья Андреевна.

— Какъ они всѣ не перевернулись? заговорилъ громко Палатьевъ.—Дрянь эти лодки; я думаю, въ нихъ по колѣно воды было. Чего смотрѣлъ твой батюшка? продолжалъ онъ, увидя Александра.—Что они тамъ, дно, что ли, высадили?

— Эта лодка и тебя бы сдержала, отвѣчалъ Александръ.

— Вѣрно такая же была, изъ щепокъ, какъ лѣстница, что къ горѣ приклеили... Ты благополучно взошелъ? сказалъ Палатьевъ. ловя Ардабьева.

— Полно кричать, сказалъ тотъ тихо;—посовѣстись хозяина.

— Душа моя, я радъ, что ты невредимъ остался... Какъ-то мы выживемъ денекъ? Третій часъ, ѣсть хочется...

— Очень радъ, сказалъ, появляясь, Андрей Валерьяновичъ:—значитъ, вы пріятно позавтракаете. Милости просимъ.

Андрей Валерьяновичъ успѣвалъ быть вездѣ; онъ разсыпался. Онъ говорилъ любезности дамамъ и умѣлъ сберегать самыя любезныя, букетъ, для Артеминой; онъ пожималъ руки; онъ шутилъ, проходя, съ молодыми людьми: онъ велъ разумную рѣчь со старшими; онъ искусно впадалъ въ тонъ серьезныхъ дамъ; онъ ободрялъ робкое юношество, дебютантовъ на поприщѣ службы и свѣта; онъ находилъ что говорить съ людьми угрюмыми, ненавистниками свѣта, для которыхъ праздникъ—тяжелая служба; онъ съ достоинствомъ преклонялся предъ заслугой, возвышая себя этимъ преклоненіемъ; онъ умѣлъ не конфузить самыхъ неподвижныхъ дѣвицъ... Не одно чело просіяло отъ его улыбки; не одна рука протянулась, по его приглашенію, за бутылкой отличнаго вина, которымъ былъ установленъ столъ съ роскошнымъ завтракомъ... Но, къ сожалѣнію, этого было мало. Длинный апрѣльскій день и солнце мѣшали Андрею Валерьяновичу. Странно, что люди не умѣютъ веселиться днемъ. Откуда берутся у нихъ и неохота, и лѣнь, и вялость, какъ будто начиная веселье съ утра, они берутся за работу и тяготятся ею, или, предвидя, что праздникъ длиненъ, говорятъ себѣ, что еще успѣютъ имъ воспользоваться...

— Что дѣлать теперь, господа? спросилъ Андрей Валерьяновичъ, подходя къ кружку молодыхъ людей, который собрался въ концѣ залы, между тѣмъ какъ дамы удалились въ гостиную, гдѣ, среди пестрыхъ нарядовъ, мелькали немногіе черные фраки, а дѣвицы

уже начинали свои обыкновенныя прогулки подъ руку по всѣмъ комнатамъ.—Что хотите? гулять, танцовать?

— Нѣтъ ли у васъ комнатки потемнѣе? спросилъ Палатьевъ.—Я привыкъ часокъ-другой уснуть до обѣда.

— Шалунъ! отвѣчалъ Андрей Валерьяновичъ, смѣясь среди общаго смѣха.—Право, господа, рѣшайте сами, придумывайте. Я сейчасъ велю прійдти музыкантамъ, и распоряжайтесь сами. Замѣните меня, старика.

— Хорошъ старикъ! Да вы проворнѣе насъ!

— Такъ берите примѣръ, молодежь! Мнѣ надо еще тамъ посадить за карты...

— Я пойду играть, сказалъ Ардабьевъ;—Лѣсичевъ, вы пойдете?

— Что вы, господа? кто-жъ танцуетъ?

— Съ утра-то, Андрей Валерьяновичъ? Пощадите!

— Что-жъ будетъ, какъ вы всѣ разойдетесь? Неоживленно. Полноте!

— Извольте, я вамъ сдѣлаю удовольствіе, сказалъ Ардабьевъ:—я оживлю ваше общество, попрошу m-me Ливинскую спѣть, а потомъ ухожу и играю. Вечеромъ, пожалуй, буду танцовать сколько угодно.

Онъ ушелъ, не дожидаясь возраженій.

— Бѣда съ вами! сказалъ Андрей Валерьяновичъ, смѣясь своему горю.—Что за непослушный народъ!

— Да вы велите вашему сыну собрать кадриль; можетъ быть и найдутся охотники.

— Охотницъ довольно.

— Какъ же, господа, я позаботился, отвѣчалъ Андрей Валерьяновичъ, злодѣйски насмѣшничая надъ дѣвицами, которымъ за четверть часа говорилъ столько пріятностей:—цѣлый разсадникъ красавицъ... Счастливцы вы!

— Да вы бы сами, если вамъ завидно...

— Тогда ужъ я, пожалуй, буду вамъ vis-à-vis, сказалъ, хохоча, Палатьевъ.

— Проказникъ!.. Гдѣ-жъ дѣвался Александръ?

— Употребите надъ нимъ родительскую власть, заставьте его плясать, сказалъ Шашинскій.

— А вы?

— У меня голова болитъ.

— Э, молодой человѣкъ! что за отговорки!

— Я не намѣренъ рисковать здоровьемъ изъ пустяковъ, сказалъ Шашинскій и живописно усѣлся у окна.

Андрей Валерьяновичъ оставилъ ихъ, видя, что дѣлать больше нечего, досадуя и молча, потому что говорить было бы еще хуже. Эта невыносимая молодежь смѣялась ему вслѣдъ, нисколько не церемонясь. Раздосадованный, онъ отыскалъ Александра и его стараніями составилась безжизненная кадриль изъ юношей, недостигшихъ совершеннолѣтія, и дѣвицъ, за которыми въ залу пришли ихъ маменьки. Начало бала чрезвычайно походило на танцовальный урокъ.

— Пойдемъ лучше слушать Ливинскую, сказалъ Палатьевъ Шашинскому: — у меня въ глазахъ зарябило.

— А тамъ въ ушахъ затрещитъ, отвѣчалъ мрачно Шашинскій:—Ливинская сегодня ничего не споетъ порядочно.

— Почему такъ?

— Не можетъ: Нестоева нѣтъ... Впрочемъ, я забылъ: есть Ардабьевъ.

— Тебѣ не миновать, Шашинскій: когда нибудь или Нестоевъ, или самъ Ливинскій свернетъ тебѣ шею — помни мое слово...

Танцы продолжались, не смотря на то, что были скучны и даже нѣсколько смѣшны; они соединили все, что было неловкаго и некрасиваго на праздникѣ, все то, что затерялось бы при многолюдствѣ, исчезло бы при вечернемъ освѣщеніи. Свѣтскіе молодые люди и свѣтскія дамы отдалились и отодвинули отъ себя второй разрядъ общества.

— Тамъ ужъ танцуютъ? сказала Артемина.

— Не знаю кто, отвѣчалъ небрежно Лѣсичевъ.

— Двѣ утопленницы, сказалъ Шашинскій, который желалъ пустить въ ходъ это слово:—Оршевскій нашелъ, что имъ это полезно.

— Онъ очень умно придумалъ, сказала Артемина:—надо же заняться.

— Онъ очень доволенъ своей выдумкой, продолжалъ Шашинскій:—посмотрите, какъ веселъ, въ немъ не умретъ его батюшка; распоряжается, разставляетъ пàры...

— Когда я умру, Шашинскій, я позову васъ вести погребальную процессію: это вы въ совершенствѣ исполните... Оршевскій! кликнула она Александра.

Александръ явился.

— Придумайте мнѣ, чѣмъ заняться, продолжала Артемина.

— Развѣ эти господа уже отказались? спросилъ онъ, еще помня, что она была не совсѣмъ мила съ нимъ по утру.

— Развѣ они когда нибудь умѣли выдумывать? Вы вчера были такъ изобрѣтатель-

ны вечеромъ... Ахъ, какъ мнѣ было весело вчера! Оршевскій смѣшилъ меня; мы съ нимъ ссорились...

— Здѣсь хорошій садъ, пойдемте гулять и будемъ ссориться дорогой, сказалъ Александръ, ободренный ея предпочтеніемъ. — Я предложу дамамъ.

— Прекрасно! Я очень рада, это премило!.. Serez-vous des notres, m-lle Marie! обратилась она къ Марьѣ Андреевнѣ: — въ комнатахъ скучно, день прелестный.

— И вы настроились на идилліи, сказалъ Шашинскій.

Артемина его не слушала; она, когда хотѣла, умѣла оживлять и женщинъ, даже и тѣхъ, которыя не совсѣмъ къ ней благоволили.

— Merci, душка, сказала она, цѣлуя Ливинскую, сидѣвшую за рояслемъ, хотя и не слушала пѣнія:—пойдемте съ нами... M-r Ардабьевъ.

— Эта бѣдненькая Ливинская вѣрно вообразила, что ее для нея самой пригласили гулять, сказала m-me L., которую не позвали.

Дамы надѣли шляпки и веселое общество отправилось въ садъ. Насмѣшничая, Артемина заставила пойти и Шашинскаго. Александръ велъ ее подъ-руку.

Андрей Валерьяновичъ въ это время былъ озабоченъ составленіемъ карточныхъ партій, на что требовалось много такта и соображенія. Онъ позволилъ себѣ не обращать вниманія, если были недовольны тамъ, гдѣ, какъ ему казалось, могъ дѣлать это безопасно; онъ считалъ себя выше мнѣнія многихъ и потому занялся только важнѣйшими гостями, любезно пригласивъ прочихъ «поиграть, если угодно». Это милое обращеніе, оставлявшее всякому свою свободу, не всѣмъ понравилось.

— Позвольте, Андрей Валерьяновичъ, вскричалъ господинъ съ картой въ рукѣ, остановивъ проходившаго хозяина: — съ кѣмъ же мы садимся?

— Вы, Ветлинъ...

— Я далъ себѣ слово не играть съ Ветлинымъ, какъ хотите...

— Маленькая игра, что за счеты?

— Маленькая, но я хочу играть какъ мнѣ пріятно... наконецъ, я не могу изъ учтивости.

Андрей Валерьяновичъ сказалъ себѣ, уходя, что провинціальныя самолюбія нестерпимы.

— Андрей Валерьяновичъ воображаетъ, сказалъ гость другимъ:—что всякій обязанъ дѣлать ему угодное...

— Съ кѣмъ ты садишься играть, душенька? спросила m-me Енихина своего супруга.

— Еще не знаю навѣрное, отвѣчалъ онъ покорно:—кажется, Бурминъ, Казаковъ...

М-me Енихина вспыхнула.

— Богъ знаетъ съ кѣмъ ты связываешься! одинъ — твой подчиненный, другой...

— Да нельзя же, если проситъ хозяинъ...

— Хорошъ хозяинъ, который и вниманія не обращаетъ! онъ со мной не поклонился.

— Не видалъ, можетъ быть; гостей много...

— Меня не видалъ! Такъ не звалъ бы столько, что ужъ не разглядитъ... Лелечку нашу студентъ какой-то на кадриль позвалъ.

— Ну, что-жъ, студентъ?..

— Вамъ все равно!

Андрей Валерьяновичъ не чувствовалъ этой подземной грозы (онъ привыкъ считать Енихиныхъ своими антиподами), но до его ушей сталъ часто долетать вовсе непріятный ропотъ. Это взволновало Андрея Валерьяновича; онъ ожидалъ лучшаго отъ тѣхъ, кому оказалъ вниманіе своимъ приглашеніемъ; онъ былъ почти готовъ вспылить, еслибъ его не занялъ пріѣздъ почтеннѣйшаго гостя, почтеннаго старика, князя, съ звѣздой на фракѣ, который былъ такъ добръ, такъ внимателенъ, что пріѣхалъ, не смотря на нездоровье, на которое жаловался еще наканунѣ.

— Я почти не надѣялся васъ видѣть, говорилъ Андрей Валерьяновичъ, встрѣчая его съ восхищеніемъ, но стараясь поддержать въ своихъ отношеніяхъ къ гостю нѣкоторую степень равенства и выразить, что предупредительность, которую онъ ему оказывалъ, относится только къ лѣтамъ и личнымъ достоинствамъ. Этого, конечно, многіе не поняли.

— Какъ же вамъ было не надѣяться, когда я обѣщалъ? возразилъ князь.—Ведите меня къ хозяйкѣ, здѣсь столько дамъ, что потеряешься.

Князь не очень любилъ m-me Шабарову и потому не очень любезничалъ. Вообще, онъ былъ какъ-то не въ духѣ и не оживлялся даже въ кружкѣ дамъ; неизвѣстно, почему на этотъ разъ онѣ ему не понравились, онъ не сказалъ ни одной ничего пріятнаго и почти навелъ на нихъ страхъ своею неподвижностью. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ молча. Андрей Валерьяновичъ пришелъ въ затрудненіе: онъ разсчитывалъ на присутствіе и любезность гостя, какъ на одно изъ укра-

шеній его праздника, а гость почти огорчалъ его. Напрасно онъ старался его развлечь, заводилъ разговоры, обращалъ вниманіе его сіятельства на красоту нѣкоторыхъ дамъ, говорилъ остроты, вызывая на остроуміе князя, который этимъ славился — все было напрасно: его сіятельство упорно молчалъ; онъ былъ не въ духѣ. Тогда Андрей Валерьяновичъ поднесъ ему карту—послѣднее прибѣжище.

— Я было не хотѣлъ играть, сказалъ князь, взявъ карту съ невыразимой гримасой.

Онъ, какъ на зло, капризничалъ.

Андрею Валерьяновичу стоило большого труда найти ему партнеровъ: его сіятельство игралъ только въ огромную. Третьяго игрока, немножко скупого и слишкомъ осторожнаго, Андрей Валерьяновичъ убѣдилъ только тѣмъ, что взялся придерживать половину. Это прибавило ему еще безпокойства, озаботило его, стѣснило его веселость, подернуло туманомъ его блестящій праздникъ. Онъ поспѣшилъ отойти отъ стола, къ которому приковалъ и свою участь; но это было напрасно: онъ не могъ попрежнему свободно заняться другими гостями и только, бросая по слову въ толпу, успѣлъ завязать въ одномъ кружкѣ политическій споръ, познакомивъ Ливинскаго и другихъ серьезныхъ, неигравшихъ господъ съ однимъ господиномъ, возвратившимся изъ-за границы, весьма важнымъ лицомъ, который пріѣхалъ надняхъ въ N* на короткое время, по дѣламъ, и съ которымъ Андрей Валерьяновичъ, какъ человѣкъ универсальный, тотчасъ сошелся.

Андрей Валерьяновичъ поспѣшилъ къ дамамъ, увидя, что Артемина воротилась съ прогулки; она сдѣлалась его единственной свѣтлой цѣлью съ той минуты, какъ ему стало грустно. Онъ безпокоился, чтобъ она не скучала, но для нея никогда не существовало скуки: она собрала своихъ поклонниковъ и хохотала, не заботясь о почтенныхъ чепцахъ, которымъ это казалось неприличнымъ, о дамахъ съ претензіями, которыя ей завидовали. Мимоходомъ, Андрей Валерьяновичъ удивился, увидя Марью Андреевну тоже посреди кружка, гдѣ, казалось, не скучали.

— Наконецъ, вотъ и вы! вскричала Артемина:—мы нагулялись и воротились; васъ цѣлый часъ не было видно. Я думала, вы танцуете.

— Едва нашлась минута—и я здѣсь, отвѣчалъ онъ выразительно.—Что-жъ дѣлать, обязанность хозяина...

— Слышите, господа, Андрей Валерьяновичъ пришелъ по обязанности посмотрѣть, что мы дѣлаемъ!

— Эти господа очень счастливы, сказалъ ей очень тихо Андрей Валерьяновичъ: — очень счастливы: у нихъ нѣтъ никакихъ обязанностей...

Артемина хотѣла разсмѣяться, но удержалась.

— Развѣ ваши такъ тяжелы? спросила она лукаво.

Андрей Валерьяновичъ слегка сдвинулъ брови.

— Жаловаться — малодушіе, отвѣчалъ онъ задумчиво:— жалуются дѣти.

Онъ поднялъ бѣглый, но сверкавшій взоръ на Шашинскаго и Палатьева, которые отошли, когда онъ приблизился.

— А взрослые что дѣлаютъ? спросила Артемина, кокетничая.

— Взрослые забываются... сказалъ Андрей Валерьяновичъ съ увлеченіемъ и бросилъ на прекрасную вдову такой взоръ, что она больше не выдержала и расхохоталась.

Она, однако, вспомнила, что можетъ его обидѣть, и, продолжая смѣяться, тихо пожала ему руку.

— Весело ли у меня? спросилъ онъ съ чувствомъ.

— Очень; merci. Танцуете вы со мною вечеромъ?

— Вы шутите?

— О, нисколько!

— Я приведу къ вамъ сына.

— Это зачѣмъ?

— Онъ меня замѣнитъ...

— Вашъ сынъ—не вы.

— Въ глазахъ многихъ молодость — заслуга.

— Вы думаете? спросила Артемина.

Андрей Валерьяновичъ пришелъ въ восхищеніе.

— Но все же, сказалъ онъ, овладѣвая собою:— я не танцую съ вами... Для меня довольно, что вы этого пожелали.

Онъ отошелъ для эфекта, а нѣсколько и для того, что уже приближалось время обѣда и надо было распорядиться.

Обѣдъ занималъ важное мѣсто въ заботахъ Андрея Валерьяновича; онъ думалъ не о дамахъ, которымъ угодить легко; но между N-скими аристократами были гастрономы, чрезвычайно строгіе судьи. Они считали умѣнье обѣдать и накормить чѣмъ-то въ родѣ добродѣтели, и по этому умѣнью часто составляли свое мнѣніе о людяхъ. Обѣ

стоилъ Андрею Валерьяновичу многихъ комбинацій и удался въ совершенствѣ.

Но человѣкъ бываетъ недоволенъ; это въ его природѣ.

Между тѣмъ какъ непосвященные проглатывали, нераздумывая, творческія произведенія кухоннаго искусства (были неучи, которые даже морщились), знатоки оказывали почти то же невниманіе, или вниманіе замѣтно снисходительное. Они разсматривали то, что́ ѣли.

— Гдѣ вы брали трюфли, Андрей Валерьяновичъ? спросилъ, понюхавъ кушанье, одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ педантовъ-гастрономовъ, человѣкъ, впрочемъ, вообще нелюбезный, и, не дослушавъ отвѣта, обратился къ окружавшимъ, разсказывая, какъ у него приготовляютъ трюфли и до какихъ результатовъ достигаетъ его поваръ подъ его руководствомъ. Только и слышалось: «у меня дѣлаютъ... у меня было...»

Андрей Валерьяновичъ былъ и безъ того взволнованъ; выходка гостя возмутила его до глубины души. Онъ остановился между двумя господами, которыхъ онъ зналъ не въ слишкомъ пріязненныхъ отношеніяхъ съ нимъ, и сказалъ:

— Я очень радъ, что это вамъ нравится. Вкусы разны. Не всегда и удается то, что намъ заранѣе расхваливаютъ. Помните одинъ знаменитый обѣдъ...

Онъ сдѣлалъ выразительный жестъ на недовольнаго господина.

— Я послѣ цѣлую недѣлю лечился... И вы, кажется, несовсѣмъ счастливо отдѣлались.

— Я не былъ, отвѣчалъ одинъ гость, весьма сердитой наружности.

— Да!.. вѣдь это было послѣ исторіи... ну, помню...

— Мы съ тѣхъ поръ и не кланяемся... Я изъ обѣда кланяться никому не стану.

Андрей Валерьяновичъ отошелъ; сколько ни кипѣло сердце его, но онъ не хотѣлъ дѣлать исторіи.

— Этотъ чего вступился? сказалъ ему вслѣдъ сердитый гость своему сосѣду. — Бѣжалъ, кольнуть радъ, а самъ боится, чтобъ его не запутали. Нѣтъ нынче правды ни въ комъ... франтъ старый!

Пока гнѣвный гость занялся обѣдомъ, сосѣдъ его пересказалъ причину его негодованія другому сосѣду. Тотъ былъ, какъ говорятъ въ провинціи, изъ партіи гастронома.

— Странно, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ тотъ: — осуждать все, что попало! Сергѣй Антонычъ имъ двадцать обѣдовъ сдѣлаетъ, и все недовольны; онъ ихъ всѣхъ продастъ и выкупитъ. Онъ такой человѣкъ, что не обратитъ вниманія, если какой нибудь Оршевскій, Андрей Валерьяновичъ, или тому подобные... Это до чести касается. Сергѣй Антонычъ еще отъ отца и прадѣда аристократъ, какъ немногіе. Тутъ Оршевскій заложитъ что нибудь послѣднее, кличъ кликнетъ и всякій Бурминъ у него за столомъ осмѣливается чернить...

— Правда ли, вмѣшался третій:—я слышалъ, Оршевскаго имѣніе продано?

— Дошли вѣсти, третья недѣля; мнѣ изъ Москвы писали кто и купилъ... позвольте...

— Такъ, стало быть, мы тутъ пируемъ...

— Поминки справляемъ, почтеннѣйшій!

— Это, однако, очень непріятно.

— Пріятно или непріятно, какъ знаете.

— Мы знаемъ, что насъ звали обѣдать, сказалъ еще гость.

— Но какъ же, позвольте, этотъ праздникъ, продолжалъ господинъ, принявшій къ сердцу дѣла Андрея Валерьяновича: — вѣдь это, я думаю, стоитъ чего нибудь...

— Ну, что-жъ? и стоитъ... Ахъ, мой почтеннѣйшій! да какъ же пыль-то пустить въ глаза? вотъ онъ изъ послѣдняго и тянется.

— Но какъ же не найдутся люди, глазъ ему не откроютъ...

— Кому это открывать глаза? Кому какое дѣло? онъ не маленькій.

— Но вѣдь онъ, такъ сказать, теряетъ общее уваженіе...

— По-дѣломъ, самъ напрашивается. Дома жена, я думаю, на сухаряхъ сидитъ, а онъ, видите, говоритъ: у Сергѣя Антоныча обѣды дурны, да Бурмину о его исторіи напоминаетъ... Вотъ онъ что за человѣкъ.

— Онъ непріятный человѣкъ, гордый, отозвался другой гость.

— Нѣтъ, я люблю смотрѣть, какъ онъ расшаркивается, сказалъ сосѣдъ Бурмина: — для меня это наслажденіе, это спектакль...

Андрей Валерьяновичъ былъ сзади ихъ и слышалъ; онъ былъ пораженъ. Улыбка замерла на губахъ его; восхитительная блѣдность лица сдѣлалась мертвенной. Такъ вотъ мнѣніе этого общества, которое... Но что это за люди?

Андрей Валерьяновичъ поспѣшилъ къ князю.

— Топили здѣсь у васъ, мой любезный? сказалъ князь, оглядываясь на затворенныя окна столовой.—Какъ здѣсь сыро (онъ раскашлялся и съежился). Эти деревенскіе до-

ма старинные, безъ комфорта — гибель! Что въ этихъ мраморныхъ карнизахъ?.. Какъ вы не передѣлаете? обратился онъ къ Андрею Валерьяновичу.

— Это не моя деревня, отвѣчалъ Андрей Валерьяновичъ, краснѣя.

— Не ваша?.. я думалъ...

Князь обратился къ пріѣзжему изъ-за границы съ совершенно постороннимъ вопросомъ.

— Вы ничего не кушаете, замѣтилъ Андрей Валерьяновичъ.

— Я на діэтѣ, возразилъ князь.

— По крайней мѣрѣ, не угодно ли, это вино недурно, васъ согрѣетъ...

— Это ничему не поможетъ, отвѣчалъ князь отрывисто: — я сдѣлалъ неосторожность: выѣхалъ...

Его гримасы выводили изъ себя Андрея Валерьяновича. Блѣдный и разстроенный, онъ оглянулся... Ему еще не вѣрилось, чтобъ могли такъ поступать съ нимъ люди, которыхъ онъ приглашалъ и ласкалъ, которые сами, казалось, имѣли къ нему уваженіе и пріязнь... Неужели надо было только подслушать ихъ, чтобъ узнать истину этого уваженія, этой пріязни?.. Сергѣй Антоновичъ сейчасъ приглашалъ свой кружокъ завтра къ себѣ обѣдать и не сказалъ ни слова Андрею Валерьяновичу, хотя онъ былъ близко, хотя его, какъ нынѣшняго хозяина, слѣдовало бы, кажется, пригласить перваго... Тамъ узнали его несчастье, бранятъ его прямо, а между тѣмъ ѣдятъ его хлѣбъ-соль... Тутъ этотъ сѣдой богачъ ломается, неизвѣстно изъ чего... Андрей Валерьяновичъ не вѣрилъ въ дружбу, но, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ въ свое собственное величіе; ему показалось, что оно разрушается... Онъ становился подозрителенъ: его волновалъ смѣхъ. Молодые люди смѣялись за особеннымъ столомъ, гдѣ они усѣлись всѣ вмѣстѣ; Андрей Валерьяновичъ подошелъ къ нимъ; они приняли его привѣтливо, чего онъ почти не ожидалъ послѣ всего тяжелаго, что вынесъ.

— Милости просимъ, вскричали они, сдвигая стулья, чтобъ дать ему мѣсто. — Давно бы къ намъ, Андрей Валерьянычъ!

— У насъ весело.

— У насъ тутъ такіе разсказы...

— Андрей Валерьянычъ, анекдотецъ въ общую кассу!

— Какого рода, господа?

— Что нибудь!

— О чемъ шло дѣло, чтобъ вамъ разсказать кстати?

— У насъ все будетъ кстати.

— Но тема?

— Тема: Buvons à nos maîtresses, изъ «Гугенотовъ».

— Пѣвца нѣтъ у васъ, господа, сказалъ Ливинскій, оборачиваясь къ нимъ отъ своего стола.

— Мы не разъ о немъ пожалѣли, отвѣчалъ ему Палатьевъ. — Скоро ли воротится Нестоевъ?

— Что за счастливецъ! всѣ о немъ жалѣютъ.

— Вы, я думаю, чаще всѣхъ слышите вопросы о Нестоевѣ? сказалъ Шашинскій Ливинскому.

— Почему такъ?

— Вы... его начальникъ... отвѣчалъ Шашинскій, конфузясь, между тѣмъ какъ Ливинскій даже не слушалъ.

— Что, началъ да и назадъ? сказалъ Палатьевъ. — Что за человѣкъ этотъ Шашинскій!

— Но вѣдь это драматично, возразилъ Шашинскій: — самъ напоминаетъ о Нестоевѣ...

— Не кончай, сдѣлай милость!.. Андрей Валерьянычъ, ваше здоровье!

— Ему тамъ оваціи дѣлаютъ, этому милому Андрею Валерьянычу, сказалъ князь, посмѣиваясь, своимъ сосѣдямъ. — Надо же и намъ, наконецъ. Votre santé, mon cher, прибавилъ онъ, кивая головою, между тѣмъ какъ другіе поднялись, по его примѣру, привѣтствовать Андрея Валерьяновича.

Увлеченіе было очень шумно. Андрей Валерьяновичъ могъ бы остаться имъ вполнѣ доволенъ, еслибъ не помнилъ, что всѣмъ подало примѣръ восклицаніе Палатьева. Это было обидно; ему былъ горекъ бокалъ, который онъ проглотилъ, благодаря своихъ гостей. Благодаря за вниманіе, за пріязнь, за честь, которой его удостоивали, онъ вспомнилъ все, что ему удалось услышать... Онъ понялъ, что для того, чтобъ впередъ сохранить свое хладнокровіе, присутствіе духа, находчивость, ему надо было многое не слушать или не понимать... Но каково это для человѣка, который привыкъ поднимать голову и идти, не оглядываясь ни на что мелкое, недостойное его вниманія? Теперь онъ понялъ, какъ язвитъ это мелкое; онъ разсмотрѣлъ, какъ поддѣльна дружба этихъ равныхъ... Онъ презрѣлъ ихъ, подумавъ, что все-таки они пріѣхали къ нему, пріѣдутъ и завтра, если онъ велитъ еще накрыть для нихъ столъ... Одно тяжело: завтра нечѣмъ будетъ накрыть этого стола; это послѣдній праздникъ...

Артемина, веселая, хорошенькая, въ эту минуту поднимала свой бокалъ къ его бокалу.

Андрей Валерьяновичъ схватилъ ея ручку и поцѣловалъ съ необыкновеннымъ чувствомъ, съ увлеченіемъ, въ которомъ была забыта даже ея красота: Андрей Валерьяновичъ видѣлъ въ ней свое спасеніе.

— Est-il aimable! сказалъ князь, на котораго подѣйствовало общее оживленіе, заключившее обѣдъ, посмѣиваясь и обращаясь къ гостямъ. — Кто бы могъ подумать въ его годы... наконецъ, вѣдь это уже наши годы...

Въ залѣ раздалась музыка.

— Какъ, ужъ и балъ? Право, онъ неутомимъ; онъ порхаетъ... Это удивительный человѣкъ, продолжалъ князь, обратясь къ пріѣзжему изъ-за границы: — человѣкъ съ ресурсами и съ идеями — все, что хотите. Надо его ближе знать... Андрей Валерьянычъ, оставьте на минуту молодыхъ дамъ. Какъ поживаетъ ваша княгиня и вашъ страннопріимный домъ... или, что тамъ такое?

— Княгиня едва дышетъ, отвѣчалъ докторъ, который случился близко, человѣкъ еще молодой, вѣчно въ пріятномъ расположеніи духа и членъ благотворительнаго заведенія княгини Десятовой.

— Едва дышетъ? повторилъ князь: — je suis fâché de l'apprendre... Ну-съ, а эта филантропическая фантазія?

— Процвѣтаетъ, отвѣчалъ, улыбаясь, докторъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? У васъ много субъектовъ?

— Не очень... Впрочемъ, это благотворительное заведеніе вполнѣ достигло своей цѣли тѣмъ, что отняло охоту просить пособій, быть больными...

— Да, сказалъ, подходя, Андрей Валерьяновичъ: — это странный результатъ, который доказываетъ, какъ еще мало развитъ этотъ классъ народа: они боятся госпиталей...

— И діэты, договорилъ весело докторъ.

— Это заведеніе была моя мечта, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ, обращаясь къ пріѣзжему.—Прочтите одну мою брошюру... Мечты!.. большая часть ихъ утопіи, съ чѣмъ и я, кажется, скоро долженъ буду согласиться.

— Да, княгиня скоро умретъ, сказалъ докторъ.

— Я не отказываюсь отъ моихъ теорій, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ:—но онѣ непримѣнимы—сознаюсь въ этомъ. Можетъ быть, впослѣдствіи, другой, счастливѣе меня, разовьетъ въ бо̀льшемъ размѣрѣ эту идею частной благотворительности, втолкуетъ ее непонимающимъ, которымъ прежде всего слѣдовало бы ее понять, докажетъ ее обществу, у котораго на все готова скептическая улыбка... Но на это нужны средства, огромныя средства...

— Развѣ ихъ не было при началѣ вашего заведенія? спросилъ пріѣзжій гость.

— Вы не знаете, или забыли нашихъ старушекъ-помѣщицъ! сказалъ весело Андрей Валерьяновичъ: — возобновите это пріятное знакомство — увидите, каково имѣть съ ними дѣло... Venez-vous faire votre partie, prince?

Онъ ушелъ, думая, что все кончено, и увелъ князя.

— Отъ кого зависѣло это заведеніе? спросилъ гость доктора.

— Отъ княгини и Андрея Валерьяновича.

— Это странно! сказалъ пріѣзжій:—какъ же начинать безъ опредѣленнаго капитала, безъ цѣли...

— Было и то, и другое, отвѣчалъ, посмѣиваясь, докторъ:—но... все истощается.

— Нѣсколько тысячъ меньше въ годъ? Но развѣ это такъ дорого стоитъ? Чѣмъ же это вы лечили и какъ вы помѣщали вашихъ больныхъ?

— Какъ можно больше воды и воздуха, отвѣчалъ докторъ, смѣясь, такъ что его смѣхъ сдѣлался, наконецъ, понятенъ и его раздѣлили окружавшіе ихъ гости.

Андрей Валерьяновичъ, проходя, слышалъ смѣхъ и имя княгини, но онъ рѣшился ничего не слышать. Онъ могъ бы, конечно, найти, что̀ объяснить и въ методѣ леченія доктора, который третій годъ «поддерживалъ» княгиню, но... онъ предпочелъ идти въ большую залу.

— Андрей Валерьяновичъ, вы свободны? не сыграемъ ли? спросилъ его одинъ изъ его постоянныхъ партнеровъ въ клубѣ.

Андрей Валерьяновичъ вспомнилъ, что еще не игралъ въ этотъ день: искушеніе было велико.

— Некогда, сказалъ онъ, колеблясь.

— Такъ придержите: тамъ составляется большая игра.

Андрей Валерьяновичъ подумалъ, что онъ ужъ и такъ придерживаетъ противъ князя, который вообще играетъ счастливо, но что, если онъ войдетъ въ долю еще къ кому нибудь, у него будетъ шансъ противъ другихъ игроковъ и другого счастья. Онъ отправился въ комнату, гдѣ играли; партіи составля-

лись; Андрей Валерьяновичъ рискнулъ еще разъ и придержалъ.

— Вы уходите? спросилъ Лѣсичевъ Ардабьева, встрѣтившись съ нимъ въ дверяхъ этой комнаты:—вы хотѣли играть?

— Нѣтъ. Онъ станетъ проигрывать бриліанты своей дочери—это ужъ жалко!

Андрей Валерьяновичъ имѣлъ наслажденіе найти свой балъ въ полномъ блескѣ. Огромная зала, изъ которой былъ изгнанъ послѣдній полусвѣтъ весеннихъ сумерекъ, сіяла огнями, и m-me Артемина была совершенно счастлива. Андрей Валерьяновичъ засталъ ее подъ-руку съ Марьей Андреевной; Александръ, котораго она отличала своей благосклонностью, подносилъ ей великолѣпный букетъ; онъ торжествовалъ: ему удалось затмить Палатьева.

— Вашъ букетъ не поспѣлъ, говорила Артемина Палатьеву.

— Еще бы разливъ, помилуйте! Я послалъ къ себѣ въ деревню съ утра: хоть топись, а привези; отсюда верстъ тридцать наберется въ оба конца.

— Отговаривайся! сказалъ Александръ:—видно асташевскія оранжереи лучше твоихъ.

— Принеси букетъ сестрѣ, шепнулъ ему Андрей Валерьяновичъ, какъ отецъ, счастливый отъ его удачи.

Въ самомъ дѣлѣ, Марья Андреевна была такъ окружена и Артемина такъ внимательна къ ней, что букетъ былъ необходимъ: букеты были бы только у Артеминой и Марьи Андреевны, и выражали бы что-то общее между ними.

— Кто эта красавица? спросилъ пріѣзжій господинъ.

— Дочь моя, отвѣчалъ Андрей Валерьяновичъ.

Восхищеніе гостя не пошло далѣе; онъ не просилъ быть представленнымъ. Андрей Валерьяновичъ приписалъ это нѣкоторой оригинальности, давно замѣченной имъ красотѣ дочери, тогда какъ гость, просто въ разсѣянности, вспомнилъ богадѣльню княгини Десятовой.

Балъ былъ оживленъ; молодые люди сдержали слово, которое дали Андрею Валерьяновичу: они танцовали охотно. Андрей Валерьяновичъ былъ очарованъ самъ и не видѣлъ, какъ летѣло время.

— Если будутъ разъѣзжаться, не удерживать? спросилъ его Александръ.

— Лишнихъ? конечно. Узнавай, за кѣмъ будутъ пріѣзжать экипажи; въ лодкахъ можно ѣхать только на разсвѣтѣ.

— Теперь ужъ за-полночь, сказалъ Александръ, посмотрѣвъ на часы.

— Вотъ учтивость! сказала m-me Топилина въ своемъ кружкѣ: — хозяева на часы смотрятъ.

— Можетъ быть, распоряжаются когда ужинать, отвѣчала m-me Д.

— И не думаютъ. Грушевины поднялись ѣхать; мимо самаго носа Андрея Валерьяновича прошли, и отецъ спрашивалъ о каретѣ, а онъ ни слова.

— Я не знаю, пріѣхала ли моя карета.

— Еще простоишь на перевозѣ.

— Тутъ мудрено и узнать.

— Я сейчасъ тебѣ молодого человѣка какого нибудь отыщу, сказала m-me L.—Monsieur Шашинскій!

Шашинскій остановился, услыша, что его зовутъ.

— M-r Шашинскій, soyez si aimable, тамъ ли мой экипажъ, узнайте, сослужите мнѣ службу...

Шашинскій посмотрѣлъ на m-me L., повернулся и ушелъ. M-me L. видѣла, какъ онъ сѣлъ на другомъ концѣ залы.

Нѣкоторые отцы семейства видимо засыпали... Матери съ сонной досадой посматривали на дочерей, которыя, сидя подлѣ нихъ, смотрѣли на проходящихъ кавалеровъ съ тоскливымъ ожиданіемъ. Общество, которому было весело, этого не замѣчало; Артемина могла танцовать десять часовъ сряду не уставая, а балъ былъ въ ея власти.

— Я ѣду, сказала очень громко madame Хворостинина, подходя къ m-me L. съ своей дочерью:—не хотите ли и вы съ нами?

— Я просила Шашинскаго... еще рано.

— Нѣтъ, утомительно, возразила m-me Хворостинина:—ужина не дождешься, да и удовольствія немного.

— Ваша правда, эти балы...

— Не балы, а эта скука, безжизненность... Bonsoir.

— Конечно; что-жъ привезти дѣвочку, чтобъ она цѣлый день проскучала, сказала m-me L.—Ваша тоже мало танцовала?

— Нѣтъ, отвѣчала m-me Топилина:—до обѣда.

— Это что-жъ?.. Я не понимаю молодыхъ людей... А вы поиграли въ карточки?

— И не садилась: не съ кѣмъ...

— Я сама ужасно скучала. Еслибъ не приличіе, знаете, чтобъ не сдѣлать скандала, я уѣхала бы еще до обѣда...

— Ужъ и обѣдъ! сказалъ, подсаживаясь къ нимъ, кругленькій господинъ.

— Вино было очень дурно, прибавилъ молодой человѣкъ, который, кажется, думалъ совсѣмъ другое за обѣдомъ, въ обществѣ молодыхъ людей, гдѣ онъ не говорилъ ни слова.

— Странный праздникъ! сказалъ еще одинъ серьезный гость, только что возвратившійся изъ-за картъ и не въ духѣ.

— Я то же говорю, сказала m-me L.

— Послушай, какъ васъ тамъ отдѣлываютъ, сказалъ Палатьевъ Александру. — Спать пора. Въ самомъ дѣлѣ, скажи отцу, чтобъ онъ отпустилъ насъ.

— Лѣнивецъ, сказалъ ему Андрей Валерьяновичъ, мило смѣясь:—не стыдно ли?

— Еслибъ всѣ, какъ вы, могли выносить, возразилъ Палатьевъ:—а то посмотрите, тамъ ужъ спятъ, а въ просонкахъ васъ бранятъ.

— Подождите... Александръ, проси, кому угодно, на балконъ, смотрѣть фейерверкъ, а между тѣмъ подадутъ ужинъ.

Андрей Валерьяновичъ летѣлъ распоряжаться, когда его остановилъ господинъ, который игралъ съ ними въ половинѣ.

— Андрей Валерьянычъ, что дѣлать! несчастье... Мы кончили. На вашу долю приходится заплатить девятьсотъ съ чѣмъ-то... идите, взгляните.

— Вы проиграли! вскричалъ Андрей Валерьяновичъ:—какъ же это вы не остереглись...

— Чего же вы пылите? Вѣдь я самъ столько же проигралъ. Могли бы и выиграть. Вы расплатитесь?

— Расплатитесь вы: со мной нѣтъ, деньги дома, отвѣчалъ Андрей Валерьяновичъ, со всѣмъ величіемъ своей твердости.

Онъ, однако, пришелъ къ играющимъ. Князь сидѣлъ за своимъ столомъ, погрузясь въ кресло, между тѣмъ какъ остальные партнеры считали. Онъ, замѣтно, желалъ почивать и поводилъ рукой по глазамъ.

— Это, конечно, очень пріятно, говорилъ онъ; — очень пріятно, очень живописно. Этотъ праздникъ, лодки, балъ... Но вѣдь нужны силы Андрея Валерьяныча. Наконецъ и утомительно. Можно поплатиться здоровьемъ за эту поэтическую прогулку. У меня можетъ сдѣлаться гриппъ. Я, просто, ему удивляюсь! продолжалъ онъ, посматривая очень непріятно на Андрея Валерьяновича, который былъ у другого стола.

Андрей Валерьяновичъ подошелъ.

— Вы ужъ кончили, князь? спросилъ онъ.—Что вы сдѣлали?

— Вотъ, выигралъ, отвѣчалъ князь, указывая взглядомъ на столъ: — кажется, у нихъ.

— У меня, точно такъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ сконфуженный товарищъ Андрея Валерьяновича:—Андрей Валерьянычъ, мнѣ вамъ нужно сказать...

Андрей Валерьяновичъ былъ блѣденъ.

— Послѣ, сказалъ онъ, — завтра...

Почти всѣ кончили игру; вокругъ стола и въ комнатѣ собралось много гостей.

— А, кстати, мой почтеннѣйшій Андрей Валерьянычъ, сказалъ князь:—мы съ вами не сосѣди больше?

— Не сосѣди, повторилъ Андрей Валерьяновичъ.

— Да; вѣдь ваше степное имѣніе продалось: я сейчасъ слышалъ?

— Двѣ тысячи, шепталъ проигравшійся товарищъ на ухо Андрею Валерьяновичу:— играли по пяти рублей пуанъ, да на фигуры...

— Я пришелъ васъ просить, князь, и васъ, господа, сказалъ Андрей Валерьяновичъ громко, между тѣмъ какъ дрожавшій голосъ обнаруживалъ душевное страданіе:— пожалуйте взглянуть фейерверкъ: ночь тиха, тепло...

Ракеты и огненные фонтаны освѣщали садъ и разливъ, лежавшій широкой, перламутровой полосой въ ночной темнотѣ. Гости любовались, восклицали, благодарили или осуждали хозяина... Андрей Валерьяновичъ желалъ, чтобъ на него обрушился навѣсъ балкона со всѣми его фонарями...

— Гдѣ-жъ князь? спрашивалъ онъ, когда гости сбирались опять въ домъ и былъ готовъ ужинъ.

— Уѣхалъ, отвѣчали ему довольно непріязненно.

— Да ужъ очень многіе уѣхали.

— Очень сожалѣю, если имъ показалось скучно, отвѣчалъ Андрей Валерьяновичъ, раздраженный и безъ того, и не въ силахъ владѣть собою.—Право, не стоитъ давать праздника...

То, что онъ чувствовалъ, было неизобразимо. Несчастье, разореніе, неудача послѣдняго праздника, злость общества, проигрышъ, когда въ домѣ не было ни копѣйки—все падало на него, одно за другимъ, все разомъ...

— Вы очень устали для насъ? мило сказала ему Артемина.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; — при васъ я устать не могу...

Остались немногіе, но они танцовали до свѣта...

Сходя съ лѣстницы, чтобъ сѣсть въ лодку, и почти прислонясь сонной головкой къ плечу Андрея Валерьяновича, Артемина замѣтила, что звѣзды уже скрылись... Андрей Валерьяновичъ тихо сказалъ ей: что она— его утренняя звѣзда...

Послѣ шестнадцати - часовой усталости можно не гоняться за новизной комплимента. Палатьевъ дремалъ окончательно; Александръ курилъ, чтобъ не заснуть...

Восхитительное весеннее утро вставало надъ городомъ, когда всѣ, наконецъ, были дома и могли успокоиться.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Май былъ въ половинѣ; весна уже начинала переходить въ лѣто; рощи стали темны, поля цвѣли, рожь колосилась.

Былъ вечеръ; собралась весенняя гроза и весело шумѣла, колебля верхушки деревьевъ, весело разливалась ручьями по колеямъ проселочной дороги, когда проглянуло солнце, уже не высокое, оно засвѣтило въ нихъ, будто въ маленькихъ зеркалахъ.

Проселочная дорога шла по краю горы; внизу далеко разстилалась долина, нѣсколько разъ перерѣзанная изгибами маленькой рѣчки, за ней, на пригоркахъ, росли рощи. Крутые склоны этихъ пригорковъ, освѣщенные солнцемъ, были ярко зелены; темная сторона ихъ скрывалась въ синеватой мглѣ и ея прохлада угадывалась издали. Деревья стояли неподвижныя; темные розовые лучи тянулись между ихъ стволами; кое-гдѣ молодой дубокъ выдавался, свѣжій и свѣтлый, на темной зелени. Иногда весь лѣсокъ разбивался полукругомъ и издали, на освѣщенномъ лужкѣ, виднѣлось пестрое стадо. Отъ лѣса, ниже къ рѣчкѣ, спускалось маленькое селеніе, все болѣе и болѣе утопая въ тѣни, по мѣрѣ того, какъ заходило солнце. Вечеръ былъ вмѣстѣ тепелъ и прохладенъ; тучка ушла далеко; небо было золотое на западѣ, и рѣдкія разорванныя облачка, то бѣлыя, то огненныя, только ярче выдавали прелесть и мягкость его темно-голубого цвѣта; оно, казалось, освѣжилось отъ грозы и разстилалось безконечно, будто раздвинувъ свои границы... Въ воздухѣ было столько благоуханій, свѣжести, свѣта, звуковъ! все вмѣстѣ заставляло наслаждаться такъ полно, такъ тепло и сладко охватывало сердце, что чувства смѣшивались, мысль забывалась, оставалось одно ощущеніе невыразимо отрадное, полное дѣтской грусти и сознательнаго счастья, воспоминаніе далекое и чистое, какъ небо, стремленіе жаркое, какъ свѣтъ послѣднихъ лучей, восторгъ свободный, какъ просторъ полей, утопающихъ въ вечернемъ туманѣ. Радость носилась въ воздухѣ; она наполняла въ эти минуты всю жизнь природы и душу человѣка...

При въѣздѣ въ селеніе, проселочная дорога соединялась съ большою. Въ сторонѣ былъ помѣщичій домъ, весь спрятанный въ зелени; его окружала роща и только низкіе цвѣтущіе кусты сиреней обозначали мѣсто цвѣтника, передъ балкономъ. Домъ былъ необитаемъ, что доказывала половина его запертыхъ ставень и запущенный цвѣтникъ; но въ этотъ вечеръ въ немъ показалось небольшое движеніе: во дворѣ стояла дорожная карета, вокругъ которой хлопотали люди; балконъ былъ отворенъ.

Пріѣзжая была Марья Андреевна.

На асташевскомъ праздникѣ одна изъ ея знакомыхъ предложила Марьѣ Андрееенѣ ѣхать съ нею въ деревню, хотя на нѣсколько недѣль, встрѣтить весну. Марьѣ Андреевнѣ понравилось это предложеніе: ей хотѣлось куда нибудь, лишь бы не оставаться въ городѣ, въ своей комнатѣ, гдѣ она видѣла весну только въ свое окно; ей такъ присмотрѣлосъ все, что она видѣла изъ этого окна! Ей хотѣлось отдохнуть, и она боялась, что ей откажутъ въ ея просьбѣ ѣхать. Но случилось, что ей не отказали. Андрей Валерьяновичъ былъ такъ озабоченъ послѣдствіями своего праздника, долгами, разсчетами по продажѣ Высокаго, проигрышемъ и нѣсколькими непріятностями, которыя случились вслѣдствіе нѣкоторыхъ словъ, слышанныхъ Андреемъ Валерьяновичемъ на своемъ обѣдѣ

и тоже слышанныхъ гостями Андрея Валерьяновича, когда, подъ конецъ праздника, уже больше не выдержало сердце его. Когда Марья Андреевна сказала, что хочетъ ѣхать, Андрей Валерьяновичъ не спросилъ даже, на долго ли.

Елена Ивановна рѣшилась такъ же скоро. Проигрыши и непріятности скрывались отъ нея сколько было возможно; но продажа бриллiантовъ, на которую былъ принужденъ рѣшиться Андрей Валерьяновичъ, открыла ей все. Еленѣ Ивановнѣ показалось, что все ее оставляетъ: не мудрено, что оставляла и дочь.

Марья Андреевна уѣхала. Она провела цѣлый мѣсяцъ на свободѣ, между людьми, которые, хотя не были ей друзьями, но не были ей непріятны, спокойно такъ, какъ не ожидала и не предполагала никогда. Она видѣла пріязнь отъ людей полузнакомыхъ, которые отъ души старались доставить ей удовольствіе, предупредить ея желанія. Всегда далекая отъ всѣхъ, Марья Андреевна не надѣялась найти столько участія; усталая душой, она не надѣялась такъ отдохнуть; вѣчно печальная, она не думала, что въ ея жизни будетъ нѣсколько дней, проведенныхъ безъ заботы и почти весело. Хотя на короткое время, она освободилась отъ тяжелаго вліянія стѣнъ своего городского дома и всего, что заключали эти стѣны; она испытала отдохновеніе—это послѣднее изъ благъ, это печальное благо, которое едва ли даетъ силу переносить дальнѣйшій трудъ. Отдохновеніе заставляетъ забывать прошедшее, и дѣйствительная жизнь, вступая опять въ права свои, является только что отдохнувшему человѣку будто что-то новое, застаетъ его развлеченнымъ и неготовымъ, и упадаетъ на него всей своей тяжестью. Въ большей части печалей насъ поддерживаетъ привычка къ этимъ печалямъ; отдохновеніе нарушаетъ ихъ порядокъ и даетъ забыть эту спасительную привычку...

Марья Андреевна испытывала это на себѣ. Пришло время возвратиться; отпускъ данъ былъ ей на мѣсяцъ. Ея знакомые просили ее на возвратномъ пути остановиться ночевать въ ихъ же деревнѣ, но въ которой не жили сами. Деревня была недалеко отъ N*. Марья Андреевна пріѣхала подъ-вечеръ и расположилась въ пустомъ домѣ. Она была очень довольна, что могла удобно провести послѣдніе часы своей вакаціи.

Это былъ послѣдній день, послѣдній вечеръ ея свободы. Въ душѣ ея смутно пробѣгала тоска; она чего-то боялась, какъ ребенокъ, потому что душа ея, настроенная нѣсколькими недѣлями покоя и радостно принятыми впечатлѣніями весны, еще не возвратила себѣ свою печальную энергію. За дѣтскимъ чувствомъ боязни приходило другое чувство, уже сильное, но молодое и беззаботное: желаніе еще разъ спокойно насладиться тѣмъ, что такъ прекрасно являлось передъ ея глазами.

Марья Андреевна отворила балконъ. Лиза, ея горничная, прибирала ея дорожное платье и старалась придать давно нежилой комнатѣ какъ можно больше удобства: она уютно сдвинула мебель, разостлала коверъ, поставила въ воду полевые цвѣты, собранные дорогой. Марья Андреевна смотрѣла, смѣясь, на ея приготовленія.

— Ты точно ждешь гостей, Лиза, сказала она.

— Здѣсь очень хорошо, отвѣчала дѣвушка.—Никого нѣтъ: мы сами и хозяева, и гости.

Въ пустой комнатѣ голоса ихъ раздавались странно и звонко; такъ же звонко въ другихъ комнатахъ слышались шаги проходившей прислуги. Все было въ маленькомъ безпорядкѣ, впрочемъ, очень пріятномъ и оживленномъ. Въ нѣсколько минутъ, благодаря заботамъ Лизы, импровизированная гостиная Марьи Андреевны сдѣлалась очень удобна и красива. Лиза приготовила свѣчи, достала книги и работу своей барышни, наконецъ, увлекаясь хлопотами, попробовала открыть фортепьяно, стоявшее въ углу.

— Какое счастье, не заперто! вскричала она, поднимая крышку.

— И, кажется, не очень разстроено, сказала, подходя, Марья Андреевна, которую все это начало занимать.

— Попробуйте!.. Ахъ, какъ это весело!

— Ты точно собираешься долго здѣсь пробыть.

— Все равно, хоть одинъ вечеръ, да нашъ. Завтра въ это время будемъ ужъ дома.

— Да, сказала Марья Андреевна, какъ будто испугавшись этихъ словъ.

— Вотъ вы займетесь, поиграете, а я покуда пойду хлопотать о чаѣ.

— Я пойду въ садъ, Лиза, сказала Марья Андреевна:—ты позовешь меня, я буду недалеко.

Она сошла съ балкона. Цвѣтникъ спускался къ пруду, обсаженному шиповникомъ и сиренями. Вѣтки блѣднолиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ сдѣлались какъ-то крѣпки и казались еще пышнѣе отъ вечерней прохлады. Въ прудѣ отражался закатъ; ни одинъ листъ

не шевелился на деревьяхъ; въ травѣ замолкали кузнечики; въ рощѣ пѣлъ соловей, еще тихо и робко: онъ дожидался ночи. Прозрачный и теплый туманъ опускался къ водѣ; и на водѣ, и на землѣ лежалъ золотисто-розовый оттѣнокъ, вмѣстѣ блестящій и нѣжный. Всякій стволъ дерева обозначался огненной чертою: всякая вѣтка вырѣзалась въ воздухѣ всякимъ листомъ своимъ отчетливо и мягко; глубокая лазурь неба казалась еще ярче отъ темныхъ и жаркихъ цвѣтовъ земли и зелени.

Садъ былъ запущенъ. Кое-гдѣ, по краямъ дорожки, поднималась головка расписного тюльпана, или фіолетовый ирисъ выглядывалъ изъ-за бѣловатыхъ концовъ своей зелени и густой травы, которой поросли куртины. Повитель цѣплялась вокругъ кустовъ, завязывалась въ узлы своими крѣпкими и красивыми вѣтками, застилала дорожки и безъ того заросшія, на которыхъ только въ серединѣ оставалась одна узкая тропинка. Марья Андреевна шла по этой тропинкѣ.

Прелесть вечера развлекала ее невольно, хотя въ душѣ ея безпрестанно шевелилась мысль, то улегаясь, то поднимаясь опять. Она хотѣла думать и не могла, думать долго, сообразить еще разъ все, что прожилось ею до этой минуты... Ей почему-то казалось необходимо все припомнить.

Въ первый разъ съ дѣтства была она на свободѣ. И за этой первой мыслью, за полнымъ понятіемъ прелести этой свободы, за полнымъ сознаніемъ, что душа ея была свободна и хотѣла наслаждаться свободой, приходило воспоминаніе, что она не знала свободы, что теперь поздно и узнавать ее, что ужъ жизнь пройдена. И въ чемъ свобода? Она уже не дитя, давно не дитя. Хотя бы и хотѣла она (Марья Андреевна улыбнулась этой мысли), у ней недостанетъ ловкости гоняться за бабочками, она слишкомъ скоро устанетъ и еще скорѣе соскучится. Дѣтство невозвратно; у него есть свои силы, свои увлеченія, а ихъ даже невозможно припоминать!..

Дряхлая старушка-ключница шла къ дому; встрѣтившись съ Марьей Андреевной и поклонясь ей, она, какъ всѣ старые люди, не могла удержаться, чтобъ не замѣтить, что становится холодно и пора домой... Для нея наслажденіе жизни состояло только въ теплѣ и покойномъ углу.

«Нѣтъ еще, я не могу желать только этого!» сказала про себя Марья Андреевна, уходя далѣе.

Лицо этой старухи напомнило ей Пелагею Михайловну.

«Старость!» продолжала думать Марья Андреевна: «едва ли, впрочемъ, это не лучшее благо, котораго пожелать можно. Что нибудь, но уже оконченное. Какъ ни прошла жизнь — безъ дѣтства, безъ веселья, безъ друзей, безъ любви—но ея ужъ немного осталось, терпѣть недолго...»

Она вдругъ горько и отчаянно заплакала. Въ глазахъ ея разсѣялся какой-то туманъ, и жизнь, забытая ею, явилась ей вдругъ и ясно. Прошедшее и настоящее явились вмѣстѣ; скучные дни, холодные разговоры, принужденная веселость изъ приличія, искренняя веселость отъ дѣтской доброты сердца, которое обманывало само себя—все, что испытывала она сама, все, что вносили въ ея жизнь другіе—ихъ равнодушіе и непониманіе, ихъ неумышленная жестокость и обдуманная злость, ихъ лица безъ улыбки, ихъ странная недовѣрчивость и отталкивающая пустота, невольно вызывающая презрѣніе вмѣсто откровенности — и свое собственное раскаяніе въ печальной, убивавшей душу гордости — все, и этотъ свѣтъ съ его нарядами, балами и клеветами, свѣтъ, который заглядываетъ въ глубину домашней жизни только для того, чтобъ вынести изъ нея новый романъ на потѣху своей скуки и праздности, свѣтъ, который ничего не видитъ, пока не натолкнутъ его, и тогда бросается терзать упавшаго, не разбирая, виноватъ ли онъ, свѣтъ, который прощаетъ все, было бы все скрыто и прилично, и не находитъ въ себѣ капли сочувствія къ горести, которая прячется среди его блеска... все пришло ей на память, вдругъ, безъ словъ, безъ названій, одной общей и отчаянной печалью... Возвращаться ли туда? Вотъ нѣсколько дней, прожитыхъ между чужими, простыми людьми, которые не спрашивали, богата ли она, не осуждали ея познаній, не считали ея годовъ, не подозрѣвали злости во всякомъ движеніи ея сердца, радовались тому, что она веселѣла между ними. Не возвратиться ли опять къ нимъ? Не начать ли жить съизнова, какъ Богъ дастъ, протягивая руку всякому, кто встрѣтится на этой новой дорогѣ, кто добрымъ словомъ поможетъ воскреснуть этому бѣдному сердцу? Оно такъ ждетъ ласки и участья, оно такъ хочетъ ожить!..

Отчего теперь пришло это желаніе? Не оттого ли, что хорошъ вечеръ, что весеннее тепло странно раздражаетъ нервы, или для того, чтобъ видѣть яснѣе свое горе? Человѣку необходимо полное сіяніе природы,

этой утѣшительницы безъ участія, и возможности дѣйствовать, которая утѣшаетъ только тѣмъ, что убаюкиваетъ и развлекаетъ, какъ ребенка. Она не даетъ и думать; она примѣшиваетъ какую-то странную мечтательность къ дѣйствительному, ясно сознанному чувству: она обращаетъ самую мысль въ ощущеніе...

«Какъ хороши и черны деревья!» подумала Марья Андреевна, глядя на полувѣковые клены, которые отражались въ чистой водѣ.

Она вздохнула свободнѣе. Слезы, которыми за минуту были полны глаза ея, исчезли; ея прелестное лицо, освѣщенное послѣднимъ лучомъ солнца, приняло выраженіе восторга, въ которомъ радость еще смѣшивалась съ улетавшей печалью.

«Еслибъ можно было остаться здѣсь, совсѣмъ одной; читать, думать, молиться... молиться такъ, какъ молятся дѣти! забыть все... забыть время: пусть бы шло оно!.. Какъ тихъ этотъ вечеръ! Кто знаетъ: навѣрное, въ эту минуту сотни, можетъ быть тысячи существъ, любящихъ другъ друга, рука въ руку, вмѣстѣ... Счастливыхъ такъ много на свѣтѣ! Есть же любимыя женщины, ихъ жизнь не проходила въ безвыходной скукѣ, которая прежде времени заставляетъ старѣть и сердце, и красоту; онѣ встрѣчаютъ день желаньемъ счастья и кончаютъ его восторгами благодарности; онѣ умѣютъ говорить нѣжныя слова; онѣ добры, благоразумны, терпѣливы... Какъ все это легко тому, кто счастливъ! Въ эту минуту, можетъ быть, тотъ, кого онѣ любятъ, кто любитъ ихъ...

— Еслибъ онъ былъ здѣсь! сказала она вдругъ громко и оживляясь.

Странное чувство охватило ея сердце; она улыбнулась, оглядываясь кругомъ. Тотъ, кого она любила не называя, тотъ, кого она звала, упрекая себя въ ребячествѣ, о комъ она думала постоянно, не сознаваясь самой себѣ въ этой мысли и утѣшаясь этой мыслью, несбыточной, несвязной, во всемъ горѣ, которымъ такъ щедро надѣлила ее судьба, во всей пустотѣ своей напрасно проходящей молодости — этотъ человѣкъ, чьей любви она не ждала и не надѣялась, вспоминался ей явственно, какъ живой; ей казалось, что онъ придетъ сейчасъ, скажетъ ей, чтобъ она ободрилась, и подастъ ей руку... больше она не смѣла и думать. Онъ повторилъ бы ей только, что тамъ, въ этомъ скучномъ кругу, въ этой тяжелой жизни, онъ будетъ ей нечужой, какъ онъ сказалъ это однажды. Услышать отъ него только это... о, Боже мой, и довольно! Желать больше было бы безумно, неблагодарно. Онъ любитъ другую... Богъ съ нимъ! вѣдь эта женщина не можетъ принадлежать ему; онъ ее забудетъ. Еслибъ онъ могъ вообразить, еслибъ онъ увидѣлъ во снѣ, какъ я люблю его!

Марья Андреевна стояла, оглядываясь кругомъ, между тѣмъ какъ все затихло. Сердце ея билось неизобразимой тревогой ожиданія; въ ея глазахъ мелькали образы; ей слышались слова; ея воображеніе создавало всю сцену встрѣчи; ея душа замирала радостью... Эта радость сдѣлалась вдругъ такъ велика, что перешла въ ужасъ: Марья Андреевна вскрикнула.

Изъ рощи выходилъ молодой человѣкъ, бѣлокурый, стройный, высокій. Это былъ Нестоевъ.

Едва живая, Марья Андреевна удержалась за дерево: у ней не достало силы вскрикнуть еще разъ. Увидя ее, молодой человѣкъ почти подбѣжалъ къ ней; она не опомнилась, не чувствовала, какъ онъ цѣловалъ ея руки; она смотрѣла на него не дыша, не понимая.

— Что съ вами? повторялъ Нестоевъ, поддерживая ее:—вы встревожены? Вы испугались? Я испугалъ васъ? Я не видалъ васъ такъ давно!..

— Вы ли это? проговорила она внѣ себя:—вы здѣсь?

— Да, съ вами. Проѣзжая черезъ селеніе, я узналъ, что вы здѣсь. Знать, что вы близко, провести вечеръ вмѣстѣ... Но что случилось, ради Бога? Что съ вами?

— Ничего, отвѣчала она, улыбаясь и безсознательно сжавъ его руку:—я испугалась, обрадовалась...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я думала, вы Богъ знаетъ гдѣ, я сейчасъ о васъ думала.

— Обо мнѣ? Вы вспоминали обо мнѣ? А я думалъ о васъ каждую минуту.

— Возможно ли это?

— Возможно ли? Но о комъ же могу я думать, какъ не о васъ, продолжалъ онъ съ восторгомъ, заглядываясь въ ея лицо, гдѣ выражалось все чувство, которымъ, въ смущеніи, она не успѣла овладѣть:—вѣрите ли вы мнѣ?

Онъ довелъ ее до балкона и сѣлъ подлѣ нея на ступени.

— Помните ли, когда мы видѣлись послѣдній разъ? Покойны ли вы, счастливы ли вы съ тѣхъ поръ? Еслибъ вы знали... Судьба свела насъ теперь нечаянно. Будьте откро-

венны со мною, скажите мнѣ... Простите, я не знаю, что говорю... Вѣрите ли, что я спрашиваю васъ отъ сердца?

— Вѣрю, отвѣчала тихо Марья Андреевна, наклоняя голову, между тѣмъ какъ холодная, смертельная тоска налегала на ея душу, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ всего прошедшаго.

— Вообразите, что съ вами братъ... другъ, человѣкъ, который отдастъ за ваше счастье... Не скрывайтесь предо мною; вамъ тяжело, выскажитесь. Я знаю, что вамъ некому высказаться, вы однѣ... но теперь я съ вами, я спрашиваю васъ, я въ правѣ... потому...

— Что спрашивать? прервала она съ отчаяніемъ: — все равно, прошедшаго не возвратишь.

— Что-жъ было въ прошедшемъ?

— Была молодость, силы, надежды... Вы думаете, было что нибудь другое? О! ничего, ничего не было; та же страшная пустота, то же горе; но я еще смѣла ждать, желать... Все равно, все кончено! Зачѣмъ вы меня спрашиваете? зачѣмъ будить во мнѣ мысль, что и я могла бы быть счастлива, могла бы быть любима...

Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— А теперь, спросилъ Нестоевъ: — теперь, если вамъ скажутъ, что вы любимы...

Онъ не договорилъ; она оглянулась съ испугомъ.

— Повѣрите ли вы мнѣ?.. Если я скажу вамъ, что люблю васъ...

— Вы? прервала Марья Андреевна, глядя на него и не понимая.

— Я люблю васъ—вѣрите ли вы мнѣ? Можете ли вы любить меня?

Онъ упалъ головой на ея руки; она прижалась губами къ его волосамъ и не могла отвѣчать...

Нѣтъ словъ пересказать такія минуты, ихъ безпрестанно возрождающаяся радость такъ полна, онѣ такъ несходны ни съ чѣмъ, что было прежде... Сохранить бы ихъ въ памяти, передать бы ихъ другимъ, затвердить ихъ, чтобъ помнить въ молитвѣ...

Молодые люди повторяли, что любятъ другъ друга; Марья Андреевна плакала.

— Можно ли плакать, когда мы такъ счастливы? сказалъ Нестоевъ.

— Можно, отвѣчала она: — счастье слишкомъ велико; тяжело выносить. Стою ли я этого? Моей жизни мало, чтобъ заплатить за эту минуту.

— А эта минута—только начало. Милая, мы оба свободны...

Она подняла глаза къ небу и молилась. Нестоевъ видѣлъ только ее.

— Да, моя милая, счастье не на одну минуту! Недаромъ было горе: за все заплатится теперь. Передъ нами цѣлая, свѣтлая, долгая жизнь, молодость. Сколько есть силъ въ жизни, мужества въ молодости, я все отдамъ твоему счастью... Молись, призывай благословеніе Бога на нашу любовь, моя радость!..

— Когда мы видѣлись въ первый разъ? спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Я помню, отвѣчалъ онъ.

— А я нѣтъ. Вѣроятно, гдѣ нибудь, гдѣ было очень скучно, очень шумно...

— Будемъ считать съ нынѣшняго дня; мы видимся въ первый разъ сегодня.

Онъ не ошибался: съ этого дня она могла начать жизнь свою. Въ ея глазахъ все обновилось, все просвѣтлѣло, все наполнилось красотой, которой она не угадывала прежде. Что-то проснулось въ ея душѣ, называя эту красоту, — новое чувство, понятливое и жаркое. — Все стало ей милѣе; ея сердце, тронутое милостью судьбы, простило и забывало.

Они стояли прислонясь къ колоннѣ балкона, забываясь, въ полномъ высокомъ чувствѣ; вокругъ нихъ былъ цѣлый міръ наслажденія и блаженства.

Между кустовъ сирени лежала бѣлая полоса свѣта; прудъ былъ неподвиженъ и вполовину въ тѣни за березами. Соловей пѣлъ; деревья тихо колыхались будто съ просонка; ласточки шевелились въ своихъ гнѣздахъ подъ навѣсомъ балкона. Ночь была ясна; молодой мѣсяцъ золотилъ узкую гряду мелкихъ облаковъ, перекинутую по небу, единственную на всемъ голубомъ пространствѣ; маленькая звѣзда, необыкновенно блестящая, казалось, весело гналась за мѣсяцемъ; другія звѣзды тихо и задумчиво мерцали въ вышинѣ...

— Небо освѣтилось для насъ однихъ, сказалъ Нестоевъ, прижимая руки дѣвушки къ своей груди.

— Скажи мнѣ, сказала вдругъ Марья Андреевна, послѣ долгихъ минутъ безмолвнаго восторга, обращая взглядъ отъ неба на лицо любимаго человѣка, забываясь и говоря ему ты въ первый разъ: — точно ли это мы — ты и я, на-яву ли это? Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ такъ хорошо! живу ли я? Не цѣлуй моихъ рукъ, не становись на колѣни, смотри на меня. Прости меня, я не любила никогда, я не знаю, такъ ли любятъ, такъ ли благодарятъ за счастье? можетъ быть, я холодна и неблагодарна?

— Будь только счастлива, только счастлива! только повторяй мнѣ, что ты счастлива!

Свѣтъ, который блеснулъ изъ дверей балкона, вдругъ напомнилъ молодымъ людямъ, что они не одни въ мірѣ.

— Что это? спросилъ Нестоевъ.

Лицо Марьи Андреевны, блѣдное отъ волненія и ночного сумрака, слегка вспыхнуло.

— Мы въ чужомъ домѣ, тихо сказала она, улыбаясь въ смущеніи.

— Въ чужомъ домѣ... повторилъ онъ, припоминая.— Черезъ недѣлю, въ этотъ самый день, мы будемъ тоже вмѣстѣ, уже въ нашемъ домѣ — да?

— Да, если будетъ угодно Богу, отвѣчала она, содрогаясь отъ глубокаго чувства.

Она еще разъ посмотрѣла на небо, перекрестилась, потомъ обратилась къ Нестоеву спокойно и весело, и сказала:

— Пойдемте.

Нестоевъ вошелъ за нею въ комнату. Комната смотрѣла привѣтливо; свѣчи ярко освѣщали ея бѣлыя стѣны и пеструю мягкую мебель. Въ теплѣ и тишинѣ было что-то успокаивающее послѣ влажнаго ночного воздуха.

— Какъ здѣсь хорошо! сказалъ Нестоевъ, бросаясь въ кресло.

Онъ былъ блѣденъ. Марья Андреевна подошла къ нему; онъ смотрѣлъ на нее долго и пристально, восхищаясь ея красотой и оживленіемъ, которое разливало по ея лицу тревогу счастья. Молодая дѣвушка улыбнулась кротко и радостно.

— Милости просимъ. Скажите же мнѣ: какъ и зачѣмъ вы здѣсь, спросила она: — вспомните, съ которыхъ поръ мы не видались?

— Полтора мѣсяца, сказалъ Нестоевъ.

— Больше. Полтора мѣсяца, какъ вы уѣхали изъ N*, а еще до вашего отъѣзда мы не видались болѣе двухъ недѣль... Я считала ихъ... Какъ же вы заѣхали сюда? продолжала она, краснѣя и смущаясь.

— Судьба! отвѣчалъ Нестоевъ, не сводя съ нея глазъ.

— Въ видѣ чего явилась эта судьба?

— Очень прозаически. Меня послали по дѣламъ; дѣлъ нашлось больше, нежели сколько я ожидалъ, я кончилъ ихъ только теперь, и еще не всѣ кончилъ: я возвращаюсь въ N* еще дня черезъ три или четыре, не раньше...

— Чрезъ три дня!

— Да. А вы?

— Завтра.

— Останьтесь здѣсь эти три дня, чтобъ намъ пріѣхать въ одно время. Я буду покойнѣе, зная, что вы еще не тамъ...

— Лучше я тамъ дождусь васъ... Но какъ же вы зашли сюда?

— Я ѣхалъ чрезъ селеніе; здѣсь большая дорога. На станціи я увидѣлъ вашихъ людей; мнѣ сказали, что вы здѣсь, я остался и пришелъ къ вамъ.

— Десять часовъ, сказала Марья Андреевна, взглянувъ на часы, которые отставали: — когда вы должны выѣхать? Распорядитесь, пошлите сказать, чтобъ ваши лошади пріѣхали сюда за вами.

— Вы этого хотите?

— Я хочу знать, сколько еще осталось намъ пробыть вмѣстѣ. Мнѣ слишкомъ дорого это время; я буду считать каждую минуту... Будемъ благоразумны...

— О, благоразумные люди, которые начали съ того, что сказали другъ другу «люблю» вмѣсто «здравствуй!» сказалъ Нестоевъ, смѣясь какъ счастливецъ.

Марья Андреевна сѣла подлѣ него у столика. Вошла Лиза; зная, что есть гость, добрая дѣвушка превзошла себя въ хлопотахъ о приготовленіи полдника и чая; не подозрѣвая счастья своей госпожи, она какъ будто хотѣла еще по возможности дополнить его, окружая ее всѣми удобствами, пріятными особенно потому, что въ нихъ угадывались преданность и привязанность.

— Какъ ты мила, Лиза! Благодарю тебя, сказала ей тронутая Марья Андреевна.

Лиза ушла, выслушавъ порученіе Нестоева о его отъѣздѣ, порученіе, впрочемъ, очень неопредѣленное: онъ велѣлъ пріѣхать за собой «какъ уберутся». Марья Андреевна смѣялась, онъ тоже. Ихъ счастье было такъ полно, что легко переходило даже почти въ дѣтскую веселость. Ихъ забавляли мелочи. Они не припоминали сами, чему смѣялись за минуту; имъ было хорошо, покойно, легко; все кругомъ освѣщалось для нихъ ихъ внутреннимъ свѣтомъ, всѣ посторонніе впечатлѣнія припоминались ихъ внутреннимъ чувствамъ. Они говорили не о себѣ, вспоминали постороннихъ, но мысль, жаркая и восторженная, оживляла ихъ. Нестоевъ разсказывалъ что-то... о своихъ дѣлахъ и поѣздкѣ. Марья Андреевна прервала его:

— Какъ я люблю тебя! сказала она, сложивъ руки и взглянувъ на него такъ, что вся душа была въ ея глазахъ.

— Слушай, сказалъ Нестоевъ, чрезъ нѣсколько минутъ: — я возвращусь чрезъ три дня непремѣнно. На четвертый, въ воскре-

сенье, я пріѣзжаю къ вамъ... твои родные, вѣрно, не заставятъ просить себя долго. Къ кому изъ нихъ надо прежде обратиться?

— Къ матери, отвѣчала тихо Марья Андреевна.

— Хорошо. А вы будете просить ее тоже, или предоставите все на волю судьбы? прибавилъ онъ, шутя.

— Я? вскричала Марья Андреевна:—предоставлять на волю судьбы мое первое и послѣднее счастье? Нѣтъ!.. До нынѣшняго дня у меня не было ни воли, ни мужества — на что они были мнѣ нужны? Но теперь, когда я знаю, что мнѣ есть для чего жить, я не уступлю своего счастья—нѣтъ! я слишкомъ долго, слишкомъ отчаянно ждала! я не посмотрю ни на что, ни на судъ свѣта, ни на гнѣвъ семьи... развѣ ты самъ оттолкнешь меня...

— О, полно, полно! прервалъ Нестоевъ: — возможно ли, ни одной спокойной минуты, даже въ счастьи? Вспомни, что нѣтъ и обстоятельствъ, которыя могли бы насъ разлучить. Ты слишкомъ привыкла тосковать и бояться, я отучу тебя... Я люблю тебя такъ давно, успѣлъ столько передумать и придумать о тебѣ...

— А у меня развѣ были минуты, чтобъ я не думала о тебѣ?.. Я видала тебя во снѣ...

— Вотъ такъ? спросилъ Нестоевъ.

— Возьми жизнь мою!.. я хотѣла бы умереть!

Они не могли сказать больше ни слова. Истинное счастье и истинное чувство прекрасны именно тѣмъ, что каждую минуту охватываютъ душу новой силой, новой прелестью, новымъ жаромъ, являются въ новыхъ образахъ, и если повторяются, то приводятъ съ собою воспоминаніе перваго ощущенія, воспоминаніе, которое придаетъ значеніе каждой бездѣлицѣ. Бездѣлицы становятся милы, простыя слова занимательны; они идутъ рядомъ съ восторженными словами любви и не кажутся странными. Довѣрчиво занятые только другъ другомъ, двое счастливцевъ не взглядываютъ другъ на друга постороннимъ взглядомъ, не улыбаются скорому переходу отъ восторговъ къ житейской прозѣ, напротивъ, эта проза дѣлаетъ ихъ еще счастливѣе: она какъ будто сильнѣе удостовѣряетъ ихъ, что ихъ счастье не сонъ, а дѣйствительность. Тогда является простая, откровенная веселость, что-то младенческое, уцѣлѣвшее въ человѣкѣ и являющееся какъ дополненіе его лучшаго чувства...

Нестоевъ протянулъ руку за чашкой съ чаемъ и засмѣялся, увидя, что она пуста. Тогда они засмѣялись оба, вспомнивъ, что еще не принимались за чай.

— Позволь, я буду угощать тебя, сказала Марья Андреевна.

И она принялась дѣлать чай съ восхищеніемъ, спрашивала Нестоева о его привычкахъ, смотрѣла ему въ глаза, чтобъ угадать, доволенъ ли онъ.

— Есть надежда, что наше хозяйство будетъ въ порядкѣ, сказалъ онъ. — Сочтемся, однако, когда мы устроимся; будемъ благоразумны. Въ воскресенье я сватаюсь. Довольно недѣли на всѣ сборы.

— Очень довольно.

— Я найму домъ, знаешь, каменный, въ одинъ этажъ, съ садомъ, недалеко отъ театра. Увидишь, какъ я его уберу — тебѣ понравится.

— Не придумывай большихъ затѣй, прервала Марья Андреевна, смѣясь:— вспомни, что у тебя и у меня...

— Довольно будетъ для насъ. За то мы скорѣе уговоримъ Андрея Валерьяныча не дѣлать никакихъ праздниковъ. И надобно торопиться: скоро постъ. Въ слѣдующее воскресенье, перваго іюня, мы будемъ обвѣнчаны.

Онъ сжалъ ея руку.

— Одиннадцать дней, какъ это долго!

— Дождемся, сказала она тихо.

— Воображаешь ли ты нашу жизнь вмѣстѣ? спросилъ Нестоевъ.

— Не знаю, смутно отвѣчала она.— Мнѣ такъ хорошо теперь, что я не могу придумывать. Чѣмъ меньше чужихъ, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, пусть будутъ чужіе; у насъ будетъ весело. Увижу, будете ли вы любезной хозяйкой.

— Постараюсь, отвѣчала Марья Андреевна.

— Вспомнимъ же, сказалъ Нестоевъ послѣ довольно долгаго молчанія:—какъ давно мы начали любить другъ друга. Въ первый разъ я увидѣлъ васъ на балѣ. Я тогда только что пріѣхалъ; потомъ былъ у васъ утромъ; вы играли что-то...

— Фантазію на «Moïse» Тальберга.

— Вы помните?

— Я все помню, отвѣчала она со слезами.

— Другъ мой, что съ тобою?

— О, это утро! продолжала она: — какъ мнѣ было тяжело, какъ я его вынесла! Повторяй мнѣ тысячу разъ, что все прошло, что ты меня любишь! Что же, заговорила она, успокоиваясь чрезъ нѣсколько, времени: — будемъ продолжать наши воспоминанія. Вы бывали у насъ часто и мнѣ всякій разъ бывало очень скучно...

— Благодарю васъ, сказалъ Нестоевъ, слегка кланяясь.

— Скучно, когда вы уѣзжали... дайте же договорить! вскричала она съ веселымъ нетерпѣніемъ.— Если хотите, продолжала она серьезно: — мнѣ бывало тяжело, очень тяжело и при васъ. Вы какъ-то больше другихъ выказывали мнѣ участія; отъ вашего разговора, отъ вашего присутствія казалось какъ-то еще темнѣе все, что было кругомъ меня; часто я мучилась, думая, что и вамъ скучно, и вамъ непріятно...

— Охота была себя мучить! сказалъ Нестоевъ.— Если въ домѣ скучно и непріятно, а человѣкъ бываетъ безпрестанно, стало быть, его привязываетъ что нибудь. Что же могло его привязывать кромѣ любви къ вамъ? вы разобрали бы это.

— Виновата, отвѣчала она кротко. — Но для чего же вы... не выражались какъ нибудь понятнѣе!

Они разсмѣялись оба.

— Для чего же вы держались такъ неприступно? возразилъ Нестоевъ. — Я, право, уже готовъ былъ думать: нѣтъ ли соперника, мертваго, если не живого.

— Скажите мнѣ правду, съ живостью прервала Марья Андреевна, глядя ему въ глаза:—любите ли вы Ливинскую?

— Очень, отвѣчалъ Нестоевъ.

— Больше чѣмъ меня?

— Что за странный вопросъ!

— О, нѣтъ, не странный. Всѣ говорятъ, что вы ее любите.

— Кто это говоритъ? вскричалъ Нестоевъ.—И вы могли вѣрить?

— Какъ же ты хочешь, чтобъ я не вѣрила? вскричала она:—я тебя любила, я цѣлые дни думала о тебѣ, одна, измученная, часто внѣ себя... и знать, что ты у нея, что ты проводишь тамъ всякій день, что вамъ весело... Она хороша, вы вѣчно свободны, одни... Вы и въ обществѣ не разстаетесь... я ревновала какъ безумная! я отдала бы всю жизнь, чтобъ провести одинъ часъ такъ, какъ проводила она съ тобою!

Нестоевъ почти не слушалъ ее; онъ всталъ взволнованный.

— Лучшее доказательство того, что я не влюбленъ въ нее, сказалъ онъ: — это, что она одна знаетъ о моей любви къ вамъ. Наканунѣ моего отъѣзда я сказалъ ей все: довольно ли этого, чтобъ васъ успокоить?

— Прости меня! отвѣчала она, схвативъ его руки.

— Эта женщина мой лучшій другъ, продолжалъ Нестоевъ:—вы узнаете ее короче и тогда вы скажете, можно ли не любить ее; тогда вы увидите, можно ли было вамъ ревновать къ ней... Кто вамъ говорилъ все это? Вы слышали въ обществѣ?

— У себя дома... это была шутка, отвѣчала Марья Андреевна.

— Знаете ли, чего можетъ стоить эта шутка? Ливинскій человѣкъ благородный, добрый, прямой, но онъ страшно ревнивъ. О немъ говорятъ это, тоже изъ шутки, и не подозрѣваютъ, что въ этой шуткѣ самая печальная правда. Я знаю его хорошо. Если онъ не выказываетъ своей ревности, то потому, что не мелоченъ и потому, что жена не даетъ ему повода ревновать. Его ревность тѣмъ сильнѣе, что онъ ее вѣчно скрываетъ, вѣчно сдерживаетъ и образумливаетъ самъ себя при каждомъ порывѣ. Эти порывы рѣдки и посторонніе ихъ не знаютъ, но мнѣ случалось замѣчать ихъ. Онъ любитъ меня и откровененъ со мною. Онъ испыталъ много неудачъ и горя въ жизни; близкіе ему люди оставляли его и вредили ему; онъ добился необыкновенной силой воли того положенія, которое теперь занимаетъ въ обществѣ, и уваженія, которымъ окруженъ; но и то и другое не вознагражденіе за тяжело прожитую молодость. Ему ужъ невесело жить и его единственное счастье—жена; онъ ее любитъ не меньше чѣмъ я люблю васъ! Вообразите-жъ, что можетъ быть съ нимъ, если онъ услышитъ, что она любитъ другого.

— Если назовутъ васъ, онъ пойметъ, что это клевета.

— Онъ всего скорѣе ей повѣритъ.

— Вы назвали его благороднымъ человѣкомъ, вскричала Марья Андреевна въ негодованіи:—вы говорили, что онъ васъ любитъ...

— Тѣмъ хуже. Никому онъ не довѣрялъ, какъ мнѣ...

— И сочтетъ васъ способнымъ употребить во зло его довѣренность?

— Развѣ страсть размышляетъ? въ ней не разбираются личныя уваженія. Повторяю вамъ: онъ любитъ жену выше словъ, безумно; а основательнѣе всего подозрѣвать меня — никого другого: изъ всѣхъ молодыхъ людей я одинъ такъ коротко принятъ въ ихъ домѣ; ей двадцать два года, ему пятьдесятъ; она хороша собою и мы цѣлый день вмѣстѣ свободны, и одни, какъ вы сказали.

— О, оставимъ это! прервала Марья Андреевна.—Съ чего вздумалось мнѣ говорить объ этихъ нелѣпыхъ толкахъ? они только измучили насъ обоихъ.

— Правда, сказалъ онъ, возвращаясь къ

ней и цѣлуя ея руки.—Эти толки, если и есть они, кончатся чрезъ три дня. Ливинскіе первые порадуются на насъ. Намъ будетъ хорошо жить на свѣтѣ. Сколько разъ я придумывалъ, какъ встрѣчусь съ тобою и скажу, что люблю тебя...

— Что-жъ, такъ ли случилось?

— Лучше! Хорошо ли тебѣ со мною, милая?

Они опять забыли все, кромѣ самихъ себя. Развлеченные на минуту воспоминаніемъ о постороннихъ, они съ новымъ увлеченіемъ отдались блаженству быть вмѣстѣ.

Они вѣрили въ вѣчность своего счастья; ихъ связывало не увлеченіе молодости, не одна потребность любить; они давно поняли и оцѣнили другъ друга и, въ настоящую минуту, весь этотъ отрадный разборъ вспоминался имъ, украсилъ ихъ чувство, сталъ для нихъ залогомъ надежды въ будущемъ. Они вѣрили, что имъ назначено, должно любить другъ друга и спрашивали себя: есть ли въ мірѣ другой такой уголокъ земли и двое существъ, такъ полно счастливыхъ? Для нихъ, не такъ, какъ для другихъ, блаженство не должно было кончаться одной первой минутой; впереди было много ясныхъ дней еще лучше этого дня. Они не обманывали себя; они знали, что жизнь готовитъ и трудъ и заботу, но въ истинной любви есть мужество, котораго ничто не пугаетъ; скучная и мелочная сторона жизни становится замѣтна только тогда, когда проходитъ любовь; а отчего пройти ей? Кто опредѣлилъ ей границы? кто рѣшилъ, что она непремѣнно должна пройти? Развѣ сердце человѣка, смертное и недолговѣчное, не хочетъ и на такой короткій срокъ сохранить себѣ свое счастье? А это счастье совершенно въ его власти. Кто велитъ ему мѣняться? кто мѣшаетъ ему быть выше времени, забывая старость, выше мелочей жизни, не давая имъ разочаровывать себя?.. Разочаровывать—странное слово! Какъ будто, чувствуя, мы нарочно обманывали самихъ себя, какъ будто холодѣя душою и становясь хуже, мы дѣлаемся умнѣе?.. Они вѣрили другъ другу и, забываясь въ этой мысли, помнили только, что они вмѣстѣ... Опять настали долгіе промежутки молчанія, взгляды краснорѣчивѣе словъ, слова начатыя и недосказанныя, пожатія руки, въ которыхъ одно существованіе сливалось съ другимъ, совершенное забвеніе прошедшаго, младенческая безпечность о будущемъ, восторгъ настоящей минуты, сознаніе, утонувшее въ чувствѣ, и чувство просвѣтленное сознаніемъ счастья, безконечная благодарность, безконечная радость...

— Какъ мы хорошо любимъ другъ друга! говорилъ Нестоевъ.—Если даже и пройдетъ наша молодость... но нѣтъ, она еще такъ долга! Взгляни на свою красоту: одной твоей красоты довольно, чтобъ сойти съ ума!

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала она.—Еслибъ ты зналъ, какъ теперь я хочу быть красавицей!

— Еслибъ ты знала...

— Спой мнѣ что нибудь, прервала она, вставая:—что нибудь: я хочу тебя слушать.

Она ушла къ фортепіано.

— Ты никогда еще не пѣлъ для одной меня.

Звуки раздались въ пустотѣ дома и, вылетая, разлились по темному, заснувшему саду; въ тишинѣ ночи ихъ было слышно и далѣе, въ полѣ, откуда прежде приносился шорохъ и крикъ птицъ, у рѣчки, гдѣ глухо стучали колеса мельницы, у дороги, откуда запоздалый проѣзжій могъ видѣть огонекъ изъ этихъ оконъ, мелькавшій между деревьями...

Нестоевъ пѣлъ тѣ строфы Intermezzo, въ которыхъ поэтъ, еще счастливый, говоритъ: что «погрузилъ бы свою душу въ чашечку бѣлой лиліи, чтобъ вздохъ этой лиліи былъ пѣснью для его возлюбленной, чтобъ эта пѣсня трепетала, какъ поцѣлуй, который она дала ему въ таинственный часъ ихъ любви...»

Онъ пѣлъ, какъ еще не пѣвалъ никогда.

Молодые люди оглянулись... Комната была полна прозрачнаго голубого полусвѣта; блескъ свѣчей померкъ, но на предметахъ, остававшихся въ тѣни, лежалъ золотистый отливъ огня; все было вмѣстѣ и ярко, и туманно; изъ сада вѣяло холодомъ; сквозь тяжелыя, влажныя вѣтки зелени свѣтился прудъ, еще неподвижный.

— Разсвѣтаетъ! сказали они оба.

Они вышли въ садъ. День свѣтлѣлъ съ каждой минутой; цвѣта становились ярче сквозь волновавшійся и исчезавшій сумракъ; деревья дремали, трава не колыхалась; въ свѣжемъ воздухѣ еще робко и неопредѣленно пробуждался шумъ; облака уже начинали румяниться на востокѣ.

Нестоевъ и Марья Андреевна обошли цвѣтникъ.

— Случалось ли тебѣ видѣть такое раннее утро? спросилъ онъ.

— Лучше этого я не видала, отвѣчала она.

Она протягивала руки за высокой вѣткой сирени; въ зелени обрисовалось ея свѣтло-

сѣрое платье и маленькая пунцовая косынка, которую она накинула себѣ на голову; поймавъ вѣтку и смѣясь, потому что роса падала ей на лицо, она обратилась къ Нестоеву:

— Вчера на этомъ самомъ мѣстѣ, до твоего прихода, я составляла необыкновенно благоразумные планы.

— А сегодня?

— Сегодня... ничего не помню, не знаю. Мнѣ такъ весело, у меня такъ тихо и хорошо на сердцѣ. Вотъ въ эту минуту ты милъ мнѣ, какъ товарищъ, съ которымъ я будто выросла.

— Я думаю вотъ что, сказалъ Нестоевъ:—хочешь, я возьму отпускъ и послѣ нашей свадьбы мы переѣдемъ сюда на все лѣто? Домъ пустой, его можно нанимать, какъ дачу.

— Неужели ты это сдѣлаешь? вскричала она.—Я уже объ этомъ думала.

— И не сказала мнѣ?

— О, мой милый! ты и безъ того далъ мнѣ такое счастье, что я никогда не осмѣлюсь ничего просить у тебя! Вся моя жизнь—твоя; располагай ею, какъ хочешь: я буду довольна всѣмъ, счастлива всѣмъ... Вѣришь ли, продолжала она вдругъ со слезами:—если даже ты скажешь, что разлюбилъ меня, мнѣ будетъ довольно вспомнить, что ты любилъ меня хоть одну минуту!

— Не говори мнѣ этого никогда, сказалъ Нестоевъ.

Весь садъ, казалось, ожилъ и встрепенулся; на небѣ вспыхнула первая золотая полоса свѣта. Что-то зашумѣло въ водѣ, въ зелени, въ воздухѣ. Молодые люди слушали, оглядываясь...

— Что это? вскричала вдругъ Марья Андреевна.

У рѣшотки сада, во дворѣ, раздался звонъ бубенчиковъ.

— Это значитъ, что мнѣ надо ѣхать, сказалъ Нестоевъ, тоже почти испугавшись, но смѣясь, чтобы ее успокоить.— Мы и не видали времени. Что-жъ, дѣлать нечего. Чрезъ три дня увидимся. Сочти: сегодня, завтра, послѣзавтра... Замѣть, все дѣлается неожиданно: я неожиданно пріѣхалъ, неожиданно уѣзжаю...

— О, не уѣзжай еще! вскричала она: — мнѣ страшно!

— Богъ съ тобой, моя милая, сказалъ онъ, невольно блѣднѣя: — успокойся. Пойдемъ, отпусти меня, какъ должно; благослови меня.

Лиза была на балконѣ. Она шла сказать естоеву, что его ждали. Онъ подалъ руку арьѣ Андреевнѣ и вошелъ съ нею въ коату.

— Пробудь еще хоть минуту, шептала она.

— Послушай, другъ мой, сказалъ онъ, взявъ ея руки и глядя ей въ глаза:—я прошу и приказываю не пугаться и не плакать. Вспомни: всего три дня! Вѣдь мнѣ не веселѣе не видать тебя—какъ ты думаешь? Три дня, мой ангелъ — и мы не разстанемся больше никогда. Прощай, до свиданія, прощай. Люблю тебя...

Она пошла за нимъ на крыльцо, смущенная, не понимая, что дѣлалось, такъ скоро и неожиданно пришло это прощанье. Нестоевъ торопился: онъ думалъ поспѣшностью разсѣять ея горе и заглушить свою собственную тоску. Во дворѣ всѣ уже встали; онъ шутилъ и смѣялся съ людьми, которые хлопотали около его лошадей, просилъ Марью Андреевну не безпокоиться, прибавляя по-французски, что теперь, съ этого дня ея обязанность безпокоиться, окружать его попеченіемъ, даже баловать, даже изучать его капризы. Стараясь быть веселымъ, онъ развеселился въ самомъ дѣлѣ.

— До свиданія, сказалъ онъ, подходя еще разъ проститься съ нею.—Вообрази, что мы уже принадлежимъ другу другу и что ты провожаешь своего мужа на три дня... Богъ съ тобою.

Онъ вскочилъ въ тарантасъ, тихо приказавъ гнать лошадей. Почему ему хотѣлось скорѣе не видать больше этого дома и дѣвушки, еще стоявшей на крыльцѣ, почему онъ рѣшился оглянуться только разъ, и въ этотъ разъ ему показалось, будто что-то оторвалось у него отъ сердца; онъ самъ не могъ объяснить себѣ.

Марья Андреевна дошла до своей гостиной, бросилась на колѣни и долго молилась. Оглянувшись на опустѣлую комнату, она заплакала отъ горя... Лиза, которой все стало понятно, не смѣла напомнить ей объ отъѣздѣ.

Марья Андреевна перестала плакать, вѣроятно въ ту минуту, когда Нестоевъ, успокоившись, началъ, улыбаясь и закрывая глаза, думать о прошломъ вечерѣ. Она улыбнулась тоже и принялась вспоминать; она разобрала, что эта короткая разлука будетъ хороша тѣмъ, что дастъ ей время одуматься и быть благодарной; она нашла, что въ ожиданіи есть счастье...

Прошлаго она ничего не помнила.

II.

Вечеромъ этого дня Марья Андреевна была уже въ N*, въ своемъ домѣ, въ своей комнатѣ.

Первыя минуты ея возвращенія были какъ-то особенно радостны. Въ самой ли себѣ привезла она радость, которая освѣтила все окружающее, или это окружающее успѣло перемѣниться въ отсутствіе молодой дѣвушки, но никогда еще не казалась такъ оживлена ея семья. Ея возвращеніе было шумно и суетливо, вопреки всѣмъ привычкамъ дома. Покойная и счастливая, забывъ всѣ прошедшія тревоги, Марья Андреевна была беззаботно-весела, довѣрчиво-ласкова, разговорчива; она шутила и смѣялась съ какой-то дѣтской смѣлостью, разсказывала подробности о своей поѣздкѣ, о своихъ знакомствахъ. Она не думала ни одной минуты, какъ сама она не похожа на то, что была прежде и какъ можетъ удивить такая перемѣна.

Странно, но тѣмъ не менѣе вѣрно то, что эта перемѣна никого не удивила. О Марьѣ Андреевнѣ вспоминали такъ мало, что не помнили ея привычекъ; на нее всегда обращали такъ малю вниманія, что не замѣчали ея расположенія духа; никому и никогда не бывало никакого дѣла, весела ли она, или печальна. Впечатлѣніе, которое она производила на свою семью, было впечатлѣніе скучное, однообразное, тихое, общее впечатлѣніе всего этого дома, къ которому принадлежала она какъ что-то неодушевленное. Теперь, когда она говорила живо и весело, всѣмъ казалось, что она, вѣроятно, всегда была такою, а такъ какъ это одушевленіе ничему не мѣшало и даже, напротивъ, помогало провести время, то въ немъ не находили ничего предосудительнаго.

Впрочемъ, еслибъ Марья Андреевна была въ состояніи наблюдать, еслибъ она рѣшилась напомнить себѣ прошедшее и сравнивать, то, въ свою очередь, замѣтила бы нѣкоторую перемѣну въ Еленѣ Ивановнѣ и ея пріятельницѣ. Обѣ онѣ были такъ же разговорчивы, а въ разговорахъ снисходительнѣе прежняго. Прежде онѣ, по крайней мѣрѣ Елена Ивановна не позволила бы себѣ такъ долго заниматься шутками и толками, хотя невинными, но ни къ чему не ведущими. Было очень замѣтно, что въ теченіе послѣдняго времени онѣ нѣсколько больше занимались житейскимъ. Между собою онѣ казались необыкновенно дружны, и Елена Ивановна выказывала Пелагеѣ Михайловнѣ маленькую услужливость и предупредительность, чрезвычайно внимательную. Марья Андреевна была тронута, замѣтивъ это.

«Слава Богу», подумала она, когда въ ея памяти смутно промелькнули прежнія отношенія этихъ особъ: «онѣ лучше узнали другъ друга, примирились, сошлись, оставаясь здѣсь однѣ, безъ меня...»

Марья Андреевна почти вообразила, что занимаетъ такое огромное мѣсто въ сердцѣ Елена Ивановны, что при ней Елена Ивановна уже не можетъ привязаться къ кому нибудь другому. Эта поздняя дружба двухъ старухъ, грустная жизнь одной, пожертвованія другой показались ей такъ трогательны, что она невольно удвоила свои ласки. Это была восторженность ея собственнаго чувства. Она подумала, что скоро оставитъ мать свою, что оставитъ ее охотно; она какъ будто упрекнула себя: на глазахъ ея навернулись слезы; она обняла Елену Ивановну.

— Какъ я рада, что я съ вами! сказала она искренно.

Елена Ивановна также крѣпко обняла ее.

— Да, отвѣчала она: — ты чувствуешь, что ты у меня одна...

— Ахъ, грѣхъ какой! замѣтила ей кротко, но съ упрекомъ Пелагея Михайловна:— почему вы знаете...

— Нѣтъ!.. прервала Елена Ивановна; и еслибъ Марья Андреевна хотѣла замѣтить, то замѣтила бы выразительный знакъ, которымъ Елена Ивановна приказывала Пелагеѣ Михайловнѣ молчать, на что Пелагея Михайловна отвѣчала вслухъ, но покорно:

— Пожалуй, если хотите.

Андрей Валерьяновичъ встрѣтилъ дочь безъ особеннаго увлеченія нѣжности, впрочемъ, привѣтливѣе и нѣсколько внимательнѣе прежняго. Марья Андреевна видѣла его нѣсколько минутъ; онъ, по обыкновенію, сбирался ѣхать куда-то.

— Вы въ клубъ, папа? спросила Марья Андреевна необыкновенно смѣло и не задумываясь, что прежде никогда не спрашивала, куда отправлялся ея папа.

— Нѣтъ, онъ ѣдетъ къ Евгеніи Михайловнѣ, отвѣчала Елена Ивановна такимъ тономъ, какъ будто находила этотъ визитъ необходимымъ и совершенно его одобряла.

— Къ Евгеніи Михайловнѣ? повторила Марья Андреевна, забывъ, кого звали этимъ именемъ.

— Къ Артеминой, пояснила Пелагея Михайловна, улыбаясь.

Андрей Валерьяновичъ надѣвалъ перчатки и смотрѣлъ на дочь. У него бродила мысль, которой, конечно, она не могла подозрѣвать... Она ничего не подозрѣвала.

Въ этотъ мѣсяцъ произошло многое. Александръ, руководимый и наставляемый от-

цомъ, такъ серьезно и настойчиво старался понравиться прекрасной вдовѣ, что оставилъ за собою всѣхъ своихъ соперниковъ. Андрей Валерьяновичъ, по свойственной ему проницательности, отгадывалъ все, чѣмъ можно угодить ей, и Александръ исполнялъ всѣ эти маленькія, затѣйливыя и дорогія прихоти. Средства доставляла Пелагея Михайловна, которой Андрей Валерьяновичъ самъ объяснялъ свои намѣренія и свои надежды. Пелагея Михайловна, хотя и отрѣшалась отъ этого бреннаго міра, слушая предсказанія своего Юши, но въ тѣ минуты, когда не закрывала глазъ на суету земную, бывала не прочь отъ нѣкотораго разнообразія и маленькихъ хлопотъ. Вообще, она любила свадьбы. Предположеніе о свадьбѣ Александра съ Артеминой доставляло ей прежде всего наслажденіе ожиданій, переговоровъ, разспросовъ, вывѣдываній, сплетень, слуховъ съ задняго крыльца. Потомъ предстояли удовольствія, празднества... Пелагея Михайловна осмѣливалась улыбаться этой мысли, одна, когда этой улыбки не могъ подмѣтить строгій взоръ Елены Ивановны. А далѣе, житье-бытье молодой четы въ этомъ домѣ—какое широкое поприще для семейной политики, для политики съ изворотами и полумѣрами, намеками и окольными дорогами, хитростями, секретами, гдѣ ихъ не нужно, пересказами, которыхъ не спрашиваютъ, указаніями на то, чего нѣтъ, съ разсчетомъ, въ которомъ получаетъ огромную важность всякая женская тряпка, съ жалобами и примиреніями, съ маленькимъ шпіонствомъ, маленькими предательствами, маленькимъ мщеніемъ... Почтенная дама ожила, предвидя столько занятія. У ней часто недоставало благоразумія, чтобъ вполнѣ скрывать радость, которую она чувствовала заранѣе. Хладнокровіе Елены Ивановны напоминало ей о ничтожествѣ и предосудительности всей этой суеты, и Пелагея Михайловна, грустно вздыхая о томъ, что, изъ приличія, должна была вздыхать, находила нѣсколько неудобными правила, которымъ рѣшилась подчиниться въ своей жизни... Потомъ ее смущало что-то въ родѣ раскаянія.

— Искушеніе какое-то, объясняла она Еленѣ Ивановнѣ.—Не могу не думать. Конечно, если посудить, одна моя чистая любовь къ семьѣ вашей... десять лѣтъ прожила подъ одной кровлей и, можно сказать, мы съ вами съ ребяческихъ лѣтъ... Все такъ. А искушеніе. Не могу, вотъ, не посмѣяться даже. Когда онъ успѣлъ въ нее влюбиться, и что это будетъ... Изъ кадрили подъ вѣнецъ, право!

Чтобъ заставить извинить себѣ свои юношескія замашки, Пелагея Михайловна рѣшилась немножко осуждать; она надѣялась этимъ смягчить Елену Ивановну; но она совершенно напрасно затруднялась: Елена Ивановна была и безъ того необыкновенно снисходительна.

— Судьбы неисповѣдимы! возражала она.—И въ безуміи свѣтскомъ человѣкъ можетъ найти свое спасеніе, если захочетъ. Лучше, что они въ свѣтѣ встрѣтились: хорошая жена покажетъ ему ясно, что такое свѣтъ этотъ.

Пелагея Михайловна улыбалась тонко-скептически. Она какъ-то чувствовала, не объясняя себѣ, что полмилліона, составлявшіе часть добродѣтелей Артеминой, легли на вѣсы правосудія Елены Ивановны; ей хотѣлось бы постичь, какъ сама Елена Ивановна понимала свою благость и не приходило ли ей когда нибудь на мысль покаяться въ чемъ-то, очень похожемъ на сребролюбіе, но Елена Ивановна была непроницаема.

— Рано ли, поздно ли, но человѣкъ обращается, говорила она: — Александръ прозрѣлъ, наконецъ, и хочетъ смирить себя въ жизни супружеской. Онъ сердцу моему дорого стоитъ, а теперь я ужъ его на вѣкъ лишаюсь (да и не смѣю требовать иначе: обязанность къ женѣ первая, мать предъ женой уже ничто), но и тутъ я не ропщу, а радуюсь. Избралъ онъ ее—его дѣло.

— Хорошо, что догадался, выбралъ съ разсчетцемъ, замѣчала деликатно Пелагея Михайловна.

— Отецъ его всего лишилъ, возражала Елена Ивановна: — хотя бы тутъ и низкія чувства были: я не могу сказать сыну моему: оставайся нищимъ. Я посмотрю, что она такое.

Елена Ивановна поражала своимъ величіемъ, но Пелагея Михайловна упрямо желала видѣть въ словахъ «я посмотрю» оговорку на все, что могло случиться въ будущемъ, на всѣ «одолженія», которыя можно было ожидать отъ невѣстки... Наединѣ сама съ собою Елена Ивановна не дѣлала никакихъ мелочныхъ разсчетовъ, не питала никакихъ мелкихъ надеждъ: она надѣялась на все разомъ. Ей было такъ жаль своего прожитого состоянія, что богатство Артеминой сдѣлалось ей необходимо. На что, какъ употребить его — Елена Ивановна не думала: она хотѣла только имѣть его. Это желаніе не имѣло образовъ; оно становилось отвлеченной мыслью, которую почтенная

дама могла раскрасить сама для себя какими угодно словами. Она могла повторять, что «ей ничего не нужно», потому что не хотѣла ни экипажей, ни нарядовъ, ни лучшаго стола, ни лучшей прислуги. Улыбаясь призраку богатства, который стоялъ за нею, она гордо взывала о своемъ безкорыстіи, была въ немъ убѣждена сама, считая себя самоотверженной мученицей; она смутно радовалась, надѣясь, что свѣтская, своевольная женщина не позволитъ ничѣмъ распоряжаться ни своему безхарактерному мужу, ни его моту-отцу; она радовалась заранѣе этому «возмездію, посланному свыше», и, налагая на себя обѣты, чтобъ вымолить исполненіе этого замысла, воображала, что молится не за себя, а за нихъ...

Иначе и быть не могло. Постоянно погружаясь въ отвлеченныя созерцанія, или дѣлая видъ, что погружена въ нихъ, Елена Ивановна отдалила себя отъ дѣйствительности. Она оглядывалась на нее съ недовѣрчивой злобой, если дѣло шло о другихъ, съ ожесточеннымъ смиреніемъ, если дѣло шло о ней самой. Въ укоръ другимъ, она довела себя до того, что ей въ самомъ дѣлѣ ничего не стало нужно. Отрѣшенная отъ міра, она жила только духомъ; всѣ ея наклонности, желанія, страсти не проявлялись наружу и сдѣлались еще сильнѣе, еще упорнѣе; самая положительная изъ страстей — жадность, сдѣлалась въ ней страстью невещественной... но привыкнувъ понимать, что зло не въ мысли, а въ исполненіи, не зная за собою дѣла, не опредѣляя своей мысли, Елена Ивановна считала себя безгрѣшною. Выходя изъ своей комнаты, еще утомленная умиленіемъ, съ которымъ взывала, чтобъ это совершилось, даже не называя, что разумѣла она подъ словомъ это, еще взволнованная, еще въ экстазѣ, Елена Ивановна презрительно отворачивалась, услышавъ, что Андрей Валерьяновичъ толкуетъ о томъ же съ Александромъ...

Андрей Валерьяновичъ, конечно, не понималъ вещей такъ возвышенно и называлъ ихъ, хотя деликатно, но все-таки ихъ собственными, опредѣленными именами. Онъ полагалъ даже, что обѣимъ почтеннымъ дамамъ будетъ пріятно исчисленіе всѣхъ выгодъ женитьбы Александра. На счетъ Пелагеи Михайловны онъ не ошибался: не обращая вниманія на молчаніе Елены Ивановны, Пелагея Михайловна мило посмѣивалась и съ необыкновеннымъ богатствомъ воображенія подавала совѣты о меблировкѣ дома, объ экипажахъ для новобрачныхъ. Она увлекалась и забывала, что многое должно идти изъ ея же кармана; но Андрей Валерьяновичъ помнилъ это хорошо, и потому выслушивалъ ее не противорѣча. Онъ былъ восхищенъ внимательностью къ ней Елены Ивановны и ихъ возродившейся дружбой. Обѣ онѣ какъ будто простили его въ чемъ-то: ихъ бесѣды, даже и не о занимавшемъ ихъ предметѣ, стали нѣсколько оживлены. Андрей Валерьяновичъ занималъ своихъ дамъ, выбирая предметы съ необыкновеннымъ тактомъ, избѣгалъ споровъ, какъ нельзя уклончивѣе, допускалъ оспаривать и побѣждать себя, какъ нельзя снисходительно. Онъ былъ очарователенъ. Однажды онъ провелъ сряду столько дней въ своемъ семействѣ, что Елена Ивановна сама напомнила ему объ Артеминой. Конечно, она сдѣлала это, какъ умѣла, несовсѣмъ любезно.

— Вы вѣрно хотите скрыть отъ меня, что слишкомъ самонадѣянны; она отказала вамъ, и вы у нея не бываете?

Андрей Валерьяновичъ только и желалъ добиться, чтобъ ему напомнили, чтобъ его торопили. Онъ сказалъ Александру:

— Уморительныя эти старухи! Не послѣднее искусство ублажать ихъ и съ ними ладить. Если ты и теперь не чувствуешь всего, что я для тебя дѣлаю, то ты неблагодарный.

Съ этого дня Анерей Валерьяновичъ постоянно бывалъ всякій вечеръ у Артеминой. Александръ дѣйствовалъ лѣнивѣе; ему подчасъ бывало скучно; родительское покровительство дѣлало его какъ-то смѣшнымъ въ собственныхъ глазахъ; хлопоты съ цѣлью, которой было положено непремѣнно достигнуть, эти хлопоты, которыхъ безъ непріятностей нельзя было бросить, становились ему въ тягость. Онъ былъ часто не въ духѣ и не скрывалъ этого. Андрей Валерьяновичъ ловко пользовался его промахами: давъ замѣтить Артеминой, что сынъ его влюбленъ, онъ далъ ей понять, что онъ ревнивъ. Среди благоразумныхъ и разсудительныхъ молодыхъ людей, избѣгающихъ вообще всякаго душевнаго потрясенія, ревнивецъ былъ очень оригиналенъ; онъ показался занимательнымъ; его можно было бѣсить, чего съ другими нельзя было добиться. Прекрасная вдова сдѣлалась внимательна; ея привѣтливость къ Александру иногда доходила до ласковости, до сердечныхъ изліяній, такъ что избалованный двумя-тремя свиданіями, онъ въ самомъ дѣлѣ бывалъ разсерженъ, если на слѣдующее встрѣчалъ одну холодную учтивость. Она играла имъ такъ ловко,

отецъ доставлялъ ему случаи дѣйствовать такъ разсчитанно, что Александръ часто не зналъ самъ, увлеченъ ли онъ, или его женятъ поневолѣ.

Въ день возвращенія сестры онъ былъ сердитъ: Артемина ѣздила наканунѣ въ деревню Палатьева, гдѣ тотъ устроилъ для нея катанье въ телѣжкахъ тройками, обѣдъ на лугу; сельскій праздникъ съ хороводами, съ цыганами, все въ національномъ вкусѣ, широкой рукою, непохожее на обыкновенные балы и пикники, которые присмотрѣлись. Александръ не былъ тамъ и не показался къ Артеминой весь слѣдующій день. Андрей Валерьяновичъ ничего не совѣтовалъ: онъ ѣхалъ самъ узнать о впечатлѣніи праздника.

Надѣвая перчатки, онъ смотрѣлъ на дочь. Онъ вспомнилъ, что и она будетъ принадлежать къ семьѣ Александра; но, конечно, Андрея Валерьяновича занимала не мысль о ихъ семейныхъ отношеніяхъ. Онъ смотрѣлъ на Марью Андреевну взоромъ посторонняго человѣка. Хотя, еслибъ спросить его по совѣсти, онъ не находилъ въ ней ничего непорядочнаго, неловкаго, не могъ ничего осудить въ ней, но она ему не нравилась. Онъ зналъ, что она неглупа, но ничего не ждалъ отъ ея ума, не могъ предположить любезности, не понималъ, что она можетъ говорить и что могутъ находить говорить съ нею другіе; онъ прислушивался къ ея рѣчамъ съ недовѣрчивостью и оставался недоволенъ тѣмъ, что привело бы его въ восторгъ, еслибъ это сказала другая, посторонняя дѣвушка. Случалось, что, увидя ее издали, въ обществѣ, онъ не узнавалъ ее отъ привычки не смотрѣть на нее дома; приближался, привлеченный ея красотою, и, узнавъ дочь, отходилъ съ гримасой разочарованія... Все это бывало, какъ ни странно это можетъ показаться для многихъ, а потому въ настоящую минуту Андрею Валерьяновичу пришло въ голову посмотрѣть: можетъ ли его дочь составить довольно приличную обстановку для его блестящей будущей невѣстки. Марья Андреевна была оживлена; это понравилось.

— Не хочешь ли ѣхать со мною? спросилъ онъ. — Безъ церемоній... Ты знаешь Евгенію Михайловну?

Марья Андреевна была восхищена и лаской, къ которой не привыкла, и предложеніемъ ѣхать къ сестрѣ Нестоева. Она была готова согласиться, но Елена Ивановна не хотѣла пропустить случая показать, что если она уступаетъ свое право надъ сыномъ, то желаетъ сохранить право надъ дочерью.

— Я поѣду къ ней сама, завтра, возразила она.—Вмѣстѣ поѣдемъ, Машенька. Сегодня ты устала съ дороги.

Марья Андреевна удивилась только тому, что мать ея сама вызывается ѣхать съ визитами.

На другой день она удивилась еще больше заботамъ Елены Ивановны о своемъ туалетѣ, хотя эти заботы и сопровождались оправданіями въ родѣ маленькихъ насмѣшекъ надъ собою, сказанныхъ, впрочемъ, съ улыбкой.

— На старости лѣтъ твоя мать вздумала въ свѣтъ пуститься, Машенька. Осмотри меня, другъ мой. Дико мнѣ все это, сама себя не узнаю. Модница эта на меня взглянетъ, скажетъ: «что это такое!» Вѣдь эти вертушки всѣ насмѣшницы...

— Ахъ, что вы! возразила Пелагея Михайловна:—за что вы ее такъ...

Елена Ивановна укротила маленькій порывъ злости, который начиналъ овладѣвать ею по привычкѣ.

— Она будетъ въ правѣ. Ужъ если ѣдешь въ общество, такъ соображайся съ его обычаями, съ модой; на что другихъ въ соблазнъ вводить, чтобъ смѣялись?

— Она-то, надъ вами! возразила съ упрекомъ Пелагея Михайловна.

— А что я для нея такое? прервала Елена Ивановна, сверкнувъ очами.—Я ничего.

— Долгъ ея...

— Я вотъ вижу, что я обязана ѣхать къ ней, пресмыкаться, а дальше я ничего не знаю.

Эти возраженія были такъ похожи на все, что привыкла слышать Марья Андреевна, что она не обратила большого вниманія на ихъ смыслъ... Ей только стало скучно, какъ бывало всегда прежде, когда она ѣзжала въ гости съ Еленой Ивановной. Въ каретѣ Елена Ивановна хранила обычное молчаніе, прерываемое вскрикиваньемъ на каждомъ толчкѣ; у ней вырвалось даже восклицаніе:

«О, Господи, уморятъ они меня!.. Ну, ужъ послѣднюю жертву приношу!»

Марья Андреевна поняла, что Елена Ивановна приноситъ послѣднюю жертву условіямъ свѣта. Ее не удивило даже приказаніе, отданное ей вполголоса, отрывисто и нетерпѣливо, когда онѣ всходили на подъѣздъ къ Артеминой:

— Пожалуйста, держись какъ слѣдуетъ.

Но въ гостиной Елена Ивановна сдѣлалась неузнаваема. Понимала ли она прежде, что именно въ ней самой отталкивало дру-

гихъ, или догадалась только въ эту минуту, появившись въ обществѣ, которое притихло, когда она вошла — неизвѣстно, но Елена Ивановна взглянула на молодую хозяйку и сидѣвшихъ подлѣ нея двухъ молодыхъ людей снисходительно и привѣтливо, будто простая, добрая старушка, безъ претензій. Пожавъ руку Артеминой, она наклонилась поцѣловаться съ нею.

— Позвольте попросту съ вами, по-христіански, сказала она.

Артемина была почти сконфужена. Когда доложили о почтенной дамѣ, Ивановъ закричалъ, что боится вѣдьмъ, а Шашинскій объявилъ съ чувствомъ оскорбленнаго убѣжденія, что едва эта дама раскроетъ ротъ читать свою мораль, какъ онъ за шляпу, или наскажетъ ей «чего нибудь»... При первомъ словѣ Елены Ивановны онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто вспылилъ и удержался. Ивановъ прижался въ креслѣ, прикидываясь ребенкомъ, по привычкѣ, которая составляла его манеру держаться въ обществѣ. Артемина знала ихъ обоихъ и ждала глупостей, еще не совсѣмъ надѣясь на лѣнь и отсутствіе отваги, которыя лучше благоразумія останавливаютъ отъ глупостей. Сама она, что очень понятно, нисколько не была восхищена пріѣздомъ Елены Ивановны; находчивая всегда, она растерялась, придумывая, что сказать непогрѣшительной, строгой отшельницѣ, не понимая, что привело ее, не зная, не нужно ли, можетъ быть, скрыть отъ нея частыя посѣщенія ея мужа и сына... Артемина была столько же, сколько Марья Андреевна, далека отъ мысли, что Александра намѣрены женить на ней.

Между тѣмъ какъ она сбиралась начать о погодѣ или здоровьѣ, Елена Ивановна начала сама, разсыпаясь въ извиненіяхъ, что до сихъ поръ не заплатила визита.

— Откровенно скажу: и бывало время, и здорова была, а не хотѣла. Вы веселитесь, выѣзжаете, а старый человѣкъ, если и не въ тягость — я въ вашемъ сердцѣ увѣрена — такъ не въ пору, скучно иногда съ нимъ. Что вамъ мѣшать? А что у меня на душѣ лежало быть у васъ—спросите мужа или Александра. Я ихъ все разспрашиваю о васъ, всѣ ваши занятія знаю. Право, любопытство въ старости приходитъ, вспоминаешь и свои годы...

Елена Ивановна клеветала на себя, потому что ея молодость рѣшительно не могла представить ей ни одного веселаго воспоминанія, но она увлекалась, любезно смѣясь. Не зная, какъ взяться, чтобъ хвалить удовольствія, которыхъ не знала, она неловко хвалила красоту Артеминой, приговаривая, что какъ же ей и не желать веселиться; потомъ, спохватываясь, извинялась, что «говоритъ откровенно», и безпрестанно пожимала руки молодой женщинѣ.

Артемина была очень рада, что разговорчивость гостьи избавляетъ ее отъ труда говорить. Марья Андреевна была разсѣяна; ей вздумалось искать въ лицѣ Артеминой сходство съ лицомъ Нестоева, а въ подобномъ занятіи можно было совершенно забыться. Молодые люди, хотя знакомые, не говорили съ нею; они давно рѣшили, что это слишкомъ великій умственный трудъ.

— Старуха распѣлась. Ожидали вы отъ нея такой прыти? спросилъ Ивановъ у Шашинскаго.

Шашинскій имѣлъ привычку никогда не отвѣчать ему и только взглянулъ презрительно, сначала на нее, потомъ на другихъ.

— Машенька моя вчера только изъ деревни, продолжала Елена Ивановна.—Вы сами въ деревню ѣздили?

— Да... отвѣчала хозяйка, затрудняясь сказать, что это былъ визитъ къ молодому человѣку.

— Къ Палатьеву? Что-жъ, молодой человѣкъ хорошо ли умѣлъ угостить? Тамъ много было, я слышала. Что тамъ устроилось такое?

— Ничего... Катались, его крестьяне пѣли, плясали...

— Охъ!.. (Елена Ивановна поморщилась). Я думала что нибудь поинтереснѣе для дамскаго общества. Помилуйте, что-жъ это? мужиковъ назвать — вотъ компанія!

— Братія наши, замѣтилъ Шашинскій глубокомысленно, въ видѣ вызова.

— Кто-жъ что говоритъ? возразила Елена Ивановна, невозмутимо-свѣтски улыбаясь: — но ужъ для танцевъ это нисколько незанимательно. Я, право, думала, Палатьевъ... состояніе у него хорошее... какъ недостало воображенія придумать что нибудь...

Елена Ивановна не только отреклась отъ своихъ убѣжденій, не только не обратила вниманія на назидательный намекъ Шашинскаго, она старалась припомнить выраженія своего мужа, и даже подражать его тону. Артемина улыбнулась; не подозрѣвая, что она улыбается на ея счетъ, Елена Ивановна продолжалла, торжествуя:

— Какъ въ голову придетъ человѣку образованному? я готова въ глаза сказать.

Неприлично: дамъ назвалъ—и чѣмъ же угощаетъ?

Елена Ивановна была рѣзка и нетерпима; ей всегда казалось, что всѣ ея мнѣнія неоспоримы и священны, она отвыкла говорить о чемъ бы то ни было свѣтскомъ, забыла цѣну выраженій и потому выражалась грубо, притомъ она считала Палатьева соперникомъ своего сына.

— Деревенскіе праздники очень веселы, замѣтила Марья Андреевна, пораженная любезностью своей матери.

— Конечно, отвѣчала Елена Ивановна, принявъ эти слова за противорѣчіе ея убѣжденіямъ, возстаніе противъ ея власти, желаніе разрушить всѣ ея замыслы:—у всякаго свой вкусъ; но ужъ, конечно, Евгенія Михайловна со мною будетъ согласна.

Евгенія Михайловна поспѣшила согласиться, чтобъ успокоить ее и не дать Шашинскому расхохотаться.

Тогда Елена Ивановна взглянула съ торжествующимъ видомъ на дочь. Она желала дать ей почувствовать, что чужая достаточно вознаграждаетъ ее за неудовольствіе, которое доставляетъ ей Марья Андреевна. Но Марья Андреевна давно знала эти взгляды; они только яснѣе напомнили ей прежнее, яснѣе доказали, что своимъ вчерашнимъ спокойствіемъ она обязана своему же внутреннему чувству, — яснѣе подтвердили ей, что все ея счастье—въ любви Нестоева.

Думая о Нестоевѣ, она сѣла въ карету; думая о немъ, она не слышала вздоховъ Елены Ивановны; воображая его передъ собою, она не видѣла горестнаго негодованія, съ которымъ Елена Ивановна взглядывала на нее; вспоминая его слова, его движенія, она не замѣтила однообразія своего остального дня, пустоты своей комнаты, гдѣ оставалась она одна, потому что Елена Ивановна заперлась у себя съ Пелагеей Михайловной, а Андрей Валерьяновичъ и Александръ исчезли съ утра...

III.

На слѣдующій день Марья Андреевна проснулась съ мыслью, что завтра она будетъ ожидать Нестоева; завтра воскресенье, а онъ сказалъ, что въ воскресенье, утромъ...

Она не кончила своей мысли, эта мысль закружилась надъ нею будто что-то свѣтлое, полное безчисленныхъ радужныхъ звѣздъ, какъ тѣ, которыя мелькаютъ въ глазахъ въ первые минуты забвенья передъ сномъ; эта мысль превратилась въ жаркое ощущеніе и въ ней забылось все... Марья Андреевна оглянулась кругомъ и заставила себя одуматься; она сказала себѣ, что не доживетъ до завтра, если будетъ продолжать такъ мечтать. Мысль, что она **мечтала**, заставила ее улыбнуться: она никогда не знала, что такое мечты.

«Какъ Богъ милосердъ!» сказала она сама себѣ: «Онъ возвращаетъ мнѣ такую полную молодость: умъ и сердце—все ожило. Я благодарна и съумѣю сохранить вѣчно мое счастье».

Оно каждую минуту становилось ей дороже: она смотрѣла на свою комнату, гдѣ порознь почти всякій предметъ напоминалъ ей какую нибудь печаль, а все вмѣстѣ—холодное одиночество, затаенную скуку... Она такъ часто плакала надъ этими пяльцами, которыя бѣлѣютъ въ углу, въ полусвѣтѣ; столько разъ заставляла она свою утомленную голову понимать эти книги, по которымъ прокрадывается лучъ солнца сквозь ставень... этотъ лучъ ударяетъ въ зеркало. Марья Андреевна вспомнила, что много разъ она спрашивала себя: «къ чему оно?» потому что не взглядывала въ него цѣлые дни. Она вспомнила, какъ давно прежде, въ эту раннюю пору утра она прислушивалась ко всякому шуму, ожидая и пугаясь, потому что шумъ въ этомъ безмолвномъ домѣ не обѣщалъ ничего хорошаго. Тогда, въ страхѣ, она спрашивала себя, что будетъ съ нею въ этотъ день, и удивлялась, что прожила его, когда приходилъ вечеръ. Было время, что она повѣряла себя, старалась разобрать, не виновата ли она сама въ чемъ нибудь, за что бы заслуживала такую жизнь, такую тоску. Она терзалась, раскаявалась, сама не тная въ чемъ; рѣшалась дѣлать все на свѣтѣ, чтобъ какъ нибудь оживить эти томительные дни, сблизиться съ тѣми, кто отталкиваетъ ее равнодушіемъ или сосредоточенной скрытностью, кто, казалось, ждалъ или требовалъ отъ нея чего-то, никогда не объясняя чего. Это было очень давно... Марьѣ Андреевнѣ пришли на память разныя сцены, разные случаи, гдѣ она была странно поставлена, и, отъ души желая угодить обѣимъ сторонамъ, прогнѣвляла обѣихъ. Тогда она плакала. Потомъ, пришло время, она перестала плакать и понемногу стала тѣмъ, чѣмъ была еще два дня назадъ...

— О, слава Богу, я люблю **его**! проговорила она, чувствуя, что эта любовь спасла ее, воскресивъ въ ея душѣ все доброе.

Ей стало тяжело, потомъ стыдно своихъ воспоминаній. Простивъ все, она упрекнула себя за это невольное обращеніе къ про-

шедшему, она упрекнула себя за невольную радость, съ которой прощалась со всѣмъ, что ее окружало, за надежду отдохнуть въ будущемъ, которое воображалось ей такъ хорошо...

Она принялась пересказывать себѣ въ сотый разъ, сначала, какъ наступитъ завтрашній день, что рѣшится въ этотъ день. Препятствій быть не могло. Марья Андреевна предвидѣла, что съ первыхъ словъ Андрей Валерьяновичъ возразитъ, что не можетъ согласиться, потому что не можетъ дать ей приданаго, но потомъ это самое и заставитъ его согласиться: Нестоевъ не богачъ, но отлично служитъ; отлично принятъ въ обществѣ: такой женихъ находка для дѣвушки безъ приданаго и не молодой (Марья Андреевна знала, что отецъ ея такъ скажетъ). Отказать было бы неразсчетливо и неблагоразумно.

Марья Андреевна разсмѣялась отъ радости, что придумала такой положительный предлогъ.

Елена Ивановна вообще не любитъ молодыхъ людей, но, кажется, не имѣетъ ничего особеннаго противъ Нестоева. Ей, можетъ быть, покажется странно, что дочь ея любитъ кого нибудь...

«Она согласится», сказала Марья Андреевна съ печалью.

И вслѣдъ затѣмъ она старалась разогнать эту мысль. Ей невольно пришло на память, что Елена Ивановна никогда не спрашивала ее о ея чувствахъ и впечатлѣніяхъ, что, слѣдовательно, и теперь она сохранитъ свое обыкновенное равнодушіе...

«По крайней мѣрѣ», сказала себѣ Марья Андреевна: «постараюсь провести покойно и легко этотъ послѣдній день. Пусть и они вспомнятъ его легко».

Елена Ивановна и Пелагея Михайловна сидѣли у открытаго окна, наслаждаясь свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Когда вошла Марья Андреевна, онѣ говорили о путешествіи на богомолье, которое Елена Ивановна была намѣрена совершить.

— Едва это рѣшится, я въ путь. Сколько въ силахъ буду, пѣшкомъ пройду.

— Какъ же вы тутъ все оставите? возразила Пелагея Михайловна.

— Какъ хотятъ... Теперь я имъ нужна, а тогда.

Елена Ивановна считала, что необыкновенно много содѣйствовала мужу и Александру въ ихъ заботахъ, особенно своимъ вчерашнимъ визитомъ. Она уже говорила это своей пріятельницѣ, но удержалась повторить при дочери. Марья Андреевна замѣтила, что ихъ занимало какое-то дѣло, которое, по обыкновенію, скрывали отъ нея; но это дѣло, казалось, ихъ не тревожило, и потому Марья Андреевна не стала разспрашивать.

— Надо было бы еще вамъ въ Березовку съѣздить, сказала Пелагея Михайловна.

— Маменька, осмѣлилась спросить Марья Андреевна: — кажется, скоро срокъ залога Березовки...

Пелагея Михайловна устремила на нее свои яркіе, маленькіе глазки; она всегда въ чемъ-то подозрѣвала Марью Андреевну, когда та старалась проникнуть въ денежныя дѣла своихъ родителей.

— Благодари вотъ эту достойную женщину, этого друга, отвѣчала Елена Ивановна нѣсколько торжественно и съ умиленіемъ:— Пелагея Михайловна покупаетъ Березовку на свое имя.

— Да, мы съ вашей маменькой намѣрены тамъ поселиться, сказала Пелагея Михайловна весело и вмѣстѣ лукаво. — Что вы скажете, какъ мы тамъ будемъ пировать?

— Только бы вѣкъ кончить спокойно, произнесла Елена Ивановна, поднявъ взоръ къ небу.

— Только бы намъ здѣсь дѣльцо обдѣлать, прибавила Пелагея Михайловна, игриво, будто желая пробудить любопытство дѣвушки, за что Елена Ивановна взглянула на нее съ упрекомъ.

Но Марья Андреевна не любопытствовала. Взглянувъ вслѣдъ за матерью на свѣтлое небо, она еще разъ вспомнила, что Нестоевъ пріѣдетъ завтра. Эта мысль не дала ей замѣтить, что, составивъ планъ «кончить вѣкъ» съ своей пріятельницей, Елена Ивановна не только не думала о дочери, но совершенно забывала о ея существованіи. Молодая дѣвушка подумала только, что, вѣроятно, въ ея отсутствіе произошло что нибудь необыкновенное, если мать ея хочетъ уѣхать изъ дома; встревоженная, она хотѣла разспрашивать, когда вошелъ Андрей Валерьяновичъ.

— Взгляните, mesdames, сказалъ онъ, ставя на столъ небольшую корзинку.— Здравствуй, Машенька... Какія восхитительныя вещи! Это я взялъ у княгини Десятовой; старухѣ на что онѣ? лежитъ, любуется на воспоминанія юности...

Говоря это, онъ доставалъ и разставлялъ на столѣ нѣсколько прелестныхъ фарфоровыхъ куколъ.

— Полюбуйтесь, вѣдь прелесть! настоящая старина, и какая отдѣлка! Вотъ эта маркиза, напримѣръ, что за плутовское личико! (Андрей Валерьяновичъ, восхищаясь, забывался въ присутствіи Елены Ивановны). А эта пилигримка avec son bourdon.

— Но на что все это? спросила Елена Ивановна.

— Ахъ! я вамъ не сказалъ. Вчера зашелъ разговоръ... Евгенія Михайловна обожаетъ эти игрушки—настоящее дитя, ее все забавляетъ — и притомъ, это въ модѣ, это необходимо на столѣ всякой изящной молодой женщины... «Ахъ, еслибъ найти гдѣ нибудь!..» Я вспомнилъ о княгинѣ...

Елена Ивановна взяла въ руку одну куклу, посмотрѣла и поставила опять; снисходительнѣе поступить она не могла. Андрей Валерьяновичъ ставилъ ихъ въ рядъ, симетрически.

— Четыре. Я думалъ, что̀ бы въ средину, что нибудь побольше. Marie, у тебя есть группа — дѣти, овечки въ цвѣтахъ, тоже vieux saxe. Тебѣ не нужно.

— Я принесу ее, отвѣчала Марья Андреевна и вышла.

— Вы, кажется, готовы послѣднее съ себя отдать? спросила Елена Ивановна.

— Готовъ, послѣднее, лишь бы поддержать дѣла такъ, какъ они вчера шли, отвѣчалъ Андрей Валерьяновичъ.— Вчера она только и смотрѣла, что на Александра; я ему дамъ кое-какіе совѣты, и, лучше не мѣшкая, пусть онъ завтра къ ней ѣдетъ и сватается.

— Почему же не сегодня?

— Нельзя сегодня: танцуемъ за городомъ, въ вокзалѣ, продолжалъ съ увлеченіемъ Андрей Валерьяновичъ и, спохватившись, прибавилъ серьезно: — это не шутка, не въ кадрили ее рѣшать. До завтра, заключилъ онъ, увидя дочь.

— Она будетъ въ восторгѣ, она такое дитя. Тебѣ это совсѣмъ не нужно, Marie: ты не принимаешь у себя въ комнатѣ: это хорошо среди другихъ вещей, а у тебя одна, она и вида не дѣлаетъ...

— Возьмите ее, сказала равнодушно Марья Андреевна.

— Прекрасно, я сейчасъ отвезу. Евгенія Михайловна еще не вставала, я прикажу ей отдать и возвращусь домой; я обѣдаю дома. Гдѣ Александръ?

— Онъ дома; мы его не видали, сказала Пелагея Михайловна.

— Такъ я пойду къ нему, сказалъ озабоченный Андрей Валерьяновичъ.

Елена Ивановна отправилась къ себѣ, съ сосредоточеннымъ видомъ, какимъ всегда давала знать, что не желаетъ, чтобъ мѣшали занятію, въ которое она намѣрена погрузиться.

Марья Андреевна возвратилась въ свою комнату, еще болѣе опустѣлую съ тѣхъ поръ, какъ въ ней не доставало украшавшей ее прекрасной игрушки. Но едва молодая дѣвушка сѣла къ окну и взяла книгу, какъ дверь опять отворилась.

— Машенька, вы однѣ? спросила, выглядывая, Пелагея Михайловна.

— Одна. Что вамъ угодно?

— Я къ вамъ. Постойте, я затворю дверь.

У Пелагеи Михайловны больше не вытерпѣло сердце, чтобъ не подѣлиться своей радостью.

— Душенька, я пришла вамъ сказать!— Вы не жалѣйте, что папенька взялъ у васъ куклу.

— Помилуйте, такая бездѣлица!

— Особенно, когда изъ бездѣлицы выходитъ важное... Я съ вами хотѣла откровенно поговорить. Папенька вашъ уѣхалъ, маменька у себя, мы однѣ... Вы, я думаю, больше всѣхъ будете рады, когда семейство ваше устроится; право, молодой дѣвицѣ и повеселиться хочется...

— Нѣтъ, мнѣ этого не хочется, отвѣчала, улыбаясь, Марья Андреевна:—мнѣ бы хотѣлось—о чемъ я и молюсь всякій день—чтобъ они были покойны.

— Ну, ужъ между собою какого ждать у нихъ спокойствія! возразила Пелагея Михайловна: — не тѣ люди, не тѣ характеры. Вамъ этого думать не должно, Машенька; но вы сами не дитя и можете понимать. Одна я что̀ выношу, и за что? за всю мою, можно сказать, преданность. Десять лѣтъ!.. Вѣдь если счесть... Богъ съ ними!.. Я о васъ думаю. Вамъ лучше будетъ, какъ мы станемъ жить въ Березовкѣ.

— И я съ вами?

— Нѣтъ; маменька не хочетъ васъ при себѣ имѣть, вы здѣсь останетесь. Конечно, не вы будете госпожей въ домѣ, но все будетъ хоть съ кѣмъ слово сказать.

— Съ кѣмъ же? спросила разсѣянно Марья Андреевна, думая въ эту минуту, что и ее не будетъ въ этомъ домѣ.

— Братецъ вашъ женится, отвѣчала Пелагея Михайловна, какъ могла тише.

— А!.. сказала Марья Андреевна, вздрогнувъ.

— Завтра сватается; безъ васъ сладили. Богачка, красавица... Не говорите никому— Артемина.

— Сестра... вскрикнула Марья Андреевна.

— Ну, да, сестра этого... какъ его... Нестоева, родная сестра; завтра сватается... Да что вы, Господь съ вами!

Она схватила помертвѣлыя руки Марьи Андреевны, но Марья Андреевна вырвала ихъ, вскочила, не сказавъ ни слова, распахнула двери и побѣжала въ комнату брата.

— Александръ, отвори! проговорила она, задыхаясь.

Когда онъ впустилъ ее, она упала въ кресло.

— Что ты, Маша? спросилъ Александръ, испуганный и столько-жъ недовольный, что его обезпокоили.

Она не могла говорить... Со дня ея пріѣзда они почти не видались: Александръ не жилъ дома; встрѣчая сестру утромъ или вечеромъ, онъ едва обмѣнивался съ нею нѣсколькими словами, вопросами, здорова ли она, весело ли ей было. Въ эту минуту онъ былъ удивленъ и заранѣе раздосадованъ: онъ предвидѣлъ сцену.

— Чего ты испугалась, Маша? повторилъ онъ, надѣясь, что ей дурно только отъ испуга.

Въ ней сохранилось настолько силъ, чтобъ понять необходимость говорить спокойно.

— Саша, правда ли, ты женишься?

— Кто тебѣ сказалъ?

— Пелагея Михайловна.

— Сорока! длинный языкъ! вскричалъ онъ съ досадой:—готова болтать всякому!

— Женишься ли ты? повторила Марья Андреевна.

— Почему я знаю! Станутъ кричать на улицахъ, такъ и не женюсь.

Онъ сомнѣвался въ успѣхѣ, а потому былъ радъ обвинить во всемъ заранѣе болтливость Пелагеи Михайловны.

— Но ты рѣшился? ты ее любишь?

— Что съ тобой? какая ты странная!

Марья Андреевна сдѣлала усиліе, чтобъ не упасть безъ памяти.

— Любишь ли ты Артемину, Саша?

— Ну, да, люблю... не люблю, какъ случится. Не умирать же съ голоду — пожалуй и женишься.

— Ты еще ничего не говорилъ ей?

— Что съ тобой, Marie? ты съума сошла... Говорилъ — разный вздоръ... она хорошенькая. Отецъ это ладитъ; у нея состояніе...

— Но ты ее любишь? ты не такъ ее любишь, чтобъ уже не могъ жить безъ нея?

— Съ чего ты взяла, помилуй, успокойся; какимъ ты меня воображаешь вздыхателемъ...

— Саша, вскричала она: — ради самого Бога, не женись на ней!

Она бросилась ему на шею и зарыдала.

— Милая моя, что съ тобой, спросилъ онъ, тронутый:—что тебѣ эта свадьба? что тебя тревожитъ?

— Саша, проговорила она, прижимаясь головой къ его плечу и рыдая: — Саша, не женись, я люблю Нестоева!..

Она плакала отчаянно, вскрикивала, какъ въ испугѣ, цѣловала брата, называла его самыми нѣжными именами; она была жалка, какъ ребенокъ, и порывиста, какъ страстная женщина.

— Саша, жизнь моя, сжалься надо мной! я рѣшусь на все, я умру! Саша, голубчикъ, вспомни, какъ мы были дѣтьми...

— Но что-жъ могу я сдѣлать? спросилъ Александръ: — женюсь ли я или нѣтъ — ты все-таки останешься съ своей безнадежной страстью...

— Онъ меня любитъ, я дала ему слово.

— Когда-жъ ты успѣла? спросилъ Александръ, столько же удивленный, сколько испуганный рѣшимостью, на которую онъ самъ былъ неспособенъ.

— Третьяго дня, отвѣчала она, вдругъ успокоиваясь и улыбаясь прелестному воспоминанію, которое живо явилось передъ нею.

— Въ дорогѣ, что ли?

— Видишь ли, Саша, продолжала Марья Андреевна, смѣясь и краснѣя сквозь слезы, увлекаясь новымъ наслажденіемъ, котораго еще до сихъ поръ не испытала, наслажденіемъ разсказывать о своемъ счастьѣ:—онъ проѣзжалъ черезъ деревню, гдѣ я останавливалась вечеромъ, и пришелъ ко мнѣ. Мы весь вечеръ провели вмѣстѣ... Еслибъ ты зналъ, какой вечеръ! Такъ никто не можетъ любить—нѣтъ, невозможно!.. Ты знаешь, какъ была мнѣ тяжела жизнь, ты знаешь, могла ли я надѣяться на чью нибудь любовь, а тутъ онъ былъ предо мною... Пойми это! скажи, кто въ мірѣ можетъ быть счастливѣе той женщины, которую онъ любитъ? Онъ сказалъ мнѣ, что меня любитъ!

Минутное спокойствіе сестры позволило Александру успокоиться, или, вѣрнѣе, опять разсѣяться; останавливая свои мысли на чемъ нибудь одномъ, онъ испытывалъ всегда какое-то боязненное напряженіе, а потому не было ничего обманчивѣе его наружной задумчивости: она означала совершенное отсутствіе размышленія.

— Такъ вотъ какъ, Нестоевъ! сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Кто бы этого ждалъ отъ него? Нестоевъ влюбленъ! Можно три дня сидѣть выдумывать, а другого такого чуда не выдумаешь... Влюбленъ въ тебя? не вѣрится, право... Маша ты не обманываешь?

— Что? спросила она.

— Не сердись, душенька, я не могу придти въ себя. Воображаю, какая это была сцена: ты, вѣрно, переконфузилась. Знаешь, надо имѣть привычку, чтобъ ловко выслушать признаніе въ любви.. Посмотрѣлъ бы я на васъ! забавно, право!

Онъ разсмѣялся.

— Сошлись двѣ романическія головы... впрочемъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ не отгадалъ бы, что моя сестрица отважится на такія вещи. Ахъ! Маша, Маша, какъ это тебѣ вздумалось? И ты такъ, прямо и сказала ему: «люблю васъ!» или поцеремонилась?

Александръ продолжалъ смѣяться; Марья Андреевна прервала его.

— Пощади меня, сказала она:—вспомни, что я тебѣ не чужая: жестоко насмѣхаться въ глаза. Саша, вѣдь я еще не такъ стара, не такъ безобразна, не такъ несносна, чтобъ ужъ меня невозможно было любить. Если ты шутишь, то, прошу тебя, перестань: не надъ всѣмъ можно шутить.

Александръ нахмурился; кроткій, но рѣшительный тонъ сестры разсердилъ его.

— Что-жъ вы намѣрены дѣлать? спросилъ онъ рѣзко.

— Я выйду замужъ за Нестоева, отвѣчала Марья Андреевна, вспыхнувъ, но спокойно.

— Это нѣсколько трудно сдѣлать, потому что я женюсь на сестрѣ его. Что-жъ это будетъ, въ родѣ скачки съ препятствіями, кто скорѣе успѣетъ, la course au clocher? Будь благоразумна, Маша: у насъ нѣтъ ничего; эта женитьба меня спасаетъ...

— Будь же, хотя разъ въ жизни, жалостливъ ко мнѣ! прервала она, залившись слезами.—Послѣднее... Боже мой! всю жизнь не видѣть ни ласки, ни дружбы, быть забытой, какъ я бывала забыта, до оскорбленія... и теперь, когда Богъ неожиданно посылаетъ мнѣ счастье, платитъ мнѣ за васъ, вы у меня отнимаете это счастье!.. Отнимите... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! вскричала она въ отчаяніи. — Нѣтъ, Александръ; ты не любишь, тебѣ все равно, а я люблю... Я тебѣ сказала: я умру!.. Тебѣ нужно богатство? Неужели у тебя нѣтъ рукъ, нѣтъ головы, чтобъ трудиться? Тотъ, кого я люблю, не хуже тебя, а трудится. Не стыдно ли, изъ того, что ты лѣнивъ, я обязана жертвовать собою? Нѣтъ, Александръ, не надѣйся: я не пожертвую. Я тоже эгоистка. Я довольно видѣла примѣровъ эгоизма: я выучилась сама. Тебѣ не было дѣла, когда я по цѣлымъ днямъ плакала одна у себя въ комнатѣ, Богъ знаетъ предъ кѣмъ и въ чемъ виноватая; мнѣ нѣтъ дѣла, что ты будешь нуждаться!.. Ты, можетъ быть, отъ этого сдѣлаешься лучше...

Александръ поблѣднѣлъ, но не сказалъ ни слова: онъ былъ оскорбленъ. Неожиданное оскорбленіе придало силы его упрямству; его капризъ сдѣлался волею; досада перешла въ злобу; желаніе посмѣяться стало желаніемъ отомстить. Онъ смолчалъ отъ привычки молчать, отъ неумѣнья волноваться, но затаенное бѣшенство сдѣлало его рѣшительнымъ, непреклоннымъ. Онъ прощалъ только тѣ обиды, за которыя былъ не въ состояніи наказать.

Не отвѣчая сестрѣ, онъ потупилъ голову, заложилъ руки въ карманы и принялся ходить по комнатѣ, посматривая на концы своихъ сапоговъ; онъ предоставилъ Марьѣ Андреевнѣ самой возобновить разговоръ, если ей это было угодно.

Она горько плакала; наконецъ тихо встала и остановила брата.

— Саша, сказала она кротко: — прости меня, прости все, что я наговорила. Мнѣ такъ тяжело на сердцѣ, когда бы ты зналъ! Ради Бога, не шути со мною и не сердись: я не помню, что кругомъ меня дѣлается. Клянусь тебѣ, я не знаю, какъ я жива до сихъ поръ... Помоги мнѣ, милый мой Саша! прости меня!

Она обняла его, рыдая.

— Прости меня, я сумасшедшая! Я всю жизнь буду просить у тебя прощенія... И ты... какъ будто ты не знаешь, что все, что есть у меня, я отдамъ тебѣ съ радостью. Ты не откажешься: у сестры брать можно; она не посторонняя женщина, на которой ты женишься только изъ разсчета. Не думай объ этомъ разсчетѣ, Саша—стыдно!.. Будемъ жить вмѣстѣ—неправда ли? Помоги мнѣ: скажи нашимъ старшимъ. Мы обмѣняемся, Саша: ты завтра еще только хотѣлъ свататься, а меня завтра уже обручать съ моимъ милымъ...

— Я самъ страстно люблю madame Артемину, возразилъ Александръ, прерывая эти просьбы и увѣщанія, перемѣшанныя съ слезами и поцѣлуями.

Онъ отошелъ отъ сестры и сѣлъ, любуясь

своими ногтями. Марья Андреевна осталась одна среди комнаты.

— Ты никого не любишь! сказала она внѣ себя.—Какъ мнѣ еще просить? Неужели ты не понимаешь, что моя жизнь зависитъ отъ тебя? Я понимаю, ты ужъ не шутишь: но и я давно тебѣ сказала, что не шучу—ты увидишь...

Она не договорила, какъ вошелъ Андрей Валерьяновичъ.

— Александръ, сказалъ онъ и остановился... увидя дочь.

Марья Андреевна вдругъ замолчала; она оробѣла на минуту, чувствуя, что все должно сейчасъ рѣшиться. Андрей Валерьяновичъ бросилъ кругомъ бѣглый взглядъ и увидѣлъ ея слезы и смущеніе Александра.

— Что случилось? спросилъ онъ: — о чемъ ты плачешь, Marie?

Андрей Валерьяновичъ, какъ человѣкъ великодушный, принималъ всегда сторону слабѣйшаго, притомъ, онъ любилъ журить Александра и особенно желалъ, чтобъ въ эти рѣшительные дни все было спокойно въ его семействѣ. Онъ всегда считалъ слезы неприличными, а въ настоящее время, еслибъ кто нибудь посторонній увидѣлъ ихъ на лицѣ его дочери, онѣ могли бы, почему знать? заставить подозрѣвать какую нибудь семейную драму, которыхъ Андрей Валерьяновичъ всегда не терпѣлъ.

— Чѣмъ огорчилъ тебя этотъ неучтивецъ, моя милая? продолжалъ онъ ласково, шутя:—я по глазамъ вижу, что онъ виноватый.

— Я виновата, папа, отвѣчала Марья Андреевна:—простите меня.

Она помертвѣла и удержалась за его руку. Андрей Валерьяновичъ засуетился.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ, сажая ее въ кресло. — Дай воды, Александръ! ты ни за что не умѣешь взяться!

Марья Андреевна схватила руки его и цѣловала ихъ; она въ первый разъ въ жизни видѣла такую заботливость.

— О папа, милый! повторила она:—простите меня, я осмѣлилась располагать собою безъ вашего согласія, я дала слово...

— Сердечная исторія—только-то? весело прервалъ Андрей Валерьяновичъ, которому мелькнула мысль устроить разомъ и дочь, и сына: — только-то? Кому же ты дала слово, моя милая?

— Нестоеву, папа, продолжала Марья Андреевна: — Я встрѣтила его дорогой, возвращаясь сюда; онъ пробылъ у меня весь вечеръ. Мы любимъ другъ друга. Уговорите Александра... Я все знаю: онъ хочетъ жениться на Артеминой; но если онъ женится—тогда, вы сами знаете — для меня все кончено! Уговорите его. Папа, я такъ люблю Нестоева... Боже мой! Не правда ли, вы любите насъ обоихъ равно, брата и меня? Александръ самъ сказалъ мнѣ, что женится только изъ разсчета... Папа, не правда ли, вы хотите, чтобъ я была счастлива? Я вамъ мила? скажите мнѣ... О! Боже мой, Боже мой!..

Передъ Марьей Андреевной стояла Елена Ивановна.

Елена Ивановна нѣсколько не довѣряла своему супругу: увидя, что онъ пошелъ въ комнату Александра, она поспѣшила вслѣдъ за нимъ до двери, но, услыша слова дочери, вообразила, что и она не будетъ лишнею и вошла.

— Une attaque de nerfs, сказалъ ей осторожно Андрей Валерьяновичъ, указывая на дочь.

— Я вижу, отвѣчала Елена Ивановна, продолжая стоять предъ дочерью и смотрѣть на нее съ видомъ ожиданія.

Марья Андреевна плакала отчаянно; она еще не получила рѣшительнаго отказа, но какъ будто чувствовала, что нечего надѣяться отъ тѣхъ, кто смотрѣлъ на ея слезы, не утѣшая, а дожидаясь, чтобъ онѣ кончились сами собою.

Александръ молчалъ; ему было какъ будто совѣстно предъ такой сильной горестью, какъ будто жаль сестры, но его женитьба была рѣшена такъ давно, о ней столько говорили, что ему казалось невозможнымъ не исполнить намѣренія, на которое онъ истратилъ столько упрямства; онъ надѣялся быть покойнымъ, когда все кончится, а тутъ вдругъ, еще перемѣна... Появленіе Елены Ивановны почему-то его ободрило.

Состраданіе Андрея Валерьяновича было довольно искренно. Горесть Марьи Андреевны, рѣзкая и порывная, была непохожа на приторныя женскія слезы, которымъ, наконецъ, не довѣряютъ тѣ, кто много видѣлъ ихъ и кому не разъ доставалась роль утѣшителя. Андрей Валерьяновичъ сожалѣлъ, что не могъ утѣшить: Нестоевъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, прекрасная партія, а сама Марья Андреевна, вдругъ, показалась ему хороша и интересна съ той минуты, какъ онъ узналъ, что она любима...

— Ну, что-жъ? сказала Елена Ивановна, выждавъ минуту, когда Марья Андреевна подняла голову и оглянулась.

Взгляды ихъ встрѣтились. Марья Андреевна опять схватила руки отца.

— Еще ничего не рѣшено? спросила она.

— Ты все рѣшила сама, не спрося ни отца, ни матери, отвѣчала Елена Ивановна спокойно: — что-жъ ты еще спрашиваешь? Ты пошла противъ всѣхъ, противъ счастья брата...

— Я ничего не знала.

— Теперь ты знаешь.

— Это не счастье для брата, возразила Марья Андреевна довольно твердо:—это мое счастье, и мой отецъ, моя мать не откажутъ мнѣ, не доведутъ меня до отчаянія!

— До отчаянія? А теперь это что-жъ? Развѣ можетъ быть еще хуже?

— Не знаю, что можетъ быть! отвѣчала Марья Андреевна.

— А я знаю, что ничего не будетъ, сказала Елена Ивановна, улыбаясь съ глубочайшимъ презрѣніемъ.—Романическая дѣва еще съиграетъ намъ комедію... Въ двадцать пять лѣтъ! стыдно, сударыня, стыдно! Гдѣ-то на большой дорогѣ поймала себя обожателя и изъ-за него кричитъ и рветъ на себѣ волосы... Когда вы сговорились съ нимъ встрѣтиться? Прежде гдѣ у васъ бывали свиданія?

Марья Андреевна упала къ ней въ ноги.

— Встань, матушка, продолжала Елена Ивановна: — предъ человѣкомъ ницъ не падаютъ.

— Ради Бога, не говорите мнѣ такъ! прервала Марья Андреевна.

— Я тебѣ никогда и ничего не говорила. Чего я отъ тебя и когда требовала? что ты видѣла отъ меня непріятнаго?

— Ничего... Спасите меня теперь. Скажите, что завтра... онъ пріѣдетъ завтра... что вы согласны отдать меня за него. О, какъ я его люблю! Еслибъ въ молодости вы знали...

— Я этихъ вздоровъ не знала, гордо прервала Елена Ивановна: — я постыдилась бы подумать то, что ты говоришь.

— Я не стыжусь моей любви; я думала, что и вы ей порадуетесь, отвѣчала Марья Андреевна съ новымъ порывомъ отчаянія.

— Есть чему! сказала Елена Ивановна.

— Не смѣйтесь надъ нею, возразилъ Андрей Валерьяновичъ, послѣ долгой нерѣшительности, видя необходимость вступиться:—есть вещи, которыхъ вы не понимаете, другъ мой...

— Я никогда, ничего не понимала! вскричала Елена Ивановна: — я думала, что есть долгъ повиновенія предъ родителями, что есть любовь братская...

— Есть также страсти... замѣтилъ Андрей Валерьяновичъ.

— Безумныя, грѣшныя, отверженныя!

— Есть другое несчастье, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ, обращаясь къ дочери, и на прекрасномъ лицѣ его выразилась глубокая забота: — мы бѣдны, мое милое дитя...

— О папа! сказала она, прижимаясь къ его груди:—я это знаю, но, право, я не романическая голова—увѣряю васъ. Мы проживемъ тѣмъ, что у **него** есть. Милый папа, неужели вамъ могло придти на мысль, что я огорчу васъ, попрошу чего нибудь, когда я знаю...

— Что твой отецъ все прожилъ, прервала Елена Ивановна, которую волновала ласковость Андрея Валерьяновича.

— Ты слышишь? сказалъ Андрей Валерьяновичъ.

— Клянусь вамъ Богомъ, я этого никогда не думала, отвѣчала Марья Андреевна:—вы все сдѣлали для меня. Если вы думаете, что еще обязаны предо мною, позвольте мнѣ выйти за Нестоева, дайте мнѣ счастье—вотъ ваша обязанность...

— Ты указываешь намъ на обязанности? вскричала Елена Ивановна: — развѣ до сихъ поръ ты не была счастлива? Чѣмъ ты недовольна?

— А если я попрошу у тебя жертвы? сказалъ Андрей Валерьяновичъ кротко и съ горестью.

Марья Андреевна взглянула на обоихъ...

— Я откажу вамъ, отвѣчала она почтительно, тихо, но твердо: — я это уже сказала брату. Пусть онъ трудится самъ. Развѣ не можемъ мы, мой мужъ и я, такъ же васъ успокоить?

— Кто это? прервала Елена Ивановна съ ужасомъ. — Ты смѣешь думать, что я, твоя мать, стану жить подаяніемъ Богъ знаетъ отъ кого?

— Вы согласились бы принять отъ брата?

— Твой братъ не ты.

— Почему?..

— Онъ помнитъ свои обязанности: онъ не оскорблялъ насъ, не унизилъ себя, какъ ты себя унизила... Объяснилась въ любви первому встрѣчному!

— Вы давно знаете Нестоева...

— И не хочу знать его!

— Ты опоздала, моя бѣдная Marie, сказалъ Андрей Валерьяновичъ.

— Я этого не вижу, возразила Марья Андреевна, которой слезы остановились при словахъ Елены Ивановны;—онъ еще не обвѣнчался.

Она довольно рѣзко и презрительно указала на брата.

— Твоя правда, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ съ грустью, взявъ ее за руки и заставляя сѣсть подлѣ себя:—но... будемъ говорить благоразумно. Ты знаешь свѣтъ?

— Онъ не можетъ сказать ничего дурного обо мнѣ, отвѣчала она твердо.

— Конечно... о, конечно! продолжалъ Андрей Валерьяновичъ съ увлеченіемъ: — ты права, ты велика, ты только несчастна... Но представь себѣ положеніе женщины, вдругъ оставленной тѣмъ, кто въ глазахъ свѣта, казалось, искалъ ея руки, кого, такъ сказать, привыкли видѣть вѣчно съ нею? представь себѣ работу злыхъ языковъ и страданія этой женщины...

Марья Андреевна встала, будто потерянная.

— Представьте себѣ положеніе женщины, когда человѣкъ, котораго она любитъ больше всего въ мірѣ... страстно, принадлежитъ къ ея семьѣ!.. вскричала она съ ужасомъ.

Елена Ивановна всплеснула руками.

— Я этого не вынесу, продолжала Марья Андреевна, обращаясь къ отцу. — Я вамъ сказала, что люблю его; всякое ваше слово только сильнѣе привязываетъ меня къ нему. Говорю вамъ безъ слезъ, рѣшительно: насъ разлучитъ только смерть.

— Что-жъ, вы намѣрены бѣжать съ нимъ? спросила Елена Ивановна.

— Не доводите меня до крайности, вскричала Марья Андреевна, опять упавъ предъ ней на колѣни.—Я умоляю васъ ради Бога, ради моей любви къ вамъ, ради всей моей прошедшей жизни... ради души моей... договорила она, рыдая.

— Господи! за что такое тяжкое наказаніе? произнесла Елена Ивановна. — Безумная, не доводи меня до ропота, не доводи меня до ожесточенія! Какая ты можешь быть жена или мать? Чтобъ я взяла на свою душу связать съ тобой человѣка, каковъ бы онъ ни былъ — нѣтъ! я тебѣ сказала, и нѣтъ! Проси отца или брата: захотятъ они ради твоего сумасбродства по-міру пойти — ихъ воля. Я никогда для васъ ничего не значила... Оставь же меня! вскричала она, освобождая свое платье изъ рукъ Марьи Андреевны и направляясь къ двери. — Помни все, что ты насказала мнѣ: ты отвѣтъ дашь!

Елена Ивановна вышла.

— Не гнѣви мать, Marie, сказалъ Андрей Валерьяновичъ, подходя къ ней, между тѣмъ какъ она стояла неподвижно у порога:—ты знаешь ея убѣжденія: люди съ такими убѣжденіями всегда непреклонны. Подумай, что скажутъ о тебѣ, если ты рѣшишься на какую нибудь неосторожную выходку. Свѣтъ неумолимъ... Эта молоденькая женщина и такъ терпитъ отъ всего, что на нее взводятъ; сплетни возмутительны... Все пройдетъ, моя милая, все—повѣрь мнѣ, а страсть прежде всего; въ супружествѣ-то она всего скорѣе и проходитъ. Если ты думаешь, что твой восторгъ будетъ вѣченъ — ты очень ошибаешься. Мужъ совсѣмъ не то, что молодой человѣкъ, въ котораго мы влюблены; является тысяча разныхъ разностей, а безъ состоянія... Конечно, твой Нестоевъ считается основательнымъ малымъ, но... ты не молода, ты знаешь, самая красота требуетъ обстановки. Посмотришь, а другая женщина, и хуже тебя, но богатая, не разъ заставитъ тебя ревновать, да еще какъ!.. Состояніе... Ты знаешь, каково доставать деньги. О, это цѣлая наука!.. Взгляни на брата: на что онъ похожъ? Всякій день то счеты изъ лавокъ, то заемныя письма, то такъ кредиторы... пріятное пробужденіе! Знаешь, сколько отъ этого теряетъ человѣкъ морально? Глупѣешь, слова не находишь въ обществѣ, какъ тебя дома этимъ поподчуютъ. Да и физически: взгляни, на что онъ сталъ похожъ?

Александръ позволилъ себѣ улыбнуться, подойдя, поцѣловать руку сестры.

— Полноте, дѣти, продолжалъ Андрей Валерьяновичъ, растроганный;—не ссорьтесь. Это у тебя немного нервное, Marie. Я до нынѣшняго дня не зналъ твоего характера: чудный характеръ: сколько твердости, энергіи!.. Помоги мнѣ устроить нашего повѣсу; Нестоевъ у тебя въ рукахъ: дѣйствуй такъ, чтобъ онъ велѣлъ сестрѣ выйти за Александра...

Андрей Валерьяновичъ и, вслѣдъ за нимъ, Александръ разсмѣялись самымъ пріятнымъ образомъ.

Марья Андреевна слегка оттолкнула брата и вышла, не отвѣчая ни слова.

IV.

Оставшись одни, Андрей Валерьяновичъ и Александръ молчали нѣсколько минутъ.

— Нестоевъ въ городѣ? спросилъ Андрей Валерьяновичъ.

— Не знаю.

— Ты никогда ничего не знаешь! Знаешь ли, чѣмъ это можетъ кончиться, если онъ здѣсь? Они обвѣнчаются гдѣ нибудь завтра въ раннюю обѣдню...

Александръ пожалъ плечами.

— Кто-жъ на это рѣшится? сказалъ онъ.

— Твоя сестра. У нея не твой характеръ, къ тому же она знаетъ, что я не надѣлаю шума: глупо ссориться съ такимъ зятемъ, какъ Нестоевъ. Если это придетъ ей на мысль — все пропало!

— Нестоевъ еще не пріѣзжалъ, сказалъ Александръ, чтобъ не безпокоиться.

— Все лучше поторопиться. Объяснись сегодня вечеромъ съ Артеминой. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ вокзалъ, заѣзжай и объяснись.

— А если я застану кого нибудь?

— Да что-жъ, ты не хочешь, что ли? вскричалъ Андрей Валерьяновичъ. — Вы меня съума свести хотите! Ты такъ и сказалъ бы часъ назадъ. Уступи, пожалуй, сестрѣ... смѣшно даже! Ей будетъ хорошо съ дѣльнымъ мужемъ, а ты проси у него мѣста писаря, чтобъ тебя не посадили въ яму! Ты понимаешь, что мнѣ не весело отказывать Машенькѣ? Я знаю женщинъ, знаю эти чувства; я жертвую ею для тебя.

Александръ улыбнулся.

— Я буду у Артеминой передъ баломъ, сказалъ онъ.—Вы обѣдаете дома?

— Хотѣлъ было... Поѣдемъ куда нибудь вмѣстѣ.

Они уѣхали оба, приказавъ, чтобъ ихъ не дожидались.

— Вамъ, вамъ всѣмъ этимъ я обязана! восклицала Елена Ивановна, распростертая въ креслахъ, въ своей комнатѣ, вся раскраснѣвшись и сверкая взорами отъ гнѣва, между тѣмъ какъ Пелагея Михайловна проливала слезы.

— Господи, что же это такое? повторяла Пелагея Михайловна.

— Ожесточеніе сердца вашего—вотъ это что. Медъ на языкѣ, а едва увидѣли, что можете повредить, такъ тутъ вы и есть.

— Я душу свою, душу хотѣла ей открыть! отвѣчала Пелагея Михайловна.

— Душа ваша!.. Врагъ вашъ, языкъ, вѣчно въ васъ присутствуетъ. Вы знали, кому вы говорили; не по невѣдѣнію.

— Ахъ, Елена Ивановна! какъ же я могла знать, что она влюблена въ этого...

— Не марайте ужъ языка вашего: не бранитесь! Вы рады ближняго вашего всякимъ дурнымъ именемъ назвать. Что для васъ священно? Вы семью возмутили; вы безумную, непокорную дочь противъ матери возстановили; вы сына моего, любимца моего сердца, въ нищету повергли... Униженіе какое! свыше силъ, свыше смиренія человѣческаго!..

Подобныя бесѣды продолжались весь день.

Марья Андреевна была одна въ своей комнатѣ. Наслушавшись нравоученій Елены Ивановны, Пелагея Михайловна, вставъ изъ-за обѣда, пошла вразумлять молодую дѣвушку.

— Стыдно, Машенька, сказала она:—начудесили, да сами и плачете. Что я вамъ сдѣлала? чѣмъ я, можно сказать, васъ оскорбила, что вы меня предъ вашимъ папенькой, котораго я такъ уважаю, предъ вашей маменькой, которая уже не въ этомъ мірѣ живетъ, что вы меня болтуньей представили? Не этого я отъ васъ ожидала, Машенька! Вы на балы выѣзжали—я думаю, я себя была готова не пожалѣть; была ли у васъ какая бездѣлица, чтобъ я отъ себя не отдѣлила? Вы думаете, все отъ вашего папеньки шло? Вашъ папенька—не въ осужденіе сказать—пустѣйшій человѣкъ, изъ клуба не выѣзжаетъ; свое промоталъ, чужого, ужъ конечно, не жаль... А маменька ваша... вѣдь я и сама, благодареніе Богу, не язычница, понимаю... Вы, Машенька, не отворачивайтесь; гордость первѣйшій грѣхъ, и нераскаяніе къ тому же...

— Оставьте меня въ покоѣ! сказала Марія Андреевна.

— Ахъ, мать моя! не безпокойтесь, васъ цѣлый свѣтъ оставитъ. Срамъ на весь городъ... я думаю, ужъ толкуютъ. Влюбилась, свиданіе себѣ на перепутьи назначила...

— Я васъ просила уйти! вскричала Марья Андреевна.

Почтенная дама ушла: она испугалась, что сдѣлало ее необыкновенно покорной предъ Еленой Ивановной, у которой она попросила прощенія.

Марья Андреевна вслѣдъ за нею пошла къ матери...

Возвратившись, она тихо легла на свою постель. Она больше не плакала и ничего не думала; она не замѣчала, было ли свѣтло или темно; ей казалось только, что вокругъ нея стѣснялось пространство и какъ-то странно недоставало воздуха; ей было холодно; ея руки дрожали; голова кружилась.

Вокругъ нея все было тихо. Она закрыла глаза и забылась. Такъ прошло нѣсколько часовъ, которыхъ она не помнила; легкій шорохъ разбудилъ ее, если можно назвать сномъ это забытье.

— Кто здѣсь? Это ты, Лиза? спросила она, вдругъ приподнимаясь, между тѣмъ какъ

ужасъ ея положенія припоминался ей яснѣе съ каждой секундой.

— Это я, отвѣчала дѣвушка, подходя къ ней. — Къ вамъ не приказано входить, но я подумала, не нужно ли вамъ что нибудь.

Было около девяти часовъ вечера; солнце заходило въ тучу и становилось темно. Марья Андреевна смотрѣла въ окно.

— Лиза, сказала она вдругъ: — оправь мнѣ волосы и дай мнѣ мантилью и шляпку.

— Куда вы хотите идти? спросила дѣвушка, испугавшись:—взгляните на себя, вы едва стоите.

— Принеси мнѣ шляпку, повторила Марья Андреевна, завертывая свою косу.—Хорошо. Я не хочу идти на большой подъѣздъ, проводи меня черезъ дворъ и не говори никому, что я ушла.

Чрезъ нѣсколько минутъ она была на улицѣ. Она никогда не выходила одна; Андрей Валерьяновичъ и Елена Ивановна, каждый по-своему, но оба равно считали это неприличнымъ. Марья Андреевна смутно вспомнила и это среди всего, что смутно ей припоминалось. Она исполняла странную мысль, внушенную ей не разсудкомъ, не сердцемъ, а отчаяніемъ; ей нуженъ чей нибудь совѣтъ, если уже не могло быть помощи, какъ не было состраданія. Посторонніе были ей всѣ чужіе. Въ страшныя минуты горя и лихорадки, которая жгла ей голову, въ ея памяти мелькнуло имя, лицо Ливинской. «Онъ сказалъ, что она добра». Марья Андреевна пошла къ ней, зачѣмъ—сама не зная. Она какъ-то догадалась опустить вуаль, чтобъ ее не узнали гуляющіе, которые встрѣчались. Почти безсознательно, но торопясь, будто спѣша къ своему спасенію, она взошла на лѣстницу Ливинскихъ и позвонила.

Ливинская была одна въ залѣ. Они жили очень скромно; старый лакей составлялъ всю ихъ прислугу, а потому, услыша звонокъ и видя, что никого нѣтъ въ передней, Ливинская пошла отворять сама.

— Marie! вскричала она, едва узнавъ въ сумеркахъ измученное лицо дѣвушки и обнимая ее:—какъ я рада! какъ вы милы, что вздумали придти, мы такъ давно не видались! Когда вы возвратились изъ деревни?

— Вы однѣ? спросила Марья Андреевна.

— Одна. Подивитесь, мой мужъ на балѣ, сейчасъ уѣхалъ; еще рано, но все равно: мнѣ лишь бы заставить его показать глаза куда нибудь! Что вы дѣлали все это время? весело ли вамъ было?.. Милочка, душа моя, что съ вами?

Она обняла Марью Андреевну, которая зарыдала у нея на плечѣ.

— Скажите, не могу ли я вамъ помочь? Скажите мнѣ все, моя милая, ангелъ мой, душенька Маша!

Если женщины умѣютъ огорчать, зато никто лучше женщинъ не умѣетъ сказать ласковыхъ, искреннихъ словъ. Марья Андреевна еще никогда ихъ не слыхала. Она была не въ силахъ говорить, но плакала уже безъ отчаянія, отвѣчая на поцѣлуи прекрасной женщины, въ которой въ одну минуту поняла друга.

— Нестоевъ говорилъ вамъ, сказала она наконецъ:—мы любимъ другъ друга...

— И вы его любите?

— Еслибъ онъ былъ здѣсь... Мнѣ надо его видѣть.

— Онъ пріѣхалъ, вскричала съ радостью Ливинская: — сейчасъ проѣхалъ мимо — я видѣла; онъ мнѣ кланялся... Подите сюда.

Она увела Марью Андреевну въ гостиную, къ окну.

— Видите, дальше на улицу, домъ, въ одномъ окнѣ огонь? это его квартира. Подождите, я пошлю ему сказать, онъ сейчасъ придетъ.

Марья Андреевна прильнула къ окну: она ожила. Ливинская вышла.

«Поскорѣе», приказывала она старику слугѣ: «скажи ему, чтобъ онъ пришелъ сію минуту, что очень нужно, что я одна и дожидаюсь. Пожалуйста поскорѣе; Дмитрій Николаичъ можетъ возвратиться, а я одна...» — Сейчасъ, продолжала она, входя къ Марьѣ Андреевнѣ.—Мы однѣ во всемъ домѣ: я отпустила въ гости мою горничную; васъ никто не увидитъ и тѣмъ лучше: не станутъ говорить разнаго вздора. Можете быть покойны.

Она весело суетилась вокругъ Марьи Андреевны. Огонекъ въ окнѣ Нестоева привлекалъ не только все вниманіе, всю душу дѣвушки.

— Удивляюсь, продолжала Ливинская:— какъ онъ безъ приглашенія не пришелъ давно. Отдыхаетъ, сибаритничаетъ; пьетъ чай съ дороги. Смотрите, это его фигура заслонила свѣтъ, мы сейчасъ увидимъ, что будетъ, какъ придетъ нашъ посланный.

Марья Андреевна не отвѣчала ей: она не могла говорить отъ безпокойства и нетерпѣнія. Ливинская вышла встрѣтить Нестоева въ залу.

— Здравствуйте! вскричалъ Нестоевъ, входя:—вы меня звали? Все ли благополучно? На что я былъ такъ скоро нуженъ?

— Подите сюда, сказала Ливинская.

У Марьи Андреевны недостало силъ сдѣлать нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу.

— Вы здѣсь! сказалъ Нестоевъ, увидя ее:—вотъ счастье! Видите ли, я пріѣхалъ къ сроку... Вы меня ждали?.. Вы все знаете, Лизавета Васильевна?

— Несчастье... сказала Марья Андреевна и не могла договорить.

— Что такое?

— Мой братъ женится на вашей сестрѣ!

Она бросилась, рыдая, на шею Ливинской. Нестоевъ былъ пораженъ.

— Что такое? когда вы слышали? спрашивалъ онъ, внѣ себя, Ливинскую.

— Я ничего не знаю, отвѣчала та:—я бы вамъ написала.

— Три дня назадъ, мы встрѣтились съ нею въ деревнѣ, продолжалъ Нестоевъ: — я спѣшилъ сюда и завтра хотѣлъ свататься. Что-жъ тутъ было безъ меня?.. Марья Андреевна, ради Бога, скажите!

— Мой братъ сватается за вашу сестру, отвѣчала она:—безъ меня все устроили... Я все имъ сказала, я просила... меня прогнали. Я весь день мучилась и прибѣжала сюда... Завтра отецъ и братъ поѣдутъ къ вашей сестрѣ объясняться... Что-жъ еще? Я просила... Господи, зачѣмъ я жива!

— Развѣ они влюблены? спросилъ Нестоевъ.

— Братъ ее не любитъ, но, все равно, онъ женится.

— А она навѣрное его не любитъ, возразилъ Нестоевъ, успокоиваясь:—она богата, свободна, кто ей велитъ идти замужъ?

— Она откажетъ ему, сказала Ливинская...

— Она откажетъ, повторилъ Нестоевъ.— Успокойтесь, не плачьте, ради Бога, не мучьте меня; подумайте, если вашъ братъ разсчитываетъ, то и Eugénie можетъ разсчитывать. Что ей за счастье въ этомъ замужествѣ?

— Все равно, о моемъ счастьѣ не думаютъ! возразила Марья Андреевна отчаянно:—все равно! Я сказала имъ, что не переживу этого: они мнѣ отказали!

— Дома вашъ мужъ? спросилъ Нестоевъ Ливинскую.

— Нѣтъ.

— Я хотѣлъ бы, чтобъ еще кто нибудь слышалъ мои слова, продолжалъ онъ рѣшительно и обращаясь къ Марьѣ Андреевнѣ:— я не хочу дѣлать тайнъ изъ моихъ намѣреній. Разсчетъ или непріязнь ко мнѣ вашей семьи насъ разлучаютъ, и все должно рѣшиться завтра. Хотите ли завтра, прежде нежели вашъ братъ объяснится съ моей сестрой, обвѣнчаться со мною?

— Бѣжать! вскричала она.

— Это будетъ не побѣгъ; вы и я свободны и можемъ дѣйствовать свободно; вы сдѣлали все, что могли и должны были сдѣлать: вы просили, убѣждали, вы предупредили, что готовы на отчаянныя крайности...

— Бѣжать! повторила Марья Андреевна.

— Но что-жъ дѣлать? прервалъ съ нетерпѣніемъ Нестоевъ:—на что-жъ рѣшиться, наконецъ? времени только до завтра; а если Eugénie дастъ слово вашему брату...

— Тогда все кончено!

— Все кончено; тогда ужъ будетъ поздно согласиться на то, что я предлагаю вамъ. Теперь все въ вашихъ рукахъ, вы сами не хотите! за что... Подумайте, что вы готовите намъ обоимъ? Можно съума сойти!

— Постойте, прервала она:—опомнитесь, послушайте... слушайте, пока я еще могу говорить! Ступайте сейчасъ къ вашей сестрѣ, спросите ее, пойдетъ ли она за Александра; если она скажетъ нѣтъ, значитъ, у меня еще будетъ время просить...

— Довольно этихъ просьбъ! Не унижайте меня!

— Нѣтъ, я еще попытаюсь... Они виноваты передо мною, я хочу быть права передъ ними.

— Но если Евгенія скажетъ, что приметъ предложеніе вашего брата?

— Тогда... Тогда я вѣнчаюсь съ вами завтра въ восемь часовъ утра. Приходите въ церковь, что недалеко отъ нашего дома, я тамъ буду.

Нестоевъ схватилъ ея руки...

— Ступайте, повторила она, вся дрожа и цѣлуя его:—ступайте, ужъ поздно; она сбирается ѣхать на балъ, поспѣшите застать ее еще дома.

— До завтра! проговорилъ Нестоевъ.

— До завтра... Куда-жъ я пойду сегодня? сказала она, теряясь:—домой?.. О, уговори, умоли свою сестру, скажи ей все!

— На что отчаяваться? сказалъ Нестоевъ:—до завтра, до свиданія...

— Теперь поздно и темно, сказала Ливинская:—я пойду съ вами, Нестоевъ насъ проводитъ, до вашего дома недалеко... Вамъ холодно, душа моя, продолжала милая женщина, закутывая Марью Андреевну въ свою шаль.—Успокойтесь, Богъ милостивъ...

У нея самой на глазахъ были слезы. Марья Андреевна обняла ее.

— Я въ самомъ дѣлѣ счастлива... сказала она, глядя на Нестоева.

— Пойдемте, сказала Ливинская.

Марья Андреевна уже вышла изъ передней на лѣстницу; Ливинская остановилась.

— Подождите, сказала она Нестоеву и, кликнувъ старика-лакея, прибавила: — я ухожу; запри дверь, я сейчасъ возвращусь.

Нестоевъ вышелъ съ нею; Марья Андреевна ждала на лѣстницѣ; онъ подалъ ей руку, потому что, измученная, она едва могла идти. Они шли, не говоря ни слова и только смутно чувствуя счастье, что они вмѣстѣ.

— Прощай, тихо сказалъ онъ, завидя въ нѣсколькихъ шагахъ освѣщенный подъѣздъ ея дома.

— Прощай, повторила она.

— Прощай, моя жизнь, моя радость! Люблю тебя...

— Богъ съ вами, почивайте спокойно, сказала Ливинская, между тѣмъ какъ Марія Андреевна уходила въ ворота. — Нестоевъ, дайте мнѣ вашу руку и пойдемте скорѣе...

Пелагея Михайловна, перегнувшись почти вдвое въ окнѣ второго окна, наблюдала за всей этой сценой, которую вполнѣ освѣщали два фонаря у подъѣзда.

Было десять часовъ. Андрей Валерьяновичъ уѣхалъ на балъ; Александръ одѣвался, намѣреваясь заѣхать къ Артеминой, для окончательнаго объясненія, какъ это было рѣшено съ утра между нимъ и отцомъ.

Марья Андреевна вошла въ свою комнату.

— Разбуди меня завтра въ шесть часовъ, Лиза, сказала она, бросаясь въ постель.

Чрезъ нѣсколько минутъ она бредила.

— Вы не почиваете? спросила Пелагея Михайловна, оставляя свой наблюдательный постъ и являясь на цыпочкахъ въ комнату Елены Ивановны.

— Нѣтъ, отвѣчала Елена Ивановна, сидящая въ креслѣ передъ толстой книгою, разогнутой на столикѣ: — что вамъ нужно ночью?

— Какая же ночь? ужъ и ночь тотчасъ! Я думала вамъ же удовольствіе сдѣлать: Машенька возвратилась.

— Для меня она уже невозвратима! отвѣчала Елена Ивановна.

— И вы представьте, съ кѣмъ? съ Ливинской, и Нестоевъ ихъ провожалъ. А отсюда Ливинская съ Нестоевымъ подъ-ручку пошли. Долго еще нагуляютъ...

Въ домѣ все затихло. Александръ уѣхалъ: онъ сбирался долго, но онъ зналъ, что Артемина не пріѣзжаетъ на балы раньше одиннадцати часовъ.

Проводивъ Ливинскую до ея дома, Нестоевъ поспѣшилъ къ сестрѣ; онъ увидѣлъ у крыльца ея карету — значитъ, Артемина была готова ѣхать. Нестоеву сказали, что она одѣвается: онъ ждалъ въ гостиной и, теряя терпѣніе, наконецъ постучался въ дверь уборной.

— Eugénie, это я. Сдѣлай одолженіе, кончай скорѣе и дай себя видѣть.

— Что за нѣжность! отвѣчала она.—Такъ нѣтъ же, ты меня не увидишь: я выйду въ другую дверь и уѣду.

— Мнѣ надо сказать тебѣ о дѣлѣ, Eugénie.

— Помѣшался на дѣлахъ! Цѣлый мѣсяцъ, два мѣсяца пропадаетъ — явится, и все съ дѣлами. Здравствуй.

Дверь распахнулась и Артемина, въ бальномъ платьѣ, показалась очень эфектно.

— Смотри, похорошѣла ли я?

— Очень. Отошли свою горничную.

— Вотъ вздоръ! ты въ самомъ дѣлѣ хочешь мнѣ надоѣсть? я думала, ты шутишь.

— Нисколько не шучу и мнѣ некогда; отошли дѣвушку и сядь.

— Не отошлю и не сяду. Говори скорѣе, или я уѣду.

— Но это до тебя касается.

— До меня ничто не можетъ касаться. Прощай.

Она накидывала на плечи вышитую мантилью.

— Можешь полюбоваться на это: смотри, какая прелесть.

— Eugénie, постой... Ты идешь замужъ?

— Съ чего ты вздумалъ? За кого?

— За Оршевскаго.

— За котораго: за отца или за сына? вскричала Евгенія Михайловна, расхохотавшись.

Ей вторила горничная.

— За что ты хотѣлъ ее отослать, лишить ее удовольствія?.. Ахъ, Гриша, скажи еще! Кто это выдумалъ? Кто это съума сошелъ, сказалъ? Съ чего взяли? Что я принимаю этихъ дураковъ, такъ я и свяжусь съ ними на всю жизнь! Ты предполагаешь во мнѣ крошку разсудка, Гриша? Какая сплетница это сочинила?

— Это не сплетня, а Александръ Оршевскій завтра сдѣлаетъ тебѣ предложеніе.

— Ахъ, какая прелесть! пусть попробуетъ. Я тебя поцѣлую за эту новость, Гриша! Это чудо, какъ я позабавлюсь; я начинала умирать съ тоски... Папа Оршевскій съ самаго своего праздника смотритъ непризнаннымъ геніемъ и все ѣздитъ ко мнѣ за

утѣшеніями — вотъ они, утѣшенія!.. Отъ кого ты слышалъ, Гриша? разскажи. — Катя, поди, вели отъѣхать каретѣ, пусть подождетъ.

— Скажи мнѣ прежде всего, спросилъ Нестоевъ, дождавшись, чтобъ горничная вышла:—ты точно не пойдешь за Оршевскаго?

— Тебѣ чего хочется? развѣ это до тебя касается?

— Я не хочу, чтобъ ты шла.

— Я выйду на зло тебѣ, Гриша, изъ шалости. Я теперь свободна, а съ Оршевскимъ буду еще свободнѣе...

— Не шути, Eugénie; я прошу тебя, какъ нельзя серьезнѣе: откажи ему.

— Тебѣ-то что?

— Для меня это очень много значитъ... Ты добрая душа и сдѣлаешь это для меня.

— А если нѣтъ?

— Ты сдѣлаешь мое несчастье.

— Вотъ какъ!.. Посмотри на меня... Гриша, что ты? ты какъ будто разстроенъ.

— Даже очень, моя милая Eugénie. Успокой меня, обѣщай, что ты ему откажешь...

— Что толковать объ этихъ пустякахъ! Я пошутила. Конечно, прогоню его... Съ тобой что? Нѣтъ ли непріятностей по службѣ? съ Ливинскимъ?

— О, нѣтъ.

— Вѣдь я не совсѣмъ вѣтреница, право... Ты ухаживаешь за Ливинской: не случилось ли чего?

— Какъ тебѣ приходитъ въ голову!

— Александръ Андреевичъ Оршевскій, сказала горничная, входя:—проситъ, чтобъ вы его приняли.

— Ты сама знаешь, я сейчасъ ѣду, возразила Артемина: — когда же тутъ принимать гостей?

— Онъ видѣлъ пальто Григорья Петровича, ждетъ въ прихожей...

— Развѣ Григорій Петровичъ и онъ одно и то же?.. Дуракъ! на что мнѣ его надобно? Скажи ему, чтобъ убирался, и вели подавать карету... Гриша, приходи завтра утромъ, пораньше: ты мнѣ скажешь, какое у тебя горе, а я тебѣ разскажу, какъ я сегодня утѣшу этого франта... Я вижу, что имъ нужны мои деньги... Какая гадость!..

V.

На слѣдующее утро, Андрей Валерьяновичъ, вставъ ранѣе обыкновеннаго, нѣсколько разъ посылалъ узнать, проснулся ли Александръ; наконецъ, приказалъ разбудить его.

— Что ты, съ радости что ли заспался? спросилъ онъ, когда Александръ вошелъ:— можно ли такъ мучить, оставлять въ неизвѣстности? Ну, что, чѣмъ кончилось?

— Отказала! отвѣчалъ Александръ, бросаясь на диванъ, съ котораго отецъ его вспрыгнулъ.

— Отказала? какъ отказала? Ты шутишь? ты бредишь? говори дѣло!

— Отказала—и все тутъ. Довольно вамъ? Для чего вы уѣхали рано: вчера бы еще узнали.

— Еще бы ты дотянулъ свое объясненіе до зари! Поѣхалъ къ ней до бала...

— Поѣхалъ до бала и меня не приняли; я схожу съ крыльца, она за мной вслѣдъ, а за ней Нестоевъ.

— Нестоевъ? онъ воротился?

— Сидѣлъ у нея, когда меня не приняли.

— Ну, дальше... Да какъ же отказала? разсказывай.

— Пріѣзжаемъ въ вокзалъ въ одно время. Она вышла изъ кареты и не смотритъ. Въ залѣ я зову ее танцовать: первую, вторую, пятую кадриль — на всѣ сряду звана. «Десятую, если хотите ждать». Палатьевъ хохочетъ во все горло и кричитъ: —десятой вы не дождетесь...

— И ты выдержалъ?

— Я не выдержалъ и позвалъ ее на мазурку. Опять отказъ. «Кто много проситъ, тому нѣтъ ничего...» Хохотъ... Вы засѣли за картами и ничего не слышали. Я понималъ, что мнѣ надо было выждать до конца...

— Ну, дальше, дальше, безъ поясненій.

— Десятую кадриль нарочно отложили послѣ ужина... Что вы не остались ужинать?

— Ужинъ по подпискѣ—десять рублей, а у меня ихъ не было, отвѣчалъ съ волненіемъ Андрей Валерьяновичъ.

— Но вы съ чѣмъ нибудь да сѣли играть?

— Съ чѣмъ нибудь и сѣлъ... Разсказывай!

— Могли бы вы остаться такъ...

— Ходить одному по комнатамъ, покуда вы ѣли?

— Такъ для чего-жъ было играть, сдѣлайте милость? Вы были нужны въ залѣ, когда рѣшалась участь...

— Ты, кажется, мнѣ уроки даешь?.. Развѣ ты младенецъ, что я долженъ за тобой присматривать? Самъ не умѣлъ... Разсказывай же, какъ это было.

— Я вамъ сказалъ, отвѣчалъ Александръ:—весело развѣ повторять? Отказала, и я въ дуракахъ, отказала, и еще дерзко.

Я вижу, что это штука этого проклятаго Нестоева.

— Почему Нестоева?

— Видите ли, продолжалъ Александръ, рѣшаясь разсказывать:—я, наконецъ, танцую съ нею. Начинаю говорить, что она хороша и такъ далѣе, наконецъ, говорю, что я люблю ее—прямо; долго толковать было некогда. Она захохотала: «Вы меня любите, ужъ не хотите ли вы на мнѣ жениться?» Она меня поразила. Я хотѣлъ поправить какъ нибудь, говорю ей, что она подслушала тайну моего сердца...

Андрей Валерьяновичъ сдѣлалъ сильное движеніе досады.

— Я понимаю, что это пошлость, вскричалъ Александръ:—но ею можно вывернуться, обратить потомъ все въ шутку, еслибъ было нужно...

— Все превосходно!.. Говори. Ну, «тайна твоего сердца»...

— Вамъ все не нравится, а именно эти слова все объяснили, значитъ, они были кстати.

— Разсказывай, сдѣлай милость!

— Она перестала смѣяться. «Какая же это тайна сердца, когда ее всѣ знаютъ? Братъ Гриша сейчасъ только пріѣхалъ въ городъ и говорилъ мнѣ, что вы намѣрены свататься—я все знаю. Стало быть, вы всѣмъ разсказываете эти тайны и, вѣроятно, прибавляете, что надѣетесь успѣть? Такъ сдѣлайте милость, оставьте эти надежды: вы очень ошибаетесь; я не вижу никакой необходимости и никакого удовольствія быть вашей женою...»

— Откуда могъ провѣдать Нестоевъ? вскричалъ Андрей Валерьяновичъ.

— Ищите, отъ кого. Онъ пріѣхалъ за два часа до бала. Есть у насъ вѣчевой колоколъ—Пелагея Михайловна, она готова объявлять всякому юродивому...

— Но ты пойми это: тебѣ отказали! Что намъ дѣлать?

— А я почему знаю? возразилъ Александръ:—вамъ лучше это извѣстно.

— Но намъ жить нѐчѣмъ.

— Я-то чѣмъ же виноватъ?

— Я все слушалъ, все ждалъ, что это еще не такъ рѣшительно. Что дѣлать? Одна надежда была на тебя...

— Я-то чѣмъ же виноватъ? повторяю вамъ. Я не съумѣлъ жениться — только; развѣ я довелъ до того, что намъ жить нѐчѣмъ?

— Кто здѣсь? крикнулъ Андрей Валерьяновичъ, услыша скрипъ двери.

— Это я, отвѣчала Елена Ивановна, входя осторожно.—Что вы, друзья мои?

— Ничего. Евгенія Михайловна отказала Александру, отвѣчалъ Андрей Валерьяновичъ и отвернулся отъ нея.

— Что? отказала? Ахъ, Господи!..

— Нестоевъ насплетничалъ, сказалъ Александръ.

— Да, подтвердилъ Андрей Валерьяновичъ: —Нестоевъ вчера столкнулся съ Александромъ у Евгеніи Михайловны. До него дошло какъ нибудь. Вы бы меньше болтали съ вашей пріятельницей.

— Я болтала? вскричала Елена Ивановна внѣ себя: — я говорила? Не дочь ли ваша вчера гуляла съ Нестоевымъ по улицамъ? Вы не знали этого, вы козырять полетѣли! Ей было когда все ему нашептать, обо всемъ условиться! Спросите ее...

— Когда же... развѣ Маша вчера видѣла Нестоева?

— Видѣла ли! Она вчера явилась съ нимъ подъ-ручку... Творецъ мой, я виновата! Клеветать... оскорблять... за кого?

— Объясните мнѣ, что такое было: гдѣ была вчера Маша?

— Спросите ее сами. Ушла вчера изъ дома и воротилась съ нимъ. Боже ты мой! я ночь не спала! Вы сумасбродствовали, устроивали, только послѣднее проживали, утѣшали сами себя, обманывали меня, безумную! Гдѣ мои глаза были? Что такое сказалъ Нестоевъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Александръ.

— А я догадываюсь, вскричалъ Андрей Валерьяновичъ:—если онъ видѣлся съ Магіе, онъ все сказалъ сестрѣ и потребовалъ, чтобъ она отказала тебѣ. Она, конечно, могла бы это сдѣлать поучтивѣе, но, все равно... Нестоевъ женится на Машѣ.

— Что такое? прервала Елена Ивановна, задыхаясь отъ гнѣва:—Нестоевъ женится? Чтобъ я позволила? Да есть ли прощеніе непокорности, забвенію... всему? Онъ все наше благосостояніе разрушилъ, онъ...

— Поймите: Магіе компрометирована, если то, что вы сказали, правда.

— Я ничего не сказала, я солгала, ничего не было, не видались они, но ей за нимъ не быть, не быть! Я простить ему не могу; я грѣшница нераскаянная, но онъ меня всего лишилъ! Это все равно, что съ ножомъ на меня придти, ограбить меня...

— Другъ мой, возразилъ Андрей Валерьяновичъ: — это наше послѣднее прибѣжище!

— Что такое наше послѣднее прибѣжи-

ще? Есть ли оно у насъ? У насъ хижины не осталось!..

— Потому и выслушайте: Нестоевъ выгодный женихъ для нашей дочери; этотъ бракъ возстановитъ насъ въ общественномъ мнѣніи, поддержитъ нашъ кредитъ...

— Кредитъ вашъ! У него великъ кредитъ при пустомъ карманѣ! Что мнѣ ваше общественное мнѣніе? гдѣ я его слышу? гдѣ я вижу общество — соблазны ваши?.. Не возмущайте меня!

— Но вы сами видѣли вчера, что Маша въ отчаяніи...

— Вы всегда злу потворствовали... Отчаяніе! Что такое отчаяніе? грѣхъ смертный—вы это забыли? Вотъ вы что оправдываете и ублажаете! Это ли обязанность родительская? это ли примѣръ...

— Она его любитъ.

— Что? вскричала Елена Ивановна въ ужасѣ, отъ котораго сама сдѣлалась ужасна:—что такое вы сказали?

— Нестоевъ хорошій человѣкъ, прервалъ Андрей Валерьяновичъ.

— Творецъ мой! вскричала она, забываясь, восторженно:—если уже такіе люди называются хорошими людьми, клеветники, грабители, губители семействъ, что же послѣ этого міръ весь и какъ еще онъ существуетъ?.. Злодѣй, онъ еще другую, не одну вашу дочь прельщаетъ! Охъ, оставьте меня, не вводите меня въ грѣхъ! Нѣтъ, я вамъ сказала: нѣтъ! Вы все прожили, обнищали, питали себя безуміемъ, что сына устроите— все рушилось, этотъ человѣкъ все разрушилъ, а вы на немъ еще воздвигаете надежды! Чѣмъ онъ вамъ поможетъ? Спасетъ ли онъ васъ отъ тюрьмы? Подаяніе ли онъ вамъ подастъ? Господи, не допусти меня до этого униженія! Желала бы ради души своей простить имъ—не могу: воля моя непокорна... или правота моя возмущается противъ нечестія!..

Этотъ день былъ воскресенье. Въ губернскихъ городахъ чаще всего выбираютъ воскресенье для визитовъ. Андрей Валерьяновичъ и Александръ рѣшили, что имъ необходимо показаться въ обществѣ, которое безъ этого могло бы предположить, что съ ними случилось что нибудь непріятное. Александръ придумалъ было, что долженъ объясниться съ Нестоевымъ, но Андрей Валерьяновичъ растолковалъ ему, что это совершенно безполезно и поведетъ только къ огласкѣ вчерашняго свиданія Нестоева съ Марьей Андреевной, свиданія, которое рѣшились скрыть, потому что оно послужило бы предлогомъ къ согласію на ихъ свадьбу, о чемъ нечего было и думать послѣ всего, что выразила Елена Ивановна. Андрей Валерьяновичъ былъ пораженъ, оскорбленъ, отуманенъ разрушеніемъ всѣхъ своихъ надеждъ; онъ горевалъ, волновался, не зналъ, что думать, роптать ли на судьбу или на себя, сердиться ли на Артемину. Его гнѣвъ искалъ предмета. Гнѣвъ отъ мелкихъ и ложныхъ причинъ никогда не попадаетъ вѣрно! Елена Ивановна указала жертву гнѣва своего супруга. Андрей Валерьяновичъ возсталъ на Нестоева. Разобравъ, что для него самого нѣтъ большой выгоды отдать дочь за Нестоева, что это слишкомъ мало вознаградитъ за неудачу, Андрей Валерьяновичъ нашелъ, что это будетъ какъ-то свѣтски неловко послѣ того, что сестра Нестоева отказала его сыну. Нестоевъ виноватъ въ этомъ отказѣ; говорить невозможно, но не дать ему торжествовать, отомстить молча, отказавъ въ рукѣ дочери, показалось Андрею Валерьяновичу очень пріятно.

Елена Ивановна не ограничивалась мщеніемъ своего супруга; злоба «интриганта», какъ она называла Нестоева, заслуживала, по ея мнѣнію, наказанія болѣе примѣрнаго, которое могло бы быть урокомъ обществу, доказательствомъ, что и здѣсь порокъ получаетъ достойное возмездіе... Она въ двадцатый разъ заставила Пелагею Михайловну повторить всѣ подробности сцены, происходившей вчера у подъѣзда; она волновалась, пока нашла что ей было нужно, и радость вдохновенія еще больше ее вдохновляла...

— Ливинская во всемъ способствовала, сказала Пелагея Михайловна:—они у нея видѣлись.

— Не наша ли скрывала ея проступки? Въ свѣтѣ что̀ всегда говорили? Гласъ народа...

Елена Ивановна знала, что Нестоевъ любитъ ея дочь и что вся вина Ливинской состоитъ въ томъ, что она позволила имъ видѣться у себя (очевидно, въ первый разъ); но еслибъ они не видѣлись у нея, они не видѣлись бы нигдѣ, Марья Андреевна не предупредила бы Нестоева, Нестоевъ не велѣлъ бы сестрѣ своей отказать Александру, слѣдовательно, Ливинская была виновата.

Нестоевъ былъ виноватъ больше нея, но они не напрашивались на общее наказаніе...

Противъ обыкновенія, Елена Ивановна приказала принимать гостей. Она дѣйствовала не безсознательно, и хотя еще не мо-

гла сказать, что именно сдѣлаетъ, но знала, чего хочетъ.

— Что, Марьѣ Андреевнѣ не угодно выйти сегодня въ гостиную? спросила она у Лизы, возвращаясь изъ своей комнаты, гдѣ, послѣ обыкновеннаго утренняго чтенія, почтенная дама оправила свой туалетъ, въ ожиданіи визитовъ.

Лиза отвѣчала ей, что Марья Андреевна еще не просыпалась, что она больна и, кажется, серьезно. Елена Ивановна никогда не вѣрила въ разстройство нервовъ и вообще въ болѣзни, происходящія отъ нравственныхъ причинъ.

Первая посѣтительница была m-me Шабарова, особа уже не молодая, но очень свѣтская и довольно злая на языкъ; она клеветала рѣдко, но осуждала безпощадно; а такъ какъ до сихъ поръ еще не нашли сказать о ней ни одной правдоподобной злости, то ее терпѣть не могли, но все-таки слушали. Елена Ивановна удивила ее своей любезностью и разспросами о вчерашнемъ загородномъ балѣ.

— Почему не была тамъ ваша дочь? спросила гостья.

— Моя Машенька очень больна, два дня не встаетъ съ постели, отвѣчала Елена Ивановна:—и притомъ, я сама не выѣзжаю, отпустить ее съ кѣмъ нибудь—надо знать съ кѣмъ, прибавила она съ улыбкой, весьма мѣткой для m-me Шабаровой, которой иногда поручали Марью Андреевну. — Молодыхъ людей много было?

— Да всѣ, отвѣчала гостья:—всѣ, Нестоева одного нѣтъ въ городѣ.

— Нестоевъ въ городѣ, сказали вмѣстѣ обѣ дамы.

— Онъ былъ у васъ?

— Нѣтъ; онъ вчера мимо насъ гулялъ съ Ливинской, отвѣчала грустно Елена Ивановна.

— Утромъ?

— Вечеромъ, въ десять часовъ, сказала Елена Ивановна еще печальнѣе.

— Ливинскаго я видѣла на балѣ, сказала m-me Шабарова.

Елена Ивановна вдругъ очень ловко и задумчиво замолчала, и чрезъ минуту начала разговоръ о погодѣ.

Гостья уѣхала; она умѣла дѣлать по шести визитовъ въ часъ, такъ что чрезъ часъ хозяева шести домовъ и посѣтители, случайно ею тамъ встрѣченные, знали о вечерней прогулкѣ Нестоева и Ливинской. Многіе начинали припоминать, что сами видѣли издали что-то на нихъ похожее; другимъ казалось, что они встрѣтились съ этой парой. Комментаріи составлялись скоро и необыкновенно находчиво. Наканунѣ Ливинскій самъ сказалъ, шутя, нѣкоторымъ знакомымъ, что жена послала его на балъ насильно...

Когда, чрезъ часъ, m-me L. пріѣхала съ визитомъ къ Еленѣ Ивановнѣ, она привезла ей полную, животрепещую сплетню, въ которой, несмотря на украшенія, Елена Ивановна могла, конечно, узнать свое созданіе; но Елена Ивановна только воскликнула, обращаясь къ своей пріятельницѣ:

— Вотъ она какова! Что я вамъ говорила?..

Ливинская ничего не подозрѣвала; если она безпокоилась въ эту ночь и въ это утро, то единственно о Марьѣ Андреевнѣ и о развязкѣ всей этой исторіи; ей хотѣлось бы скорѣе узнать чѣмъ кончилась. Послать къ Марьѣ Андреевнѣ было невозможно; идти самой не послужило бы ни къ чему; ждать Нестоева было слишкомъ долго. Ливинская придумала все разсказать своему мужу, тѣмъ болѣе потому, что наканунѣ Нестоевъ жалѣлъ, что его не было. Но Ливинскій проснулся въ дурномъ расположеніи духа, какъ большая часть пожилыхъ людей, которыхъ удовольствіе уже не веселитъ, а только утомляетъ; къ тому же, несмотря на праздникъ, къ нему явились просители.

— У меня вчера вечеромъ былъ Нестоевъ, сказала Ливинская, приходя здороваться къ мужу въ кабинетъ.

— Поди, моя милая, здѣсь тебѣ не мѣсто, отвѣчалъ онъ тономъ совершенно дѣлового человѣка.

Онъ не любилъ возраженій и въ особенности женскихъ пустяковъ, когда бывалъ занятъ; она ушла къ себѣ и сѣла читать. Наконецъ, безпокойство и любопытство такъ овладѣли ею, что она рѣшилась послать къ Нестоеву записку:

«Я жду васъ; приходите».

Едва Ливинская отослала ее, какъ мужъ вошелъ къ ней одѣтый, чтобъ ѣхать съ визитами, даже въ шляпѣ.

— Ахъ, какъ ты уменъ, что пустился въ свѣтъ! вскричала она, смѣясь. — Поѣзжай, прекрасно. Послушай только прежде, что я тебѣ разскажу...

— Некогда слушать, отвѣчалъ Ливинскій:—я ѣду по одному дѣлу... Скука такая, путаница!... а потомъ, кстати, заѣду кой къ кому. Прощай.

— Послушай, закричала она ему вслѣдъ: былъ вчера Оршевскій на балѣ?

— Въ пухъ проигрался, отвѣчалъ онъ, уходя.

Имя Оршевскаго напомнило ему, что онъ давно не дѣлалъ визита почтенной Еленѣ Ивановнѣ. На крыльцѣ ему встрѣтился посланный жены, возвращавшійся отъ Нестоева.

— Григорія Петровича нѣтъ дома, сказалъ онъ.—Записку извольте назадъ.

Ливинскій былъ занятъ дѣломъ, о которомъ ѣхалъ говорить и которое соображалъ; онъ машинально взялъ записку, положилъ ее въ карманъ, не читая, и уѣхалъ.

Его первый дѣловой визитъ былъ непріятенъ. Ливинскій поѣхалъ дальше еще неохотнѣе, подумавъ, что исполняетъ капризъ жены, пославшей его въ общество, безъ котораго онъ бы очень обошелся. Подобныя вещи думаются иногда съ досады. Сплетня, между тѣмъ, облетала городъ. У общества давно не было занятія; за это принялись дружно, забывая, чего оно могло стоить. Женщины платили Ливинской за ея постоянно-равный и спокойный успѣхъ вездѣ, гдѣ она показывалась. Мужья, конечно, болѣе осторожные, принимали это какъ вещь очень обыкновенную, не возражая по многимъ причинамъ; молодые люди смѣялись, не говоря своего мнѣнія: съ дамами нельзя было не соглашаться. Неизвѣстно, откуда бралась непріязнь; она проснулась при случаѣ. Если и были особы, у которыхъ краска негодованія бросилась въ лицо при одномъ намекѣ, то ихъ было очень немного, въ особенности между женщинами. Въ свѣтѣ есть, къ несчастью, странная и страшная способность вѣрить злу, даже очевидно-нелѣпому, и въ ней могъ убѣдиться всякій, кому случилось хоть разъ быть свидѣтелемъ, какъ распространяются сплетни въ провинціи.

Ливинскаго десять разъ спросили, почему его жена не была наканунѣ на балѣ. Нѣсколько особъ прибавило, что онѣ знаютъ навѣрное, что она здорова; нѣкоторыя дамы, отличавшіяся игривостью характера, восклицали, что онѣ «знаютъ, знаютъ, что это значитъ!» почтенныя особы спрашивали серьезно. Это начало надоѣдать Ливинскому. Прощаясь съ нимъ, ни одна дама не поручила поклона его женѣ: это, наконецъ, сдѣлалось замѣтно. Непоколебимо добродѣтельная Варвара Васильевна испугалась чего-то, когда Ливинскій при многихъ сказалъ, что жена ей кланяется. Въ двухъ гостиныхъ онъ очень замѣтно прервалъ разговоръ своимъ появленіемъ. Ему вездѣ удалось услышать имя Нестоева. Его спрашивали, когда пріѣхалъ Нестоевъ и видѣлся ли съ нимъ. Одни и тѣ же вопросы вездѣ, вездѣ тѣ же улыбки на его отвѣты: какое-то любопытство во всѣхъ глазахъ и у всѣхъ какая-то осторожность въ пріемахъ: все это сначала показалось ему скучно, глупо, досадно, потомъ возмутило его непонятнымъ, но тяжелымъ ощущеніемъ...

«Лучше ѣхать домой», сказалъ онъ самъ себѣ: «тутъ ничего не дождешься хорошаго...»

Онъ какъ будто начиналъ предчувствовать, что готовилось что-то нехорошее, и спѣшилъ скрыться. Самъ не зная почему, онъ принялся вспоминать. Онъ припомнилъ, какъ страстно онъ былъ влюбленъ въ свою жену, какъ всѣ удивлялись, что восьмнадцатилѣтняя дѣвушка могла полюбить человѣка почти тридцатью годами старше ея; онъ съ какой-то жадностью сталъ вспоминать всѣ минуты своего счастья, всю эту тихую и занятую жизнь, которой украшеніемъ и весельемъ была эта милая женщина. Онъ зналъ, что ему завидовали; многіе ухаживали за его женою и онъ, бывало, смѣялся этому очень искренно, потому что и она смѣялась. Она была благоразумна и сама уклонялась отъ этихъ мелкихъ побѣдъ и предосудительныхъ увлеченій, которыя портятъ жизнь и которыхъ порядочный мужъ обязанъ не допускать и не терпѣть. Впрочемъ, кѣмъ ей было и увлекаться?.. Ливинскій перебралъ въ памяти нѣсколькихъ молодыхъ людей и осудилъ ихъ съ строгостью, конечно, уже нисколько не женской. Она дружески принимаетъ Нестоева; но Нестоевъ совсѣмъ другое дѣло: Нестоевъ умный человѣкъ, заслуживающій всякаго уваженія, другъ ея мужа... Въ головѣ Ливинскаго мелькнули разныя, слышанныя и читанныя имъ замѣчанія о молодыхъ людяхъ, которые умѣютъ нравиться мужьямъ... но думать такъ, значитъ ни во что цѣнить самого себя. Нисколько не удивительно, что молодая женщина отличаетъ этого человѣка: она почти обязана дѣлать это, потому что его любитъ ея мужъ, потому, наконецъ, что она не слѣпа и не пустая женщина; Нестоевъ молодъ, хорошъ собою, образованъ; у него прекрасный талантъ... Они по цѣлымъ вечерамъ пѣвали вмѣстѣ...

«Странно», подумалъ Ливинскій, еще страннѣе улыбаясь своей мысли: «мнѣ никогда въ голову не приходило, что безъ меня они оставались одни... Что за вздоръ! Лучше ѣхать домой и пораньше обѣдать. Нестоевъ, вѣрно, придетъ къ обѣду... Если онъ пріѣхалъ вчера, почему-жъ онъ не пришелъ сегодня утромъ? Что такое она мнѣ говорила о немъ сегодня утромъ?»

Ливинскій проѣзжалъ въ эту минуту мимо дома Оршевскихъ; онъ велѣлъ остановиться.

«Сюда еще можно зайти», сказалъ онъ самъ себѣ: «здѣсь я глупости не услышу, а сдѣлать визитъ необходимо: я давно не былъ. Тутъ еще можно отдохнуть и успокоиться, поговорить съ примѣрной женщиной».

Елена Ивановна въ это время прощалась съ г-жей Деревской, тоже очень почтенной и уважаемой дамой.

— Безуміе, говорила она на порогѣ своей гостиной:—я не злословлю и не осуждаю, я соболѣзную, не о ней, конечно, а о несчастномъ этомъ человѣкѣ, жертвѣ ихъ.

Было очевидно, о комъ шелъ разговоръ. Ливинскій явился такъ кстати, что г-жа Деревская уѣхала, горько сожалѣя, что нельзя было еще остаться.

Елена Ивановна приняла Ливинскаго необыкновенно радушно; она даже протянула ему руку, чего никогда и ни для кого не дѣлала, находя этотъ обычай въ высшей степени предосудительнымъ. Впрочемъ, въ движеніяхъ Елены Ивановны была замѣтна не радость видѣть гостя, а тайная скорбь:

— Дочь моя больна, сказала она Ливинскому, почти съ первыхъ словъ, какъ говорила это всѣмъ и каждому:—уже два дня не встаетъ.

— Я вижу, вы разстроены, отвѣчалъ Ливинскій.

— Я? нѣтъ. Что такое болѣзнь? На то мы рождены. Кто переноситъ съ терпѣніемъ, тому и болѣзнь въ сладость, какъ испытаніе.

— Не всякій изъ насъ терпѣливъ, вотъ что жаль, сказалъ Ливинскій.

— Болѣзнь — спасеніе наше, продолжала Елена Ивановна: — мы за нее должны быть благодарны. Иные ропщутъ, если кто слѣпъ или глухъ, а сами не чувствуютъ, что тѣмъ они спасены отъ соблазна мірского.

— Нѣтъ, это ужъ несчастье, возразилъ Ливинскій: — не лучше ли по собственной волѣ удалиться отъ соблазна?

— А! прервала Елена Ивановна: — а у кого на то силы достанетъ? кто свой произволъ неукротимый удержитъ? А тутъ онъ спасенъ: ему самому невѣдомо. Глухъ онъ, слѣпъ — онъ чистъ остается.

— Только это очень грустно, замѣтилъ Ливинскій.

— Грустно, о! тяжело! отвѣчала Елена Ивановна съ необыкновенно кроткимъ чувствомъ. — Очень для сердца окружающихъ тяжело; но, что мнѣ дороже въ близкомъ моемъ: душа его, или его бренная красота? Что мнѣ въ томъ, что онъ уменъ, и хорошъ, и всѣми прославленъ, когда я вижу, что онъ на всякомъ шагу можетъ впасть въ заблужденіе, когда на всякомъ шагу эти достоинства его, мнимыя, служатъ ему преткновеніемъ? Лучше, чтобъ и не было ихъ совсѣмъ.

Ливинскому показалось, что эта достойная женщина, которая съ такой искренностью отвергала суетныя блага для блага нравственнаго, доходя, можетъ быть, до крайности въ своемъ мнѣніи, но доходя отъ излишней возвышенности чувства, что эта женщина была огорчена чѣмъ нибудь близкимъ. Ливинскій былъ всегда предубѣжденъ противъ семьи Елены Ивановны и потому захотѣлъ ее утѣшить.

— Есть добрые примѣры, указанія, которые удерживаютъ отъ заблужденій, сказалъ онъ.

— О комъ можно сказать, что дѣйствовали примѣры? возразила Елена Ивановна.— Кто нравственную слѣпоту исцѣлитъ? У иного вся жизнь такъ составлена, что только бы, кажется, жить въ мирѣ, честно, безпорочно, а лукавое сердце тянетъ въ другую сторону, а свѣтъ прельщаетъ, а самолюбіе нашептываетъ... Горестно это видѣть и вчужѣ! Какая нибудь молодая женщина — чего ей недостаетъ? избытокъ Богъ послалъ, уваженіе людей, любовь супружескую, а она все это мѣняетъ... ужъ не знаю на что!..

Ливинскій измѣнился въ лицѣ.

— И все разрушено! продолжала Елена Ивановна.—Къ чему послужила молодость, красота? невольно себѣ этотъ вопросъ сдѣлаешь. Лучше бы не было ихъ! лучше бы она умерла въ колыбели, нежели сама впала въ порокъ, ближнихъ ввела въ соблазнъ, мужу своему безславіе приготовила...

— О комъ вы говорите? прервалъ Ливинскій.

— Я ничего не говорю, я не осуждаю, отвѣчала Елена Ивановна: — я удалилась отъ всего давно, а больно мнѣ, сердцу больно за добродѣтель, за людей уважаемыхъ, за людей, которые, по благородству своему...

— Григорій Петровичъ Нестоевъ, доложилъ лакей.

— Отказать! почти вскричала Елена Ивановна, вспыхнувъ. Это имя разбудило и подняло все ея негодованіе: — отказать и ни-

когда не принимать, договорила она вслѣдъ лакею.

Ливинскій едва дождался, чтобъ онъ вышелъ.

— Почему вы отказали Нестоеву? спросилъ онъ съ такимъ выраженіемъ, что сама Елена Ивановна смутилась на минуту.

— Я имѣю свои причины... отвѣчала она.

— У меня тоже есть причины спрашивать, извините... Почему вы отказали отъ дома?

— Потому что я не лицемѣрка, отвѣчала Елена Ивановна, которой гнѣвъ ожилъ снова,— потому что этотъ человѣкъ сдѣлалъ... Я не могу его видѣть.

— Что онъ сдѣлалъ противъ васъ?

— Противъ меня?.. Я все прощаю! отвѣчала она восторженно: — но противъ совѣсти... Этотъ низкій человѣкъ, подъ видомъ коварной дружбы, уязвляетъ, разрушаетъ счастье...

— Передъ кѣмъ онъ виноватъ? вскричалъ Ливинскій внѣ себя: — ради Бога говорите! Что такое случилось? что вы выдумали?

— Кто выдумалъ? о комъ?

— Не знаю!

— Развѣ я стану повторять выдумки? продолжала Елена Ивановна: — развѣ я по однимъ празднымъ словамъ стану осуждать человѣка...

— Такъ по дѣламъ. Въ чемъ же виноватъ предъ вами Нестоевъ?

— Богъ съ нимъ! Не предо мной только онъ виноватъ.

— Предъ кѣмъ же?

— Вы точно ничего не знаете?

— Ничего не знаю.

— Такъ изъ состраданія я должна вамъ глаза открыть. Смиритесь, будьте терпѣливы. Замѣчайте за вашей женою.

— За моей женой? повторилъ онъ, блѣднѣя, потому что сколько ревность не терзала его, но не могла приготовить къ этому удару.—За моей женой и за кѣмъ?

— За тѣмъ, кого вы принимали какъ сына, кому вы позволяли бывать при ней цѣлые дни... за Нестоевымъ.

Ливинскій не выговорилъ ни слова.

— Вчера, я видѣла сама, они гуляли вмѣстѣ, ночью. Это весь городъ знаетъ.

Ливинскій опустилъ руку въ карманъ, вынулъ записку жены и прочелъ ее. Онъ продолжалъ молчать.

— До свиданія, сказалъ онъ, вдругъ взявшись за шляпу, и вышелъ, прежде нежели Елена Ивановна могла сказать еще что нибудь.

Онъ поѣхалъ домой.

— Былъ кто нибудь? спросилъ онъ въ прихожей.

— Лизавета Васильевна не приказывала принимать; теперь у нихъ Григорій Петровичъ, отвѣчалъ старикъ лакей, привыкшій къ этому гостю.

— Не сегодня, а вчера вечеромъ, когда я уѣзжалъ?

— Никого не было. Григорій Петровичъ одинъ былъ; барыня за нимъ посылала.

Ливинскій прошелъ въ гостиную. Его жена была смущена; Нестоевъ, очень разстроенный, сидѣлъ подлѣ нея.

— Какъ ты кстати! вскричала Ливинская, увидя мужа:— ты былъ у Оршевскихъ? при тебѣ не приняли Григорья Петровича?

Нестоевъ всталъ, чтобъ поздороваться.

— Я думалъ, что, послѣ вашего вчерашняго посѣщенія, вы больше глазъ не покажете сказалъ ему Ливинскій, не кланяясь.

— Погоди шутить, прервала молодая женщина: — тутъ вовсе не до шутки. Выслушай, какая исторія...

— Я довольно слышалъ, отвѣчалъ Ливинскій. — Господинъ Нестоевъ, я не изъ числа терпѣливыхъ дураковъ, которые позволяютъ себя оскорблять... Вы знали, что и вы дѣлали, стало-быть, знаете чѣмъ должны отвѣчать мнѣ.

— Я васъ не понимаю... сказалъ удивленный Нестоевъ.

— Не понимаете?...

— Что съ тобой? спросила Ливинская.

— Что со мной? вскричалъ онъ: — что со мной?... вы меня обманули оба — это весь городъ знаетъ! весь городъ говоритъ! весь городъ видѣлъ, какъ вы вчера вмѣстѣ...

У него недостало дыханія договорить.

— Опомнитесь, сказалъ тихо Нестоевъ:— вы оскорбляете не меня, а вашу жену.

— Кого? Вы защищаете ее? вы?... такъ, стало быть, правда все, что говорятъ — все?

— То правда, что вчера я былъ здѣсь...

— Я сама за нимъ посылала.

— Ты и сегодня прогнала меня изъ дома и послала за нимъ! вскричалъ Ливинскій, бросая ей записку.

— Я посылала за нимъ вчера... Выслушай, ради Бога, я посылала... Ко мнѣ пришла Марie Оршевская...

— Твоя Марie Оршевская третій день лежитъ въ горячкѣ, прервалъ онъ. — Поди прочь!... Теперь къ вамъ, милостивый государь. Она обманула, она солгала, съ ней кончено. Лгите и вы; вамъ осталось только солгать.. доканчивайте!

Молодая женщина, въ ужасѣ, упала на диванъ... Нестоевъ остановился.

— Слушайте, сказалъ онъ:—я уважаю васъ, я вамъ прощаю... я не помню, не слышалъ, что вы сказали. Опомнитесь... Мы знаемъ другъ друга за честныхъ людей. Какъ вы можете вѣрить клеветѣ...

— Докажите мнѣ, что эта клевета!

— Очень легко. Я люблю Оршевскую и женюсь на ней.

— Вамъ сейчасъ отказали отъ дома!

— Помните, что я сказалъ вамъ, прервалъ Нестоевъ, удерживаясь: — я уважаю васъ, мнѣ дорого ваше счастье, мнѣ дорога ваша честь...

— Ни слова о ней!

— Отъ другого я бы не перенесъ оскорбленія... Но вы ошибаетесь: я буду терпѣливъ, потому что я правъ...

— Вы стерпите, когда вамъ скажутъ, что вы лжете?

— Прощаю вамъ и это, отвѣчалъ Нестоевъ блѣдный и внѣ себя;—вы раскаетесь въ вашихъ словахъ.

— Мы должны драться!

— Я не подниму руки на васъ.

— Избавьте отъ великодушія! Мы будемъ драться!

— Нѣтъ!

— Нѣтъ?

— Нѣтъ... Пощадите имя вашей жены...

— Какъ оно вамъ дорого!... Я оскорблю васъ публично, низкій человѣкъ, трусъ!

— О, ради Бога!... вскричала молодая женщина, бросаясь между ними.

— Поди прочь! вскричалъ мужъ, оттолкнувъ ее.

— Пришлите вашего секунданта къ Ардабьеву, сказалъ, задыхаясь, Нестоевъ, и вышелъ...

Ливинскій выбѣжалъ вслѣдъ за нимъ.

Чрезъ полчаса они были за заставой.

Марья Андреевна проснулась далеко за полдень, измученная и больная. Лиза сидѣла у ея постели.

— Что дѣлается въ домѣ? все ли покойно, Лиза? сказала она въ забытьи, выдавая свою тайную мысль: — для чего-жъ ты не разбудила меня раньше, какъ я говорила?... Меня ждали...

— Какая-то непріятность случилась у Александра Андреича, отвѣчала Лиза.—Всѣ очень печальны, но, однако, приказано принимать, кто пріѣдетъ съ визитами.

— Дай мнѣ одѣться.

Марьѣ Андреевнѣ пришло на память, что этотъ день и есть то самое воскресенье, котораго она ждала, въ которое рѣшится ея участь. Цѣлый день мученій и болѣзни оторвалъ ее отъ ожиданій; она какъ-то ужъ не понимала чего она ждала вчера... Но, говорятъ, всѣ смущены, всѣ печальны—значитъ, брату отказано, значитъ, надо ждать, значитъ, Нестоевъ пріѣдетъ сейчасъ.

Но она могла сдѣлать только нѣсколько шаговъ отъ своей постели до кресла.

Визиты продолжались. Марья Андреевна знала, что отца и брата нѣтъ дома. Она спала въ своемъ креслѣ, когда пріѣзжалъ Нестоевъ; физическая боль и нравственная тревога лишили ее послѣднихъ силъ, послѣдней мысли; жаркій, утомительный день усиливалъ ея страданія; она металась и бредила...

Около шести часовъ вечера, громкіе голоса, раздавшіеся въ другихъ комнатахъ, разбудили ее.

— Лиза, Лиза! вскричала она: — поди, узнай, что такое...

Лиза побѣжала... она возвратилась блѣдная и едва могла выговорить на вопросы Марьи Андреевны:

— Ничего, ничего... Это вашъ папенька и братецъ возвратились...

— Что случилось? повторила Марья Андреевна и, вырвавшись отъ нея, бросилась въ коридоръ, отдѣлявшій ея комнату отъ гостиной.

Андрей Валерьяновичъ и Александръ разсказывали громко и съ жаромъ. Пелагея Михайловна ахала; Елена Ивановна молчала.

— Они поссорились поутру, говорилъ Александръ: — Ливинскій приревновалъ его къ женѣ. Съѣхались за заставой: Нестоевъ до послѣдней минуты увѣрялъ, что онъ проситъ его отложить хотя до завтра... Нестоевъ хорошій стрѣлокъ и выстрѣлъ былъ за нимъ: онъ выстрѣлилъ на воздухъ. Ливинскій убилъ его наповалъ.

Марья Андреевна не вынесла своей горячки: она умерла на девятый день.

Елена Ивановна переселилась въ Березовку, купленную у нея ея пріятельницей; онѣ доживаютъ свой вѣкъ почти такъ же, какъ жили, съ той разницей, что хозяйкой Пелагея Михайловна. Онѣ говорятъ немного, въ длинныхъ рѣчахъ пользы мало... не вспоми-

наютъ, потому что лучше предавать забвенію суету и свѣтскіе соблазны; онѣ рѣдко довольны другъ другомъ, но, кажется, довольны жизнью и собою...

Каменный домъ Оршевскихъ проданъ. Андрей Валерьяновичъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ хлопоталъ женить Александра на богатой купчихѣ и успѣлъ въ этомъ: оказалось, что у нея не было ничего. Они продолжаютъ жить въ Москвѣ, какъ и чѣмъ — непостижимо... Дѣйствующія лица разъѣхались, доигравъ свою жизненную... комедію.

ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ.

1850 г.

8-го іюня 18.. Село Слободка.

Сегодня два мѣсяца, какъ я здѣсь, и рѣшительно могу сказать, что счастливъ. Алексѣй Петровичъ очень ошибался, когда говорилъ, что мѣсто приходскаго учителя не по мнѣ, что я буду скучать, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Что за бѣда, что село Слободка въ двухстахъ верстахъ отъ губернскаго города, что это глушь, что вокругъ меня одни мужики! Въ городѣ я скучалъ гораздо больше, и, сверхъ того, много видѣлъ я тамъ горькихъ минутъ.

Въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ школы двадцати лѣтъ, съ сильной потребностью любить, и не найдти вокругъ себя никого изъ родныхъ—это очень горько! Мать моя умерла еще при моемъ рожденіи, а въ день моего выпуска минуло шесть недѣль со смерти отца; родныхъ въ городѣ никого; мы были пріѣзжіе, а знакомымъ какое дѣло до мальчика, кончающаго курсъ, до выпущеннаго молодого человѣка безъ мѣста и значенія? Бѣдный отецъ оставилъ мнѣ только честное имя да старый фракъ. Трудно было прожить около двухъ годовъ на квартирѣ, въ низенькомъ старомъ домишкѣ подъ горой, съ утра до ночи писать прописи на продажу, оклеивать картинки и бѣгать по урокамъ въ метель и слякоть, пѣшкомъ, въ шинели, подбитой вѣтромъ, а на урокахъ едва выручать себѣ на хлѣбъ насущный. А эти уроки!.. Прощаю вамъ, во имя моего настоящаго счастія, важныя маменьки, которыя нанимали меня въ передней, которыя гордо экзаменовали меня въ томъ, чего (я убѣдился въ этомъ) сами не смыслили! Живые люди, считавшіе меня не за живого человѣка, а за машину для первоначальнаго обученія, прощаю вамъ, что вы не находили для меня другихъ вопросовъ, кромѣ погоды, и другихъ разсужденій, кромѣ того, какъ насъ кормили въ школѣ; прощаю вамъ, шаловливыя дѣти, хоть вы лучше затверживали примѣры обращенія со мною вашихъ старшихъ, нежели примѣры латинскихъ склоненій, которыя я вамъ усердно растолковывалъ. Все это было тяжело, но прошло. Вѣрю въ существованіе блага, потому что всѣ отрицательныя отношенія ко мнѣ моихъ ближнихъ не лишили сердца моего возможности простить имъ полно и легко.

Я счастливъ теперь. Промаявшись два года, узнавъ лишенія до нищеты, а гордость людей до оскорбленія, я испыталъ, наконецъ, счастіе. Пишу эти строки съ наслажденіемъ. Пусть сохранятся онѣ, пусть попадутся мнѣ въ руки въ будущія минуты горя, какъ утѣшеніе, какъ доказательство, что судьба, одѣляя всѣхъ, не обидѣла и меня... У меня было письмо отца, писанное имъ на смертномъ одрѣ къ Алексѣю Петровичу, его прежнему начальнику. Жизнь показалась мнѣ ужъ очень тяжела, и я отправился къ нему. Я мѣшкалъ, потому что сначала не хотѣлъ просить. Алексѣй Петровичъ помнилъ и любилъ моего отца. «Надо подумать, какъ тебя устроить», сказалъ онъ мнѣ, прочитавъ письмо: «живи у меня, покуда найдется мѣсто, и, если тебѣ нескучно, прошу тебя, займись моими дѣтьми». Онъ понялъ меня, а я его въ этомъ предложеніи заняться дѣтьми;

а понять человѣка съ перваго раза значитъ пріобрѣсть право на любовь его. У него трое сыновей; жена умерла давно. Я отдохнулъ въ его домѣ, за то, могу сказать, добросовѣстно исполнилъ свою обязанность: моихъ учениковъ всѣхъ трехъ приняли по экзамену въ гимназію. Горжусь этимъ, и, кажется, справедливо. Какъ они плакали, разставаясь со мною! Мнѣ самому было не легко: должность моя кончилась. Къ тому же, Алексѣй Петровичъ ждалъ только устройства дѣтей, чтобъ ѣхать надолго и далеко, хлопотать по дѣламъ. Правда, онъ предлагалъ взять меня съ собою говорилъ даже, что я буду ему нуженъ; но, я знаю, что ничего не понимаю въ дѣлахъ, что я гожусь учить дѣтей—и только. У меня нѣтъ соображенія и памяти на формы судопроизводства и цифры; потому-то я не искалъ опредѣлиться на службу: изъ меня вышелъ бы плохой чиновникъ. Но мѣста наставника въ домѣ не было; жить по-прежнему и давать уроки сдѣлалось невозможнымъ... Я былъ истинно счастливъ, когда Алексѣй Петровичъ сказалъ мнѣ, что есть на свѣтѣ село Слободка и въ немъ приходское училище, а въ этомъ училищѣ нѣтъ учителя.

Деревня, глушь! Этого мнѣ давно хотѣлось: душа моя сотворена для нихъ; молодая, она любитъ тѣнь и тишину, тѣсный пріютъ, укромный уголъ. Все это мечталось мнѣ еще въ классахъ. Не мнѣ шумѣть на свѣтѣ, и охотно уступаю я другимъ свое мѣсто въ его волненіяхъ, свою долю въ его славѣ, почестяхъ, даже довольствѣ. Мнѣ нужно очень немногое: поле, синѣющее въ полдневномъ туманѣ, канаву у края дороги, поросшую цикоріемъ и повителью, влажную, узкую тропинку въ густотѣ лѣса, по которой стелется папортникъ — все это такъ прекрасно и весело является весною и такъ кротко и чудно умираетъ въ ненастные дни... Мнѣ нужна природа, и вотъ я лицомъ къ лицу съ нею, и никакія условія, даже мои занятія не отвлекаютъ меня отъ созерцанія, отъ наслажденія...

Слыхалъ я, какъ говорили: «жалкая природа!» Неблагодарные! Но для прихотливыхъ глазъ все дурно. Красота ея столько же въ ней самой, сколько въ томъ, кто на нее смотритъ, и немудрено назвать эту красоту; дѣти больше всѣхъ любятъ своихъ старыхъ нянекъ, а сколько взрослыхъ влюблялись и въ некрасивыхъ женщинъ!

Но не хочу обижать тебя такимъ сравненіемъ, тихая природа, приносящая миръ и счастіе душѣ моей...

10-го іюня.

Въ два мѣсяца, какъ я здѣсь, я устроился совершенно; не только мое хозяйство и мои занятія въ школѣ приведены въ порядокъ, но у меня уже находится время и для другихъ занятій: для чтенія, для прогулокъ, для посѣщенія отца Аѳанасія. Это нашъ священникъ, вдовецъ; дѣти его еще малы и всѣ въ городѣ, учатся. Жизнь моя входитъ въ свою колею, загибается въ свою опредѣленную складку, какъ говорится, и дай Богъ, чтобъ это было навсегда. Желалъ бы я, чтобъ Алексѣй Петровичъ забылъ свое намѣреніе—вытащить меня отсюда при первой возможности и найти мнѣ занятіе получше, потому что, какъ говоритъ онъ, «на мелочи не слѣдуетъ тратить большихъ способностей...»

Мои способности!.. Я способенъ сочувствовать пѣнію птицъ, плеску воды въ камышахъ, лучамъ, которые рисуютъ на песчаныхъ лужайкахъ темныя и свѣтлыя пятна; полной грудью вдыхать рѣдкій утренній воздухъ, способенъ забываться, когда жаркій вѣтеръ, предвѣстникъ грозы, застаетъ меня въ просѣкѣ лѣса и гонитъ меня, и шепчетъ мнѣ въ уши невѣдомыя слова, которыя тогда я понимать способенъ... Тогда я думаю, что я часть этого великаго цѣлаго, обязанъ и могу также приносить свой свѣтъ, свое движеніе, свое слово, тогда я способенъ собрать вокругъ себя маленькихъ дѣтей и говорить имъ слова любви и мира... И тысячу разъ неправы тѣ, которые говорятъ, что надо много знать, чтобъ понимать эти слова.

Меня понимаютъ, и лучше понимаютъ, зная меньше. Я встрѣчаю предразсудки, но не предубѣжденія, рѣзвость, но не насмѣшливость, ниву, гдѣ не засѣяно ничего, гдѣ благу не съ чѣмъ бороться. Часто, правда, мои разсказы и истолкованія кажутся неясны, мою правду принимаютъ за сказку; но я терпѣливъ и могу объяснить сто разъ одно и то же. Это—мои неклассныя занятія, мои бесѣды съ школою на берегу рѣчки, гдѣ мы вмѣстѣ удимъ рыбу, или въ оградѣ старой церкви, сгорѣвшей еще до моего пріѣзда, куда мы ходимъ по вечерамъ сбирать свѣтящіяся гнилушки.

Въ классѣ — дѣло другое. Я толкую немного, отечески, забочусь о чистотѣ почерка и о ятяхъ на мѣстѣ и не шутя требую, чтобъ таблицу умноженія знали въ разбивку.

Вотъ на что я способенъ. Гдѣ же это большее, которое можно употребить на лучшее?

Не на мѣстѣ ли я? Счастливый внутренно и дѣлающій все, что въ силахъ дѣлать, какую еще судьбу могу я избрать себѣ?

Я учусь, наслаждаюсь и люблю, горячо люблю все, что меня окружаетъ. Потерявъ два года молодой жизни въ душныхъ стѣнахъ сырой каморки, въ мучительномъ и безплодномъ трудѣ, среди общества, или забитаго трудомъ и грошевымъ разсчетомъ до отупленія, или надутаго своимъ довольствамъ и праздностью до степени презрѣнія къ труду, я отдыхаю теперь, отдыхаю молодо и здорово; я независимъ, я хозяинъ, и приношу пользу, сколько могу, и мой трудъ оцѣненъ; состояніе моего общества и мое равны, и я не послѣдній членъ его, потому что образовываю его молодое поколѣніе.

Алексѣй Петровичъ расхохотался бы, еслибъ прочелъ эти строки. «И все это изъ того, что ты приходскій учитель!» сказалъ бы онъ мнѣ, какъ говаривалъ часто на подобныя выходки... Преувеличенія!.. Но если уже, какъ говорятъ, нѣтъ золотой середины, то лучше преувеличивать...

12-го іюня.

Сегодня воскресенье. Моя школа напомнила мнѣ объ этомъ еще вчера съ утра, извѣстивъ, что она отправляется въ луга и воротится развѣ къ ночи. Я отпустилъ ее на всѣ четыре стороны, хоть и безъ того не имѣю права удерживать, и сказалъ, что, можетъ быть, самъ приду въ луга вечеромъ.

Но случилось, что Гуторовъ, повѣренный нашего села, воротился сегодня изъ города и привезъ мнѣ съ почты письмо и посылку отъ Алексѣя Петровича. Письмо такъ же благородно, полно доброты, веселости и милой насмѣшки, какъ тотъ, кто писалъ его. Онъ отвѣчаетъ на мои письма, въ которыхъ я разсказывалъ пріѣздъ сюда и восхищался своей новой жизнью. Пожаловавъ мое восхищеніе въ идиллію, а меня въ сантиментальнаго флоріановскаго пустынника, онъ не шутя говоритъ мнѣ объ обязанностяхъ людей къ людямъ, о томъ, что жизнь въ лонѣ природы уже несвоевременна, если изъ нея мы не выносимъ дѣйствительной пользы для науки, или не вносимъ пользы въ бытъ окружающаго насъ простого общества.

«Какъ мнѣ показалось», говоритъ онъ, «ты воображалъ себя чѣмъ-то въ родѣ древнихъ создателей школъ; но твои академики и перипатетики первые, я думаю, готовы посмѣяться надъ твоей расплывчатой моралью. Твой ученикъ Кононъ Рыбкинъ въ которомъ, не смотря на явную наклонность къ прописнымъ буквамъ послѣ каждой запятой, ты замѣчаешь необыкновенную смѣтливость, дѣятельность и любовь къ порядку—больше ничего какъ ловкій шалунъ, который съумѣетъ обмануть тебя такъ, что ты и не замѣтишь. Если, кромѣ азбуки, ты взялся и за нравственное образованіе, то берись за него со стороны болѣе практической. Жизнь тѣхъ, кого ты готовишь къ жизни, будетъ вся практическая; а для того, чтобъ тебя слушали, вѣрили тебѣ, для того, чтобъ твои слова принесли плодъ, подавай самъ примѣръ: мечтай поменьше. Ты описалъ мнѣ удивительное захожденіе солнца, которымъ восхищались вмѣстѣ ты и эти молодыя души... Увольняю тебя отъ твоихъ же восторговъ. Я увѣренъ, что восхищался только ты одинъ, потому что переливы лучей и формы облаковъ проходятъ совершенно незамѣтно для крестьянскаго мальчика; ими восхищается только вполнѣ понимающій. Вмѣсто восхищенія ты сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибъ объяснилъ своей школѣ о томъ, напримѣръ, что земля не жерновъ, поставленный на четырехъ китахъ, и что на ней нѣтъ такихъ мѣстечекъ, гдѣ бабы кладутъ хлѣбы на облака, какъ на полку. Дальше ты говоришь о своемъ счастіи жить посреди простыхъ людей, занятыхъ своимъ дѣломъ съ постоянной покорностью и надеждой и готовыхъ на добро, потому что легко затронуть и пробудить ихъ добрыя побужденія. Ты прощаешь имъ даже, что съ ними тебѣ говорить нечего. Если ты желаешь доброты и для нея жертвуешь даже своей страстью разсуждать — прекрасно; но вспомни, что доброта и добро или благо—двѣ вещи разныя, что первое бываетъ часто неразумно и еще чаще непросвѣщенно; а только просвѣщенное становится благомъ... Твое маленькое честолюбіе выказывается, хоть ты его и акуратно прячешь: тебѣ хотѣлось бы сотворить это благо. Но такъ ли ты берешься? Первый пунктъ (о твоихъ аристотелевскихъ лекціяхъ) я постарался сейчасъ рѣшить; вотъ тебѣ второй. Беру его немножко свысока, зная, что это тебѣ больше нравится. Облака берутъ свои воды изъ земныхъ источниковъ, цвѣты — свои краски отъ свѣта, свѣтила — свое сіяніе отъ другихъ свѣтилъ. Ничто заключенное въ самомъ себѣ, ничто неподвижное не приноситъ полнаго плода. Силы развиваются въ дѣйствіи; форма дается движеніемъ; разумъ, чтобъ дойти до правильнаго заключенія, долженъ обойти огромный

кругъ примѣровъ. Примѣры даются полной правильной жизнью. Жизнь окружающихъ тебя людей неправильна, потому что неполна: ей недостаетъ образованности. Чтобы принести ей свою дань пользы, дать ей благо, ты долженъ сначала взять его самъ, и для того мало черпать въ одномъ источникѣ души своей, мало однихъ твоихъ познаній, одной твоей любви, однихъ тѣхъ примѣровъ, которые ты видишь... А ты еще доволенъ, что ты одинъ, что вокругъ тебя «разсуждать не съ кѣмъ!..» Напротивъ, отыскивай людей, понимающихъ твои убѣжденія безъ объясненій, а твою науку—безъ предварительныхъ истолкованій. Человѣкъ долженъ брать то, что отдаетъ, у своихъ высшихъ, или равныхъ: иначе, если не изсякнетъ источникъ его познаній, то, по несовершенству его, изсякаетъ источникъ его терпѣнія и любви. Чаще всего мы не довольствуемся вознагражденіемъ сознанія, что сдѣлали свое дѣло, самая удача въ исполненіи дѣла не удовлетворяетъ насъ: намъ нужно вознагражденіе отъ тѣхъ, кто выше насъ, а не отъ созданій нашихъ; намъ нужно пополненіе нашихъ истраченныхъ силъ: иначе... иначе результатъ выйдетъ незавидный: ты соскучишься, или облѣнишься...»

Я выписалъ цѣлую страницу этого письма, хотя и не согласенъ съ нимъ. Признавая во мнѣ характеръ, Алексѣй Петровичъ не хочетъ признать особенностей моего характера, для котораго не существуетъ ни скука, ни лѣнь, пока вокругъ меня добрыя, ласковыя лица и свободный воздухъ. Понимаю, что для ума нужно что нибудь подстрекающее, шевелящее, какъ острая приправа въ пищѣ, противорѣчія, доводы, опровергаемыя разсужденія; но развѣ нѣтъ у меня писемъ его, этого превосходнаго человѣка, который для меня весь забота, весь внимательность?

Онъ кончаетъ свое письмо увѣреніемъ, что въ будущемъ апрѣлѣ (слава Богу, еще почти годъ!) вызоветъ меня отсюда, чтобъ помѣстить въ домѣ одной его родственницы, гдѣ-то въ деревнѣ, за Москвой. Хорошо еще, что въ деревнѣ.

Посылка—кипа книгъ. Надо заказать еще полку.

Комнатка моя убирается удивительно мило. Я живу въ бывшей церковной сторожкѣ, которую передѣлали, оштукатурили и выбѣлили для помѣщенія школы. Всѣхъ комнатъ двѣ, одна побольше: въ ней собираются по утрамъ мои ученики; тамъ шесть скамеекъ, большой столъ, черная доска на станкѣ и шкафчикъ для книгъ. О чистотѣ и порядкѣ я хлопочу неусыпно. Другая комната — моя пріемная, спальня, кабинетъ, все, что угодно. Я помѣстился въ ней весьма удобно. Единственное окно обращено къ рѣкѣ, и напротивъ, на другомъ берегу, начинается лѣсъ. Мой домикъ послѣдній на концѣ селенія, даже отдѣленъ отъ другихъ домовъ пустыремъ и огородами. Рядомъ съ нимъ была церковь; но она сгорѣла, и теперь за моимъ домомъ, на горѣ, въ самомъ селеніи, строится новая каменная. Пока она не кончена, мы ходимъ молиться въ помѣщичье село Покровское, версты за три.

Колокольня этого села видна изъ моего окна направо, въ ту сторону, гдѣ рѣчка, вдругъ повернувъ вкруть, шумитъ подъ колесами мельницы. Мельница, съ рѣзной вычурной кровлей, обсажена густыми ветлами; гуси весело плещутся въ водѣ; по лàвамъ бѣгаютъ дѣти, въ бѣлыхъ и красныхъ рубашкахъ. На противоположномъ берегу чернѣетъ лѣсъ, за которымъ садится солнце: лучи тянутся сквозь просѣки и прогалины; неровныя верхушки деревьевъ вырѣзываются на багряно-лиловомъ небѣ. Все это спокойно отражается въ свѣтлой рѣчкѣ, которой не знаю кто далъ вовсе неживописное и незвучное названіе Взмутной. Этотъ свѣжій ландшафтъ, видный въ мое узкое окно, напоминаетъ рисунки на фарфорѣ, чистые и яркіе, отдѣланные тщательно и мелко, скорѣе игрушки, нежели предметы искусства, но что за милыя игрушки!

Легкій вѣтеръ съ воды вѣетъ на меня такимъ покоемъ, кленъ такъ хорошо бьется о низкую кровлю моего дома, лѣсъ начинаетъ бросать такую длинную тѣнь, рыболовы такъ весело шумятъ въ камышахъ, что я не знаю, рѣшусь ли оставить свое окно и идти въ поле, хоть тамъ еще больше простора и воздуха. Я наслаждаюсь здѣсь не утомляясь. Солнце бросило лучи въ воду, и они отразились золотыми струями на моемъ потолкѣ и перебѣгаютъ, то блѣднѣя на минуту, то разгораясь снова. Мнѣ легко и весело, какъ рыбѣ въ водѣ, какъ мошкамъ, которыя толкутся надъ берегомъ. Еслибъ я могъ записать, какъ хорошо стелется каждая травка у моей завалины, какъ блеститъ каждый кремень, каждый кусокъ разбитаго стекла, какъ зыблется высокая лебеда и крапива съ ихъ мохнатыми головками!.. Воробьи кричатъ, что есть силы. Кто-то принялся гонять голубей на мельницѣ; ихъ крылья мелькаютъ какъ звѣзды на синемъ небѣ, то бѣлыя, то огненныя, когда ихъ освѣщаетъ солнце...

13-го іюня.

Вчера я не могъ уйти отъ окна до тѣхъ поръ, пока въ комнатѣ стало темно, и работница отца Аѳанасія постучалась въ сѣняхъ, принеся мнѣ ужинъ. Я устроился такъ, что мнѣ готовятъ у него; а домъ его недалеко. Сидѣть съ огнемъ мнѣ показалась скучно, и я ушелъ бродить по селу. На улицѣ не было никого; въ избахъ ни огонька: здѣсь ложатся засвѣтло. Собаки, знакомыя со мной, не тронули меня и бѣгали, лая другъ на друга, или на воздухъ. Я пошелъ дальше. Церковь, загроможденная лѣсами, чернѣла на блѣдномъ тепломъ небѣ. Я обошелъ кругомъ постройки, заглядывалъ въ окна, въ пустоту, гдѣ грудами лежали кирпичи и известь, слушалъ эти странные звуки, которые родятся въ пустотѣ и, кажется, сотворены только для нея. Повернувъ изъ-за угла къ одному изъ боковыхъ входовъ, я очень удивился, увидя, что, кромѣ меня, вокругъ церкви бродилъ еще другой охотникъ до ночныхъ прогулокъ. Онъ, казалось, удивился не меньше моего, потому что тотчасъ отошелъ, и когда вышелъ изъ тѣни, бросаемой строеніемъ, я разсмотрѣлъ, что онъ былъ въ пальто и фуражкѣ, какъ я, слѣдовательно, не крестьянинъ.

Я зналъ, что, кромѣ меня, въ Слободкѣ никто не носитъ городского платья и что въ этотъ день на постоялыхъ дворахъ не было пріѣзжихъ: я зналъ бы это по звону колокольчиковъ; къ тому же, пріѣзжіе въ нашемъ селѣ рѣдки: большая дорога отъ насъ далеко, чему я очень радъ. Тишина нарушается здѣсь только мычаньемъ стада да скрипомъ возовъ съ скошенной травой; другой шумъ къ деревнѣ нейдетъ.

Поэтому появленіе этого человѣка меня заинтересовало. Я шелъ за нимъ; онъ не оглядывался. Я хотѣлъ продолжать свое преслѣдованіе, когда раздался топотъ лошади и въ двухъ шагахъ отъ меня проскакалъ верхомъ крестьянскій мальчикъ. Я узналъ своего ученика Конона Рыбкина. Онъ погонялъ свою пѣгую лошаденку, припрыгивая на ней, причемъ его темные, выгорѣлые на солнцѣ волосы били его по лицу, а босыя ноги болтались по впалымъ бокамъ животнаго. Жеребенокъ, длинный и худой, едва успѣвалъ бѣжать за всадникомъ. Прямо передо мной остановились они у крылечка избы. Дѣвочка, лѣтъ семи, загорѣлая и худая, въ коротенькой рубашкѣ и узкой повязкѣ, шитой бисеромъ, спрыгнула со ступенекъ, держа на рукахъ крошечнаго ребенка.

— Бѣги скоѵѣй! закричала она брату: — бачка бранится. Видишь какъ поздно; люди поужинали.

— Чего бѣги! отвѣчалъ Рыбкинъ, ухватившись обѣими руками за гриву лошади и спрыгивая на землю: — послали за пѣгой, а она, дура, въ оврагъ ушла! да еще бы одна: и жеребенокъ съ ней. Бился, бился, насилу нашелъ.

— Веди же скорѣе!

— Чего скорѣе! Кто ворота отворитъ? вѣдь заперты.

— Я отопру.

Дѣвочка побѣжала, а я подошелъ къ моему ученику.

— На что вамъ нужны лошади? спросилъ я.

— Отецъ завтра въ уѣздный городъ ѣдетъ. Велѣлъ было къ вамъ сбѣгать, спросить: не будете ли письма посылать; да мнѣ некогда было. Хорошо, что сами пришли. Коли будете писать, сами принесите. Отецъ чуть-свѣтъ выѣзжаетъ.

Ворота заскрипѣли и отворились. Сестра Рыбкина погнала пѣгую во дворъ, а ребенокъ, который неизвѣстно какъ держался у нея на рукахъ, тянулся къ жеребенку. Кононъ Рыбкинъ готовился войдти за ними и запереть ворота.

— Послушай, сказалъ я ему: — посмотри сюда, кто это прошелъ.

Я указалъ въ ту сторону, куда шелъ неизвѣстный господинъ. Рыбкинъ поглядѣлъ съ минуту и отвѣчалъ:

— Это поповскій племянникъ, учитель бывшій.

— Развѣ онъ здѣсь живетъ?

— Нѣтъ: видно, пришелъ зачѣмъ нибудь. Зачѣмъ ему здѣсь жить? у него и дома нѣтъ.

Рыбкинъ ушелъ, а я поспѣшилъ домой и сѣлъ писать къ Алексѣю Петровичу. Сегодня на зарѣ я отнесъ письмо, засталъ Рыбкина отца уже въ телегѣ передъ воротами дома и успѣлъ счастливо обезоружить гнѣвъ его на сына за то, что тотъ, лѣнивецъ, спитъ, а я самъ изволю безпокоиться. Мальчикъ, однако, не спалъ и выглядывалъ на насъ изъза воротъ своими плутовскими глазами.

Я очень радъ, что могъ такъ скоро отвѣчать Алексѣю Петровичу. Сегодня моя школа опять не собралась, по случаю другого праздника; а отецъ Аѳанасій, возвращаясь отъ обѣдни изъ Покровскаго, попенялъ мнѣ, что я тамъ не былъ, и пригласилъ къ себѣ пить чай вечеромъ.

Вставъ съ зари, я взялъ съ собой книгу и ушелъ въ поле. Это одна изъ книгъ, присланныхъ мнѣ вчера — полуроманъ, полу-

записки, въ которыхъ человѣкъ, чья молодость прошла давно, а остальная жизнь проходитъ печально и бурно, вздумалъ разсказывать исторію своихъ двадцатыхъ годовъ, своей первой любви...

Не правъ ли я тысячу разъ? Какъ я счастливъ, что меня поддерживаетъ такой голосъ, какъ эта книга! Вѣчнаго, истиннаго, прекраснаго въ мірѣ одна природа!

«И любовь», досказываетъ эта чудная книга. Не знаю. Вотъ чувство, еще мнѣ незнакомое. Я былъ слишкомъ прилежнымъ ученикомъ, слишкомъ мечтательнымъ мальчикомъ, слишкомъ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, чтобъ дать развиться въ моемъ сердцѣ этой прекрасной прихоти обезпеченныхъ существъ. Правда, герой открытаго передо мной романа былъ бѣденъ и забытъ свѣтомъ какъ я; но есть страны въ мірѣ, гдѣ солнце свѣтитъ привѣтнѣе, гдѣ больше приволья прихотямъ, потому что меньше заботы... Какая любовь поселилась бы со мною въ квартирѣ у вдовы Колпаковой, куда возвращался я съ вечернихъ уроковъ, промерзнувъ до костей, и гдѣ не согрѣвался до утра, если только замѣчалъ утро сквозь льдины, которыя залѣпливали окно мое... Нѣтъ, любовь — дорогая прихоть!

И изъ прихотей она еще самая прихотливая. Нужно что нибудь настолько высокое, чтобъ закружилась голова, настолько неуловимое, чтобъ утомить насъ, настолько блестящее, чтобъ въ глазахъ не бѣжали слезы... У Колпаковой была хорошенькая дочь. Впрочемъ, мнѣ въ голову не пришло замѣтить, что она хорошенькая, до тѣхъ поръ, покуда не сказалъ этого ея женихъ, молодой чиновникъ, мой знакомый... А, однако, онъ любилъ ее, и я удивлялся, какъ можно любить это простенькое, хотя доброе созданіе, милое, но такъ мало смыслящее. Я почти не замѣчалъ ее, хотя два года жилъ подъ одной кровлей съ нею и, кромѣ нея, не видалъ молодыхъ женщинъ. Мнѣ было дѣло только до матушекъ и дѣтей.

Помню только разъ — и въ эту ночь мнѣ не уснулось въ моей жесткой постели — я давалъ урокъ въ одномъ домѣ, гдѣ со мною не говорилъ никто, даже лакей, отворявшій мнѣ двери, скоро, впрочемъ, освободившій себя и отъ этой обязанности. Въ этотъ вечеръ дѣти, три мальчика и три дѣвочки, еще меньше, нежели когда нибудь, знали свои уроки, шумѣли невыносимо, два раза опрокинули песочницу, пока, наконецъ, старшій изъ нихъ, шалунъ, котораго я не любилъ, какъ большого, развалился на стулѣ и сказалъ, что пора бы мнѣ и уйти, потому что имъ скоро надо одѣваться, что у нихъ въ этотъ вечеръ танцы будутъ. «Въ самомъ дѣлѣ, пора кончить!» закричали остальныя и принялись схватывать со стола линейки, тетради, доски. Я едва нашелъ перо, чтобъ записать журналъ. «Смотрите же, не пишите въ поведеніи нехудо, какъ прошлый разъ», говорили мнѣ: «насъ тогда и такъ безъ чаю оставили, а теперь не пустятъ смотрѣть, какъ гости танцовать будутъ». — «Много будетъ гостей?» спросилъ я, отваживаясь, потому ли, что былъ молодъ и никогда не видалъ баловъ. — «Много. А вы бываете въ гостяхъ?» — «Какъ же, бываю», солгалъ я, потому что при этихъ дѣтяхъ ни за что не сказалъ бы правды. «А танцовать умѣете?» — «Конечно». — «Какъ большой, съ дамой?» — «Какъ же иначе?» — «Слышишь, слышишь, Варенька!» закричали дѣти, бросаясь навстрѣчу своей старшей сестрѣ, которая входила: — «Андрей Васильичъ говоритъ, что танцовать умѣетъ». Варенька была дѣвушка лѣтъ пятнадцати, съ самыми гордыми глазками, которые всегда смотрѣли будто нехотя; ея личико было нѣжно, какъ бѣлая вишня, ротикъ самый презрительный, ручки самыя крошечныя, а талія тонка какъ у пчелки. Я обомлѣлъ, когда увидѣлъ ее въ бѣломъ платьѣ, съ открытыми плечами, и съ длиннымъ алымъ поясомъ, который она перекинула себѣ на руку. Она никогда не благоволила замѣчать меня. Каково же было мое удивленіе, когда она спросила, очень небрежно: «Вы умѣете танцовать?.. Дѣти, не мните моего платья... Вы, въ самомъ дѣлѣ, танцуете?» Маленькая женщина была такъ дерзка и мила, что я всталъ безъ замѣшательства и подошелъ къ ней. «Вы хотите видѣть, умѣю ли я?» спросилъ я. — «Любопытно», отвѣчала она, со смѣхомъ. «Жаль, что не увижу васъ сегодня у себя на вечерѣ». — «Я и не добиваюсь, чтобъ меня пригласили. Не угодно ли?» Я подалъ ей руку какъ для вальса; она положила свою, и я заставилъ ее покружиться вокругъ классной комнаты, при общемъ крикѣ дѣтей...

Помню только, что я не спалъ ночь послѣ этого.

14-го іюня.

Дождь съ утра начался грозою, которая подняла меня до свѣта, а теперь, кажется, пойдетъ надолго. Люблю сидѣть въ такую погоду у открытаго окна и читать. Тихія капли шелестятъ по листьямъ; слова книги западаютъ въ душу.

Сегодня, однако, я не въ духѣ. Романъ, который я читаю, не занимаетъ меня, или, вѣрнѣе, я нахожу что-то болѣзненное и унылое въ его чистыхъ и страстныхъ страницахъ. Сказывается ли мнѣ тоска души, которая писала ихъ, пробуждается ли на ея голосъ тоска въ моей душѣ?.. Но это тоска странная, тревожная, не отъ людей, не отъ судьбы, не отъ разлуки, не отъ бѣдности, но тоска, живущая тайно и глубоко, тоска безъ имени, которую иногда, чтобы назвать какъ нибудь, называютъ предчувствіемъ...

Рѣшительно, это дѣйствіе дурной погоды и дурного сна. Однако, это портитъ характеръ и допускаетъ дѣлать то, отъ чего бы мы воздержались въ нормальномъ расположеніи духа. Напримѣръ, сегодня въ классѣ я поставилъ въ уголъ Василья Дятлова за то, что онъ воспользовался тѣмъ, что я разсѣянно смотрѣлъ въ окно, и, къ немалому удовольствію товарищей, начертилъ на доскѣ изображеніе головы съ рогами, вѣроятно козла. Въ нормальномъ состояніи духа я не наказалъ бы мальчика; я самъ посмѣялся бы и только замѣтилъ, что въ классѣ не должно тратить времени, а послѣ класса поучилъ бы его нарисовать получше. Это тоже занятіе, и недурное: тутъ есть талантъ, наглядность...

Мой вечеръ вчера тянулся безконечно. Жаръ былъ нестерпимый. Комната отца Аѳанасія обращена на солнце, и солнце не выходитъ изъ нея до заката. Кругомъ ни кустика; къ тому же, миріады мухъ, привлеченныхъ паточнымъ вареньемъ, и клокотавшій самоваръ вышиною чуть не до потолка. Пить чай на крыльцѣ, какъ это дѣлаетъ всегда отецъ Аѳанасій, было бы удобнѣе и, конечно, пріятнѣе, но на этотъ разъ оказалось невозможно: по случаю праздника, у отца Аѳанасія были гости, и посадить ихъ на лавочкахъ, на крыльцѣ, было бы неучтиво. Не знаю, учтивѣе ли было держать ихъ въ этой душной теплицѣ? Когда я явился, гости были уже всѣ на-лицо: профессоръ семинаріи изъ губернскаго города, ѣдущій на вакансію въ деревню къ роднымъ и по дорогѣ навѣстившій отца Аѳанасія, какъ стараго знакомаго; купецъ, которому наши крестьяне отдаютъ въ наймы свою мельницу, и управляющій села Покровскаго, отставной поручикъ, старикъ, единственное мнѣ знакомое лицо во всей компаніи, знакомое потому, что я уже встрѣчалъ его въ полѣ, и у отца Аѳанасія и присмотрѣлся къ его сѣрому казакину съ оранжевымъ воротникомъ, но лицо постоянно безмолвное и нѣсколько погруженное въ себя. Отецъ Аѳанасій представилъ меня двумъ другимъ собесѣдникамъ: профессоръ учтиво раскланялся и даже подалъ мнѣ руку; купецъ немножко вымѣрялъ меня глазами.

Нѣтъ, я рѣшительно гожусь жить только въ глуши, съ крестьянами, такъ, чтобъ ничто не напоминало мнѣ о существованіи этого, такъ называемаго «свѣта»! Отчего мнѣ показалось непріятно, что Иванъ Васильевичъ Бараковъ, купецъ третьей гильдіи, нашъ мельникъ, смѣрялъ меня глазами, узнавъ, что я дворянинъ, окончившій курсъ наукъ и учитель въ сельской приходской школѣ? Что такое сказалось мнѣ въ этомъ взглядѣ?.. Не дурное ли, не злое ли я созданіе, когда довольно слегка напомнить мнѣ объ условіяхъ и раздѣленіяхъ общества, чтобъ поднять въ душѣ моей тину, которая, какъ воображалъ я, и не существуетъ!.. Неужели, полгода жизни въ домѣ Алексѣя Петровича и два мѣсяца здѣсь,—это довольство, наслажденіе, блаженство были забывчивость, усмиреніе, а не исправленіе; а тѣ вспышки досады, злобы, ропота, которыя овладѣвали мною въ первые два мучительные года моей жизни, были мой характеръ, а не вспышки молодого горя?..

Не знаю, но мнѣ стало и неловко и досадно, и еще досаднѣе на этого добраго отца Аѳанасія, который, представляя меня профессору, наговорилъ не помню сколько и какихъ похвалъ моимъ познаніямъ, моимъ превосходнымъ качествамъ. Профессоръ довершилъ—заговорилъ со мной по-латыни, привѣтствуя меня, какъ наставника юношества, смотрителя словеснаго вертограда... не помню еще что... Уморительно выходило все это по-латыни!

Есть два крайнія положенія, оба непріятныя: одно, когда на насъ не обращаютъ никакого вниманія, другое, когда на насъ обращаютъ слишкомъ много вниманія. Первое уничтожаетъ, второе добиваетъ человѣка. Одно я испыталъ, другое испытывалъ. Мнѣ вспомнился римлянинъ, который задушилъ своихъ гостей подъ розами. Умирать равно непріятно; но я предпочелъ бы веревку: по крайней мѣрѣ, это скорѣе. Видѣть, что насъ не считаютъ за очень многое, а говорятъ намъ много, безъ убѣжденія, лишь бы говорить, любуются нашимъ замѣшательствомъ и наслаждаются своими гиперболами—несносно. Я испытывалъ это положеніе вчера въ первый разъ. Работница Мавра, которая принесла сливки къ чаю, каза-

лось, очень удивилась, увидя меня на диванѣ, на почетномъ мѣстѣ, подлѣ профессора, и отвѣсила мнѣ пренизкій поклонъ. Мнѣ даже было непріятно и это. Мнѣ было такъ хорошо исчезать между этими добрыми людьми.

Профессоръ заставилъ ждать отца Аѳанасія, подносившаго ему чашку, и извинился тѣмъ, что не можетъ оторваться отъ интереснаго разговора со мной.

— Это кладъ у васъ, Аѳанасій Иванычъ, сказалъ онъ: — такая бесѣда услаждаетъ уединеніе.

Я наконецъ не ждалъ, что мнѣ можетъ быть хуже, когда явилось новое лицо—молодой человѣкъ, котораго я встрѣтилъ наканунѣ у церкви. Я тотчасъ узналъ его, прежде нежели отецъ Аѳанасій назвалъ его, представляя профессору.

— А вотъ и племянникъ мой, если изволите помнить, ученикъ вашъ!

— А, старый знакомый! сказалъ профессоръ, не кланяясь и не трогаясь съ мѣста.— Какъ поживаешь? Вѣдь ты тоже обучаешь въ приходскомъ училищѣ?

— Я больше не занимаю этой должности, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Почему-жъ такъ?

— Да вѣдь онъ здѣсь былъ учителемъ, сказалъ отецъ Аѳанасій:—на его мѣсто поступилъ Андрей Васильичъ.

— А! такъ ты здѣсь былъ наставникомъ. Я и не зналъ. Что-жъ ты оставилъ это мѣсто? продолжалъ профессоръ:—или вы имъ недовольны, Аѳанасій Иванычъ?

— Дядюшка можетъ сказать вамъ, что мною не за что быть недовольнымъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ:—я самъ оставилъ должность, найдя, что это будетъ лучше.

— А что-жъ тутъ лучшаго? а? Теперь безъ мѣста. Небось, то къ отцу, то къ дядѣ? безъ дома, безъ занятія? Это, по твоему, лучше?

— Я постараюсь найти для себя другое занятіе, отвѣчалъ молодой человѣкъ совершенно спокойно и сѣлъ у окна.

Мнѣ стало неловко за него; но, не смотря на это, было любопытно наблюдать за его спокойствіемъ во время этой сцены, какъ я полагалъ, непріятной для него, потому что она происходила при постороннихъ. Нецеремонное ты профессора меня оскорбляло: я чувствовалъ, что покраснѣлъ до ушей. Профессору, казалось, не понравилась развязность бывшаго ученика, и онъ обратился къ нему опять.

— Истинно интересно для меня узнать, какое ты себѣ занятіе думаешь избрать. Въ университетъ тебѣ хотѣлось, какъ я слышалъ; но ты содержать себя тамъ не можешь, по твоему скудному состоянію, а на родственниковъ надѣяться безразсудно. Отецъ Аѳанасій самъ имѣетъ дѣтей, которыхъ содержитъ; а твои родители тѣмъ болѣе не въ силахъ ничѣмъ тебя одѣлить, не отнимая у себя послѣдняго.

— Я знаю, что у моего отца ничего нѣтъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, немного рѣзко:—а дядюшкѣ я и безъ того такъ много былъ обязанъ въ эти три года, что не смѣю еще требовать отъ него чего нибудь.

— Такъ какъ же ты не безразсуденъ? Мѣсто было. Оставалось заниматься, въ ожиданіи лучшаго; а ты бросилъ его безъ причины! Нѣтъ, братъ Колумбовъ, этого я отъ тебя не могъ ожидать. Конечно, ты всегда имѣлъ нравъ нѣсколько строптивый, но ужъ тутъ, извини, глупо, глупо!.. И способности были, дарованія, краснорѣчіе и память.— Вѣдь изъ перваго десятка вышелъ,—заключилъ профессоръ, вдругъ обращаясь ко мнѣ.

Молодой человѣкъ взглянулъ на меня.

— Это, изволите видѣть, Анемподистъ Колумбовъ; три года назадъ выпущенъ и курсъ богословскихъ наукъ окончилъ. Разсужденія писалъ отлично и диспуты держалъ на греческомъ и на латинскомъ. Поговорите съ нимъ: увидите, что силенъ. Ему бы быть преподавателемъ. Вотъ если вы съ нимъ заговорите, тотчасъ увидите, что это педагогъ, какихъ мало. А онъ изволилъ мѣсто бросить!

— Что-жъ дѣлать, если оно не по мнѣ? тихо сказалъ Колумбовъ, продолжая смотрѣть на меня.

— А вотъ молодой человѣкъ, Андрей Васильичъ, чѣмъ же онъ хуже тебя? Стыдись своей дерзости! Мѣсто не по тебѣ!... Что ты такое? Вотъ благородный человѣкъ, и тотъ просилъ самъ, оставилъ общество, добровольно отказался отъ болѣе высокихъ назначеній, чтобъ посвятить мирной пользѣ способности, которыхъ, ужъ конечно, у него побольше, чѣмъ у тебя...

Профессоръ говорилъ долго въ этомъ родѣ. Я пытался нѣсколько разъ прервать его; но мои усилія были безуспѣшны. Мнѣ удалось наконецъ сдѣлать это; но онъ, кажется, не хотѣлъ весь вечеръ выпускать меня. Онъ заговорилъ со мной о классикахъ, подкрѣплялъ свои разсужданія безконечными цитатами и заставлялъ меня отвѣчать. Иногда, обращаясь къ другимъ, которые подобострастно на насъ взглядывали, онъ увѣрялъ ,что отводитъ душу въ образованной бесѣдѣ. Я

былъ счастливъ, что купецъ Бараковъ никогда не оставлялъ самовара, не выпивъ пятнадцати чашекъ, а управляющій рѣшился наконецъ разсказать ему что-то о своихъ кампаніяхъ. Отецъ-Аѳанасій, добрѣйшая душа, былъ радъ, что гости его заняты, и, переходя отъ насъ къ другимъ, потиралъ руки и поглаживалъ свою русую, посѣдѣлую бородку.

Меня мучило присутствіе Колумбова, который, неподвижный на своемъ мѣстѣ, молчалъ, такъ что о немъ всѣ забыли. Онъ сидѣлъ свободно и покойно, прислонясь къ спинкѣ стула и положивъ локоть на окно. Лицо его нѣсколько блѣдно и загорѣло; темно-сѣрые глаза впалы и блестящи; темные волосы острижены не по модѣ и некрасиво. На немъ было оливковое пальто, неновое и неизящное, застегнутое до послѣдней пуговицы: бѣлые воротнички рубашки отогнуты довольно широко. Цѣлые два часа, не вставая и почти не перемѣняя положенія, сидѣлъ онъ и смотрѣлъ на насъ. Въ его взглядѣ не было ни наблюдательности, ни насмѣшки, ни даже скуки.

Зато мнѣ было скучно. Я очень обрадовался, когда купцу Баракову наконецъ стало жарко и онъ предложилъ пройтись къ рѣкѣ. Мы отправились всей компаніей. Вечеръ былъ душный; тучи лежали тяжелыя, огромныя, безобразныя. Рѣка была мутна. Мѣсяцъ, который показался на минуту, взглянулъ въ нее блѣдный и безъ лучей. Эта ночь заставила бы меня раздуматься; вчера она навела на меня тоску. Я воспользовался первымъ предлогомъ, чтобъ уйти домой, легъ спать и едва уснулъ. На зарѣ меня разбудила гроза.

Колумбовъ не гулялъ съ нами.

Въ тотъ же день, вечеромъ.

Говорятъ, утро мудренѣе вечера; нѣтъ, вечеръ мудренѣе утра. Хорошаго поутру только то, что сонъ успокоиваетъ нервы и освѣжаетъ тѣло, и, вѣроятно, по этой причинѣ латинская поговорка, которую еще вчера повторялъ профессоръ, утверждаетъ, что умъ бываетъ здоровъ только въ здоровомъ тѣлѣ. Поговорка лѣнивцевъ и эгоистовъ. Не соглашусь, чтобъ раздраженіе, которое чаще всего бываетъ съ нами по вечерамъ, было состояніе больное, то есть вредное для ума. Правда, страсти, желанія, мысли, возбужденныя всѣмъ переходомъ дня, волнуясь сильнѣе, утомляютъ тѣло къ вечеру! но умъ еще здоровѣе: онъ переработалъ и выводитъ свои заключенія ясно и полно, какъ заключенія спора, пройденнаго по всѣмъ доказательствамъ и опроверженіямъ, изъ которыхъ ничто не исчезло изъ его памяти и которыя всѣ еще будто стоятъ предъ нимъ. Напряженный, правда, но не охлажденный животнымъ покоемъ, умъ рѣшаетъ дѣло какъ мужъ, понимающій жизнь, а не какъ безпечный ребенокъ, проснувшійся въ колыбели, или отжившій старикъ, который порасправилъ въ постели свои кости. Въ близкомъ воспоминаніи предмета — любовь къ предмету, а сонъ гонитъ воспоминанія. Утромъ мы рѣшаемъ дѣло, не любя его.

Но моя безсонная ночь сдѣлала то, что сегодня утромъ я могъ вѣрно записать впечатлѣнія вчерашняго вечера. Я доволенъ этимъ. Это впечатлѣніе не разсѣялось во весь день. Странно сказать: я скучалъ. Обстоятельства, ничтожныя до того, что всякій другой и не замѣтилъ бы ихъ, перевернули мой день, мои привычки, мой характеръ... да, мой характеръ, потому что я не могъ провести нынѣшній день такъ, какъ проводилъ прежніе: я ни за что не могъ приняться. Дождь мѣшалъ гулять и даже открыть окно; школа напоминала мнѣ Колумбова, письмо Алексѣя Петровича укоряло меня въ мечтательности, а на книги я не могъ взглянуть: мнѣ представлялся профессоръ.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, пришелъ ко мнѣ. Этого я уже никакъ не ожидалъ. Отъ нечего дѣлать я убиралъ книги, вынималъ изъ ящика, въ которомъ онѣ присланы, и уставлялъ на полкѣ. Профессоръ засталъ меня за этимъ занятіемъ. Онъ сказалъ, что оставшись еще на нѣсколько часовъ въ нашей деревнѣ, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать со мною. Право, я и не зналъ, что я такъ привлекателенъ. Это была, въ самомъ дѣлѣ, бесѣда, а не разговоръ живыхъ людей. Мы говорили опять о классикахъ, о литературѣ и все такъ мертво, такъ холодно! Ему не было дѣла до того, кто я, какъ началась, какъ идетъ моя молодая жизнь, отчего бьется мое сердце, надъ чѣмъ задумывается голова моя. Онъ спрашивалъ только; знаю ли я то, или это, или не знаю. Такъ можно бесѣдовать цѣлую жизнь и не сблизиться ни на волосъ.

Между нами, однако, завязались особаго рода отношенія. Онъ увидѣлъ одно историческое нѣмецкое сочиненіе въ двухъ томахъ. Узнавъ съ величайшимъ удовольствіемъ, что я порядочно знаю этотъ языкъ, онъ началъ мнѣ совѣтовать перевести книгу, настаивая, что это будетъ для меня полезное

и пріятное времяпровожденіе и наконецъ услуга, которую я окажу моимъ соотчичамъ. Рѣшительно не понимаю, изъ чего онъ обо мнѣ хлопочетъ, но онъ сталъ уговаривать, даже просить меня, наконецъ взялъ слово, что я примусь за переводъ. Мнѣ такъ не хотѣлось давать этого слова, что я, кажется, не посовѣстился бы его не исполнить; но вышло, что и это невозможно. Профессоръ сказалъ, что, возвращаясь въ городъ, въ сентябрѣ, заѣдетъ и возьметъ мою рукопись, что у него въ Москвѣ родные — писатели, цензора, издатели журналовъ, все, что мнѣ угодно, и что я могу заранѣе считать свой переводъ напечатаннымъ, потому что онъ долженъ быть и будетъ напечатанъ, для славы и пользы моего отечества. Рѣшивъ это и заставивъ меня повторить обѣщаніе, онъ ушелъ. Прощаясь, онъ пожелалъ мнѣ всѣхъ земныхъ благъ и увѣрялъ, что полюбилъ меня искренно. Вѣрю, хотя не понимаю за что, хотя душа моя капризничаетъ и этой любви ей не хочется.

Скучно! Не хочу даже записывать глупостей, которыя входятъ мнѣ въ голову по случаю этого знакомства, моего будущаго авторства и прочаго,—всего, что вотъ ужъ двадцать-четыре часа возмущаетъ мнѣ душу хуже, нежели мутится рѣка у меня подъ окнами.

Говорятъ, въ водополье она подойдетъ подъ самыя окна. Это сказалъ мнѣ Колумбовъ. Я вышелъ побродить подъ дождемъ и встрѣтилъ его. Мы раскланялись какъ знакомые, хотя мнѣ какъ-то неловко смотрѣть на него, послѣ вчерашнихъ сценъ. Онъ заговорилъ первый:

— Вотъ и дождь послѣ вчерашняго жара. Вы, вѣрно, любите такую погоду?

— Я люблю бродить. А вы?

— Да какъ случится. Ѣхать въ такую погоду скучно. А вотъ нашему профессору лошадей запрягаютъ.

— И вы ѣдете?

Не понимаю, какъ у меня сорвалась съ языка такая глупость. Колумбовъ быстро взглянулъ на меня, но потомъ опять опустилъ голову, продолжая смотрѣть на топкую дорожку, по которой мы шли.

— Нѣтъ, я еще останусь, отвѣчалъ онъ, своимъ безстрастнымъ голосомъ. — Отецъ Аѳанасій просилъ меня остаться.

Мнѣ было совѣстно. Я не зналъ, какъ продолжать разговоръ. Колумбовъ самъ помогъ мнѣ: онъ говорилъ развязно о погодѣ, о постройкѣ, о рѣкѣ, о томъ, что встрѣчалось передъ глазами. Не знаю, хорошо ли ему было со мной, или онъ не оставлялъ меня потому, что, идя безъ цѣли и встрѣтясь среди пустой улицы, было бы смѣшно бѣжать въ разныя стороны. Такъ дошли мы до моего крыльца. Я попросилъ его войти; онъ отказался.

20-го іюня.

Я не писалъ этой тетради пять дней: было некогда. Первое, что заняло меня—это ревизія моей школы. Чиновникъ-ревизоръ пріѣхалъ съ вечера, остановился въ селеніи и прислалъ за мною. Я представилъ ему списокъ моихъ учениковъ, и на слѣдующее утро онъ явился въ школу. Мои ученики принарядились. День былъ солнечный, и классъ глядѣлъ красиво. Экзаменъ удался, и мнѣ понравился порядокъ, или, вѣрнѣе, безпорядокъ, въ которомъ онъ былъ сдѣланъ. Ревизоръ вызывалъ мальчиковъ по нѣскольку вдругъ, заставлялъ одного писать задачу на доскѣ, другого—читать, а третьяго — рѣшать ее. Все это дѣлалось очень живо. Казалось, онъ скорѣе хотѣлъ видѣть, сколько понимаютъ, нежели что знаютъ эти дѣти. Всѣ примѣры его диктовки, всѣ его вопросы были взяты изъ ихъ простой жизни, ихъ маленькаго хозяйства, и это былъ урокъ и для меня. Наконецъ онъ вызвалъ мальчиковъ писать на доскѣ что-нибудь свое, изъ головы. Выборъ палъ на Конона Рыбкина. Перипатетикъ отличился. Онъ вспомнилъ мои лекціи на берегу рѣки и написалъ, что князь Владиміръ принялъ христіанскую вѣру и крестилъ народъ въ Днѣпрѣ. Экзаменатора, казалось, поразило это познаніе; онъ даже не обратилъ вниманія на огромный ять, въ видѣ коромысла, возвышавшійся совсѣмъ не на мѣстѣ, и, подозвавъ ученика, спросилъ, знаетъ ли онъ, что написалъ, или просто переписалъ примѣръ съ прописи. Рыбкинъ объяснилъ, что это Андрей Васильичъ разсказывалъ на той недѣлѣ, и пересказалъ весь этотъ отрывокъ исторіи, не ошибаясь ни въ чемъ, даже въ числахъ. Послѣднее удивило и меня. Я спросилъ, какъ онъ запомнилъ года. «А я, что пришелъ домой, то записалъ у себя на стѣнкѣ», отвѣчалъ онъ, «какъ проснусь поутру, взгляну, такъ и помню».

Это маленькое обстоятельство много меня обрадовало и подняло: это—доказательство справедливости моихъ убѣжденій, дѣльности моихъ истолкованій, пользы моей особы. Это ободрило меня; а мнѣ нужна была бодрость, потому что выхваленія профессора чуть не бросили меня въ крайность увѣ-

ренности, что я ничто. Я, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь, и если принесу хоть крошки моимъ братьямъ, то эти крошки будутъ благо. Я далъ себѣ слово прилежнѣе заниматься своими смышлеными учениками и даже записалъ себѣ маленькую программу, о чемъ говорить съ ними и когда. Впрочемъ, судя по времени, мѣсту и расположенію дѣтей, я буду измѣнять эту программу и пользоваться случаемъ, но непремѣнно всякимъ случаемъ.

Ревизоръ уѣхалъ очень довольный и сказалъ, что, по его представленію, я могу ожидать благодарности отъ начальства. На радости, по случаю нѣсколькихъ праздниковъ, жаркихъ дней и сѣнокоса, я далъ дѣтямъ вакацію на двѣ недѣли и теперь брожу въ поляхъ съ книгой, или сижу дома надъ своимъ переводомъ.

Переводъ тоже начинаетъ занимать меня. Превосходная книга, которую я дѣлаю доступною многимъ, восхищаетъ меня каждымъ своимъ словомъ; зато я и занимаюсь весь день, кромѣ ранней зари и вечеровъ: тогда я ухожу въ лѣсъ, или въ поле. Мнѣ иногда приходитъ въ голову, какъ будутъ смотрѣть на меня печатныя строки, теперь только написанныя мною, и, хотя въ этомъ мечтаніи много дѣтскаго, я поддаюсь ему охотно. Кромѣ этой тихой радости и мысли о пользѣ, никакая другая мысль не соединяется съ моимъ трудомъ. Мнѣ стоитъ припомнить профессора и его толки о славѣ, чтобъ отодвинуть отъ себя тетрадь и усѣсться у окна, пока непріятное, смутное волненіе оставитъ меня. Я напишу объ этомъ Алексѣю Петровичу. Отъ него получилъ я еще письмо, очень короткое, за недосугомъ, гдѣ онъ повторяетъ, что я мечтатель, что я птица, которая летитъ на всякій лучъ и пугается всякой тѣни; признавая, что мои труды въ школѣ дѣльны и начаты удачно, онъ все еще насмѣшничаетъ надъ моей восторженностью... Это письмо меня огорчило. Весь толкъ о томъ, что мои занятія мелки, а я воображаю ихъ великими. Развѣ лучше, еслибъ я, въ самомъ дѣлѣ, счелъ ихъ за мелочь — и кончилъ скукой, или за простое обиходное дѣло—и кончилъ охлажденіемъ, сталъ бы дѣлать все съ плеча и «лишь бы только дѣлать»?...

Узнавъ, что я перевожу, Алексѣй Петровичъ будетъ доволенъ.

Мнѣ стало грустно, когда я вспомнилъ его письмо. Для чего оно возмутило мое довольство, мое внутреннее счастіе?..

Еще другой человѣкъ явился передо мной, кажется, для того же. Это Колумбовъ. Его присутствіе возмущаетъ меня, а избавиться невозможно. Онъ живетъ еще здѣсь, не знаю, зачѣмъ, у отца Аѳанасія, гдѣ я его часто вижу. Вечеромъ, въ день ревизіи моей школы, когда я отдыхалъ у окна, онъ подошелъ.

— Можно поздравить васъ? сказалъ онъ мнѣ: — счастливо кончили?

— Какъ нельзя лучше. Я долженъ быть вамъ благодаренъ: вы все приготовили; мнѣ бы ничему не выучить въ два мѣсяца.

— А я и вовсе ничему не училъ, отвѣчалъ онъ, оглядывая раму моего окна.

— Кто нибудь же да выучилъ, сказалъ я: — только не я.

— И не я, возразилъ онъ: — труда было такъ мало, что толковать не стоитъ... Что вы не гуляете?

— Что вы не зайдете ко мнѣ? Посидѣли бы вмѣстѣ.

Я упросилъ его зайдти, хотя онъ и отговаривался.

— Вы хорошо устроились, сказалъ онъ, оглядывая мою комнату: — вамъ покойно, зимой здѣсь будетъ тепло; одно — что занесетъ снѣгомъ съ рѣки, такъ что надо прокапывать дорожки. А лѣтомъ здѣсь славно.

Мы разговорились. Наконецъ я спросилъ его, что онъ здѣсь дѣлаетъ.

— Какъ видите, гуляю, отвѣчалъ онъ:— что мнѣ больше дѣлать?

Это былъ вовсе не отвѣтъ. Въ два часа, проведенные вмѣстѣ, мы были уже настолько коротки, что я рѣшился спросить его, зачѣмъ онъ оставилъ свои школьныя занятія и что намѣренъ дѣлать съ собою. Онъ засмѣялся.

— Вы такъ довольны нашей деревней, школой и всѣмъ, сказалъ онъ:—что я боюсь показаться вамъ чудакомъ, когда скажу, что все это мнѣ очень не нравится, что мнѣ не жилось здѣсь отъ скуки. Я самъ знаю, что уморительная вещь — семинаристъ съ претензіями; но что же дѣлать, если такая жизнь, какъ ваша настоящая жизнь — не по мнѣ. Вамъ хорошо — очень радъ за васъ; но не всѣ же такъ сотворены, чтобъ довольствоваться однимъ и тѣмъ же... даже очень хорошо, что не всѣ такъ сотворены. Вы правы, говоря, что счастіе во всемъ и дается всякому; но та бѣда, что счастіе бываетъ разныхъ цвѣтовъ и не всякому дается того цвѣта, который ему нравится. Мнѣ, напримѣръ, ваше счастіе не по-сердцу. Ваше сердце лучше моего — объ этомъ не спорю.

Онъ замолчалъ и, какъ кажется, былъ

не расположенъ продолжать такой разговоръ. Взявъ съ полки нѣсколько книгъ одну за другою, онъ посмотрѣлъ на заглавія и положилъ ихъ опять на мѣсто. Я спросилъ, долго ли еще онъ останется у отца Аѳанасія.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ:—я давно бы уѣхалъ: здѣсь мнѣ дѣлать нечего, а дома у отца дѣла много; но, когда я началъ было собираться, отецъ Аѳанасій подумалъ, что я оскорбился тѣмъ, что говорилъ (помните, при васъ) профессоръ, и упросилъ меня остаться гостить, если я не хочу его огорчить. Я и остался. Правда, не слѣдовало бы; къ тому же, безъ дѣла порядочно скучно.

— Хотите читать? сказалъ я, показывая на свою полку.

Лицо его приняло грустное выраженіе; онъ какъ будто подумалъ съ минуту, потомъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, бдагодарю васъ. Это ни къ чему не послужитъ; такъ я, пожалуй, отсюда и не уѣду.

Онъ сдѣлался молчаливъ, какъ въ первый разъ, когда я его видѣлъ, и я былъ почти радъ, когда онъ ушелъ. Чужая тоска для меня—осужденіе моего собственнаго веселья.

Это странный человѣкъ. Въ жизни его нѣтъ тайнъ, какъ у иного героя романа, но есть что-то загадочное въ немъ самомъ. Онъ очень хорошо понимаетъ свое положеніе, нисколько не завидное, и со всѣмъ тѣмъ откровенно веселъ, умѣетъ шутить, даже любитъ смѣяться, но его веселость не есть безпечность. Онъ гордъ — не прощаетъ профессору, который, при постороннихъ, упрекнулъ его бѣдностью—и совершенно спокойно напоминаетъ объ этомъ мнѣ. Въ немъ нѣтъ ни вспыльчивости, ни увлеченія; однако, это не отупленіе и не холодность. Внутренно онъ оцѣняетъ и обсуживаетъ все — это замѣтно даже въ обыкновенномъ разговорѣ—а разговаривая, избѣгаетъ всего, что можетъ казаться разсужденіемъ. Въ его манерахъ есть еще та особенная неровность и неловкость, какую мы привыкли видѣть въ семинаристахъ; но онъ непохожъ на семинариста. Онъ занимаетъ меня, но больше мучитъ.

28-го іюня.

Сегодня я всталъ чуть-свѣтъ и ушелъ въ поле. Утро было восхитительное, свѣжее, почти холодное; трава пышна и упруга, роса сильна какъ дождь. Скаты пригорковъ казались голубыми отъ невѣроятнаго множества незабудокъ. Когда вѣтеръ колыхалъ эти мелкіе цвѣтки, по пригорку разливался точно дымъ, нѣжный, прозрачный и такого лазореваго цвѣта, что я не могъ отвести глазъ. Я сѣлъ, свѣся ноги въ оврагъ. Внизу, надъ глинистымъ ложемъ ручья, колыхались тонкія березки, выбѣгали молодыя ивы у срубленныхъ пней; по горѣ разсыпались кругленькіе, пухлые кусты орѣшника. Цикоріи, царскія свѣчи, бѣлыя астры на тонкихъ стебелькахъ, розовые колокольчики сплетались и цвѣли всѣ вмѣстѣ; блѣдная павилика облѣпила красный обрывъ оврага; синеватые, незрѣлые колосья, взросшіе нечаянно изъ зеренъ, которыхъ не успѣли склевать птицы, качали тяжелыми головками: на нихъ роились ярко-красныя мошки. Все это было такъ хорошо! На небѣ разстилались желтыя и розовыя полосы; кое-гдѣ рябили облачка, бѣлыя, мелкія какъ разсыпанные лепестки цвѣтовъ, вдали синѣла роща; желтѣли поля, извивались повременамъ облака пыли по дорогамъ; большая дорога тянулась еще далѣе, почти на горизонтѣ, мелькая своими темно-сѣрыми ветлами. Ближе, на крутомъ берегу рѣчки, которая то исчезала, то показывалась, среди зелени виднѣлись селенія, бѣлѣли двѣ церкви. На крутомъ, кругломъ холмикѣ стояло нѣсколько молодыхъ дубовъ. Ихъ тонкіе стволы чернѣли въ прозрачномъ воздухѣ и ровныя темно-зеленыя верхушки сливались въ одинъ легкій вѣнокъ. За ними всходило солнце.

Длинныя нитки паутины, пухъ репейника, свѣтлый какъ звѣзды, бѣлыя бабочки, пчелы, стрекозы кружились надъ оврагомъ, наклоняли цвѣты, звенѣли въ травѣ; черные жуки, взвиваясь, задѣвали мои волосы...

Мнѣ было хорошо, легко, свѣжо, весело. Въ моей груди было довольно простора, чтобы принять дыханіе этого утра, моей любви доставало на его красоту... И такъ пройдетъ вся моя жизнь, сегодня, завтра, вѣчно, потому что эту красоту понимаетъ и любитъ не молодость моя, но моя вѣчная душа.

Въ тотъ же день, вечеромъ.

Колумбовъ просидѣлъ у меня часа три. Странный человѣкъ!

Я писалъ все утро. Отобѣдавъ рано какъ всегда и отдохнувъ, я садился опять за свою работу, когда пришелъ онъ. Мои тетради и книги навели насъ на разговоръ о нихъ. Я сказалъ ему, для чего перевожу; онъ нашелъ, что это прекрасное занятіе тѣмъ, что помогаетъ убивать время, когда его некуда дѣ-

вать, потомъ извинился, что выразился такъ легко, и нашелъ, что переводить очень весело. «Можно прочесть?» спросилъ онъ, показавъ на мою тетрадь. Я позволилъ. Онъ пробѣжалъ страницу, потомъ взялъ книгу и прочелъ оригиналъ.

— Извините меня тысячу разъ, сказалъ онъ: — если я осмѣлюсь сдѣлать свое замѣчаніе. Это невѣрно. Замѣтьте выраженія подлинника: они неопредѣленны; кажется, будто авторъ самъ слегка сомнѣвается въ томъ, что говоритъ; у васъ же они такъ точны что вы болѣе, нежели разсказываете: вы удостовѣряете.

Замѣчаніе было очень справедливо. Поблагодаривъ моего критика, я сказалъ, что удивляюсь, какъ у него нѣтъ охоты самому заниматься, когда онъ такъ хорошо знаетъ языкъ. Онъ засмѣялся.

— Къ чему это послужитъ?—спросилъ онъ. — Лишній расходъ бумаги, больше ничего. На свѣтѣ писателей слишкомъ много, а работниковъ часто недостаетъ.

Я принялся доказывать пользу умственнаго труда, его заманчивость и красоту. Онъ спорилъ. Мы представляли каждый свои примѣры и нечувствительно увлеклись, забыли начало разговора, самихъ себя, стали разбирать, судить, вспоминать читанное, восхищаться прекраснымъ. Онъ увлекался больше моего, говорилъ много и съ жаромъ, какого я прежде не замѣчалъ въ немъ; напоминалъ мнѣ какъ знакомыя — творенія писателей, которыхъ я едва зналъ по имени, приходилъ въ восторгъ и читалъ наизусть цѣлые отрывки, забываясь, даже по-гречески, хоть я не понималъ ихъ.

— Васъ удивляетъ, что я все это знаю, сказалъ онъ, замѣтивъ, что я гляжу на него съ любопытствомъ. — Знаніе это досталось мнѣ легко. У насъ былъ начальникъ, человѣкъ еще молодой, когда-то свѣтскій и превосходно образованный. Онъ замѣтилъ меня въ классахъ, приказалъ ходить къ себѣ въ свободное время и занимался со мной. Я былъ понятливый ребенокъ, шалилъ рѣдко и не лѣнился никогда. Когда я сталъ постарше, мой покровитель оставлялъ меня при себѣ цѣлые дни; потомъ я сталъ проводить у него всѣ вечера, наконецъ просиживалъ и ночи. Онъ читалъ, разсказывалъ, диктовалъ мнѣ свои замѣтки и сочиненія. Послѣдніе два года своей жизни онъ былъ постоянно боленъ, не выходилъ даже въ садъ, и только одно чтеніе могло занять его. Читать самъ онъ уже не могъ: я перечиталъ ему въ это время всю его огромную библіотеку. Вотъ вамъ и источникъ моихъ познаній.

— Я вамъ завидую, сказалъ я. — Занимаясь съ человѣкомъ, который много зналъ и любилъ васъ, вы могли научиться легко, безъ утомленія, безъ скуки, все объяснялось вамъ живо, чувствующею душою и, вѣроятно, краснорѣчиво и увлекательно.

Колумбовъ печально улыбнулся.

— Почти такъ, отвѣчалъ онъ: — только не совсѣмъ такъ. Я былъ понятливый ребенокъ, но только ребенокъ; когда умеръ этотъ человѣкъ, мнѣ было восемнадцать лѣтъ. Правда, онъ объяснялъ превосходно, но немногое: только то, что приходилось мнѣ по возрасту... Да въ восемнадцать лѣтъ многому ли мы и сочувствуемъ? только тому, что сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе Краснорѣчіе его было удивительно; но это было духовное краснорѣчіе человѣка зрѣлыхъ лѣтъ и зрѣлыхъ страстей; оно обращалось не ко мнѣ, а къ тому свѣту, отъ котораго онъ отрекся и къ которому я только готовился. Наконецъ, въ послѣднее время, наше чтеніе вмѣстѣ было уже нисколько не для меня: больной и слабый, онъ уже не судилъ и не объяснялъ ничего; онъ оставлялъ меня понимать, какъ я могъ, даже почти не заботился, понимаю ли я. Это я извиняю отъ всей души. Онъ спѣшилъ передумать, припомнить то, что любилъ, и насладиться передъ смертью. Не обращать же было ему въ классъ своихъ послѣднихъ минутъ... Но что изъ этого осталось для меня? Смутное воспоминаніе, чувство, что я былъ близокъ къ замѣчательному человѣку, понятіе, что умъ человѣческій совершилъ много завлекательнаго, смѣлаго, высокаго; но это понятіе такъ неопредѣленно, сбито, принято рано и поспѣшно, что мнѣ нужно много и долго развивать его, чтобъ изъ него вышло что нибудь. А когда и какъ было ему развиться? Со смерти моего покровителя,мое ученье пошло обыкновеннымъ чередомъ; жизнь шла бѣдно, средствъ доучиваться не было, времени тоже... Къ тому же, всѣ мы грѣшны передъ своей душой тѣмъ, что лѣнивы и забывчивы: я забылъ многое, можетъ быть, не воспользовался случаемъ учиться... Впрочемъ, не думаю: этихъ случаевъ сне было. Вы знаете наше житье-бытье. Общество наше — мы сами, а внѣ его немногія, весьма незамѣчательныя знакомства, гдѣ, пожалуй, можно и образоваться, но только совсѣмъ иначе: купцы, приказные. Занятія кромѣ классовъ — кондиціи, куда мы приходимъ и уходимъ молча, чтеніе разрозненныхъ пу-

стяковъ, которые доставляютъ намъ знакомые; развлеченія наши—свадьбы и похороны, гдѣ мы поемъ и насъ угощаютъ, но гдѣ тоже не говорятъ съ нами. Вотъ вамъ жизнь; гдѣ, когда и какъ заняться чѣмъ нибудь лучше и выше?

Я замѣтилъ ему, что, получивъ мѣсто здѣсь, въ деревнѣ, на свободѣ, онъ могъ безпрепятственно заниматься и оканчивать свое образованіе. Онъ засмѣялся, всталъ, нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, что было не совсѣмъ удобно, потому что комната тѣсна и заставлена, наконецъ обратился ко мнѣ.

— Видите ли, сказалъ онъ:—я объ этомъ никогда не хотѣлъ говорить, особенно съ вами. Дѣлать нечего, если пришлось... Тяжело ли вамъ вдругъ переносить отъ высокаго, волнующаго, радующаго вашу душу на вашу обыкновенную жизнь, на вашъ обѣдъ и прочее?.. Знаю, что часто это необходимо; но тяжело ли вамъ? Трудно ли, неловко ли, по крайней мѣрѣ, если вы уже не понимаете, что тяжело?

— Положимъ, неловко, сказалъ я.

— Ну, а я умиралъ отъ тоски надъ азбукой, надъ складами, съ этими безтолковыми мальчишками!.. Вамъ хорошо,—поздравляю васъ... Клянусь вамъ, я не смѣюсь, я вамъ завидую. Но, когда я увидѣлъ, что все, что жило, мыслило во мнѣ, надо было употребить такъ, что изъ древней Эллады я попалъ въ село Слободку,—я пришелъ въ отчаяніе. Природы я не люблю, или ужъ я такъ сотворенъ, что не понимаю ея безъ людей... Грустная вещь такое воспитаніе, какъ мое! Съ одной стороны, строгое, почти суровое, отдѣленное отъ дѣйствительной жизни и толкующее истины, примѣняемыя къ дѣйствительной жизни, оно заставляло меня разбирать всѣ движенія всѣхъ человѣческихъ страстей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердило, что узнавать ихъ не должно и не стоитъ. Въ моихъ классныхъ сочиненіяхъ я самъ повторялъ эти уроки, разбиралъ и осуждалъ страсти, часто не понимая, о чемъ я говорю. Казалось, я назначенъ былъ жить одной мыслью, прикасаясь, но не пріобщаясь земному. Съ другой стороны, раннее свободное чтеніе раскрыло такой широкій кругъ моимъ понятіямъ, что я не зналъ, на чемъ остановиться. Въ классѣ все было отвлеченно, въ чтеніи все положительно; въ немъ являлся мнѣ весь міръ съ его тревогой. Надо было отдаться чему нибудь одному; а я не могъ этого сдѣлать: какъ ученикъ, я былъ обязанъ ходить въ классы, я былъ долженъ читать моему начальнику, для котораго чтеніе было единственнымъ утѣшеніемъ. Впечатлѣнія того и другого были сильны равно—одно какъ разборъ, какъ наука, другое какъ примѣненіе, какъ жизнь... Столкнувшись во мнѣ, они сдѣлали мое несчастіе. Когда я очутился здѣсь, на свободѣ, одинъ, я увидѣлъ, что неспособенъ ни на что. Въ сравненіи съ тѣмъ великимъ назначеніемъ человѣка, какъ я понималъ его, моя должность казалась мнѣ низка и ничтожна; да я и самъ чувствовалъ себя выше ея. Въ сравненіи съ настоящимъ значеніемъ человѣка я самъ ничего не значилъ... Я вздумалъ поправить дѣло, вотъ какъ вы, вздумалъ заниматься, учиться опять, вытащилъ что было тетрадей, книгъ, принялся... Лучше было бы не приниматься!.. Понимаете ли вы, что такое полуученіе, продолжалъ онъ опять, вымѣривъ мою комнату: когда въ классѣ выучатъ васъ одному, а о милліонахъ другого дадутъ только сбитое понятіе, когда ребенкомъ вы начитались того, что не въ пору почувствовать иному взрослому, когда, на бѣду, вы половину забыли, не поняли, или поняли превратно, а помнить, выучить и растолковать некому, некогда, нѣтъ средствъ, нѣтъ времени, наконецъ, къ стыду, нѣтъ охоты; потому что проходитъ и охота, когда вы видите огромность и невозможность труда, и вы развлечены всѣмъ житейскимъ, что только можно придумать, и у васъ остаются только стремленіе, мученіе, жажда, а не сила воли. Вы упрекаете себя въ каждой праздной минутѣ, а не можете себѣ объяснить, какъ употребить ее, что въ нее сдѣлать... Когда же вы превозможете одуряющую лѣнь и мучительное житейское, которое будитъ васъ и расталкиваетъ, если вы забываетесь въ воспоминаніи и созерцаніи, когда вы превозможете это и усядетесь за дѣло, какъ человѣкъ дѣльный, съ молитвой, какъ человѣкъ вѣрующій въ силу вдохновенія, вамъ скуетъ и руки, и голову сознаніе вашего полузнанія, и вы почувствуете, что только могли бы быть чѣмъ нибудь, но что вы — ничто... А тамъ сожалѣнія, что болѣе всѣхъ — людей, судьбы, обстоятельствъ—во всемъ виноваты вы сами!..

Расхаживая по комнатѣ, онъ обернулся ко мнѣ; лицо его оживилось и горѣло.

— Да, продолжалъ онъ:—неужели вы думаете, что, жалуясь такъ, я обвиняю кого нибудь? Сохрани меня Боже! Но это-то и хуже всего. Я знаю, бывали и есть люди: жизнь ихъ тѣснѣе моей, горе у нихъ бывало страшное — у меня вовсе нѣтъ его, слава Богу.

Мнѣ дано образованіе, какъ тысячамъ другихъ, мнѣ было дано мѣсто, которому завидовали многіе бѣдняки; я человѣкъ неважный, а общество не только не обидѣло меня, но возвысило, какъ вы это называете. Оставалось дѣйствовать; но у меня несчастный характеръ, а образованіе еще развило его несчастную сторону. Не знай я ничего, или знай схоластически, акуратно, не больше и не меньше, какъ то, чему учатъ въ классахъ, я былъ бы человѣкъ какъ тѣ, что обыкновенно выходятъ изъ классовъ—человѣкъ опредѣленный. Но вы видѣли, что мое воспитаніе было двойное... оно оставило меня на полпути... Во мнѣ страшная наклонность къ разбору и недовольство собой. Я не могъ подумать, что я учу, когда отдѣляю пылинки отъ крохъ, которыя запали въ мою голову; я не могъ подумать, какъ страшно трачу время безъ пользы для себя и убѣжденный, что нѣтъ пользы другимъ въ томъ, что я для нихъ дѣлаю... Довершать же дѣло для себя, доучиваться, работать—вы знаете, почему и какъ я не могъ. Вы тоже не вѣрите, какъ эта жизнь, молчаливая, заключенная въ себѣ безъ повѣрки убѣжденій, дѣлаетъ лѣнивымъ и неспособнымъ къ труду. У меня часто отпадали руки отъ начатаго... Впрочемъ, хорошо онѣ и дѣлали, что отпадали!

— Почему же? спросилъ я.

— Почему? потому что полуобразованность, полударованіе, полухарактеръ могутъ произвести только полутрудъ, никому и ни на что ненужный.

— А терпѣніе, твердая воля?..

— Терпѣніе, твердая воля! повторилъ онъ.— Знаете ли, на что онѣ нужны? Вовсе не для того, чтобъ бороться съ невозможнымъ, съ самимъ собою, добиваться сдѣлать изъ себя что нибудь, высиживать какое нибудь дѣло. Это твердая воля школьника, а не человѣка. Такъ только обманываешь самого себя, безъ всякой пользы. Настоящее терпѣніе — закрыть глаза, опустить голову и жить, какъ случится. На это я не способенъ: у меня нравъ невыносливый... Настоящая твердая воля — умѣть отказаться отъ мечтаній и самому передѣлать свою участь, практически.

— Какъ же это, напримѣръ? спросилъ я.

— Очень просто, отвѣчалъ онъ, не замѣтивъ, что я спросилъ немного насмѣшливо.—Надо повернуть свою жизнь совершенно въ другую сторону, повернуть круто, переломить ее... сдѣлать какъ я сдѣлалъ. Судьба поставила меня школьнымъ учителемъ — я отказался отъ этого пріятнаго назначенія.

— Если мѣсто вамъ не нравилось, немного нужно было твердой воли оставить его.

— Очень много, увѣряю васъ: надо было оставлять не одни мечтанія. Я не вы. Вы уѣдете отсюда и найдете себѣ другое мѣсто, у васъ есть покровители, есть общество, которое хорошо приметъ васъ; у меня этого ничего нѣтъ. Все это представляли мнѣ мои родные. Вамъ никто не говорилъ и не скажетъ, что вы можете быть въ тягость...

— Что же вы будете дѣлать?

— Жаль, задержалъ меня здѣсь отецъ Аѳанасій. Я уѣду къ моему отцу. Онъ дьячкомъ въ Мордвиновкѣ... знаете? Мои меньшіе братья еще учатся. Который нибудь выйдетъ порядочнымъ человѣкомъ и утѣшитъ отца; а я буду жить съ нимъ и пахать за него. Онъ уже старъ становится.

Я былъ такъ удивленъ, что не могъ выговорить ни слова. Онъ посмотрѣлъ на меня и засмѣялся, но принужденно.

— Что это васъ такъ удивляетъ? Развѣ хуже меня тѣ, которые пашутъ? И не сноснѣе ли, не въ тысячу ли разъ лучше опредѣленная, дѣятельная жизнь крестьянина, нежели та, которую я протянулъ три года? Скучать и спать—удивительное занятіе! Приниматься за дѣло для того, чтобъ бросать его и говорить себѣ: ты ни на что не способенъ, ты не доучился и заумничался, ты вообразилъ, что у тебя есть что-то въ головѣ, а у тебя хорошаго однѣ руки, потому что онѣ сильны и молоды... Такъ въ дѣло ихъ, эти руки!.. Къ тому же, физическая усталость—чудесное лекарство отъ моральныхъ болѣзней. Это я читалъ гдѣ-то. Забудешь о разныхъ системахъ, когда плохъ урожай, станешь дорожить временемъ, потому что каждая его минута—трудъ, а въ трудѣ насущный хлѣбъ.

Онъ говорилъ весело; но мнѣ было тяжело слушать его. Нѣсколько минутъ мы сидѣли молча, глядя другъ на друга. Наконецъ я сказалъ:

— Я не могу подумать о васъ. Что съ вами будетъ?

— Ничего: буду жить, буду здоровъ и еще какъ веселъ!

— Не говорите этого... съ вашими понятіями, съ этой тревогой...

— Пора всему улечься: добра отъ этого немного.

— Уляжется ли?

— Навѣрное. Да я уже и принялъ свои мѣры. Съ того дня, какъ рѣшился, я не открываю ни одной книги и всѣ свои диссертаціи отдалъ ребятишкамъ на змѣи.

— И вы говорите это такъ легко!.. Я знаю, есть люди: живутъ они и веселѣе насъ, люди, которые не думаютъ и не заботятся дальше своего питья и ѣды каждый день; но они родились, они выросли такъ, у нихъ нѣтъ другихъ потребностей, потому что они не знаютъ, могутъ ли быть другія потребности... но вамъ, когда ваша душа узнала больше и проситъ больше...

— Остаться школьнымъ учителемъ? Нѣтъ, ужъ лучше ничего не дѣлать!

— Не грѣхъ ли вамъ, когда у васъ есть силы и средства дѣлать то, къ чему вы назначены? Не грѣхъ ли отнимать у самого себя эти силы, убивать себя морально?

— Это очень громкія слова, только они невѣрны. Я не убиваю себя, а вылечиваю себя отъ помѣшательства, которое, еслибъ развилось, то уже не метафорически, а въ самомъ дѣлѣ свело бы меня съума. Хорошо, что я взялся во-время: изъ меня еще можетъ выйти человѣкъ.

— Къ чему же была ваша жизнь до этого дня?

Онъ долго не отвѣчалъ, смотрѣлъ въ окно, потомъ вдругъ обернулся.

— Къ чему вы все это говорите? вскричалъ онъ:—вы хотите, чтобъ я сказалъ вамъ, какъ мнѣ было горько? Я и безъ того говорилъ много понапрасну!

Съ этимъ словомъ онъ всталъ, схватилъ фуражку и ушелъ, не прощаясь.

Весь этотъ разговоръ сдѣлалъ на меня странное впечатлѣніе. Я не понимаю Колумбова. Есть же люди, у которыхъ особенная способность дѣлать себя несчастными, вопреки судьбѣ и разсудку!

Хотѣлъ заняться своимъ переводомъ, но ужъ поздно. Иду гулять и отдыхать, хотя, признаться, почти ничего не сдѣлалъ въ цѣлый день и отдыхать не отчего. Завтра постараюсь исправиться.

29-го іюня.

Разсвѣтаетъ. Я оставилъ съ вечера окно открытымъ и меня разбудилъ колоколъ. Сегодня праздникъ, въ Покровскомъ благовѣстятъ къ заутрени.

Утро такъ свѣжо и сладко! небо блеститъ чисто и свѣтло, точно хрустальное.

Много и самыхъ разнообразныхъ земныхъ благъ выпрашиваемъ мы у судьбы; истиннаго только одно — тихое, кроткое довольство души, которое приходитъ независимо отъ заботъ житейскихъ, независимо отъ горя. Это мое благо.

Бывало горе и у меня, но я скоро утѣшался. Случалось волноваться, досадовать, но я скоро прощалъ, или, вѣрнѣе, что-то живущее во мнѣ прощало за меня. Бывали обстоятельства, случаи, которые возмущали меня и колебали мои убѣжденія, даже заставляли терять вѣру въ самого себя, но все это ненадолго. Мое кроткое счастье сходило ко мнѣ опять; я примирялся, становился спокоенъ, разбиралъ и обсуживалъ свое положеніе и выходило въ самомъ дѣлѣ, что волноваться было не изъ чего.

Всѣ мои требованія удовлетворены. Тысячу разъ готовъ я повторять, что я счастливъ. Много нужно мнѣ ломать голову, чтобы придумать себѣ недовольство. Конечно, одинъ разъ придумавъ, поддаться ему не трудно, примѣръ недалекъ: мой вчерашній скучный гость. Онъ измучилъ меня, потому что я не могу видѣть чужого горя, будь оно дѣйствительное или воображаемое; я жалѣю о немъ, но оправдывать его, сочувствовать ему не могу. Стыдно изъ гордости портить свою жизнь, а онъ портитъ ее изъ гордости.

Это урокъ для меня. Урокъ—всегда такъ же возвышенно понимать мое настоящее положеніе, какъ я его понимаю, урокъ не слушать Алексѣя Петровича, который насмѣшничаетъ надъ моими эклогами и выставляетъ меня чѣмъ-то способнымъ быть выше другихъ людей. Пусть я мечтатель, я счастливъ.

Вечеромъ.

Сегодня былъ у обѣдни въ Покровскомъ, а оттуда отецъ Аѳанасій довезъ меня въ своей тележкѣ, звалъ къ себѣ обѣдать и объявилъ дорогою, что племянникъ его ѣдетъ сегодня домой, потому что есть попутчики. Колумбовъ не былъ въ церкви. Онъ встрѣтилъ насъ на крылечкѣ дома отца Аѳанасія и просилъ дядю поспѣшить обѣдомъ, потому что его ужъ ждали ѣхать. Столъ былъ накрытъ; насъ было только трое: отецъ-Аѳанасій, Колумбовъ и я, и обѣдъ шелъ почти молча. Колумбовъ былъ какъ будто смущенъ и нетерпѣливъ, раза два заговаривалъ о томъ, что ѣхать ему далеко, дорога дурна и врядъ ли поспѣетъ домой къ вечеру. Отецъ Аѳанасій былъ печаленъ, но скрывалъ это тщательно, хотя неудачно. Когда встали изъ-за стола, онъ еще удержалъ племянника, велѣлъ Маврѣ принесть малины и просилъ

его взять съ собой на дорогу. Мнѣ стало грустно смотрѣть на нихъ; у старика дрожалъ голосъ; Колумбовъ глядѣлъ ему въ глаза, не вымолвивъ ничего, взялъ обѣ его руки и поцѣловалъ ихъ крѣпко, потомъ принялъ отъ Мавры корзинку, покрытую капустнымъ листкомъ, и сталъ прощаться. Тутъ отецъ Аѳанасій не выдержалъ: благословивъ племянника и обнимаясь съ нимъ, онъ сказалъ ему сквозь слезы:

— На что ты ѣдешь? жилъ бы со мной; ты знаешь, я бы тебѣ слова не сказалъ.

Колумбовъ говорилъ только:

— Прощайте, прощайте,—какъ будто не зналъ другого слова.

Онъ поцѣловался съ Маврой, протянулъ мнѣ руку, остановился на порогѣ, какъ будто забылъ что-то, потомъ вышелъ и скоро прошелъ мимо оконъ.

Мы глядѣли на него въ окна, отецъ Аѳанасій въ одно, а я въ другое. Когда мы оглянулись оба, у старика по лицу текли слезы.

— Какъ хотите судите малаго, сказалъ онъ мнѣ: — правъ онъ или виноватъ, а мнѣ его жаль. Господь знаетъ, что у него на душѣ. Твердилъ одно: скучно, да скучно. Есть сердца, конечно, возвышенныя; имъ больше нашего нужно, они и тоскуютъ. Да лучше ли ему тамъ-то будетъ?.. Говорилъ онъ, что для него легче, если займется чѣмъ нибудь настоящимъ. Да вѣдь не за сохой же ходить: не по немъ это занятіе! Погубилъ онъ себя! И что его побудило—не придумаемъ. Еслибъ честолюбіе, ну, онъ бы себѣ почетную какую должность избралъ, а то нѣтъ. Лѣность. Да тамъ дѣла-то побольше, а ученіемъ онъ не тяготился... А погубилъ онъ себя! Хоть бы меня пожалѣлъ, не оставлялъ на старости. Когда-то еще выростутъ мои дѣти, а я его какъ родного сына любилъ...

Мнѣ хотѣлось сказать отцу Аѳанасію: «вашъ племянникъ гордый эгоистъ», да жаль было старика.

30-го іюня.

Забылъ записать вчера, что у обѣдни видѣлъ очень занимательную особу, молодую помѣщицу села Покровскаго. Она стояла въ церкви безъ шляпки, и я могъ хорошо разсмотрѣть ея свѣжее личико, немного полное и круглое; впрочемъ, она вся немного полна и невысока ростомъ; ея щечки точно розовый бархатъ; на одной изъ нихъ прехорошенькое черное пятнышко; ушки, такія же розовыя и безъ серегъ, смотрѣли изъ-подъ спущенныхъ удивительныхъ темно-каштановыхъ волосъ. Въ жизнь мою не видалъ такой косы. На ней было темное кисейное платье. Пріятно видѣть дѣвушку, къ лицу одѣтую. Отецъ Аѳанасій сказалъ мнѣ, что ее зовутъ Марья Павловна Кремнинская, что она живетъ здѣсь одна съ компаньонкой, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, что она только что вышла изъ опеки и нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣхала сюда, вѣроятно, соскучась въ Москвѣ.

10-го іюля.

Десятый день, какъ я не трогалъ этой тетради, за то сколько бумаги я исписалъ въ это время! Цѣлую недѣлю стояли дожди, гулять не было возможности, и я переводилъ съ утра до ночи. Первый томъ оконченъ. Не знаю кому отдать переписать. Хорошо было бы теперь перечитать съ кѣмъ нибудь, понимающимъ дѣло; правда, я перечитываю самъ и свѣряю съ подлинникомъ, но это все не то. Жаль на этотъ разъ, что нѣтъ Колумбова.

Мнѣ отрадно думать, что моя книга явится въ свѣтъ, не изъ самолюбія, конечно — моего имени не будетъ подъ нею— но потому, что это моя дань, моя помощь благородному стремленію ума человѣческаго. Она придетъ неизвѣстно откуда, отъ кого, а я буду тихо счастливъ и доволенъ въ моей глуши. Истинно не понимаю, что за страсть шумѣть въ жизни! Меньше ли пользы, если она не носитъ имени, если она не хвалится сама и не требуетъ, чтобы ее расхваливали? Какъ будто нельзя тихо дѣлать свое дѣло; и если оно ужъ непремѣнно требуетъ гласности, то допускать гласность какъ можно спокойнѣе. Въ тишинѣ столько величія!

Вчера, между двумя проливными дождями, покуда солнце посвѣтило часа два, я ходилъ гулять по выгону, далеко за нашъ рубежъ, къ Покровскому. Нарвалъ себѣ огромный букетъ полевыхъ цвѣтовъ, и моя комната отъ него глядитъ еще веселѣе.

11-го іюля.

Со мной было маленькое приключеніе. Приключенія со мною такъ рѣдки, что надо записать его.

Вчера подъ-вечеръ, кончивъ свои занятія, я ушелъ бродить и взялъ съ собой книгу, тотъ мой любимый романъ, который я перечитываю. Погода была удивительная. Солнце садилось. Моя длинная тѣнь бѣжала по лугу, а надо мной разстилалось безконечное небо и облака сбѣгали къ краямъ горизонта, золотистыя, синія, пурпуровыя. Голова кружилась глядѣть на нихъ стоя, и я сѣлъ надъ

оврагомъ на своемъ любимомъ мѣстѣ. Вдали рѣчка сверкала какъ огненная, а ближе, гдѣ, за берегами, не отражался въ нее закатъ, она была матоваго стекляннаго цвѣта, безъ малѣйшей ряби; ни одна струя не волновалась въ ней; она, казалось, двигалась вся медленно, едва замѣтно, всей своей массой. Я заглядѣлся на нее; Богъ-знаетъ, гдѣ была моя душа. Мнѣ вспомнилось все мое прошедшее, мое одинокое младенчество, годы ученія, милыя и немилыя лица: мнѣ хотѣлось чего-то... Въ первый разъ приходило ко мнѣ это смутное желаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, что оно такое? Въ первый разъ мнѣ хотѣлось больше силы для чувства, больше любви въ себѣ и для себя, но отъ кого, къ кому—не умѣю опредѣлить. Меня звало къ себѣ что-то, и я звалъ къ себѣ чью-то душу, которая летала надо мной, неосязаемая, невидимая; что-то мѣшало намъ соединиться. Мнѣ было грустно, какъ въ минуту разлуки, хоть я еще не знаю, что такое разлука: я испытывалъ ее ребенкомъ; я не знаю, какъ принимаетъ это чувство взрослый, но, должно быть, такъ, какъ принималъ я въ эту минуту. Я не думалъ и не радовался, а мысль и радость всегда сходятъ ко мнѣ, когда я одинъ передъ природой. Я былъ покоенъ; но то было спокойствіе этой печальной, безцвѣтной рѣчки, которая стремилась неизвѣстно куда...

Мое поэтическое настроеніе (должно быть, поэты часто бываютъ такъ настроены) прервалось очень прозаически. Я услышалъ голоса внизу, въ глубинѣ оврага, сталъ всматриваться и увидалъ двухъ дамъ, которыя шли по другому берегу ручья, одна изъ нихъ была помѣщица села Покровскаго; другая, длинная, худая особа—ея компаньонка; провожатаго за ними не было; онѣ казались въ затрудненіи. Осторожно пробираясь по тропинкѣ, компаньонка шла благополучно; молодая дѣвушка споткнулась о корень старой березы и вскричала съ нетерпѣніемъ по-французски.

— Я вамъ говорила, что этому оврагу конца не будетъ!

По зарѣ до меня долетало каждое слово.

— Вотъ нѣсколько шаговъ, сказала компаньонка: — тамъ, кажется, есть дорожка наверхъ!

— Кажется, вамъ все кажется! Я едва могу идти... Откуда явилась у васъ страсть къ уединеннымъ прогулкамъ? Право... сантиментальныя путешествія, а въ нихъ одно удовольствіе: грязь да собаки.

— Ахъ, вотъ дорожка!

— Какое счастье!... Какъ же до нея добраться? прыгать черезъ ручей?

— Постойте, я васъ переведу.

— Такъ переходите же!

Ручей поднялся отъ дождей; въ серединѣ его не было ни камешка, на что бы можно было поставить ногу. Компаньонка оглядывала мѣстность. Я любовался, какъ она попробовала скакнуть разъ-другой. Молодая дѣвушка расхохоталась.

— Надо что нибудь бросить въ ручей, сказала наконецъ измученная наставница.

— Такъ бросайте же скорѣе!

Компаньонка принялась поднимать съ земли толстый сломанный сукъ, но изъ-подъ него выскочила лягушка и произвела общее смятеніе.

— Какъ вы несносны! вскричала дѣвушка:— оставьте меня, я перейду одна.

— Не прыгайте, вы ушибетесь!

Молодая особа готовилась прыгнуть, когда подняла голову и увидѣла меня наверху горы.

— Чего же лучше? какъ же вы не видали? Позовите этого человѣка, чтобъ онъ перевелъ насъ.

— Можно ли это, Марья Павловна? заговорила компаньонка въ испугѣ и по-русски: — почему мы знаемъ, что это за человѣкъ...

— Какое мнѣ дѣло? Я не хочу здѣсь ночевать.

— Ah, mon Dieu, mais c'est le maître d'école!

— Eh bien, vous ferez la chouette... Послушайте, закричала она, махая мнѣ платкомъ: — сойдите сюда и помогите мнѣ перейти.

Я въ минуту исполнилъ ея приказаніе, сбѣжалъ съ горы, поднялъ камень и положилъ его въ ручей. Я имѣлъ удовольствіе видѣть, что хорошенькая помѣщица одобрительно смотрѣла на мою ловкость. Чтобъ помочь ей, я долженъ былъ ступить въ воду; она подала мнѣ свою маленькую ручку въ перчаткѣ и смѣло прыгнула сначала на камень, потомъ на берегъ.

— Que je voudrais vous voir tomber! закричала она компаньонкѣ, когда я оказывалъ ей ту же услугу.

Компаньонка была въ самомъ дѣлѣ уморительна: больше всего затруднялъ ее зонтикъ, мѣшавшій ей подобрать платье и мантилью, которая развѣвалась въ воздухѣ со всѣми своими оборками. Она, однако, перебралась счастливо.

— Помогите мнѣ войти наверхъ, ска-

зала мнѣ Марья Павловна: — я ужасъ какъ устала. Можно будетъ тутъ пройти въ Покровское?

Я объяснилъ ей, что тутъ прямо дорога чрезъ выгонъ. Она оперлась на меня и бѣжала на гору такъ скоро, что нельзя было повѣрить ея усталости. Взойдя, она сѣла и жаловалась, что не можетъ вздохнуть. Я помогалъ подняться компаньонкѣ. Марья Павловна сердилась, что спутница ея идетъ тихо, и твердила, что она нестерпимо-неловка.

— Если идти черезъ поле, спросила она меня: — значитъ, мы выйдемъ не прямо къ моему дому, а въ деревню?

— Точно такъ.

— Ахъ! такъ сдѣлайте одолженіе, проводите меня до дома.

— Mademoiselle Marie!.. начала было компаньонка.

— Я вовсе не хочу, чтобъ меня съѣли собаки. Ужъ темно. Пойдемте. Есть ли у васъ палка?

Я сказалъ, что ей и такъ нечего бояться, поднялъ съ земли оставленную мною книгу и положилъ въ карманъ. Марья Павловна взяла меня подъ-руку и держала ее крѣпко, жалуясь, что въ такой темнотѣ и по такой изрытой дорогѣ какъ разъ можно упасть. Компаньонка шла молча, по временамъ взглядывала на звѣзды и вздыхала. Тогда Марья Павловна говорила ей, что она наводитъ на нее страхъ своими вздохами.

Меня это очень забавляло; этотъ маленькій случай возвратилъ мнѣ самое лучшее расположеніе духа. Я довелъ Марью Павловну до калитки ея сада; она вошла, спутница ея за нею, и обѣ поклонились мнѣ молча. Я тоже откланялся и пошелъ тихо вдоль загородки. Обѣ дамы шли, вѣроятно, дорожкой, лежащей рядомъ съ загородкой и закрытой густыми стрижеными акаціями. Я услышалъ голосъ Марьи Павловны:

— Неужели вы не догадались его пригласить?

— Помилуйте, какъ же можно, какъ же я смѣла?

— Боже мой, вы всегда такъ!..

Я не прошелъ еще сада, когда меня догналъ лакей и передалъ мнѣ приказаніе Марьи Павловны пожаловать къ ней на другой день вечеромъ.

На другой день, то есть сегодня. Рѣшительно не знаю, какъ мнѣ быть. Марья Павловна хороша и привѣтлива, но я въ первый разъ буду гостемъ въ чьей нибудь гостиной. Я буду неловокъ; что мнѣ дѣлать, о чемъ говорить? Но не пойти — неучтиво. Къ тому же, для чего лишать себя удовольствія видѣть прекрасный садъ, прекрасный домъ и прекрасную дѣвушку? Все это заставитъ забыть о своей особѣ и своей неловкости. Самолюбія у меня, къ счастію, немного. Странно, въ самомъ дѣлѣ, что люди, сближаясь съ кѣмъ нибудь, больше думаютъ о впечатлѣніи, которое производятъ, нежели о томъ, которое получаютъ; если они сами некрасивы, то ужъ и все для нихъ некрасиво, непріятно, и чѣмъ дальше можно бѣжать, тѣмъ лучше. Ненавистники общества прежде всего тщеславны.

Въ тотъ же день, вечеромъ.

Меня звали изъ прихоти, которая такъ же скоро прошла у этой своенравной дѣвушки, какъ и пришла къ ней. Марья Павловна приняла меня въ маленькой комнаткѣ, куда я дошелъ чрезъ двѣ прекрасныя залы и гостиную. Отъ множества диванчиковъ, этажерокъ, столовъ и столиковъ, маленькая комната казалась еще меньше. Моя привычка къ тѣснотѣ по необходимости сдѣлала то, что я не былъ неловокъ въ этой модной тѣснотѣ. Пріемъ былъ очень забавенъ. Я раскланялся; Марья Павловна немножко отдѣлилась отъ подушки, къ которой прислонялась, и опять опустила глаза на книгу, которую читала: это значило тоже поклонъ; тотъ и другой были безмолвны. Компаньонка, въ букляхъ, привстала изъ-за пялецъ, поддерживая падавшій шарфъ своими острыми локтями, и поклонилась мнѣ, прошептавъ: «милости просимъ», но такъ тихо, какъ жужжитъ муха. Я сѣлъ, только не у двери, чего, казалось, ожидали эти дамы; молчаніе продолжалось. Марья Павловна взглянула, нахмурясь на свою собесѣдницу, та уловила этотъ взглядъ, оставила пяльцы и подсѣла ко мнѣ.

— Видите ли, сказала она: — когда мы вчера гуляли, такъ васъ встрѣтили; Марья Павловна узнала, что вы учителемъ въ Слободкѣ, то Марья Павловна и приказала вамъ придти. Вы извините, если васъ обезпокоили, потому что до васъ есть необходимость. Марьѣ Павловнѣ угодно, чтобъ и у нея здѣсь школа была, такъ не хотите ли вы перейти сюда...

Марья Павловна бросила книжку на столъ.

— Совсѣмъ не то, сказала она съ нетерпѣніемъ по-французски: — вы ничего не умѣете сказать, Катерина Ивановна! Она обратилась ко мнѣ. — Мнѣ вовсе не нужно, что-

бы вы сюда переходили, а я посылала за вами, чтобъ узнать, какъ это сдѣлать школу, чтобъ мальчики учились. Я не люблю, чтобъ они, запачканные, по улицѣ бѣгали. Въ городахъ мальчики изъ школъ ходятъ въ церковь пѣть; я хочу, чтобъ и у меня пѣли. Скажите, что для этого нужно?

— Помѣщеніе, книги и учитель, отвѣчалъ я лаконически.

— Какое помѣщеніе? дортуары?

Я объяснилъ, что мои ученики только приходятъ, но не живутъ въ школѣ.

— Понимаю, des externes. У меня есть флигель: они будутъ покуда тамъ учиться, а послѣ, нынѣшней зимой, я велю построить новую школу и на ней прибить доску. А книги, вы поѣзжайте въ городъ и купите, или я, лучше, напишу въ Москву. Но какъ же учитель?..

— Вашъ священникъ можетъ заняться, или священникъ села Слободки.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу, чтобъ былъ особенный учитель. У васъ нѣтъ знакомаго?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Товарища вашего, какого нибудь семинариста?

Я объяснилъ, что я учился не въ семинаріи; это, казалось, удивило обѣихъ дамъ. Марія Павловна воскликнула: «Какъ это досадно!» а компаньонка очень вкрадчиво принялась разспрашивать: кто мои родители, гдѣ я воспитывался, служилъ ли, давно ли я здѣсь и почему я здѣсь. Марья Павловна молчала. Узнавъ, что, по моему званію, со мной можно говорить, компаньонка сочла долгомъ занять меня, нашла себѣ родныхъ и знакомыхъ между моими знакомыми и говорила, что бывала особенно хорошо принята у Филипповыхъ, тѣхъ самыхъ, у которыхъ такія негодныя дѣти, мои бывшіе ученики. Конечно, я не сказалъ ни слова о ихъ достоинствахъ, тѣмъ болѣе, что Катерина Ивановна назвала ихъ амурчиками. «Ахъ! теперь помню, я васъ у нихъ видала», заключила она. Не помню, видалъ ли я когда нибудь эту огорченную блѣдножелтую фигуру. Она знала Вареньку и сказала, что видѣла ее эту зиму въ Москвѣ, что она еще похорошѣла и производитъ фуроръ. Какое мнѣ дѣло до Вареньки? она одинъ разъ, и только одинъ разъ заставила забиться мое сердце; я совершенно равнодушенъ къ ея воспоминанію, но мнѣ почему-то было пріятно говорить о хорошенькой дѣвушкѣ въ присутствіи другой хорошенькой дѣвушки. Марья Павловна ужъ не читала больше; она принялась за работу, какую-то длинную полосу канвы, и шила поднося ее къ самымъ глазамъ и набрасывая себѣ нитку на мизинецъ. Наконецъ она бросила и работу, встала, подошла къ отворенному балкону и нѣсколько минутъ стояла спиной къ намъ, глядя на цвѣтникъ, потомъ вдругъ обернулась съ маленькимъ движеніемъ скуки и послала свою компаньонку готовить чай. «Вамъ вѣрно пріятно найти столько общихъ знакомыхъ», сказала она, когда мы остались одни, «впрочемъ, Катеринѣ Ивановнѣ цѣлый свѣтъ знакомъ». Съ этимъ словомъ она вышла на балконъ. «Пойдемте смотрѣть цвѣты», сказала она мнѣ на порогѣ. Я сошелъ вслѣдъ за нею. « Должно быть, эта mademoiselle Barbe была очень хороша, когда еще до сихъ поръ и въ Слободкѣ воспоминаніе о ней не изгладилось?» спросила она, идя впередъ по дорожкѣ. Я былъ такъ глупъ, что не нашелъ сказать ничего лучше, какъ то, что есть воспоминанія неизгладимыя. «Въ самомъ дѣлѣ?» спросила она. Я сдѣлался еще глупѣе, потому что созналъ свою первую глупость, и не отвѣчалъ ничего; впрочемъ, она и не ждала отвѣта. Я глядѣлъ ей вслѣдъ, какъ волновалось ея темное кисейное платье, то самое, которое было на ней въ церкви, какъ отпечатывались на пескѣ ея крошечныя ножки. Разсѣянность сдѣлала меня неловкимъ, но только и было моихъ неловкостей во весь вечеръ. Я подумалъ, что должно поддержать свое достоинство въ глазахъ свѣтской дѣвушки, пошелъ рядомъ съ нею и первый заговорилъ о цвѣтахъ. Она была очень любезна и разговорчива; ея цвѣты прекрасны и она любитъ ихъ, хотя никогда ими не занимается; я замѣтилъ, что они были бы для нея еще дороже, еслибъ она сама ухаживала за ними. «Тотчасъ виденъ наставникъ!» возразила она и засмѣялась. Ея смѣхъ ободрилъ меня продолжать; я высказалъ нѣсколько своихъ убѣжденій съ жаромъ, какъ я всегда ихъ высказываю; я даже осмѣлился сказать, что ея цвѣтникъ мнѣ не нравится, потому что въ немъ слишкомъ много порядка, и растеніямъ оставлено слишкомъ мало свободы, и заключилъ тѣмъ, что больше люблю лѣсъ, нежели садъ, гдѣ все блеститъ, но все одно и то же. Марья Павловна была какъ будто удивлена и не отвѣчала. Я понимаю ея удивленіе: можетъ быть, въ первый разъ при ней не похвалили того, что она любитъ; она даже съ любопытствомъ поглядѣла на меня, но, вѣроятно, ей понравилась моя странная откровенность, или ее убѣдили слова мои, потому что за чаемъ она сказала Катеринѣ

Ивановнѣ, что на этихъ дняхъ онѣ пойдутъ въ лѣсъ непремѣнно. «А вы насъ проводите?» прибавила она, обращаясь ко мнѣ. Мнѣ стало особенно ловко съ этой минуты: я даже очень развязно разговаривалъ потомъ о разныхъ предметахъ, мнѣ совершенно незнакомыхъ, о свѣтскихъ удовольствіяхъ, и однако не думалъ скрывать, что они мнѣ незнакомы, вопервыхъ, потому, что не придаю имъ большой важности, а вовторыхъ, не хочу брать на себя смѣшной роли всезнающаго человѣка, котораго легко однимъ словомъ сбить съ толку. Я очень спокойно просилъ Марью Павловну объяснять то, что̀ казалось мнѣ неясно въ ея разсказахъ, и она исполняла мою просьбу очень добродушно. Я замѣчалъ только, что ея собесѣдница глядѣла на нее съ необычайнымъ изумленіемъ. «Что дѣлать зимой?» сказала, наконецъ, Марья Павловна, припомнивъ, какъ веселилась прошлую зиму. «Я непремѣнно останусь здѣсь, хотя мнѣ придется умереть отъ скуки. Я знаю, что бабушка будетъ звать меня опять къ себѣ въ Москву, но я ни за что̀ не поѣду; не хочу увеличивать собою число придворныхъ моей кузины, княжны Natalie, которую она намѣрена вывозить». Компаньонка одобрительно улыбнулась и сказала, что не можетъ понять, какъ рѣшилась бабушка взять на себя трудъ вывозить княжну Natalie, которая contrefaite, и зная, что Марья Павловна не захочетъ выѣзжать вмѣстѣ съ нею. Марья Павловна прервала ее и обратилась ко мнѣ: «Какую книгу вы читали вчера въ полѣ?» Я назвалъ ей. «Переводъ?» спросила она протяжно и небрежно. «Нѣтъ, оригиналъ».—«Ахъ, какъ я рада», продолжала она, вдругъ заговоривъ по-французски, что, казалось, было для нея несравненно удобнѣе, «вы дадите мнѣ эту книгу, или, еще лучше, принесите ее и прочтите мнѣ вслухъ; Катерина Ивановна читаетъ несносно». Я благословилъ судьбу за то, что не произношу французскаго *u* за *ou* или v, какъ это дѣлаетъ Колумбовъ, и что со мной можно говорить, какъ сказалъ Алексѣй Петровичъ. Разговоръ нашъ пошелъ живѣе; мы перебрали нѣсколько общеизвѣстныхъ романовъ. Марья Павловна судила немного, только о томъ, что касается женщинъ, и то очень осторожно; о томъ, что нѣсколько серьезнѣе, она говоритъ только: «c'est bien beau». Она очень мила и игрива, когда забываетъ немного свою свѣтскую чопорность, а къ ея лицу идетъ своенравіе. Минутами она старалась заставить меня говорить, минутами даже не глядѣла на меня, какъ будто я уже успѣлъ надоѣсть. Мнѣ нужно было много присутствія духа, чтобъ вынести эти минуты и не уйти, но я не могъ отказаться отъ удовольствія смотрѣть на нее. При томъ же, во мнѣ столько гордости, что я не позволю, чтобъ скучали мною, когда я этого не заслуживаю. Разговоръ нашъ былъ немножко страненъ и сбитъ; впрочемъ, какъ же быть ему иначе? Мы совсѣмъ не знаемъ другъ друга, а ей, я думаю, въ первый разъ довелось видѣть такого дикаря, какъ я.

Визитъ мой продолжался часа два. Прощаясь, она повторила мнѣ о книгѣ. Я спросилъ, прикажетъ ли она прислать ей полную программу сельскихъ училищъ и реестръ книгъ, которыя нужны для ея школы; она нахмурилась. «Это рѣшимъ послѣ; прежде прочтемъ тотъ романъ», сказала она.

Завтра вечеромъ отправлюсь читать ей.

18-го іюля.

Спрашиваю себя: что я дѣлалъ эту недѣлю, сегодня изъ дня въ день? Мнѣ стыдно стало, когда я взглянулъ на свой переводъ; вверху бѣлой тетради написано: «Томъ II, глава 1», и ни строки больше. Первый томъ упалъ за шкапъ; я едва могъ найти его. Нѣтъ, я безпощадно, недостойно трачу время!

Даже въ этой тетради ничего не прибавилось; а мнѣ казалось, что я писалъ всякій день... Это потому, что всякій вечеръ я крѣпко думалъ о моемъ прошедшемъ днѣ и онъ вспоминался, воображался мнѣ каждой своей минутой. Они, однако, шли попрежнему...

Дни, а не вечера, я провелъ ихъ всѣ у Марьи Павловны.

Милое, восхитительное, нестерпимое созданіе! Ни одинъ вечеръ не проходилъ безъ того, чтобъ она не наговорила мнѣ непріятностей, не надулась за бездѣлицы, не капризничала, не блажила, какъ балованныя дѣти; но какъ она умѣетъ дѣлать все это! Какъ не простить ей, когда она жалуется, что ей скучно, что ее не понимаютъ... И въ самомъ дѣлѣ, ей ли не скучать здѣсь, ей, прекрасной, умной, блестящей? Кому понимать ее, когда всякое движеніе ея души такъ нѣжно, такъ неуловимо? конечно не этой длинной Катеринѣ Ивановнѣ, которая изъ семи дней въ недѣлю пять больна зубами, а въ остальные едва выговариваетъ по слову...

Какъ ей не капризничать? она привыкла ко всему изящному, а ей служатъ люди, которые, лѣтъ пятнадцать не видавъ своихъ

господъ, стали чуть не мужиками. Ея домъ убранъ богато, но это богатство нашихъ дѣдовъ, богатство безъ удобства, тяжелое, неподвижное, какъ ихъ рѣзныя кресла на высокихъ ножкахъ. Ей скучно среди этой старины; а какъ же ей, ребенку, выразить скуку, какъ не досадой? Да развѣ требованія— капризы? А какъ же не требовать ей, когда она хозяйка?... Боже мой, какъ она мило хозяйничаетъ!...

Катерина Ивановна, эта вѣчная слезокапка, жаловалась мнѣ, что не можетъ угодить ея прихотямъ; но какъ же не быть у нея прихотямъ? Чего не создаетъ ея воображеніе! Кто виноватъ, что она игрива какъ ртуть, какъ лучи? Если одну минуту она вообразитъ себя принцессой, какъ въ арабскихъ сказкахъ, а свой домъ — очарованнымъ дворцомъ, она ли виновата, что ей досадно, когда эта Катерина Ивановна прерываетъ ея сонъ наяву глупыми разсказами, что какая нибудь княжна Natalie — contrefaite, а князь Basile съ женой развелись. Это называется блажить!!... Если она скучаетъ о большомъ свѣтѣ, боится, что ее забудутъ или уже забыли, неужели не простить это свѣтской дѣвушкѣ и осмѣлиться сказать, что она сама виновата, зачѣмъ ей вздумалось уѣхать? Но капризъ ли, что она уѣхала? Ея бабушка, сіятельная, гордая особа, вздумала взять другую внучку и выставлять ее напоказъ, потому что у нея нѣсколько сотенъ душъ больше, нежели у этой. Не оскорбитъ ли это хоть кого? Право, я скажу, какъ говоритъ это милое существо: «тѣмъ хуже для нихъ, если она не съ ними».

Она лѣнива и читаетъ только то, что нравится ея воображенію, испорченному ложными понятіями свѣта. Ея душа не испытала страстей, но сочувствуетъ только самымъ сильнымъ ихъ изображеніямъ. Немудрено. Въ свѣтѣ извѣдывается все понемногу, по каплѣ, и все становится приторно. Серьезно заниматься она не любитъ. Она вышла изъ пансіона, не кончивъ курса и вопреки желанію своего опекуна, объявивъ ему рѣшительно, что не хочетъ учиться. Мнѣ она сказала настоящую причину: она была старшей ученицей; ея классная дама гордилась ею и очень за ней ухаживала; ей это надоѣло, и она вышла до срока нарочно затѣмъ, чтобъ не доставить классной дамѣ удовольствія видѣть, какъ она получитъ награду.— «Je voulais lui faire un champignon», прибавила она.

Какъ не смѣяться такой затѣѣ? Вздыхаетъ одна Катерина Ивановна, когда вообразитъ себя этой классной дамой, и вздыхаетъ за-глаза — ничтожное существо! въ глаза она только хвалитъ.

Со мной она мучительно-измѣнчива: то внимательна и добра, встрѣчаетъ привѣтливо, говоритъ не умолкая, заставляетъ читать себѣ, приглашаетъ провожать въ прогулкахъ; то не замѣчаетъ, тутъ ли я, или, еще хуже, преслѣдуетъ меня колкостями и насмѣшками. Прикажетъ придти, и тутъ же призоветъ управляющаго и толкуетъ о несносномъ тяжебномъ дѣлѣ, которому конца нѣтъ. И такъ цѣлые часы. Я хоть не дѣлецъ, а выучилъ наизусть это дѣло. Вчера, послѣ такихъ толковъ, она вдругъ вздумала обратиться ко мнѣ и спросить моего мнѣнія; я сказалъ, что могъ и, натурально, совралъ. Она отвернулась, не отвѣчая и, обращаясь опять къ управителю, начала читать проповѣдь о томъ, какъ не стыдно молодымъ людямъ тратить время, не знать законовъ своего отечества, какъ смѣшны, какъ ничтожны эти праздные люди. Она оскорбляла меня цѣлый часъ, потомъ отпустила управителя тоже несовсѣмъ учтиво и легла на свой диванчикъ, сказавъ: «Не мѣшайте мнѣ, Катерина Ивановна, я спать хочу»... Я не ушелъ только потому, что не имѣлъ силы уйти, не могъ отвести глазъ отъ ея мягкой ручки съ сапфирнымъ кольцомъ, на которой лежала ея розовая щечка... Я сѣлъ въ уголъ и молчалъ. Катерина Ивановна придвинула лампу къ своимъ пяльцамъ и шила; такъ прошло около часа. Вдругъ Марья Павловна вскочила и вскричала, увидя меня: «А вы еще не ушли! какъ вы хорошо сдѣлали! Катерина Ивановна такъ звенитъ своими иголками, что не даетъ заснуть...»

И неужели не простить ей причудъ, капризовъ, за одно милое слово? А она умѣетъ говорить такія слова и вчера говорила ихъ много...

20-го іюля.

Я жестоко ошибался, когда думалъ, что ученики крестьянскіе мальчики лучше учениковъ другихъ дѣтей. Это рѣшительно одно и то же. Стоитъ дать имъ волю на нѣсколько дней—у нихъ явится и лѣнь, и шалости, и нерадѣніе, а о порядкѣ и не спрашивай. Я какъ-то разсѣянно занимался ими прошлую недѣлю. Вчера вздумалъ спросить уроки, которые задалъ впередъ и еще не спрашивалъ; хоть бы одинъ изъ нихъ зналъ одно слово. Тѣ, которыхъ я какъ-то забывалъ заставлять читать въ прошлые классы, вовсе разучились даже складамъ. Я вчера

только замѣтилъ, что съ доски невозможно отмыть всѣхъ солдатиковъ, которыми исчертилъ ее Василій Дятловъ; когда онъ успѣвалъ этимъ заниматься—не знаю. Этотъ мальчишка воображаетъ себя художникомъ, потому что дядя у него маляръ, и вчера объявилъ мнѣ, что не станетъ больше ходить въ школу, когда здѣсь будутъ церковь расписывать. Великая потеря! Этотъ лѣнивецъ только дурной примѣръ другимъ—больше ничего; я такъ и сказалъ ему...

Кромѣ того, они нанесли огурцовъ и хлѣба, и увѣряютъ, что ужъ давно это дѣлаютъ, а я ни слова не говорю. Они меня изъ терпѣнія вывели.

21-го іюля.

Что за странные люди — поэты, и еще страннѣе дамы-поэтессы! Вздумалось имъ увѣрять, что свѣтская жизнь убиваетъ размышленіе и чувство; что въ свѣтскихъ женщинахъ не ищи ни того, ни другого. Маленькоесредство выказаться самимъ съ своими мал нькими чувствами и прочитать свою моалье! Но спрошу я ихъ: гдѣ же развиться сонанію собственнаго достоинства, понятливостичеловѣческаго значенія, пониманію вещей, тонкой деликатности, игривости ума, нѣжной чувствительности сердца, какъ не въ обра щеніи съ людьми? Не сидя же въ своемъ углу и скрипя перомъ пріобрѣтается все это. «Шумъ свѣта оглушаетъ», говорятъ они. Кто имъ это сказалъ?.. Какое великолѣпное осужденіе, а посмотришь, какъ въ немъ мало смысла!

Я сижу по цѣлымъ часамъ молча въ ея маленькой гостиной. Компаньонка молчитъ и звенитъ ножницами по пяльцамъ; она держитъ предъ глазами тоненькій томикъ французскаго романа, погрузясь въ подушки своего диванчика. Читаетъ ли она—не знаю. Наконецъ она восклицаетъ: «Какъ скучно!» и бросаетъ книжку на столъ, что производитъ всегда стукъ, отъ котораго вздрагиваетъ компаньонка. Молчаніе прерывается всегда такъ, и я жду этой минуты. Мнѣ всегда стыдно, что я ничего не могу сказать ей, когда она обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «что скажете?» Я надумываюсь въ продолженіе молчанія и никогда ничего не выдумываю... Я нестерпимо-неловокъ.

Вечера становятся прохладны, и она можетъ выходить въ садъ безъ шляпки, не боясь, что солнце обожжетъ ея милое личико. Вчера мы долго сидѣли вдвоемъ на газонѣ, которымъ окружена большая клумба цвѣтовъ подъ ея окнами, и вмѣстѣ искали трилистника о четырехъ листочкахъ. Она не нашла, и я не могъ найти; я смотрѣлъ только, какъ ея миньятюрныя ручки перебирали зелень, а вѣтеръ колебалъ розовую креповую ленту у нея на шеѣ. Ей наскучило искать. Она продолжала сидѣть на травѣ, сложивъ руки у себя на колѣняхъ, и разсказала мнѣ, какъ прошлымъ лѣтомъ жила на дачѣ съ бабушкой, какъ было весело. Она и другъ ея, Eglé Тарковская, участвовали во всѣхъ кавалькадахъ; ихъ окружали молодые люди. Она разсказала мнѣ множество анекдотовъ, случаевъ, острыхъ словъ, все изъ ихъ аристократическаго общества. Это очень занимательно. Я слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь не дать себѣ оглянуться на самого себя. Я боялся, что она прерветъ разсказы и, съ обыкновенной своей прихотливостью, спроситъ что нибудь обо мнѣ. Что бы я разсказалъ ей?

Поневолѣ, вопреки разсудку и твердости, которые мнѣ часто приходится призывать на помощь, я спрашиваю себя: какой эпизодъ моей жизни могу я разсказать этой нарядной, капризной, милой бабочкѣ, созданію, для котораго грубо прикосновеніе цвѣтовъ и рѣзко дыханіе вечера. Какая картина моей бѣдной молодости не оттолкнетъ ея своей печалью, пустотой, или неизящной обстановкой?.. Грустно подумать, что жизнь моя прошла такъ незавидно...

Мнѣ тяжело, что и въ настоящемъ я ничто для нея, бѣдное развлеченіе, если еще только развлеченіе, а не лишняя скука... Она рада, что нѣтъ кругомъ никого сосѣдей-помѣщиковъ, «потому что они всегда уроды». Она не терпитъ своего управителя и говоритъ съ нимъ только о дѣлахъ, и то не скрывая скуки. Прошлое воскресенье ей вздумалось позвать къ себѣ отъ обѣдни своего священника и нашего отца Аѳанасія; едва всѣ мы дошли отъ церкви до ея дома, какъ она сказала компаньонкѣ:

— «Примите ихъ, мнѣ что-то нездоровится».—Я это слышалъ. Она промолчала все время, пока сидѣли эти гости; я ушелъ вслѣдъ за ними. Она, казалось, была рада, что уходилъ и я... Вижу, что часто я лишній, и вообще никогда не приношу удовольствія.

А между тѣмъ, когда я ухожу, она приглашаетъ меня приходить скорѣе, говоритъ со мною, вызывая на споры и объясненія,

заставляетъ высказываться, слушаетъ меня такъ внимательно, что мое самолюбіе раздражается до безконечности—и я гордъ, я счастливъ... Бываютъ минуты, что она особенно добра и предупредительна. Я сказалъ однажды, что люблю музыку. Вчера она въ первый разъ открыла рояль, играла и пѣла. Она не музыкантша, голосъ ея не великъ, романсы не замѣчательны, но мнѣ было такъ хорошо ее слушать и смотрѣть на нее! Когда поетъ, она похожа на птичку: маленькая, кругленькая, легкая, съ тѣмъ неуловимымъ движеніемъ головы и шейки, которое такъ неграціозно у другихъ женщинъ и такъ идетъ къ ней... Я все смотрѣлъ на нее, сидя у рояля. Мѣсяцъ свѣтилъ въ растворенный балконъ; съ цвѣтника поднимался запахъ левкоя и ночныхъ красавицъ; вѣтеръ шелестилъ листьями прекраснаго каштана, посаженнаго у самаго окна... Вокругъ насъ было тихо, темно, привѣтно... Она обратилась ко мнѣ и спросила, доволенъ ли я...

Для чего-жъ, если я ей чужой, если я скученъ, бѣденъ, если я неловокъ, не стою вниманія, для чего-жъ она говоритъ со мной такимъ голосомъ, отъ котораго таетъ сердце?

11-го августа.

Мнѣ горько и стыдно передъ собою; меня мучитъ раскаяніе, когда я взгляну вокругъ себя, на мои заброшенныя книги, на мои забытыя занятія, на мою жалкую школу. Когда я посмотрю внутрь себя, мнѣ становится страшно... Я начинаю скучать, я скучаю: меня не удовлетворяетъ, какъ прежде, солнечный закатъ, утренній холодъ, колебанье вѣтокъ въ лѣсу — все, что̀ я люблю еще, на что̀ смотрю, но безъ радости... Я отдаюсь имъ какъ прежде, но не для того, чтобъ наслаждаться. Я говорю имъ: «Возьмите меня, дайте мнѣ забыться, забыть... что̀—я не знаю!.. увлеките меня куда нибудь; я доживаю свою послѣднюю любовь къ вамъ, дайте мнѣ что нибудь другое... Что будетъ со мной, когда я долюблю васъ?..»

Жалкій переводъ, жалкій трудъ, надъ которымъ потрачено столько свѣтлыхъ Божьихъ дней, созданныхъ для наслажденья, для счастья! На что̀ они потрачены?.. Помню, много разъ мѣсяцъ всходилъ и заставалъ меня за письмомъ, свѣтилъ желтыми лучами мнѣ на бумагу, звалъ смотрѣть на себя въ поле. У меня рѣзало въ глазахъ отъ напряженной работы, а я все еще торопился дописать еще строчку и еще строчку... Сумасшествіе!.. Будутъ ли еще такія ночи и такой лунный свѣтъ? будетъ ли еще когда нибудь такъ сумрачно и таинственно въ полѣ, чтобъ терять эти минуты, и сидѣть въ своей каморкѣ и строчить Богъ-вѣсть что̀ на удивленіе потомству?.. А я терялъ эти минуты! Кто мнѣ скажетъ, если судьба еще пошлетъ ихъ, приметъ ли ихъ такъ сладко-томительно грудь моя, какъ тогда принимала? Нѣтъ, нѣтъ!.. Сердце мое разрывается, но говоритъ: нѣтъ!

Мнѣ кажется ничтоженъ мой трудъ; я упрекаю себя, зачѣмъ его дѣлалъ, и жалѣю, что не могу дѣлать больше. Прежде не было травки въ Божьемъ мірѣ, которая не сказала бы мнѣ своего слова — все молчитъ теперь. Что-то стало между мною и моимъ свѣтомъ, чья-то тѣнь легла на все мое существо — и я обезумѣлъ отъ этой темноты, и все милое прежде является въ ней нестройно, дико, мучительно...

Въ классѣ.

Я взялъ эту тетрадь, чтобъ дѣлать что нибудь, покуда мои ученики пишутъ съ прописей и вокругъ меня поутихло. Чтобъ только избавиться отъ складовъ, я рѣшился очинить десятокъ перьевъ, которыя теперь скрипятъ со всѣхъ сторонъ. Все же легче.

Запишу, что было вчера. Впрочемъ, къ чему записывать? Лучше помнить и вѣчно, вѣчно помнить...

Удивляюсь, какъ достало у меня духу начать такой разговоръ. Она спорила со мной за меня, увѣряла, что я не страненъ, не смѣшонъ. Она воскресила мою вѣру въ самого себя, она меня утѣшила! Такъ не просто, отъ нечего дѣлать, она призываетъ меня всякій день: ей весело, ей хорошо со мной... со мной! «Неужели вы думаете», сказала она, «что наше свѣтское общество оставляетъ впечатлѣніе надолго? Тамъ все такъ безжизненно! Сколько разъ мнѣ хотѣлось простой, тихой рѣчи, тихаго чувства!..» Если только она не смѣется надо мною...

Но неужели смѣются, когда такъ смотрятъ, какъ она смотрѣла?.. Нѣтъ, не хочу описывать своего чувства, чтобъ не оскорбить его. Буду повторять себѣ тысячу разъ слова ея, но не напишу ихъ, чтобъ когда нибудь, хотя бы меня ужъ не было на свѣтѣ, не попалась кому нибудь эта тетрадь, чтобы чужой не слѣдилъ, не перетолковывалъ этихъ словъ. Они мои, и нераздѣльно, неотъемлемо мои...

Въ классѣ невозможно ничего дѣлать, ни читать, ни писать; меня сто разъ отрывали. Ефремъ Минаевъ вздумалъ напомнить, что

я обѣщалъ выучить его церковной грамотѣ, чтобъ ему читать божественныя книжки своей бабушкѣ. Непостижимо, откуда явилась такая жажда познанія? Какъ будто у меня такъ много времени, чтобъ его тратить; право, я и такъ дня не вижу.

Что, еслибъ мнѣ дали прожить такъ хоть недѣлю, недѣлю, не больше, какъ я прожилъ вчерашній вечеръ?..

13-го августа.

Рѣшительное слово моей жизни сказано: я люблю. Я осмѣлился взглянуть въ лицо своему чувству и разобрать его. Чудный разборъ!

Я ношу это чувство въ груди моей и горжусь имъ. Моя гордость тиха и спокойна. Я сознаю, что оно такъ велико и свято, что порывы, восторги, слезы только оскорбятъ его. Я живу сознаніемъ, что оно живо и присуще во мнѣ, и въ этомъ сознаніи моя мысль и радость. Не черезъ него гляжу я на остальной міръ: ничто не кажется мнѣ ни лучше, ни краше; ни къ чему не стремлюсь я болѣе прежняго; я не счастливѣе прежняго, но я знаю, что и въ мою душу сошло начало всего прекраснаго, чѣмъ прежде любовались глаза мои, къ чему стремилась душа моя. Я знаю, что я не одинъ: что̀ бы ни случилось со мною, чего бы ни лишила меня судьба, во мнѣ останется эта дополняющая меня вторая жизнь, запавшая ко мнѣ съ неба...

Здѣсь въ тетради недостаетъ многихъ страницъ; онѣ вырваны; оставшіеся неровные лоскутки свидѣтельствуютъ, что они были исписаны всѣ въ этомъ же тонѣ и такъ же мелко, какъ все остальное.

. свою маленькую ручку.

Но что-жъ мнѣ въ этомъ? Я былъ счастливъ, что могъ пожать ея руку, протянутую мнѣ въ первый разъ; но размышленіе, мучительное размышленіе пришло прежде радости: ея было столько же, сколько горя. Весь прежній разговоръ взволновалъ меня ужъ такъ много, что это тихое пожатіе меня не успокоило.

Для чего я такъ твердо помню имена всѣхъ, кто ей нравился, свѣтскихъ любезниковъ, ея поклонниковъ. ея свиты? Будь я живописецъ, я, кажется, нарисовалъ бы ихъ портреты—такъ живо они мнѣ воображаются... а я не имѣю понятія о свѣтскихъ молодыхъ людяхъ и только теперь получаю первое понятіе о свѣтской дѣвушкѣ.

Письмо отъ Алексѣя Петровича; онъ упрекаетъ, что мои письма стали коротки. «Тыересталъ давать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаешь», говорилъ онъ. Удивительное требованіе! Я «мало пишу ему о дѣлѣ»; но что такое мое дѣло? Не самъ или онъ смѣялся, что я микроскопически все разбираю; теперь ему не нравится, что я забываю мелочи. Я не даю себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю!.. Можетъ быть, потому, что не признаюсь ему.

Онъ спрашиваетъ, что мой переводъ. Трудно отвѣтить. Еслибъ, уходя, я не запиралъ на ключъ моей комнаты, то можно было бы подозрѣвать моихъ академиковъ въ похищеніи знаменитой тетради, но теперь должно полагать, что я самъ куда нибудь ее запряталъ. Сентябрь недалеко; профессоръ скоро пріѣдетъ, но я постараюсь съ нимъ не видаться.

Моя школа не сбиралась нѣсколько дней: все праздники. Сегодня утромъ я встрѣтилъ въ полѣ Конона Рыбкина; онъ подошелъ ко мнѣ съ великой радостью. «Дай вамъ Богъ здоровья, Андрей Васильичъ; нашъ повѣренный слышалъ въ городѣ, на почтѣ, что мнѣ похвальный листъ дали; скоро сюда пришлютъ». Извѣстіе, требующее подтвержденія, какъ говорится въ газетахъ; но я не сталъ выводить мальчика изъ заблужденія: заблужденія такъ пріятны! Я хотѣлъ было прочитать ему мораль о прилежаніи, но это показалось мнѣ смѣшно и некстати, и я замѣтилъ только, что утро очень хорошо, хотя и холодно. Онъ чувствовалъ это лучше моего, потому что на немъ не было ничего, кромѣ синей набойчатой рубашки; шляпу, въ видѣ черепенника, онъ снялъ, изъ уваженія ко мнѣ, и вѣтеръ продувалъ его голову. Онъ очень усталъ, потому что сгонялъ лошадей, которыя забрели на покровскій выгонъ. Я хотѣлъ идти своей дорогой, но онъ слѣдовалъ за мной, сбираясь сказать что-то; наконецъ рѣшился. «Что-жъ, Андрей Васильичъ, вы говорили, какъ придутъ вечера подлиннѣе, а мы начнемъ невода вязать, чтобъ намъ приходить къ вамъ въ школу; мы станемъ вязать, а вы хотѣли намъ книжку читать, ту, въ которой о князѣ Владимірѣ написано. Насъ человѣкъ десять такъ порѣшило, чтобъ къ вамъ ходить; ужъ и ниченки готовы; я себѣ славный челнокъ сдѣлалъ, только работай. Вы говорили даже, что и свѣчки вы купите...» Я вспомнилъ, что въ самомъ дѣлѣ предложилъ имъ это занятіе; оно даже записано у меня въ программѣ; но тутъ оно показалось мнѣ такъ странно, несообразно; эти вечернія лекціи

въ аудиторіи, гдѣ вяжутъ невода, представились мнѣ такъ нелѣпы, онѣ должны были отнять у меня столько времени, что я не зналъ, какъ отдѣлаться отъ мальчика. Я сказалъ ему, что подожду и подумаю, что мнѣ покуда некогда. Онъ возразилъ очень наивно: «Да вамъ что же дѣлать по вечерамъ?» Я отвѣчалъ опять, что подумаю. «Да вы поскорѣе подумайте, а то мы, пожалуй, дома начнемъ». Пусть начинаютъ...

Какъ мнѣ тяжело! какъ мнѣ горько! Гдѣ эта «жажда знаній и труда», эта внимательность, которая показывала мнѣ цѣлый живой міръ въ каждой пылинкѣ и привязывала меня къ каждой пылинкѣ!..

Мнѣ все скучно, все немило и жаль всего, что немило; но не могу я возвращаться ни къ чему съ прежней любовью; буду дѣлать какъ дѣлаетъ поденщикъ: лишь бы провести день и получить плату!

3-го сентября.

Четыре дня льютъ дожди; ночи темны; покровскій выгонъ сталъ точно море-океанъ. Выйдти никуда невозможно, да и невесело. Сѣрыя избы, почернѣлыя соломенныя крыши, полуобнаженныя ветлы и ихъ желтые листья, втоптанные въ вязкую грязь, жалкія собаки, прижавшіяся подъ воротами, мокрыя куры у завалинъ и на крылечкахъ— вотъ селеніе. Синевато-сѣрая даль, гдѣ мелькаетъ озимь и краснѣетъ гречиха, топкая дорога, измученныя деревья, избитая трава, тяжелое, блѣдное небо—все это сквозь туманъ чистаго прямого дождя, который даже и не шумитъ, потому что падаетъ на мокрую землю—вотъ поле.

Я все дома; кончаю утромъ классъ, обѣдаю и ложусь спать; сплю я, къ счастью, отлично, часовъ до пяти тамъ читаю что-нибудь и дотягиваю до девяти, когда законно можно опять лечь спать. Прожить такъ мѣсяцъ—одурѣешь.

Еслибъ было возможно подъѣхать къ ея крыльцу на крестьянской телегѣ, я бы поѣхалъ. Можно было бы взять хорошенькую тележку отца Аѳанасія, но я сказался нездоровымъ, чтобъ только не идти къ нему сегодня вечеромъ: такъ какъ же ѣхать въ Покровское?

Мнѣ хотѣлось записать, что я дѣлаю, что говорю у нея; мнѣ хотѣлось описать ее въ каждую минуту; но лучше видѣть ее во снѣ, если ужъ наяву невозможно...

4-го сентября.

Дождь. Я посмотрѣлъ на него на зарѣ, когда проснулся. Видно, ждать и еще ждать... Чего же я жду?

Вопросъ, который является мнѣ въ первый разъ. Въ самомъ дѣлѣ, будь теперь свѣтло, сухо, я пошелъ бы въ Покровское, весь вечеръ сидѣлъ бы у нея, воротился бы при мѣсяцѣ. Но что-жъ изъ этого?

Она усѣлась бы на своемъ диванчикѣ, какъ всегда, шила бы свою нескончаемую сонетку; бѣлый свѣтъ лампы падалъ бы на ея лобъ и волнистые спущенные волосы; я смотрѣлъ бы на нее не сводя глазъ, смущаясь отъ всякаго ея движенія, молча, затрудняясь молчаніемъ и мучась, когда она вызывала бы меня говорить. Она бы завела рѣчь съ своей компаньонкой; опять были бы на сценѣ бабушка и княжна Natalie, удовольствія, въ которыхъ участвовала вся аристократія, кокетливыя дамы, красивые гвардейцы, сплетни высшаго круга, пикировки, непрощаемыя увлеченія, mésalliances, тайны семействъ, тайны свѣтскихъ дѣвушекъ, неловкости, намеки... Опять были бы разсказы о томъ, чего я не видалъ даже во снѣ, недомолвки, воспоминанія, имена, мнѣ незнакомыя, лица, мнѣ чужія... И я измучился бы, какъ всегда, слушая разсказъ, какъ ребенокъ чтеніе волшебной сказки: все проходило бы передо мною—и все было бы не мое...

А тамъ, соскучась болтать, она закинула бы назадъ свою прекрасную головку и смотрѣла бы на кружокъ свѣта, отражающійся отъ лампы на потолкѣ, долго, долго... а я повторялъ бы въ умѣ послѣднее ея слово, которое раздалось за минуту.

Потомъ она бросила бы руку на листы книги, раскрытой предо мною, и сказала бы своимъ дѣтски-нетерпѣливымъ голосомъ: «Вы читаете? какъ это мило! Не лучше ли говорить со мной, когда мнѣ грустно?»

Развѣ ей легче, когда я говорю съ нею? И развѣ ей грустно? Она сейчасъ только перечитала свою блестящую, беззаботную исторію и жалуется, что ей грустно! Отчего? Отъ воспоминанія, отъ сравненія съ настоящимъ?.. Еслибъ она знала, каково не имѣть въ прошедшемъ ничего, съ чѣмъ сравнить настоящее!..

Ей легко, когда я говорю съ нею... Она подстрекаетъ меня и колетъ, когда я выражаю свои сужденія; она смѣется надъ моимъ взглядомъ на вещи; иногда она меня сердитъ и, замѣчая это, смѣется еще больше; но отчего же, подъ конецъ разговора,

она всегда согласна со мною, тиха и кротка, задумчива и забываетъ даже свои причуды? На нее жаль смотрѣть въ эти минуты; я внутренно упрекаю себя за нихъ, за то, что печалю это созданіе, сотворенное для вѣчной радости... Одинъ разъ я осмѣлился попросить у нея прощенія. Она вспылила. «Кто вамъ сказалъ, что вы меня огорчили? Que de suffisanse!..» И она усѣлась за рояль и битые два часа играла вальсъ за вальсомъ, зная, что я не могу ихъ слышать, и останавливаясь только, чтобъ сказать компаньонкѣ: «Катерина Ивановна, помните князя Basile, какъ онъ мило танцуетъ... а Борновскій, флигель-адъютантъ — какъ этотъ вальсъ его напоминаетъ!»

Еслибъ она знала, почему я не могу слышать вальсовъ... но этого она никогда не узнаетъ.

Такъ для чего же мнѣ такъ хочется въ Покровское? что будетъ изъ того, что я тамъ всякій день?..

О, что бы ни было! Закрываю глаза и отдаюсь судьбѣ; что бы ни было, отдаю все, и принимаю все за минуты счастія, которыя мнѣ достаются, за то полное, чистое блаженство, которое живетъ во мнѣ. Будто любятъ для чего нибудь; любятъ для любви.

Послѣдній разъ у нея вечеромъ я читалъ ей то прелестное стихотвореніе Гюго, которое вѣчно у меня въ памяти:

Oh, qui que vous soyez...
Si vous ne connaissez que pour l'entendre dire
Au poëte amoureux qui chante et qui soupire,
Ce suprême bonheur qui fait nos jours dorés,
.
Si jamais une main n'a fait trembler la vôtre...

Я не помнилъ себя, когда читалъ эти строки. Знаю, что мой голосъ дрожалъ, потому что замирало дыханіе. Кончивъ, я взглянулъ на нее. Она сидѣла облокотясь на столъ и, положивъ голову на руку, взглянула на меня и вздохнула. — «Любятъ ли такъ?» спросила она тихо. Невольно, самъ не чувствуя, что я дѣлаю, я протянулъ руку на столъ, она положила въ нее свою... Не знаю, что бы я сказалъ ей, что бы я сдѣлалъ, еслибъ не вошла Катерина Ивановна...

Мнѣ было непріятно, что у нея нашлось присутствіе духа скрыть свое волненіе, что она была разговорчива и добра съ компаньонкой и наконецъ пригласила ее ходить по комнатамъ, обняла за талію и ушла. Я видѣлъ издали, какъ онѣ ходили по заламъ и Марья Павловна шептала что-то, смѣясь безпрестанно.

Я былъ забытъ — это въ порядкѣ вещей. Я всталъ и отправился тоже въ залу, проститься. Катерина Ивановна поклонилась мнѣ очень быстро и полетѣла приказать что-то; на нее находятъ иногда припадки рѣзвости. Марья Павловна тихо сказала мнѣ: «До завтра».

Вечеромъ.

Я, однако, былъ у нея сегодня.

Благословляю капризную погоду моей родины. Въ полдень поднялся вѣтеръ, разорвалъ всѣ облака въ клочья, разнесъ ихъ; солнце выглянуло ярко, весело сѣло, свѣтло, и въ сумерки ударилъ морозъ. Покровскій управляющій пріѣхалъ зачѣмъ-то сюда и зашелъ ко мнѣ. — «Что къ намъ не пожалуете? Марья Павловна приказала сказать, что ей скучно». Онъ и увезъ меня съ собою.

Она была весела какъ ребенокъ, смѣялась и шутила, сердила Катерину Ивановну, дѣлала мнѣ знаки, чтобъ и я участвовалъ въ шуткѣ. Я былъ какъ близкій, какъ дома. Она велѣла затопить каминъ и грѣла свои маленькія ножки, заставляя меня поправлять огонь. За чаемъ, взглянувъ на наши длинныя тѣни, она вздумала снять силуэтъ Катерины Ивановны. Почтенная особа чувствовала, что это весьма невыгодно для ея красоты и отговаривалась, какъ могла, но Марья Павловна заставила ее согласиться, и я обводилъ на листѣ бумаги, приколотомъ къ обоямъ, этотъ удивительный профиль, въ которомъ все угловато. Когда онъ былъ вырѣзанъ, на стѣнѣ отразились двѣ Катерины Ивановны. Она была уморительна въ своемъ отчаяніи и скрытомъ гнѣвѣ и увѣряла съ пріятной улыбкой, что «какъ же Андрею Васильичу снять силуэтъ, они рисованьемъ не занимаются, да это и нисколько не похоже». Посмѣявшись вдоволь, Марья Павловна захотѣла, чтобъ я снялъ и ее. «Держите свѣчу, Катерина Ивановна, да не сдвиньте ее, а то у меня носъ выйдетъ такой же длинный, какъ у васъ... А вы въ самомъ дѣлѣ его немножко прибавили», шепнула она мнѣ, когда я наклонился къ ней. Я смѣялся молча; у меня было легко на душѣ. Она улыбнулась мнѣ мило и плутовски... силуэтъ былъ испорченъ. Я схватилъ его со стѣны и не далъ ей смотрѣть, какъ онъ былъ обезображенъ; мнѣ стало страшно, какъ будто, проведя одну невѣрную черту, я сдѣлалъ дурное дѣло. Я умолялъ ее позволить мнѣ начать опять и не двигаться. «Хорошо, я буду сидѣть сердито». Она мучила меня; у нея до-

стало терпѣнія заставлять меня снимать четыре раза, покуда мнѣ, наконецъ, удалось обвести ея головку. «Вы мнѣ польстили», говорила она, глядя на свою тѣнь, «я вовсе не такая хорошенькая». Компаньока увѣряла, напротивъ, что это Богъ знаетъ кто, дурная, а не Марья Павловна. «Кончено», вскричала Марья Павловна, «вы не умѣете снимать силуэтовъ и, въ наказаніе, я не беру своего у художника!» — «А я даже свой уничтожаю», сказала компаньонка и разорвала его предъ свѣчкой, жеманно растопыривая пальцы, какъ дѣлаютъ тѣ, кто хочетъ пощеголять дурными руками. Я не горевалъ объ этой потерѣ и протянулъ руку за силуэтомъ Марьи Павловны. «Позвольте взять, это моя собственность, собственность художника». Она придерживала его, положа руку, однако, уступила, улыбаясь и глядя мнѣ въ глаза. Я притворился обиженнымъ, потому что былъ счастливъ. Катерина Ивановна была зла и, вѣроятно, желая меня совсѣмъ уничтожить, стала разсказывать, что у генеральши Смолоховской есть воспитанникъ, который чудесно вырѣзываетъ силуэты, что онъ снялъ съ нея и потомъ сдѣлалъ маленькій изъ черной бумажки, удивительно какъ хорошъ и похожъ, и теперь онъ у генеральши, отдѣланъ и виситъ въ голубой рамочкѣ съ цвѣтами, потому что генеральша ей истинный другъ. Ея разсказъ и нашъ смѣхъ были прерваны звономъ колокольчика и движеньемъ въ домѣ. Марья Павловна удивилась не меньше моего. Я пошелъ узнать; меня на порогѣ встрѣтилъ лакей съ докладомъ, что пріѣхала какая-то дама, съ дороги, проѣздомъ. Какъ ее зовутъ, кто она, зачѣмъ — я ничего не разслышалъ. Марья Павловна вскричала: «Ахъ, Боже мой!» и побѣжала встрѣчать. Я взялъ свою фуражку и пошелъ, не успѣвъ проститься. У крыльца стояла карета, запряженная шестеркой ямскихъ лошадей. Кругомъ было столько людей и шума, что я не сталъ разспрашивать, а порадовавшись только, что ночь свѣтла и мѣсячна, побрелъ домой.

Мой веселый часъ прерванъ неожиданно. некстати, но я унесъ съ собой очеркъ ея головки—съ меня довольно. Осень и зима еще велики. Сегодня мнѣ помѣшали, не помѣшаютъ завтра; я возвращусь къ ней—и все пойдетъ попрежнему.

Идти было холодно и трудно по замерзшей грязной дорогѣ. Я остановился на половинѣ пути у большого камня, межеваго признака села Покровскаго и села Слободки; тутъ, возвращаясь отъ нея, я всегда сажусь отдыхать. Я присѣлъ и смотрѣлъ на силуэтъ ея при лунномъ свѣтѣ. Большой кустъ полевой мальфы, котораго розовые цвѣты, бывало, привѣтно глядѣли на меня въ лѣтнія ночи, колыхалъ своими широкими листьями, почернѣлыми отъ мороза; моя тѣнь тянулась по всему выгону; мнѣ хотѣлось, чтобъ мѣсяцъ нарисовалъ и ея тѣнь; я выправлялъ смятую бумагу, но вѣтеръ выбивалъ ее у меня изъ рукъ. Я пошелъ скорѣе домой.

Теперь мѣсяцъ взошелъ въ мое окно и на моей бѣлой стѣнѣ отражается ея тѣнь. Листъ бумаги былъ великъ: на немъ вышла вся ея голова, даже крошечный воротничокъ съ широко распущеннымъ платочкомъ... Теперь она здѣсь, со мной, и никто ее у меня не отниметъ.

Завтра пойду туда, узнаю, что это за пріѣзжая.

5-го сентября.

Заходилъ отъ обѣдни; меня не приняли. Я пошелъ къ управителю, который былъ мнѣ радъ и упрекалъ, что рѣдко жалую. Пріѣзжая, какъ я узналъ отъ него, княгиня Карзанова; она ѣдетъ изъ своего помѣстья въ Москву и, чтобъ повидаться съ Марьей Павловной, сдѣлала большой крюкъ. Съ ней ея сынъ, молодой человѣкъ, служащій гдѣ-то, какъ иногда служатъ нѣкоторыя лица, то есть записанный на службу и гуляющій по бѣлу-свѣту. Они пробудутъ здѣсь нѣсколько дней. Княгиня устала съ дороги и, къ тому же, такъ любитъ Марью Павловну, что не можетъ только взглянуть на нее и тотчасъ разстаться.

9-го сентября.

Я не выдержалъ, я былъ тамъ вчера вечеромъ. Они всѣ собрались въ ея маленькой уютной комнатѣ. Княгиня, полная, бѣлая женщина, сидѣла на ея диванчикѣ и очень внимательно слушала Катерину Ивановну, которая ее занимала. У камина, на моемъ мѣстѣ, подлѣ Марьи Павловны, сидѣлъ князь, маленькій, худой, съ блѣднымъ лицомъ и бѣлокурыми волосами. Онъ поклонился мнѣ вопросительно и, обратясь къ ней, спросилъ: — Qu'est ce que c'est?» Она отвѣчала тихо и, обращаясь ко мнѣ, спросила о погодѣ по-французски. Я понялъ это: теперь при мнѣ не проговорятся. Впрочемъ, у нихъ нѣтъ тайнъ, хотя весь ихъ разговоръ для меня тайна: свѣтскія воспоминанія, свои дѣла. Говорили, какъ весело въ Москвѣ,

какъ скучно въ деревнѣ. Я пробылъ съ полчаса и ушелъ.

Я слышалъ, какъ она объясняла княгинѣ мое присутствіе въ ея домѣ тѣмъ, что намѣрена завести у себя школу. Странно! объ этой школѣ у насъ не было рѣчи съ перваго моего посѣщенія до сегодня.

10-го сентября.

Она ѣдетъ отсюда.

Мнъ сказалъ это управитель; онъ сейчасъ пріѣзжалъ нанимать для нея лошадей у нашихъ извощиковъ. Она ѣдетъ чрезъ три дня.

Княгиня представила ей резоны, что ей неприлично жить одной, что она напрасно тратитъ въ глуши, въ деревнѣ, лучшую пору жизни — молодость; что въ Москвѣ нынѣшняя зима будетъ пріятна удивительно; что безъ Марьи Павловны общество — какъ земля безъ солнца...

Князь сказалъ ей... Что онъ ей сказалъ?.. Управитель говоритъ, что похоже на дѣло: онъ знатенъ, она богата, что вѣрно такъ и будетъ...

Боже мой, что же такъ и будетъ? что она будетъ женой этого крошечнаго человѣка, съ длинными руками и стеклянными глазами?.. Я съума сойду.

Она ѣдетъ. Этого должно было ожидать. Я видѣлъ ихъ вмѣстѣ только одинъ разъ, но довольно и этого... Княгиня прожила свое состояніе: нужно поправиться, доставить сыну возможность сдѣлать хорошую партію... Оттого она и тащилась за двѣсти верстъ по сентябрьской слякоти, въ глушь, за выгодной невѣстой; оттого она и слушала, не зѣвая, эту длинную Катерину Ивановну и оставляла ихъ вдвоемъ... О, я столько наслушался великосвѣтскихъ исторій, что знаю по пальцамъ, какъ дѣлаются эти вещи!

Но она?.. Неужели она не понимаетъ? Или... Господи! Неужели онъ ей нравится?..

12-го сентября.

Она сейчасъ была здѣсь, у меня, сейчасъ вышла, ушла совсѣмъ...

Въ тотъ же день, вечеромъ.

Вотъ исторія нынѣшняго утра. День свѣтлый, чудесный. Имъ вздумалось кататься. Моя школа пришла въ волненіе, увидя прекрасную коляску, которая остановилась передъ окнами. Княгиня явилась первая; мнѣ было слышно, какъ смѣялась Марья Павловна, которую князь взводилъ на крыльцо. «Мы заинтересовались видѣть ваше заведеніе», сказала мнѣ княгиня. «Ахъ, да тутъ все мужики... Это угодно было Марьѣ Павловнѣ, чтобъ мы заѣхали... Mais, Georges, c'est curieux vraiment», продолжала она, обратясь къ сыну. Моя школа не могла воздержаться отъ сдерживаемаго хохота, услыша заморскій языкъ, но и на нее смотрѣли, какъ на заморское диво. Отецъ Аѳанасій увидѣлъ изъ своего окна, что у меня гости, и пришелъ посмотрѣть. Княгиня обратилась къ нему съ своими замѣчаніями, вѣрно догадавшись, что отъ меня не добьется толку; это выражалось на ея физіономіи. Физіономія князя ничего не выражала. Онъ обходилъ лавки, стараясь къ нимъ не прикоснуться, и только Марья Павловна вызвала его говорить. — «Demandez quelque chose à ces garçons». — «Въ самомъ дѣлѣ, Georges», прибавила княгиня: «ты видѣлъ первоначальныя школы за границей; спроси ихъ». Онъ обратился къ Конону Рыбкину... «Сколько у тебя пальцевъ?» — Марья Павловна воспользовалась этимъ, чтобъ отозвать меня къ окну; я подошелъ по ея знаку. — «Я нарочно хотѣла быть здѣсь», заговорила она тихо и скоро: «мой силуэтъ у васъ?» — «Да», отвѣчалъ я. «Отдайте мнѣ его сейчасъ же; я ѣду; это можетъ меня компрометировать». У меня въ глазахъ завертѣлись комната, лавка, посѣтители. Она уже отошла отъ меня и говорила съ княземъ. Я вышелъ къ себѣ въ комнату, взялъ силуэтъ и томикъ романа мучительной исторіи двадцатыхъ годовъ и первой любви, которая раскрыла мою душу для принятія мучительнаго чувства, сложилъ вырѣзку вчетверо, положилъ ее между страницъ и пошелъ опять въ учебную комнату. Я опомнился только на порогѣ, спросилъ себя, что я дѣлаю, но меня схватилъ за сердце страшный холодъ, всякое сознаніе улетѣло, и я, не помня себя, подалъ книгу Марьѣ Павловнѣ. Она взяла ее, улыбаясь; я не видѣлъ, какъ они всѣ вышли...

Ученики глядѣли на меня съ какимъ-то изумленіемъ, а отецъ Аѳанасій спросилъ:

— Видно вы дурно ночь спали?..

Теперь вечеръ. Все прошло. Я опомнился и, слава Богу, на столько владѣю головой, что могъ записать акуратно, какъ все было. Впрочемъ, я хотѣлъ писать акуратно, я хочу помнить все, до послѣдняго слова и движенія...

Но что же это такое? Кто мнѣ скажетъ что со мною было, что будетъ со мной?..

13-го сентября.

Холодно, сыро... Я ушелъ изъ дома, бродилъ по улицѣ, вокругъ недостроенной церкви... Я думалъ, что она ужъ уѣхала. Ходилъ я долго; домой возвращаться незачѣмъ; я присѣлъ на паперть. На небѣ нахмурилось; пошелъ дождь. Предо мной проскакала верхомъ она, за ней князь; они возвращались съ прогулки. Я и не зналъ, что она ѣздила верхомъ. На шляпѣ у нея былъ синій вуаль; вѣтеръ завернулъ его ей около шеи. Она была весела и смѣялась.

Теперь я знаю, что я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Вчера я еще ждалъ чего-то...

20-го сентября.

Правда ли, что я одинъ, одинъ, безъ любимой мысли, безъ занятія, безъ умственнаго труда, безъ желанія? Правда ли, что это я хожу въ своей каморкѣ изъ угла въ уголъ и пробилъ бы стѣны головой, чтобъ бѣжать только? За дверью шумитъ моя неугомонная, безграмотная школа, въ окно брызжетъ дождь, кленъ скрипитъ и бьется, вѣтеръ тянетъ изъ меня душу... Мои книги въ пыли на полкѣ, на полу... хоть бы онѣ скорѣе истлѣли!..

Что дѣлать? день великъ, вечеръ, ночь безконечны. Не могу спать насильно, дорѣзывать свою душу. Она бьется во мнѣ, проситъ, молитъ чего-то... и я не могу ей ничего дать, ничего...

Я ничего не хочу. Мнѣ даже не смѣшно то, что прежде любилъ я, мои занятія, мои предположенія. Они не кажутся мнѣ странны, но мнѣ кажется странно, что они были у меня. Ихъ слѣда не осталось.

Но, какъ я знаю, что я жилъ ими, что, кромѣ дѣтски-восторженной любви къ природѣ, дѣтскаго убѣжденія въ полезности моего существованія и моихъ трудовъ, дѣтскаго стремленія приносить пользу, какъ я знаю, что другого ничего больше во мнѣ не было и, по натурѣ моей, быть не можетъ, то спрашиваю себя, чѣмъ я замѣню все это?

Ничѣмъ. Мнѣ показалась другая жизнь, до того отличная отъ моей, у меня вспыхнули желанія до того яркія, что все поблекло, и ничто не можетъ воскреснуть — я это знаю...

Я люблю этотъ холодный разборъ; онъ удивительно какъ уясняетъ положеніе... и показываетъ мнѣ, что, какъ ни вертись, а изъ него нѣтъ выхода. Утѣшительно думать, что мы разбираемъ себя логично. Но если нѣтъ возврата къ прошлому, что мнѣ дѣлать съ настоящимъ? Вотъ надъ чѣмъ я десятый день ломаю голову...

Бѣдная школа! Стоило не заняться ею мѣсяцъ — и все разстроено. Вмѣсто понятливыхъ дѣтей, начинавшихъ любить ученье, вокругъ меня школьники, которымъ лишь бы кончить. Меня начали не слушаться и не бояться. Грустно; жаль; виноватый — я, но я и не могу не быть виноватымъ. Утѣшаться своимъ дѣломъ я больше не умѣю.

25-го сентября.

У нихъ, въ свѣтѣ, мстятъ за измѣну измѣной; обманываютъ самихъ себя, если обманетъ счастье; обманываютъ другихъ, если сами ошиблись. У нихъ некогда думать днемъ: надо рыскать по̀-свѣту; некогда плакать ночью: надо выспаться къ завтрашнему дню... Со мной не то. У меня въ ушахъ ея голосъ, въ памяти страстные стихи Гюго, а предъ глазами Ефремъ Минаевъ и изорванный букварь. Я, дикарь, рвусь на балъ, гдѣ буду смѣшонъ, а подъ моими окнами вотъ цѣлый часъ завязла въ грязи телега и ее не стащатъ съ мѣста... Пусть холодный резонеръ, мудрецъ Анемподистъ Колумбовъ посовѣтуетъ мнѣ собраться съ твердой волей и повернуть мою жизнь практически... Въ которую сторону?

Онъ, этотъ Колумбовъ, не совладѣлъ съ странной прихотью головы, а у меня болитъ сердце. Онъ все бросилъ; я еще работаю. Неудавшійся міровой геній вѣрно позабылъ теперь за сохой свои планы—и ему горя мало; мысль, какъ она ни упряма, а уйдетъ когда нибудь; чувство, когда оно убито, не воскресаетъ.

И если уже считать непреложнымъ его призваніе, какъ онъ считалъ его, если понимать его тревогу, какъ онъ ее понималъ—не измѣнилъ ли онъ самому себѣ? Пахарь изъ философа—это отступничество. Его твердая воля просто — одна лѣнь.

Я работаю и умру работая. Безъ любви къ ношѣ я буду нести ее... но жизнь ли это?..

2-го октября.

За что она меня оскорбила? чего она боялась? Неужели ей было страшно оставлять въ моихъ рукахъ лоскутъ бумаги, когда она давала мнѣ больше — свою руку? Не потому ли, что это документъ? О, свѣтское созданіе!

Вѣдь этимъ портретомъ она не давала мнѣ никакихъ правъ... Но мнѣ никогда и въ мысль не приходило требовать, даже же-

лать чего нибудь. Развѣ я когда нибудь желалъ ея любви? Мнѣ нужно было только, чтобъ она была тутъ, близко, передо мною!..

Я ее вижу!..

10-го октября.

Зазимье. Снѣгъ и вьюга; по замѣчанію стариковъ, чрезъ шесть недѣль будетъ зимній путь.

Гдѣ она? что она дѣлаетъ въ этотъ долгій вечеръ? Какой свѣтъ окружаетъ ее? какія слова она слышитъ? Уютно ли ей у камина, или она теперь вся въ кружевахъ и цвѣтахъ на балѣ, гдѣ льется для нея музыка, гдѣ для нея много привѣтныхъ улыбокъ, завистливыхъ глазъ? Вспоминаетъ ли она широкій, темный выгонъ, по которому теперь вьется мятель? вспоминаетъ ли она тихую церковь, на которой сейчасъ пробили часы?..

Часы летятъ для нея... пусть летятъ скоро. Для меня они стали.

Я одинъ, какъ всегда. Вьюга шумитъ въ оградѣ сгорѣвшей церкви и воетъ мнѣ въ окно. Въ учебной комнатѣ работница Мавра топитъ печь съ вечера и баюкаетъ на колѣняхъ баловня - ребенка, который реветъ, покуда не дадутъ ему въ каждую руку по яблоку. Она поетъ ему въ утѣшеніе; она сто разъ повторила свою пѣсню, покуда, наконецъ, эти слова напросились и мнѣ въ память и начинаютъ преслѣдовать и меня:

Скрыпу, скрыпу на трехъ ногахъ:
Всѣ по селамъ спятъ, по деревнямъ спятъ,
Одна баба не спитъ, на моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ.. мое мясо варитъ...

Вѣроятно, пѣснь тѣни козла или барана, котораго убили къ празднику. Дикая народная фантазія!

Я, какъ дитя, самъ засну подъ эту пѣсню. Завтра тоже...

II.

9-го ноября 18.. село Слободка.

Берусь за новую тетрадь бумаги, собираюсь опять записывать день за днемъ, что думаю, что со мной происходитъ. Еслибъ теперь я послушался своего внутренняго голоса, внутренняго стыда, можетъ быть, ложнаго, я изорвалъ бы эту тетрадь съ ея начальными строками: она слишкомъ напоминаетъ мнѣ другую, первую, въ которой, помнится, было много мнѣ дорогого, задушевнаго, тетрадь, на которую падали мои слезы и моя усталая голова, тетрадь, писанную въ лучшіе дни, когда и самъ я былъ лучше... Гдѣ она теперь?.. Все равно, гдѣ бы ни была она, я радъ, что она у меня не передъ глазами: слишкомъ многое и слишкомъ живое она бы мнѣ напомнила.

Что-жъ, развѣ не должны мы все помнить? Отчего, какъ дѣти боятся сумерекъ, боимся мы своей прошлой печали? Почему не взглянуть на нее прямо и что-бъ ни было съ нами въ этомъ прошломъ, были ли мы несчастны, обмануты, смѣшны или виноваты, почему не прослѣдить всего? Вынесли же мы эту жизнь, почему не вспомнить ее?

Ложный стыдъ—и больше ничего. Этой тетради я не изорву, не брошу, что-бъ ни послала мнѣ судьба записать въ ней.

Впрочемъ, что пошлетъ судьба? Кажется, я такъ устроился, такъ огражденъ отъ всякихъ столкновеній съ кѣмъ и чѣмъ бы то ни было, что мудрено чему нибудь со мной случиться. Я рѣшительно отказался отъ мѣста учителя въ домѣ, которое предлагалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ. Не знаю, что-бъ ожидало меня тамъ, но вѣрно не та зависимость, которою я вполнѣ пользуюсь теперь. Знаю только, что меня ждало бы тамъ вдвое болѣе отвѣтственности, которая совершенно не въ моемъ характерѣ.

У меня складывается странный характеръ. Чувствую, вспоминая, что годъ назадъ не испугала бы меня никакая отвѣтственность, что самый нѣжный отецъ не могъ бы больше думать и заботиться объ образованіи своихъ дѣтей, какъ я заботился бы о нихъ... Но это было тогда; теперь перемѣнилось многое. Я не скучаю, толкуя безъ усталости, но я не огорчаюсь, если меня не понимаютъ, или даже видимо не хотятъ понять; я не отсчитываю съ горестью въ душѣ тѣхъ дней, въ которые ни на шагъ не подвинулись мои ученики; во мнѣ родается какая-то грустная беззаботность, которая приноситъ мнѣ мысли, начиная съ первой: не сегодня, такъ завтра еще

успѣютъ—и кончая послѣдней: все равно...

Помню, какъ я горько раскаявался въ этихъ мысляхъ, когда онѣ въ первый разъ забрели мнѣ въ голову; помню, какъ я тосковалъ, видя, что онѣ усиливались; но это горе, эта тоска ничего не значатъ въ сравненіи съ рѣдкими минутами сознанія, которыя приходятъ ко мнѣ теперь, когда я вижу, что я сталъ въ самомъ дѣлѣ холоднѣе и хуже. Отъ этого бываютъ со мною минуты отчаянія...

Эгоистически я горюю надъ собой. Но я убѣжденъ, что одно горе только половина исправленія, и стараюсь дополнить другую прилежнымъ занятіемъ, невозмутимымъ терпѣніемъ... Мнѣ жаль только моей прошлой любви... дописываю скорѣе: любви ко всему.

Мой день идетъ какъ всегда. Утромъ классъ, послѣ класса я свободенъ, но дня уже остается немного. Отобѣдавъ, я ухожу бродить, какова бы ни была погода. Ухожу я далеко, въ пустое поле, и возвращаюсь когда совсѣмъ смеркнется. Зажигаю огонь, принимаюсь читать, переводить или дѣлать выписки, или иду сидѣть вечеромъ къ отцу Аѳанасію, и мы разговариваемъ о прошлыхъ урожаяхъ, о постройкѣ нашей церкви или толкуемъ надъ разрозненными газетами. Иногда къ намъ присоединяется покровскій управляющій и всякій разъ разсказываетъ намъ битву подъ Малоярославцемъ... И ему начинаетъ измѣнять память.

Стòитъ ли для этихъ подробностей, для такой безсмысленной жизни приниматься опять за дневникъ?.. Я думалъ, что у меня найдется многое въ мысли, въ дѣйствительности — и вотъ все написано. Бросаю эту тетрадь.

Кто знаетъ, быть можетъ, завтра я обращусь къ ней опять, чтобъ высказаться, потому что мнѣ некому сказать слова!

10-го декабря.

Я заглянулъ въ свою тетрадь, прочелъ двѣ послѣднія строки; онѣ оказались пророческими: я опять принимаюсь за нее сегодня.

Странно, какъ много является у меня потребностей! Мнѣ мало подумать развить въ душѣ своей мысль и любить ее, мнѣ необходимо высказать ее. И еще мало того, что душа моя хочетъ говорить, она ищетъ слова во всемъ, чтò меня окружаетъ. Прежде мнѣ было довольно одного созерцанія и наслажденія. Бывало, взгляну на свѣтлое небо, вдохну свѣжесть утра — и я покоенъ, счастливъ и болѣе ничего не желаю; теперь меня мучитъ тайная мысль, разлитая во всемъ существующемъ. Не одну красоту и жизнь для красоты вижу я, не одна радость дышетъ для меня во всякомъ дыханіи; чѣмъ бы она ни выражалась, шелестомъ вѣтра, щебетаньемъ птицы, которая бьется въ мои стекла, трепетомъ обнаженныхъ вѣтокъ, ожидающихъ возрожденія — нѣтъ, что-то глубокое таится въ этомъ движеніи, въ этихъ звукахъ. Бываютъ минуты, что я готовъ припасть на оцѣпенѣлую землю и спрашивать ее: что такъ сильно, такъ мучительно живетъ въ ней... такъ сильно и мучительно, что мое бѣдное существо не въ состояніи понять этой жизни?

Бывало, я только любовался... Сегодня я вышелъ въ поле. Солнце садилось; небо было вполовину розовое, вполовину голубое, но оба цвѣта сливались и таяли одинъ въ другомъ такъ чудно-безконечно, что въ нихъ тонулъ взглядъ и терялась мысль. Кто-то сравнилъ небо съ огромной опрокинутой чашей; сравненіе невѣрно: тогда была бы тоска, было бы желаніе вырваться изъ-подъ душнаго свода, были бы границы этому своду. Но глаза угадываютъ, что тамъ, за этими видимыми краями, оно должно разстилаться еще просторнѣе, можетъ быть, еще прекраснѣе... Что-жъ тамъ? Зачѣмъ оно не все разостлалось предо мной? Еслибъ я могъ сказать, что безсмертная душа умираетъ, я сказалъ бы, что моя умираетъ въ этомъ стремленіи, въ безконечномъ желаніи подняться къ безконечной высотѣ, гдѣ такъ свѣтло и чисто, гдѣ сказывается какое-то слово, неслышное здѣсь, на землѣ.

Даль синѣла, набѣгали сумерки; селеніе, которое при свѣтѣ дня чернѣло въ сторонѣ отъ дороги, начало сливаться въ полутьмѣ; бѣлыя кровли исчезли въ небѣ; заборы тянулись невѣрными сѣрыми полосами; деревья, отяжелѣвшія отъ инея, казалось, стали еще неподвижнѣе, будто предчувствуя ночь. Прежде я не замѣчалъ этого предчувствія ни въ чемъ неодушевленномъ; теперь я вижу, какъ сонъ и покой набѣгаютъ на всю природу, вмѣстѣ съ тѣнями; теперь я понимаю, отчего тѣнь и темнота наводятъ на ребенка страхъ, а на взрослаго мечтаніе: въ темнотѣ сонъ, а во снѣ грезы... Видимые образы сглаживаются и, неуловимые, какъ сны, передъ глазами пролетаютъ другіе... Они вились въ блесткахъ инея, въ прозрачномъ туманѣ, который застилалъ передо мной дорогу; въ душѣ, какъ прежде, стало

сладко и томительно—отчего, Богъ-знаетъ.. Не оттого ли, что засыпала мысль?..

Все вокругъ меня стало тише и покойнѣе; все было сумрачно, не блестѣлъ даже и снѣгъ пухлый, мягкій, матовый; моя тѣнь не бѣжала больше за мной. Ничто не шелохнулось въ полѣ, ни даже высокія былинки бурьяна, которыя просовывали свои сучковатыя, тонкія вѣтки изъ бѣлыхъ сугробовъ. Надъ селомъ поднялась безчисленная стая галокъ, пролетѣла надо мной, какъ разорванная туча, съ карканьемъ спустилась надъ лѣсомъ, поднялась опять, кружилась по блѣднѣвшему небу, опять каркала, поднялась еще выше и исчезла вся, неизвѣстно гдѣ; только двѣ или три птицы отправились на свой ночной пріютъ, подъ выступы кровли покровской церкви.

Онѣ напомнили, что и мнѣ пора подъ кровлю. Очень не хотѣлось мнѣ возвращаться, однако я шелъ къ селенію. Мой домикъ, тихій и одинокій, глядѣлъ на меня своими тремя окошками; въ одно изъ нихъ привѣтно свѣтилъ яркій огонь затопленной печи. Я старался оживить въ себѣ мысль о довольствѣ и теплѣ, о пріятности вечера, проведеннаго за занимательной книгой или въ мечтаніяхъ, въ полумракѣ; я даже старался припоминать читанныя мною повѣсти и стихи, гдѣ говорится о такихъ мечтаніяхъ, но все напрасно, и предо мной явились эти сѣрыя стѣны, надо мной спустился этотъ низкій потолокъ, прежде нежели я успѣлъ настроить себя на удовольствіе, которое можно найти среди нихъ.

Тогда я взялъ эту тетрадь и пишу.

Странно, въ самомъ дѣлѣ. Спрашиваю себя, хочу ли я чего нибудь? Ничего, никакой перемѣны: я боюсь ея. Минутами мнѣ кажется, что будь вокругъ меня другія стѣны, что нибудь уютное, болѣе удобное, болѣе роскошное — я не зналъ бы, какъ смотрѣть на все это. Но то, что вокругъ меня, часто для меня немило.

Говорю ч а с т о, а не в с е г д а, потому что бываютъ минуты, что я не могу наглядѣться на все, что передо мной: на мою полку съ книгами, на мою бѣдную постель, гдѣ часто засыпалъ я для того, чтобы побѣдить недостойныя слезы, въ которую еще чаще бросался я въ сладостномъ волненіи отъ прожитаго дня, въ восторгѣ отъ всего, что прочувствовалъ въ этотъ день, въ молодомъ и здоровомъ утомленіи, которое доставляла веселая долгая прогулка... Иногда я не могу наглядѣться на свою бѣдность — такъ она мила мнѣ тѣмъ, что въ ней, и именно въ ней сказываются мнѣ силы моей воли, разума, сердца. Кто знаетъ, чѣмъ былъ бы я, еслибъ судьба окружила меня довольствомъ? Я становлюсь гордъ при этой мысли, и моя гордость мнѣ отрадна: я узнаю въ ней Сознаніе. Прежде я былъ только доволенъ своимъ положеніемъ, не понимая, что въ немъ для меня начало нравственнаго блага, что оно-то и дѣлаетъ меня человѣкомъ...

На такія мысли наводитъ меня моя комната; но часто, вотъ какъ теперь, меня томитъ видъ окружающихъ предметовъ; мнѣ мерещатся другіе: вокругъ меня выростаютъ высокія освѣщенныя залы; мнѣ слышатся голоса, звуки, шумъ шаговъ, шелестъ платьевъ... шелестъ е я платья...

Гдѣ она? Почему меня нѣтъ тамъ? Какая выгода быть ч е л о в ѣ к о м ъ и чахнуть въ селѣ Слободкѣ? Или я некрасивѣе, хуже образованъ, чѣмъ всѣ ихъ свѣтскіе угодники? Я видѣлъ образчикъ. Чего недостаетъ мнѣ— ихъ лоска, ихъ j a r g o n, ихъ неумѣнья чувствовать, или стыда что нибудь чувствовать?.. Два-три испытанія — и я пріобрѣлъ бы все это. Двѣ-три встрѣчи, какъ та, которую я вынесъ, не возненавидѣвъ себя и жизни—и во мнѣ нашлось бы довольно наружнаго пренебреженія и внѣшняго достоинства, которыя такъ привлекательны, и я, въ свою очередь, съумѣлъ бы такъ же сыграть свою роль и обмануть, какъ меня обманывали...

Стыжусь самого себя; но эти строки уже написаны. Душа моя дѣлала хуже, когда думала! моя рука не должна каяться, что написала. Къ чему я буду скрываться даже передъ собою? Зачѣмъ я буду обманывать себя, воображая въ себѣ небывалыя достоинства и добродѣтели? Я простилъ, потому что тяжело мнѣ носить въ себѣ злость и дурное чувство. Я и забылъ бы, потому что безъ забвенія вины прощеніе неполно, и даже совсѣмъ не прощеніе; но вспоминаю не я, за меня вспоминаетъ эта тихая комната, свидѣтельница моихъ первыхъ радостей; вспоминаетъ мое сердце, которое болѣзненно вздрагиваетъ и упадаетъ, невольно пробуждаясь, само не зная отчего.

Разсудокъ говоритъ холодно въ такихъ случаяхъ; я не хочу его слушать. Прислушиваюсь все къ тому же голосу сердца, которое говоритъ мнѣ, что все, какъ прежде, свѣтло и прекрасно въ мірѣ, что многое зоветъ меня, что самъ я, любя, могу многое призвать. Но во мнѣ нѣтъ силы для призыва—придетъ ли она?..

15-го декабря.

Я весь день занятъ. Встаю съ огнемъ, читаю и доучиваюсь. Мнѣ самому пріятно взглянуть на свои успѣхи. Моя охота къ поучительнымъ разсказамъ моей школѣ уже прошла, и со всѣмъ тѣмъ мнѣ жаль видѣть, что умныя, понятливыя головы этихъ дѣтей должны остановиться на знаніи одной азбуки. Я не могу оставить ихъ такъ; я обязанъ подвинуть, по возможности, ихъ познанія, и потому, прочтя что нибудь доступное ихъ понятіямъ, или необходимое въ ихъ бытѣ, я дѣлаю выписки и диктую старшимъ въ классѣ. Мнѣ пріятно видѣть иногда, что меня слушаютъ съ любопытствомъ, съ какимъ-то наслажденіемъ: это напоминаетъ мнѣ мое прежнее время.

23-го декабря, вечеромъ.

Наступаютъ праздники. Сегодня я простился съ своими учениками, давъ имъ приличное наставленіе не шалить и не забывать того, что выучили. То и другое несовсѣмъ легко исполнить. Шалить — уже въ природѣ человѣка, которому еще не минуло четырнадцати лѣтъ, а запомнить неписьменные уроки трудно и не крестьянскому мальчику. Дѣлая имъ наставленіе, я, конечно, не думалъ о складахъ и именованныхъ числахъ; забудь они ихъ только, я бы еще помирился. Но мои разсказы, мои объясненія... эта двухнедѣльная вакація покажетъ мнѣ, напрасенъ ли мой трудъ и основательна ли моя метода.

Едва они сошли съ крыльца, какъ явилась Мавра и вступила въ права свои надъ классной комнатой. Я едва могъ убѣдить ее, что моя комната не нуждается въ заботахъ, которыя она расточала этой. Я заключился у себя, слушалъ, какъ она передвигала лавки, столы, пылила, скребла и обметала, и наблюдалъ изъ окна, какъ она отправлялась къ проруби съ ведромъ; но эти путешествія были такъ часты и количество принесенной воды такъ велико, что я сообразилъ, что мнѣ грозитъ участь пловца, застигнутаго приливомъ на скалѣ, откуда нѣтъ спасенія, и что если я не хочу просидѣть цѣлый день, внимая водному шуму, то долженъ спасаться заранѣе. Я собрался, заперъ свою комнату и отправился къ отцу Аѳанасію. Его комната тоже имѣла видъ земли, недавно орошенной обильнымъ дождемъ: но все уже было прибрано и на мѣстѣ; у дверей постлана чистая рогожка, предъ образомъ горѣла лампада, а подъ окномъ качалась клѣтка и въ ней прыгала синица. Клѣтка была для меня новость также какъ и хорошенькое розовое личико мальчика, который любовался на птицу, какъ на свою собственность. Отецъ Аѳанасій вскорѣ явился въ сопровожденіи другого мальчика, нѣсколько побольше, и представилъ мнѣ ихъ обоихъ, какъ своихъ сыновей. Ихъ только что привезъ изъ города нашъ повѣренный, и маленькіе школьники едва переступили порогъ отцовскій, какъ начали пользоваться вакаціей: это доказывала клѣтка и синица. Отецъ Аѳанасій былъ самъ счастливъ, какъ ребенокъ и безпредѣльно ласкалъ и цѣловалъ дѣтей. Эти ласки сдѣлали, что у меня на сердцѣ стало свѣтло и легко. Я вспомнилъ свое дѣтство, своего отца; вспоминать было вмѣстѣ грустно и весело; что-то оживало во мнѣ. Теперь я понялъ, отчего, глядя на молодыхъ, старики молодѣютъ душою.

Отецъ Аѳанасій былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ выказать предо мной познанія своихъ сыновей. Старшій—будущій ученый въ полномъ смыслѣ слова; онъ ужъ задумывается и хмуритъ брови. Цѣлое утро безпокоился онъ о томъ, что въ ухабѣ, гдѣ они оба вылетѣли изъ саней, братъ потерялъ изъ узелка маленькую тетрадку, гдѣ было списано о герундіяхъ и супинахъ. «Теперь этого ужъ ничѣмъ не достанешь», твердилъ онъ сумрачно; «еслибъ еще въ классѣ потеряли, я бы нашелъ, потому что на всѣхъ страницахъ моя фамилія записана». Зная, что ученики семинаріи, сохраняя отцовскую, сами еще избираютъ фамилію по своей фантазіи, я полюбопытствовалъ узнать фамилію маленькаго ученаго. Оказалось, что его зовутъ Пустынскій, потому что село Слободка, гдѣ онъ родился, настоящая пустыня, и потому, что это вполнѣ выражаетъ его желаніе: какъ можно дальше удалиться отъ свѣта, «гдѣ все суета». Меньшой братъ назывался Мелодинъ, потому что поетъ сопрано въ хорѣ.

Они забавляли меня все утро. Отецъ Аѳанасій былъ въ восхищеніи, оттого ли, что, наконецъ, я былъ веселъ, оттого ли, что меня развеселили его дѣти. Онъ звалъ меня къ себѣ непремѣнно на первый день праздника, чтобъ провести его по-семейному.

По-семейному! Но развѣ есть у меня семья? развѣ она была когда нибудь? И что такое— взаимное отношеніе лицъ, составляющихъ семью? Я ничего этого не знаю.

И не узнаю никогда. Живу, умру въ селѣ Слободкѣ, въ своей сторожкѣ, одинъ...

Отчего это столько горечи опять, и разомъ, набѣжало мнѣ въ душу?

25-го декабря, вечеромъ.

Я не ожидалъ сегодня поутру, что вечеромъ мнѣ предстоятъ сборы, а завтра путешествіе: я ѣду въ городъ на нѣсколько дней. Вечеръ еще великъ; запишу какъ все случилось.

При мнѣ пришелъ къ отцу Аѳанасію нашъ повѣренный поздравить съ праздникомъ и, главное, потолковать о дѣлѣ. Наша церковь будетъ кончена лѣтомъ; надо расписывать золотомъ, и лучше, когда пріищешь мастеровъ и рабочихъ заранѣе. Теперь время праздничное и народъ свободенъ отъ работъ; всѣ по домамъ, теперь бы и хлопотать. Отецъ Аѳанасій и я были совершенно согласны. Всѣ хлопоты этой постройки принялъ на себя нашъ повѣренный; но онъ отлично знаетъ толкъ въ одной прочности и — только.

— Какъ же быть? сказалъ отецъ Аѳанасій:—я въ живописи самъ не знатокъ и знакомыхъ у меня нѣтъ.

Повѣренный сталъ просить меня, чтобъ я съѣздилъ въ городъ, посмотрѣлъ на работу одного художника, котораго ему рекомендовали, и если мнѣ понравится, даже условился бы съ нимъ, когда ему пріѣхать въ Слободку.

— Вы за насъ похлопочите, батюшка, и богоугодное дѣло, и ваши тутъ труды будутъ.

Я поѣхалъ бы охотно, но это было рѣшительно не по моимъ средствамъ, и потому я отказывался. Нашъ разговоръ прервалъ неожиданный гость. Къ крылечку отца Аѳанасія подъѣхала щегольская дорожная кибитка тройкой, съ сотней бубенчиковъ, и къ намъ вошелъ высокій, толстый господинъ, закутанный въ шубу. Это Николай Анатоличъ Рановскій, помѣщикъ, знакомый отца Аѳанасія. Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ городъ; но вьюга ужасная и онъ рѣшился лучше подождать до утра, чѣмъ мучить людей и лошадей. «Кибитку мою», говорилъ онъ, «я отошлю на постоялый дворъ, а самъ у васъ посижу до вечера, отецъ Аѳанасій».

Съ перваго взгляда Рановскій мнѣ понравился. Правда, онъ очень шуменъ, его манеры далеко не изящныя, а скорѣе удалыя, какъ манеры всякаго, кто въ свой вѣкъ много погулялъ по свѣту для своего удовольствія, а потомъ засѣлъ въ глуши и развлекался охотой, игрой и т. п., но въ его рѣчахъ проглядываетъ много откровенности, доброты и прямодушія, и невольно прощаешь ему нѣкоторыя рѣзкости. Онъ былъ какъ дома, шутилъ съ дѣтьми, съ самимъ отцомъ Аѳанасіемъ, со мной, не принявъ даже труда познакомиться. Усѣвшись на жесткомъ диванѣ, онъ пилъ чай стаканъ за стаканомъ, и всякій разъ, когда появлялась Мавра, принося или унося эти стаканы, онъ изобрѣталъ ей какое нибудь особенное привѣтствіе, отъ котораго часто смѣялись мы всѣ. Курилъ онъ такъ, что въ комнаткѣ стало темно, и нашъ повѣренный, который все еще стоялъ въ углу, скрылся въ дыму, какъ въ облакахъ. Рановскій какъ-то примѣтилъ его, поздоровался, какъ съ знакомымъ, спросилъ, что̀ у насъ дѣлается, и узналъ о причинѣ его посѣщенія. Толки о церкви возобновились. Рановскій выслушалъ ихъ очень внимательно.

— Умные вы люди, сказалъ онъ, — хлопочете заранѣе. Да что-жъ бы вамъ меня-то спросить? Я кое-что понимаю въ этомъ дѣлѣ.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, сказалъ отецъ Аѳанасій:—сами вы такъ прекрасно рисуете.

— То есть, когда-то рисовалъ; теперь уже все бросилъ, но еще могу посовѣтовать. Лучше того—я вамъ рекомендую живописца. У меня есть въ Москвѣ знакомый; онъ теперь безъ работы; хотите взять его? пишетъ отлично.

Повѣренный долго колебался, наконецъ, рѣшился сказать, что это будетъ дорого стоить. Отецъ Аѳанасій сначала тоже колебался, потомъ поддержалъ его.

— Ну, вотъ, вскричалъ Рановскій, — я такъ и ждалъ. Посудите сами... разсудите вы, — и онъ обратился ко мнѣ: — церковь прекрасная; планъ они достали изъ академіи, стоитъ дорого, — простоитъ лѣтъ сто и побольше—и вдругъ дадутъ ее расписывать какому нибудь маляру! Вотъ у насъ чѣмъ кончается!

Отецъ Аѳанасій и повѣренный остановили его артистическое негодованіе, представивъ ему, что сумма, назначенная на отдѣлку церкви, не такъ велика; что, кромѣ живописи, необходимо еще многое.

— Что? позолота? рѣзьба? убавьте ее. Гдѣ у васъ рисунокъ внутренней отдѣлки?

Отецъ Аѳанасій досталъ бережно скатанный рисунокъ и подалъ ему. Рановскій схватилъ меня за руку, усадилъ на диванъ и, тѣсня меня немилосердно, началъ мнѣ показывать.

— Смотрите сюда! Отецъ Аѳанасій, дайтека еще свѣчку, темно. Смотрите сюда, вотъ.

Къ чему эти орнаменты? Что въ нихъ замысль? Развѣ только то хорошо, что блеститъ? развѣ красота, и особенно красота храма въ золотѣ? Надѣюсь, вы это понимаете. У насъ, право, кажется, это общее мнѣніе, и не въ одномъ этомъ классѣ (онъ указалъ на повѣреннаго), что раззолоти какъ можно больше, хоть гладкую штукатурную стѣну, и все выйдетъ удивительно! Конечно, выйдетъ ярко, есть отчего зажмуриться; но развѣ это богатство, развѣ это изящное? Вразумите ихъ!..

Я замѣтилъ ему, что трудно сдѣлать доступными для крестьянъ эти понятія.

— Нисколько не трудно! это такое прямое, такое простое понятіе! Спросите хоть вотъ его, что ему умилительнѣе видѣть, оклады или изображенія въ этихъ окладахъ? Извѣстно, что онъ вамъ отвѣтитъ, и всякій то же скажетъ. Такъ на основаніи этого и растолкуйте ему, что хорошая живопись необходимѣе позолоты... Нѣтъ, скажите лучше, у насъ некому толковать этого крестьянамъ, потому что мы сами-то рѣдко это понимаемъ.

Онъ, однако, понималъ отлично, потому что принялся съ жаромъ убѣждать повѣреннаго, доказывая ему необходимость взять хорошаго живописца и перемѣнить проектъ внутренней отдѣлки, въ которой въ самомъ дѣлѣ мало вкуса и знанія.

Рановскаго мучило смѣшеніе разныхъ родовъ украшеній, налѣпленныхъ безъ мѣры; объяснить это стоило ему большого труда, и его все-таки не поняли. Отецъ Аѳанасій скромно замѣтилъ, что если отнять ихъ, будетъ бѣдно. Повѣреннаго просто испугала эта мысль.

— Слушайте меня, вскричалъ наконецъ Рановскій: — не захочу же я портить такое дѣло! Дайте мнѣ этотъ рисунокъ, я его пошлю въ Москву и по его размѣру мой знакомый составитъ вамъ другой, и лучше, и дешевле; а что вы назначали за рѣзьбу, то дайте за живопись. Живописца я привезу сюда на свой счетъ, и нужно еще приплатить ему — я заплачу. Идетъ ли?

Ему еще не успѣли отвѣчать, какъ онъ уже перегнулъ вчетверо рисунокъ и спряталъ его въ свой портфель. Впрочемъ, отецъ Аѳанасій и повѣренный были согласны и принялись благодарить.

— Для такой церкви, какъ ваша, продолжалъ Рановскій:—въ академіи образа заказываютъ, не только что берутъ порядочнаго художника... Вотъ вы и избавились отъ поѣздки, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Повѣренный глядѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Впрочемъ, вотъ что, продолжалъ Рановскій:—одного человѣка мало, чтобъ расписать церковь и въ два года. Мой знакомый, конечно, привезетъ съ собой учениковъ, но вамъ все не худо похлопотать,— вашъ бы сталъ работать подъ его надзоромъ. Хотите, поѣдемъ со мной въ городъ, посмотрите, какого вамъ Доминикино рекомендовали.

Отецъ Аѳанасій и повѣренный, которые во всѣхъ этихъ перемѣнахъ скорѣе были заставлены согласиться, нежели сами согласились, были очень рады этому предложенію. На ихъ лицахъ я видѣлъ желаніе, чтобъ я скорѣе его принялъ. Мнѣ самому хотѣлось ѣхать: я чувствовалъ, что мнѣ необходимо хоть на одинъ день вырваться изъ моей обычной жизни, хоть одинъ день думать и дѣйствовать и даже дѣйствовать не для себя... Но мнѣ было совѣстно пользоваться предложеніемъ незнакомаго человѣка. Должно быть, Рановскій это замѣтилъ.

— Вы никакъ церемонитесь? спросилъ онъ:—или вамъ не нравится мое общество?

Я поспѣшилъ увѣрить его, что онъ ошибается и скорѣе принялъ его предложеніе.

— Вы пробудете въ городѣ сколько хотите, сказалъ онъ:—а потомъ возвратитесь на моихъ лошадяхъ, я ихъ отошлю, а самъ останусь тамъ на всѣ святки, а, можетъ быть, и дальше. Если васъ затрудняло какъ воротиться, вы бы мнѣ сказали.

Сознаюсь, что я вовсе не расположенъ къ такой откровенности, я часто удивлялся ей въ другихъ; и если я не стану забавно скрывать свою бѣдность, то и ни за что не стану ее выказывать. Одно, по моему мнѣнію, мелочно, а другое какъ-то неловко, и боюсь всякую минуту, чтобъ оно не сдѣлалось унизительно. Соглашаясь на предложеніе Рановскаго, я разсчитывалъ, что поѣду съ нимъ, а для возвращенія могу нанять для себя сани; но онъ такъ перетолковалъ мою нерѣшительность, что мнѣ было очень непріятно. Съ этой минуты онъ какъ будто сталъ мнѣ меньше нравиться; но когда онъ сказалъ, что радъ товарищу, что ѣхать одному такую даль зимою скука бѣшеная, что онъ взялъ бы своего неизмѣннаго Квакушкина (это прозваніе онъ далъ одному своему бѣдному сосѣду, котораго, вслѣдствіе этого, никто уже не зоветъ иначе, и даже всѣ забыли его настоящую фамилію); но Квакушкинъ свалился съ лошади на охотѣ и теперь лежитъ дома, а жена надъ нимъ

воетъ— всѣ эти подробности показались мнѣ такъ обидны и возмутительны, что я готовъ былъ отказаться отъ путешествія съ этимъ человѣкомъ.

Однако я не отказался. Почему? Не потому, конечно, чтобъ я все еще любовался его откровенными манерами; въ нихъ я уже видѣлъ то, что въ нихъ было въ самомъ дѣлѣ: что онъ не такъ много цѣнилъ другихъ и даже самого себя, чтобъ умолчать о чемъ нибудь. Безъ оцѣнки человѣческаго достоинства, по моему мнѣнію, не можетъ быть истиннаго благородства. Послѣдніе разсказы Рановскаго были такъ не похожи на его первый разговоръ, что онъ являлся въ нихъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и во сколько разъ онъ казался мнѣ ниже того, который привлекъ меня съ перваго взгляда! Это было противорѣчіе, но оно-то и было заманчиво. Сначала меня остановила двойственность моихъ впечатлѣній, и потомъ тянула меня наблюдать дальше. Живость и одушевленіе, съ которыми за минуту предъ тѣмъ онъ говорилъ объ искусствахъ, выказали мнѣ еще сторону его характера, и я рѣшился посмотрѣть на него вблизи. Положено было, что я поѣду съ нимъ на зарѣ завтра.

Я обманываю себя—я это чувствую. Совсѣмъ не такъ много занимаетъ меня Рановскій и хлопоты, которыя на меня возложены. Мнѣ нужна перемѣна мѣста и впечатлѣній; мнѣ всегда казалось, что эта болѣзнь существуетъ только въ воображеніи романистовъ, но вотъ теперь она во мнѣ. и я чувствую, что болѣзненное желаніе, замираніе моего сердца, есть именно желаніе перемѣны неба надо мною... Богъ знаетъ, что это, но во мнѣ тоска, во мнѣ тревога и я не знаю, куда теперь полетѣлъ бы я.

Кто-жъ мнѣ мѣшалъ уѣхать изъ Слободки? Теперь бы я доживалъ послѣдніе мѣсяцы и съ весной былъ бы уже далеко. Сожалѣю, что отказалъ Алексѣю Петровичу такъ рѣшительно.

Но имѣлъ ли бы я силу совсѣмъ уѣхать отсюда? Уѣхать весной, когда въ знакомомъ оврагѣ зашумитъ очнувшійся ручей, расцвѣтутъ незабудки на знакомомъ выгонѣ, одѣнутся акаціи въ покровскомъ саду... Нѣтъ, я умру здѣсь, а не уѣду!

Здѣсь началась моя жизнь, родилось во мнѣ первое чувство, и жизнь моя и чувство лелѣяла эта тихая уединенная природа; въ ней жило все, что жило во мнѣ; мы размѣнивались: она дарила мнѣ свою красоту, я отдавалъ ей мою любовь... Если есть во мнѣ благо—она мнѣ его внушила; если сохранилось оно послѣ моего перваго горя—оно сохранено ею... Здѣсь было мое первое, единственное горе... Если дороги могилы тѣхъ, кого любимъ, какъ не любить мнѣ э т о й могилы?..

Придетъ весна, съ ней тепло и солнце. Оживетъ помертвѣлый кленъ, разольется рѣка у моего домика. Мнѣ будетъ легче. Теперь бѣлая стѣна снѣга, нанесенная трехдневной вьюгой, заслоняетъ отъ меня днемъ свѣтъ Божій, а ночью глядитъ мнѣ въ окно, какъ привидѣніе...

Поздно, гашу свой огонь; съ зарей надо подняться. Завтра мой домикъ совсѣмъ опустѣетъ. Мнѣ какъ-то грустно объ этомъ подумать.

На станціи, 26 декабря, вечеромъ.

Мнѣ пришла мысль, выѣзжая изъ дому, захватить съ собой эту тетрадь; теперь вижу, что я очень хорошо сдѣлалъ. Что бы мнѣ дѣлать съ такимъ длиннымъ вечеромъ.

Мы ѣдемъ съ утра незнакомой мнѣ дорогой, рѣкой; эта дорога много ближе; но все же, останавливаясь днемъ для отдыха и на ночлегъ, мы пріѣдемъ не ранѣе какъ завтра. Я озябъ и мнѣ скучно; вотъ всѣ мои путевыя впечатлѣнія.

Другихъ, впрочемъ, и быть не можетъ. Одинъ ухабъ какъ другой, одна деревня какъ другая, и хоть теперь праздникъ, но кто разсмотритъ, веселѣе ли глядятъ эти деревни изъ-за своихъ сугробовъ. Встрѣчались, правда, намъ лица, которыя очень веселили и утѣшали Рановскаго, но на меня они только наводили тоску, еслибъ уже не навели ее безконечныя бѣлыя поляны, непрерывный звонъ бубенчиковъ и заунывная пѣсня, которую Рановскій приказывалъ пѣть своему кучеру. Онъ слушалъ ее, погрузясь въ подушки и дымя своей трубкой. Когда пѣсня кончилась, Рановскій повторялъ ее самъ, вполголоса, сквозь зубы, то, громче, съ удивительными руладами, повторялъ отрывками: иногда даже просто одно слово, которое онъ твердилъ, твердилъ во всѣхъ падежахъ, какъ ловчѣе приходилось, чтобъ попасть на ноту. Потомъ онъ въ сотый разъ спрашивалъ меня: — «А вы не поете, Андрей Васильичъ?» И на мой отрицательный отвѣтъ всегда возражалъ: — «Молодому человѣку слѣдуетъ пѣть... Вотъ, когда мы стояли въ Августовѣ...» И онъ разсказывалъ мнѣ анекдотъ, пожалуй, и занимательный, но не для меня: не люблю я этихъ анекдотовъ; не умѣю я такъ вести

свою жизнь, и никогда не выучусь. Учиться мнѣ поздно, къ тому же, мнѣ кажется, надо родиться съ способностью, прожить такъ. Рандвскій немного посмѣивался надо мною—я это замѣчалъ, хоть, долженъ отдать справедливость, онъ шутитъ деликатно. Я оставилъ его смѣяться, не обижаясь и не защищая своихъ убѣжденій: это заставило бы меня высказаться, а высказаться передъ нимъ мнѣ не хотѣлось. Я дѣлаюсь разборчивѣе; теперь я могу беречь для себя свои убѣжденія, когда предвижу заранѣе, что ихъ даже не хотятъ понимать. За то, какъ бы мнѣ хотѣлось найти кого нибудь, кто бы ихъ оцѣнилъ и провѣрилъ...

Рандвскій никогда не спитъ въ дорогѣ, потому ему всегда и нужны товарищи; я товарищъ очень незанимательный, и его расположеніе духа выражалось энергической зѣвотой. Но мы оба ничего не могли сдѣлать, чтобъ оживить другъ друга; нѣтъ, кажется, двухъ существъ, менѣе сходныхъ, какъ мы, и поговорка, что крайности сходятся, несовсѣмъ вѣрна: много надо обломать и обтереться этимъ крайностямъ, много надо уступать съ той или другой стороны, чтобъ сойтись; а уступать, не значитъ ли измѣняться? Уступая, измѣняясь, дойдешь до того, что сдѣлаешься другимъ человѣкомъ.., такимъ, какой нуженъ для той сильнѣйшей крайности, которой мы уступали—похожимъ на нее, или принявшимъ хоть половину ея убѣжденій...

Я не сойдусь съ Рандвскимъ, не потому, чтобъ я не хотѣлъ уступить ему, но наши натуры обѣ сотворены такъ, что имъ невозможно перейти одной въ другую: онъ не сдѣлается пустынникомъ, а я весельчакомъ. Его веселость пробуждала во мнѣ странныя мысли. Въ первый разъ я видѣлъ такой характеръ, и эта забывчивость, беззаботность стали мнѣ завидны. Ему за тридцать лѣтъ, мнѣ нѣтъ и двадцати-трехъ: отчего же ему такъ легко живется, а мнѣ нѣтъ?.. Не отъ различія состояній: его счастіе въ немъ самомъ. И во мнѣ живетъ безконечная сила для счастія; но мое счастіе строго, задумчиво; въ моемъ счастіи могутъ быть слезы, если не о себѣ, то о другихъ. Съ него всякое печальное впечатлѣніе слетаетъ и скатывается; онъ говоритъ, что бывало у него горе, но не разбираетъ его, не заглядываетъ ни въ какую глубину, беретъ то, что встрѣчается, судитъ, любитъ и ненавидитъ по наружности—не дальше.

А я? какъ сегодня цѣлый день слѣдилъ я за тѣнями облаковъ на снѣжныхъ полянахъ, такъ въ моей жизни слѣжу я за каждымъ лучомъ, за каждой тѣнью, смотрю, откуда бѣгутъ онѣ, куда уходятъ... Въ моей памяти остается слѣдъ ихъ; сердце помнитъ, когда ему было тепло, когда холодно; оно ведетъ счетъ радости и печали, чтобъ свести полный счетъ жизни; оно цѣнитъ каждую радость и печаль, чтобъ увѣриться, что приняло ихъ какъ сердце существа разумнаго... Ему бываетъ горько, но иногда въ минуту горя его утѣшаетъ сознаніе своей твердости!.. Благо ли это?

Благо!

Пока я писалъ, Рандвскій уходилъ смотрѣть, какъ пируютъ въ сосѣдней избѣ, справляя праздникъ; воротясь, онъ былъ очень веселъ, спросилъ ужинать и угощалъ меня прекрасными дорожными запасами, взятыми изъ дома, но выписанными изъ Москвы. «Не люблю домашнихъ пироговъ», говорилъ онъ, «и эту роскошь я себѣ всегда позволяю; да это даже и не роскошь, а просто потребность». Ему было пріятно, что я дѣлалъ честь его угощенію; онъ много шутилъ и смѣялся, особенно, увидя мою тетрадь, которую я не успѣлъ спрятать.

— Вы, никакъ, записываете свои впечатлѣнія? спросилъ онъ. — А Тарантасъ читали? Книга-то, помните, бѣлая осталась... о, да въ этой уже много написано!

Я сказалъ, что, по привычкѣ, записываю каждый свой день.

— Помилуйте, что вы находите писать въ Слободкѣ? Собака по улицѣ пробѣжитъ—событіе; мальчишка кубарь пуститъ—событіе. Да, я и забылъ, что вы школьный учитель, человѣкъ ученый, вамъ все философія да наблюденія. Ну—за процвѣтаніе вашей школы!

Онъ налилъ мнѣ вина, отъ котораго я рѣшительно отказался, чѣмъ онъ былъ очень недоволенъ.

— Отвѣчайте на мой тостъ, по крайней мѣрѣ... Одному пить скучно.

Однако, ему предстояла эта скука и онъ не думалъ себя отъ нея избавить. Мнѣ было еще скучнѣе сидѣть передъ своимъ стаканомъ, передъ столомъ, съ котораго не былъ убранъ ужинъ, и глядѣть на своего собесѣдника, который, послѣ нѣсколькихъ другихъ тостовъ, становился все молчаливѣе. Наконецъ онъ поглядѣлъ на меня пристально и сказалъ:

— Дайте мнѣ вашъ карандашъ и пожертвуйте чистымъ листкомъ отъ вашихъ мемуаровъ.

Я исполнилъ то и другое. Рандвскій поблагодарилъ меня молча, поблагодарилъ еще,

когда я подвинулъ ему свѣчу и принялся чертить. Я глядѣлъ ему въ лицо: на немъ не промелькнуло никакого выраженія; оно казалось только немного суровѣе отъ сдвинутыхъ бровей, можетъ быть, отъ тѣни, которая закрывала его до половины; рука чертила твердо и свободно. Окружавшій насъ безпорядокъ, тишина, полусвѣтъ заставили меня задуматься; мнѣ мерещились сцены, которыя любитъ описывать Гофманнъ.

Это продолжалось съ полчаса. Рановскій всталъ, сказалъ: «покойной ночи» и бросился на постель, приготовленную для него на лавкѣ.

Я взялъ его рисунокъ. Это былъ очеркъ, лучше котораго мнѣ ничего видѣть не случалось, хотя я видѣлъ много хорошаго, начиная съ оригиналовъ въ нашихъ классахъ. По странной прихоти, мой полусонный товарищъ выбралъ предметомъ рисунка Эдипа и Антигону. Какъ могло ему придти въ голову такое высокое, такое чистое созданіе, какъ Антигона? что общаго между нею и тѣми словами, которыя выговаривалъ онъ за минуту передъ тѣмъ, какъ принялся за свою вдохновенную работу, — словами, которыя мнѣ тяжело было слушать? Откуда залетѣла эта мысль? не сказалось ли въ немъ что-то лучшее, все еще живое въ этой огрубѣлой душѣ, сказалось невольно, когда уже начинали сглаживаться впечатлѣнія видимаго? Или эта душа, вдругъ оглянувшись, вдругъ тоскуя, сознала свои силы, припомнила и выражалась въ удивительномъ очеркѣ, полномъ красоты и чувства, избравъ именно тотъ образъ, потому что въ немъ нѣтъ ничего сходнаго съ образами дѣйствительной жизни, что онъ не напоминаетъ ее ни однимъ оттѣнкомъ?.. Необъяснимая, грустная и вмѣстѣ отрадная прихоть!

Я сохраню этотъ рисунокъ. Судьба безпрестанно обо мнѣ заботится, не о вседневной моей жизни, но о жизни души моей, щадя меня отъ собственной горькой опытности: судьба ставитъ передъ моими глазами примѣры другихъ, учитъ меня и ободряетъ на будущее.

Послѣдній примѣръ ужасенъ; онъ не долженъ пройти безъ пользы... Сколько бы горя, обмановъ, неудачъ, стѣсненій, нужды ни пришлось мнѣ вынести въ жизни, я сохраню сокровище постоянной мысли, постоянной любви къ труду; оно дано мнѣ недаромъ.

Я долго смотрѣлъ на его спящее лицо: оно спокойно и попрежнему безъ выраженія. На немъ не осталось слѣда впечатлѣній прошедшаго дня, ни впечатлѣнія вдохновенной минуты; на немъ незамѣтно присутствія той болѣе высокой жизни, которою живемъ мы во снѣ. Тяжелую грусть навели на меня мои наблюденія. Человѣкъ, уже по существу своему обреченный на высшее, сверхъ того, отмѣченный высокимъ дарованіемъ, усыпилъ (почему не сказать: убилъ?) въ себѣ и чувство, и дарованіе; оно не пробуждается, но вздрагиваетъ въ немъ на минуту, и эти минуты, вспоминаясь потомъ, должны наводить только горе и уныніе... Еслибъ еще онѣ наводили хоть это! Что, если онѣ забываются вполнѣ, безъ сожалѣнія, какъ сонъ?.. Рановскій сказалъ мнѣ, что и сновъ онъ никогда не видитъ...

27-го декабря, въ городѣ.

Мы не ѣхали, а летѣли, и ранѣе пяти часовъ вечера ужъ были здѣсь. Рановскій непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я остановился вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ номерѣ гостиницы; я недолго пробуду у него, потому что послѣзавтра рано утромъ уѣду въ его же кибиткѣ назадъ, въ Слободку.

Едва мы успѣли пріѣхать, какъ Рановскій отправился по гостямъ—у него множество и друзей и знакомыхъ — предоставивъ мнѣ распоряжаться его людьми, его комнатой и моимъ временемъ. Какъ я буду распоряжаться всѣмъ этимъ? Къ кому я пойду, или кого позову къ себѣ? у меня нѣтъ знакомыхъ; были школьные товарищи, но однихъ я потерялъ и слѣдъ, а къ другимъ не пойду возобновлять знакомство. Я предпочелъ сидѣть и смотрѣть на темный городъ и огоньки, которые начали зажигаться по окнамъ. Необыкновенную тишину наводитъ на мою душу эта тишина, этотъ покой, далекое туманное небо и мерцанье огней, тоже туманныхъ и дрожащихъ.

Прежде я любилъ эту тишину за то, что въ ней отдыхали мои утомленныя чувства; безцвѣтный полумракъ былъ легокъ для глазъ усталыхъ отъ напряженнаго вниманія, съ какимъ слѣдили они за всѣмъ, что выказывается въ свѣтѣ; полусонъ и неподвижность всей природы давали отдыхъ мысли, стремившейся вникнуть въ нее. Теперь хотя и отдыхаетъ мое зрѣніе, но мысль дѣлается еще глубже и сильнѣе: она становится упорна и настойчива; она уже не перебѣгаетъ, какъ прежде, отъ одного предмета къ другому, тоскуя о томъ, что не можетъ прослѣдить всѣ, но терпѣливо проходитъ ихъ одинъ за однимъ, оцѣнивая каждый, впол-

нѣ сочувствуя каждому... Изъ высокаго окна второго этажа передо мной разстилается знакомая улица; я различаю дома, гдѣ я бывалъ, и всѣ случаи первыхъ годовъ моей жизни повторяются въ моей памяти, всѣ, до мелкихъ подробностей... Влѣво, за мостомъ, тянутся тѣсные переулки; тамъ, подъ горой, жилъ я два года, и всякій вечеръ проходилъ этотъ мостъ, возвращаясь съ своихъ уроковъ. На углу все тотъ же магазинъ часовщика; въ его свѣтлыя цѣльныя окна заглядывалъ я всякій разъ, чтобъ узнать время... оно мнѣ было дорого; я разсчитывалъ, сколько часовъ отдыха осталось мнѣ до завтрашняго труда, сколько минутъ я могу отдать удовольствію... А удовольствіе состояло въ томъ, что я заходилъ къ какому нибудь товарищу, бѣдняку, какъ я, и мы болтали, мечтали, составляли планы...

Отчего я такъ охотно останавливаюсь на этихъ воспоминаніяхъ? или мнѣ вдругъ стало мило это прошлое, или оно было лучше моего настоящаго? Конечно, нѣтъ. Неужели я существо недовольное? потому что одно недовольство можетъ находить наслажденіе въ воспоминаніи прошлаго горя. Сознаюсь, что я вспоминаю не затѣмъ, чтобъ, какъ прежде, сказать себѣ: теперь я вознагражденъ за все; сознаюсь, что мнѣ почти пріятна боль, которую это воспоминаніе дѣлаетъ моему сердцу; я поддаюсь прелести мученія, хотя знаю, что это очень дурной знакъ, очень дурная привычка, отъ которой надо избавляться въ самомъ началѣ. Значитъ, въ человѣкѣ умираетъ дѣйствительная чувствительность, когда ему надо уже возбуждать ее, настроивать себя, дразнить, ублажать себя, какъ ребенка... Разбираю себя: точно ли это дѣлаю я съ собою? Да, почти, хотя еще несовсѣмъ; но совсѣмъ я себѣ не позволю избаловаться; нѣтъ, кромѣ вздоховъ и туманныхъ мечтаній о прошломъ, у меня есть мое опредѣленное, строгое настоящее, и въ немъ свои радости... Нѣтъ, во мнѣ не умерла надежда и есть у меня будущее, въ которомъ, вѣрю, тоже будутъ свои радости...

И такъ, я полудоволенъ, если не совсѣмъ недоволенъ настоящимъ? Нѣтъ. Я тоскую и волнуюсь, чего прежде, правда, не бывало со мною: но я принимаю свою тоску и волненіе за необходимое слѣдствіе жизни... Говорятъ, чѣмъ дальше въ море, тѣмъ выше волна... Не можетъ же человѣкъ весь вѣкъ прожить ребенкомъ; если бываютъ такіе, значитъ, они или отъ рожденія лишены способности пониманія и приниманія жизни, какова она есть, или сами уничтожили ее въ себѣ изъ трусости, изъ мечтательности, изъ эгоизма. Трусъ закроетъ глаза въ минуту горя, мечтатель проглядитъ ее и не замѣтитъ, блуждая мыслью Богъ знаетъ гдѣ, а эгоистъ не захочетъ себя безпокоить и не дастъ ничему до себя коснуться. Я знаю, что не принадлежу ни къ одному разряду этихъ существъ, и принимаю все, что посылается на мою долю, съ тѣми чувствами, съ какими должно; я не заплачу напрасно, но и не стану напрасно смѣяться, и въ отвѣтъ на удары судьбы ставить юпитеровское спокойствіе... я ему что-то мало довѣряю.

Теперь я вспоминаю потому, что чувствую, что въ моей жизни случилось перепутье; мнѣ нужно оглядываться, и я оглядываюсь. Я перечитываю старые уроки, готовясь получить новые. Много перемѣнился я со времени этихъ первыхъ двухъ уроковъ. Съ горестью замѣчаю иногда, что я сталъ хуже: въ моемъ сочувствіи нѣтъ, какъ прежде, порывовъ; оно сдѣлалось спокойнѣе, хоть сильно какъ прежде. Я сталъ недовѣрчивѣе и не могу, какъ прежде, отдаться душою съ перваго раза. Вотъ уже перемѣна: я не могу ясно опредѣлить себя. Прежде я зналъ всякое движеніе моей души; чувствую, все во мнѣ мѣшается, и я не могу сказать прямо: къ добру или къ худу...

Но какъ опредѣлить это добро или худо? Такъ, какъ они значатъ для человѣка, или чѣмъ они бываютъ для человѣка?.. Благоразумнаго человѣка не обманутъ — вотъ добро; благоразумный человѣкъ холоденъ и подчасъ подозрителенъ — вотъ худо. А это добро и худо происходятъ изъ одного и того же источника...

Какъ же объяснить это, или, вѣрнѣе, какъ соединить свое внутреннее пониманіе съ его внѣшнимъ примѣненіемъ? — не послѣдняя задача.

28-го декабря, въ городѣ, утромъ.

Я всталъ рано и отправился отыскивать нашего художника. День былъ сѣрый и сырой; улицы пусты; высокіе каменные дома глядѣли непривѣтливо; одинъ изъ нихъ, недостроенный, въ лѣсахъ, рисовался темнымъ, непріятнымъ пятномъ на туманной и дымной перспективѣ. Раннія обѣдни еще не кончились; въ церквахъ свѣтились огни. Я дошелъ до переулка, гдѣ было тихо, какъ въ Слободкѣ. На углу его богадѣльня; въ окна ея, заставленныя разной рухлядью, выглянули на меня двѣ-три дрожащія женскія го-

ловы, повязанныя бѣлыми платками; напротивъ домикъ съ завалиной въ пол-окна, потомъ, безконечный заборъ и каменный бѣлый домъ, узкій и длинный какъ башня, съ какой-то истертой надписью на фронтонѣ. За нимъ открывалась небольшая площадь и на ней прекрасная старинная церковь, съ высокой рѣзной колокольней. Церковь стояла на краю горы, обнесенной рѣшеткою; внизу лѣпились домики, какая-то фабрика и далеко тянулось поле, слегка возвышенный берегъ рѣки и на немъ селеніе въ темной сосновой рощѣ. Въ этомъ переулкѣ жилъ мой живописецъ; но было еще рано и мнѣ не хотѣлось, отыскивая его, стучаться изъ дома въ домъ; я рѣшился подождать, покуда выйдутъ изъ церкви, чтобъ разспросить, и разсматривалъ памятникъ, стоявшій недалеко, у самаго края обрыва. Изъ церкви вышелъ маленькій старичокъ и, согнувшись, торопливо бѣжалъ по узенькой и скользкой дорожкѣ, къ домику, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ памятника. Этотъ домикъ съ своими зелеными, маленькими ставнями, хитрымъ стекляннымъ крылечкомъ, низенькой бѣлой трубой, такъ весело глядѣлъ изъза самаго крошечнаго палисадника, что, примѣтивъ его, я подумалъ, что во всемъ городѣ нѣтъ ничего милѣе и уютнѣе. Старичокъ подходилъ ко мнѣ; по его озабоченному лицу и медали на шеѣ, вспомнивъ разсказы Мелодина и Пустынскаго, я узналъ церковнаго старосту этого прихода, страстнаго любителя художествъ, и потому обратился къ нему, прося сказать, гдѣ живетъ здѣсь художникъ.

— Вы ему заказывать хотите? закажите: славно пишетъ; онъ и для нашей церкви работалъ. Вотъ куда ступайте! онъ показалъ мнѣ на бѣлый, длинный домъ: — тамъ, что хотите, найдете.

Послѣднія слова показались мнѣ странны, но вскорѣ я убѣдился, что они были совершенно справедливы. Я вошелъ во дворъ, на которомъ были тѣсно построены флигеля, службы, сараи, все ветхое, подпертое столбами, но все очень затѣйливой архитектуры. Человѣкъ десять пѣвчихъ семинаристовъ сбѣгали съ дрожащей лѣсенки, какъ-топриставленной къ стѣнѣ, вполовину каменной, вполовину деревянной, вверху которой была дверь, низкая, какъ окно. Вѣроятно, это и было прежде окно, обращенное въ дверь ловкимъ разсчетомъ хозяина, придумавшаго устроить еще жилье для помѣщенія новыхъ постояльцевъ. Пѣвчіе очень спѣшили къ поздней обѣднѣ, завертывались въ свои тулупы, и только одинъ изъ нихъ на мой вопросъ о живописцѣ, махнулъ мнѣ тетрадью нотъ, промолвивъ: «здѣсь». Я пошелъ дальше, но въ темныхъ сѣняхъ флигеля мнѣ попались подъ ноги куски алебастра и формы, увязанныя веревками—очевидно, что здѣсь жилъ скульпторъ, а не живописецъ. Скульпторъ встрѣтилъ меня въ самомъ дѣлѣ, предлагая мнѣ свои произведенія и увѣряя, что онъ изъ учениковъ Кампіони и съ нимъ въ Москвѣ работалъ. Изъ другой отворенной двери слышался стукъ токарнаго станка и я разглядѣлъ согнутую фигуру старика-рѣзчика, освѣщенную тусклымъ свѣтомъ, который падалъ на него изъ блѣднѣвшаго окошка; онъ былъ такъ занятъ или глухъ, что не увидѣлъ меня или не разслышалъ моего вопроса. Я вышелъ. Во дворѣ меня встрѣтилъ крошечный мальчикъ, худенькій, какъ воробей, блѣдный, несмотря на то, что ручонки у него всѣ были красны отъ мороза.

— Вамъ папашу надо? спросилъ онъ, услыша, что я спрашиваю: — папаша тамъ живетъ.

Онъ показалъ мнѣ на свѣтелку, высокую, какъ голубятня, у входа которой четыре тоненькіе столба сомнительной прочности поддерживали очень замысловатый фронтонъ. Я пошелъ за своимъ маленькимъ проводникомъ, но еще не все было для меня кончено въ этомъ дворѣ чудесъ: проходя мимо окна, утонувшаго въ завалинѣ, я услышалъ чистые, полные звуки какого-то итальянскаго мотива.

— Это дьячка сынъ на органѣ играетъ, замѣтилъ мой провожатый:—ему дали большой такой органъ, онъ поправилъ, а теперь другой самъ сдѣлалъ; никто его не училъ, а все самъ.

Жилье моего художника стоило не меньше вниманія. Я знаю тѣсную жизнь, но не видалъ еще такой, при такихъ условіяхъ, въ семьѣ, жизнь тѣсную до невозможности порядка; порядкомъ не отличаются и роскошныя мастерскія, а эта была вмѣстѣ и кухня, и спальня трехъ маленькихъ дѣтей, и пріемная—весь домъ, однимъ словомъ. Въ этомъ жильѣ все было старо и все живущее должно было поневолѣ преждевременно старѣться... Мнѣ были рады. Художникъ торопливо выставлялъ передо мной свои работы, ждалъ моего суда или одобренія съ такой тревогой и страхомъ, что мнѣ становилось больно въ душѣ. Жена его выглядывала на меня изъ-за перегородки, наконецъ не вытерпѣла и вышла къ намъ. Я самъ

былъ счастливъ, когда могъ предложить ему работу въ Слободкѣ. Это предложеніе встрѣтили такимъ взглядомъ, что, мнѣ показалось, отъ него посвѣтлѣла эта комната... Я, однако, вздохнулъ свободнѣе, выходя изъ нея. Что-жъ такое эта жизнь, въ которую я могъ принесть надежду, утѣшеніе, довольство? Какъ живучи въ человѣкѣ физическія силы, и сколько моральныхъ силъ должно тратиться въ этой безконечной борьбѣ!.. Но тратятся ли онѣ или, быть можетъ, выростаютъ?—кто это скажетъ?.. Я самъ повторялъ старинныя истины о развитіи силъ въ борьбѣ, но — какова борьба! Хорошо, когда можешь и успѣешь растолковать себѣ, что борешься, что вотъ причина, вотъ какое можетъ быть слѣдствіе, когда размышляешь среди тоски, когда надъ грубой ручной работой носится безсмертная мысль и работа идетъ забываясь въ мысли; а когда нѣтъ ничего этого, когда мысль, забота, надежда, борьба — все въ одномъ словѣ: хлѣбъ насущный? Когда плачутъ дѣти, а жена напоминаетъ: «ты уѣдешь, а кто же за квартиру заплатитъ?..» и больше этого: нѣтъ сознанія, нѣтъ благоговѣнія предъ своимъ трудомъ, нѣтъ восторга любви къ своему искусству, ничего нѣтъ... Что въ этой борьбѣ: развиваются или тратятся душевныя силы?

Вечеромъ.

Я писалъ все это поутру. Ко мнѣ постучался и вошелъ молодой человѣкъ, очень красивый собою и изящно одѣтый; онъ спросилъ Рановскаго. Я сказалъ, что Рановскій уѣхалъ и, вѣроятно, сейчасъ воротится. Онъ отвѣчалъ, что подождетъ и назвалъ себя: его фамилія Ардабьевъ; онъ родственникъ Рановскаго. Мы разговорились, и хотя видѣлись въ первый разъ въ жизни, но сошлись какъ-то. Въ его обращеніи есть что-то чрезвычайно милое, вмѣстѣ простое и изящное, такъ что съ нимъ сближаешься невольно. Я не замѣтилъ, какъ прошло время и возвратился Рановскій, который былъ очень радъ видѣть племянника.

— Такъ ты живешь здѣсь на два дома, Саша? сказалъ онъ ему.—Я ѣхалъ къ тебѣ, меня привезли къ большому дому, вхожу— дамы, твоя мачиха, съ которой я столько времени не видался и надѣялся еще не видаться. Она, однако, такъ была любезна, представила мнѣ своихъ дочерей... Почему ты не живешь съ ними?

— Она пріѣхала сюда на зиму изъ деревни, отвѣчалъ Ардабьевъ: — а я жилъ такъ покойно на своей квартирѣ, что не захотѣлъ переѣзжать; она поняла, что мнѣ одному удобнѣе, и не настаивала.

— Она умная женщина, замѣтилъ Рановскій:—въ этомъ ей нельзя отказать. Что-жъ твои сестры, выѣзжаютъ?

— Нѣтъ, онѣ еще такъ молоды; старшей четырнадцать лѣтъ; но Варвара Петровна хотѣла имъ немного показать общество: здѣсь на святкахъ будутъ концерты, домашніе вечера...

— Она мнѣ толковала, я цѣлый часъ слушалъ. Ты что-жъ дѣлаешь?

— Все то же, отвѣчалъ Ардабьевъ, какъ мнѣ показалось немного съ нетерпѣніемъ:— служу, занимаюсь, веселюсь.

— Средства все тѣ же?

— Вы знаете, что другихъ я не захочу.

— А здоровье какъ?

— Попрежнему.

— Ты похудѣлъ, ни на что не похоже; какой молодецъ былъ!.. Твоя мачиха нанимаетъ чудесный домъ. На лѣто она опять въ деревню?

— Да, но ей хочется купить другую.

— А та-то что же?

— Домъ тѣсенъ.

Рановскій расхохотался.

— А затѣй много?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ардабьевъ, наклоняясь, какъ будто искалъ чего на полу: — но у нея двѣ дочери, гувернантка, она сама...

Я замѣтилъ, что былъ лишнимъ и что имъ хотѣлось переговорить, а потому взялъ свою фуражку и всталъ проститься. Рановскій спросилъ, куда я ухожу, и напомнилъ мнѣ, чтобъ я возвращался къ обѣду.

— Ждемъ васъ, сказалъ онъ.—Ты у меня обѣдаешь, Саша?

— Очень радъ.

— Меня звала твоя мачиха, да я отказался: съ ней все церемоніи; мы лучше пообѣдаемъ тутъ, en trois, и я тебя познакомлю съ юнымъ мудрецомъ; тебѣ же кстати.

Я ушелъ бродить по городу, хоть никогда не находилъ въ этомъ удовольствія; впрочемъ, я никогда и не бродилъ безъ цѣли. Теперь я замѣтилъ только, что городъ, котораго я не видалъ около года, какъ будто постарѣлъ, а, впрочемъ, нисколько не измѣнился. Я вспомнилъ, что и у меня можетъ быть дѣло, и зашелъ въ лавку одного знакомаго купца, обыкновеннаго комиссіонера Алексѣя Петровича, узнать, нѣтъ ли отъ него извѣстій. Купецъ подалъ мнѣ письмо и посылку. Письмо въ пять строчекъ, но онѣ

останутся мнѣ вѣчно памятны и дороги. — «Я думалъ наконецъ возвратиться сюда»,— пишетъ Алексѣй Петровичъ,—«вызвать тебя хоть на одинъ день изъ твоей Слободки и встрѣтить новый годъ съ тобой и дѣтьми, но это невозможно. Знай же по крайней мѣрѣ, что я не раздѣляю васъ въ моей душѣ. Прими мой подарокъ и носи его какъ память обо мнѣ». Подарокъ—часы, дорогіе, изящные. Не могу описать своей радости, когда я увидѣлъ ихъ, потомъ завелъ и провѣрилъ въ магазинѣ часовщика, когда я слышалъ, что они стучали у меня на груди. У меня не было такой прекрасной вещи; я едва могъ удержаться, чтобъ не смотрѣть на нихъ каждую минуту на улицѣ, потомъ, когда воротился къ Рановскому, теперь, когда они лежатъ передо мной... Но я очень хорошо чувствую, что они не были бы мнѣ и вполовину такъ милы, безъ тѣхъ милыхъ строкъ, съ которыми присланы. Какъ одно слово можетъ все украсить! Какъ хорошо понимаетъ этотъ благородный человѣкъ!.. Нѣтъ, еще лучше, онъ и не думалъ о своихъ словахъ, они сказались у него просто, безъ рззмышленія, отъ сердца — иначе онъ сказать не можетъ.

Я возвратился въ гостинницу; мнѣ было грустно, что некому разсказать мою радость; въ Слободкѣ я побѣжалъ бы къ отцу Аѳанасію.

Рановскій и Ардабьевъ были очень оживлены при моемъ приходѣ; они говорили съ большимъ жаромъ и я прервалъ ихъ; это не помѣшало имъ, однако, быть очень привѣтливыми, а мнѣ ознакомиться съ молодымъ человѣкомъ. Я узналъ нѣкоторыя подробности. Отецъ Ардабьева, дальній родственникъ Рановскаго, былъ человѣкъ съ небольшимъ состояніемъ; сыну было лѣтъ десять, когда онъ, овдовѣвъ, женился на другой, уже немолодой и тоже небогатой дѣвушкѣ. У нея родились двѣ дочери, потомъ она получила большое наслѣдство. Когда, назадъ тому три года, умеръ отецъ Ардабьева, мачиха настояла на томъ, чтобъ онъ оставилъ все свое состояніе одному сыну, предоставивъ себѣ устроить своихъ дочерей. Я видѣлъ одно благородство въ этомъ поступкѣ, но, кажется, Рановскій понималъ его иначе, и во всемъ этомъ скрывались какія-то непонятныя для меня семейныя тайны. Въ разговорѣ дяди и племянника встрѣчались намеки, которые казались мнѣ непріятными. Такъ, говоря о моей школѣ, о порядкѣ, который я завелъ въ ней, Рановскій вдругъ обратился къ племяннику и, схвативъ его за плечи, по своей привычкѣ, сказалъ со смѣхомъ:

— Вотъ и этого все съ малолѣтства къ труду пріучали, къ порядку... Не унывай, Саша! Это все отъ недостатка энергіи, силы воли. Вотъ, потолкуй съ мудрецомъ (это со мной): онъ тебѣ докажетъ, что нужна только самостоятельность, ничего больше.

Ардабьевъ только улыбался на подобныя выходки, но я видѣлъ, что онъ былъ печаленъ; эта печаль проглядывала наружу въ тѣ минуты, когда онъ задумывался; была минута, что она выразилась сильнѣе. Онъ приглашалъ дядю къ себѣ вечеромъ; тотъ отказывался, говоря, что ляжетъ отдыхать, а здѣсь славные диваны. Ардабьевъ сказалъ ему (все очень непринужденно и весело), что предложитъ ему диванъ и сигары, какихъ лучше нѣтъ во всемъ городѣ.

— Откуда у тебя такія роскоши? спросилъ съ удивленіемъ Рановскій.

— Это— внимательность моихъ сестеръ, сказалъ Ардабьевъ съ улыбкой, выраженіе которой вдругъ измѣнилось.—У сестеръ моихъ бываютъ карманныя деньги; видите ли, онѣ не придумали лучше употребить ихъ, какъ выписать прекрасную мебель для моего кабинета и сигаръ, которыя Варвара Петровна позволяетъ только мнѣ одному курить въ ея домѣ... Такъ писали мнѣ, присылая подарки, и я долженъ вѣрить. Я, пожалуй, угощу васъ еще и собственнымъ произведеніемъ Варвары Петровны — домашнимъ вареньемъ. Я могу отказаться отъ содержанія, но, видите ли, не въ правѣ отказаться отъ подарка.

Онъ сказалъ это съ какой-то горечью и, слушая его, я невольно подумалъ, что онъ долженъ быть несчастливъ. Милый подарокъ, полученный поутру и о которомъ я не могъ забыть ни минуты, былъ для меня доказательствомъ, что всего дороже то, что дается отъ сердца. Я не знаю отношеній Ардабьева и потому не могу осуждать его... Я подумалъ только, что отдалъ бы все за счастіе имѣть семью, сестеръ...

Рановскій спросилъ, между прочимъ, Ардабьева, какъ идетъ его служба и почему онъ не ищетъ мѣста въ Петербургѣ.

— Я чуть-чуть не попалъ въ Петербургъ, отвѣчалъ тотъ.

— Что-жъ помѣшало?

— Какъ это назвать?.. Необыкновенно нѣжное участіе Варвары Петровны. Знакомый отца, Деневскій — да и вы его знаете, человѣкъ значущій — обѣщалъ мнѣ мѣсто при себѣ, при первой вакансіи. Я писалъ къ

нему. Вдругъ, недавно, въ одно прекрасное утро, получаю отъ него извѣстіе, что мѣсто было, и теперь отдано другому, и вотъ причина: онъ прилагаетъ письмо къ нему Варвары Петровны. Она взялась за меня увѣдомить его, что я передумалъ... Не прошло дня, какъ пріѣхала она сама изъ деревни прямо ко мнѣ... Деневскій увѣдомилъ и ее объ успѣхѣ ея просьбы... «Alexandre, я пріѣхала просить у тебя прощенія за то, что взялась распоряжаться тобой». Ее напугали петербургскимъ климатомъ; а такъ какъ у меня болитъ грудь, она боялась, что мнѣ будетъ хуже. Мнѣ оставалось только поблагодарить—не правда ли?

— Что-жъ, если ты боленъ въ самомъ дѣлѣ, возразилъ Ранѐвскій: — впрочемъ, конечно, не ея дѣло путаться и портить твою карьеру; этого не воротишь. Какъ ты поживаешь здѣсь? весело ли здѣсь живутъ? Я вѣдь съ полгода не былъ, еще больше...

Они перебирали и называли своихъ знакомыхъ. Ардабьевъ разсказывалъ разныя новости, свѣтскіе случаи. Изъ его разговоровъ я могъ замѣтить, что онъ былъ со всѣми знакомъ и хорошо принятъ во всѣхъ лучшихъ домахъ, что имѣлъ успѣхъ въ свѣтѣ; впрочемъ, и невозможно иначе съ его привлекательной наружностью и образованіемъ... Ранѐвскій звалъ его лѣтомъ къ себѣ въ деревню, обѣщая, что онъ у него не соскучится.

— Если у твоей мачихи, говоритъ онъ:— въ самомъ дѣлѣ фантазія покупать деревню, поищу я ей поближе къ себѣ—хорошо?

— Что-жъ мнѣ изъ этого? сказалъ Ардабьевъ.

— Ну, все пріѣхалъ бы, пожилъ, погостилъ... Я это устрою.

Обѣдъ нашъ кончился поздно. Ранѐвскій уѣхалъ съ племянникомъ къ нему, откуда они собрались въ собраніе; звали и меня, но это показалось мнѣ какъ-то дико; я ушелъ въ театръ, а воротясь, пишу въ ожиданіи Ранѐвскаго. Мнѣ надо переговорить съ нимъ о моемъ отъѣздѣ.

На зарѣ я уѣду отсюда. Что вынесъ я изъ этой поѣздки? Самыя незамѣчательныя впечатлѣнія, правда, но усталость, шумъ вокругъ меня заставляетъ меня думать съ большимъ удовольствіемъ о моемъ тихомъ, темномъ уголкѣ; я возвращаюсь въ него съ радостью, особенно когда подумаю, что меня встрѣтятъ радостныя, радушныя лица. Я тамъ нечужой и давно понялъ, что тамъ мое мѣсто.

31-го декабря, въ Слободкѣ.

Я возвратился вчера вечеромъ. Здѣсь все было благополучно въ моемъ отсутствіи; всѣ здоровы. Проѣздивъ только пять дней, я освѣдомился обо всемъ, какъ будто не былъ здѣсь пять мѣсяцевъ. Въ дорогѣ время незамѣтно, и кажется, какъ будто его проходитъ вдвое больше. Былъ сейчасъ у отца Аѳанасія, вмѣстѣ провожали годъ, хотя его осталось два часа; но старикъ не привыкъ сидѣть такъ долго. Я не могу проститься съ годомъ и доживаю одинъ; впрочемъ, если ужъ я не могу раздѣлить этихъ послѣднихъ минутъ съ кѣмъ нибудь дорогимъ мнѣ, то предпочитаю провести ихъ такъ, какъ теперь, а не въ шумномъ обществѣ.

Въ городѣ сегодня какой-то удивительный балъ, говорилъ Ардабьевъ...

Что-жъ мнѣ изъ этого бала? Его блескъ и звуки не для меня, но они и не мерещатся мнѣ, не манятъ меня; а еслибъ и мерещились и манили—одинъ ли я въ мірѣ встрѣчаю свой новый годъ темно и одиноко? Еще я счастливѣе многихъ другихъ, и эта мысль отняла бы у меня всякое право жаловаться, еслибъ мнѣ приходила въ голову жалоба.

Я припомнилъ и переслѣдилъ весь свой проходящій годъ. Благодарю за него: въ немъ были для меня минуты блаженства; вспоминая ихъ, сердце бьется сладко и отрадно. Все, что могло быть въ небѣ сіянья и лучей, въ природѣ красокъ, звуковъ, благоуханія, прохлады, въ душѣ восторга, пониманія и любви—все щедро давалось мнѣ, все было мною благодарно принято... О, благодарю за эту благодарность!.. Горестно думалъ я недавно, въ минуты утомленія и унынія, что пылъ труда и сочувствія охладѣлъ во мнѣ, что первое горе, горе полуребенка убило во мнѣ силы; теперь—сознаю себя—ихъ станетъ еще надолго, навѣчно... ихъ должно стать навѣчно.

Я говорилъ себѣ, совершая свой легкій трудъ, что дѣлаю все, что могу, слѣдовательно все, что долженъ. Теперь внимательнѣе, нежели когда нибудь, я оглянулся на жизнь мою, вспомнилъ все, что видѣлъ изъ жизни другихъ, и внутренній голосъ говоритъ мнѣ: ищи и дѣлай больше; если заблужденіе приниматься за дѣло выше силъ, не заблужденіе ли также считать себя ниже дѣла?.. Жарче, нежели когда нибудь я примусь за него. Кто знаетъ, сколько блага можетъ принести сѣмя, брошенное мною, когда можетъ вспомниться слово примиренія и правды, которое могу сказать я? Я молодъ, но

мнѣ дано больше нежели другимъ, и я обязанъ дѣлиться; не для одного только себя и однѣхъ своихъ выгодъ пріобрѣтаемъ мы познанія; не для одного только собственнаго нашего блага и спасенія дается намъ сердце: способное любить—въ нихъ, заключенныхъ въ себѣ только,—холодъ и смерть. Нѣтъ, жизнь дана для обмѣна съ жизнью другихъ, и пусть вспомнятъ меня когда нибудь эти старики, которые меня любятъ, эти дѣти, которыя такъ невинно меня слушаютъ!

Времени много передо мною; я учусь и все буду учиться. Говорятъ, есть школа жизни, но гдѣ ея скамейки? Онѣ такъ различны! На что нужны мнѣ тѣ люди болѣе высшаго круга, съ которыми я не имѣю ничего общаго, съ которыми, по всей вѣроятности, и не столкнусь никогда? Какой урокъ возьму я изъ ихъ примѣровъ и изъ обращенія съ ними? Ихъ образъ жизни такъ не сходенъ съ моимъ, ихъ понятія обращены на такіе различные предметы, что я могу спокойно слушать издали шумъ этой проходящей, блестящей толпы, не смѣшиваясь съ нею; для моей опытности довольно этихъ отдаленныхъ отголосковъ.

Были минуты — я думалъ, что и меня судьба зоветъ туда, въ этотъ водоворотъ, что и я могу взять и исполнить роль въ этой драмѣ... Какое ребячество! Оно только отвлекало меня отъ моего дѣла и заставило недостойно прожить два мѣсяца...

Осталось только пять минутъ этого года. Я посмотрѣлъ въ окно—на небо съ яркими, крупными звѣздами, на рѣку, по которой блеститъ укатанная дорога, на лѣсъ, который темнѣетъ за нею... Ночь полна удивительнаго покоя; я слышу только шорохъ моихъ собственныхъ движеній, и только свѣтъ изъ моего окна играетъ на снѣгу...

Буду считать, глядя на часы, каждую минуту улетающаго года...

Полночь! Слава Богу! пусть пошлетъ Онъ миръ и правду этой землѣ!

20-го января 18..

Я далъ себѣ слово постоянно и терпѣливо заниматься и оглянуться на свое дѣло только спустя нѣсколько времени, чтобъ увидѣть что нибудь полное и чтобъ перемѣнчивость расположенія духа не имѣла вліянія на мой взглядъ. Я выбралъ нынѣшній день потому, что сегодня мое расположеніе духа спокойно, даже немного холодно— какъ нельзя лучше для разбора.

Отпуская моихъ учениковъ на вакацію, я боялся, что они многое забудутъ. Вакаціи бывали у нихъ и прежде, но у меня не было этихъ опасеній. Я не такъ много цѣнилъ свой трудъ и готовъ былъ начинать его хоть сто разъ съизнова; теперь я вижу, что не станетъ всей моей жизни, если я все буду начинать съизнова, а мнѣ необходимо скорѣе видѣть успѣхъ моего дѣла. Успѣхъ долженъ поддержать во мнѣ силы, охоту. Мнѣ необходимо скорѣе видѣть, что дѣти становятся людьми; прежде я хлопоталъ, чтобъ они заучивали, теперь я хочу, чтобъ они мыслили... Двухнедѣльная вакація сказала мнѣ: еще далеко до этого. Я сказалъ себѣ: подожду, но внутренно молюсь, чтобъ моя работа не была одной изъ тѣхъ нескончаемыхъ работъ-наказаній, какія изобрѣтало воображеніе древнихъ... Если энергія проснулась во мнѣ съ новой силой, пусть же мой трудъ идетъ скорѣе, пусть не расхолождаетъ его нерасположеніе, вялость другихъ. Я знаю, что, при доброй волѣ, можно понять въ четырнадцать лѣтъ—пусть же меня понимаютъ. Но я далъ себѣ слово быть терпѣливымъ—и буду.

Потомъ я занимался и учился самъ, читалъ, переводилъ, писалъ свои замѣчанія: мои занятія шли легко и охотно; но вчера, когда я кончилъ ихъ въ положенный часъ и, по обыкновенію, отдыхалъ въ сумерки у окна, на меня нашло странное раздумье; и прежде бывали подобныя, но это было особаго рода. Я подумалъ, что, прерывая часа на два мои занятія, я даю только отдыхъ тѣлу, но мой умъ остается въ напряженіи и безпрестанной работѣ. Оттого мои мысли стали принимать направленіе немного одностороннее — я это замѣчаю. Я сочувствую людямъ, но еще больше сочувствую наукѣ, которую стараюсь изучать; въ средствахъ у меня какъ будто исчезаетъ цѣль... Къ тому же, я молодъ и знаю, что нехорошо, нездорово для молодой души такое отрѣшеніе отъ дѣйствительности: я могу привыкнуть къ нему и изъ меня можетъ выйти черствый, холодный педагогъ... Избави меня, Боже, отъ этого!

Но въ моей настоящей жизни какъ и чѣмъ могу я привязаться къ дѣйствительности?

Я долго думалъ объ этомъ вчера. Мечтанія мои были такъ пріятны, что я и забылъ о часѣ работы. Я создавалъ воздушные замки, придумывалъ лица и встрѣчи, случаи, которые являлись въ селѣ Слободкѣ, потомъ, развиваясь, переносили меня далеко; въ нихъ не забывались мои настоящія занятія, но кругъ ихъ расширялся; я находилъ друзей,

которые мнѣ сочувствовали, я слышалъ живыя слова; мнѣ грезились другія, живыя чувства...

Какъ мнѣ хотѣлось жить и чувствовать! Еслибъ теперь кто нибудь братски протянулъ мнѣ руку, еслибъ чей нибудь взглядъ открылъ мнѣ, что меня любитъ... Будто это возможно?..

16-го февраля.

Былъ сегодня Покровскій управляющій; отъ него я узналъ двѣ новости: Марья Павловна замужемъ; Покровское продано; у князя Карзанова нашлось много долговъ и, чтобъ поправиться, онъ началъ съ того, что уговорилъ жену продать это имѣніе; она скоро рѣшилась. Впрочемъ, Покровское ей никогда не нравилось. Его купила г-жа Ардабьева, мачиха одного моего знакомаго; все это устроилъ Рановскій, которому хотѣлось имѣть ихъ своими сосѣдями. Онъ же по старому знакомству рекомендовалъ и управляющаго, и г-жа Ардабьева пишетъ ему, прося его остаться на своемъ мѣстѣ. Старикъ очень радъ. Новые владѣльцы пріѣдутъ сюда весною.

Что заставило меня взяться опять за эту тетрадь и записать это? Богъ знаетъ!.. Чувство невыразимой тоски, которая сжала мнѣ грудь, когда я услышалъ это извѣстіе. Но развѣ ужъ не все и давно для меня кончено? Развѣ было что нибудь?

Сколько я знаю и слышалъ, и наконецъ испыталъ надъ собой, первая любовь бываетъ всегда обманута; сами ли мы ошибаемся, или насъ обманываютъ другіе—все равно. Для чего это такъ бываетъ?.. Говорятъ, будто оттого, что первая любовь всегда безсознательна. Никогда не соглашусь съ этимъ: молодые глаза видятъ лучше... Неужели необходимо, чтобъ мы стали себялюбивѣе, разборчивѣе, злѣе для того, чтобъ сойтись съ чьей нибудь душой? Неужели вторая, третья, можетъ быть, десятая, наконецъ, счастливая любовь должна быть непремѣнно о т д ы х о м ъ для измученной, можетъ быть уже скучающей души? Неужели и это сладкое, очаровывающее чувство должно быть доказательствомъ, что въ мірѣ все страданіе, трудъ, поиски и наконецъ отдыхъ? Любовь—отдыхъ!.. Эта мысль убьетъ меня; кажется, она истинна. Я знаю, чувствую, что могу еще полюбить и полюблю; но гдѣ мой пылъ, мои слезы, мои восторги? Я полюблю, чтобъ успокоить бѣдную грудь, которая разрывается и теперь, хоть ея страданію прошло ужъ полгода!..

Воображаю, это будетъ тихое, спокойное чувство. Я буду останавливать глаза на миломъ лицѣ и ждать не отвѣта, но только сочувствія... Я буду много и долго сомнѣваться, если встрѣчу его; я буду смѣлѣе, но не довѣрчивѣе; я свободнѣе выскажусь, но долго буду обдумывать прежде, чѣмъ выскажусь...

И можетъ быть, мнѣ отвѣтятъ любовью на любовь, и можетъ быть придетъ мнѣ счастье такое полное и прекрасное, какого еще не создавало мое воображеніе; но буду ли я имъ доволенъ? Лѣтніе цвѣты пышны и роскошны, но отчего всегда милѣе маленькая медуника, которая первая выглядываетъ изъ оттаявшей земли? Я, сожалѣя, ищу ее въ дорогихъ букетахъ; кто мнѣ скажетъ, не буду ли я сожалѣя искать моей первой боли въ моемъ будущемъ счастьи?..

И придетъ ли оно?.. Какъ это возможно! кому войдетъ въ голову въ меня влюбиться? Написать это слово, мнѣ стало забавно и стыдно.

15-го апрѣля.

Съ недѣлю я счастливъ, какъ школьникъ. Вотъ наконецъ весна, свѣтлая, теплая, и никто лучше меня на нее не налюбовался. Три дня я сидѣлъ, не выходя изъ дома: рѣчку взломало; она разлилась до моихъ оконъ; я выставилъ свое окно, высыпалъ изъ него въ воду песокъ и мохъ, и смотрѣлъ на разливъ по цѣлымъ часамъ днемъ и ночью. Говорятъ, это нездорово—не знаю; мнѣ было холодно, но весело, весело, какъ не бываетъ и ребенку; я не могъ надышаться этимъ воздухомъ, онъ обновлялъ во мнѣ и жизнь, и душу. Небо было такое голубое, облака такъ свѣжи и мягки, волна перебѣгала въ такихъ удивительныхъ сизыхъ и золотыхъ отливахъ; противоположный берегъ отложе,—она покрыла его весь, и онъ виднѣлся одной тонкой чертой, разлилась далеко, и на ней всплывалъ лѣсъ, чернѣя верхушками, открылись далекія селенія, бѣлыя церкви... Снѣгъ таялъ и бѣжалъ съ горы водопадами; деревья порозовѣли. Едва вода сбыла съ моей завалины, на ней ужъ завивалась тонкая, нѣжная травка. Я чуть не обезумѣлъ отъ восторга. Одинъ, цѣлые три дня!.. ко мнѣ не могли перебраться ни мои ученики, ни Мавра, и я питался тѣмъ, чѣмъ запасся заранѣе. Не видя ни одного живого существа, кромѣ бѣлыхъ рыболововъ надъ водой и воробьевъ на моемъ кленѣ, я проводилъ минуты невыразимаго блаженства. Многое становилось понятно мнѣ, многое сказалось мнѣ въ этомъ разливѣ, который

оплодотворяетъ уничтожая въ этой жизни, вдругъ проснувшейся изъ темноты и оцѣпенѣнія. Едва было возможно выйти, я ушелъ въ поле, пробирался по вязкимъ тропинкамъ, любовался на зеленые всходы—дѣло рукъ человѣка, любовался дѣломъ Божіимъ во всей его красотѣ. Въ лѣсу я отыскалъ слѣды прежнихъ дорожекъ, прокладывалъ новыя; блѣдные, хрупкіе цвѣтки пробивались изъ-подъ грудъ сѣрыхъ листьевъ; деревья, еще прозрачныя, ужъ шептались тонкими вѣтками; птицы щебетали и вили гнѣзда. Во всей природѣ раздавался неясный шумъ дѣятельности, чувствовалось присутствіе тайной, глубокой работы... какъ она отрадно совершалась! Каждая сила знала свое назначеніе, и дѣло каждой изъ нихъ слагалось въ одинъ общій трудъ, стройный, величественный и такъ полный счастья, что одинъ взглядъ на него счастливилъ тревожную, вѣчно-ищущую душу человѣка...

Въ эти дни я не могъ, по обыкновенію, заниматься своимъ дѣломъ. Чтеніе не шло мнѣ на умъ.

2-го мая.

Вчера мнѣ пришла охота работать; я чѣмъ-свѣтъ; ушелъ въ поле, гдѣ пахалъ знакомый мнѣ старикъ-крестьянинъ; когда онъ уставалъ, я перемѣнялъ его и шелъ за сохой. Насъ было только двое среди широкаго пространства. Вѣтеръ колыхалъ сухія вѣтки прошлогодней травы; небо разстилалось безконечно... Я шелъ подлѣ старой сѣрой лошади и терялъ изъ вида моего товарища, который прилегалъ отдохнуть, подложивъ подъ себя армякъ и прикрывая закинутыми руками голову отъ лучей еще низкаго солнца.

Сегодня на зарѣ мы отсѣялись. Что Богъ дастъ?

Съ особенной любовью буду я смотрѣть на это поле.

6-го мая.

Сейчасъ возвратился изъ гостей, изъ дома, гдѣ не ожидалъ быть никогда больше.

Передъ вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ Рановскій; онъ въ Слободкѣ, чтобъ повидаться съ отцомъ Аѳанасьемъ и объявилъ, что его знакомый живописецъ взялся писать главные образа для нашей церкви и пріѣдетъ самъ, позже, посмотрѣть, какъ ее будетъ расписывать нашъ художникъ. Рановскій сказалъ, что былъ въ Покровкомъ, куда уже, съ недѣлю назадъ, пріѣхала г-жа Ардабьева со всей семьей.

«Александръ съ ними», сказалъ онъ, «онъ былъ очень боленъ въ концѣ зимы и ему предписали деревенскій воздухъ. Мачиха уговоdила его прожить у нея лѣто».

Поговоривъ недолго, мы ушли гулять. Рановскій возвращался пѣшкомъ въ Покровское, и я хотѣлъ его проводить. Мы дошли почти до конца ихъ выгона, какъ намъ встрѣтился Ардабьевъ. Онъ вышелъ отыскивать дядю по полямъ и, увидя меня, просилъ зайти къ нему. Отказаться было невозможно. Я опять увидѣлъ этотъ домъ, дорогой мнѣ по воспоминанію, на который мнѣ такъ отрадно и мучительно было смотрѣть издали, домъ, мнѣ теперь вдвойнѣ чужой и въ который войти и войти такъ, какъ теперь, мнѣ бы ни за что не хотѣлось... Онъ былъ все тотъ же, меньше движенія, но порядка столько же; люди не перебѣгали безпрестанно, исполняя прихотливыя приказанія. Залы были такъ же свѣтлы, только одна изъ нихъ преобразовалась во что-то въ родѣ мастерской, или учебной комнаты. Въ ней стояли: рояль, два мольбера, пяльцы, рабочій столикъ и корзинки, маленькія этажерки съ нотами, большіе столы и на нихъ книги и глобусы; по стѣнамъ были развѣшаны литографированныя головы и ландкарты. Все это невольно бросилось мнѣ въ глаза. Во всѣхъ комнатахъ никого не было, такъ же какъ и въ этой залѣ, чрезъ которую прошли мы въ кабинетъ Ардабьева, къ счастью, мнѣ незнакомый: я боялся, что мнѣ придется провести вечеръ въ слишкомъ знакомой маленькой гостиной.

Ардабьевъ очень перемѣнился: жаль было смотрѣть на его блѣдность. Онъ жаловался, что въ недѣлю здѣсь скучалъ ужасно и взялъ съ меня слово бывать у него какъ можно чаще.

— Еслибъ я могъ выходить эту недѣлю, говорилъ онъ: — я ужъ давно бы отыскалъ дорогу въ Слободку.

Рановскій смѣялся надъ его скукой, говорилъ, что увезетъ его къ себѣ и вылечитъ какъ разъ.

— Здѣсь тебя съума сведутъ однѣ сонаты твоихъ сестеръ и завтраки да обѣды по колокольчику. Представьте вы себѣ, насъ сзываютъ, какъ пріученныхъ рыбъ... Кстати, гдѣ твоя мачиха?

— Теперь семь часовъ, онѣ гуляютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, положенный часъ. Это просто наказаніе!

— Когда же гулять, какъ не теперь? возразилъ Ардабьевъ.

— Да вѣдь я понимаю, что гуляютъ вечеромъ — сдѣлай милость! Но зачѣмъ все

это совершается такъ акуратно, изъ секунды въ секунду? Ужъ и люди такъ пріучены. Вѣрите ли, иной разъ хочется, чтобъ что нибудь было неисправно, хоть проголодаться, хоть посердиться для разнообразія — а нѣтъ!

— Это разнообразіе портитъ характеръ, дядюшка, отвѣчалъ Ардабьевъ, улыбаясь по своему.

— И мачиха твоя заботится, чтобъ не испортился характеръ ея дочерей — дѣло! Стало быть, и она была также воспитана. Ея-то характеръ кто-жъ испортилъ?

— Почему я знаю? возразилъ Ардабьевъ съ утомленіемъ и отвернулся къ окну. Разговоръ ему, видимо, не нравился.

— Вы здѣсь будете часто, Андрей Васильичъ, продолжалъ Рановскій, обращаясь ко мнѣ: — не мѣшаетъ вамъ знать, съ кѣмъ вы будете имѣть дѣло. Варвара Петровна женщина умнѣйшая и, главное, благоразумнѣйшая: воспитаніе ея дочерей выйдетъ образцовое; на него ничего не щадятъ, даже не щадятъ и ихъ самихъ; и если все пойдетъ, какъ теперь, изъ нихъ выйдутъ пренесносныя — куклы не куклы, педантки не педантки, а что-то въ этомъ родѣ. Бѣда, когда старая дѣва выйдетъ замужъ: она успѣла слишкомъ много надуматься и тотчасъ станетъ создавать системы воспитанія, прилагать къ практикѣ разныя свои теоріи, какъ будто до нея ужъ и не жили и не знали, какъ жить на свѣтѣ. Варвара Петровна создала себѣ идеалъ. Вотъ его, пасынка, не удалось довести до совершенства, не такъ родился, да немного помогъ и я, его дядюшка; а впрочемъ, ей сильно хотѣлось образовать изъ него «маленькаго Грандиссона». Видишь, Саша, я недаромъ сижу тамъ, въ учебной залѣ: запомнилъ кое-что... Впрочемъ, что васъ знакомить, сами познакомитесь; только не оставляйте моего Сашу заскучаться до смерти.

Ардабьевъ вдругъ круто повернулъ разговоръ на мои занятія, на чтеніе, такъ что дядѣ не къ чему было вставить свое слово: Рановскій ничего не читаетъ. Мы толковали о «Вѣчномъ Жидѣ», о его идеѣ, хоть это и очень старо, и Ардабьевъ говорилъ видимо для того только, чтобъ заставить молчать дядю. Дядя занимался тѣмъ, что замѣчалъ хорошенькія личики дѣвушекъ, проходившихъ по двору, наконецъ прервалъ насъ.

— Если вы этимъ будете заниматься вдвоемъ, пророчу тебѣ, Саша, ты погибнешь отъ тоски. И откуда взялась у тебя страсть къ разсужденіямъ? Они, я думаю, и безъ того надоѣли этому молодому человѣку; лучше образуй его въ лѣто: онъ не умѣетъ взять ружья въ руки, ни сѣсть на лошадь... Э, господа! вы молоды, жуируйте жизнью. Что все книги да книги! въ книгахъ ничему не научишься. То ли дѣло...

Онъ описывалъ намъ по-своему удовольствія деревенской жизни. Ардабьевъ слушалъ охотно; иногда соглашался съ дядей и говорилъ съ увлеченіемъ, отъ котораго оживилось лицо его. Мнѣ было пріятно видѣть веселость въ его глазахъ и потому не хотѣлось опровергать убѣжденій Рановскаго, съ которыми онъ вполовину согласенъ. Но нѣсколько моихъ словъ было довольно, чтобъ доставить Рановскому случай немного насмѣшничать надо мною, по его обыкновенію.

— Я согласенъ съ вами, сказалъ я: — жить такъ, какъ вы предполагаете, веселѣе, но, наконецъ, проживешь молодость, или оглянешься на половинѣ — и что тогда?

Рановскій заспорилъ, говорилъ, что вотъ онъ, напримѣръ, доживаетъ вѣкъ и никогда ему въ голову не входила глупость пожалѣть или раскаяться; что можно быть молодымъ до гроба, были бы силы да здоровье; что, наконецъ, тѣ, кто утверждаетъ противное, родились стариками, что нѣтъ въ нихъ ни живой мысли, ни живого чувства. Это такъ задѣло меня, что я не выдержалъ и доказывалъ ему, что, напротивъ, тотъ, кто веселится цѣлый вѣкъ, убиваетъ въ себѣ и мысль, и чувство. Я увлекся еще болѣе и упрекнулъ его заброшеннымъ талантомъ. Признаюсь, выговоривъ это, я ожидалъ, что онъ разсердится, но онъ, напротивъ, расхохотался и назвалъ меня туманнымъ мечтателемъ, способнымъ даже любить только во снѣ.

— Неужели, возразилъ я: — у васъ не бываетъ минутъ, что вы не знаете, какъ жить отъ скуки?

— Вздоръ какой! вскричалъ Рановскій. — Ну, скучно, перемѣнилъ забаву — опять весело! Повторяю вамъ, старости быть не можетъ для благоразумнаго человѣка.

Я по-своему понимаю благоразуміе и хотѣлъ возражать, но оглянулся на Ардабьева, который слушалъ насъ, не прерывая и не вмѣшиваясь. Онъ задумался и, прервавъ Рановскаго на послѣднихъ словахъ, протянулъ мнѣ руку.

— Вы лучше насъ, сказалъ онъ мнѣ: — вотъ и споръ конченъ.

— Кстати, вотъ и твоя милая маменька возвращается съ офиціальной прогулки.

Взгляните на процесію, Андрей Васильичъ: дочери подъ руку впереди, она съ фрейлейнъ Вильгельминой за ними слѣдомъ, и наконецъ ливрейный человѣкъ съ бурнусами... Это называется бѣгать по полямъ! жить въ деревнѣ! А гдѣ-жъ Sophie?

— Вѣрно прошла впередъ, отвѣчалъ Ардабьевъ.

— Вотъ увидите миленькую дѣвочку! сказалъ мнѣ Ранóвскій: — это дочь одного знакомаго Варвары Петровны, небогатаго человѣка, пріѣхала гостить сюда на лѣто. Мила, хоть, знаете, еще не развита, еще кокетства нѣтъ; а женщина безъ кокетства пропала! нѣтъ чего-то игриваго—понимаете? Ты, Саша, меня понимаешь? Выучи ее кокетничать?

— Вы мнѣ напомнили, сказалъ Ардабьевъ:—одинъ мой пріятель былъ влюбленъ безъ памяти въ одну дѣвушку, но она вышла за другого; они разстались и не видались нѣсколько лѣтъ: наконецъ недавно встрѣтились; у нея маленькая дочь, лицомъ, манерами точно мать. Что-жъ мой пріятель? Возненавидѣлъ свою прежнюю любовь за кокетство этого ребенка!

— Ну, онъ ее за что нибудь другое возненавидѣлъ, возразилъ Ранóвскій.— Но ты, пожалуйста, не разсказывай этого при твоей мачихѣ: и такъ твои сестры передо мной все присѣдаютъ, опустя глазки.

— Александръ Григорьичъ, вамъ сюда прислать чаю? спросилъ кто-то въ двери.

— Софья Николаевна, да войдите же къ намъ! закричалъ ей Ранóвскій: — когда вы перестанете церемониться?

Мнѣ очень не понравилась нецеремонность, съ которой онъ отворилъ двери настежь передъ нею.

— Милости просимъ, войдите! Скажите, что тутъ неприличнаго? Ну, вошли просто, когда вамъ нужно. Другая, право, нарочно бы вбѣжала, чтобъ найти случай сконфузиться.

Молодая дѣвушка покраснѣла, но не отвѣчала, и повторила, все оставаясь на порогѣ:

— Вы здѣсь будете пить чай, Александръ Григорьичъ?

— Мы идемъ за вами, сказалъ Ардабьевъ.—Пойдемте познакомиться съ моимъ семействомъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Мы пошли за Софьей Николаевной. Ардабьевъ заговорилъ съ нею, спрашивая, гдѣ онѣ гуляли, а я смотрѣлъ на нее. Она въ самомъ дѣлѣ, очень хороша: бѣлокурые волосы, яркій цвѣтъ лица и прекрасные черные глаза; выраженіе ихъ удивительно свѣтло и кротко, а очеркъ всего лица нѣженъ, какъ у ребенка. Она не очень высока ростомъ — что я очень люблю, и ея талія, въ простомъ голубомъ платьѣ, выказывалась изъ-подъ черной, прозрачной косынки, концы которой были завязаны назади.

Мы пришли въ маленькую гостиную. Въ ней ничто не перемѣнилось: та же меблировка, та же тѣснота. Я какъ будто не ожидалъ найти въ ней другихъ людей... Ардабьевъ представилъ меня своей мачихѣ. Это дама лѣтъ сорока пяти, можетъ быть, больше, брюнетка, съ сильными чертами лица и густыми, хотя вполовину сѣдыми волосами; она была безъ чепчика, впрочемъ, одѣта очень изысканно. При моемъ представленіи, она встала очень привѣтливо, хотя мнѣ хотѣлось бы немного простоты вмѣсто важности и достоинства, съ которыми она приняла меня. Она говорила, что очень рада, что мы живемъ такъ близко, и что, вѣрно, я не откажусь навѣщать Александра. Дочери — молоденькія дѣвочки, съ прекрасными и сильно стянутыми таліями, очень похожія на мать; онѣ недурны, но я не люблю брюнетокъ и, по моему мнѣнію, чтобъ назваться хорошенькой, брюнетка должна быть совершенной красавицей. Гувернантка очень почтенная особа, сидящая очень прямо... Вообще, во всѣхъ этихъ дамахъ было что-то непоколебимое. Я смотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ: мнѣ хотѣлось подробно разглядѣть, кѣмъ населилась эта маленькая гостиная.

Впрочемъ, мы говорили... Я до сихъ поръ никогда не предполагалъ, чтобъ разговоръ былъ трудъ, дѣло. Или я былъ такъ настроенъ, или предубѣжденъ прежними намеками и настоящими насмѣшливыми взглядами Ранóвскаго; но я не могъ говорить свободно, и мнѣ казалось, что въ этомъ кружкѣ никто не былъ свободенъ. Въ него, видимо, не допускалась не только глупость, но малѣйшая оплошность. Всякое слово было (или казалось мнѣ) взвѣшено; зато, конечно, всякое было умно. Мнѣ было ужасно скучно. Меня разспрашивали о моей школѣ... какъ она мнѣ надоѣла! Варвара Петровна была очень внимательна, сама предложила мнѣ читать что мнѣ угодно изъ ея библіотеки, и чтобъ я не забылъ этого, сейчасъ же велѣла своей Лѣле (не знаю, что это за имя) принести три огромные тома и положила ихъ передо мною. Я подсмотрѣлъ улыбку Ранóвскаго, а онъ вѣрно замѣтилъ мой взглядъ, потому что расхохотался.

— Чѣмъ вы это его награждаете, ma belle soeur? вскричалъ онъ:—помилуйте, въ лѣтніе дни... да это съ ума сойдешь!

Я поспѣшилъ увѣрить Варвару Петровну, что этого не случится, но Рано́вскій сказалъ, что я притворяюсь изъ учтивости, и безцеремонно началъ приглашать меня доказывать вмѣстѣ съ нимъ, что для нравственнаго образованія гораздо полезнѣе читать романы, нежели что нибудь другое, что этимъ и развивается чувство и пониманіе, и такъ далѣе. Онъ собралъ въ памяти немного когда-то прочитанныхъ имъ вещей, путалъ безъ милосердія и зашелъ такъ далеко въ своихъ доказательствахъ, что я увидѣлъ небольшое безпокойство на лицѣ Варвары Петровны; ея дочери слушали. Мнѣ было забавно и вмѣстѣ досадно на Рано́вскаго. Ардабьевъ, который не спорилъ, а изрѣдка переговаривалъ по слову съ m-lle Штюрмеръ, всталъ и вышелъ на балконъ. Варвара Петровна взглянула ему вслѣдъ еще съ большимъ безпокойствомъ.

— Ради Бога, Александръ, сказала она:— тебѣ жарко...

Онъ не слушалъ ее и ушелъ въ садъ. Рано́вскій взялъ это текстомъ для новыхъ разсужденій, что нѣжиться не слѣдуетъ... Я рѣшился заговорить съ Софьей Николаевной, которая ближе другихъ сидѣла ко мнѣ, спрашивалъ ее о ея знакомствахъ въ городѣ, чтобъ спросить что нибудь. Она сказала, что выѣзжала въ первый разъ въ эту зиму. Мы почти разговорились, когда я, или, вѣрнѣе, она замѣтила, что обѣ молодыя дѣвушки ушли также и мы оставались одни на концѣ стола, а съ другого конца, не переставая наблюдать за нами, Варвара Петровна разговаривала съ Рано́вскимъ. Софья Николаевна не сконфузилась, но какъ будто потеряла нить рѣчи. Мнѣ не хотѣлось поддерживать прерваннаго разговора, я всталъ и тоже ушелъ въ цвѣтникъ, отыскивая Ардабьева.

Цвѣтникъ былъ еще пустъ, только нѣсколько нарцизовъ глядѣли изъ зелени, кусты розъ и далій были подвязаны, попрежнему, симметрически. На дворѣ стемнѣло и въ домѣ показались огни... Мнѣ вспомнилось такъ много, такъ сильно... я забылъ, что былъ въ гостяхъ, у чужихъ, что могъ показаться страненъ, я былъ мучительно счастливъ, что проходилъ опять по этимъ дорожкамъ, что на меня опять вѣяли весной эти стриженныя акаціи; онѣ были такъ нѣжно-зелены, и ночное, блѣдное небо еще смотрѣло сквозь неопушенныя вѣтки. Я долго шелъ не думая, но чувствуя въ себѣ присутствіе мысли. Я только спрашивалъ себя, не отраднѣе ли было бы для меня встрѣтить здѣсь небреженіе, нежели хлопотливую заботливость хозяевъ о своемъ добрѣ? Меньше ли мучило бы меня запустѣніе этого сада, нежели мысль, что онъ тотъ же, но чужой?.. Сердце у меня сжималось, а тишина и темнота еще сильнѣе заставляли меня задумываться. Вдругъ, въ темнотѣ, мнѣ мелькнулъ огонекъ сигары и предо мной явился Ардабьевъ.

— И вы ушли отъ спора, сказалъ онъ, узнавъ меня:—прекрасно сдѣлали. Давайте бродить вмѣстѣ.

Мы пошли вмѣстѣ, но это было все равно, что порознь. Онъ не думалъ прерывать молчанія, я еще менѣе. Наконецъ онъ спросилъ меня:

— Бывали вы прежде въ этомъ саду?

— Да, отвѣчалъ я.

Мнѣ не хотѣлось больше объясняться; но онъ спросилъ еще:

— Вы были знакомы съ Кремнинской?

— Да, отвѣчалъ я опять.

— Она вышла замужъ. Хорошенькая женщина. Я встрѣчалъ ее въ обществѣ, въ Москвѣ. Вы знаете ея мужа?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Онъ былъ здѣсь, въ городѣ, нынѣшней зимой. Игрокъ.

Я думалъ, что она, по крайней мѣрѣ, счастлива!..

Ардабьевъ продолжалъ идти нѣсколько времени молча.

— Кто это сказалъ, что весна — пора любви? Въ эту пору любви не согрѣешься!.. Бывали вы влюблены когда нибудь, то есть, не такъ какъ проповѣдуетъ мой дядюшка?.. Я нахожу, что такая ночь, какъ сегодня, всего лучше для подобныхъ откровенностей.

Я замѣтилъ ему, что онъ смѣется, стало быть, не очень расположенъ къ довѣренности; а довѣренность такого рода, какого онъ хочетъ, не принимается такъ легко.

— Правда ваша, сказалъ онъ: — но я смѣюсь по привычкѣ. Вы скажете: дурная привычка, что-жъ дѣлать? Никогда я не могъ настроить себя принимать серьезно всякое чувство; а если случалось, что нечаянно примешь что нибудь серьезно, то потомъ все это выходило такъ смѣшно... Пожалуйста, не вообразите, что я вздумалъ интересничать; и вы, и я слишкомъ порядочные люди — я, чтобъ взяться за эту роль, а вы, чтобъ на нее любоваться... Что-жъ дѣлать, если въ свѣтѣ, за что ни возьмешься, сна-

чала будто и возвышенно и трогаетъ душу, а подъ конецъ выходитъ такая пошлость, что становится совѣстно. Самъ ли чѣмъ нибудь испортишь дѣло, другіе ли какъ нибудь ухитрятся. Такъ вы никогда не любили?

— Никогда, сказалъ я.

Онъ опять шелъ молча нѣсколько минутъ и вдругъ остановился.

— Знаете ли что, сказалъ онъ: — я сейчасъ хотѣлъ, по привычкѣ, посмѣяться и поздравить, что ваше сердце осталось цѣло, но подумалъ: лучше скажу правду. Мнѣ жаль, если вы еще не любили: вы бы мнѣ сказали, что есть святого и свѣтлаго въ этомъ чувствѣ, которое всякій понимаетъ такъ розно, которое такъ часто встрѣчается, что сдѣлалось приторно... Я любилъ десять разъ. Теперь мнѣ вздумалось припомнить минуты, въ которыя я увлекался... Жизнь была, въ самомъ дѣлѣ, хороша.

Вѣроятно, онъ припоминалъ многое; каждое его слово было отрывкомъ недосказанной мысли. Онъ замолчалъ опять, пошелъ, наклонивъ немного голову, и я слышалъ только его усталое дыханіе. Наконецъ онъ сказалъ нетерпѣливо: «какой вздоръ!» и бросилъ въ траву свою сигару.

Это, вѣроятно, былъ выводъ изъ всѣхъ его размышленій; не знаю почему, но они показались мнѣ очень ясны. Въ его словахъ, въ послѣднемъ нетерпѣливомъ восклицаніи, въ движеніяхъ, въ голосѣ слышалась такая тоска по жизни, что душа моя не могла не отозваться. Я невольно взялъ его руку. Онъ не отвѣчалъ на пожатіе и, застегивая плотнѣе свое пальто, сказалъ немного сухо:

— Пойдемте домой, холодно.

Домъ былъ освѣщенъ. Варвара Петровна прохаживалась по комнатамъ; дочери ея разыгрывали въ четыре руки какую-то пьесу; гувернантка вязала, сидя подлѣ нихъ, а Софья Николаевна пріютилась на окнѣ и смотрѣла въ садъ.

— Поручусь, что дядя спитъ, сказалъ мнѣ Ардабьевъ, когда мы входили.

Варвара Петровна встрѣтила его на балконѣ.

— Александръ, какъ ты долго!..

Я сталъ прощаться; Ардабьевъ предложилъ мнѣ свои дрожки.

— Я поѣду васъ провожать: ночь чудесная!

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что ты теплѣе одѣнешься, сказала мачиха съ досадой, которой не могла скрыть. — Это не леченіе, а комедія.

— Мнѣ предписанъ воздухъ, но не сказано, когда имъ пользоваться, днемъ или ночью, возразилъ онъ спокойно.

Онъ пошелъ за перчатками, которыя, входя, бросилъ на столикъ.

— Что это? газеты? откуда онѣ?

— Я просила, чтобъ ихъ пересылали сюда, отвѣчала Варвара Петровна: — ты привыкъ читать ихъ каждый день.

— Я думалъ, что хоть на два мѣсяца избавлюсь отъ политики, засѣданій и безтолковыхъ premier Paris!.. Читаете вы газеты, Андрей Васильичъ?

— Нѣтъ. Кому же ихъ здѣсь получать?

— Не хотите ли познакомиться съ современной исторіей? она мнѣ надоѣла хуже древней.

Варвара Петровна говорила съ дочерьми. Я примѣтилъ, что Софья Николаевна воспользовалась этимъ временемъ, чтобъ сказать что-то Ардабьеву. Онъ выслушалъ улыбаясь, потомъ спросилъ насмѣшливо:

— Вы непремѣнно хотите?

— Непремѣнно хочу, отвѣчала она тихо, но нисколько не смущаясь.

— А, въ такомъ случаѣ...

Онъ снялъ перчатки. Въ это время доложили, что дрожки готовы.

— Андрей Васильичъ, я ужъ лучше завтра явлюсь къ вамъ въ Слободку. Покойной ночи.

Онъ поклонился и пошелъ въ свою комнату. Варвара Петровна приказала скорѣе закрыть рояль, увѣряя, что въ комнатѣ Александра все слышно.

— Сдѣлайте одолженіе, говорила она мнѣ, прощаясь:—извините, если онъ замѣшкается быть у васъ, и не забудьте бывать у него.

Я возвратился домой, усталый, но впечатлѣній было много; сердце мое было неспокойно и сонъ не шелъ мнѣ на умъ; я писалъ все это. Теперь разсвѣтаетъ.

Въ этомъ домѣ, кромѣ воспоминанія, которое мучительно живетъ въ немъ для меня, есть еще что-то тяжелое въ жизни его жильцовъ. Странно, но это и привлекаетъ меня. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ тамъ были счастливы...

Какая дурная мысль! Но я клевещу на себя; меня въ самомъ дѣлѣ привлекаетъ къ себѣ Ардабьевъ, и если его горе не капризъ, не блажь, я готовъ ему сочувствовать... Впрочемъ, еслибъ и капризъ? Развѣ менѣе несчастны люди, отчего бы они ни были несчастны? И кто имѣетъ право благоразумно отказать кому бы то ни было въ сочув-

ствіи? Что за черствое правило, что за непогрѣшимый стоицизмъ! Я могу и долженъ ненавидѣть зло, но смѣю ли я ненавидѣть тѣхъ, кто его дѣлаетъ? Почему я знаю, какъ и чѣмъ онъ былъ доведенъ до этого? У меня каждую минуту являются вопросы и сомнѣнія...

Какъ далеко улетѣла моя мысль отъ Ардабьева! Впрочемъ, я былъ бы очень радъ, еслибъ онъ, по обѣщанію, пріѣхалъ завтра. Пора уснуть. Вѣрно сонъ такъ путаетъ мои мысли.

15-го мая.

Мы видимся всякій день. Я одинъ только утромъ, когда ухожу гулять и когда сижу съ своей школой; но едва кончаются классы, ко мнѣ является Ардабьевъ или его дрожки съ приглашеніемъ пріѣхать. Для занятій мнѣ остается одно раннее утро, потому что онъ не привыкъ вставать рано. Остальную часть дня мы проводимъ вмѣстѣ, въ его кабинетѣ, въ саду, или уходимъ бродить. Рановскій уѣхалъ къ себѣ, три дня назадъ, сказавъ, что поручаетъ мнѣ племянника. Бывая всякій день, я узналъ привычки хозяевъ и начинаю ближе узнавать ихъ характеры. Я сталъ будто не чужой въ ихъ домѣ, но этотъ домъ, въ самомъ дѣлѣ, кажется, сотворенъ для скуки; въ немъ нѣтъ никакого оживленія, смѣха не слышно. Дочери Варвары Петровны ужъ не дѣти, чтобъ бѣгать и рѣзвиться, а занятыя уроками или работой, онѣ говорятъ только о своихъ урокахъ и работѣ. Съ ними безпрестанно мать или m-lle Штюрмеръ. Софья Николаевна тоже вышиваетъ или читаетъ вслухъ, въ свою очередь, положенное число страницъ «Всемірной Исторіи» Сегюра; книга отъ нея переходитъ въ руки Лóле или Зои, и въ этомъ чтеніи проходитъ утро. Послѣ обѣда, погулявъ полчаса въ крытыхъ аллеяхъ, возвращаются и садятся по мѣстамъ — Лѐле и Зоя за свои рисунки или опять въ классъ, а Софья Николаевна за свои пяльцы. Потомъ, въ сумерки, погуляютъ въ полѣ, офиціально, какъ называетъ Рановскій, и начинается музыка до ночи. Наглядѣвшись на это однообразіе, я вѣрю, что сдѣлался необходимъ для Ардабьева, и не оставилъ бы его, еслибъ даже онъ не сдѣлался необходимъ для меня, а я привязываюсь къ нему съ каждымъ днемъ, едва ли не болѣе, нежели онъ ко мнѣ.

Сегодня утромъ я пришелъ къ нимъ раньше обыкновеннаго и не засталъ Ардабьева: онъ уѣзжалъ съ старикомъ-управляющимъ въ поле. Дѣвицы только что кончили классъ и я засталъ всѣхъ за работою. Варвара Петровна распечатывала журналы, присланные съ почты, и пригласила меня читать имъ что нибудь. Разрѣзавъ книжку и увидя замѣчательное имя, я хотѣлъ приняться за его произведеніе, но Варвара Петровна остановила меня и предложила другую, говоря: «Вотъ для молодыхъ особъ». Я читалъ описаніе женскихъ работъ, что было еще всего занимательнѣе, потому что молодыя особы оживились, вставали, подходили смотрѣть рисунки. Потомъ я прочелъ нѣсколько плохихъ стихотвореній, и наконецъ сантиментально дѣтскую повѣсть на десяти страницахъ. На половинѣ этого чтенія возвратился Ардабьевъ. Далекая ѣзда и ясный день оживили его разгорѣвшееся лицо; черные волосы, примятые фуражкой, лежали очень живописно; глаза смотрѣли такъ весело, что я не видалъ его никогда красивѣе, какъ въ это утро. Это была не одна моя мысль, потому что и Варвара Петровна взглянула на него съ какой-то радостью, и вмѣсто обыкновеннаго bonjour, протянула ему руку и поцѣловала его въ лобъ съ необыкновенной любовью. Мнѣ было очень пріятно видѣть эту маленькую сцену, тѣмъ болѣе, что и Ардабьевъ раза два крѣпко поцѣловалъ руку мачихи и, отвѣчая на ея вопросы, назвалъ ее chère maman... Варвара Петровна стала очень весела, разговорилась, шутила остроумно и любезно. Я только тутъ понялъ, что, оставя свою неприступность, она могла бы быть привлекательной женщиной. Она какъ будто допустила и дочерей въ первый разъ заговорить со мною. Я замѣтилъ, что ихъ молчаливость происходитъ совсѣмъ не отъ застѣнчивости, но отъ вѣчной мысли: должно ли, прилично ли имъ говорить. Разсказывая мнѣ о какой-то затѣйливой иллюминаціи, Зоя нѣсколько разъ взглядывала на мать, какъ будто испрашивая одобренія или даже прощенія въ томъ, что говорила. Я видѣлъ, что это начинало наскучать Ардабьеру. Варвару Петровну вызвали по хозяйству; выходя, она оглянула комнату. Лѐле, казалось, поняла этотъ вопросительный взглядъ и сказала, что m-lle Штюрмеръ нездорова и у себя. Мы остались одни съ дѣвушками. Ардабьевъ молча перебиралъ журналы; я ждалъ, что онъ, по обыкновенію, уйдетъ, приглашая меня съ собой, но онъ, напротивъ, вдругъ обратился къ Софьѣ Николаевнѣ:

— Кажется, это читали вслухъ, когда я вошелъ. Какъ вамъ нравится эта повѣсть?

— Очень мила, отвѣчала она, продолжая работать.

— Я ее сейчасъ пробѣжалъ. У васъ прекрасный характеръ, Софья Николаевна, вы не взыскательны. А какъ вамъ нравится это разсужденіе, что танцы полезны для здоровья и потому позволительны?

— Что-жъ, это правда, отвѣчала она опять тихо.

— Вы согласны? Лѐле, и ты согласна?

— Я думаю, сказала она: — m-lle Штюрмеръ говоритъ то же.

Я не могъ не улыбнуться. Ардабьевъ просто засмѣялся, однако продолжалъ свой допросъ очень серьезно:

— А ты, Зоя, что думаешь?

— Не знаю, отвѣчала Зоя, вся покраснѣвъ. — Я не понимаю, для чего вы меня спрашиваете.

— Но развѣ ты не можешь думать?

— Какъ это смѣшно, Alexandre! прервала Лѐле. — Зоѣ тринадцать лѣтъ, а вы хотите, чтобъ она говорила съ вами какъ совершенная дѣвушка.

— Развѣ я маленькая? сказала ей тихо сестра, наклонясь черезъ пяльцы.

— M-lle Штюрмеръ говоритъ, и маменька, продолжала Лѐле: — что когда мы будемъ велики, станемъ выѣзжать, тогда и можемъ говорить что хотимъ съ... молодыми людьми.

Лѐле покраснѣла не только до бровей, но и до плечъ, что было замѣтно изъ-подъ ея тюлевой пелеринки.

— Меня отсылаютъ къ вамъ, Софья Николаевна, сказалъ опять Ардабьевъ. — Сегодня у меня страсть разсуждать: не откажите мнѣ, сдѣлайте милость, скажите, что вы чувствовали наканунѣ вашего перваго бала?

Я видѣлъ, что обѣ сестры толкнули другъ друга и еще разъ обѣ вспыхнули; онѣ были совершенно scandalisées вопросомъ Ардабьева. Софья Николаевна подняла отъ работы прекрасные глазки и отвѣчала весело и спокойно:

— Я была очень рада, что меня везутъ на балъ.

— Думали вы о вашемъ здоровьѣ?

— Нисколько. Мнѣ хотѣлось надѣть мое нарядное платье, цвѣты и танцовать какъ можно больше.

— Съ кѣмъ?

— Mais avec ceux, qui nous feront l'honneur de nous engager, сказала Лѐле.

— Тебѣ еще рано, Лѐле; не мѣшайся, дитя мое, сказалъ ей братъ. — Будьте откровенны, Софья Николаевна; вамъ хотѣлось танцовать съ кѣмъ нибудь особенно?

— Нѣтъ, отвѣчала она попрежнему спокойно: — я никого не знала, но...

— Но что-жъ?

— Мнѣ хотѣлось нравиться, продолжала она съ небольшимъ смущеніемъ, которое старалась побѣдить. — Я думаю, всякому хочется нравиться, и скрывать это было бы странно и не къ чему. Мнѣ ни за что бы не хотѣлось, чтобъ обо мнѣ сказали, что я неловка или дурна собою.

— Вы меня восхищаете! сказалъ Ардабьевъ, садясь подлѣ нея. — На такое признаніе способна не всякая женщина; но въ васъ я не удивляюсь ничему прекрасному.

Онъ наклонился къ ней и сталъ говорить тихо. Они сидѣли довольно далеко, а Ардабьевъ умѣетъ говорить такъ, что слышенъ только пріятный, звучный шопотъ и ни одного слова. Я послѣдовалъ его примѣру и сѣлъ къ пяльцамъ его сестеръ; онѣ встрепенулись какъ птицы. Ле́ле взглянула на меня съ маленькимъ, очень забавнымъ негодованіемъ, а Зоя — съ испугомъ, перешедшимъ въ улыбку, которую она скрыла, принявшись усердно за работу. Во мнѣ, конечно, не было никакого намѣренія ихъ пугать, и хотя я могъ бы, не заводя свѣтскаго разговора, найти сказать что нибудь пріятное дѣвушкамъ, но я благоразумно ограничился нѣкоторыми разсужденіями о шелководствѣ и коконахъ, по случаю шелковъ, которыми онѣ работали. Меня начали слушать внимательнѣе, а Зоя изрѣдка отваживалась на вопросы. Отъ шелковъ мы перешли къ Италіи и къ изящнымъ искусствамъ. Онѣ необыкновенно много знаютъ, хоть все, что знаютъ, выговариваютъ какъ урокъ, а все, что видѣли, разсказываютъ безъ малѣйшаго выраженія своихъ впечатлѣній. Я вспомнилъ, что Рановскій недоволенъ ихъ талантами и говоритъ, что онѣ играютъ какъ автоматы и рисуютъ, не понимая того, что дѣлаютъ. Конечно, и онъ не объяснялъ ничего больше, но легко убѣдиться, что онъ говорилъ правду: онѣ дѣлаютъ все не любя, не по призванію, а потому, что это должно и прилично. Ле́ле будто избѣгала признанія, что Софья Николаевна не рисуетъ, и очень небрежно сказала, что она «только однѣ кадрили играетъ». Зоя съ ужасомъ говорила объ одной знакомой, которой дѣти не говорятъ по-французски.

Въ такой бесѣдѣ застала насъ Варвара Петровна. Ардабьевъ оглянулся на меня улыбаясь и вдругъ громко заговорилъ съ Со-

фьей Николаевной тоже объ изящныхъ искусствахъ, необыкновенно ловко попавъ на нашъ тонъ; не понимаю, какъ онъ успѣвалъ въ одно время говорить и слушать насъ. Дочери въ одну минуту пересказали матери весь свой разговоръ со мною, до слова, до выраженія, такъ что она узнала все, какъ будто сама въ немъ участвовала. Она была очень довольна, но мнѣ, не знаю отчего, стало досадно. Мы продолжали разговаривать всѣ вмѣстѣ, кромѣ Софьи Николаевны, которая казалась скучна и разсѣянна. Послѣ обѣда, когда Лѣле и Зоя попросили позволенія идти гулять въ аллеяхъ, Варвара Петровна отказала имъ, говоря, что сама она не желаетъ, а m-lle Штюрмеръ не можетъ.

— Chère maman, поручите ихъ мнѣ, сказалъ весело Ардабьевъ:—увѣряю васъ, я отличная гувернантка, а разсказы этого юнаго наставника поучительны не менѣе разсказовъ фрейленъ Вильгельмины.

Мы отправились. Войдя въ аллеи, Ардабьевъ приказалъ меньшому классу, какъ онъ назвалъ сестеръ, идти впередъ, а самъ подалъ руку Софьѣ Николаевнѣ.

— Я люблю ходить одна, возразила она, отказываясь.

— Перестаньте! прибавилъ онъ тише:—это провинціализмъ. Не хотите ли показать этимъ, что вы на меня сердитесь?

— Это было бы слишкомъ мелочное доказательство, отвѣчала она:—къ тому же, развѣ я сержусь на васъ?

— Почемъ я знаю? Вы не говорите со мной три часа. Если я это замѣчаю, то, повѣрьте, потому только, что не хочу видѣть въ васъ странностей.

— Я и не принимаю этого иначе, и очень благодарна вамъ, сказала она.

— Вы вполнѣ женщина—какъ это мнѣ нравится! Вамъ досадно, что меня не печалитъ ваша досада.

— Александръ Григорьичъ, я не ребенокъ.

— Что-жъ дѣлать! я это часто забываю. Я ужъ не молодъ и зналъ васъ еще такимъ ребенкомъ, что забываться мнѣ простительно. Право, вотъ и теперь, въ нашей маленькой ссорѣ, мнѣ любопытно видѣть, какъ вы выдержите характеръ.

Я слушалъ ихъ поневолѣ, потому что Ардабьевъ взялъ подъ руку меня, когда отъ этого отказалась Софья Николаевна. Ей было неловко въ моемъ присутствіи, и она пошла немного скорѣе, чтобъ догнать Лѣле и Зою.

— Какъ это странно! скавалъ Ардабьевъ, не оставляя ее:—неужели вы не понимаете, что поступаете по-дѣтски? Кто-жъ мнѣ помѣшаетъ идти рядомъ съ вами и моими сестрами и говорить вамъ то же? Развѣ между нами есть тайны?.. Знаете ли, на васъ дѣйствуетъ вотъ это гибельное вліяніе (онъ указалъ на сестеръ). Что оскорбительнаго, если вамъ говорятъ, что вы прекрасны, любезны: вы сами знаете, что это истина. Если васъ вызываютъ на маленькій споръ, въ которомъ можетъ развиться... выказаться ваше остроуміе...

— Скажите прямо развиться—благодарю васъ за уроки.

— Но это всякій день дѣлается въ свѣтѣ, а вы уже начали жить для свѣта.

— Не знаю, сказала она помолчавъ:—но мнѣ кажется, съ свѣтской дѣвушкой вы не такъ говорите.

Она взглянула на него такъ глубоко и кротко, что я не знаю, какъ Ардабьевъ могъ засмѣяться этому взгляду.

— Правда ваша, отвѣчалъ онъ, освобождая меня и подавая ей руку:—но потому, что ни одна свѣтская дѣвушка не пойметъ ничего такъ тонко и нѣжно, какъ вы; имъ и не стоитъ говорить прямо. Дайте же мнѣ вашу ручку, мой добрый другъ, и не пугайтесь, что я такъ называю васъ при «молодомъ человѣкѣ». Онъ, какъ вы, очень хорошо понимаетъ, что щепетильность не у мѣста. Вы въ этомъ домѣ единственное живое созданіе; и если еще и съ вами буду я соблюдать всѣ тонкости благовоспитаннаго обращенія, жизнь сдѣлается для меня окончательно несносна... А ея, быть можетъ, немного и осталось.

Онъ поднялъ глаза къ густому своду аллеи, сквозь который золотыми нитками просвѣчивало высокое солнце.

— Полноте, сказала Софья Николаевна растроганнымъ голосомъ, который старалась сдѣлать веселымъ:—у васъ опять будетъ дурное расположеніе духа, а мы всѣ такъ рады, что оно прошло. Намъ скоро пора домой, а мы еще не нагулялись.

Они пошли скорѣе: я глядѣлъ имъ вслѣдъ. Аллея темна и длинна; конецъ ея терялся вдали; желтѣла одна дорога, усыпанная пескомъ, и въ прозрачномъ сумракѣ бѣлѣло платье Софьи Николаевны, которая опиралась на руку Ардабьева; эти двѣ стройныя фигуры рисовались передо мною...

Оба они молоды, прекрасны; они, можетъ быть, любятъ другъ друга... Я тоже когда-то бродилъ въ этой аллеѣ...

16-мая, на разсвѣтѣ.

Мнѣ стало такъ грустно вчера, что я не могъ больше писать, оставилъ свою тетрадь и сидѣлъ у окна, глядя на рѣку, въ которой отражались звѣзды. Было такъ тихо, что мнѣ слышался шумъ воды, бѣгущей по жолобамъ на мельницѣ, движенія кузнечиковъ, которые по временамъ вспрыгивали въ травѣ. Небо было такъ серебристо-прозрачно, вода такъ глубока и покойна, растительность такъ пышна и свѣжа... Какъ мнѣ было тяжело!

Гдѣ-жъ загадка счастья?... Все стремится и ищетъ... чего? Или жизнь всякаго живущаго существа неполна?

Чего же недостаетъ моей?... О, многаго! И когда сердце, провѣривъ себя и сознавъ, что вѣчный призывъ и вѣчное стремленіе только отнимаютъ время у настоящаго труда, а любовь къ чему-то невѣдомому есть похищеніе у любви къ нашимъ ближнимъ, когда сердце сознаетъ все это, рѣшится и умно обратится къ дѣйствительности, зачѣмъ еще остается въ немъ та горечь, та тревога, которыя въ настоящую ночь прогнали отъ меня сонъ и наполняли мнѣ глаза слезами... къ несчастью, сознательными, а не дѣтскими!...

Я давно не заглядывалъ въ свою душу. Кто это сказалъ, что душа должна быть каморкой поденщика, который запираетъ ее, уходя съ утра на работу, и возвращается въ нее поздно ночью только для того, чтобы заснуть... Какія ужасныя слова! Неужели когда нибудь я приму ихъ за правило?

Пора спать. Я велѣлъ моей школѣ приходить пораньше; мы много тратимъ времени.

17-мая.

Мой вчерашній день прошелъ несовсѣмъ обыкновенно.

Я спалъ поутру какъ лѣнивецъ; былъ десятый часъ, когда я проснулся, удивляясь и этому, и тому, что не слышалъ за дверью шума моихъ учениковъ. Я началъ съ того, что подосадовалъ на ихъ лѣнь, совсѣмъ не думая, что они могли придти и уйти, не видя своего педагога; но, вставъ и взглянувъ въ окно, разсердился уже не шутя: чья-то осѣдланная лошадь, привязанная къ плетню, безъ милосердія ощипывала мой кленъ. Я пошелъ прогнать ее; но едва отворилъ дверь въ классную, какъ моимъ глазамъ явился Ардабьевъ, сидящій въ моихъ креслахъ, среди пустыхъ столовъ и скамеекъ; онъ былъ преважно занятъ чтеніемъ какой-то учебной книги съ оборванными углами и отмахивался отъ мухъ своимъ хлыстикомъ.

— Какъ вы сюда попали? вскричалъ я, обрадовавшись ему отъ всей души.

— Очень просто: вы вчера вѣрно забыли запереть ваши двери, а я вздумалъ встать пораньше и удивить васъ; кстати успѣлъ сдѣлать доброе дѣло, сейчасъ сюда шли ваши школьники, я велѣлъ имъ идти играть; вонъ они тамъ, у рѣки.

— Вы меня погубите; они не должны знать другой власти, кромѣ моей... Рыбкинъ! закричалъ я въ окно: — вороти своихъ, ступайте учиться.

Чрезъ минуту моя школа уже сидѣла по мѣстамъ, а я поднялъ съ своихъ креселъ Ардабьева, который смѣялся и просилъ позволенія присутствовать при лекціи. Классъ шелъ отлично, къ моему удовольствію. Я прежде говорилъ Ардабьеву о моихъ занятіяхъ и цѣли, и мнѣ было пріятно доказать ему, что я успѣвалъ. Вмѣсто обыкновенныхъ сказочекъ, полуграмотныхъ приложеній къ азбукамъ, мои меньшіе ученики читали внимательно и отчетливо дѣльные отрывки изъ исторіи и путешествій, а старшіе пересказывали то, что было прочтено въ прошлый классъ. Я объяснялъ, чего они не понимали, и диктовалъ имъ объясненія нѣкоторыхъ словъ, что они должны были потомъ выучить наизусть. Они пишутъ правильно и даже красиво. Я немного сократилъ классъ, чтобъ не наскучить моему гостю. Въ продолженіе полутора часа онъ слушалъ насъ очень внимательно и часто оставлялъ книгу, которую взялъ у меня въ комнатѣ. Наконецъ я отпустилъ учениковъ, задавъ уроки.

— У васъ ангельское терпѣніе, сказалъ Ардабьевъ.

— Достоинство небольшое, потому что оно въ моей натурѣ.

— Изъ чего вы бьетесь?

— Много ли я дѣлаю лишняго? По программѣ, я долженъ выучить ихъ читать, писать и считать. Они читаютъ, но не вздоръ; они пишутъ, но то, что можетъ имъ пригодиться впослѣдствіи; они считаютъ — не мильоны, а расходы своего деревенскаго хозяйства. Если чрезъ свое чтеніе они получатъ нѣсколько болѣе развитыхъ понятій, я думаю, это не мѣшаетъ ничему; понятій этихъ немного, но изъ нихъ ни одного ложнаго, и вы видите, какъ мало это стоитъ труда.

— Вы кокетничаете, сказалъ Ардабьевъ: — вамъ это не стоитъ труда! другой бы умеръ съ тоски.

— Да, еслибъ остался при одной азбукѣ.

— Не стану спорить. Какъ вы располагаете вашимъ днемъ?

Я сказалъ, что это совершенно въ его волѣ. Онъ усѣлся у окна въ классной комнатѣ и молча принялся курить, глядя на рѣку. На него нашла минута раздумья, какія я ужъ замѣчалъ прежде.

— Я вамъ не мѣшаю, сказалъ онъ, занимайтесь чѣмъ вамъ угодно.

— Я самъ хочу лѣниться, отвѣчалъ я и сѣлъ у другого окна.

Молчаніе продолжалось; наконецъ Ардабьевъ сказалъ:

— Знаете ли о чемъ я думаю? Какъ вамъ хорошо здѣсь и какъ бы я дорого далъ, еслибъ могъ прожить такъ хоть одно лѣто!

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ, отвѣчалъ я, смѣясь: — я вамъ, пожалуй, уступлю свое мѣсто; ступайте въ приходскіе учители.

— Нѣтъ, нѣтъ! для этого надо родиться... «Приходскіе учители родятся», какъ сказалъ кто-то о поэтахъ... Развѣ я сталъ бы жить, какъ вы и для того, для чего вы живете. Вы наслаждаетесь, я сталъ бы отдыхать. Вы здѣсь готовитесь и занимаете жизнь лучшую, я сталъ бы забывать свою... Какъ мнѣ все надоѣло!

Онъ замолчалъ и, чрезъ минуту взглянувъ на меня, спросилъ:

— Чему вы улыбаетесь?

— Признаться откровенно: вашимъ словамъ. Вы до того избалованы счастьемъ и свѣтомъ, что вамъ все пріѣлось и вы...

— Доканчивайте: позавидовалъ скромнымъ радостямъ молодого человѣка, который не видѣлъ свѣта и бѣдно живетъ своимъ трудомъ. Дурное движеніе — что-жъ, я согласенъ. Но и вы несовсѣмъ правы, когда думаете, что я счастливъ, если избалованъ. Баловство вовсе не счастье.

— Какъ же это?

— Не знаю отчего, продолжалъ онъ, помолчавъ еще разъ:—должно быть, глядя на васъ, слушая васъ, мнѣ этимъ временемъ приходитъ охота размышлять. Можетъ быть, на это есть и другая причина... Прежде я мало размышлялъ, а анализировать себя и не думалъ... Видите ли, мы вовсе не счастливы, когда насъ балуетъ счастье, потому что принимаемъ дары его безъ наслажденія, такъ же хладнокровно, какъ пьемъ воду и ѣдимъ хлѣбъ: счастье входитъ въ привычку и наконецъ надоѣдаетъ какъ привычка. А свѣтское счастье, которымъ вы меня сейчасъ упрекали, наскучаетъ скорѣе всего; къ тому же оно нестерпимо однообразно—игра, балы, женщины...

— Неужели въ удовольствіяхъ у васъ никогда не было истиннаго увлеченія?

— Какъ не быть! отвѣчалъ онъ, улыбаясь: — выиграть много и промотать, осмѣять соперника, взбѣсить ревниваго мужа — все это очень пріятно, но отъ всего остается одна усталость. Отъ нечего дѣлать опять принимаешься за то же и, къ несчастью, успѣваешь всякій разъ — къ несчастью, потому что при неудачѣ, можетъ быть, сталъ бы умнѣе и одумался и, можетъ быть, поискалъ бы чего нибудь получше.. Да есть ли что нибудь лучшее?

— Есть, сказалъ я:—счастье дѣлать свое дѣло.

— Какое-жъ, напримѣръ, служить? Я служилъ, увѣряю васъ, усердно и охотно; а еслибъ даже вздумалъ залѣниться, то моя мачиха не потерпѣла бы этого и поссорила бы меня съ покойнымъ отцомъ. Я любилъ мои занятія и мою службу, но служба не занимала всего моего времени. Что мнѣ оставалось дѣлать?

— У васъ есть семья, возразилъ я тихо.

Ардабьевъ принялся опять глядѣть въ окно; я не видѣлъ больше его лица, а только голубыя струйки дыма, которыя, вылетая, разстилались въ свѣжемъ воздухѣ,

— Знаете ли почему я чѣмъ-свѣтъ пріѣхалъ къ вамъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Нѣтъ.

— Я бѣжалъ отъ моей семьи.

Онъ замолчалъ опять; я всталъ и подошелъ къ нему.

— Какъ же это могло случиться?

— Очень просто. Вы вчера ушли рано, а мы успѣли поссориться. Когда подумаешь, изъ какихъ вздоровъ состоитъ жизнь, на какое зло она тратится!... Вчера вечеромъ пріѣхалъ нарочный отъ одной родственницы Варвары Петровны, съ письмомъ и приглашеніемъ на свадьбу ея дочери. Эта почтенная родственница была сначала въ процессѣ, потомъ въ ссорѣ съ моимъ отцомъ и до его смерти не ѣздила къ намъ въ домъ. Послѣ она возобновила свои посѣщенія. Варвара Петровна скрывала ихъ отъ меня цѣлые три года, и я только вчера узналъ объ этой воскресшей дружбѣ. Конечно, это открытіе меня удивило и взбѣсило, особенно когда я хорошо знаю поступки этой дамы въ отношеніи къ моему отцу. Но это—родственница Варвары Петровны, и мнѣ замѣтили, что дѣло больше до меня не касается, что я могу ошибаться, что я предубѣжденъ, что я вспыльчивъ безъ толку, что у меня дурной характеръ и прочее. Я потребовалъ, чтобъ,

по крайней мѣрѣ, сестры мои не ѣхали къ ней. Варвара Петровна сказала, что онѣ ея дочери... Ну, и все было сказано. У меня разболѣлась грудь, поднялся кашель, я не уснулъ во всю ночь, а на зарѣ велѣлъ осѣдлать лошадь и уѣхалъ... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, я могу успокоиться.

Ему, въ самомъ дѣлѣ, было необходимо успокоиться.

— А вы говорите мнѣ о семьѣ! продолжалъ онъ. — Вы не знали вашей матери, а я, еще теперь, когда ужъ многое для меня прошло, помню ея ласки, ея лицо. Можно забыть свою первую любовь, мать не забудешь. Я былъ уже не маленькій ребенокъ, когда она умерла, и уже все понималъ, когда, едва спустя годъ, чужую мнѣ велѣли звать матерью... Ласки я не видѣлъ отъ нея; я получалъ приказанія и наказанія; она учила меня дома и посылала учиться; кромѣ ученья и наставленій я ничего не помню... Она заняла не только мѣсто хозяйки въ домѣ, но и мое мѣсто въ любви отца; она слѣдила за мною, гдѣ могла, брала власть; она связывала всю жизнь мою; я не смѣлъ признаваться отцу въ моихъ нуждахъ; онъ бы все пересказалъ ей... а когда она начала о нихъ догадываться и великодушно помогать мнѣ — это было всего тяжелѣе! Она поняла, что мнѣ тяжело, когда уговорила отца отдать мнѣ все его имѣніе... Еслибъ это было у его смертной постели, ни за что-бъ я не принялъ, я бы настоялъ, чтобъ онъ раздѣлилъ его между мной и дѣтьми той женщины, которую онъ выбралъ на мѣсто моей матери!.. Зато, по крайней мѣрѣ, я свободенъ, и хоть у меня долги, хоть у меня подчасъ нѣтъ гроша, но я ничѣмъ не обязанъ Варварѣ Петровнѣ. Я одинъ разъ сказалъ, что не хочу, что мнѣ довольно своего. Вы знаете, я не живу съ ними; онѣ въ деревнѣ, я всегда въ городѣ, по службѣ; а когда онѣ пріѣзжаютъ въ городъ, у насъ разныя квартиры. Со смерти отца мы въ первый разъ сходимся подъ одной кровлей...

— Вообразите, заговорилъ онъ опять послѣ минутнаго молчанія, котораго я не прерывалъ, чтобъ не остановить его откровенности: — вообразите, какъ она умоляла меня ѣхать съ нею сюда! какъ будто ей Богъ-знаетъ какъ дорого мое здоровье: дѣло доходило до слезъ. Еслибъ послушать ее, мнѣ бы слѣдовало подать въ отставку. Хорошо, что я взялъ только отпускъ. «Александръ, думай только о себѣ, о томъ, какъ тебѣ поправиться»... Вы знаете, я чуть не умеръ нынѣшней зимой. Много поправишься здѣсь, когда каждую минуту противорѣчія, сцены и эта смертельная скука! Не перечтешь всѣхъ мелочныхъ непріятностей, которыя я выношу всякій день. Напримѣръ, я много трачу, живу неосновательно — конечно, это глупо, но ужъ такъ принято; наконецъ, не сотворенъ я акуратнымъ... Варвара Петровна не пропуститъ случая потолковать при мнѣ объ экономіи, о всякой, начиная съ политической, прочитать своимъ дочерямъ мораль о бережливости. Дядя Рановскій—ея антипатія, хоть она и не выражаетъ этого прямо, но мнѣ довольно ея размышленій о нецеремонности, о разгульной жизни — а онъ мнѣ единственный родной и другъ, и самъ я люблю жить весело. Для ея ораторскихъ рѣчей недоставало только живыхъ примѣровъ добродѣтели, и вотъ, наконецъ, нашелся убѣдительный примѣръ — вы... Ради Бога, простите меня, вы видите, я разсерженъ...

— И боленъ, сказалъ я. — Оставьте все это, перестаньте мучиться, отдохните у меня...

Не могу описать, какъ я былъ удивленъ и тронутъ, когда, вмѣсто отвѣта, онъ меня обнялъ. Не знаю, какъ онъ понялъ слова мои, но если нашелъ въ нихъ утѣшеніе, оно ничего не значило предъ тѣмъ счастьемъ, которое я почувствовалъ. Меня никто никогда не благодарилъ, никто никогда не довѣрялъ мнѣ своей печали. Въ эту минуту предо мной промелькнуло все мое горе, мои надежды, мое настоящее, и я сказалъ себѣ, что я больше не одинъ, что мнѣ, наконецъ, далось то, къ чему такъ стремилась моя душа. Меня поймутъ, утѣшатъ, одобрятъ... У меня есть другъ... Я не упалъ бы съ такимъ восторгомъ и на грудь любимой женщины...

Мы долго не говорили ни слова. Ардабьевъ былъ скученъ и, опираясь головой на руки, разсѣянно глядѣлъ въ окно. Я не хотѣлъ продолжать тяжелаго разговора, который могъ возобновить его печаль и досаду; чтобъ сберечь ему лишнюю минуту покоя, я охотно отказывался отъ его довѣренности. Мы еще успѣемъ наговориться.

Мимо окна прошелъ человѣкъ изъ Покровскаго, зачѣмъ-то присланный въ Слободку. Ардабьевъ остановилъ его.

— Уѣхала Варвара Петровна?

— Послѣ обѣда ѣдутъ.

— Я попрошу у васъ обѣда, сказалъ мнѣ Ардабьевъ по-французски и прибавилъ лакею: — возьми мою лошадь, отведи домой и скажи, что я не возвращусь до вечера.

Мнѣ хотѣлось получше угостить моего

друга; и такъ какъ часъ моего ранняго обѣда ужъ наставалъ, а Ардабьевъ не хотѣлъ, чтобъ я для него перемѣнялъ мои привычки, я пошелъ къ отцу Аѳанасію, распорядиться. Чрезъ полчаса мы сидѣли оба у накрытаго класснаго стола, Мавра намъ прислуживала, и намъ было очень весело. Потомъ мы ушли въ тѣнь, улеглись и, наговорившись и насмѣявшись, заснули крѣпко. Проснувшись, мы еще долго лежали, укрываясь отъ жара. Ардабьевъ былъ веселъ, разсказывалъ разные случаи своей жизни, разныя свѣтскія исторіи; припоминалъ приключенія, въ которыхъ онъ бывалъ дѣйствующимъ лицомъ, знакомилъ меня съ своими знакомыми и умѣлъ разсказывать все это такъ живо и занимательно, что меня увлекала эта незнакомая мнѣ жизнь, а эти лица будто проходили предо мною. Я, въ свою очередь, дѣлалъ замѣчанія и, основываясь на его разсказахъ, выводилъ часто совсѣмъ другія заключенія объ этихъ людяхъ; онъ спорилъ и доказывалъ, хотя несходство нѣкоторыхъ понятій только еще сближало насъ и часто мы нечувствительно переходили отъ разсказа къ анализу.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, переучите меня по-своему, сказалъ Ардабьевъ, примѣтя новое направленіе, которое бралъ нашъ разговоръ:—вы часто берете людей не каковы они есть, а какими бы могли быть, и заставляете меня отыскивать характеры тамъ, гдѣ я ихъ и не подозрѣвалъ. У васъ во всемъ наклонность, влеченіе души, тогда какъ я и въ другихъ и въ себѣ вижу отсюда одинъ только капризъ дѣйствовать въ такомъ-то случаѣ такъ или иначе.

Я возражалъ ему—и это мое убѣжденіе—что если мы признаемъ характеры и движенія души въ лицахъ, представляимыхъ въ романахъ, то почему такъ упрямо отказываемся признавать ихъ въ самихъ себѣ и нашихъ знакомыхъ; что жизнь каждаго изъ насъ внутренно даже богаче той, которую воображаютъ романисты; что они описываютъ непремѣнно съ природы, то есть съ того, что есть, и наконецъ, что отказывать себѣ въ достоинствѣ быть внутренно занимательнымъ и стоющимъ разбора—ужъ верхъ смиренія, даже ложнаго.

Онъ смѣялся.

— Вамъ очень хочется быть героемъ романа, говорилъ онъ:—и дать мнѣ это интересное положеніе. Извольте. Вы видѣли, въ какихъ романахъ я былъ героемъ, и знаете моихъ героинь. Жаль, что я вездѣ былъ одинъ и тотъ же, а онѣ несносно похожи одна на другую.

И мы опять принимались доказывать и спорить. Такъ прошло у насъ время до вечера; о немъ возвѣстила намъ длиннѣйшая тѣнь липъ, подъ которыми мы укрывались. Нашъ разговоръ становился серьезнѣе. Отъ мелкихъ и частныхъ характеровъ мы перешли къ сужденіямъ болѣе общимъ, болѣе возвышеннымъ, дорогимъ мнѣ. Ардабьевъ выслушивалъ меня внимательно и охотно; онъ возражалъ ужъ менѣе, напротивъ, его взглядъ часто пояснялъ мой и развивалъ во мнѣ новыя понятія. Онъ судилъ часто рѣзко, иногда безпощадно, но я съ наслажденіемъ видѣлъ, что мы сходимся въ главномъ, потому я и говорилъ съ увлеченіемъ, спѣша высказаться наконецъ передъ человѣкомъ, который мнѣ сочувствовалъ. Мы ушли въ поле. Просторъ и небо, тишина и счастье, которое вѣяло надъ землею, еще болѣе располагали меня къ моей отрадной довѣренности. Я говорилъ долго. Ардабьевъ слушалъ меня, не прерывая и задумываясь. Я остановился, боясь не утомилъ ли его, и сказалъ ему это.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—не бойтесь, нисколько. Правда, хотя мы почти однихъ лѣтъ, но такъ разно прожили эти года, что чувства, которыя выросли и развились въ васъ, во мнѣ притуплены или забыты, но мнѣ пріятно припоминать ихъ и думать... Скажу вамъ больше: съ нѣкоторыхъ поръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, желаніе думать и вглядываться все усиливается во мнѣ. Я вамъ шутя сказалъ, что оно пришло глядя на васъ; но теперь признаюсь, что это правда. Во мнѣ развивается какая-то странная грусть... не оттого ли, что жизнь моя проходитъ — я это чувствую... и мнѣ такъ хочется скорѣе надуматься, на все наглядѣться, на все, чего я прежде не замѣчалъ, бывало...

Мы сѣли подъ тѣмъ скатомъ оврага, за которымъ такъ хорошо разстилается вся наша окрестность. Ардабьевъ глядѣлъ на рѣку, на луга, уже начинавшіе синѣть при вечерѣ, и, задумываясь, замолчалъ опять. Вокругъ насъ было торжественно тихо. Ручей едва журчалъ въ глубинѣ оврага; птицы притихли въ орѣшникѣ; на поляхъ разстилался туманъ; небо было тепло и блѣдно, только вдали, на самомъ закатѣ, лежала розовая тучка; она выплывала и растягивалась полосами, которыя изъ розовыхъ переходили въ блѣдно-лиловыя, въ бѣлыя, наконецъ вдругъ потемнѣли и слились длинной синей грядой; изъ-подъ нея подулъ легкій, холодноватый вѣтеръ. Я смотрѣлъ, какъ подъ

нимъ наклонились стебли тонкой травы и заволновалась рѣчка, тоже вдругъ потемнѣвшая.

— Я люблю это, сказалъ Ардабьевъ.

И онъ сталъ также разсѣянно слѣдить за тучею.

— Какъ странно и поздно приходитъ ко мнѣ эта страсть, продолжалъ онъ: — я теперь глазъ не отвелъ бы отъ неба; къ землѣ такъ и хочется припасть и смотрѣть, смотрѣть... И точно будто боишься, что не успѣешь, будто раскаяваешься, что поздно вздумалъ... И во всемъ такъ, во всемъ прекрасномъ, въ природѣ и въ людяхъ, о чемъ мы сейчасъ говорили...

Туча приближалась. Я первый напомнилъ, что пора домой.

— Пойдемте, сказалъ онъ: — мнѣ предстоитъ сегодня одному скучать цѣлый вечеръ, а завтра я уѣду къ дядѣ; я не хочу больше оставаться въ Покровскомъ. Пойдемте и ночуйте у меня.

Я согласился; но, кромѣ желанія сдѣлать ему удовольствіе, у меня мелькнула еще и другая мысль. Его намѣреніе уѣхать изъ Покровскаго, видимо, происходило отъ необдуманной досады и болѣзненной раздражительности; я надѣялся убѣдить Ардабьева, что оно безразсудно и дурно, что чѣмъ болѣе онъ правъ, тѣмъ болѣе долженъ быть снисходителенъ; что, отплачивая мачихѣ непріятностью за непріятность, онъ дѣлаетъ хуже, нежели она. Я былъ увѣренъ, что Ардабьевъ согласится со мной; но, чтобъ заговорить объ этомъ, заранѣе выбиралъ минуту, когда мы будемъ вдвоемъ въ его кабинетѣ. Мы шли скоро; туча спѣшила за нами. Подходя къ дому, мы оба очень удивились, увидя огни въ залѣ.

— Что это значитъ? кто у насъ? спросилъ Ардабьевъ у людей, входя на крыльцо.

— Никого.

— Отчего же зала освѣщена?

— Варвара Петровна еще не уѣзжала.

Мы молча оба прошли въ кабинетъ. Ардабьевъ спросилъ огня и ходилъ по комнатѣ, несмотря на то, что, пока мы шли домой, жаловался на усталость. Вдругъ въ залѣ раздался голосъ Варвары Петровны.

— Александръ Григорьичъ возвратился?

— Я здѣсь, сказалъ онъ, выходя къ ней.

Я видѣлъ, что онъ не хотѣлъ дѣлать меня свидѣтелемъ этой встрѣчи, но онъ забылъ затворить дверь, а мнѣ самому было неловко затворять ее за нимъ, въ глазахъ его мачихи, которая не знала, что я здѣсь; я поневолѣ слышалъ все.

— Вы не уѣхали? спросилъ Ардабьевъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — я не могла уѣхать.

— Что-жъ вамъ помѣшало?

— Я не хотѣла ѣхать, не видавъ тебя, Александръ.

— Мы вчера простились. Я, слава Богу, здоровъ.

— Александръ, я не люблю этого тона. Я сколько разъ просила тебя не говорить такъ.

— Извините.

— Ты знаешь, что это для меня тяжело.

— Еще разъ, извините.

— Нѣтъ, это слишкомъ! Прошу тебя, Александръ, если я тебя огорчила, если я виновата предъ тобой, прости меня.

— Помилуйте, вы въ правѣ дѣлать, что вамъ угодно.

— Я знаю, что я въ правѣ, и не прошу прощенія въ томъ, что дѣлаю; но я не могла уѣхать, не попросивъ прощенія въ моихъ словахъ... Ты знаешь, я вспыльчива.

— А!.. я тоже вспыльчивъ.

— Но, наконецъ, другъ мой, если чѣмъ нибудь, когда нибудь я могла заслужить хоть немного твоей привязанности, прошу тебя...

— Не безпокойтесь, я не дитя, чтобъ огорчаться такими мелочами. Вы ни въ чемъ не виноваты.

— Но ты огорчилъ меня, конечно, въ первый разъ въ жизни... Уйти на цѣлый день... что я должна была думать? Признаться ли, я боялась, что ты уѣхалъ...

Ардабьевъ расхохотался.

— Вѣрно, подобная глупость не могла придти мнѣ въ голову! Такъ вы ѣдете завтра?

— Да, на зарѣ.

— Прощайте. Впрочемъ, мы еще увидимся.

— Нѣтъ, нѣтъ, спи, ради Бога; я знаю, ты не спалъ эту ночь. Что твоя грудь?

— Ничего. Покойной ночи.

— Прощай, другъ мой.

Я услышалъ ея поцѣлуй. Чрезъ минуту Ардабьевъ вошелъ и бросился на кушетку. Намъ принесли чай и ужинъ, до котораго никто изъ насъ не дотронулся. Спросивъ, нуженъ ли мнѣ камердинеръ, Ардабьевъ отослалъ его и уснулъ, или притворился спящимъ на своей кушеткѣ. Я легъ на приготовленную мнѣ постель; предъ утромъ меня разбудило осторожное движеніе въ домѣ. Я былъ радъ встать рано, одѣлся и вышелъ. Въ залѣ я встрѣтилъ Варвару Петровну, готовую къ отъѣзду.

— Я узнала, что вы здѣсь и встали, сказала она мнѣ: — и шла васъ просить: не оставляйте Александра, пока насъ не будетъ дома. Мы проѣздимъ довольно долго. Если онъ будетъ нездоровъ, напишите мнѣ... пишите мнѣ обо всемъ: онъ самъ лѣнивъ.

Она подала мнѣ руку, прощаясь. Я проводилъ ее и дочерей и посадилъ ихъ въ карету. Солнце еще не всходило и я разсчелъ, что успѣю побывать дома до тѣхъ поръ, пока проснется Ардабьевъ; придя сюда, моимъ первымъ дѣломъ было записать все это. Теперь 9 часовъ, я кончилъ свой классъ и иду въ Покровское.

Софья Николаевна осталась дома съ m-lle Штюрмеръ.

Въ тотъ же день, вечеромъ.

Я опять дома и то ненадолго. Ардабьевъ заставляетъ меня переселиться на нѣсколько дней къ нему; распоряжусь съ своей школой и отправлюсь. Я не могу оставить Ардабьева: вчерашняя вечерняя сцена его разстроила на весь день. Когда я сказалъ ему, что видѣлъ отъѣздъ мачихи его, онъ спросилъ, смѣясь, слышалъ ли я вчерашнее трогательное прощаніе.

— Вотъ лицемѣріе! говорилъ онъ: — дожидаться меня для того, чтобъ весь домъ и сосѣди знали, что мы повздорили; униженно просить прощенія, если «чѣмъ нибудь заслужила мою привязанность...» Да, я очень знаю и безъ того, что получаю отъ нея подарки, а прежде получалъ содержаніе. И потомъ нѣжныя заботы о моемъ здоровьѣ! Какими заботами она поправитъ то, что я не встаю сегодня?..

Онъ, конечно, раздраженъ, но тѣмъ не менѣе стóитъ участія. Я сужу по его словамъ, которымъ не могу не вѣрить. И въ самомъ дѣлѣ, разбирая хорошенько, въ этомъ наружномъ благородствѣ Варвары Петровны есть какое-то мелочное желаніе самой выказаться съ лучшей стороны. Я былъ очень радъ не говорить о ней больше. Если всегда она поступала такъ, то ясно, почему не могла привязать къ себѣ Ардабьева. Его характеръ чрезвычайно нѣженъ и разборчивъ, и именно потому меньше бы оскорбляло его прямое и грубое недоброжелательство, нежели это притворство, которое такъ тонко, будто бы стараясь скрыть ихъ, выставляетъ чужія вины и свои достоинства. По наружности, въ глазахъ людей, привыкшихъ судить съ плеча, виноватымъ будетъ онъ, потому, что вспышки и колкости большею частью принадлежатъ ему; но эти вспышки и колкости только послѣдствія внутренняго мученія, которое его заставляютъ выносить гоненіемъ, съ вида тихимъ и кроткимъ. Не понимаю, какъ, зная Ардабьева почти съ младенчества, Варвара Петровна не захотѣла вникнуть въ его характеръ, не привязалась къ нему и не умѣла привязать его къ себѣ? Это такъ легко. Въ немъ столько милой безпечности, которою могла бы пользоваться женщина, столько истиннаго благородства и любви ко всему хорошему. Онъ сознаетъ себя безъ гордости, а его понятія о добрѣ до того возвышенны, что онъ говоритъ, что не дѣлалъ зла ужъ не потому, что оно зло, но потому, что не хотѣлъ прикасаться къ нему, зная, что оно низко. Его отвращеніе отъ всего дурного не есть женская нервная раздражительность, а глубокое и гордое мужское презрѣніе. Одинъ разъ, при мнѣ, Ранòвскій разсказывалъ какое-то не совсѣмъ хорошее дѣло; по моей привычкѣ, я молча обсуживалъ и многое извинялъ. Ранòвскій, по своему обыкновенію, говорилъ очень громко, что въ этихъ людяхъ нѣтъ ни чести, ни совѣсти. Ардабьевъ вступился.

— Пожалуйста, не защищай ихъ! закричалъ дядя.

— Я защищаю вовсе не ихъ, возразилъ Ардабьевъ: — но тѣ слова, которыя вы употребляете, говоря о нихъ. Еслибъ честь и совѣсть могли олицетвориться, онѣ бы и взглянуть не захотѣли на это дѣло, а вы толкуете о нихъ и разбираете, на сколько онѣ забыты.

Ранòвскій не понялъ его, но я понялъ и запомнилъ эти слова. По этой мѣркѣ судитъ онъ обо всемъ, и мнѣ нравится этотъ гордый судъ, это рѣшеніе одного благородства, одного врожденнаго достоинства души человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему разбирать, почему и какъ что дурно, какимъ закономъ и за что оно осуждено и запрещено? Довольно знать, что дурное недостойно насъ. Вѣрнѣйшее, лучшее правило и для насъ самихъ: страхъ потерять свое собственное уваженіе.

Мы весь день были одни. Софья Николаевна не выходила отъ гувернантки, которая нездорова и у себя въ комнатѣ...

Ардабьевъ не дождется: онъ ужъ прислалъ за мной. Беру съ собой эту тетрадь; я всегда найду время записать въ ней, а это сдѣлалось для меня необходимостью.

18-го мая.

Вчера я только что пріѣхалъ изъ Слободки. Ардабьевъ былъ занятъ съ управляющимъ

и я ушелъ въ садъ, гдѣ люблю бродить одинъ. Ужъ смеркалось; это мое любимое время; вечеръ былъ удивительный. Подъ деревьями было темно и душно. Я шелъ глухими дорожками, заросшими травой, къ пруду, который свѣтился издали, къ прекрасной купѣ березъ, тонкихъ и высокихъ; онѣ растутъ такъ свободно и раскинулись такъ живописно, что я особенно люблю ихъ. Въ прошломъ году, уходя изъ Покровскаго по вечерамъ, я часто нарочно приходилъ къ этимъ березамъ и смотрѣлъ, какъ онѣ отражаются въ водѣ. Сегодня я задумался подъ ними, но, странно, безъ сожалѣній, почти безъ воспоминаній —такъ сильно воспоминанія связывались у меня съ настоящимъ. Оглядываясь, я замѣтилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла Софья Николаевна; я не видѣлъ, какъ она подходила, тоже не видя меня. Эта встрѣча меня обрадовала. Я подошелъ къ ней и спросилъ:

— Какъ могло случиться, что я не видѣлъ васъ цѣлый день?

Она взглянула на меня какъ будто смутясь, но отвѣчала спокойно:

— И вы, и я были заняты своимъ дѣломъ.

Мы пошли вмѣстѣ по дорожкѣ къ березамъ.

— Не знаю почему, сказала она:—на меня вечеромъ большія деревья наводятъ печаль.

— Для чего-жъ вы смотрите на нихъ?

— Я люблю бывать здѣсь.

Я смотрѣлъ на нее, пока она стояла у пруда. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ и въ немъ рѣзко чернѣла стройная фигура дѣвушки. Я только тутъ замѣтилъ, что въ самомъ очеркѣ и склонѣ ея головы, во всѣхъ ея движеніяхъ есть что-то печальное, но необыкновенно милое и граціозное. Прошедшее сильно набѣжало мнѣ въ сердце, но ненадолго, и осталось только пріятное чувство видѣть такое прекрасное созданіе тамъ, гдѣ, мнѣ казалось, все мрачно и пусто. Она оглянулась и смутилась, увидя меня, какъ будто ожидала, что я уйду, пока она не обращала на меня вниманія; я понялъ самъ, что долженъ былъ бы уйти, но мнѣ этого рѣшительно не хотѣлось, особенно съ той минуты, какъ она на меня взглянула; напротивъ, я подошелъ къ ней ближе.

— Какъ здѣсь хорошо и тихо! сказала она съ небольшимъ волненіемъ.

— Случалось ли вамъ, спросилъ я, понижая голосъ, чтобъ не нарушить тишины, къ которой она прислушивалась: — случалось ли вамъ выбрать какое нибудь любимое мѣсто и говорить себѣ, что здѣсь вы охотно остались бы на всю жизнь?

— Нѣтъ, сказала она;—мнѣ многое такъ нравилось, что я не знала бы на что рѣшиться. Мнѣ будетъ жаль уѣхать изъ Покровскаго, и особенно жаль, что пройдетъ это чудесное лѣто.

— Оно только началось.

— Все равно; надо думать о концѣ.

— Эти березы наводятъ на васъ грусть. Неужели вамъ не пріятно думать о зимѣ, объ удовольствіяхъ, которыя васъ ожидаютъ?

Она немного помолчала, потомъ вдругъ обратилась ко мнѣ и спросила, будто рѣшаясь:

— Вы не шутите?

— Нисколько, увѣряю васъ.

— Такъ вы очень ошибаетесь, или мало знаете свѣтъ... извините меня. Неужели вы думаете, что въ свѣтѣ очень весело дѣвушкѣ, которая не богата?.. Когда я, одинъ разъ, сказала это Александру Григорьичу, онъ не давалъ мнѣ покоя, говоря, что я безъ мѣры самолюбива. Мнѣ хотѣлось бы знать, что вы думаете.

— Вы сказали правду, отвѣчалъ я:—я не знаю свѣта, но, мнѣ кажется, тамъ, какъ вездѣ, найдутся люди, которые поймутъ и оцѣнятъ прямое благородство, а его много въ вашемъ сознаніи. Вы не богаты, за то вы не будете царицей въ этомъ свѣтѣ, а ваше сердце возмущается при одной мысли возбудить зависть—такъ ли я отгадалъ васъ? Вы лучше захотите, чтобъ васъ забыли, нежели за васъ забывали; вы скорѣе согласитесь страдать сами, нежели, какъ эти блестящія счастливицы, мучить и заставлять страдать другихъ...

— Вы говорите какъ будто ихъ знаете, прервала она, улыбаясь.

— Знаю, сказалъ я:—и говорю вамъ такъ прямо потому, что вы не похожи на нихъ. Благодарите же судьбу, что она отняла у васъ и матеріальное средство сдѣлаться на нихъ похожими. Будьте веселы, беззаботны, горды и вѣрьте, безъ этой свѣтской игры найдется чувство, которое отвѣтитъ на ваше истинное чувство...

— Отчего же иногда такъ тяжело живется? сказала она тихо, будто спрашивая себя.

— Гдѣ? въ обществѣ?

— Нѣтъ, Богъ съ нимъ!.. Въ жизни.

— Оттого, что вы чувствуете. Разберите: вамъ тяжело не за себя. Вы сожалѣете и негодуете за другихъ; вы волнуетесь чу-

жимъ дѣломъ. Васъ мучитъ, зачѣмъ не такъ, какъ бы должно, живутъ другіе и зачѣмъ, потому, что и вы сами не то чѣмъ бы хотѣли быть. Перемѣнись внутренняя жизнь другихъ, перемѣнилась бы и ваша. Вотъ ваша борьба за счастье!

— Вы представляете меня совершенствомъ, сказала она, выслушавъ внимательно мои отрывочныя слова.—Неужели я была бы счастлива только оттого, что вокругъ меня были бы счастливы?

— Чего-жъ другого недостаетъ вамъ?

— Ваша правда. У меня собственно нѣтъ ни огорченій, ни лишеній.

— Но развѣ они—несчастье?

— А что-жъ?

— Необходимое дѣло жизни, ея обстановка. Можно быть счастливымъ и при нихъ. Я называю борьбой за счастье—борьбу за свое внутреннее довольство. Умѣть вынести все, утраты, горе, лишенія, несправедливости, несовершенство другихъ, и, вынося ихъ, не потерять теплоты души своей, продолжать любить горячо, продолжать свой трудъ, начатый для блага другихъ, съ той же любовью и самозабвеніемъ, съ какими онъ былъ начатъ—тогда борьба выдержана; и хотя бы въ ней прошла вся жизнь, она прошла недаромъ: въ ней каждая минута была — счастье!

Я взглянулъ на Софью Николаевну: она смотрѣла на меня и въ ея глазахъ свѣтилась какая-то радость. Она, однако, не отвѣчала мнѣ и казалась смущена, когда я подалъ ей руку, предлагая проводитъ ее домой. Мы пошли мимо пруда, правильно-четыреугольнаго и свѣтлаго. Въ тростникахъ шевелились дикія утки; маленькій новорожденный мѣсяцъ глядѣлся и дрожалъ въ чуть-всколыханной водѣ. За поворотомъ дорожки исчезли наши березы. Софья Николаевна оглянулась на нихъ.

— Прикажете провести васъ къ балкону вашей комнаты? спросилъ я.

— Нѣтъ, пойдемте въ залу, я еще не видѣла Александра Григорьича.

Онъ стоялъ на балконѣ.

— Вы являетесь, какъ Татьяна и Онѣгинъ, сказалъ онъ, встрѣчая насъ.

Софья Николаевна сказала, что пришла его провѣдать.

— Зачѣмъ это оправданіе? возразилъ онъ;—развѣ я выговариваю? Помилуйте, я не m-lle Штюрмеръ, напротивъ, я очень радъ, что вы позволяете себѣ какую нибудь свободу... хоть подышать чистымъ воздухомъ. Наслаждайтесь вашей вакаціей.

Она была немного смущена его шуткой, но Ардабьевъ старался прогнать это впечатлѣніе, уговаривалъ ее еще пробыть съ нами нѣсколько времени, заставилъ сыграть два вальса и увѣрялъ, что она играетъ не такъ дурно, какъ говорятъ ей. Онъ шутилъ надъ ея принужденностью оставаться между нами и спрашивалъ серьезно, что-жъ она будетъ дѣлать, когда будетъ хозяйкой дома?

— Неужели вы, какъ мои сестры, думаете, что все еще рано? Вы ужъ живете. Развѣ положенъ срокъ, что въ такой-то день и часъ дѣвушка можетъ начинать нравиться, разсуждать, любить?... Женщина должна учиться этому и въ теоріи, и на практикѣ со дня своего рожденія.

Несмотря на его немного учительскій тонъ, съ нимъ не можетъ быть непріятно дѣвушкѣ. Я любовался, какъ онъ находилъ тонкую и милую шутку, привѣтствіе и похвалу безъ пошлости; какъ онъ ловко умѣлъ слегка разсердить и чрезъ минуту получить прощеніе словомъ чувства; какъ онъ пользовался всякимъ словомъ этой дѣвушки и умѣлъ принять его, какъ ему хотѣлось; какъ онъ обижался для того, чтобъ ему яснѣе выговорили, что не хотѣли его обидѣть. Я понимаю теперь, что онъ безъ хвастовства могъ сказать, что былъ любимъ много разъ: не любить его, не поддаться его обаянію — невозможно. Это то же кокетство, и оно было бы непростительно въ другомъ, но Ардабьеву я его прощаю: я знаю, оно происходитъ отъ избытка нравственныхъ силъ, которыя, когда не выражаются глубоко и обдуманно, то проявляются въ легкой, прихотливой игрѣ. Въ ней не вся его душа; это только лишній цвѣтъ ея. У другихъ это качество натянуто, разсчитано—у него оно невольно. Это простое проявленіе ума и той прелести, которою я любуюсь въ немъ, какъ въ женщинѣ. Конечно, оно опасно, потому что сильно привязываетъ, но онъ не виноватъ: онъ завлекать не думаетъ. Для истинной любви онъ находитъ выраженія истинныя и сильныя. Онъ разсказывалъ намъ свою первую любовь; слушая его, я воображалъ себя, но его любили взаимно и только одна воля отца, то есть вліяніе Варвары Петровны, разлучили его съ прекрасной, но бѣдной дѣвушкой. Она утѣшилась и вышла за другого, но онъ никого такъ не любилъ... Софья Николаевна слушала его разсказъ съ замѣтнымъ волненіемъ и избѣгала взглянуть на кого нибудь изъ насъ. Ардабьевъ кончилъ шуткой, извинился, что заставилъ ее выслу-

шать такую незанимательную исторію, и просилъ вѣрить, что первая неудача истиннаго чувства не сдѣлала его разочарованнымъ на вѣки.

— Еслибъ и такъ, сказала она, это должно заботить только васъ.

Я видѣлъ, что Ардабьеву стало досадно, что его оскорбилъ этотъ отвѣтъ на шутку, которою онъ, можетъ быть, хотѣлъ скрыть чувство болѣе глубокое. Онъ заговорилъ о другомъ, и мы провели еще нѣсколько минутъ довольно принужденно. Софья Николаевна и онъ простились холодно. Я ожидалъ отъ Ардабьева вспышки и досады, но, уходя къ себѣ, онъ сказалъ только:

— Какъ я устаю, когда говорю долго!

24-го мая.

Наше время идетъ разнообразно, но мнѣ хорошо; это самое вѣрное слово, которымъ я могу выразить состояніе души моей.

Какъ нельзя болѣе ясно, что они любятъ другъ друга. Для двухъ такихъ прекрасныхъ созданій иначе и быть не могло. Его любовь выражается иногда маленькими причудами, шутками, и въ эти минуты я любуюсь умомъ, съ которымъ эта дѣвушка умѣетъ ставить его на мѣсто; она ясно и спокойно выслушиваетъ его сдержанно-страстную рѣчь, холоднымъ словомъ или строгимъ взглядомъ останавливаетъ его порывы, скромно отдаляетъ малѣйшее изліяніе; она даже не подаетъ ему руки, здороваясь и прощаясь. За то, когда онъ печаленъ, она такъ кротка, тиха и привѣтлива, такъ добра и непринужденна, что я завидую ему; она угождаетъ ему, читаетъ, играетъ для него, позволяетъ ему перебирать ея работу... Онъ оцѣниваетъ это, потому что я вижу любовь въ его взглядахъ и движеніяхъ. Кажется, любовь ихъ ясна для нихъ обоихъ, но еще не высказана. Впрочемъ, почему знать? я не смѣю спросить Ардабьева; эту святыню сладко беречь въ тайнѣ.

Пусть они будутъ счастливы. Пусть въ глазахъ моихъ выростетъ чье нибудь счастіе! Она любитъ въ первый разъ, а онъ успокоиваетъ въ этой любви свою усталую душу, возрождается отъ свѣтской скуки и прихотей, которыя тамъ, въ свѣтѣ, величаютъ чувствомъ. Если съ вида иногда его любовь похожа на такую же прихоть, я знаю, что въ его душѣ довольно силы для того, чтобъ это была не прихоть, а истина. Его душа свѣтла и благородна, и счастье этого человѣка, называющаго меня другомъ, дорого мнѣ, какъ мое собственное. Ни съ кѣмъ еще не дѣлился я чувствомъ, надеждами на лучшее, возможное въ мірѣ, и никто не понималъ меня такъ, какъ онъ. Это не дружба братьевъ, связанныхъ между собой ужъ отъ рожденія самой природой; это разумный, свободный выборъ разумныхъ существъ, изъ которыхъ каждое находитъ въ другомъ болѣе, нежели самого себя — свое дополненіе. Безъ него была бы не полна моя жизнь; я чувствую себя сильнѣе, рука въ руку съ нимъ, а онъ, обманутый не разъ, долженъ быть счастливъ, и счастливъ въ самомъ дѣлѣ, что можетъ опереться на мою руку.

Пусть онъ будетъ любимъ, онъ того стоитъ, стоитъ больше, нежели я. Она такъ невинна, что въ водоворотѣ свѣта ее спасетъ только его опытность; она такъ пряма и горда, что ее оцѣнитъ только существо искушенное; она такъ прекрасна, что только прекрасный взоръ можетъ останавливаться на ней съ любовью...

Мы проводимъ почти весь день вмѣстѣ. M-lle Штюрмеръ очень снисходительна, очень дурно говоритъ по-русски, и, къ тому же, Софья Николаевна нисколько не подлежитъ ея надзору; она сидитъ по цѣлымъ днямъ и вяжетъ свое филè, затворяя окна отъ сквозного вѣтра—какъ для Ардабьева, такъ и для своего собственнаго сохраненія; чаще всего она уходитъ въ свою комнату, и мы опять остаемся одни.

Я между ними третье лицо. Я въ первый разъ вижу какъ любятъ. Часто въ длинные свѣтлые дни, когда удаляется гувернантка, а Ардабьевъ отдыхаетъ у себя въ кабинетѣ, я сижу у пялецъ Софьи Николаевны и мы говоримъ откровенно и долго. Она разсказываетъ мнѣ маленькіе случаи своей жизни, свою жизнь у отца, воспитаніе въ домѣ какой-то родственницы, встрѣчи, привычки подругъ, свои выѣзды этой зимой подъ покровительствомъ Варвары Петровны, которая, познакомивъ ее съ дочерьми, пригласила ее къ себѣ на лѣто. Я спрашиваю о впечатлѣніяхъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и встрѣчъ, она довѣряетъ мнѣ ихъ спокойно, изрѣдка краснѣя какъ дитя, которое заставляютъ говорить при чужихъ. Всѣ эти воспоминанія чисты и свѣтлы, какъ воспоминанія ребенка. Въ ея прошломъ не было любви, зато теперь она любитъ.

Я хорошо знаю эту болѣзнь. Зачѣмъ она краснѣетъ сильнѣе и смущается, когда я заговариваю объ Ардабьевѣ? зачѣмъ она какъ будто не хочетъ, чтобъ я напоминалъ ей

словомъ и даже намекомъ о томъ, что мнѣ случалось слышать изъ ихъ разговоровъ? Я знаю, ей непріятно, если я бываю свидѣтелемъ этихъ разговоровъ, свѣтскихъ выходокъ и шутокъ моего друга, на котораго въ эти минуты я досадую. Еслибъ она любила меня, я не осмѣлился бы такъ наскучать ей...

30-го мая.

Къ чему себя обманывать? Мнѣ завидно его счастье — иначе не назову своего чувства. Завидно тѣмъ болѣе, что онъ, счастливый, не цѣнитъ своего счастья такъ высоко, какъ бы должно.

Вотъ двѣ недѣли, какъ я всякій день вижу и узнаю эту дѣвушку, ея возвышенныя чувства, ея кроткую доброту, ея умъ безъ притязаній, ея игривость безъ кокетства. Я всякій день смотрю на это чудное личико, слѣжу за мыслью въ этихъ свѣтлыхъ глазахъ, за улыбкой, которая разливается такъ спокойно и радостно, что отъ нея переходитъ радость и въ мое сердце... Она прекрасна, но это еще болѣе слѣдствіе внутренней красоты, отъ которой вѣетъ примиреніемъ и спокойствіемъ.

Неужели я не напишу этого слова потому только, что прежде писалъ такое же? Ихъ внутреннее значеніе такъ различно, а смыслъ перваго былъ такъ ничтоженъ! Нѣтъ, записываю смѣло: я люблю ее.

31-го мая, въ Покровскомъ.

Боже, сохрани меня отъ дурного чувства!.. Еслибъ я не любилъ его искренно и сильно, еслибъ я не свято понималъ долгъ, который кладетъ на меня его привязанность ко мнѣ, еслибъ я не видѣлъ, и не видѣлъ ясно, какъ день, что для меня нѣтъ надежды, что я исчезаю передъ нимъ, передъ его умомъ, ловкостью и красотою, еслибъ надъ всѣмъ этимъ не носилась смерть, которая схватитъ его безпощадно и скоро... я не знаю, что бы я сдѣлалъ!..

Вчера онъ вздумалъ гулять верхомъ. Мы отправились всѣ трое въ Слободку, гдѣ я хотѣлъ ночевать: они провожали меня. Конечно, Рановскій не правъ, говоря, что я не умѣю сѣсть на лошадь, но мнѣ далеко до граціозной ѣзды Ардабьева. Я отставалъ отъ нихъ, хоть часто и нарочно: я оставлялъ ихъ наслаждаться прелестью вечера, счастіемъ быть наединѣ среди широкаго поля, чувствовать надъ собой просторъ неба, а на лицѣ своемъ дорогой любимый взглядъ, вслушиваться въ звуки слетающой ночи и въ шопотъ милыхъ словъ... я оставлялъ имъ это блаженство. Они проводили меня до порога моей темной комнаты и изъ ея низкаго окна я видѣлъ, какъ они понеслись назадъ, какъ прогремѣли, проѣзжая по бревенчатому мосту, какъ ихъ лошади мчались въ гору, звеня подковами, и когда они совсѣмъ исчезли въ сумракѣ, мнѣ еще слышался далекій топотъ по увлаженному лугу...

Моя ночь была тяжела, но я вынесъ ее; мое сердце чисто и безъ укора. Я растолковалъ и втолковалъ себѣ, что нельзя и неблагодарно желать разомъ двойного счастья, что я долженъ умѣть перенести счастье друга, что мнѣ и такъ дано больше, нежели я стою. Моя темная комната не видѣла слезъ; я не мальчикъ; я былъ рѣшителенъ въ эти рѣшительныя минуты и, переслѣдивъ всѣ свои помыслы, чувства и желанія, съ неумолкаемой справедливостью судьи, я остался доволенъ собою... Мнѣ хотѣлось только одного: только день отдыха отъ этой тяжкой борьбы, но этого дня не могло быть; я обѣщалъ Ардабьеву возвратиться.

Я не спалъ, но радостно встрѣтилъ утро сегодня, охотно началъ свой классъ и собралъ моихъ учениковъ, которыхъ не видѣлъ три дня; съ удовольствіемъ, какого давно не помню, я спрашивалъ ихъ уроки, говорилъ имъ съ увлеченіемъ, которое и ихъ одушевляло. Мнѣ было утѣшительно думать, отпуская ихъ, что завтра мнѣ предстоитъ то же. До послѣдней возможности я откладывалъ мой походъ въ Покровское. Становилось жарко; на моихъ часахъ было около полдня, когда я вышелъ. Сердце мое сжималось, но я говорилъ себѣ, что буду твердъ, что я превозмогу себя и сегодня, какъ превозмогалъ прежде.

Придя, я не засталъ никого въ залѣ. Въ полурастворенную дверь кабинета Ардабьева я увидѣлъ чепецъ m-lle Штюрмеръ и ее, сидящую у окна съ своими спицами; Ардабьевъ лежалъ на кушеткѣ. Софья Николаевна, сидя подлѣ него, читала вслухъ. У меня вѣчно останется въ памяти эта сцена, освѣщенная матовымъ свѣтомъ, который падалъ изъ-за спущенныхъ сторъ. Софья Николаевна, увидя меня, вышла въ залу; она была печальна.

— Это все вчерашнее гулянье, сказала она: — я не могла уговорить его не ѣздить. Теперь ему такъ дурно. Я хотѣла написать Варварѣ Петровнѣ: онъ сердится и запретилъ рѣшительно.

— Я уговорю его, сказалъ я.

У меня заныло сердце. Если за минуту во мнѣ былъ ропотъ и зависть, теперь не оставалось ничего, кромѣ раскаянія и горя... Не онъ ли одинъ можетъ утѣшить меня даже въ томъ, что невольно у меня отнимаетъ?.. Я не оставлялъ его весь день. Помочь ему или предложить помощь очень трудно, потому что съ непостижимымъ упрямствомъ онъ отдаляетъ отъ себя всякую мысль объ опасности. Едва ему стало полегче, онъ смѣялся надъ моимъ испугомъ и спрашивалъ, за какое наказаніе хотѣлъ я вызвать къ нему Варвару Петровну.

— Это, пожалуй, могла придумать Sophie, но вы неужели не понимаете, что съ такой сидѣлкой пріятна и болѣзнь? И, сдѣлайте одолженіе, не воображайте себѣ ужасовъ: я нисколько не думаю умирать, и если говорю объ этомъ иногда, такъ отъ нечего дѣлать...

Ночью.

Вечеръ былъ дологъ; онъ меня измучилъ. M-lle Штюрмеръ и Софья Николаевна сидѣли въ залѣ. Ардабьевъ послалъ меня просить ее съиграть Фонтанъ Гензельта, который она вытвердила для него, и слушалъ изъ своего кабинета, по временамъ впадая въ раздумье; когда она кончила, онъ, вмѣсто благодарности, замѣтилъ, что она играетъ не такъ; а когда она стала повторять, онъ сказалъ мнѣ съ досадой, что нѣтъ ничего скучнѣе, какъ слушать одно и то же. Онъ вышелъ въ залу и завелъ разговоръ нетерпѣливо и раздражительно, противорѣча себѣ, забывая, что говорилъ прежде, не обращая вниманія на впечатлѣніе, которое производилъ, и замѣчая его изрѣдка только затѣмъ, чтобъ еще его усилить. Я хорошо понималъ загадку этого страннаго обращенія, и мнѣ было больно и грустно: онъ внутренно тосковалъ и страдалъ, и старался чѣмъ нибудь заглушить это страданіе. Софія Николаевна спѣшила сдѣлать ему удовольствіе чѣмъ могла: смѣялась, разговаривала, шутила, а я подмѣчалъ только, какъ она украдкой взглядывала на него со страхомъ. Сама m-lle Штюрмеръ оживилась, сколько позволительно ея серьезной натурѣ, и старалась поддерживать разговоръ. Это не мѣшало ей, однако, удалиться въ положенный часъ. Софья Николаевна встала, чтобъ идти за нею, но выждала, пока она ушла, и, будто рѣшаясь, подошла къ Ардабьеву. Онъ сидѣлъ на табуретѣ у рояля, положивъ локти на клавиши.

— Прощайте, сказала Софья Николаевна.

Она протянула ему руку; онъ вскочилъ, пожалъ ее крѣпко и поцѣловалъ.

— Прощайте... простите меня. Право, я не такъ золъ, какъ вы думаете.

Цѣлуя ея руку въ другой разъ, онъ наклонился такъ, что она поцѣловала его въ голову. Все это было предъ моими глазами. Софья Николаевна оглянулась на меня, вспыхнула, поклонилась мнѣ поспѣшно и ушла.

Для чего она торопилась? Еслибъ она знала, что, любя ее безъ мѣры, я самъ въ состояніи вложить ея руку въ руку этого человѣка и просить для него ея любви!..

Не могу уснуть. Пойду узнать, что Ардабьевъ.

2-го іюня, въ Слободкѣ.

Моя милая комната, мои милыя занятія! съ какою радостью я всегда возвращаюсь къ вамъ! съ какимъ пріятнымъ сознаніемъ смотрю я вокругъ себя и на самого себя! Ничто не оставлено, не заброшено; мое дѣло идетъ въ обычномъ порядкѣ, а напряженное состояніе души придаетъ еще болѣе рвенія, и изъ моего длиннаго дня я не теряю ни минуты... Я спокоенъ. Могу ли сказать, что я счастливъ?..

Не хочу отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ; онъ поведетъ къ долгому, печальному разбору очень сбивчиваго положенія, а я чувствую, что могу выйти силенъ изъ этого положенія только не разбирая его.

Ардабьевъ вчера получилъ какое-то письмо, кажется, непріятное, потому что оно его хуже разстроило. Онъ не выходилъ отъ себя весь день, пересматривалъ разные счеты, перебиралъ бумаги. Я спрашивалъ его нѣсколько разъ, но онъ не хотѣлъ отвѣчать, и мои вопросы только больше его сердили. Наконецъ онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Рановскому завтра утромъ, чтобъ возвратиться въ тотъ же день вечеромъ. Онъ заѣдетъ за мной сюда: ему по дорогѣ. Я тоже получилъ письмо, но необыкновенно пріятное, отъ Алексѣя Петровича: сегодня или завтра онъ будетъ въ городѣ, гдѣ пробудетъ съ недѣлю. Мы годъ не видѣлись. Я такъ и полетѣлъ бы къ нему! Впрочемъ, это, можетъ быть и возможно. Повѣренный Гутовъ собирался въ городъ надняхъ; я узнаю навѣрное и поѣду съ нимъ. Мнѣ хоть бы одинъ день, одинъ часъ видѣть Алексѣя Петровича; мнѣ нужно многое сказать ему; я чувствую, что отъ его словъ я буду опять счастливъ.

Вчера я долго говорилъ съ Софьей Николаевной. Знаю, что долженъ забывать всѣ наши разговоры, но мнѣ такъ хочется ихъ помнить. И безъ того я не записывалъ ни одного изъ нихъ по обязанности, которую слишкомъ высоко понимаю... Я засталъ ее въ аллеѣ, одну, съ книжкой въ рукахъ, которая, судя по свѣжей палевой оберткѣ, была не «Исторія» Сегюра. Она шла, читая и положивъ на плечо свой маленькій распущенный зонтикъ. Изъ-за листовъ книги мнѣ были видны только ея ярко-розовая щечка и бѣлокурые волосы, немного развѣянные утреннимъ вѣтромъ. Я не могъ отказать себѣ въ счастьи подойти въ ней и спросилъ:

— Что вы читаете?

Она подала мнѣ книгу.

— Кто вамъ далъ ее?

— Александръ Григорьичъ; онъ говоритъ, ему наскучило, что я читаю однѣ дѣтскія сказки.

Книга была романъ съ ужасами и страстями, многотомный (въ моихъ рукахъ была первая часть), прочитанный всѣми и даже забытый, неопасный, потому что преувеличенный, но надо много прожить, чтобъ понять, что онъ преувеличенъ. Я зналъ, что его читали многія дѣвушки, но меня какъ будто оскорбило видѣть его въ рукахъ Софьи Николаевны. Я отдалъ ей книгу и сказалъ, невольно краснѣя:

— Не читайте этой книги.

— Почему? спросила она невинно, поднимая на меня свои большіе глаза.

— Вы не знаете жизни, а она представлена здѣсь въ такомъ свѣтѣ, что это испугаетъ васъ.

— Я узнаю же ее когда нибудь; а чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Но она представлена ложно...

— Я разберу, что ложно.

Ея настойчивость меня подстрекнула.

— Если есть вещи, которыя вамъ знать еще рано, возразилъ я, увлекаясь и краснѣя:—то есть и такія, которыхъ я не хочу, чтобъ вы вовсе знали.

Она покраснѣла сильнѣе, нежели я, положила книгу на скамейку и сказала:

— Хорошо; я отдамъ ее Александру Григорьичу и скажу, что она мнѣ надоѣла съ первыхъ страницъ.

Меня удивило такое признаніе въ ея будущей лжи, и я спросилъ, побуждаемый какимъ-то желаніемъ узнать...самъ не зная что:

— Почему же вы не скажете ему прямо, что я вамъ отсовѣтовалъ?

Она подумала и робко отвѣчала:

— Онъ васъ любитъ. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ онъ зналъ, какъ вы расходитесь въ мнѣніяхъ.

— Но я могу имѣть свое мнѣніе, нисколько не завися отъ него.

— Это правда; но ему будетъ непріятно...

Она вдругъ ободрилась и продолжала:

— Простите меня, но я лучше скрою, что васъ послушалась... Вы, можетъ быть, не знаете, что я всегда готова васъ слушать; я всегда вѣрю тому, что вы говорите. Но Александръ Григорьичъ не терпитъ противорѣчій; я лучше возьму ихъ на себя. Съ вами онъ сталъ бы спорить — это еще хуже его разстроитъ; мнѣ не хочется досаждать ему.

Самъ не помню, какъ у меня сорвалось сказать ей:

— Вамъ тоже не хочется сознаться, что вы слѣдуете чужому мнѣнію.

Она взглянула на меня почти съ испугомъ.

— И вы тоже?.. сказала она тихо. — И вы думаете, что я самолюбива? Нѣтъ, это ужасно!.. Если другимъ забавно играть словами и ловить меня на словахъ каждую минуту, я не думала, что и вамъ это забавно.

Сколько бы лѣтъ я ни прожилъ на свѣтѣ, я не забуду ни этихъ словъ, ни впечатлѣнія, которое они произвели на меня... Да, другимъ, то есть ему позволено, можно мучить ее словами; но какъ осмѣлился на это я?.. Не знаю, поняла ли она выраженіе моего лица, или просто испугалась, какъ женщина, которая чувствуетъ, что слишкомъ много высказалась, но она продолжала, смущенная не меньше меня:

— Вы меня огорчили — повѣрьте хоть этому. Я уважаю ваше мнѣніе больше всякаго другого мнѣнія.

Я поклонился и извинился съ вѣжливостью, въ которой каждый день беру уроки. Ей былъ непріятенъ мой холодный поклонъ, но я былъ не въ силахъ ничего сказать или сдѣлать больше. Предо мной не было моего друга, была только любимая женщина съ ея любовью къ другому... Не понимаю, зачѣмъ она не ушла, зачѣмъ, чрезъ минуту оправясь, заговорила о другомъ и внимательно спросила, не принесла ли мнѣ чего нибудь эта почта. Я сказалъ ей о письмѣ Алексѣя Петровича (она знаетъ его по моимъ разсказамъ) и прибавилъ, что, можетъ быть, уѣду въ городъ.

— Надолго?

— Нѣтъ.

— Возвращайтесь скорѣе: вы видите, какъ вы здѣсь необходимы.

Я сказалъ ей немного рѣзко, что становлюсь эгоистомъ и начинаю думать о томъ, гдѣ мнѣ самому пріятнѣе и покойнѣе; что Слободка, какъ ни привлекательна, но въ ней не проживешь всю жизнь; что, наконецъ, я не такъ необходимъ Ардабьеву, у котораго есть своя семья, а друзья бывали. Она слушала меня, печально улыбаясь, и наконецъ сказала:

— Съ вами что нибудь случилось; вы себѣ противорѣчите.

Какъ она могла такъ догадаться?.. Но я не хотѣлъ дать ей замѣтить, что она догадалась, продолжалъ въ томъ же тонѣ, говорилъ, что мнѣ нельзя не желать перемѣны въ жизни, напомнилъ ей, какъ я одинокъ. Послѣдняя мысль была уже не слѣдствіе досады или притворства, она развивалась у меня сама собой и еще сильнѣе, когда я взглядывалъ на это милое существо, такъ далекое отъ меня...

— Ардабьевъ счастливецъ, говорилъ я:— его окружаютъ столько заботъ, столько дорогихъ лицъ; а я никогда не зналъ своей матери, не имѣлъ семьи; отца видѣлъ только въ тѣ праздники, когда онъ могъ собраться пріѣхать, чтобъ навѣстить меня въ школѣ. Мое дѣтство прошло среди классныхъ скамеекъ, молодость проходитъ такъ же, а умру здѣсь, то развѣ вспомнитъ одинъ отецъ Аѳанасій, поминая покойниковъ...

— Ради Бога, перестаньте! прервала Софья Николаевна.

Она пошла скорѣе и сказала, не оборачиваясь:

— Пойдемте же вмѣстѣ.

У нея на глазахъ были слезы, которыхъ она не успѣла скрыть. Я тутъ только понялъ свою злость и глупость толковать ей о моемъ горѣ, когда у нея есть свое—болѣзнь Ардабьева...

Нашъ повѣренный ѣдетъ послѣзавтра: значитъ, я возвращусь отъ Рановскаго и ѣду въ городъ.

4-го іюня, въ Слободкѣ.

Я принесъ ему эту жертву, я сдѣлалъ свое дѣло. Послѣднее, единственное, что было у меня дорогого, я отдалъ ему—уваженіе, любовь человѣка, замѣнившаго мнѣ отца... Но я былъ долженъ такъ сдѣлать и не раскаяваюсь.

Повѣренный сейчасъ уѣхалъ. Письмо мое отослано. Дай Богъ, чтобъ оно уже застало Алексѣя Петровича, дай Богъ, чтобъ мнѣ удалась моя ложь. Но я не могъ, я не долженъ былъ писать иначе. Мнѣ было слишкомъ больно и горько самому слушать это признаніе, чтобъ еще пересказать его другому. Я знаю, какъ бы Алексѣй Петровичъ осудилъ Ардабьева, пусть лучше осуждаетъ меня...

Онъ меня осудитъ—я все потерялъ...

7-го іюня.

Третій день я сижу дома, не свожу глазъ съ дороги; повѣренный можетъ возвратиться не раньше, какъ завтра. У меня нѣтъ силъ идти въ Покровское. Вчера Ардабьевъ присылалъ сказать, что скучаетъ; я не пошелъ къ нему.

Какъ мнѣ тяжело! Что бы я ни дѣлалъ, что бы ни думалъ, моя мысль все возвращается къ одному—моему письму къ Алексѣю Петровичу, къ другу, благодѣтелю, утѣшителю, котораго я самъ у себя отнялъ. Минутами я еще надѣюсь, почти желаю, чтобъ онъ мнѣ не повѣрилъ.

Запишу, какъ все это было. Надо было, по крайней мѣрѣ, заняться: это облегчитъ меня; я, по крайней мѣрѣ, еще разъ сознаю, что сдѣлалъ хорошо.

Въ субботу, мы поѣхали къ Рановскому. Ардабьевъ былъ скученъ и молчалъ всю дорогу. Деревня Рановскаго отъ Слободки верстахъ въ семи, и передъ нами скоро явился господскій домъ, огромный, высокій, съ мезониномъ и колоннами, но сѣрый и обветшалый, съ разбитыми окнами и, мѣстами, оторванными ставнями. Широкій дворъ, на которомъ неживописно стоитъ онъ, весь заросъ полынью и крапивой, и только узенькія дорожки протоптаны отъ крылецъ къ службамъ. При нашемъ пріѣздѣ принялись лаять страшныя меделянскія собаки, однѣ на цѣпяхъ у конуръ, другія на свободѣ. Рановскій встрѣтилъ насъ на крыльцѣ, очень обрадовался, сказалъ спасибо за то, что навѣстилъ его въ горѣ, и повелъ въ комнаты. Изъ тридцати прекрасныхъ комнатъ дома, совершенно преданныхъ запустѣнію, онъ занимаетъ только двѣ, но и тѣ въ такомъ небреженіи, что одинъ взглядъ наводитъ скуку. Въ нихъ низкіе диваны, на стѣнахъ охотничьи рога, ружья и старинныя гравюры, въ углахъ длинные чубуки и на всѣхъ окнахъ и столахъ пыль и зола. Рановскій принялся угощать насъ. Завтракъ былъ совершенно похожъ на нашъ ужинъ съ нимъ

на станціи. Ардабьевъ наконецъ спросилъ, какое у него горе.

— И не одно, отвѣчалъ дядя. — Знаешь мою тамбовскую деревню? выгорѣла. Денегъ ни гроша. Сосѣдъ завязалъ дѣло — знаешь? тамъ, тогда мы дѣлали partie de plaisir на его мельницѣ.. да тебя не было, ну, все равно. И еще, представьте, Андрей Васильичъ Квакушкинъ мой отправился.

— Куда? спросилъ я.

— Какъ, куда? умеръ, бѣдный. Я совершилъ по немъ, какъ водится, тризну и возліянія, и вся моя деревня то же совершила, потомъ написалъ ему лирическое надгробіе... прочту вамъ, постойте.

И онъ читалъ намъ это надгробіе и другія произведенія въ сатирическомъ и анакреонтическомъ родѣ — онъ этимъ всегда занимается, когда печаленъ — потомъ разсказывалъ, по обыкновенію, длинныя исторіи и водилъ насъ смотрѣть хозяйство и домъ. Въ гостиной были закрыты ставнями всѣ окна, кромѣ одного, и я увидѣлъ въ углу запыленный, сложенный мольбертъ и палитру, на которой высохли краски. Какая-то картина стояла на полу, обороченная къ стѣнѣ; я перевернулъ ее и увидѣлъ прекрасное молодое лицо, почти оконченное, и начерченный мѣломъ полуистертый контуръ, по которому ничего нельзя было разобрать.

— Что это? спросилъ я Рановскаго.

— Все вы виноваты, взманили меня; я выписалъ полотно и краски, хотѣлъ-было сдѣлать самъ что нибудь въ церковь, въ Слободку, да ничего не вышло. Скука такая, и руки ужъ отказываются.

Какъ имъ не отказываться!... Я обернулъ опять къ стѣнѣ погибшее прекрасное произведеніе и ушелъ за Рановскимъ дальше; говорить что нибудь было бы безполезно. Трудно пересказать, что мы дѣлали и о чемъ говорили весь день, за то онъ и показался мнѣ длиненъ. Я не могъ понять, какое удовольствіе находилъ Ардабьевъ въ этомъ посѣщеніи; въ его рѣчахъ проглядывала какая-то грустная отвага, какъ будто бы ему хотѣлось насильно сдѣлаться похожимъ на дядю и принять его привычки. Наконецъ, передъ вечеромъ, я соскучился, ушелъ отъ нихъ на балконъ и провелъ около часа одинъ, любуясь картиной двора и спящихъ собакъ. Возвратясь, я нашелъ дядю и племянника въ жаркомъ разговорѣ.

— Слышите, что онъ говоритъ? вскричалъ Рановскій, обращаясь ко мнѣ: — вы знаете, онъ письмо получилъ...

Мнѣ показалось, что Ардабьевъ хотѣлъ остановить его, и эта недовѣрчивость была мнѣ такъ обидна, что я рѣшился разспрашивать Рановскаго, въ чемъ дѣло.

— Письмо отъ пріятеля. Пріятель обыгралъ его, ждалъ полгода и теперь требуетъ расплаты. Долгъ не великъ, но карточный долгъ священъ. Я тебѣ тысячу разъ говорилъ. Саша, ты играешь недурно, но несчастливо, а у тебя страсть... Могъ бы поудержаться.

— Жаль, что совѣтъ не во-время, прервалъ съ досадой Ардабьевъ:—я не могъ не играть, потому что былъ въ выигрышѣ и бросить игру было бы неблагородно.

— А не заплатить тотчасъ — еще хуже! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что карточный долгъ священнѣйшій...

— И я столько же разъ васъ слушалъ! Если вы не можете мнѣ помочь, нечего и толковать.

— Не могу, гроша нѣтъ. Заложи имѣніе.

— Какъ будто вы забыли, что оно уже заложено.

— Займи.

— У кого прикажете? Когда? Срокъ моему векселю черезъ двѣ недѣли... Вы заставили меня пріѣхать въ эту трущобу, гдѣ людей нѣтъ.

— Но, наконецъ... ты въ крайности, попроси у мачихи...

— Вы заставите меня наговорить вамъ дерзостей — ничего больше... Чтобъ я сталъ просить у моей мачихи? Да не вы ли сами мнѣ съ малолѣтства внушали, не вы ли открыли мнѣ глаза, что отъ этой безчувственной женщины я ничего не долженъ ожидать? Вы хотите, чтобъ она смѣялась надо мною, читала мнѣ мораль, унижала меня...

— Полно, Саша, она женщина: покричитъ, а дастъ, если ты обратишься деликатно...

Ардабьевъ вскочилъ съ мѣста; я никогда не видалъ его въ такой досадѣ.

— Вы хотите, чтобъ я просилъ у нея подаянія?... Вы съума сошли, дядюшка!

— Ты самъ сумасшедшій, возразилъ Рановскій хладнокровнѣе, нежели я ожидалъ:— тебѣ говорятъ одно, а ты понимаешь другое.

— Потому что прежде-то я васъ очень хорошо понималъ. Вы меня сдѣлали такимъ, каковъ я есть; вы устраивали и скрывали мои шалости, вы платили мои долги, вы учили меня играть, вы знакомили меня съ такими людьми, съ которыми въ обществѣ мнѣ совѣстно встрѣтиться... чему вы меня не учили! А теперь совѣтуете мнѣ надѣть веревку на шею и идти просить прощенія... Нѣтъ, ужъ благодарю васъ! Я ее слишкомъ

много ненавижу, чтобъ дать ей случай торжествовать надо мной...

Эта сцена продолжалась долго. Я узналъ отношенія этихъ людей, изъ которыхъ одинъ развилъ въ другомъ все, что могъ, дурного и былъ вмѣстѣ руководителемъ и товарищемъ до такой степени, что потерялъ всякое право на уваженіе; они, не совѣстясь, припоминали и высчитывали свои общія вины... Ардабьевъ былъ жалокъ въ высшей степени...

— Довольно, сказалъ онъ съ отчаяніемъ въ то время, когда дядя еще хохоталъ надъ однимъ изъ этихъ воспоминаній: — довольно: поймите, по крайней мѣрѣ, что мнѣ скучно, когда уже не понимаете, что мнѣ стыдно!..

— Кого? спросилъ Рановскій: — Андрея Васильича? Помилуй, онъ не такъ глупъ, чтобъ весь вѣкъ прожить отшельникомъ въ Слободкѣ. Посмотри, какъ развернется...

Мы оба его не слушали, хоть онъ говолилъ долго. Онъ будто напомнилъ Ардабьеву о моемъ присутствіи, потому что Ардабьевъ въ ту же минуту замолчалъ и старался оправиться. Я замѣтилъ только его необыкновенную блѣдность, когда онъ подошелъ къ свѣчѣ взглянуть на часы. Онъ велѣлъ запрягать лошадей и ждалъ, стоя у балкона. Рановскій продолжалъ говорить, обращаясь ко мнѣ и очень разнообразно переходя отъ одного вздора къ другому. Наконецъ онъ будто вспомнилъ и спросилъ Ардабьева:

— Какъ же ты рѣшилъ, Саша?

— О чемъ?

— О деньгахъ.

— Никакъ. Пусть онъ протестуетъ съ своимъ заемнымъ письмомъ. Я, авось-либо, не доживу, покуда рѣшатъ описывать мое имѣніе.

— Это, братъ, романтизмъ, бредни.

— Можетъ быть.

Мы скоро распростились и уѣхали. Во все время этого разговора меня преслѣдовала одна мысль: не могу ли я—существо до того бѣдное, что къ нему и не обращаются ни за совѣтомъ, ни за помощью — не могу ли я помочь моему другу? Я видѣлъ его въ отчаяніи; я понималъ его стыдъ признаться въ неблагородномъ долгѣ, въ гибельной страсти; я понималъ это затрудненіе человѣка, привыкшаго къ довольству... Не знаю, чего не понималъ я, но я отдалъ бы жизнь, чтобъ утѣшить этого дорогого мнѣ человѣка...

Я отдалъ ему больше, нежели жизнь... Еслибъ онъ зналъ, еслибъ онъ чувствовалъ, какъ велико теперь его обязательство предо мною!..

Я спросилъ, пока мы ѣхали, какъ великъ его долгъ; онъ отвѣчалъ, что меньше двухъ тысячъ ассигнаціями, и прибавилъ:

— Оставьте это, ради Бога! Нѣтъ, такъ нѣтъ. Мнѣ надоѣли эти толки. Дядя меня измучилъ.

— Но я не стану васъ мучить, возразилъ я.

— Да, правда, сказалъ онъ съ чувствомъ, подавъ мнѣ свою горячую руку: — вы самоотверженно меня любите. Я блажу, капризничаю — вы все тутъ. Вѣрьте же, что я это умѣю оцѣнить. Простите, что я не вамъ первому разсказалъ объ этомъ долгѣ, вы бы этого не поняли, вы какъ-то иначе понимаете эти вещи... Но дядя! можетъ быть, это и дурно... но, нѣтъ, я правъ... Я не могу подумать признаваться Варварѣ Петровнѣ. Что-жъ дѣлать! у нея тоже особенный взглядъ. Безгрѣшная женщина! гдѣ ей простить увлеченія молодого человѣка! гдѣ ей принять участіе, когда она меня никогда не любила... Какъ мнѣ тяжело вспомнить мою мать! О, еслибъ это была она!..

У него навернулись слезы на глазахъ; онъ велѣлъ гнать лошадей и откинулся на подушки экипажа.

— Глупое свѣтское понятіе, сказалъ онъ, помолчавъ: — каждаго презираешь по одиночкѣ, а боишься потерять въ общемъ мнѣніи!.. Какъ весело ѣхать ночью! Хотите, осенью уѣдемъ съ вами куда нибудь подальше? Осеннія ночи еще лучше...

Каждое слово его разрывало мнѣ сердце. Мнѣ страшно было подумать объ осени, когда я взглядывалъ на его истомленное лицо. Я пользовался его молчаніемъ и думалъ, ломалъ голову, пока, наконецъ, мнѣ пришла мысль... Эту мысль я исполнилъ. Я попросилъ Ардабьева оставить меня въ Слободкѣ; онъ пожалѣлъ, вспомнивъ, что я сбираюсь въ городъ, и былъ доволенъ, когда я сказалъ, что, можетъ быть, передумаю. Я продумалъ всю ночь, оставшись дома. Я нашелъ средство помочь ему, да въ рукахъ моихъ другого и быть не могло. Я рѣшился просить Алексѣя Петровича. Но какъ просить? Сказать, что у меня есть другъ, который въ крайности? но надо было бы объяснить, кто онъ и почему въ крайности, слѣдовательно, разсказать отношенія Ардабьева къ его мачихѣ... Моя ли это тайна? И еслибъ я рѣшился располагать ею, какъ понялъ бы ее Алексѣй Петровичъ?.. Скрыть это и сказать, что деньги нужны для какой нибудь сдѣл-

ки? сколько лжи! и я не умѣлъ бы объясниться правдоподобно. Сказать правду, что мой другъ проигрался и не хочетъ признаться?.. Моя рука отказывалась написать это. Алексѣй Петровичъ ненавидитъ игру и, какъ ни добръ, но не захочетъ помочь виноватому, чужому... Послѣднее слово меня рѣшило.

Я рѣшился не ѣхать. Начиналъ письмо за письмомъ и бросалъ ихъ; я рѣшился взять всю вину на себя. Эту ложь было легко составить и она отвращала меня менѣе, нежели какая нибудь другая. Я написалъ, что зимой былъ въ городѣ; что встрѣтилъ знакомыхъ, не называя кого; что меня увлекли играть; что я проигрался; что тотъ, кому я долженъ, теперь здѣсь, въ Слободкѣ, и отъ одного Алексѣя Петровича зависитъ спасти меня въ крайности. Я умолялъ его простить меня, но умолялъ помочь именемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя онъ первый далъ мнѣ узнать въ жизни...

Боже мой! неужели я написалъ это письмо? неужели я отослалъ его и оно теперь въ его рукахъ, и онъ читаетъ, презирая меня, укоряетъ въ забвеніи его совѣтовъ, его любви, укоряетъ въ неблагодарности—онъ, который въ мысли не раздѣлялъ меня съ своими дѣтьми, онъ, который призрѣлъ меня и наставлялъ?.. Онъ сказалъ мнѣ одинъ разъ, что утѣшенъ тѣмъ, что могъ сдѣлать меня честнымъ человѣкомъ... неужели онъ обманется и во мнѣ? Я дѣлаю ему горе, но, Боже мой, что-жъ я дѣлаю съ собою?.. Что-жъ теперь вокругъ меня? кто-жъ останется для меня на свѣтѣ?..

Дѣло сдѣлано. Повѣренный возвратился; онъ привезъ мнѣ пакетъ, надписанный рукой Алексѣя Петровича; въ немъ деньги: вся сумма, которую просилъ я—и ни строчки письма. Такъ должно было быть. Сейчасъ иду въ Покровское, отнесу эти страшныя деньги. Ардабьевъ будетъ радъ... Что-жъ мнѣ изъ этого?..

10-го іюня.

Я не вижу конца днямъ; они, въ самомъ дѣлѣ, самые долгіе въ году, но прежде я не замѣчалъ этого.

Варвара Петровна возвратилась третьяго дня; это избавляетъ меня отъ посѣщеній Покровскаго. Стараюсь объяснить себѣ, и все не могу, отчего мнѣ стали такъ тягостны эти посѣщенія. Во мнѣ есть какое-то дурное чувство, сознаюсь, но назвать его не умѣю. «Трудно обязать больше, нежели вы обязали меня», сказалъ мнѣ Ардабьевъ; онъ благодарилъ, обнялъ меня искренно. Я обнялъ его съ отчаяньемъ; его дружба—мое послѣднее прибѣжище, единственное вознагражденіе показалось мнѣ бѣдно... Страшно сказать: жертвуютъ чѣмъ нибудь для чего нибудь болѣе дорогого; мнѣ жаль моей жертвы и я почти сомнѣваюсь, люблю ли Ардабьева. Вокругъ меня пусто и темно. Моя жизнь какъ будто потеряла свое значеніе; она проходитъ какъ звукъ въ пустотѣ, не вызывая ни чьего отголоска. Что-то исчезло, умерло для меня... И когда я подумаю, что я самъ принесъ себѣ это горе...

Разберемъ холодно. Я поступилъ какъ ребенокъ. Если не живые люди, то книги давно сказали мнѣ, что въ молодости горяча кровь, а потому сильна восторженность. Я вообразилъ себѣ небывалую обязанность, горесть моего друга, прелесть самоотверженія, усилилъ, выростилъ все это до огромныхъ размѣровъ; я дѣйствительно люблю Ардабьева, но я преувеличилъ себѣ и эту любовь, чтобъ привязать къ ней необходимость пожертвованія; у меня горѣла голова и билось сердце отъ тяжелой сцены у Рановскаго и отъ ночной ѣзды...

Я разсуждалъ какъ Ардабьевъ, въ его несносныя отрицательныя минуты. Неужели мнѣ будетъ легче, если я растолкую себѣ, что не написалъ бы своего письма Алексѣю Петровичу, еслибъ не рѣшился въ ту же ночь, а подумалъ еще часа три-четыре, то есть, еслибъ повѣренный ужъ не собрался ѣхать до свѣта? Не хуже ли мнѣ будетъ, если я узнаю логически и съ доказательствами, что не сердце мое уступило отчаянному, но доброму порыву, а мои двадцать два года сдѣлали свою глупость?.. Сердце или года—мнѣ тяжело невыносимо.

Но, наконецъ, что изъ того, что мнѣ тяжело? Неужели мы никогда ничѣмъ не должны побезпокоить свою душу, если можемъ этимъ доставить что нибудь другимъ?.. Чѣмъ нибудь... Положимъ, это вся моя жизнь съ ея будущимъ, но развѣ не жертвуютъ и жизнью?

Меня всегда прельщало самопожертвованіе; отдать жизнь за свою любовь или за свои убѣжденія—завидный подвигъ. Но въ тѣхъ, кому я завидовалъ, вѣрно не было этого горькаго, мелкаго чувства, которое такъ докучливо напоминаетъ о насъ самихъ, напоминаетъ не называясь, не высказываясь, а вѣчно живя въ груди, среди оживленнаго разговора, среди занятій, ночью во снѣ и въ

просонкахъ, днемъ въ присутствіи любимой дѣвушки...

Она спросила меня, что со мной сдѣлалось, сказала, что ей было скучно, отчего я долго не былъ... Что ей за нужда? вѣдь Ардабьевъ теперь опять веселъ.

Какое я злое созданіе! съ моимъ характеромъ невозможно жить съ людьми. Я упрекаю Ардабьева даже въ его минутной веселости, даже въ томъ, что, успокоясь, онъ отдохнулъ физически и морально. Это неблагородно, недостойно! Если къ этому только повелъ меня мой порывъ, онъ былъ въ самомъ дѣлѣ безуменъ.

Иду туда сегодня же... Пойду къ своему глубокому горю прибавлять по каплѣ другое, жгучее, раздражающее — зависть къ чужому счастью, память своего пустого прошлаго и одинокаго настоящаго!

Алексѣй Петровичъ еще въ городѣ. Мнѣ сказалъ это живописецъ, который пріѣхалъ сюда вчера; онъ его знаетъ и встрѣтилъ въ самый день своего отъѣзда. Еслибъ я могъ видѣть его хоть минуту!

Все то же. Та же наружная тишина, порядокъ, занятіе, то же внутреннее мученіе, тревога, безнадежность. Неужели на этомъ остановится моя жизнь?..Записывать скучно.

У меня съ Варварой Петровной былъ длинный разговоръ, въ которомъ она нѣсколько высказала свои довольно оригинальныя убѣжденія. Я пришелъ и, не заставъ дома Ардабьева, хотѣлъ уйти, чтобъ не помѣшать занятіямъ дѣвицъ. Варвара Петровна меня удержала и увела въ маленькую гостиную, гдѣ что-то работала.

— Дѣти завеселились эти три недѣли, въ нашу поѣздку, сказала она: — поневолѣ я должна была показать ихъ на большихъ балахъ, а въ ихъ возрастъ это такъ заманчиво, что послѣ трудно приняться за дѣло. Я предчувствовала, что такъ будетъ, но не могла отказать моимъ роднымъ.

Мнѣ хотѣлось узнать что нибудь подробнѣе о той родственницѣ, которую такъ не любитъ Ардабьевъ, и я сталъ разспрашивать, скрывая, конечно, что предубѣжденъ. Варвара Петровна объяснила мнѣ степень ихъ родства, состояніе, число семейства, даже наружность этой дамы и ея дѣтей, и наконецъ сказала:

— Это была моя единственная подруга въ дѣтствѣ и въ молодости. У меня не было сестеръ, я росла одна, мать моя была женщина постоянно больная, такъ что и въ свѣтъ я стала выѣзжать съ посторонними. Въ свѣтѣ—зависѣть отъ постороннихъ, значитъ быть совершенно на свободѣ, безъ совѣта, безъ одобренія, безъ заступничества; нужно только быть достаточно ловкой, чтобъ не потерять расположенія дамы, съ которой выѣзжаешь. Я видѣла, какъ другія пользовались такой свободой. Лучше бы сдѣлали иныя матери, еслибъ твердо и благоразумно совсѣмъ отказали своимъ дочерямъ въ удовольствіи, нежели оставляли ихъ такъ, на ихъ собственный произволъ—я это хорошо понимала. Я взяла себѣ правиломъ поступать такъ, какъ будто вѣчно на глазахъ старшаго, строгаго лица, и мать моя, безъ вопроса, безъ требованія, узнавала отъ меня не только мои поступки и слова, но всякую мою мысль. Кромѣ нея, у меня была только одна повѣренная—моя кузина, о которой я вамъ сейчасъ говорила. Она кротка и добра, и мы любимъ другъ друга искренно... Въ послѣднее время жизни моего мужа, по разнымъ тяжебнымъ непріятностямъ, въ которыхъ больше участвовалъ мужъ ея, нежели она сама, она перестала ѣздить ко мнѣ. Не осуждаю, но по справедливости—потому что я равно безпристрастна къ чужимъ и близкимъ—въ этихъ размолвкахъ былъ виноватъ и мой мужъ. Когда онъ умеръ, три года назадъ, я была въ горѣ и очень одинока у себя въ деревнѣ... Дѣти были еще не въ состояніи меня утѣшить; заниматься ими мнѣ было тяжело... Моя кузина пріѣхала ко мнѣ и напомнила мнѣ все наше прежнее время, дорогое мнѣ. Я нашла истинное участіе только въ ней. Съ тѣхъ поръ мы стали опять видѣться...

Я спросилъ, какъ онѣ проводили время эти три недѣли.

— Очень разнообразно, и все въ удовольствіяхъ; дѣтямъ особенно было весело. Представьте, какъ мы ни дружны съ моей кузиной, а вѣчно споримъ, и споримъ за дѣтей. У нея ихъ много, и старше моихъ и моложе, и эти дѣвочки держатъ себя какъ совершенныя дѣвушки. Мать наряжаетъ ихъ, возитъ по вечерамъ; у нихъ въ головѣ одни наряды и танцы; онѣ читаютъ, что хотятъ; развязны, какъ нельзя болѣе. Ея двѣнадцатилѣтняя дочь при мнѣ занимала молодыхъ людей такъ ловко, какъ, право, мнѣ не удавалось и въ двадцать лѣтъ... Посудите, что-жъ впереди остается этимъ дѣтямъ? какое удовольствіе, какая новизна ощущеній? Мнѣ жаль ихъ, я казала это ихъ матери. Что, вы думаете,

она отвѣчала мнѣ? Что теперь эти удовольствія принимаются дѣтьми съ наслажденіемъ; а если ихъ заставить ждать, въ нихъ можетъ пройти охота и придетъ равнодушіе.

— Это почти правда, замѣтилъ я.

— Неужели и вы такъ думаете? сказала Варвара Петровна, одушевляясь, какъ я еще не видалъ: — напротивъ, желаніе сильнѣе отъ ожиданія — это признанная истина и я тоже признаю ее. И притомъ, прилично ли это: дѣти, которыя судятъ и вступаютъ въ разговоръ старшихъ, когда ихъ время только учиться, блестятъ талантами, пріобрѣтенными только вполовину и заранѣе захваленными...

— Это крайность, сказалъ я.

— Вы хотите сказать, что мое мнѣніе крайность, возразила она: — потому что я воспитываю мою Лéле и Зою совершенно противоположно; но что-жъ дѣлать, я убѣждена, что моя крайность лучшая. Я хочу, чтобъ онѣ оставались милыми, тихими дѣтьми до времени, когда будутъ дѣвушками, чтобъ онѣ сохранили свою скромность, чтобъ онѣ дорожили, а не хвалились своими познаніями, чтобъ онѣ считали нарядъ за необходимость по условію свѣта, а не за счастье... И притомъ, такимъ образомъ, я надѣюсь долѣе остаться матерью моихъ дѣтей; онѣ довѣрются мнѣ, онѣ принадлежатъ мнѣ; я руководствую, располагаю ими... и надѣюсь, у нихъ, такъ же какъ у ихъ матери, не найдется въ жизни ничего, въ чемъ бы онѣ могли упрекнуть себя: глупыхъ выходокъ, неосторожныхъ поступковъ, непростительныхъ увлеченій...

— Но довѣренность вашихъ дочерей и ваша власть надъ ними могутъ и должны оставаться и при другихъ условіяхъ, сказалъ я:—для чего же не позволить имъ...

Я остановился.

— Возражайте мнѣ откровенно, сказала Варвара Петровна:—какое бы ни было ваше мнѣніе, прошу васъ сказать его.

— Я думаю, отвѣчалъ я, хоть мнѣ становилось нѣсколько неловко:—что, не боясь неосторожности, можно многое позволить; излишній порядокъ занятій наводитъ скуку, а талантъ не развивается вполнѣ безъ поощренія... Для чего произвольно ограничивать кругъ впечатлѣній, хоть бы тѣхъ, которыя можетъ доставить чтеніе...

Она улыбнулась.

— Продолжайте, сказала она:—я только вспомнила объ одной моей знакомой, которая начиталась романовъ и, выходя замужъ, удивлялась, какъ это обошлось безъ похищенія.

— Но ваши дѣти, читая при васъ, не вообразятъ этого. Чтеніе только заранѣе нѣсколько познакомитъ ихъ съ жизнью; безъ приготовленія, изъ-за класса, прямо изъ дѣтства трудно вступить въ нее: вотъ гдѣ будутъ ихъ ждать ошибки. Если невѣдѣніе отрадно, за то оно опасно.

— Я буду съ ними, возразила она довольно гордо.

Это меня подстрекнуло.

— Но если это невѣдѣніе и безпрестанное сдерживаніе увлеченій притупятъ чувствительность, продолжалъ я, увлекаясь:—если онѣ сдѣлаются недовѣрчивы къ людямъ, скрытны...

— Вы можете не согласиться, прервала она:—но, по моему мнѣнію, это не пороки, но только несчастныя свойства... вдвойнѣ несчастныя, прибавила она съ чувствомъ, котораго я не замѣчалъ прежде никогда, потому что принято не понимать того, кто не высказывается.

— Зачѣмъ же вы хотите дать возможность развиться этимъ свойствамъ?

— Я и не дамъ имъ развиться, возразила она.—Впрочемъ, если выбирать между крайностями, пусть лучше мои дѣти будутъ непоняты, нежели обмануты; ихъ вознаградитъ собственное сознаніе, что онѣ были правы. Я испытала это надъ собою, я никогда не была способна ни къ удивленіямъ, ни къ изліяніямъ души—что-жъ? моя жизнь прошла спокойно, счастливо; пусть ихъ жизнь пройдетъ такъ же. Для чего судить по наружности? Тотъ ли только впечатлителенъ, кто громко восторгается? тотъ ли только любитъ, кто умѣетъ ласкаться?..

— Но если высказываться и увлекаться уже въ характерѣ, не тяжело ли это принужденіе?

— Согласитесь, что оно больше идетъ къ женщинѣ. Женщина должна больше молчать; въ ея воспитаніи необходимъ самый строгій порядокъ, всегдашнее повиновеніе, холодная привычка, а не порывные переходы отъ одного дѣла къ другому... Спросите Александра, прибавила она немного нерѣшительно: — ему, напротивъ, я оставляла совершенную свободу въ выборѣ занятій, убѣжденій, привязанности... Мужчина самъ устраиваетъ себѣ жизнь; женщина подчиняется волѣ другого...

Она долго доказывала мнѣ это: но, что бы она ни говорила, я съ ней не согласенъ. Слишкомъ много нужно проницательности, чтобъ находить чувство тамъ, гдѣ насъ оттолкнула скука и внѣшняя холодность; слишкомъ

взыскательно требовать этой проницательности отъ каждаго. Примѣръ недалекъ: Рановскій ничего не разбираетъ, я, напротивъ, разбираю все, и намъ обоимъ равно скучно и тяжело говорить съ Варварой Петровной и ея дочерьми... Кто разберетъ также, что располагаетъ дѣйствіями такихъ людей: доброта сердца, или пониманіе своего долга, а можетъ быть, и просто пониманіе приличія?..

Лѣто уходитъ. Я не оглянулся, какъ прошло три недѣли, а кажется, не зналъ, какъ прогнать каждый день. Время стоитъ сухое, ни грозъ, ни дождей, все прежде времени блекнетъ, поля выжжены, жатва рѣдка и бѣдна. Солнце встаетъ красное, въ пыли и зноѣ; къ полдню ползутъ сѣрожелтыя облака, длинныя и уродливыя, какъ змѣи, складываются во что-то похожее на тучу, но поднимается вихрь и разноситъ ее клочьями, разметываетъ жалкое скошенное сѣно, клубитъ бурые столбы песку по дорогамъ; небо все въ красноватомъ туманѣ; въ немъ исчезаетъ даль, сливаясь въ неопредѣленныя полосы, мелькаютъ сѣрыя деревья. Обмелѣвшая рѣка мутится и пѣнится; птицы, сметенныя вихремъ, жалобно бьются ко мнѣ въ окна... И такъ три недѣли...

29-го іюня.

Что со мною дѣлается? Сегодня была минута, въ которую, я думалъ, что умру отъ счастья... Я счастливъ, давно счастливъ и не зналъ этого!.. Я ребенокъ; я ничего не вижу, ничего не понимаю, брожу мыслью Богъ знаетъ гдѣ и не замѣчаю того, что кругомъ меня... Но теперь, клянусь, я силенъ, я твердъ и вижу ясно!

Но мое положеніе все остается безвыходнымъ, столько тревоги... Тревога въ моей бѣдной, забытой жизни!

День сегодня удушливо-жарокъ. Мы провели его почти весь въ саду. Недалеко отъ пруда есть старинная бесѣдка, въ видѣ храма, обнесенная колоннами; внутри она просто комната съ двумя окнами и стеклянною дверью, но на фронтонѣ затѣйливый барельефъ и надпись: «A Minerve». Сюда Лéле и Зоя ходятъ читать Телемака. Внутри комната украшена обоями, на которыхъ въ лицахъ изображена эта занимательная исторія, кругомъ стѣнъ низкій, мягкій диванъ и передъ нимъ два или три маленькіе столика съ книгами и работой. Варвара Петровна пригласила меня сюда передъ вечеромъ; она особенно любезна со мной съ нашего разговора и мы часто разсуждаемъ, конечно, о вещахъ постороннихъ, но это и хорошо для меня: эти разсужденія заставляютъ меня отдѣляться отъ моей собственной жизни и забывать ее. Убѣжденія Варвары Петровны очень занимательны, хотя холодны и строги; слушая ее, можно учиться; я учусь.

Она не любитъ терять времени. Такъ и сегодня, когда мы вошли въ бесѣдку, она, Лéле, Зоя и я, она завела, по обыкновенію, серьезно учебный разговоръ и спросила моего мнѣнія объ одной статьѣ изъ «Revue des Deux Mondes». Я читалъ эту статью на дняхъ, но въ эту минуту думалъ совсѣмъ о другомъ и отвѣчалъ, что не знаю ее.

— Такъ мы прочтемъ ее вмѣстѣ, сказала Варвара Петровна.—Сядь сюда, Лèле, и читай намъ.

Она и Лèле помѣстились на диванѣ, въ глубинѣ бесѣдки, Зоя рядомъ съ ними, за работой, а я у окна далеко отъ нихъ, спустивъ драпировку отъ жара. Варвара Петровна была очень занята, глядя въ книгу, которую держала Лèле, и такъ какъ она не имѣетъ привычки прерывать чтеніе замѣчаніями, я могъ на свободѣ не слушать нисколько. Съ первыхъ строкъ я узналъ, что читаютъ знакомое, и не сказалъ этого, чтобъ оставить себѣ удовольствіе молчать. Я смотрѣлъ изъ-за драпировки въ садъ и думалъ. Такъ прошло съ полчаса. Я зналъ, что Софья Николаевна ушла въ аллею и надѣялся, что увижу ее издали. Вскорѣ я увидѣлъ ее очень близко; она шла подъ-руку съ Ардабьевымъ; онъ, по обыкновенію, наклонялся, шепча ей и улыбаясь; она возражала довольно рѣзко, какъ мнѣ показалось по движеніямъ. Наконецъ они были почти у самой бесѣдки.

— Видите ли, сказалъ Ардабьевъ: — вы сознаетесь, что побѣждены: вы бѣжите.

— Я бѣгу?

— Да. Вы знаете, что тутъ Варвара Петровна и сестры и спѣшите спастись отъ спора.

— Нисколько, отвѣчала она, садясь на ступеньку бесѣдки у самаго моего окна.—Я устала ходить, но не думаю прекращать разговора; здѣсь не услышатъ... Напротивъ, я давно хочу высказаться.

— Такъ у васъ есть что нибудь на душѣ? Простите, я не предполагалъ... Не принимайте этихъ словъ ни за шалость, ни за насмѣшку, продолжалъ онъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ: — я иначе не могу выражаться. Мы здѣсь два мѣсяца; я два мѣсяца всякій день стараюсь доказать вамъ, что очень хо-

рошо понимаю святость чувства, которое желалъ бы внушить вамъ, и что мое собственное чувство такъ же искренно, такъ же свято, но всѣ мои слова напрасны! Вы какъ-то неприступны, холодны... извините, вы иногда скучны, какъ отжившая дѣва, которая боится объясненія, хоть никто не намѣренъ ей его дѣлать. Это смѣшно! Кто вамъ внушилъ такое недовѣріе къ себѣ, скажите? Наконецъ, я выражусь прямо: я не хочу, чтобъ вы были кокетка; но я прошу, умоляю васъ, сознайте себя—вы можете, вы должны быть любимы... понимаете ли вы это?.. вы улыбаетесь?

— Да, спокойно отвѣчала Софья Николаевна:—я смѣюсь: вы увѣряете меня въ томъ, что я сама знаю. Я могу быть любима и буду любима. Я знаю, что я хороша, и еще лучше знаю, что мое сердце стоитъ того, чтобъ его любили.

— Почему же вы не вѣрите, что я... Что же вы не смѣетесь? Вы сейчасъ такъ гордо высказались, теперь смѣхъ былъ бы очень эфектенъ.

— Я не смѣюсь, потому что я оскорблена, возразила она серьезно.

— Чѣмъ и кѣмъ? скажите, мною?.. Неужели необходимо, чтобъ я вамъ клялся? Согласитесь, это было бы забавно. Вы такъ умны, что сами не захотите романическихъ сценъ...

— Не думаете ли вы, что этотъ смѣхъ, этотъ тонъ — оправданіе?

— Мнѣ не въ чемъ оправдываться, отвѣчалъ Ардабьевъ, опять въ минуту оставя свою веселость:—я знаю, что я правъ... виноватъ только тѣмъ, можетъ быть, что не имѣю дара вамъ нравиться. Что-жъ дѣлать! я не могу быть всегда серьезнымъ и разсуждать о красотахъ природы и уединенія... Я люблю васъ искренно, сколько могу—вы не вѣрите? Вамъ не нравится, что я шучу и веселъ! хоть бы изъ состраданія вы мнѣ это простили... Скучное лѣто, скучная семья... Дайте мнѣ жить хоть въ тѣ минуты, когда я съ вами!

— И вы наконецъ высказались, сказала она: — прекрасно! Вы любите меня отъ скуки...

— Отъ скуки? повторилъ Ардабьевъ, и въ его голосѣ слышались страсть и упрекъ: — Sophie, вы ли это говорите?.. Если вы не любите меня, скажите прямо, и пусть я буду одинокъ, несчастливъ, но... не примѣряйте на себя этой мелочности, этихъ замашекъ провинціальныхъ барышень!

— Позвольте, прервала она: — я очень рада, вы еще разъ даете мнѣ урокъ: что же такое ваша любовь, если не развлеченіе, занятіе какое нибудь въ скучное лѣто?.. Позвольте мнѣ договорить. Я сказала, что вы меня оскорбляете, повторяю это и объясню вамъ, если вы сами уже давно не поняли, хоть не сознаетесь... Вы объяснились мнѣ въ любви въ первый же день, какъ я пріѣхала сюда, вы называли это рѣшительнымъ, мгновеннымъ впечатлѣніемъ...

— Sophie, безъ васъ вокругъ меня все было такъ пусто, такъ чуждо...

— Александръ Григорьичъ, фразы! не вы ли надъ ними смѣетесь?.. Но тѣмъ хуже: вокругъ васъ совсѣмъ не такъ пусто и чуждо, какъ вы придумываете; а я, повторяю вамъ, могу нравиться и не среди пустоты... Я не повѣрила вашему «мгновенному впечатлѣнію», потому что, встрѣчая меня всю нынѣшнюю зиму въ обществѣ и у Варвары Петровны, вы не обращали на меня вниманія, вы говорили мнѣ только bonjour или pardon, когда случалось, и только одинъ разъ танцовали со мною въ собраніи, и то потому, что не нашли другой дамы.

— Какія мелочи! Неужели вы за нихъ гнѣваетесь?

— Прошу васъ не смѣяться: эти мелочи очень важны. Онѣ доказываютъ, что дѣвушка... вѣрнѣе, дѣвочка въ первую зиму своихъ выѣздовъ, неблестящая, несвѣтская, небогатая, не кокетка, не показалась вамъ занимательна. Какъ же потомъ вы вдругъ нашли въ ней столько совершенствъ, что разомъ отдали ей свое сердце?

— Sophie, другъ мой, вы меня не понимаете. Сколько разъ я просилъ васъ оставить ваши предубѣжденія о свѣтѣ и свѣтскихъ молодыхъ людяхъ, къ которымъ вы причисляете и меня: вы вовсе ихъ не знаете. Вы себѣ создали какіе-то идеалы, по мѣркѣ моей маменьки и плохихъ романовъ. Вамъ хочется, чтобъ у насъ или совсѣмъ, отъ рожденія, не было сердца, или бы мы сами его окончательно истратили; это совсѣмъ не такъ бываетъ...

— Положимъ, отвѣчала она: — не такъ бываетъ въ другихъ, но не въ васъ. Вы нисколько не заботились о моемъ сердцѣ; вамъ нужно было только, чтобъ я была неглупа, неигрива—вы нашли чего желали. Это васъ заняло. Чтобъ не потерять привычки перебрасываться словами, во-время перемѣнять тонъ, принимать живописныя позы, вы вздумали заняться этой игрой со мною.

— Софья Николаевна!..

— Потомъ, у васъ было много незанятаго времени и мало охоты что нибудь дѣ-

лать; вы не боялись истратить чувство, потому что у васъ его нѣтъ; вы не боялись сами увлечься, потому что нисколько не цѣнили ту, которую вздумали завлекать...

— Какъ вы странно выражаетесь!

— Да, вы цѣнили ее такъ мало, что не подумали, что̀ можетъ быть съ ея сердцемъ и счастьемъ, если, на несчастье, она полюбитъ васъ; что будетъ съ ея добрымъ именемъ, когда узнаютъ, что она въ васъ влюбилась... а это бы узнали. Сознайтесь, вы не одинъ разъ придумывали, какъ будете разсказывать вашимъ знакомымъ эту лѣтнюю исторію?.. Сознайтесь также: въ разсчетъ вашей легкой побѣды входило и то, что эта дѣвушка бѣдна и беззащитна, что можно пошутить безцеремонно и безнаказанно...

Ардабьевъ расхохотался. Это былъ взрывъ досады и злости. Я хорошо изучилъ его голосъ. Онъ заговорилъ, стараясь казаться спокойнымъ, но въ каждомъ звукѣ слышалось раздраженное, оскорбленное самолюбіе.

— Извините, я думалъ, все это шутка... Впрочемъ, Sophie, къ чести вашего милаго, нѣжнаго ума, я все еще продолжаю думать, что это шутка. Такія страшныя фразы и между мужчинами говорятся рѣдко; это не принято.

— Я не думаю шутить, сказала она.

Разговоръ ихъ занималъ меня и мучилъ; я слушалъ невольно, сознаваясь, что не долженъ былъ слушать и уступая непреодолимому чувству. Впрочемъ, я не могъ не слышать того, что говорилось рядомъ со мною, хотя и негромко. Со страхомъ взглянулъ я на Варвару Петровну; она была погружена въ книгу «Revue de Deux Mondes», а громкое чтеніе Лѐле не позволяло ей ничего разслышать. Я вспомнилъ, что бесѣдка устроена такъ, что въ глубину ея не долетаетъ никакой звукъ снаружи. Варвара Петровна прислушалась только разъ и спросила: «Это Александръ?» Я отвѣчалъ: «Да» и не оставилъ своего окна. Я сдѣлалъ дурно, но мое сердце было такъ измучено въ послѣдніе дни, что я позволилъ ему схватить нечаянное, странное утѣшеніе, которое оно находило въ этомъ странномъ разговорѣ... я слушалъ.

Ардабьевъ долго смѣялся. Софья Николаевна повторила:

— Я ни мало не шучу. Я говорю вамъ, какъ говорили бы мой отецъ или братъ, еслибъ я вздумала имъ довѣриться...

— Позвольте вамъ замѣтить, Софья Николаевна, что отцы и братья допускаются только въ такихъ случаяхъ, когда молодого человѣка хотятъ поймать и довести до чего нибудь рѣшительнаго; о чемъ, конечно, при вашемъ умѣ, вашей деликатности...

— Поймите, что я не хочу понимать вашихъ оскорбленій. Я очень молода и очень бѣдна; вы богаты, образованы, очень хороши собою, но предо мной вы выказались такъ пусты и ничтожны, что полюбить васъ я не могла и не могу — ясно ли это?

— Очень; но вы очень забавны, ma petite Sophie, отвѣчалъ онъ спокойно и съ усмѣшкой, что составляло такую противоположность съ ея увлеченіемъ. — Я сдѣлаю вамъ удовольствіе и признаюсь, что также нисколько не думалъ любить васъ, потому что вы воплощенная неприступность. Въ васъ неисчерпаемое самолюбіе и ни тѣни кроткаго, женственнаго самоотверженія; вы вѣчно будете думать только о себѣ. Поздравляю васъ: вы никогда не полюбите, не будете ни ожидать, ни страдать, ни радоваться, какъ всѣ женщины... Что-жъ, вы выше всѣхъ! царица, живите однѣ!

— Вы очень ошибаетесь, возразила она въ волненіи.

— Развѣ низойдете уронить взоръ на что нибудь очень мелкое, что постарается еще прижаться передъ вами, или гордо подадите руку тому, кто самъ будетъ въ состояніи васъ возвысить...

— Вы очень ошибаетесь, повторила она: — я полюблю то, что стоитъ любить.

— Нѣтъ, пора любви проходитъ, а вы не любите...

— Почему вы знаете?

— Смѣю ли я просить довѣренности? Но все я могъ бы замѣтить... Ахъ! въ самомъ дѣлѣ... Sophie, вы покраснѣли?

— И дурно сдѣлала, что покраснѣла, сказала она вдругъ рѣшительно: — я давно должна бы сказать вамъ прямо, чтобъ кончить всѣ ваши неумѣстныя шутки. Да, я люблю не шутя, не для забавы, не потому, что въ восьмнадцать лѣтъ всѣ любятъ, но потому, что вижу благородный умъ, благородное чувство... Я могу гордиться тѣмъ, кого люблю, и люблю безнадежно, потому что онъ даже не замѣчаетъ.

— Но вы меня пугаете, прервалъ Ардабьевъ, — сдѣлайте милость, кто же этотъ смертный?

Она назвала — меня!

До этой минуты я слушалъ съ замирающимъ сердцемъ, но тутъ невольно откинулся отъ окна; я хотѣлъ бѣжать къ нимъ... я

былъ счастливъ... Нѣтъ, это слово ничего не выражаетъ. Я не понялъ себя; у меня потемнѣло въ глазахъ. Только голосъ Варвары Петровны, раздавшійся съ какимъ-то ученымъ замѣчаніемъ, напомнилъ мнѣ, что я не одинъ, что уйти мнѣ нельзя; вслѣдъ затѣмъ подъ окномъ послышался опять звонкій смѣхъ Ардабьева, онъ говорилъ уже громче, оставя осторожность, о которой, казалось, помнилъ до сихъ поръ.

— Нѣтъ, Sophie, это невозможно, это дико! Не смотря на всѣ наши маленькія ссоры, я привязанъ къ вамъ такъ братски искренно, что, извините, не позволю вамъ такого несообразнаго, романическаго увлеченія! Полноте, Sophie, вы заблуждаетесь! Со всей моей преданностью къ вамъ, я не могу благоговѣть предъ вашимъ идеаломъ; я считаю моимъ долгомъ предохранить васъ...

— Не берите напраснаго труда, возразила она:—я не прошу васъ.

— Но неужели вы не понимаете... Нѣтъ, это невозможно! Поймите только, какъ это забавно — сторожка и усовершенствованіе человѣчества... Онъ добръ, благороденъ, но онъ смѣшонъ... Полноте! Вы такъ милы, вы обязаны бояться смѣшного... Нѣтъ, я самоотверженно буду охранять васъ. Мнѣ досталась роль осмѣяннаго, отвергнутаго поклонника—что-жъ дѣлать? покоряюсь своей участи и буду гибнуть вмѣстѣ со всѣми, кто похожъ на меня, но васъ я не допущу идеальничать. Нѣтъ, Sophie, знайте заранѣе, что нѣтъ насмѣшки, нѣтъ выходки, которой бы я себѣ не позволилъ, чтобъ открыть вамъ глаза; и если мнѣ не удастся, я не остановлюсь предупредить объ этомъ злѣ Варвару Петровну; надѣюсь, въ этомъ мнѣніи мы съ ней сойдемся...

— Я знала, что вы такъ употребите мою довѣренность, холодно отвѣчала Софья Николаевна.

— А какъ же иначе, ma petite amie? Вы меня вызвали на бой, я уступилъ вамъ и былъ разбитъ изъ учтивости. Если то, что намѣренъ я дѣлать единственно изъ преданности къ вамъ, кажется вамъ мелкимъ мщеніемъ— или, какъ вы это еще хуже назовете?—какъ вамъ угодно!

— Я ошиблась, сказала она, я слишкомъ неосторожно тронула ваше самолюбіе.

— Мое самолюбіе? Помилуйте, Sophie, право, оно не такъ щекотливо, чтобъ такая ничтожность могла его затронуть. Чѣмъ вы его затронули, я что-то не помню?.. Да, тѣмъ, что предпочли мнѣ вашего сельскаго учителя. Любите кого вамъ угодно, это меня нисколько не безпокоитъ; если я вступаюсь и вступлюсь за это, какъ ужъ предупредилъ васъ, то единственно за тѣмъ, чтобъ сами вы не сдѣлались смѣшной, жалкой, романической дѣвой, которая вздыхаетъ надъ болотами... Однако, мы кончили; тамъ тоже, кажется, перестали читать... Не хотите ли пройтись немножко, покуда утихнетъ ваше волненіе и не будутъ такъ пылать ваши щечки?..

Она встала молча и ушла одна. Черезъ минуту къ намъ вошелъ Ардабьевъ; онъ былъ очень спокоенъ и улыбался... Взглянувъ на него, я испугался своего собственнаго чувства: я его ненавидѣлъ...

Я обманутъ; еще разъ жестоко обманутъ въ жизни! Скорѣе бы я усомнился въ самомъ себѣ, нежели въ его дружбѣ!.. Любуясь его прихотью, я забывалъ мою истинную любовь, а ему для меня было жаль отказаться отъ своей прихоти! ему было обидно, что другъ предпочтенъ ему; онъ удивлялся, какъ будто въ самомъ дѣлѣ любить меня и странно, и нелѣпо, и не должно... Привязавшись къ нему всей душой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, я вглядѣлся во всѣ его движенія, вслушался во всѣ звуки его голоса; понимаю каждый оттѣнокъ его мысли; теперь все говорило противъ него: я не ошибался въ значеніи этихъ улыбокъ, полусловъ, этой презрительной небрежности, этого звонкаго смѣха... Самолюбіе заглушило въ немъ привязанность... но была ли она, эта привязанность? Не ошибался ли я, полагая, что онъ меня любитъ, какъ ошибался, принимая за истинное чувство эту шалость, которою онъ, скучающій, больной, хотѣлъ занять свои праздныя минуты?... Былъ ли онъ довѣрчивъ со мною? Что узналъ я изъ его прошлаго? То, что ни для кого не было тайной, что онъ сказалъ бы всякому, кто бы рѣшился проводить съ нимъ цѣлые дни!.. У меня не было ничего скрытнаго; я разсказалъ ему все, до моей прошлой глупой любви, надъ которой онъ такъ безпощадно смѣялся! У меня не было ничего завѣтнаго, ни мысли, ни желанія... ничего, кромѣ того горя, которое я самъ сдѣлалъ—для него...

По его понятіямъ, онъ виноватъ немного: что-жъ, онъ посмѣялся — вотъ и все; это каждый день дѣлается на свѣтѣ... Но какъ это много для меня! какое чистое вѣрованіе онъ убилъ во мнѣ! Говорятъ, дружатся въ молодости для того, чтобъ, встрѣтясь стариками, привѣтнѣе взглянуть на улетающую

жизнь; говорятъ, что отъ этого благороднаго, прямого размѣна настоящая жизнь идетъ легче и мы сильнѣе среди трудовъ и утратъ... Много говорятъ! Вотъ оно, это сознательное, великодушное сближеніе! Неужели всегда эта чудесно придуманная драма разыгрывается двумя лицами — эгоистъ и обманутый?..

Мнѣ горько, мнѣ невыносимо-горько. Я переносилъ ихъ счастье; въ пожертвованіи, которое сдѣлалъ для него, я утѣшался его покоемъ, пожатіемъ его руки... Теперь въ самомъ дѣлѣ все потеряно.

Во мнѣ рождается чувство какого-то горя, незнакомаго мнѣ прежде, гордаго и сильнаго, какъ была моя убитая дружба. Я негодую, мучусь, но я сознаю себя, и твердъ... За то мнѣ тяжеле, нежели когда нибудь было. Моя молодость прошла.

Меня мучитъ не то, что онъ сдѣлалъ противъ меня, но то, чѣмъ онъ самъ выказался...

1-го іюня.

Онъ ужъ началъ свое мелочное, недостойное мщеніе, недостойное вдвойнѣ, потому что она женщина, а онъ хозяинъ дома. Онъ не оставляетъ насъ ни минуты вдвоемъ, заставляетъ ее участвовать въ общемъ разговорѣ, хотя видитъ, что она смущена и не въ силахъ, громко замѣчаетъ, что она разсѣяна, разсказываетъ анекдоты о разсѣянности влюбленныхъ, смѣется надъ пастушескими страстями, читаетъ мораль, вслѣдъ за Варварой Петровной, которая, я думаю, не надивится, какъ имъ удается такъ сойтись въ понятіяхъ. Я выслушиваю тысячу намековъ, которые очень хорошо понимаю; я вижу, какъ онъ наклоняется и шепчетъ ей, и очень догадываюсь, что онъ шепчетъ; я вижу, какъ она, смущенная, взволнованная, не смѣетъ отказать ему, когда онъ вызывается провожать ее въ прогулкахъ, когда онъ требуетъ, чтобъ она подавала и пожимала ему руку... Я слышалъ самъ, какъ онъ сказалъ ей: «не бойтесь, это не измѣна; маленькая благосклонность къ другому не мѣшаетъ; иногда она заставляетъ счастливца угадывать настоящее чувство...» И все это сказано съ его милой улыбкой!

Я видѣлъ сегодня съ утра, что она плакала. Я засталъ ее одну въ залѣ у окна; она не видѣла меня и, сложивъ руки, смотрѣла на небо и плакала. Замѣтя меня она ушла въ цвѣтникъ... Ардабьевъ встрѣтился съ ней и смѣялся. Несносныя шутки, намеки, обидные взгляды продолжались цѣлый день, какъ всегда. Ардабьевъ ловко умѣетъ сдѣлать ихъ непримѣтными для посторонних, но безпощадно поддерживаетъ чувство страха, что все сейчасъ будетъ открыто. Она весь день не вставала изъ-за работы и не уходила гулять; онъ остался подлѣ нея и подозвалъ дядю. Здѣсь цѣлый день сегодня пробылъ Рановскій. Конечно, я вижу, что Рановскій самъ не знаетъ, чему смѣется, что Ардабьевъ ничего не пересказывалъ ему, но онъ шутитъ такъ пошло, такъ непріятно. Измученная, она невольно взглянула на меня. Я былъ готовъ отозвать Ардабьева, сказать ему, что я не потерплю этихъ шутокъ, что я все знаю и самъ люблю ее... Но что-бъ изъ этого вышло? какое право я имѣю вступиться, я бѣднякъ, безъ значенія, у котораго всѣ средства къ существованію, все положеніе въ свѣтѣ заключаются въ одной сельской приходской школѣ?

Я не скажу ему ни слова, потому что у меня не достанетъ духа выговорить ему, сколько онъ виноватъ передо мною, потому что не могу подумать о томъ, что онъ у меня отнялъ, о томъ времени, когда я зналъ, что былъ у меня другъ. Я не скажу ему ни слова, потому что люблю его и чувствую, при одномъ взглядѣ на него, когда мы одни, когда онъ задумывается, когда попрежнему, не подозрѣвая, сколько оскорбилъ меня, онъ протягиваетъ мнѣ руку, чувствую, что готовъ броситься ему на шею, прощая все...

Тысячу разъ я готовъ признаться ей, что люблю ее... но къ чему это поведетъ насъ? Теперь она можетъ, она въ правѣ разлюбить меня и быть счастлива съ другимъ, тогда мы будемъ связаны.

О, мое несчастное письмо! я убилъ имъ все свое будущее!.. Алексѣй Петровичъ не оставилъ бы меня...

Меня любятъ... возможно ли это? И мнѣ, какъ другому, досталось это счастіе! Что-жъ могло призвать его? чѣмъ сказалась ей моя душа? Она любитъ мою душу, она «можетъ гордиться своимъ выборомъ...» И такъ, бываютъ минуты, что она думаетъ обо мнѣ, вспоминаетъ мои слова, ждетъ меня...

8-го іюля.

Между нами все кончено.

Придя къ нимъ сегодня поутру, видѣлъ я во дворѣ запряженную коляску и старика-

управляющаго, который хлопоталъ кругомъ. Я спросилъ, кто и куда ѣдетъ. Онъ отвѣчалъ, что уѣзжаетъ онъ самъ и съ нимъ Софья Николаевна. Я поспѣшилъ въ домъ. Въ залѣ ужъ всѣ собрались и прощались. Варвара Петровна обнимала Софью Николаевну, Лѐле и Зоя стояли въ ожиданіи поцѣлуевъ; Ардабьевъ, какъ мнѣ показалось, любовался этой сценой. Когда пришла его очередь, онъ первый протянулъ руку Софьѣ Николаевнѣ и спросилъ:

— Не надолго, не правда ли?

Она не отвѣчала, но въ ту же минуту подала руку мнѣ и сказала громко:

— Прощайте, Андрей Васильичъ.

Я поспѣшилъ взглянуть ей прямо въ лицо, еще разъ... Сердце мое чувствовало, что это въ послѣдній. Она была блѣдна; изъ ея взгляда я понялъ, что она не возвратится. Я не могъ ничего сказать ей. Ардабьевъ пошелъ провожать ее; я вышелъ вслѣдъ за нимъ. На крыльцѣ онъ спросилъ ее, смѣясь:

— Вы сердитесь?

Она что-то отвѣчала; я не слышалъ, но видѣлъ ея кроткій, прекрасный взглядъ. На меня она больше не взглянула. Варвара Петровна вышла сама, обнимала ее, приказывала поклониться ея отцу, спрашивала покойно ли ей, шутила, говоря, что отдаетъ ее подъ покровительство стараго рыцаря управляющаго. Дочери кричали изъ окна: Adieu, au revoir. Все это дѣлалось такъ спокойно, такъ натурально, что я не могъ ни думать, ни чувствовать. Проводивъ ее и возвращаясь въ комнаты, Варвара Петровна разсказала мнѣ, что вчера, узнавъ, что управляющій ѣдетъ въ городъ, Sophie вдругъ пришла мысль повидаться съ отцомъ, котораго деревня по дорогѣ, и она упросила позволить ей ѣхать. Варвара Петровна уступила ея желанію. Кажется, можно довѣрить ее такому почтенному человѣку, какъ нашъ управляющій...

Лѐле и Зоя сѣли за свои мольберы; m-elle Штюрмеръ, которой я что-то не примѣчалъ, взялась за свое филе; Варвара Петровна вышла. Все шло какъ всегда, только я удивлялся этому неизмѣнному порядку и не зналъ, сѣсть ли мнѣ, уйти ли, то же ли взяться за что нибудь. Появленіе Ардабьева все рѣшило; онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ. У меня закружилась голова и закипѣло сердце. Входя, я затворилъ дверь и спросилъ:

— Что это значитъ?

— Что такое?

— Зачѣмъ она уѣхала?

— Мнѣ очень нравится ея отъѣздъ, отвѣчалъ онъ:—въ немъ премило выказался женскій характеръ: нетерпѣніе, самолюбіе. Развѣ вы не замѣчали маленькую комедію, которую мы играли все это время? Ея роль, конечно, была трудна, но она придумала развязку, и ловко, хотя, впрочемъ, ей больше ничего не оставалось дѣлать... Мы поссорились; я имѣлъ право мстить, и мстилъ. Я, конечно, сильнѣе, но она была такъ горда, что стоила урока.

Онъ вывелъ меня изъ терпѣнія. Холодность, небрежность, самодовольствіе, съ которымъ онъ все это выговаривалъ, были такъ дерзки, что я все забылъ.

— Называйте вещи по имени, сказалъ я:—вы ее выжили изъ дома. Я все видѣлъ, все знаю. Вы такъ привыкли къ побѣдамъ, что васъ раздосадовала неудача, когда успѣхъ казался такъ легокъ, когда эта дѣвушка такъ неопытна и бѣдна, что даже, завлекая ее, вы позволяли себѣ обходиться съ нею свысока. Развѣ вы не понимали, что это обхожденіе ее оскорбляло? Ей не трудно было разобрать, что вы потѣшаетесь отъ нечего дѣлать?

— Да вы стоикъ; я и не зналъ, что вы принадлежите къ этому разряду филисофовъ, сказалъ Ардабьевъ, смѣясь.

— Смѣхъ вовсе не у мѣста, возразилъ я.—Вы сдѣлали дурно, хуже, нежели дурно... Вы теперь смѣетесь отъ досады; но если я позволю вамъ хохотать надъ собой, то не позволю смѣяться надъ этой дѣвушкой.

— Что-жъ вы такъ опоздали защищать? сказалъ онъ:—чего-жъ вы ждали до сихъ поръ?

— Я не думалъ, что вы доведете ее до крайности бѣжать отъ васъ; я ждалъ, что вы оглянетесь, наконецъ, поймете, что поступаете недостойно...

— Андрей Васильичъ, вы забываетесь...

— Вы выказались злы и мелочны, вы позавидовали...

— Вамъ? вскричалъ онъ, хохоча самымъ обиднымъ образомъ.

— Да, мнѣ, отвѣчалъ я внѣ себя:—мнѣ, потому что я любимъ, а вы осмѣяны.

— И вы увѣрены въ вашемъ торжествѣ?

— Я самъ люблю ее, отвѣчалъ я, люблю не изъ прихоти, какъ дерзкій свѣтскій баловень, а какъ человѣкъ, который ее цѣнитъ и можетъ составить ея счастье...

— Что-жъ вы открылись ей, предложили ей это счастье, подъ кленомъ, въ вашей сторожкѣ?

— Нѣтъ...

— Почему же нѣтъ?

— Потому, Александръ Григорьичъ, что у меня ничего нѣтъ, кромѣ этой сторожки.

Не знаю, что со мной сдѣлалось послѣ этихъ словъ; выговоривъ ихъ, я какъ будто сознался въ своемъ безсиліи. Выведенный на минуту изъ своего характера, я возвратился въ него опять, съ горемъ, которое лишило меня бодрости. Мнѣ стало тяжело до того, что я забылъ даже гордый стыдъ, заставлявшій меня скрывать мое горе: я сѣлъ и опустилъ голову на столъ. Ардабьевъ смотрѣлъ на меня, спокойно сидя въ креслахъ; онъ воспользовался этой минутой.

— Вмѣсто досады и разныхъ нелюбезныхъ словъ, лучше поблагодарите меня, сказалъ онъ:—я будто догадался и разсчелъ за васъ. Къ чему повела бы васъ эта poéme d'amour? Она—пылкая голова, а вы родились мечтателемъ. Я явился, какъ судьба, разлучилъ васъ и, самъ того не подозрѣвая, сдѣлалъ доброе дѣло. Полноте, утѣшьтесь... Впрочемъ, оно и забавно. Вы сами скажете то же, и скоро. Жизнь сплетена изъ такихъ случаевъ; вы знаете—блаженъ

Кто не дочелъ ея ромáна
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ...

Въ его голосѣ звучала насмѣшка, утомленіе человѣка пресыщеннаго, скучающаго минутой—уже не собственнаго чувства, а минутой чувства другихъ... Я всталъ.

— Въ жизни бываетъ и другое горе, сказалъ я:—вы его не узнаете; это—обманываться въ людяхъ. Я обманулся и не прошу вашего сожалѣнія; вы не поймете почему, а я не хочу растолковывать... Прощайте.

Я вышелъ; онъ не остановилъ меня. Я ушелъ изъ Покровскаго. Теперь вечеръ; отъ него нѣтъ ни вѣсти, ни зова и, я увѣренъ, такъ пройдетъ завтра, послѣзавтра... но я не пойду туда.

Меня утѣшаетъ то, что всѣ треволненія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ не отняли у меня охоты къ занятію и что я могу легко приниматься за него. Жаль, что настаютъ полевыя работы и мнѣ придется надолго распустить моихъ учениковъ. Мнѣ только очень тяжело думать о себѣ и разбирать себя, потому я и не оставляю себѣ ни одной свободной минуты, чтобъ заглянуть въ эту тетрадь; теперь пишу потому, что она попалась мнѣ подъ руку. Гулять тоже невесело. Лѣто такъ уныло, любоваться нечѣмъ, а на просторѣ неотвязная мысль о себѣ напрашивается въ голову и безотчетно волнуетъ сердце. Вечера и зори стали холодны и туманны. Отъ пыльной, желтой травы вѣетъ осенью...

Нельзя ли жить, закрывъ глаза и не волнуясь мертвенностью природы, заставивъ заснуть чувство и забывая о томъ, что съ нами есть и было? Средство есть: трудиться отъ утра до вечера... Попробую.

Когда я думаю о немъ, меня всего болѣе мучитъ мысль, что онъ не могъ поступить иначе, не могъ сказать мнѣ другихъ словъ, потому что его слова и поступки не произвольны, а слѣдствіе его характера, того, что врожденно въ немъ... Какое ужасное понятіе!

13-го іюля, вечеромъ.

Я шелъ утромъ взглянуть на работу, которую живописецъ уже началъ въ нашей церкви, когда со мной встрѣтился человѣкъ изъ Покровскаго. Я никогда не думалъ, чтобъ эта встрѣча могла сдѣлать на меня такое тяжелое впечатлѣніе; я долженъ былъ превозмочь себя, чтобъ спросить, что тамъ дѣлается. Онъ сказалъ, что вечеромъ того дня, какъ я былъ послѣдній разъ, Ардабьевъ сильно занемогъ, такъ что Варвара Петровна, потихоньку отъ него, послала за докторомъ въ одно ближнее большое селеніе; меня особенно просили не проговориться о томъ Ардабьеву. Онъ только вчера могъ встать съ постели и то ненадолго. Эти извѣстія меня поразили; не смотря на то, что было рано и, не заходя домой, я побѣжалъ въ Покровское. Дорогой я старался успокоить себя тѣмъ, что съ Ардабьевымъ не разъ и прежде бывали припадки болѣзни, но проходили скоро, благодаря его молодости и сильному сложенію, и онъ самъ первый смѣялся потомъ и надъ собой, и надъ болѣзнью, и надъ страхомъ другихъ; послѣднее его даже сердило. Но въ то же время я невольно вспоминалъ его раздражительность, задумчивость, въ которую онъ впадалъ такъ часто, одинъ, при мнѣ, или когда думалъ, что за нимъ не примѣчаютъ; я понималъ эту задумчивость, эту тоску; мнѣ не разъ хотѣлось назвать ихъ предчувствіемъ. Теперь мнѣ становилось такъ страшно, такъ горько; наше послѣднее свиданіе съ нимъ вспоминалось мнѣ такъ тяжело; я припоминалъ мои слова съ такимъ мученіемъ совѣсти, что не шелъ, а почти бѣжалъ. Я вздохнулъ свободно, толь-

ко отворяя дверь его кабинета, только увидя его. Онъ былъ одинъ и, сидя у стола, писалъ письма.

— Это вы? сказалъ онъ, увидя меня:— какъ вы кстати!

Я былъ счастливъ, услыша его голосъ и бросился къ нему на шею. Только въ эту минуту я понялъ, что, приходя къ нему, я уже не думалъ застать его въ живыхъ. Самъ не помню, что я говорилъ ему, о чемъ разспрашивалъ.

— Полноте! прервалъ онъ меня, переводя дыханіе послѣ моихъ объятій: — чѣмъ вы могли меня потревожить? Право, я не герой романа, который схватываетъ горячку оттого, что противорѣчатъ его убѣжденіямъ. Я боленъ, потому что боленъ—и все тутъ. Запечатайте и надпишите эти письма, пожалуйста; я усталъ, руки дрожатъ, перепортилъ всѣ пакеты.

Я съ радостью исполнилъ его желаніе, стараясь вглядываться въ его лицо такъ, чтобъ онъ не замѣтилъ. Въ три дня онъ перемѣнился, какъ будто пролежалъ мѣсяцъ. Почти съ ужасомъ я остановилъ его, когда онъ взялъ свѣчу, сбираясь зажечь сигару.

— Что вы? сказалъ онъ:—не хотите ли и вы вразумлять меня и воздерживать, какъ моя любезная маменька? Нѣтъ, я ужъ выдержалъ споръ и курю—это дѣло рѣшеное. Хуже мнѣ быть не можетъ, а безъ сигаръ я не могу обойтись. Не соболѣзнуйте, сдѣлайте милость: соболѣзнованіе мнѣ и такъ надоѣло; ваше, пожалуй, искренно, но снаружи они очень похожи... Кончили вы съ письмами? Садитесь сюда и поболтаемъ.

Онъ легъ на кушетку, я сѣлъ подлѣ него.

— Заключимъ условіе, сказалъ онъ:— мы не будемъ говорить о горестныхъ предметахъ, лекарствахъ, мачихахъ и тому подобномъ. Философскія размышленія допускаются, какого бы рода они ни были, хоть бы дѣло шло объ эпитафіи, которую вы мнѣ напишите—такъ ли?

— Нѣтъ, лучше поживемъ вмѣстѣ, сказалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ, лучше поживемъ, продолжалъ онъ тихо и съ какой-то особенной печальной веселостью. — Мы другъ друга любимъ искренно. Я эти два дня подумалъ и разобралъ такъ: вы прощаете мнѣ многое, что по вашему нехорошо; съ вашей стороны это добродѣтель; но я сознаюсь же, что дѣлаю дурно, а сознаніе тоже добродѣтель... Какъ бы намъ не разставаться зимой? Неужели вы опять зароетесь здѣсь, въ Слободкѣ?

Онъ принялся строить планы, правда, самые несбыточные для меня, весело включая себя во всѣ случаи моей будущей жизни, смѣялся, пересказывая, что съ нимъ бывало, смѣялся еще больше, задумывая, что будетъ. Его предположенія, воспоминанія, веселость терзали меня. Бывали минуты, что я не могъ говорить; не могу объяснить, что я чувствовалъ. Я забылъ все, что было между нимъ и мною; во мнѣ не оставалось ничего, кромѣ горя и безграничной привязанности къ этому человѣку. Какъ нарочно, въ это утро онъ вызывалъ всѣ милыя черты своего характера; въ его рѣчахъ проглядывала какая-то кротость и ласка; и если онъ не разсказывалъ много о себѣ и своихъ задушевныхъ чувствахъ, то во всякомъ его движеніи была довѣрчивость, привлекавшая невольно... Я много виноватъ передъ нимъ. Я такъ нестерпимо и сурово требую откровенности, изліяній, прямого выраженія всякаго чувства. Всякій ли способенъ выражаться прямо и тотчасъ? Въ душѣ можетъ быть нѣжная, тонкая совѣстливость (не ложный стыдъ, какъ я называлъ ее прежде), и эта совѣстливость, какъ будто останавливаетъ слово на губахъ. Я все разбираю щепетильно, а въ самомъ дѣлѣ я существо грубое.

Онъ былъ виноватъ передо мной... Нѣтъ, я не могу его обвинять, не могу думать о печали, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, теперь, когда, можетъ быть...

Со смерти моего отца я такъ не плакалъ.

Я весь день пробылъ у него. Онъ нетерпѣливъ, но это такъ извинительно. Только я одинъ могу угодить ему. Варвара Петровна, правда, цѣлые часы проводитъ въ его комнатѣ, но ея присутствіе ему непріятно, ему докучаютъ заботы, а она будто нарочно заботится. Она приказываетъ, чтобъ въ домѣ все было тихо, и это его разсердило не шутя.

— Помилуйте, сказалъ онъ, услыша это приказаніе:—вы хотите, чтобъ я вообразилъ себя уже въ могилѣ.

— У тебя слишкомъ живое воображеніе, отвѣчала она, смѣясь: — я, просто, сама не люблю шума.

Мнѣ самому былъ непріятенъ этотъ холодный отвѣтъ.

— Такъ сдѣлайте милость, возразилъ Ардабьевъ: — забудьте для меня на минуту ваши привычки, онѣ убійственны. Сестры безмолвствуютъ, какъ отшельницы. Гдѣ онѣ?

— Хочешь, я позову ихъ.

— Благодарю васъ, я не хочу ихъ стѣснять. Еслибъ онѣ сами вздумали...

— Но вчера Лѐле сидѣла у тебя весь вечеръ.

— И я сжалился и отослалъ ее; ее слишкомъ затрудняль мой костюмъ.

Варвару Петровну, казалось, оскорбила эта рѣзкость.

— Согласись, возразила она: — Лѐле еще такъ молода, что не понимаетъ, что есть положенія исключительныя въ обыкновенной жизни.

— Не мѣшало бы понимать это пораньше. Онѣ восхищаются въ книгахъ подвигами сестеръ милосердія, а на дѣлѣ ихъ пугаетъ эта проза...

— Ты очень ошибаешься, Александръ.

— Такъ она кажется имъ неприличною, что еще смѣшнѣе.

Я бывалъ не разъ свидѣтелемъ подобныхъ маленькихъ сценъ, но у постели Ардабьева онѣ казались мнѣ непріятнѣе и жестче. Въ незначащихъ полусловахъ выказывалась борьба за убѣжденія и непріязнь двухъ лицъ, которымъ слѣдовало бы любить другъ друга. Я ждалъ хоть слова уступки со стороны Варвары Петровны: его не было, но она кротко и ласково поправила подушки пасынка и подала ему питье. Онъ поблагодарилъ молча; она вышла. Ей слѣдовало не дѣйствовать, а говорить.

— Какъ я радъ: свободная минута! сказалъ онъ ей вслѣдъ.—Растворите оба окна: меня задушатъ въ этой комнатѣ.

Онъ нѣсколько времени лежалъ, закрывъ глаза, такъ что я думалъ, онъ спитъ; наконецъ онъ вдругъ спросилъ меня: —Вы здѣсь? и протянулъ мнѣ руку. Я наклонился къ нему, онъ продолжалъ:

— Не уходите. Мнѣ сейчасъ было такъ хорошо. Я все думалъ о моей матери; мнѣ вспомнилось мое дѣтство... этого пересказать нельзя. Грустно, что прежде всякое чувство принималось какъ-то легко, неполно. Мнѣ теперь хотѣлось бы все вспоминать, и не могу, все ускользаетъ... Это мучительно, но все хорошо. Вы счастливы, что вполнѣ живете.

Мы разговаривали и онъ забылся опять, когда вошла Варвара Петровна. Она тихо затворила окна, сдѣлавъ мнѣ знакъ не вставать, когда я хотѣлъ помочь ей, потомъ стала прибирать бумаги Ардабьева, разбросанныя вѣтромъ по письменному столу. Я замѣтилъ, что она подняла какое-то письмо и прочитала его; мнѣ еще болѣе не нравилось, что она не положила этого письма съ другими, а свернула и взяла себѣ. Какое ей дѣло до переписки Ардабьева?.. Это меня возмутило...

15-го іюля, вечеромъ.

За мной прислали ночью. Ночь была ужасная и день не легче. Я только сейчасъ возвратился домой на минуту, чтобъ отдохнуть; но мнѣ не до отдыха...

Сегодня, завтра... десять дней! я съума сойду. Какъ, только десять дней жизни, только десять разъ видѣть полдневное солнце, только десять ночей сна передъ вѣчнымъ сномъ... Кто это сдѣлалъ такой ужасный разсчетъ? Не вѣрю, докторъ не Богъ, онъ можетъ ошибаться...

Поутру, наконецъ, мы дождались доктора; онъ разспрашивалъ, хлопоталъ, прописалъ что-то. Посланный уѣхалъ въ ближній уѣздный городъ за лекарствами. Варвара Петровна была ужасно встревожена и допрашивала доктора; онъ отвѣчалъ неопредѣленно, что, конечно, нельзя много надѣяться, но, впрочемъ, если поправится до осени, то увидимъ... Онъ меня вывелъ изъ себя, я поймалъ его въ саду, куда онъ ушелъ вздохнуть послѣ обѣда, и потребовалъ сказать мнѣ рѣшительно. Онъ освѣдомился сначала, не родственникъ ли я, и потомъ объявилъ, что надѣяться нечего, что Ардабьеву осталось дней десять, а много, двѣ недѣли. «Это какъ-то скоро пошло», говорилъ онъ, «да у молодыхъ людей всегда скорѣе»...

Ардабьевъ понялъ или отгадалъ свой приговоръ; онъ встрѣтилъ меня улыбаясь, когда я возвратился изъ сада, гдѣ плакалъ не помню сколько времени. Я сталъ лгать, говоря, какъ насъ утѣшилъ докторъ; онъ засмѣялся опять, хотя совершенно спокойно и сказалъ:

— Дай Богъ ему здоровья, онъ, по крайней мѣрѣ, не запрещаетъ пить холодную воду. Что-жъ, дѣлать нечего. Не уходите отъ меня.

Возможно ли его оставить, когда онъ говоритъ, что покоенъ только при мнѣ? Варвара Петровна очень печальна. Лѐле и Зоя плачутъ цѣлый день. Мнѣ ихъ стало жаль и я подъ-вечеръ, пока докторъ сидѣлъ у Ардабьева, пріютился съ ними въ залѣ и утѣшалъ ихъ. Варвара Петровна вышла къ намъ и сказала мнѣ, что вчера Ардабьевъ объявилъ ей, что мнѣ долженъ. Догадываюсь, что она спрашивала у него объясненій на то письмо, которое прочла вчера. Мнѣ

было не до того. Она что-то толковала о векселяхъ, о роспискахъ. Я отвѣчалъ ей, что были деньги не мои, а Алексѣя Петровича, у котораго я ихъ взялъ. Рѣшительно я не могъ ничего ни сооообразить, ни думать. Право, мнѣ не до долговъ съ Ардабьевымъ...

Отправляюсь къ нему; я пробуду съ нимъ всѣ эти послѣдніе дни.

18-го іюля.

Я былъ свидѣтелемъ сцены, которой не забуду, тяжелой для Ардабьева и не меньше мучительной для меня. Я виноватъ столько же, сколько онъ; я также, какъ онъ, по предубѣжденію, по чужому суду, по пристрастію не любилъ благородную женщину, которую ни онъ, ни я не понимали. Мнѣ было горько за него и стыдно за себя. Горько потому, что слишкомъ поздно разгадалъ онъ наконецъ эту самоотверженную привязанность; стыдно за себя, потому что я не хотѣлъ видѣть этой привязанности.

Ардабьеву было какъ-то легче вчера; докторъ сказалъ мнѣ, что именно потому на другой день будетъ вдвое хуже; но Ардабьевъ пользовался каждой минутой, всталъ, сидѣлъ у окна, приказывалъ отворить дверь въ залу, просилъ сестеръ играть его любимыя пьесы; онъ замѣтилъ даже, что кабинетъ былъ убранъ небрежнѣе, нежели какъ всегда; занимался даже мелочами. Но среди этого веселаго, хотя раздраженнаго расположенія духа, у него явился капризъ: онъ рѣшительно не хотѣлъ видѣть Варвары Петровны. Онъ хмурился, когда она входила, не отвѣчалъ на ея вопросы, и если былъ принужденъ, то отвѣчалъ сухо и рѣзко. Онъ не скрывалъ, что тяготился ея присутствіемъ, не заботился, что обижалъ ее словами и тѣмъ, что отказывался отъ малѣйшей ея услуги. Мнѣ становилось больно за нее. Докторъ, улыбаясь, шепталъ ей, что это обыкновенныя вещи, нервное раздраженіе — не больше, что у больныхъ такого рода всегда является какая нибудь н е н а в и с т ь. Она улыбалась тоже, говоря, что знаетъ это, и съ невозмутимымъ терпѣніемъ продолжала угождать Ардабьеву. Была минута, что онъ разсердилъ и меня — такъ мелочно было его движеніе. Она принесла прекрасный букетъ цвѣтовъ и поставила передъ нимъ на открытомъ окнѣ; не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ Ардабьевъ, будто нечаянно, задѣлъ рукавомъ стаканъ, онъ опрокинулся и цвѣты полетѣли за окно. Движеніе, произведенное вокругъ Ардабьева этимъ маленькимъ случаемъ, утомило его. Варвара Петровна встала, испуганная его внезапной блѣдностью.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ ей: — мнѣ легче будетъ, если вы уйдете.

Докторъ сдѣлалъ ей знакъ, она вышла и не входила весь день. Ардабьевъ сталъ скученъ и безпокоенъ, принялся молчать и съ утомленіемъ смотрѣлъ въ окно. Когда мы остались одни, онъ вдругъ спросилъ:

— Кто это сказалъ, что̀ з а т р у д н и т е л ь н ѣ е п е р в а г о с в и д а н і я, в ъ к о т о р о е н е з н а е ш ь, ч т о с к а з а т ь? п о с л ѣ д н е е, в ъ к о т о р о е у ж ъ в с е с к а з а н о. Это довольно вѣрно. Мы молчимъ теперь, потому что между нами все сказано... А какъ мнѣ скучно!.. Я не воображалъ себя такимъ ребенкомъ... Хорошо, что нѣтъ дяди Рановскаго, онъ не далъ бы мнѣ задуматься... Варвара Петровна, кажется, не разсудила увѣдомить его, что я боленъ.

Я оставался съ нимъ почти одинъ; докторъ, который видитъ, что ему дѣлать нечего, остался здѣсь изъ вѣжливости и то приходилъ, то уходилъ. Ардабьевъ просилъ не мучить его напрасно. «Если эта комедія», говорилъ онъ мнѣ: «необходима, чтобъ успокоить Варвару Петровну, то растолкуйте доктору, что я не расположенъ играть ее». Потомъ онъ просилъ меня читать и засыпалъ, слушая чтеніе.

Поздно вечеромъ, когда въ домѣ все утихло, я вышелъ изъ его комнаты въ залу, чтобъ отдохнуть. Въ залѣ ужъ не было огня, только небо свѣтило въ окна. Я очень удивился, увидя Варвару Петровну. Не замѣчая меня, она сидѣла, упавъ головой на столъ, и рыдала. Я подошелъ къ ней ближе. Въ этотъ день она была несчастнѣе меня, и меня невольно привлекало къ ней это непритворное, одинокое горе послѣ покорности, съ которой она вынесла утромъ оскорбленія Ардабьева. Я осмѣлился взять ее за руку и назвалъ по имени. Она оглянулась.

— Онъ спитъ? спросила она.

— Да.

— Ради Бога, теперь онъ меня не прогонитъ... Позвольте мнѣ пойти туда.

Я никогда не видалъ такихъ отчаянныхъ слезъ; нѣсколько минутъ она не могла придти въ себя, потомъ вдругъ рѣшилась и прежде меня вошла осторожно въ комнату. Она не замѣчала меня или не заботилась обо мнѣ. Она сѣла у постели и вглядывалась въ лицо спавшаго Ардабьева. Я удивлялся ей; мнѣ казалось, предо мной была не она — такъ

было кротко и полно любви ея печальное лицо. Она знакомъ велѣла мнѣ подвинуть лампу, потому что свѣтъ падалъ въ глаза Ардабьеву, приподняла и уложила его свѣсившуюся руку, поддерживала подушки, которыя онъ раскинулъ: все это были обыкновенныя заботы, но во всѣхъ ея движеніяхъ была любовь... Я видѣлъ, какъ она поцѣловала его руку, прежде нежели уложила ее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ проснулся и, не открывая глазъ, сталъ искать на столикѣ стаканъ съ водою. Варвара Петровна подала ему.

— Это вы? сказалъ онъ, узнавая ее:—для чего-жъ вы безпокоитесь?

— Еще не поздно, отвѣчала она.

— Очень поздно, такъ поздно, что я успѣлъ выспаться и теперь меня сторожить не нужно... Отдохните сами...

— Я не устала, другъ мой.

— Но я усталъ... прошу васъ, поймите меня; мнѣ не хотѣлось бы говорить вамъ непріятное. Я усталъ отъ этихъ угожденій. Вы хотите обязывать меня до конца: это тяжело. Перестаньте притворяться; поздно, не къ чему. Мнѣ жить осталось такъ мало, свѣтъ ужъ убѣжденъ, что вы примѣрная мать... дайте же мнѣ отдохнуть.

Я ждалъ, что она уйдетъ, но она выслушала всѣ эти слова, выговоренныя твердо, хотя съ усиліемъ, и спросила немного дрожащимъ голосомъ, но рѣшительно:

— Ты не спишь, Александръ?

— Вамъ угодно знать, не брежу ли я? Нисколько. Андрей Васильичъ, вы здѣсь? дайте мнѣ сигару. Я не думаю спать.

— Въ такомъ случаѣ, поговоримъ, сказала она рѣшительно. — Ты чувствуешь, что тебѣ жить недолго, кончимъже наши счеты. Скажи мнѣ, за что ты меня не любишь?

Я хотѣлъ выйти; Ардабьевъ схватилъ меня за руку.

— Не уходите, ради Бога, вскричалъ онъ:—не оставляйте меня одного съ нею.

— Я поступаю жестоко, продолжала она, поблѣднѣвъ:—но я страдала всю мою жизнь, и пусть Богъ проститъ мнѣ, если я хочу, наконецъ, знать, за что̀ я страдала. Ты ставишь меня на судъ посторонняго человѣка, Александръ, говори же при постороннемъ, въ чемъ я была виновата. Я готова сознаться, каяться, просить прощенія. Хоть разъ въ жизни, но выскажись...

— Полноте, прервалъ онъ холодно: — въ вашей винѣ не каятся и не просятъ прощенія. Вы не виноваты, если никогда меня не любили.

— И только?

— Только... Чего-жъ больше? Вы не виноваты, если дѣлали меня несчастнымъ.

— Понимаешь ли ты, что говоришь, Александръ?

— Очень ясно. Я вамъ надоѣдалъ сначала какъ чужой ребенокъ, потомъ какъ шаловливый мальчикъ, наконецъ какъ молодой человѣкъ, который не могъ усвоить себѣ ваши правила о добродѣтели... Оно, конечно, понятно: вы вышли замужъ въ такіе годы, когда уже не увлекаются и не любятъ: гдѣ же вамъ было полюбить ребенка и понять увлеченія молодости? Вы наводили меня на истинный путь мѣрами строгости и вѣчнымъ стѣсненіемъ...

— Въ чемъ я стѣсняла тебя?

— Ахъ, Боже мой! во всемъ... что мнѣ вамъ пересчитывать! Вы не понимаете потому только, что не хотите понять, какъ мучили меня ваше вѣчное ученіе, безконечные совѣты, какъ вы оскорбляли меня вашими выговорами...Не оставалось человѣка, отъ котораго вы не старались бы развѣдать обо мнѣ!

Я чувствовалъ, что слышалъ слишкомъ много, и спѣшилъ уйти. Варвара Петровна удержала меня въ дверяхъ.

— Нѣтъ, останьтесь, сказала она: — останьтесь... этотъ упрекъ я слышу не въ первый разъ, и пусть кто нибудь въ мірѣ слышитъ мое оправданіе. Я хочу, чтобъ вы здѣсь были... Александръ, ты упрекнулъ меня въ строгости, въ стѣсненіи; что-жъ мнѣ было дѣлать, какъ не обращаться къ постороннимъ, когда отъ тебя я не могла дождаться довѣренности? Что-жъ мнѣ было дѣлать, когда я не могла подумать оставить тебя на руки — сначала твоей няньки, потомъ твоего дяди, Рано̀вскаго, который, не знаю за что, возненавидѣлъ меня съ перваго взгляда?.. Ты сказалъ, что я была уже не молода, когда вышла за твоего отца, но развѣ сердце тепло только въ молодости? Никто не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ милъ чужой ребенокъ, что я дорожила имъ не меньше... больше нежели своими собственными! Я *мачиха*... тебѣ внушили это, тебѣ втолковали слуги и низкіе люди, что я не *мать*, а *мачиха*, что мачиха не можетъ любить, и ты принялъ это предубѣжденіе съ упрямствомъ, съ злостью... Какъ могъ ты сохранить его и съ годами?.. Тебѣ объясняли каждый мой поступокъ превратно и зло, за что — я не понимаю! Твой отецъ самъ упрекалъ меня, что я строга... я знаю, онъ ласкалъ тебя тихонько отъ меня, какъ будто для того, чтобъ загладить мои вины...

— Бѣдный отецъ! сказалъ съ отчаяньемъ Ардабьевъ.

— Но была ли я виновата, когда понимала лучше другихъ — предъ Богомъ смѣло говорю—святѣе другихъ, что любовь къ ребенку не въ поцѣлуяхъ и конфектахъ, а въ трудѣ, ученьи, добрѣ; когда я не хотѣла, чтобъ твоя молодость прошла безъ дѣла и безъ мысли, чтобъ ни одна способность твоей души не погибла... Александръ, мы были бѣдны тогда, но я дала тебѣ образованіе, я доучивалась сама для тебя, для того, чтобъ повторять съ тобой уроки... Не упрекая, скажу тебѣ, я лишала себя многаго для этихъ уроковъ... Я считала себя обязанной предъ матерью твоей, которую тебѣ замѣнила...

— Не говорите о ней, довольно! прервалъ Ардабьевъ.

— Виновата ли я, что ты ожесточенъ до того, что не позволяешь мнѣ даже назвать ее? Развѣ я требовала, чтобъ ты любилъ меня, какъ ее? Богъ видитъ, знаетъ она, о которой часто думаю я въ моемъ горѣ, что я не смѣла, не хотѣла отнимать у нея самой малѣйшей части твоей любви! Но я желала, молила одного, чтобъ это дитя, которому я съ такой радостью посвящала всю мою жизнь, чтобъ это дитя хоть когда нибудь пришло ко мнѣ съ лаской, съ довѣренностью... ихъ не было! А заслуживать ихъ лестью, потворствомъ, я не хотѣла, не хочу, Александръ, я потеряла бы твое уваженіе.

— Простите, если я не понималъ этого, сказалъ тихо Ардабьевъ: — но для чего-жъ вы сами не высказывали своего истиннаго чувства?

— Я не умѣла, отвѣчала она грустно:— я рождена такъ; я много тосковала, долго была одинока... я, можетъ быть, странна, а ты былъ предубѣжденъ...

— Предубѣжденіе! прервалъ онъ:—какъ легко цѣлую жизнь повернуть на одной фразѣ! предубѣжденіе!.. Наконецъ, я былъ не слѣпъ и не маленькій ребенокъ и, кажется, довѣрчивъ, когда полюбилъ въ первый разъ...

— Въ восьмнадцать лѣтъ ты собрался жениться. Александръ, оглянись: это сумасшествіе! ты говоришь изъ упрямства и досады. Сколько разъ ты любилъ потомъ? Что было бы, еслибъ я позволила тебѣ въ восьмнадцать лѣтъ рѣшить твою судьбу? Да, *я* настояла, *я* приказала твоему отцу запретить тебѣ эту женитьбу. Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ, развѣ ты скучно провелъ ихъ?

— Превесело! въ положеніи, которое часто доходило до нужды...

— Александръ, не напоминай мнѣ, какъ ты оскорбилъ меня, когда сказалъ, что ничѣмъ не хочешь быть мнѣ обязанъ.

— Что-жъ, я доставилъ вамъ случай высказывать ваше великодушіе благодѣяніями, которыя отъ меня были искусно прикрыты, а цѣлому свѣту извѣстны.

— Александръ, не оскорбляй меня!

— Это не оскорбленіе, а истина. Ваше великодушіе выказалось еще блистательнѣе, когда вы велѣли отцу отдать мнѣ одному свое имѣніе...

— Вотъ какъ вы меня понимаете! вскричала она:—это было мое единственное дурное дѣло, потому что сдѣлано съ дурной мыслью! Я не думала выказывать великодушія, я не думала тебя обезпечивать, а просто не хотѣла, чтобъ ты дѣлился съ моими дѣтьми, когда не хотѣлъ, чтобъ они дѣлились съ тобою—вотъ моя единственная вина!.. Ты назвалъ благодѣяніями мои подарки; но кто изъ насъ, ты или я, ихъ такъ понимаетъ? Они были тебѣ тяжелы, непріятны: прости меня, если я думала только о своей радости, что ты примешь отъ меня что нибудь! Выслушай меня: я цѣлые дни думала, какъ отгадать твои желанія; я мучилась и страхомъ, что ты обидишься, и страхомъ, что мнѣ не удастся тебѣ угодить... если ты улыбался, принимая эти бездѣлицы, или писалъ мнѣ хоть строку ласковую...

— О, я знаю, что вы все понимаете очень возвышенно! Но развѣ счастье въ этихъ мелочахъ? Припомните мою жизнь... скука, занятія безъ отдыха, непріятности... прощалось ли мнѣ что нибудь? Сколько разъ вы доводили моего отца до гнѣва, а меня до отчаянія...

— А сколько разъ твоя мачиха становилась между тобой и гнѣвомъ отца? сколько она скрывала отъ твоего отца? сколько разъ она васъ примиряла?..

— Благодарю васъ, прервалъ онъ, тяжело бросаясь на подушку: — упрекать не время!

— Александръ, развѣ это упреки? Пойми же, что я бывала счастлива, когда могла васъ примирить, успокоить тебя!.. Боже! сохрани его отъ мысли, что я когда нибудь хотѣла отнять у него любовь отца!.. что я...

Она зарыдала.

— Дитя мое, мое милое дитя! вскричала она, припадая къ его подушкѣ: — если ты

не вѣрилъ мнѣ, то повѣрь моимъ слезамъ, я въ первый разъ плачу передъ тобой! Оставь свою дурную мысль... нѣтъ, ея нѣтъ въ тебѣ, но взгляни на меня: я была холодна, я не умѣла высказываться, но я тебя любила, Александръ, я тебя любила вѣчно, съ перваго дня, какъ взяла тебя на руки ребенкомъ? Прости меня, если я была сурова... что-жъ дѣлать, я не такъ понимала вещи, какъ ты; я тебя любила и хотѣла видѣть въ тебѣ все доброе; меня убивали твои шалости, твои дурныя знакомства: я боялась покраснѣть за тебя... Богатая, я заставляла тебя служить и трудиться, чтобъ твоя свѣтлая, благородная душа, которую я такъ хорошо понимала, не облѣнилась, не заскучала, чтобъ въ ней осталась любовь ко всему, что стоитъ любви. Такъ и вышло... Господи, въ ней не было только любви ко мнѣ! Александръ, изъ жалости, если не изъ сознанія, обратись ко мнѣ! Ты упрекалъ меня, упрекалъ во многомъ, ты не простилъ мнѣ, что я не дала тебѣ уѣхать въ Петербургъ, гдѣ тебѣ было бы лучше... Прости, что я не могла разстаться съ тобой, что я не могла подумать, что ты будешь на чужихъ рукахъ въ такую минуту, какъ теперь...

Она не кончила, потому что Ардабьевъ обнялъ обѣими руками ея шею и цѣловалъ ее, повторяя:

— Матушка! дорогая матушка!..

Я слышалъ только нѣжныя слова и поцѣлуи, наконецъ онъ сказалъ тоже сквозь слезы:

— Прости меня, я не стою такой любви; прости меня, что я тебя не понималъ. Еслибъ Богъ далъ мнѣ хоть немного жизни, я доказалъ бы тебѣ...

Она обнимала и крестила его. Я ничего не видѣлъ прекраснѣе лица ея. Не давая ему опомниться, она прижимала къ губамъ его руки, хотѣла говорить и не находила словъ, молилась и горько плакала... Не помню, какъ прошли эти минуты, какъ я самъ очутился у его постели и держалъ въ своихъ рукахъ руку Варвары Петровны. Она какъ будто опомнилась, стала успокоивать, утѣшать Ардабьева. Потомъ заговорила, какъ имъ будетъ хорошо вмѣстѣ; онъ клялся, что не разстанется съ нею никогда... Такъ прошло много времени. Онъ лежалъ утомленный, забываясь, и все просилъ ее говорить, все держалъ ея руку, повторяя: «Здѣсь ли ты? не уходи, матушка...»

Теперь не для одного себя я молюсь за его жизнь, теперь ему самому она милѣе и отраднѣе, и—нѣтъ надежды!

Сегодня ему еще хуже, но я могъ оставить его на нѣсколько времени; съ нимъ Варвара Петровна, и нельзя не уступить ей мѣста.

29-го іюля.

Вчера его похоронили. Докторъ не ошибался: онъ умеръ 25-го іюля, въ свой десятый день... Какъ у меня достало силы написать эти строки?

Какъ ему не хотѣлось умирать! Онъ умеръ, однако, тихо и покойно. Утро вчера было свѣтло; мы несли его гробъ въ церковь черезъ садъ. Могила, однако, не у церкви, а на общемъ кладбищѣ, при выѣздѣ изъ селенія: ему такъ хотѣлось...

Какъ будто передо мной еще эта темная комната, маленькая лампа съ тусклымъ колпакомъ, столикъ со множествомъ стклянокъ, въ которыхъ дробится свѣтъ этой лампы, откинутая занавѣсъ, бѣлая подушка... Мнѣ еще слышится его голосъ.

У него доставало бодрости казаться спокойнымъ и веселымъ при Варварѣ Петровнѣ; онъ бралъ ея руки, цѣловалъ ихъ и все собирался въ Италію; я непремѣнно долженъ былъ ѣхать съ ними. Иногда онъ взглядывалъ на нее съ выраженіемъ радости и любви и принимался благодарить ее и просить прощенія. Оставаясь со мной, онъ повторялъ, что счастливъ. «Только зачѣмъ счастье дается такъ поздно!» говорилъ онъ. Чаще всего мысли принимали направленіе болѣе строгое: онъ жалѣлъ, что не такъ прожилъ свое прошлое, припоминалъ всѣ прежнія привязанности, поручалъ мнѣ, что сказать многимъ, кого любилъ. «Попросите за меня прощенія у Sophie», сказалъ онъ: «грустно, что мы разстались какъ дѣти, а не какъ люди... Что-жъ дѣлать!..» До послѣдняго дня онъ вставалъ и сидѣлъ у окна. Для него было наслажденіе смотрѣть на небо, на облака, за которыми онъ слѣдилъ задумываясь; тогда въ его глазахъ свѣтилось что-то безконечное. Ему хотѣлось грозы и онъ дождался ея; гроза была наканунѣ его смерти. Онъ смотрѣлъ на нее съ восторженной радостью, какъ будто душа его находила давно-желанную свободу... Ночью онъ страшно страдалъ и не узнавалъ никого, а утромъ 25-го іюля подозвалъ меня, подложилъ мою руку себѣ подъ голову и заснулъ, какъ младенецъ...

Онъ говорилъ мнѣ: — «никто не любилъ меня такъ, какъ вы...»

У меня былъ Рановскій проѣздомъ изъ Покровскаго; онъ пріѣхалъ туда за два дня до смерти Ардабьева, съ какихъ-то скачекъ. Объ этихъ скачкахъ онъ все разсказывалъ Ардабьеву, вѣроятно, думая занять его. Онъ былъ очень огорченъ; теперь прошло немного. Надо быть у Варвары Петровны. У нея въ домѣ ничто не измѣнилось; между ею и мной нѣтъ ни слова о томъ, чему я былъ свидѣтелемъ; только со мной она стала еще внимательнѣе и добрѣе. Она разсказываетъ мнѣ о своемъ прошломъ; но, вспоминая Ардабьева, говоритъ только то, что было пріятно, какъ будто ихъ грустныя отношенія вовсе не существовали. Ея воспоминанія часто прерываются слезами, но она тверда и покорна... со мной не то. Утромъ, вечеромъ, когда бы ни выходилъ я, я всегда тамъ, у кладбища...

4-го августа.

Я слышалъ печальное и вмѣстѣ насмѣшливое выраженіе: «что прошло, всегда было хорошо». Со мной повторяется эта истина и, какъ всегда, я стараюсь разобрать ее. Не мелочная жалостливость къ самимъ себѣ, не сожалѣніе о томъ, чего мы лишились, заставляетъ насъ забывать то, что когда-то не нравилось намъ въ нашемъ потерянномъ благѣ; мы покорны и знаемъ, что нѣтъ блага незамѣнимаго. Нѣтъ, о его недостаткахъ насъ заставляетъ молчать нѣжное чувство любви — совѣстливость чѣмъ нибудь оскорбить это минувшее и благородное, вѣчное, всепрощающее начало души нашей, которое незнаемо намъ сказывается въ нашемъ молчаніи... Нѣчего гордиться этимъ чувствомъ: оно не произвольно; но шутить надъ нимъ не должно: это, можетъ быть, лучшее изъ человѣческихъ чувствъ.

Я отрадно сознаю его въ себѣ. Сдѣлавъ усиліе надъ собою, я перебираю въ памяти все короткое время моей дружбы съ Ардабьевымъ. Этой дружбы, въ высокомъ смыслѣ, какъ я понималъ ее, нѣтъ давно. Онъ и я давно виноваты. Пожертвовавъ ему привязанностью Алексѣя Петровича, я сдѣлалъ больше, нежели сколько былъ въ силахъ, потому что съ той минуты счелъ Ардабьева обязаннымъ предъ собой и сталъ вглядываться въ его недостатки. Онъ былъ недовѣрчивъ и невнимателенъ, потому что въ то же время, какъ я благоговѣлъ предъ его шалостью съ Софьей Николаевной и готовъ былъ пожертвовать ему и любовью, онъ не замѣчалъ моей любви, а узнавъ о ней, осмѣялъ ее. Въ послѣднія минуты мы оглянулись оба, и онъ былъ благороднѣе меня, потому что любилъ меня, раскаяваясь, тогда какъ во мнѣ осталась одна привязанность безотчетная... Но эта привязанность безконечна, и я ничего не хочу знать и помнить кромѣ ея!

Мнѣ хотѣлось записать все, что мы переговорили, но нѣтъ силъ.

10-го августа.

Я дѣйствую и брожу какъ въ туманѣ, машинально дѣлаю свое дѣло, слушаю склады, чиню перья, машинально говорю и, какъ Ардабьевъ, провожу цѣлые часы, глядя въ даль и въ облака. Вчера меня очень тронуло вниманіе Варвары Петровны: она и Лѣле передъ вечеромъ нарочно пріѣхали въ Слободку, чтобъ навѣстить меня, и пробыли около часа. Она пеняла мнѣ на мою тоску и говорила, что мнѣ необходимо больше дѣятельности. Но какую дѣятельность я для себя придумаю? Кто выведетъ меня изъ моей колеи?.. Во мнѣ какъ-то смѣшалось всякое сознаніе. Мое будущее, моя обыкновенная жизнь никогда не могли казаться заманчивы, если отнять отъ нихъ блескъ и яркость, которую придавала имъ молодость и мечтанія. Моя жизнь должна идти сурово, и только я самъ, внутренно, могу сдѣлать ее отрадною: надо мыслить... Но для мысли надо дождаться покоя... Мнѣ иногда вспоминается моя любовь, но далеко и блѣдно; какая-то боль уколетъ на минуту сердце, и пройдетъ, а сердце только сильнѣе взволнуется отъ этой минутной боли...

Всего болѣе меня мучитъ мое одиночество, и тогда вспоминается мнѣ другъ, котораго я такъ люблю, близкій по лѣтамъ и понятіямъ, такой, какимъ я полюбилъ его...

25-го августа.

Надо мной пролетѣла гроза—я это чувствую и начинаю оглядываться только теперь. Помню, когда-то, усталый отъ бездѣйствія, живя одной мыслью, я звалъ къ себѣ жизнь сердца, звалъ д ѣ й с т в и т е л ь н о с т ь; вотъ она теперь пролетѣла надо мною. Я чувствовалъ, надѣялся, волновался, страдалъ...

Я проснулся отъ полусна, въ который бросила меня моя первая любовь и первая неудача, пробудилъ въ себѣ любовь къ умственному труду и стремленіе къ пользѣ, отдохнулъ и полюбилъ опять, но высоко и сознательно. Ко мнѣ пришла и дружба, и, знаетъ

онъ, что его дружба была принята, какъ желанная гостья!.. Я жилъ полно, хотя мучительно; но счастье не въ томъ, что называютъ удачей, покоемъ, счастьемъ...

Разбирая прошедшее, я сознаю, что больше видѣлъ, нежели самъ дѣйствовалъ, что мое участіе въ жизни тѣхъ, кто жилъ кругомъ меня, было больше участіе души, нежели дѣла. Но, повторяю, я жилъ полно, потому что у этихъ людей, жившихъ кругомъ меня, какъ будто для того, чтобъ знакомить меня съ жизнью, у этихъ людей не было мысли, желанія, чувства, которымъ бы я полно не сочувствовалъ. Такъ прежде жилъ я одной жизнью съ природой; не было въ ней красоты, съ которой бы не сливался я всѣмъ своимъ разумомъ и сердцемъ. Годъ сдѣлалъ свое—и я живу одной жизнью съ тѣми, кто самъ живетъ разумомъ и сердцемъ. Ихъ жизнь дополняла мою: я испыталъ и вынесъ ее, какъ будто за себя; потому-то только сегодня, когда моей потерѣ прошелъ уже мѣсяцъ, я спрашиваю себя: выдержалъ ли я въ это тяжелое время мою борьбу за счастье?

Я сказалъ ей, мы говорили съ нимъ, и эта мысль была отрадной мыслью его послѣднихъ дней, что нѣтъ горя, пока жива въ насъ любовь; что все свѣтло, пока мы можемъ все освѣтить примиреніемъ; что мы можемъ ждать, пока въ насъ есть желаніе дѣйствовать. Сознаніе, что сила и сочувствіе живы въ нашей груди—вотъ счастье.

Мое счастье живо, я сберегъ его... или оно само сбереглось во мнѣ, какъ постоянная награда преходящей скорби. Сберегая его, я долженъ былъ много бороться, много напоминать себѣ, что бездѣйствіе постыдно, что разумъ данъ не для лѣни, что дружба священна, а жертва любви благородна. Но я былъ счастливъ среди борьбы—сознаніемъ этихъ истинъ, теперь—тѣмъ, что могу смотрѣть на его могилу только съ любовью и печалью...

Я счастливъ... Какъ грустно мое счастье! Оно одиноко, и, страшно подумать, не вѣчно ли будетъ одиноко?.. Въ небольшомъ размѣрѣ я испыталъ все, что могу испытать въ жизни; все новое будетъ то же, только въ другихъ видахъ. Всѣ струны моей души уже были тронуты; онѣ тронутся еще не разъ, но звуки будутъ тѣ же... Сохранись и тогда мое счастіе!..

Я сталъ старше годомъ и опытомъ. Не брошусь въ первыя открытыя объятія и, вѣрно, не полюблю больше. Моя любовь была безъ восторговъ, зато она тихо горитъ и будетъ горѣть вѣчно. Не обманусь наружностью; она меня обманывала не разъ; не увлекусь чужимъ мнѣніемъ: оно заставляло и меня обвинять Варвару Петровну; оцѣню сильнѣе истинное горе, нежели горе мечтательное... Но кто поручится за себя? Какое бы ни было горе, не все ли равно отъ него страдаютъ? Пусть лучше обманусь я, но пусть вѣчно такъ тепло бьется мое сердце, какъ билось, когда я обнялъ его, называя другомъ въ первый разъ!..

30-го августа.

Я не ждалъ, что сегодня рѣшится моя участь: я счастливъ и волнуюсь, я радуюсь и сердце мое разрывается...

Я шелъ рано утромъ съ кладбища, чрезъ выгонъ, мимо дороги; со мной встрѣтился отецъ Рыбкина, возвращавшійся изъ города; онъ подалъ мнѣ письмо. Оно отъ Алексѣя Петровича. Не знаю, что я почувствовалъ, узнавъ его почеркъ. Я сѣлъ на покровскій рубежный камень и сталъ читать. Сначала я ничего не понималъ; предо мной только мелькали эти строки, милыя, будто знакомыя; что-то оживало во мнѣ и умирало опять... «Другъ мой», писалъ онъ мнѣ, «съ тобой что-то случилось, что я разгадать не могу, а ты что-то скрылъ отъ меня, какъ будто намъ можно скрываться другъ отъ друга. Недавно, возвратясь сюда, наконецъ, изъ своей, кажется, послѣдней поѣздки, я нашелъ у моего комиссіонера письмо ко мнѣ отъ какой-то г-жи Ардабьевой, и въ письмѣ деньги, которыя ты былъ такъ добръ, что занялъ у меня для ея покойнаго пасынка. Я не имѣю понятія объ этихъ особахъ. Эта дама прибавляетъ, что адресуется ко мнѣ не чрезъ тебя потому, что желаетъ сама поблагодарить меня, а ты такъ огорченъ смертью своего друга, что не въ силахъ думать о дѣлахъ. Все это для меня непонятно, но объясняться на письмѣ трудно и долго. Мы больше года не видались; я жду тебя, пріѣзжай какъ скоро получишь это письмо. Пора бросить Слободку—я хочу этого непремѣнно: она виновата во всемъ твоемъ горѣ и мечтательности, а я вижу, что ты въ горѣ, и пеняю, зачѣмъ ты позабылъ обо мнѣ»...

Надо мной высоко синѣло утреннее небо; поле разстилалось кругомъ; сверкала рѣчка, шумѣла мельница подъ густыми ветлами; блестѣлъ крестъ нашей новой церкви; бѣлѣла въ зелени покровская церковь... Оба селенія лежали одно справо, другое слѣва; по-

левая мальфа, опутанная бѣлой павиликой, наклонялась къ моимъ ногамъ; проселочная дорога два раза перегибалась между полями, спадала въ лощину, въ березникъ и орѣшникъ, тѣни неизвѣстно откуда набѣгали и скользили по лугу; далеко вѣяли акаціи покровскаго сада, далеко свѣтились на солнцѣ окошки домика отца Аѳанасія... Въ сторонѣ отъ дороги, по которой прошелъ я, мелькали кресты и бѣлые камни, виднѣлась ближе другихъ новая могила, на которую насыпалось уже такъ много желтыхъ листьевъ...

4-го сентября.

Завтра на зарѣ я ѣду. Пишу въ своей опустѣлой комнатѣ и почти не узнаю ея: въ ней какъ-то темно и звонко. Вчера я простился со всѣми знакомыми крестьянами и съ моими школьниками. Кто-то займетъ мое мѣсто? будетъ ли онъ любить ихъ, какъ я? будетъ ли продолжать то, что я началъ?.. Меньшіе плакали; говорятъ, что я, «былъ добръ до нихъ». Кононъ Рыбкинъ былъ печаленъ и все глядѣлъ мнѣ въ глаза; онъ не умѣлъ объяснить своей печали. Когда я отдалъ ему на память двѣ книги, онъ спросилъ только:

«А когда я ихъ прочту, что-жъ еще будетъ?»...

Бѣдныя дѣти!..

Варвара Петровна простилась со мной, какъ съ роднымъ; она рада за меня, что я ѣду; зато отецъ Аѳанасій не скрываетъ своего горя; эти три дня мы не разставались... Когда-то я увижу его? буду ли когда нибудь въ Слободкѣ... а если буду, застану ли еще въ живыхъ старика?..

Кто поселится въ моей комнатѣ? О! пусть ему будетъ такъ же хорошо въ ней, какъ мнѣ бывало; пусть онъ въ ней такъ же, какъ я, сознаетъ и мыслитъ, любитъ и молится! Я больше никогда не войду въ нее, но благословляю эти милыя стѣны: здѣсь прошелъ лучшій первый годъ моей молодости, ея первый пылъ, мечты и восторги; здѣсь я началъ жить и трудиться, и начиналъ довѣрчиво и радостно... Что будетъ впереди?.. Прощай, Слободка!

ИСКУШЕНІЕ.

ПОВѢСТЬ.

1852 г.

I.

Былъ прекрасный іюньскій вечеръ. На улицахъ города N* улеглась пыль и зажигалась иллюминація; въ публичномъ саду играла музыка, и народъ который рѣдко выходитъ затѣмъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и еще рѣже, чтобы любоваться вечеромъ, бродилъ по саду и улицамъ, любуясь на зажженный щитъ и плошки.

Впрочемъ, движеніе было замѣтно только около сада и на главныхъ улицахъ, дальше все становилось тише и темнѣе; изрѣдка проѣзжалъ извозчикъ или проходили мастеровые. Двѣ-три плошки горѣли гдѣ нибудь на углу; къ нимъ сбирались ребятишки и ихъ перебѣгающія тѣни тянулись поперекъ переулка; но огоньки горѣли недолго; матери уводили дѣтей по домамъ и переулокъ затихалъ совсѣмъ, освѣщенный только неяснымъ свѣтомъ теплой ночи.

Дальніе переулки городовъ смотрятъ особенно уныло. Это ужъ не городъ, это еще не деревня, это умѣщенныя въ линію неправильныя тѣсныя жилья, большею частью ветхія, гдѣ живутъ люди самые бѣдные, одинокіе, у которыхъ занятіе не упрочено, непостоянно, а приходитъ счастливымъ случаемъ, люди, работающіе дешево и чаще всего дурно, за недостаткомъ средствъ и времени. Чтобы угодить случайной практикѣ, надо работать скоро...

Особенно въ лѣтній вечеръ печальны эти переулки. Городъ шлетъ имъ по вѣтру свою пыль; узкая, изрытая дорога, прорѣзанная колеями по сорной лужайкѣ, называемой улицею, поднимаетъ также свою густую мягкую пыль, и сквозь облака этой пыли, надъ ветлами у изгородей, встаетъ красноватый мѣсяцъ. Въ воздухѣ душно; кругомъ тихо и безжизненно. Роса упала напрасно; напрасно вдали свѣтится она на поляхъ, которыя тянутся полосами: на нихъ смотрѣть некому и некогда...

Ближе къ городу переулки начинаютъ смотрѣть веселѣе; домики, согнутые на бокъ, начинаютъ выпрямляться; въ пыли дороги роются маленькія дѣти; еще нѣсколько шаговъ, и на убитомъ тротуарѣ, отдѣленномъ только двумя кольями отъ улицы, звенятъ свинчатки, и женщина, сидящая у завалины, кричитъ дѣтямъ, чтобъ не попали подъ ноги прохожимъ. Еще дальше, вьются бумажные змѣи; у воротъ сбираются компаніи; гудятъ гармоники, стучатъ дрожки — это городъ. Два или три поворота, и неуклюжій булыжникъ мостовой затолкаетъ въ колеса экипажа, мелькнетъ нѣсколько вывѣсокъ и Дворянская улица явится вся съ своими освѣщенными домами...

Городъ N* отдѣляется отъ своихъ глухихъ переулковъ широкимъ оврагомъ. Весною и осенью берега этого оврага представляютъ тысячи опасностей, за то лѣтомъ, покрытые зеленью, они служатъ пастбищемъ для коровъ и убѣжищемъ для собакъ; по этимъ берегамъ тянутся маленькіе домики,

сѣрые, розовые, темнозеленые съ бѣлыми ставнями, но чаще всего бѣлые тесовые съ фронтономъ, подъѣздомъ, съ вырѣзнымъ навѣсомъ и тремя окнами съ обрѣзками цвѣтныхъ стеколъ. Съ вида эти домики привлекательны, но ихъ наружности давно перестали вѣрить; ихъ много въ городѣ N* и всѣ они устроены одинаково: отъ подъѣзда галерейка съ колоннадой, открытыя для вьюги и дождей; сѣни непремѣнно темныя, съ дверями на всѣ четыре стороны, съ перегородками, чуланами, лѣстницами вверхъ и внизъ, полками, порогами, за которыми непремѣнно лежатъ собаки; прихожая безъ окна, освѣщается мерцаньемъ, выходящимъ изъ-за рѣшетки въ перегородкѣ, которая отдѣляетъ ее отъ комнаты съ однимъ только окномъ: это окно загорожено печью, которая неизвѣстно какъ очутилась среди комнаты, высунувшись въ гостиную одной никогда ненагрѣваемой лежанкой. Гостиная свѣтла; въ ней два окна на улицу, но дверь комнаты съ печью и дверь темной прихожей такъ странно распахиваются одна на встрѣчу другой, что можно пройти изъ одной въ другую, не замѣтя гостиной. Двери изъ сосновыхъ досокъ съ рѣзьбою и мѣдными скобками, но безъ замковъ и, кажется, не могутъ никогда ни плотно затвориться, ни остаться раскрытыми. Полъ скрипитъ и издаетъ неясный гулъ, потому что подъ нимъ пустота. Тоненькія стѣны чувствительны ко всѣмъ перемѣнамъ погоды; среди нихъ жарко въ іюлѣ, холодно въ январѣ и всегда непріятнѣе, чѣмъ подъ открытымъ небомъ.

Точно такой домикъ стоялъ на поворотѣ оврага. Онъ былъ выстроенъ недавно, что доказывало свѣжесть бѣлаго теса, известь, разсыпанная кругомъ, и особенно маленькій тротуаръ изъ разбитыхъ кирпичей, вымощенный подъ самыми окнами: вѣроятно это было сдѣлано для удобства прохожихъ, но прохожіе всегда обходили мимо, не рѣшаясь ступать по колючей дорогѣ и ожидая, пока ее немного сгладятъ осенніе дожди. Въ окнѣ этого домика горѣла свѣчка.

Она освѣщала гостиную, лежанку, часы въ углу на стѣнѣ, кожаный диванъ у окна, овальный столъ и нѣсколько маленькихъ плетеныхъ стульевъ, разставленныхъ по стѣнамъ. Все было старо, и нельзя сказать опрятно, но видимо поставлено на новое мѣсто.

Въ прихожей, на полу, кипѣлъ самоваръ. Прихожая освѣщалась только изъ гостиной, но легкія двери безпрестанно хлопали своими половинками. Это приводило въ отчаяніе старую, низенькую женщину, хлопотавшую около самовара; напрасно старалась она удержать дверь то стуломъ, то кусочкомъ дерева. Въ темнотѣ послышалось ея оханье.

— Позволь, матушка, я тебѣ помогу, сказалъ молодой человѣкъ, выходя изъ-за перегородки.

— Нѣтъ, Ваня, я сама, сама. Поди, дорогой мой, у тебя дѣло свое есть.

— Никакого; я лошадей ужъ отослалъ, вещи свои внесъ.

— Такъ поди въ гостиную, сядь къ окошечку. Теперь темно, а ужъ днемъ у насъ изъ окошка какъ хорошо. Ужъ такой-то домъ Богъ далъ!

— Ахъ, матушка, сдѣлай милость, брось свой самоваръ; право, я чаю не хочу, ничего не хочу... Вѣдь мы не видались пять лѣтъ.

Онъ заставилъ ее войти въ гостиную.

— Сядь здѣсь, матушка, дай на тебя посмотрѣть.

Старуха была худа и блѣдна; ея узкія плечи были обтянуты полинялымъ ситцевымъ платьемъ; морщинистое лицо пряталось подъ темнымъ платкомъ, накинутымъ на голову; впалые глаза, безъ блеска и выраженія, устремились на сына. Онъ стоялъ передъ нею; свѣча освѣщала его неправильныя, но милыя черты; въ его темныхъ глазахъ набѣжали слезы.

— Умница мой! сказала мать, погладивъ его по закинутымъ волосамъ:—привелъ меня Богъ дождаться, что ты меня покоить станешь. Ты мнѣ свой похвальный листъ покажи.

— Какъ ты перемѣнилась, матушка! сказалъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Да что, голубчикъ, перемѣнишься; жизнь-то не красна была: и спечешь сама, и сваришь сама, и куда пойдешь — все сама... Катенька... гдѣ ей, дѣло дѣвичье... куда и не съумѣетъ, куда и сама ее не пускала отъ людского нареканія; скажутъ: «благородная, а на рынокъ ходитъ!» Извѣстно, въ домѣ сдѣлаетъ, что ей подъ силу...

— Бѣдная матушка!

— Вотъ теперь такъ куда легче стало, съ тѣхъ поръ какъ у насъ Анисья работница: вовсе ужъ хорошо живемъ, я такъ покойна...

— Гдѣ же сестра?

— А она съ отца-дьякона дочкой, которая у нихъ замужемъ, на фейверки пошла, и Анисья съ ними просилась, по тому слу-

чаю я и одна. Должно быть, скоро придутъ... Гляди-ка, Ваня, домъ-то, покой-то какой!..

Она подняла свѣчку, съ удовольствіемъ оглядывая комнату.

— Дай Богъ здоровья Петру Матвѣичу: это онъ намъ софу пожаловалъ...

— Разскажи, матушка, какъ это случилось, прервалъ молодой человѣкъ, усаживая мать:—это меня такъ удивило; онъ совсѣмъ о насъ забылъ и вдругъ...

— Ужъ и не знаю какъ, Ванюшка. Послѣ Святой это было, заѣзжаетъ онъ къ намъ. Мы тогда подъ горой у Сорока-мучениковъ жили. Вотъ, Ваня, квартира-то была! щели такія, солнце въ нихъ свѣтитъ; печка маленькая, а какъ закроешь, такъ зелено сдѣлается; я отъ головы всю зиму пролежала. Катенькѣ былъ вотъ такой-то уголочекъ, съ подушкой присядетъ; она тогда кружева плела; ей головиха къ свадьбѣ дочери заказала, да темно; бьется, бьется, въ день четверти не выплететъ...

— Что-жъ Петръ Матвѣичъ-то, матушка?

— Заѣхалъ онъ къ намъ. Слышу, спрашиваетъ у хозяйки: «здѣсь живетъ вдова канцеляриста Озерина?» Я такъ и обмерла. Почти не узнала его — вѣдь сколько лѣтъ не видала; ужъ куда постарѣлъ, такой лысый сталъ. Не знаю, гдѣ его и посадить. Пасмурный все такой же, какъ былъ.—«Здравствуй», говоритъ, «кума, какъ поживаешь? что мой крестникъ?» Я говорю, что ты, Ваня, въ Москвѣ обучаешься. «Знаю», говоритъ. Я говорю, что ты тамъ ни въ какихъ непорядкахъ не замѣченъ, что мнѣ только Господа благодарить, что у меня такой сынъ ростетъ, авось, говорю, хоть при старости онъ меня успокоитъ, что не стану кое-чѣмъ перебиваться. А Петръ Матвѣичъ говоритъ: «Пишетъ онъ къ тебѣ?» Катенька ему твое письмо достала; онъ сталъ читать. Суровый такой былъ, нахмурился, какъ читалъ. Я стою, на него смотрю, не смѣю ему слова сказать, думаю, какъ бы Господь его вразумилъ, хоть бы по крестнику чѣмъ нибудь насъ вспомнить. Читалъ онъ съ такимъ это усердіемъ твое письмо, только одинъ разъ глаза поднялъ, оглянулся, что въ окошко ему дуетъ. Катенька — что будешь дѣлать, стекло разбитое—взяла да своимъ платкомъ заткнула. Прочиталъ онъ письмо: говоритъ: «Что-жъ, твой сынъ нынѣшнимъ лѣтомъ выходитъ?»—«Да», говорю, «совсѣмъ науки кончаетъ». — «Что-жъ», говоритъ, «на службу думаетъ?» — Я говорю, надо какъ нибудь, чтобъ семью пропитать, да ужъ и думала тутъ его попросить, а онъ мнѣ: «Напиши-ка ты ему, чтобы, какъ онъ тамъ кончитъ, такъ чтобъ сюда пріѣзжалъ: мы тутъ съ нимъ одно дѣло уладимъ...» Тебѣ вѣдь, Катенька писала?

— Да; и самъ Петръ Матвѣичъ писалъ.

— Дай Богъ ему здоровья! Видно, мои слезы къ Господу дошли... Тутъ я ужъ отважилась, ему сказала, что какъ тебѣ, Ванюшка, пріѣхать, и квартира у насъ, и содержаніе все такое, что еслибъ его милость была... Онъ и говоритъ: «Ищите себѣ квартиру, я вамъ найму и женщину вамъ для услуженія пришлю», и еще десять цѣлковыхъ пожаловалъ. То-то я обрадовалась! Въ тотъ же день съ Катенькой въ вечерню образа поднимали... А тамъ мы узнали, что вотъ этотъ флигелечекъ отстроился, мѣсто хорошее, вода близко; а къ намъ зашелъ Петра Матвѣича человѣка, по его приказу, мы ему и говоримъ... Онъ самъ вѣдь въ деревнѣ живетъ.

— Знаю: Катя писала подробно... Признаюсь, матушка, еслибъ Петръ Матвѣичъ не помогъ вамъ, какъ ни грустно мнѣ было бы не видать васъ, можетъ быть, еще съ полгода, а я бы не пріѣхалъ изъ Москвы.

— Что ты, Ваня! когда онъ самъ наказывалъ: «напишите ему», говоритъ, «мнѣ его нужно».

— Все равно, я бы не поѣхалъ. Согласись, съ тѣхъ поръ, какъ батюшка умеръ, вотъ десять лѣтъ, Петръ Матвѣичъ, кажется, забылъ, что мы живемъ на свѣтѣ. Помню, когда я былъ еще здѣсь, въ гимназіи, ты меня заставляла писать къ нему; мы бывали въ крайности; еслибы я не былъ казеннымъ ученикомъ, мнѣ пришлось бы бросить ученье, потому что платить было нечѣмъ — обо всемъ этомъ мы писали Петру Матвѣичу и ничего не выходило, онъ никогда не отвѣчалъ. Я поступилъ въ университетъ. Ему не было дѣла, что ты здѣсь нуждалась, и вдругъ онъ самъ является къ тебѣ и вызываетъ меня. Согласись, это странно. Еслибъ въ то же время онъ не вошелъ въ твое положеніе, не помогъ тебѣ сколько нибудь, право, я подумалъ бы что это какая нибудь прихоть, и не пріѣхалъ бы.

Старуха слушала сына робко и съ недоумѣніемъ.

— Охъ, не грѣши, Ванюшка! сказала она:— какъ ему тебя забыть, ты его крестникъ.

— Мало ли начальниковъ крестятъ у своихъ подчиненныхъ! зато онъ десять лѣтъ и не зналъ насъ.

— Ты, Ваня, не знаю что говоришь. Вѣдь Петръ Матвѣичъ и былъ и есть человѣкъ важный, а твой отецъ, какъ былъ, такъ и умеръ, канцеляристъ Озеринъ: не великая вещь; хорошо еще, что книги дворянской... Да что мнѣ и въ этомъ дворянствѣ? съ нимъ только къ людямъ не пристанешь, жениха Катенькѣ не сыщешь. Давно бы я ее отдала за какого ни есть человѣка, да и человѣка не возьметъ: «она», скажетъ, «бѣдная да гордая». И самой не хочется изъ своего рода выйти: все знаешь себя, со всякимъ не хочется породниться... Гдѣ ужъ намъ, Ваня, бѣднымъ людямъ, еще роптаніе имѣть, что насъ не помнятъ! Хорошо, что теперь во-время вспомнилъ.

— То-то и есть, что не во-время, отвѣчалъ Озеринъ: — мнѣ бы не нужно было уѣзжать изъ Москвы.

— Что тебѣ тамъ?

— Мнѣ обѣщали мѣсто. Если я замѣшкаюсь здѣсь и не возвращусь къ сроку, мѣсто отдадутъ другому.

Старуха сдѣлалась печальна, но, черезъ минуту повеселѣвъ опять, сказала:

— А Богъ дастъ, здѣсь и скоро покончишь и все успѣешь. Да еще какъ Петръ Матвѣичъ порѣшитъ, а мнѣ ужъ сердце говоритъ, Ваня, что-то хорошее.

— Дай Богъ, сказалъ Озеринъ:—вотъ, кажется, сестра.

Въ галерейкѣ послышались шаги; Озеринъ выбѣжалъ въ сѣни; раздались веселые голоса и поцѣлуи, и скоро молодой человѣкъ возвратился вмѣстѣ съ сестрой.

Катя была немолода, но недурна и нарядна. На ней было свѣтлое холстинковое платье, свѣжее, очень широкое; пестрый шерстяной платокъ распущенъ длинно и довольно ловко; на темныхъ, сильно нагофрированныхъ волосахъ лежалъ маленькій чепчикъ съ множествомъ развѣвавшихся розовыхъ лентъ. Она была полна и румяна, очень развязна и говорила громко, что составляло противоположность съ дрожащимъ голосомъ матери и тихимъ голосомъ брата.

— Вы, маменька, какъ будто предчувствіе имѣли, что съ нами не пошли, говорила она:—кто бы тогда братца встрѣтилъ? Да и ужасъ какая тѣснота была; къ вензелю туда и не проберешься... А какой, маменька, прекраснѣйшій человѣкъ Алексѣй Семенычъ! такъ вѣжливъ; провелъ насъ, у самой рѣшетки поставилъ.

— А онъ тамъ былъ? спросила мать съ удовольствіемъ.

— Какъ же! Да онъ насъ вотъ тутъ, на углу встрѣтилъ и оттуда проводилъ, почти что до дома Прасковьи Васильевны. Она ему говоритъ: «зайдите, Алексѣй Семенычъ», а онъ сказалъ: «извините, никакъ не могу»—и такъ все кланяется, такъ вѣжливъ.

— Съ тобой?

— Какъ же, и со мной.

— Кто это Алексѣй Семенычъ? спросилъ Озеринъ.

Катя принялась прибирать чашки на лежанкѣ.

— Это видишь, отвѣчала мать: — отца дьякона дочка, Прасковья Васильевна, замужемъ за служащимъ, такъ это ея мужа братъ. Онъ опредѣлиться желаетъ служить; двадцать первый годъ ему и такой прекраснѣйшій человѣкъ; обѣщали ему мѣсто, только все не очищается, а сверхъ штата ему не желательно...

— Вы, братецъ, развѣ будете чай кушать? спросила Катя.

— Ахъ, самоваръ-то я и забыла! вскричала старуха.

Озерину стоило большого труда увѣрить ихъ, что онъ не хочетъ ни чаю, ни ужина. Долго еще они говорили и разсказывали о своемъ житьѣ-бытьѣ, и когда пришло время разойтись, молодой человѣкъ едва могъ уговорить мать, чтобъ она не безпокоилась о его ночлегѣ. Наконецъ они простились; онъ остался одинъ, задвинулъ стульями дверь и улегся на кожаномъ диванѣ. Нѣсколько времени еще слышалъ онъ осторожный шорохъ, разговоръ матери и сестры, которыя ужинали въ другой комнатѣ, шаги Анисьи и скрипъ дверей. Наконецъ эти звуки замолкли и замѣнились другими: мухи бились въ стекла, сверчокъ кричалъ за лежанкой, стѣнные часы, какъ будто обрадовавшись тишинѣ, начали стучать громче. Озеринъ лежалъ, глядя въ растворенное окно; маленькая звѣзда, неясная на влажномъ небѣ, съ каждой минутой понижалась; домики на другой сторонѣ оврага сливались въ одну темную черту... Озеринъ смотрѣлъ на нихъ и думалъ; онъ былъ доволенъ спокойствіемъ вокругъ себя, довольствомъ тѣхъ, кто былъ ему милъ; онъ вспоминалъ дѣтство и думалъ, что никогда еще мать его не жила такъ привольно, какъ теперь. Горечь воспоминаній сдѣлала его благодарнымъ къ настоящему и онъ весело спряталъ голову подъ подушку, принявъ рѣшительное намѣреніе заснуть. Въ ушахъ его слышался какъ будто звонъ и шумъ ѣзды, и странный звукъ, принадлежащій

только сну; онъ различилъ еще, какъ за панелью запищалъ мышонокъ, какъ издали пронесся крикъ часового, и не слышалъ ничего больше до страшнаго удара подъ окномъ, заставившаго его вскочить...

Анисья вспомнила сквозь сонъ, что ставни остались раскрыты.

Это не помѣшало, однако, Озерину, погруженному ужъ въ совершенную темноту, увидѣть сонъ чрезъ минуту.

II.

Озеринъ рано проснулся; онъ слышалъ, какъ его мать встала и начала молиться съ частыми земными поклонами; потомъ Анисья раза два хлопнула дверью, поспорила съ кѣмъ-то въ сѣняхъ и принялась скликать куръ на галерейкѣ.

Молодому человѣку не хотѣлось вставать. Въ комнатѣ было ни темно, ни свѣтло; сквозь красныя щели сосновыхъ ставень спускались лучи солнца; подъ потолкомъ перебѣгалъ маленькій золотой зайчикъ. Шаткій овальный столъ у дивана и плетеные стулья у стѣнъ теряли въ тѣни свои некрасивые очерки; надъ ними поднимались столбы блестящей пыли; мухи перерѣзывали ее, сверкая крыльями. Все было какъ-то особенно тихо, и Озерину было какъ-то особенно уютно и весело; потому-то онъ съ наслажденіемъ откладывалъ минуту своего вставанья.

Его веселость не была, однако, безсознательной веселостью ребенка, или лѣнивымъ самозабвеніемъ человѣка, почему нибудь довольнаго настоящей минутой. Еще вчера онъ думалъ и вспомнилъ многое...

Сначала свое дѣтство. Онъ вспомнилъ отца, жившаго трудовой копѣйкой, мать — вѣчную работницу, сестру — хорошенькую дѣвочку, вѣчно согнутую надъ коклюшками, вѣчно въ старенькомъ платьѣ. Ему представлялся тѣсный, старый домъ, гдѣ проходило это дѣтство; предъ нимъ прошли многіе тяжелые дни, темные, холодные; ребенкомъ онъ ужъ понималъ важность неурожайныхъ годовъ; въ его памяти повторились сцены и тогда понятныя, слишкомъ понятныя теперь, когда плакала мать, сестра, плакалъ даже отѳцъ... Теперь онъ могъ назвать это положеніе однимъ словомъ: нищета.

Онъ вспоминалъ благодарно: онъ не забылъ, какъ добрые люди выхлопотали помѣстить его въ гимназію, какъ другіе, прекрасные люди, занимались имъ и старались развить его способности... Но онъ былъ счастливъ только одинъ, дома было то же, что прежде...

Ему было четырнадцать лѣтъ, когда онъ схоронилъ отца. Почти дитя самъ, онъ ходилъ учить другихъ дѣтей: для того, чтобъ жить, сестрѣ было мало плесть кружева, а матери стирать бѣлье... То были годы самые тяжелые и шли они очень долго, но прошли и они. Озеринъ вспомнилъ, какъ одинъ разъ возвратился изъ деревни, гдѣ провелъ вакацію, давая уроки дѣтямъ одного помѣщика, и привезъ матери денегъ; она была въ радости; онъ не спалъ всю ночь, думая, что этого мало...

Ему особенно вспоминалась эта ночь: онъ сравнивалъ ее съ своимъ настоящимъ пробужденіемъ. Трудные годы прошли, жизнь его упрочена; теперь онъ на дорогѣ и его мать не будетъ больше знать ни труда, ни слезъ. Ей нравятся эти комнаты — она изъ нихъ не выйдетъ; она нашла себѣ знакомыхъ людей по-сердцу—она съ ними не разстанется; маленькія удобства жизни, которыя она, наконецъ, можетъ себѣ позволить— она всегда будетъ имѣть ихъ... Много ли нужно для счастья?

Озеринъ радостно смотрѣлъ вокругъ себя. За нѣсколько мѣсяцевъ, еще не зная о нечаянной помощи своего крестнаго отца, онъ думалъ о счастьи самому устроить свою семью. Онъ мечталъ объ этомъ и о своемъ кандидатскомъ дипломѣ. Въ первую минуту досада, что все это ужъ доставлено его матери не имъ, а другимъ, заставила его найти, что все это не такъ; но онъ разобралъ и прогналъ это дѣтское чувство. Онъ даже порадовался, что все ужъ было устроено, потому что его встрѣтили уже счастливые, и, наконецъ, что ему дали мѣрку для счастья, какое было нужно.

Выраженіе странное, но вѣрное. Слишкомъ живая память прошлыхъ лишеній, жаркая любовь къ близкимъ существамъ заставляютъ насъ часто желать для нихъ невозможнаго и изнывать отъ тоски; также часто мы трудимся для этого н е в о з м о ж н а г о и падаемъ отъ труда на дорогѣ, не сдѣлавъ ничего, за мученіемъ заботы не успѣвъ доставить даже немногаго, тоской о невозможномъ отравивъ то, что дано судьбою, и развивъ въ милыхъ намъ эту же тоску и желанія... Любовь заставляетъ понимать вещи такъ, какъ понимаетъ ихъ она сама; а сколько разъ она можетъ ошибаться. Мы строимъ воздушные замки для тѣхъ, кого любимъ; оглянемся, съумѣютъ ли они

жить въ нихъ? не будетъ ли имъ слишкомъ просторно въ этихъ дворцахъ, тяжело подъ этимъ золотомъ, неловко въ этомъ обществѣ? не соскучится ли ихъ душа по тѣмъ привычкамъ бѣдности, которыя привились къ ней?..

«Но, возразятъ намъ, пусть живутъ они не мѣняя привычекъ, лишь бы имѣли все». Тогда на что-жъ это все? Жизнь и ея потребности ужъ сложились одинъ разъ; имъ нужно столько-то—дайте имъ столько-то. Измѣрьте потребность безпристрастно, по нравственной мѣркѣ человѣка, прежде нежели опредѣлите ее по мѣрѣ вашей любви, и также—по мѣрѣ ненасытности человѣка, всякаго, хоть бы онъ былъ и любимый вами...»

Озеринъ былъ радъ: онъ узналъ, что нужно для его семьи. Въ этомъ чувствѣ не было нисколько скупого эгоизма; это было простое чувство работника, узнавшаго, что предстоитъ ему сдѣлать и разглядѣвшаго съ радостью, что работа ему по силамъ. Онъ даже посмѣялся надъ собою, оглянувшись, что мечталъ какъ мальчикъ, забывалъ дѣйствительность, затѣялъ Богъ знаетъ что. Не забавно ли въ самомъ дѣлѣ: онъ задумывалъ для матери домъ въ Москвѣ, экипажъ, прислугу, для сестры ложу въ театрѣ, билеты въ концерты. Теперь онъ былъ радъ не тому, что отъ него требовалось мало, но что счастье ихъ было возможно. Онъ зналъ свою семью, но пять лѣтъ жизни врозь, съ людьми другого склада, пять лѣтъ другихъ впечатлѣній и другихъ потребностей, и, болѣе всего, безконечная любовь къ этой семьѣ—легко могли ввести въ заблужденіе. Озеринъ судилъ по себѣ: онъ еще не видалъ свою семью счастливою, слѣдовательно, не могъ знать, какое счастье удовлетворитъ ее...

Какъ бы ни было, мы готовы на пожертвованія и труды, намъ всегда отрадно узнать, что они не выше нашихъ силъ. На это могутъ возразить, что истинная любовь не взвѣшиваетъ трудовъ и пожертвованій, а идетъ къ цѣли, не взирая ни на что... Такая любовь, если не охладѣетъ, то скоро упадетъ. Пусть рѣшатъ также, не обязанъ ли всякій, отъ кого зависитъ счастіе другихъ, беречь себя не изъ себялюбія, но какъ средство для продолженія счастія другихъ. Любовь, которая трудится тихо, по постоянно, невозмутимо, вѣчно, едва ли не сильнѣе той, у которой достаетъ силы только для порывовъ; что она самоотверженнѣе—это неоспоримо, потому что великость жертвы чаще всего состоитъ въ продолжительности жертвы...

Озеринъ много любилъ свою мать, готовый рѣшиться для нея на все; онъ понялъ, что его планы ихъ будущей жизни и негодятся, и неисполнимы. Настоящее, устроенное по вкусу самой старухи, успокоило его и показало ему дорогу.

«Сегодня», думалъ онъ, еще лежа на диванѣ и глядя, какъ на бѣлой печкѣ отражались опрокинутыя тѣни прохожихъ, мелькавшія сквозь щели ставень, «сегодня съѣзжу къ Петру Матвѣичу и узнаю, на что я ему нуженъ. Это, вѣрно, недолго меня задержитъ. Тогда лечу въ Москву, получаю свое мѣсто, высылаю матушкѣ деньги. Она найметъ этотъ домъ на годъ, заготовитъ, что нужно, къ зимѣ. Жизнь въ Москвѣ вдвое дороже здѣшней; здѣсь у нихъ будетъ все съ излишкомъ, а тамъ недостало бы необходимаго... А мнѣ на квартирѣ помѣститься легко. Все равно приходить домой, что изъ аудиторіи, что изъ департамента; писать лекціи или бумаги мѣста нужно не больше. Къ концу года можно будетъ сдѣлать экономію и къ святкамъ явиться сюда... Грустно, что мы будемъ жить розно, но нельзя иначе...

Иначе было въ самомъ дѣлѣ невозможно. Не строя воздушныхъ замковъ, Озеринъ разсчелъ, что жизнь матери будетъ спокойна только здѣсь. Чтобъ не разставаться, онъ могъ бы оставить свое намѣреніе служить въ Москвѣ и перейти сюда, но это было его любимое намѣреніе. Ему обѣщалъ мѣсто подъ своимъ начальствомъ человѣкъ знатный и сильный, котораго Озеринъ любилъ не за покровительство, не за обѣщаніе мѣста, а за то, что прежде, нежели узналъ его лично, ужъ удивлялся ему, какъ человѣку благородному. Озеринъ считалъ за счастье зависѣть отъ него. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые, начиная свою гражданскую жизнь, воображаютъ себя призванными свыше, а свою службу чѣмъ-то идеальнымъ, безъ всякихъ разочаровывающихъ мелочей. Примѣры другихъ, на которые онъ ужъ успѣлъ наглядѣться, отучили его отъ надеждъ. Озеринъ зналъ, что его занятія будутъ состоять больше изъ механическаго, нежели изъ умственнаго труда, что они будутъ сухи и хотя сложны и хлопотливы, но въ сущности незначительны. Онъ понялъ это, и главное его достоинство состояло въ томъ, что эта незначительность его не оттолкнула, не охладила, какъ другихъ, не до конца измяла его мечтаніе. Онъ успокоивался только на одномъ, что какъ бы ни было мелко его дѣло, оно необходимо и принесетъ свою относи-

тельную пользу. Остальное должно было состоять въ томъ, чтобъ терпѣливо продолжать это дѣло; но у Озерина было много терпѣнія, а главное, онъ зналъ, что каковъ бы ни былъ путь, онъ неизбѣженъ...

Вотъ почему ему было невозможно отказаться отъ службы въ Москвѣ у начальника, котораго онъ любилъ и уважалъ заранѣе; безъ преувеличенія, въ зависимости отъ этого человѣка была нравственная будущность Озерина. Это было слишкомъ важно. Озеринъ надѣялся, что семья пойметъ эти причины.

Мысленно перебирая и устроивая разныя подробности, Озеринъ вспомнилъ своего крестнаго отца. Это воспоминаніе какъ-то холодно прошло ему по-сердцу. Онъ не преувеличивалъ и ничего неблагодарно не забывалъ, когда говорилъ наканунѣ съ матерью о Петрѣ Матвѣевичѣ. Въ ихъ бѣдной и трудной жизни, Петръ Матвѣевичъ никогда не зналъ ихъ, не заглядывалъ къ нимъ въ домъ, не освѣдомлялся о нихъ. Отецъ Озерина служилъ у него въ палатѣ. Обрадовавшись рожденію сына, долго жданнаго наслѣдника (Катя была шестью годами старше брата), бѣдный канцеляристъ отважился просить въ крестные отцы своего начальника, Петра Матвѣевича Покорскаго. Тотъ не отказался, но тѣмъ и ограничились всѣ его милости маленькому Ванѣ и его семьѣ. Когда мальчику исполнилось десять лѣтъ, отецъ, которому хотѣлось, чтобъ онъ зналъ что нибудь, отправился съ нимъ къ Покорскому, просить его покровительства, чтобъ помѣстить сына въ гимназію — и получилъ отказъ. Къ счастью, имъ помогли другіе; но надежды на сильнаго родственника окончательно разрушились въ этотъ день. Озеринъ-отецъ былъ рѣшителенъ; Покорскій вскорѣ вышелъ въ отставку; ихъ служебныя отношенія прекратились, а другихъ Озеринъ больше не захотѣлъ имѣть. Четыре года еще прожилъ онъ, трудясь и нуждаясь; но столько же забылъ Покорскаго, сколько самъ былъ имъ забытъ. По смерти мужа, мать заставляла Ваню писать къ крестному отцу и напоминать о себѣ...

Воспоминаніе объ этихъ письмахъ вызвало молодого Озерина изъ пріятнаго полузабытья; это было воспоминаніе горькое и обидное; и самое высшее благо, котораго онъ желалъ для себя въ жизни, было не имѣть больше подобныхъ воспоминаній. Его оскорбляло не упорное молчаніе крестнаго отца, его мучила не злость людей, такъ рѣзко выказавшаяся въ одномъ человѣкѣ — нѣтъ, его заставляло краснѣть свое личное униженіе... Молодой человѣкъ чувствовалъ, что поддавался дурному движенію, но не могъ ему не поддаваться, не отвѣчалъ за себя и впередъ, и потому мысль свидѣться съ этимъ человѣкомъ была ему противна. Дѣло, за которымъ его вызвали, казалось ему то досадными пустяками, придуманными какъ будто нарочно, чтобъ отнять у него время, то чѣмъ-то таинственнымъ и тяжелымъ. Оно наполнило ему голову и стало его мучить. Чтобъ прервать неотвязную мысль, Озеринъ всталъ, сказавъ почти громко:

— Надо съѣздить къ нему поскорѣе.

Мать и сестра поддержали его въ этомъ намѣреніи, когда всѣ собрались и Катя наливала чай.

— Охъ! поѣзжай къ нему, поѣзжай, Ванюшка, говорила старуха, торопя сына, какъ будто надо было сію же минуту рѣшить это неизвѣстное дѣло:—онъ тебя дожидается. Мнѣ ихъ человѣкъ сказывалъ, что онъ о тебѣ поминалъ, человѣкъ заходилъ третьяго дня по его приказу. Запасъ намъ прислалъ — дай Богъ ему здоровья. Вотъ все, что видишь: чашечки, четыре пары ножей, полголовы сахарцу; Катѣ на платье пожаловалъ... Охъ! подлинно чужой милостью живешь, своего-то нѣтъ.

— Погоди, матушка, будетъ свое, сказалъ Озеринъ, обнявъ ее:—все будетъ, будь покойна; ты въ первый и послѣдній разъ живешь чужимъ. Я поблагодарю Петра Матвѣича и скажу, чтобы онъ больше не безпокоился: я теперь на своей дорогѣ и ты ни въ чемъ не будешь нуждаться.

— И, Ваня, гдѣ тебѣ, голубчикъ! А если и будетъ что свое, какіе излишки, такъ я тебѣ сказать хотѣла: ты Петру Матвѣичу вида не показывай; пусть, если есть его милость, насъ не оставляетъ. Ему это разности не дѣлаетъ; что̀ ему? живетъ въ довольствіи. А намъ, Ва̀нюшка, всегда хорошо, когда что̀ въ домъ, либо къ столу...

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ! Вѣдь ты меня любишь?... Ну, я не хочу, чтобъ кто другой, кромѣ меня, о васъ заботился.

— Силъ твоихъ не станетъ, Ва̀нюшка.

— Станетъ, матушка. Я тебѣ говорю заранѣе, что поблагодарю его, но просить ни о чемъ не буду.

— Гордость — великій грѣхъ! сказала старуха.

— Это не гордость, возразилъ Озеринъ.— Но развѣ не стыдно, что я, человѣкъ служащій, съ порядочнымъ чиномъ, не прокормлю самъ своей семьи?

— Мало ли есть какіе недостатки!

— Сдѣлайте милость, говорите мнѣ ихъ всѣ.

— Вѣдь вотъ зима придетъ, лѣсъ у него свой: хоть бы дровецъ когда.

— Что ему стоитъ? вмѣшалась Катя. — Вотъ, у васъ, маменька, салопа нѣтъ: въ церковь такъ покрывшись не пойдете: нынче у всякой приказничихи шапочка. У меня всего одинъ платокъ, что въ воскресенье, что въ большой праздникъ...

— У него мельница своя, продолжала мать:—мука такая прекрасная...

— А помните, маменька? сказала Катя:— къ намъ Алексѣй Семенычъ зашелъ: « просто, говоритъ, прелесть мебель у васъ...» Выходитъ и хорошо, что Петръ Матвѣичъ догадался, пожаловалъ.

— Что богатому человѣку! сказала мать: — имъ это излишнее, а нашему брату все хорошо, годится; когда бы такъ всякій бѣднаго помнилъ, что кому не нужно...

— О, нѣтъ, матушка! прервалъ Озеринъ: — я тебѣ сказалъ рѣшительно, что не хочу этого. Въ дѣйствительной нуждѣ я могу попросить на время помочь мнѣ, но выпрашивать — никогда!... Если ты меня любишь, не обижай меня, не проси ничего.

— Какая-жъ тебѣ обида, Ванюшка? заговорила старуха, немного оторопѣвъ отъ его словъ:—никакой тебѣ нѣтъ обиды, все дѣло житейское. Новое-то, поди-ка купить чего станетъ, а если отъ какого доброхотнаго дателя...

— И ровно ничего; износилъ, да и все тутъ, прибавила Катя. — Вотъ я Прасковьѣ Васильевнѣ воротникъ выплела, а она мнѣ шарфикъ подарила.

— Катя, прервалъ братъ: — ты понимаешь, что̀ значитъ подарить и что́ пожаловать?

— Полноте, братецъ! я разнымъ наукамъ не училась. Все равно, взялъ—и только.

— И подлинно, прибавила мать.

Онѣ принялись доказывать это, одна за другою. Озеринъ слушалъ, не имѣя силы противорѣчить—такъ были неожиданны для него эти сужденія; ему только становилось тяжелѣе съ каждой минутой. Мать, вѣроятно, приняла его молчаніе за согласіе, потому что, развеселясь въ своихъ доказательствахъ, положила ему руку на плечо и сказала весело и протяжно:

— Такъ-то, Ванюшка, что Бога гнѣвить, коли есть его милосердіе — бери: намъ же лучше.

— Да вамъ-то еще всѣхъ лучше, прибавила Катя:—вѣдь вашими деньгами станемъ жить, а тутъ половина всего даромъ придетъ. Вы и себѣ что нибудь лишнее сдѣлаете, сюртукъ сошьете.

Озеринъ всталъ съ мѣста; его ужаснула мысль, что и онъ будетъ участвовать въ подаяніи, потому что сошьетъ себѣ сюртукъ на экономію этого подаянія... Странно, что, выросши въ бѣдности, испытавъ ее вполнѣ, онъ не думалъ о печальной сторонѣ положенія просителя; онъ видѣлъ только сторону унизительную. Еще страннѣе, что, любя мать и сестру, конечно, больше нежели себя, онъ какъ будто сильнѣе оскорбился, когда онѣ поставили и его въ это положеніе... Не потому ли, что ихъ самихъ оно не оскорбляетъ?..

Эта мысль его поразила. Въ его душѣ поднялись вопросы, одинъ другого незнакомѣе и мучительнѣе. Что-то сказало ему, что необходимо прервать ихъ; другое, еще болѣе тяжелое чувство сказало, что онъ долженъ прервать ихъ. Но выше всего въ немъ продолжало раздаваться убѣжденіе, что онъ правъ...

Онъ простился, сказавъ, что пойдетъ нанять для себя дрожки и поѣдетъ въ деревню Петра Матвѣича.

— Кушать-то домой воротишься? спросила старуха.

— Нѣтъ, братецъ, вы ужъ тамъ останьтесь, говорила Катя, провожая его: — скажите, какъ тамъ все будетъ...

III.

Деревня Петра Матвѣевича Покорскаго была верстахъ въ четырехъ отъ города. Озеринъ доѣхалъ скорѣе, нежели желалъ и даже ожидалъ, потому что во всю дорогу былъ какъ-то разсѣянъ. Нѣтъ опредѣленнаго слова, чтобъ назвать состояніе души, когда ее встревожатъ ощущенія разнообразныя и еще не вполнѣ сознанныя, потому что пришли въ первый разъ. Какое-то безпокойство, немного досады, странная грусть неизвѣстно о чемъ, какъ-то невольно набѣгающая на сердце, постоянное желаніе думать о томъ, что тревожитъ, и невольная забывчивость, заставляющая увлекаться посторонними, иногда нисколько незамѣчательными предметами... Озеринъ былъ встревоженъ, самъ не зная чѣмъ, и многимъ; онъ ясно различалъ только одно изъ своихъ чувствъ: нежеланіе разъяснять ихъ...

Невольно улыбнулся онъ, дожидаясь, пока о немъ пошли доложить. Оставаясь одинъ въ прекрасной свѣтлой залѣ, онъ обошелъ

ее раза два, посматривая на окна. Съ одной стороны, изъ-за густыхъ старыхъ липъ, которыхъ цвѣтущія вѣтки бились въ стекла, виднѣлся дворъ и часть дороги, по которой пріѣхалъ Озеринъ; съ другой стороны, передъ окнами, разстилался открытый цвѣтникъ со множествомъ переплетенныхъ дорожекъ, усыпанныхъ краснымъ пескомъ; между клумбами цвѣтовъ гуляли двѣ павы. Это были первыя живыя существа, замѣченныя Озеринымъ послѣ лакея, который отворилъ ему дверь и теперь пошелъ доложить о немъ. Молодой человѣкъ думалъ о порядкѣ и безмолвіи, царствовавшихъ кругомъ, и эта-та мысль заставила его улыбнуться.

«Это похоже на романъ», думалъ онъ: «я таинственно призванъ неизвѣстно зачѣмъ; домъ нарядfestнъ и пустъ; мой крестный батюшка заставляетъ ждать себя очень долго. Вотъ сейчасъ введутъ меня въ какой нибудь кабинетъ съ полусвѣтомъ. Хорошо, что подобныя вещи я читалъ ужъ не разъ и могу сыграть свою роль; стоитъ припомнить...»

Мимо оконъ прошли два крестьянскіе мальчика, съ скребками и граблями на плечахъ; увидя Озерина, они сняли шапки. Потомъ старуха, въ темной понявѣ, покрытая бѣлымъ платкомъ, прошла полуоборотясь и слѣдя за всѣми движеніями въ домѣ; Озеринъ отошелъ въ глубину комнаты, такъ что видѣть его было невозможно, но старуха все-таки остановилась среди жаркой песчаной дорожки и отвѣсила глубокій поклонъ передъ пустыми окнами. Она пошла потомъ будто скорѣе, какъ замѣтилъ Озеринъ, начинающій наблюдать.

«Я ошибался», сказалъ онъ самъ себѣ: «мое приключеніе будетъ въ родѣ приключеній «Тысячи и одной ночи», а не современныхъ романовъ. Здѣсь вѣрно есть карлы и нѣмые; надо ждать, что отворится дверь и они явятся...»

Потомъ, все раздумывая и дожидаясь, онъ спросилъ себя, отчего онъ такъ спокоенъ предъ свиданіемъ, которое для всякаго другого, въ его положеніи, было бы чѣмъ-то рѣшительнымъ? и улыбнулся опять, ужъ самодовольно; потому что его спокойствіе — слѣдствіе внутренней самостоятельности. Пріятно не зависѣть ни отъ кого нравственно, то есть умѣть самому настолько обезпечить себя матеріально, чтобъ не заставлять совѣсть дѣлать уступки для доставленія намъ разныхъ удобствъ и пріятностей жизни... «А для этого нужна только твердая воля», договаривалъ себѣ Озеринъ: «едва мы довольныя, мы — независимы; а довольство у каждаго въ рукахъ; умѣть ограничиться, остановиться на чемъ нибудь».

— Можно, я думаю, помнить, сказалъ кто-то въ дверяхъ:—что въ двѣнадцать часовъ я гуляю въ крытой аллеѣ, нигдѣ больше, или догадаться можно, а тутъ пробѣгали цѣлый часъ... Узналъ ты, какъ его зовутъ?

Озеринъ догадался, что это былъ его крестный отецъ, спрашивающій его имя. Въ самомъ дѣлѣ, Покорскій вошелъ въ комнату. Это былъ старикъ высокаго роста, худой, немного согнутый, но все еще бодрый и изящно одѣтый. Озеринъ тотчасъ узналъ эти черты, только одинъ разъ видѣнныя имъ, въ дѣтствѣ, въ памятный день, когда отецъ приводилъ его просить о помѣщеніи въ гимназію; хотя старость и худоба сдѣлали эти черты угловатѣе, ужимка рта стала слабѣе, а впалые глаза свѣтились ярче, но это былъ тотъ самый человѣкъ, который сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на воображеніе ребенка, и это впечатлѣніе съ тѣхъ поръ не измѣнилось...

Пріемъ, по крайней мѣрѣ, былъ совершенно неожиданный.

— Весьма радъ, весьма радъ видѣть, говорилъ Покорскій, торопливо идя къ Озерину и протягивая не одну, а обѣ руки, — очень радъ; вѣрьте, что отъ души, Иванъ Алексѣичъ... Поздравляю—дѣйствительный студентъ?

— Кандидатъ.

— Прекрасно! душевно радъ, поздравляю... Когда пріѣхали?

— Вчера вечеромъ.

— Очень радъ... прекрасно!.. Матушку видѣли?

— Какъ же...

— Здорова?.. Да, года наши, годы идутъ! Ужъ поколѣніе молодое... да, такъ и должно, такъ и слѣдуетъ! Каково это — Ваня, мой крестникъ... Вѣдь двадцать-два года?

— Двадцать-четыре.

— Будто бы? да, точно! Это Ваня! какой молодецъ... По словесному факультету?

— По юридическому.

— Превосходно! Самое лучшее: всѣ роды службы, и притомъ службы самой полезной, въ ней нужны умныя головы. Думаете вступить на службу?.. Но пойдемте на балконъ, присядемте... Я сейчасъ прикажу... извините...

На балконъ, куда Покорскій провелъ Озерина, подали завтракъ. Крестный отецъ уго-

щалъ такъ радушно, такъ часто повторялъ: «радъ, отъ души радъ», что молодой человѣкъ былъ увлеченъ его обходительностью. Онъ разсказалъ о своемъ намѣреніи служить, гдѣ и у кого; старикъ слушалъ внимательно, и Озерину было пріятно говорить съ человѣкомъ, который, казалось, понималъ его, а улыбка Покорскаго ободряла его продолжать высказываться...

— Хоть я молодъ, заключилъ Озеринъ, разсказавъ свои убѣжденія,—хоть я не видалъ еще жизни вблизи, но знаю, что у насъ все зависитъ отъ руки, которая управляетъ, и, признаюсь, я не умѣлъ бы повиноваться, еслибъ понялъ, что тѣ, отъ кого я завишу, не стоятъ повиновенія...

— Прекрасное, возвышенное чувство! отвѣчалъ Петръ Матвѣичъ:—именно, обязанность всякаго, кто поставленъ управлять, привязать къ себѣ человѣка, сдѣлать прежде всего такъ, чтобъ этотъ человѣкъ чувствовалъ, сколько и чѣмъ онъ долженъ, и тогда можно надѣяться на его полное повиновеніе... Я, можетъ быть, неясно выражаюсь, прибавилъ онъ, вѣроятно, замѣтивъ недоумѣвающій взглядъ Озерина: — но это были мои правила во всю жизнь... Въ излишней строгости также не должно никого упрекать: только съ кроткими можно быть кроткимъ. Людямъ нужны примѣры какъ добра, такъ, если еще не больше, наказанія... А справедливость... Вы, молодой человѣкъ, вы любите добро; скажете ли вы что нибудь противъ справедливости? Другихъ мы должны судить по себѣ; повѣримъ же себя: кто, по справедливости, не заслуживаетъ всякой строгости?

Озеринъ затруднялся отвѣчать, потому что не хотѣлъ заводить спора, а больше потому, что его удивилъ подобный оборотъ разговора; онъ не ожидалъ найти въ своемъ крестномъ отцѣ охотника разбирать отвлеченные вопросы; къ тому же, эти вопросы слѣдовали одинъ за другимъ такъ скоро и такъ мало послѣдовательно, что Озеринъ не зналъ, за что принять ихъ: за желаніе высказаться, или за желаніе поговорить. Чтобъ кончить, онъ поспѣшилъ согласиться.

— Я моимъ врагамъ прощаю, продолжалъ Покорскій, совершенно довольный согласіемъ Озерина:—но какъ прощаю?—душевно. Въ душѣ я не имѣю зла ни на кого, но на дѣлѣ, чтобъ знали, что есть правосудіе, я стараюсь имъ дѣлать зло. Вы молоды, жить начинаете, молодой человѣкъ, а впослѣдствіи сами на себѣ испытаете и скажете: «слава Богу, что мнѣ дѣлали зло: оно меня обратило на путь истинный». —Такъ!

Озеринъ улыбнулся такому отважному заключенію и не могъ не возразить:

— Согласитесь, однако, если зло есть благо для тѣхъ, кто терпитъ, потому что оно обращаетъ ихъ на истинный путь, тѣмъ не менѣе оно зло со стороны того, кто его дѣлаетъ.

— Зло, зло! вскричалъ старикъ, да, зло! Но развѣ легко его дѣлать? Это — крестъ! плачешь, а дѣлаешь, потому что долженъ... Поживете, молодой человѣкъ, увидите, испытаете!

— Дай Богъ не испытать! сказалъ Озеринъ.— Впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ и не придется испытать.

— Почему такъ?

— Я буду чиновникъ; въ службѣ мѣра строгости опредѣлена, и, чтобъ исправлять людей, нѣтъ необходимости дѣлать имъ «справедливое» зло, какъ вы называете.

— Я не говорю о службѣ, возразилъ старикъ съ нетерпѣніемъ: — жизнь велика... Взгляните на мою жизнь: я помѣщикъ. Чего мнѣ стоитъ вразумлять этотъ народъ? для чего? для ихъ же пользы... Кому тяжеле: имъ или мнѣ? какъ вы думаете?

— Не могу отвѣчать вамъ, сказалъ Озеринъ:—надо знать вещи, чтобъ судить о нихъ.

— Потому-то я вамъ и говорю. Вотъ гдѣ нужна энергія! вотъ гдѣ надо себя забывать для другихъ!.. И за это вамъ — неблагодарность, за ваши попеченія—неблагодарность; за то, что вы все сердце надъ ними измучите — неблагодарность... Подвигъ, подвигъ, кому даны подвластные и кто можетъ его исполнить!

— Но я думаю, отъ этого подвига очень легко избавиться, замѣтилъ Озеринъ.

— А въ чьи они руки попадутъ? спросилъ Покорскій, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ.—Вы сами сейчасъ разсуждали, какъ велика обязанность того, кто управляетъ и каковъ долженъ быть этотъ человѣкъ. Хорошо — я. Я ихъ люблю; душевно прощаю имъ все, только не безпокой меня, не требуй; вотъ, тебѣ дано — довольствуйся; помни кто я, помни только... Вы какъ думаете?

— Извините меня, сказалъ Озеринъ, начиная думать, что его крестный отецъ помѣшанъ;— вы въ этомъ случаѣ такъ опытны, а я не успѣлъ еще составить себѣ никакого мнѣнія. Деревенскій бытъ, хозяйство—все это мнѣ совершенно незнакомо.

— А вы познакомьтесь, покуда пробудете здѣсь. Вы долго пробудете?

— Не знаю, отвѣчалъ Озеринъ, взглянувъ на него съ недоумѣніемъ.

Покорскій поймалъ этотъ взглядъ.

— Вѣдь я васъ выписалъ, сказалъ онъ разсмѣявшись. — Извините, стариковская прихоть: хотѣлось видѣть крестника. Пробудьте у матушки, пробудьте, а покуда... Вы занимались по-юридическому факультету?

— Да́.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе. У меня есть дѣло. Копіи у меня есть со всѣхъ нужныхъ бумагъ, всѣ документы. Займитесь на досугѣ, просмотрите и скажите, могу ли я выиграть дѣло; вы изучали законы...

— Извольте.

— Пройдемте же ко мнѣ въ кабинетъ.

Кабинетъ былъ убранъ со вкусомъ, а строгій порядокъ на письменномъ столѣ напоминалъ привычки дѣлового человѣка. Петръ Матвѣевичъ отыскалъ бумаги и отдалъ ихъ Озерину, не толкуя о дѣлѣ, какъ обыкновенно поступаютъ тѣ, у кого бываютъ дѣла, онъ сказалъ, что не хочетъ своимъ мнѣніемъ сбивать съ толку Озерина.

Молодой человѣкъ взялъ бумаги и сталъ прощаться! ему хотѣлось скорѣе домой.

— Поклонитесь матушкѣ, сказалъ Покорскій. Хорошо ли она поживаетъ.?

Озеринъ поблагодарилъ его. Покорскій вышелъ вслѣдъ за нимъ на крыльцо, отдавая разныя приказанія. Онъ показалъ Озерину какое-то строеніе, сказавъ, что это новые флигеля. Озеринъ, конечно, не зналъ, что были ли когда нибудь старые, но узнавъ, что они только что кончены, поздравилъ Петра Матвѣевича съ новой постройкой.

— Славный тесъ на крышѣ, замѣтьте, сказалъ старикъ: — каретный сарай будутъ такимъ же крытъ; купленый. Я свой лѣсъ берегу, не велю и хвороста рубить для плетней. Тамъ, за садомъ, замѣтьте, просто ровъ, земляной валъ и на немъ шиповникъ: и дешево, и красиво.

Когда Озеринъ выѣхалъ изъ воротъ, на дворѣ раздался сильный звонъ колькольчика и онъ увидѣлъ, что дворня начала сходиться. Онъ жалѣлъ, что не узналъ причины этого собранія, потому что безлюдный домъ и сужденія хозяина какъ-то странно его заинтересовали. Онъ ѣхалъ, миновалъ господскій садъ съ густыми липами и шиповникомъ. Окрестность бѣжала между деревьями большой дороги; мелькали десятины то желтыя, то сизыя; жеребята и спутанныя лошади паслись между ветлами; въ воздухѣ было знойно и тихо; на поворотѣ дороги отъ селенія маленькая дѣвочка погналась за дрожками Озерина, прося милостыни; потомъ промелкнулъ и рѣдкій дубовый лѣсокъ, и узкій овражекъ съ мутнымъ ручьемъ и дрожащимъ мостикомъ, и глинистая крутая гора, изрытая колеями, поросшая высокими кустами царскихъ свѣчъ и щавеля. Съ верху горы открылся городъ, и чистый звонъ вечерень долетѣлъ до слуха Озерина.

IV.

Два дня провелъ Озеринъ, разбирая и перечитывая бумаги самаго запутаннаго процесса, какой когда либо занималъ умы уѣздныхъ судовъ и гражданскихъ палатъ. На составленіе этихъ бумагъ было потрачено много знанія, еще больше канцелярской ловкости. Продолжительность дѣла выказывала необыкновенное терпѣніе одной стороны и несокрушимое мужество другой. Это было первое дѣло, которое случилось читать молодому человѣку. Судьба побаловала его на первый разъ: дѣло было цѣлая Иліада.

Непривычка и неопытность дополняли утомленіе Озерина. Чтобъ разсмотрѣть этотъ хаосъ, мало было одного знанія. Онъ соображалъ и терялся, дѣлалъ выписки и впослѣдствіи находилъ, что онѣ не нужны, а между тѣмъ онѣ отнимали время; справлялся съ законами и съ тетрадями своихъ лекцій; но послѣ двухъ сутокъ пристальнаго труда вышелъ изъ него побѣдителемъ: онъ понялъ содержаніе дѣла, изложилъ его и, въ заключеніе, написалъ свое мнѣніе, какъ долженъ кончиться процессъ. Перечитывая свое первое произведеніе въ этомъ родѣ, Озеринъ остался доволенъ тѣмъ, что съумѣлъ его исполнить, но въ то же время эти занятія пробудили въ немъ печальныя чувства. Въ первый разъ корыстолюбіе, канцелярская придирчивость, ложное толкованіе истины и всякія подъяческія уловки прошли предъ нимъ, прикрытыя листами гербовой бумаги. Хотя онъ надѣялся, что все это не будетъ ни уважено, ни оправдано, но ему было тяжело, что столько неправды смѣло являтъся на свѣтъ Божій. Не тяжело, но довольно неловко было ему сознаваться, что всѣ эти прекрасныя качества принадлежали его крестному отцу, неловко потому, что надо было найти, въ какихъ выраженіяхъ учтивѣе объяснить ему, что его дѣло должно быть проиграно. Озеринъ не мечталъ никогда; онъ видѣлъ столько дѣйствительно хорошаго и дѣйствительно дурного въ мірѣ, что ему не было надобности дополнять его, создавая идеалы и при-

думывая подвиги. Въ лицѣ Петра Матвѣевича, проигрывающаго свой процессъ, онъ не воображалъ олицетвореніе наказаннаго порока, хотя и былъ доволенъ, что этому пороку не удастся порадоваться; но эта трезвость ощущеній не дѣлала его холоднѣе, напротивъ, онъ любилъ сильнѣе, потому что зналъ, что любимое имъ существуетъ; онъ не могъ отступать ни предъ какимъ трудомъ, потому что видѣлъ его ясно во всѣхъ размѣрахъ; онъ жилъ, принимая всей полнотой сердца всю полноту жизни...

Окончивъ свою работу, онъ сидѣлъ у окна, глядя на прекрасное лѣтнее небо, все подернутое мелкими золотыми облачками по яркой и чистой лазури. Вечеръ былъ чудесный; но Озеринъ такъ усталъ въ эти два дня, что могъ находить отдыхъ только въ лѣни, а не въ прогулкѣ. Мать и сестра ушли пить чай къ знакомымъ на именины. Въ домикѣ все было тихо; въ открытое окно прилеталъ стукъ колесъ по мостовой, крикъ дѣтей, скрипъ воротъ и колодезей, звонъ бубенчиковъ, топотъ лошадей, возвращавшихся на почтовые дворы, грохотъ телѣгъ, пѣсни артельщиковъ, мастеровыхъ, шедшихъ съ работы, визгливое пѣніе мѣщанокъ, которыя, просватавъ невѣсту, нарядными толпами бродили по переулкамъ; ихъ бѣлыя платья, желтые фартуки и красные платки виднѣлись издалека. Городъ оживлялся къ вечеру, сколько могъ.

Благодаря уединенному и почти неприступному мѣстоположенію домика Озериныхъ, вокругъ его мало ходили и ѣздили, и молодой человѣкъ могъ наслаждаться вечеромъ, не глотая пыли. Правда, въ природѣ любоваться можно было только небомъ и его мелкими облачками, бѣлыми, пурпурными, фіолетовыми, сизыми, золотыми, какъ растерянныя перья райской птички; кромѣ неба, изъ окна не было видно ни клочка зелени, ни струи воды; прямо внизъ отъ блестящихъ облаковъ начинались крыши, казавшіяся почти черными въ яркомъ свѣтѣ неба; ниже ихъ шли невсегда правильныя окна, еще ниже очень неправильные заборы и наконецъ изрытая земля, на которой весеннія колеи окрѣпли въ лѣтнюю засуху. Но надъ черными крышами поднимались красивые куполы и свѣтыя главы церквей, и ярче всѣхъ, какъ звѣзда, горѣлъ шпиль соборной колокольни. Озеринъ смотрѣлъ на него, когда небо начало померкать...Въ душѣ молодого человѣка было какъ-то особенно свѣтло и тихо; не было ни одной сильной, тревожащей мысли, но всѣ мысли, всѣ чувства, сливаясь вмѣстѣ, образовали одно неопредѣленное, но неизъяснимо пріятное ощущеніе. Всѣ желанія, казалось, были исполнены, но все еще чего-то желалось; все было обдумано, но мысль еще носилась въ умѣ, озаряя его своимъ присутствіемъ; чувства молчали, но чувствовалось, что они были живы. Минутами вспоминалось прошлое, представлялось настоящее, но Озеринъ вспоминалъ съ улыбкой, какъ ребенокъ, и оглядывался вокругъ себя съ мужествомъ, какъ взрослый. Налетала ли мысль о будущемъ, онъ встрѣчалъ ее надеждой, какъ ребенокъ и человѣкъ вмѣстѣ...

Одной изъ его перелетныхъ мыслей была: «неужели мой крестный отецъ призвалъ меня сюда только за тѣмъ, чтобъ я просмотрѣлъ его дѣло? Впрочемъ, это на него похоже...»

Разсмѣявшись громко, Озеринъ возвратился къ дѣйствительности. Это заставило его разслышать тихіе голоса и шаги по тротуару и наконецъ, при свѣтѣ сумерекъ, разглядѣть молодого человѣка, подъ руку съ женщиной въ простой соломенной шляпкѣ и черной мантильѣ.

У Озерина глаза были очень зорки; едва взглянувъ въ лицо прохожаго, онъ уже узналъ его и вскричалъ:

— Васильевъ!

Прохожій обернулся.

— Озеринъ! старый товарищъ! Какими судьбами?

— Войди, говорилъ Озеринъ, протягивая и пожимая ему руку въ окно.

— Нельзя, спѣшу домой; я съ женою.

Озеринъ раскланялся съ дамой.

— Какъ ты здѣсь явился?

— Пріѣхалъ къ матери. А ты?

— Я вѣдь служилъ въ Курскѣ — перевели.

— Но развѣ ты не зналъ, что у меня здѣсь мать и сестра?

— Зналъ, искалъ и не нашелъ...

— Да что-жъ мы говоримъ въ окошко, вскричалъ Озеринъ:—если вы не войдете ко мнѣ, то позвольте мнѣ пойти за вами.

— Пойдемъ.

Озеринъ схватилъ фуражку и очутился на улицѣ, мимоходомъ поручивъ охраненіе дома Анисьѣ. Пользуясь патріархальной свободой своего переулка, два друга обнялись; одинъ представилъ другому свою жену, а жена подала руку другу своего мужа. Надо прибавить, однако, что во всемъ переулкѣ и на всемъ протяженіи оврага свидѣтелями этой сцены были Анисья, стоявшая у калитки, и маленькая собачонка, бѣлая съ ры-

жими пятнами и острыми ушами, которая смотрѣла очень бойко, съ явнымъ желаніемъ залаять, на что, однако, не рѣшилась.

— Я провожу васъ до дома, сказалъ Озеринъ.

— Жаль, что близко, отвѣчалъ его пріятель.

— Но развѣ вы не зайдете къ намъ? спросила молодая женщина, обращаясь къ Озерину.

— И въ самомъ дѣлѣ! разскажи, что ты здѣсь дѣлаешь?

— Нѣтъ, какъ ты здѣсь очутился?

— Очень просто. Служилъ въ Курскѣ съ того дня, какъ вышелъ изъ университета—вѣдь я двумя выпусками старше тебя—да женился, едва меня туда опредѣлили; я два года женатъ; потомъ, нынѣшней зимой, меня перевели сюда. Чинъ мой невеликъ; я не ты, не погнался за наукой; какъ былъ, такъ и остался—учитель русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ. Вотъ и вся моя біографія. А ты?

Озеринъ разсказалъ подробно.

— Твой крестный отецъ очень занимателенъ, сказалъ Васильевъ, выслушавъ со вниманіемъ.—Это, конечно, кончится ничѣмъ... Какъ же мнѣ жаль, что я не могъ отыскать твоихъ! Вѣдь спрашивалъ, право спрашивалъ: никто не могъ сказать... Ну, не взыщи; завтра явлюсь къ нимъ, и съ женой — такъ ли, Таня?

— Непремѣнно, отвѣчала она.

— Вотъ мы у крыльца; милости просимъ, войди. Это у насъ пока временное помѣщеніе; мы живемъ въ самомъ училищѣ, да нынѣшнимъ лѣтомъ тамъ бѣлятъ, отдѣлываютъ... квартира будетъ просто роскошь... Давай огня, Танечка.

Молодая женщина вышла изъ другой комнаты со свѣчою. Озеринъ узналъ второй экземпляръ своего домика, но, конечно, его вниманіе прежде всего обратилось на хорошенькую хозяйку. Женѣ Васильева казалось не болѣе восемнадцати лѣтъ; необыкновенно большіе и необыкновенно яркіе черные глаза еще болѣе выдавали нѣжную бѣлизну ея лица, круглаго и веселаго, какъ лица дѣтей, освѣщеннаго свѣчою, которую Таня держала въ маленькой и полной рукѣ; ея свѣжія, полныя губки улыбались ласково, какъ губки ребенка; сизый отливъ блестящихъ черныхъ волосъ напоминалъ крылья ласточки... Озеринъ заглядѣлся поневолѣ.

— Ты находишь, что моя жена красавица, сказалъ Васильевъ, замѣтя его взглядъ: — любуйся, я не ревную. Знаю, что я некрасивъ, но мы другъ друга любимъ—такъ ли, Таня? Онъ взялъ ее за талію.—А Митя нашъ спитъ?

— Нѣтъ, проснулся, отвѣчала она весело:—какой миленькій!

— Принеси, покажи. Ты увидишь, продолжалъ Васильевъ, обращаясь къ Озерину: — феноменъ, не ребенокъ сынъ нашъ; ему третьяго дня минуло десять мѣсяцевъ. Удивляюсь, какъ можетъ человѣкъ такъ много понимать въ этомъ возрастѣ. Знаешь ли, этотъ вопросъ стоитъ изслѣдовать. Вотъ, смотри!

Хорошенькая женщина возвратилась опять съ ребенкомъ. Она была горда маленькимъ существомъ, которое сидѣло выпрямившись на ея рукѣ и крѣпко держалось пухлой рученкой за ея шею; другая рученка тотчасъ же потянулась къ свѣчкѣ. Отецъ видѣлъ что-то многозначительное въ этомъ движеніи и далъ его замѣтить Озерину, когда мать, совершенно счастливая, поднесла ему ребенка. Озеринъ увидѣлъ крошечную головку съ черными глазами во все лицо, смѣющееся, свѣжее, какъ лицо матери.

— Давай его сюда! сказалъ Васильевъ, усаживаясь на диванъ и сажая ребенка на столъ предъ собою.—О, Митя, о жизнь моя!.. Садись, Озеринъ. Ну, скажи, не счастье ли это: покойная жизнь, славная жена, да еще такое чудо? (онъ щекоталъ ребенка за шейку и грудь, на которой лежалъ золотой образокъ на розовой ленточкѣ). Тотъ глупецъ и неблагодарный, кто больше захочетъ — такъ ли, Таня?

— Конечно, такъ, отвѣчала она, загораживая руками столъ, чтобъ не упалъ ребенокъ:—а вотъ посмотри, какъ, дастъ Богъ, онъ еще ходить станетъ.

— Тогда, знаешь что, мы велимъ сдѣлать такую плетеную тележку... Ахъ, Озеринъ, извини, сдѣлай милость, да ты старый товарищъ, старый другъ, при тебѣ можно забываться. А я, вотъ, все такъ забываюсь. Приду изъ класса, Митя не спитъ и цѣлый часъ съ нимъ проиграешь. Только ты, пожалуйста, не думай, чтобъ въ томъ все и время проходило: нѣтъ, у насъ есть занятія...

— Какія же?

— Ко мнѣ ученики ходятъ, или читаю вотъ ей что нибудь. Чего мы съ ней не перечитали въ эти два года! и романы, и серьезное... Она у меня такъ мила: приходишь домой изъ класса — вся проза жизни убрана, моя Таня шьетъ, или вышиваетъ, — обѣдъ

готовъ, все въ порядкѣ... Что ты смѣешься? Право, въ порядкѣ. Вѣдь это предразсудокъ, Озеринъ, право, предразсудокъ, что только у стариковъ бываетъ порядокъ. У всякаго своя система порядка. По-моему, все, что прилажено по ниточкѣ, разсчитано по секундамъ — скучно; есть средина, маленькія неровности, неисправности... такъ, какъ въ природѣ. Взгляни, какой предметъ ты найдешь въ ней, чтобъ онъ былъ правиленъ, акуратенъ, какъ его сотворили бы грубыя человѣческія руки и педантскія человѣческія головы, еслибъ взялись за него? Все разнообразіе, ничего одинаковаго, ничего вылощеннаго; ни одинъ лепестокъ цвѣтка не разрисованъ, какъ другой; былинки, травы не растутъ на ровномъ, размѣренномъ разстояніи, а со всѣмъ тѣмъ... Митя, ангелъ мой! что ты? Онъ почивать хочетъ... О, мое сокровище! Возьми его, душа моя, смотри, береги!

— Я думаю, сказала Таня, смѣясь и поднимая ребенка.—Я уложу его и будемъ ужинать.

— Съ удовольствіемъ, моя милая, если ты можешь угощать гостя.

— Ахъ, Боже мой! А сейчасъ только хвалился, что у меня все въ порядкѣ?

— Такъ, мой другъ, но...

— Никакого нѣтъ но, возразила молодая женщина, остановясь въ дверяхъ (въ полусвѣтѣ она была очень хороша съ ребенкомъ, который, завернутый въ бѣлое, засыпалъ, закинувъ ей на плечо свою слабую головку):—твой другъ очень хорошо знаетъ, какого угощенія онъ можетъ ждать отъ насъ; а мы не станемъ обижать его, хлопоча для него, какъ для посторонняго. Видишь ли, какъ это просто!

— Поди, поцѣлуй меня за это. Только ты все будешь хлопотать. Женщины всегда таковы... но дѣлай, какъ знаешь, мы подождемъ.

Она ушла.

— Что же ты задумался? спросилъ Васильевъ Озерина, когда они оба молчали съ минуту.

— Ничего! смотрю на тебя.

— То есть... я понимаю тебя: человѣкъ акуратный! У тебя вертятся на языкѣ разные положительные вопросы; тебѣ бы всегда уяснять предметъ до послѣдней степени. Ты хочешь знать, какъ я живу, чѣмъ я живу?

— Конечно, да, отвѣчалъ Озеринъ: — мы не дѣти.

— Охъ, вы взрослые!.. Такъ не спрашивай же! Я свожу свои счеты прекрасно, а толковать о нихъ терпѣть не могу. Живу — живется хорошо. Говорю тебѣ, какъ другъ и честный человѣкъ, ничего не хочу больше. И ты пойми: я не за себя одного говорю, тогда бы еще ничего не значило. И Таня ничего больше не хочетъ. Дай Богъ вѣкъ такъ прожить, прибавилъ онъ съ чувствомъ.

Озеринъ пожалъ ему руку.

— Дай Богъ! сказалъ онъ.—Хорошо встрѣтиться и сказать другъ другу, что мы счастливы. Я тоже счастливъ.

— Ну, вотъ видишь, конечно, хорошо. Знаешь ли, это вопросъ неизслѣдованный— когда лучше узнается дружба: когда она сочувствуетъ нашимъ печалямъ, или нашимъ радостямъ? Я поддерживаю послѣднее мнѣніе. Всякій сочувствуетъ чужой печали... вѣдь, согласись, избитая мысль —черствость и эгоизмъ человѣческаго сердца? Избитая, и противорѣчія ей на каждомъ шагу!.. Такъ я продолжаю. Всякій сочувствуетъ печали; а если даже и эгоистъ, такъ тутъ замѣшаются нервы и эгоистъ заплачетъ—это такъ. А радость—это другое дѣло. Чтобъ ей сочувствовать, нужно забыть себя, свои собственныя горести, если онѣ есть, свои интересы, маленькія эти движенія того... знаешь, не то, чтобъ совершенно зависти, но... эти обращенія къ тому, чего намъ не достаетъ... ты меня понимаешь?

— А ты ихъ понимаешь? спросилъ, смѣясь, Озеринъ.—Ты, стало быть, ихъ испытывалъ?

— Сохрани Боже, никогда! я обезпеченъ со стороны этого порока. Я вотъ что дѣлаю. Отрѣшаюсь отъ самого себя... Иногда, когда случается, что я въ сумерки одинъ, Таня занята, а я тутъ сижу и размышляю. Я воображаю, что я — не я, Таня мнѣ не жена, Митя мнѣ не сынъ, и такъ далѣе. Я, какъ лицо постороннее, взвѣшиваю все блаженство человѣка, который все это имѣетъ, и дохожу до яснаго убѣжденія, что ему не къ чему больше стремиться, слѣдовательно, нечего желать усвоить себѣ изъ счастья другихъ... А это не шутка, такое убѣжденіе, принятое безпристрастно, трезво. И такъ, видишь ли, что я обезпеченъ: я не могу, по законному порядку вещей, завидовать... Но въ другихъ я понимаю это чувство, съ горестью признаю его существованіе—съ горестью, потому что желаю совершенства въ людяхъ и совершенства ихъ счастія!

— О, Васильевъ! ты все тотъ же, сказалъ Озеринъ.

— Что «все тотъ же»? Развѣ тѣмъ не больше мнѣ чести? развѣ необходимость ка-

кая утратить съ годами душевную теплоту? Полно, Озеринъ! ты самъ «тотъ же» — да! Попробуй, отрекись, скажи, что ты не желаешь того же, что твое сердце тѣмъ же не бьется за одно съ моимъ—не скажешь! Нѣтъ, въ комъ врождено это чувство, въ комъ его согрѣло размышленіе, развила наука, тотъ вѣчно останется «тѣмъ же»... Скажутъ:—мы незамѣтны, мы ничтожны...

— Тѣмъ лучше: внесемъ прекрасное даже въ то, что незамѣтно и ничтожно, прервалъ увлеченный Озеринъ.

Васильевъ бросился ему на шею.

— Это моя мысль, сказалъ онъ.—Теперь мнѣ хотѣлось бы только одного: не разставаться съ тобою. Но, все равно, близко или далеко, мы будемъ увѣрены другъ въ другѣ; ни одинъ изъ насъ не сдѣлаетъ того, отчего бы могъ покраснѣть другой, ни одинъ не броситъ дѣла, какъ бы мелко оно ни было, если въ этомъ дѣлѣ есть польза...

— Ни одинъ не отступитъ, если встрѣтитъ горе или трудность, досказалъ Озеринъ.

— Говорю за себя: я обезпеченъ; вокругъ меня столько блаженства — оно вознаграждаетъ... Я готовъ бы сдѣлаться поэтомъ счастья и любви, еслибъ наслажденіе наше не было выше воспѣванія. Знаешь разсказъ одинъ, Мюссе, кажется, мы его читали недавно, идея чудная: художникъ бросаетъ искусство, потому что счастье жизни для него выше счастья вдохновенія...

— Онъ не правъ, замѣтилъ Озеринъ: — искусство было его служеніе на землѣ; онъ былъ обязанъ не измѣнять...

— Да ты пойми... существо холодное, ты не понимаешь! Что еще можемъ мы воображать, когда и сердце, и взоры наши полны, когда дѣйствительность такъ ярка, что руки не въ состояніи изображать ее? Развѣ созерцаніе, сліяніе души съ предметомъ восторга не то же служеніе? Оно не оставляетъ слѣдовъ, видимыхъ памятниковъ, но оно было... Пойми это слово: было!

— Мой другъ, какая это прекрасная отговорка для лѣнивцевъ: «я чувствовалъ, значитъ — я сдѣлалъ!»

— О, положительность!.. Но уясни себѣ: я не говорю о подвигахъ, о матеріальныхъ трудахъ для человѣчества: въ нихъ дѣло; кто понялъ, прочувствовалъ, тотъ дѣлай безъ отговорки, потому что въ его рукахъ участь людей. Но искусство—это другой вопросъ. Кто можетъ безошибочно опредѣлить въ другомъ силу пониманія и силу дѣятельности?..

Таня явилась въ эту минуту съ скатертью и приборами.

— Александръ, сказала она, смѣясь, — спорь, только не разбуди Митю.

— Ну, вотъ, вскричалъ Васильевъ:—думай о воображеніи, когда является такая милая дѣйствительность! Постой, мой другъ, дай же я тебѣ помогу. Смотри, Озеринъ, вотъ еще вопросъ: пусть кто нибудь осмѣлится сказать, что вотъ эти заботы (онъ отодвинулъ столъ и раскинулъ скатерть), что эти заботы разочаровываютъ (онъ поставилъ тарелки), въ томъ нѣтъ нравственной силы и истиннаго ощущенія жизни... Гдѣ соль, Танечка? пожалуй, а то столъ будетъ кривой... Ничему не мѣшаютъ эти заботы, продолжалъ онъ, когда вышла его жена: — посмотри на нее. Выдумали сказать, что женщина, если хлопочетъ о хозяйствѣ, то ужъ и вся погрязла въ хозяйствѣ — вздоръ какой! Пожалуй, да, если она положитъ въ него всю свою душу; но кто тогда виноватъ: тотъ, кто даетъ ей положить въ него душу... Не хочешь ли, возобнови за ужиномъ нашъ споръ, послушай, что скажетъ тебѣ Таня... Впрочемъ, Боже мой! моя Таня—единственная въ мірѣ женщина!

Озеринъ принялъ тоже участіе въ приготовленіяхъ къ ужину и подвигалъ стулья.

— Видишь, я отгадалъ, сказалъ Васильевъ: — она все-таки хлопотала и вынула новое серебро... впрочемъ, правда, стараго было бы только для двухъ. Это, видишь, я недавно получилъ награжденіе, купилъ полдюжины ложекъ и велѣлъ вырѣзать ея вензель. Недурно здѣсь вырѣзываютъ, прибавилъ онъ, съ удовольствіемъ разсматривая блестящую ложку передъ свѣчою.

— Очень хорошо, сказалъ Озеринъ, взявъ другую.

— Право? тебѣ нравится?

— А главное пріятно, что это нажито своимъ трудомъ, что это, такъ сказать, заслужено, продолжалъ Озеринъ.—Не знаю, какъ для другихъ, но для меня эта мысль увеличиваетъ цѣнность вещи, вещь становится мнѣ мила...

— Именно такъ, прервалъ Васильевъ:— то же говоритъ Таня; она увѣряетъ, что ей никакія драгоцѣнности не могутъ быть дороже этихъ ложекъ... Позволь разставить нашъ хрусталь — тоже покупка на награжденіе... Какой ослѣпительный блескъ, великолѣпіе!.. Что за глупцы были стоики, которые пренебрегали благами жизни—не правда ли?

— Они не понимали поэзіи этихъ благъ, отвѣчалъ Озеринъ.

— Конечно, гдѣ имъ!.. впрочемъ, это поэзія нашего вѣка, поэзія труда... Вотъ и Таня. Садись, мой ангелъ, все готово. Озеринъ, милости просимъ.

Вслѣдъ за хозяйкой толстая прислужница внесла ужинъ.

V.

Встрѣтить давно любимаго человѣка, найти его счастливымъ и неизмѣнившимся ни для насъ, ни внутренно — большое счастье. Озеринъ возвратился домой въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Ему не спалось; сердце его волновалось такъ пріятно, что ему хотѣлось поддержать и продолжать это волненіе. Никогда нельзя лучше сочувствовать чтенію, какъ въ такомъ положеніи. Озеринъ досталъ книгу изъ своего чемодана и сталъ читать, останавливаясь для того, чтобы думать и смотрѣть въ окно; но онъ читалъ недолго, потому что вскорѣ дверь въ его половину отворилась и его спросили шопотомъ:

— Вы не спите, братецъ?

— Нѣтъ, Катя; войди. Что тебѣ угодно?

— Мнѣ ничего; тоже не спится.

— Приходи, потолкуемъ.

Озеринъ закрылъ книгу.

— Да что толковать, вы книжку читаете.

— Мы лучше книги наговоримся. Садись. Успѣемъ уснуть.

— Погодите; я свое шитье возьму: все успѣю затачки сдѣлать.

Она усѣлась у стола; братъ, сидя напротивъ, на диванѣ, положилъ на столъ свои локти, а на нихъ голову, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ молча и пристально глядѣлъ на сестру. Ея нескладный капотъ, грубый платокъ, уродливо надѣтый, непричесанные волосы, заплетенные на вискахъ въ нѣсколько крутыхъ косичекъ — все, сколько могло, портило ея довольно пріятную наружность. Озеринъ вспомнилъ, что видѣлъ сестру одѣтую, какъ слѣдуетъ, только два раза: въ день своего пріѣзда, когда она возвратилась съ гулянья, и въ этотъ день, когда она шла съ матерью на именины; въ остальные дни ея нарядъ былъ тотъ же, что теперь.

— Сдѣлай мнѣ удовольствіе, Катя, сказалъ онъ, продолжая смотрѣть на нее.

— Какое?

— Причешись завтра съ утра, какъ сегодня, когда шла въ гости, и надѣнь то темное платье, что ты вчера гладила.

— И, что вы! есть мнѣ когда!

— Сведи экономію: пять минутъ иногда вовсе между рукъ проходятъ; найди ихъ какъ нибудь и одѣнься.

— Хороша экономія, всякій день платья носить!

— Какъ же иначе?

— Да помилуйте, братецъ, кто это всякій день наряжается? Вонъ столоначальника дочери, и тѣ, просто: одинъ холодай надѣтъ, да и только. Дома-то кто ихъ видитъ? въ чемъ нибудь; а куда вышли, посмотрѣли бы вы... Эти приказничихи... иная благородная съ ними не сравняется, шелкъ да бархатъ.

— А не лучше ли поровнѣе? сказалъ Озеринъ: — дома одѣта чисто, прилично, и вышла—просто...

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините, братецъ, я такой глупости не сдѣлаю, я не хочу хуже всякаго быть. Въ люди я пошла, не хочу я вашей простоты. Мнѣ чтобъ хорошо было. А хотите, чтобъ я дома ходила нарядно, въ люди давайте мнѣ еще лучше.

Съ минуту оба они молчали.

— Хороша жена у Васильева? спросила Катя, перекусывая нитку зубами и стукнувъ наперсткомъ по столу.

— Очень.

— Какая у нея шляпка?

— Не замѣтилъ. Кажется, соломенная.

— А, такъ знаю я ихъ! Они все тутъ въ луга ходятъ всякій вечеръ. Она такая черненькая. Ужъ куда горды!

— Какъ, горды?

— Конечно, горды. Ее Прасковья Васильевна знаетъ. Что она учительша, такъ ужъ ей и презрительно съ людьми знакомиться; а куда поважнѣе-то, не хватаетъ.. сядь-себѣ.

— Развѣ она ни съ кѣмъ не знакома?

— Знакома, да изъ года въ годъ глаза покажетъ; все дома сидитъ съ своею гордостью.

— Растолкуй мнѣ, Катя, что такое гордость?

— Какъ, что такое? Онъ не большой какой чинъ имѣетъ; она экспедитора почтоваго дочь, безъ приданаго взята.

— Почему ты это знаешь?

— Какъ же не знать, они своей хозяйкѣ говорили... Что такое? живутъ не какъ люди.

— Развѣ они необходительны, неучтивы?

— Нѣтъ, учтивы, да учтивость у нихъ совсѣмъ другая. Ни они что разскажутъ, ни какое отъ нихъ удовольствіе... Не люблю!

— Я этого не понимаю, Катя, развѣ это гордость?

— А что-жъ такое?.. Да вотъ вы сами горды.

— Я?.. Какъ же это?

— Да такъ, хоть сердитесь-не сердитесь, а горды. Вы и говорите съ человѣкомъ, а у васъ будто другое на умѣ; вы и учтивы, да все какъ-то въ сторону глядите.

Озеринъ расхохотался.

— Нѣтъ, мой другъ, я все-таки не понимаю. Что-жъ должно дѣлать, чтобъ не казаться гордымъ?

— Что дѣлать? что люди дѣлаютъ. Вотъ вы зачѣмъ съ нами къ отцу дьякону не пошли?

— А, вотъ въ чемъ гордость! Что мнѣ тамъ было дѣлать? Я никого не знаю.

— То-то! Ну, узнали бы... А онъ маменькѣ сказалъ: «что вашъ сынъ меня не удостоилъ?»

— Очень жаль, если онъ это такъ принялъ. Я думалъ, что, пріѣхавъ сюда много на недѣлю, мнѣ нечего знакомиться.

— А къ Васильевымъ пошли.

— Онъ мой старый знакомый.

— Вамъ новое знакомство не за плечами носить, а были бы, почетъ бы сдѣлали... Да что толковать!

Катя принялась шить, нетерпѣливо выдергивая иголку; братъ въ молчаніи смотрѣлъ на нее.

— Катя, тутъ что нибудь да есть!... Отчего тебѣ не спится?

— Эхъ, Господи, братецъ! вскричала она, сбросивъ шитье съ колѣнъ на столъ, стукнувъ наперсткомъ и закрывшись руками:— видно, отъ васъ ничего не жди!

— Что съ тобой, Катя?

— Все гордость ваша, а еще спрашиваете! Вонъ, Прасковья Васильевна говоритъ, что «еслибъ двѣсти цѣлковыхъ приданаго да мѣсто, тотчасъ бы взялъ; да къ вашему братцу, говоритъ, не приступишься».

— Что такое? если я хоть слово понимаю. Кого взять, какое приданое?

— Кого? Конечно, меня; кого же больше? Вѣдь я не старуха какая, въ монастырь идти не сбиралась. Что я въ бѣдности мою жизнь вела, люди меня не знали, такъ мнѣ ужъ и вѣкъ сидѣть. Нѣтъ, этого не будетъ, извините. И хуже меня замужемъ бываютъ, да еще, подите, какіе салопы! Мнѣ вѣдь не пятьдесятъ лѣтъ, чтобъ мнѣ поскромнѣе одѣваться, какъ вы говорите...

— Душа моя, Катя, что ты хочешь... не понимаю, разскажи сначала.

— Вамъ только насмѣшки говорить! Конечно, люди правду говорятъ, къ вамъ не приступишься.

Озеринъ увидѣлъ, что долженъ вооружиться терпѣніемъ, если хочетъ узнать тайну своей сестры; къ тому же эта тайна заняла его, а волненіе Кати начинало его тревожить.

— Сдѣлай милость, Катя, сказалъ онъ:— говори спокойнѣе, разскажи мнѣ все. Увѣряю тебя, что я готовъ все для тебя сдѣлать. Скажи, какъ что было.

Послѣ многихъ просьбъ, она начала.

— Видите, мы пришли туда, къ отцу-дьякону. Тамъ Прасковья Васильевна, дочка ихъ, съ мужемъ, всѣ ихъ дѣти; Марья Егоровна, Николай Аѳанасьичъ, племянница ихъ, что просватана; именинникъ самъ, отца-дьякона сынъ, который на службѣ, на скрипкѣ игралъ... Еще другіе были, да я на нихъ не смотрю: каретниковы дочери, мѣщанки—еще за обиду почитаю гостямъ, что ихъ позвали; я все съ Марьи Егоровны племянницей была. Потомъ пришли внучки инспекторскія, да Степанъ Абрамычъ, и вотъ этотъ, что еще мимо насъ ходитъ въ картузѣ, вы видали... потомъ маіоръ отставной, что у Ластовыхъ на хлѣбахъ живетъ, да двѣ поповны отъ Вознесенья. Нельзя сказать, чтобъ угощеніе было хорошее, почти что ничего не было. Ужъ послѣ всѣхъ пришелъ Алексѣй Семенычъ—видите. Отца-дьякона сынъ на скрипкѣ игралъ, тутъ чай намъ подавали, а онъ со мной рядомъ садится...

— Это кто-жъ Алексѣй Семенычъ? спросилъ Озеринъ.

— Это Прасковьи Васильевны мужа братъ. Посидѣлъ онъ подлѣ меня немножко, ничего не сказалъ и пошелъ съ маіоромъ трубку курить, а Прасковья Васильевна меня выкликаетъ: «Подите, говоритъ, сюда». Я пошла. У нихъ тутъ черезъ сѣни горенка, гдѣ Евгенія Васильевна живетъ, туда. Мнѣ Прасковья Васильевна говоритъ, что, какъ бы вамъ... вы—братецъ, человѣкъ значительный, мѣсто имѣете, чинъ—что, еслибъ вамъ опредѣлить Алексѣя Семеныча чрезъ какую протекцію, тамъ, по университету чрезъ учителей, или чрезъ Петра Матвѣича, тогда бы онъ могъ въ бракъ вступить. «Если вы, говоритъ, Катерина Алексѣевна, пожелаете, то скажите братцу, что двѣсти цѣлковыхъ бы деньгами; а тамъ, что надо приданаго, мы, говоритъ, роспись пришлемъ; а онъ, говоритъ, очень радъ, потому что вы ему очень нравитесь, и намъ лучше родни желать нельзя, только бы Иванъ Алексѣичъ не сдѣлалъ препятствія, по тому случаю, что онъ человѣкъ гордый. Вы, говоритъ, такъ и маменькѣ скажите...» А мнѣ что ма-

менькѣ сказывать, что она сдѣлаетъ? расплачется, да тѣмъ и покончитъ. Я и вамъ-то говорить не хотѣла.

— Почему же, Катя?

— Да что говорить? Видите, вѣдь вы молчите.

— Поговоримъ дѣльно, душа моя. Выслушай меня. Ты знаешь, что я самъ еще безъ мѣста; оно мнѣ только обѣщано, а еслибъ оно уже и было—ты не Прасковья Васильевна, ты поймешь: важная ли особа какой нибудь столоначальникъ, чтобъ опредѣлять другихъ? Наконецъ, положимъ, я успѣлъ бы какъ нибудь помѣстить твоего жениха—прости меня, Катя—я долженъ отказать тебѣ въ приданомъ. Двѣсти рублей—это двѣ трети моего будущаго жалованья. Матушкѣ надо жить... Понимаешь ли ты, жизнь моя, что мнѣ тяжело тебѣ отказывать? ради Бога, прости меня.

Онъ хотѣлъ взять руку сестры и почувствовалъ, что ея слезы полились ему на руку.

— Милая, дорогая моя Катя!.. О Боже мой! такъ ты любишь этого Алексѣя Семеныча? скажи мнѣ. Если да, то подожди, дай мнѣ, что называется, сбиться, поправиться... Ты его любишь?

— Никого я не люблю, отвѣчала она съ нетерпѣніемъ, оттолкнувъ его руку.—Вы еще мнѣ насмѣшки говорите! Надоѣла мнѣ эта жизнь. Господи Боже мой! всѣ какъ люди, молоды, хороши, и люди на нихъ смотрятъ... я жила и вѣкъ изжила, душа человѣческая на меня не взглянула! Что я, уродъ, что ли? Вѣдь во мнѣ чувство какое нибудь да есть. Та хороша, другая хороша... и никому въ голову не придетъ, что вѣдь и я могу подумать, что и я хороша, что у меня глаза надъ сколками слѣпнутъ, что и я была бы румяна, да передъ печкой сгорѣла... Вѣдь могу я это подумать—а? какъ вы думаете? Если мнѣ ужъ ничего Богъ не далъ, такъ я ничего и не хочу. Что я отработалась днемъ да залегла спать, такъ мнѣ ужъ ничего и не снится?... Легко, вы думаете, года-то свои считать?.. Вы думаете, я мало наплакалась сегодня, какъ услыхала, онъ говоритъ: «въ жизнь свою такихъ глазъ, какъ мои, не видалъ»...

Озеринъ обнялъ и цѣловалъ ее.

— Не плачь, Катя, сказалъ онъ,—прости меня. Слушай: подожди только, подожди немного, я все сдѣлаю, чего бы мнѣ ни стоило. Скажи матушкѣ, что ты выходишь замужъ..

— Ужъ конечно, выйду, прервала она:—да хоть бы на зло кому, а выйду: не говори про меня, что я бѣдная, не хуже кого стану жить, ума-то достанетъ. А то, срамъ сказать: братъ кандидатскій чинъ получилъ, сестры наградить не можетъ! Вотъ ужъ засмѣютъ, да и подѣломъ; а я изъ-за васъ не хочу этого выносить. Не можете деньгами дать, росписку такую дайте, что «обязуюсь я моей сестрѣ обезпеченіе сдѣлать», или «долженъ я моей сестрѣ столько-то». Я Прасковьѣ Васильевнѣ, какъ будто предчувствовала, говорила, что вы теперь не можете; она меня о роспискѣ и научила. А вы завтра сходите къ нимъ, они вотъ тутъ живутъ, на валу.

— Я завтра поѣду къ Петру Матвѣичу, отвѣчалъ Озеринъ, задумавшись.

— А вы прежде это порѣшите, а если что нужно, къ нему.

— Я ничего не буду дѣлать чрезъ него, возразилъ Озеринъ.

— Ну, пожалуй, какъ хотите. Какъ благословятъ, я сама къ нему съѣзжу... Да вонъ, пѣтухи поютъ, спать пора. Какъ мы засидѣлись! Спите-ка, я сама завтра позднія обѣдни просплю.

Она собрала работу и ушла, оставивъ брата въ положеніи, которое трудно объяснить.

VI.

Утро было восхитительное; небо было такъ сине, полоски облаковъ такъ мягки и кокетливы; они золотились и румянились такъ весело, что непремѣнно надо было смотрѣть на нихъ среди большаго простора, нежели окно флигеля. Озерина разбудилъ первый колоколъ заутрени. Въ комнатѣ было душно; онъ вышелъ, осторожно запирая калитку; стукъ ея какъ-то особенно звучно раздался среди тишины. Воздухъ былъ холодноватъ и влаженъ, мелкая трава вокругъ столбиковъ тротуара свѣтилась отъ росы. Озеринъ вспомнилъ, что тутъ дорога въ луга, и пошелъ по ней.

Шелъ онъ долго, не любуясь ни утромъ, ни лучами, потому что неровное біеніе его сердца требовало только перемѣны мѣста у скорой ходьбы. Еслибъ молодой человѣко подумалъ о себѣ, онъ могъ бы сказать, что проснулся не съ тѣмъ сердцемъ, которое и него было вчера: всякое ощущеніе его было тревожно, всякая мысль, которая проходила у него въ головѣ, проходила какъ-то торопливо и мучительно. Озеринъ спѣшилъ думать.

И онъ долженъ былъ спѣшить думать, потому что долженъ былъ скорѣе рѣшиться,

скорѣе дѣйствовать; только теперь онъ вполнѣ понялъ свою обязанность и всю трудность своей обязанности. Озеринъ ломалъ голову, какъ и гдѣ достать приданое своей сестрѣ. Но почти безсонная ночь и четырехчасовая прогулка не принесли никакой пользы. Молодой человѣкъ былъ измученъ морально и физически, и все не придумалъ никакого средства. Его знакомые были люди, если не столько же бѣдные, какъ онъ, то столько же затрудненные; его покровители были слишкомъ далеки, слишкомъ важны, да Озеринъ не хотѣлъ останавливаться на этой мысли. Оставался заемъ; но кто дастъ ему въ займы? а еслибъ и нашлись такіе люди, какъ начинать свою карьеру займомъ, который онъ, Богъ знаетъ, когда будетъ въ состояніи возвратить?... И, наконецъ, кто этотъ Алексѣй Семенычъ? мальчикъ, десятью годами моложе сестры, недоученный воспитанникъ какой-то школы; онъ, говорятъ, поетъ и играетъ на гитарѣ... «Право», заключилъ Озеринъ, когда эти размышленія схватывали его за горло: «Катя могла бы еще подождать идти замужъ».

Но тутъ ему вспомнились ея слезы, и съ нѣжнымъ участіемъ онъ разбиралъ чувство, которое ихъ вызвало, чувство, которое женщины изъ эгоизма оставляютъ безъ вниманія, а мужчины избираютъ предметомъ насмѣшекъ. Онъ думалъ, что существованіе безъ молодости и любви горько, и спрашивалъ себя, въ правѣ ли онъ не дать сестрѣ того счастья, которое можетъ дать, каково бы оно ни было? Если это нужно Катѣ, чегоже еще искать, что еще выдумывать, когда она сама выбрала? Наконецъ, никогда онъ, братъ ея, не зналъ тѣхъ лишеній и нуждъ, которыя она вынесла — не обязанъ ли онъ вознаградить ее?

«Да, тысячу разъ да», отвѣчало его сердце.—Но какъ?

Тутъ начинался опять разборъ затрудненій, и Озеринъ опять терялся. Онъ могъ бы дать сестрѣ обязательство; но чѣмъ онъ его выплатитъ? когда и что это за жизнь, основанная на двухстахъ рубляхъ капитала, который выплачивается понемногу въ неопредѣленные сроки? Что за жизнь съ ребенкомъ-мужемъ, который никогда не съумѣетъ самъ устроиться и ничѣмъ себя не обезпечитъ?...

«Боже мой! а я придумывалъ...» говорилъ Озеринъ, переносясь къ счастливой жизни, къ воздушнымъ замкамъ, которые выросли въ его воображеніи...

«Нѣтъ», сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ, заставляя молчать чувство сожалѣнія къ сестрѣ и чтобъ убить его окончательно, вспоминая, что она не любитъ своего жениха: «нѣтъ, это вздоръ. Надо на что нибудь рѣшиться, и матушка, вѣрно, растолкуетъ ей, что это невозможно. Это, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно, неблагоразумно, неосновательно и, наконецъ, невозможно... невозможно!»

Поддерживая себя этой мыслью, онъ воротился домой. Мать была одна; она, какъ въ день пріѣзда сына, хлопотала о самоварѣ, но хлопоты ужъ были приведены къ концу, и прежде нежели молодой человѣкъ успѣлъ положить фуражку, самоваръ и чашки ужъ стояли на столѣ передъ диваномъ.

— Гдѣ-жъ Катя? спросилъ Озеринъ.

— А она... пошла къ Ѳеклѣ Максимовнѣ, отвѣчала старуха таинственно.

— Кто это?

— Это такъ, женщина, продаетъ кое-что. Холсты ей поручаютъ, мѣхъ, когда можно. Салопъ у ней крытый былъ, такой прекрасный. Кружева, когда...

— Торговка?

— Да, носящая.

— Развѣ Катя отдала ей свою работу?

— Нѣтъ, прежде давала. Она женщина хорошая, такъ, продаетъ по секрету, безъ разглашенія.

— Что Катѣ у нея нужно?

— Она ее попросить хотѣла, не дастъ ли на срокъ.. какъ быть сговору, а скатерти-то у насъ хорошей нѣтъ.

— Сговору? повторилъ молодой человѣкъ:—развѣ ужъ вы...

— Она мнѣ еще вчерась говорила, какъ только мы пришли, еще тебя дома не было. Я ее и научила: попроси Ванюшку, что онъ скажетъ; не говори, что я знаю. А какъ ты ужъ порѣшилъ...

— Но развѣ ты согласна, матушка?

— Голубчикъ мой, эдакое благополучіе! да мнѣ одно, что мужчина въ домѣ будетъ, все-таки лучше, и обиды нѣтъ, и коли въ трубу выкинетъ, въ ночное время отъ воровъ спокойствіе. Да все въ домѣ лучше.

— Чѣмъ же они будутъ жить, матушка?

— Какъ чѣмъ? приданое ей дадимъ, онъ на службу поступитъ...

— Писаремъ.

— Да вѣдь они, голубчикъ мой, поди-ка!.. Вонъ полковая писарша, смотри какъ ходитъ. А онъ человѣкъ прекраснѣйшій, только что трубку куритъ—одинъ порокъ. И тебѣ это, Ванюшка, разности не сдѣлаетъ, ты себѣ въ Москвѣ служи...

— Нѣтъ, этого быть не можетъ! вскричалъ Озеринъ, котораго дѣйствительность

разбудила отъ всѣхъ мечтаній и сожалѣній.—Помилуй, матушка, я дня не проживу спокойно, воображая, какъ вы тутъ будете жить...

— Вѣдь ты хотѣлъ уже уѣхать?

— Дѣло другое, я оставлялъ васъ вдвоемъ, какъ вы прежде жили; я могъ васъ обезпечить. Теперь... почему я знаю этого человѣка? Наконецъ, гдѣ взять денегъ ей на приданое?

— Ну, ужъ, Ванюшка, это тебѣ стыдно говорить! Такое ли мнѣ на старости спокойствіе...

Катя возвращалась въ эту минуту; Озеринъ услышалъ ея шаги и увидѣлъ въ окна галерейки длинныя розовыя ленты ея чепчика. Впрочемъ, когда она, войдя, сняла салопъ, на ней оказался тотъ же вчерашній капотъ: было очевидно, что во время своего визита она не снимала салопа. Она внесла узелъ и положила его на столъ.

— Глядите, маменька, заговорила она громко, какъ будто, возвратясь со двора, еще не могла согласить звука своего голоса съ резонансомъ комнаты:—вотъ, она отпустила скатерть. «Хоть что хотите, говоритъ, пять съ четвертью». Я говорю ей, чтобъ ужъ ровно. «Никакъ нельзя. А это, говоритъ, хотите возьмите палатинка, котикъ, да хорошо подкрашенъ, точно куница, поглядите! говоритъ, изъ нужды продаютъ, вовсе нипочемъ...»

— Никакъ моль подъѣла, замѣтила старуха.

— Какая тамъ моль! глядите, какъ хорошо!

Она накинула ее себѣ на плечи.

— Да ты что наряжаешься, сказала мать, не безъ удовольствія оглядывая ее, потому что темный мѣхъ и розовыя ленты въ самомъ дѣлѣ шли къ Катѣ. — Ты спроси лучше: братъ-то согласія не даетъ.

— Что? ужъ назадъ? сказала Катя. — Что-жъ вы вчера говорили?

— Послушай, Катя, сказалъ Озеринъ, подходя къ ней:—клянусь тебѣ, что мое первое желаніе, одно мое счастье—тебя устроить... я объ этомъ думалъ всю ночь. Но, повѣрь мнѣ, у меня нѣтъ рѣшительно никакого средства. Дай мнѣ срокъ: годъ, полгода; я буду служить, буду давать уроки, наберу что нибудь; но до тѣхъ поръ...

— Покорно васъ благодарю! онъ до тѣхъ поръ себѣ двадцать невѣстъ сыщетъ... не у всѣхъ вѣдь такіе братцы!

— Очень радъ! вскричалъ Озеринъ:—моя сестра избавится отъ жениха-мальчишки, который до двадцати лѣтъ не умѣлъ ни выучиться, ни устроиться.

— Это вы одни вашимъ чиномъ горды некстати!

— Какъ тебѣ угодно, Катя, но я рѣшительно не хочу, чтобъ ты была за нимъ.

— Я такъ и ждала! отвѣчала Катя, залившись слезами.

Озеринъ оглянулся на мать; она сидѣла и, накрывшись платкомъ, тоже плакала.

— Боже мой! вскричалъ онъ: — что-жъ мнѣ дѣлать?

— Мы, братецъ, люди не ученые, сказала Катя, продолжая плакать:—мы по-вашему не понимаемъ, кто что знаетъ, и какъ по вашему жить. Мы такъ привыкли...

— Мужъ дѣвушкѣ защита, сказала мать:—отъ обиды какой, отъ людскаго нареканія...

— Да въ домѣ маменькѣ одной развѣ легко справиться? человѣкъ онъ прекраснѣйшій...

— Что-жъ дѣвушкѣ хорошей за старика, что ли, идти? продолжала мать:—чтобъ онъ ея вѣкъ сокрушилъ да заѣлъ...

— Маменькѣ какое повиновеніе отъ старика-то? свою захочетъ волю взять...

— Ученый-то человѣкъ ее попрекать станетъ, что-де ничего не знаешь... я же ее только грамотѣ выучила да кружевамъ...

— Сына не видали, маменька, и внучковъ не увидите! такъ свой вѣкъ намъ, видно, съ вами доживать...

— Одинъ и былъ человѣкъ тебѣ, Катенька, по сердцу... За немилаго идти, охъ, трудно!

— Да ни за кого не пойду!

— Опять мы съ тобой однѣ останемся; вотъ, Ваню̀шка уѣдетъ...

— Да мало онъ и съ собой-то привезъ радости!..

Озеринъ былъ въ отчаяніи; еще одну минуту рѣшился онъ говорить и доказывать.

— Полноте, братецъ! прервала Катя:—вы хорошо разсуждаете, да не по-нашему, вы въ нашу душу не входите. Вамъ это все ничего, а намъ горе.

— Охъ, какое еще горе! прибавила мать.

Молодой человѣкъ окончательно былъ добитъ мыслью, что, составляя по-своему счастье для своей семьи, онъ не понимаетъ ее, не сочувствуетъ ей, виноватъ предъ нею тѣмъ, что, эгоистически устраивая ее на свой ладъ, не можетъ рѣшиться на что нибудь, въ самомъ дѣлѣ ей угодное. Онъ потерялся до того, что сталъ сомнѣваться, любитъ ли ихъ, и рѣшился на жертву.

— Катя, сказалъ онъ: — можешь ли ты дать мнѣ срокъ до вечера?

— Э, хоть на вѣки-вѣковъ, мнѣ все равно.

— Нѣтъ, ради Бога, не говори со мною такъ. Можно подождать до вечера? я поѣду къ Петру Матвѣичу...

— Ну, вотъ, и давно бы, вскричала она:— гордости-то вашей поубавить!

— Богъ тебя вразумилъ, Ванюшка, сказала старуха:—я хотѣла сказать, да не смѣла, а то я давно думала. Ему, благодѣтелю, ничего не составитъ. Еще посмотри, Катенька, холста пожалуетъ... Да онъ и такъ тебя, вѣрно, наградитъ, Ванюшка, ты ему бумаги-то писалъ.

Скрѣпя сердце, Озеринъ сталъ разспрашивать разныя подробности, чтобъ узнать, что можетъ стоить приданое. Мать и сестра оживились. Катя достала счеты, сказывала брату; онъ считалъ и записывалъ. Такъ прошелъ часъ. Къ Васильеву идти было поздно, онъ былъ въ классѣ; ѣхать въ деревню Петра Матвѣича еще рано. Озеринъ былъ радъ, что это время наполнилось какимъ нибудь занятіемъ...

VII.

Намъ велятъ судить о другихъ по себѣ; говорятъ: вредить людямъ, огорчать ихъ, отнимать у нихъ что нибудь не должно, потому что это было бы непріятно и намъ, еслибъ сдѣлалось съ нами. Это далеко не безкорыстная любовь къ ближнему. Это правило создано эгоизмомъ, и потому не удивительно, если оно сбивчиво до того, что оказывается ложнымъ, когда взглянуть на него ближе и съ другой стороны. То, что пріятно и по характеру намъ, легко можетъ быть очень непріятно и не по характеру другимъ, и, судя о другихъ по себѣ, мы можемъ навязывать имъ утѣшенія, которыхъ они вовсе не просятъ, и радости, которыхъ они вовсе не хотятъ. Въ радости можетъ быть свое неудобство. Есть, конечно, радости общія цѣлому свѣту, но и въ нихъ бываютъ оттѣнки, свойственные характеру каждаго; эти-то оттѣнки составляютъ прелесть, истинное обаяніе счастья, и чтобъ доставить его ближнему, надо судить не по себѣ...

Озеринъ, подобно многимъ, заблуждался на этотъ счетъ; конечно, въ это утро ему было не до философскаго анализа радостей; ему было очень горько. Убѣдясь, что мать и сестра будутъ довольны, если только онъ согласится на ихъ желаніе (хотя оно съ каждой минутой казалось ему неосновательнѣе), что самъ онъ будетъ покоенъ только когда уступитъ, потому что, противорѣча имъ, онъ все считалъ себя виноватымъ—онъ уступилъ. Надо было дѣйствовать. Было одно средство, онъ взялся за него.

«По крайней мѣрѣ», подумалъ онъ, «теперь никто не можетъ упрекнуть меня, что я не дѣлаю всего возможнаго: я дѣлаю выше силъ своихъ».

Онъ поѣхалъ просить Петра Матвѣича о деньгахъ.

Дорогой смѣшная, нелѣпая, унизительная сторона его положенія являлась ему еще ярче. Онъ готовился говорить, но мысль, что онъ не долженъ дѣлать того, что дѣлаетъ, отнимала у него всякую способность говорить. Ему стало еще непріятнѣе, когда онъ вспомнилъ бумаги, лежавшія въ его портфелѣ.

«Глупое положеніе!» сказалъ онъ самъ себѣ, «только этого не доставало! Ѣду просить милостыни у человѣка и везу ему доказательства, что онъ дурной человѣкъ...»

Онъ сравнивалъ съ этимъ посѣщеніемъ свое первое посѣщеніе, свое спокойствіе, свою свободу. Это только больше его мучило, такъ что, проходя чрезъ залу Покорскаго и взглянувъ въ зеркало, онъ понялъ необходимость какъ нибудь оправиться, чтобъ не показаться постороннему съ своимъ разстроеннымъ лицомъ.

Ему сказали, что Покорскій на балконѣ; онъ пошелъ туда. Старикъ кормилъ своихъ павъ, не выпуская изъ рукъ газеты, которую читалъ; онъ оставилъ, однако, то и другое занятіе и обратился къ Озерину:

— Милости просимъ, любезнѣйшій Иванъ Алексѣичъ... Что это съ вами сдѣлалось?

— Нездоровъ немного, отвѣчалъ Озеринъ:—должно быть, отъ жара.

— Да, дни стоятъ жаркіе. Что подѣлываете? Я думалъ, что вы меня навѣстите этимъ временемъ.

— Невозможно было; къ тому же мнѣ хотѣлось разобрать ваши бумаги.

— Истинно вамъ благодаренъ. Что-жъ, разобрали?

— Да, и сдѣлалъ свои замѣчанія.

— Вы меня такъ обязали...

— Помилуйте, Петръ Матвѣичъ, вы сами столько времени занимались дѣлами, что я удивляюсь, какъ вамъ было угодно мнѣ ихъ поручить.

— Занимался, конечно, да ужъ память слабѣетъ, тутъ нужно молодое соображеніе и наука... Въ нашъ вѣкъ не учились, какъ

въ вашъ: это у васъ передъ нами большое, благодѣтельное преимущество... А съ вами бумаги?

— Вотъ онѣ. Хотите взглянуть?

— Очень желалъ бы, но, пожалуйста, не стѣсняйтесь; въ другое время заѣдете, и прочтемъ.

— Почему-жъ? Я готовъ и теперь.

— Такъ сдѣлайте одолженіе... Человѣкъ!

Въ дверяхъ балкона явился высокій лакей.

— Кресло... Да воды павамъ налить, вся высохла—не смотрите!.. Ну-съ, Иванъ Алексѣичъ, хорошо ли вамъ будетъ?.. Чернильницу подать и перья изъ кабинета.

Оба усѣлись. Озеринъ прочелъ нѣсколько строкъ своихъ выписокъ; старикъ прервалъ его:

— Знаете ли? мнѣ умилительно это слышать, видѣть это... молодой человѣкъ, я его крестилъ, первые шаги, такъ сказать... и вотъ ужъ онъ на своей дорогѣ и меня замѣняетъ! Истинно, мнѣ это такъ пріятно... ну, ей-Богу, еслибъ всегда такъ, я себѣ составляю эту картину...

Онъ протянулъ руку Озерину; молодой человѣкъ очень изумился, увидя у него на глазахъ слезы, и еще болѣе, когда старикъ привлекъ его къ себѣ въ объятія. Чрезъ минуту, однако, онъ оправился.

— Ну-съ, читайте. Это я, такъ, не могъ выдержать. Читайте, я слушаю.

Озеринъ продолжалъ свое чтеніе; но умиленіе Покорскаго и вниманіе, съ которымъ онъ не только слушалъ, но слѣдилъ глазами каждую строку, отняли у Озерина мужество читать свое знаменитое заключеніе. Дойдя до него, онъ остановился и ужъ протягивалъ руку, чтобъ собрать всѣ бумаги...

— Теперь, вотъ оно, самое любопытное, сказалъ старикъ, подкладывая ему ужъ замѣченный имъ листъ: — вотъ чего я ожидалъ.

— Извините, сказалъ Озеринъ, я могу ошибаться, я знаю только теорію, но мнѣ казалось...

— Но вамъ казалось вѣрно то, что вы написали?

— Да, отвѣчалъ Озеринъ; — я не въ состояніи отказаться отъ того, что признаю за справедливое.

— Это-то мнѣ и нужно.

Озеринъ сталъ читать. Ему стало легче съ той минуты, какъ онъ громко призналъ свои убѣжденія; потомъ его увлекли доказательства, увлекли до того, что онъ забылъ кому читалъ, и еслибъ Покорскій вздумалъ возражать ему, онъ сталъ бы спорить еще жарче и рѣзче; но Покорскій не возражалъ: онъ слушалъ молча, не перемѣняя выраженія лица, не сводя глазъ съ Озерина. Когда молодой человѣкъ, у котораго разгорѣлось лицо отъ внутренняго движенія, дочелъ послѣднія строки и положилъ листъ на столъ, старикъ сказалъ только: «Ну-съ?» и заглянулъ черезъ столъ на бумагу.

— Я кончилъ, сказалъ Озеринъ.

— Кончили? Какъ? Только?

— Что-жъ больше? Я доказалъ, что это дѣло должно быть проиграно.

— Такъ! Но вы не поискали, какъ оно можетъ быть выиграно.

— Искать нечего, потому что оно...

— Этому только учитъ ваша наука? сказалъ старикъ:—немного же! только-то? Помилуйте, да это ясно и безъ вашихъ крупныхъ словъ; это понималъ и повытчикъ, который перебѣлялъ мнѣ бумаги... Нѣтъ, батюшка, вы не сильны.

Озеринъ былъ изумленъ: онъ ожидалъ, что обидятся его смѣлостью, а между тѣмъ надъ нимъ подшучивали, какъ надъ ребенкомъ.

— Я васъ не понимаю, сказалъ онъ.

— Право? Нѣтъ, не шутя? Вы не понимаете, что дѣло жизни состоитъ не въ томъ, чтобъ понимать ея трудности, а въ томъ, чтобъ умѣть преодолѣвать ихъ? Этого вамъ не сказала философія?

— Когда эти трудности неопреодолимы...

— Такъ вы еще очень, очень молоды!

— Да, я неопытенъ, возразилъ Озеринъ, задѣтый за живое.

— Нѣтъ, вы, просто, несметливы: въ этомъ не годы виноваты.

— Признаюсь, вскричалъ Озеринъ: — я не желалъ бы найти въ себѣ эту сметливость.

Желтое лицо старика вспыхнуло; онъ всталъ и началъ ходить по балкону. Озеринъ взялся за шляпу.

— Куда-жъ вы? сказалъ старикъ, послѣ минутнаго молчанія, оглянувшись на него.— Полноте! Мнѣ нужно съ вами поговорить. Садитесь.

Озеринъ сѣлъ, потому что Покорскій полудружескимъ, полуповелительнымъ жестомъ толкнулъ его въ кресло.

— Я сказалъ вамъ рѣзко, продолжалъ старикъ, остановившись передъ нимъ и выпрямляясь во всю длину своего роста: — но вы сказали мнѣ хуже: я знаю цѣну словамъ, хоть я и не вновь выпущенный кандидатъ. Не извиняйтесь и не продолжайте—доволь-

но!.. Но, вотъ вамъ совѣтъ: не увлекайтесь такъ никогда; такъ на свѣтѣ не проживете. Не изъ того, поймите, чтобъ васъ стали гнать за ваши выходки — да вы же этого и добиваетесь, вы и вамъ подобные — нѣтъ, это слишкомъ просто и избито. Не увлекайтесь для того, чтобъ сразу не отгадали, что вы горячая голова: изъ такихъ можно все на свѣтѣ сдѣлать. Благодарите Бога, что вы мнѣ первому попались. Я не люблю горячихъ головъ, продолжалъ онъ, опираясь на ручку кресла Озерина и не давая ему встать: — много дыма, да мало тепла... Не возражайте! Вы привязываетесь къ словамъ и въ дѣлахъ больше смотрите на средства, чѣмъ на цѣль... Не возражайте мнѣ! Вы не имѣете понятія о людяхъ, съ которыми я тянусь (онъ ударилъ по бумагамъ, лежавшимъ на столѣ); а еслибъ вы имѣли понятіе, вы сказали бы мнѣ: «мало! дѣлайте не только проволочки, натяжки, дѣлайте низости, но накажите ихъ чѣмъ нибудь!»

— Тутъ они ничѣмъ не виноваты, возразилъ Озеринъ, также ударивъ по бумагамъ.

— Тутъ?.. Но развѣ наказаніе за то, каковы мы, должно быть непремѣнно въ самой винѣ? Положимъ, негодяй ограбилъ на дорогѣ—ему удалось; онъ возвращается домой: домъ его сгорѣлъ—развѣ это не наказаніе? Не прямое, конечно, но неисповѣдимое, праведное!.. Люди на землѣ развѣ тоже не средства, не исполнители высшихъ цѣлей? А высшія цѣли, что онѣ такое, если не исправленіе, а не исправленіе, такъ наказаніе злыхъ?

— Парадоксы! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Истины, господинъ кандидатъ юридическаго факультета! Вы должны понимать это еще лучше другихъ. Но, повторяю, вы молоды, и потому я прощаю вамъ. А чтобъ урокъ былъ полонъ и пошелъ вамъ въ прокъ, не угодно ли узнать, что это за люди, мои противники...

— Вашъ противникъ помѣщикъ, сосѣдъ вашъ по степной деревнѣ, у котораго вы завладѣли цѣлой третью его земли...

— Знаю. Но прежде, пожалуй, потолкуемъ о дѣлѣ. Вы говорите: «я завладѣлъ». Нисколько. Я купилъ у госпожи Дубровской въ Демьяновской дачѣ «всю ея землю, безъ остатка, которую она имѣла по крѣпостямъ и актамъ»—такъ ли?

— Такъ, но...

— Чрезъ два года мой настоящій противникъ, сынъ моей двоюродной сестры...

— Онъ вамъ родня?

— Позвольте. Чрезъ два года, онъ покупаетъ, въ той же Демьяновской дачѣ, рядомъ со мною, 225 десятинъ 840 саженъ. На-лицо оказывается менѣе ста. Кто виноватъ? Развѣ я отнялъ у него эту землю? развѣ я взялъ ее даромъ у госпожи Дубровской? Почему я зналъ, что у него недостанетъ? Вотъ мои акты...

— Я ихъ видѣлъ, сказалъ молодой человѣкъ, довольно неучтиво отодвигая бумаги, которыя подавалъ ему Покорскій.

— А, видѣли!.. И вотъ, наше дѣло тянется девять лѣтъ, и вѣкъ не кончится, потому что я самъ его не кончу, и мой сосѣдъ протянетъ на него всю свою сотню десятинъ, а я владѣю его землей, такъ мнѣ издержки ничего не значатъ.

— Вы хотите разорить вашего племянника?

— Да, потому что у него ничего нѣтъ, кромѣ этого... Впрочемъ, больше ничего и не нужно: онъ умеръ.

Покорскій вытащилъ изъ-подъ бумагъ и газетъ письмо съ черной печатью.

— Съ кѣмъ же вы хотите имѣть дѣло? спросилъ Озеринъ.

— Съ его женой. О, это дѣловая женщина! смотрите какъ отписывается!

— У нихъ есть дѣти?

— Человѣкъ пять... не знаю, много что-то.

— Это ужасно! Что они вамъ сдѣлали?

— Я не имѣю злобы на дѣтей—сохрани Боже, они невинны! отвѣчалъ Покорскій съ умиленіемъ.—Родители ихъ заслужили, они за родителей терпятъ; ихъ впослѣдствіи, можетъ быть, вознаградитъ будущее.

— Но что-жъ сдѣлали родители?

Покорскій улыбнулся.

— Видите ли, у меня нѣтъ никого близкихъ родныхъ, а далекихъ была всего одна двоюродная сестра—только, въ цѣломъ мірѣ. Состоянія мой отецъ оставилъ мнѣ двѣ тысячи рублей ассигнаціями въ долгахъ, и съ этимъ я началъ жить, и вотъ нажилъ двѣсти душъ въ Демьяновой, да слишкомъ столько же здѣсь. Это все мой кровный трудъ, мое, и я могу, какъ хочу, имъ распорядиться. Племяннику очень хотѣлось наслѣдства, да онъ плохо взялся за это. Онъ былъ игрокъ и мотъ: я раза два даже платилъ его долги—были такіе глупые часы! Нашлась безумная, которая вышла за него замужъ; у ней ничего не было. Я писалъ и предупреждалъ его, что не согласенъ на эту женитьбу: ну, не послушался. Этого мало: вздумалъ подать на меня просьбу объ этой

землѣ и тягаться со мною. Мало: одинъ разъ... У насъ вѣдь съ нимъ была интересная переписка; покажу вамъ... Одинъ разъ, вздумалъ намекнуть мнѣ въ письмѣ, что я хлопочу напрасно, что эта земля рано или поздно—замѣтьте — рано или поздно, а все-таки будетъ его; только что не прибавилъ: «когда Богъ пошлетъ по душу вашу...» Ну, тогда я ему отвѣтилъ—покажу вамъ, есть черновое—чтобъ онъ не надѣялся, что я дѣла не кончу, а что наслѣдство—я на образъ поклялся, на батюшкино благословеніе—никогда ему не достанется; что я его заложу, продамъ, проиграю въ карты, самъ женюсь, или брошу, подарю кому нибудь, только ему не видать его.

Озеринъ слушалъ съ ужасомъ.

— Онъ не кончилъ тѣмъ, продолжалъ Покорскій:—я вамъ покажу переписку. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, конечно, я могу это сдѣлать, но что никакіе нравственные законы не оправдаютъ меня, если я оставлю родного и съ семьей въ нищетѣ. Я спросилъ его, по какому нравственному или гражданскому закону обязанъ я трудиться для лѣнивца, для непочтительнаго?.. Вотъ, покажу вамъ письмо... Въ этомъ духѣ мы съ нимъ годъ переписывались; сегодня получаю письмо отъ его жены—умеръ.

— Но его жена, дѣти, сказалъ Озеринъ:— вы сами начали съ бѣдности... Справедливо или нѣтъ вы сердились на него, но теперь ужъ кончено все... подумайте только...

Онъ не могъ продолжать.

— Чувствительность не добродѣтель, возразилъ старикъ, замѣтивъ его волненіе:— нервы—ничего больше. Вы хлопочете о женѣ; не угодно ли, прочтите это письмо?

Онъ положилъ письмо предъ Озеринымъ, и тотъ прочелъ:

«Надо много твердости, чтобъ въ такую минуту, какъ я пишу къ вамъ, думать о дѣлахъ и говорить о нихъ. Мужъ мой умеръ. На моихъ рукахъ семья, изъ которой старшему десять лѣтъ; на моихъ рукахъ долги, разстроенное имѣніе и процессъ, который разоритъ насъ совсѣмъ. Довольно ли я несчастна, чтобъ вы могли сжалиться и оставить въ покоѣ уже не мертваго, котораго, не знаю за что́, вы ненавидѣли, но его бѣдную семью, которую вы не имѣете причины ненавидѣть? Ради Бога, прекратите дѣло, не довершайте нашей гибели; вспомните, что это земля, которую вы отнимаете, единственный кусокъ хлѣба моихъ дѣтей. Я знаю изъ вашихъ писемъ къ мужу, что они ничего не должны ожидать отъ васъ: вы даже передаете ваше имѣніе постороннему, вы ужъ выбрали человѣка...»

— Неужели? вскричалъ Озеринъ, у котораго письмо выпало изъ рукъ.

Покорскій взялъ его.

— Конечно; что я сказалъ, то сдѣлаю.

— Кому же, ради Бога? спросилъ Озеринъ, котораго терзала эта спокойная рѣшительность.

— Вы не догадываетесь?

— Нѣтъ.

— А догадаться не мудрено. Зачѣмъ же я вызвалъ васъ? У мѣня нѣтъ родныхъ; кто-жъ мнѣ ближе, какъ не крестникъ, особенно когда этотъ крестникъ уменъ, образованъ и добръ, хоть и горячая голова? Я отдаю мое имѣніе—вамъ.

Озеринъ чувствовалъ, что у него охолодѣли руки. Старикъ пристально поглядѣлъ ему въ лицо.

— Я понимаю, что вы меня не благодарите, началъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—вы взволнованы, смущены, вы даже испуганы, но это пройдетъ. Мнѣ даже нравится, что вы не бросились мнѣ на шею; значитъ, вы не лицемѣръ и не корыстолюбивы, хоть и бѣдны; но вы не откажетесь, потому что вы не мечтатель, а я вамъ посовѣтую, какъ другъ, берите, потому что, все равно, если не вамъ, я отдамъ другому, а у васъ семья.

Озеринъ опустилъ голову.

— Мнѣ скучно одному, продолжалъ старикъ:—я привыкъ къ мысли, что вы будете со мною; съ первой минуты я ужъ смотрю на васъ, какъ на человѣка близкаго мнѣ до того, что насъ можетъ разлучить только смерть; какіе есть въ васъ достоинства или недостатки, они кажутся мнѣ неизбѣжными, и я принимаю васъ, каковы вы есть, какъ будто судьба мнѣ дала васъ, а не я самъ выбралъ. Я испыталъ васъ: вы понимаете дѣла и умѣете защищать свои идеи, хоть онѣ и нелѣпы; впрочемъ, молодежь всегда такъ начинаетъ. Мы уживемся вмѣстѣ—такъ ли?

— Не знаю! сказалъ Озеринъ.

— А я знаю. Я наблюдалъ за вами, я видѣлъ все, что возмущало васъ въ моемъ домѣ, все, что было не по васъ въ нашихъ разговорахъ. Вы не скрывались, а мнѣ это было и нужно. Вы меня поймете; пылъ и увлеченіе пройдутъ, изъ васъ будетъ человѣкъ, какого я хочу.

— Не знаю, повторилъ Озеринъ.

— Вѣдь еслибъ я не зналъ васъ хорошо и еслибъ ваше лицо не было блѣднѣе этой бумаги, можно было бы подумать, что вы

играете комедію; но я вѣрю, что вы въ самомъ дѣлѣ разстроены. вѣрьте же и вы тому, что я предсказываю. Вы не откажетесь отъ моего подарка, если не для себя, такъ для того, чтобъ ваша мать не мѣсила сама для себя хлѣба. Принявъ мой подарокъ, вы поймете, что вы мнѣ обязаны и должны поступать во всемъ такъ, какъ я захочу — такъ-ли?

— Да, сказалъ съ усиліемъ Озеринъ.

— Видите, я понимаю васъ. Теперь затвердите вотъ это изреченіе: «нѣтъ человѣка, который бы, играя какую нибудь роль, не втянулся въ нее; нѣтъ такого упрямаго кандидата юридическаго факультета, который бы къ тридцати годамъ не сказалъ, что его идеи—вздоръ...» А затѣмъ, Ваня, я начинаю находить, что ты ужъ слишкомъ долго не благодаришь меня.

Молодой человѣкъ всталъ и машинально взялъ руку, которую протянулъ ему Покорскій.

— Старики, мы становимся дѣтьми, продолжалъ тотъ: — ну, вѣришь ли? я къ тебѣ привязался... что-то такое есть въ человѣкѣ... я воображаю себѣ эту жизнь... Вотъ оно, истинное-то родство!

Онъ обнялъ Озерина.

— Что-жъ? Такъ, что ли? Скажи, успокой меня!

Объятія были крѣпкія, вѣроятно, искреннія.

— Позвольте мнѣ ѣхать домой, сказалъ Озеринъ, приподнимаясь:—я ничего не могу отвѣчать вамъ; дайте мнѣ подумать.

— Кажется, думать нечего, возразилъ Покорскій.

— Нѣтъ, много... надо передумать всю мою жизнь... я не такъ надѣялся прожить ее.

— Что-жъ, развѣ лучше?..

— Не знаю, но не такъ... словомъ, вы дѣлаете мнѣ благодѣяніе, а я не знаю, могу ли, смѣю ли принять его... Благодарю, что вы вспомнили мою семью, когда захотѣли сдѣлать... добро.

Ему было такъ тяжело выговорить послѣднія слова, что, не зная, какъ скрыть свое чувство, онъ опять подалъ руку Покорскому.

— Позвольте мнѣ отдохнуть.

— До завтра, отвѣчалъ старикъ, провожая его. Не удерживаю теперь, хотя бы и желалъ. Подумайте. Можетъ быть, захотите съ кѣмъ нибудь посовѣтоваться.

Озеринъ понялъ насмѣшку, хотѣлъ отвѣтить и удержался; онъ ужъ не чувствовалъ въ себѣ своей независимости, ужъ что-то инстинктивно заставляло его молчать и щадить этого человѣка... но что?

Онъ не помнилъ, какъ выѣхалъ изъ деревни.

VIII.

Подъѣхавъ къ заставѣ, Озеринъ отпустилъ дрожки и пошелъ пѣшкомъ. Онъ выбиралъ самые дальніе переулки, валъ, пустыри, шелъ то скоро, то останавливаясь; еслибъ кто увидѣлъ его, то счелъ бы за сумасшедшаго. У него билось сердце и кровь стучала въ вискахъ; все, что было предъ его глазами, представлялось ему въ какомъ-то страшномъ туманѣ, но за то въ душѣ ясно и сильно присутствовала одна мысль; она не прерывалась, не разсѣявалась ни на минуту; она мѣняла формы, но все была та же... это становилось похоже на бредъ. Были минуты, что молодой человѣкъ съ какой-то радостью старался убѣдить себя, что это бредъ...

Старикъ прожилъ послѣднюю теплоту чувства, данную ему природой, упрямо и фанатически признаетъ необходимость зла, считаетъ себя посланнымъ на землю для наказанія... Это могутъ быть только слова, фразы, но онъ оправдываетъ ихъ на дѣлѣ. Во всю свою жизнь, имѣя средства, богатство и положеніе въ свѣтѣ, онъ никому не сдѣлалъ добра, напротивъ, все, что его окружало, было или совсѣмъ незамѣчено, презрѣно, или несчастно. Онъ гордъ и холоденъ; а если вспоминаетъ и обращаетъ на что нибудь вниманіе—тѣмъ хуже. И все это можно доказать примѣрами. Роскошь, порядокъ его дома — на нихъ больно смотрѣть тому, кто знаетъ ихъ тайну и видѣлъ изнанку... На старости онъ вздумалъ успокоить себя и сдѣлать добро, и для того губитъ бѣдную семью и дѣлаетъ несправедливость... Но добро ли онъ сдѣлаетъ? Каково тому, кто приметъ его состояніе съ условіемъ поступать во всемъ какъ онъ захочетъ? Будетъ ли онъ самъ покоенъ, потому что неужели онъ можетъ надѣяться, что ему станутъ слѣпо повиноватся?..

Онъ можетъ на это надѣяться! Старикъ уменъ, онъ разгадалъ того, кого выбралъ: онъ выбралъ бѣдняка, слабаго сердцемъ, мечтателя, который, связавъ себя обязанностью благодарности, свяжетъ свою совѣсть...

«Но, Боже мой!» сказалъ съ ужасомъ Озеринъ, «неужели я это сдѣлаю? Я вижу ясно, какая рука даетъ мнѣ—возьму ли я? Еслибъ

еще, принявъ его подарокъ, я былъ свободенъ, еслибъ я могъ выкупить добромъ то, что нажито неправдой, осчастливить тѣхъ, кого онъ дѣлаетъ несчастными, подѣлиться съ тѣми, у кого отнимаю поневолѣ; но я долженъ отдать мою волю, я долженъ пользоваться неправымъ, продолжать несправедливости... дѣлать зло — для доказательства правды на землѣ!.. Нѣтъ, я бѣденъ, но будь я поденщикъ, нищій, я не продамъ своей души за кусокъ насущнаго хлѣба!»

Онъ сѣлъ на насыпь вала и закрылъ руками лицо. Когда прошло раздраженіе, онъ оглянулся кругомъ безсознательно на ветлы, которыя шумѣли надъ его головой, на крыши слободы, которыя темнѣли вдали, на траву у ногъ, и улыбнулся.

«Спроси теперь кто нибудь, отчего мнѣ такъ тяжело?.. Я оскорбленъ. Святость чувствъ моихъ оскорблена; мнѣ осмѣлились предложить... Но вѣдь этотъ человѣкъ не въ состояніи понять, сколько онъ меня оскорбляетъ; мои убѣжденія для него—вздоръ; онъ предложилъ мнѣ то, на что самъ бы согласился... Любопытно, что-бъ сказалъ посторонній: бѣдняку дарятъ четыреста душъ, а онъ заставляетъ себя просить и еще горюетъ! Его избавляютъ отъ труда пробивать себѣ дорогу, обезпечиваютъ его семью, даютъ средства веселиться, какъ веселятся въ его лѣта, средства нравиться и имѣть значеніе въ свѣтѣ, а онъ отказывается — изъ чего? изъ того только, что все это слѣдуетъ не ему... Но вѣдь все равно, имъ не достанется: если не мнѣ, отдадутъ кому нибудь другому... такъ почему-жъ и не мнѣ?»

«Искушеніе!» вскричалъ онъ, содрогаясь, когда эта мысль нѣсколько минутъ неотвязно кружилась въ головѣ его.

«И этотъ другой можетъ быть человѣкъ холодный и злой; онъ приметъ съ радостью имѣніе и станетъ жадно пользоваться имъ на всѣхъ условіяхъ старика, не думая ни о тѣхъ, у кого отнимаетъ, ни о тѣхъ, кого тѣснитъ... тогда какъ, понимая это положеніе, его обязанность и печальную сторону, можно было бы еще стараться бороться, сдѣлать что нибудь хорошее, хотя бы обманывая старика... А еслибъ и ничего не удалось сдѣлать, все лучше, все справедливѣе и утѣшительнѣе, что тотъ, кто поневолѣ отнялъ у другихъ, не радуется, но самъ страдаетъ...»

«Искушеніе!» повторилъ Озеринъ внѣ себя, закрывая глаза...

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! пусть кто хочетъ беретъ это богатство, я до него не дотронусь! Я не усну съ нимъ ночи, я постыжусь взглянуть на себя... Моя мать, сестра... тамъ тоже мать и дѣти—пусть грабитъ ихъ кто хочетъ, а не я. Зло бываетъ, но горе тому, чрезъ кого оно бываетъ!—Я не возьму этого огня въ руки...»

«Мать! Бѣдная, она рада, когда можетъ подать копѣйку нищему: ей ли отнимать у дѣтей?.. Бѣдная сестра, ей жаль своей молодости: она пожалѣетъ молодую женщину. Онѣ скажутъ какъ я: «пусть кто хочетъ рѣшается на это дѣло», но не рѣшатся...»

Онъ опять оглянулся вокругъ себя; ему показалось какъ-то просторнѣе и свѣтлѣе. Сердце его еще дрожало, но отчетливое понятіе опасности придало ему силы: онъ увидѣлъ, что передъ нимъ искушеніе, и сталъ твердъ; онъ сознавалъ, что его душа неспособна уступить, и сталъ покоенъ. Оставалась еще раздражительность, съ которою онъ высчитывалъ себѣ все счастье и независимость своего настоящаго положенія. Измученный, онъ забывалъ всѣ бѣды и неудачи, которыя въ другое время оцѣнилъ бы и взвѣсилъ; его бѣдная жизнь казалась ему раемъ—такъ необходимо было ему его внутреннее счастье...

Онъ пришелъ домой и на крыльцѣ вспомнилъ о приданомъ Кати. Она ждала у окна и побѣжала отпирать галерейку.

— Ну, что, братецъ? спрашивала она, провожая его въ комнату.

— Ну, что, Ва̀нюшка, что̀ Богъ далъ? сказала старуха, выходя на встрѣчу.

— Я не успѣлъ ничего сдѣлать, отвѣчалъ онъ.

Обѣ женщины остановились въ смущеніи.

— Какъ же такъ, братецъ?

— Я даже не говорилъ ему...

— Почему-жъ?

— Вотъ почему... Сядь, матушка, я разскажу.

— Да что̀ томить, говорите поскорѣе!

— Покорскій сказалъ мнѣ сегодня, зачѣмъ онъ велѣлъ мнѣ пріѣхать... У него непріятности были съ племянникомъ, его единственнымъ наслѣдникомъ... Этотъ племянникъ умеръ, осталась жена и маленькія дѣти въ жалкомъ положеніи; но Покорскій не прощаетъ и не мирится; а такъ какъ его имѣніе все благопріобрѣтенное, онъ передаетъ его мнѣ.

Катя ахнула и сплеснула руками. Старуха упала на землю предъ образомъ; когда сынъ бросился поднять ее, она долго не могла проговорить слова отъ слезъ, наконецъ повисла ему на шею.

— Голубчикъ ты мой! Голубчикъ мой! Вотъ Господь привелъ!.. Да въ правду ли?

— Какъ онъ сказалъ, братецъ? проговорила Катя.

Озеринъ подумалъ, что онѣ не разслышали всѣхъ подробностей.

— Онъ такъ золъ на эту несчастную женщину и ея дѣтей, что поклялся скорѣе все промотать, нежели оставить имъ что нибудь; а такъ какъ мотать онъ не умѣетъ, то рѣшился отдать имѣніе кому попало...

— Кому попало! это четыреста душъ кому попало?

— Кому попало, лишь бы оставить этихъ сиротъ ни съ чѣмъ, отвѣчалъ Озеринъ.

— Господи, богатство-то! вскричала старуха:—первому встрѣчному!

— Да́, и случилось, что *я* встрѣтился. Выходитъ теперь, что онъ обираетъ ихъ, а я воспользуюсь этимъ... Бѣдная племянница пишетъ ему отчаянное письмо, и этого безчувственнаго человѣка оно не трогаетъ! Представь себѣ, матушка, пять малютокъ, которыя останутся...

— Вы, братецъ, ему не говорили, чтобъ онъ далъ мнѣ двѣсти цѣлковыхъ? прервала Катя.

— Нѣтъ...

— И хорошо! на что они мнѣ теперь? Пропадай онъ, Алексѣй Семенычъ! Меня теперь и офицеръ за себя возьметъ.

— Подлинно, Господь милосердъ, радость какая! говорила старуха.

— Матушка, что ты говоришь? вскричалъ Озеринъ.

— Какъ, что? Какъ же не радость? Какъ же Господа не благодарить?

— Развѣ Богъ благословляетъ дурное дѣло? Вѣдь мы ограбимъ сиротъ! Развѣ можно...

— Какъ, и это не можно? вскричала Катя:—да вы, братецъ, съ ума сошли!

— Ва̀нюшка, опомнись!

— Избави Богъ и меня, и васъ отъ этого искушенія!

— Что ты, Ва̀нюшка, что̀ ты? Опомнись:—не тебѣ, такъ, все равно, другому...

— Пусть другой дѣлаетъ грѣхъ, я не хочу.

— Вѣдь Петръ Матвѣичъ, я думаю, получше тебя знаетъ по закону, что можно, что нельзя. Вѣдь это его нажитое; у кого ты отнимаешь?

— У женщины, у маленькихъ дѣтей!

— Да вѣдь она все-таки помѣщица, будетъ еще съ нея своего, какое ни-на-есть. Я тебѣ мать, Ва̀нюшка...

— Видно, вамъ чужіе милѣе своихъ, сказала Катя.

— Что чужую кровлю крыть, своя раскрыта. Петръ Матвѣичъ законъ знаетъ...

— Матушка, онъ лишаетъ ихъ наслѣдства изъ злости, онъ неправъ, это я тебѣ говорю! они останутся ни съ чѣмъ, бѣднѣе, чѣмъ мы теперь...

— А другой возьметъ—не все равно, они ни съ чѣмъ останутся? только ты свое счастье прогуляешь. Нѣтъ, Ва̀нюшка, бери, Петръ Матвѣичъ знаетъ...

— Петръ Матвѣичъ дурной человѣкъ, злой, несправедливый...

— Началъ свое! вскричала Катя.

— Благодѣтель-то твой злой человѣкъ? вскричала мать. — Чувствія нѣтъ въ тебѣ, Ва̀нюшка! Видно, отъ семьи далеко взросъ, любви не имѣешь, жалости къ своимъ нѣтъ, недостатковъ не понимаешь...

— Ради Бога, сказалъ внѣ себя Озеринъ: — чего вамъ недостаетъ? Матушка, вспомни, какъ ты жила прежде, какъ ты теперь живешь. Мало вамъ этихъ комнатъ, вашего обѣда?.. Ты будешь имѣть больше, я поступлю на службу... Клянусь вамъ, я сдѣлаю все возможное, я себя заложу, но вы будете сыты, одѣты...

— А сестра на приданое попросила, такъ чего накричалъ! прервала Катя.

— Неужели нельзя такъ жить? продолжалъ онъ, не обративъ на нее вниманія:—неужели непремѣнно нужны тысячи? Развѣ вы привыкли къ богатству? Съумѣешь ли ты за него взяться, матушка?

— Что ты меня учишь? вскричала мать:—не привыкла я къ богатству, а не хочу до конца вѣка маяться. Что ты мнѣ дашь? Много ли ты мнѣ давалъ? Я измучилась, вонъ, руки высохли, глаза не глядятъ, хоть умереть лежа покойно... Тебѣ все легко; видишь' здоровъ — встряхнулся да пошелъ...

Озеринъ упалъ головой на окно и зарыдалъ.

— Мое тебѣ родительское благословеніе, продолжала старуха: — бери, да насъ успокой; что тебѣ о чужихъ? И мой тебѣ приказъ: и не смѣй ослушаться; отецъ былъ бы живъ, то же бы сказалъ.

— Подите-ка, маменька, тамъ у подъѣзда стучатъ, прервала Катя.

Старуха побѣжала. Катя подошла къ брату.

— Полно вамъ комедіи изъ себя представлять, сказала она: — люди въ окошко увидятъ; коли и не по васъ, такъ для насъ сдѣлайте.

Молодой человѣкъ приподнялся; ея голосъ

показался ему ласковымъ. Онъ схватилъ обѣ ея руки и принялся цѣловать ихъ.

— Катя, вскричалъ онъ, — вступись за меня!

Она наклонилась и поцѣловала его въ голову.

— Охъ, братецъ, сказала она: — жалко мнѣ, вы плачете...

— Катя, я очень несчастливъ! Пойми, каково идти противъ совѣсти!

— Да вѣдь, не вы, такъ другой... Конечно, вамъ маменька не хорошо сказала, попрекнула васъ: да вѣдь, братецъ, жизнь-то тошна...

Она сѣла подлѣ него и сама заплакала.

— Свѣту бѣлаго себѣ не видала. Вы говорите, меня любите, говорите, за насъ бы душу отдали. Что-жъ, братецъ, вѣкъ такъ жить? Охъ, хотѣлось бы мнѣ хоть однимъ глазкомъ взглянуть, на что люди глядятъ; полетѣла бы я! вѣдь во мнѣ душа молодая... Братецъ, голубчикъ мой, сокровище мое! Я, бывало, васъ на рукахъ ношу да думаю, авось выростетъ, я еще не совсѣмъ устарѣю... Господи Боже мой!

— Боже мой, повторилъ за нею Озеринъ.

— Братецъ, конечно, мы бѣдны и родились, и жили, да вѣдь понятіе-то у всякаго есть, и желаніе... Вы одни такіе на свѣтѣ, что вамъ ничего не нужно; я такой души, какъ ваша, и вообразить не могу. Вамъ все хорошо.

— Катя, развѣ тебѣ дурно?

— Дурно, братецъ, подчасъ, просто, лучше бы умерла, такъ вотъ въ глазахъ представляется...

— Катенька, сказала мать, возвращаясь: — это женщина приходила отъ Прасковьи Васильевны; говоритъ, когда же отвѣтъ по тому дѣлу пожалуете. Я съ ней потолковала; она пошла, да видно не поняла. Я постояла у подъѣзда, вижу, сама Прасковья Васильевна идетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у подъѣзда стукнули. Озеринъ бросился въ другую комнату; онъ услышалъ, какъ вошла гостья.

— Что-жъ, матушка, сказала она, поздоровавшись: — я ничего не поняла, что вы мнѣ приказывали съ работницей. Какъ порѣшите? Алексѣй Семенычъ у меня дожидается; я вамъ и роспись принесла. Сынокъ-то вашъ еще не пріѣхалъ отъ своего крестнаго?

— Давно воротился, отвѣчала старуха. — Да вѣдь я вамъ приказывала: благодаримъ за честь, а дѣлу быть нельзя.

— Нельзя, повторила Катя.

— Что-жъ такъ? развѣ женихъ нехорошъ?

— Конечно. У жениха чина нѣтъ, возразила Катя.

— Чиновнаго-то матушка, дождетесь ли? Года ваши не такіе, да и состояніе...

— Не извольте безпокоиться, прервала старуха.

— Вы нашего состоянія не знаете, сказала Катя: — мнѣ, при моемъ состояніи, за всякаго встрѣчнаго не идти.

— Откуда это Богъ послалъ богатыя милости?

— Богатыя, не богатыя, а Петръ Матвѣичъ все свое имѣніе отказываетъ Ванюшкѣ...

Озеринъ понялъ, что все кончено.

IX.

Онъ ушелъ изъ дома. Уже стемнѣло, но молодой человѣкъ не замѣчалъ темноты; ему было бы равно тяжело и при свѣтѣ; онъ самъ не зналъ, отъ чего бѣжалъ, но желалъ оттолкнуть все, что его окружало. Онъ дошелъ опять до вала, до того мѣста, гдѣ сидѣлъ за два часа предъ тѣмъ, бросился опять на траву, уже свѣжую отъ росы, смотрѣлъ на тѣ же предметы, уже сглаженные вечерними тѣнями, смотрѣлъ на звѣзды, начинавшія мерцать въ небѣ, слушалъ окрики часовыхъ и лай собакъ, но ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ. Въ головѣ его шумѣло, но не было ни одной мысли; сердце дрожало, но въ немъ не осталось ни одного чувства.

Холодъ освѣжилъ его; онъ началъ вспоминать, что случилось. Тогда горесть разомъ охватила все существо его; искушеніе явилось ему въ видѣ раскаянія; оно представило ему сомнѣнія до того новыя, до того сильныя, что его сердце, полное состраданія и любви, не могло возразить на нихъ: искушеніе назвалось—долгомъ.

— *Я* не хочу, проговорилъ онъ: — но о н ѣ хотятъ. *Я* счастливъ, но о н ѣ страдаютъ. *Я* могу жить богатствомъ моего воображенія, но о н ѣ бѣдны дѣйствительно... И м ъ нужно больше, а *я* братъ, *я* сынъ... Но я человѣкъ! но мое убѣжденіе говоритъ мнѣ, что я поступлю несправедливо...

И мысль, вдругъ развиваясь, вдругъ переходя чрезъ тысячи образовъ и заключеній, явилась ему новымъ сомнѣніемъ. Онъ спросилъ себя: не предразсудокъ ли его убѣжденіе? Человѣкъ, существо отдѣльное, не долженъ ли думать прежде всего о себѣ? Но

если ужъ предположили, если поставили правиломъ, что онъ долженъ думать о другихъ, что ближе ему: его собственное семейство, тѣсный кругъ, гдѣ онъ родился и выросъ, гдѣ всякое лицо ему знакомо и, слѣдовательно, дорого—или та огромная семья всего человѣчества, къ которой принадлежитъ онъ по породѣ, но отъ которой часто далекъ по своему безвѣстному положенію, для которой онъ часто ничего не значитъ по ничтожности своихъ силъ, которая не можетъ быть вполнѣ мила ему, потому что незнакома? Кто ближе родня: — родные или люди? что сильнѣе должно говорить душѣ: чувство или идея? воспоминаніе ли домашнихъ радостей, и еще тѣснѣе связывающаго домашняго горя, или вѣчная память обязательства предъ всѣми тѣми, кто такъ же, какъ и мы, надѣленъ душою, высокая мысль, что Богъ ограничилъ міръ не однимъ нашимъ очагомъ?

Ночь была такъ прекрасна и звѣзды сіяли такъ чудно, что, взглянувъ на нихъ, молодой человѣкъ почувствовалъ, какъ загорѣлось его сердце. Вѣчная истина, казалось, была написана въ нихъ.

— Прежде всего, сказалъ онъ самъ себѣ съ восторженной твердостью:—прежде нежели у меня была мать и я родился, бѣдный и ничтожный, уже существовалъ этотъ міръ, сотворенный правдой и любовью. Все, что родится въ немъ—виновно, если въ дѣлахъ, въ словахъ, въ мысли не содѣйствуетъ, сколько можетъ, счастью и красотѣ міра. Тотъ, кто произвольно, изъ своекорыстія, изъ мелочной цѣли, сдѣлаетъ зло—виноватъ болѣе, нежели предъ тѣми, кому онъ сдѣлалъ зло, какъ бы мелочно даже оно ни было; онъ преступенъ предъ цѣлымъ міромъ въ томъ, что разрушаетъ гармонію его красоты... Какъ бы ни было мелко зло! виновенъ тотъ, кто осмѣлится улыбнуться при этой мысли. Сильный или слабый, всякій дѣлаетъ, что можетъ. Многіе проживаютъ всю жизнь, не сдѣлавъ того, что называютъ они великими дѣлами... Для сына бѣдной вдовы, для молодого человѣка, начинающаго жить съ одной надеждой на свою голову и руки—великое дѣло отказаться отъ богатства, какое и во снѣ ему не снилось.

Подвигъ! такъ! и онъ совершитъ его, потому что долженъ, потому именно, что слишкомъ сильно чувствуетъ то, что сейчас прочувствовалъ. Онъ совершитъ его во имя справедливости, для того, чтобъ не было въ мірѣ людей, которыхъ онъ сдѣлалъ несчастными... Но въ правѣ ли онъ насильно заставлять другихъ дѣлать этотъ подвигъ, другихъ, которые не чувствуютъ, какъ онъ?

Конечно: онъ обращаетъ и этихъ другихъ, заставляя ихъ, хотя насильно, сдѣлать то, что они должны.

Но если этимъ онъ дѣлаетъ ихъ самихъ несчастными? ему ничего не стоитъ подвигъ; но если онъ приноситъ мать и сестру въ жертву своему благородному дѣлу?

Благородно ли это дѣло? справедливо ли оно?

Дѣлая выборъ между незнакомыми, предъ которыми онъ считаетъ себя обязаннымъ только, какъ человѣкъ, почему онъ забываетъ свою семью, предъ которой обязанъ вдвое, какъ человѣкъ и семьянинъ? почему онъ такъ мало цѣнитъ ея горе? почему онъ такъ ограничилъ ея желанія? почему, видя слезы сестры и матери, терзаясь этими слезами, онъ не можетъ сказать, что эти слезы справедливы? Почему, когда онъ говоритъ себѣ, что не уступитъ, ему не жаль ихъ, и почему такъ жаль себя, когда вообразитъ, что ужъ уступилъ? Неужели это одно упрямство въ убѣжденіи,—упрямство, потому что здѣсь онъ обязанъ вдвое?..

Нѣтъ, это не упрямство, а пониманіе дурного дѣла.

Но, все равно, оно будетъ сдѣлано не имъ, такъ другими, только тогда несчастными будутъ не одна, а двѣ семьи...

— Еслибъ кто нибудь разрѣшилъ мнѣ это! сказалъ онъ, чувствуя, что разсудокъ его терялся...

Онъ сжалъ голову обѣими руками, всталъ и, оглянувшись, пошелъ, не думая куда и зачѣмъ идетъ.

Вдругъ у него мелькнула мысль, и она удвоила шаги его: онъ вспомнилъ о Васильевѣ. Не размышляя, что было поздно, что бывшій товарищъ живетъ ужъ не такъ, какъ прежде, что это посѣщеніе могло испугать его жену, Озеринъ остановился только у ихъ подъѣзда; противъ ожиданія, подъѣздъ былъ отпертъ и Озерину оставалось только постучать, войдя въ сѣни.

Ему отворилъ самъ хозяинъ.

— Озеринъ! что такъ поздно?

— Что съ вами? не случилось ли чего нибудь? спросила Таня, когда онъ вошелъ въ освѣщенную комнату.

Озеринъ сѣлъ не отвѣчая. Онъ оглядывался въ этой комнатѣ, которая казалась вся полна покоя и счастья. Въ ней было тихо; единственная маленькая свѣча освѣщала ее весело и привѣтливо; старая мебель была уютно сдвинута, старые часы стучали

какъ-то забавно. На столикѣ, рядомъ съ огромнымъ клубкомъ и огромнымъ вязаньемъ Тани, стоялъ стеклянный кувшинчикъ и въ немъ расцвѣтала одна прекрасная алая роза; подлѣ лежала раскрытая книга: видно было, что молодые люди проводили вечеръ, читая вдвоемъ.

— Озеринъ, что съ тобой? повторилъ Васильевъ.

— Несчастье, отвѣчалъ онъ:—я пришелъ тебѣ разсказать. Помоги мнѣ.

Сколько могъ спокойнѣе, онъ разсказалъ свое свиданіе, разговоръ и предложеніе Покорскаго со всѣми подробностями.

— Что-жъ это за несчастье? сказалъ Васильевъ, когда онъ кончилъ.

— Какъ, развѣ ты не понимаешь?..

— Все понимаю; очень хорошо вижу, что онъ тебѣ предлагаетъ; но тутъ не стоитъ и задумываться...

— Какъ, и ты то же говоришь, что матушка и сестра?

— А онѣ что говорятъ? По-моему, нѣтъ несчастья въ томъ, что не можетъ насъ нисколько затруднять: пусть онъ отдаетъ свое богатство кому хочетъ; я буду бѣденъ, но руки у меня останутся чисты.

— А!.. слава Богу! прервалъ Озеринъ, вздохнувъ свободнѣе.

— Сохрани Богъ отъ такого богатства! сказала молодая женщина, и ея глазки засвѣтились.

— Гдѣ-жъ несчастье? продолжалъ Васильевъ: — надѣюсь, ты думалъ такъ же? чего-жъ ты хотѣлъ отъ меня?

— Ничего... Мнѣ только было нужно, чтобъ ты сказалъ то же.

— Я тебѣ скажу больше, продолжалъ Васильевъ, садясь подлѣ него и положивъ ему руку на колѣно:—толковать о справедливости, о совѣсти — даже странно: слова тратить, фразировать... Но вотъ что выслушай. Еслибъ (отъ чего сохрани Боже! какъ сказала она), еслибъ что нибудь, какой нибудь разсчетъ... какое нибудь дурное движеніе заставило тебя взять это наслѣдство — понимаешь ли, въ какое положеніе ты себя поставилъ бы? въ положеніе нравственнаго рабства... не вообрази, что я говорю противъ обязанности, въ которую ставитъ насъ благодарность — это другое дѣло, тоже ясное, справедливое, да не о немъ рѣчь!.. я говорю собственно о тебѣ и о Покорскомъ? Онъ дурной человѣкъ. Забудь даже, что твое наслѣдство тебѣ противно, потому что брать его ты не долженъ; подумай, каково зависѣть отъ дурного человѣка?

— Я думалъ объ этомъ, сказалъ Озеринъ.

— Думалъ?.. Мы не испытали, но можемъ вообразить, каково потворствовать низостямъ, каково исполнять дѣла, отъ которыхъ возмущается душа? каково говорить себѣ: «я былъ свободенъ и самъ себѣ выбралъ положеніе, которое не вынесу, или растрачу все добро, какое есть во мнѣ, войду въ свою роль...»

— Такъ, такъ! прервалъ Озеринъ:—то же говорилъ Покорскій.

— А знаешь ли, какъ это называется?

— Продать душу.

— Точно такъ. О чемъ же ты задумался?

— О томъ, что наслѣдство предложено мнѣ на этомъ условіи.

— Что-жъ тебѣ изъ этого? ты не берешь.

— О, еслибъ я былъ одинъ! вскричалъ Озеринъ.

Васильевъ взглянулъ на жену; она со страхомъ смотрѣла на Озерина; нѣсколько минутъ всѣ молчали. Озеринъ всталъ и ходилъ по комнатѣ.

— Еслибъ твоя жена сказала тебѣ, продолжалъ онъ, остановясь предъ Васильевымъ: — что не ты, такъ другой сдѣлаетъ то же зло, только оно будетъ сдѣлано даромъ, а что она молода, бѣдна и скучаетъ...

— Что вы говорите? вскричала Таня.

— Я сказалъ бы ей, что она съума сошла, отвѣчалъ хладнокровно Васильевъ.

— Такъ ты ея не любишь?

— Дай Богъ тебѣ такъ любить кого нибудь.

— Нѣтъ, не любишь, потому что не понимаешь ея страданія.

— Какого?

— Мечтаній, желаній, скуки, одиночества, труда... Боже мой! этимъ страданіямъ нѣтъ счета...

— Но кто вамъ сказалъ, что это страданія? прервала молодая женщина.

— Положимъ, есть такія страдалицы, сказалъ Васильевъ, нѣжно взявъ ея руку:—но развѣ онѣ правы?

— Тебѣ ли говорить, что онѣ виноваты?

— Виноваты, тысячу разъ, если жалуются. Страдаетъ въ самомъ дѣлѣ тотъ, у кого нѣтъ крова и хлѣба, или тотъ, кто изъ довольства перешелъ въ бѣдность, отъ непривычки; но кто родился въ бѣдности, тотъ сжился съ нею; тогда она ужъ не бѣдность — она положеніе. Далеко не бѣдность не имѣть ложи въ театрѣ, экипажа, дорогого обѣда, шелковаго платья (какъ у тебя, моя Танечка), далеко не бѣдность работать и трудиться для себя, когда трудъ успѣшенъ...

— Легко ли это?

— Это неизбѣжно!

— О, говори только за себя! за другихъ такъ говорить жестоко.

— Почему-жъ? спросила Таня. — Знаете ли, такая любовь обидна. Если вы весь трудъ берете на себя, значитъ, вы считаете другихъ или слабыми, или дѣтьми.

— Вотъ тебѣ возраженіе, Озеринъ; что скажешь?

— То, что есть люди... Семья можетъ такъ думать, а я не долженъ... я въ отчаяніи...

— Послушай, сказалъ Васильевъ послѣ минутнаго молчанія, заставляя Озерина сѣсть подлѣ себя:—отвѣчай мнѣ: какъ ты можешь устроить твою семью? такъ, какъ я живу— можно?

— Конечно, даже лучше.

— Онѣ неправы. Я знаю, какъ онѣ прежде жили — разница огромная. И вчера ты самъ говорилъ мнѣ, что теперь онѣ всѣмъ довольны...

— Боже мой! вскричалъ Озеринъ: — какой небѣленый флигель не покажется дворцомъ послѣ житья подъ горой, у Сорока-мучениковъ!

— Скажи мнѣ, гдѣ конецъ человѣческимъ желаніямъ? Неужели всѣмъ быть богатыми?

— Не могу же я не желать за нихъ, возразилъ Озеринъ: — не могу потому, что вижу, что онѣ желаютъ! Пойми, моя сестра не веселилась и не любила, моя мать слаба и больна; я долженъ...

— Успокоить ихъ, только, но не отдавать своей совѣсти. Если онѣ требуютъ, онѣ требуютъ неблагоразумно. Еслибъ еще умъ ихъ желалъ бо̀льшаго; но здѣсь идетъ дѣло объ одномъ матеріальномъ богатствѣ... Вотъ мы съ ней, взгляни, она у меня хороша, какъ ангелъ; развѣ ей не хотѣлось бы нарядиться? развѣ я не хотѣлъ бы любоваться на нее?.. Не знаю, чего бы не отдалъ, но души не отдамъ, и она не потребуетъ.

— Но еслибъ твоя мать и сестра тебѣ сказали, повторяли, что онѣ несчастны, еслибъ умоляли, плака̀ли предъ тобой?

— Знаешь ли что, отвѣчалъ Васильевъ, подумавъ съ минуту: — мнѣ бы тогда стало вовсе ихъ не жаль.

Озеринъ вскочилъ и хотѣлъ уйти.

— Постойте, сказала Таня, удержавъ его: — простите, вы огорчены, а онъ вамъ сказалъ рѣзко. Александръ, ты виноватъ... Но я скажу вамъ... можете ли вы мнѣ повѣрить, какъ женщинѣ? кажется, я лучше васъ могу разсудить это дѣло...

— Говорите, отвѣчалъ Озеринъ, остановясь въ дверяхъ.

— Вы слишкомъ добры; вы всю вину и все горе берете на себя. Повѣрьте-жъ, еслибъ я послѣ бѣдности стала жить, какъ теперь живу, я сочла бы за великій грѣхъ мучить милаго мнѣ человѣка и выпрашивать у него нарядовъ и разныхъ прихотей: я знаю, какого труда они стоятъ. И этотъ человѣкъ былъ бы въ полномъ правѣ мнѣ отказать, не жалѣя обо мнѣ нисколько.

— А если еще для прихотей надо было бы не только трудиться, но сдѣлать дурное дѣло... началъ Васильевъ.

Таня прервала его.

— Не сомнѣвайтесь, не мучьтесь, вы правы, продолжала она, обращаясь къ Озерину.—Вамъ слишкомъ тяжело принять такое наслѣдство, и вы должны отъ него отказаться—я это очень хорошо понимаю... я все понимаю. Но вы такъ добры, вы вѣчно будете думать, что не все сдѣлали для вашей семьи. Вотъ вамъ совѣтъ: трудитесь вдвое, чтобъ оправдать предъ собой свой благородный поступокъ. Богъ милостивъ. Онъ вамъ поможетъ.

— Я всегда говорилъ, что ты ангелъ, сказалъ Васильевъ, цѣлуя ее за каждымъ словомъ.

— Перестань, возразила она кротко: — я говорю серьезно. Это испытаніе; отъ него зависитъ вся жизнь. Вамъ особенно тяжело потому, что вы еще не совсѣмъ устроились, продолжала она, опять обратясь къ Озерину: — но не всегда же будетъ тяжело. Не думайте, чтобъ ваша матушка и сестра васъ не любили и не понимали. Но это великое испытаніе; кто видѣлъ горе, тому трудно сейчасъ рѣшиться. Вы сами... спросите себя, не правда ли, богатство соблазнительно?.. простите же имъ, если онѣ огорчаютъ васъ. Это пройдетъ. Онѣ сами скажутъ вамъ, что вы были правы и еще больше васъ полюбятъ; за нынѣшнее горе вы будете еще счастливѣе...

— Еслибъ Богъ васъ услышалъ! сказалъ Озеринъ.

— Это непремѣнно такъ будетъ, продолжала она: — и потому не теряйте времени, рѣшайтесь скорѣе. Поѣзжайте въ Москву. Не безпокойтесь о вашихъ; мы будемъ вамъ писать подробно, и все, что только будетъ отъ насъ зависѣть... вамъ будетъ трудно сначала...

Она немного смутилась.

— Благодарю васъ, сказалъ Озеринъ, взявъ ея руки: — благодарю, и ни отъ чего

не отказываюсь. Помогите моимъ, пока я еще самъ не въ состоянiи, чтобъ я могъ не обвинять себя...

— Чтобъ ты могъ избавиться отъ твоего Петра Матвѣича, сказалъ Васильевъ, взявъ его за плечи.—Полно, душа моя, не горюй, не тревожься: что есть у насъ, мы съ радостью раздѣлимъ съ твоими — объ этомъ и говорить нечего. Подумай, какую блаженную жизнь ты чуть не промѣнялъ... не знаю на что. У тебя способности, теплое сердце: они на свѣтѣ даромъ не пропадаютъ. Мы будемъ жить здѣсь тихо, мирно — мы, то есть, твоя мать, сестра, мы двое... Право, и въ бѣдности есть радости. Вспомни, какъ мы живали, когда были студентами, а теперь у обоихъ насъ есть семья, есть обязанности, которыя освѣщаютъ жизнь, дѣлаютъ полнѣе ея значенiе. Посмотри, неужели не хорошъ, не милъ такой уголокъ?

Онъ показалъ на свою комнату, на жену.

— Прошу тебя, во имя нашей дружбы, во имя всего прекраснаго, что мы съ тобой поклялись любить—забудь даже, что тебѣ на мысль приходило это искушенiе.

Они обнялись.

— Право, ты меня измучилъ, началъ опять Васильевъ: — я не могу видѣть тебя въ такомъ отчаянiи. Будь рѣшительнѣе. Скажи себѣ: чего нельзя, того нельзя. Ты преувеличиваешь свою обязанность предъ семьею; ты заблуждаешься потому, что ты добръ... Бѣда съ такимъ сердцемъ! Подумай, что будетъ съ тобой въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни? Другъ мой, и добротѣ, и любви должна быть мѣра; онѣ такъ же, какъ и зло, а иногда и еще хуже, вводятъ насъ въ сомнѣнiе. Пойми, что назначенiе человѣка гораздо выше...

— Полно философствовать! сказала Таня, улыбаясь и отводя его отъ Озерина: — дай ему отдохнуть. Дѣло рѣшено — такъ ли?

— Рѣшено, отвѣчалъ Озеринъ.

— Такъ давайте составлять планы, какъ мы будемъ жить-поживать и какъ вы прiѣдете изъ Москвы къ намъ на святки.

X.

Что первое приходитъ на память, когда мы просыпаемся по-утру? Вчерашнiй день, если онъ былъ чѣмъ нибудь замѣчателенъ.

Можно вспоминать и радоваться, пересчитывать каждый часъ, пересказывать себѣ каждое происшествiе, повторять себѣ каждое слово этого вчерашняго дня. Сердце сочувствуетъ не уставая и молодѣетъ; въ немъ являются незнакомыя ему силы.

Но если ночь прошла въ мучительной мысли и сонъ былъ только слѣдствiемъ нравственнаго и физическаго утомленiя, или прибѣжище отъ неотвязной тоски, если — еще хуже — надо было рѣшиться въ эту ночь?..

Счастливцы съ сильной душой и твердой волей выносятъ изъ такихъ ночей опредѣленное понятiе своей обязанности; они рѣшаютъ свою участь, перемѣняютъ свое положенiе, переступаютъ трудный шагъ въ жизни—и утро находитъ ихъ спокойными и готовыми на дѣло. Это счастливцы, но за то они и рѣдки. Большая часть просыпается отъ такихъ ночей, какъ отъ ночей горячки: разбитые, усталые; и та тѣнь рѣшенiя, которую, казалось имъ, они приняли въ ночь, улетаетъ при первомъ мерцанiи утра.

Утро такъ ярко свѣтитъ на горе, горе является такъ ясно! То, отъ чего мы отрѣшились ночью, кажется такъ мило; все, что мы предположили, является намъ бредомъ, неисполнимымъ, невозможнымъ. Намъ кажется, что многое мы забыли ночью; что въ нашемъ разгоряченномъ воображенiи мы приписали себѣ характеръ, котораго не имѣемъ, пересоздали характеръ другихъ... Дѣйствительность является намъ грозная, вооруженная, и счастливъ тотъ, у кого есть возможность и промежутокъ времени, чтобъ не тотчасъ бороться, а отдохнуть въ бездѣйствiи.

Бездѣйствiе и молчанiе — прибѣжище душъ слабыхъ, и онѣ ими пользуются. Обвинять ихъ не должно: онѣ сотворены слабыми, но оправдать ихъ нельзя: теряя время, онѣ добровольно теряютъ послѣднюю рѣшительность и даютъ бѣдѣ время развиваться, чтобъ сильнѣе гнать ихъ. Онѣ кончаютъ тѣмъ, что уступаютъ; уступаютъ мучась, противъ воли, противъ убѣжденiя; иногда изъ того, что воля другихъ избавляетъ ихъ отъ затрудненiя на что нибудь рѣшиться, часто отъ страннаго сомнѣнiя, въ справедливости своихъ убѣжденiй, сомнѣнiя, которое заставляетъ ихъ бросаться въ противоположную сторону, ожидая, не будетъ ли лучше тамъ.

Озеринъ испугался утра, когда, уходя отъ Васильева, завидѣлъ на небѣ блѣдныя полосы; онъ пряталъ отъ свѣта лицо въ подушку, заставлялъ себя заснуть, и когда, наконецъ, солнце засвѣтило въ щели ставень, онъ проснулся совсѣмъ разбитый. Вчерашнiй день представлялся ему сномъ, и ко-

гда онъ его провѣрилъ и убѣдился, что это, къ несчастью, дѣйствительность, въ душѣ его не осталось никакой энергіи. Не было больше ни малѣйшаго сомнѣнія: всѣ сомнѣнія были разрѣшены, оставалось дѣйствовать. Молодой человѣкъ зналъ, что долженъ дѣлать, и не зналъ, что дѣлать. Чувствуя, что правъ, онъ клонилъ голову, какъ виноватый; рѣшившись твердо, онъ какъ будто боялся самъ за себя, что измѣнитъ себѣ. Ему предстояла борьба; онъ зналъ это и былъ готовъ, но не имѣлъ силы. Ему было необходимо отдохнуть и быть одному; онъ рѣшился молчать и ничего не дѣлать.

Исполнить это было не такъ легко. Мать и сестра сторожили его пробужденіе; правда, онѣ не тотчасъ заговорили о вчерашнемъ, но за чаемъ Катя спросила брата, въ которомъ часу онъ велѣлъ пріѣхать дрожкамъ, чтобъ ѣхать въ деревню. Онъ отвѣчалъ, что нездоровъ и не поѣдетъ. Она хлопнула дверью, уходя изъ комнаты. Мать замѣтила, глядя въ окно, что поневолѣ заболитъ голова, если сидѣть до бѣла свѣта, и еще добро бы съ человѣкомъ, а то со всякимъ учителемъ... Озеринъ не возражалъ; онъ понималъ невыгоду тратить на вспышки нравственную силу, которая была ему необходима въ большомъ размѣрѣ. Катя нарядилась, употребивъ на это довольно времени, и сѣла у окна, безъ работы, хоть день былъ не праздничный. Старуха, также просидѣвъ съ часъ у окна, оглянулась на нее и сказала весело:

— Видишь, какъ волоски расчесала. Что-жъ ни за какое дѣло не принимаешься?

— Будетъ, надоѣло, отвѣчала Катя. — Авось мнѣ имъ не жить, дѣломъ-то.

— И въ правду, отдохни. У меня самой нынче руки не владѣютъ.

Онѣ просидѣли такъ все утро. Озеринъ ушелъ въ другую комнату, легъ и взялъ книгу. Мать и дочь кланялись съ знакомыми и разсматривали прохожихъ. Но въ глухомъ переулкѣ, въ будни, прохожихъ было немного. Замѣчательнаго оказалось одно лиловое пальто, которое нѣсколько разъ прошло по той сторонѣ оврага.

— Тоска взяла, сказала Катя, отходя отъ окна: — пустырь такой, ни одной кареты не видишь.

— Осенью-то темень какая будетъ, сказала старуха: — фонаря ни одного. На той недѣлѣ вовсе не великъ дождикъ былъ, а грязь какая!.. Марья Егоровна, гляжу, идетъ себѣ, подобравшись...

— Да вамъ-то что-жъ? вамъ ужъ тутъ осенью не ходить.

— И вправду!

Обѣ разсмѣялись.

— То-то онѣ, Катенька, удивятся! Марья Егоровна, Анна Степановна...

— Кто ихъ удивлять-то станетъ? Съѣдемъ отсюда, да и все тутъ, а тамъ онѣ насъ и въ глаза не увидятъ.

— Какъ-же знакомство оставить?

— Вотъ еще, знакомство! Не такое найдемъ. Я въ собраніе поѣду.

— Охъ, Катенька!

— Что-жъ я, дурна что ли? Кадриль-то выучиться не мудрость какая. Смотрите, какъ наряжусь, съ цвѣточками. Тогда, помните, у столоначальника былъ балъ, до ранней обѣдни танцовали, а я подъ окошко ходила, смотрѣла. Охъ, сердце замирало — какъ хорошо!

— Грѣха не оберешься, сказала старуха, глядя въ окно.

— Никакъ и вы за нимъ туда же?

Катя кивнула головой на дверь комнаты, гдѣ былъ братъ.

— И, нѣтъ, я не къ тому говорю, возразила старуха: — Петръ Матвѣичъ знаетъ, что дѣлаетъ. На балу грѣхъ.

— Да вѣдь всѣ бываютъ; а я думаю, всѣ знаютъ, что дѣлаютъ. У васъ однихъ грѣхъ.

Мать не возражала, но, подумавъ съ минуту, сказала опять:

— Знакомство-то мудрено найти.

— Вотъ еще! что мы съ вами, глупы, что ли? Всѣ такія-жъ бываютъ, поглядите-ка только важны.

— Мы сами будемъ помѣщицы, сказала мать, улыбаясь.

— Будемъ ли? спросила Катя, покачавъ головой.

— Да вотъ, что съ нимъ станешь дѣлать? молчитъ, и только.

— Вы-бъ его спросили, что молчать-то? Какъ бы ужъ рѣшить, такъ бы и знали.

— Что? знать сказала старуха: — будетъ по-нашему.

— А по-нашему, такъ и мѣшкать нечего. Съѣздилъ къ Петру Матвѣичу, сказалъ: «пожалуйте, покорно благодарю» — и дѣло съ концомъ.

— Ва̀нюшка! а Ва̀нюшка! сказала мать, отворяя къ нему двери...

Озеринъ выдержалъ еще сцену. Эта сцена не подвинула его ни на шагъ: какъ ни твердо было его рѣшеніе, у него недостало силъ исполнить его тотчасъ, то есть уѣхать въ Москву въ тотъ же день.

На другой день онъ раскаялся въ своей нерѣшительности, потому что ужъ не могъ

ѣхать: онъ занемогъ, не на столько, чтобъ слечь въ постель, но довольно, чтобъ не выходить изъ комнаты. Вчерашняя сцена повторилась, только она была продолжительнѣе; онъ еще устоялъ, но, устоявъ, упрекнулъ себя въ жестокости. Не сомнѣваясь въ томъ, что правъ, онъ возненавидѣлъ свою правоту, которая заставляла его мучить другихъ; ему стала несносна его роль, потому что онъ былъ вынужденъ высказывать горькія истины. Слова Васильева и его жены слишкомъ сильно приходили ему на память... они заставляли его оглянуться. Вмѣсто несчастныхъ, онъ увидѣлъ неблагодарныхъ, вмѣсто милыхъ — людей, которые не хотѣли понять его... Ему стало горько, тяжело; онъ раскрылъ глаза на то, чего не замѣчалъ прежде—на нравственное разстояніе между собою и семьею. Прежде, любя, онъ не замѣчалъ необразованности; скучая или радуясь за нихъ, не видѣлъ мелочности, съ которой онѣ цѣнили довольство; въ этой мелочности онъ видѣлъ только обыкновенную хлопотливость бѣдности; онъ прощалъ ее, даже болѣе: онъ готовъ былъ плакать надъ нею... Теперь было далеко не то. Онъ хотѣлъ бы, еслибъ могъ, плакать надъ собой, потому что не узнавалъ своего сердца. Отталкивая эту мысль, возвращаясь къ мысли, что сотворенный иначе, онъ не понимаетъ сколько огорчаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ огорчать, онъ спрашивалъ себя, какъ и чѣмъ можетъ вознаградить ихъ? Еще вчера это казалось ему возможно... Теперь онъ видѣлъ, что имъ нужны всѣ четыреста душъ, ни больше, ни меньше. Его отказъ сдѣлаетъ вѣчный разрывъ между ними, но онъ не могъ не отказать, не могъ, потому что ужасался, воображая себя ходатаемъ по дѣламъ, прикащикомъ Петра Матвѣича... Потомъ, совсѣмъ теряясь, онъ спрашивалъ себя: не самоотверженіе ли, слѣдовательно, не добродѣтель ли будетъ сдѣлать это дурное дѣло? Наконецъ, какъ бы ни рѣшился онъ, жизнь его уже отравлена.

И за силой горя приходило уныніе, эта усталость послѣ труда, слабость послѣ бреда. То были минуты самыя печальныя; все становилось ему въ тягость, даже онъ самъ, даже его совѣсть, даже любовь къ добру; лишь бы избавиться, онъ бы все отдалъ... Борьба ему надоѣла.

Нѣтъ чувства опаснѣе скуки: съ нею человѣкъ становится безсиленъ. Привившись къ дѣлу, въ которомъ участвуетъ душа, она до такой степени низводитъ его въ рядъ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ, что оно становится пошло, изъ тревожащаго превращается въ хлопотливое; увлеченіе разбивается о прозаическія подробности, незамѣчаемыя прежде; какой-то ложный стыдъ, разглядѣвъ ихъ вблизи, говоритъ, что ими заниматься не стоитъ; все взятое вмѣстѣ губитъ дѣло; оно гибнетъ отъ истощенія силъ того, кто за него взялся... Скука—предатель: если защитникъ дѣла скучаетъ, противная сторона можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ, особенно когда догадается усилить нападеніе, усиливъ скуку.

Озеринъ скучалъ. Рядомъ съ тревожной и печальной стороной его положенія начинала выказываться сторона мелочная; возвышенная мысль его дѣла исчезала въ домашнихъ дрязгахъ. Сколько онъ ни твердилъ себѣ, что несчастіе равно для всѣхъ, что оно размѣрено по размѣру людей, величавое для великихъ, скромное для мелкихъ, но чувствуется, мучитъ равно, что можно и должно судить все, смотря съ высшей точки,— ему начинало становиться странно его воззрѣніе; ему начинали казаться некстати сближенія общечеловѣческихъ вопросовъ съ простымъ вопросомъ о житьѣ-бытьѣ. То, чего бы не сдѣлало настойчивое, доказательное, но просвѣщенное опроверженіе, то сдѣлали толки безъ мысли, безъ чувства, безъ здраваго смысла, но толки безконечные и скучные... Его возмутили сомнѣнія, но онъ могъ и умѣлъ побѣдить ихъ; онъ горевалъ, но понялъ, что эта горесть могла быть неблагодарностью... но явилась скука, но показалась такая перспектива жизни, что онъ закрылъ глаза: онъ былъ безсиленъ.

— Вопросъ неизслѣдованный, сказалъ Васильевъ, когда на третій день пришелъ навѣстить своего друга и тотъ, оставшись наединѣ, высказалъ свои мученія «Ecce spectaculum Deo dignum...» и прочее. Зрѣлище, достойное боговъ: мужъ сильный въ борьбѣ съ злою «судьбою». Хорошо сказано, да громогласно. Въ нашъ вѣкъ судьба является въ такомъ мелкомъ видѣ, что древніе великолѣпные боги и смотрѣть бы не захотѣли на борьбу съ нею... А все-таки борьба, и еще труднѣе; кромѣ этой злой судьбы, приходится еще бороться съ самимъ собою, потому что такъ и хочется всякую минуту уступить крошечному врагу, лишь бы отвязался; надоѣлъ до смерти... Значитъ, побѣда еще выше, похвалиться нечѣмъ, порисоваться негдѣ, и все довольство въ одномъ самомъ себѣ.

— Когда-жъ довольство-то? спрашивалъ Озеринъ,—сегодня тебя сбили съ толку, зав-

тра измучили, и всю жизнь такъ. Когда же радоваться?

— Да всю жизнь и радоваться. Тебя сбили, но ты всталъ, радуйся; завтра тоже—радуйся опять... Неужели ты воображаешь, что я мечтатель, утопистъ и думаю, что борьба жизни кончается когда нибудь въ теченіе жизни?—Помилуй!.. Одно только: если упадешь и встанешь, не поднимай на себѣ сору съ земли, то есть, безъ метафоръ, не дѣлайся внутренно хуже—это одно условіе.

— Условіе!.. повторилъ Озеринъ:—легко сказать: «не дѣлайся хуже!»

— Правда, несовсѣмъ легкое правило, отвѣчалъ Васильевъ, затрудненный и вспоминая, что его Таня «единственная въ мірѣ женщина».

Они поняли другъ друга; Васильевъ не сталъ больше защищать своей философіи, и Озеринъ не сказалъ ему, что чужую бѣду разсудить всегда легко. Это не отдалило ихъ, но одинъ отъ печали, другой по тонкому чувству деликатности не стали говорить прямо о томъ, что заботило Озерина; а разсуждать объ отвлеченностяхъ или толковать о вещахъ постороннихъ было и странно, и невозможно для обоихъ. Два друга въ первый разъ въ жизни почти промолчали, оставаясь цѣлый часъ вдвоемъ. Прощаясь, Васильевъ сказалъ:

— Ради Бога, уѣзжай завтра въ Москву. Зайди только проститься; я буду тебя ждать и въ классъ не пойду. Что бы тутъ ни было, только уѣзжай. Ты пропадешь съ твоимъ Покорскимъ ни за что.

— Знаю, что пропаду, отвѣчалъ Озеринъ.

— Уѣдешь ли ты завтра?

— Не знаю... что толковать! тоска!

Васильевъ махнулъ рукой и ушелъ.

Озеринъ не уѣхалъ. На вопросы, которые у матери и Кати, казалось, уже вошли въ привычку, на просьбы, къ которымъ онъ самъ почти привыкъ, онъ отвѣчалъ рѣшительно: «нѣтъ», но слегъ на весь день послѣ этой рѣшительности.

На слѣдующее утро (это былъ пятый день испытанія) вопросовъ и просьбъ больше не было, но Озерина удивила необыкновенная тишина, которая царствовала въ домѣ. Мать и сестра ходили какой-то утомленной походкой, чѣмъ-свѣтъ принялись за работу и не поднимали отъ нея глазъ, говорили между собой мало, самое необходимое, и то какъ-то покорно и смиренно, тихимъ и дрожащимъ голосомъ; ихъ движенія были размѣрены и осторожны. Загадка всего этого не замедлила объясниться.

Катя передъ вечеромъ принесла свой розовый чепчикъ и принялась оправлять его; потомъ помѣрила, поглядѣлась въ маленькое зеркальцо и сняла съ рѣзкимъ и печальнымъ движеніемъ.

— Что ужъ глядѣться-то! сказала мать.

— Я пойду, отнесу его къ Ѳеклѣ Максимовнѣ, сказала Катя: она говоритъ—три четвертака дадутъ.

— Отнеси, а то слякотъ придетъ, безъ башмаковъ находишься.

Катя начала медленно завертывать чепчикъ въ бумагу, оглядывая каждый бантикъ.

— Посмотри у нея, продолжала старуха, вздохнувъ послѣ того, какъ съ трудомъ вдѣла нитку въ иголку:—что комнатка наверху, можно, что-ль, нанять?

— Можно-то, можно; холодно только; снизу топится.

— Намъ же лучше, на ея дровахъ; а то чѣмъ эти хоромы натопишь?.. И цѣна здѣсь не по насъ. Хоть куда нибудь да съѣдешь.

— Только тамъ у нея окошечко вотъ какое, зги не увидишь.

— Избаловалась ты очень. Все тамъ хоть къ церкви Божіей близко, а коли на валу нанять, я и въ часъ не дойду.

— Вода замучитъ, сказала Катя: — съ версту будетъ.

— Молода, дойдешь. Принцесса ты, что ли, какая.

— Куда ты хочешь переѣзжать, матушка? спросилъ Озеринъ.

— Да куда случится, Ва̀нюшка? Здѣсь намъ жить не приходится.

— Почему же?

— Гдѣ тебѣ, мой родной, такой домъ нанимать, средствія не станетъ.

— Какъ не станетъ? повторилъ онъ, теряясь при этомъ новомъ нападеніи.

— Да нѣтъ же. И гдѣ намъ! мы къ такимъ комнатамъ не привыкли.

— Роскошно очень! прибавила Катя, которая остановилась уносить свой чепчикъ, когда братъ вмѣшался въ разговоръ.

— Не нашему счастью, сказала мать: — гдѣ намъ! не такія родились. Это людямъ хорошо, а нашему брату угарно—полежалъ да всталъ; холодно—подожми ноги да сядь; право. Поди же, Катенька.

— А что тамъ темно, маменька, такъ правда ваша, сказала Катя: — что баловаться. Видятъ покуда глаза, ну и работай, а тамъ, все равно, они свое отслужили.

— Ты на меня посмотри, продолжала старуха: — всего пятидесятый годъ, а на что

похожа, да не жалуюсь. Отжила свои годы, теперь ужъ все равно, одинъ конецъ. О-охъ, Господи!.. Будетъ тебѣ чѣмъ меня помянуть—поминай, Катенька, а нѣтъ—Господь видѣлъ, не я виновата.

— За что ты меня мучишь, матушка? спросилъ Озеринъ, едва дыша, подходя къ ней.

— Что, голубчикъ? Я ничего; я тебя-жъ сберечь хочу, моего ненагляднаго. Такой у меня безсребренникъ родился, чужого ему не нужно; ну, Богъ съ тобой! живи-себѣ въ городѣ столичномъ, какъ чиновнику слѣдуетъ. Мы тутъ какъ нибудь пробьемся, тебѣ отягощенія не сдѣлаемъ; что можемъ, своимъ какимъ ремесломъ, а нѣтъ, такъ людскимъ подаяніемъ...

— Богъ тебя проститъ, матушка! вскричалъ Озеринъ.

Онъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ дома.

Онъ ужъ не зналъ, что дѣлалъ; ему хотѣлось только скорѣе сдѣлать свое дѣло; въ головѣ у него была уже не мысль, но одно слово: «скорѣе, скорѣе», оно торопило его, захватывало ему дыханіе; онъ не почувствовалъ, какъ поѣхалъ и пріѣхалъ къ Покорскому.

Онъ не могъ въѣхать въ ворота, потому что передъ нимъ стояли длинныя дроги и на нихъ лежали два срубленныя дерева; кругомъ собралось нѣсколько человѣкъ мужиковъ и прислуги; между ними былъ самъ Петръ Матвѣичъ; онъ что-то громко толковалъ или приказывалъ, размахивая рукою съ воздухѣ; соломенная шляпа была надвинута на глаза, отчего его худое лицо казалось еще суровѣе; но оно какъ будто прояснилось, когда онъ увидѣлъ подходящаго Озерина.

— А, Ваня, добро пожаловать. Что тебя такъ давно не видать? Я жду четыре дня.

Озеринъ извинился.

— Знаю: нездоровъ былъ. Мнѣ сказывалъ приказчикъ; онъ вчера былъ въ городѣ, я велѣлъ ему узнать... Да вотъ, видишь, дѣло... Этотъ приказчикъ мнѣ Божье наказанье! Видишь, говоритъ, нужно топливо на мой горшечный заводъ, тамъ за рѣкой. Я свой лѣсъ берегу, говорю: поѣзжай, посмотри, есть тамъ деревья, начали немного сохнуть съ зимы, возьми ихъ покуда. Что-жъ онъ? сейчасъ гляжу — вотъ везутъ.

Онъ ударилъ тростью по стволу прекрасной срубленной липы, которой зеленыя, еще свѣжія вѣтви волочились по землѣ.

— Вѣдь живое, смотри! Это развѣ топливо? Это онъ собирался украсть да продать; думалъ, я не увижу... Вотъ увидимъ! Не догадались только, повезли мимо барскаго двора... Гдѣ онъ?

— Родіонъ Семенычъ на покосѣ, отвѣчалъ кто-то.

— Стога мечутъ, сказалъ другой.

— Сказать ему, какъ кончатъ, чтобъ сейчасъ ко мнѣ явился... Наказанье!.. Пойдемъ въ комнаты, Ваня, или въ садъ?

— Куда вамъ угодно.

— Ну, сперва въ комнаты... А вотъ мы его завтра,— дождется!..

Озеринъ шелъ за старикомъ. Онъ слышалъ только, что ему говорили ты; онъ видѣлъ, что это раздраженное лицо ему улыбалось...

Они вошли въ домъ. Старикъ остановился въ корридорѣ, отворилъ дверь и сказалъ, входя въ небольшой изящно убранный кабинетъ:

— Вотъ твоя комната, Ваня.

Онъ почувствовалъ, что у него ноги подкосились.

— Какъ?.. вы думаете...

— Что?.. конечно такъ; еслибъ не такъ, ты-бъ не пріѣхалъ.

Озеринъ опустилъ глаза отъ проницательнаго взгляда старика.

— Развѣ я не угадалъ? продолжалъ тотъ.— Не въ первый разъ мнѣ имѣть дѣло съ молодыми людьми, а тебя я очень хорошо понялъ съ перваго раза. Вы всѣ горячи на словахъ, и счастье ваше, что не все то дѣлаете, что думаете... Ты, напримѣръ, потребуй я отъ тебя тогда же рѣшительнаго отвѣта, ты бы ни за что не взялъ моего состоянія — какъ можно! «вольная нищета, богатство духа!» Но ты поразмыслилъ: оказалось, по твоимъ лѣтамъ нужно многое...

— О, нѣтъ! прервалъ Озеринъ: — нѣтъ, мнѣ ничего не нужно!

Покорскій разсмѣялся.

— Положимъ, сказалъ онъ:—ты упрямъ, тебѣ, пожалуй, и не нужно,— есть такія головы, въ которыхъ крѣпко сидитъ дурачество; но у тебя доброе сердце: ты видишь, что твоей семьѣ нужно...

— Благодарю васъ, что вы меня поняли, сказалъ молодой человѣкъ, взявъ руки Покорскаго.—Я рѣшился взять состояніе, которое вы мнѣ отдаете, но, повѣрьте, я дѣлаю это противъ убѣжденія. Я не боюсь говорить вамъ это...

— Не стоитъ скрывать, я вижу, прервалъ Покорскій.

— Вы видите... но поймите меня до конца. Я отказался бы, потому что для меня довольно и моего положенія въ свѣтѣ, и моихъ надеждъ...

Старикъ разсмѣялся опять.

— Повѣрьте мнѣ, ради Бога, повѣрьте, когда теперь я довѣряюсь, отдаюсь вамъ... Мнѣ будетъ очень тяжело, если человѣкъ, которому я буду обязанъ...

— Сохрани меня Боже подозрѣвать, что ты корыстолюбивъ! отвѣчалъ старикъ съ чувствомъ, которое, казалось, было вызвано волненіемъ Озерина.—Нѣтъ, я тебѣ вполнѣ вѣрю. Если я смѣюсь, такъ я всегда смѣюсь романическимъ идеямъ молодежи — прости мнѣ: привычка. Но кромѣ этихъ идей, ты благороденъ. Я сказалъ, что ты могъ подумать и о себѣ, но это не изъ корыстолюбія, а изъ благоразумія. Сохрани меня, Боже, подумать, что ты говоришь одно, а чувствуешь другое!

— Благодарю васъ, благодарю, повторялъ Озеринъ.

— Я тебя люблю какъ сына, продолжалъ Покорскій:—именно потому, что вижу въ тебѣ искренность; это рѣдкость, потому-то я и хочу наградить и обезпечить такого человѣка. Ты любишь добро, возьми же отъ меня средство дѣлать добро. Я одинокъ, начинаю слабѣть; ты молодъ и силенъ; я даю тебѣ новыя обязанности, а это для благороднаго человѣка подарокъ еще выше, нежели богатство... Ты не потяготишься моей старостью...

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Озеринъ, которому мелькнуло что-то похожее на надежду.

— Такъ рѣшено, другъ мой?

— Рѣшено.

Они обнялись. Покорскій долго, казалось, не могъ придти въ себя отъ пріятнаго волненія, однако, оправился первый.

— Ты молодъ, началъ онъ: — тебя надо руководить, и еще болѣе потому, что ты пылокъ и добръ. Я хочу тебѣ добра и для того заставлю тебя разомъ постарѣть нѣсколькими годами; не горюй о томъ: ты раньше пріобрѣтешь опытъ и прямой взглядъ на вещи. Вмѣсто того, чтобъ съ каждымъ годомъ повторять себѣ: «я былъ глупъ въ прошломъ году», лучше поумнѣть разомъ. Счастье, если въ этомъ могутъ намъ помочь другіе; я помогу тебѣ. Ты еще заблуждаешься и видишь людей такими, какими ихъ представляетъ тебѣ твое мягкое, довѣрчивое сердце. Ты мало жилъ и еще не открылъ глазъ на все это сплетеніе обмановъ, плутовства, низости, жадности, неблагодарности... Честный человѣкъ, когда Богъ далъ ему силы и средства, долженъ искоренять ихъ — такъ ли?

— Такъ, повторилъ Озеринъ, теряясь снова.

— Вспомни, что я говорилъ тебѣ въ наше первое свиданіе. Я такъ жилъ всю жизнь, и ты будешь такъ жить...

— О, ради Бога!.. вскричалъ Озеринъ.

— Что?.. Пройдетъ годъ, два — и ты не будешь возмущаться, какъ теперь; это необходимо: безъ этого не проживешь, или проживешь глупцомъ, будешь сто разъ обманутъ—ничего больше. А изъ этого и жить не стоитъ. Не довѣряйся никому, разглядывай строже, поддерживай порядокъ...

— Это ужасъ! вскричалъ Озеринъ.

— Не иначе, возразилъ строго старикъ:— впрочемъ, ты это зналъ, когда я тебѣ предложилъ свое имѣніе; я тебѣ ясно сказалъ, какъ я хочу, чтобъ ты управлялъ имъ, какъ я самъ. Если тебѣ это не нравится, полагаю, что никакія нужды твоей семьи не заставили бы тебя согласиться и принять.

— Да, вы правы! Вы имѣете право меня презирать! вскричалъ Озеринъ.

Старикъ засмѣялся.

— Ты сознаешься?

— Сознаюсь, я уступилъ...

— Вѣрно, слезамъ? Взгляни же, есть ли у тебя воля: ты былъ доволенъ своимъ положеніемъ, мои условія были не по тебѣ,— а ты принялъ!

Озеринъ опустилъ голову.

— Впрочемъ, тѣмъ лучше для меня, продолжалъ Покорскій: — мнѣ нуженъ именно такой человѣкъ. Я бы не ужился со спорщикомъ, я не терплю противорѣчія. Ты противорѣчить не станешь, сначала потому, что противорѣчіе тебѣ не по силамъ, а потомъ...

Озеринъ взглянулъ на него съ ужасомъ; старикъ смѣялся.

— Потомъ самъ разглядишь, что по-моему лучше. Право такъ, Ваня. Ты думаешь, богатство легкая обязанность? Филантропу съ ней не сладить... Полно-жъ, что опускать голову, дѣло кончено. Мы съ тобой еще потолкуемъ такъ раза два, и ты увидишь.

Дѣло было въ самомъ дѣлѣ кончено; раскаяваться поздно; Озеринъ чувствовалъ, что возвратиться къ прежнему положенію у него нѣтъ силы. Ему мелькнула отвратительная мысль, что нерѣшительность мо-

жетъ разсердить старика, и тогда все горе, всѣ мученія ни къ чему не послужили...

Покорскій не сводилъ съ него глазъ, понимая каждое его движеніе.

— Такъ, мой другъ, сказалъ онъ, положивъ ему руку на плечо и почти обнимая его: — я понимаю твои чувства. Трудно молодому человѣку выбросить изъ головы разную блажь; трудно, но должно. Это называется — переболѣть. Ты это сдѣлаешь для себя и для меня. Право, когда меня узнаешь покороче, меня можно любить.

Озеринъ увидѣлъ предъ собой еще новое: въ его роль входило еще лицемѣріе.

— Я человѣкъ не злой, а несчастный, продолжалъ Покорскій. — Вотъ теперь — я тебѣ говорю не въ упрекъ—вѣдь я сдѣлалъ тебѣ добро: наградилъ бѣднаго человѣка, можно сказать спасъ отъ гибели, потому что гдѣ тебѣ было добиться чего нибудь съ твоимъ характеромъ и съ твоимъ незавиднымъ положеніемъ?.. Я все еще стою, что оно было незавидное, прибавилъ онъ съ добродушной усмѣшкой. — Ну, добро я сдѣлалъ, такъ ли?

— Да, добро, выговорилъ Озеринъ.

— А вѣдь меня осудятъ, скажутъ: отнялъ у родныхъ... Охъ, эти родные!.. Такъ-то суждено человѣку вѣчно терпѣть и страдать невинно... и отъ кого-жъ? отъ тѣхъ, кто въ милліонъ разъ хуже, и какія дѣла дѣлаютъ!.. Вотъ урокъ! вотъ ты самъ видишь теперь...

«Должно казаться убѣжденнымъ», подумалъ Озеринъ.

— Какъ же мнѣ не искать утѣшенія въ жизни? Другъ мой! поживи съ мое, вынеси то, что я выношу... да вотъ ты завтра увидишь, вступишь въ эти распоряженія, все осмотришь... вѣдь ты ночуешь у меня?

— Если вамъ угодно.

— Да привыкай же считать, что это твой домъ: ты меня утѣшишь. Сейчасъ...

Онъ позвонилъ; вошелъ лакей.

— Сейчасъ, чтобъ съѣздилъ кто нибудь верхомъ въ городъ къ ихъ матушкѣ, сказать, что Иванъ Алексѣичъ здѣсь ночуетъ. Да кстати, отвезть имъ двѣ дыни, взять изъ парниковъ.

Озеринъ расхохотался бы, еслибъ не былъ въ отчаяніи.

— Знаешь, сказалъ Покорскій, пріятно смѣясь:—въ Малороссіи обычай: если отказываютъ жениху, то дарятъ ему тыкву; я твоей матушкѣ за тебя посылаю дыни...

Это были уже совершенно семейныя шутки. Надо было улыбаться. Покорскій увелъ Озерина смотрѣть, какъ снимали эти дыни, потомъ они бродили по саду, по хозяйству, и ужинали подъ веселыя шутки старика. Между прогулкой и ужиномъ былъ смѣненъ приказчикъ.

Когда Озеринъ пришелъ въ свою комнату, онъ спросилъ себя: что съ нимъ дѣлается?..

XI.

Слѣдующій день начался очень рано и офиціально. Покорскій собралъ всю свою прислугу и приказалъ ей слушаться Ивана Алексѣевича, какъ самого себя; то же было объявлено и крестьянамъ, когда, потомъ, они поѣхали вдвоемъ въ кабріолетѣ на сѣнокосъ. Остатокъ утра прошелъ въ осмотрѣ хозяйства и разныхъ распоряженіяхъ. Старикъ посвящалъ Озерина въ его новую обязанность. Разсѣянный Озеринъ ничего не понималъ; ему не вѣрилось, что это настоящая жизнь, что такъ онъ будетъ проводить всякое утро, что онъ долженъ выучиться всему, чего не знаетъ теперь, что къ его семьѣ прибавился еще этотъ старикъ, котораго онъ, какъ сынъ, обязанъ утѣшать и покоить... Все это забывалось. Минутами Озеринъ смотрѣлъ кругомъ себя какъ равнодушный гость; но являлось настоящее сознаніе дѣйствительности и схватывало за сердце. Тогда хотѣлось вскочить съ мѣста и бѣжать, и та же мысль, напомнивъ мать и сестру, приковывала его къ столу, на которомъ Покорскій разложилъ планы и бумаги, счеты бывшаго приказчика... Старикъ приказалъ повѣрить эти счеты. Эта работа заняла у него два часа, пока старикъ, по своему обыкновенію, уходилъ гулять въ крытыя аллеи; но работа шла неуспѣшно и отъ непривычки, и отъ волненія. Къ тому же Озерина нѣсколько разъ прерывали, приходя за разными домашними приказаніями; видно было, что это дѣлалось по распоряженію Покорскаго. Озеринъ не зналъ, что отвѣчать и просилъ объясненія у тѣхъ, кто его спрашивалъ; но съ нимъ говорили съ такимъ подобострастіемъ, такъ надѣялись на его опытность, такъ были увѣрены, что ему все знакомо въ домѣ, что не смѣли не только вразумлять его, но даже отвѣчать ему. Тогда онъ распоряжался наудачу, съ какой-то странной надеждой взбѣсить Покорскаго. Оставаясь одинъ, онъ схватывался за голову надъ своими счетами: ему мерещилась канцелярія того покровителя, который обѣщалъ, что поможетъ ему проложить себѣ дорогу, того благороднаго чело-

вѣка, чье имя повторялось съ уваженіемъ, съ благодарностью... ему мерещились трудъ и общественная польза, скромная жизнь, заслуженный кусокъ хлѣба, кружокъ бѣдныхъ, честныхъ друзей, семейныя радости— все, что такъ свѣтло и священно, что онъ потерялъ навсегда, чего онъ былъ больше недостоинъ...

Въ ту минуту, когда онъ съ отчаяніемъ схватился за карандашъ и началъ въ десятый разъ пересчитывать четверики и четверти, его дверь вполовину отворилась.

— Что, Ваня, я сталъ настоящее дитя съ тѣхъ поръ, какъ ты у меня, сказалъ, входя, Покорскій:— скучаю одинъ. Вѣдь, вотъ капризъ. Брось эту дрянь, успѣешь. Пойдемъ, побродимъ вмѣстѣ.

Старикъ уже давно наблюдалъ за нимъ въ дверь, но не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣчать, что у молодого человѣка горѣло лицо и движенія были лихорадочныя. Онъ повелъ его въ садъ. Въ тишинѣ, въ трепетѣ листьевъ, въ яркомъ солнцѣ, есть что-то раздражающее: печаль, волнуясь въ душѣ, какъ будто негодуетъ на безсочувственную радость природы. Еслибъ Озерину оставить одну свободную минуту, онъ бы не выдержалъ, онъ бы высказался; но старикъ не оставлялъ ему ни минуты; онъ занялъ его всѣми возможными житейскими хлопотами, толковалъ о своихъ лѣсахъ, о прививкѣ деревьевъ, показывалъ цвѣты. Озерину хотѣлось вырвать ихъ съ корнемъ. Покорскій, не замѣчая, заставлялъ его говорить о ботаникѣ. Онъ усѣлся въ прелестномъ цвѣтникѣ, на маленькомъ островѣ, среди пруда, куда просилъ Озерина перевезти себя въ лодкѣ, и послалъ въ домъ приказать, чтобъ имъ туда подали завтракъ. Озерина душилъ каждый кусокъ; онъ долженъ былъ ѣсть и улыбаться; онъ возмущался на свою уступчивость, но вспоминалъ, что было, когда онъ не уступалъ — и его обдавало холодомъ.

Онъ подумалъ, что легче будетъ, когда пожертвованіе достигнетъ своей цѣли, и потому нѣсколько разъ рѣшался заговорить о своей семьѣ, но не могъ выговорить слова: просить и условливаться, довершать сдѣлку, за которую онъ отдалъ свою совѣсть!.. даже въ дурномъ дѣлѣ всего тяжелѣе его мелочная сторона; поднимался какой-то остатокъ стыда, какая-то смѣшная, глупая щепетильность. Неловко тотчасъ же брать, что только что отдавали, пользоваться тѣмъ, отъ чего онъ сейчасъ отказывался. Онъ не начиналъ этого разговора, желая, чтобъ онъ былъ уже конченъ. Время до обѣда прошло въ пріятныхъ разговорахъ, въ чтеніи журналовъ, какъ будто такая жизнь уже давно начата и для Покорскаго, и для Озерина. Старикъ былъ очень веселъ, иногда съ чувствомъ пожималъ руку Озерина, повторяя, что такой жизни ему давно, давно хотѣлось. Бывали минуты, что и Озеринъ успокоивался; это были минуты, въ которыя онъ, утомленный, забывалъ свое положеніе, минуты, точно во снѣ...

Выходя изъ-за обѣда, онъ попросилъ позволенія поѣхать въ городъ къ своимъ.

— Подожди немного, сказалъ Покорскій:— я отдохну, встану, тогда.

Озеринъ провелъ эти два часа, скитаясь по саду. Онъ слышалъ изъ-за деревьевъ, какъ женщины, подбиравшія сѣно, указывали на него одна другой и называли молодымъ бариномъ; одна изъ нихъ оттащила за руку ребенка, который, стоя среди дорожки, слишкомъ любопытно и непочтительно заглядѣлся на молодого барина. Озеринъ позвалъ и приласкалъ ребенка; ласки были приняты дико и, избавившись отъ нихъ, ребенокъ со всѣхъ ногъ бросился въ кусты, къ матери. Озеринъ слышалъ, проходя, какъ толковали, что онъ «видишь, ничего». Вѣроятно, вслѣдствіе этого, одна изъ женщинъ стала слѣдить за нимъ изъ аллеи, пока, наконецъ, рѣшилась, подошла и стала просить, плакать и жаловаться... Озеринъ слушалъ; ему хотѣлось сказать ей, что она счастливѣе его... Онъ сказалъ только: «хорошо, я попрошу Петра Матвѣича».

Онъ пошелъ дальше. Его печаль и молчаливость были, разумѣется, поняты иначе...

Онъ думалъ, глядя кругомъ себя, на прекрасныя, высокія деревья, на свѣтлый прудъ, на дорогіе цвѣты, на все это изящное довольство, что другой, на его мѣстѣ, пожалуй, былъ бы счастливъ, еслибъ могъ, какъ онъ, сказать: «все это мое». Ему казалось, что онъ помѣшался; въ немъ отупѣло всякое сознаніе, всякое чувство, у него не оставалось даже никакого желанія. Окончательно разбитый, уничтоженный, онъ даже не только ужъ не хотѣлъ болѣе свободы, но даже забылъ о ней...

Его отыскивали по саду: Покорскій проснулся и звалъ его къ себѣ; онъ былъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ты хочешь съѣздить къ своей матушкѣ, сказалъ онъ: — пожалуй, только возвращайся домой сегодня же, и не мѣшкай... Да послушай. Ты, конечно, скажешь ей, что съ нынѣшняго дня ты живешь у меня, а онѣ

какъ хотятъ; полагаю, имъ лучше остаться въ городѣ. Женщины — лишнія хлопоты въ домѣ; я не хочу ихъ, да онѣ и сами, я думаю, привыкли къ городу. Посмотри, удобенъ ли ихъ домъ: если нѣтъ, найми другой, устрой, чтобъ онѣ были покойны... Я полагаю, прихотей у нихъ немного, свѣтъ имъ ненуженъ; забавно было бы и думать, право. глупо...

Онъ разсмѣялся.

— Это твое дѣло; устрой ихъ. Кстати, вотъ тебѣ. Молодому человѣку нельзя не имѣть карманныхъ денегъ, а я — человѣкъ акуратный и назначилъ, сколько дамъ тебѣ въ годъ. Это за два мѣсяца, но считай за одинъ, потому что на первый разъ тебѣ надо тоже обзавестись, устроиться... Кстати, ты говорилъ, что привезъ изъ Москвы съ собою книгъ; не забудь ихъ захватить: будешь читать мнѣ на досугѣ.

До города было всего четыре версты, но у крыльца Озерина ожидала коляска, запряженная четверкою лошадей. Она произвела сильное впечатлѣніе, когда появилась въ переулкѣ надъ оврагомъ, и головы, которыя высовывались изъ оконъ, чтобы посмотрѣть на нее, были еще сильнѣе изумлены, увидя въ ней Озерина.

«Никакъ, въ самомъ дѣлѣ, четыреста душъ получили», говорили всѣ, потому что, благодаря слухамъ, всѣ знали объ этомъ наслѣдствѣ.

Описать восторгъ и радостный ужасъ матери и Кати невозможно. Безполезно было возмущать ихъ радость; Озеринъ ничего не говорилъ о себѣ. Такъ какъ все было сдѣлано только для нихъ, то онъ отдалъ имъ все, что получилъ отъ Покорскаго, и сказалъ, что старикъ обѣщаетъ присылать все, что будетъ нужно, и найметъ имъ другой домъ, если онѣ захотятъ.

Онъ сказалъ это потому, что долженъ былъ повторить слова Покорскаго, но внутренно неохотно, потому что смутно предвидѣлъ себѣ новыя затрудненія. Сказавъ еще, что Покорскій поручилъ ему это устройство, онъ прибавилъ:

— Если хочешь меня послушать, матушка, останься здѣсь и не проси слишкомъ много. Этотъ домикъ, кажется, тепелъ; а если нѣтъ, то выбери такой же, поближе къ церкви. Петръ Матвѣичъ будетъ присылать тебѣ весь запасъ, а я отдамъ тебѣ все мое жалованье.

— Что вы, точно своимъ распоряжаетесь, возразила Катя: — чего вамъ жалко? Вѣдь онъ вамъ велѣлъ нанять домъ, какой мы хотимъ, и нанимайте, а какой—не ваше дѣло... Сами выберемъ. Видишь, «такой же»; благодарю покорно. Тутъ собаки однѣ начнутъ выть, такъ душа замираетъ. «Поближе къ церкви!» Что мы, богадѣлки, что ли, какія!

— Петру Матвѣичу, можетъ, неугодно, возразила мать.

— Вздоръ какой! въ своемъ добрѣ власти не имѣть. Гдѣ хотимъ, тамъ и станемъ жить. Запасъ, конечно, хорошо. А жалованье ваше — что такое? меня такъ никто и замужъ не возьметъ.

— Конечно, правда, сказала мать. Ужъ что, Ва̀нюшка, въ бѣдности жили тѣсно, и въ богатствѣ станемъ прижиматься; какой прокъ!

— Но какъ же просить у него всего вдругъ? возразилъ Озеринъ: — хоть на первый разъ поудержись... Потомъ, если что будетъ нужно, онъ не откажетъ.

— Нѣтъ, покорно благодарю, вскричала Катя: — сначала-то и просить. Куй желѣзо, пока горячо. Онъ подумаетъ, мы въ бѣдности жили—всякой дряни рады; а тамъ попроси что, скажетъ: «будетъ съ нихъ, довольно». Нѣтъ, братецъ, съ вами деньги есть, поѣзжайте-ка въ ряды, да купите мнѣ гласѐ на платье; оно лучше будетъ... Дайте, еще я сама съ вами съѣзжу...

— И впрямь, сказала старуха:—поѣзжай, моя красавица; я на тебя посмотрю, какъ ты въ коляскѣ поѣдешь... Привелъ Господь благополучія дождаться!

— Поѣзжай одна, сказалъ Озеринъ: — я останусь съ матушкой.

Катя побѣжала и одѣлась въ минуту. Старуха осматривала ее и оправляла со всѣхъ сторонъ.

— Домъ-то съ зеркалами наймемъ, Катенька, сказала она.

— Ты знаешь ли, гдѣ и по какой цѣнѣ продается? спросилъ братъ, глядя на нее.

— Не безпокойтесь, отвѣчала она, надѣвъ свои вязаныя перчатки и гордо выходя на галерейку.

Мать до половины высунулась въ окно и сплеснула руками отъ восхищенія, когда услышала, какъ хлопнула подножка и лакей, въ ливреѣ, вспрыгивая на запятки, закричалъ: «въ городъ».

Озеринъ сидѣлъ на диванѣ, опершись на столъ обоими локтями.

XII.

Жизнь проживается разно; для иныхъ она полна дѣятельности и часто приключеній самыхъ необыкновенныхъ. Смотря на этихъ

людей, невольно думаешь: по какой прихоти судьба отдала имъ столько ощущеній и такъ мало оставила для другихъ? Большинство другихъ живетъ тихо, отъ сегодня до завтра, тратя на мелочи силу впечатлительности, муча свое сердце въ получувствахъ, мечтая, анализируя и пугаясь; всякое слово для нихъ кажется — приключеніе, всякая мысль для нихъ — забота. Разсказать ихъ жизнь очень трудно: ничего нѣтъ. Въ жизни, лишенной внѣшней дѣятельности, нѣтъ ни яркихъ образовъ, ни запутанныхъ обстоятельствъ—все гладко, безъ свѣта, безъ тѣни, какъ осеннія сумерки. Обстановка почти всегда самая бѣдная: какой нибудь уголъ въ глуши, какое нибудь общество старѣющее и не измѣняющееся. А когда еще изъ этого общества въ дѣйствующія лица драмы выбрались лица самыя безцвѣтныя, по привычкѣ и по наклонности живущія день за день, чувствующія мало, а думающія еще меньше,—тогда что сказать о нихъ? Не называть же происшествіями ихъ обѣдъ, ужинъ и сонъ, а сценами и столкновеніями ихъ разговоры объ этихъ происшествіяхъ.

Разсказчикъ долженъ остановиться, чтобъ быть вѣрнымъ истинѣ, и замолчать, чтобъ не утомить мелочнымъ разборомъ ежедневныхъ чувствъ и ощущеній—этихъ капель, медленно падающихъ одна за другой, но понемногу пробивающихъ камень. Жизнь нравственная выказывается такъ же однообразно, какъ и жизнь физическая. Какъ пересказать, въ чемъ она проживается? Какъ оцѣнить, чего стоитъ всякая минута? какъ измѣрить, глубоко ли ранитъ какое нибудь незначащее слово, на сколько измѣняется человѣкъ отъ какого нибудь ничтожнаго обстоятельства? Чтобъ быть понятными для всѣхъ, эти обстоятельства для всѣхъ ли имѣютъ такую цѣну, какъ для того, кто ихъ выноситъ?.. Иногда этихъ обстоятельствъ бываетъ въ жизни всего одно; оно рѣшительное и перемѣняетъ жизнь и душу человѣка. Но оно чѣмъ нибудь подготовлено, — въ обыкновенномъ быту нѣтъ мгновенныхъ катастрофъ—а эта подготовка, какъ разобрать ее? какъ разсказать, что было съ человѣкомъ, когда онъ самъ не знаетъ, что съ нимъ было, потому что не запомнитъ каждой своей минуты, каждаго своего движенія?.. А однако, человѣкъ измѣняется. Чтобъ понять, сколько значили для него всѣ эти съ вида мелкія потрясенія, надо посмотрѣть на него прежде и послѣ рѣшительнаго обстоятельства его жизни: перемѣна покажетъ, что онъ вынесъ въ этотъ часто недолгій срокъ...

Прошло полтора мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ Озеринъ поселился въ домѣ Покорскаго...

«Можно ко всему привыкнуть»—такъ говоритъ опытъ, и отъ частаго повторенія слова признаются за истину. Истина невеселая. Конечно, привычка сохраняетъ спокойствіе, но должно признаться, что многое есть въ мірѣ, съ чѣмъ свыкаться и на чемъ успокоиваться — не особенно похвально... Большая часть такихъ привычекъ можетъ прямо назваться перерожденіемъ.

Къ счастью, — разумѣется, не самихъ упрямцевъ,—есть упрямцы, которые не перерождаются и не привыкаютъ. Сила ихъ убѣжденія, или сила ихъ натуры дѣлаетъ то, что они умѣютъ постоянно поддерживать въ себѣ недовольство, страданіе, и, тяготясь ими, не хотятъ поддаться привычкѣ, въ которой, сами видятъ, нашли бы спокойствіе и счастіе. Борьба трудна; но они считаютъ своею обязанностью продолжать ее, и продолжаютъ, муча, конечно, себя и никого больше, потому что эти упрямцы—мечтатели.

Такъ называютъ ихъ, по крайней мѣрѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе назвать людей, которые не хотятъ быть счастливыми потому только, что создали себѣ идею, будто они не должны быть счастливы? Они не обращаютъ вниманія на блаженство всего остальнаго человѣческаго рода, не хотятъ понять, что обычай, который такъ выгоденъ, долженъ быть хорошъ; что онъ принятъ всѣми, кромѣ ихъ, слѣдовательно, большинствомъ...

Но они не могутъ жить такъ; они сотворены иначе: примириться для нихъ—выше силъ, привыкнуть—не въ ихъ натурѣ.

И между ними есть натуры еще болѣе упрямыя: тѣ, которыя ставятъ себѣ правиломъ не только не примиряться, но бороться, и исполняютъ это правило. Онѣ счастливѣйшія изъ несчастныхъ, потому что вознаграждаются сами собою и своею энергіей.

Другіе, послабѣе, клонятся предъ обстоятельствами, предъ волей другихъ людей, поступаютъ противъ себя, идутъ куда не хотятъ. За то ихъ внутренняя борьба дѣлается мукой: это—сцѣпленіе упрековъ, угрызеній совѣсти, раскаянія, минутъ пробужденія и обновленія, слабости, сожалѣній о ближнихъ, стыда предъ собою и презрѣнія къ самимъ себѣ. Это презрѣніе и память того, что они были прежде, даютъ имъ силу совершенно другого рода: силу нравственно карать себя за матерьяльныя уступки; по-

казнятся тѣмъ, что не позволяютъ себѣ привыкнуть къ положенію, въ которое себя поставили, не позволяютъ себѣ пользоваться выгодами, для которыхъ сдѣлали уступку совѣсти... Это натуры несчастнѣйшія изъ несчастныхъ, это самоистязатели.

Таковъ былъ Озеринъ. Съ характеромъ болѣе рѣшительнымъ его мученія были бы давно кончены, они бы даже и не начинались; но, добрый душою, онъ былъ поставленъ между такихъ крайностей, что выборъ, какой бы онъ ни былъ, дѣлалъ его несчастнымъ. Онъ, однако, выбралъ, пожертвовалъ собой, оставалось жить... Не исполнять во всемъ воли Покорскаго, не смотрѣть за его хозяйствомъ, не хлопотать по его дѣламъ, или дѣлать это какъ нибудь—было невозможно: это навлекло бы гнѣвъ старика—слѣдовательно, лишило бы семью Озерина его милостей, слѣдовательно, отняло бы даже цѣль у поступка, за который молодой человѣкъ презиралъ себя... Привыкнуть Озеринъ не могъ. Оставалась апатія, жизнь сквозь сонъ; но онъ не могъ быть равнодушнымъ исполнителемъ того, что̀ признавалъ несправедливымъ...

Покорскій окружилъ его всѣми попеченіями, какъ сына, всѣми удобствами, какъ молодого человѣка, наслѣдника прекраснаго состоянія; но, сознаваясь и обвиняя себя, Озеринъ не могъ и не хотѣлъ пользоваться этими выгодами; онъ выросъ въ бѣдности и, не мечтавъ никогда, на что бы ему было нужно богатство, не зналъ, на что употреблять его. Конечно, онъ могъ бы начать мечтать теперь, а касательно употребленія спросить совѣта у другихъ; но это богатство отвращало его; онъ былъ утомленъ. И всякій день онъ утомлялся болѣе и болѣе. Жизнь, которую велъ онъ, была такъ для него нова и такъ не сходна съ тою, которую онъ предполагалъ вести. Онъ не понималъ этого бездѣйствія, этого покоя, нарушаемаго безпокойствомъ о томъ, чтобъ больше трудились другіе; онъ, когда-то мечтавшій работать для себя; онъ, который замышлялъ для своихъ трудовъ вознагражденіе внутреннимъ довольствомъ, онъ не могъ видѣть этихъ трудовъ безъ всякаго вознагражденія, даже матерьяльнаго; онъ пользовался ими поневолѣ, съ упрекомъ и стыдомъ; иногда невольно выказывалъ эти чувства, какъ оправданіе... его не понимали. Онъ рѣшался выговорить это Покорскому; тотъ смѣялся, или спорилъ, обнаруживая такую черствость сердца и непоколебимость убѣжденій, что молодой человѣкъ уходилъ въ отчаяніи. Всѣ его предположенія принимались ласково, но недовѣрчиво, и никогда не исполнялись, но хуже: по несчастной судьбѣ, или по старанію Покорскаго, но всегда встрѣчались обстоятельства, который дѣлали планы Озерина или смѣшными или вредными; онъ былъ принужденъ отказываться отъ нихъ съ стыдомъ, съ убѣжденіемъ, что у него никогда не будетъ своей воли, что его мысли понимаются превратно, или исполняются превратно нарочно для того, чтобъ доказать ему, что онѣ нелѣпы. Хуже всего бывало то, что онъ былъ принужденъ отказываться отъ нихъ громко, офиціально, сознаваться, что не правъ, даже шутить надъ самимъ собою... Его опутывало обязательство, которое наложила на него семья.

Заступничество молодого человѣка никогда не бывало принято; правда, Покорскій всегда встрѣчалъ его ласково, будто съ уваженіемъ къ тому, кого считалъ за сына, но тѣмъ хуже. Онъ начиналъ увѣщевать и вразумлять этого сына, доказывалъ ему по всѣмъ правиламъ своей логики, что его заступничество противно основнымъ правиламъ добра, и прибавлялъ въ заключеніе, что, стало быть, вина дѣйствительно велика, когда онъ принужденъ отказать даже и ему.

— Я человѣкъ, оканчивалъ Покорскій:— не обвиняй меня: теперь я золъ еще больше изъ мщенія, что не могу сдѣлать тебѣ удовольствія — простить...

Было отчего сходить съ ума, особенно когда тѣ, за кого онъ вступался жарко и напрасно, на другой день встрѣчали его съ тѣми же поклонами...

Были люди, которые любили его... тѣмъ хуже: предъ ними еще болѣе презиралъ онъ свое безсиліе и страдалъ отъ ихъ страданія и невозможности помочь. О немъ говорили, что онъ жалокъ, потому что молодъ и не привыкъ. Его возмущало это сожалѣніе. Все, что оставалось самолюбія въ его унижавшемся сердцѣ, пробуждалось для того, чтобъ мучить его новымъ мученіемъ. Онъ понималъ, что, по своему характеру, не можетъ поставить себя даже наружно ловко въ своемъ положеніи; что изъ человѣка способнаго дѣйствовать въ другомъ кругу, при другихъ условіяхъ, — онъ сдѣлался лицомъ страдательнымъ въ этомъ кругу и при этихъ условіяхъ; что онъ смѣшной баричъ, когда извиняется, отдавая приказанія, смѣшной богачъ, когда отвращается отъ своего богатства; онъ понималъ, что ему не составить знакомства, потому что ему неловко, не найти друзей, потому что стыдно...

Каждый день что нибудь или новое, или повторенное терзало и оскорбляло его сердце, а со всѣмъ тѣмъ, онъ самъ былъ обласканъ и, казалось, любимъ—вѣчный источникъ для безполезныхъ усилій и негодованія на самого себя! Ему прощалось противорѣчіе; правда, оно принималось съ насмѣшкой, и эта насмѣшка была такъ убійственно-добродушна, такъ безпощадно-мѣтка, основана на такомъ сильномъ убѣжденіи, что онъ часто бывалъ побѣжденъ, еще не начавъ спора.

Онъ думалъ, не будетъ ли отдыха уму, когда измучено сердце, и это ожиданіе оказалось напрасно. У него оставалось мало свободнаго времени, и то онъ проводилъ, читая вмѣстѣ съ Покорскимъ. Прежде чтеніе было для него ученіемъ, нравственной пищей; теперь оно сдѣлалось провожденіемъ времени и, чаще всего, тяжелымъ, потому что безпощадный старикъ не давалъ увлекаться, не оставлялъ безъ опроверженія ни одного слова, когда замѣчалъ, что этому слову порадовался молодой человѣкъ. Чтеніе было источникомъ спора, въ которомъ гибла послѣдняя свѣжесть чувства, послѣдняя опора вѣрованій, и чтеніе стало противно ему еще болѣе другихъ занятій. Ему было больно видѣть, что были счастливцы, которые думали и чувствовали такъ, какъ онъ, и смѣли выражать это, и находили себѣ сочувствіе, а для него это были однѣ мертвыя буквы, или, хуже, новыя орудія мученій... Старикъ хорошо сдерживалъ слово, что состарѣетъ его разомъ нѣсколькими годами.

Никогда не обращая вниманія на чувства тѣхъ, кто его окружалъ, Покорскій не обращалъ вниманія и на чувства Озерина. Ему было довольно повиновенія, какъ бы неохотно ему ни повиновались; о противорѣчіяхъ онъ не безпокоился, или, вѣрнѣе, забавлялся ими. Часто онъ нарочно заводилъ эту игру, любуясь пыломъ молодого человѣка, любуясь его мученіями, хохоча отъ души, когда удавалось довести его до отчаянія своими рѣзкими и черствыми словами. Покорскій былъ убѣжденъ, что это пройдетъ, что современемъ названный сынъ будетъ второй онъ самъ; онъ былъ убѣжденъ въ слабости и уступчивости его сердца, еще болѣе въ недолговѣчности его идей, потому что никто болѣе Покорскаго не презиралъ этихъ идей. Вѣрный своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, онъ, къ несчастью, встрѣчалъ многихъ людей съ понятіями Озерина, измѣнившихся въ половинѣ жизни, и по этимъ примѣрамъ судилъ о всѣхъ; выводъ изъ всего—глубочайшее презрѣніе. Въ ожиданіи, что Озеринъ перемѣнится, Покорскій былъ доволенъ его пріятнымъ, образованнымъ обществомъ, которое въ лишніе часы прогоняло скуку и давало движеніе уму; старику было весело съ молодымъ человѣкомъ. Это было также своего рода упрямство, прихоть: Покорскій вообразилъ себѣ, что его жизнь должна непремѣнно пройти съ Озеринымъ. Наконецъ, у него была еще и другая мысль: онъ хотѣлъ показать своимъ роднымъ, что уже выбралъ и по-своему воспитывалъ наслѣдника, и тѣмъ лишить ихъ послѣдней надежды.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ ничего не скрывалъ отъ него; распоряженія, предположенія, дѣла — все было у нихъ общее. Благородство, эта высшая чувствительность, смятая въ молодомъ человѣкѣ на каждомъ шагу, было оскорблено въ немъ еще въ большемъ размѣрѣ. Въ бюро Покорскаго лежала не одна связка бумагъ, не одно дѣло, подобное тому, которое онъ поручалъ просмотрѣть Озерину, и всѣ были столько же, или почти столько же справедливы. Старикъ страстно любилъ тяжбы и вообще бумажныя хлопоты. Не проходило дня безъ разговора о нихъ, безъ составленія новыхъ бумагъ; не проходило недѣли, чтобъ Озеринъ не отправлялся въ городъ для справокъ по этимъ дѣламъ, для личныхъ просьбъ и объясненій. Онъ былъ обязанъ повторять, какъ выученный урокъ, эти просьбы и объясненія—какъ урокъ, потому что самъ не могъ ни придумать, ни сообразить ихъ: противъ нихъ негодовало его сердце и возставалъ здравый смыслъ. Какъ человѣкъ, онъ стыдился того, что дѣлалъ; какъ человѣкъ свѣтски-порядочный, совѣстился говорить нелѣпости и заодно съ Покорскимъ выказываться тѣмъ, чѣмъ выказывался. Ему становилось страшно, когда онъ думалъ, что самъ подвигаетъ дѣла, до которыхъ не хотѣлъ бы дотронуться; онъ надѣялся и желалъ неудачи, а долженъ былъ биться изъ всѣхъ силъ, чтобъ удалось...

Въ городѣ его ждало всегда еще одно испытаніе: свиданіе съ матерью и сестрою; ихъ радость приводила его въ отчаяніе. Онѣ успѣли заставить его нанять имъ красивый домъ, сами пріѣхали благодарить Покорскаго и, кстати, выпросили себѣ прислугу, дрожки и лошадь. Старикъ неумолимо смѣялся цѣлый день послѣ ихъ отъѣзда. Озеринъ еще убѣдился, что онъ хорошо его понялъ, что онъ видитъ безвыходность этого положенія и считаетъ молодого человѣка до та-

кой степени своею собственностью, что не боится оскорблять его. Въ каждое свиданіе мать и сестра обращались къ Озерину съ новыми просьбами, или выражали самыя неисполнимыя желанія. Катя не оставляла своего проекта ѣздить на балы зимою; для этой цѣли она подружилась съ одной танцовальной учительницей и проводила у нея почти каждый вечеръ. Тамъ сбирались гимназисты, купеческія дочки и мелкіе чиновники, желавшіе тоже научиться танцовать. Нѣкоторые изъ нихъ начали появляться и въ домѣ Озериныхъ; познакомились и нѣкоторыя дамы; правда, онѣ были ничѣмъ не лучше дочерей отца дьякона, но онѣ были чиновницы и хотя говорили громко, ходили дома въ халатахъ и крутыхъ косичкахъ, но за то на улицѣ и въ церквахъ ихъ не видѣли иначе, какъ въ бархатѣ. Вслѣдствіе этого и Катя завела знакомство съ содержательницей одного моднаго магазина, гдѣ братъ былъ обязанъ расплачиваться едва ли не каждую недѣлю, потому что сестра рѣшительно отказалась что нибудь для себя работать. За то мать носила чепцы собственнаго издѣлія, оставивъ платокъ, который такъ хорошо покрывалъ ея сѣдую голову. Когда Озеринъ въ первый разъ увидѣлъ эту перемѣну, онъ не выдержалъ и сказалъ матери, что ему грустно не видѣть того простого наряда, къ которому онъ привыкъ съ дѣтства.

— Что-жъ, Ванюшка, кое-чѣмъ покрываться! возразила она.

— Милая матушка, не кое-чѣмъ; я бы купилъ тебѣ штофный платочекъ, только платочекъ.

— И, что ты! людямъ на-смѣхъ; кого нынче въ платкѣ увидишь?

— Что вы это не хотите, чтобъ мы какъ люди были? отозвалась Катя изъ другой комнаты.

Ничего другого онъ не слышалъ отъ нихъ; это заставляло его молчать и молчать...

— Послушай, Катя, сказалъ онъ ей только одинъ разъ, когда они были одни и когда Катя, возвратясь изъ гостей, разсказала, что встрѣтила лиловое пальто, которое возобновило свои прогулки около ихъ дома, а она, думая поступить какъ дама хорошаго тона, пригласила его быть знакомымъ: — предупреждаю тебя, что Петръ Матвѣичъ очень разсердится, если это узнаетъ. Не шутя, прошу тебя, не дѣлай этого. Не такъ пользуются состояніемъ, когда оно достается...

Она вспылила, и это былъ весь успѣхъ его выговора. Кончая сцену, она потребовала, чтобъ братъ прислалъ ей на другой день коляску, потому что ей хотѣлось кататься и показать свой нарядъ на гуляньи. Озеринъ потерялъ терпѣніе. Онъ сказалъ ей, что это нелѣпо, что она не должна забывать, чѣмъ была прежде, и выставляться на-смѣхъ цѣлому свѣту. Отказавъ ей на отрѣзъ, онъ уѣхалъ. На другой день утромъ Покорскій съ своей неизмѣнной улыбкой показалъ ему записку Кати, присланную изъ города. Въ этой запискѣ была вчерашняя просьба, изложенная прямо на имя старика, съ жалобой, что «братцу неугодно».

— Поѣзжай къ нимъ, сказалъ Покорскій: — сдѣлай, что она хочетъ, пусть дурачится.

Озеринъ поѣхалъ; онъ отказалъ Катѣ, потому что былъ взбѣшенъ, и высказалъ, какъ ему несносны ихъ просьбы и тяжело его положеніе. Катя пришла въ отчаяніе; мать поддерживала ее, и обѣ вмѣстѣ жаловались такъ горько, съ такими подробностями вспоминали свою прежнюю бѣдность, съ такимъ ужасомъ воображали, что должны будутъ опять къ ней возвратиться по милости Озерина, такъ сомнѣвались въ его любви къ нимъ, такъ упрекали его въ боязни, чтобъ онѣ его не разорили, столько разъ клялись не быть ему въ тягость, что онъ убѣдился, что можетъ сдѣлать ихъ несчастными... Но дѣлать счастливыми у него не доставало силъ...

Онъ возвратился въ деревню въ раздраженіи, какого еще не испытывалъ. Чувствуя, что ни на что не можетъ рѣшиться самъ, онъ молилъ судьбу послать ему случай, который бы развязалъ его, послать чудо, которое бы облегчило его жизнь, или переломило его сердце, дало ему привязаться къ тому злу, которое онъ отвергалъ... Помощи было ждать не отъ кого, совѣтоваться поздно и не съ кѣмъ. Въ эти полтора мѣсяца Озеринъ не видалъ Васильева. Васильевъ бывалъ у его матери; раза два его приняли весьма недружелюбно, а потомъ Катя, которой онъ не нравился и которая хотѣла показать, что она, какъ свѣтская женщина, не всегда можетъ располагать своимъ временемъ, приказала не принимать его. Бывая въ городѣ, Озеринъ не рѣшался къ нему заѣхать: онъ не смѣлъ взглянуть на него.

Въ настоящую минуту, когда горе дошло до послѣдней крайности, Озеринъ вспомнилъ прямыя, горькія слова своего друга и бла-

городную жестокость, съ которой тотъ говорилъ, что и для жены своей, для этого ангела, не поступитъ противъ совѣсти. Умоляя судьбу переломить его сердце и дать ему облегченіе, хотя въ привычкѣ, Озеринъ вспомнилъ, что сказалъ другъ его, что повторилъ онъ самъ:—«привыкнуть значитъ продать душу». Предсказаніе Васильева начинало оправдываться: Озеринъ начиналъ желать привычки...

Это воспоминаніе пробудило въ немъ энергію... энергію печали, а не дѣятельности, но и она бываетъ спасительна. Погибаютъ отъ горя, отъ несчастій, отъ нужды, отъ злости другихъ; но всегда является спасительная сила, которая останавливаетъ насъ на краю дурного дѣла, если это дѣло начато по неволѣ...

XIII.

Въ одно утро, въ концѣ августа, Покорскій и Озеринъ были, по обыкновенію, заняты дѣлами: по донесенію своего демьяновскаго управляющаго, старикъ начиналъ новую тяжбу съ племянницей за порубку лѣса въ его дачѣ. Вѣрно или нѣтъ было это донесеніе, но его было довольно для того, чтобъ Покорскій съ необыкновенной живостью и неописанной радостью принялся за работу; вмѣстѣ съ дѣломъ, которое ужъ было начато, это дѣло должно было окончательно разорить бѣдную семью... Старикъ диктовалъ, расхаживая по комнатѣ; Озеринъ писалъ.

— Что, Ваня, дописалъ? спросилъ онъ, останавливаясь.

— Да.

— Прочти теперь, пожалуйста, сначала.

Озеринъ прочелъ длинную бумагу. Покорскій слушалъ внимательно, съ наслажденіемъ автора, знатока и любителя.

— Скажи мнѣ по совѣсти, спросилъ онъ, когда Озеринъ кончилъ: — ясно ли, убѣдительно ли это?

— Что убѣдительно? спросилъ молодой человѣкъ, который машинально исполнялъ то, что ему приказывали, пріучая себя не останавливаться мыслью на томъ, что дѣлалъ.

— Ты меня понимаешь? ну, ясно ли, убѣдительно ли изложены всѣ обстоятельства?

— Да... вы хорошо доказываете то, что хотите доказать, но справедливо ли...

— Что ты? управляющій не смѣетъ соврать.

— Положимъ, отвѣчалъ Озеринъ какъ-то безсознательно: — вашъ управляющій пишетъ правду, ваше дѣло правое, но...

— Постой! Когда ты сказалъ: правда, правое дѣло, послѣ этихъ словъ ужъ нѣтъ но. Кончено. Ты, я думаю, это самъ понимаешь.

— Но позвольте мнѣ...

— Нѣтъ, позволь мнѣ прежде. Какъ ты будешь идти противъ этихъ словъ. Значитъ, ты будешь защищать неправду и неправыхъ—это ясно. Всякій, кто понялъ разницу между зломъ и добромъ, ужъ самъ по себѣ, по одному этому пониманію принялъ присягу служить добру — такъ ли?

— Такъ, но...

— А первое дѣло этого служенія искоренять зло всѣми мѣрами, всѣми средствами. Мы не только поборники добра, мы его мстители.

— Позвольте!.. вскричалъ молодой человѣкъ, прерывая этотъ потокъ фразъ, который всегда пугалъ его:—выслушайте меня! наказывайте тѣхъ, кто вредитъ другимъ, прощайте тѣхъ, кто вредитъ вамъ — вотъ мое правило...

— Прекрасное, и тѣмъ прекраснѣе, что выражается въ двухъ словахъ: не затруднительно для памяти. Ну-съ, а дальше? выводъ какой?

Покорскій усѣлся покойно въ креслѣ и посмѣивался. Озеринъ взглянулъ на него, его сердце шевельнулось тоскливо и болѣзненно. Въ словахъ Покорскаго не было ничего особенно обиднаго, это былъ его обыкновенный тонъ и разговоръ; его поступокъ былъ ничѣмъ не хуже того, что онъ дѣлалъ каждый день; ничто особенно не вызывало Озерина; онъ не чувствовалъ въ себѣ ни особенной рѣшимости, ни силы воли, но на него нахлынула вся тоска, вся раздражительность, все страданіе, накопившіяся въ два мѣсяца; вспомнились всѣ тяжелые дни, всѣ безсонныя ночи, все униженіе, перенесенное въ эти два мѣсяца... Онъ забылся, и съ этой минуты, поддаваясь забытью, говорилъ и дѣйствовалъ невольно...

— Что-жъ, какой практическій выводъ изъ твоего правила? спросилъ опять Покорскій, продолжая улыбаться.

— Не начинать этого процесса, отвѣчалъ Озеринъ, вскинувъ бумаги на столѣ.

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, это ужъ немножко слишкомъ практично! сказалъ старикъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.— Пройдемся еще по теоріямъ, пофилософствуемъ. Какого бы ты былъ мнѣнія, напримѣръ, еслибъ у тебя стали тащить твою собственность?

— Я бы оставилъ ихъ въ покоѣ, еслибъ

это были люди, которыхъ я и безъ того довожу до разоренія самымъ безжалостнымъ образомъ...

— Которой ногой ты сегодня всталъ съ постели? спросилъ равнодушно Покорскій, глядя ему вслѣдъ.

— Я удивляюсь вамъ, отвѣчалъ Озеринъ, останавливаясь передъ нимъ:—я васъ не понимаю... Что васъ привязываетъ ко мнѣ, когда я вамъ противорѣчу на каждомъ шагу?

— Это очень забавно.

— Кто вамъ далъ право забавляться мною?

— Да ты самъ, я думаю.

— Боже мой! вы знаете, что я не для себя взялъ ваше состояніе; вы знаете, что я за него отдалъ...

— Вотъ это-то мнѣ и забавно.

— Это вамъ забавно? вскричалъ Озеринъ.

— Забавно, что ты такъ много кричишь. Ты знаешь, я люблю Естественную Исторію, люблю слѣдить за перерожденіемъ личинки въ бабочку. Вотъ мнѣ любопытно и теперь посмотрѣть, какъ ты переродишься.

— А вы все ждете, что это когда нибудь будетъ?

— Полно, сдѣлай милость, что ты раздражаешься! Ну, возьми, разбирай хоть своими выспренными убѣжденіями: еслибъ дѣйствительно была въ тебѣ сила воли и прочее, кто-бъ тебѣ велѣлъ терзаться два мѣсяца? Пожалуйста, не дурачь меня! Я знаю людей; всѣ вы таковы, а ты еще умѣешь неглупо играть свою роль. Впрочемъ, пора кончить; довольно разныхъ разностей. Берегись надоѣсть мнѣ; вѣдь я еще не передавалъ тебѣ наслѣдства законнымъ порядкомъ.

— Боже, что за униженіе! вскричалъ Озеринъ.

— А разставаться съ тобой мнѣ не хочется, продолжалъ старикъ:—ты добрая душа и, къ тому же, я все-таки дѣлаю доброе дѣло, и оно не остается безъ награжденія ни здѣсь, ни тамъ. Вѣдь ты не можешь сказать, чтобъ я отказалъ въ чемъ нибудь тебѣ или твоей семьѣ...

— Послушайте, сказалъ Озеринъ, не помня себя: — я чувствую, что обязанъ вамъ, но вы знаете, обязанъ противъ воли... Когда я пришелъ въ вашъ домъ, у меня была одна надежда...

— Какая это?

— Что я когда нибудь, въ чемъ нибудь подвину васъ на добро. Вотъ теперь случай...

— Какъ ты думаешь, человѣкъ я? прервалъ старикъ.

Озеринъ молчалъ.

— Могутъ у меня быть свои убѣжденія, такія же сильныя, неприкосновенныя, какъ у тебя? Ну?

— Могутъ, но...

— Ни слова! Это не твое дѣло.

— Но, ради Бога... выслушайте. Я бѣденъ... Я выросъ бѣденъ, я не могу подумать, что другіе будутъ бѣдны, потому что я буду богатъ... Вотъ письмо вашей племянницы; три дня оно лежитъ здѣсь, вы его не открывали. Прочтите его...

— Оставь меня въ покоѣ! вскричалъ съ сердцемъ старикъ, бросивъ письмо: — ты съума сошелъ!.. Онъ вздумалъ меня подвигать на добро!.. Возьми его себѣ, это письмо, любуйся слогомъ. Вотъ тебѣ еще просительныя записочки твоей сестрицы: читай ихъ.

Покорскій вышелъ, хлопнувъ дверью.

Оставшись одинъ, Озеринъ оглянулся съ отчаяніемъ. По столу разлетѣлись записки Кати, нелѣпыя, полуграмотныя... столько прихотей... столько мученій! Между ними письмо съ черной печатью... Озеринъ развернулъ его.

— Вѣдь мнѣ его отдали, сказалъ онъ громко.

Легко было отгадать содержаніе: отчаянныя просьбы и описаніе самаго ужаснаго положенія; это положеніе доказывалось цифрами, не только слезами, которыми были размыты строки письма.

Озеринъ прочелъ и оглянулся кругомъ; его взглядъ упалъ на деньги, лежавшія на столѣ — оброкъ, привезенный изъ деревни.

Молодой человѣкъ взялъ ихъ, счелъ, положилъ въ пакетъ и надписалъ адресъ племянницы Покорскаго. Потомъ онъ позвонилъ: вошелъ лакей.

— Сейчасъ, сію минуту, чтобъ конторщикъ верхомъ скакалъ въ городъ и отдалъ на почту. Сейчасъ — слышишь ли?

Никогда еще онъ не отдавалъ своихъ приказаній такъ рѣзко.

Всѣ его нравственнныя силы были истощены; ихъ достало на одинъ порывъ, но Озеринъ въ минуту разсчелъ послѣдствія и порадовался, что этого порыва могло быть достаточно для перемѣны его участи. Будущее представлялось ему смутно, но хуже настоящаго ничего не могло быть. Онъ еще взглянулъ на бумаги, на счеты и повторилъ себѣ съ отчаянной радостью, что ему нѣтъ

больше до нихъ дѣла и отдался странному забытью; въ немъ сглаживались видимые предметы, мысль кружилась безъ цѣли... Раздраженный до восторженности, онъ сравнивалъ себя съ утопающимъ, который, не имѣя силы бороться съ волнами, отдается наудачу одной изъ нихъ и та доноситъ его до берега; передъ его глазами мелькалъ этотъ образъ, вызванный разгоряченнымъ воображеніемъ и романической настроенностью молодости:.. Онъ не помнилъ, какъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ, но чувствовалъ, что сдѣлалъ до конца; онъ понималъ, что это было не дѣло его воли, а только послѣдствіе его нравственнаго состоянія; что не посторонніе обстоятельства приблизили развязку, а она пришла сама собою. Онъ могъ бы поздравить себя съ мужествомъ и сильнымъ поступкомъ, но хорошо чувствовалъ, что въ этомъ поступкѣ дѣйствовало не мужество, не рѣшимость, а болѣзненное раздраженіе, дошедшее до крайней степени и высказавшееся потому, что должно было высказаться...

Только это одно понималъ онъ ясно въ первыя минуты, когда остался одинъ.

Топотъ лошади, раздавшійся на дворѣ, вызвалъ его изъ забытья; онъ взглянулъ въ окно: посланный уѣзжалъ въ городъ. Тогда Озеринъ всталъ, прошелся по комнатѣ и началъ думать сознательнѣе. Ему предстояло главное: сказать обо всемъ Покорскому. Онъ рѣшился подождать столько, чтобъ дать время всему совершиться. Судьба помогла ему: онъ увидѣлъ въ окно, что Покорскому подавали кабріолетъ; старикъ ѣхалъ кататься, и одинъ: значитъ, сердился. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, примѣняясь къ его доброму или дурному расположенію духа, Озеринъ выучился его угадывать и, по какой-то привычкѣ стѣсненія, какъ будто испугался этого признака гнѣва. Черезъ минуту онъ вдругъ вспомнилъ, что сейчасъ сталъ свободенъ и въ немъ будто что воскресло, передъ нимъ будто все освѣтилось...

Въ радости, что хотя невольно, но онъ исполнилъ свой долгъ, въ радости, что теперь онъ опять имѣетъ право уважать себя, въ радости, что свободенъ, молодой человѣкъ забывалъ все, что мучило его прежде и заставляло выносить жизнь у Покорскаго. Онъ былъ счастливъ... Но минуты этого счастья были коротки. Восторгъ прошелъ; надо было подумать; вспомнилась семья...

Озеринъ думалъ долго; его разгорѣвшееся лицо нѣсколько разъ блѣднѣло во время этого раздумья... Наконецъ онъ всталъ, сказавъ громко:

— Что будетъ, то будетъ. Дѣло сдѣлано.

Онъ не упрекалъ себя въ томъ, что дѣлаетъ опять бѣдными мать и сестру; онъ далъ себѣ слово отдать свою жизнь, лишь бы онѣ не нуждались, но только жизнь, а не совѣсть. Но онъ уже зналъ, что съ него потребуютъ много; что въ самомъ дѣлѣ онъ отдаетъ свою жизнь, что теперь будетъ трудиться уже безъ увлеченія, безъ прежней любви, по обязанности, для того, чтобъ загладить то, что онѣ назовутъ виною... Начиная жизнь съ этой минуты, Озеринъ шелъ какъ на жертву.

— Неужели честное дѣло такъ дорого обходится? спросилъ онъ самъ себя.

Но все кончено. Эти слова придавали какую-то печальную силу. Уже не было надежды, что его когда нибудь поймутъ, что когда нибудь скажутъ ему: «ты поступилъ хорошо», но онъ надѣялся, что забудутъ и привыкнутъ—и на этомъ теперь лежала вся его будущность!..

Посланный возвратился изъ города и привезъ росписку; почта отошла, деньги были отправлены.

Почти въ то же время возвратился Покорскій.

У Озерина потемнѣло въ глазахъ, когда онъ услышалъ стукъ кабріолета, но, чувствуя, что всякая минута промедленія лишаетъ его бодрости, онъ взялъ росписку и пошелъ на встрѣчу старику.

Они сошлись въ залѣ, гдѣ, назадъ два мѣсяца, произошла ихъ первая встрѣча.

Покорскій, войдя, бросилъ шляпу на столъ. Всѣ его движенія были быстры, какъ у молодого человѣка; видно было, что появленіе Озерина снова разбудило только что успокоенный гнѣвъ.

— Что нужно? спросилъ онъ.

— Я услышалъ, вы возвратились...

— Такъ что-жъ?

— Безъ васъ я распорядился деньгами, которыя присланы изъ вашей деревни, отвѣчалъ Озеринъ, подавая ему росписку.

Покорскій взглянулъ на нее; его блѣдно-желтое лицо вспыхнуло и глаза засверкали.

— Что мы комедію играемъ, что ли? вскричалъ онъ такъ, что голосъ его раздался по всѣмъ пустымъ комнатамъ.

— Я не играю комедіи, отвѣчалъ тихо Озеринъ.

— Нѣтъ? такъ что-жъ это? Въ насмѣшку мнѣ это сдѣлано, а? Для чего это сдѣлано?

— Не въ насмѣшку, но вы такъ меня взволновали...

— А вы въ нервномъ припадкѣ меня обокрали!

— Не забывайтесь! вскричалъ молодой человѣкъ громче Покорскаго.

— Что-жъ это, если не кража?

— Хорошо — кража! Я ее сдѣлалъ для того, чтобъ показать вамъ, что я всегда готовъ такъ красть у васъ.

— А вы не догадались, что послѣ перваго раза я васъ выгоню?

— Я вамъ говорилъ, что меня душатъ ваши деньги; я для того это и сдѣлалъ, чтобъ меня выгнали.

— Удивительное благородство! вскричалъ старикъ съ злобнымъ смѣхомъ: — удивительная изобрѣтательность, сдѣлать сцену, порисоваться... Нельзя безъ эфектовъ! Умныя головы!.. Кто-жъ вамъ мѣшалъ давно отъ меня уйти? Кто васъ держалъ? Развѣ вы мнѣ такъ дороги?.. Что-жъ вы такъ долго терпѣли? Вы меня знали, когда шли жить ко мнѣ. Я, кажется, не скрывался; однако ваша романическая совѣсть молчала, не мѣшая вамъ спокойно почивать и ѣсть чужой хлѣбъ!.. Вы только сейчасъ меня разглядѣли? Удивительное благородство! благороднѣйшій человѣкъ, вы хуже меня: я не отступалъ отъ своихъ правилъ, а вы позабыли свои... или они очень гибки, ваши правила-то. Да вотъ какъ я васъ знаю: прости я вамъ теперь, вы найдете причину логическую, законную причину остаться опять у меня!

— Никогда! вскричалъ Озеринъ.

— А! вы поняли, что вамъ теперь одно спасеніе въ упрямствѣ, что вамъ надо показать характеръ, а то вы будете до конца презрѣнны! Но я васъ щажу—поймите это, я не искушаю васъ, не предлагаю вамъ остаться, я васъ выгоняю... Разберите сами, какъ вы низки: вы еще чего-то надѣялись, вы меня ждали. Кто вамъ мѣшалъ, еслибъ вы въ самомъ дѣлѣ хотѣли уйти, безъ меня написать мнѣ письмо, приложить эту росписку, да и убираться?

— Прощайте, сказалъ Озеринъ... Будьте покойны: современемъ я заплачу вамъ все, чего стоила моя жизнь у васъ...

Онъ ушелъ въ свою комнату, въ нѣсколько минутъ собралъ свои книги и вещи, которыя принадлежали ему прежде, нежели онъ вступилъ въ домъ къ Покорскому, и вышелъ изъ этого дома.

Крестьянинъ, ѣхавшій на базаръ, довезъ Озерина до города въ своей телегѣ.

XIV.

На другой день Озерины переѣхали на свою прежнюю квартиру, надъ оврагомъ. Старуху перевезли; она почти лежала на дрожкахъ, поддерживаемая рыдающей Катею. Жители ближнихъ домовъ думали, что этотъ поѣздъ возвращается съ похоронъ.

Озеринъ шелъ за ними, повѣся голову. Онъ не предполагалъ, что вся улица будетъ свидѣтелемъ его горя; онъ не разсчитывалъ что оно будетъ предметомъ столькихъ посторонних толковъ. Говорили, что онъ «прогнѣвалъ своего благодѣтеля, что онъ возмечталъ о себѣ Богъ знаетъ что̀ и сталъ самовольно распоряжаться. Могъ бы поудержаться, кажется, хоть изъ любви къ матери, а то нѣтъ; видно нѣтъ этой любви—вотъ оно, и воспитаніе! Гордость одна—ничего больше. Теперь бѣдная мать на старости лѣтъ опять безъ куска хлѣба; отъ сына что-жъ еще надѣяться? И глупость какая: ужъ лучше бы сначала отказался, а то выставилъ и себя и ихъ на посмѣшище...»

Послѣднее чаще всего повторяла сама Катя:

— Только на весь городъ намъ срама надѣлали...

Въ маленькомъ флигелѣ съ утра до ночи раздавались плачъ и рыданіе. Всѣ житейскія заботы были забыты; столы и стулья, пожитки, постели оставались раскинутыми, какъ были привезены, и никто не думалъ прибирать ихъ. Старуха и Катя говорили, что тѣсно, и ничему не находили мѣста, иногда съ отчаяніемъ восклицали, что пусть все пропадаетъ. Женщина, нанятая Озеринымъ для услуги, оказывалась неповоротлива и глупа; обѣда не готовили и молодой человѣкъ былъ принужденъ посылать покупать его. Гостьи приходили каждую минуту; разсказъ о проступкѣ Озерина повторялся при каждомъ визитѣ. Смотря по характеру посѣтительницы, Озеринъ долженъ былъ выслушивать или соболѣзнованія о его семьѣ, или шутки, «что часто надѣешься, да вотъ не дается», или увѣщанія покориться судьдѣ, потому что, «что-жъ дѣлать, коли Господь посѣтилъ, послалъ такое дѣтище»... Его семью иногда укоряли, что и она, должно быть, на него глядя, загордилась въ богатствѣ, а вотъ, пришлось опять къ простымъ людямъ воротиться. Изъ этого выводили заключенія грубыя и обидныя, часто, впрочемъ, не думая обижать...

Но это повторялось всякій день и цѣлый день. Старуха и Катя были неутѣшны; не

было надежды, чтобъ онѣ могли привыкнуть къ своему горю и къ своему положенію. И прежде одна мысль о богатствѣ доводила ихъ до крайностей; теперь, когда это богатство побывало въ ихъ рукахъ и ушло, онѣ сдѣлались жестоки. Онѣ были истинно несчастны отъ бѣдности, отъ воспоминанія, отъ привычекъ довольства, которыя такъ легприваются и ужъ успѣли привиться, отъ мелочей, въ которыхъ было истерзано ихъ самолюбіе... онѣ не выбирали словъ. Онѣ никогда не знали цѣны словамъ; теперь онѣ не выбирали словъ. Онѣ ранили глубоко, часто не зная, что дѣлаютъ, потому что сами приняли бы легко подобные упреки, часто съ намѣреніемъ, потому что сами были оскорблены до желанія мстить. Онѣ выносили легко свое безпрестанное волненіе; оно ихъ не разстроивало; грубость ихъ натуры, забывчивость, увлеченіе злости не давали имъ замѣчать, какъ обходилось это волненіе для другого. Иногда жалость удерживала мать; тогда ея слабость подстрекала сестру; женщина еще молодая находила чѣмъ вызвать снова гнѣвъ старухи: та увлекалась опять и еще сильнѣе... Озерину оставалось молчать; онъ молчалъ.

Онъ видѣлъ, что объяснять нечего; это было для него ясно давно и забылось только въ минуту разрыва съ старикомъ. Онъ видѣлъ, что его убѣжденія, его страданіе останутся вѣчно непонятыми. Его воображенію представилась вся жизнь, отравленная этимъ минутнымъ богатствомъ. И милліоны людей сказали бы ему вслѣдъ за его семьей, что онъ поступилъ безумно, если не дурно. Н а д о ж и т ь—горькое правило, а онъ пошелъ противъ него... Лучше ли сдѣлалъ онъ, мечтатель, напитанный идеями романическаго самопожертвованія, общей любви къ человѣчеству, независимости, прелести труда—всего, что такъ высоко заставляетъ биться сердце на школьной скамьѣ, и такъ забавно сбиваетъ съ пути истиннаго въ дѣйствительной жизни? Что въ этихъ идеяхъ, когда онѣ не раздѣлены и такъ неудобны для дѣлежа съ другими? что приносятъ онѣ тому о д н о м у, кто имѣетъ смѣлость, или несчастье носить ихъ въ головѣ?.. Внутреннее довольство?.. Но гдѣ-жъ тотъ стоикъ, чье внутреннее довольство оставалось живо среди ежедневныхъ домашнихъ дрязгъ? А если, любуясь собою и своимъ дѣломъ, презрѣвъ голоса, которыя шумятъ противъ него, забывая слезы, которыя льются по его милости, стоикъ чувствуетъ себя счастливымъ—не эгоистъ ли онъ? Не гордость ли его чувство, злая гордость, потому что должно же быть сколько нибудь смысла у всего этого большинства, которое кричитъ, что онъ неправъ?..

Въ самомъ дѣлѣ, правъ ли онъ? Онъ не хотѣлъ дѣлать несчастныхъ, но вотъ онѣ, несчастныя; онъ не хотѣлъ слезъ— вотъ онѣ, слезы; онъ боялся упрековъ—его упрекаетъ мать, которую онъ бросилъ въ нищету, сестра, у которой онъ отнялъ послѣднія минуты напрасно поблекшей молодости! Можно ли вести на жертву тѣхъ, кто не идетъ добровольно?.. Онъ ужасался суда честныхъ людей—честные люди осуждаютъ его, честные на словахъ и на дѣлѣ... Или его понятія такъ высоки, что не всѣмъ доступны? Такъ они никуда не годятся!

Когда эта послѣдняя мысль складывалась словами въ его разгоряченной головѣ, молодой человѣкъ, въ испугѣ, поднимался на своей постели... Только ночью могъ онъ думать на свободѣ. Осенній дождь билъ въ стекла; вѣтеръ шумѣлъ надъ оврагомъ; разорванныя тучи неслись клочьями по небу. Озеринъ смотрѣлъ на нихъ долго; созерцаніе силъ природы убѣждало его въ необходимости присутствія высокаго въ душѣ человѣка.

Это были тяжелыя и отрадныя ночи; тяжелыя, потому что, оставленный самому себѣ, молодой человѣкъ боролся съ сомнѣніемъ, съ горемъ, которое отнимало у него силы—отрадныя, потому что онъ, наконецъ, оставался одинъ, и тишина, свобода возвращали ему хотя минуту покоя... Правда, только минуту; стоило вспомнить, что будетъ завтра...

Съ дѣтства онъ видѣлъ жизнь, всѣ ея нужды и горести вблизи и безъ прикрасъ; съ дѣтства онъ трудился и узнавалъ людей, не мечтая, не пересоздавая ихъ по-своему въ воображеніи. Но среди бѣдности и труда судьба сводила его съ людьми, высоко понимавшими свое назначеніе и свои обязанности: врожденная жажда добра и наука довершили то, что начали эти люди. Озеринъ счелъ возможнымъ примѣнять къ дѣйствительности свои убѣжденія, вѣровалъ въ нихъ и надѣялся легко прожить съ ними... А они довели его до состоянія, въ которомъ было страшно вспомнить о завтрашнемъ днѣ!..

Тогда въ немъ пробуждалась досада и злость; тогда онъ обвинялъ себя въ ребячествѣ, смѣялся надъ собою, надъ своими чувствами, надъ своими вѣрованіями...

— Что-жъ такое, говорилъ онъ самъ се-

бѣ:—я правъ. Положимъ, нѣтъ человѣка безкорыстнѣе меня—по крайней мѣрѣ, я не знаю; нѣтъ человѣка сострадательнѣе меня къ несчастію другихъ, разборчивѣе въ выборѣ средствъ къ жизни, прямѣе и откровеннѣе въ словахъ и поступкахъ. Все это я доказалъ и, кажется, блистательно. Но что-жъ изъ этого? что я выигралъ? Я—бѣднякъ, которому некуда приклонить голову; цѣлый свѣтъ называетъ меня глупцомъ, семья ненавидитъ!.. Прекрасныя послѣдствія благихъ убѣжденій!.. Ночью, я слушаю, какъ идетъ дождь; днемъ буду слушать, какъ онѣ станутъ плакать! И только! и вся жизнь такъ!.. Потому что съ ними, или далеко отъ нихъ, это одно и то же: я не буду слышать, но буду знать, что онѣ плачутъ по моей милости... Не лучше ли было уступить этому искушенію, какъ я называлъ его въ дурныя минуты?.. Можно было бы отерпѣться, привыкнуть... ко всему привыкнуть. Жизнь у Покорскаго была не такъ тяжела, какъ эта; она могла бы быть и еще лучше... И душа была бы покойнѣе...

Послѣдняя мысль довершала тяжесть этой борьбы.

— Да, говорилъ онъ: — да, я жалѣю, что не сдѣлалъ низости: я былъ бы счастливѣе! Что себя обманывать, что еще воображать, будто я доволенъ собою? Я недоволенъ; мои правила глупы, потому что съ ними жить нельзя, потому что они оставили меня въ бѣдности и отняли у меня семью. Что мнѣ за дѣло до другихъ? пусть другіе живутъ, какъ хотятъ; мнѣ тоже необходимы средства; я молодъ, я хочу веселиться; у моей сестры нѣтъ жениха, моей матери нечего обѣдать!.. Мнѣ скучно, меня упрекаютъ, надо мной смѣются, меня гонятъ!.. Глупая разборчивость, глупая честность! что мнѣ въ ней? Въ тысячу разъ лучше дурное дѣло, когда съ нимъ покойно живешь!.. Совѣсть... вотъ, она чиста у меня—что-жъ мнѣ не спится?.. Душа... не много добра въ ней осталось!..

. .

. .

Прошло двѣ недѣли: Озеринъ воспользовался этимъ временемъ, какъ могъ. Онъ писалъ въ Москву, чтобъ узнать о мѣстѣ, которое было ему обѣщано; но онъ просрочилъ такъ долго, что мѣсто было ужъ отдано другому. Это былъ еще новый ударъ; оставалось или искать мѣсто здѣсь, или ѣхать хлопотать въ Москву. Здѣсь мѣста не нашлось, несмотря на всѣ старанія и просьбы. Напрасны были также хлопоты Васильева, который сбился съ ногъ, заботясь о своемъ другѣ; чтобъ помочь ему, онъ даже заложилъ свое новое серебро — на что, конечно, Озеринъ не согласился бы, еслибъ только зналъ — а Таня продала штучку шелковой матеріи, подаренную ей на ризки при крестинахъ маленькаго Мити. Узнавъ объ этомъ подвигѣ, мужъ упалъ передъ нею на колѣни, что она нашла очень смѣшнымъ; а когда онъ сталъ сожалѣть, что не увидитъ ее нарядною, она возразила, что это еще смѣшнѣе, что, стало быть, нѣтъ никакой надобности въ вещи, когда она цѣлый годъ оставалась безъ употребленія, и что она, Таня, конечно, хороша и безъ наряда. Противъ послѣдняго возражать было невозможно, но молодой женщинѣ стоило большого труда взять съ мужа слово не проговориться Озерину о томъ, что онъ называлъ ея пожертвованіемъ. Вообще, они были очень довольны другъ другомъ, а Митя, который въ этотъ день началъ ходить, довершилъ общій восторгъ.

Озеринъ рѣшился ѣхать въ Москву; онъ сказалъ объ этомъ матери, дѣлясь съ нею деньгами, которыя прислалъ ему Васильевъ.

— Зачѣмъ же тебѣ ѣхать? спросила мать.

— Я буду просить мѣста.

— Такъ тебѣ его тотчасъ и дадутъ!

— Надо-жъ какъ нибудь устроиться, отвѣчалъ онъ.

— Устроивайся! Много устроился! Здѣсь что тебѣ мѣшаетъ, куда ни есть, въ какую палату.

— Другихъ мѣстъ нѣтъ, кромѣ писарскихъ.

— Что-жъ, хоть и писаремъ. Что ты такое? Много выучилъ наукъ какихъ? на что онѣ нужны, твои науки?

— Но жить будетъ нечѣмъ, возразилъ онъ тихо.

— Тебѣ все нечѣмъ. Не умѣлъ, не хотѣлъ, теперь нечѣмъ. Не думалъ, какое спокойствіе сдѣлать родительницѣ, теперь прикидывается, будто очень его заботитъ, а самъ бѣжитъ, куда его глаза глядятъ, лишь бы не видать...

— Да что вы, маменька, его удерживаете? прервала Катя:—ну, пусть его ѣдетъ, по порогамъ потолкается — много такихъ? пусть гордости поубавитъ.

— Я устроюсь и напишу вамъ, сказалъ Озеринъ:—тогда вы пріѣдете ко мнѣ...

— Что мнѣ тамъ, въ Москвѣ твоей, дѣлать? вскричала старуха:—тамъ пропадешь ни за что съ городскимъ народомъ, обокрадутъ, убьютъ того-гляди. Я непривычна; тамъ всякій калачъ чего стоитъ!..

— Людей тамъ не увидишь, продолжала Катя:—здѣсь хоть какой человѣкъ знакомый приступится, говорить разучишься...

— Я самъ думалъ, что здѣсь жизнь дешевле, сказалъ Озеринъ:—и что вамъ все знакомо... а мнѣ одному не такъ трудно прожить въ Москвѣ...

— Да живи, Господь съ тобой, кто тебѣ мѣшаетъ! Я знаю, что мы тебѣ въ отягощеніе, что ты радъ какъ нибудь отказаться — къ тому и ведешь...

. .

. .

Вечеромъ Озеринъ нанялъ себѣ лошадей и пошелъ къ Васильеву.

— Встрѣчай, Митя, встрѣчай! кричалъ отецъ ребенку, который бродилъ вокругъ комнаты, хватаясь ручонками за стулья.— Ну, что, Озеринъ?

— Прощай, завтра ѣду.

— Слава Богу, сказалъ Васильевъ, но безъ обыкновеннаго своего восхищенія, а какъ-то особенно тихо: — садись, милости просимъ.

Они усѣлись молча. Таня, поздоровавшись съ Озеринымъ, оставила работу, взяла Митю на колѣни и тоже молчала.

— Что-жъ, спросилъ наконецъ Озеринъ:— тебѣ такъ хотѣлось меня проводить, а теперь какъ будто и не радъ?

— Нѣтъ, я очень радъ; только, видишь ли, мнѣ жаль тебя...

— Жаль со мной разстаться?

— Вздоръ какой! Человѣкъ долженъ быть выше обстоятельствъ. Разстанемся—опять свидимся. Вовсе не то.

— Или тебѣ, какъ всегда на прощаньи, сказать нечего?

— Напротивъ, я могу много сказать, только жаль, что ты не уѣхалъ еще лѣтомъ: тогда-бъ мы славно наговорились на прощаньи.

— А теперь что-жъ?..

— Теперь не то. Какъ это сказать?.. Впрочемъ, бродить вокругъ словъ очень глупо, лучше говорить прямо. Теперь тебя надо утѣшать, ободрять, а это мудрено.

— Почему?

— Вотъ ты самъ бродишь вокругъ словъ. Ты самъ знаешь почему.

Съ минуту оба опять молчали.

— Впрочемъ, сказалъ Васильевъ, оканчивая свою мысль:—дай Богъ, чтобъ я ошибался.

— Ты не ошибаешься, отвѣчалъ печально Озеринъ: — меня мудрено утѣшать, потому что ты, добрая душа, понимаешь, что я не стою утѣшенія. Я остался честенъ на дѣлѣ; но никто, кромѣ меня, не знаетъ, во сколько разъ я, вотъ, въ настоящую минуту, хуже нежели былъ въ ту, когда рѣшался на безчестное дѣло. Это-то сознаніе и мучитъ меня больше всего. Во мнѣ не осталось ни къ чему ни охоты, ни любви. Пусть теперь идетъ, какъ хочетъ, моя жизнь, жизнь другихъ — все равно: меня это не трогаетъ.

— Ты самъ не знаешь, что говоришь, оттого, что тебѣ скучно, прервалъ Васильевъ:— и еще оттого, что ты теперь безъ дѣла. Представься сейчасъ случай сдѣлать что нибудь хорошее—посмотри, какъ ты оживишься.

— Можетъ быть, потому что я дѣятеленъ; только я прежде всего подумаю о себѣ.

— Посмотри, и себя забудешь.

— О, нѣтъ, или да! можетъ быть, забуду, потому что желалъ бы забыть о своемъ существованіи.

— Что-жъ это за жизнь?

— Жизнь тысячи людей, я убѣжденъ въ этомъ. Люди, какъ ты, рѣдки. Я былъ и порядочный человѣкъ, а дошелъ же до того, что жалѣю, зачѣмъ не сдѣлалъ зла, и насмѣхаюсь надъ своими прежними чувствами, какъ надъ ребячествомъ, если еще не хуже. А они были сильны,—ты знаешь.

— Знаю, сказалъ печально Васильевъ.

— Волненіе въ жизни даромъ не обходится, продолжалъ Озеринъ. — Ты любишь сравненія: и неодушевленной природѣ тяжело выносить грозу, а душа человѣческая еще нѣжнѣе; она мнется и ломается такъ, что послѣ и не узнаешь.

— А сила воли?

Озеринъ махнулъ рукой и всталъ.

— Устрой прежде всего, отвѣчалъ онъ:— чтобъ человѣкъ продолжалъ вѣрить всему, чему вѣрилъ, послѣ того, какъ его измучатъ за эти вѣрованія: тогда у него будетъ сила воли, потому что онъ будетъ знать, на что долженъ рѣшиться.

— Такъ ты не знаешь?

— Не знаю... Прощай, однако, пора.

Они обнялись.

— Пиши ко мнѣ, сдѣлай милость, ты знаешь, какую жизнь я буду тамъ вести день за день.

— Богъ съ тобой! сказалъ Васильевъ.

Ему было тяжело говорить.

— Вамъ, кажется, нечего желать счастья, продолжалъ Озеринъ, оглянувъ маленькую комнату и подходя къ молодой женщинѣ, которая встала, держа на рукахъ ребенка...

Озеринъ уѣхалъ въ Москву; судьба вступилась за него, помогла ему найти добрыхъ людей, а добрые люди нашли ему хорошее мѣсто. Какъ жилъ онъ полгода, отсылая матери все свое жалованье и почти все, что получалъ отъ уроковъ, за которыми просиживалъ послѣдніе свободные часы — разсказать трудно, и онъ самъ старался о томъ не думать. Васильевъ писалъ ему нѣсколько разъ, что семья его живетъ хорошо и ни въ чемъ не нуждается. Заработывая довольно много, Озеринъ оставлялъ себѣ едва необходимое; его жизнь была непрерывный трудъ и непрерывное самоотверженіе. Онъ положилъ въ него всю душу, всѣ желанія, мысль и умъ, потому что, кромѣ своей оцѣненной механической работы, не думалъ ни о чемъ больше; онъ засыпалъ и просыпался съ мыслью только о ней. Для чего дѣлалъ онъ это? для чего не сближался ни съ кѣмъ? для чего, часто имѣя возможность, отказывалъ себѣ въ самыхъ дешевыхъ удовольствіяхъ? для чего запрещалъ себѣ размышлять? для чего забывалъ все, кромѣ черствой дѣйствительности жизни? — онъ не спрашивалъ себя, потому что зналъ отвѣтъ: онъ чувствовалъ, что не долженъ оглядываться...

Но ему пришлось оглянуться. Онъ получилъ письмо отъ матери, что Покорскій умеръ скоропостижно, не сдѣлавъ никакого распоряженія, и что его племянница уже пріѣхала и приняла наслѣдство. Письмо, писанное Катей, противъ обыкновенія, было полно размышленій; въ немъ говорилось о томъ, «что счастье дается тѣмъ, кто его не ожидаетъ и не стоитъ; что бываетъ оно въ рукахъ, да не остается по милости другихъ; что можно бы потерпѣть полгодика для того, чтобъ быть самовластнымъ господиномъ, а теперь — Богъ вѣсть, какъ жить, и что, и все недостатки, и все нужда, и когда все это кончится?..»

Озеринъ оглянулся на жизнь... Будущее, въ самомъ дѣлѣ, показалось ему безконечно длинно...

УТРЕННІЙ ВИЗИТЪ.

СЦЕНА.

1852 г.

I.

Гостиная, убранная очень просто, хотя изящно; мебель сдвинута уютно, безъ симетріи; множество цвѣтовъ на окнахъ и въ жардиньеркахъ; на стѣнахъ нѣсколько картинъ. На столѣ, предъ маленькимъ диваномъ, въ глубинѣ комнаты, женская работа: корзинка съ шерстями, узоръ и прочее; на другомъ столѣ, у окна, рисованье Вѣры.

ВѢРА [дѣвушка лѣтъ 25, одѣта просто, но со вкусомъ; она рисуетъ, не поднимая головы и задумавшись].

АННА АЛЕКСѢЕВНА [мать ея, входитъ]. Что-жъ, Вѣрочка, ты не одѣнешься?

ВѢРА. Нѣтъ, мама.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Но кто нибудь можетъ заѣхать.

ВѢРА [весело]. Развѣ ты находишь, что я недовольно хороша и такъ?

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Ты всегда хороша, мое дитя, но изъ чего-жъ, помилуй, одѣваться такой старухой? темное платье, закутана. Прилично ли молодой дѣвушкѣ?..

ВѢРА. Ты забыла, что я не молодая дѣвушка.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Такъ тѣмъ больше. Развѣ можно понравиться кому нибудь, когда такъ, сразу, даже своимъ нарядомъ ты показываешь, что не хочешь нравиться? Этимъ можно оттолкнуть только. [Садится за свою работу].

ВѢРА [помолчавъ, встаетъ и подходитъ къ ней]. Знаешь, мама...

АННА АЛЕКСѢЕВНА [немного недовольна]. Что?

ВѢРА. Пожалуйста, не думай, что это капризъ; я это обдумала. Ты сейчасъ говоришь, что я отталкиваю моимъ обращеніемъ...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Конечно, я это говорю. Ты или молчишь, или разговариваешь серьезно; ни шутки, ни игривости... да я даже не умѣю объяснить! Пожалуйста, не сердись, Вѣрочка, но я тебѣ скажу откровенно, что будь я молодой человѣкъ, мнѣ съ тобой было бы скучно... Пожалуйста, не сердись.

ВѢРА. Сердиться!..

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Положимъ, ты всегда была небольшая охотница до выѣздовъ, до удовольствій, но теперь я ужъ не знаю, что съ тобою сдѣлалось, или что ты съ собой дѣлаешь. Цѣлый день ты за своей работой, или за своимъ рисованіемъ... положимъ, ты въ самомъ дѣлѣ рисуешь прекрасно, у тебя талантъ, но вѣдь на все мѣра; вѣдь можно когда нибудь и оторваться отъ своего рисунка. А то, нѣтъ. Молодые люди пріѣдутъ, не отцу же, или мнѣ ихъ занимать; ты не встаешь съ своего мѣста, не обращаешь вниманія... Видятъ, что ты хороша, знаютъ, что ты умна и любезна: отъ тебя ждутъ любезности, тебя хотятъ слушать, и все это кончается односложнымъ, пустымъ какимъ-нибудь разговоромъ! Помилуй, такъ никогда не понравишься.

ВѢРА. О милая мама! значитъ, я не могу нравиться.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Вотъ идея! стоитъ

вообразить, конечно, такъ и будетъ, такъ и есть...

ВѢРА. И всегда такъ было. Ты сама говоришь, что прежде я была мила и любезна, и конечно, я была лучше, нежели теперь...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Полно, сдѣлай милость, посмотри на себя. Конечно, если ты станешь закутываться въ черное...

ВѢРА [улыбаясь]. Ты не хочешь замѣтить моего кокетства: ко мнѣ идетъ черное.

АННА АЛЕКСѢЕВНА [съ досадой]. Очень!

ВѢРА. Что-жъ дѣлать, я не могу выгнать изъ головы мысль, что я буду смѣшна въ розовомъ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Смѣшна? кому? Я думаю, если замѣчаютъ твой нарядъ, то скорѣе смѣются надъ этимъ.

ВѢРА. Я боюсь, что мнѣ самой будетъ смѣшно.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Вотъ этого я никакъ не понимаю!

ВѢРА. Я очень хорошо помню свои лѣта. Я не имѣю глупости тосковать о томъ, что Богъ далъ мнѣ пожить на свѣтѣ, но очень чувствую, что идетъ къ моимъ годамъ, что нѣтъ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Сколько старше тебя Сашенька Короповская? Она была у насъ вчера вся въ розовыхъ лентахъ.

ВѢРА. Vieille fille fait jeune femme; Сашенька вышла замужъ на прошлой недѣлѣ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. А почему же ты не замужемъ?

ВѢРА [помолчавъ]. Не знаю.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Вовсе не потому, что у тебя нѣтъ состоянія, а потому, что ты не умѣешь нравиться... или, пожалуй, не хочешь, но это еще хуже. Это доказываетъ такую холодность, гордость сердца, которая угадывается сразу, и спроси кого хочешь, если не вѣришь мнѣ, только въ романахъ добиваются любви неприступныхъ красавицъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ оставляютъ въ покоѣ съ ихъ гордостью. То же случается и съ тобою... Ты согласна? Не сердись пожалуйста.

ВѢРА [рисуя]. Нисколько, увѣряю тебя. Можетъ быть, ты и права.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Можетъ быть. Никогда не скажетъ прямо «да».

ВѢРА. Мудрено сказать это, мама. Если это такъ въ самомъ дѣлѣ, то, стало быть, я родилась такъ. Можетъ быть, я скучна тѣмъ, что неигрива и некокетлива, но мнѣ самой еще скучнѣе. Не знаю, чего бы я дала, чтобъ заниматься тѣмъ, что занимаетъ другихъ, но не могу. Когда я была моложе, меня еще веселили наряды, танцы; теперь, право, я счастлива только тогда, когда, вотъ такъ, могу сидѣть покойно и дѣлать свое дѣло. Посторонній, что называется, молодой разговоръ мнѣ въ тягость.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Хорошо; но вѣдь это должно же чѣмъ нибудь кончиться.

ВѢРА. Да это кончилось. Мы останемся вѣчно такъ, ты за своей работой, я за своей. Съ тобой мнѣ легко и весело.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Пріятная перспектива.

ВѢРА [взглядываетъ на нее и продолжаетъ, будто не разслышавъ ея словъ]. Я не въ состояніи, какъ другія, до послѣдней невозможности держаться за свою молодость, надѣяться до послѣдней крайности, стараться до послѣднихъ силъ... Я не могу дѣлать того, что нахожу смѣшнымъ въ другихъ... Обвиняй себя, мама: ты сама дала мнѣ это прямое понятіе.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Извини, мнѣ никогда въ голову не входили подобныя нелѣпости.

ВѢРА. Наконецъ, не правда ли, ты хочешь, чтобъ я была счастлива? Я выбрала себѣ положеніе, и счастлива въ немъ; для чего же мнѣ хлопотать, чтобъ перемѣнить его? И хлопотать напрасно, потому что много лѣтъ выѣздовъ, нарядовъ ни къ чему не послужили. Теперь ужъ поздно!.. [Нѣсколько минутъ молчанія. Вѣра встаетъ и ходитъ по комнатѣ, потомъ съ нѣжностью обращается къ матери]. Я пожила на свѣтѣ, мама, довольно! Благодарю тебя, что ты меня веселила и утѣшалась мною. Теперь мнѣ ненужно ничего больше, и всякая забота будетъ напрасна; на меня не взглянетъ никто, а еслибъ и взглянулъ... не знаю, мнѣ кажется я сама бы отвернулась!..

II.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [отецъ Вѣры, красивый старикъ, съ благороднымъ и добрымъ лицомъ. Войдя, онъ цѣлуетъ жену; Вѣра подходитъ къ нему]. Здравствуйте. Я думалъ, что васъ нѣтъ дома. Погода хороша.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Что ты сегодня такъ рано воротился изъ должности?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Дѣлать нечего. Да! къ вамъ будетъ гость... Покажи, что ты тутъ дѣлаешь, Вѣра. [Беретъ ея рисунки]. О! славно... постой, постой... нѣтъ, такъ, я думалъ, что такое, а это тѣнь — славно... Къ вамъ гость будетъ; да знаете ли кто?.. Не дѣлай слишкомъ ярко, Вѣра... Газеты есть на почтѣ?

ВѢРА. Вотъ онѣ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Что хорошаго?

ВѢРА. Я не смотрѣла.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Э, душа моя, какъ же такъ? [Беретъ газету и садится на ея мѣсто]. Ты охладѣваешь къ общественнымъ интересамъ... А вотъ, видишь, вотъ оно и любопытное... о, и очень! [Весь погружается въ свою газету. Вѣра тихонько беретъ свой рисунокъ и садится на другой сторонѣ стола, передвигая краски и прочее].

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Полно тебѣ съ твоей политикой, скажи лучше что нибудь. Кто хотѣлъ у насъ быть?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [читая]. Что?

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Какой гость къ намъ будетъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Никакъ не угадаешь—Зуратовъ. [Вѣра оглядывается].

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Петръ Ивановичъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Да, изъ Петербурга... Сейчасъ его встрѣтилъ; хлопочетъ въ приказѣ. Ничего не постарѣлъ, молодцомъ; подчерненъ, какъ прежде. Увидѣвъ меня: «Mon Dieu»! и французитъ попрежнему. [Заглядываетъ въ газету]. Однако, въ Ліонѣ опять что-то... прочти, Вѣра.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Какъ вы съ нимъ встрѣтились?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [разсѣянно]. Помилуй, чтожъ? мы никогда не были ни друзьями, ни врагами, а просто сосѣдями по деревнямъ. Ему повезло; я продалъ послѣднюю, а онъ накупилъ другихъ и мою въ томъ числѣ. Успѣлъ ужъ мнѣ разсказать, что насадилъ аллеи отъ нашей большой усадьбы до своей, знаешь, черезъ весь выгонъ, башни разныя строитъ. У него теперь тысяча душъ, если не лжетъ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Что все «лжетъ».

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Кажется, онъ этой привычки не оставилъ. [Беретъ газету].

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Однако, теперь у него славное состояніе.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Семья велика, человѣкъ десять.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Но все-жъ вспомнилъ онъ насъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Какъ же. Комплименты такіе... «Что ваша супруга, помнитъ ли, какъ мы съ ней разводили геранію?..» Онъ думаетъ, что скоро здѣсь отдѣлается, мѣняетъ билетъ какой-то и хочетъ кончить все сегодня. Я ему сказалъ, что придется пожить денька три. Много важничаетъ. Я ему сказалъ...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Что ты, помилуй!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. А что-жъ мнѣ? Я сказалъ, что всякому время дорого, что, кромѣ его дѣла, есть и другія; успѣютъ кончить въ присутствіе—хорошо, а нѣтъ—для него не въ очередь не станутъ работать... право!

АННА АЛЕКСѢЕВНА [качаетъ головой, послѣ минутнаго молчанія]. Есть съ нимъ кто нибудь изъ дѣтей?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Не знаю, не спросилъ. Да кому же быть? одни учатся, другіе, я думаю, ужъ на службѣ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Я думала, старшій сынъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Старшій давно служитъ. [Читаетъ].

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Какой онъ милый былъ, этотъ Ваничька! Помнишь его, Вѣра?

ВѢРА [рисуя]. Помню.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Въ немъ было что-то такое кроткое, задумчивое. На мать онъ похожъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [разсмѣявшись, оставляетъ газету]. Ахъ, душа моя, вотъ похвалила! Мать пренесносная, а молодой Зуратовъ тѣмъ и хорошъ, что нисколько не похожъ ни на отца, ни на мать; дѣльный малый, откровенный и благородный, если не свернулся. Вѣдь онъ цѣлыя десять лѣтъ, какъ ужъ на своей дорогѣ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Десять! Что ты? Онъ послѣдній разъ пріѣзжалъ въ Сотино на вакацію, былъ тогда на выпускѣ, стихи Вѣрочкѣ писалъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Такъ что-жъ? сколько лѣтъ Вѣрѣ?

ВѢРА [рисуя]. Двадцать-шесть.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Все равно; мы его видѣли потомъ. Да не дальше, какъ два года назадъ, когда я съ Вѣрочкой жила зиму въ Москвѣ, онъ всякій день бывалъ у насъ. Я думаю, Вѣрочка это очень помнитъ.

[Молчаніе. Александръ Сергѣевичъ прочитываетъ оба нумера газеты].

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Ничего нѣтъ больше?

ВѢРА. Ничего.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Ни журналовъ, ни писемъ?

ВѢРА. Ни журналовъ, ни писемъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Жаль... А впрочемъ, прекрасно; можно ничего не дѣлать. Блаженъ человѣкъ ничего-недѣлающій! Вотъ такъ... [обходитъ окна и жардиньерки]. А розы сбираются еще цвѣсть... Когда-бъ я имѣлъ возможность, вотъ такъ прогуливаться по необозримымъ цвѣтникамъ, чтобъ кругомъ меня шумѣли фонтаны, соловьи пѣли, ласточки кружились, виноградъ висѣлъ прямо надъ головой... тогда-бъ я и газетъ не сталъ

открывать — подписку даю! Тамъ спорятъ, въ другомъ мѣстѣ дерутся: не шутя все сердце измучатъ. И ничего бы не дѣлалъ, и не заглянулъ бы въ свою палату... Такъ, что ли, Вѣрочка? [Обнимаетъ ее и наклоняется къ ея работѣ]. Что ты задумалась?.. Славная вещь выходитъ у тебя эта картинка; руки тебѣ Богъ далъ золотыя.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Да, Зуратовъ былъ милый, прекрасный молодой человѣкъ; теперь, можетъ быть ужъ и женился.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Вотъ этотъ отблескъ, Вѣра, чуть-чуть порозовѣе... такъ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Что, дочь Зуратова, я думаю, ужъ большая дѣвушка?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Конечно.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Хорошенькая она была, я помню, ловкая. Какъ она танцовала!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. У тебя добрѣйшее сердце, другъ мой.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Знаешь, это, наконецъ, досадно: по тебѣ нѣтъ ничего хорошаго. Катенькой Зуратовой здѣсь всѣ любовались.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. — Кто-жъ это «всѣ»? Вы, барыни, любуетесь, когда дѣвочку едва не отъ пеленокъ заставляютъ ломаться, плясать качучу; а всякій благоразумный человѣкъ только смѣется. Нѣжнѣйшіе родители умиляются; Марья Григорьевна сидитъ, руки на груди, въ головѣ у ней колыхаются семь перьевъ, всѣхъ цвѣтовъ радуги; Петръ Иванычъ бѣгаетъ и всѣмъ рекомендуетъ посмотрѣть на его дочь...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Ты, кажется, хочешь осмѣять и чувство отца и матери.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Да помилуй, другъ мой, что-жъ это за чувство? Развѣ я самъ не отецъ? Чѣмъ и когда наша Вѣра была хуже Зуратовой? но я бы никогда себѣ не позволилъ такъ глупо выставлять ее на показъ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Вѣра!.. Я всегда была безпристрастна и къ своему, и чужому... Зуратова прелесть какъ хороша!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [немного обиженъ]. Ну, у тебя свой вкусъ и свои понятія о вещахъ. [Молчаніе]. Ты спроси, что выиграла Зуратова тѣмъ, что отецъ и мать ее наряжали, выказывали и толковали о ней, какъ о чудѣ?

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Я не знаю, что выиграла Вѣра, прячась въ свой уголъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Очень много: надъ ней не смѣются.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Найдутъ чему, если захотятъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Да найти все можно, пожалуй, но дѣло въ томъ: кто найдетъ, стоитъ ли дорожить такимъ мнѣніемъ...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Такъ, по твоему, цѣлый свѣтъ ничего не понимаетъ, потому что всѣ были въ восхищеніи отъ Катеньки Зуратовой. И посмотри, она теперь выѣзжаетъ, составитъ прекрасную партію.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. У этихъ барынь, съ чего ни начни, все кончатъ замужествомъ. Ну, она составитъ партію — дай Богъ ей; она, можетъ быть, въ душѣ добрая дѣвушка, но что-жъ изъ этого? Развѣ непремѣнно выходятъ замужъ хорошія, а остальныя, не замужемъ, дурныя?

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Не знаю; но я увѣрена, что Петръ Иванычъ ее устроитъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Очень возможно: у него есть состояніе, или обманетъ кого нибудь, наобѣщаетъ золотыя горы... Вѣдь это не всякій можетъ сдѣлать. [Молчаніе].

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Какъ, я думаю, имъ весело теперь въ Петербургѣ; семья большая.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [прохаживается около цвѣтовъ и часто заглядываетъ въ работу Вѣры].— Конечно, въ Петербургѣ весело тому, кто можетъ всѣмъ пользоваться; а если нѣтъ, то не знаю какъ другимъ, а мнѣ было бы скучнѣе. «Не видишь — не бредишь», поговорка справедлива.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Но все же...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Право. Здѣсь, напротивъ, я не имѣю возможности слушать оперу; но и тотъ, и другой тоже не имѣютъ возможности, потому что оперы здѣсь нѣтъ, и всѣ, волей-неволей, сидятъ дома. А тамъ, помилуй, изсохнешь отъ зависти... Такъ ли, Вѣра?

ВѢРА [смѣясь]. Вы шутите, папа; развѣ вамъ легче, когда и у вашего ближняго нѣтъ того, чего у васъ нѣтъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. А что ты думаешь? легче. Такова ужъ гадкая человѣческая натура. Не видишь у другого — самъ не желаешь и покоенъ, или, по крайней мѣрѣ нѣтъ этихъ порывовъ. А у меня, вѣдь, глупый характеръ. Вотъ, ты теперь рисуешь пейзажъ, ты думаешь, куда у меня уходитъ мысль? Я воображаю, какъ тебѣ тяжело, что ты никогда не видала и не увидишь ни природы, ни мѣстности лучше нашей, какъ ты стремишься, терзаешься... Я хорошо тебя знаю, твои понятія и наклонности: ты бы сейчасъ полетѣла... Ну, а мнѣ тяжело: я не могу тебѣ этого доставить.

ВѢРА [слушала его не работая, но потупивъ глаза въ рисунокъ; она оборачивается къ отцу и отвѣчаетъ

весело]. Будьте покойны, папа, я, право, ничего не хочу.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Да и было бы очень странно желать и терзаться, какъ ты говоришь. Что за романическія выходки! Еслибъ она въ ея лѣта и зная свое положеніе, вздумала мечтать о вояжахъ—помилуйте, да это, просто, была бы бѣда. Что за прихоти!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Развѣ я о прихотяхъ говорю?

ВѢРА. Я знаю, о чемъ вы говорите, папа. Та же прихоть, только прихоть души... Но во мнѣ нѣтъ и ея; я покойна и довольна тѣмъ, что есть кругомъ меня.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Хорошо, если такъ. Ты благоразумна, или такъ создана, что нѣтъ въ тебѣ этихъ стремленій; но спроси другихъ. Не то, чтобъ, какъ ваши модныя барыни—закапризничаютъ, и тотчасъ нужна перемѣна воздуха, а просто, томитъ сердце, душа тоскуетъ, глаза хотятъ изящнаго. Присмотрится наше житье-бытье, прислушаются наши сплетни, особенно, когда у кого, какъ у тебя, голова не набита балами...

[Вѣра наклонилась надъ рисункомъ, но не работаетъ: она задумалась, такъ что слушаетъ не слыша. Анна Алексѣевва спокойно вышиваетъ и смѣется).

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Мечтанія, другъ мой!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. А что-жъ развиваетъ эти мечтанія? вотъ такія книги [показываетъ на книгу, лежащую на столѣ предъ Вѣрой]. Я ужъ вовсе не мечтатель, старикъ, а прочелъ, и всю ночь снилась Альямбра! Это самыя опасныя книги—путешествія; я бы ихъ строжайше запретилъ; онѣ хуже вашихъ романовъ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА [смѣется]. Ну, ужъ позволь не согласиться!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ. Подумай, такъ согласишься. Вы боитесь, что дѣвушка прочтетъ романъ и—кончено, воображеніе у нея возмутилось, сердце разстроено. Пройдетъ, все вылетитъ изъ головы; а это такого рода впечатлѣніе, которое остается навѣкъ. Тамъ, она знаетъ, что читаетъ выдумки и не встрѣтитъ въ жизни ничего подобнаго; а тутъ, все истина, всѣ эти наслажденія существуютъ, достаются другимъ... Вотъ и мученіе.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Но вѣдь надо родиться съ такой восторженной головой.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Не однѣ восторженныя; самыя положительныя и тѣ увлекаются. Потому я и говорю, что эти книги опасны; вотъ гдѣ зло: указываютъ человѣку, къ чему должно стремиться—танталово мученіе! На что мнѣ это знать? Я счастливъ, когда ничего не знаю, не волнуй меня...

ВѢРА [взглядываетъ на него, улыбаясь]. Такъ вся бѣда отъ книгъ, папа?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Да, отъ книгъ, отъ вашихъ хорошихъ книгъ. Что-жъ мнѣ въ томъ, что онѣ развиваютъ мои понятія? гдѣ благо отъ этого? Или я замечтаюсь, захочу Богъ знаетъ чего, стану завидовать ближнему; или онѣ представятъ мнѣ такую истинную картину человѣческихъ страданій, что измучатъ меня, истерзаютъ... страдальцевъ заставятъ глубже понять свое положеніе; инымъ даже растолкуютъ то, чего бы они, можетъ быть, вовѣкъ не поняли, а средствъ для счастья не укажутъ... Что-жъ тутъ хорошаго?

ВѢРА. Что-жъ хорошаго не понимать и не знать? И развѣ это возможно? Книги только называютъ положеніе, а люди видятъ его и безъ книгъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Тѣмъ лучше значитъ, онѣ ни къ чему. Если я самъ знаю, для чего-жъ еще мнѣ растолковывать? Дайте мнѣ лучше забыться. И такъ жизнь тяжела, а еще разбирать ее каждую минуту, даже въ выдумкахъ не находить утѣшенія... Я старъ и сѣдъ, а мнѣ станутъ каждую минуту показывать зеркало — весело ли это? Я плачу, терзаюсь, взялъ книгу—и тамъ тѣ же слезы и страданія! Это меня заставитъ или роптать на судьбу, или ненавидѣть людей, которые ничего не хотятъ сдѣлать для счастья подобнаго имъ человѣка...

ВѢРА. Не хотятъ, или не могутъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Все равно! А не могутъ, такъ тѣмъ хуже; почему не могутъ?..

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Полно вамъ философствовать, пріѣхалъ кто-то.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [взглянувъ въ окно]. Зуратовъ. [Идетъ встрѣчать его].

III.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ЗУРАТОВЪ, старикъ, съ подчерненными волосами, немного худъ, держится «молодцомъ», говоритъ громко, развязно и съ жестами; одѣтъ небрежно, какъ люди, которые невысоко считаютъ общество, въ которомъ являются, но съ прикрасами, какъ человѣкъ, чувствующій свое достоинство; въ петлицѣ сюртука крестикъ, на рукѣ толстый перстень съ печатью, у часовъ огромная цѣпочка и брелоки.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Милости просимъ, Петръ Иванычъ. Узнаете ли? жена, дочь...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Вы ли это, мой добрый Петръ Иванычъ? сколько лѣтъ...

ЗУРАТОВЪ. Анна Алексѣевна! [Цѣлуетъ ея руку]. Да какъ же вы перемѣнились!

АННА АЛѢКСѢЕВНА. Я думаю.

зуратовъ. Не узналъ бы, право, не узналъ. Каково это! Notre bon vieux temps... А это... [Съ недоумѣніемъ взглядываетъ на Вѣру].

анна алексѣевна. Вы не узнали Вѣрочки?

зуратовъ. Mademoiselle Vérette! Боже мой!.. Но вѣдь это не удивительно, вѣдь я видѣлъ ихъ еще вотъ такими, малюткой, il y a dix ans. И притомъ, я не ждалъ встрѣтить: намъ сказали, что m-lle Vérette замужемъ... не помню кто говорилъ...

анна алексѣевна. И, нѣтъ еще...

зуратовъ. Да, я вижу... Впрочемъ, съ такой красотой... on ne manque pas d'adorateurs...

александръ сергѣевичъ. Присядьте, Петръ Иванычъ, разскажите, что́, какъ...

зуратовъ [садится]. Да что, mon cher, ваши присутственныя мѣста меня замучили. Я послѣ того, какъ съ тобой встрѣтился, цѣлый часъ тамъ толковалъ.

александръ сергѣевичъ. Я вамъ говорилъ...

анна алексѣевна. Что ваша Марья Григорьевна, какъ ея здоровье?

зуратовъ. Она и не знаетъ, что я здѣсь; я здѣсь совершенно неожиданно: ѣхалъ въ деревню (въ вашу!), а тутъ дѣла... Благодарю васъ; она здорова, только ужъ, знаете, свѣтъ, выѣзды... нѣтъ, не то, что молодость!

анна алексѣевна. А помните, какъ мы танцовали... балы у Рельковскаго?

зуратовъ. Оригинальные!.. Да умеръ онъ, старикъ; пора... Нѣтъ, моя Марья Григорьевна утомляется. Помилуйте, до четырехъ, до пяти часовъ на балахъ съ Cathérine, визиты, свои вечера, и такъ всякій день. Я имъ говорю только: не безпокойте меня, дѣлайте, какъ хотите... Устанешь, mon cher, работа, занятія тоже до поздней ночи— дѣятельная жизнь!

александръ сергѣевичъ. Не то̀, какъ бывало въ Сотинѣ, ужинаемъ засвѣтло подъ липами!

зуратовъ. Э, qu'est ce que c'est!.. Я еще сплю утромъ, а ужъ меня ждутъ люди, агенты мои; работаешь съ ними; тамъ ѣдешь, рыскаешь по дѣламъ... подряды... Des sommes immenses, mon cher! это все чрезъ руки проходитъ. Ну, и свои заботы—домъ: чтобъ это было все порядочно, мебель, люди. Вѣдь у меня пріѣздъ большой—нельзя же: дочь невѣста; это замѣчаютъ, и въ особенности, такая замѣчательная дѣвушка! Elle est charmante, mais chàarmante! Въ собраніе — это кружкй... талія и бюстъ превосходны! des bras... портретъ madame de Staël! одѣта въ совершенствѣ... это ужъ я забочусь. «Нѣтъ, говорю, Марья Григорьевна, вы хоть и нѣжная мать, но вы хозяйка, и вы мать, значитъ, баловница сыновей, дайте же мнѣ баловать дочку...»

анна алексѣевна. Ахъ, Петръ Иванычъ!..

зуратовъ. Mais, comment donc, конечно! И притомъ, женщины никогда не изучатъ всего, что можетъ нравиться; онѣ должны поручать украшать себя тѣмъ, кому желаютъ нравиться. Vous convenez, m-lle Vérette?.. Хотя, конечно, la beauté n'a pas besoin d'agréments, но въ Петербургѣ нельзя какой нибудь простенькій туалетъ... да и намъ-то, намъ мужчинамъ, нельзя, mon cher... Идешь по Невскому, встрѣчаешь... ну, такъ просто!.. задѣнешь иногда, а тутъ твое неуклюжее пальто какое нибудь... Это компрометируетъ: знаютъ, кто ты, и вдругъ... А услышатъ объ этомъ твои знакомые — можно всего лишиться, и связей и... всего! А у меня, mon cher, развѣ я одинъ? необходимо удержаться au niveau съ высшимъ-то полетомъ: объ одномъ похлопочешь, за другого просишь...

александръ сергѣевичъ. Конечно, человѣкъ обязанъ всѣми средствами сохранить свое вліяніе, если этимъ можетъ быть полезенъ для своихъ ближнихъ.

зуратовъ. А у меня, mon cher, посуди самъ, семь ихъ! Я ужъ не считаю Жана: этотъ самъ по себѣ, старшій!..

анна алексѣевна. Да, да, вѣдь у васъ ихъ восемь красавцевъ!

зуратовъ. Нѣтъ-съ, не всѣ красавцы. Я безпристрастенъ, право... Вотъ Теодоръ, пятый, весь въ меня, дурнашка такой... [Анна Алексѣевна одобрительно смѣется]. Но есть и хорошенькіе: Валентинъ, третій, un grand jeune homme, 22 года, статскій, выпущенъ въ прошломъ году, поэтъ... и знаетъ, злодѣй, что онъ хорошъ! задумывается, говоритъ увлекаясь, восторженная рѣчь... Mais je regrette... не зналъ я, что буду у васъ, я бы вамъ привезъ; онъ издалъ книжку своихъ стихотвореній: un succés fou!

анна алексѣевна. Ахъ, какъ же вы не подумали, какъ жаль!.. Вѣра! [дѣлаетъ ей знакъ] слышишь, Петръ Ивановичъ забылъ...

вѣра [оставляя на минуту свой рисунокъ]. Да, вы доставили бы намъ большое удовольствіе.

зуратовъ. Je n'en doute pas... Это такой талантъ! Журналы наши—вѣдь, это самая черная зависть, il n'y a pas à parler!.. Но въ салонахъ, я вамъ говорю [исключительно обращается къ Вѣрѣ] les dames, эти его на рукахъ носили. La petite princesse Башлыковъ—вы знаете, поэтесса—та ему букетъ и посланіе...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [смѣясь]. А онъ что-жъ?

ЗУРАТОВЪ. Что̀ онъ? Я говорю: «вы, туманныя головы, не понимаете житейскихъ интересовъ...» Написалъ къ Діанѣ, къ Гекатѣ что-то тако̀е... Ледъ!.. Впрочемъ, вѣдь это привилегированныя натуры — поэты, не шутя: ихъ постичь трудно; ils en veulent plus que nous ne pouvons... Но, что̀ мило, это его споры съ братомъ, съ Леономъ, съ четвертымъ; этотъ годомъ его моложе, гвардеецъ, ловокъ и ужъ дамскій угодникъ; весь въ балахъ... Это моя бабочка, я его называю...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Какъ я думаю, Марья Григорьевна счастлива!

ЗУРАТОВЪ. И не говорите мнѣ! Сыновья— это настоящая республика, тутъ я и власть и силу теряю...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Малютки—вотъ я думаю, душки! я помню ихъ, когда мы еще жили въ деревнѣ...

ЗУРАТОВЪ. Да кто-жъ теперь малютки? Дома одинъ баловень, самый меньшой, восьмой, Эсперъ — мученіе мое; не знаю, какъ его отнять у Марьи Григорьевны. Впрочемъ, не знаю, какъ самъ съ нимъ разстанусь. Это такой ребенокъ... такія способности... такое соображеніе... Нѣтъ вещи, которой бы онъ не понялъ и не обсудилъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Вотъ это счастье въ мальчикѣ!

ЗУРАТОВЪ. Да ты думаешь, къ чему способность... ко всему—это ужъ я не говорю— но особенная къ механикѣ! Если онъ не найдетъ вѣчное движеніе, такъ вспомни мои слова. Геніальный ребенокъ! Отъ него, просто, прячутъ часы, запираютъ; найдетъ, разберетъ, развинтитъ — и кончено. И посуди, ему только 11 лѣтъ... Вѣдь, такъ, mon cher, онъ до паровыхъ машинъ доберется, чего добраго, изобрѣтетъ!

ВѢРА. Но такъ какъ онѣ уже изобрѣтены... [мать взглядываетъ на нее строго].

ЗУРАТОВЪ [Вѣрѣ]. C'est cela même! Вы не спорьте противъ предопредѣленія. За нѣсколько дней до рожденія Эспера, у меня въ деревнѣ такъ всѣ часы въ домѣ перепортились, что всѣ стали; я даже не знаю, въ которомъ часу онъ родился, alors, voyez-vous!

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Конечно, это странно, это что нибудь значитъ.

ЗУРАТОВЪ. Mais, я убѣжденъ!.. Да и нельзя съ такой семьей не быть фаталистомъ, помилуйте! Вотъ, я знаю, что мой Теодоръ будетъ морякъ — это я знаю. Задумалъ онъ, проситъ, отдай я его въ агрономическое училище; но я сказалъ: «нѣтъ»... Помилуйте, взгляните на него: весь складъ, вся походка юнга съ американскаго парохода. Я и сказалъ: «нѣтъ, братъ, говорю, гдѣ тебѣ пахать и сѣять? ступай, открывай Америку!»

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Ахъ, Петръ Иванычъ! такой же весельчакъ, какъ и былъ! [Общій смѣхъ, хотя съ совершенно различнымъ выраженіемъ. Александръ Сергѣевичъ подходитъ къ Вѣрѣ и смѣется, глядя на нее. Анна Алексѣевна протягиваетъ руку Зуратову, тотъ пожимаетъ ее весело и безцеремонно].

ЗУРАТОВЪ. Помилуйте, что̀ мнѣ не быть веселымъ! Я могу быть озабоченъ, правда, свыше головы озабоченъ—вы этого понять не можете съ вашимъ состояніемъ. Эти счеты, учеты... Богъ съ ними!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Ну, своя ноша не тянетъ.

ЗУРАТОВЪ [встаетъ и подходитъ къ нему и Вѣрѣ]. Да ты подумай, mon cher... [взглядываетъ на рисунокъ]. Quel talent... это вы... vous copiez?

ВѢРА. Нѣтъ.

ЗУРАТОВЪ. У моей Cathérine огромный талантъ! Вотъ какъ [обращается къ Александру Сергѣевичу]: ей профессора академіи говорили: «бросьте все и рисуйте, только рисуйте, ничего больше, какъ рисуйте...» Она, вѣдь, страстна pour le dessin; она въ академіи каждый день...

ВѢРА. Вотъ счастливица! И она много занимается?

ЗУРАТОВЪ. И, нѣтъ, когда-жъ? Вѣдь это надо посвятить себя, сидѣть дома; ça gâte la taille, сидѣть нагнувшись... et puis, ces artistes, такой народъ... Я рѣшительно возсталъ, и потомъ [обращается къ Аннѣ Алексѣевнѣ] какъ вы думаете, кто мнѣ помогъ?

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Кто?

ЗУРАТОВЪ. Францъ Листъ! Онъ у насъ былъ на этотъ споръ... Онъ всякое утро приходилъ, просто, играть съ Катенькой. Онъ говоритъ: «Если вы оставите рояль для этого... bousillage, пачкотни, и я бросаю музыку. Говорите: хотите ли вы этого? говорите!..» А она... что ужъ и говорить! J'y ai mis bon ordre, однако, этимъ артистическимъ восторгамъ, сказалъ Марьѣ Григорьевнѣ: «вывозите ее, развлеките ее свѣтомъ: въ свѣтѣ все забывается!»

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Да, конечно.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. А ваша дочь хорошая музыкантша?

ЗУРАТОВЪ. Sublime, mon cher! Я не знаю, что̀, впрочемъ, лучше она: играетъ или поетъ; многіе не могутъ выносить ея голоса. Но какъ она граціозна! Это духъ, дуновеніе одно, а не дѣвушка! Когда танцуетъ, я, просто, боюсь, улетишь ты у меня, или тебя

умчитъ кто нибудь — и кончено. И ловка, какъ свѣтская женщина... Откуда, спрашиваю я васъ, у дѣвушекъ берется эта игривость, эти манеры, шикъ этотъ? Ну, воспитаніе; конечно, для нея ничего не щадили, но все же сама природа-то много сдѣлала... Que d'esprit!.. Напримѣръ, вотъ недавно, на одномъ вечерѣ... у графини Бредилевичевой, я смотрю: сардинскій посланникъ сидитъ, чуть не дремлетъ... ну, некому занять его — это понятно... Увидѣлъ Cathérine — ожилъ; подходитъ къ ней, и — оторваться не могъ! Благодаритъ меня: «Я, говоритъ, до этой минуты не слышалъ ни родныхъ звуковъ, ни родного языка на вашемъ сѣверѣ; это—флорентинка!» Что-жъ мнѣ? «Много чести», говорю. Спрашиваю только: «чѣмъ же могла занять васъ эта дѣвочка, васъ, человѣка государственнаго». — «Не спрашивайте, говоритъ, прелестное существо! все умѣетъ облечь въ прелестную форму, даже нашу сухую, черствую политику!» Нашлась!.. Да я говорю, что это бѣда: на гуляньяхъ, на балахъ, это, вотъ, по пятамъ за ней все!.. Если разсказывать, когда, и ка̀къ, и кто... такъ можно сказать, что я лгу, просто!

АННА АЛЕКСѢЕВНА [немного затруднена]. — Нѣтъ, конечно...

ЗУРАТОВЪ. Для этого-то, вѣдь, и не выѣдешь изъ Петербурга. Вѣдь, что-жъ, mon cher, чего-жъ здѣсь и ждать, dans ce trou, гдѣ вы живете, вѣдь c'est un trou! Я въѣхалъ — испугался. Гдѣ дома? говорю, укажите мнѣ, гдѣ здѣсь люди?.. une horreur! семь часовъ утра — ужъ всѣ вскочили... А какія шляпки я видѣлъ на вашихъ улицахъ, ну, ужъ je vous demande pardon, э-это прелесть!..

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Э, батюшка, что̀ такъ немилосердо! Давно ли вы сами здѣсь жили-поживали, да еще и не въ губернскомъ городѣ, а въ деревнѣ, верстъ за сто? Вспомните, наши супруги сами щеголяли въ прошлогоднихъ шляпкахъ.

ЗУРАТОВЪ. Когда-жъ это?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Какъ, когда? Въ деревнѣ, попросту, безъ затѣй. Вы тогда пріѣхали съ вашей Марьей Григорьевной, получили наслѣдство послѣ вашего батюшки; домъ-то былъ на боку, все было запущено, и хозяйство, и все; надо было строиться... Еще лѣсъ вамъ поставлялъ, своего не было, купецъ Поташовъ — славный старикъ, царство ему небесное...

ЗУРАТОВЪ. Поташовъ... право, не помню.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Какъ же, умный былъ, честный старикъ, и презабавный. Бывало — помните? моритъ насъ со смѣху — у меня соберемся...

ЗУРАТОВЪ. Не помню, вовсе не помню!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Да еще лѣсъ онъ вамъ въ долгъ ставилъ, выручалъ васъ; никакъ года два, больше, ждалъ. Извернуться-то трудно было; хорошо еще, что семья была невелика у васъ, двое только...

ЗУРАТОВЪ. Да, Жанъ и Грегуаръ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА [обрадовавшись возможности перемѣнить разговоръ]. — Ахъ! что-жъ вы о нихъ ничего намъ не сказали?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [прерываетъ жену и останавливаетъ Зуратова, который уже готовъ говорить]. — Я что̀ хочу сказать, что жили мы въ глуши, были мы небогаты, но весело жилось. Право, мы были не медвѣди, и читали, и занимались. Общество наше, право, было недурное общество; прехорошенькія были дѣвушки...

ЗУРАТОВЪ. О-о! entendez-vous? Слышите, m-lle Vérette, какъ вашъ папа̀ увлекается воспоминаніями? Continuez, mon cher, мы знаемъ, что ты всегда былъ дамскій угодникъ, и что Анна Алексѣевна драла тебя за уши... Voilà! [Хохочетъ; Анна Алексѣевна вторитъ ему, дѣлая знаки мужу].

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. И все вздоръ! Жены наши были милыя женщины...

ЗУРАТОВЪ. Un compliment à vous, madame!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Лучше, нежели теперь, потому что онѣ изважничались и стали чопорными барынями, а тогда держали себя мило и просто, не мечтали о высшемъ кругѣ; какіе Богъ имъ далъ таланты...

ЗУРАТОВЪ. Я помню только, была тамъ... какъ ее? барышня эта, съ гитарой...

АННА АЛЕКСѢЕВНА [въ восторгѣ, что можетъ прервать]. Любовь Аѳанасьевна.

ЗУРАТОВЪ. Я помню, какъ Любовь Аѳанасьевна пѣвала: «Ударилъ часъ...» Vous connaissez la romance, m-lle Vérette? спросите у своего папаши... Охъ, папаша! Это, mon cher, было когда-то хорошо...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Да, вѣдь, теперь совсѣмъ другое время.

ЗУРАТОВЪ. Vous avez parfaitement raison, pá-arfaitement! Другой вѣкъ—другія требованія. Теперь и не заглянешь въ деревню, а заглянешь — бѣжишь сломя голову...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Для чего-жъ вы затѣяли такія постройки въ Сотинѣ?

ЗУРАТОВЪ. Да вѣдь il faut donc avoir un pied-à-terre, пріѣдешь, не въ избѣ же жить. Домъ — вы помните — гадость была; а ужъ твой — я и не знаю что. Распорядился поправить это. Да еще мужиковъ надобно...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. У меня мужики были славно обстроены.

ЗУРАТОВЪ. То-то, mon cher, знаемъ мы: они были богаче тебя. Я ихъ переселяю—избаловались. А твой домъ—это клѣтки, заросъ весь въ рощѣ, зги не видно; только и годится, что на pavillon de chasse. Леонъ помѣститъ тамъ своихъ собакъ, когда пріѣдетъ въ отпускъ. Я велѣлъ запустить все, и садъ твой бывшій, пусть дичаетъ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Фруктовый?.. тамъ были отличныя яблони...

ЗУРАТОВЪ. Parlez m'en! старыя! Я самъ въ деревнѣ не живу, такъ мнѣ ихъ беречь развѣ для дохода, ça ne vaut pas la peine.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Какія же онѣ старыя?..

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Душа моя, Петръ Иванычъ знаетъ лучше: онъ хозяинъ.

ЗУРАТОВЪ. Конечно, c'est moi, вѣдь, qui suis le propriètaire. Къ тому же, вся эта деревня, всѣ эти затѣи для Грегуара.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Для вашего второго сына?

ЗУРАТОВЪ. Да. Онъ и Жанъ, старшій, это у меня философы. Они, вѣдь, очень ушли годами отъ другихъ братьевъ, ну, и très liés между собою, и заслужились, такъ что страхъ. Жану это ничего, а Грегуаръ слабаго здоровья; я его хочу вытащить, скажу: «оставька свою книжную и бюрократическую премудрость, да отдохни на лонѣ природы». И увезу его въ деревню; поживетъ лѣто.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. И больше можно: поучится, займется, похозяйничаетъ.

ЗУРАТОВЪ. О, нѣтъ, нѣтъ! Ему того-то и хочется, mon cher, да это не моя цѣль. Мы съ нимъ не поладимъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, a c'est une tête forte, o, il a des idées... Пусть онъ, просто, погоститъ да пофилософствуетъ dans la solitude—знаешь?..

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. А Иванъ Петровичъ, служитъ?

ЗУРАТОВЪ [безъ прежняго увлеченія]. Да... Жанъ счастливъ: ему везетъ. Серьёзный человѣкъ и нельзя сказать, чтобъ очень практическій. Мы его мало видимъ: все занятъ. Не танцуетъ; очки надѣлъ; читаетъ съ утра до ночи... Онъ, вѣдь, такимъ и обѣщалъ быть.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. О, нѣтъ! я помню, онъ живой былъ, веселый; развѣ петербургская жизнь...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Вотъ, я думаю, кому было бы пріятно пожить въ деревнѣ, въ Сотинѣ, это вашему Жану: тамъ прошли его лучшіе годы, дѣтство, первая молодость...

ЗУРАТОВЪ. О... oui, конечно.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Какъ онъ тогда пріѣзжалъ, студентъ, поэтъ... какъ онъ тогда хорошъ былъ!

ЗУРАТОВЪ. И, нѣтъ, онъ, знаете... нехорошъ, но distingué...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Ахъ, нѣтъ! очень хорошъ!.. я такъ это помню... Да вотъ Вѣра... вѣдь это первыя впечатлѣнія... Еслибъ они сошлись... я думаю, многое бы сотинскія аллеи напомнили Жану... [По какой-то странной тишинѣ Анна Алексѣевна замѣчаетъ, что увлеклась, впрочемъ, совершенно безъ намѣренія. Она осматривается. Мужъ внимательно глядитъ въ ближнюю жардиньерку; Вѣра прилежно рисуетъ; Зуратовъ какъ-то непокоенъ. Всѣ, кажется, какъ слѣдуетъ, заняты другъ другомъ, но всѣмъ какъ будто неловко. Анна Алексѣевна продолжаетъ, чтобы не замолчать]. Эти первые годы, эта поэзія...

ЗУРАТОВЪ [вертитъ свои брелоки и укрѣпляется на диванѣ]. Да-съ; mais, c'est passager!.. Онъ теперь далеко не тó. Я ему сказалъ, что «хоть и имѣю теперь прекрасное состояніе (двѣ тысячи душъ), но васъ много, mon cher, а съ твоей стороны какая нибудь глупость—вѣдь это разрѣшеніе другимъ на глупости. Ты старшій, такъ какъ знаешь...» А я его хорошо знаю... Притомъ, вѣдь, надобно, чтобъ и свѣтское положеніе, и все отвѣчало...

[Вѣра взглядываетъ на мать и опять принимается работать. Анна Алексѣевна не замѣчаетъ потому, что сильно сконфужена].

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ [оставя жардиньерку]. Иванъ Петровичъ служитъ у князя; это одно съ нами министерство.

ЗУРАТОВЪ. Да, mon cher, да!.. А князь какъ расположенъ къ нему — ты подумай. Жанъ тамъ весь день, работаетъ съ княземъ, обѣдаетъ... Et puis, le ministre вѣдь свой, родня.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Вамъ?

ЗУРАТОВЪ. Князю... А князь у меня очень часто, придетъ—я нанимаю домъ, такъ, въ двухъ шагахъ — придетъ, сидитъ, старенькій, бѣленькій. Cathérine ему поетъ. Иногда, нѣкогда, такъ ужъ ихъ вдвоемъ и оставишь, однихъ; просто, сидитъ себѣ, что нибудь такое на немъ на ватѣ... Ну, les grands diners—дѣло другое; я ему и говорю наканунѣ: «не угодно ли, ваше сіятельство, завтра ко мнѣ кушать, только ужъ не угодно ли и ленту надѣть...» право!.. Только, вотъ, навязалъ онъ мнѣ дѣло, старый, не знаю какъ быть...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Что такое?

ЗУРАТОВЪ. Да дѣло-то очень пріятное, только хлопоты. Видишь ли: присылаетъ одинъ день за мной, бѣгомъ... или, нѣтъ, самъ бѣжитъ. «Вотъ, говоритъ, пишутъ мнѣ изъ Крыма, продается имѣніе рядомъ съ моимъ...» Ты представь, вотъ имѣніе князя, вотъ Оріанда, а это тутъ между ними-то, въ

срединѣ. «Я, говоритъ, не хочу имѣть другого сосѣда, кромѣ тебя — покупай!» Чтó будешь дѣлать? L'argent, mon cher, ça ne me gêne pas; у меня не доставало бездѣлицы— въ то же утро нашелъ... Можешь меня поздравить владѣльцемъ, mais un bien magnifique! Виноградники... двадцать три тысячи однихъ миндальныхъ деревьевъ!.. un Eden... Я еще тамъ не былъ, но вотъ, какъ весна, ѣду. Вѣдь ce serait une bêtise отказаться изъ какихъ нибудь мелочныхъ разсчетовъ. Мы съ княземъ, какъ путь, такъ и ѣдемъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Что-жъ васъ затрудняетъ?

АННА АЛЕКСѢЕВНА [нѣсколько оправясь]. Это должно быть восхитительно!

ЗУРАТОВЪ. Sans doute, на южномъ берегу-то; вы, можетъ быть, на картинкахъ въ «Памятной Книжкѣ» видѣли? ну, вотъ... Да и невозможно не имѣть помѣстья въ Крыму, помилуйте! На дачахъ все присмотрѣлось, прислушалось; заграницей все вздоръ теперь такой. Cathérine ѣхать въ деревню, спросятъ: куда? Не сказать же: «въ Сотино», une trivialité comme cela! Да у меня же свои коммерческiе разсчеты; я, вѣдь, сталъ, mon cher, une commerçant jusqu'à la racine des cheveux. Но хлопоты... Большое имѣнiе; я управляющему назначаю шесть тысячъ въ годъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Славно!

ЗУРАТОВЪ. Sans doute, находка pour des petites gens, на готовомъ-то. Вы тутъ, въ провинцiи, рады, я думаю... ты что получаешь?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Три тысячи.

ЗУРАТОВЪ. Ну, voilà!.. Да хочешь ко мнѣ? Я для знакомаго набавлю, дамъ шесть тысячъ пятьсотъ, съ радостью... m-lle Vérette рисовала бы виды...

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Виды, конечно, чудесные.

ЗУРАТОВЪ. А ужъ вы, Анна Алексѣевна... тамъ сады, розы... Вы тутъ ухаживаете, вотъ, за этимъ [презрительный жестъ на цвѣты], а тамъ у меня... ну, лучше, чѣмъ у меня на дачѣ въ Павловскѣ... Рѣшайся, mon cher! полно вамъ коснѣть въ вашей провинцiи. Странная натура это, русскiй человѣкъ: нѣтъ стремленiя ни къ чему, къ выходу, вотъ изъ этого прозябанiя...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Чтò-жъ дѣлать! будемъ прозябать какъ нибудь. Я привыкъ служить, можетъ быть на своемъ вѣку и сдѣлалъ что нибудь доброе и отставать не стану.

ЗУРАТОВЪ. Mais, вѣдь, c'est de l'égoisme.

ВѢРА. Нисколько. [Отецъ взглядываетъ на нее съ нѣжностью].

ЗУРАТОВЪ. Тебѣ бы никакого не стоило труда: устроилъ тамъ все, привелъ въ порядокъ, наблюдай — и кончено. Я самъ туда переѣду, какъ покончу нѣкоторыя дѣла, особенно если устроится одинъ проектъ князя въ отношенiи Жана... Un projet en l'air: племянница князя — une charmante personne, полторы тысячи душъ—должна воротиться изъ-за границы. Мы съ княземъ рѣшили, что женимъ нашего философа, устроимъ ихъ, а сами на покой. Иногда, знаешь, mon cher, отзываются эти заботы—устаешь. Вы тутъ сидите въ вашихъ присутствiяхъ, не знаете, чтó такое это — утомленiе; а какъ тамъ, сегодня, завтра, министры да генералы, биржа да спекуляцiи, опера да то, да другое—и захочешь отдохнуть... Нѣтъ, я ужъ сказалъ: женю Жана, пошлю Грегуара въ деревню, Эспера въ школу, Марьѣ Григорьевнѣ деньги въ руки и заграницу съ Cathérine и двумя demoiselles de compagnie, а самъ съ княземъ въ Крымъ. Пора на покой.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Такъ вы всѣ и разлетитесь по разнымъ сторонамъ.

ЗУРАТОВЪ. Такъ всѣ и разлетимся. Да помилуйте, чтò это за патрiархальная жизнь, всѣмъ вмѣстѣ; j'ai vraiment l'air d'un patriarche! еще внучки пойдутъ, parlez m'en! Я еще хочу наслаждаться жизнью и свободой. Что-жъ вотъ такъ усѣсться, какъ онъ?..

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Что-жъ дѣлать, батюшка, усядешься.

ЗУРАТОВЪ. Il fallait prendre ses mesures, я тебѣ говорилъ: «эй, не пускайся въ обороты!» такъ и вышло: оборотилъ свое Сотино...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Ну, ужъ это старая исторiя.

ЗУРАТОВЪ [смѣется]. De l'histoire ancienne!.. Ахъ, да... Прощайте. Я засидѣлся у васъ...

АННА АЛЕКСѢЕВНА [встаетъ вслѣдъ за нимъ]. Все-таки были у насъ, не забыли своихъ старыхъ... знакомыхъ.

ЗУРАТОВЪ. Это вотъ онъ мнѣ встрѣтился; а то, право, не знаю, дѣлъ такая бездна... я вѣрно бы и не былъ у васъ.

АННА АЛЕКСѢЕВНА. Прощайте. Надолго ли теперь?

ЗУРАТОВЪ. Ужъ не знаю. Надѣюсь, никогда меня Богъ не занесетъ въ вашу глушь... C'est a y perdre la tête. Вѣрите ли, день пробудешь, такъ отъ всего отстанешь... одурѣешь. Прощай, mon cher, закоснѣлый мой провинцiалъ. Будешь въ Петербургѣ, заверни; впрочемъ, не знаю, найдешь ли меня дома.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ. Благодарю васъ.

[Зуратовъ прощается съ Анной Алексѣевной и кланяется Вѣрѣ].

анна алексѣевна. Поцѣлуйте за меня Марью Григорьевну, попросите, чтобъ не забывала... Cathérine, всѣхъ, всѣхъ вашихъ... Скажите, что я желаю имъ всего на свѣтѣ лучшаго... [Она и мужъ провожаютъ Зуратова].

IV.

Возвратясь, Анна Алексѣевна смотритъ въ окно. Александръ Сергѣевичъ подходитъ къ Вѣрѣ. Молчаніе.

александръ сергѣевичъ. Ты что-жъ не пожелала всего лучшаго?

вѣра [поднимаетъ голову отъ рисунка]. Кому, папа?

александръ сергѣевичъ. Кому?.. О, дитя мое! Что-жъ дѣлать!.. [Обнимаетъ ее съ нѣжностью]. Ты что, моя старуха?

анна алексѣевна. Ничего, душа моя, такъ.

александръ сергѣевичъ. Вотъ и философія, толкуйте какъ хотите! Вѣдь кто такой былъ Зуратовъ — ничего больше... а отчего-жъ это?.. И на себя оглянешься, и на другихъ, и прошлую жизнь вспомнишь... кажется, безпристрастно даешь цѣну всему; кажется, стоилъ бы самъ... Досадно! И соврать не смѣешь, когда чувствуешь, что у тебя въ карманѣ пусто...

конецъ перваго тома.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

стр.

Біографія .

Анна Михайловна. Повѣсть (1849 г.) . 1

Провинція въ старые годы:

Кн. I. Свободное время. Романъ (1855—1856) 53

Кн. II. Кто-жъ остался доволенъ? Романъ (1849—1852) 131

Кн. III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. Романъ (1854—1855) 222

Дневникъ сельскаго учителя (1850) . 321

Искушеніе. Повѣсть (1852) . 409

Утренній визитъ. Сцена (1852) . 461

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Chvoščinskaja-Zajončkovskaja, Nadežda Dmitrievna

Polnoe sobranie sočinenij V. Krestovskago

Bd.: 1

1892

4 P.o.russ. 1-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11519231-7